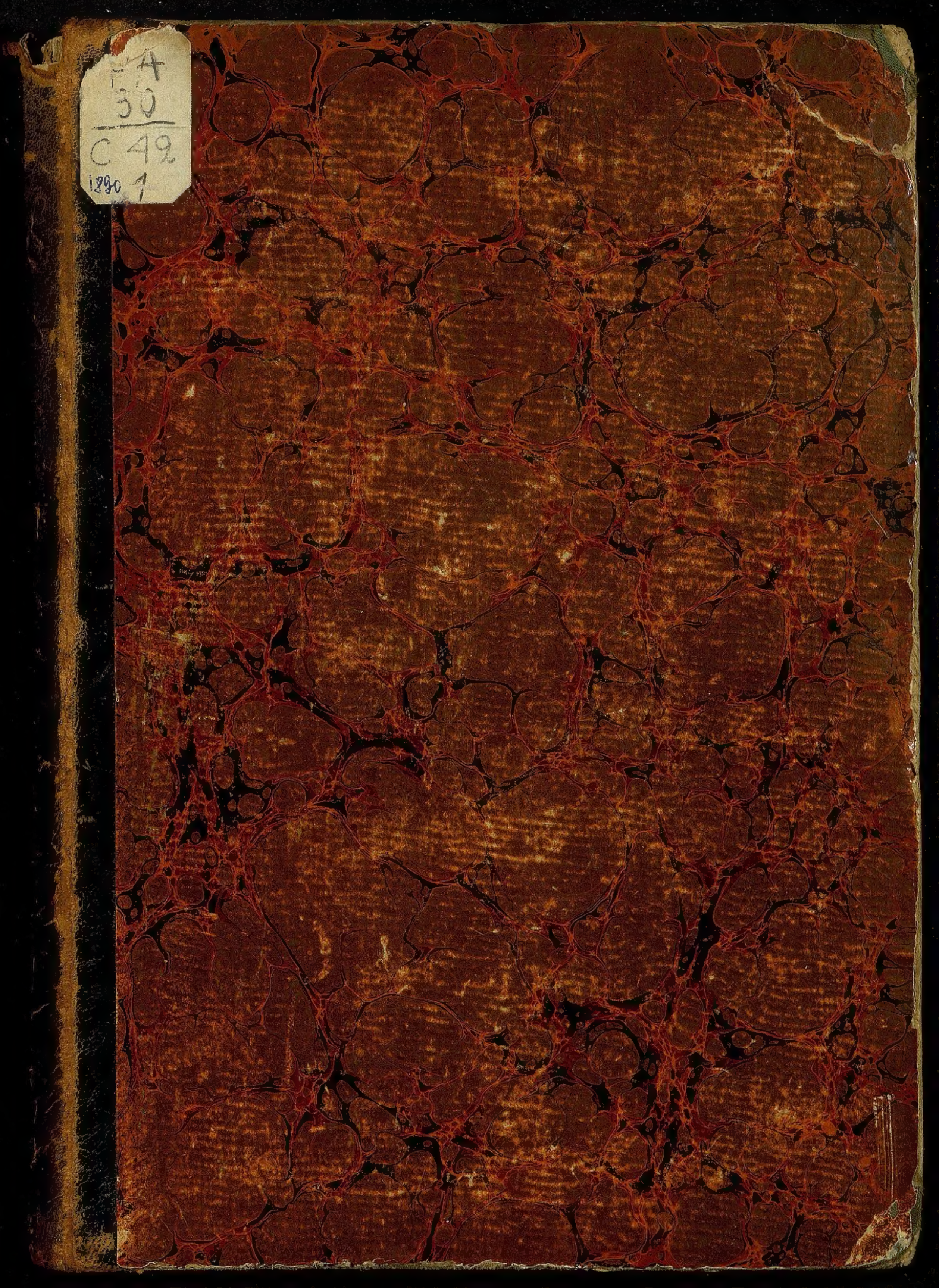
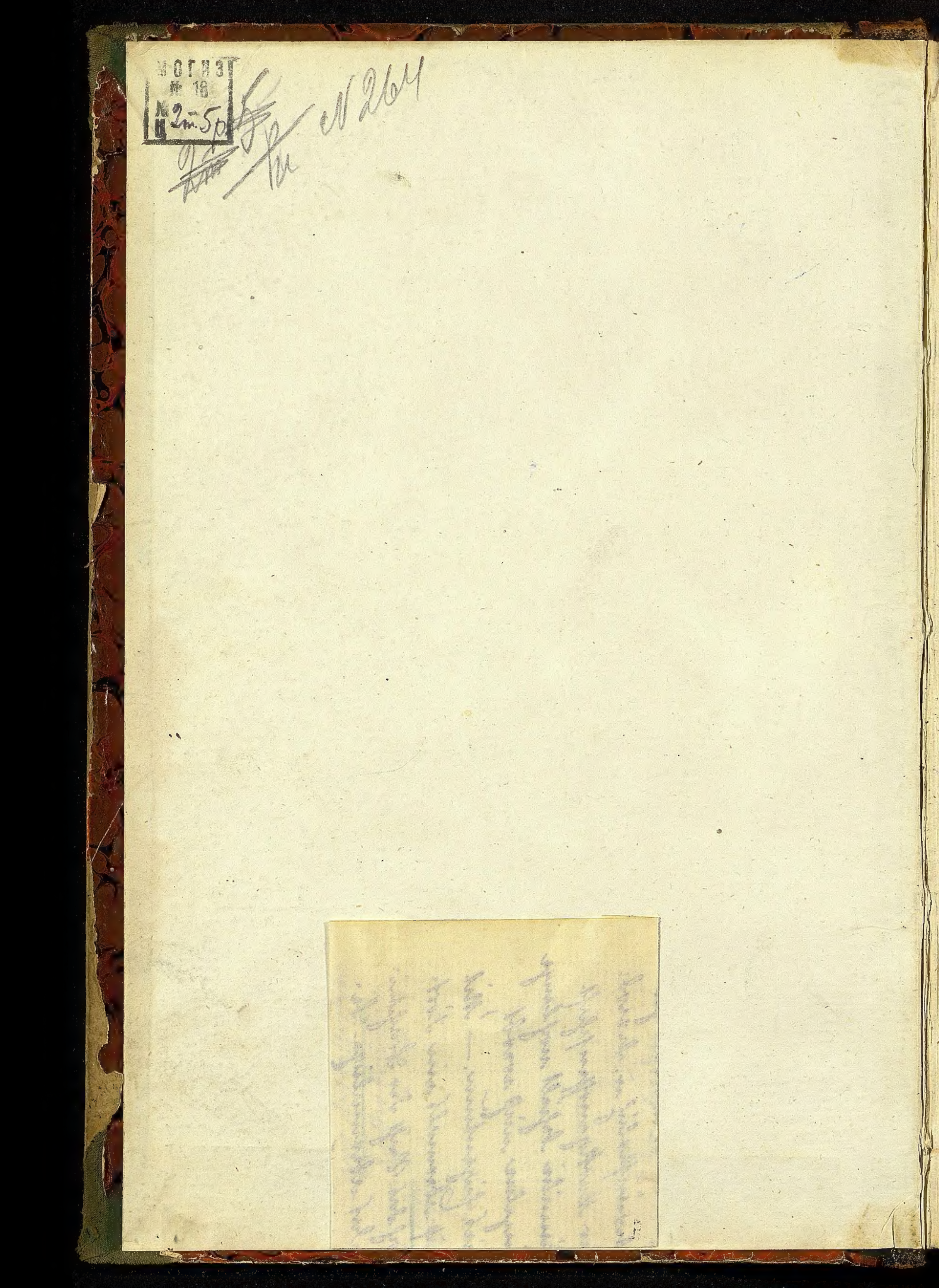



МОГИЗ
№ 18
N 264

А. Нагорная

СОЧИНЕНІЯ
А. СКАБИЧЕВСКАГО.

Критическіе этюды, публицистическіе очерки, литературныя характеристики.

ВЪ ДВУХЪ ТОМАХЪ.

СЪ ПОРТРЕТОМЪ АВТОРА,
гравированнымъ въ Лейпцигѣ Геданомъ, по фотографіи Ю. Штейнберга.

ТОМЪ ПЕРВЫЙ.

Цѣна за два тома—3 рубля.

Простые переплеты—по 50 к. Каленкоровые съ золотомъ—по 1 р. Пересылка безъ переплетовъ—за 4 фунта, въ переплетахъ—за 5 фунтовъ.

С.-ПЕТЕРБУРГЪ.
Типографія газеты «Новости», Екатерининскій каналъ, д. № 115.
1890.

ОГЛАВЛЕНІЕ

ПЕРВАГО ТОМА.

ОТЪ АВТОРА.

Книга эта не составляетъ полнаго собранія сочиненій, такъ какъ въ ней не помѣщено и четверти всего, написаннаго авторомъ въ теченіи тридцати лѣтъ его писательства. Каждому существующему исключительно журнальнымъ трудомъ приходится писать многое не по собственной иниціативѣ, а по требованіямъ злобы дня, по настоятельнымъ нуждамъ журнала, сообразуясь при этомъ съ обстоятельствами времени и мѣста помѣщенія трудовъ, подъ вліяніемъ разныхъ случайныхъ, минутныхъ настроеній, и т. п.

Все то, въ чемъ авторъ въ какомъ-бы то ни было отношеніи не чувствуетъ себя вполнѣ творцомъ и хозяиномъ, устранено изъ этихъ двухъ томовъ. Такъ, начавши печататься въ 1859 году, авторъ не счелъ достойнымъ ничего помѣстить въ изданіе изъ того, что онъ печаталъ въ первые девять лѣтъ своей литературной дѣятельности, считая себя въ этотъ періодъ зеленой юности незрѣлымъ и неустановившимся. Затѣмъ, не говоря уже о большинствѣ критическихъ фельетоновъ, которые еженедѣльно писалъ онъ въ Биржевыхъ Вѣдомостяхъ (или въ Молвѣ), начиная съ 1875 по 1879 годъ, въ Русскихъ Вѣдомостяхъ съ 1884 по 1888 годъ и въ Новостяхъ съ 1884 года по сей день, сюда не вошли и такія компилятивныя журнальныя работы, какъ „Французскіе романтики“ (Викторъ Гюго и Жоржъ Зандъ), помѣщенныя въ Отечественныхъ Запискахъ въ 1880 и 81 годахъ и „Исторія русской цензуры“—тамъ-же съ 1882 по 1884 годъ. Въ изданіе вошли лишь такія работы, которыя совершены авторомъ по собственной его иниціативѣ и свободному влеченію, въ которыхъ онъ отвѣтственъ за каждое слово и которыя наиболѣе рельефно и полно выражаютъ литературную физіономію его, политическія и нравственныя убѣжденія, равно какъ и эстетическіе взгляды.

Авторъ будетъ вполнѣ доволенъ, если книга его убѣдитъ читателей, что впродолженіе всей его литературной дѣятельности онъ служилъ благому дѣлу и оставался неизмѣненъ въ своихъ кровныхъ убѣжденіяхъ. Можетъ быть, они и найдутъ какія-нибудь противорѣчія въ мелочахъ и частностяхъ,—было-бы неестественно, чтобы впродолженіе двадцати лѣтъ, съ 1868 по 1888 годъ человѣкъ оставался до послѣднихъ мелочей безъ малѣй-

шихъ измѣненій, какъ набальзамированная мумія, — но это не помѣшаетъ имъ, если они отнесутся къ нему безъ враждебныхъ предубѣжденій, убѣдиться, что въ статьяхъ, появившихся въ 1888 году, онъ остался тѣмъ самымъ писателемъ, какимъ былъ въ 1868 году, когда былъ приглашенъ въ возрожденныя „Отечественныя Записки": *всегда* онъ ставилъ выше всего народное благо и проповѣдывалъ народные принципы труда и братства; *всегда* онъ ратовалъ противъ всякаго возвышенія брата надъ братомъ, хотя-бы во имя интеллектуально-нравственнаго превосходства; въ эстетическихъ своихъ теоріяхъ, проповѣдуя свободу и естественность творческихъ процессовъ, онъ *всегда* былъ равно далекъ, какъ отъ теоретиковъ чистаго искусства, ограничивающихъ его однимъ услажденіемъ художественными красотами празднаго, изнѣженнаго сибаритства, такъ равно и отъ теоретиковъ полезнаго искусства, обрекающихъ его на подневольное орудіе въ рукахъ какихъ-бы то ни было политическихъ партій. Требованіе, чтобы искусство служило ни исключительно одной красотѣ, ни столь-же исключительно одной политикѣ, а всей жизни, во всей ея совокупности, помогло автору съ одинаковымъ безпристрастіемъ и почетомъ отнестись и къ поэту-гражданину въ лицѣ Некрасова, и къ жрецу чистаго искусства въ лицѣ Пушкина,—и авторъ будетъ очень радъ, если, читая эту книгу, соотечественники его научатся цѣнить и почитать каждый великій талантъ, служащій украшеніемъ русской литературы, помимо какихъ-либо партійныхъ пристрастій и доктринерскихъ предубѣжденій.

А. Скабичевскій.

1868.

НОВОЕ ВРЕМЯ И СТАРЫЕ БОГИ.

(«Дымъ», повѣсть Тургенева. Москва, 1867).

I.

Въ 30-ые и 40-ые годы у насъ безусловно царствовали идеи Шеллинга и Гегеля. Шеллингъ, основывая свою философію на тождествѣ духа и матеріи, считалъ искусство высшею дѣятельностью человѣка, въ которой проявляется полное такого рода тождество. Гегель, усматривая въ каждомъ процессѣ развитія три періода развитія идеи, считаетъ художественное творчество первымъ періодомъ въ развитіи индивидуальнаго разума. Художественное творчество, по его мнѣнію, есть *непосредственное* созерцаніе безусловной идеи въ объективной дѣйствительности.

Въ силу этихъ идей многіе изъ нашихъ критиковъ до сихъ поръ еще думаютъ, что когда поэтомъ овладѣетъ вдохновеніе, онъ способенъ открывать міры, безсознательно проникать въ неизмѣримую глубину людскихъ сердецъ и въ такіе непроницаемые тайники жизни, которые недоступны ни обыкновеннымъ смертнымъ, ни даже и самому поэту, когда онъ пируетъ съ друзьями, неокрыленный вдохновеніемъ. Многіе просвѣщенные читатели до сихъ поръ еще ищутъ въ поэтическихъ произведеніяхъ разрѣшенія всѣхъ вопросовъ жизни. Подобнымъ просвѣщеннымъ читателямъ угождаютъ столь-же просвѣщенные критики, которые слѣпо вѣрятъ каждому слову писателей, пользующихся заранѣе опредѣленнымъ и неоспоримымъ авторитетомъ. Если авторитетный поэтъ смѣется надъ какимъ-нибудь явленіемъ жизни, и критики сейчасъ же начинаютъ смѣяться; если поэтъ плачетъ, и критики заливаются слезами. Въ то-же время, приступая къ разбору произведенія, просвѣщенные критики задаются глубокомысленнымъ вопросомъ: не скрыты-ли въ немъ какія-нибудь мудрыя задачи сфинкса, которыя подлежатъ разрѣшенію. Такія задачи всегда находятся, и, надо замѣтить, всегда такія, какихъ именно нужно критикамъ.

Но вѣяніе духа новаго времени быстро уноситъ эти вѣрованія мистическихъ критиковъ въ поэтическую непогрѣшимость. Нынѣ даже самые упорные изъ нихъ, и тѣ опираются на непосредственное творчество поэтовъ только до тѣхъ поръ, пока оно соотвѣтствуетъ ихъ личнымъ идейкамъ, ласкаетъ ихъ собственныя фантазіи; а чуть поэтическое чутье чтимыхъ ими поэтовъ не оправдываетъ ихъ ожиданій, они возмущаются и, какъ дикари, сѣкутъ кумиры, неисполнившіе ихъ моленій. Это показываетъ ясно, что безвозвратно миновало время, когда смотрѣли на талантъ, какъ на нѣчто непогрѣшимое. Нынѣ стало очевидно для всѣхъ, что талантъ можетъ погрѣшать на каждомъ шагу, можетъ идти по совершенно ложной дорогѣ. Что такое поэтическій талантъ? Это есть сила, исходящая изъ того простого свойства нашей природы, что каждое воспринятое нами впечатлѣніе мы спѣшимъ отразить въ соотвѣтствующихъ движеніяхъ, звукахъ, словахъ, цѣлыхъ рѣчахъ и дѣйствіяхъ. Каждое слово нашего языка есть своего рода поэтическое произведеніе, каждая наша ужимка, каждое размахиванье руки съ цѣлію придать рѣчи большую живость и картинность—есть своего рода поэтическій образъ, художественная метафора.

Различіе между обыкновеннымъ человѣкомъ и поэтомъ лежитъ не въ томъ, что поэтъ имѣетъ совершенно особенный даръ, которымъ обиженъ простой смертный, а только въ степени дара, общаго всѣмъ людямъ; степень же поэтическаго дара зависитъ прежде всего отъ того закона человѣческой природы, что чѣмъ сильнѣе впечатлѣніе, тѣмъ страстнѣе и богаче отраженіе его. Подъ вліяніемъ сильнаго впечатлѣнія самый сухой человѣкъ можетъ сдѣлаться на время поэтомъ; различіе между обыкновеннымъ человѣкомъ и поэтомъ заключается только въ томъ, что на поэта производятъ сильныя впечатлѣнія такія явленія жизни, которыя на людей обыкновенныхъ не производятъ никакого впечатлѣнія. Кромѣ впечатлительности, художественный талантъ зависитъ отъ навыка отражать впечатлѣнія такъ или иначе: художникъ, пишущій прекрасныя картины, не можетъ часто связать двухъ словъ. Но, кромѣ личнаго навыка, обусловливаемаго направленіемъ дѣятельности, для поэта еще въ большей степени необходимъ традиціонный навыкъ: какъ бы ни былъ силенъ поэтическій талантъ поэта, никакое вдохновеніе не поможетъ ему создать какія-либо изящныя произведенія,

если онъ не имѣетъ за собою цѣлыхъ вѣковъ, въ которые мало-по-малу, поколѣніе за поколѣніемъ, вырабатывалась возможность подобныхъ произведеній. Дикари вдохновлялись явленіями природы и жизни не менѣе нашего, но они ничего не могли создать, кромѣ безобразныхъ кривляній, дикихъ воплей и взвизгиваній, и курносыхъ болвановъ, и нужны были цѣлые вѣка, чтобы люди постепенно дошли до созданія Апполона Бельведерскаго. Поэтому весьма жалко заблуждаются эстетики, которые приписываютъ разныя великія произведенія искусства исключительно генію художниковъ; надъ такими произведеніями, какъ статуи Фидіаса или трагедіи Софокла, работали цѣлыя поколѣнія; личному же генію художника принадлежитъ обыкновенно одинъ послѣдній шагъ, за который онъ и признается геніемъ.

Итакъ, мы видимъ, что для появленія въ свѣтъ поэтическаго произведенія необходимы двѣ силы: сила впечатлительности (вдохновеніе) и традиціонный навыкъ (владѣніе формою). Но довольно-ли этихъ двухъ элементовъ? Если-бы было довольно, въ такомъ случаѣ теоріи Шеллинга и Гегеля были-бы совершенно вѣрны: въ стремленіи поэта отразить въ своемъ произведеніи впечатлѣнія живой дѣйствительности мы могли-бы видѣть и безсознательно-сознательную творческую дѣятельность и непосредственное созерцаніе идеи въ живой дѣйствительности. Но все это было-бы вѣрно только въ такомъ случаѣ, если-бы предметы отражались въ фантазіи художника со всѣхъ сторонъ въ ихъ истинномъ видѣ; этого-то мы и не видимъ: впечатлѣнія въ данную минуту бываетъ всегда односторонни; предметъ кидается намъ въ глаза много двумя-тремя своими рѣзко-выдающимися чертами, и очень часто это впечатлѣніе бываетъ совершенно ложно, вслѣдствіе разныхъ причинъ, лежащихъ въ предметѣ или въ насъ самихъ. Предположимъ, что поэтъ, вѣрящій въ свою геніальность и непогрѣшимость, встрѣчается съ господиномъ, который начинаетъ въ присутствіи его отзываться дурно о его произведеніяхъ. Господинъ этотъ, можетъ быть, въ дѣйствительности очепь почтенный человѣкъ; но навѣрное можно сказать, что онъ произведетъ на поэта впечатлѣніе самое дурное; и въ воображеніи поэта создастся представленіе о господинѣ, совершенно не соотвѣтствующее дѣйствительности. Если такихъ господъ представится много и всѣ они будутъ отзываться о произведеніяхъ поэта равно дурно, тогда въ воображеніи поэта составится цѣльный типъ этихъ господъ, и этотъ типъ будетъ такъ-же ложенъ, какъ и представленіе поэта объ отдѣльномъ такомъ господинѣ... Случаи подобнаго искаженія истины могутъ быть разнообразны до безконечности, и мы бы совершенно потеряли всякій критерій истины, если-бы вздумали опираться на непосредственность художественнаго созерцанія дѣйствительности. Для того, чтобъ художественные образы были вѣрны дѣйствительности, необходимо, чтобъ художникъ отъ каждаго предмета воспринималъ цѣлую массу разнородныхъ впечатлѣній, разсмотрѣлъ предметъ со всѣхъ сторонъ, въ связи съ другими предметами, проникъ въ сущность предмета, причину и слѣдствія; но сдѣлать все это—значитъ, другими словами, изучить предметъ. Но тутъ мы выходимъ уже изъ области чисто художественной и вступаемъ въ область науки... Изучать предметы — дѣло ученаго, и если для поэта тоже необходима эта дѣятельность, то и поэтъ прежде всего долженъ быть ученымъ.

Если на каждое поэтическое произведеніе мы должны смотрѣть какъ на своего рода ученый трудъ, то и критика должна стоять къ поэтическому произведенію въ такихъ же отношеніяхъ, какъ къ ученому труду. Не жизнь разбирать на основаніи образовъ поэта, а наоборотъ—она должна изслѣдовать поэтическое произведеніе на основаніи фактовъ жизни, провѣрить умозаключенія, къ которымъ пришелъ поэтъ; если эти умозаключенія невѣрны, она должна логически и фактически ясно раскрыть эту невѣрность, опредѣлить, почему произошла такая невѣрность, и если возможно исправить ее и показать, какъ нужно смотрѣть на тѣ факты, которые представляются писателю въ искаженномъ видѣ.

Вотъ основанія, которымъ я постараюсь слѣдовать при анализѣ новой повѣсти Тургенева „Дымъ".

II.

Прежде все мы обратимъ вниманіе читателя на основное умозаключеніе, къ которому приходитъ авторъ анализомъ всѣхъ дѣйствующихъ лицъ повѣсти. Это умозаключеніе тѣмъ важно, что оно касается всей русской жизни. Вотъ какъ оно строится: писатель рисуетъ передъ нами цѣлый рядъ пустыхъ и тщеславныхъ филистеровъ, которые убиваютъ время и силы въ Баденъ-Баденѣ. Тутъ вы видите и князя Коко, который въ Парижѣ, въ салонѣ принцессы Матильды, въ присутствіи императора, такъ хорошо сказалъ: „Madame, le principe de la propriété est profondement ébranlé en Russie", и графа X, несравненнаго диллетанта, глубокую музыкальную натуру, который такъ божественно „сказываетъ" романсы, а въ сущности, двухъ нотъ разобрать не можетъ, не тыкая вкось и вкривь указательнымъ пальцемъ по клавишамъ, и поетъ не то, какъ плохой цыганъ, не то какъ парижскій куаферъ, и барона Z, который „мастеръ на всѣ руки, и литераторъ, и администраторъ, и ораторъ, и шулеръ", и князя J, который „другъ религіи и народа", составившій себѣ во время оно, въ блаженную эпоху откупа, громадное состояніе продажей сивухи, подмѣшанной дурманомъ, и многихъ другихъ; всѣ эти личности проматываютъ за рулеткой отцовское состояніе, бездѣльничаютъ и скучаютъ. Плохи? спрашиваетъ васъ авторъ.

— А вотъ вамъ русскіе радикалы, продолжаетъ авторъ; вотъ вамъ Губаревъ, глава кружка, человѣкъ „наружности почтенной и немного глуповатой, лобастый, глазастый, губастый, бородастый, съ широкой шеей, съ косвеннымъ, внизъ устремленнымъ взглядомъ... Онъ и славянофилъ, и демократъ, и соціалистъ, и все, что угодно, а имѣньищемъ его управлялъ, и теперь еще управляетъ братъ, хозяинъ въ старомъ вкусѣ, изъ тѣхъ, что дантистами величали!" Вотъ вамъ Ворошиловъ—ординарецъ, присланный къ наукѣ и цивилизаціи, бывшій кадетъ, записанный на

золотую доску и трактующій о разныхъ ученыхъ и общественныхъ вопросахъ тономъ кадета, сдающаго экзаменъ. Вотъ вамъ Суханчикова, пискливымъ голосомъ кумушки-сплетницы разсказывающая небывалые ужасы объ аристократахъ. Вотъ вамъ Бамбаевъ, сколокъ съ грибоѣдовскаго Репетилова. Всѣ эти люди спорятъ о будущности Россіи и пьютъ пиво, пьютъ пиво и сплетничаютъ и думаютъ, что они дѣлаютъ какое-то дѣло. Хороши они? спрашиваетъ васъ г. Тургеневъ.

А вотъ вамъ типъ россійскаго Гамлета, вотъ вамъ Потугинъ, который всю жизнь тянулъ служебную лямку подъ начальствомъ дядюшки-самодура, учился терпѣнію, наконецъ вышелъ въ отставку, озлобился на все и на всѣхъ, бьетъ баклуши, нападая то на славянофиловъ, то на радикаловъ, то на художниковъ, и занимается отъ нечего дѣлать складываньемъ слова ци-ви-ли-за-ція. Тургеневъ хотя и сочувствуетъ этому господину, вкладываетъ въ его уста свои собственныя мысли, но повидимому не оказываетъ къ нему большаго уваженія, называя его заброшеннымъ, бѣднымъ, желчнымъ, добрымъ чудакомъ.

Наконецъ, заключаетъ Тургеневъ, вотъ вамъ одинъ изъ лучшихъ представителей русскаго общества—Литвиновъ. Онъ не тратитъ по пустому время, какъ вся прочая баденская публика, а занимается честнымъ трудомъ на общую пользу:

«Онъ понималъ, что имѣніе его матери, плохо и вяло управляемое его одряхлѣвшимъ отцомъ, не давало и десятой доли тѣхъ доходовъ, которое могло бы давать, и что въ опытныхъ, знающихъ рукахъ оно превратилось бы въ золотое дно; но онъ также понималъ, что именно опыта и знанія ему не доставало—и онъ отправился за границу учиться агрономіи и технологіи, учиться съ азбуки. Четыре года слишкомъ провелъ онъ въ Мекленбургѣ, въ Силезіи, въ Карлсруэ, ѣздилъ въ Бельгію, въ Англію, трудился добросовѣстно, пріобрѣлъ познанія; не легко они ему давались, но онъ выдержалъ искусъ до конца, и вотъ теперь, увѣренный въ самомъ себѣ, въ своей будущности, въ пользѣ, которую принесетъ землякамъ, пожалуй даже всему краю, онъ собирается возвратиться на родину».

Онъ нетолько не увлекается спорами о будущности Россіи въ родѣ Губарева и его кружка, но находитъ, что въ Россіи рано имѣть какія-бы то ни было политическія убѣжденія. Онъ никому не уступаетъ, ни передъ кѣмъ не кланяется и неподкупная честность его доходитъ до такой степени, что онъ отказывается отъ любви, когда любимая женщина предлагаетъ ему безчестный путь для осуществленія этой любви.

Но въ концѣ концовъ оказывается, что и этотъ лучшій представитель русскаго общества не выдерживаетъ самой слабой критики. Тургеневъ, несмотря на все свое сочувствіе и уваженіе, которыя онъ питаетъ къ своему герою, не можетъ не замѣтить въ то же время несостоятельности его... Изъ этого сознанія вытекаетъ естественный выводъ, служащій заключеніемъ всего силлогизма. Если Литвиновъ, лучшій изъ всѣхъ прочихъ представителей русской жизни, выведенныхъ въ повѣсти, никуда не годится, то естественно, что и все русское общество никуда не годится. Это сознаніе Тургенева рельефнѣе всего выступаетъ въ устахъ самого героя повѣсти.

«Дымъ, дымъ, повторилъ онъ нѣсколько разъ; и все вдругъ показалось ему дымомъ, все, собственная жизнь, русская жизнь—все людское, особенно все русское. Все дымъ и паръ, думалъ онъ; все какъ будто безпрестанно мѣняется, всюду новые образы, явленія бѣгутъ за явленіями, а въ сущности все то же, да то же; все торопится, спѣшитъ куда-то и все исчезаетъ безслѣдно, ничего не достигая; другой вѣтеръ подулъ—и бросилось все въ противоположную сторону, и тамъ опять та же безустанная, тревожная—и ненужная игра. Вспомнилось ему многое, что съ громомъ и трескомъ совершалось на его глазахъ въ послѣдніе годы... дымъ, шепталъ онъ, дымъ; вспомнились горячіе споры, толки и крики у Губарева, у другихъ, высоко и низко поставленныхъ, передовыхъ и отсталыхъ, старыхъ и молодыхъ людей... дымъ, повторялъ онъ, дымъ и паръ; вспомнился, наконецъ, и знаменитый пикникъ, вспомнились и другія сужденія и рѣчи другихъ государственныхъ людей—и даже все то, что проповѣдывалъ Потугинъ... дымъ, дымъ и больше ничего. А собственныя стремленья и чувства, и попытки, и мечтанья? Онъ только рукой махнулъ».

Вотъ къ какому умозаключенію привелъ Тургенева анализъ русской жизни. Подобное сознаніе, проведенное по всей повѣсти, послужившее даже заглавіемъ ея, производитъ странное впечатлѣніе, въ родѣ того, какое выносится изъ зрѣлища мрачной агоніи или сумасшедшаго дома... Вы читаете и недоумѣваете, что это дѣлается съ писателемъ: смѣется онъ надъ вами или, и въ самомъ дѣлѣ, онъ дожилъ до такого мрачнаго сознанія... Но вѣдь съ этимъ шутить нельзя. Подобное сознаніе доводило честныхъ римлянъ до самоубійства... Дойти до него можно только въ двухъ случаяхъ: или когда человѣкъ среди всеобщаго разложенія и вырожденія общества сохранилъ нравственную и физическую свѣжесть, или наоборотъ, когда онъ среди общества молодаго, полнаго свѣжихъ силъ и жизни, утратилъ личную энергію, самъ лично выродился, износился, и свое безсиліе, свое постыдное малодушіе перенесъ на всѣхъ, на томъ основаніи, что на людяхъ смерть красна.

Надо глубоко вдуматься и изслѣдовать причины подобнаго безусловнаго отрицанія... Дѣйствительно ли русское общество представляетъ племя выродившееся, ни на что неспособное, и передовымъ людямъ его остается только скорбѣть при видѣ всеобщаго разложенія, какъ скорбѣлъ когда-то Тацитъ, или наоборотъ—русскому племени, молодому и сильному, представляется долгое и великое существованіе, явятся новыя поколѣнія съ новыми силами, разовьется могучая и богатая жизнь, а на долю писателя, не постыдившагося выставить на всеобщее посмѣшище свое личное малодушіе—останется стыдъ и позоръ передъ своими соотечественниками.

III.

Не болѣе, какъ 200 лѣтъ тому назадъ Россія представляла изъ себя страну совершенно варварскую, полудикую. Замкнутый въ себя народъ упорно чуждался всякаго общенія съ иностранцами, всякаго нововведенія. Вслѣдствіе этого въ странѣ не было заведено элементарныхъ удобствъ жизни: хорошихъ дорогъ, почтъ и дилижансовъ. По допотопнымъ дорогамъ, проведеннымъ еще со времени норманской торговли,

путешествовали люди, вооруженные съ ногъ до головы, ежеминутно опасаясь какого-либо нападенія. Лѣса и овраги были наполнены разбойничьими шайками. Восточныя и южныя окраины царства постоянно терпѣли отъ нападенія татарскихъ ордъ. Помѣщики, окруженные многочисленною дворнею, какъ вассалами, чинили судъ и расправу надъ своею дворнею безапелляціонно, засѣкали кошками даже мелкопомѣстныхъ дворянъ, охотились, пьянствовали и нерѣдко выходили со своею дворнею на большую дорогу грабить проѣзжіе обозы съ товарами; случалось, что на такую поживу выѣзжали и помѣщицы и дѣлались славными матушками-атаманшами. При такихъ условіяхъ жизни даже и въ домахъ нужно было имѣть оружіе на готовѣ, потому что разбойничьи шайки врывались подчасъ въ селенія, грабили и цѣлые города. Одичалый, запуганный людъ, безразлично смѣшивая свои стародавнія языческія преданія съ догматами христіанской религіи, во всемъ видѣлъ чудеса и чары, каждую болѣзнь и несчастіе объяснялъ злыми наговорами, для каждаго шага въ жизни имѣлъ сотни всякаго рода примѣтъ, жегъ и бросалъ въ воду колдуновъ, колдуній и еретиковъ, и въ каждомъ небесномъ явленіи читалъ грядущее бѣдствіе: моръ, голодъ или войну. Въ судахъ господствовали безапелляціонная неправда и ужасающія пытки. Женщины, какъ на Востокѣ, сидѣли запертыя въ теремахъ, а мужчины находили единственное развлеченіе въ пьянствѣ и дикой охотѣ. Единственными общественными увеселеніями были кулачные бои, да хороводы, которые водились въ установленные издревле языческіе праздники не только по селамъ, но и по улицамъ городовъ. Про такой народъ нельзя было сказать, что онъ выродился, изжилъ; напротивъ того, очевидно было, что онъ и не начиналъ еще жить настоящею жизнью. Затѣмъ исторія представляетъ намъ 200 лѣтъ медленнаго перехода отъ мрака къ свѣту, отъ варварства къ кой-какой цивилизаціи. Этотъ переходъ совершался, и теперь еще совершается посредствомъ сближенія нашего съ народами Западной Европы. На первый взглядъ исторія послѣднихъ 200 лѣтъ можетъ показаться, дѣйствительно, какимъ-то хаосомъ, безпорядочнымъ шатаньемъ отъ одного ученія къ другому, безцѣльною ломкою и переломкою... Но если мы вглядимся внимательнѣе, мы увидимъ весьма стройный и послѣдовательный ходъ развитія сознанія русской мысли. Первое увлеченіе западною цивилизаціею было, очевидно, слѣпое увлеченіе дикарей, впервые вышедшихъ изъ мрака и увидѣвшихъ свѣтъ... Для того, чтобы усвоить идеи, которыя развивались въ то время на Западѣ, необходима была нѣкоторая подготовка къ нимъ; но этой-то подготовки у нашихъ предковъ именно и не было. Наши предки, путешествовавшіе по Европѣ вмѣстѣ съ Петромъ, и не подозрѣвали объ этихъ идеяхъ. Первое, что бросилось имъ въ глаза, были разныя внѣшнія явленія жизни: механическій, строго размѣренный, неизмѣнно-дѣйствующій строй разныхъ государственныхъ машинъ, красиво вооруженныя и марширующія арміи, громадные флоты на моряхъ, а на сушѣ удобныя дороги, почты, великолѣпныя гостиницы, блескъ и роскошь придворныхъ баловъ, любезность дамъ, свободно являющихся въ общество и занимающихъ въ немъ первое мѣсто. Все это сейчасъ же начало пересаживаться на русскую почву съ полною энергіею свѣжихъ силъ и невѣжествомъ варваровъ. Наши предки того времени, одѣваясь въ нѣмецкіе и французскіе камзолы и являясь на доморощенныя ассамблеи блистать ломаннымъ французскимъ языкомъ, очень были похожи на древнихъ германцевъ, которые любили украшать свои тѣла римскими тогами и корчить изъ себя римлянъ.

Первая реакція противъ такого безсознательнаго увлеченія однѣми внѣшними формами европейской жизни началась со времени Екатерины. Тогда впервые явилось сознаніе, что одного увлеченія внѣшними формами мало, что жизнь должна быть основана на прочныхъ нравственныхъ и общественныхъ началахъ—эта новая мысль сказалась во всемъ: въ „Наказѣ“ Екатерины, въ комедіяхъ Фонвизина, въ сатирахъ Новикова. Общественная сатира временъ Екатерины представляется намъ очень жалкою и бѣдною, если мы приложимъ къ ней требованія нашего времени: она не касается коренныхъ общественныхъ золъ и преслѣдуетъ только внѣшнія язвы, каковы: взяточничество, казнокрадство, дурное обращеніе съ крестьянами, съ семьею и проч. Но не въ этомъ заключается значеніе ея для своего времени, а въ проведеніи новаго въ то время сознанія, что истинное образованіе заключается въ усвоеніи нравственныхъ и общественныхъ началъ, а не въ пустомъ внѣшнемъ обезьянствѣ. Не надо забывать, что русская мысль до Петра Великаго была преисполнена такого грубаго фетишизма, что обстричь бороду и промѣнять длиннополый кафтанъ на короткій нѣмецкій камзолъ представлялось неслыханною ересью. Люди, которые рѣшались на это, были великими прогрессистами своего времени. Въ настоящее время, конечно, смѣшны тѣ барыни, которыя являлись на ассамблею съ громадными, напудренными куафюрами, мушками на лицѣ, съ вѣерами въ рукахъ и въ фижмахъ. Но для своего времени онѣ были прогрессистками, не менѣе рѣшительными, чѣмъ и нѣкоторыя изъ нашихъ современницъ. Сначала отъ нихъ отплевывались, какъ отъ исчадій антихриста, потомъ ихъ терпѣли, какъ необходимое зло; а еще позже начали смотрѣть на нихъ, какъ на свѣтила прогресса, образцы образованности, и всѣ бросились подражать имъ. Наконецъ, время ихъ прошло; онѣ сдѣлали свое дѣло: въ царствованіе Елисаветы по всей Россіи уже водворились европейскіе костюмы и европейское общежитіе, не было уже и вопроса о томъ, прилично ли соваться женщинѣ въ общество; не было и рѣчи о томъ, не преступаетъ ли праотеческій законъ православія тотъ, кто куритъ табакъ, танцуетъ, говоритъ по-французски и ѣздитъ за границу. Тогда пришло время сбить съ пьедесталовъ мнимыя свѣтила прогресса, показать, что эти петиметры и модницы, которые находили образованіе единственно въ блестящихъ нарядахъ по послѣдней модѣ, ловкихъ расшаркиваніяхъ и необузданномъ волокитствѣ — вовсе не свѣтила прогресса, что истинная образованность заключается въ усвоеніи разныхъ прочныхъ началъ общественныхъ, нравственныхъ, а не въ одномъ подражаніи внѣшнимъ формамъ европейской жизни. Если мы будемъ съ

этой точки зрѣнія смотрѣть на общественную сатиру временъ Екатерины, мы поймемъ тогда всю важность ея для своего времени; сатира Новикова и Фонвизина вызвана была развитіемъ новаго сознанія въ обществѣ; она открываетъ собою новую эпоху развитія общества.

Если мы обратимъ вниманіе на послѣдніе годы царствованія Елисаветы и потомъ, пробѣжавши быстро 100 лѣтъ, перенесемся къ годамъ крымской войны, намъ покажется, что общество наше много пережило впродолженіе пяти царствованій: сколько сдѣлано пріобрѣтеній новыхъ земель, сколько построено новыхъ городовъ, дорогъ, мостовъ, зданій; повсюду устроены почты и телеграфы, заведены школы, больницы; общественные нравы значительно смягчились; уничтожены пытки и смертная казнь; дворянамъ дарована вольность; мало-по-малу вывелись мрачные, звѣрообразные, типы, въ родѣ дѣдушки Багрова, Куралесова или Троекурова.

Но если мы вглянемся глубже и внимательнѣе въ ходъ развитія русской жизни впродолженіе всего этого столѣтія, мы будемъ поражены странною непроизводительностью всей этой эпохи... Начиная съ Екатерины II и кончая крымской войною, передовые умы въ литературѣ и государственной жизни постоянно носились съ сознаніемъ, что жизнь должна быть основана на прочныхъ, нравственныхъ и общественныхъ началахъ, но изъ этого сознанія не выходило прочныхъ, фундаментальныхъ реформъ.

Эта крайняя нерѣшительность и инерція въ правительственныхъ сферахъ обусловливались общимъ состояніемъ образованныхъ слоевъ общества, въ которыхъ не замѣчалось ни малѣйшаго признака той живой, двигающей силы, которая могла бы увлечь за собою правительственныя сферы.—Образованные слои общества во все это время раздѣлились на два лагеря: одни искали прочныхъ началъ жизни въ допетровской Руси, въ преданіяхъ священной старины; другіе увлекались французскою литературою XVIII вѣка и началами, выработанными французскою революціею. Несмотря на взаимный антагонизмъ, сначала между скептиками и мистиками, потомъ между славянофилами и западниками, мы видимъ много въ нихъ общаго: большинство нашихъ доморощенныхъ скептиковъ были, въ сущности, такіе же рутинеры и консерваторы, какъ и мистики; они увлекались тѣми или другими готовыми, модными идеями совершенно такъ же, какъ предки ихъ увлекались западными костюмами и дебоширствомъ, т.-е. какъ предметомъ блестящаго щегольства и пріятной забавы для препровожденія времени.—На Западѣ эти идеи были выработаны вѣками тяжелыхъ притѣсненій и страданій. Люди видѣли въ нихъ единственное спасеніе, единственный исходъ жизни и смерти. У насъ же этими самыми идеями увлекались люди, которые въ осуществленіи ихъ въ жизни не только не могли видѣть какого-либо улучшенія своего благосостоянія, а напротивъ того цѣлый рядъ лишеній: осуществить либеральныя идеи значило лишиться тысячи душъ крестьянъ, и вмѣстѣ съ тѣмъ комфорта и блеска. Могли ли эти люди искренно и прочно увлекаться подобными идеями?... Если они и увлекались, то это было ничто иное, какъ шалость игривой молодости, которая любитъ пройтись по дощечкѣ черезъ пропасть или покататься въ бурю на лодкѣ. Подъ старость наши доморощенные скептики обыкновенно отрезвлялись и закидывали якорь въ спасительной гавани мистицизма. Если и встрѣчалось нѣсколько людей, упругихъ въ своихъ убѣжденіяхъ и пытавшихся провести ихъ въ жизнь, то эти люди стояли совершенно одиноко; ихъ считали жалкими безумцами и отъ нихъ трижды отрекались люди ихъ же лагеря. Посмотрите на большинство передовыхъ людей этой эпохи; возьмите Державина, Фонвизина, Пушкина, и во всѣхъ этихъ людяхъ вы увидите одно и то же явленіе: сначала они болѣе или менѣе либеральничаютъ, а потомъ начинаютъ оплакивать заблужденія молодости и замаливать грѣхи. Это явленіе очень понятно: человѣкъ не можетъ находиться долго въ разладѣ съ своими убѣжденіями; если онъ не въ силахъ переработать жизнь сообразно своимъ убѣжденіямъ, то навѣрное можно сказать, что раньше или позже поступитъ наоборотъ: измѣнитъ убѣжденія сообразно съ жизнію. Но никогда еще люди не находились въ такомъ поразительномъ разладѣ словъ и дѣлъ, какъ именно въ эту эпоху. Солидно резонерствующіе Правдины и Стародумы, желчные пессимисты Чацкіе, разочарованные жизнію Онѣгины и Печорины, наконецъ маниловски-гуманные и философствующіе Лаврецкіе—всѣ они, какъ ни были красивы, ловки, умны, великодушны, какъ ни горячо стояли за честность и правду въ изящныхъ салонахъ, особенно въ присутствіи дамъ, въ то же время ловко пользовались выгодами своего положенія и на заднихъ дворахъ обдѣлывали втихомолку разныя дрянныя и грязныя дѣлишки въ духѣ Стегунова, Пѣночкина и комп. Могли ли эти люди представить въ жизни что-нибудь кромѣ безобразнаго шатанья отъ одного увлеченья къ другому? Могли ли они выработать какія-нибудь прочныя прогрессивныя идеи, когда малѣйшій прогрессъ былъ убыточенъ для ихъ благосостоянія, и единственнымъ выгоднымъ для нихъ политическимъ убѣжденіемъ было неизмѣнное statu quo?

Неужели же во все это время не было людей, для которыхъ осуществленіе прогрессивныхъ идей, выработанныхъ западною цивилизаціею, было бы не только не убыточно, а напротивъ того полезно, и необходимо? Такіе люди были, и много ихъ было. Но, къ сожалѣнію, идеи, которыя были полезны для этихъ людей, были чужды имъ. Откуда было этимъ людямъ взять эти идеи? Додуматься до нихъ самимъ? Но для этого потребны цѣлые вѣка. Заимствовать ихъ съ Запада? Но какимъ путемъ? Эти люди не имѣли средствъ путешествовать за границею, выписывать иностранныя книги. Они проводили дни, а иногда и ночи, пригвожденные къ какому-нибудь сухому, каторжному, неблагодарному труду, едва обезпечивающему ихъ существованіе. Единственныя книжки, которыя были у нихъ подъ руками, это были разныя произведенія въ то время еще юной россійской литературы. Но, что могли они извлечь изъ этихъ книжекъ? Русская литература, находившаяся въ то время въ рукахъ паразитнаго слоя общества, который въ книжкахъ не искалъ ничего кромѣ пріятнаго развлеченія, убаюкивала и нѣжила своими художественными формами,

которыя вырабатывались съ каждымъ поколѣніемъ болѣе и болѣе, пока не дошли до своего апогея подъ перомъ Пушкина и Лермонтова; но въ то же время она не представляла никакихъ глубокихъ и здоровыхъ идей, которыя развивали и двигали бы общество.

При такихъ условіяхъ массѣ бѣдныхъ, честныхъ тружениковъ только и оставалось, что заучивать наизусть стихи Пушкина, увлекаться повѣстями Марлинскаго, плакать, смотря на драмы Полеваго, и довольствоваться идеями, завѣщанными издревле со временъ Никона и Домостроя. А еще ниже, тамъ и не подозрѣвали даже, что существуетъ какая-либо русская литература, имѣющая претензію на народное или, какъ тогда выражались, національное значеніе.

Но уже въ 40-ые годы жизнь начинаетъ нѣсколько проясняться: на каѳедрахъ университетовъ начинаютъ появляться профессора въ родѣ Грановскаго, Кудрявцева, дѣятельность которыхъ не ограничивается уже преподаваніемъ схоластической учености, отвлеченной отъ жизни; они проводятъ идеи, которыя невольно возбуждаютъ къ анализу окружающей среды; они имѣютъ своими слушателями не такихъ только людей, которые слушаютъ ихъ лекціи ради пріятнаго щекотанія мозга, но и такихъ, которые пришли слушать ихъ, можетъ быть, изъ-за тридевять земель пѣшкомъ, для которыхъ идеи, проводимыя любимыми профессорами, были вопросами жизни и смерти. Въ то же время литература мало по малу перестаетъ ограничиваться одною выработкою изящныхъ формъ ради пріятной услады въ часы досуга. Подъ мощнымъ перомъ Гоголя и Бѣлинскаго она начинаетъ анализировать русскую жизнь, разрѣшать разные нравственные и общественные вопросы. И вотъ подъ вліяніемъ новыхъ дѣятелей литературы начала образовываться иная среда: это среда тѣхъ бѣдныхъ, честныхъ тружениковъ, о которыхъ мы выше говорили. Среда эта начинаетъ быстро развиваться, возрастать, пока, въ концѣ 50-хъ годовъ, не овладѣваетъ общественнымъ мнѣніемъ.

Къ этому періоду 40-хъ годовъ относится и начало дѣятельности Тургенева. Подъ вліяніемъ Гоголя и Бѣлинскаго, и Тургеневъ въ своихъ „Запискахъ Охотника“ послужилъ тѣмъ идеямъ и тѣмъ общественнымъ вопросамъ, которые въ то время подымались въ обществѣ. Очень можетъ быть, что и на тотъ великій общественный вопросъ, который Тургеневъ затронулъ въ „Запискахъ Охотника“, онъ смотритъ въ настоящее время, какъ на дымъ и паръ и никому ненужную игру; но надо думать, что не такъ смотрѣлъ на этотъ вопросъ Тургеневъ, когда писалъ свои „Записки Охотника“, и тѣмъ болѣе не такъ смотрѣли на него тѣ изъ его читателей, которые во всѣхъ общественныхъ вопросахъ видятъ вопросы жизни и смерти, а не праздную забаву отъ нечего дѣлать.

Наконецъ, настало время, въ которое мертвый застой и убійственный разладъ между дѣломъ и словомъ сдѣлались невыносимыми долѣе. Тогда правительство увидѣло необходимость приступить къ тѣмъ радикальнымъ реформамъ, о которыхъ до того времени только мечтали, не рѣшаясь сдѣлать ни шагу. Вмѣстѣ съ этими реформами русское общество вступаетъ въ новый періодъ развитія, рѣзко отличающійся отъ всего пережитаго прежде. Мы переживаемъ такой переворотъ, который въ жизни русскаго народа имѣетъ неизмѣримо большее значеніе, чѣмъ всѣ реформы Петра Великаго. Сблизивши насъ съ Европою и заимствовавши разныя внѣшнія формы европейской жизни, Петръ Великій не коснулся существенныхъ основъ русской жизни, и эти основы оставались неизмѣнными до самаго послѣдняго времени, хотя нѣкоторыя изъ нихъ и прикрывались иностранными названіями. Нынѣ же дѣло касается именно этихъ основъ жизни: такія три реформы, какъ освобожденіе крестьянъ, открытіе гласныхъ судовъ и учрежденіе земства, уже нельзя назвать ничтожною игрою и топотнею на одномъ мѣстѣ. Эти реформы вызвали къ политической жизни цѣлыя массы. Если до крымской войны люди могли существовать, не имѣя никакихъ политическихъ убѣжденій, и политическія убѣжденія казались какою-то лишнею роскошью, прихотью отъ нечего дѣлать, то теперь имѣть тѣ или другія политическія убѣжденія сдѣлалось существенною необходимостью, именно вслѣдствіе этихъ реформъ. Въ самомъ дѣлѣ: что же такое значитъ стоять за освобожденіе крестьянъ съ землею или безъ земли, за реальныя или классическія гимназіи, какъ не имѣть тѣ или другія политическія убѣжденія? Неужели же эти всѣ вопросы ничтожный дымъ и паръ? Неужели высшая степень благоразумія заключается въ томъ, чтобы твердить: въ Россіи рано имѣть какія-либо политическія убѣжденія, и махать на все рукою,—освобождайте, молъ, крестьянъ, какъ хотите, съ землею, или безъ земли; заводите гимназіи классическія, реальныя, пожалуй, хоть идеальныя... намъ все равно, мы лучше поѣдемъ въ Баденъ и займемся наблюденіемъ надъ нашими либеральными соотечественниками.

Рѣзкость переворота, который мы переживаемъ, сказывается во всемъ, даже въ мелочахъ жизни; надо быть совершенно слѣпымъ, чтобы этого не видѣть. Прежнія поколѣнія были люди по преимуществу словъ, разъѣдающей рефлексіи и безплоднаго анализа; прежде чѣмъ рѣшиться на какой нибудь шагъ, они пускались въ самыя хитрыя и тонкія размышленія—дѣлать этотъ шагъ или не дѣлать, и какъ его дѣлать, и хорошо ли будетъ, если его сдѣлать, а не лучше ли погодить. На эти размышленія тратились обыкновенно все время и вся энергія, такъ что на самый шагъ не хватало уже человѣка. Нынѣ совершенно наоборотъ: горячка дѣла до такой степени овладѣла нынѣшнимъ поколѣніемъ, что оно часто впадаетъ въ противоположную крайность, живетъ заднимъ умомъ, то-есть рѣшается на тѣ или другіе шаги, очертя голову, прежде чѣмъ обдумаетъ эти шаги: многія ошибки, неудачи и промахи послѣдняго времени нельзя иначе объяснить, какъ именно излишнею поспѣшностью поскорѣе осуществить задуманное, не тратя времени на размышленія.

Въ то время, какъ правительство своими реформами положило первые начатки политическаго развитія Россіи, литература не сидѣла сложа руки. Если мы оставимъ въ сторонѣ все, что было написано по поводу тѣхъ или другихъ насущныхъ вопросовъ современной жизни, а коснемся самаго скромнаго отдѣла литературы—переводческой дѣятельности, то и тутъ мы бу-

демъ поражены плодовитостью нашего времени. До крымской войны на русскій языкъ переводились исключительно почти одни романы—Жоржъ-Зандъ, Дюма, Сю, Теккерея. И вотъ, не болѣе какъ въ 10 лѣтъ, образовалась цѣлая литература переводныхъ сочиненій по всѣмъ отраслямъ знаній. Перевести сочиненія такихъ великихъ столповъ европейскаго знанія, какъ Бокль, Милль, Дреперъ, Льюисъ, Спенсеръ, Шлоссеръ, Гервинусъ, Маколей, Дарвинъ, Фохтъ, Вундтъ и проч., значитъ составить эпоху. Это значитъ иными словами—сдѣлать доступными великія идеи западной образованности для той среды тружениковъ, которая не имѣетъ возможности ни путешествовать заграницею, ни выписывать иностранныя книги. Этимъ не только расширяется масса образованныхъ людей, но образованность пересаживается на истинную свою почву, то-есть въ тотъ слой общества, гдѣ она является не излишнею роскошью, а насущною потребностью. И этимъ самымъ вызывается къ жизни и великой дѣятельности этотъ слой общества.

IV.

Я не знаю, какое впечатлѣніе производитъ повѣсть Тургенева на читателей, но когда я читалъ ее, мнѣ постоянно казалось, что она написана 30 лѣтъ назадъ. Въ самомъ дѣлѣ, будь произведеніе Тургенева написано 30 лѣтъ назадъ, Тургеневъ былъ бы совершенно правъ: дѣйствительно, все, что тогда говорилось, писалось, дѣлалось, было пустымъ дымомъ, безобразнымъ шатаньемъ отъ Якова къ Сидору, которое не мѣшало сохраняться въ неизмѣнности формамъ жизни, завѣщаннымъ допетровскою стариною,—тому же крѣпостному праву, тѣмъ же бюрократическимъ судамъ, тѣмъ же приказамъ, хотя и подъ иностранными названіями. Дѣйствительно, въ то время невозможны были никакія политическія убѣжденія, потому что общество состояло изъ массы тружениковъ, погруженныхъ въ невѣжество, и горсти образованныхъ людей, для которыхъ, по ихъ общественному положенію, самое выгодное было не имѣть никакихъ политическихъ убѣжденій. Но каждый читатель, хоть сколько нибудь слѣдившій за тѣмъ, что пережило общество наше въ послѣднія 10 лѣтъ, можетъ очень хорошо судить, на сколько примѣнимо къ нашему времени то, что такъ хорошо характеризуетъ 30-ые годы. Что же за причина, что Тургеневъ какъ будто совершенно не видитъ, что дѣлается передъ его глазами, и ему кажется, будто общество наше живетъ все такою же жизнію, какою оно жило лѣтъ тридцать тому назадъ. Тургеневъ забылъ даже и о „Запискахъ Охотника", въ которыхъ онъ заплатилъ дань 40-мъ годамъ. Это весьма любопытный патологическій фактъ. Для объясненія его мы обратимся опять къ тому силлогизму, на которомъ строитъ Тургеневъ свою повѣсть. Я попрошу читателя припомнить, что несостоятельность современнаго общества Тургеневъ выводитъ изъ того, что одинъ изъ лучшихъ представителей русской жизни — Литвиновъ оказывается несостоятельнымъ. Попробуемъ разобрать этого Литвинова внимательнѣе, дѣйствительно ли онъ лучшій представитель нашей жизни, не ошибается ли Тургеневъ въ своемъ героѣ.

Для того, чтобы судить о томъ, принадлежитъ ли Литвиновъ къ числу лучшихъ людей нашего общества, необходимо имѣть масштабъ, по которому можно было бы измѣрить достоинства Литвинова. Каковъ же долженъ быть этотъ масштабъ? До сихъ поръ при вопросѣ о положительныхъ типахъ и хорошихъ людяхъ, употреблялся у насъ масштабъ исключительно количественный. Насъ заставляли поклоняться такимъ типамъ, какъ Евгеній Онѣгинъ или Печоринъ единственно потому, что это, такъ-называемыя, сильныя натуры, люди выше другихъ головою.

Но измѣреніе людей однимъ количественнымъ масштабомъ ни къ чему не можетъ повести, какъ только къ безплодному отчаянію и разочарованію; живой примѣръ такого разочарованія представляетъ намъ романтизмъ, который, ища повсюду великихъ душъ и избранныхъ натуръ, доискался наконецъ до того, что потерялъ всякую вѣру въ людей. Количественный масштабъ достался намъ по наслѣдству отъ романтизма—и до сихъ поръ еще на каждомъ шагу онъ употребляется въ литературѣ и въ жизни. До сихъ поръ еще у насъ въ ходу выраженія, въ родѣ: сильная натура, недюжинный человѣкъ, личность, возвышающаяся надъ посредственностью. Если мы примемъ иной, качественный масштабъ, тогда всѣ эти выраженія покажутся весьма несостоятельными для опредѣленія истинныхъ достоинствъ людей, которыя зависятъ не отъ количества силъ, а отъ качества ихъ, то-есть отъ того, куда и какъ направлены эти силы. Что толку, что Печоринъ заключалъ въ себѣ необъятныя силы, если онѣ всѣ были употреблены на разсѣяніе зла и себѣ, и людямъ, если, куда ни являлся Печоринъ, вездѣ отъ его силъ страдали ближніе, и самъ онъ страдалъ больше всѣхъ ихъ? Не достойнѣе ли этого Печорина послѣдній разносчикъ, силъ котораго хватаетъ только на то, чтобы выкрикивать свой товаръ и разносить его, кому нужно?

Качественный масштабъ тѣмъ хорошъ, что онъ приложимъ ко всѣмъ людямъ безъ исключенія; онъ не предполагаетъ необходимости имѣть титаническія силы для того, чтобы быть хорошимъ человѣкомъ; онъ находитъ человѣка въ слабомъ, безпомощномъ, загнанномъ и забитомъ труженикѣ, и караетъ мерзавца, какъ бы ни былъ этотъ мерзавецъ красивъ, уменъ и энергиченъ.

Для опредѣленія качественнаго масштаба, по которому мы будемъ оцѣнивать Литвинова, я попрошу читателя перечитать или припомнить біографіи людей въ родѣ Ломоносова, Новикова, Кулибина, Мартынова, Бѣлинскаго, Добролюбова и многихъ другихъ, болѣе или менѣе извѣстныхъ личностей. Я обращаю вниманіе читателя на этихъ людей вовсе не потому, что они возвышались надъ толпою и были геніальнѣе другихъ. Я попрошу читателя забыть на время это. Я буду обращать вниманіе на качественную сторону ихъ натуры, а не на количественную. Что же касается до качественной стороны ихъ натуры, то этою стороною они стоятъ нисколько не выше многихъ Ивановъ Ивановичей и Петровъ Петровичей, моихъ пріятелей и твоихъ пріятелей, читатель, которые не попали въ

исторію потому, что не обладаютъ достаточнымъ количествомъ силъ для этого, но они тѣмъ не менѣе ничѣмъ не хуже Ломоносова, или Бѣлинскаго. Я бы могъ обойтись и безъ историческихъ личностей, а взять одного изъ своихъ знакомыхъ и описать его, для сравненія съ Литвиновымъ; но въ такомъ случаѣ могутъ заподозрить, что я выдумалъ этого знакомаго изъ своей головы; возьмемъ же, коли такъ, общихъ знакомыхъ, каковы Ломоносовъ, Новиковъ и проч.

Прежде всего мы видимъ, что всѣ эти люди были весьма усидчивые и усердные труженики, не бросавшіе своего труда до гробовой доски. До сихъ поръ у насъ сохраняются взгляды на трудъ, такіе же древніе, какъ и самыя слова, выражающія это понятіе. Слова: *трудъ*, *работа*, составились, очевидно, въ то время, когда не было свободнаго труда, а былъ одинъ принудительный трудъ, рабство. И до сихъ поръ еще подъ трудомъ разумѣется что-то такое, къ чему человѣкъ принуждается; трудъ противополагается наслажденію, а человѣкъ, добровольно принимающійся за трудъ, предполагается обладающимъ сильною волею. Очевидно, что если трудъ есть нѣчто такое, къ чему человѣкъ не чувствуетъ естественнаго влеченія, то необходима огромная сила воли, чтобы приняться за него. Такой взглядъ поддерживается ненормальнымъ распредѣленіемъ труда, при которомъ, дѣйствительно, большинство людей принуждены бываютъ тратить весь запасъ воли на принужденіе себя къ труду, къ которому не имѣютъ ни малѣйшаго влеченія.

Совершенно не таковы были люди, о которыхъ мы говоримъ. Тѣ біографы, которые, удивляясь ихъ упорству въ трудѣ, ставятъ въ образецъ колоссальную силу воли этихъ людей, совершенно не понимаютъ ихъ; вовсе не сила воли, а двѣ страсти владѣли этими людьми. Первая страсть заключалась въ горячей, глубокой, доходящей до энтузіазма любви къ родинѣ. Это была не слѣпая, дикая любовь разныхъ квасныхъ патріотовъ, которые не видятъ въ своей землѣ ничего, кромѣ безусловныхъ совершенствъ, выходятъ изъ себя, если кто-нибудь замѣтитъ хотя одну мрачную краску на предметѣ ихъ любви, и для которыхъ совершенно достаточно, если родина ихъ достигаетъ наружнаго величія и блеска, хотя бы подъ этимъ блескомъ скрывалась внутренняя гниль. Подъ любовью къ родинѣ эти люди разумѣли страстное желаніе блага своимъ соотечественникамъ, желаніе всеобщаго счастья и довольства. И это было не что-либо надуманное, вычитанное изъ хорошихъ книжекъ, а дѣйствительная страсть, которая заставила Ломоносова воскликнуть на смертномъ одрѣ: „я умираю и на смерть гляжу равнодушно; жалѣю о томъ только, чего не успѣлъ совершить для пользы наукъ, для славы отечества и академіи нашей. Къ сожалѣнію вижу, что благія мои намѣренія исчезнутъ вмѣстѣ со мною". Какія же это были намѣренія?... Ломоносовъ прежде всего страстно желалъ распространенія просвѣщенія по всей массѣ народа, чтобы могли изъ народа выйти многочисленные Ломоносовы. Вся его академическая дѣятельность была направллена къ этому. Это была тревожная полная борьбы пропаганда распространенія просвѣщенія въ Россіи. „Чтожь до меня надлежитъ—писалъ Ломоносовъ къ Теплову—то я къ сему себя посвятилъ, чтобъ до гроба моего съ непріятелями наукъ россійскихъ бороться, какъ ужь борюсь двадцать лѣтъ; стоялъ за нихъ смолода, на старость не покину"... Одной пропаганды просвѣщенія было бы совершенно достаточно, чтобы посвятить ей всю жизнь, но Ломоносовъ не могъ ограничиться ею: страстная любовь къ народу и притомъ къ народу страждущему, угнетенному, влекла его къ болѣе широкой дѣятельности. Такъ, въ одномъ изъ писемъ къ Шувалову, онъ излагаетъ нѣсколько мыслей о сохраненіи и размноженіи русскаго народа и между прочимъ пишетъ слѣдующее: „Божественное дѣло и милосердыя, и человѣколюбивыя, нашея монархини кроткаго сердца достойное дѣло—избавлять подданныхъ отъ смерти, хотя бы иные по законамъ и достойны были. Сіе помилованіе есть явное и прямо зависящее отъ ея материнскія высочайшія воли и повелѣнія. *Но много есть человѣкоубивства и еще самоубивства, народъ умаляющаго, коего непосредственными указами, безъ исправленія или совершеннаго истребленія нѣкоторыхъ обычаевъ, и еще нѣкоторыхъ подъ именемъ узаконеній вкоренившихся, истребить невозможно*... И вотъ Ломоносовъ предпринимаетъ цѣлое сочиненіе, въ которомъ намѣревается изложить свои мысли: 1) о размноженіи и сохраненіи россійскаго народа, 2) о истребленіи праздности, 3) о исправленіи нравовъ и большемъ народа просвѣщеніи, 4) о исправленіи земледѣлія, 5) о исправленіи и размноженіи ремесленныхъ дѣлъ и художествъ, 6) о лучшихъ пользахъ купечества, 7) о лучшей государственной экономіи, 8) о сохраненіи военнаго искуства во время долговременнаго мира. То-же живое, страстное побужденіе заставило Новикова раздавать народу даромъ хлѣбъ въ голодный годъ и издавать книги для народнаго просвѣщенія. А Бѣлинскій—ну, не смѣшно-ли, что онъ ухлопалъ себя преждевременно писаньемъ журнальныхъ статеекъ? Говорятъ, что Добролюбовъ просиживалъ ночи за писаньемъ своихъ статей, и друзья насилу могли отрывать его отъ письменнаго стола, видя что ему вредно такое бдѣніе, насилу могли спровадить его за-границу лечиться. Неужели такое страстное занятіе дѣломъ, доходящее до какого-то запоя, заглушающее въ человѣкѣ чувство самосохраненія, происходило изъ холоднаго принципа пользы, и механической силы воли, заставлявшей пригвождать себя къ письменному столу, когда жизнь висѣла на волоскѣ?...

Другою страстью, возбуждавшею этихъ людей къ дѣятельности, была любовь къ самому процессу труда, безотносительно его приложенія. Жалки тѣ люди, которые вносятъ въ жизнь одни холодные принципы, не оживляя ихъ страстными влеченіями, составляющими могучій двигатель жизни. Такіе люди, додумавшись до той идеи, что слѣдуетъ трудиться на общую пользу, начинаютъ обыкновенно холодно раздумывать, какой-же-бы это трудъ предпринять имъ? Начать развѣ заниматься наукою? Но какою же? Исторіею или ботаникою? Исторіею интереснѣе; но... химіею полезнѣе... Дай займусь химіею... А то не заняться ли переводами, не завести ли библіотеку?... Нѣтъ, пойду лучше въ адвокаты!... Подобная готовность заниматься, чѣмъ угодно, показываетъ неспособ-

ность ни къ чему. Химиками или адвокатами сдѣлаются эти люди, все равно: они навсегда останутся жалкими рутинерами и педантами въ своемъ дѣлѣ и ихъ всегда обгонитъ человѣкъ, страстно привязанный къ своему труду. Страсть, влекущая къ труду, всегда перетянетъ силу воли, принуждающую человѣка къ тому же труду, какъ бы ни была велика эта сила. Она управляется совершенно тѣми же законами, какъ и половая любовь. Только ту любовь мы называемъ истинною, благотворною, которая является свободнымъ, страстнымъ влеченіемъ. Всякаго человѣка, принуждающаго себя къ половой любви, мы называемъ проститутомъ, все равно каковы бы ни были причины такого принужденія, хотя бы самыя высокія. Слѣдствіемъ принужденія къ труду является отвращеніе отъ него, побужденіе залить скуку ненаполненной жизни пьянствомъ или развратомъ, медленное угасаніе физическое, отупѣніе и жалкое прозябаніе подъ старость, или же сумашествіе и смерть отъ самоубійства. Не таковъ былъ трудъ, который наполнялъ жизнь людей, разсматриваемыхъ нами: онъ не былъ для нихъ принужденіемъ, а напротивъ того, они выносили изъ него то жгучее наслажденіе, которое испытываетъ всякій человѣкъ въ минуты удовлетворенія какой-нибудь страсти; мы видѣли уже, до какого излишества доходилъ въ своемъ трудѣ Бѣлинскій—излишества, которое заставляло его пренебрегать потребностью отдыха въ такое время, когда серьезная болѣзнь угрожала ему смертію. Ломоносовъ былъ еще необузданнѣе въ своемъ трудѣ: случалось, что по цѣлымъ недѣлямъ онъ не выпускалъ изъ рукъ книгъ, забывая даже обѣдать и питаясь въ это время однимъ мартовскимъ пивомъ да бутербродами. Для такихъ людей, съ ихъ горячимъ влеченіемъ къ своему труду, немыслимо было бросить разомъ свой трудъ и промѣнять его на что нибудь другое, напримѣръ, на составленіе карьеры ради увлеченія любимой женщиной. А между тѣмъ, они не были мрачными аскетами, не говорили, что въ жизни каждая минута должна быть посвящена труду, что человѣкъ долженъ быть глухъ ко всѣмъ прочимъ наслажденіямъ жизни, долженъ считать ихъ ниже себя. Такой надуманный ригоризмъ, сдавливающій природу человѣка и искажающій ее, былъ чуждъ этимъ людямъ. Какъ ни любили они свой трудъ, они не были чужды разныхъ наслажденій жизни; они всѣ любили и были любимы, хотя не дѣлали изъ любви содержанія всей жизни. Страсть къ труду и къ любимой женщинѣ не только не мѣшали у нихъ другъ другу, а напротивъ того помогали одна другой. Но всѣ эти люди не были чужды даже и самыхъ обыденныхъ развлеченій: для Ломоносова былъ праздникъ, когда къ нему пріѣзжали архангельскіе земляки, и онъ пировалъ съ ними до поздней ночи; Бѣлинскій страстно любилъ играть въ преферансъ и не считалъ эту страсть недостойною себя.

Таковы были люди, стоявшіе во главѣ русскаго прогресса. Я указалъ на главныя черты этого положительнаго типа, но эти черты такого свойства, что онѣ нисколько не зависятъ отъ степени геніальности этихъ людей. Горячая любовь къ ближнимъ, горячая любовь къ труду и простое, естественное отношеніе къ жизни, безъ всякихъ натяжекъ и аффектацій—вотъ три простыя свойства, которыя сдѣлали этихъ людей великими; но, вѣдь эти свойства можетъ имѣть каждый человѣкъ, какъ бы ни были ничтожны его силы въ количественномъ отношеніи. Въ числѣ твоихъ знакомыхъ, читатель, по всей вѣроятности, найдется не одинъ, не два человѣка, обладающихъ такими свойствами. Бѣлинскій воспиталъ поколѣніе; ты вслѣдствіе этого знаешь его, читатель. А вонъ тамъ, гдѣ нибудь на чердачкѣ, сидитъ безвѣстный переводчикъ или переводчица и строчатъ они заказную работу къ завтрашнему дню; какъ они бѣдны, просты, даже смѣшны; ничего-то въ нихъ нѣтъ особеннаго, что возвышало бы ихъ надъ толпою: ни отпечатка высокихъ думъ на челѣ, ни гордаго страданія во взорахъ; сидятъ и строчатъ переводъ, и идутъ у нихъ дни за днями упорнаго труда, пересыпаемаго обыденными шутками, обыденными забавами, можетъ быть и обыденною любовью безъ романтическихъ страданій и ужасовъ... А между тѣмъ эти простые и безвѣстные труженики такіе же герои, какъ и Бѣлинскій; они тоже воспитываютъ поколѣніе въ числѣ другихъ такихъ же тружениковъ, какъ и они...

Что такіе люди есть, что ихъ много на Руси—въ этомъ никто не сомнѣвается. Не сомнѣвается также никто и въ томъ, что ихъ только можно назвать лучшими представителями русскаго общества. Посмотримъ же, принадлежитъ ли къ ихъ числу Литвиновъ, чтобы по немъ, какъ лучшемъ представителѣ нашего общества, можно было судить о несостоятельности нашей жизни вообще.

V.

Литвиновъ былъ сынъ отставного служаки-чиновника изъ купеческаго рода, попавшаго въ помѣщики по милости жены-дворянки. Онъ получилъ первоначальное воспитаніе въ деревнѣ, а потомъ, по смерти матери, поступилъ въ московскій университетъ. Будучи студентомъ, онъ часто посѣщалъ князей Осининыхъ, проживавшихъ въ Москвѣ въ весьма стѣсненныхъ обстоятельствахъ, чуть не въ бѣдности. Здѣсь онъ сошелся впервые съ дочерью Осининыхъ, Ириною, только что вышедшею изъ института.

Большинство читателей отнеслось къ Иринѣ весьма пренебрежительно, какъ къ пустой, тщеславной, безхарактерной свѣтской кокеткѣ. Она, которая такъ пламенно любила и нѣжно была любима, промѣняла свою любовь на мишурный блескъ большого свѣта. Мало того, потомъ, когда опять встрѣтилась съ любимымъ человѣкомъ, послѣ самыхъ упоительныхъ свиданій, вторично промѣняла своего любовника на тотъ же мишурный блескъ!... Первую ея измѣну, такъ и быть, можно еще простить ради того, что она получила плохое образованіе, была молода и неопытна... Но во второй разъ!... О, тутъ она вполнѣ извѣдала опытомъ, каковъ этотъ свѣтъ, успѣла разочароваться въ немъ совершенно, и вдругъ что же: милый человѣкъ зоветъ ее вкушать счастіе любви подъ соломенною крышею, она отвѣчаетъ: я не могу, я не въ силахъ; милый человѣкъ предлагаетъ ей мѣсто возлѣ себя въ вагонѣ, она стоитъ, какъ истуканъ!... Ей

жалко брюссельскихъ кружевъ и баденскихъ пикниковъ!... Какое ужасное паденіе!...

Я очень хорошо понимаю твое добродѣтельное негодованіе, моя милая читательница. Это негодованіе происходитъ оттого, что у тебя доброе и чувствительное сердце. Но, увы! я не въ силахъ сердиться на Ирину... Мало этого, я убѣжденъ, что каждая моя, хоть сколько нибудь порядочная читательница, встрѣться она въ своей жизни съ Литвиновымъ, поступила бы навѣрное такъ же, какъ и Ирина, то есть промѣняла бы Литвинова на какой нибудь свѣтъ. Очень можетъ быть, что это былъ бы иной свѣтъ инаго солнца; но во всякомъ случаѣ я убѣжденъ, что читательница не могла бы удовлетвориться узкою любовью Литвинова и измѣнила бы ему не лучше Ирины. Если въ чемъ нибудь можно пожалѣть Ирину, такъ это въ томъ, что она промѣняла Литвинова на мишуру, а не на что нибудь лучшее. Но посмотримъ, виновата ли она и въ этомъ? Прежде всего мы попросимъ читателя выкинуть изъ головы всю послѣдующую жизнь Ирины, и представить ее себѣ такою, какова была она до встрѣчи съ Литвиновымъ. Вотъ какою изображаетъ ее намъ писатель:

«Это была дѣвушка высокая, стройная, съ нѣсколько впалою грудью и молодыми узкими плечами, съ рѣдкою въ ея лѣта блѣдно-матовою кожей, чистою и гладкою, какъ фарфоръ, съ густыми, бѣлокурыми волосами: ихъ темныя пряди оригинально перемежались другими, свѣтлыми. Черты ея лица, изящно, почти изысканно правильныя, не вполнѣ еще утратили то простодушное выраженіе, которое свойственно первой молодости; но въ медлительныхъ наклоненіяхъ ея красивой шейки,въ улыбкѣ не то разсѣянной, не то усталой, сказывалась нервическая барышня, а въ самомъ рисункѣ этихъ чуть улыбавшихся тонкихъ губъ, этого небольшого орлинаго, нѣсколько сжатаго носа, было что-то своевольное и страстное, что-то опасное и для другихъ, и для нея. Поразительны, истинно поразительны были ея глаза изъ-черна сѣрые, съ зеленоватыми отливами, съ поволокой, длинные, какъ у египетскихъ божествъ, съ лучистыми рѣсницами и смѣлымъ взмахомъ бровей. Странное выраженіе было у этихъ глазъ: они какъ будто глядѣли, внимательно и задумчиво глядѣли изъ какой-то невѣдомой глубины и дали. Въ институтѣ Ирина слыла за одну изъ лучшихъ ученицъ по уму и способностямъ, но съ характеромъ непостояннымъ, властолюбивымъ и съ бѣдовою головой; одна классная дама напророчила ей, что ея страсти ее погубятъ: «vos passions vous perdront»; за то другая классная дама ее преслѣдовала за холодность и безчувственность, и называла ее «une jeune fille sans coeur». Подруги Ирины находили ее гордою и скрытною, братья и сестры ея побаивались, мать ей не довѣряла, а отцу становилось неловко, когда она устремляла на него свои таинственные глаза; но и отцу, и матери она внушала чувство невольнаго уваженія не въ силу своихъ качествъ, а въ силу особенныхъ, неясныхъ ожиданій, которыя она въ нихъ возбуждала, Богъ вѣдаетъ, почему.

— Вотъ ты увидишь, Прасковья Даниловна, сказалъ однажды старый князь, вынимая чубукъ изо рта:—Аринка-то насъ еще вывезетъ.

Княгиня разсердилась и сказала мужу, что у него «des expressions insupportables», но потомъ задумалась и повторила сквозь зубы:

— Да... и хорошо бы насъ вывезти.

Ирина пользовалась почти неограниченною свободою въ родительскомъ домѣ; ее не баловали, даже не много чуждались ея, но и не прекословили ей: она только того и хотѣла, и держала себя вообще довольно странно... Бывало, при какой нибудь уже слишкомъ унизительной сценѣ: лавочникъ ли придетъ и станетъ кричать на весь дворъ, что ему ужь надоѣло таскаться за своими же деньгами, собственные ли люди примутся въ глаза бранить своихъ господъ, что вы, молъ, за князья, коли сами съ голоду въ кулакъ свищете — Ирина даже бровью не пошевельнетъ и сидитъ неподвижно со злою улыбкой на сумрачномъ лицѣ; а родителямъ ея одна эта улыбка горше всякихъ упрековъ, и чувствуютъ они себя виноватыми, безъ вины виноватыми, передъ этимъ существомъ, которому какъ будто съ самого рожденія дано было право на богатство, на роскошь, на поклоненіе»...

Въ этомъ изображеніи вы видите дѣвушку, одаренную богатыми силами; видите, что эти силы покоряли все, что окружало ее: всѣ ее за что-то уважали, чего-то ждали отъ нея, и не только не смѣли прекословить ей, но побаивались ея. Далѣе вы видите, что она не могла довольствоваться узенькою, сѣренькою, мѣщанскою обстановкою своего дома... И это не удивительно: такія натуры никогда не уживались въ узенькой, замкнутой сферѣ монотоннаго, однообразнаго прозябанія. Онѣ всегда стремились разбить затхлую раковину, которая стѣсняетъ ихъ дыханіе, и вырваться на просторъ; всегда мечтали о жизни шумной и разнообразной, полной движенія и свѣта... Въ періодъ дикой жизни такія женщины бросали домашній очагъ, дѣлались удалыми поляницами и мѣрялись силою съ богатырями. Таковы типы Брунегильды и удалой жены Дуная Ивановича. Въ средніе вѣка такія женщины дѣлались Іоннами д'Аркъ, Марфами Посадницами или Юліаніями Лазаревскими. Когда мрачная, озлобленная Ирина глядѣла на мелкія домашнія дрязги, въ ея молодой головкѣ развивалась картина иной жизни, не такой жалкой, монотонной... Какую же иную жизнь могла представлять себѣ Ирина? Не забывай, читатель, при этомъ, ту огромную разницу, какая существуетъ между количествомъ данныхъ силъ и качествомъ ихъ. Отбрось разъ на всегда романтическую идею, что если человѣкъ одаренъ богатыми силами, то онъ непремѣнно долженъ идти по хорошей дорогѣ. Недостаточно имѣть много силъ: надо, чтобъ силы эти были хорошо направлены. Попадись Иринѣ въ это время одна хорошая книжка, которая заняла бы ее; встрѣться съ нею хорошій человѣкъ, который могъ бы указать ей на жизнь, полную добра, истины и свѣта — она увлеклась бы по указанной дорогѣ съ такою же стремительностью, съ какою бросилась въ объятія свѣта. Но ни хорошей книжки, ни дѣльнаго человѣка не видала она вокругъ себя. Люди, которые окружали ее, съ самаго дѣтства постоянно напѣвали ей въ уши о прелестяхъ большого свѣта и о ея правахъ принадлежать къ нему. Весьма естественно, что жизнь, о которой она мечтала, не могла представляться ей иначе, какъ въ видѣ жизни большого свѣта; она воображала эту жизнь полною блеска, шума и движенія; ей казалось, что тамъ есть гдѣ разгуляться молодымъ силамъ, есть съ кѣмъ помѣряться, и она мечтала, какъ она сдѣлается побѣдительницею и всѣхъ увлечетъ за собою. Въ это роковое для нея время предсталъ передъ нею Литвиновъ. Онъ не принадлежалъ къ большому свѣту, не имѣлъ къ нему никакихъ влеченій, былъ человѣкъ иной сферы, учился въ

университетѣ, мечталъ о томъ, какъ онъ будетъ трудиться съ Ириною со временемъ, и даже либеральничалъ, увлекался Робеспьеромъ... Что жь, онъ увлекъ въ свою сферу женщину, которую полюбилъ? Сдѣлалъ ли онъ, по крайней-мѣрѣ, хоть какую-нибудь попытку внушить ей болѣе правильные взгляды на жизнь? Онъ вотъ какъ велъ себя передъ нею:

«Бывало забывъ лекціи и тетради, сидитъ онъ въ невеселой гостиной Осининскаго дома, сидитъ и украдкой смотритъ на Ирину: сердце въ немъ медленно и горестно ноетъ и давитъ ему грудь; а она какъ будто сердится, какъ будто скучаетъ, встанетъ, пройдется по комнатѣ, холодно посмотритъ на него, какъ на столъ или стулъ, пожметъ плечомъ и скреститъ руки; или въ теченіе цѣлаго вечера, даже разговаривая съ Литвиновымъ, нарочно ни разу не взглянетъ на него, какъ бы отказывая ему и въ этой милостынѣ; или, наконецъ, возьметъ книжку и уставится въ нее, не читая, хмурится и кусаетъ губы, а не то вдругъ спроситъ у отца или у брата: какъ по-нѣмецки терпѣніе?»

Пусть только читатель вообразитъ себѣ, какъ былъ смѣшонъ этотъ нѣжный, вздыхающій, молчащій и тающій любовникъ передъ удалою поляницею—и онъ вполнѣ пойметъ, что сердило Ирину, почему она относилась къ Литвинову съ презрительною суровостью, пожимала плечами и спрашивала у отца, какъ по-нѣмецки терпѣніе. Случись рядомъ съ Литвиновымъ другой человѣкъ, хоть немножко живѣе и энергичнѣе, по всей вѣроятности, Литвиновъ такъ и остался бы безотвѣтнымъ, тающимъ любовникомъ; но другаго такого не было возлѣ Ирины, а между тѣмъ, молодая кровь ея жаждала любви, сочувствія и вотъ она, наконецъ, полюбила Литвинова, или, по крайней мѣрѣ, вообразила, что полюбила. Что же онъ? Сдѣлался ли онъ хоть теперь немножко поэнергичнѣе, теперь, когда счастіе улыбнулось ему? Задалъ ли онъ себѣ хоть разъ вопросъ: „если я хочу соединить свою судьбу съ судьбою женщины, то не мѣшаетъ подумать, какія убѣжденія и стремленія у этой женщины, согласны ли съ моими убѣжденіями, и если не согласны, то нельзя ли сдѣлать какъ нибудь такъ, чтобы были согласны?“... Не только никакого подобнаго вопроса не приходило въ голову Литвинову, напротивъ того, мы видимъ, что если онъ таялъ во время безуспѣшной любви, то при успѣшной онъ окончательно растаялъ.

«Ирина вполнѣ завладѣла своимъ будущимъ женихомъ, да и онъ самъ охотно отдался ей въ руки. И жутко ему было, и сладко, и ни о чемъ онъ не жалѣлъ, и ничего не берегъ. Размышлять о значеніи, объ обязанностяхъ супружества, о томъ, можетъ ли онъ, столь безвозвратно покоренный, быть хорошимъ мужемъ и какая выйдетъ изъ Ирины жена, и правильны ли отношенія между ними—онъ не могъ рѣшительно; кровь его загоралась, и онъ зналъ одно: идти за нею, съ нею, впередъ и безъ конца, а тамъ будь что будетъ!»...

А вѣдь у Ирины на столько было сильно чутье, что она сошлась съ человѣкомъ иной сферы, что даже безъ всякихъ усилій съ его стороны, она хоть на время сдѣлалась иной женщиной: „Ирина стала вдругъ повадлива, какъ овечка, мягка, какъ шелкъ и безконечно добра; принялась давать уроки своимъ младшимъ сестрамъ, не на фортепіано,—она не была музыкантшей,—но во французскомъ языкѣ, въ англійскомъ; читала съ ними ихъ учебники, входила въ хозяйство...„

Она чуяла, хотя и очень смутно, что съ Литвиновымъ она готовится къ какой-то иной жизни, и хотя при старой закваскѣ могла еще возмущаться иногда отсутствіемъ перчатокъ на рукахъ милаго, или своимъ бѣднымъ платьемъ, но потомъ она сама искренно каялась въ своихъ выходкахъ... Подъ вліяніемъ этого смутнаго вѣянія иной жизни, она наотрѣзъ отказалась ѣхать на балъ въ благородное собраніе, когда ее начали убѣждать въ этомъ родители. Каково же было удивленіе ея, когда милый ея, во имя котораго она именно и отказалась отъ бала, съ своей стороны, началъ убѣждать ее ѣхать на балъ. Ирина пристально и внимательно посмотрѣла на него, такъ пристально и внимательно, что онъ смутился, и, поигравъ концами своего пояса, спокойно промолвила:

— Вы этого желаете? вы?..

Въ одномъ этомъ вопросѣ заключается вся исторія любви Ирины... Ожиданіе отъ Литвинова чего-то иного и внезапное разочарованіе въ своемъ ожиданіи...

— Да... я полагаю, отвѣчалъ съ запинкой Литвиновъ.—Я согласенъ съ вашимъ батюшкой... Да и почему вамъ не поѣхать... людей посмотрѣть и себя показать, прибавилъ онъ съ короткимъ смѣхомъ...

Можетъ ли быть что нибудь и дряннѣе, и смѣшнѣе Литвинова въ подобномъ отвѣтѣ? Вы видите, что человѣкъ въ сущности нисколько не убѣжденъ, что Иринѣ слѣдуетъ ѣхать на балъ, а самъ убѣждаетъ ее ѣхать. Для чего же онъ дѣлаетъ это? Для того, чтобы угодить папенькѣ и маменькѣ? Могъ ли такой безхарактерный, дрянной человѣкъ оставаться героемъ дѣвушки въ духѣ Ирины? Немудрено, что затѣмъ послѣдовалъ такой разговоръ:

— Себя показать, медленно повторила она. — Ну, хорошо, я поѣду... Только помните, вы сами этого желали.

— То-есть, я... началъ было Литвиновъ.

— Вы сами этого желаете, перебила она. — И вотъ еще одно условіе: вы должны мнѣ обѣщать, что васъ на этомъ балѣ не будетъ.

— Но отчего же?

— Мнѣ такъ хочется.

Литвиновъ разставилъ руки.

— Покоряюсь... но признаюсь, мнѣ было бы такъ весело видѣть васъ во всемъ великолѣпіи, быть свидѣтелемъ того впечатлѣнія, которое вы непремѣнно произведете... Какъ бы я гордился вами! прибавилъ онъ со вздохомъ.

Ирина усмѣхнулась.

— Все это великолѣпіе будетъ состоять въ бѣломъ платьѣ, а что до впечатлѣнія... Ну, словомъ, я такъ хочу.

— Ирина, ты какъ будто сердишься?

Ирина усмѣхнулась опять.

— О, нѣтъ! Я не сержусь. Только ты... Она вперила въ него свои глаза, и ему показалось, что онъ еще никогда не видалъ въ нихъ такого выраженія.— Можетъ быть, это нужно, прибавила она вполголоса.

— Но, Ирина, ты меня любишь?

— Я люблю тебя, отвѣтила она, съ почти торжественною важностью, и крѣпко, по-мужски, пожала ему руку.

Въ этомъ разговорѣ просвѣчиваетъ полное разочарованіе Ирины въ своемъ миломъ, и вы напередъ предугадываете разрывъ. Онъ не захотѣлъ быть героемъ въ той иной сферѣ, въ какой смутно ждала отъ него Ирина геройства. Онъ оказалъ въ этой иной сферѣ полнѣйшую дрянность; подстрекаемый другими, онъ

сталъ толкать Ирину въ тотъ міръ, куда она могла идти и безъ него, и если она не шла туда, то потому, что между ею и этимъ міромъ стоялъ Литвиновъ. Но Литвиновъ вздумалъ посторониться. И ужь, конечно, не ему быть героемъ ея въ этомъ мірѣ: тамъ были герои болѣе подходящіе къ аристократическому балу, чѣмъ этотъ студентикъ съ мягкою улыбкою и руками, запачканными чернилами; онъ бы ей тамъ только мѣшалъ, можетъ быть даже ставилъ ее въ смѣшное положеніе своимъ присутствіемъ; весьма естественно, что она запретила ему являться туда. И естественно также, что разъ устремившись въ тотъ міръ, куда толкнулъ ее Литвиновъ, она не захотѣла возвращаться оттуда, тѣмъ болѣе что этотъ міръ былъ ей сродни, и она подготовлена была къ нему воспитаніемъ.

Что же за причина такой дряблости и дрянности Литвинова въ отношеніяхъ его къ Иринѣ? Причина очень ясная и простая. Для того, чтобы увлечь Ирину въ иной міръ—міръ полезнаго труда и свѣтлыхъ идей—ему самому нужно было быть увлечену въ этотъ міръ, ему самому надо было имѣть живую и горячую страсть къ труду и къ свѣтлымъ идеямъ. Страсть можетъ быть возбуждена только страстью.

Литвиновъ либеральничалъ передъ Ириною, говорилъ ей о предстоящемъ трудѣ, но все это съ чужаго голоса: самъ онъ не чувствовалъ живой страсти ни къ какимъ идеямъ, ни къ какому труду. Читатель, можетъ быть, спроситъ меня, на какомъ основаніи я заключаю это? На самомъ вѣрномъ основаніи: когда Литвинову не посчастливилось въ любви, онъ бросилъ университетъ и уѣхалъ къ отцу въ деревню. Этого довольно. Ну, подумай, читатель, кто не влюблялся изъ насъ на студенческой скамьѣ и не мечталъ, что эта любовь вѣчная на всю жизнь до гробовой доски. Но по большей части эта первая юная любовь обрывалась очень скоро, и что бы это было, когда бы всѣ студенты разъѣзжались со втораго или третьяго курса вслѣдствіе неудачи въ любви. Мы уже не будемъ говорить здѣсь о тѣхъ студентахъ, которые поступаютъ въ университетъ съ непреклоннымъ намѣреніемъ кончить курсъ, потому что это для нихъ вопросъ о насущномъ хлѣбѣ. Такимъ студентамъ некогда бываетъ и думать о любовныхъ приключеніяхъ; зарываясь въ книги, они открещиваются отъ преждевременной любви, какъ отъ дьявольскаго наважденія. Но если мы возьмемъ даже человѣка со средствами, для котораго возможно выкинуть такое колѣнцо, что взять да и выйти изъ университета изъ-за несчастной любви, то и такой студентъ не сдѣлалъ бы этого, еслибы былъ живой человѣкъ, еслибы университетская наука и свѣтлыя идеи могли бы увлечь его и заставить полюбить ихъ; онъ, можетъ быть, и погрустилъ бы въ первое время, мѣсяцъ-другой ни за что бы не могъ приняться. Но разумная страсть, и которую легко удовлетворить, взяла бы подъ конецъ перевѣсъ надъ страстью неразумною, и потому разбившеюся; подобно тому, какъ разочарованная въ любви дѣвушка, съ особенною нѣжностью сосредоточиваетъ свою привязанность на тѣхъ родныхъ и друзьяхъ, которыхъ она прежде любила, такъ и юноша весь пылъ своей молодой страсти сосредоточилъ бы на книгахъ и занялся бы ими съ удвоенною энергіею. Я знаю много подобныхъ примѣровъ; я видѣлъ собственными глазами, какъ молодые люди, послѣ неудавшейся любви, дѣлали такія чудеса и быстрые успѣхи въ своихъ трудахъ, которыхъ они не сдѣлали бы, еслибы жизнь ихъ текла ровно и природа ихъ не была потрясена внезапно налетѣвшею бурею. Что же касается до человѣка, въ которомъ окончательно созрѣла, укоренилась и дошла до полнаго сознанія страсть къ труду или къ какимъ нибудь идеямъ, для такого человѣка немыслимо было бы то, что случилось съ Литвиновымъ: такой человѣкъ или увлекъ бы Ирину за собою, или оставилъ бы ее на дорогѣ и ни на минуту не покинулъ бы своего труда, который дороже для него самой жизни.

Было наивное время, когда считали героями тѣхъ праздныхъ и дрянныхъ фатовъ, которые, въ отчаяньи отъ неудачной любви, уѣзжали на гибельный Кавказъ или пускались во всѣ тяжкія. Было время, когда сильная страсть къ женщинѣ, доводящая человѣка до сумашествія или до самоубійства, почиталась признакомъ избранной натуры. Но это время давно миновало и такія вулканическія страсти возбуждаютъ нынѣ одинъ смѣхъ. Онѣ служатъ признакомъ, что человѣкъ живетъ исключительною жизнью самца и у него нѣтъ другихъ страстей, которыя уравновѣшивали бы половыя наклонности и не давали бы человѣку забываться до чертиковъ. Такой человѣкъ похожъ на корабль безъ балласта и безъ руля. Онъ носится взадъ и впередъ по волнамъ, куда подуетъ вѣтеръ, и малѣйшій шквалъ можетъ перевернуть его кверху дномъ.

Будемъ слѣдить далѣе за Литвиновымъ въ его плаваніи безъ руля и безъ балласта. По пріѣздѣ въ деревню, онъ, какъ и подобаетъ праздному филистеру, не имѣющему живой страсти къ какому нибудь труду, „потолокся нѣсколько времени безъ дѣла, безъ связей, почти безъ знакомыхъ. По милости нерасположенныхъ къ нему дворянъ его уѣзда, проникнутыхъ не столько западною теоріею о вредѣ „абсентеизма“, сколько доморощеннымъ убѣжденіемъ, что „своя рубашка къ тѣлу ближе“, онъ въ 1855 году попалъ въ ополченіе и чуть не умеръ отъ тифа въ Крыму, гдѣ, не видавъ ни одного „союзника“, простоялъ шесть мѣсяцевъ въ землянкѣ на берегу Гнилаго Моря; потомъ послужилъ по выборамъ, конечно не безъ непріятностей, и поживъ въ деревнѣ, *пристрастился* къ хозяйству“... А! вотъ наконецъ является у него страсть къ труду, наконецъ-то и онъ принимается за дѣло. Вотъ онъ ѣдетъ за-границу учиться агрономіи и технологіи, трудится усердно, усидчиво, съ сознаніемъ пользы, которую онъ надѣется принести всему своему краю. Вотъ наконецъ передъ нами труженикъ, о которомъ мы съ тобой, читатель, мечтали въ предыдущей главѣ, и притомъ труженикъ любящій разумною любовью, которая нисколько не мѣшаетъ его труду.

«Онъ искренно любилъ, онъ глубоко уважалъ свою молодую родственницу (Татьяну Петровну Шестову), и окончивъ свою темную, приготовительную работу, собираясь вступить на новое поприще, начать действительную, некоронную службу, предложилъ ей, какъ любимой женщинѣ, какъ товарищу и другу, соединить свою жизнь съ его жизнью на

радость и на горе, на трудъ и на отдыхъ, «for better for worse», какъ говорятъ англичане».

Погоди, читатель, не торопись. Вотъ опять передъ нашимъ труженикомъ выступаетъ на сцену Ирина, встрѣтившая его въ Баденъ-Баденѣ. Но это не та уже Ирина, какую мы видѣли въ началѣ повѣсти, не наивная институточка, плачущая надъ своимъ старенькимъ платьицемъ и готовая влюбиться въ перваго студента. Нѣсколько лѣтъ жизни въ большомъ свѣтѣ, полной разныхъ треволненій и опытовъ, не могли не наложить на нее своей печати. Съ одной стороны, она была слишкомъ умна, чтобы удовлетворяться пошлыми людьми, окружавшими ее, и пошлою жизнью, которою жила. Но съ другой стороны, эта пошлая жизнь успѣла повліять на нее: какъ бы ни были велики силы человѣка, данныя ему отъ природы, онѣ могутъ поддерживаться и развиваться только постояннымъ упражненіемъ; такое упражненіе представляютъ силамъ человѣка трудъ и борьба во имя какихъ-нибудь идей. Ирина была избавлена и отъ того, и отъ другаго. Пустая, праздная жизнь не могла не растлить ея силъ; она привыкла къ отупляющему farniente, къ пошлымъ развлеченіямъ, убивающимъ послѣднія силы, но болѣе всего къ тому растлѣвающему комфорту, при которомъ человѣку не приходится пальцемъ пошевельнуть, чуть что сама пища не летаетъ ему прямо въ ротъ, да еще разжеванная. Нѣтъ ничего мудренаго, что при такихъ условіяхъ изъ нея выработался одинъ изъ тѣхъ типовъ, которые были въ большомъ ходу въ тридцатые года, но и теперь еще встрѣчаются при извѣстныхъ условіяхъ: это типъ разочарованной и скучающей барыни, проклинающей среду, и въ то же время неспособной пошевелить пальцемъ, чтобъ выбиться изъ нея. Встрѣча съ Литвиновымъ, въ которомъ продолжала она видѣть человѣка иной среды, послужила для нея новымъ и свѣжимъ впечатлѣніемъ среди монотонной скуки ея жизни. Она увлеклась Литвиновымъ, чтобы хоть чѣмъ нибудь наполнить свою жизнь, увлеклась отъ скуки, потому что свѣтскіе ловеласы и пошлые франты пріѣлись ей и ей захотѣлось испытать неизвѣданныхъ впечатлѣній.

А что же нашъ труженикъ? Вѣдь у него теперь былъ и руль, и балластъ, и цѣль впереди; устоялъ ли онъ отъ внезапно налетѣвшаго шквала? Увы, прощай и технологія, и агрономія, и мечта быть полезнымъ всему краю, и Татьяна. Стоило Иринѣ немного пококетничать съ нимъ, для того, чтобъ онъ написалъ къ ней такое письмо:

«Моя невѣста уѣхала вчера; мы съ нею никогда больше не увидимся... Я даже не знаю навѣрное, гдѣ она жить будетъ. Она унесла съ собою все, что мнѣ до сихъ поръ казалось желаннымъ и дорогимъ; всѣ мои предположенія, планы, намѣренія исчезли вмѣстѣ съ нею; самые труды мои пропали, продолжительная работа обратилась въ ничто, всѣ мои занятія не имѣютъ никакого смысла и примѣненія; все это умерло, мое я, мое прежнее я умерло и похоронено со вчерашняго дня. Я это ясно чувствую, вижу, знаю... и нисколько объ этомъ не жалѣю. Не для того, чтобъ жаловаться, заговорилъ я объ этомъ съ тобою. Мнѣ ли жаловаться, когда ты меня любишь, Ирина! Я только хотѣлъ сказать тебѣ, что изъ всего этого мертваго прошедшаго, изъ всѣхъ этихъ, въ дымъ и прахъ обратившихся, начинаній и надеждъ, осталось одно живое, несокрушимое: моя любовь къ тебѣ. Кромѣ этой любви у меня ничего нѣтъ и не осталось; назвать ее моимъ единственнымъ сокровищемъ было бы недостаточно; я весь въ этой любви, эта любовь весь я; въ ней мое будущее, мое призваніе, моя святыня, моя родина!..»

Въ этомъ письмѣ Литвиновъ прекрасно высказался весь, до самаго нутра. Тутъ уже не приходится дѣлать никакихъ предположеній, потому что на лицо факты. Литвиновъ самъ говоритъ, что единственно живое въ его душѣ — любовь къ Иринѣ, а остальное все, т.-е. его труды, начинанія, планы, любовь къ Татьянѣ—все это разсѣялось, какъ нѣчто мертвое. И онъ имѣетъ полное право называть все это мертвымъ: да, дѣйствительно, только любовь къ Иринѣ была живою страстью въ его душѣ; остальное все было мертвое; потому что было надуманное, плодъ холоднаго принципа и усилій воли, посредствомъ которыхъ Литвиновъ принуждалъ себя къ своимъ трудамъ. Если-бы это было не такъ, то Литвинову нелегко было-бы раздѣлаться со всѣмъ этимъ; какъ-бы ни была сильна страсть его къ Иринѣ, другія страсти заявили-бы свое; въ немъ была-бы борьба по крайней мѣрѣ. Кой-какую борьбу вы еще замѣчаете въ немъ относительно разрыва съ Татьяною; но что касается до его трудовъ и плановъ, то онъ бросаетъ ихъ, очертя голову, нисколько не раскаяваясь въ этомъ. Мало того, онъ, пристрастившійся къ хозяйству, онъ, только что получившій письмо отъ отца, что имѣнье его въ крайнемъ разстройствѣ, мечтаетъ еще болѣе разстроить его продажею лѣса и разныхъ угодій, для того, чтобы ѣхать съ Ириною куда-то въ Бельгію или Швейцарію. Куда? Зачѣмъ? Единственно для наслажденія любовью и для послѣдней растраты всѣхъ средствъ, какъ это обыкновенно дѣлаютъ праздные филистеры, случайно, во время своего фланированія, увлекшіеся какою-нибудь танцовщицею или такою-же, какъ и они, искательницею приключеній.

И несмотря на всю пошлость, которая окружала Ирину, несмотря на ея личное опошленье, посмотрите, какое сохранилось въ ней удивительное чутье, что все это какъ-то очень ужь неладно. Вотъ что сказала она Литвинову на его письмо:

— Твое письмо, другъ мой, навело меня на размышленія. Вотъ ты пишешь, что моя любовь для тебя все замѣнила, что даже всѣ твои прежнія занятія теперь должны остаться безъ примѣненія; а я спрашиваю себя, можетъ-ли мужчина жить одною любовью? не прискучитъ-ли она ему наконецъ, не захочетъ-ли онъ пенять на то, что его отъ нея отвлекло?

И знаете, что отвѣчалъ ей на это Литвиновъ?

— Ты напрасно этого боишься, началъ Литвиновъ:—я, должно быть, дурно выразился. Скука? бездѣйствіе? При тѣхъ новыхъ силахъ, которыя мнѣ дастъ моя любовь? О, Ирина, повѣрь, въ твоей любви для меня цѣлый міръ, и я самъ еще не могу теперь предвидѣть все, что можетъ развиться изъ него.

Предоставляю читателю самому судить, сколько въ этихъ звонкихъ фразахъ натянутой аффектаціи и пошлой лжи. Что можетъ развиться изъ любви, если человѣкъ бросаетъ для нея трудъ и цѣль жизни? Изъ одной любви—и любви-то не разовьется, а разовьется скука и пресыщеніе, неминуемое слѣдствіе удовлетворенія страсти. Для трудящагося человѣка женщина—

сегодня любовница, завтра, когда страсть удовлетворена, она неизмѣнная подруга его, съ которою идетъ онъ по одной дорогѣ къ одной цѣли. Любовь—любовью, трудъ—трудомъ; но воображать, что изъ нѣдръ одной любви разовьется и трудъ, и цѣль жизни также нелѣпо, какъ нелѣпы слова одной простонародной пѣсни, распѣваемой въ городахъ:

У мальчишки денегъ нѣту,
Чѣмъ онъ могъ тебя прельстить?
Любовь грѣетъ лучше денегъ,
Дровъ не надо покупать.

Можно-ли послѣ этого сѣтовать на Ирину, что въ концѣ-концовъ она не рѣшилась ѣхать съ Литвиновымъ на край свѣта, туда, гдѣ дѣвушки прядутъ, прялки на небо кладутъ? Видя, что Литвиновъ махнулъ рукою на все, кромѣ своей любви къ ней, она разсудила весьма разумно, что если этому барину ничего больше не нужно въ жизни, кромѣ одной моей любви, то зачѣмъ-же еще куда-то ѣхать? пусть себѣ наслаждается любовью здѣсь возлѣ меня, не все-ли равно, гдѣ ни наслаждаться любовью? Литвинова ужаснула мысль сдѣлаться протежируемымъ другомъ дома и тайнымъ любовникомъ аристократической барыни. Это дѣйствительно безчестно. А я спрошу у читателя, въ чемъ болѣе безчестія: жертвовать для любви одной своею личною честью или счастіемъ многихъ, благосостояніе которыхъ зависѣло отъ того, сталъ-ли бы Литвиновъ улучшать свое имѣніе, или, напротивъ того, высасывать изъ него послѣдніе соки ради честнаго похищенія Ирины и независимой жизни съ нею въ Швейцаріи? И знаешь что, читатель? Въ концѣ-концовъ я рѣшительно не въ состояніи опредѣлить, на столько-ли опошлѣла Ирина, что была не въ состояніи на рѣшительный шагъ, или можетъ быть, рѣшительнаго шага именно ей и не представлялось, а представлялся новый любовникъ въ иномъ родѣ. Лечиться отъ своей вторичной страсти къ Иринѣ, Литвиновъ снова поѣхалъ въ деревню. Тамъ онъ мало-по-малу успокоился, занялся снова хозяйствомъ и въ заключеніе женился на Татьянѣ. Татьяна—это типъ доброй, кроткой, недалекой женщины, у которой единственное содержаніе въ жизни—нѣжная, всепрощающая любовь. Разъ предавшись любимому человѣку, такія женщины любятъ тихою, какъ свѣчка теплящеюся любовью до гроба и готовы бываютъ простить милому человѣку, что угодно. Эта всепрощаемость достойна сожалѣнія; она возбуждаетъ тѣмъ болѣе грустное чувство, что ею обыкновенно пользуются и злоупотребляютъ на каждомъ шагу такіе люди, какъ Литвиновъ. Въ самомъ дѣлѣ, кто можетъ поручиться, что опять не налетитъ шквалъ и не перевернетъ кверху дномъ этотъ корабль безъ руля и балласта... Новая встрѣча съ какою нибудь смазливенькою кокеткою, возбудительный разговоръ гдѣ-нибудь въ саду въ лунную ночь, и чувство несчастной женщины снова попрано, разбито. Но не грусти, читатель: Татьяна снова проститъ, и въ концѣ-концовъ все пойдетъ какъ по маслу въ домѣ Литвинова: визгъ шестерыхъ дѣтей, соленье огурцовъ и рыжиковъ, вѣчные споры барина съ рабочими изъ-за усчитываемыхъ грошей ради хозяйственной экономіи, и англійскія машины въ сараяхъ подъ пыльными чехлами—плодъ агрономическихъ занятій барина за-границей.

VI.

Я ужь не буду говорить о томъ, похожъ ли Литвиновъ хоть сколько нибудь на доблестныхъ тружениковъ мысли, типъ которыхъ я попытался очертить въ четвертой главѣ. Если мы возьмемъ массу обыденныхъ тружениковъ: учителей, медиковъ, адвокатовъ, ученыхъ, технологовъ и пр., самый ограниченный изъ всѣхъ ихъ навѣрно окажется гораздо положительнѣе, устойчивѣе, а главное дѣло честнѣе Литвинова въ своихъ отношеніяхъ и къ труду, и къ любимой женщинѣ. А между тѣмъ Тургеневъ положительно сочувствуетъ Литвинову, какъ хорошему человѣку, сочувствуетъ съ первой страницы и до послѣдней. „На первый взглядъ онъ производилъ впечатлѣніе честнаго и дѣльнаго, нѣсколько самоувѣреннаго малаго, какихъ довольно много бываетъ на свѣтѣ“... Такъ начинаетъ Тургеневъ знакомить своихъ читателей съ Литвиновымъ. Далѣе, очерчивая ядовитыми красками кружокъ ли[illegible]аловъ, Тургеневъ помѣщаетъ туда Литвинова для того, чтобы онъ оттѣнялъ своею положительностью и своимъ умомъ ихъ безобразія. Вотъ какое впечатлѣніе заставляетъ Тургеневъ своего героя вынести изъ этого кружка:

«Свѣжій ночной воздухъ ласково прильнулъ къ воспаленному лицу Литвинова, влился пахучею струей въ его засохшія губы. «Что это, думалъ онъ, идя по темной аллеѣ: причемъ это я присутствовалъ? Зачѣмъ они собрались? Зачѣмъ кричали, бранились, изъ кожи лѣзли? Къ чему все это?» Литвиновъ пожалъ плечами и отправился къ Веберу, взялъ газету и спросилъ себѣ мороженнаго».

Описывая столь же ядовитыми красками генераловъ, окружавшихъ Ирину, Тургеневъ вселяетъ въ своего героя даже плебейскую гордость передъ ними и заставляетъ его любить то, что они ненавидятъ, и ненавидѣть то, что они любятъ, забывая, что онъ представилъ его въ то же время человѣкомъ, неимѣющимъ никакихъ политическихъ убѣжденій! Въ одномъ мѣстѣ своей повѣсти онъ имѣетъ даже поползновеніе оправдать дрянность своего героя общею ссылкою на природу, на которую обыкновенно ссылаются, когда хотятъ что нибудь оправдать: „людямъ положительнымъ, говоритъ онъ, въ родѣ Литвинова, не слѣдовало бы увлекаться страстью... Но природа не справляется съ логикой; у нея есть своя, которую мы не понимаемъ и не признаемъ до тѣхъ поръ, пока она насъ, какъ колесомъ, не переѣдетъ“.

Что жь за причина, что Тургеневъ такъ сочувственно относится къ Литвинову, тогда какъ этотъ Литвиновъ не выдерживаетъ самой снисходительной критики, по сравненію его съ дѣйствительно хорошими и здоровыми элементами нашей жизни?

Причина очень простая; для объясненія ея я попрошу только читателя припомнить третью главу моей статьи: въ этой главѣ я постарался показать, что до 40-хъ годовъ вся русская образованность ограничивалась одною дворянскою средою; на эту среду глядѣли, какъ на средоточіе, какъ на альфу и омегу всего русскаго. Все, что говорилось и писалось—писалось объ этой средѣ и для нея. Все, что не принадлежало къ

этой средѣ, третировалось съ презрительною насмѣшкою и въ рѣдкихъ случаяхъ съ тѣмъ высокомѣрнымъ снисхожденіемъ, которое почему-то называлось гуманностью къ низшимъ.

Проведя первые годы своей юности, своего развитія подъ вліяніемъ такого порядка, Тургеневъ такъ свыкся съ нимъ, что не могъ отъ него отрѣшиться, несмотря даже на то, что подъ вліяніемъ 40-хъ годовъ усвоилъ отрицательный взглядъ на эту среду.

У Тургенева слились вмѣстѣ два взгляда: взглядъ на извѣстную среду, какъ на средоточіе всего русскаго, и въ то же время взглядъ на эту среду, какъ на нѣчто дряблое, растлѣнное, изжившееся. Изъ подобнаго слитія двухъ взглядовъ слѣдуетъ прямой результатъ: если по жизни и нравамъ одной среды мы будемъ заключать о жизни и нравахъ всего общества, и если эта жизнь представится намъ выдохшеюся, а нравы дрянными, въ такомъ случаѣ мы невольно придемъ къ выводу, что и все общество никуда не годится. Вотъ, чѣмъ только и можно объяснить постоянное сѣтованіе Тургенева, проходящее по всѣмъ его произведеніямъ, о томъ, что у насъ нѣтъ хорошихъ людей, что не только русское племя, но и всѣ вообще славяне страдаютъ отсутствіемъ силы воли и т. под. Изъ всего, что было сказано въ этой статьѣ, читатель можетъ наглядно убѣдиться, можно ли писателю полагаться на одно свое непосредственное творчество, особенно, когда писатель берется судить о жизни и судьбахъ цѣлаго общества. Чтобы судить справедливо о цѣломъ обществѣ, нужно прежде всего тщательно и всесторонне изучить это общество во всѣхъ его слояхъ и положеніяхъ, нужно до такой степени умственно отрѣшиться отъ своей среды, чтобы быть въ состояніи сравнивать безпристрастно жизнь и нравы разныхъ слоевъ. Тургеневъ, сжившись со своею узенькою средою, изучивъ нравы одного только слоя общества, по этому слою берется заключать обо всемъ обществѣ. И посмотрите, въ какой просакъ попадаетъ онъ на каждой страницѣ своей повѣсти. Между прочимъ, онъ взялся въ своемъ произведеніи покарать либераловъ. Ну, чтожь, прекрасно. Очень можетъ быть, что либерализмъ этотъ—такая язва на русской почвѣ, что необходимо распутать всѣ его хитросплетенныя нити и вырвать это зло съ корнемъ. Это подвигъ вполнѣ достойный русскаго писателя и весьма обыкновенный на Руси, когда писателю перешло за 50 и когда онъ перестал уже сожигать то, чему поклонялся, и начинаетъ вновь поклоняться тому, что сожигалъ. Что же дѣлаетъ Тургеневъ для наказанія либераловъ? Онъ изображаетъ нѣсколько личностей, судя по его описанію, дѣйствительно пошлыхъ и дрянныхъ. Всѣ они прикидываются людьми что-то дѣлающими, но въ сущности ничего не дѣлаютъ и фланируютъ за границей точно такъ же, какъ Литвиновъ и окружавшіе Ирину генералы. Тургеневъ выставляетъ особенно на видъ, что Губареву его либерализмъ не мѣшалъ владѣть имѣньемъ посредствомъ братца-дантиста, а Ворошиловъ кончаетъ со своимъ либерализмомъ тѣмъ, что поступаетъ вновь на военную службу. Все это нисколько не удивительно; очень можетъ быть, что Тургеневъ взялъ всѣ эти личности изъ дѣйствительности, нисколько не исказивъ и не окарикатуривъ ихъ. Но, чтожь въ этомъ? Вы видите наглядно, что всѣ эти личности относятся всѣ къ тому же разряду, къ какому принадлежатъ Литвиновъ, Потугинъ и всѣ прочіе. Но подобно тому, какъ нельзя судить о всеобщей жизни общества по одной средѣ, такъ нельзя судить и о либерализмѣ по тому, какъ этотъ либерализмъ проявляется въ этой средѣ. Для того, чтобы составить вѣрное понятіе о либерализмѣ на Руси, нужно опять-таки изучить, какъ проявляется онъ во всѣхъ слояхъ общества, и въ особенности въ такихъ, гдѣ онъ является не какъ забава и игра въ кошки-мышки отъ нечего дѣлать, а естественно возникаетъ изъ самой жизни, гдѣ онъ явился бы самъ собою и безъ вліянія Запада. И только послѣ такого изученія писатель имѣетъ право карать либерализмъ или преклоняться передъ нимъ. А если писатель не захочетъ приложить къ своему труду добросовѣстнаго изученія, если онъ мечтаетъ, что достаточно одного непосредственнаго творчества, чтобы быть судьею и карателемъ надъ всѣмъ обществомъ, въ такомъ случаѣ пусть ужь онъ лучше всего ограничивается анализомъ любви, предметомъ, судя по всѣмъ произведеніямъ Тургенева, болѣе всего извѣстнымъ ему; пусть онъ знаетъ напередъ, что его караніе либерализма не принесетъ никакого вреда либерализму и никакой пользы тѣмъ идеямъ, во имя которыхъ онъ караетъ либерализмъ, а окажется холостымъ выстрѣломъ въ воздухъ, ради потѣхи праздной толпы.

РУССКОЕ НЕДОМЫСЛІЕ.

«Отцы и дѣти», И. Тургенева. 1862 г.—«Взбаламученное море», А. Писемскаго. 1863 г. — «Марево», В. Ключникова. 1864 г.—«Некуда», М. Стебницкаго. 1865 г.—«Бродящія силы», В. Авенаріуса. 1867 г.

I.

Романъ за романомъ,—въ пять лѣтъ составилась цѣлая школа произведеній, однородныхъ по взглядамъ и тенденціямъ, симпатіямъ и антипатіямъ писателей, принадлежащихъ къ ней.

Но не довольно ли уже распространяться обо всѣхъ этихъ произведеніяхъ, спроситъ меня читатель: развѣ мало было писано о каждомъ изъ нихъ? Развѣ не установился въ публикѣ взглядъ на всѣ эти произведенія? Что же еще новаго можно сказать по поводу этихъ романовъ? Выводить ихъ снова на сцену и по-

дымать по поводу ихъ разныя старыя дрязги—не значитъ ли это придавать имъ слишкомъ большое значенie, котораго они, конечно, не заслуживаютъ. Не лучше ли предать ихъ вѣчному забвенію и сдать ихъ въ убогій архивъ нашей беллетристики на руки потомству, которое, конечно, останется очень довольно наслѣдствомъ, завѣщаннымъ ему нашимъ просвѣщеннымъ временемъ?

Конечно, сказать что-нибудь особенно новаго по поводу всѣхъ этихъ романовъ нечего. Но тѣмъ не менѣе, не мѣшаетъ бросить на нихъ общій взглядъ и подвести подъ ними итогъ. Во всякомъ случаѣ, иная точка зрѣнія представляется при разборѣ отдѣльнаго романа, иная при разборѣ цѣлаго рода однородныхъ произведеній. Многое, что рисовалось на первомъ планѣ передъ критикомъ вновь вышедшаго романа, уходитъ на задній планъ, въ виду перспективы романовъ одного рода, и наоборотъ: многое, что могло оставаться незамѣченнымъ, выступаетъ теперь на первое мѣсто. Но что всего важнѣе, личности писателей съ индивидуальными особенностями и побужденіями уходятъ на задній планъ при такомъ общемъ разборѣ, перестаютъ казаться главными виновниками своихъ произведеній. Передъ вами рядъ однородныхъ явленій, сливающихся въ общій историческій фактъ, и у васъ невольно является побужденіе причину этого факта искать въ общихъ условіяхъ жизни общества. Прислушайтесь къ этому хору, и за нимъ вы услышите тысячи голосовъ, подтягивающихъ ему и въ столицѣ, и въ провинціяхъ—во всѣхъ сферахъ нашей жизни. Если иному читателю романы эти покажутся плодами жалкаго невѣжества, то пусть онъ не забываетъ, что они служатъ выраженіемъ невѣжества большинства нашего общества. Авторы ихъ тѣмъ только виноваты, что они ничѣмъ не возвышаются надъ толпою, а служатъ пассивнымъ оттолоскомъ ея темныхъ предразсудковъ, раздѣляютъ съ нею ея скудомысліе, ея жалкую слѣпоту. Когда настанетъ судъ, такъ-называемаго, безпристрастнаго потомства, оно будетъ судить объ общемъ уровнѣ образованности нашего времени не по рѣдкимъ проблескамъ здоровой и свѣжей мысли, а именно по этимъ памятникамъ, вполнѣ достойнымъ своего времени. При такихъ условіяхъ общій обзоръ всѣхъ этихъ произведеній можетъ быть въ то же время общимъ обзоромъ уровня образованности и развитія мысли нашего общества въ послѣднее десятилѣтіе.

II.

Что прежде всего должно поразить насъ въ мышленіи нашихъ соотечественниковъ, это крайне извращенный взглядъ, съ какимъ обыкновенно смотрятъ у насъ на умственное движеніе послѣдняго десятилѣтія. Въ немъ видятъ господство *отрицательнаго направленія, нигилизма*, которымъ будто бы увлеклась молодежь и довела его до крайнихъ предѣловъ, предавши отрицанію все, что только возможно было отвергнуть—любовь, бракъ, семью, науки, искусства и пр. Принимая въ разсчетъ, что взглядъ подобнаго рода вышелъ изъ среды поколѣнія 40-хъ годовъ, мы можемъ назвать его субъективнымъ въ томъ смыслѣ, въ какомъ называется такимъ всякій взглядъ такого рода, когда люди приписываютъ чему либо свои собственныя свойства и качества. Въ самомъ дѣлѣ: если было когда-либо на Руси отрицательное направленіе отчаяннаго свойства, то это было именно въ эпоху 30-хъ, 40-хъ и 50-хъ годовъ, и послѣднее десятилѣтіе, въ сущности своей, представляетъ не развитіе нигилизма, какъ думаютъ многіе, а напротивъ того, выходъ изъ него.

На первый взглядъ подобная мысль можетъ показаться читателю отчаяннымъ пародоксомъ. Но если мнѣ удастся представить характеристику двухъ эпохъ со стороны развитія мысли и міросозерцанія общества во все это время, то, можетъ быть, въ этомъ пародоксѣ, онъ увидитъ самую простую, азбучную истину.

У насъ принято въ литературѣ называть нашихъ отцовъ и дѣдовъ идеалистами и романтиками, но надо признаться, что хотя большинство общества нашего до сихъ поръ коснѣетъ въ идеализмѣ, объ этомъ предметѣ ходятъ у насъ самыя смутныя, неопредѣленныя понятія. Въ этомъ ничего нѣтъ неестественнаго: подобно тому, какъ о фетишизмѣ или политеизмѣ возможно образованіе точнаго понятія тогда только, когда общество пережило эти міросозерцанія, такъ-же точно и относительно идеализма.

Идеалистомъ называютъ у насъ такого человѣка, который, не довольствуясь будничными заботами, имѣетъ такъ-называемыя высшія стремленія, строитъ въ головѣ разные идеалы и осуществленіе ихъ ставитъ первою необходимостью въ жизни. Исходя изъ этого взгляда на идеализмъ, въ реализмѣ, какъ противоположномъ ему, видятъ непремѣнно отрицаніе всякихъ идеаловъ, всего возвышающаго человѣка надъ прочими животными, и низведеніе его въ міръ однихъ чувственныхъ побужденій.

Но стремленіе къ идеаламъ нельзя считать условною формою одного какого-либо міросозерцанія. Оно такъ-же присуще человѣку во всѣ времена и при какихъ угодно міровоззрѣніяхъ, какъ чувство голода или жажды. Подобно тому, какъ голодному всегда будутъ сниться роскошные обѣды, такъ люди, чувствующіе различныя неудобства въ своей жизни, постоянно будутъ создавать картины жизни, избавленной отъ этихъ неудобствъ. Сущность идеализма заключается не въ стремленіи къ идеаламъ, а въ томъ пути, который избираютъ люди для достиженія своихъ стремленій.

При этомъ я считаю нужнымъ оговориться, что я буду вести здѣсь рѣчь не о томъ идеализмѣ, на которомъ основаны метафизическія германскія философскія системы, возникшія въ концѣ прошлаго и началѣ нынѣшняго столѣтія. При всемъ шумѣ, которымъ прошумѣли въ свое время эти системы, онѣ произвели свое вліяніе на незначительное меньшинство людей. Личностей, изучавшихъ эти системы, и въ Европѣ было не особенно много, у насъ-же еще меньше. Много-ли можно насчитать у насъ людей, которые знали бы германскихъ философовъ не по однимъ только именамъ? Идеализмъ, которымъ пробавляются массы народа отъ Камчатки до западныхъ штатовъ Америки, имѣетъ болѣе древнее происхожденіе. Возросшій на

почвѣ древнихъ философскихъ школъ, онъ послужилъ основою образованія для европейскихъ обществъ. Впродолженіе 2,000 лѣтъ Европа всасывала этотъ идеализмъ и онъ проникъ до мозга костей ея. Вліяніе его замѣтно иногда тамъ даже, гдѣ, казалось-бы, не могло-бы быть и тѣни его.

Идеализмъ этого рода, отдѣляя непроходимою пропастью духовную природу человѣка отъ физической и считая первую совершенно независимою отъ послѣдней, говоритъ человѣку: силою твоей свободной воли ты можешь дѣлать надъ собой, что тебѣ угодно, можешь возвышаться духомъ надъ твоимъ бреннымъ тѣломъ и покорять его своей духовной власти со всѣми его потребностями и страстями. Исходя изъ этой идеи, идеализмъ главнымъ условіемъ достиженія различныхъ идеаловъ, или, что то же самое, главнымъ условіемъ прогресса, считаетъ отдѣльную личность человѣка съ его доброю или злою волею, сильною или слабою. Человѣкъ считается полнымъ хозяиномъ въ каждомъ своемъ шагѣ, безграничнымъ распорядителемъ всей своей жизни. При этомъ нисколько не принимаются въ разсчетъ условія жизни, которыя могутъ вліять неотразимо на личность. На что же дана и воля человѣку—говоритъ идеализмъ—какъ не для того, чтобы бороться противъ вредныхъ условій? Это прекрасно: но идеализмъ подъ этою борьбою подразумѣваетъ не стремленіе устранять вредныя условія, а выдерживать ихъ напоръ и не допускать себя до подчиненія ихъ вліянію. Такимъ образомъ идеализмъ направляетъ волю человѣка не на внѣшнюю дѣятельность, а на внутреннее самовоздержаніе. Онъ требуетъ не того, чтобы человѣкъ *стремился* къ осуществленію идеаловъ, а чтобы онъ, посредствомъ усилій своей воли надъ самимъ собою, *былъ* идеальнымъ человѣкомъ въ каждый моментъ своей жизни.

Идеализмъ такого рода впервые возникъ тогда, когда древнія общества избавились отъ политеизма. Извѣстно, что политеизмъ подавляетъ человѣческую личность, ставя ее въ зависимость отъ цѣлаго ряда сверхъестественныхъ, олицетворяющихъ силы природы, существъ, которыя по своему произволу помыкаютъ этою личностью.—Идеализмъ явился реакціею противъ подобнаго подавленія личности; онъ былъ крайностью противъ крайности: въ противоположность прежнему подавленію личности, онъ выставилъ ее на первый планъ и сдѣлалъ человѣка безусловнымъ распорядителемъ своей личности. Идеализмъ есть такимъ образомъ первая побѣда разума человѣка надъ суевѣріемъ, первый восторгъ человѣка, сознавшаго силу своего личнаго *я*, силу своей мысли и своей воли—и нѣтъ ничего удивительнаго, что въ этомъ восторгѣ человѣкъ преувеличилъ значеніе своей личности и началъ все выводить изъ нея и приводить къ ней.

И каждый разъ, когда общество выходитъ изъ политеистическаго міросозерцанія, оно непремѣнно переживаетъ идеализмъ такого рода. Необходимо обширное количество положительныхъ знаній и глубокую переработку ихъ, чтобы понять и уяснить себѣ сложную и запутанную цѣпь обоюднаго вліянія воли человѣка на обстоятельства и наоборотъ обстоятельствъ на волю.—Для человѣка мало образованнаго гораздо проще и очевиднѣе та система міросозерцанія, которая каждое дѣйствіе человѣка непосредственно производитъ отъ его воли: человѣкъ сдѣлался пьяницей; почему? „Очевидно, что захотѣлъ и сдѣлался. Вѣдь вотъ я теперь: захочу—выпью рюмку водки, захочу — не выпью. Это совершенно въ моей волѣ". Такъ разсуждаетъ человѣкъ малообразованный, и для него это очевиднѣе, чѣмъ $2 \times 2 = 4$.

Но не смотря на всю ясность и простоту тѣхъ отвѣтовъ, которые готовъ бываетъ дать идеализмъ на всевозможные вопросы, въ немъ заключается довольно опасный магическій кругъ, въ которомъ легко можетъ запутаться и потеряться младенческій умъ.—Начиная съ эмансипаціи человѣческой личности, идеализмъ приводитъ человѣка къ тому же, изъ чего самъ вышелъ, т.-е. къ признанію полнѣйшей несостоятельности этой же самой человѣческой личности, изъ чего, какъ мы увидимъ ниже, и выходитъ самое безнадежное отрицаніе. Къ этому исходу идеализмъ приводитъ слѣдующимъ путемъ: поставивши передъ человѣкомъ рядъ высокихъ идеаловъ, идеализмъ въ то же время не обращаетъ вниманія, что достиженіе этихъ идеаловъ — есть сложный процессъ жизни, совмѣщающій въ себѣ взаимодѣйствіе многихъ силъ природы. Опираясь единственно на личность человѣка, на его волю и энергію, идеализмъ говоритъ: если хотите достигнуть такихъ-то и такихъ идеаловъ, то будьте такими-то—т.-е. храбрыми, гуманными, дѣятельными и проч. Онъ забываетъ при этомъ, что всѣ эти качества, которыми онъ совѣтуетъ запастись людямъ для перехода черезъ пропасть, отдѣляющую дѣйствительность отъ утопіи, могутъ находиться на другой сторонѣ пропасти, слѣдовательно составлять не средство, а цѣль достиженія. Смѣшивая такимъ образомъ цѣль со средствами, онъ говоритъ: видите, вонъ тамъ за ручьемъ доска; положите ее черезъ ручей и перейдите по ней на ту сторону. Это смѣшеніе цѣли со средствами и приводитъ идеализмъ къ отрицанію. Такъ какъ первымъ условіемъ прогресса идеализмъ считаетъ существованіе въ людяхъ различныхъ доблестей, а доблестей-то этихъ онъ и не находитъ, то отсюда прямо слѣдуетъ разочарованіе въ людяхъ и отчаянье въ какомъ-либо прогрессѣ. Возьмите вы идеализмъ во всѣхъ его видахъ и формахъ, въ какихъ только являлся онъ въ исторіи отъ школы стоиковъ, отъ средневѣковаго аскетизма, до романтизма XVIII в. въ Германіи, англійскаго байронизма и россійскаго самоизгрызенія 40-хъ годовъ—и повсюду вы увидите одну и ту же картину: при отрицаніи пошлой и гнетущей дѣйствительности, тщетное исканье идеальныхъ личностей, тщетное обличеніе пороковъ и слабостей людей и воззванія къ людямъ, чтобы они старались быть героями,—а затѣмъ горькое разочарованіе, отчаянное отреченіе отъ жизни, или же потеря вѣры въ какіе-либо идеалы и примиреніе съ самою пошлою, обыденною дѣйствительностью.

До реформы Петра Великаго наши предки, хотя и исповѣдывали христіанскую религію, но по степени своего міросозерцанія нисколько не возвышались надъ политеизмомъ. Пожары, моры, голода, каждую свою удачу и неудачу они объясняли произвольнымъ, непосредственнымъ вмѣшательствомъ въ ихъ жизнь сверхъестественныхъ существъ, стоящихъ нерѣдко

совершенно внѣ господствующей религіи. Только съ XVIII вѣка выдѣлилось изъ массы суевѣрныхъ людей хоть сколько нибудь образованное общество, стоявшее выше политеизма. Господствующею формою мышленія этого образованнаго общества естественно долженъ былъ сдѣлаться идеализмъ; знанія были слишкомъ мало еще распространены въ массахъ, чтобы онѣ могли усвоить какую нибудь форму мышленія, болѣе высокую. Мистическій идеализмъ во время Екатерины былъ господствующимъ міросозерцаніемъ образованнаго общества. Онъ увлекъ въ свои нѣдра лучшихъ людей своего времени.

Это былъ молодой, свѣжій, едва народившійся идеализмъ; онъ былъ далекъ еще тогда отъ своего выхода въ разочарованіе и отрицаніе. Онъ былъ полонъ вѣры и надежды. Масоны вѣрили, что безъ всякихъ реформъ общественной жизни, посредствомъ одного самоуглубленія и самовоспитанія можно будетъ достичь того, что всѣ люди будутъ ангелы, и на землѣ будетъ миръ, тишина и благоденствіе.

Но уже въ романтизмѣ Жуковскаго слышится какое-то недовольство, что-то надломленное и грустное. Чѣмъ далѣе, тѣмъ болѣе и болѣе разростается тоска, разочарованіе, скептицизмъ и наконецъ, въ сороковые годы идеализмъ окончательно вступилъ въ свою послѣднюю фазу. Ужасно и безвыходно казалось положеніе образованнаго человѣка въ сороковые годы. Вы представьте только себѣ, что за хаосъ царствовалъ въ умственной лабораторіи его, страшный, безсвязный хаосъ всевозможныхъ историческихъ, географическихъ, математическихъ фактовъ, вызубренныхъ по тощимъ учебникамъ на школьныхъ скамейкахъ: тутъ былъ и Киръ царь персидскій, и биномъ Ньютона, и самоѣды скакали на оленяхъ, и Атилла— и все это перепутывалось безъ всякой связи, системы, забывалось, опять выплывало въ памяти, опять забывалось. Затѣмъ слѣдовалъ рядъ блестящихъ картинъ и образовъ, вычитанныхъ изъ произведеній русской поэзіи: Кавказъ вставалъ со своими горами, ревущимъ Терекомъ и аулами, черкешенка падала въ воду, Печоринъ стрѣлялъ на краю обрыва въ Грушницкаго, Онѣгинъ зѣвалъ среди бала, и Петръ Великій величественно стоялъ передъ войсками въ полтавской битвѣ; всѣ эти образы безплодно валялись въ воображеніи, какъ запыленныя картины на аукціонѣ. Читалъ образованный человѣкъ Гоголя и вмѣстѣ съ нимъ смѣялся надъ пошлою дѣйствительностію съ ея станціонными смотрителями, будочниками и клопами, но какая же иная должна быть и можетъ быть дѣйствительность? задавалъ себѣ вопросъ образованный человѣкъ. Развертывалъ онъ въ новомъ нумерѣ журнала передовую статью — тамъ толковалось о гуманности, о честности, о правдѣ. Вдохновенный этими рѣчами, образованный человѣкъ бросался съ жаромъ въ жизнь, мечтая осуществить на дѣлѣ всѣ эти пламенныя рѣчи; но въ жизни онъ встрѣчался снова со станціонными смотрителями, клопами и будочниками, и не было силъ повернуть это все какъ нибудь иначе. Энергіи, энергіи, откуда хотите, давайте мнѣ энергіи! вопилъ образованный человѣкъ сороковыхъ годовъ, но энергія не сваливалась къ нему съ неба, а онъ не ~~не~~ зналъ, что энергія вырабатывается только извѣстными условіями жизни, что безъ этихъ условій не выжмешь ее изъ себя никакими тисками. Что оставалось дѣлать образованному человѣку? Въ отчаяніи махнуть рукою на всѣ идеалы, отвергнуть ихъ, какъ несбыточныя химеры, и углубиться въ созерцаніе какихъ нибудь юсовъ или красотъ природы, искать забвенія въ этрускихъ древностяхъ, или же окунуться въ омутъ обыденной, пошленькой дѣйствительности и начать заботиться о снисканіи житейскихъ выгодъ и объ устройствѣ теплаго семейнаго уголка.

Если вы хотите нагляднѣе удостовѣриться во всемъ этомъ, то вдумайтесь въ повѣсти и романы, которые писались въ то время, въ произведенія Тургенева, Гончарова и Писемскаго, и вы увидите, какимъ горькимъ, безнадежнымъ отрицаніемъ проникнуты они. Только развѣ одинъ Гончаровъ сколько нибудь утѣшаетъ читателя, рекомендуя ему противъ взбалмошнаго романтизма Александра Адуева бюрократическій реализмъ его дядюшки, а противъ барской распущенности Обломова — филистерскую дѣятельность Штольца. Но до чего не дошелъ въ своемъ отрицаніи Гончаровъ, до того дошелъ Писемскій: въ своемъ романѣ „Тысяча душъ" онъ представилъ въ лицѣ Калиновича во всемъ истинномъ свѣтѣ ихъ и бюрократическій реализмъ, и филистерскую дѣятельность. Въ лицѣ Калиновича заключается отрицаніе той единственной дороги, которая представлялась въ то время людямъ жаждущимъ какого нибудь дѣла, и это отрицаніе совершенно безусловное, за нимъ не предполагается какой нибудь дороги, а слѣдуетъ разочарованіе Калиновича, поселившагося послѣ своей шумной дѣятельности въ Москвѣ и предавшагося тамъ томленію праздной апатіи. За отрицаніемъ дѣятельности Калиновича, слѣдуетъ отрицаніе ученой и художественной дѣятельности въ лицѣ Берсенева и Шубина въ повѣсти Тургенева „Наканунѣ". Жалкими представилъ Тургеневъ эти двѣ личности рядомъ съ героическимъ типомъ Инсарова, но Тургеневъ въ этой повѣсти выставляетъ не одно только ничтожество Берсенева и Шубина: онъ отрицаетъ все современное ему поколѣніе, говоря, что Инсаровыхъ у насъ нѣтъ, а есть только крикуны, да палки барабанныя, да переливатели изъ пустого въ порожнее.

И такъ дѣятельность Калиновича отвергнута, дѣятельность Инсарова объявлена недоступною для такихъ ничтожностей, какъ мы, дѣятельность Берсенева и Шубина представлена какимъ-то стремленіемъ забыться отъ гнетущей тоски, отъ мучительнаго сознанія собственнаго ничтожества. Что же оставлено на долю нашу? Семейная жизнь, счастіе мужа и отца? Въ этой жизни писатели видѣли единственное прибѣжище послѣ отрицанія всего прочаго. Но нельзя сказать, чтобы и на этой почвѣ они особенно утѣшали читателя: во многихъ романахъ и повѣстяхъ они показали намъ всю непрочность этого единственнаго, послѣдняго утѣшенія. Ужь не говоря о томъ, что вы должны быть Инсаровымъ, если хотите, чтобъ васъ полюбила такая женщина, какъ Елена (а Инсаровыхъ у насъ нѣтъ, а есть только палки барабанныя),— если полюбитъ васъ обыкновенная женщина, и въ такомъ случаѣ развѣ не должны вы ждать ежедневно, что съ вами послѣдуетъ исторія въ родѣ той, какая

описана въ „Фаустѣ“ Тургенева, въ „Пріятелѣ“, въ „Дворянскомъ гнѣздѣ“: или вы сами разочаруетесь въ вашей женѣ, или она увлечется другимъ и придется вамъ проститься съ послѣднимъ вашимъ утѣшеніемъ. Такимъ образомъ предано было отрицанію все. Оставалось предать отрицанію послѣднее, что во всѣ времена было дорого человѣку: его жизнь, его личное существованіе на землѣ. Писатели 40-хъ годовъ не остановились и передъ этимъ. Можно привести бездну лирическихъ произведеній, въ которыхъ слышится господствующій мотивъ того времени, выраженный еще Пушкинымъ въ стихотвореніи:

«Даръ напрасный, даръ случайный,
Жизнь, зачѣмъ ты мнѣ дана?
И зачѣмъ судьбою тайной
Ты на казнь осуждена?»

Но достаточно будетъ вспомнить то поразительное мѣсто въ романѣ „Накунунѣ“, гдѣ Тургеневъ категорически ставитъ вопросъ: имѣемъ ли мы право на жизнь? Не есть ли преступленіе уже то, что мы живемъ, преступленіе, за которое мы должны нести наказаніе въ нашей жизни?

Можно ли было еще что-нибудь отрицать послѣ этого? Не были ли это геркулесовы столбы отрицанія, до которыхъ когда-либо доходилъ идеализмъ? Что оставалось послѣ этого, какъ не садиться, подобно стоикамъ, въ теплыя ванны, чтобы сразу избавлять совѣсть свою отъ угрызенія за преступленіе, которое, по мнѣнію Тургенева, называется жизнью?

Послѣднія десять лѣтъ представляются годами не однѣхъ только общественныхъ реформъ и рѣшенія вопросовъ практической жизни. Напротивъ того, эти вопросы были только подняты и едва сдѣланы коекакія первыя попытки къ рѣшенію ихъ. Эпоху же, которую мы переживаемъ, можно сравнить съ эпохою renaissance, съ первою половиною XVIII вѣка во Франціи, съ эпохою Sturm und Drang въ Германіи. Въ подобныя эпохи подвергаются переизслѣдованію всѣ элементы человѣческой природы и общественной жизни, но переизслѣдованіе это совершается не въ видѣ одного безусловнаго отрицанія; отрицается только старое, отжившее, что и безъ того уже подвергло само себя отрицанію смерти; рядомъ же съ этимъ отрицаніемъ возникаетъ цѣлый рядъ новыхъ идей, новыхъ надеждъ и новыхъ требованій отъ жизни. Самое названіе новаго міросозерцанія, подъ которымъ извѣстно оно на Западѣ, названіе *реальной и положительной философіи*, показываетъ, что сущность его заключается вовсе не въ отрицаніи, а въ утвержденіи положительныхъ взглядовъ на природу и на жизнь.

Положительное міросозерцаніе, отвергая всякія дуалистическія теоріи, кладетъ въ основаніе свое нераздѣльное единство, какъ природы вообще, такъ и человѣческой природы въ отдѣльности. Съ этой точки зрѣнія прогрессъ основывается на взаимодѣйствіи многихъ силъ природы, совокупное дѣйствіе которыхъ производитъ тотъ безконечный процессъ жизни, который извѣстенъ подъ названіемъ прогресса. Это положеніе новаго міросозерцанія и составляетъ исходную точку изъ этого безплоднаго отрицанія, до котораго додумался идеализмъ. Въ самомъ дѣлѣ: разъ мы удостовѣрились, что прогрессъ, т.-е. усовершенствованіе рода человѣческаго, моральное и физическое, зависитъ отъ тѣхъ или другихъ условій жизни, мы нашли переправу черезъ пропасть, отдѣляющую дѣйствительность отъ утопіи, и вмѣсто того, чтобы вѣчно стонать о ничтожности силъ человѣка для совершенія гигантскаго скачка, намъ остается поискать досокъ и бревенъ для постройки прочнаго моста. Объяснимъ это нагляднымъ примѣромъ: что можетъ быть ужаснѣе того положенія идеализма, когда онъ, вѣчно стремясь къ прекрасному, находилъ, что прекрасное въ жизни человѣческой большая рѣдкость, является въ видѣ исключенія, и утѣшался только тѣмъ, что отрѣшаясь отъ безобразной дѣйствительности, уносился въ область искусства, гдѣ созерцалъ прекрасное въ его идеальномъ видѣ. Положительное міросозерцаніе находитъ, что прекрасное есть созданіе тѣхъ или другихъ благопріятныхъ условій жизни. Такъ, напримѣръ, итальянцы или греки прекрасны въ большинствѣ своемъ не столько вслѣдствіе какого-либо врожденнаго стремленія къ прекрасному, сколько подъ вліяніемъ благопріятныхъ условій климата и мѣстности, въ которыхъ они обитаютъ; сѣверныя страны Европы не заключаютъ въ себѣ столько естественныхъ условій для произведенія прекрасныхъ типовъ, какъ южныя, но тѣмъ не менѣе и въ сѣверной Европѣ мы видимъ, что прекрасные типы являются чаще и совершеннѣе тамъ, гдѣ условія жизни благопріятствуютъ тому: въ обезпеченныхъ классахъ вы чаще встрѣтите красивыхъ людей, чѣмъ въ массахъ рабочаго класса. Изъ этого слѣдуетъ прямой выводъ, что вмѣсто того, чтобы плакать о скудости прекраснаго въ нашей жизни и ѣздить въ Италію, чтобы тамъ въ созерцаніи прекраснаго забываться отъ безобразія нашей дѣйствительности, не естественнѣе-ли и не умнѣе-ли подумать о созданіи такихъ условій жизни, при которыхъ прекрасное являлось бы на каждомъ шагу само собою, безъ всякихъ идеальныхъ стремленій къ нему. Спрашивается теперь, въ какомъ міросозерцаніи вы видите отрицаніе прекраснаго: въ томъ ли, которое признаетъ прекрасное только въ идеалѣ и отвергаетъ возможность полнаго осуществленія его въ дѣйствительности, или наоборотъ въ міросозерцаніи, которое говоритъ, что воображеніе человѣка безсильно создать такіе полные и совершенные типы прекраснаго, которые на каждомъ шагу могутъ проявляться въ жизни, если люди позаботятся о прiисканіи благопріятныхъ условій для развитія этихъ типовъ? Какъ отнеслась положительная философія къ прекрасному, такъ точно отнеслась она ко всѣмъ прочимъ элементамъ человѣческой природы—къ нравственности общественной, семейной и личной, къ наукѣ и искусствамъ. Во всемъ она поставила на первый планъ заботу о развитіи общаго благосостоянія,—видя, что отъ него прежде всего и болѣе всего зависятъ всѣ тѣ нравственныя и физическія совершенства, о которыхъ такъ долго и такъ безплодно сѣтовали идеалисты. Но пролагать вѣрный и положительный путь къ достиженію различныхъ идеаловъ значитъ-ли отрицать самые идеалы? Положительная философія говоритъ людямъ: вы хотите быть счастливыми и совершенными; позаботьтесь же прежде всего, чтобы среди васъ не было нищихъ и голодныхъ; тогда истина, правда, любовь и поэзія потекутъ

обильною струею въ вашей жизни. Неужели въ этихъ словахъ заключается отрицаніе истины, правды, любви и поэзіи? Но темный, полуневѣжественный идеализмъ въ этомъ-то именно и увидѣлъ бездну отрицанія. Ему показалось обиднымъ, что новое міросозерцаніе на первый планъ ставитъ матеріальное благосостояніе, а не тѣ радужныя мечты, которыми усыплялъ себя идеализмъ и осуществленіе которыхъ въ реальной дѣйствительности онъ самъ такъ упорно всегда отрицалъ и до сихъ поръ продолжаетъ отрицать.

III.

Послѣ перваго увлеченія новыми вопросами и реформами, общаго восторга и ликованія, въ которомъ безразлично смѣшивались люди всѣхъ партій и всѣ наперерывъ либеральничали, отрекаясь отъ всего стараго, ликующіе внезапно оглянулись вокругъ себя, и вдругъ свѣчи пира начали меркнуть, музыка заиграла подъ сурдинкой и многіе изъ бѣсновавшихся съ смущеніемъ начали удаляться съ арены, прятаться по угламъ и, сердобольно вздыхая, шептать: „что это мы такое дѣлали? Съ кѣмъ это мы плясали!... Съ какими-то мальчишками, гимназистами! Прилично ли это нашему званію, нашимъ лѣтамъ, нашей солидности!“ Это смущенное отшествіе въ углы многихъ изъ дѣятелей того времени, въ томъ числѣ и большинства нашихъ беллетристовъ, характеризуетъ собою начало 60-хъ годовъ. Явленіе это весьма естественно: въ первыя минуты общаго восторга и ликованія идеалисты добраго стараго времени ликовали, думая, что сидятъ на своемъ собственномъ пиру, что мѣняются два, три старыя учрежденія, а не ихъ старые теоріи и взгляды, и что нѣсть конца ихъ царствію. Но когда новое міросозерцаніе выяснилось, опредѣлилось и начало подвергать своему безпощадному анализу всѣ обожаемые кумиры идеалистовъ, они опомнились, увидѣли, что праздникъ былъ вовсе не на ихъ улицѣ, и тогда начался всеобщій вопль и протестъ противъ новыхъ идей, о которыхъ протестующіе, какъ мы сейчасъ увидимъ, не имѣли ни малѣйшаго понятія.

Въ области беллетристики первымъ протестомъ противъ новыхъ идей былъ романъ Тургенева „Отцы и дѣти“.

Романъ этотъ отличается отъ другихъ того же рода произведеній тѣмъ, что онъ преимущественно философскій. Онъ мало касается какихъ-либо общественныхъ вопросовъ своего времени. Главная цѣль его— поставить рядомъ другъ передъ другомъ философію отцовъ и философію дѣтей и показать, что философія дѣтей противна человѣческой природѣ и потому не можетъ быть примѣнима въ жизни.

Задача романа, какъ вы видите, очень серьезная. Но на первыхъ же страницахъ вы видите, что авторъ лишенъ всякой умственной подготовки къ выполненію цѣли своего романа; онъ не только не имѣетъ никакого понятія о системѣ новой положительной философіи, но и о старыхъ, идеалистическихъ системахъ имѣетъ понятія самыя поверхностныя, ребяческія. Для доказательства этого достаточно выписать изъ романа слѣдующее мѣсто:

— Что такое Базаровъ? Аркадій усмѣхнулся.

— Хотите, дядюшка, я вамъ скажу, что онъ собственно такое.

— Сдѣлай одолженіе, племянничекъ.

— Онъ нигилистъ.

Мы ужь не будемъ говорить о той поэтической наивности, съ которою Тургеневъ ту кличку для молодаго поколѣнія, которая, какъ извѣстно, никогда не употреблялась въ этомъ смыслѣ до появленія романа, вложилъ въ уста человѣка молодого же поколѣнія. Это очень напоминаетъ намъ одну изъ раскольничьихъ пѣсней, въ которой царь Алексѣй Михайловичъ, посылая войско на раскольниковъ, говоритъ: „ступайте бить вѣру правую, защищайте мою вѣру окаянную“. Но будемъ продолжать далѣе:

— Какъ? спросилъ Николай Петровичъ, а Павелъ Петровичъ поднялъ на воздухъ ножъ съ кускомъ масла на концѣ лезвія и остался неподвиженъ.

— Онъ нигилистъ, повторилъ Аркадій.

— Нигилистъ, повторилъ Николай Петровичъ. Это отъ латинскаго nihil, ничего, сколько я могу судить, стало быть это слово означаетъ человѣка, который... который ничего не признаетъ?

— Скажи: который ничего не уважаетъ, подхватилъ Павелъ Петровичъ, и снова принялся за масло.

— Который ко всему относится съ критической точки зрѣнія, замѣтилъ Аркадій.

— А это не все равно? спросилъ Павелъ Петровичъ.

— Нѣтъ, не все равно. Нигилистъ, это человѣкъ, который не склоняется ни передъ какими авторитетами, который не принимаетъ ни одного принципа на вѣру, какимъ бы уваженіемъ ни былъ окруженъ этотъ принципъ.

— И что-жь, это хорошо? перебилъ его Павелъ Петровичъ.

— Смотря какъ кому, дядюшка. Иному отъ этого хорошо, а иному очень дурно.

— Вотъ какъ. Ну, это, я вижу, не по нашей части. Мы, люди стараго вѣка, полагаемъ, что безъ принсиповъ (Павелъ Петровичъ выговаривалъ это слово мягко, на французскій манеръ; Аркадій, напротивъ того, произносилъ «принципъ», налегая на первый слогъ), безъ принсиповъ, принятыхъ, какъ ты говоришь, на вѣру, шагу ступить, дохнуть нельзя. Vous avez changé tout cela, дай намъ Богъ здоровья и генеральскій чинъ, а мы только любоваться вами будемъ, господа.. какъ бишь?

— Нигилисты, отчетливо проговорилъ Аркадій.

— Да. Прежде были гегелисты, а теперь нигилисты. Посмотримъ, какъ вы будете существовать въ пустотѣ, въ безвоздушномъ пространствѣ.

И такъ, вотъ что такое, по мнѣнію героевъ романа, нигилисты: это люди, которые ко всему относятся съ критической точки зрѣнія, не принимаютъ ничего на вѣру и потому должны существовать въ безвоздушномъ пространствѣ и производитъ свое названіе отъ латинскаго слова nihil. Ну, подумайте, пожалуйста, есть ли хоть одна капля, не скажу философскаго, просто здраваго смысла въ этомъ сумбурѣ? Одно только, что видно здѣсь, это крайнее, дѣтское невѣжество, которому совершенно неизвѣстенъ ходъ развитія европейской мысли? Это невѣжество не знаетъ, что отношеніе ко всему съ критической точки зрѣнія вовсе не составляетъ какой-либо новости, а существуетъ уже со временъ Бэкона и Декарта, и съ тѣхъ поръ никто уже и не споритъ о томъ, что каждый мало-мальски мыслящій человѣкъ долженъ относиться ко всему критически. Споры европейскихъ идеалистовъ съ реали-

стами идутъ лишь объ основаніяхъ критическаго отношенія къ вещамъ: идеалисты говорятъ, что такое отношеніе можетъ быть основано на апріорическихъ началахъ чистаго разума, а реалисты строятъ его на началахъ индуктивныхъ изслѣдованій; но обѣ школы нисколько не сомнѣваются въ томъ, что на то и данъ человѣку разумъ, чтобы относиться ко всему критически. Такимъ образомъ, съ точки зрѣнія героевъ романа, нигилистами слѣдуетъ назвать не однихъ только послѣдователей положительной философіи, а и гегелистовъ, и шеллингистовъ, и кантистовъ, и спинозистовъ, однимъ словомъ, всѣхъ европейскихъ мыслителей, включая Бэкона и Декарта. Курьезнѣе всего здѣсь, между прочимъ, то, что Павелъ Петровичъ противопоставляетъ критическое отношеніе къ вещамъ и принципы, полагая, что принципы суть непремѣнно нѣчто принятое на вѣру, безъ всякой провѣрки критики. Но почему же принципы не могутъ быть принимаемы на критическихъ основаніяхъ? Да и при какихъ условіяхъ человѣкъ будетъ стоять на болѣе твердой почвѣ: тогда ли, когда онъ будетъ слѣдовать въ жизни какому-либо принципу, слѣпо принятому на вѣру, или когда онъ этотъ самый принципъ провѣритъ на основаніи какихъ-либо критическихъ данныхъ. Я, напримѣръ, слѣдую принципу: не дѣлать вреда ближнему; неужели же меня можно назвать нигилистомъ, и я буду обитать въ безвоздушномъ пространствѣ, если я буду *знать* на основаніи такихъ-то и такихъ-то данныхъ, что не слѣдуетъ вредить ближнему? Напротивъ того, я скорѣе буду стоять гдѣ-то въ облакахъ нигилизма, если я не буду дѣлать вреда ближнему, не отдавая себѣ отчета въ этомъ, потому только, что другіе уважаемые иною люди посовѣтовали мнѣ поступать такимъ образомъ.

Задавшись мыслью, что молодежь по своему новому міросозерцанію должна непремѣнно все отрицать, Тургеневъ не только отцовъ заставляетъ разсуждать объ отрицаніи дѣтей, но и въ уста дѣтей вкладываетъ фразы въ родѣ слѣдующихъ:

— «Мы дѣйствуемъ въ силу того, что мы признаемъ полезнымъ, промолвилъ Базаровъ. — *Въ теперешнее время полезнѣе всего отрицаніе, — мы отрицаемъ.*

— Все?

— *Все.*

— Какъ? не только искусство, поэзію... но и... страшно вымолвить.

— *Все,* съ невыразимымъ спокойствіемъ повторилъ Базаровъ.

Въ другомъ мѣстѣ вы читаете курьезъ еще лучше этого:

— Полно, Евгеній... послушать тебя сегодня, поневолѣ согласишься съ тѣми, которые упрекаютъ насъ въ отсутствіи принциповъ.

— Ты говоришь, какъ твой дядя. *Принциповъ вообще нѣтъ,* ты объ этомъ не догадался до сихъ поръ!—*а есть ощущенія. Все отъ нихъ зависитъ.*

— Какъ такъ?

— Да такъ-же. Напримѣръ я; *я придерживаюсь отрицательнаго направленія—въ силу ощущенія.* Мнѣ пріятно отрицать, мой мозгъ такъ устроенъ—и баста! Отчего мнѣ нравится химія? Отчего ты любишь яблоки? Тоже въ силу ощущенія. Это все едино. Глубже этого люди никогда не проникнутъ. Не всякій тебѣ это скажетъ, да и я въ другой разъ тебѣ этого не скажу.

— Что-жъ, и честность ощущеніе?

— Еще бы!

— Евгеній... началъ печальнымъ голосомъ Аркадій.

— А? что? Не по вкусу? перебилъ Базаровъ.

— Нѣтъ, братъ! *Рѣшился все косить—валяй и себя по ногамъ!»...*

Тургеневъ слышалъ гдѣ-то стороною, что новое міросозерцаніе ставитъ въ основаніе всѣхъ психологическихъ явленій ощущенія, и вывелъ изъ этого какимъ-то образомъ, что выводить все изъ ощущеній значитъ все отрицать, косить и валять себя по ногамъ. Тургеневъ никакъ не могъ сообразить, что отвергая честность, какъ врожденную идею, вложенную въ человѣка до его рожденія, и признавая ее какъ ощущеніе, положительная философія нисколько не отрицаетъ этимъ честности, равно какъ и другихъ принциповъ. Все дѣло касается здѣсь не самой честности, а ея происхожденія, и Базаровъ, какъ человѣкъ новаго міросозерцанія, не имѣлъ никакого повода, приступая къ этому философскому вопросу, воображать, что онъ этимъ валяетъ себя по ногамъ и отрицаетъ принципы. Здѣсь Тургеневъ субъективенъ такъ же, какъ и въ рѣчахъ Кирсановыхъ: въ уста молодого поколѣнія онъ влагаетъ такія понятія о новомъ міросозерцаніи, которыя сложились въ его собственной художественной головѣ, лишенной всякаго философскаго развитія. Если бы Тургеневъ взглянулъ поближе на молодое поколѣніе, то въ дѣйствительности онъ увидѣлъ бы, что молодежь не только не отрицаетъ честности, а напротивъ того, шагу не можетъ ступить безъ того, чтобы разъ двадцать не повторить этого слова, при всякомъ удобномъ случаѣ.

Задавшись тою идеею, что молодежь все отрицаетъ, Тургеневъ вознамѣрился показать на Базаровѣ, что подобное безусловное отрицаніе противно человѣческой природѣ, и природа дѣйствуетъ своимъ путемъ, развивая въ человѣкѣ побужденія, чувства и страсти совершенно въ противорѣчіе теоріи его, отрицающей всѣ эти явленія. Базаровъ ничего не видѣлъ въ любви, кромѣ минутнаго удовлетворенія чувственности, и называлъ проявленія любви болѣе серьезной отжившимъ романтизмомъ, а самъ полюбилъ не на шутку Одинцову и не могъ никакъ сладить съ собой. Базаровъ отвергалъ дуэли, а какъ дѣло дошло до встрѣчи съ ненавистнымъ человѣкомъ, согласился драться съ Павломъ Петровичемъ безъ всякихъ колебаній.

Мы не будемъ распространяться объ исторіи дуэли, такъ-какъ это не болѣе, какъ вставной эпизодъ въ романѣ, и эпизодъ, развитый очень слабо: Тургеневу не удалось произвести ни малѣйшей иллюзіи въ читателѣ, такъ, чтобы вы видѣли передъ собою людей, которымъ, дѣйствительно только и оставалось, что уничтожить другъ друга; съ самаго начала до конца этой исторіи вамъ кажется, что эти люди больше ничего, какъ на досугѣ тѣшатся, играя пистолетиками, какъ дѣти. Мы займемся лучше исторіей базаровской любви, составляющей главное содержаніе романа.

Базаровъ, какъ и слѣдовало, по мнѣнію Тургенева, всеотрицающему нигилисту, не видящему въ любви ничего, кромѣ чувственности, похвалилъ въ Одинцовой первоначально одни плечи, и выразился о ней, что она тертый калачъ; но потомъ онъ и самъ не замѣтилъ, какъ разгорѣлось въ немъ болѣе серьезное чувство, котораго онъ никакъ не ожидалъ и не желалъ:

«Настоящею причиною всей этой «новизны» было чувство, внушенное Базарову Одинцовой; чувство, которое его мучило и бѣсило, и отъ котораго онъ тотчасъ отказался бы съ презрительнымъ хохотомъ и циническою бранью, если бы кто-нибудь, хотя отдаленно, намекнулъ ему на возможность того, что въ немъ происходило. Базаровъ былъ великій охотникъ до женщинъ и до женской красоты, но любовь въ смыслѣ идеальномъ или, какъ онъ выразился, романтическомъ, называлъ белибердой, непростительною дурью, считалъ рыцарскія чувства чѣмъ-то въ родѣ уродства или болѣзни, и не однажды выражалъ свое удивленіе, почему не посадили въ Желтый домъ Тоггенбурга со всѣми миннезингерами и трубадурами? «Нравится тебѣ женщина», говаривалъ онъ, «старайся добиться толку; а нельзя—ну, не надо, отвернись—земля не клиномъ сошлась». Одинцова ему нравилась; распространенные слухи о ней, свобода и независимость ея мыслей, ея несомнѣнное расположеніе къ нему—все, казалось, говорило въ ея пользу; но онъ скоро понялъ, что съ ней не добьешься толку, а отвернуться отъ нея онъ, къ изумленію своему, не имѣлъ силъ. Кровь его загоралась, какъ только онъ вспоминалъ о ней; онъ легко сладилъ бы со своею кровью, но что-то другое въ него вселилось, чего онъ никакъ не допускалъ, надъ чѣмъ всегда трунилъ, что возмущало всю его гордость. Въ разговорахъ съ Анной Сергѣевной онъ еще больше прежняго высказывалъ свое равнодушное презрѣніе ко всему романтическому; а оставшись наединѣ, онъ съ негодованіемъ сознавалъ романтика въ самомъ себѣ. Тогда онъ отправлялся въ лѣсъ и ходилъ по немъ большими шагами, ломая попадавшіяся вѣтки и браня въ полголоса и ее, и себя; или забирался на сѣновалъ, въ сарай, и упрямо закрывалъ глаза, заставлялъ себя спать, что ему, разумѣется, не всегда удавалось. Вдругъ ему представится, что эти цѣломудренныя руки когда-нибудь обовьются вокругъ его шеи, что эти гордыя губы отвѣтятъ на его поцѣлуи, что эти умные глаза съ нѣжностью—да, съ нѣжностью—остановятся на его глазахъ, и голова его закружится, и онъ забудется на мигъ, пока опять не вспыхнетъ въ немъ негодованіе. Онъ ловилъ самого себя на всякаго рода «постыдныхъ» мысляхъ, точно бѣсъ дразнилъ его. Ему казалось иногда, что и въ Одинцовой происходитъ перемѣна, что въ выраженіи ея лица проявлялось что-то особенное, что, можетъ быть... Но тутъ онъ, обыкновенно, топалъ ногою или скрежеталъ зубами и грозилъ себѣ кулакомъ».

Въ этой борьбѣ Базарова съ самимъ собою, въ борьбѣ теоріи съ природою—заключается вся, такъ сказать, иронія романа, которую г. Тургеневъ проводитъ до конца, заставляя Базарова потѣшаться надъ своею любовью даже на смертномъ одрѣ:

„Ну, что жъ мнѣ вамъ сказать... Что я любилъ васъ? *Это и прежде не имѣло никакого смысла, а теперь подавно. Любовь—форма, а моя собственная форма уже разлагается*. Скажу я лучше, что какая вы славная! И теперь вотъ вы стоите, такая красивая...“.

Вся эта иронія была бы совершенно умѣстна, еслибы Тургеневъ имѣлъ цѣлію изобразить аскета, борющагося со своею природою, или разочарованнаго идеалиста въ родѣ Онѣгина, который, какъ извѣстно, по полученіи письма Татьяны, подавилъ въ себѣ возникшее-было увлеченіе, чтобы выдержать до конца свое скептическое отношеніе къ жизни. Средневѣковый аскетъ и разочарованный Онѣгинъ—это два вида одного и того же идеализма и, какъ мы видимъ, отрицаніе любви свойственно вполнѣ тому старому міросозерцанію, за которое ратуетъ Тургеневъ, и которое, хотя и признавало любовь въ высокомъ идеалѣ, но приводило постоянно человѣка къ отрицанію ея въ жизни. Приписывать же новому міросозерцанію отрицаніе любви, какъ это дѣлаетъ Тургеневъ — чистая нелѣпость. Правда, новое міросозерцаніе выводитъ любовь, какъ и всѣ психическія явленія,—изъ ощущеній. Но выводить любовь изъ ощущеній, вовсе не значитъ отрицать любовь или же низводить ее на степень минутныхъ чувственныхъ наслажденій. Еслибы Тургеневъ опять-таки потрудился посмотрѣть, что дѣлается въ жизни, онъ встрѣтилъ бы въ дѣйствительности не мало людей, воспринявшихъ новое міросозерцаніе, которые испытываютъ сильныя и глубокія привязанности и не видятъ въ этомъ ни капли противорѣчія со своими идеями. Правда, они не считаютъ любви высшею цѣлью жизни, неизреченнымъ и необъяснимымъ таинствомъ, фатумомъ, заранѣе предуставляющимъ влеченье двухъ сердецъ. Они смѣются надъ всѣми этими романтическими бреднями; но смѣяться надъ взглядами романтиковъ на любовь, вовсе не значитъ смѣяться надъ самою любовью. Базаровъ могъ бороться со своею страстью, но не вслѣдствіе какихъ-либо отвлеченныхъ теорій, отрицающихъ любовь, а изъ причинъ чисто реальныхъ. Очень часто случается, что какая-либо страсть, слѣпо повинуясь своимъ естественнымъ законамъ, загорается въ человѣкѣ помимо всѣхъ доводовъ разсудка. Базаровъ могъ влюбиться въ Одинцову, и въ то же время сознавать, что эта барыня, изнѣженная комфортомъ, цѣнящая выше всего спокойствіе, и ради сохраненія этого спокойствія, не рѣшающаяся пошевельнуть пальчикомъ, совершенно не годится быть ни его женою, ни любовницею; онъ могъ вслѣдствіе этого смотрѣть на свою страсть, какъ на слѣпую, лишенную всякихъ разумныхъ основаній и потому унижающую его. Но борьба противъ такой страсти не была бы борьбою во имя какой-либо отвлеченной теоріи: это была бы чисто-жизненная борьба, достойная Базарова и достойная кисти талантливаго художника; но Тургеневъ ни въ одномъ мѣстѣ своего романа и тѣни намека не сдѣлалъ на подобнаго рода борьбу, а повсюду на первомъ планѣ вы видите Базарова, борющагося съ собою только потому, что онъ считаетъ любовь белибердою и романтизмомъ.

Но читатель можетъ сдѣлать мнѣ вотъ какое возраженіе относительно Базарова: я обвиняю идеалистовъ въ томъ, что они не поняли новаго міросозерцанія, увидѣвши въ немъ сплошной рядъ безусловныхъ отрицаній, и объясняю это непониманіе скудостью знаній и логическаго развитія мысли — выносимою нами изъ нашего воспитанія. Но вѣдь подобная причина приложима не къ однимъ идеалистамъ, а вообще ко всей массѣ нашего общества. Вѣдь не въ особенныхъ-же школахъ учились идеалисты, не понявшіе новаго міросозерцанія. Молодежь училась въ тѣхъ-же училищахъ и по такимъ-же жиденькимъ учебникамъ. Многіе молодые люди могли точно также не понять новаго міросозерцанія, какъ и старики, хотя и отнеслись къ нему сочувственно. Всосавши съ молокомъ матери и воспринявши въ дѣтскіе годы порядочную дозу идеализма,—они могли, подобно отцамъ, увидѣть въ новомъ міросозерцаніи рядъ безусловныхъ отрицаній и отпускать въ своемъ увлеченіи трескучія фразы,

вложенныя Тургеневымъ въ уста Базарова и Кирсанова, въ родѣ того, что мы, молъ, все отрицаемъ, мы ломаемъ, мы сила и пр. Очень можетъ быть, что Тургеневъ, въ лицѣ своихъ молодыхъ героевъ, представилъ вовсе не людей новаго міросозерцанія, а тѣхъ недоучившихся баричей, которые слышали только, что въ какомъ то приходѣ звонятъ, но не знаютъ гдѣ, и щеголяютъ фразами дешеваго отрицанія, изъ одного тщеславнаго желанія порисоваться ими, да изъ-за того еще, что у нихъ кровь кипитъ и силъ избытокъ. Очень можетъ быть, что Тургеневъ изобразилъ именно тѣхъ рыцарей, которые, какъ это было въ прежнее время, такъ и теперь, съ невѣроятною легкостью переходятъ отъ щеголеватаго отрицанія къ весьма нещеголеватому примиренію съ самою пошленькою дѣйствительностью.

Безспорно, Тургеневъ могъ въ дѣйствительности встрѣтить всѣ тѣ фразы, которыя онъ вложилъ въ уста своихъ юныхъ героевъ. Какой только уродливости нельзя подыскать въ нашей убогой дѣйствительности! Но, въ такомъ случаѣ, Тургеневъ былъ обязанъ отдѣлить ложное пониманіе новыхъ идей отъ истиннаго, что онъ, конечно, и сдѣлалъ-бы на Базаровѣ, если-бы самъ онъ понималъ, въ чемъ тутъ заключается различіе. Вы видите, что Тургеневъ выдѣляетъ Базарова изо всѣхъ окружающихъ его людей одного съ нимъ мнѣнія. Онъ высоко поставилъ его надъ Ситниковымъ, Кукшиною, въ лицѣ которыхъ онъ изобразилъ грязные подонки стараго времени, вынесшіе изъ новыхъ идей только новый способъ времяпрепровожденія. Онъ возвысилъ Базарова и надъ другомъ его, прекраснодушнымъ Аркадіемъ, этимъ тщедушнымъ недоноскомъ прогресса. Въ лицѣ Базарова Тургеневъ, очевидно, имѣлъ намѣреніе представить типъ лучшихъ представителей молодого поколѣнія. Онъ надѣлилъ его многими такими симпатичными чертами, вслѣдствіе которыхъ критика въ началѣ 60-хъ годовъ имѣла основаніе видѣть въ Базаровѣ типъ лучшихъ молодыхъ людей нашего времени. Происходя изъ плебейскаго рода, Базаровъ вынесъ отъ своихъ предковъ ту жилку усидчиваго трудолюбія, тотъ физическій и нравственный закалъ, которые такъ рѣзко отличаютъ его отъ мягкосердечныхъ, дряблыхъ, лѣнивыхъ и жиденькихъ натуришекъ кирсановской атмосферы. Жизнь, полная труда и борьбы изъ-за куска хлѣба, изъ-за желанія пробиться собственною энергіею безъ всякой посторонней помощи, заставила его пройти сквозь огонь и воду и еще болѣе закалила его. Вы видите передъ собою человѣка, который не ограничивается однѣми фразами о пользѣ труда, а самъ трудится безъ устали. Едва пріѣхалъ онъ къ Кирсановымъ, и на другое-же утро принялся за свои изслѣдованія. Что очень вѣрно съумѣлъ подмѣтить Тургеневъ въ Базаровѣ, это его естественное отношеніе къ простымъ людямъ, снискавшее братское расположеніе къ нему со стороны этихъ людей, что, какъ извѣстно, дается очень не многимъ изъ нашихъ гуманнѣйшихъ прогрессистовъ, несмотря на всѣ выканья и рукопожатія, которыя они расточаютъ простому народу отъ всей своей щедрой души.

«Прошло около двухъ недѣль. Жизнь въ Марьинѣ текла своимъ порядкомъ: Аркадій сибаритствовалъ, Базаровъ работалъ. Всѣ въ домѣ привыкли къ нему, къ его небрежнымъ манерамъ, къ его немногосложнымъ, отрывочнымъ рѣчамъ. Ѳеничка въ особенности до того съ нимъ освоилась, что однажды ночью велѣла разбудить его: съ Мишей сдѣлались судороги; и онъ пришелъ и, по обыкновенію, полушутя, полузѣвая, просидѣлъ у нея часа два и помогъ ребенку. За то Павелъ Петровичъ всѣми силами души своей возненавидѣлъ Базарова: онъ считалъ его гордецомъ, нахаломъ, циникомъ, плебеемъ; онъ подозрѣвалъ, что Базаровъ не уважаетъ его, что онъ едва-ли не презираетъ его—его, Павла Кирсанова! Николай Петровичъ побаивался молодого «нигилиста» и сомнѣвался въ пользѣ его вліянія на Аркадія; но онъ охотно его слушалъ, охотно присутствовалъ при его физическихъ и химическихъ опытахъ. Базаровъ привезъ съ собою микроскопъ, и по цѣлымъ часамъ съ нимъ возился. Слуги также привязались къ нему, хотя онъ надъ ними подтрунивалъ: они чувствовали, что онъ все-таки свой братъ, не баринъ. Дуняша охотно съ нимъ хихикала и, искоса, значительно посматривала на него, пробѣгая мимо «перепелочкой». Петръ, человѣкъ до крайности самолюбивый и глупый, вѣчно съ напряженными морщинами на лбу, человѣкъ, котораго все достоинство состояло въ томъ, что онъ глядѣлъ учтиво, читалъ по складамъ и часто чистилъ щеточкой свой сюртучокъ, и тотъ ухмылялся и свѣтлѣлъ, какъ только Базаровъ обращалъ на него вниманіе; дворовые мальчики бѣгали за «дохтуромъ» какъ собачонки. Одинъ старикъ Прокофьичъ не любилъ его, съ угрюмымъ видомъ подавалъ ему за столомъ кушанья, называлъ его «живодеромъ» и прощелыгой и увѣрялъ, что онъ съ своими бакенбардами—настоящая свинья въ кустѣ. Прокофьичъ, по своему, былъ аристократъ не хуже Павла Петровича».

Вотъ какими чертами изображаетъ Тургеневъ Базарова. Это не фразеръ, а труженикъ, не шарлатанъ, скрывающій подъ маскою грошоваго отрицанія отсутствіе всякихъ положительныхъ знаній, а человѣкъ, при всей своей молодости успѣвшій запастись солидными свѣдѣніями. Такіе люди не говорятъ съ чужого голоса звонкихъ фразъ, значеніе которыхъ сами плохо понимаютъ, а высказываютъ то, что сознаютъ, до чего додумались путемъ жизненнаго и научнаго опыта. И вдругъ этотъ энергическій труженикъ, обладающій солидными знаніями, разражается рядомъ нелѣпыхъ фразъ, въ которыхъ, какъ мы видѣли выше, замѣчается полное отсутствіе всякой логики и всякаго знанія. Очевидно, что въ словахъ лучшаго и работающаго представителя молодого поколѣнія Тургеневъ имѣлъ намѣреніе представить новое міросозерцаніе не въ искаженномъ, а въ чистомъ видѣ его, съ цѣлію показать, какъ это міросозерцаніе гибельно вліяетъ на лучшихъ представителей его. Но такъ какъ Тургеневъ самъ-то не имѣетъ ни малѣйшаго понятія о новомъ міросозерцаніи, то поневолѣ ему пришлось попасть въ такой-же просакъ, въ какой попалъ-бы я, если-бы мнѣ вздумалось изобразить великаго полководца, измышляющаго великій планъ сраженія; очевидно, что планъ этотъ, при моихъ стратегическихъ способностяхъ и знаніяхъ военныхъ наукъ, вышелъ-бы такой геніальный, что надъ нимъ посмѣялся-бы первый вновь произведенный прапорщикъ.

IV.

До сихъ поръ мы стояли на почвѣ чисто теоретической. Мы разсматривали міросозерцаніе нашихъ от-

цовъ и новое, современное намъ, въ ихъ сущности и по взаимному отношенію другъ къ другу. Романъ Тургенева показалъ намъ, какіе взгляды составились у насъ относительно новаго міросозерцанія при условіи того узкаго идеализма и полнаго отсутствія всякаго философскаго образованія, какими страдаетъ наше общество въ лицѣ даже такихъ людей, какъ Тургеневъ. Въ романахъ, предстоящихъ нашему разбору, на первомъ планѣ стоитъ сторона практическая; они изображаютъ различныя явленія жизни по отношенію къ идеямъ: или повѣствуютъ намъ, какія печальныя послѣдствія произошли отъ вредныхъ идей, или же, напротивъ того, становятся на сторону самихъ идей и порицаютъ людей, находящихся въ противорѣчіи съ этими идеями. Въ обоихъ случаяхъ взглядъ на жизнь въ этихъ романахъ чисто идеалистическій и потому, какъ мы увидимъ ниже, романы эти, ратующіе противъ мнимаго нигилизма, сами пропитаны нигилизмомъ весьма мрачнаго свойства.

Если мы изъ міра отвлеченныхъ идей опустимся въ реальную жизнь и начнемъ разсматривать тотъ процессъ, который совершается въ нашемъ обществѣ въ настоящее время, то мы, конечно, не найдемъ здѣсь той логической послѣдовательности и систематической стройности, какія представляютъ идеи, разсматриваемыя въ отвлеченіи. Жизнь не есть процессія и парадъ, устроенные по заранѣе предначертаннымъ инструкціямъ и церемоніаламъ, а броженіе многихъ силъ, сложный процессъ, въ которомъ тщетно вы будете искать разлинованной симметріи. Смотря на жизнь съ этой точки зрѣнія, мы должны считать неизбѣжными всѣ ея непослѣдовательности и противорѣчія, не упуская изъ вида, что отсутствіе противорѣчій, послѣдовательность возможны только, какъ послѣдній и крайній исходъ того или другого жизненнаго процесса. Идеалисты смотрятъ на это совершенно иначе: выводя все изъ идей и опираясь исключительно на личную волю человѣка, они требуютъ, чтобы человѣкъ въ каждую минуту своего существованія былъ твердо послѣдователенъ своей идеѣ, при этомъ совершенно не берется въ разсчетъ, обладаетъ ли человѣкъ такою волею, которая могла бы противостоять обстоятельствамъ, и таковы ли обстоятельства, чтобы ихъ могла вынести самая гигантская воля. Объяснимъ это нагляднымъ примѣромъ: основная идея протестантства заключалась въ признаніи свободы совѣсти, свободы личнаго сужденія въ дѣлахъ религіи. Въ этой идеѣ заключалась главная сущность протеста противъ католичества и прогрессивнаго движенія Европы въ XV вѣкѣ. И что же мы видимъ? Протестанты, проповѣдуя эту идею въ теоріи, на практикѣ на каждомъ шагу противорѣчили ей: въ своей нетерпимости они превосходили нерѣдко католиковъ и готовы были истреблять ихъ при всякомъ удобномъ случаѣ; въ самой средѣ протестанства одна секта отрицала существованіе другой и духъ взаимнаго самоистребленія овладѣлъ Европою на два столѣтія, во имя идеи религіозной терпимости. Идеалиста должна привести въ отчаяніе такая крайняя непослѣдовательность въ исторіи. Но всматриваясь въ событіе это съ реальной точки зрѣнія, мы видимъ, что непослѣдовательность эта была неминуемымъ процессомъ жизни. Когда новая идея вносится въ общество, она необходимо должна встрѣтить въ жизни рядъ учрежденій, обычаевъ, нравовъ и привычекъ, стоящихъ къ ней въ крайнемъ противорѣчіи; иначе эта идея не была бы новою. Бытъ общества вліяетъ на каждую отдѣльную личность; если условія этого быта ложны, ненормальны, стѣснительны, то это отражается на каждой личности, искажая ее такъ или иначе. Живя подъ этими условіями, личность пріобрѣтаетъ разныя привычки, конечно, дурныя, если условія быта ненормальны. Когда является новая идея, не можетъ же она разомъ, однимъ дуновеніемъ вѣтра сломить всѣ дурныя привычки, пріобрѣтенныя людьми иногда путемъ половаго подбора впродолженіе нѣсколькихъ столѣтій. На первыхъ порахъ люди довольствуются одними внѣшними измѣненіями во имя новыхъ идей, а между тѣмъ, старыя привычки продолжаютъ по инерціи дѣйствовать въ нихъ совершенно въ противорѣчіе новымъ идеямъ. Протестанты были совершенно удовлетворены, отвергнувши авторитетъ папы, два-три догмата, поклоненіе иконамъ, да устроивши свою особенную обѣдню въ отличіе отъ католической; но въ то же время они воспитаны были предшествующими вѣками въ духѣ нетерпимости и были слишкомъ озлоблены гнетомъ католичества, который продолжалъ угрожать имъ гибелью. Необходимо было, чтобы европейскія общества нѣсколько столѣтій прожили подъ вліяніемъ такихъ условій жизни, при которыхъ въ нихъ могли бы выработаться новыя привычки, соотвѣтствующія идеѣ терпимости. Мы видимъ, что и до сихъ поръ Европа не вполнѣ достигла этого, и даже въ Америкѣ, странѣ, въ которой религіозная терпимость развита болѣе, чѣмъ гдѣ либо, возможно появленіе секты мормоновъ, съ ея воинственнымъ духомъ истребленія всѣхъ другихъ сектъ. Въ какую историческую эпоху мы ни заглянемъ, вездѣ мы увидимъ подобное явленіе; оно очень грустно, если хотите, но, тѣмъ не менѣе, неизбѣжно, основываясь на томъ, что мысль человѣческая развивается и перерабатывается гораздо быстрѣе, чѣмъ та инертная масса привычекъ, которыя развиваются подъ гнетомъ обстоятельствъ. Рабы послѣ своего освобожденія долго еще продолжаютъ обыкновенно робѣть, теряться, иногда и унижаться передъ господами, а господа, самые гуманные, продолжаютъ относиться повелительно къ прежнимъ рабамъ. Въ Америкѣ до сихъ поръ существуютъ особенные вагоны для негровъ, и тѣ самые янки, которые принимали горячее участіе въ дѣлѣ освобожденія своихъ черныхъ собратьевъ, все еще стыдятся сидѣть рядомъ съ ними въ одномъ вагонѣ. Поэтому, когда мы разсматриваемъ какую нибудь переходную эпоху и замѣчаемъ въ ней рядъ явленій, поражающихъ насъ своею непослѣдовательностью, мы должны остерегаться видѣть въ этихъ явленіяхъ нѣчто новое, вышедшее изъ новыхъ идей своего времени. Явленія подобнаго рода бываютъ обыкновенно ничѣмъ инымъ, какъ произведеніемъ старыхъ привычекъ, глубоко въѣвшихся въ бытъ общества.

Мы уже видѣли, въ какомъ жалкомъ состояніи находился умственный кругозоръ нашего образованнаго общества десять лѣтъ тому назадъ. Но не отраднѣе были и нравы его: лишенные всякой самостоятельной

дѣятельности, всякаго труда, всякой заботы о самихъ себѣ, образованные люди проводили жизнь свою въ праздной апатіи, переходя отъ жирнаго обѣда къ карточному столу, отъ резонерства и самоизгрызенія къ сплетнямъ и пересудамъ. Рьяные идеалисты и поклонники высшихъ стремленій, въ реальной жизни были большіе любители весьма неизящной клубнички, и доморощенный сенсуализмъ ихъ принималъ нерѣдко самыя грубыя и циническія формы. За недостаткомъ внутренняго содержанія жизни въ обществѣ, была сильно развита страсть къ внѣшнему блеску, страсть казаться, играть роль, щеголять почестями, богатствомъ, или-же мнимою образованностью, начитанностью, глубиною идей, мефистофельскимъ сарказмомъ, и даже иногда необузданностью неряшества и цинизма, лишь бы чѣмъ нибудь возвыситься надъ толпою и обратить на себя вниманіе. Всѣ эти привычки глубоко въѣлись въ наше общество впродолженіе многихъ поколѣній. Когда общество наше пробудилось на минуту отъ своего глубокаго сна, начались реформы, всеобщее увлеченіе новыми вопросами, новыми идеями,—вмѣстѣ съ выраженіемъ *новыя идеи* появилось выраженіе *новые люди.* Выраженіе это употребляется у насъ въ смыслѣ людей, увлекающихся новыми идеями. Но только въ такомъ смыслѣ и возможно пока употреблять это слово. Если же мы начнемъ анализировать новыхъ людей со стороны соотвѣтствія ихъ жизни съ ихъ идеями, то, конечно, мы на каждомъ шагу должны будемъ терпѣть самое горькое разочарованіе: мы встрѣтимъ не мало людей, которые проповѣдуютъ, что жизнь должна быть основана на трудѣ, а сами бездѣльничаютъ; людей твердящихъ о самостоятельности и постоянно находящихся подъ чьимъ нибудь вліяніемъ; людей, твердящихъ о братствѣ, и собирающихъ деньги въ свою потаенную копилку съ самымъ черствымъ эгоизмомъ. Въ романахъ, которые мы будемъ разбирать, мы найдемъ обильные факты такихъ безобразій, и мы постараемся показать въ своемъ мѣстѣ, что если и встрѣчаются въ жизни эти безобразія, то идеи, которыми они прикрываются, нисколько въ этомъ не виноваты, а виновата прошлая жизнь нашего общества со всѣми ея условіями. Но идеалисты не обращаютъ вниманія на законы природы и на зависимость нравственнаго міра человѣка не отъ однѣхъ идей, а главнымъ образомъ отъ условій жизни. Ища повсюду строгаго соотвѣтствія между идеею и фактомъ, они приходятъ въ ужасъ отъ перваго встрѣчнаго противорѣчія въ жизни, впадаютъ въ отчаяніе, подымаютъ вопли о невозможности какого либо прогресса въ растлѣнной средѣ, или же на безобразія жизни смотрятъ, какъ на слѣдствія безобразія новыхъ идей и, отвергая послѣднія, устремляются вспять и начинаютъ покланяться старымъ кумирамъ, видя въ нихъ единственное спасеніе.

Однимъ изъ такихъ воплей идеализма о нищетѣ міра сего представляется романъ Писемскаго „Взбаламученное море".

Въ романѣ своемъ Писемскій представляетъ наше общество въ видѣ безотраднаго моря, на поверхности котораго онъ замѣчаетъ много радужныхъ отливовъ, но въ глубинѣ таится страшная бездна самыхъ отвратительныхъ чудовищъ, безкровныхъ рыбъ и мерзкихъ улитокъ, приросшихъ къ камнямъ, покрытымъ скользкою вонючею тиною. Въ первыхъ двухъ частяхъ романа писатель не пожалѣлъ мрачныхъ красокъ, чтобы изобразить намъ нашу прошлую жизнь во всей ея безобразной наготѣ, покрытой всевозможными болячками. На первомъ планѣ рисуется передъ нами герой романа Баклановъ. Авторъ относится къ нему очень снисходительно въ четвертой части романа, опредѣляя его такимъ образомъ: „Герой мой, во первыхъ, не герой, а обыкновенный смертный изъ нашей, такъ-называемой, образованной среды. Онъ праздно выросъ, не дурно поучился (!), поступилъ по протекціи на службу, благородно и лѣниво послужилъ, выгодно женился, совершенно не умѣлъ распоряжаться своими дѣлами, и больше мечталъ, какъ бы пошалить, порѣзвиться и попріятнѣй провести время. Онъ представитель того разряда людей, которые до 55 года замирали отъ восторга въ итальянской оперѣ и считали, что это высшая точка человѣческаго назначенія на землѣ, а потомъ сейчасъ же стали, съ увлеченіемъ и вѣрою школьниковъ, читать потихоньку „Колоколъ". Внутри, въ душѣ у этихъ господъ, нѣтъ, я думаю, никакого самодѣланія; но за то натираться чѣмъ вамъ угодно снаружи—величайшая способность!"

Вообще типъ Бакланова удался Писемскому какъ нельзя болѣе, и можно смѣло сказать, что въ нашей литературѣ не было еще такого полнаго и цѣльнаго изображенія этого типа, какое мы видимъ въ романѣ Писемскаго. Баклановъ есть полное олицетвореніе людей, которые только и могутъ развиваться на почвѣ жизни даровой, праздной и ничѣмъ не наполненной. Воспитанный на папенькиныхъ хлѣбахъ, на полномъ барскомъ раздольѣ, онъ уже на гимназической скамьѣ привыкъ корчить изъ себя картиннаго героя въ родѣ тѣхъ, которые встрѣчаются въ повѣстяхъ Марлинскаго. Пожавши подъ столомъ ручку своей кузинѣ, онъ уже хвастается своему товарищу Венявину:

— А было, что я сталъ къ ней въ такія отношенія, при которыхъ уже пятиться нельзя! прибавилъ онъ съ разстановкой.
Венявинъ даже поблѣднѣлъ.
— Какъ такъ?
— Такъ!
И Александръ еще дальше закинулъ голову назадъ.
— Она была, продолжалъ онъ, закрывая глаза,—грустна, какъ падшій ангелъ... Только и молила: «Что вы, что вы со мною дѣлаете?»... Но я былъ бѣшеный, прибавилъ онъ, сжимая кулаки.

Когда потомъ падшій ангелъ пококетничалъ немного съ флигель-адъютантомъ, Баклановъ воспылалъ ревностью, и уѣзжая въ Москву, въ университетъ, трагически проговорилъ:

— Если я не нашелъ въ прекрасномъ, такъ найду въ дурномъ!

И картинный геройчикъ предался студенческимъ пирушкамъ и скандаламъ, воображая, что онъ топитъ въ этомъ времяпрепровожденіи свою бурную страсть. Какимъ представляется онъ вамъ на школьной скамьѣ, такимъ видите вы его и въ жизни: жалокъ и гадокъ онъ и тогда, когда силою растлѣваетъ въ своемъ имѣніи крестьянскую дѣвушку, и когда стыдится ѣхать

со своею матерью, и когда, въ припадкѣ ревности къ Софи Леневой, швыряетъ стулья и подсвѣчники въ ея домѣ, и когда женится на Евпраксіи, дѣвушкѣ, неимѣющей съ нимъ ничего общаго, изъ одного сластолюбиваго любопытства, что, молъ, за существо эта дѣвушка и какъ она будетъ любить; жалокъ и гадокъ онъ и въ ночной омерзительной сценѣ съ Казиміpой, и въ своей поѣздкѣ съ Софи Леневой въ Петербургъ тихонько отъ жены. Во всемъ этомъ вы видите безхарактернаго, пошлаго селадона, растлѣннаго до мозга костей.

Въ подобіе Бакланову стоитъ героиня повѣсти Софи Ленева. Родившись въ бѣдномъ дворянскомъ семействѣ и не получивши никакого воспитанія, Софи вынесла изъ дѣтства одну жажду—выбиться изъ подавляющей бѣдности какими бы то ни было средствами, для того, чтобы встать въ одинъ уровень съ другими и поражать окружающихъ красотою и нарядами. Для достиженія этого она готова продавать себя на каждомъ шагу, и какъ сначала продала она себя мужу своему, старому, изжившему, но за то богатому помѣщику, такъ потомъ продалась жиду-откупщику, а впослѣдствіи, сколотивши деньжонки цѣною своей красоты, поѣхала заграницу транжирить даромъ доставшіеся капиталы и мѣнять на каждой станціи любовниковъ, пока наконецъ за долги не попала въ лондонское Клиши. Это, какъ вы видите, типъ, тоже взятый изъ дѣйствительности, и авторъ не пожалѣлъ красокъ, чтобы очертить его во всей его грязной непривлекательности.

Далѣе вы видите мрачную агонію семейной жизни въ семьѣ Басардиныхъ. Печальна судьба Надежды Павловны Басардиной, вышедшей замужъ за полуидіота, чтобы только уйти куда нибудь и избавиться отъ монотонной, затхлой, невыносимой жизни въ домѣ сестры. А всѣ эти семейныя хлопоты и дрязги, гонки за богатыми тетушками, выпрашиванья тепленькихъ мѣстечекъ, чтобы какъ нибудь поправить финансы и устроить семью, все это наводитъ на насъ тяжелую, свинцовую тоску. Особенно мрачно рисуется передъ вами типъ молодого Басардина, этой жертвы корпуснаго воспитанія, колотящаго будочниковъ по зубамъ, обѣдающаго даромъ въ трактирахъ, жаднаго къ деньгамъ, чувственнаго и низкаго. А далѣе за Басардинымъ открывается передъ вами цѣлый омутъ циниковъ и идіотовъ, блудниковъ и блудницъ, администраторовъ и откупщиковъ, совершающихъ, подъ прикрытіемъ власти и денегъ, уголовныя преступленія, отъ которыхъ волоса могутъ встать дыбомъ. Писемскій открываетъ передъ вами жизнь и нравы гораздо болѣе мрачные, чѣмъ нравы временъ распаденія римской имперіи: тогда, по крайней мѣрѣ, страшная гниль подкрашивалась лоскомъ древней цивилизаціи; здѣсь же растлѣніе нравовъ представляется вамъ въ самомъ грубомъ, циническомъ видѣ полуобразованнаго, полудикаго общества.

Въ этой картинѣ вы видите полное, безусловное отрицаніе Писемскимъ всей нашей прошлой жизни, которая была повидимому такъ благоустроена, тиха и безмятежна, но подъ наружнымъ благочиніемъ скрывала самое страшное растлѣніе. Но вотъ лазурное, неподвижное море заволновалось. Начались реформы, поднялись вопросы, въ обществѣ возникло замѣтное броженіе. Отрицая все прошлое, Писемскій отрицаетъ вмѣстѣ съ этимъ и то движеніе, которое испытало наше общество, отвергая за нимъ всякое значеніе.

«Въ началѣ нашего труда, говоритъ онъ, при раздавшемся около насъ, со всѣхъ сторонъ, говорѣ, шумѣ, трескѣ, ясное предчувствіе говорило намъ, что это не буря, а только рябь и пузыри, отчасти надутые извнѣ, и отчасти появившіеся отъ поднявшейся снизу всякой дряни. Событія какъ нельзя лучше оправдали наши ожиданія».

А въ другомъ мѣстѣ, онъ проводитъ ту же мысль еще яснѣе, влагая ее въ уста одному изъ своихъ героевъ—Веригину.

— Неужели же во всемъ послѣднемъ движеніи вы не признаете никакого смысла? спросилъ Баклановъ.

Верегинъ усмѣхнулся.

— Никакого!.. одно только обезьянство, игра въ обѣдню, какъ дѣти вонъ играютъ.

— Хороша игра въ обѣдню, за которую въ крѣпость попадаютъ, сказалъ Баклановъ.

— Очень жаль этихъ господъ въ ихъ положеніи, возразилъ Верегинъ, — тѣмъ болѣе, что, говоря откровенно, они плоть отъ плоти нашей, кость отъ костей нашихъ. То, что мы дѣлали, крадучись, чему потихоньку симпатизировали, они возвели въ принципъ, въ систему; это наши собственныя сѣмена, только что распустившіяся въ букетъ.

— Если подъ движеніемъ разумѣть—началъ Юрасовъ—собственно революціонное движеніе, такъ оно, конечно, безсмыслица, но движеніе—въ смыслѣ реформъ?

Верегинъ придалъ какое-то странное выраженіе своему лицу.

Что же привело Писемскаго къ этому безусловному отрицанію не только всего нашего прошлаго, но и того движенія нашего общества, которое было ничѣмъ инымъ, какъ стремленіемъ выйдти изъ этого печальнаго прошлаго?

Во-первыхъ, г. Писемскаго сбилъ съ толку тотъ естественный процессъ жизни, который ясенъ для всякаго мало-мальски образованнаго человѣка, но на который г. Писемскій взглянулъ съ точки зрѣнія узкаго идеализма. Его смутило то обстоятельство, что на арену увлеченія общественнымъ движеніемъ выступили люди того же добраго стараго времени—Баклановы, Леневы, Басардины, и внесли въ это движеніе тѣ же гадости, которыми они начинили себя въ своей прежней жизни. Что новаго и хорошаго могли произвести эти люди? Очевидно, ничего. Но за этими подонками движенія писатель не разсмотрѣлъ главнаго, что собственно составляло суть движенія, его средоточіе и ядро — тѣхъ новыхъ требованій отъ жизни, тѣхъ условій, которыхъ начали добиваться люди, стоящіе выше и въ умственномъ, и въ нравственномъ отношеніи героевъ романа г. Писемскаго, добиваться для избавленія себя отъ тѣхъ же самыхъ Баклановыхъ, Леневыхъ, Басардиныхъ и проч. Въ этомъ отношеніи г. Писемскій и самъ не замѣтилъ, въ какое абсурдное противорѣчіе онъ поставилъ самого себя: онъ выставилъ передъ нами людей, мало того что растлѣнныхъ прежней жизнью, но и плохо учившихся, мало образованныхъ, судящихъ обо всемъ и вкривь и вкось. Такіе люди, увлек-

шись новыми идеями, очевидно, должны искажать ихъ и въ высказываньи, и въ примѣненіи на дѣлѣ. А между тѣмъ Писемскій, по словамъ и поступкамъ своихъ героевъ судитъ о томъ, каковы эти идеи сами по себѣ. Такъ, напримѣръ, въ первой части романа Писемскій говоритъ: „И не одну, не двухъ, а сотни и тысячи, мы знаемъ подобныхъ труженицъ-матерей, которыя на своихъ скорбныхъ плечахъ, часто подъ колотками и бранью, поднимаютъ огромныя семьи, и не *безнравственныхъ правъ* требуютъ онѣ у общества, а чтобы хоть сколько нибудь подсобили имъ нести труды, которые возложили на нихъ самцы-супруги".

Такимъ образомъ, Писемскій считаетъ безнравственнымъ даровать женщинамъ какія-либо права и улучшить положеніе ихъ. На какомъ же это основаніи? Единственно на томъ, что безнравственные сами по себѣ люди, каковы Баклановъ или Софи Ленева, не понявши ясно, въ чемъ заключаются истинныя требованія правъ женщины, исказили эти требованія, найдя въ нихъ оправданіе своей праздной чувственности. Писемскій до такой степени дѣтски-наивенъ, что въ поѣздкѣ Бакланова съ Софи Леневой за-границу тихонько отъ жены или въ поверхностныхъ фразахъ m-lle Базилейнъ о бракѣ видитъ альфу и омегу женскаго вопроса.

Точно такъ же отнесся Писемскій и къ гласности. Его поразилъ тотъ фактъ, что гласностью могутъ злоупотреблять такіе люди, какъ Басардинъ, употребляя ее, какъ орудіе для низкаго кляузничества съ цѣлью загребанія денегъ или мести. Онъ разочаровался и въ гласности, находя, что въ идеалѣ это очень хорошая вещь, но не въ такомъ растлѣнномъ обществѣ, какъ наше. Ограничившись такимъ образомъ наблюденіемъ нравовъ одной растлѣнной среды, Писемскій по одной этой средѣ судитъ о несостоятельности всего нашего общества и съ другой стороны, по тому, какъ искажаетъ эта среда идеи, сами по себѣ можетъ быть и почтенныя, онъ судитъ о самихъ идеяхъ. Что писатель не имѣетъ объ этихъ идеяхъ никакого понятія, которое возвышало бы его надъ Баклановымъ или Софи Леневой, это видно изъ слѣдующаго обстоятельства: рисуя въ туманѣ типъ Постскрипскаго, онъ видитъ въ немъ силу; вокругъ этого человѣка, по его словамъ, группируется общество того времени; слѣдовательно, Писемскій видитъ въ немъ средоточіе движенія. Человѣкъ сильный, занимающійся, способный встать во главѣ толпы, очевидно, долженъ чѣмъ-нибудь выдѣляться отъ прочихъ героевъ романа. Если они, легкомысленные, праздные, плохо развитые, безъ основательныхъ знаній, безъ всякой сознательной цѣли довольствуются поверхностными фразами, то чѣмъ отличаются отъ нихъ сильные люди, занимающіеся, знающіе, въ родѣ Постскрипскаго? Этого мы не видимъ въ романѣ Писемскаго, потому что въ уста Постскрипскаго онъ вложилъ тѣ же плоскія и безсмысленныя фразы, которыя Тургеневъ вложилъ въ уста Базарова. Точно также заставилъ онъ его отрицать безусловно искусства и науки и произносить даже такія вещи, что можетъ быть человѣку азотъ, котораго больше въ городахъ, нужнѣе, чѣмъ кислородъ. Если Писемскій и въ устахъ Постскрипскаго новыя идеи предполагаетъ въ такомъ же видѣ, какъ и въ устахъ своихъ жалкихъ героевъ, то это прямо показываетъ, что онъ имѣетъ объ этихъ новыхъ идеяхъ такое же понятіе, какъ и Софи Ленева, и нисколько не возвышается въ своемъ умственномъ развитіи надъ героинею своего романа.

Въ то же самое время Писемскаго сбило съ толку слѣдующее обстоятельство: случалось ли вамъ среди вашихъ мирныхъ занятій получить внезапное извѣстіе, что въ жизни вашей готовится важная перемѣна? Что удивительнаго, что у васъ при подобномъ извѣстіи пропадетъ сонъ, апетитъ, вы бросите ваши обыденныя занятія, будете только и думать, и говорить все о томъ, что неожиданно встревожило васъ. То же самое испытывало и общество наше: въ его жизни готовилось столько важныхъ и вѣковыхъ реформъ; оно было въ недоумѣніи и тревогѣ; оно не знало, чѣмъ разрѣшатся всѣ эти реформы,—и можно ли удивляться, что въ эти роковыя минуты помутилось общее теченіе дѣлъ, кромѣ общественныхъ вопросовъ всѣ другіе считались не стоющими вниманія, вопросы эти на первомъ планѣ стояли повсюду и въ гостиныхъ, и въ клубахъ, и на сценахъ, и въ училищахъ, люди, никогда прежде не думавшіе ни о чемъ, кромѣ оперы или ужина, сдѣлались ревностными гражданами.

Писемскій, при своемъ узкомъ и темномъ умственномъ кругозорѣ, не могъ переварить даже и этого простого и нормальнаго явленія жизни. Онъ посмотрѣлъ на него съ точки зрѣнія мистера Подзнапа въ романѣ Диккенса „Нашъ взаимный другъ". Подобно тому, какъ мистеръ Подзнапъ предполагалъ, что человѣкъ, что бы съ нимъ ни происходило, невозмутимо и аккуратно долженъ во столько-то часовъ вставать, во столько-то часовъ бриться, во столько-то часовъ идти въ контору, во столько-то часовъ обѣдать, во столько-то часовъ ложиться спать — такъ и Писемскій предположилъ, что въ благоустроенномъ обществѣ, хотя бы происходило нашествіе варваровъ или столкновеніе земли съ кометою, благонамѣренные граждане должны не прерывать общаго теченія жизни: ходить въ оперу, учить дѣтей, гдѣ ставить букву *ѣ*, бесѣдовать о погодѣ и танцовать кадриль, молодые кавалеры должны по прежнему говорить любезности дамамъ, а дамы — блистать нарядами и красотою. Писемскій чуть не плачетъ, что объ общественныхъ вопросахъ заговорила даже Софи Ленева, едва умѣвшая читать и писать, что она, „молодая и, вѣроятно, еще пылкая женщина, проходитъ съ невниманіемъ и зѣвотой, когда ей читаютъ, со слезами въ голосѣ, про любовь; некогда ей заниматься симъ бреннымъ удовольствіемъ; въ ней одинъ огонь горитъ, огонь гражданки!"

Что удивительнаго, если, при возбужденномъ состояніи общества, происходятъ разныя минутныя увлеченія, ведущія за собою печальныя жертвы и утраты. Эти жертвы сторицею выкупаются тѣмъ новымъ развитіемъ жизни, которое выноситъ общество изъ своего возбужденнаго состоянія. Писемскій плачетъ, что молодежь въ своемъ увлеченіи потеряла дѣльнаго профессора въ Верегинѣ, и изъ этого сейчасъ же выводитъ заключеніе, что новое движеніе ведетъ къ невѣжеству и варварству. Но протестантское увлеченіе стоило Европѣ не потери двухъ-трехъ Верегиныхъ, а

десятковъ разрушенныхъ до основанія городовъ, со всѣми ихъ школами и учителями, и все-таки эти города гораздо болѣе процвѣли при новыхъ условіяхъ жизни, чѣмъ до своего разрушенія процвѣтали подъ тяжелымъ гнетомъ католичества.

Выйдя такимъ образомъ изъ той мысли, что повсюду должны быть тишина, порядокъ и благоустроеніе, что каждый смертный долженъ быть непремѣнно идеальнымъ гражданиномъ, идеальнымъ мужемъ, идеальнымъ отцомъ семейства, и найдя въ дѣйствительности вмѣсто этого какой-то нестройный хаосъ, Писемскій не имѣлъ силъ возвыситься надъ этимъ хаосомъ и прослѣдить въ немъ естественный процессъ жизни, а прямо и безусловно, какъ истый идеалистъ, предалъ отрицанію все происходящее передъ нимъ; все, молъ, это мыльные пузыри, шутиха, игра въ обѣдню, и больше ничего. Но человѣкъ не можетъ ограничиваться подобнаго рода отрицаніемъ; оно дѣйствуетъ на его нравственную природу такъ же, какъ безвоздушное пространство на физическую: надо же дышать какимъ-нибудь воздухомъ, хотя бы и наполненнымъ міазмами. Какъ темный, узкій идеалистъ, Писемскій нашелъ выходъ своему отрицанію въ слѣпой вѣрѣ въ такія отвлеченныя субстанціи, какъ *здравый смыслъ* народа, того самого народа, о которомъ въ четвертой части онъ самъ же говоритъ: „простой народъ отъ безпрерывно повторявшихся поборовъ сталъ приходить, наконецъ, въ отупѣніе: съ него брали и въ казну, и барину, и чиновникамъ, да еще и въ солдаты отдавали. Какъ бы въ отместку за все это, онъ неистово пилъ отравленную откупную водку, и приходя оттого въ скотское бѣшенство, дрался, какъ звѣрь, или со своимъ братомъ, или съ женой, и безпрестанно попадалъ за то на каторгу“. Другая субстанція, на которой почилъ Писемскій, это тотъ пресловутый *народный патріотизмъ* — чувство любви и самоотверженія, вложенныя въ сердце русскаго народа прежде его существованія, тотъ самый патріотизмъ, который когда-то проникалъ насквозь драмы Кукольника, въ родѣ „Рука Всевышняго отечество спасла“. Третья субстанція, на которой почилъ Писемскій, это — *русское семейное начало.* Вы не думайте, чтобы здѣсь подразумѣвалось вообще семейное начало. Семья существуетъ повсюду и въ Европѣ, и въ Америкѣ, и въ Азіи; но есть еще особенное русское семейное начало, котораго нигдѣ нѣтъ на всемъ земномъ шарѣ, которое и въ Россіи существуетъ только въ головахъ такихъ мыслителей, какъ Писемскій. Это русское семейное начало основывается на томъ, что въ случаѣ если мужъ или родитель заушитъ своихъ домочадцевъ и раскваситъ имъ носы въ кровь, жена и дѣти должны съ нѣжнымъ умиленіемъ поцѣловать заушающую руку. Олицетвореніемъ этого русскаго семейнаго начала является Евпраксія, жена Бакланова, которая послѣ того, какъ мужъ прокутилъ ея имѣніе и уѣхалъ отъ нея съ любовницей, по первому же письму его стремглавъ полетѣла къ нему въ Парижъ, видя въ немъ отца нѣжно любимыхъ дѣтей своихъ, а въ себѣ подругу жизни его, преданную ему по чувству долга, назначеннаго свыше. О, еслибы только могъ Писемскій понять, какое глубокое искаженіе всякихъ истинныхъ и здоровыхъ семейныхъ началъ таится во всей этой кислятинѣ!

V.

У автора „Марево“ мы видимъ гораздо больше чутья относительно стремленій и чувствъ молодого поколѣнія. Онъ понимаетъ, повидимому что современными идеями можно увлекаться не изъ одной моды и обезьянства, но что увлеченія эти могутъ быть создаваемы самою жизнію, могутъ глубоко проникать человѣка до мозга костей его и составлять сущность его существованія. Это мы можемъ прослѣдить на героинѣ романа, Иннѣ. Она была дочь одного изъ передовыхъ людей своего времени, вокругъ котораго, по словамъ автора, какъ вокругъ центра, группировалось одно время все мыслящее въ Россіи. Непонятый своимъ вѣкомъ, не найдя никакого исхода своимъ стремленіямъ, разочарованный въ своей тщеславной и пустой супругѣ, онъ зачахъ и умеръ на рукахъ своей дочери, въ которую вложилъ весь пылъ своихъ неудовлетворенныхъ, осмѣянныхъ стремленій: „Если ты пойдешь по пути, завѣщанному тебѣ отцомъ, ты будешь его истителемъ, потому что въ тебя вложены великія силы... Если ты пойдешь противъ отца, я не сужу тебя; свобода прежде всего; но неужели моя Инна пойдетъ противъ отца“? Вы подумайте только, какъ должны были подѣйствовать эти слова въ устахъ мученика идеи на молодое, горячее, любящее существо. Не должны ли были они произвести роковое вліяніе на всю жизнь Инны, подобно тому, какъ всю природу Гамлета потрясло появленіе тѣни отца его? Затѣмъ понятно становится, что вся жизнь Инны, вся мощь ея природы должна быть направлена къ тому, что завѣщалъ ей отецъ на смертномъ одрѣ. Когда она говоритъ своей матери: „Анна Михайловна! вы одному человѣку отравили жизнь, удовольствуйтесь! Меня вамъ не свалить“,—вы видите въ этихъ словахъ не одно тщеславное желаніе порисоваться моднымъ протестомъ противъ родительской власти, а болѣзненный стонъ наболѣвшей души, и тѣмъ болѣе оправдывается подобный вопль, чѣмъ тщеславнѣе и глупѣе представляется вамъ въ этой сценѣ Анна Михайловна, вознегодовавшая на дочь за то, что она не съумѣла, какъ слѣдуетъ, принять графа.—Когда Инна говоритъ въ своемъ дневникѣ: „Ужь не ощущаете ли вы зародыши нѣжной страсти? Въ такомъ случаѣ проворнѣй въ ходъ специфическое средство: мѣткую эпиграмму; да такую, чтобы вамъ послѣ и взглянуть на него было смѣшно!“ — здѣсь опять-таки не базаровскій протестъ противъ любви во имя новыхъ идей, отвергающихъ будто бы любовь, а естественное чувство человѣка, у котораго всѣ силы души направлены къ тому, что онъ считаетъ великимъ, и которому передъ этимъ великимъ прочія чувства кажутся мелочными, ничтожными, способными только затмить въ немъ великую страсть. Таковъ всегда бываетъ человѣкъ, вдохновенный какимъ-нибудь высокимъ призваніемъ. Таковъ былъ Гамлетъ, пренебрегшій чувствомъ къ Офеліи, такова была Іоанна д'Аркъ, такова и Инна, произносящая слѣдующія слова: „Неужели мнѣ жаль разстаться съ нашимъ затхлымъ житьемъ? Неужели мнѣ

жаль людей, съ которыми у меня ничего нѣтъ общаго? *Неужели такъ велика сила привычки, что передъ нею меркнетъ великое дѣло, которому я должна служить? Неужели пошленькое себялюбіе перетянетъ обѣтъ, данный сознательно и обдуманно?*". Прочтите наконецъ ту сцену во второй части, гдѣ Инна слушаетъ оперу „Гугеноты". Въ этой сценѣ въ лицѣ Инны выраженъ прекрасно взглядъ молодого поколѣнія на искусство: то самое молодое поколѣніе, которое смѣется надъ произведеніями искусства, отвлеченными отъ жизни, выражающими одно безцѣльное поклоненіе прекрасному, совершенно иначе относится къ произведеніямъ, анализирующимъ жизнь и отзывающимся на всѣ ея мучительные вопросы. Такихъ произведеній молодое поколѣніе никогда не отрицало и не будетъ отрицать.

Но отличіе Ключникова отъ Тургенева и Писемскаго только и ограничивается созданіемъ типа Инны. Выполненіе же этого типа не выдерживаетъ ни малѣйшей критики. Углубляясь въ романъ, вы видите тѣ же тенденціи, тѣ же взгляды на современное движеніе, что и у Писемскаго, и тотъ же отрицательный выводъ въ заключеніе. Отвергнувши все старое, затхлое, износившееся и заставивши искать Инну выхода изъ всего этого въ современномъ движеніи, онъ совершенно въ соотвѣтствіи съ *дымомъ* Тургенева, и съ *пузырями* Писемскаго, не видитъ въ современномъ движеніи ничего, кромѣ *миража, марева*; въ людяхъ движенія онъ ничего не находитъ, кромѣ ряда противорѣчій высокихъ идей съ дрянными или низкими поступками, и приводитъ такимъ образомъ Инну къ самому горькому разочарованію:

«Всѣ формы жизни прошли передо мною; всѣ направленія дѣятельности сталкивались вокругъ меня, ломая и уничтожая другъ друга; я увлекалась то тѣмъ, то другимъ, но приступить не могла ни къ одному. Какъ только я осматривалась въ новомъ положеніи на столько, что затаенная ложь, не чуждая ни одной партіи, начинала мнѣ сквозить черезъ декоративную внѣшность, я чувствовала себя разбитою, уничтоженною, замирала на время для жизни, замыкаясь въ самой себѣ. Я не проклинала прежнихъ товарищей, я молча удалялась отъ нихъ; они честили меня измѣнницей святому дѣлу и прочими кличками, къ которымъ только теперь я совершенно равнодушна,—только теперь, когда всѣ стремленія мои разбиты дѣйствительностью, когда я разочаровалась въ себѣ и во всемъ, за что жертвовала собою. Годъ тому назадъ, я сошлась съ людьми, которые казались мнѣ поборниками правды, добра, свободы, всего, не потерявшаго для меня и до сихъ поръ своего истиннаго смысла. Теперь я вижу насквозь эту горсть честолюбцевъ, жадно рвущихъ другъ у друга власть, какъ стая коршуновъ тащитъ другъ у друга изъ клева требуху дохлой скотины. Я видѣла эту знаменитую борьбу, въ которой свобода народовъ—звучный предлогъ для возвышенія однихъ тирановъ насчетъ другихъ; я знаю всѣ ихъ средства къ достиженію цѣли самой низкой, прикрытой маскою національности. Я стояла лицомъ къ лицу съ тѣмъ самымъ народомъ, съ которымъ они заигрывали до поры до времени. Это было послѣднею гирей на колеблющіеся вѣсы... Нѣтъ словъ выразить презрѣнія, нѣтъ мѣрки для ненависти, которыя почувствовала я къ нимъ. Я съ ужасомъ обернулась назадъ... Тамъ, за мною, осталась Вѣрочка, сперва творившая себѣ потѣху изъ науки, а потомъ заигравшая въ революцію; тамъ былъ Ваня, сразу принявшійся за разрушеніе троновъ; тамъ, наконецъ, накопилась мелюзга, тля, въ сравненіи съ которою эти дѣти казались гигантами... Я осталась одна, на своей призрачной высотѣ, изломанная, искалѣченная, безъ всякой охоты къ жизни, безъ всякой вѣры въ будущность».

Изъ этой тирады вы можете судить, какимъ путемъ дошла Инна до разочарованія, принимая конечно въ разсчетъ, что въ этомъ разочарованіи героини заключается основной взглядъ романиста на современное намъ положеніе вещей. Разочарованіе это сложилось путемъ чисто идеалистическимъ: Инна потеряла охоту къ жизни и вѣру въ будущность, потому что она искала повсюду идеальныхъ людей, поборниковъ правды, добра и свободы, а нашла низкихъ честолюбцевъ или легкомысленныхъ дѣтей, игравшихъ въ принципы, какъ Вѣрочка и Ваня. Этимъ именно путемъ и доходилъ идеализмъ постоянно до разочарованія и отрицанія. Онъ не обращалъ вниманія никогда, что люди, развивающіеся подъ сложною массою разнородныхъ вліяній, которыми обусловливается жизнь общества, могутъ быть идеальны только относительно и сравнительно, но не безусловно. Мы можемъ сравнительно судить, что въ Америкѣ люди, живущіе подъ лучшими условіями жизни, лучше насъ, развитѣе, энергичнѣе, самостоятельнѣе, можемъ мечтать, что и мы будемъ развитѣе, энергичнѣе, самостоятельнѣе, когда выработаемъ лучшія условія жизни; но навѣрное мы разочаровались-бы и въ американцахъ, если-бы стали требовать отъ нихъ, чтобы они были безусловно идеальны въ каждую минуту своей жизни.—Если-бы Инна повсюду встрѣчала идеальныхъ поборниковъ правды, добра и свободы, это показывало-бы, что мы достигли высшей и послѣдней точки прогресса, дальше которой нечего больше желать, не къ чему стремиться и не нужно болѣе никакого прогресса. Встрѣча съ людьми дрянными, дряблыми, пустыми должна не разочаровывать насъ, а еще болѣе развивать въ насъ жажду дѣятельности, стремленіе способствовать всѣми силами къ улучшенію быта людей и черезъ это къ образованію лучшихъ людей, чѣмъ мы видимъ въ настоящее время. Если-бы Инна вооружилась этими мыслями, ее ни мало не поразила бы встрѣча съ дрянными поборниками хорошихъ идей. Изъ своихъ неудачъ, какъ плодовъ молодой неопытности и незрѣлости, она извлекла-бы прекрасные уроки для своего будущаго, стала-бы разборчивѣе въ избраніи пути для дѣятельности и въ людяхъ, и если не нашла-бы безусловно идеальныхъ людей, то во всякомъ случаѣ набрела-бы на относительно хорошихъ, приносящихъ своему времени посильную пользу въ направленіи, завѣщанномъ ей отцомъ.

Отвергнувши, такимъ образомъ, все современное движеніе общества, какъ марево и миражъ, Ключниковъ, подобно Писемскому, почилъ на тѣхъ-же отвлеченныхъ субстанціяхъ, какъ здравый смыслъ народа, умилительный патріотизмъ и семейное начало. Олицетвореніемъ всѣхъ этихъ доблестей является Русановъ, который, какъ и всегда это бываетъ въ искусствѣ съ олицетвореніями отвлеченныхъ началъ, представляется съ начала романа до конца личностью совершенно безцвѣтною. При чтеніи романа онъ постоянно рисуется въ вашемъ воображеніи геніемъ чистоты, скромности и невинности, съ нѣжно-умиленнымъ сердцемъ, скромно опущенными глазами и цвѣточкомъ въ рукахъ.

VI.

Нужно-ли распространяться много о томъ, что въ романѣ Стебницкаго „Некуда“ мы видимъ тѣ-же самые элементы, которые нашли и у Писемскаго, и у Ключникова. Самое заглавіе показываетъ вамъ, что романъ построенъ на томъ-же умозаключеніи, какъ и всѣ прочіе романы этой школы. Если все современное движеніе общества ни что иное, какъ мыльные пузыри, марево, дымъ, то, конечно, лучшимъ людямъ дѣться *некуда* — россійская земля сошлась для нихъ клиномъ: все старое никуда не годится, все новое несостоятельно — и остается только ложиться въ хладныя могилы. Стебницкій употребляетъ буквально тѣ-же пріемы, что и Ключниковъ: онъ выдвигаетъ передъ вами на первый планъ два идеальные типа — идеальнаго соціалиста Райнера и идеальную нигилистку Лизу Бахареву. Подобно Иннѣ, Райнеръ воодушевленъ смертію отца своего, разстрѣляннаго швейцарскаго революціонера; разочаровавшись въ европейской жизни, онъ ѣдетъ въ Россію, предполагая найти въ ней самородный соціализмъ, коренящійся на чисто-народной почвѣ, но находитъ толпу растлѣнныхъ нигилистовъ; въ отчаяніи кидается въ польское возстаніе, предполагая и тамъ обрести искомый соціализмъ, но и тамъ его не находитъ и кончаетъ жизнь плѣномъ и разстрѣляніемъ. Съ своей стороны Лиза Бахарева, непонятая и угнетенная въ семейной жизни, ищетъ выхода изъ нея въ современномъ движеніи, бросается въ толпу тѣхъ-же коварныхъ нигилистовъ; но разочаровавшись въ нихъ, не знаетъ куда преклонить голову, находитъ, что дѣться *некуда*, и томится жаждою труда, не зная за что приняться, пока зрѣлище смерти Райнера не потрясаетъ всей ея природы, и тогда, поверженная на смертный одръ, она умираетъ въ кругу благонамѣренныхъ друзей своихъ, оплакавшихъ въ ней несчастную жертву современнаго движенія. Подобно Русанову, благонамѣренные друзья Лизы совмѣщаютъ въ себѣ съ здравымъ смысломъ всевозможныя доблести патріотическія и семейныя. Такъ, напримѣръ, описывая свадьбу Жени Главацкой, Стебницкій не преминулъ упомянуть, какъ, сообразно съ праотческими обычаями къ дѣвственной кроваткѣ Жени была смѣло и твердо приставлена другая кровать, какъ монахиня Θеоктиста, похаживая по спальнѣ, то оправляла оборки подушекъ, то осматривала кофту, то передвигала мужскія и женскія туфли новобрачныхъ, какъ, затѣмъ, молодая жарко молилась съ монахиней о ниспосланіи брака честна и соблюденіи ложа нескверна, и затѣмъ, Стебницкій объявляетъ, что мы не имѣемъ права долѣе оставаться въ этой комнатѣ, и тѣмъ заканчиваетъ картину благонамѣреннаго и благочестиваго брака.

Мы не будемъ вдаваться во всѣ подробности анализа тѣхъ элементовъ романа Стебницкаго, въ которыхъ онъ сходится съ вышеразобранными нами романами; иначе пришлось бы снова повторять все то, что мы высказали уже по поводу „Взбаламученнаго моря“ и „Марева“. Обратимъ лучше вниманіе на то, чѣмъ отличается романъ Стебницкаго отъ вышеозначенныхъ.

Заблужденіе Писемскаго и Ключникова заключается въ томъ, что, обративши исключительное вниманіе на одни безобразія современной намъ эпохи, и упустивши изъ виду, по узкости своего умственнаго кругозора, все, чѣмъ мы можемъ гордиться, они, по однимъ безобразіямъ, судятъ о самой сущности общественнаго движенія нашей эпохи. Но надо имъ отдать справедливость, что въ анализѣ современныхъ безобразій они стараются твердо держаться на художественной почвѣ, то-есть проводить подмѣчаемыя ими въ жизни безобразія сквозь процессъ творчества и создавать изъ нихъ типы,—и иногда это имъ удается. Таковъ, напримѣръ, типъ Бакланова у Писемскаго, типы Бронскаго или Коли Горобца у Ключникова, типы Кукшиной и Ситникова у Тургенева; вы можете смѣяться надъ писателями, которые въ этихъ личностяхъ видятъ начало и конецъ современнаго движенія общества, и по нимъ судятъ о несостоятельности нашей жизни вообще, но, сами по себѣ, типы эти взяты изъ жизни, дышатъ художественною правдою.

Совершенно иначе поступаетъ Стебницкій: извѣстно, что въ обществѣ ходитъ много всякихъ слуховъ, толковъ, перетолковъ и сплетенъ, лишенныхъ часто всякихъ основаній, о разныхъ литературныхъ и общественныхъ дѣятеляхъ, о тѣхъ или другихъ фактахъ общественной жизни. Стебницкій беретъ эти сплетни и безъ всякаго анализа передаетъ ихъ, искажая и лица, и факты. Такимъ образомъ, вмѣсто типовъ и эпизодовъ, въ которыхъ, какъ въ общемъ фокусѣ, отражались бы частныя явленія жизни, передъ вами рядъ каррикатуръ, въ которыхъ вы не видите и тѣни жизненной правды. Если Стебницкій смотритъ на героевъ своего романа, какъ на людей, сбившихся съ истиннаго пути, то тѣмъ болѣе, онъ долженъ былъ позаботиться изучить этихъ людей во всѣхъ ихъ заблужденіяхъ, во всѣхъ сокровенныхъ тайникахъ ихъ жизни. Какъ бы ни заблуждались, по мнѣнію Стебницкаго, эти люди, а все-таки они были люди, честно и горячо стремившіеся къ тому, что, по ихъ мнѣнію, было истиною и благомъ; если ихъ привычки, нравы, вынесенные изъ прежней жизни, противорѣчили съ ихъ убѣжденіями, не могли же они, люди, во всякомъ случаѣ, развитые и мыслящіе, не чувствовать своего разлада, и хоть изрѣдка, не хандрить по поводу его, и не стараться выбиться изъ-подъ гнета своихъ привычекъ... Анализа борьбы съ обстоятельствами, борьбы съ самими собою, столкновеній высокихъ и низкихъ побужденій,—однимъ словомъ, всего, что наполняетъ жизнь человѣка, какихъ бы онъ ни былъ убѣжденій, развитія, состоянія, всего этого мы не находимъ въ романѣ Стебницкаго. Нигилисты его вовсе не люди, а суррогаты всевозможныхъ пошлостей, злоумышленій, чувственности, подлости и трусости. Неужели Стебницкій не могъ понять той простой истины, что сатира только тогда производитъ свое потрясающее дѣйствіе, когда она осмѣиваетъ факты въ ихъ истинномъ безобразіи. Когда же писатель представляетъ ихъ гораздо худшими, чѣмъ они въ дѣйствительности, читатель невольно становится на сторону обезображиваемыхъ фактовъ, и его возмущаетъ безобразіе самого писателя, низводящаго искусство на степень желчнаго и злобнаго злорѣчія, напоминающаго сплетничество уѣздныхъ кумушекъ и приживалокъ.

Изобразивши толпу нигилистовъ въ видѣ суррогата всевозможныхъ пороковъ и слабостей, Стебницкій и самъ не замѣтилъ, въ какое противорѣчіе поставилъ онъ себя со своими идеальными героями, Лизой Бахаревой и Райнеромъ. Какъ же это Лиза Бахарева, дѣвушка съ умомъ и съ сердцемъ, начитанная и размышляющая, могла такъ долго якшаться съ такими людьми? Какъ на другой же день по вступленіи своемъ въ домъ согласія, не выѣхала она изъ него? А съ другой стороны, хорошъ и этотъ Райнеръ, европейскій соціалистъ, успѣвшій поѣздить и пожить по Европѣ, разочаровавшійся въ европейскихъ соціалистахъ, и въ то же время, не умѣющій съ перваго же разу различить, какіе люди окружаютъ его въ Петербургѣ! Хорошъ этотъ Райнеръ, человѣкъ, не забудьте, съ познаніями, и вдругъ, что же: стоило только встрѣтиться съ нимъ первому поляку и сказать ему, что польское дѣло — добыть бѣднымъ хлопамъ землю, раздѣлить ее по братски, и пусть тогда будетъ народная воля, —и Райнеръ, какъ пятнадцатилѣтній мальчикъ, бросился стремглавъ въ польское возстаніе, сразу новѣривъ, что возстаніе это основывается на началахъ соціализма!

Однимъ словомъ, недодуманность, небрежность, передача грязныхъ сплетенъ, писанье скондачка, что взбредетъ на умъ въ данную минуту, не сличая, насколько это согласно съ предыдущей страницей— г. Стебницкій, какъ это называется по вашему—художественное творчество, поклоненіе чистому искусству?

VII.

Когда въ полуобразованномъ обществѣ, окончательно укоренилось о новомъ міросозерцаніи предубѣжденіе, что будто послѣднее отвергаетъ всякую нравственность, оправдываетъ всевозможныя преступленія, отрицаетъ любовь и признаетъ одно удовлетвореніе животной чувственности, — тогда сложились стереотипные типы въ видѣ молодой дѣвицы съ остриженною косою и грязными воротничками, разговаривающей не краснѣя со студентомъ объ актѣ оплодотворенія, и студента съ длинными волосами, рѣжущаго лягушекъ и готоваго при случаѣ зарѣзать человѣка. Разъ подобные типы сложились, всякое наблюденіе живой дѣйствительности оказалось совершенно излишнимъ. Порицателямъ новѣйшихъ прогрессистовъ и прогрессистокъ теперь только и остается, что сидя, въ своемъ кабинетѣ, нанизывать изъ своей фантазіи одну грязную сценку на другую, разсыпать по своимъ произведеніямъ дюжинами дѣвицъ съ остриженными косами и студентовъ, рѣжущихъ лягушекъ, и фразы относительно отрицаній всякаго рода. Тургеневъ, Писемскій и Ключниковъ — все-таки заботились изображать въ своихъ произведеніяхъ людей живыхъ съ разными человѣческими побужденіями и чувствами, Стебницкій основалъ свое произведеніе, по крайней мѣрѣ, на сплетняхъ и злорѣчіяхъ, Авенаріусъ въ своихъ повѣстяхъ „Бродящія силы“ — не сдѣлалъ и этого. Повѣсти эти основаны исключительно на шаблонахъ и представляютъ странное патологическое явленіе. Авенаріуса много обвиняли въ клубничествѣ, что побудило его, устыдившись своего цинизма, выпустить кой-какія сценки въ отдѣльномъ изданіи своихъ повѣстей. Но надо прибавить къ этому, что клубничество Авенаріуса это клубничество человѣка, никогда повидимому не встрѣчавшаго ни одного лица женскаго пола или, по крайней мѣрѣ, не сближавшагося ни съ одной порядочной женщиной. Ужь не говоря о нигилисткахъ, въ изображеніи которыхъ г. Авенаріусъ руководствуется шаблонами, посмотрите, какъ онъ изображаетъ швейцарку Мари, въ которой онъ претендуетъ олицетворить типъ женственности. Прочтите изображеніе этой женственной Мари въ ночной сценѣ съ Ластовымъ, — развѣ женщина изображена въ этой сценѣ, а не галлюцинація разстроеннаго воображенія аскета, никогда не видѣвшаго женщинъ? Такъ и надо было ожидать, что общество наше, воспитанное на доморощенной клубничкѣ и неполучившее никакого философскаго развитія, бѣдное знаніями — вынесетъ изъ новаго міросозерцанія только рядъ соблазнительныхъ фабулъ, въ утѣху старыхъ дѣвъ и убогихъ аскетовъ съ развращеннымъ воображеніемъ,

И долго еще придется намъ возиться съ тѣмъ фамусовскимъ сластолюбіемъ, которое, само купаясь въ грязи самаго неопрятнаго цинизма, въ каждомъ мало-мальски самостоятельномъ шагѣ человѣка не по указанной тропѣ подозрѣваетъ, на первомъ планѣ, непремѣнно что нибудь по части скоромнаго. Долго еще придется возиться намъ съ подозрительною трусостью невѣжества, которое, не въ силахъ будучи осмыслить какой нибудь простой идеи, приходитъ сейчасъ же въ ужасъ отъ нея и подозрѣваетъ въ ней непремѣнно замыселъ на разрушеніе всѣхъ основъ жизни общественной и семейной. Долго еще придется возиться намъ съ тѣмъ робкимъ и малодушнымъ скептицизмомъ и кислымъ разочарованіемъ, которые на каждомъ шагу представляетъ намъ идеализмъ. Какъ въ былое время отнесся идеализмъ къ судебной реформѣ—объявивши, что это великая вещь, но... мы до нея еще не созрѣли, какъ думалъ онъ о крестьянской реформѣ, соображая, что ничего не можетъ быть выше свободы, но прежде слѣдуетъ развить каждаго крестьянина въ отдѣльности, чтобы сдѣлать его достойнымъ такого высокаго предмета,—такъ долго еще будетъ встрѣчать идеализмъ каждую реформу. Онъ постоянно будетъ преклоняться передъ величіемъ идеи и считать своихъ современниковъ неприготовленными къ осуществленію ея. Онъ постоянно будетъ, вмѣсто какихъ либо хоть самыхъ ничтожныхъ измѣненій къ лучшему, совѣтовать людямъ заниматься самоуглубленіемъ и самовоспитаніемъ съ цѣлію первоначально улучшить нравственность каждаго человѣка въ отдѣльности, а потомъ уже приступать къ улучшенію общественнаго быта. Но видя, что люди нисколько не заботятся о самовоспитаніи и нравственность ихъ не улучшается, онъ будетъ впадать въ разочарованіе и считать невозможнымъ какое-либо движеніе впередъ, признавая своихъ современниковъ слишкомъ дряблыми и растлѣнными для этого. Идеализмъ такого рода очень упорная и живучая теорія; его не сдвинуть съ мѣста никакими спорами, никакими убѣжденіями и насмѣшками. Теорія эта коренится въ отсутствіи сколько нибудь прочнаго и обшир-

наго образованія въ нашемъ обществѣ. Только распространеніе положительныхъ знаній въ массѣ публики можетъ хоть сколько нибудь пошатнуть эту застарѣлую теорію.

ПРУДОНЪ ОБЪ ИСКУССТВѢ

И САТУРНАЛІИ НАШИХЪ ЭСТЕТИКОВЪ.

Искусство, его основанія и общественное назначеніе. П. Ж. Прудона, переводъ подъ редакціею Н. Курочкина. С.-Петербургъ, 1865 г.—О значеніи искусства въ цивилизаціи, Эдельсона. С.-Петербургъ, 1867 г.—Явленія русской жизни подъ критикою эстетики, К. Случевскаго: 1) Прудонъ объ искусствѣ, его переводчики и критики, 1866 г. 2) Эстетическія отношенія искусства къ дѣйствительности, соч. Ч. 1866 г. 3) О томъ, какъ Писаревъ эстетику разрушалъ, 1867 г.—Наши идеалисты и реалисты, А. Немировскаго С.-Петербургъ, 1867 г.

Реализмъ, какъ новая система міросозерцанія, подведя свои итоги подъ всѣ элементы человѣческой природы, не могъ не коснуться и сферы искусства. Каждая новая система не иначе можетъ быть введена въ человѣческое мышленіе, какъ съ условіемъ разрушенія старой. Такимъ образомъ, реализмъ для того, чтобы утвердить свои новые взгляды на искусство, прежде всего долженъ былъ разрушить старые, выходившіе изъ Гегелевской системы чистаго идеализма. Этимъ онъ и занялся, какъ на Западѣ, такъ и у насъ. Въ нашей литературѣ авторъ „Эстетическихъ отношеній искусства къ дѣйствительности“ сдѣлалъ первую попытку пошатнуть устарѣлые взгляды на искусство эстетиковъ чистаго идеализма. Вслѣдъ за нимъ выступили на сцену Добролюбовъ и прочіе писатели той же школы. Всѣ они, несмотря на разногласія между собою въ частностяхъ, стремились къ одному: разрушить старую эстетику, и всѣ они прослыли со стороны эстетиковъ старой школы—отрицателями искусства, точно какъ будто искусство и эстетика, наука объ искусствѣ—одно и тоже, и точно, какъ будто, разрушая какую нибудь теорію, мы непремѣнно отрицаемъ и тѣ предметы, которыми она занимается, т. е. отвергая солнечную систему Птоломея, мы тѣмъ самымъ отвергаемъ солнце, луну, звѣзды и землю, на которой живемъ.

Старая школа эстетиковъ видѣла въ искусствѣ воспроизведеніе дѣйствительности, исключительно подъ условіемъ созерцанія прекраснаго, а прекрасное, по ея мнѣнію, заключалось въ соотвѣтствіи идеи съ формою. Авторъ „Эстетич. отн. искусства къ дѣйствительности“ провелъ въ своей брошюрѣ двѣ идеи въ подрывъ этой теоріи: 1) если мы будемъ ограничивать искусство сферою воспроизведенія прекраснаго, то этимъ мы лишимъ его всякаго значенія, потому что оно безсильно воспроизводить прекрасное, которое въ жизни всегда выше, чѣмъ въ искусствѣ; 2) а если мы захотимъ признать за искусствомъ какое-либо значеніе, то мы должны расширить его сферу; и если мы сдѣлаемъ это, сказавши, что искусство имѣетъ цѣлью воспроизводить не одно только прекрасное, а вообще „жизнь“, тогда произведенія искусства получатъ свое большее или меньшее значеніе, смотря по тому, болѣе или менѣе глубоко и широко воспроизводятъ они жизнь.

Всякій благомыслящій читатель безъ предубѣжденій, если вдумается въ эти двѣ идеи, поставленныя вмѣстѣ въ вышеупомянутой брошюрѣ, пойметъ, что цѣль брошюры доказать не ничтожество искусства вообще, а ничтожество его въ такомъ только случаѣ, если мы будемъ смотрѣть на него съ узкой точки зрѣнія старой эстетики. Слѣдовательно, цѣль брошюры не отвергнуть искусство, а напротивъ того, расширивши его сферу придать ему гораздо болѣе значенія, чѣмъ оно имѣетъ съ точки зрѣнія старыхъ эстетиковъ, и если брошюра отвергаетъ что либо, то не самое искусство, а обветшалую теорію гегеліанцевъ. По этой дорогѣ шли, съ большимъ или меньшимъ талантомъ, тактомъ и послѣдовательностью, всѣ реалисты, выступившіе на сцену послѣ появленія вышеупомянутой брошюры. И всѣ они безъ исключенія были постоянно обвиняемы въ униженіи искусства, въ подчиненіи его вопросамъ дня, въ отрицаніи его. Среди ожесточенныхъ споровъ между обоими лагерями, появленіе книги Прудона „Искусство“ произвело необычайныя сатурналіи въ лагерѣ нашихъ эстетиковъ. Извѣстно, что наши доморощенные мыслители гегелевской школы мало знакомы съ иностранными книгами, исключая развѣ двухъ, трехъ книженокъ, особенно близкихъ ихъ сердцу. Стороною они слышали, что есть во Франціи политико-экономъ, который называется Прудономъ, что этотъ Прудонъ ужасный нечестивецъ и всеотрицатель... Подъ именемъ нечестивца и всеотрицателя передъ ними рисовался, конечно, человѣкъ, не признающій ни наукъ, ни искусствъ, а однѣ только арифметическія цифры. Каково должно было быть удивленіе ихъ, когда вдругъ вышелъ въ русскомъ переводѣ невѣдомый имъ трактатъ объ искусствѣ этого чудовища отрицанія. Арифметчикъ, да еще какой ехидный арифметчикъ, дерзнулъ вдругъ вторгнуться незванный, негаданный въ священный храмъ эстетики!.. Съ жадностью накинулись эстетики на эту книгу, ожидая найдти въ ней бездну отрицанія, и каково же должно было быть ихъ остолбенѣніе, когда они на страницахъ трактата не только не нашли никакого отрицанія искусства, а, напротивъ того, встрѣтили многіе взгляды, милые ихъ сердцу, взгляды, основанные на томъ же гегелевскомъ идеализмѣ, который составляетъ для нихъ альфу и омегу человѣческой мудрости. Остолбенѣніе ихъ вскорѣ смѣнилось умиленіемъ, и они

поспѣшили заключить въ объятія эхиднаго арифметчика, какъ стариннаго друга, съ которымъ они никогда не имѣли никакихъ ссоръ. Умиленіе это замѣнилось, конечно, еще большимъ ожесточеніемъ противъ своихъ враговъ.

„Какъ? эти господа, въ которыхъ мы видѣли учениковъ и послѣдователей Прудона, высказываютъ такія идеи объ искусствѣ, о которыхъ не дерзалъ помышлять даже этотъ архистратигъ отрицанія!.. Такъ вотъ они каковы, эти наши отрицатели искусства!.. Мы же ихъ, коли такъ, проберемъ на основаніи выводовъ ихъ же учителя!“ И вотъ, посыпались журнальныя статейки и брошюрки, въ которыхъ, рядомъ съ апологами Прудону, выставляется вся мерзость реалистическихъ идей въ искусствѣ. Одинъ только Incognito устоялъ передъ соблазномъ: въ своей статьѣ о трактатѣ Прудона (см. От. Зап. 1866, сент.) онъ уперся на томъ, что ничто не можетъ выйти путнаго изъ Назарета и остался при своемъ, что Прудонъ—чудовище отрицанія даже въ своемъ трактатѣ объ искусствѣ. А прочіе всѣ подались. Такъ напримѣръ Эдельсонъ въ своей брошюрѣ: „О значеніи искусства въ цивилизаціи“, говоритъ:

«Смѣлый, послѣдовательный, оригинальный мыслитель, котораго голосъ не тщетно раздавался почти по всѣмъ важнѣйшимъ вопросамъ, интересующимъ человѣчество (sic!), Прудонъ не могъ, конечно, не сказать чего-либо дѣльнаго и существеннаго и объ искусствѣ, или, по крайней мѣрѣ, ясно формулировать свои требованія отъ него (sic!). И, дѣйствительно, въ запутанномъ до конца вопросѣ объ искусствѣ, его началахъ, значеніи и законномъ направленіи, книга Прудона представляетъ замѣчательное явленіе (sic!). Это уже не дѣтскій лепетъ людей (слушайте, слушайте!), смутно воюющихъ за что-то и противъ чего-то, но рѣзкій и строгій голосъ опытнаго и смѣлаго бойца, хорошо сознающаго, во имя чего вообще онъ воюетъ уже издавна и чего именно требуетъ отъ искусства. Взглядъ его на искусство широкъ, ясенъ и во многомъ справедливъ безусловно; обличенія нынѣшняго жалкаго состоянія искусства, особенно въ отечествѣ, формулированы ясно, рѣзко, и въ то же время правильно. Само собою разумѣется, что онъ даже не пытается отвергнуть искусство вообще, котораго прошлую дѣятельность цѣнитъ высоко, отъ котораго много ожидаетъ въ будущемъ и для котораго указываетъ видное мѣсто даже и въ наше время».

Случевскій, одинъ изъ геніальнѣйшихъ, глубокомысленнѣйшихъ и ученѣйшихъ русскихъ писателей, пробывшій шесть лѣтъ за-границей и потомъ внезапно опустившійся, словно снѣгъ, на голову нашихъ реалистовъ, вооруженный громаднымъ арсеналомъ выносокъ, сносокъ, цитатъ на всевозможныхъ языкахъ, разразился тремя брошюрами, и все въ защиту искусства, обижаемаго реалистами. Въ двухъ послѣднихъ брошюрахъ, направленныхъ противъ Чернышевскаго и Писарева, Случевскій бѣснуется до пѣны у рта; передъ нимъ постоянно мерещатся мертвецы съ пожирающими ихъ червями и онъ доходитъ даже до такихъ галлюцинацій:

«Велика наша родина, говоритъ онъ въ брошюрѣ противъ Писарева: и сообразно съ величиною своею имѣетъ она большую голову, большія уши, большіе глаза. Въ большихъ ушахъ залегло безконечно много сѣры; для того, чтобы вынуть ее, надобны рычаги длиною съ уральскій хребетъ и силы океановъ, пущенныхъ на мельничное колесо»...

Этотъ самый Случевскій всю первую свою брошюру посвятилъ Прудону, и хотя онъ видитъ въ трактатѣ бездну ученыхъ ошибокъ, которыя обличаетъ, приводя въ дѣло весь арсеналъ своихъ выносокъ и сносокъ, тѣмъ не менѣе, умиленію его нѣтъ конца и онъ высказываетъ его съ самаго начала книги:

«Передъ нами явленіе, говоритъ онъ, въ высшей степени любопытное и поучительное. Передъ нами книга Прудона—политико-эконома объ искусствѣ! По прочтеніи книги приходишь къ заключеніямъ самымъ противоположнымъ. Общее направленіе книги, цѣль, которой она хочетъ достигнуть, выводы—отличаются доброкачественностью, съ малыми исключеніями. Пониманіе будущаго искусства, его настоящаго призванія, его средствъ, довольно ясно и полно. Иногда замѣчательно удачно, какъ Сократъ, повивальная бабка мысли, разворачиваетъ онъ одну за другою, и даетъ ихъ какъ бы невзначай свѣтлыми и безъ всякой примѣси; нельзя не согласиться съ нимъ: Прудонъ частью воплотилъ въ слова требованія нашего времени отъ нашего художника».

Нѣжность къ Прудону подъ конецъ книги достигаетъ до такихъ размѣровъ, что Случевскій нападаетъ на Incognito за порицаніе Прудона съ яростью льва, и эта ярость доводитъ Случевскаго снова до галлюцинацій, до мертвецовъ, чуть не до чертиковъ.

«Тутъ передъ нами мертвецъ, говоритъ Случевскій: слышите вы, какъ несетъ тлѣньемъ отъ этихъ 39 страницъ? Только 39 страницъ, и такая зараза воздуха! Разложите эти страницы на полъ: посмотрите, какое безобразное гніеніе. Каждая строка—червякъ, въ каждомъ словѣ лежитъ яичко. Дайте только солнца сюда, и вы увидите, что будетъ!»

Что же за причина, что Прудонъ въ своемъ трактатѣ объ искусствѣ могъ угодить разомъ двумъ философскимъ лагерямъ, совершенно противоположнымъ: реалисты перевели эту книгу, найдя въ ней, по всей справедливости, „цѣльный, свѣтлый, здоровый, горячій и вслѣдствіе горячности впадающій нѣсколько въ крайности и увлеченія взглядъ“, какъ они заявили объ этомъ въ предисловіи, а идеалисты съ своей стороны осыпали Прудона похвалами за то же самое? Представляетъ ли подобная возможность угодить разомъ и нашимъ и вашимъ—недостатокъ трактата Прудона или это его достоинство?

Для того, чтобы рѣшить этотъ вопросъ, мы попытаемся сперва изложить нѣкоторые взгляды на сущность искусства съ точки зрѣнія реальной школы, для того, чтобы этими взглядами провѣрить взгляды на искусство Прудона.

Чтобы встать намъ на точку зрѣнія чисто реальную, намъ необходимо, отбросивши всякія метафизическія умствованія о прекрасномъ, эстетическомъ и пр., принять единственный методъ, допускаемый реализмомъ—индуктивный, т. е. постараться сдѣлать наши выводы о сущности искусства изъ анализа частныхъ фактовъ проявленія его. Для того-же, чтобы область фактовъ, изъ которыхъ мы будемъ дѣлать выводы наши, была какъ можно болѣе обширна (это первая необходимость при индуктивномъ методѣ для вѣрности и правильности вывода), мы возьмемъ для нашихъ наблюденій не одни только произведенія искусства, не однихъ только художниковъ и поэтовъ, а всѣхъ людей безъ исключенія. Припомнимъ всѣ об-

стоятельства нашей жизни и подумаемъ, при какихъ условіяхъ мы чувствовали въ себѣ потребность творчества, когда намъ хотѣлось писать стихи, когда мы жалѣли, зачѣмъ мы не художники и не умѣемъ рисовать, когда, наконецъ, для насъ недостаточно было простого разсказа о случившемся съ нами событіи, а у насъ являлась потребность сопровождать этотъ разсказъ мимическими рѣзкими жестами, гримасами и разными тѣлодвиженіями, которыя передавали бы то, чего мы не въ силахъ были высказать словами. Все это случалось съ нами тогда, когда какой либо предметъ производилъ на насъ сильное впечатлѣніе. Почему простыя бабы, никогда не писавшія стиховъ, дѣлаются вдругъ импровизаторами и въ мѣрныхъ причитаньяхъ изливаютъ свою скорбь объ утратѣ мужа или сына? Почему ребенокъ, напуганный вѣдьмами и домовыми, чѣмъ больше боится ихъ, тѣмъ болѣе любитъ слушать страшные разсказы о нихъ, тѣмъ болѣе любитъ рисовать углемъ на стѣнахъ чертей съ рогами и вѣдьмъ на помелахъ? На всѣ эти вопросы мы не найдемъ никакого отвѣта въ старыхъ эстетикахъ. Они твердятъ намъ, что начало художественнаго творчества лежитъ въ стремленіи человѣка къ прекрасному, а между тѣмъ мы ежедневно можемъ встрѣтить бездну фактовъ побужденія къ творчеству, не имѣющихъ никакого отношенія къ этому стремленію. Сколько бы мы ни разбирали фактовъ творчества, начиная съ самыхъ несложныхъ проявленій его и до самыхъ совершенныхъ,—вездѣ мы увидимъ одно: основнымъ побужденіемъ къ творчеству всегда было какое либо сильное впечатлѣніе, одно или цѣлый рядъ ихъ; правда, иногда эти впечатлѣнія бываютъ возбуждаемы тѣмъ, что въ старинныхъ эстетикахъ называется прекраснымъ, возвышеннымъ, безобразнымъ, но если мы захотимъ всѣ впечатлѣнія, возбуждающія творчество, подвести подъ эти три рубрики, то мы должны будемъ сдѣлать бездну вопіющихъ натяжекъ: это будетъ все равно, что всѣ вкусы стараться подвести подъ категорію сладкаго, кислаго, соленаго, горькаго; подобно тому, какъ есть бездна вкусовъ совершенно специфическихъ, не имѣющихъ ничего общаго съ вышеупомянутыми четырьмя вкусами, такъ есть бездна впечатлѣній, не имѣющихъ ничего общаго—ни съ прекраснымъ, ни съ возвышеннымъ, ни съ комическимъ, ни съ ужаснымъ. Такъ, напримѣръ, привязанность къ неодушевленнымъ предметамъ, среди которыхъ мы долго жили, возбуждаетъ въ насъ всегда могучее впечатлѣніе, когда мы снова, послѣ долгой разлуки, увидимъ эти предметы; представленіе узника, покидающаго тюрьму и съ грустнымъ сожалѣніемъ прощающагося со стѣнами этой тюрьмы сильно поражаетъ насъ; ну что тутъ такого прекраснаго, ужаснаго, или смѣшнаго, а между тѣмъ, подобное представленіе не разъ служило предметомъ художественнаго творчества. Если мы, на основаніи всѣхъ наблюдаемыхъ нами фактовъ творчества, сдѣлаемъ такой выводъ, что актъ творчества возбуждается каждый разъ сильнымъ впечатлѣніемъ, то для насъ будетъ рѣшительно все равно, какого рода будетъ это впечатлѣніе. Почему одни предметы возбуждаютъ въ насъ пріятное впечатлѣніе, а другіе—непріятное, почему одними предметами мы восхищаемся, а другіе возбуждаютъ въ насъ неодолимое отвращеніе,—все это вопросы, которые въ сущности нисколько не касаются эстетики. Цѣль эстетики опредѣлить законы творчества; она замѣтила, что творчество возбуждается каждый разъ послѣ сильнаго впечатлѣнія, и что за дѣло ей, какого-бы рода ни были эти сильныя впечатлѣнія. Гораздо важнѣе для нея рѣшить вопросъ, почему послѣ каждаго сильнаго впечатлѣнія слѣдуетъ въ большей или меньшей степени актъ творчества. А для рѣшенія этого вопроса, эстетика должна обратиться къ физіологіи и тамъ найдетъ она для себя важные выводы: 1) каждое впечатлѣніе вызываетъ въ человѣкѣ актъ отраженія; 2) отраженныя впечатлѣнія передаются намъ, возбуждая въ насъ подобныя же отраженія, напр. слезы возбуждаютъ въ насъ слезы; при видѣ сильно-смѣющагося человѣка, мы начинаемъ невольно хохотать, хотя и не знаемъ причину смѣха; выраженіе ужаса на лицѣ не только человѣка, но и всякаго другого животнаго, возбуждаетъ въ насъ подобный же ужасъ и пр. Эти два закона могутъ служить основными законами творчества; первый законъ опредѣляетъ побужденіе къ творчеству, второй—способность съ нашей стороны воспринимать впечатлѣніе, выраженное художникомъ въ своемъ произведеніи.

Но впечатлѣнія, комбинируясь, соединяются въ нашемъ мозгу въ представленія, а комбинація представленій ведетъ къ идеямъ; какая-же разница между дѣятельностью ученою и художественною?—Пока въ мозгу нашемъ идетъ работа комбинацій, нѣтъ никакой существенной разницы между дѣятельностью ученаго и художника. Мысль, что будто бы ученый мыслитъ идеями, а художникъ образами—чистѣйшая ерунда; у каждаго человѣка съ идеями непремѣнно соединяются тѣсно и нераздѣльно образы; правда, что у однихъ людей эти образы яснѣе и опредѣленнѣе, у другихъ они туманны и слабы,—это зависитъ отъ силы воображенія; правда, что для художника обязательно имѣть сильное воображеніе, но нельзя сказать наоборотъ, чтобы сильное воображеніе непремѣнно вело къ художественному творчеству; мы встрѣчаемъ много людей съ сильно развитымъ воображеніемъ, которые не имѣютъ ни малѣйшаго побужденія къ творчеству. Но какъ только, вслѣдъ за воспріятіемъ впечатлѣній и комбинаціею ихъ, начинается актъ отраженія,—тутъ только и начинается различіе художественнаго творчества отъ ученаго. Здѣсь выступаютъ на сцену два закона: 1) чѣмъ сильнѣе впечатлѣніе, тѣмъ разностороннѣе, полнѣе и богаче отраженіе его; 2) чѣмъ чаще впечатлѣніе отражается въ одномъ направленіи, тѣмъ болѣе является навыка въ человѣкѣ отражать впечатлѣніе такъ, а не иначе, тѣмъ опять-таки полнѣе, богаче и разностороннѣе будетъ отраженіе. Отъ перваго закона зависитъ вполнѣ побужденіе къ творчеству: художники отличаются въ этомъ отношеніи отъ обыкновенныхъ людей тѣмъ только, что они впечатлительнѣе обыкновенныхъ людей; каждый подъ вліяніемъ сильнаго впечатлѣнія можетъ сдѣлаться на время поэтомъ, но не многіе могутъ воспринять такое большое количество сильныхъ впечатлѣній ежедневно, какъ художники. Второй законъ обусловливаетъ необходимость художественной техники. Кромѣ сильнаго впечатлѣнія необходимо имѣть еще навыкъ от-

ражать это впечатлѣніе вполнѣ, такъ или иначе. Подъ вліяніемъ сильнаго впечатлѣнія во мнѣ можетъ явиться побужденіе написать стихи, или нарисовать на холстѣ предметъ, поразившій меня, но если у меня не будетъ навыка ни писать стихи, ни рисовать, мое побужденіе или останется побужденіемъ, или произойдетъ отраженіе самое неполное и уродливое. Навыкъ же подобнаго рода составляетъ не какой нибудь врожденный личный даръ; онъ есть ничто иное, какъ медленное пріобрѣтеніе и накопленіе впродолженіе цѣлыхъ вѣковъ со стороны людей, передававшихъ наслѣдство свое изъ рода въ родъ. Много тысячелѣтій прошло, въ которыя человѣчество совершенно удовлетворялось, отражая свои впечатлѣнія въ нестройныхъ каракулькахъ, въ уродливыхъ каменныхъ и деревянныхъ чурбанахъ, въ дикихъ завываньяхъ и кривляньяхъ. Но и теперь, когда человѣчество достигло такихъ произведеній, какъ трагедіи Шекспира или симфоніи Бетховена, спросите у любаго искренняго художника, доволенъ ли онъ своими произведеніями, и каждый отвѣтитъ вамъ про самые лучшіе свои труды, что да, онъ выразилъ въ нихъ то, что хотѣлъ; но все-таки въ его головѣ осталось еще что-то такое, что у него не достало силъ выразить; это что-то такое, остающееся въ головѣ художника невыраженнымъ, показываетъ, что искусство при всемъ совершенствѣ далеко не достигло еще того, чтобы вполнѣ отражать впечатлѣнія наши, и нѣтъ ничего мудренаго, что на потомковъ нашихъ наши гордыя произведенія будутъ производить такое же впечатлѣніе безсилія, какое на насъ производитъ созерцаніе разныхъ курносыхъ чурбановъ съ руками, не отдѣленными отъ боковъ, которыми изобилуютъ археологическіе музеи.

Если же искусство выдѣляется отъ прочихъ актовъ дѣятельности человѣка во второй только моментъ психическаго процесса, т.-е. въ моментъ отраженія впечатлѣній, если въ первый моментъ, т.-е. во время воспріятія и комбинаціи впечатлѣній искусство ничѣмъ еще себя не заявляетъ, то изъ этого прямо вытекаетъ то, что въ основаніи искусства лежитъ то же, что и въ основаніи всякой дѣятельности человѣка: процессъ мысли, направленный къ изысканію истины. Искусство есть ничто иное, какъ болѣе могучее средство, чѣмъ какое-либо другое, къ отраженію различныхъ комбинацій впечатлѣній, представленій и идей. Изъ всего этого слѣдуетъ, наконецъ, послѣдній выводъ, что такъ какъ искусство есть только отраженіе впечатлѣній, представленій и идей, то очевидна полная зависимость его отъ широты и глубины развитія этихъ идей. Чѣмъ возвышеннѣе и шире интересы поэта, чѣмъ тщательнѣе и глубже изучилъ онъ жизнь, чѣмъ большее количество впечатлѣній всякаго рода воспринялъ онъ, тѣмъ большее значеніе будутъ имѣть его произведенія; при созерцаніи подобныхъ твореній и въ голову не будетъ приходить мысль о безцѣльности и ничтожествѣ искусства. Если же мысль поэта спитъ, интересы его низменны и узки, впечатлѣнія, воспринимаемыя имъ, однообразны, если поэтъ не желаетъ возвыситься надъ созерцаніемъ красивыхъ деревьевъ, — если его, какъ ребенка, поражаютъ такіе пустяки, какъ игра солнца въ колокольнѣ и красное освѣщеніе кузнецовъ, кующихъ желѣзо, и художникъ желаетъ поразить человѣчество такими игрушечками,—то мы вправѣ будемъ считать его произведенія совершенно безполезною, ничтожною, праздною забавою, въ родѣ игры въ шахматы, или боксированія. А если впечатлѣнія художника будутъ низки и грязны, если единственною цѣлью его произведеній будетъ возбуждать въ васъ плотоядную чувственность изображеніемъ красивыхъ голыхъ тѣлесъ въ соблазнительныхъ позахъ, то такія произведенія, мало того, что безполезны, а положительно вредны, какъ порожденія разврата и растлѣнія.

II.

Читая книгу Прудона, вы постоянно видите передъ собою словно двухъ людей. Изъ нихъ одинъ человѣкъ стоитъ на чисто-реальной почвѣ, разработываетъ вопросъ объ искусствѣ путемъ индуктивнымъ, анализируетъ бездну фактовъ проявленій искусства и въ древнія, и въ новыя времена. Изъ этого анализа, самаго добросовѣстнаго и кропотливаго, онъ приходитъ вотъ къ какимъ выводамъ:

«Всякое произведеніе, какъ искусства, такъ равно промышленности и политики, имѣетъ непремѣнно свое назначеніе; оно произведено для извѣстной цѣли. Нелѣпо предполагать, чтобы въ обществѣ,—для чего не сказать во всей вселенной,—могло быть что-нибудь создано единственно для того только, чтобы быть созданнымъ. Установившись на этомъ правилѣ, искусству остается одно изъ двухъ: или признать, что назначеніе живописи во всей совокупности ея произведеній, какъ самыхъ серьезныхъ, такъ и самыхъ легкихъ, самыхъ ученыхъ и наиболѣе своенравныхъ, должно заключаться въ выраженіи человѣческой жизни, въ воспроизведеніи человѣческихъ чувствъ, страстей, добродѣтелей и пороковъ, трудовъ, предразсудковъ, смѣшной стороны, ея восторговъ, величія и стыда, всѣхъ хорошихъ и дурныхъ качествъ людей, словомъ, въ выраженіи формъ въ ихъ типическихъ, индивидуальныхъ и совокупныхъ проявленіяхъ, и все это съ цѣлью физическаго, интеллектуальнаго и нравственнаго усовершенствованія человѣчества, въ виду оправданія его посредствомъ его же, и наконецъ, въ виду его прославленія. Если же подъ предлогомъ независимости искусства, геніальности, слѣдуетъ сдѣлать искусство слугою всяческаго идеализма, ученія иллюминатовъ, фанатизма и квіетизма или праздности, роскоши, сластолюбія и эпикуреизма, то это будетъ значить, что, отвергнувъ назначеніе высоко-нравственное, практическое и положительное, школа искусства для искусства возьметъ верхъ ради совершенной ирраціональности, мечтательности и безнравственности» (стр. 422).

Но тотъ же самый Прудонъ, когда берется опредѣлить сущность искусства путемъ чисто-абстрактнымъ (см. гл. II и III), путается въ своихъ опредѣленіяхъ, желаетъ встать на самостоятельную почву, и между тѣмъ постоянно становится на точку зрѣнія эстетиковъ старой школы. Такъ, напримѣръ, онъ отвергаетъ мнѣніе эстетиковъ, что прекраснаго въ дѣйствительности не существуетъ, что оно существуетъ только въ нашемъ разумѣ, какъ врожденная идея:

«Изъ того, что мы имѣемъ, по преимуществу, свойство сознавать прекрасное въ насъ самихъ и въ природѣ, говоритъ Прудонъ, они, т. е. эстетики, заключили, что прекрасное существуетъ только въ нашемъ разумѣ; это все равно, что сказать, что свѣтъ, не существуя для слѣпыхъ, есть только представленіе разума зрячихъ» (см. стр. 28).

Признавая такимъ образомъ реальность прекраснаго въ природѣ, Прудонъ предполагаетъ воспріятіе его людьми посредствомъ познаванія; органъ же познаванія у насъ одинъ процессъ мысли, т. е. комбинація впечатлѣній, представленій и идей. Посредствомъ того же самаго процесса мы доходимъ до познанія, какъ фактовъ исторіи, естествознанія, такъ и прекраснаго въ природѣ. Прудонъ же на первыхъ страницахъ для познанія прекраснаго вкладываетъ въ человѣка особенную способность—„эстетическое чувство". Но развѣ „эстетическое чувство" не та же самая „врожденная идея прекраснаго" гегеліанцевъ. Если созерцаніе прекраснаго въ природѣ возбуждаетъ въ насъ восторгъ, а созерцаніе новаго вида какой-нибудь породы животныхъ такого восторга не возбуждаетъ, то разница здѣсь только въ степени напряженности впечатлѣнія, въ томъ, что одни предметы производятъ на насъ напряженныя впечатлѣнія, извѣстныя въ общежитіи подъ названіями восторга, страха, ненависти, отвращенія, другіе предметы производятъ впечатлѣнія болѣе спокойныя; но какъ тѣ, такъ и другіе, равно ведутъ къ одному—къ комбинаціи впечатлѣній, представленій, идей и къ отраженію всего этого такъ или иначе. Въ какихъ случаяхъ предметы возбуждаютъ въ насъ болѣе сильныя и напряженныя впечатлѣнія, а въ какихъ болѣе слабыя и спокойныя—это, еще разъ повторяю, не входитъ въ предметъ эстетики; но на томъ только основаніи, что при созерцаніи нѣкоторыхъ предметовъ мы чувствуемъ восторгъ,—придумывать для этого особенную эстетическую способность—также нелѣпо, какъ было бы нелѣпо особенную способность придумывать для впечатлѣнія страха, особенную для ненависти и т. д. Старинные психологи такъ обыкновенно и дѣлали, предполагая душу человѣка, въ родѣ бюро, раздѣленную на разные ящички и комодики.

Признавая искусство продуктомъ особенной эстетической способности и вводя его въ узкую среду созерцанія прекраснаго, Прудонъ естественно приходитъ къ такимъ нелѣпымъ выводамъ, которые сами себѣ противорѣчатъ на каждомъ шагу:

«Красота — отблескъ истины», сказалъ Платонъ, но изъ этого вовсе не слѣдуетъ, что эстетическая чувствительность артиста свидѣтельствуетъ о глубинѣ его сознанія или проницательности его разума; напротивъ того, можно сказать, что она находится въ обратномъ содержаніи къ философскому разуму, хотя только при обладаніи такимъ разумомъ художникъ можетъ достигать превосходства въ своей профессіи. Безъ сомнѣнія, искусство не исключаетъ науки; нѣтъ, оно даже не можетъ, подъ опасеніемъ сдѣлаться смѣшнымъ, становиться въ противорѣчіе съ нею; оно обречено сообразоваться съ ней, по мѣрѣ того, какъ оно развивается. Но искусство не дожидается развитія науки, оно предупреждаетъ ее въ своемъ процвѣтаніи, опережаетъ науку въ исходѣ, даетъ предчувствовать ее въ своихъ вдохновеніяхъ, а порою, въ эпохи невѣжества, и у большей части слабыхъ умовъ—даже замѣняетъ его» (см. стр. 31 и 32).

Вдумайтесь во все это, и вы потеряетесь въ безвыходныхъ противорѣчіяхъ: вы увидите, что эстетическое чувство, находясь въ обратномъ отношеніи къ разуму, нисколько не свидѣтельствуетъ о степени умственнаго развитія художника, но въ то же время и свидѣтельствуетъ, если превосходство въ профессіи художника зависитъ отъ развитія этого разума. Искусство обречено сообразоваться съ наукою по мѣрѣ своего развитія, но въ то же время оно предупреждаетъ и опережаетъ ее въ своемъ исходѣ. Спрашивается теперь, какъ же это такъ идущій впереди можетъ слѣдовать за идущимъ сзади?

Если искусство иногда заранѣе предупреждаетъ науку, то не ему сообразоваться съ наукою, а напротивъ того, наукѣ слѣдуетъ пользоваться открытіями, сдѣланными искусствомъ. Фактъ предупрежденія науки искусствомъ дѣйствительно случается весьма нерѣдко. Въ произведеніяхъ Шекспира мы можемъ найдти много идей, о которыхъ не думали еще современники его, и до которыхъ только въ наше время дошли медленнымъ путемъ анализа. Но подобные факты происходятъ вовсе не изъ какого-либо особеннаго эстетическаго чутья, поэтическаго ясновидѣнія, какъ думала старая эстетика. Умъ нашъ не можетъ доходить инымъ путемъ до высшихъ идей, какъ путемъ комбинацій впечатлѣній, представленій и идей низшихъ. Такой процессъ обязателенъ какъ для художника, такъ и для самаго сухаго математика. При этомъ условіи излишне и говорить о томъ, что искусство предупреждаетъ науку; оно само есть та-же наука, только представленная въ живыхъ, наглядныхъ образахъ. И если Шекспиръ въ своихъ трагедіяхъ высказалъ, 200 лѣтъ тому назадъ, идеи, современныя нашимъ поколѣніямъ, онъ обязанъ былъ этимъ не особенному какому-либо эстетическому чутью, а своей геніальной головѣ, производившей такія быстрыя, правильныя и мѣткія комбинаціи представленій, до которыхъ не могли додуматься обыкновенныя головы его современниковъ. Подобныя преждевременныя откровенія принадлежатъ не однимъ художникамъ, но и ученымъ. Современникъ Шекспира, Бэконъ, хотя и не обладалъ эстетическимъ чутьемъ, точно также высказалъ рядъ идей, до которыхъ и теперь еще не вполнѣ додумались очень многіе; съ другой стороны, во всѣ вѣка являлась бездна художественныхъ произведеній по всѣмъ отраслямъ искусства, которыя по справедливости признаны геніальными, но которыя, тѣмъ не менѣе, не представили никакихъ особенныхъ поэтическихъ откровеній, и вся геніальность ихъ заключается въ томъ, что они вѣрно передали идеи и стремленія своего вѣка. Не надо забывать и того, что очень многія идеи, особенно такія, которыя близко касаются нашей жизни, нашихъ современныхъ интересовъ, прежде чѣмъ сдѣлаться спокойными, отвлеченными формулами, какъ $2\times2=4$, первоначально возбуждаютъ въ насъ напряженныя и сильныя впечатлѣнія, пока мы не свыкнемся съ ними.

А извѣстно, что сильныя впечатлѣнія ведутъ къ богатымъ и образнымъ отраженіямъ; вотъ причина, что многія идеи, до сознанія которыхъ додумалось человѣчество,—прежде чѣмъ сдѣлаться сухими формулами науки, были выражены первоначально въ живыхъ образахъ искусства. Когда жизнь создала среди насъ Рудиныхъ, то, сознавши этихъ людей, какъ особенный, вновь явившійся типъ, мы были такъ поражены имъ, что для насъ недостаточно было спокойно анализировать, изучать его,—мы захотѣли отразить

его въ живомъ образѣ. Тотъ, кто былъ по своей художественной природѣ впечатлительнѣе насъ, кто, по этому самому, болѣе насъ былъ пораженъ этимъ типомъ, кто, къ тому же, обладалъ навыкомъ отражать впечатлѣнія большимъ, чѣмъ каждый изъ насъ,—тотъ первый взялся за дѣло отразить новый типъ въ живомъ образѣ и явилась извѣстная повѣсть Тургенева. Когда же впечатлѣніе остыло, и типъ Рудина сдѣлался обыденнымъ явленіемъ жизни, тогда сдѣлалось достаточнымъ спокойно изучать его, выражая работу мысли въ видѣ сухихъ ученыхъ формулъ, но изъ этого не слѣдуетъ, чтобы первоначальное сознаніе типа Рудина, соединенное съ экстазомъ, не было тою же самою работою мысли. Тургеневъ не иначе комбинировалъ всѣхъ Рудиныхъ въ одинъ общій типъ, какъ естествоиспытатель комбинируетъ въ одинъ типъ всѣхъ животныхъ, принадлежащихъ къ одному роду.

Объемъ статейки заставилъ насъ сдѣлать одну небольшую выдержку изъ анализа Прудона сущности искусства, и на этой выдержкѣ мы постарались показать, какъ Прудонъ, ратуя противъ старыхъ эстетиковъ, постоянно впадаетъ въ ихъ тонъ и находится въ полной зависимости отъ ихъ воззрѣній. Подобныя явленія можно найти на каждой страницѣ, и противъ трактата Прудона объ искусствѣ можно было бы написать такую же книгу возраженій на этотъ трактатъ, если не болѣе. Такое явленіе нисколько не лишаетъ книгу Прудона своихъ неотъемлемыхъ достоинствъ. Не надо забывать, что Прудонъ учился самоучкой, въ такое время, когда идеи нѣмецкихъ философовъ считались альфою и омегою человѣческой мудрости. Онъ глядѣлъ на нихъ съ безусловнымъ уваженіемъ и къ ихъ абстрактнымъ выводамъ прибѣгалъ каждый разъ, когда желалъ свои собственныя идеи, добытыя путемъ живаго анализа, подтвердить философскими основаніями. Вслѣдствіе этого, во всѣхъ сочиненіяхъ Прудона мы видимъ двѣ струи: одна живая и свѣтлая струя—это тѣ здоровыя, полныя жизни и великаго будущаго идеи Прудона, которыя добылъ онъ индуктивнымъ путемъ анализа окружающей его жизни; другая струя мутная и гнилая—это тѣ абстрактныя идеи школы Гегеля, на основаніи которыхъ Прудонъ разсуждаетъ объ абсолютной сущности тѣхъ или другихъ разбираемыхъ имъ предметовъ. Опытный и философски-образованный читатель сейчасъ же увидитъ, что абстрактныя идеи, въ которыхъ путается Прудонъ, составляютъ ничтожную скорлупку вкуснаго и питательнаго плода; для такого читателя ничего не будетъ стоить облупить эту скорлупку, и бросивъ ее, какъ ненужную, воспользоваться зерномъ. Читатель же малоопытный запутается въ абстрактныхъ идеяхъ Прудона еще болѣе самого автора. Примѣръ такой путаницы представилъ намъ Немировскій въ своей книгѣ „Наши идеалисты и реалисты". Книга эта написана, очевидно, подъ вліяніемъ трактата Прудона. Авторъ самъ говоритъ въ ней:

«Развить, насколько позволятъ силы, въ систему и подробно все, то, что разбросано урывочно, часто намеками по всей книгѣ Прудона относительно теоріи искусства, и, главнымъ образомъ, коснуться съ точки зрѣнія его взглядовъ тенденцій объ искусствѣ, высказанныхъ нашими современниками идеалистами и реалистами—вотъ то, что намѣренъ сдѣлать пишущій эти строки» (стр. 42).

Задавшись такою цѣлью и найдя въ книгѣ Прудона смѣшеніе идей школы реализма съ идеями школы идеализма, Немировскій понялъ Прудона такимъ образомъ, что Прудонъ ищетъ какой-то середины между реализмомъ и идеализмомъ. И Немировскій началъ искать такой блаженной середины, не понимая, что между этими двумя школами, исходящими изъ совершенно противуположныхъ началъ, не можетъ быть никакой середины, ни малѣйшаго примиренія. Реализмъ отвергаетъ все то, что признаетъ идеализмъ, и искать середины между да и нѣтъ, значитъ не знать одного изъ существенныхъ законовъ логики. У насъ нѣтъ ни времени, ни мѣста разбирать весь тотъ сумбуръ, который напуталъ Немировскій на 350 страницахъ, ища то, чего невозможно искать и что совершенно безполезно искать. Все то, что мы сказали противъ книги Прудона, можно вполнѣ приложить и къ книгѣ Немировскаго. Достаточно, если мы разберемъ одинъ изъ доводовъ Немировскаго въ пользу существованія особеннаго эстетическаго чувства. На подобный доводъ мы обращаемъ вниманіе читателей потому, что у Прудона мы его не нашли, а между тѣмъ это одинъ изъ сильныхъ доводовъ эстетиковъ старой школы. Немировскій, замѣчая въ человѣкѣ способность одухотворять матеріальную природу, приписывать морю—ярость, волнамъ—ропотъ, лиліи—невинность, считаетъ эту способность однимъ изъ несомнѣнныхъ признаковъ эстетическаго чувства. Способность олицетворенія, возможность видѣть въ облакахъ вѣчныхъ странниковъ, въ соснѣ нѣмую грусть по отдаленной пальмѣ,—повидимому, представляется чѣмъ-то совершенно противуположнымъ научному анализу, который смѣется обыкновенно надъ подобными бреднями художниковъ, ничего не видя въ облакахъ, кромѣ сгущенныхъ водяныхъ паровъ, а въ соснѣ—кромѣ корня, ствола и хвой съ сосновыми шишками. Но эта противуположность только кажущаяся. Способность олицетворенія исходитъ изъ того-же самаго умственнаго процесса, изъ котораго исходятъ всѣ великія откровенія науки: мысль наша, комбинируя отдѣльныя впечатлѣнія по ихъ общимъ признакамъ въ общія представленія, т. е. понятія и идеи, не можетъ остановиться въ этой комбинаціи на сближеніи между собою только однородныхъ представленій; для нея достаточно бываетъ часто одного общаго признака, даже намека на такой признакъ, чтобы сблизить между собою представленія совершенно разнородныя. Для той же самой мысли, для которой необходимо собрать всѣ существенные признаки лилій для составленія понятія объ этомъ растеніи, достаточно нѣжнаго, лиловаго цвѣта и наклоненной головки цвѣтка, чтобы сблизить это представленіе съ представленіемъ краснѣющей, робко потупленной головки невинной дѣвушки. Олицетворенія, такимъ образомъ, суть смѣлыя попытки ума, на основаніи одного, двухъ общихъ признаковъ, сближать между собою такія разнородныя представленія, которыя, никакимъ образомъ не могутъ быть слиты въ общія понятія. Признавать для подобныхъ явленій особенный ящичекъ въ душѣ человѣка и называть его

эстетическимъ чувствомъ нѣтъ ни малѣйшаго основанія. Художественное творчество пользуется олицетвореніями, какъ однимъ изъ средствъ отраженія впечатлѣній, но подобныя олицетворенія далеко не составляютъ сущности искусства и нисколько для искусства не обязательны: мы можемъ встрѣтить бездну произведеній искусства, въ которыхъ не найдемъ и слѣда подобныхъ олицетвореній. Мы видимъ, наконецъ, что искусство въ послѣднее время, становясь серьезнѣе и заботясь болѣе о точномъ и вѣрномъ отраженіи впечатлѣній и идей, все менѣе и менѣе начинаетъ прибѣгать къ олицетвореніямъ, къ этимъ проблескамъ незрѣлой мысли. Оно не падаетъ отъ этого, а напротивъ того, выигрываетъ. На аллегорію, эмблему и всякаго рода символы нынѣ смотрятъ уже какъ на что-то младенческое и давно отжившее.

Изъ всего сказаннаго нами предоставляемъ читателю самому вывести, что понравилось въ книгѣ Прудона нашимъ реалистамъ, и за что преклонились передъ его прахомъ наши идеалисты, которые до сего времени ничего не питали къ нему, кромѣ безграничной злобы.

ГЕРОИ ГОЛУБИНАГО ПОЛЕТА.

(«Межъ двухъ огней», романъ М. Авдѣева).

Принадлежа къ романистамъ старой школы, Авдѣевъ далеко не обладаетъ тою степенью художественнаго таланта, на какой стоятъ корифеи этой школы Тургеневъ, Гончаровъ и Писемскій; но онъ одинъ только изо всѣхъ представителей своей школы сохранилъ хоть какую нибудь тѣнь благовидности, не проникся тупымъ, энергичнымъ ожесточеніемъ Писемскаго противъ всего молодаго и свѣжаго и не впалъ въ дымное и кислое разочарованіе Тургенева. Правда, изъ его романа видно, что многіе мотивы и пружины современной жизни не совсѣмъ ясны для него: онъ смотритъ на нихъ съ тѣмъ поверхностнымъ взглядомъ, съ какимъ смотрѣли корифеи старой школы на всѣ явленія, происходившія за предѣлами барскихъ сердецъ и нервовъ.

Въ то время, какъ въ изображеніяхъ различныхъ чертъ старой жизни, романистъ стоитъ на самой твердой почвѣ, воспроизводитъ дѣйствительность, такъ какъ она есть, на основаніи точнаго знанія этой жизни,—тотъ же самый Авдѣевъ, едва дѣло коснется новой жизни, начинаетъ путаться и фальшивить, какъ это мы увидимъ ниже при анализѣ характера Барсуковой.—Но, во всякомъ случаѣ, Авдѣевъ, не вполнѣ ясно понимая новую жизнь, всѣ усилія напрягаетъ, чтобы сочувствовать ей; на каждой страницѣ вы увидите либеральныя поощренія и гуманныя отданія справедливости, и если кое что Авдѣевъ (въ третьей части своего романа) и не одобряетъ въ событіяхъ новой жизни, то высказываетъ свои сѣтованія самымъ мягкимъ, нѣжнымъ тономъ маменьки, сердобольно вздыхающей о своемъ Петинькѣ, что всѣмъ бы этотъ Петинька хорошъ, да пріятели сбили его немножко съ толку, но это, молъ, ничего, пройдетъ, перебѣсится Петинька и опять станетъ послушный маменькинъ сынокъ.

Всѣ условія соединены въ романѣ, чтобъ онъ производилъ на васъ самое пріятное впечатлѣніе. Ни малѣйшей тѣни въ немъ не найдете вы, какъ я сказалъ уже, мрачнаго ожесточенія или кислаго разочарованія; авторъ такъ либерально улыбается вамъ и сулитъ въ будущемъ всевозможныя блага; развязка романа самая праздничная: порокъ наказуется, добродѣтель торжествуетъ; герой романа сочетается законнымъ бракомъ съ героинею, и героиня мирно шествуетъ подъ руку съ нимъ по усѣянному розами пути прогресса, заведя швейную мастерскую во имя женской самостоятельности.—Что бы, повидимому, оставалось дѣлать по прочтеніи романа, какъ не предаться нѣжному умиленію при созерцаніи завиднаго эдемскаго благосостоянія россійскихъ прогрессистовъ и прогрессистокъ. А между тѣмъ, если, не ограничиваясь поверхностнымъ чтеніемъ, вы вдумаетесь поглубже въ романъ, то ни одно изъ самыхъ мрачныхъ, желчныхъ, ожесточенныхъ произведеній не возбудитъ въ васъ такого тяжелаго, безотраднаго чувства, ни одно не возмутитъ васъ такъ до глубины души,—какъ эта либерально-сладкая идиллія. Это впечатлѣніе, и безъ того тяжелое, становится еще невыносимѣе по той причинѣ, что авторъ романа не раздѣляетъ съ вами его; онъ нисколько не возмущается тѣмъ, что особенно гадкимъ, дряннымъ и возмутительнымъ кажется вамъ въ поступкахъ его героевъ, а то, на чемъ хочется остановиться вамъ съ полнымъ сочувствіемъ и отвести, что называется, душу—авторъ ставитъ на послѣдній планъ и относится къ этому съ высокомѣрнымъ сожалѣніемъ, смягчая это сожалѣніе своимъ снисходительнымъ отданіемъ справедливости. Читатель увидитъ это изъ анализа главныхъ дѣйствующихъ лицъ и сюжета романа, и я немедленно приступаю къ этому анализу.

Героемъ романа является Камышлинцевъ, который охарактеризованъ авторомъ съ такою полнотою, что мнѣ не придется и слова прибавить отъ себя, довольствуясь выписками изъ романа.

«Дмитрій Петровичъ Камышлинцевъ, значился по формуляру отставнымъ титулярнымъ совѣтникомъ, 29 лѣтъ, а былъ, въ настоящее время, ремесломъ—помѣщикъ не у дѣлъ, т. е. помѣщикъ, не занимающійся ни хозяйствомъ, ни собаками и не знающій, что изъ себя дѣлать. Пожалуй, можно бы еще помѣстить его въ разрядъ помѣщиковъ, ѣздившихъ за границу, но за границей онъ былъ только одинъ разъ; такихъ помѣщиковъ много на святой Руси».

Послѣ плохаго воспитанія, Камышлинцевъ попалъ въ общество молодежи.

«Какъ молодой человѣкъ, онъ во многомъ сочувствовалъ членамъ этого кружка, но видѣлъ и ихъ

увлеченія. Лично онъ любилъ этотъ кружокъ, но идеи кружка составляли для Камышлинцева предметъ горячихъ споровъ: онъ отстаивалъ свой взглядъ и пробовалъ идти своей дорогой. Однакожь, въ томъ и другомъ обществѣ Камышлинцевъ прежде всего узналъ, какъ древній философъ, что онъ ничего не знаетъ, и что истинное образованіе долженъ начать самъ и снова. Онъ былъ человѣкъ самолюбивый и, понявъ свое невѣжество, принялся читать и учиться.

Чтеніе начинило голову его разными знаніями и идеями, но...

«не смотря на то, въ кружкѣ этомъ Камышлинцевъ чувствовалъ себя не причемъ: всякій работалъ въ немъ, кто для науки, кто для куска хлѣба, у Камышлинцева же не было собственнаго дѣла, не было у него той земли подъ ногами, которая ему, какъ Антею, давала бы силы. Онъ учился, но наукѣ себя посвятить не желалъ, въ искусствахъ не имѣлъ таланта, служить,—но петербургская служба, съ ея канцеляріями и парадами, казалась ему какой-то отвлеченностью, которой можно предаваться только изъ любви къ самой службѣ, какъ иные любятъ искусство для искусства».

Поѣхалъ онъ послѣ смерти отца въ деревню; тамъ онъ

«присматривался къ хозяйству и учился ему, но помогать этому дѣлу, а тѣмъ болѣе начинать его, былъ не въ состояніи; играть роль благодѣтельнаго помѣщика, сдѣлаться отцомъ своихъ крестьянъ и благодушествовать съ ними—ему и въ голову не приходило: у него было на столько здраваго смысла, чтобы понять, что не благодушествомъ можно пособлять имъ».

Поступилъ онъ было на службу въ чиновники особыхъ порученій къ губернатору, но не поладилъ и черезъ годъ вышелъ въ отставку.

«Возвратясь снова къ своимъ пенатамъ, Камышлинцевъ началъ было уже предаваться тяжелымъ размышленіямъ: что лучше—жениться ли на барышнѣ, начать ли пить, или повѣситься на самомъ высокомъ деревѣ своего сада,—но въ это время случилась Крымская война, потребовалось ополченіе, и Камышлинцевъ былъ выбранъ въ него».

Не понюхавъ синя пороха, Камышлинцевъ благополучно возвратился домой по окончаніи войны и отправился за-границу для того, чтобы тамъ дознаться, „что это за штука, которая становится у насъ поперекъ всякому развитію, подставляетъ доселѣ ногу всякой, казалось-бы, здраво задуманной вещи (несчастный, ему и въ голову не приходило, что онъ-то самъ и есть эта штука!)“ „Какъ провелъ онъ время за-границей, и что онъ тамъ узналъ—это не входитъ въ планъ нашего разсказа“—говоритъ авторъ (жалко, для большей полноты характеристики не мѣшало-бы хоть нѣсколько словъ сказать о занятіяхъ Камышлинцева за-границей; это вопросъ нетронутый и весьма было-бы интересно знать, чѣмъ занимаются Камышлинцевы, отправляющіеся за-границу съ общей цѣлью учиться, но не избирающіе себѣ при этомъ никакой спеціальности для изученія). Когда Камышлинцевъ услыхалъ о новой жизни, пробудившейся въ Россіи, онъ вскричалъ: „домой, домой! Теперь тамъ есть дѣло, нужны наши труды, тамъ можно и должно работать...“ И вотъ отправился онъ домой работать. Работа эта заключалась въ томъ, что Камышлинцевъ сдѣлался членомъ по крестьянскимъ дѣламъ присутствія...

У меня нѣтъ ни мѣста, ни возможности описывать въ подробности всей дѣятельности Камышлинцева, да я нахожу, что это будетъ совершенно излишне. Это одна изъ тѣхъ старыхъ исторій, о которыхъ въ нашей литературѣ много было писано и переписано. Сколько у насъ было выводимо на сцену разныхъ молодыхъ администраторовъ, либеральныхъ мировыхъ посредниковъ et tutti quanti; и постоянно вы видѣли передъ собой одну и ту же картину, давно уже засаленную и испачканную мухами: среди мертваго застоя гнилой провинціальной лужи, вдругъ, какъ мыльный пузырь, вскочитъ грозный дѣятель прогресса, юпитеръ-громовержецъ для мелкихъ воришекъ, каратель частныхъ гадостей и слѣпой поклонникъ общаго зла; прокипитъ его дѣятельность, какъ изверженіе вулкана, съ дымомъ, трескомъ и трубнымъ гласомъ; а самъ-то о себѣ что думаетъ въ это время общественный дѣятель,—и не приведи Господи!—Наполеонъ, Кромвель, да и только!—Но въ сущности вся эта дѣятельность, по отношенію къ окружающему міру, среди котораго она совершается, оказывается ничѣмъ инымъ, какъ сдуваніемъ пыли въ воздухъ для того, чтобы пыль снова насѣла тамъ-же, гдѣ была; а по отношенію къ дѣятелю, она есть ничто иное, какъ порханіе голубка въ воздухѣ: посмотрите, какъ высоко въ синее море улетѣлъ голубь, какіе отчаянные круги совершаетъ онъ тамъ, но, не безпокойтесь, это не такая птица, у которой не было бы пристанища, которая должна была бы летѣть впередъ безъ оглядки, ища пріюта отъ темной ночи и злой бури въ какомъ нибудь дуплѣ и не зная, чѣмъ она завтра будетъ сыта. У нашего голубка, какіе бы зигзаги онъ ни дѣлалъ, всегда имѣется въ виду голубятня съ сытнымъ кормомъ и пойломъ; покружится, покружится голубокъ, и все таки, въ концѣ концовъ, опустится подъ мирный кровъ для того, чтобы клевать зернушки и ворковать съ нѣжною голубкою. Такъ кончаютъ, обыкновенно, всѣ наши дѣятели голубинаго полета: какъ мыльный пузырь лопается ихъ дѣятельность, стоячая вода мало-по малу угомоняется, а картинные герои дѣлаются картинными геройчиками любовныхъ похожденій. Такъ совершилъ свою бурную дѣятельность Камышлинцевъ. Хотя авторъ и говоритъ про своего героя, что у него было на столько здраваго смысла, чтобы понять, что не благодушествомъ можно пособить крестьянамъ, однако же, вся дѣятельность Камышлинцева въ томъ только и заключалась, что онъ благодушествовалъ и кончилъ со своимъ благодушіемъ тѣмъ, что, оказавши крестьянамъ нѣсколько паллiативныхъ услугъ, больше по части благоразумныхъ совѣтовъ, въ концѣ концовъ, вооружилъ противъ себя и помѣщиковъ, и администрацію, и затѣмъ сошелъ съ поприща дѣятельности наслаждаться любовными восторгами въ своихъ тѣнистыхъ садахъ. Замѣчательно странно относится авторъ къ своему герою: съ одной стороны, онъ, повидимому, критически разбираетъ его:

«Вообще, читаемъ мы въ концѣ романа, кажется, это характеръ сложный и не сразу дающійся, да цѣльный на его мѣстѣ и появиться еще не могъ. Тутъ и нервность, и бѣлоручныя привычки, и почти вся обстановка недавняго времени—и новыя требованія, и стремленія; задатки силы, и хорошіе задатки, на старой, да вдобавокъ еще и не оттаявшей почвѣ. У насъ недавно только начали появляться спеціалисты съ сознательною любовью къ своему дѣлу, начало открываться и поле для нихъ; а для

людей, какъ Камышлинцевъ, выбивающихся изъ служилыхъ въ земскіе и не сдѣлавшихся изъ помѣщиковъ земледѣльцами—поле-то еще не очистилось и они остаются какими-то диллетантами труда; работаютъ они урывками, гдѣ случится: старыя дрожжи ихъ ненавидятъ, молодые специалисты смотрятъ на нихъ съ легкимъ презрѣніемъ, чиновный людъ подозрѣваетъ и ревнуетъ. А вообще, это, какъ говорится, продуктъ, хотя отнюдь не герой своего времени, и положеніе его крайне незавидно»...

Но авторъ, въ то же время, находитъ въ немъ и умъ, и здравый смыслъ, и, какъ читатель можетъ видѣть изъ только что приведенной выписки, задатки силы—и хорошіе задатки. Вотъ въ этомъ во всемъ и да позволено будетъ мнѣ усомниться. Если бы у Камышлинцева былъ умъ и здравый смыслъ, онъ заранѣе могъ бы предусмотрѣть, что дѣятельность его, не принеся никакой плодотворной пользы, потерпитъ полное фіаско, и онъ избралъ бы для себя другую дѣятельность, болѣе плодотворную, а если бы у него были силы, то онъ поступилъ бы такъ, какъ поступаютъ обыкновенно сильные люди: онъ не сталъ бы киснуть на старой, не оттаявшей почвѣ, а смѣло переплылъ бы рѣку и оттолкнулъ бы лодку, чтобы болѣе назадъ не возвращаться; что же и показываетъ въ Камышлинцевѣ дряблое и дрянное безсиліе, какъ не то смѣшное вливаніе новаго вина въ старые мѣхи, малодушное шлепанье взадъ и впередъ по разъ протоптанной тропѣ между двухъ огней, безъ всякой хоть малѣйшей попытки выйти на новую дорогу. Камышлинцевъ—это старая дѣва, которая чахнетъ отъ недостатка любви въ своей жизни и въ то же время боится любви, потому что, вѣдь Богъ знаетъ, можетъ быть смерть отъ нея ожидаетъ...

Хотя рыцари голубинаго полета не способны летѣть далеко и ограничиваются одними игривыми зигзагами вокругъ голубятни,—но за то никто не сравнится съ ними въ умѣньи нѣжно ворковать съ кроткими голубками. О, это ихъ первая спеціальность въ жизни и въ этомъ они первые мастера. Бурная общественная дѣятельность, не принося никому никакой существенной пользы, приноситъ большую пользу имъ самимъ въ томъ отношеніи, что заставляетъ не одно сердце биться сильнѣе, и послѣ погрома герои почиваютъ, какъ на лаврахъ, на груди какой нибудь красавицы, не перестающей смотрѣть на нихъ, какъ на непонятыхъ геніевъ. У нашего героя была не одна голубка, а цѣлыхъ двѣ. Сначала, отъ скуки, герой нашъ съигралъ интрижку въ духѣ „Подводнаго Камня“. Интрижка эта вышла черезъ чуръ пошленькою, потому что героиня ея, Ольга Мытищева, оказалась Гоголевскою дамою пріятною во всѣхъ отношеніяхъ, однимъ изъ тѣхъ тепличныхъ растеній, для которыхъ ничего не существуетъ въ жизни, кромѣ любовныхъ наслажденій, и въ особенности тайныхъ, соединенныхъ съ разными препятствіями и опасностями. Когда Камышлинцевъ занялся своею общественною дѣятельностью, онъ не нашелъ никакого сочувствія въ своей героинѣ къ своему, такъ называемому, „дѣлу“, а напротивъ того: Мытищева встала на сторону его враговъ. „Пусть освобождаются всѣ лакеи, горничныя и мужики, воскликнула она, но жертвовать для этого своимъ спокойствіемъ и спокойствіемъ людей любимыхъ—не имѣетъ никакого смысла! Повѣрьте, и безъ васъ освободятся очень хорошо. Не дадутъ себя въ обиду! Что касается до меня,—сказала она,—то я рѣшительно не хочу ссориться съ дворянами. Скоро будетъ дворянскій балъ: какъ весело себя чувствовать на немъ, какъ оглашенной! Да и братъ, кажется, знаетъ толкъ въ дѣлахъ,—прибавила она,—а между тѣмъ, тоже согласенъ со мною, что вы горячитесь, гдѣ не нужно!“. Всѣ подобныя восклицанія сопровождались обильными потоками слезъ и истерическими припадками. Тогда Камышлинцевъ разочаровался въ своей первой голубкѣ, но на ея мѣсто не замедлила прилетѣть другая. Это была Анна Барсукова. Объ этой личности намъ придется поговорить подробнѣе.

Авторъ выставляетъ Барсукову, въ противовѣсъ Мытищевой, какъ дѣвушку новаго времени, какъ лучшую представительницу своего пола: она читаетъ, думаетъ, ее интересуютъ всѣ общественные вопросы; въ противуположность Мытищевой, она принимаетъ живое участіе въ дѣятельности Камышлинцева, наконецъ, сама стремится къ самостоятельной жизни и дѣятельности: заводитъ швейную мастерскую. Казалось-бы, она должна производить на читателя самое отрадное впечатлѣніе, а между тѣмъ—ей то именно и обязаны вы тѣмъ тяжелымъ, возмутительнымъ чувствомъ, какое производитъ романъ.

По прочтеніи романа, первая мысль является у васъ та, что авторъ, плохо знакомый съ явленіями новой жизни, не понялъ характера лучшихъ представительницъ ея, исказилъ его и представилъ въ ложномъ свѣтѣ; но чѣмъ болѣе начинаете вы вдумываться въ поступки Барсуковой, тѣмъ болѣе вы убѣждаетесь, что если онъ не вполнѣ выдержалъ этотъ характеръ, то не въ томъ отношеніи, что въ свѣтлую личность новой жизни вложилъ нѣсколько возмутительныхъ пошлостей, а напротивъ того, въ томъ, что, представивши одну изъ голубицъ старой жизни, онъ не довелъ до надлежащаго конца развитіе характера подобнаго рода (мы увидимъ это ниже).

Анна Барсукова, принадлежитъ къ тому типу провинціальныхъ мечтательницъ, который такъ глубоко уже исчерпанъ нашею литературою. Живетъ барышня въ деревнѣ, въ глуши, въ какой нибудь семейной теплицѣ, не знаетъ она ни людей, ни жизни, ничѣмъ она не занята, времени свободнаго много, начинаетъ она отъ скуки читать, и читаетъ, что въ руки ей попадется, сначала всевозможные романы и стишки, потомъ журналы, наконецъ, переходитъ и къ болѣе серьезному чтенію. Въ старину барышни подобнаго рода засматривались на луну, вздыхали, писали ногтемъ на запотѣвшихъ стеклахъ милыя имена и ждали со дня на день, когда-то ихъ кто нибудь похититъ. Впослѣдствіи онѣ изнывали отъ ожиданій, что вотъ-вотъ пріѣдетъ герой нашего времени и начнетъ ихъ развивать; наконецъ, въ послѣднее время онѣ сами начали бросать родительскій кровъ и развиваться, не ожидая уже похитителей и развивателей. Казалось бы, какую хорошую дорогу начали выбирать онѣ: самостоятельный трудъ, науку... Но если имъ легко было отдѣлаться отъ старыхъ предразсудковъ, то не такъ легко избавиться отъ старыхъ привычекъ: для этого нужно было переродиться и начать жить снова. Тепличныя растенія усадебныхъ

оранжерей и парниковъ,—не многія изъ нихъ принялись на новой почвѣ; большинство голубокъ полетало, полетало, покружилось въ воздухѣ и снова усѣлось на тѣ же голубятни. Да и какъ было не усѣсться, когда всѣ привычки, вся природа до мозга костей къ тому стремились; уста говорили о трудѣ, а привычная лѣнь манила къ сладкому отдыху и пріятнымъ развлеченіямъ; въ юной головкѣ кружился идеалъ мыслящаго героя, — а сердце, не спрашиваясь у головки, билось отъ кудрявыхъ волосъ и приторныхъ комплиментовъ какого нибудь пошленькаго фата.

Такова Анна Барсукова въ своей любви къ Камышлинцеву. Она читаетъ, развивается, увлекается общественными вопросами, наконецъ, она мечтаетъ о томъ, какъ она изберетъ въ свои спутники мыслящаго героя, чтобы идти съ нимъ по одной дорогѣ. И вотъ представляются ей на выборъ два человѣка: одинъ изъ нихъ, дѣйствительно, мыслящій герой; бѣдный труженникъ мысли, заброшенный борьбою въ деревенскую глушь, одинъ изъ тѣхъ бойцевъ неумолимой здравой логики, которые не терпятъ никакихъ полумѣръ, полусредствъ, потому что не видятъ никакой въ нихъ пользы, а другой геройчикъ голубинаго полета, гордо драпирующійся въ мишурную, безплодную дѣятельность полусредствъ и полумѣръ, провинціальный фатъ и пошлый ловеласъ. Кого же избираетъ Барсукова въ свои герои—Камышлинцева или Благомыслова? Замѣчательно, что въ нашихъ романахъ женщина является обыкновенно въ видѣ судьи, Париса, держащаго въ рукѣ яблоко раздора, а передъ этимъ Парисомъ женскаго пола парадируютъ обыкновенно нѣсколько любовниковъ, ожидающихъ, какъ греческія богини, кому будетъ вручено яблоко, и яблоко вручается, конечно, тому, кто этого болѣе достоинъ или по своему развитію, или по своимъ силамъ. Мотивомъ выбора является, обыкновенно, какое нибудь серьезное, глубокое основаніе: такъ, Ольга предпочла Штольца Обломову, Елена предпочла Инсарова всѣмъ другимъ соискателямъ на такомъ основаніи, на которомъ все мыслящее поколѣніе того времени предпочло бы Инсарова и Штольца. Посмотрите же теперь, какимъ мотивомъ руководствуется Барсукова. Вотъ что говоритъ она въ маскарадѣ, куда она ходитъ, какъ истая барышня, интриговать Камышлинцева:

— Какъ же ты не влюбилась въ него? спрашиваетъ у нея Камышлинцевъ: это не въ порядкѣ вещей! Истинное воспитаніе взрослой дѣвицы начинается съ того, что учитель и ученица влюбляются другъ въ друга.

— Хорошій онъ малый... и подумывала я о немъ... да не нравится! что прикажешь дѣлать? сказала она съ сожалѣніемъ. Грубоватъ онъ очень да и... неряшливъ—прибавила она вполголоса, какъ бы каясь: а я около васъ, приличныхъ, набаловалась.

— У него, бѣднаго, можетъ на приличность то и средствъ нѣтъ! сказалъ Камышлинцевъ: — пришлика его ко мнѣ, я ему работу дамъ.

О милая героиня голубинаго полета, какъ ты видна въ этой фразѣ вся, во всей твоей глубинѣ!.. Жалкое, тепличное существо, возросшее на почвѣ романтизма, ты мечтаешь о героѣ, но герой этотъ не иначе представляется въ твоемъ воображеніи, какъ въ видѣ величественнаго рыцаря съ галантерейными любезностями, въ лайковыхъ перчаткахъ и съ гордою печатью генія на челѣ; а когда является передъ тобою настоящій герой, ничѣмъ не выдающійся изъ толпы, не рисующійся, не ослѣпляющій глазъ блестящими эффектами, простой, гуманный, кроткій и, можетъ быть, даже смѣшной съ галантерейной точки зрѣнія,—тебѣ не постичь прометеевскаго огня подъ грубою одеждою, ты побѣжишь за мишурнымъ, раздушеннымъ фатомъ и съ отвращеніемъ отвернешься отъ человѣка, отъ котораго пахнетъ потомъ труда и нужды. Какою глубокою истиною дышутъ въ этомъ отношеніи слова Благомыслова послѣ объясненія съ Барсуковой, когда онъ услышалъ отъ нея, что она его не любитъ:

— Дѣйствительно, началъ опять, идя на проломъ, съ горькой усмѣшкой, Благомысловъ: — вѣдь нашъ братъ изъ кутейниковъ и грубъ, и не ловокъ, а одѣть-то такъ, что лакей у инаго франта за поясъ заткнетъ, такъ за что-же насъ и любить!.. Ну, а все-таки, хоть вы теперь и другихъ идей придерживаетесь,—онъ иронически улыбнулся,—а все-же мы толковали и, такъ сказать, старались о развитіи!

Одно только, въ эту минуту, не приходило въ голову Благомыслову, что онъ имѣлъ дѣло здѣсь съ такими силами, которыя далеко превышаютъ силы идей и умственнаго развитія,—съ силою привычекъ и того закала, который дѣлаетъ людей глубоко и страстно сочувствующими всему истинно здоровому, свѣжему и живому — или - же поверхностными диллетантами, скользящими по поверхности жизни и увлекающимися внѣшнимъ блескомъ и мишурою.

Авторъ имѣлъ полное право вывести личность, вродѣ Барсуковой,—это было-бы и ново, и поучительно, но, во-первыхъ, онъ долженъ былъ-бы отнестись къ ней такъ, какъ она этого стоитъ, а во-вторыхъ, довести до конца развитіе такого характера, какъ онъ сдѣлалъ это съ Камышлинцевымъ, то-есть показать, какъ, послѣ граціозныхъ зигзаговъ въ воздухѣ, прелестныя голубицы возвращаются подъ мирный кровъ своихъ голубятенъ. Авторъ-же вообразилъ, что онъ представляетъ въ лицѣ Барсуковой лучшій типъ современной дѣвушки, а подъ конецъ романа заставилъ свою героиню устраивать швейную мастерскую. Вотъ въ этомъ-то и заключается невыдержанность характера Барсуковой и непониманіе Авдѣевымъ новой жизни. Если-бы Барсукова была, дѣйствительно, лучшая представительница новой жизни, способная создать мастерскую и не бросить своего дѣла на другой же день, въ такомъ случаѣ, ужь конечно, это была бы такая дѣвушка, которая не оттолкнула-бы отъ себя, безъ всякаго участія, бѣднаго труженика и страдальца мысли, Благомыслова, и не предпочла-бы ему мишурную ничтожность вродѣ Камышлинцева. Если же Барсукова такъ легко отнеслась къ Благомыслову, отвергнувши его любовь на томъ основаніи, что отъ него не пахнетъ одеколономъ и не умѣетъ онъ во время платочка поднять, то мы знаемъ, какъ подобныя галантерейныя барышни заводили всякаго рода мастерскія; начиналось дѣло съ шума и треска, высоко подымала голову барышня и воображала, что она Америку открываетъ, а когда барышнѣ приходилось споткнуться на первомъ-же шагу, когда обнаруживалась полная непрактичность ея и неумѣніе взяться за дѣло, когда, вслѣдствіе этого, всѣ отъ нея отступались, барышня кидалась въ разочарованіе,—вино-

ваты въ ея не успѣхѣ оказывались лучшіе люди общества, которые не удостоили своимъ участіемъ ея дѣла и апатично относились къ ея предпріятію. А за подобнымъ разочарованіемъ слѣдовала, обыкновенно, полная апатія и сонное прозябаніе на груди милаго. Вотъ чѣмъ должна была кончить Барсукова по всѣмъ даннымъ во-второй и третьей части романа. Когда, въ концѣ его, авторъ представилъ свою чету фланирующею за-границею, я такъ и думалъ, что голубка успѣла уже придти къ тому-же, къ чему и голубокъ; но оказывается, что она продолжаетъ еще устраивать мастерскую. Какъ-же послѣ этого она терпитъ возлѣ себя пустаго и празднаго фата, почившаго долгимъ сномъ послѣ мишурной дѣятельности? А чѣмъ-же покончилъ Благомысловъ? Неоцѣненный, непонятый, непригрѣтый—онъ сошелъ со сцены, на которой онъ, дѣйствительно, былъ совершенно лишнимъ человѣкомъ. Неутомимый борецъ знанія и свѣта, горемычный пасынокъ жизни, долго тебѣ еще скитаться по свѣту безъ участія, безъ привѣта! Чуждый гость родной земли, долго тебѣ еще придется стучаться въ двери, прося ночлега отъ ехидной бури и не получать никакого отвѣта!... Злая доля забросила тебя къ чужимъ людямъ, ты думалъ, что они братья твои не только по человѣчеству, но и по взглядамъ, убѣжденіямъ, стремленіямъ. Эти люди внимали твоимъ горячимъ рѣчамъ, сочувствовали имъ, повидимому, а сами всею своею жизнію противорѣчили имъ, и съ высоты своей узенькой, мѣщанской мудрости, про себя посмѣивались надъ тобою, какъ надъ шутомъ! Ты былъ нагъ и голоденъ, они рады были оказать тебѣ помощь, которая свидѣтельствовала-бы о ихъ великодушіи. Когда же ты, обольщенный ихъ ложнымъ сочувствіемъ, ихъ мнимымъ участіемъ, вздумалъ, по-братски, сѣсть съ ними рядомъ, они тотчасъ-же показали тебѣ надлежащее мѣсто. Тогда увидѣлъ безпріютный странникъ, что не хлебать ему похмѣлья на чужомъ пиру, опомнился и сталъ собираться въ путь, — идти своей дорогой... И что-же: эти-же самые люди, которые не поняли его, унизили, отвергнули, вздумали сердобольно вздыхать о его участи и устроили ему сцену для того, чтобы удержать его:

— Я заѣзжалъ къ Аннѣ Ивановнѣ, сказалъ Камышлинцевъ съ нѣкоторымъ оттѣнкомъ оскорбленной невинности, нисходящей до оправданія (она обыкновенно заключается въ басовыхъ и горловыхъ звукахъ голоса),—чтобы сказать ей о вашихъ намѣреніяхъ. Я надѣюсь, что вы болѣе послушаетесь ея, чѣмъ меня. Высказавъ это, Камышлинцевъ не спѣшилъ уйти, такъ какъ секретъ былъ уже открытъ.

— Что за заботы! съ усмѣшкой сказалъ Благомысловъ.—Не все ли равно, уйду я, или нѣтъ, и что со мною станется! Кому и для чего я здѣсь нуженъ?—прибавилъ онъ, пожавъ плечами.

— Что же вы думаете, что намъ все равно, что бы съ вами ни сталось?—горячо спросила Анюта, глядя ему въ глаза.—Вы это по себѣ, что ли, судите?

— Я полагаю,—хмуро, хотя нѣсколько осѣвшись, сказалъ Благомысловъ,—что надо дѣло дѣлать, а о себѣ думать нечего, особенно такимъ счастливымъ господамъ, какъ я,—добавилъ онъ.

— Да въ томъ-то и вопросъ,—сказалъ Камышлинцевъ,—такъ ли вы дѣло-то понимаете? Будетъ ли прокъ въ этомъ дѣлѣ? Можно не думать о себѣ, когда увѣренъ, что несомнѣнно принесешь пользу, что по вѣрной дорогѣ идешь.

— Ну, я въ этомъ не сомнѣваюсь,—твердо сказалъ Благомысловъ.—Конечно, пріятнѣе и безопаснѣе здѣсь заниматься протестами противъ Кнебелей, да бесѣдовать съ такими прекрасными дѣвицами,—онъ съ усмѣшкой взглянулъ на Анюту,—но это не наше дѣло; да меня, слава Богу, ничего и не держитъ здѣсь, прощайте!—онъ протянулъ руку Анютѣ и крѣпко пожалъ ее.

— Да, постойте!—сказала она,—переговоримте, по крайней мѣрѣ.

— Все переговорено,—сказалъ онъ угрюмо, повернулся и быстро вышелъ. Анютѣ показалось, что она вновь услыхала въ его словѣ тѣ подавленныя слезы, которыя она слышала при памятномъ объясненіи.

Анюта и Камышлинцевъ остались, молчаливые, другъ противъ друга.

— Жаль его,—сказалъ Камышлинцевъ,—да не воротите. Въ его лѣта безъ дѣла и безъ любви бросишься въ омутъ, чтобы уйти отъ скуки, а гдѣ же усидѣть въ такое горячее время. Молодыя силы рвутся, а средствъ къ выходу мало, и вотъ какъ онѣ гибнутъ.

«Анюта слушала молча и печально».

Вообще, эта сцена навѣяла на нихъ грусть. О милые, сердобольные голуби! грустить, печалиться, разчувствоваться въ данную минуту и расплываться въ слезахъ и воздыханіяхъ,—это ваше дѣло, это вы только и умѣете. Но кто же виноватъ, что ушелъ отъ васъ Благомысловъ, какъ не вы же сами? Вы сѣтуете на безполезность жертвъ, но кто же кладетъ ихъ на жертвенникъ, какъ не вы же? Что же дѣлать, если многіе бываютъ готовы скорѣе безплодно замерзнуть на дорогѣ, чѣмъ терпѣть ваше тепло, сидя на краюшкѣ вашего стола, довольствуясь вашими великодушными подачками и выслушивая ваши снисходительныя сѣтованія на непрактичность и увлекаемость... Не поняли, не оцѣнили Благомыслова герои романа, да нельзя сказать, чтобы и самъ романистъ отнесся къ этой личности, какъ она того заслуживаетъ. Она занимаетъ самое невидное мѣсто въ романѣ: выводится мелькомъ и очерчивается блѣдно, какъ это часто дѣлаютъ наши романисты съ непризнанными любовниками, выводимыми ни для чего иного, какъ для образованія фона, на которомъ выпуклѣе рисовался бы герой романа, любовникъ признанный и счастливый. А между тѣмъ, Благомысловъ болѣе всего привлекаетъ интересъ читателя, возбуждаетъ сочувствіе и участіе. Мнѣ кажется, что романъ Авдѣева значительно выигралъ бы и въ своемъ значеніи, и въ своей трагической коллизіи, если бы авторъ, вмѣсто того, чтобы утомлять вниманіе читателя эротическими сценами любовныхъ похожденій Камышлинцева, героемъ своего романа избралъ Благомыслова и поставилъ его на первый планъ, чтобы показать, какъ всталъ въ разрѣзъ со всею жизнію этотъ страдалецъ мысли, какъ онъ былъ не понятъ, осмѣянъ въ самыхъ своихъ завѣтныхъ чувствахъ и стремленіяхъ, отвергнутъ съ безчеловѣчнымъ высокомѣріемъ, и когда ему осталось только гибнуть, эти же самые люди, которые не поняли, осмѣяли, отвергли его, вздумали сѣтовать и охать о его гибели! Это былъ бы сюжетъ, достойный художника, и вотъ въ этомъ заключается отсталость старой школы романистовъ, что какія бы глубоко-трагическія явленія жизни ни затрогивали они, постоянно главный интересъ романа сводится у нихъ на эротическія похожденія какого нибудь пошленькаго, провинціальнаго ловеласа.

ТЕОРІЯ ЛАССАЛЯ

и пониманіе ея прусскими прогрессистами.

(«Одинъ въ полѣ не воинъ», романъ Шпильгагена).

I.

Романъ Шпильгагена, имѣвшій большой успѣхъ въ Германіи и читающійся запоемъ въ настоящее время у насъ, безспорно, принадлежитъ къ числу замѣчательнѣйшихъ явленій европейской литературы послѣдняго времени. Всякій, кто прочелъ этотъ романъ, былъ пораженъ широтою и колоссальностью картины, причемъ умственнымъ очамъ читателя представились не какихъ нибудь два-три семейства, связанныя любовною интрижкою подъ условіями соціальныхъ столкновеній, а перспектива цѣлыхъ сословій и партій страны, борющихся на аренѣ одного изъ самыхъ животрепещущихъ вопросовъ европейской жизни,—вопроса о судьбѣ рабочихъ. Въ каждой личности, выведенной въ романѣ, рѣзко и дагеротипно очерчивается какая нибудь партія, сословіе или среда во всей ихъ сущности, стремленіяхъ, промахахъ, благотворномъ или вредномъ вліяніи на жизнь общества. Но на что прежде всего нужно обратить вниманіе, чтобы получить вѣрную точку зрѣнія на романъ и достойно оцѣнить сильныя и слабыя стороны его,—это именно, есть то, что романъ Шпильгагена заключаетъ въ себѣ особенный фокусъ искусства, достигаемый только геніальными талантами или умами, развитыми глубокимъ философскимъ образованіемъ. Фокусъ этотъ заключается въ слѣдующемъ: каждый художникъ, который не есть только отвлеченный созерцатель прекраснаго, который принимаетъ живое, непосредственное участіе въ интересахъ общества, есть непремѣнно человѣкъ той или другой партіи. Но, увлекаясь интересами своей партіи, онъ можетъ раздѣлять тѣ или другіе заблужденія и предразсудки своихъ партизановъ. Было-бы очень наивно предполагать, чтобы всякаго рода клеветы и навѣты, которыми осыпаютъ одна другую враждебныя партіи, нарочно выдумывались съ сознательно-злонамѣренною цѣлью. Они возникаютъ первоначально какъ легенды и сказки, подъ вліяніемъ воображенія, разгоряченнаго страстями борьбы, потомъ уже укореняются въ умѣ, какъ ложныя понятія и предразсудки и тогда уже начинаютъ употребляться сознательно и злонамѣренно для взаимнаго подкапыванья. Это явленіе мы видимъ въ исторіи всѣхъ партій религіозныхъ, политическихъ и литературныхъ. Но въ такомъ случаѣ, требуя, чтобы художникъ принималъ живое участіе въ интересахъ жизни, былъ гражданинъ, принадлежащій къ той или другой партіи, можемъ-ли мы разсчитывать, чтобы произведенія его были истинны, чтобы они вѣрно изображали жизнь со всѣми ея треволненіями? Въ такомъ случаѣ не отнимаемъ-ли мы отъ искусства его главное достоинство—служеніе истинѣ, правдѣ, и не дѣлаемъ-ли его орудіемъ партій ради всевозможныхъ инсинуацій и подкапываній? Какъ-же достигнуть того, чтобы поэтъ, будучи партизаномъ, былъ въ то же время поборникомъ истины? Поставить поэта внѣ всякихъ партій и выше ихъ всѣхъ, потребовать, чтобы онъ изучалъ жизнь объективно и безпристрастно? Не значитъ-ли это, чтобы поэтъ былъ какимъ-то кастратомъ безусловной истины, чуждымъ человѣческихъ страстей и сопряженныхъ съ ними увлеченій? Возможно-ли это? Не видимъ-ли мы ежедневно, что проповѣдники безпристрастной истины сами постоянно увлекаются и впадаютъ въ предразсудки, инсинуируя такъ или иначе своихъ противниковъ? Романъ Шпильгагена служитъ прекраснымъ отвѣтомъ на всѣ эти вопросы и представляетъ замѣчательный въ своемъ родѣ счастливый исходъ поэта, раздѣляющаго ложный взглядъ своихъ партизановъ на противниковъ и въ то же время представляющаго въ своемъ романѣ рядъ неопровержимыхъ истинъ. Въ этомъ заключается, повидимому, непроходимое противорѣчіе; но въ этомъ то и состоитъ главный фокусъ романа и фокусъ этотъ раскроется передъ вами, если вы начнете смотрѣть на романъ не съ одной точки зрѣнія, а съ двухъ: посмотрите на романъ съ точки зрѣнія исключительно политической, вы увидите въ романѣ инсинуацію прусскаго прогрессиста, направленную противъ Лассаля; инсинуація эта не есть личная выдумка Шпильгагена: она принадлежитъ всей партіи прогрессистовъ со всѣми ея вѣтвями; отъ нея такъ и вѣетъ духомъ той борьбы, которую велъ Лассаль съ прогрессистами въ послѣдніе годы своей жизни. Но отбросьте политическую точку зрѣнія, забудьте, что существовалъ Лассаль, и представьте себѣ, что Шпильгагенъ ни о чемъ болѣе не думалъ, какъ рѣшить дедуктивнымъ путемъ вопросъ: что произойдетъ съ человѣкомъ, если онъ будетъ дѣйствовать такъ, какъ дѣйствовалъ герой романа Лео. И вы должны будете сознаться, что такой вопросъ рѣшенъ Шпильгагеномъ блистательно и съ этой точки зрѣнія романъ дышетъ несомнѣнною, глубокою истиною. Попробуемъ-же мы посмотрѣть на романъ съ этихъ двухъ точекъ зрѣнія. Этимъ статья моя естественно распадается на двѣ совершенно различныя части. Въ заключеніи-же я намѣренъ высказать нѣсколько соображеній о томъ, какое различіе имѣетъ романъ Шпильгагена, романъ тенденціозный и съ очевидною инсинуаціей, отъ тенденціозныхъ романовъ нашей беллетристики, и какъ увидитъ читатель изъ немногихъ словъ, какою жалкою бѣдностью мысли, какою низменною пошлостью, неряшествомъ, грязью и смрадомъ пробавляемся мы въ нашей убогой жизни.

II.

Для того, чтобы вполнѣ ясно и опредѣленно уяснить читателю политическую тенденцію романа Шпильгагена, я долженъ предварительно сдѣлать краткій очеркъ борьбы политическихъ партій въ Пруссіи, въ послѣдніе годы жизни Лассаля, умершаго въ 1864 г.

Въ Пруссіи существуютъ двѣ враждебныя партіи (мы здѣсь не будемъ говорить о различныхъ оттѣнкахъ и развѣтвленіяхъ партій): партія реакціонная, стремящаяся къ абсолютизму, и партія либеральная-конституціонная. Во главѣ первой стоитъ администрація страны,—и сосредоточіе этой партіи составляетъ старое прусское дворянство; во главѣ второй стоитъ законодательное собраніе,—и сосредоточеніе этой партіи составляетъ буржуазное сословіе страны. Первая имѣетъ значительный перевѣсъ на своей сторонѣ, потому что опирается на прекрасно организованную, побѣдительную армію, при помощи которой можетъ мѣнять конституціи ежедневно, дѣлать какія угодно распоряженія помимо согласія законодательнаго собранія и не ставить въ грошъ представительство страны. Конституціонная же партія не имѣетъ за собой никакой силы. Войско не принадлежитъ ей; въ глазахъ народа буржуазія давно уже успѣла потерять то обаяніе, какое имѣла когда-то, во время оно:—у народа явились свои особенные интересы, не только отличные отъ интересовъ средняго сословія, но и діаметрально противуположные имъ. Конституціонная партія увидѣла себя на воздухѣ. Тогда у нея возникло естественное стремленіе искать опоры въ какой нибудь силѣ, чтобы быть въ состояніи мѣряться съ правительственной партіей. Она увидѣла необходимость воротить, во что бы то ни стало, довѣріе народа и встать во главѣ его.—Но какъ задобрить народъ, начинающій видѣть въ среднемъ сословіи своего перваго врага? Неужели нужно отказаться въ пользу народа отъ всѣхъ привиллегій, всемогущества капитала и эксплоатаціи? Нельзя ли привлечь на свою сторону народъ безъ всякихъ уступокъ, съ сохраненіемъ тѣхъ же самыхъ экономическихъ условій промышленности? Плодомъ такихъ измышленій явилась пропаганда Шульце-Делича. Чѣмъ болѣе вдумываетесь вы въ эту пропаганду, тѣмъ болѣе удивляетъ васъ система ея, поистинѣ іезуитская, хотя, очень можетъ быть, Шульце-Деличъ и не подозрѣвалъ, какой іезуитизмъ скрывается въ его теоріи. Съ одной стороны, пропаганда эта имѣетъ цѣлью подѣйствовать на самолюбіе народа; она старается внушить ему, что стыдно было бы ему, народу, искать себѣ помощи извнѣ, надѣяться на какихъ нибудь благодѣтелей и покровителей, которые, оказавши народу помощь, весьма естественно, сами могутъ сдѣлаться эксплоататорами и деспотами; народъ, чтобы сохранить свою гордость, назависимость и свободу, силою своей собственной энергіи долженъ улучшить свой бытъ, самъ себѣ помочь и ни на кого не надѣяться, какъ только на самого себя. Эта самая помощь представляется въ видѣ Шульце-Делическихъ ассоціацій; а для того, чтобы народъ могъ свободно устраивать эти ассоціаціи, очевидно, онъ долженъ стоять за сохраненіе конституціи страны и дѣйствовать за одно съ конституціонною партіею, которая такъ заботится о доставленіи народу свободы помогать самому себѣ. Партія прогрессистовъ ухватилась за теорію Шульце-Делича, какъ за якорь спасенія, и начала всѣми силами способствовать развитію и распространенію этой теоріи въ народѣ, въ надеждѣ сдѣлаться посредствомъ нея вождемъ народа.

Все шло сначала, какъ по маслу: заводились общества потребительныя, кредитныя, инвалидныя, сырыхъ матеріаловъ; пропаганда расширялась.—Какъ вдругъ у прогрессистовъ явился цѣлый рядъ новыхъ враговъ съ Лассалемъ во главѣ,—и завязалась ожесточенная борьба.—Съ неукротимою энергіею началъ распутывать Лассаль всѣ нити этой хитросплетенной интриги. Въ своихъ политическихъ рѣчахъ, а впослѣдствіи въ цѣломъ сочиненіи, онъ доказалъ всю несостоятельность теоріи Шульце-Делича и невозможность посредствомъ нея улучшить бытъ народа. Съ другой стороны, въ 1862 г. онъ сказалъ двѣ рѣчи передъ избирателями; въ первой рѣчи (Ueber Verfassungswesen), онъ показалъ всю ничтожность прусской конституціи, которая существуетъ только на бумагѣ и не имѣетъ никакой силы въ дѣйствительности. Доказательства свои въ этихъ рѣчахъ онъ утвердилъ на томъ основаніи, что повсюду въ прежнія времена и въ нынѣшнія—не право, написанное на бумагѣ, было источникомъ силы, а напротивъ того, сила рождала право, и постоянно право было на сторонѣ силы, а если оно не опиралось ни на какую силу, то было мертвою буквою, листомъ бумаги,—и не имѣло никакого значенія въ жизни.

Рѣчи Лассаля были перчаткою, брошенною въ лагерь конституціонистовъ. Тогда то посыпались инсинуаціи всякаго рода, посредствомъ которыхъ конституціоналисты старались очернить Лассаля, съ одной стороны, въ глазахъ правительства, съ другой въ глазахъ народа. Съ одной стороны, реакціонеры и умѣренные либералы обвиняли Лассаля, какъ отчаяннаго соціалиста, коммуниста, революціонера, проповѣдующаго разрушительныя теоріи, имѣющія цѣлью низвергнуть всякій порядокъ. Такого рода инсинуаціи нашептывались, конечно, въ уши администраціи и вовлекли Лассаля въ цѣлый рядъ уголовныхъ процессовъ. Инсинуаціи такого рода не входятъ въ предметъ моей статьи, потому что романъ Шпильгагена совершенно безгрѣшенъ въ нихъ. Рядомъ съ этими наговорами распукались изъ лагеря лѣваго крыла прогрессистовъ инсинуаціи совершенно противуположнаго свойства. Послѣ того какъ Лассаль во второй своей рѣчи Was nun—назвалъ прогрессистовъ малодушными лгунами, друзьями реакціонеровъ, помогающими имъ обманывать народъ, прогрессисты направили на него его же орудіе, т. е. начали распускать противъ него слухи, что онъ-то, именно, и есть приверженецъ реакціи. Его положеніе: „сила рождаетъ право" перетолковали такимъ образомъ, что будто онъ въ своей рѣчи хотѣлъ доказать, что сила должна имѣть преимущество передъ правомъ. Въ своей брошюрѣ „Macht und Recht" Лассаль опровергаетъ всѣ эти инсинуаціи. Онъ говоритъ, между прочимъ: „извѣстно, что изъ Volkszeitung вышло ложное пониманіе, будто я, въ рѣчи своей о конституціи провелъ ту мысль, что сила должна имѣть

преимущество передъ правомъ; а многія слабыя и неразвитыя головы въ публикѣ подхватили эту геніальную выдумку и, по обыкновенію своему, вывели изъ нея сейчасъ же мнѣніе, что будто Бисмаркъ мой ученикъ". Далѣе, въ этой брошюрѣ Лассаль доказываетъ, что рѣчь его имѣетъ характеръ вовсе не этическій, а историческій, т. е. онъ не думалъ учить людей, что должно быть, а показывалъ только, что есть и было. Онъ вовсе не думалъ проводить ту мысль, что сила должна имѣть преимущество передъ правомъ, а только показывалъ, что сила всегда обусловливала собою право, и если Бисмаркъ осуществляетъ на дѣлѣ это положеніе, то не потому, чтобы онъ извлекъ свой образъ дѣйствія изъ рѣчи Лассаля, а напротивъ того, рѣчь Лассаля, между прочими доказательствами своего положенія, опирается на дѣйствіяхъ Бисмарка. Всѣ эти объясненія не имѣли никакого вѣса въ глазахъ противниковъ. Но самымъ широкимъ поприщемъ для подорванія кредита Лассаля въ глазахъ народа и представленія его приверженцемъ правительственной власти—была теорія его, которую выставилъ онъ противъ теоріи Шульце-Делича, какъ единственно способную улучшить быть народа. Въ противуположность самопомощи Шульце-Делича, Лассаль началъ доказывать въ своихъ рѣчахъ передъ рабочими, что они не въ силахъ помочь себѣ сами, а что единственная возможность улучшить имъ бытъ свой,—это искать помощи извнѣ, требовать ее отъ государства. Но не въ одной этой фразѣ заключалась теорія Лассаля. Фраза эта сама по себѣ темна и неопредѣленна, и можетъ быть источникомъ различныхъ толкованій. Вслѣдъ за этой фразой сейчасъ же представляется цѣлый рядъ вопросовъ: какъ можетъ помочь государство рабочему вопросу и каково должно быть государство, способное оказать дѣйствительную помощь?

Въ своихъ политическихъ рѣчахъ Лассаль такъ ясно и опредѣленно рѣшаетъ всѣ эти вопросы, что не подаетъ и тѣни сомнѣнія въ его цѣляхъ, не подаетъ ни малѣйшаго повода заподозрить его въ какихъ либо заднихъ мысляхъ. Прочтите, напримѣръ, его рѣчь: „Объ особенной связи современнаго историческаго періода съ идеей рабочаго сословія" (переведенную на русскій языкъ въ „Совр." 1865 г.), а еще лучше „Отвѣтное письмо центральному комитету". Въ послѣднемъ вы увидите систему Лассаля во всѣхъ ея существенныхъ пунктахъ. Отвергая теорію Шульце-Делича, взамѣнъ ея, онъ предлагаетъ устраивать рабочія ассоціаціи посредствомъ выпуска акцій подъ гарантіей правительства, подобно тому, какъ правительство гарантируетъ акціи желѣзныхъ дорогъ. „Государство, говоритъ онъ, не будетъ играть при этомъ никакой диктаторской роли; ему будетъ принадлежать только разрѣшеніе и утвержденіе устава ассоціацій, и для сохраненія своихъ интересовъ, надлежащій контроль за правильнымъ веденіемъ производства! Но каково должно быть государство для того, чтобы этотъ контроль не перешелъ въ диктаторство со всѣми возможными стѣсненіями? Можетъ ли быть такимъ государствомъ буржуазное представительство, при которомъ политическія права принадлежатъ только $3^{3}/_{4}$% населенія Пруссіи, по вычисленіямъ Лассаля, а $96^{1}/_{4}$% населенія лишены всякихъ политическихъ правъ? Очевидно, что такое государство всегда будетъ гарантировать только предпріятія крупныхъ капиталистовъ, какъ оно это и дѣлаетъ. Построить свое зданіе на военной диктатурѣ Бисмарка не могъ и думать Лассаль, потому что возможенъ-ли при этихъ условіяхъ какой либо правильный контроль безъ того, чтобы онъ не превратился въ произволъ и насиліе? Прямой и логическій выводъ изъ всей теоріи Лассаля есть тотъ, что государство, гарантирующее и контролирующее производство рабочихъ классовъ, должно быть такое, въ которомъ вся сила должна находиться въ рукахъ самаго рабочаго класса, 4-го сословія, какъ называетъ Лассаль этотъ классъ. Лассаль, приравнивая при этомъ свою теорію къ теоріи Шульца-Делича, говоритъ, что его теорія есть таже самопомощь, но эта самопомощь является здѣсь не въ видѣ мелочныхъ и безплодныхъ коопераций, а въ видѣ колоссальной ассоціаціи рабочихъ, называемой государствомъ,—ассоціаціи рабочихъ, самостоятельно самимъ себѣ помогающихъ и устраивающихъ свое благосостояніе. При какихъ условіяхъ возможно допустить вмѣшательство государства, спрашиваетъ Лассаль далѣе, и отвѣчаетъ на это немедленно: „Изъ всего, что я сказалъ, какъ нельзя болѣе ясно стоитъ отвѣтъ передъ всѣми вами: это возможно только при условіи всеобщей и прямой подачи голосовъ. Когда законодательное собраніе Германіи будетъ исходить изъ всеобщей и прямой подачи голосовъ, тогда, и только тогда вы можете разсчитывать, что государство будетъ въ состояніи исполнить эту обязанность". Далѣе Лассаль входитъ въ область практической политики и задаетъ вопросъ: какъ-же достигнуть всеобщей и прямой подачи голосовъ? Для рѣшенія этого вопроса, онъ приводитъ примѣръ изъ англійской исторіи: „посмотрите на Англію, говоритъ онъ:—болѣе чѣмъ пять лѣтъ продолжалась великая агитація англійскаго народа противъ хлѣбныхъ законовъ. И законы должны были, наконецъ, пасть, и были они уничтожены даже торійскимъ министерствомъ". Изъ этого примѣра онъ выводитъ то соображеніе, что рабочее сословіе, для достиженія своихъ цѣлей, т. е. всеобщей подачи голосовъ, должно соединиться въ одну обширную, хорошо организованную и сконцентрированную партію и не переставать агитировать до тѣхъ поръ, пока желаніе рабочаго класса не будетъ исполнено; и Лассаль убѣжденъ, что подобная партія будетъ имѣть такую силу, что никакое сопротивленіе ея желаніямъ будетъ невозможно. „Практическая мудрость всякаго успѣха состоитъ въ томъ, говоритъ онъ въ заключеніе рѣчи, чтобы всѣ силы были каждую минуту устремлены къ одной точкѣ, къ важнѣйшей точкѣ—сосредоточиваться и не смотрѣть ни направо, ни налѣво. Не смотрите ни направо, ни налѣво, и будьте глухи ко всему, что не касается всеобщей подачи голосовъ, что не имѣетъ какого-либо съ нею соотношенія, или не ведетъ къ ней". Въ этомъ заключалась вся теорія Лассаля; вся практическая дѣятельность его клонилась къ той цѣли, чтобы соединить разрозненныя силы рабочаго сословія въ одну организованную, могучую партію, которая стремилась бы къ политическому преобладанію въ государствѣ подобно тому, какъ каждая партія стремится къ этому. Понятно, что, преслѣдуя такую цѣль, сдѣлавшись пре-

зидентомъ „союза рабочихъ“, устроеннаго имъ согласно своей теоріи, Лассаль не только не могъ быть сообщникомъ реакціонеровъ, какъ думали радикалы, напротивъ того, реакціонеры смотрѣли на него, какъ на злѣйшаго и опаснѣйшаго врага. Преслѣдуемый цѣлымъ рядомъ политически-уголовныхъ процессовъ, Лассаль въ послѣдній годъ своей жизни видѣлъ одинъ выходъ, чтобы избѣгнуть окончательной гибели отъ преслѣдованій со стороны администраціи,—удалиться изъ Пруссіи и поселиться въ Швейцаріи, гдѣ онъ и встрѣтилъ смерть на дуэли съ Раковицемъ. Казалось-бы, не ясно-ли и не вразумительно-ли свидѣтельствуетъ каждая строчка сочиненій Лассаля, къ чему стремился этотъ человѣкъ, а съ другой стороны, вся жизнь и дѣятельность Лассаля—не показываютъ ли столь-же ясно, какъ энергично и послѣдовательно онъ старался приводить въ исполненіе свою теорію, безъ малѣйшихъ отступленій отъ нея въ какую-либо сторону. Но такова была узкость взглядовъ враговъ прогрессивной партіи, что они не переставали заподозривать его въ сообщничествѣ съ реакціонерами до самой его смерти. Имъ постоянно казалось, что, проповѣдуя вмѣшательство государства въ рѣшеніе вопроса о рабочемъ классѣ, Лассаль подъ государствомъ разумѣетъ ничто иное, какъ современное ему полуфеодальное, полубуржуазное прусское королевство съ Бисмаркомъ во главѣ, и что будто Лассаль мечтаетъ рѣшать рабочій вопросъ посредствомъ диктатуры Бисмарка, и прусскіе прогрессисты съ ослинымъ упрямствомъ стояли на этомъ подозрѣніи. Страннѣе всего то, что къ лагерю прогрессистовъ принадлежитъ много людей образованныхъ, съ обширными знаніями и неутомимымъ умомъ:—только крайнимъ партійнымъ увлеченіемъ можно объяснить странное ослѣпленіе подобныхъ людей, которые читали брошюры Лассаля и не понимали ихъ, присутствовали на его процессахъ и все-таки продолжали твердить свое. Впрочемъ, самые умнѣйшіе изъ прогрессистовъ были, повидимому, чужды подобныхъ подозрѣній; они понимали теорію Лассаля и возражали ему слѣдующимъ образомъ: всеобщая подача голосовъ, говорили они, при низкомъ уровнѣ образованія въ массахъ, ни къ чему не можетъ повести, какъ къ анархіи, которая должна кончиться ничѣмъ инымъ, какъ военною диктатурою, вродѣ Наполеоновской. Поэтому, продолжали они, всеобщая подача голосовъ есть ненужный обходъ, а для болѣе скорѣйшаго и прямаго пути Лассаля прямо слѣдуетъ начать съ военной диктатуры. Масса прогрессистовъ подхватывала эти слова и перетолковывала ихъ по своему, предполагая, что Лассаль и дѣйствительно не прочь отъ рѣшенія рабочаго вопроса посредствомъ военной диктатуры. Къ этому присоединилось еще одно обстоятельство, которое еще болѣе утвердило прогрессистовъ умѣренной и радикальной партій въ ихъ предположеніи. Борьба, которую вели прогрессисты съ Лассалемъ, не могла не произвести сильнаго впечатлѣнія на министерство. Правительство познало, что здѣсь дѣло идетъ о колоссальной силѣ, которую прогрессисты хотятъ взять въ свои руки для борьбы съ министерствомъ, а Лассаль хочетъ эту силу организовать самостоятельно и направить ее и на прогрессистовъ, и на министерство. Самымъ простымъ и практическимъ разсчетомъ Бисмарка было встать самому во главѣ этой силы, объявить себя другомъ рабочихъ и провести нѣсколько ничтожныхъ законовъ въ пользу рабочаго сословія, которые, въ сущности, положенія рабочаго сословія нисколько не измѣнили-бы, но могли-бы остановить на время движеніе и надолго успокоить умы рабочихъ. Для этой политики Бисмарку вовсе не нужно было прибѣгать къ теоріи Лассаля, къ его сочиненіямъ или личнымъ совѣтамъ. Передъ его глазами былъ совѣтчикъ, который успѣлъ уже блистательнымъ образомъ на практикѣ осуществить эту политику, и притомъ совѣтчикъ, къ которому Бисмаркъ питалъ, по всей вѣроятности, болѣе уваженія, чѣмъ къ какому-то темному жиду, уличному агитатору. Этотъ совѣтчикъ былъ Наполеонъ III, императоръ блузниковъ, успокоившій ихъ умы доставленіемъ имъ общественныхъ работъ вродѣ передѣлки Парижа или періодическими войнами. Очевидно, что если Бисмаркъ вздумалъ вступить въ союзъ съ рабочимъ вопросомъ, то ужь никакъ не Лассалю онъ этимъ обязанъ, а именно тому, съ кого стараются брать примѣръ многія правительства Европы. Но прусскіе прогрессисты твердо стояли на томъ, что Бисмаркъ дѣйствуетъ по внушеніямъ Лассаля и что лассалевскій принципъ вмѣшательства государства и вмѣшательство Бисмарка въ рабочій вопросъ — двѣ вещи тождественныя. Теперь мы посмотримъ, какъ Шпильгагенъ провелъ въ своемъ романѣ эту политическую инсинуацію прогрессистовъ, съ цѣлію показать несостоятельность лассалевскаго принципа вмѣшательства государства.

III.

Судя по характеру и основной мысли романа, Шпильгагенъ принадлежитъ къ лѣвой партіи прусскихъ прогрессистовъ; онъ вовсе не раздѣляетъ съ умѣренными прогрессистами ихъ буржуазнаго міровоззрѣнія, выражающагося въ пресловутой фразѣ: laissez faire, laissez passer, не сочувствуетъ тѣмъ постыднымъ сдѣлкамъ и компромиссамъ, въ которые умѣренные прогрессисты постоянно входятъ съ реакціонерами; онъ понимаетъ очень хорошо, что будущее принадлежитъ рабочимъ массамъ, народу, но въ то же время раздѣляетъ со всѣми прогрессистами предубѣжденіе противъ Лассаля. Основная мысль романа, на которую намекаетъ самое заглавіе его—In Reih'und Glied (въ ряды, въ шеренги), вполнѣ ясно и опредѣленно выражена въ слѣдующей тирадѣ одного изъ героевъ романа—Вальтера:

«Если меня не обманываютъ всѣ знаменія нынѣшняго времени, прошла эпоха героизма, прошла та пора, когда герои одни подвизались на аренѣ въ своихъ бранныхъ колесницахъ, а сзади нихъ бездѣйственно тѣснилась и кричала пустоголовая, безсердечная толпа. Очевидно, трудно избранной натурѣ гнуться подъ всеобщій законъ или отступать передъ ошибкою, потому она одна сосредоточиваетъ въ себѣ все. Но это заблужденіе. Браннымъ крикомъ нынѣшняго времени не есть уже фраза «одинъ для всѣхъ», но наоборотъ, «всѣ для одного». Эта великая демократическая мысль родилась, конечно, вмѣстѣ съ человѣчествомъ, но первое справедливое освѣщеніе она получила во времена христіанства; потомъ она снова, повидимому, умерла, и въ нынѣшнее время

воскресла изъ пепла среднихъ вѣковъ, обновленная, какъ фениксъ, для того, чтобы болѣе никогда не умирать. Да и какъ-бы могло исчезнуть то, что живетъ во многихъ головахъ и сердцахъ, что многіе воспринимаютъ съ молокомъ матери. Повѣрь мнѣ, Лео, что разъ произнесены слова любви къ человѣчеству страждущему и униженному, отдѣльный человѣкъ долженъ быть освобожденъ, вслѣдствіе этого кроткаго закона, отъ своего страданія, отъ своего бремени. Никто не долженъ гнуться подъ бременемъ креста, никакой Децій Мусъ не долженъ метать копья далеко въ непріятеля и, преслѣдуя смѣлую цѣль, находить геройскую смерть. Нѣтъ, нѣтъ, Лео, и еще разъ нѣтъ! Мы знаемъ теперь, что во всѣхъ странахъ есть хорошіе люди и эти хорошіе люди составляютъ одну великую армію; отдѣльный человѣкъ теперь ничего болѣе, какъ солдатъ въ шеренгѣ. Держаться вправо или влѣво, маршировать въ тактъ, а когда скомандуютъ въ аттаку, кричать ура полною грудью и бросаться на непріятеля,—въ этомъ заключается его честь, потому что въ этомъ его сила. Какъ отдѣльный человѣкъ, онъ ничто, какъ членъ общаго, онъ непобѣдимъ; отдѣльнаго человѣка пуля повергаетъ въ прахъ, но шеренга смыкается надъ нимъ и колонна все та же, что и была. Обрати, Лео, вниманіе на то, что сила дисциплины заключается въ томъ, что никто, кто-бы онъ ни былъ, не имѣетъ права отдѣляться; ибо, какъ-бы кто ни былъ силенъ, въ шеренгѣ и рядахъ онъ еще сильнѣе, и будь онъ слабъ, онъ, все-таки, восполняетъ собою мѣсто въ ряду».

Высказывая эту мысль въ словахъ одного изъ героевъ романа, Шпильгагенъ развиваетъ ее во всемъ романѣ—въ судьбѣ главнаго героя романа Лео Гутмана, въ которомъ изъ подъ сына бѣднаго тухгеймскаго крестьянина ясно просвѣчиваетъ героическая, геніальная, страстная и эффектная личность Лассаля. Лео получилъ первоначальное воспитаніе въ имѣніи тухгеймскаго барона, у пастора Урбана, вмѣстѣ съ своимъ двоюроднымъ братомъ Вальтеромъ, сыномъ лѣсничаго Гутмана, и Генри, сыномъ барона. Успѣвши ожесточиться въ самыхъ раннихъ лѣтахъ подъ гнетомъ нужды и побоевъ нищаго отца, оставшись послѣ него сиротою, Лео не сошелся съ мягкодушными, тепленькими своими родственниками, дядею, теткою и двоюроднымъ братомъ Вальтеромъ; онъ чуждался и презиралъ ихъ въ душѣ, а съ кузиною Сильвіей соперничалъ и ссорился. Сосредоточенный въ себѣ, вѣчно угрюмый и молчаливый, мальчикъ проникся тѣмъ религіознымъ энтузіазмомъ, который переживаютъ въ своемъ дѣтствѣ всѣ сильные люди, выходящіе изъ народа. Этотъ религіозный энтузіазмъ разрѣшился мучительнымъ скептицизмомъ, въ чемъ очень помогъ мальчику пасторъ Урбанъ со своимъ циническимъ отношеніемъ къ религіи, видящій въ ней, по обыкновенію, ничего болѣе, какъ узду для необразованнаго народа и выгодное для себя средство къ возвышенію. Изъ этого скептицизма вывелъ Лео учитель естественныхъ наукъ при докторѣ Урбанѣ—Туски. Въ лицѣ Туски изображена личность сильная, энергическая, ожесточенная, фанатически преслѣдующая свою цѣль,—освобожденіе народа изъ подъ феодальнаго и буржуазнаго ига. Для достиженія своей цѣли Туски не видитъ никакого инаго средства, какъ постоянное возбужденіе народа къ возстанію и насильственному перевороту. Это типъ западнаго революціонера 1848 года. Производя во время общаго революціоннаго движенія страны возстаніе тухгеймскихъ крестьянъ противъ барона, онъ увлекаетъ Лео на свою дорогу и потомъ, когда возстаніе было подавлено, бѣжитъ съ нимъ изъ отечества. Проходитъ послѣ того много лѣтъ. Порядокъ страны измѣняется; мѣсто феодальнаго духа замѣняетъ буржуазный. Тухгеймскій баронъ не живетъ уже въ своемъ имѣніи, среди своихъ вассаловъ, онъ переселяется съ семействомъ въ столицу, вступаетъ въ родственный и промышленный союзъ съ богатымъ банкиромъ евреемъ фонъ-Зонненштейномъ; банкиръ строитъ въ его имѣніяхъ фабрики и предаетъ тухгеймскихъ поселянъ всей тяжести новой промышленной эксплуатаціи. Сынъ тухгеймскаго лѣсничаго, Вальтеръ, дѣлается либеральнымъ педагогомъ, писателемъ либеральныхъ романовъ и сентиментальнымъ вздыхателемъ баронессы Амеліи, дочери тухгеймскаго барона. Тогда на сцену выступаетъ снова Лео. Но это уже не тотъ мрачный, дикій, сосредоточенный мальчикъ, исполненный озлобленія и энтузіазма, какимъ является Лео въ первыхъ книгахъ романа. Года страннической жизни въ рядахъ партіи Туски, а съ другой стороны года усидчивыхъ ученыхъ занятій—развили богатыя способности Лео, и вотъ является передъ вами молодой человѣкъ, блестящій умомъ, знаніями, краснорѣчіемъ, усвоившій въ то же время вполнѣ свѣтскій лоскъ, чарующій и привлекающій къ себѣ все окружающее. Разочаровавшись въ неорганизованномъ, дикомъ и безплодномъ агитаторствѣ Туски, Лео является въ столицу, чтобы дѣйствовать инымъ путемъ, организовать силу, которую онъ могъ-бы направить къ осуществленію цѣли, составлявшей всю сущность его жизни, къ улучшенію быта рабочаго сословія. Такимъ образомъ онъ выдѣляется изъ рядовъ своей партіи и предпринимаетъ гигантскій подвигъ, думая одинъ на своей шеѣ вынести рабочій вопросъ. Мы видимъ уже изъ вышеприведенной тирады, какъ отнесся къ такому предпріятію юный другъ Лассаля, Вальтеръ. Такого-же рода предостереженіе сдѣлалъ Лео и Туски въ своемъ письмѣ, которое мы выписываемъ:

«Если бы кто другой отважился на это, закричали бы тотчасъ объ измѣнѣ. Ты больше смѣешь, потому что больше можешь. Однако, возлюбленный моей души, уже давно миновали года менторства, но позволь мнѣ сегодня высказать тебѣ одно теплое слово: подумай, обсуди еще разъ, что ты дѣлаешь? Ты утверждаешь, что мы съ нашими неорганизованными силами не можемъ сойти съ мѣста, что ты увлечешь впередъ дисциплинированную массу, какою представляется либеральная партія нашей страны, какъ бы ни была она тяжеловѣсна и узколоба; что слѣдуетъ сдѣлать, по крайней мѣрѣ, попытку, нельзя ли эту силу привести въ движеніе, вдохнуть въ нее духъ и втянуть ее въ коалицію съ рабочимъ классомъ. Для этой цѣли, очевидно, необходимо, чтобы ты самъ превратился на время въ буржуа, потому что они станутъ слушать только человѣка, стоящаго въ одномъ съ ними рангѣ:—дѣйствительно или повидимому, но къ каждому другому человѣку они почувствуютъ заранѣе предубѣжденіе. Таковъ или почти таковъ твой планъ. Прекрасный планъ, если бы онъ былъ исполнимъ! Но исполнимъ ли онъ? Я скажу нѣтъ и тысячу разъ нѣтъ. Съ такими людьми мы не покоримъ Ханаана, въ который стремимся. Они должны погибнуть въ пустынѣ. И никто не можетъ отвратить ихъ судьбы, даже хотя бы и ты, въ этомъ убѣдишься, а можетъ быть уже и убѣдился.

«Все это, такимъ образомъ, могло бы быть въ лучшемъ случаѣ ничѣмъ инымъ, какъ неудачнымъ опытомъ, хотя, во всякомъ случаѣ, жалко было бы драгоцѣннаго времени, потеряннаго на этотъ неудачный опытъ.

«Но если люди разъ приступаютъ къ опытамъ, не легко имъ отстать. И тебѣ это можетъ обойтись не однимъ опытомъ. Развѣ не можетъ прійдти тебѣ въ голову,—не сердись, Лео, и выслушай хладнокровно,—сдѣлать новый опытъ надъ королевскою властью? Этотъ опытъ былъ бы не хуже перваго, если бы не былъ опаснѣе. Онъ будетъ продолжаться долѣе перваго, потому что ты найдешь здѣсь то, что ты постоянно предпочитаешь всему—силу, которую ты пожелаешь направить къ твоей цѣли. Изъ этого заблужденія тоже можно возвратиться,—но какъ далекъ, какъ далекъ будетъ въ этомъ случаѣ обходъ! Оставайся же на прямой дорогѣ, Лео! на той дорогѣ, по которой ступали твои ноги въ ту ночь, когда мы повернулись спинами къ нашей родинѣ, а пламя нашихъ домовъ освѣщало сзади тропу, по которой мы должны были идти! Между нами и ими нѣтъ никакого союза! Мы должны быть самимъ собою или мы ничто. Наша сила лежитъ въ полномъ отреченіи отъ всѣхъ предразсудковъ, которые связываютъ людей въ мысляхъ и дѣлахъ. Въ этомъ заключается архимедова твердая точка, утвердившись въ которой мы можемъ перевернуть весь міръ. Лео, Лео, не лишай себя этой вѣры! Но чего я хочу однако! Куда влечетъ меня моя забота о тебѣ? Можетъ быть ты въ эту минуту смѣешься надо мной! Смѣйся, я этого, конечно, заслужилъ».

Въ этомъ письмѣ вы видите ту-же мысль, которая выражена въ тирадѣ Вальтера, и, въ тоже время, въ немъ заключается довольно ясный намекъ на Лассаля съ его теоріею силы, какъ необходимаго источника всякаго дѣйствія и права. Подобно тому, какъ Лассаль сначала хотѣлъ дѣйствовать вмѣстѣ съ либеральной партіей и во главѣ ея, а потомъ у него произошелъ съ нею разрывъ, такъ и Лео сначала стремился дѣйствовать на либераловъ. Либералы намѣревались вступить въ союзъ съ молодымъ принцемъ, будущимъ королемъ, предполагая найти въ немъ приверженца ихъ стремленій; но Лео удалось перехватить письмо принца, въ которомъ послѣдній смѣялся надъ либералами и высказывалъ совершенно иныя стремленія. Лео напечаталъ это письмо, думая этимъ отвратить либераловъ отъ принца и побудить ихъ, въ виду предстоящей реакціи, заключить союзъ съ рабочими. Но это ему не удалось; либералы остались со своими громкими либеральными фразами, радужными надеждами на мирный прогрессъ подъ сѣнію феодализма и съ своими симпатіями болѣе къ верхамъ, чѣмъ къ низамъ. Тогда Лео, отчаявшись въ либералахъ, обратился къ своей второй попыткѣ, о которой предсказывалъ ему Туски—къ попыткѣ рѣшить рабочій вопросъ посредствомъ королевской власти, пріобрѣтя личное вліяніе на короля. Съ этой половины романа и начинается та инсинуація на личность Лассаля, о которой мы говорили выше. Передъ депутаціею рабочихъ, пришедшею изъ Тухгейма жаловаться на притѣсненія Зонненштейна, Лео высказалъ впервые ту мысль, что единственную помощь могутъ рабочіе ожидать только отъ королевской власти, что королевская власть, очевидно, должна искать опоры и союза въ рабочихъ классахъ, такъ какъ и у королевской власти, и у рабочихъ, одинъ общій врагъ—среднее сословіе. Убѣждая рабочихъ искать опоры въ королевской власти, Лео въ то же время добился аудіенціи у короля посредствомъ старой сводни, тетушки Сарры, и красоты своей кузины Сильвіи, увлеченной Лео къ его цѣли и дѣйствовавшей за одно съ нимъ. Въ аудіенціяхъ передъ королемъ Лео началъ развивать ту-же мысль, что и передъ рабочими,—т. е., что народъ съ самой отдаленной глубины среднихъ вѣковъ и до нынѣшняго времени не переставалъ видѣть въ короляхъ, дарованныхъ небомъ, естественныхъ защитниковъ своихъ, и король, если онъ хочетъ исполнить свое призваніе, оправдать упованіе народа и быть великимъ королемъ, долженъ сдѣлаться дѣйствительнымъ другомъ рабочихъ и улучшить ихъ участь. Какое же впечатлѣніе производили эти рѣчи на короля? „Король остался очень доволенъ послѣднею фразою, говоритъ въ одномъ мѣстѣ своего романа Шпильгагенъ: ему нравился разговоръ болѣе всего тѣмъ, что съ обѣихъ сторонъ была одинаковая ловкость и находчивость взаимныхъ возраженій; онъ сравнивалъ эту бесѣду съ дуэтомъ на віолончеляхъ, который наканунѣ онъ слушалъ въ замкѣ королевы, и ждалъ съ любопытствомъ, что отвѣтитъ ему Лео“. А въ другомъ мѣстѣ, въ самую рѣшительную минуту, когда Лео предложилъ королю распустить министерство, составить новое, по его указанію, и начать дѣйствовать радикально, когда Лео привелъ короля въ энтузіазмъ и король обѣщался ему передъ началомъ великаго дѣла три дня никого не видѣть и поститься,—едва Лео вышелъ за дверь, какъ произошла слѣдующая сцена:

«Король тотчасъ же пересталъ плакать. Глаза его устремились на дверь, изъ которой вышелъ Лео. «Это великій человѣкъ, прошепталъ онъ, но отъ великаго до смѣшнаго одинъ шагъ». Онъ снова бросился въ кресло. «Я долженъ былъ бы отказаться также отъ хорошенькой дѣвушки; она была вчера прекраснѣе, чѣмъ когда бы то ни было, хотя была очень блѣдна. Она несчастна,—несчастна черезъ него. Кто же можетъ сдѣлать ее счастливою?...» По лицу короля быстро пробѣжала краска. Онъ смотрѣлъ внизъ такъ пристально, что глаза его выступили изъ орбитъ. Черты лица его преисполнились грустью. Потомъ онъ вдругъ вздрогнулъ, внѣ себя ударилъ по ручкамъ креселъ обѣими руками и вскочилъ. Доротея хочетъ видѣть ее, хочетъ знать, какова она. Она все еще думаетъ, что я пренебрегаю ею ради другой!... А еще тутъ это! Это невозможно, невозможно! Онъ сильно позвонилъ.

— Когда министръ Гей придетъ, тотчасъ же приведите его ко мнѣ. Тотчасъ же, слышите?»

Здѣсь мы подходимъ къ ахиллесовой пяткѣ романа: Шпильгагенъ выставляетъ своего героя повсюду человѣкомъ геніальной проницательности, глубокимъ знатокомъ человѣческаго сердца,—какъ-же этотъ человѣкъ не могъ понять и разгадать, какое впечатлѣніе производятъ на короля его рѣчи, какъ смотритъ на него король и можно-ли что нибудь сдѣлать посредствомъ него? А съ другой стороны, какъ-же это Лео, какъ порядочный медикъ, не обратилъ вниманія, что здоровье короля разстроено до послѣдней крайности, что не сегодня завтра онъ можетъ погибнуть отъ своей болѣзни, а послѣ него вступитъ на престолъ принцъ, заклятый врагъ Лео послѣ обнародованія послѣднимъ его письма? Какъ согласить всѣ эти противорѣчія? — геніальный чародѣй производитъ на всѣхъ неотразимое обаяніе, человѣкъ съ обширными знаніями взвѣшиваетъ судьбы міра съ мудростью

глубокомысленнаго и дальнозоркаго политика и, въ то же время, дѣйствуетъ съ опрометчивостью мальчика? Человѣкъ, предпринявшій колосальное дѣло, очень хорошо знаетъ, что это дѣло вѣковъ, что онъ кладетъ ему только фундаментъ—и вдругъ этотъ фундаментъ является въ видѣ больного короля, смотрящаго въ могилу. Вотъ до чего можетъ дописаться романистъ, если онъ вмѣсто того, чтобы изображать дѣйствительность, какъ она есть, искажаетъ ее и выдумываетъ подъ вліяніемъ духа партій. Чѣмъ далѣе читаете вы, тѣмъ глупѣе и глупѣе представляется вамъ тотъ-же самый Лео, который въ первой части романа рисуется передъ вами человѣкомъ геніальнаго ума.—Шпильгагенъ забываетъ, что если великіе умы заблуждаются и дѣлаютъ промахи, доводящіе ихъ нерѣдко до гибели, то промахи и ошибки эти, все-таки, бываютъ запечатлены такою печатью генія, что человѣчеству гораздо легче бываетъ сойти съ вѣрнаго пути, начертаннаго геніемъ, чѣмъ сознать ошибки его и избавиться отъ нихъ. Лео же дѣйствуетъ съ такою непроходимою и очевидною глупостью и опрометчивостью ребенка, что подъ конецъ романа васъ на каждой страницѣ разбираетъ хохотъ; вы могли-бы, пожалуй, помириться съ этимъ хохотомъ, если-бы передъ вами была каррикатура, исполненная неподдѣльнаго юмора, какимъ, напримѣръ, обладаетъ Диккенсъ, а то нѣтъ: юмору нѣтъ у Шпильгагена ни капли, и не каррикатурою думаетъ онъ позабавить васъ; а напротивъ того, онъ входитъ въ трагическій пафосъ и старается изобразить передъ вами генія, идущаго по ложной дорогѣ, титана погибающаго подъ обломками своего дѣла; выходитъ-же у него шутъ, — который начинаетъ свое дѣло тѣмъ, что на королевскія деньги покупаетъ фабрику у Зонненштейна и заводитъ ассоціацію рабочихъ. Нужно-ли говорить, что заведеніе подобной ассоціаціи Лео не можетъ быть даже названо пародіей на дѣятельность Лассаля, потому что діаметрально противорѣчитъ всей его дѣятельности: Лассаль не только не заводилъ никакихъ подобныхъ ассоціацій, напротивъ того, онъ только и дѣлалъ, что доказывалъ невозможность существованія ихъ среди буржуазнаго государства, полную безполезность всякихъ отдѣльныхъ попытокъ въ такомъ родѣ, потому что отдѣльная ассоціація не въ силахъ выдержать никакой конкурренціи съ буржуазіею, на сторонѣ которой въ Пруссіи и капиталы, и сила, и законы, и власть; на этомъ то, именно, основаніи и полагалъ Лассаль, что рабочій вопросъ не можетъ быть рѣшенъ иначе, какъ путемъ всеобщей реформы, законодательнымъ порядкомъ. Это, именно, и подразумѣвалъ Лассаль подъ вмѣшательствомъ государства, а вовсе не заведеніе отдѣльныхъ ассоціацій на королевскія деньги, какъ это производитъ въ романѣ Шпильгагена Лео. Но этого еще мало, что Лео глупитъ такимъ невообразимымъ образомъ; когда ассоціація тухгеймскихъ рабочихъ естественно падаетъ, не въ силахъ будучи выдержать конкурренцію, рабочіе ссорятся между собою, Лео доходитъ до такого крайняго умопомраченія, что возлагаетъ дѣло соціализма уже не на руки короля, а на руки ростовщика, т. е. закладываетъ ростовщику виллу, подаренную ему королемъ, и на послѣдніе гроши думаетъ возстановить дѣло соціализма. Какъ еще не пришло ему въ голову заложить ростовщику самую фабрику со всѣми ея рабочими? Да этого мало еще, что онъ думаетъ возстановить падающую фабрику ничтожною суммою, вырученною изъ залога виллы: изъ этой суммы значительную долю онъ выдѣляетъ и даетъ въ долгъ придворному генералу, на дочери котораго онъ желаетъ жениться для пріобрѣтенія вѣсу въ высшихъ сферахъ, и чтобы у него въ домѣ была великосвѣтская хозяйка, умѣющая принять гостей; такимъ образомъ, на долю рабочихъ остается малость. Когда, наконецъ, все дѣло, построенное на такихъ соломенныхъ основаніяхъ, лопается,—король умираетъ, рабочіе возмущаются и сожигаютъ фабрику, Лео окончательно падаетъ духомъ, бормочетъ безсвязныя фразы байроновскаго разочарованія, рветъ волосы на своей головѣ передъ трупомъ Сильвіи, утонувшей въ ручьѣ, и умираетъ на дуэли съ Фердинандомъ Либрехтомъ.

Съ нравственной точки зрѣнія въ лицѣ Лео представляется намъ одинъ изъ тѣхъ величественныхъ героевъ трагедій, которые, стремясь къ какой нибудь великой цѣли, жертвуютъ въ пользу своихъ стремленій всѣми своими отношеніями, привязанностями и чувствами. Лео смѣялся надъ людьми, которые съ своими общественными страстями могли соединять узенькія семейныя влеченія и мѣряли его поступки на аршинъ пошленькой мѣщанской морали. Онъ пренебрегъ всѣми своими привязанностями къ роднымъ, къ друзьямъ; самою любовью своею къ Сильвіи пожертвовалъ въ пользу своего дѣла. Но, когда это дѣло оказалось вдругъ одною колоссальною ошибкою, тогда въ разочарованіи и отчаяніи, измученный, обезсиленный, онъ почувствовалъ въ себѣ реакцію, выразившуюся въ сознаніи цѣны всѣхъ тѣхъ личныхъ привязанностей, которыми онъ пренебрегъ; но было уже поздно,—и, какъ будто въ возмездіе за прежнее пренебреженіе, судьба приготовила измученному жизненною борьбою титану отдыхъ на холодной груди утопленницы. Во всемъ этомъ вы видите много глубокой правды: дѣйствительно, жизнь наша устроена такъ, что наши общественныя страсти стоятъ въ постоянномъ антагонизмѣ съ семейными, и намъ часто приходится выбирать между тѣми и другими, вмѣсто того, чтобы согласовать ихъ въ общей гармоніи;—но, къ величайшему сожалѣнію, своя рубашка ближе къ тѣлу, и потому выборъ чаще склоняется къ страстямъ семейнымъ, чѣмъ къ общественнымъ; потому въ дѣйствительности гораздо чаще мы можемъ встрѣтить драмы, совершенно противуположнаго свойства. Это мы можемъ примѣнить и къ Лассалю. Смерть Лассаля была, поистинѣ, трагическая; но если мы начнемъ разсматривать судьбу Лассаля по отношенію къ его смерти, мы увидимъ, что здѣсь совершилась трагедія, діаметрально противуположнаго характера относительно трагедіи романа Шпильгагена. Дѣло въ томъ, что Лассаль представляется далеко не такимъ романтическимъ героемъ, какимъ является Лео. Онъ могъ казаться прогрессистамъ—человѣкомъ, выдѣлившимся изъ всѣхъ партій и взвалившимъ на свои плечи всю тяжесть рабочаго вопроса. Но, на самомъ дѣлѣ, онъ и не думалъ разыгрывать роль титана, мечтающаго совершить гигантскій подвигъ—одинъ, безъ содѣй-

ствія другихъ. Напротивъ того, онъ не только имѣлъ друзей и единомышленниковъ, но вся дѣятельность его только въ томъ и состояла, чтобъ этихъ единомышленниковъ было какъ можно больше. Если бы Вальтеръ вышелъ изъ рамокъ романа и пропѣлъ Лассалю вышеприведенную тираду, Лассаль не сталъ бы и возражать на нее: конечно, сказалъ бы онъ,—любезный другъ, единодушное дѣйствіе партіи сильнѣе дѣйствія отдѣльной личности, какъ бы ни была эта личность геніальна и сильна. Здѣсь дѣйствуетъ простой законъ ассоціаціи силъ и ничего новаго ты мнѣ не сказалъ. О чемъ же я и хлопочу, какъ не о томъ, чтобы мои единомышленники не были ничтожною, безсильною горстью, какою они являются во всѣхъ странахъ, чтобы, напротивъ того, они составляли обширную партію, которая заключала бы въ своихъ рядахъ все рабочее сословіе и была бы, поэтому, сильнѣе всѣхъ другихъ партій въ государствѣ? Такова была дѣятельность Лассаля, и Лассаль до самой смерти своей продолжалъ ее съ успѣхомъ, нисколько не думая падать духомъ, разочаровываться и умирать титаномъ, подавленнымъ обломками своего дѣла.

Но если съ умственной стороны Лео не выдерживаетъ ни малѣйшаго сравненія съ Лассалемъ, то съ нравственной стороны, наоборотъ, Лассаль не выдерживаетъ сравненія съ Лео. Въ то время, какъ у Лео всѣ силы души были направлены къ одной цѣли, въ то время какъ онъ отказывался ради этой цѣли отъ всѣхъ личныхъ благъ, — и если окружалъ себя блескомъ и комфортомъ, то дѣлалъ это не изъ личной прихоти, а для той-же цѣли, потому что иначе ему нельзя было дѣйствовать въ высшихъ сферахъ, — у Лассаля не только не было и слѣда подобнаго ригоризма, напротивъ того, онъ допускалъ въ своей жизни многое, отъ чего ему не мѣшало-бы воздержаться. Лассаль любилъ окружать себя блескомъ и комфортомъ вовсе не съ предвзятою цѣлью; блескъ и комфортъ, напротивъ того, мѣшали его дѣйствительной цѣли, потому что отталкивали отъ него многихъ рабочихъ, а враги его пользовались этимъ и нарочно старались выставлять его демагогомъ въ лайковыхъ перчаткахъ, филистеромъ, который плачетъ о нищетѣ и страданіяхъ народа, а самъ ѣстъ на серебрѣ и знается съ графинями, брезгая тѣми людьми, передъ которыми онъ говоритъ свои блестящія рѣчи. Любовь къ блеску была въ Лассалѣ привычкою, вынесенною съ дѣтства; ему вовсе не нужно было „казаться" буржуа: сынъ зажиточнаго еврейскаго купца, пламенный энтузіастъ, другъ рабочихъ, постоянно боролся въ немъ съ иными привычками. Любя блескъ и роскошь, онъ любилъ пустыя свѣтскія удовольствія, былъ волокита и Донъ-Жуанъ, и ему не хватало на расходы 5,000 таллеровъ въ годъ. Эта легкая нравственность и свернула Лассаля съ его великаго пути, приведя его къ преждевременной смерти, глупой и безсмысленной для такого великаго дѣятеля какъ Лассаль. Онъ увлекся дочерью нѣмецкаго историка Деллингеса и не только не думалъ жертвовать своею страстію ради великой цѣли, а, напротивъ того, встрѣтивъ сопротивленіе со стороны отца возлюбленной, не хотѣвшаго и думать о бракѣ дочери съ опальнымъ агитаторомъ и евреемъ, — Лассаль, для удовлетворенія своей страсти, былъ готовъ на все: готовъ былъ перейти изъ еврейской вѣры въ католическую, готовъ былъ похитить барышню и бѣжать съ нею въ Италію, бросивши, такимъ образомъ, совсѣмъ свою прежнюю дѣятельность. Когда-же барышня внезапно измѣнила ему и написала ему письмо, что она болѣе не любитъ его, а предпочитаетъ ему венгерскаго дворянина Раковица,—Лассаль исполнился такого озлобленія, что написалъ оскорбительныя письма своей возлюбленной и ея отцу, былъ за эти письма вызванъ на дуэль Раковицемъ и, не терпя прежде дуэлей, смѣясь надъ ними, съ радостью принялъ вызовъ Раковица. Такимъ образомъ, смерть Лассаля происходила отъ того рокового разлада убѣжденій и привычекъ, какой мы часто встрѣчаемъ въ жизни. Очень часто такой разладъ, путемъ медленнаго, незамѣтнаго процесса, превращаетъ человѣка изъ героя прогресса въ пошлаго чиновника или гасителя; но случается, что у людей съ глубокимъ умомъ и сильнымъ характеромъ онъ разрѣшается однимъ разрушительнымъ взрывомъ, какою-нибудь трагическою катастрофою. Біографъ Лассаля— Бернгардтъ Беккеръ,—совершенно справедливо говоритъ на 20 стр. своей книги (Enthüllungen über das tragische Lebensende Ferdinand Lassale's. 1868 г.).

«Если-бы Лассаль былъ демократъ, въ полномъ смыслѣ этого слова, и если-бы онъ свои привычки, свой нравъ, согласовалъ съ тою демократическою нравственностью, которая оправдываетъ и утверждаетъ въ практической жизни демократическія убѣжденія, тогда онъ не нашелъ-бы себѣ смерти на дуэли изъ-за любовной интриги во время увеселительной поѣздки въ Швейцарію», а на стр. 124, Беккеръ выражается на этотъ счетъ еще опредѣлительнѣе: «если-бы онъ не вертѣлся постоянно въ кругу женщинъ аристократическаго и буржуазнаго класса, если-бы онъ хоть немного умѣрилъ свое кичливое отвращеніе отъ дѣвушекъ простаго класса, и если ему нужно было жениться—женился-бы на дочери работника, то было-бы другое дѣло. По всей вѣроятности, онъ жилъ-бы до сего дня. Но онъ соединялъ аристократическія привычки съ демократическими убѣжденіями,—и внутреннее противорѣчіе повлекло его къ гибели. Хотя въ послѣднее время и искалъ онъ разрыва съ графинею Гатцфельдъ, но ему снова приспичило увлечься знатною особою и она провела его, какъ дурака».

Я не помню, читалъ или слышалъ я отъ кого-то совершенно подобный-же отзывъ о нашемъ поэтѣ Пушкинѣ: „если-бы Пушкинъ не розошелся со своими скромными и честными литературными друзьями и не увлекся въ міръ, чуждый ему, — онъ не нашелъ-бы тамъ преждевременной, безсмысленной смерти". Драмы подобнаго рода до такой степени часты, что, можно сказать, онѣ составляютъ всеобщее явленіе жизни всѣхъ обществъ и каждаго человѣка въ отдѣльности: рѣдко кто въ жизни своей не испытывалъ подобнаго рода разлада и борьбы изъ-за него... Додумывается до гуманныхъ убѣжденій человѣкъ изъ вліятельныхъ классовъ—убѣжденія эти становятся у него въ разладъ или съ изнѣженностью, распущенностью, или съ необузданнымъ высокомѣріемъ, вынесеннымъ имъ изъ своей среды; додумывается до тѣхъ-же убѣжденій человѣкъ изъ народа—и вотъ широкій полетъ его независимыхъ мыслей становится въ рѣзкій контрастъ съ тою загнанностью и пришибленностью, какія онъ всосалъ въ себя съ молокомъ матери. Подобнаго рода

разладъ мы видимъ не только въ жизни мелкихъ и обыкновенныхъ людей: у геніальныхъ людей онъ встрѣчается еще чаще и рѣзче, потому что геніальные люди воспитываются подъ вліяніемъ тѣхъ-же обстоятельствъ, какъ и мелкіе люди, а въ то-же время они воспріимчивѣе ко всѣмъ впечатлѣніямъ, привычки ихъ глубже и упорнѣе—и страсти сильнѣе. Шпильгагенъ выразилъ-бы свою мысль о необходимости человѣку оставаться въ средѣ, согласной съ его убѣжденіями, гораздо реальнѣе и глубже, если-бы онъ изобразилъ намъ настоящаго Лассаля, въ его жизненномъ разладѣ. Но онъ сдѣлалъ два промаха: съ одной стороны онъ инсинуировалъ дѣятельность и цѣль Лассаля, представивши ихъ въ нелѣпѣйшемъ видѣ; съ другой—онъ идеализировалъ Лассаля, какъ нравственную личность; онъ нарисовалъ одного изъ тѣхъ романтическихъ идеальныхъ героевъ, которыхъ въ жизни встрѣчается мало, очень мало; подобные герои не могутъ служить мѣриломъ нравственной оцѣнки людей, потому что предметы мѣряются мѣрами не большими, а меньшими, сравнительно съ ихъ длиною; комнаты не мѣряются верстами, а саженями; сапоги ваши не мѣряются саженями, а вершками. Потому и пала романтическая поэзія, что она, вмѣсто того, чтобы анализировать жизнь такъ, какъ она есть, во всей сложной борьбѣ многихъ элементовъ ея,—постоянно выдѣляла нѣкоторые изъ элементовъ, возводила ихъ въ идеалъ и заставляла людей любоваться этими идеалами. Съ тѣхъ поръ, какъ люди дошли до того убѣжденія, что въ жизни невозможно существованіе отдѣльныхъ элементовъ; что великіе люди наравнѣ съ малыми подвергаются тому-же самому жизненному процессу, со всѣми его дрязгами, и вмѣстѣ съ тѣмъ люди увидѣли, что анализъ этого процесса, со всею вонью и грязью, гораздо поучительнѣе, чѣмъ безплодное созерцаніе идеальныхъ личностей, поставленныхъ на пьедесталы, омытыхъ, очищенныхъ отъ жизненной грязи и окуренныхъ фиміамами,—съ тѣхъ поръ существованіе романтической поэзіи сдѣлалось немыслимо. Но въ Германіи романтизмъ до такой степени въѣлся въ нравы людей, что даже романъ Шпильгагена, реальнѣйшій изъ всѣхъ германскихъ произведеній, не изъятъ отъ него.

Но при всемъ томъ, въ романѣ Шпильгагена много поучительнаго, и мы для того собственно и начали съ слабыхъ сторонъ романа, чтобы очистить пшеницу отъ плевелъ! Сдѣлавши эту операцію, въ слѣдующей главѣ мы примемся за пшеницу.

III.

Представляя инсинуацію на теорію Лассаля и его практическую дѣятельность, романъ Шпильгагена тѣмъ не менѣе, какъ я не разъ уже повторялъ, нисколько не теряетъ въ жизненной правдѣ, развиваетъ съ поразительною глубиною и ясностію одну изъ великихъ политическихъ идей нынѣшняго вѣка. Этотъ своего рода фокусъ искусства заключается въ томъ, что инсинуація Шпильгагена не есть какой-либо плоскій фарсъ, который не имѣлъ-бы никакой иной цѣли, кромѣ опошленія личности Лассаля и представленія ея въ неблаговидномъ свѣтѣ. Инсинуація эта основывается на идеѣ, которая сама по себѣ вѣрна во всѣхъ своихъ положеніяхъ. Подъ вліяніемъ ложныхъ толковъ и сужденій о дѣятельности Лассаля и о его намѣреніяхъ, Шпильгагенъ эту идею приложилъ къ Лассалю и создалъ въ лицѣ Лео своего собственнаго Лассаля, нисколько не похожаго на дѣйствительнаго. Мы видѣли, что, показывая несостоятельность практической дѣятельности Лассаля съ нравственной стороны, онъ идеализировалъ его, представилъ лучше, чѣмъ былъ Лассаль въ дѣйствительности. Это подаетъ намъ поводъ смотрѣть на Лео, вовсе не какъ на изображеніе Лассаля, а какъ на типъ, самостоятельно изобрѣтенный авторомъ для того, чтобы показать на этомъ типѣ, на основаніи общей идеи романа, несостоятельность того пути, который избираетъ Лео. Съ этой точки зрѣнія романъ получаетъ совершенно иное значеніе: изъ романа лично-политическаго онъ становится въ разрядъ романовъ политико-философскихъ, и съ этой точки зрѣнія онъ полонъ неоспоримыхъ истинъ.

Предполагая взглянуть на романъ съ этой точки зрѣнія, мы сперва обратимъ вниманіе на идею романа и, развивши ее, потомъ посмотримъ, какъ эта идея отражается въ главныхъ дѣйствующихъ лицахъ произведенія.

Идея романа, если мы, не ограничиваясь тирадою Вальтера, приведенною нами выше, заглянемъ въ нее глубже, представляется намъ тысячелѣтнимъ опытомъ, вынесеннымъ изъ всей исторіи западной Европы, опытомъ подтверждаемымъ всѣми современными научными изысканіями политико-экономическими и соціологическими. Дѣло въ томъ, что, если мы взглянемъ на исторію западной Европы безъ всякихъ предвзятыхъ теорій, съ точки зрѣнія чисто реальной, мы увидимъ, что вся эта исторія есть ничто иное, какъ постоянная борьба за существованіе нѣсколькихъ элементовъ общества, созданныхъ историческими обстоятельствами въ началѣ среднихъ вѣковъ и въ продолженіе ихъ, и отстаивающихъ свои принципы и свое господство. Бокль, въ первой части своей „Исторіи цивилизаціи Англіи“, говоря о вліяніи государства на прогрессъ, высказалъ ту мысль, что государство постоянно имѣло задерживающее вліяніе; мало того, всѣ прогрессивныя преобразованія со стороны государства постоянно были отрицательнаго свойства, т. е. заключались въ отмѣнахъ разныхъ обветшалыхъ учрежденій; положительныя-же мѣры со стороны государства не приводили никогда ни къ какому хорошему результату, хотя-бы нѣкоторыя изъ нихъ и имѣли, повидимому, самую полезную и высокую цѣль. Мысль эта, очевидно, должна обратиться въ нелѣпый парадоксъ, если мы начнемъ смотрѣть на значеніе государства съ этической точки зрѣнія. Очевидно, что государство, взятое въ идеальномъ смыслѣ этого слова, государство, которое не имѣетъ никакой иной цѣли, какъ прислушиваться ежеминутно ко всѣмъ нуждамъ гражданъ и немедленно удовлетворять имъ—не только не можетъ быть задерживающей силой, но напротивъ того, оно должно явиться представителемъ всѣхъ прогрессивныхъ идей общества. Но если мы оставимъ въ сторонѣ чисто этическую точку зрѣнія и посмотримъ на западную Европу съ исторической точ-

ки зрѣнія, съ которой смотритъ Бокль, мы должны будемъ согласиться, что идея Бокля, созданная чисто индуктивнымъ путемъ историческаго изученія, вполнѣ прилагается ко всѣмъ западнымъ государствамъ. Партіи въ западной Европѣ суть не только представительницы и носительницы тѣхъ или другихъ идей и взглядовъ, онѣ представляютъ тѣ или другія сословія въ ихъ взаимномъ антагонизмѣ, взаимной борьбѣ между собою за право господства, а иногда и за право существованія. При этой борьбѣ партій, правительства западной Европы представляютъ вовсе не что либо отвлеченно-идеальное, стоящее внѣ партійной борьбы, возвышающееся надъ всѣмъ строемъ общества. Напротивъ того, мы видимъ, что они сами стоятъ постоянно во главѣ той или другой партіи, и, конечно, партіи господствующей; они служатъ обыкновенно представителемъ не всего общества, а одного, много двухъ господствующихъ сословій и, проводя принципы этихъ сословій, очевидно, дѣйствуютъ въ пользу ихъ. Такъ, начиная съ среднихъ вѣковъ, мы встрѣчаемъ поперемѣнно — государства феодально-церковныя, феодально-монархическія, феодально-буржуазныя, аристократическія республики, буржуазныя республики и пр. При этихъ условіяхъ нѣтъ ничего удивительнаго, что въ западной Европѣ только отрицательныя дѣйствія правительствъ приносятъ пользу прогрессу. Очень понятно, почему это происходитъ: эти отрицательныя дѣйствія суть ничто иное, какъ отступленія господствующей партіи передъ натискомъ партіи, враждующей съ господствующей, проигранныя сраженія и мирные договоры въ пользу побѣдителей. Когда побѣдительницею оказывается господствующая партія, тогда движеніе происходитъ обыкновенно въ противуположную сторону: враждебная партія должна отступать и сдаваться; тогда правительство, пользуясь этимъ случаемъ, приступаетъ къ положительнымъ реформамъ; эти положительныя реформы производятся, очевидно, въ пользу побѣдителей, въ согласіи съ ихъ принципами и въ ущербъ побѣжденнымъ. Реформы такого рода, удовлетворяя интересамъ и принципамъ господствующаго меньшинства, очевидно, должны оказывать вліяніе регрессивное на огромное большинство общества и судьба такихъ реформъ — пасть, какъ только побѣда склоняется на сторону партіи, враждебной господствующей. Эта постоянная борьба ведется, конечно, не безъ всякаго рода военныхъ хитростей, союзовъ, засадъ и прикрытій. Такъ, напримѣръ, господствующія партіи постоянно прикрываютъ свои планы и дѣйствія разными принципами чисто-идеальнаго характера; онѣ постоянно твердятъ, что представляютъ цѣлое общество, что въ нихъ сосредоточивается верховная власть всего народа и поэтому все, что онѣ предпринимаютъ, имѣетъ цѣлью общую пользу всѣхъ и каждаго. Уступая передъ натискомъ враждебной партіи, принуждаемая отмѣнить то или другое регрессивное узаконеніе, господствующая партія употребляетъ иногда военную хитрость: она возстановляетъ то-же самое узаконеніе только подъ иной формой, придавши той-же самой сущности болѣе либеральный, иногда даже ярко-красный цвѣтъ. Западные публицисты и газетчики приходятъ, въ такомъ случаѣ, въ негодованіе и ужасъ; они сейчасъ-же начинаютъ прилагать къ дѣйствіямъ своего правительства идеальныя мѣрки и вопить о призваніи и обязанностяхъ правительства, о неисполненіи священнаго долга, о нарушеніи народныхъ правъ и т. д. Смѣшные идеалисты, они не хотятъ понять одного, что толковать обо всемъ этомъ можно только въ странѣ, гдѣ правительство представляетъ собою всѣ сословія, все общество; въ странахъ-же, гдѣ правительство является на сторонѣ одной партіи, одного сословія, нечего и толковать о какихъ-либо обязанностяхъ правительства ко всему обществу. Въ такихъ странахъ на реакціонныя мѣры правительства, подъ прикрытіемъ либерализма, слѣдуетъ смотрѣть, какъ на обыкновенныя военныя хитрости при взаимной борьбѣ, и развѣ эти же самые публицисты, требующіе отъ своихъ правительствъ исполненія священныхъ обязанностей, сами съ своей стороны не готовы бываютъ употребить всевозможныя военныя хитрости для доставленія торжества своей партіи? При такихъ условіяхъ жизни въ Западной Европѣ, каждый человѣкъ въ своихъ политическихъ стремленіяхъ является неизбѣжно замкнутымъ въ опредѣленный, неразрывный кругъ своей партіи; внѣ этого круга ему нечего дѣлать, если онъ останется одинъ, со своими личными слабыми силами передъ натискомъ цѣлыхъ армій. Только въ такомъ случаѣ онъ будетъ послѣдователенъ во всѣхъ своихъ дѣйствіяхъ и стремленіяхъ, вѣрно и твердо будетъ идти къ одной цѣли, когда онъ въ каждомъ своемъ шагѣ будетъ упорно держаться принциповъ своей партіи, своего сословія. Если принципы эти не нравятся ему, если онъ болѣе сочувствуетъ другимъ — противуположнымъ, онъ можетъ перейти изъ одного лагеря въ другой, но въ такомъ случаѣ онъ долженъ не только перемѣнить отвлеченнымъ способомъ свои убѣжденія, но сдѣлаться фактически человѣкомъ иной партіи; иначе онъ станетъ въ непроходимое противорѣчіе съ самимъ собою: прежніе партизаны заклюютъ его, какъ измѣнника, новые не признаютъ его. Если онъ феодалъ, то какъ встанетъ онъ въ рядахъ народа, если продолжаетъ сочувствовать всѣмъ феодальнымъ преимуществамъ и желаетъ ихъ ненарушимости или даже распространенія? Точно также и наоборотъ; когда въ странѣ господствуетъ реакціонное правительство съ феодальными стремленіями, то можетъ ли народный прогрессистъ, съ совершенно противуположными принципами, вмѣшаться въ ряды господствующей партіи и проводить посредствомъ ихъ свои стремленія? Очевидно, его будутъ терпѣть до тѣхъ поръ, пока онъ будетъ скрывать свои принципы и дѣйствовать за одно съ тѣми, въ ряды которыхъ онъ сталъ; едва заикнется онъ о своихъ принципахъ и захочетъ идти противъ теченія, къ какимъ бы онъ при этомъ хитростямъ ни прибѣгалъ, его попросятъ или измѣнить принципы, или удалиться. Если же онъ можетъ скрываться до тѣхъ поръ, пока не сдѣлается всесильнымъ лицемъ въ господствующей партіи и тогда вознамѣрится вести партію путемъ совершенно противуположнымъ въ принципахъ и стремленіяхъ, то партія во всякомъ случаѣ сильнѣе отдѣльнаго человѣка, какъ бы этотъ человѣкъ ни былъ геніаленъ; если его не спихнутъ тотчасъ же съ его вершины, то, во всякомъ случаѣ, съумѣютъ переиначить,

исказить всѣ его распоряженія и направить ихъ въ сторону своихъ принциповъ. Но мы предположили здѣсь случай по истинѣ необыкновенный: мы предположили человѣка отчеканеннаго изъ лучшей англійской стали, у котораго вмѣсто нервовъ проволоки самаго лучшаго закала; такихъ людей не бываетъ; обыкновенные же люди изъ костей, мяса и нервовъ (какой-бы ни были необычайной прочности и доброты, а все таки дряблые матеріалы), обыкновенные люди неизбѣжно подчиняются вліянію окружающей ихъ среды и, можно навѣрное предсказать, что человѣкъ, вставшій въ среду тѣхъ или другихъ принциповъ, непремѣнно раньше или позже приметъ эти принципы, хотя бы сначала онъ ихъ и не раздѣлялъ. Люди, которые надѣются, что они никогда не измѣнятъ своимъ убѣжденіямъ, въ какую бы среду ни поставили ихъ обстоятельства—наивные идеалисты и романтики; въ ихъ высокомъ о себѣ мнѣніи столько же правды, какъ если бы они говорили: вывалите меня въ грязи, въ помояхъ, посадите меня въ бочку съ сажею или дегтемъ и моя кожа все таки останется неприкосновенно чистою и безукоризненно бѣлою. Твердость или слабость характера въ этомъ отношеніи можетъ представлять только разницу во времени,—слабый человѣкъ завтра же измѣнитъ своимъ принципамъ, едва встанетъ въ среду, противуположную имъ; сильный человѣкъ измѣнитъ черезъ пять, черезъ десять лѣтъ;—но во всякомъ случаѣ измѣнитъ, если только онъ предприметъ затаиваться и дѣйствовать вопреки своимъ принципамъ долгое время, до тѣхъ поръ, пока не сосредоточитъ въ свои руки власть, въ избранной имъ средѣ. Но, по счастію, съ сильными людьми это бываетъ рѣдко: сильные люди рѣдко отличаются гибкостью характера; они не могутъ долго дѣйствовать вопреки своимъ принципамъ и затаиваться, и потому, если имъ приходится встать въ среду, противуположную своимъ стремленіямъ, они очень скоро выбрасываются за бортъ этой среды.

При такихъ условіяхъ, Лео является передъ нами отчаяннымъ идеалистомъ и романтикомъ, Лео,—который такъ много думаетъ о себѣ и такъ надѣется на свои силы, что мечтаетъ не только устоять самъ, дѣйствуя въ средѣ съ принципами, совершенно противуположными его принципамъ, но и всю эту среду поворотить по своему и направить къ своей цѣли. Онъ забываетъ одно, въ чемъ заключается вся нелѣпость его предпріятія: что принципы буржуазіи и феодализма въ Пруссіи радикально расходятся съ принципами рабочаго класса,—слѣдовательно, союзъ между рабочимъ классомъ и одной изъ вышеозначенныхъ партій можетъ быть допущенъ только въ такомъ случаѣ, если принципы одной стороны будутъ пожертвованы въ пользу другой. Во время первой французской революціи такъ и было,—тогда народъ шелъ за среднимъ сословіемъ, отстаивая интересы послѣдняго. Лео же мечтаетъ убѣдить сначала буржуазную партію, потомъ феодаловъ, вступить въ союзъ съ рабочимъ классомъ и проводить принципы послѣдняго; но проводить принципы рабочаго класса—вѣдь это значитъ для буржуазіи, равно какъ и для феодаловъ, отказаться отъ своихъ собственныхъ принциповъ,—иначе сказать, значитъ отказаться отъ своего существованія, какъ господствующей партіи; для капиталистовъ—это значитъ перестать быть капиталистами, для бароновъ—перестать быть баронами.—Ну, не смѣшно ли, какъ подумаешь, что Лео мечталъ, что онъ убѣдитъ капиталистовъ и бароновъ добровольно перестать быть самими собою! Такія невообразимыя жертвы добровольно никогда не дѣлаются; это рѣшительно историческій nonsens! Лео могъ повліять на слабохарактернаго короля, но когда ему пришлось составлять министерство, тутъ разомъ обнаружилась вся неисполнимость его предпріятія. Изъ какихъ людей можно было составить ему министерство? Составить изъ людей его принциповъ, изъ приверженцевъ народа,—но вѣдь это значило бы дѣйствовать путемъ прямо революціоннымъ, сразу обнаружить свои принципы и поднять противъ себя страшную бурю, какъ въ лагерѣ реакціонеровъ, такъ и въ лагерѣ либераловъ; противъ такой бури не устоялъ бы и самъ король, не только любимецъ его, втершійся къ нему въ довѣріе, съ задняго крыльца, посредствомъ старой тетушки Сарры. Составить министерство изъ либераловъ—но Лео только что разошелся съ ними и убѣдился въ полномъ ихъ отвращеніи отъ предложеннаго имъ союза съ рабочимъ классомъ. Оставалось составить министерство изъ людей, окружавшихъ короля, т. е. изъ людей, преданныхъ феодальнымъ принципамъ. Но принципы эти были въ такой силѣ, что люди ихъ раздѣляющіе, не видѣли никакой необходимости жертвовать ими; конечно имъ было лестно усилить свое вліяніе союзомъ съ рабочимъ сословіемъ, но и лестно въ то же время устроить этотъ союзъ, посредствомъ дипломатической хитрости, такъ, чтобы и рабочихъ привлечь на свою сторону, и съ своей стороны ничего не уступить имъ. Докторъ Урбанъ, къ которому Лео обратился съ цѣлью составленія министерства, высказался въ этомъ отношеніи съ безцеремонною ясностью. „Король, пусть издаетъ манифестъ, въ которомъ аппелируетъ къ народу, сказалъ онъ, для своего оправданія. Затѣмъ соберутся новыя палаты; для того, чтобы онѣ утвердили нашу программу, мы сдѣлаемъ имъ рядъ предложеній, которыя имѣли бы, повидимому, цѣлью улучшить бытъ рабочаго сословія, а въ сущности были бы благопріятны для капиталистовъ. Подъ рукой мы незамѣтно будемъ всѣми способами усиливать власть и могущество церкви—конечно въ самой, что ни на есть, либеральной формѣ“. Такая программа доктора Урбана должна была понравиться каждому реакціонеру и ультрамонтану. Лео не принялъ ее, и палъ. Но будь онъ человѣкъ болѣе слабаго и гибкаго характера, онъ могъ бы и принять программу Урбана, соображая, что вѣдь съ этими людьми иначе ничего не подѣлаешь; на первый разъ можно уступить,—ну, а потомъ, молъ, я поставлю таки на своемъ. И все бы это было потомъ, да потомъ; и чѣмъ дальше шелъ бы Лео, тѣмъ болѣе запутывался бы онъ,—пока, наконецъ, отступать было бы поздно, а впереди не было бы никакой болѣе дороги. Вѣдь въ концѣ своего поприща Лео склонялся уже къ тому, что для утвержденія себя, въ новомъ положеніи, не мѣшаетъ ему пріобрѣсть баронскую грамату, не мѣшаетъ жениться на дочери сановника, чтобы была въ домѣ великосвѣтская хозяйка, которая могла бы принять великосвѣтскихъ гостей. А тутъ

постоянный комфортъ, роскошь,—вѣдь не стальные же нервы, въ самомъ дѣлѣ, были у Лео, чтобы обстановка жизни не подѣйствовала на нихъ, и кончилось бы дѣло тѣмъ, что въ 40 лѣтъ, ничего не сдѣлавши, Лео почилъ бы въ баронскомъ достоинствѣ, на первомъ мѣстѣ при дворѣ—съ красавицей женою, жилъ бы припѣваючи, въ роскоши, теплѣ и нѣгѣ, оглашалъ бы великосвѣтскіе салоны могучимъ гласомъ своего краснорѣчія и посмѣивался бы про себя надъ утопіями своей молодости, которыя онъ оставилъ бы, какъ неисполнимыя и непримѣнимыя къ жизни. Люди, выходящіе изъ народа и прошедшіе сквозь огонь и воду, если сворачиваютъ съ своего пути, то дѣлаются, обыкновенно, въ неизмѣримой степени болѣе энергическими и упорными реакціонерами, чѣмъ люди изъ родовъ, ведущихъ реакціонную традицію со временъ Меровинговъ.

Въ такой-же степени, какъ и Лео, является передъ нами человѣкомъ, стоящимъ въ разладѣ со своими принципами, баронъ Тухгеймъ. Человѣкъ образованный, съ благородными инстинктами, мягкій, гуманный—онъ представляется одною изъ симпатичныхъ лицъ въ романѣ, но все несчастіе его заключается въ томъ, что оставаясь феодаломъ, онъ въ то же время мечтаетъ быть либераломъ и тщетно старается примирить либеральныя стремленія съ феодальными принципами и предразсудками. Отказавшись отъ званія министра, предложеннаго ему королемъ, онъ остался въ своемъ имѣніи, мечтая заняться хозяйствомъ и улучшить бытъ своихъ поселянъ. Преобразованія въ своихъ владѣніяхъ задумалъ онъ, конечно, въ колоссальныхъ размѣрахъ; покупка разныхъ машинъ стоила ему огромныхъ издержекъ; но многія машины оказались никуда негодными; работники враждебно смотрѣли на чугунныя чудовища, видя въ нихъ подрывъ для себя; они неохотно работали съ машинами и старались нарочно ихъ портить. Напрасно сестра его, Шарлотта, и управляющій его, лѣсникъ, который оказался, при всемъ своемъ невѣжествѣ, практичнѣе барона-диллетанта,—увѣщевали его бросить всѣ затѣи и заняться болѣе существеннымъ; баронъ смѣялся надъ ихъ невѣжествомъ, рутиною и неумѣніемъ понять важности его нововведеній,—и кончилось дѣло тѣмъ, что вмѣсто улучшенія имѣнія и быта рабочихъ, баронъ ухудшилъ и то, и другое; вмѣсто ожидаемой благодарности со стороны поселянъ за свои баронскія благодѣянія, онъ встрѣтилъ недовольство и ропотъ. Насталъ голодъ. Гуманный баронъ скупалъ хлѣбъ и раздавалъ его даромъ голоднымъ поселянамъ; они брали хлѣбъ и, все-таки, роптали, и стоило явиться Туски, чтобы безъ всякаго труда возмутить поселянъ противъ барона. И вотъ баронъ, желающій своимъ поселянамъ всего лучшаго, принужденъ былъ стрѣлять въ нихъ, отстаивая, по своимъ рыцарскимъ понятіямъ, неприкосновенность своего замка отъ осады возставшихъ поселянъ. Послѣ этого всѣ агрономическія затѣи были, конечно, брошены; баронъ переѣхалъ въ столицу и, вступивши въ союзъ съ Зонненштейномъ, предалъ своихъ поселянъ эксплуатаціи Зонненштейна, все-таки, въ видахъ улучшить этимъ путемъ и свое благосостояніе, и бытъ тухгеймскихъ поселянъ. Между тѣмъ, какъ баронъ, не вмѣшиваясь въ дѣла своего компаньона, спокойно предавался свѣтскимъ удовольствіямъ столицы, банкиръ такъ улучшилъ его состояніе и бытъ рабочихъ, что баронъ былъ окончательно разоренъ, а рабочіе возстали подъ гнетомъ эксплуатаціи. Тогда баронъ, самъ будучи прямымъ виновникомъ всего случившагося, объявилъ въ газетахъ, по внушенію Лео, протестъ противъ притѣсненія Зонненштейномъ рабочихъ и отправился въ свое имѣніе держать сторону своихъ поселянъ и защищать ихъ передъ закономъ. Но эта защита состояла только въ томъ, что онъ наговорилъ грубостей оберъ-лейтенанту и былъ убитъ имъ на дуэли. Въ такомъ-же противорѣчіи самому себѣ является баронъ и въ своихъ личныхъ отношеніяхъ и привязанностяхъ. Такъ, напримѣръ, онъ питаетъ самую искреннюю, задушевную привязанность къ лѣсничему, спасшему ему когда-то жизнь,—и въ то же время оказывается способнымъ заподозрить, подъ вліяніемъ полицейскаго чиновника, этого преданнаго ему слугу въ измѣнѣ, въ возмущеніи поселянъ противъ него. Подъ вліяніемъ своихъ гуманныхъ чувствъ, онъ воспитываетъ сына лѣсничаго Вальтера, вмѣстѣ съ своими дѣтьми, питаетъ къ этому Вальтеру отеческую привязанность, а когда Вальтеръ дерзаетъ влюбиться въ дочь барона, Амелію, тогда въ баронѣ просыпается внезапно баронъ—и онъ съ высокомѣріемъ запрещаетъ дерзкому плебею показываться въ его домѣ. И при всѣхъ этихъ несообразностяхъ вы все-таки чувствуете невольную симпатію къ этому человѣку: вамъ жалко барона въ его противорѣчіяхъ; во всякомъ случаѣ онъ является передъ вами лучшимъ представителемъ своей среды, а за нимъ представляется передъ вами цѣлый рядъ банкировъ—фонъ-Зонненштейновъ, генераловъ — фонъ-Тухгеймовъ (генералъ фонъ-Тухгеймъ братъ барона), Геевъ, Урбановъ, Генри и Линнертовъ; все это люди, деморализованные съ ногъ до головы, но за то твердо идущіе по своей дорогѣ, не измѣняющіе своимъ принципамъ; это люди вѣка, они съ гордостью могутъ сказать, что они все держатъ въ своихъ рукахъ и попираютъ ногами, и никто не дерзаетъ сравняться съ ними въ ихъ могуществѣ. Рядомъ со всѣми этими людьми рисуется передъ вами среда особеннаго рода, о которой слѣдуетъ сказать нѣсколько словъ. Къ этой средѣ принадлежатъ старикъ-лѣсничій, сынъ его Вальтеръ, сестра барона Шарлотта, дочь Амелія, докторъ Паулусъ, миссъ Джесси, гувернантка барона, наконецъ, портной Ребейнъ со своею супругою. Въ нашей жизни среда этого рода не выяснилась еще такъ отчетливо и ярко, какъ въ жизни западныхъ обществъ. Въ нашемъ обществѣ образованные люди до такой степени ограничены въ практической дѣятельности, что они принуждены жить преимущественно въ теоретической сферѣ; поэтому у насъ подъ словомъ прогрессисты, подразумѣваются вообще люди честныхъ убѣжденій, какихъ-бы они ни были характеровъ и стремленій. Только на аренѣ практической дѣятельности люди, вродѣ Лео и Сильвіи, могутъ выдѣлиться отъ людей вродѣ Вальтера и Амеліи, и пойти по разнымъ дорогамъ; а до этого, какъ тѣ, такъ и другіе должны сливаться въ безразличной категоріи людей честныхъ убѣжденій, въ отличіе отъ людей убѣжде-

ній нечестныхъ. Но на Западѣ среда Вальтеровъ, Паулусовъ, Шарлоттъ и Амелій выяснилась довольно рѣзко и объ ней можно судить, какъ объ особенной средѣ. Мы опредѣлили-бы эту среду несовсѣмъ точно, если-бы назвали ее умѣренно-либеральною. Къ умѣреннымъ либераламъ принадлежатъ и Тухгеймскій баронъ, и банкиръ фонъ-Зонненштейнъ, а между тѣмъ это люди совершенно особеннаго склада.

Вальтеры и Шарлотты—это люди золотой посредственности, это люди толпы; число ихъ легіонъ. Это истинные, трудолюбивые, любящіе, сочувствующіе всему доброму и прекрасному, свѣтлому и прогрессивному, и вмѣстѣ съ этими благородными сочувствіями, умѣющіе свивать тепленькія и уютныя гнѣздышки и ворковать въ нихъ очень мило и любовно. Люди этого сорта неспособны увлекаться какою-нибудь высокою цѣлію, и въ этомъ увлеченіи жертвовать всѣми своими личными привязанностями; но за то они ограждены отъ паденій и гибели, съ которыми иногда бываютъ соединены такія увлеченія. Въ то время, какъ Лео, стремясь къ великой цѣли, способенъ въ концѣ концовъ сдѣлаться отчаяннымъ реакціонеромъ, Вальтеръ никогда реакціонеромъ не сдѣлается. При отсутствіи увлеченій и соединенныхъ съ ними заблужденій — люди эти обладаютъ завиднымъ благоразуміемъ; они очень умно резонируютъ и очень мѣтко могутъ обсудить всѣ ошибки и заблужденія великихъ людей, хотя сами никогда великими людьми не сдѣлаются. При всей энергіи трудолюбія, люди эти представляютъ полное отсутствіе энергіи борьбы съ обстоятельствами. Не мѣшайте имъ жить, они сдѣлаютъ многое; помѣшайте имъ сдѣлать многое, они ничего не сдѣлаютъ, но въ то-же время не предпримутъ ни малѣйшихъ усилій къ устраненію препятствій, а безропотно склонятся передъ своею долей. При такихъ условіяхъ, если имъ приходится пострадать за свои убѣжденія, какъ пострадалъ Вальтеръ, они начинаютъ смотрѣть на свое мученичество, какъ на нравственный подвигъ, какъ на особенное достоинство, и нисколько не стыдятся своего мученичества, которое само по себѣ есть нечто иное, какъ прямое доказательство жалкаго безсилія передъ врагами. Таковы они не только въ своихъ общественныхъ отношеніяхъ, но и въ личныхъ. Шарлотта полюбила лѣсничаго, но она была баронесса; выйти за него замужъ, значило вооружить противъ себя всѣхъ своихъ любезныхъ родственниковъ; Шарлотта, нельзя сказать, чтобы не рѣшалась на это,—она просто не захотѣла этого и безропотно склонилась передъ своею долею. Точно такъ-же готовъ былъ склониться передъ своею долею Вальтеръ, изгнанный изъ дома барона за свою любовь къ Амеліи, если-бы баронъ не умеръ во время. Люди, вродѣ Лео и Сильвіи, идущіе напроломъ всѣхъ препятствій въ жизни, относятся съ презрѣніемъ къ людямъ вродѣ Вальтера и Шарлотты—но совершенно напрасно. Они забываютъ, въ своемъ высокомѣріи, что ихъ очень немного, а такихъ людей, какъ Вальтеръ, Амелія и Шарлотта—большинство, цѣлый родъ человѣческій. Если Лео и Сильвія стремятся къ своимъ высокимъ цѣлямъ, жертвуютъ всѣми личными благами, терпятъ несчастія, гибнутъ, то для кого-же они это дѣлаютъ, какъ не для этихъ самыхъ Вальтеровъ, Амелій и Шарлоттъ, чтобы этимъ нѣжнымъ голубкамъ было свободно жить, трудиться и ворковать? А когда исполнятся мечты Лео и Сильвіи, когда всѣмъ будетъ жить хорошо и свободно, для какой надобности будутъ тогда Лео и Сильвіи? Тогда отъ нихъ никто не спроситъ ихъ жертвъ, они сами должны будутъ вмѣшаться въ кругъ Вальтеровъ, Амелій и Шарлоттъ и начать жить ихъ идиллическою жизнію! Изъ подъ личности Вальтера, этого либеральнаго романиста, лишающагося мѣста и сидящаго въ тюрьмѣ за свой романъ, просвѣчиваетъ передъ вами личность самого Шпильгагена, который, судя по всему характеру, по всѣмъ идеямъ романа, самъ принадлежитъ къ этой средѣ. Возьмите только во вниманіе спокойно-объективный тонъ романа, его безпристрастіе ко всѣмъ дѣйствующимъ лицамъ, какихъ-бы они ни были принциповъ, его отданіе благоразумной справедливости всѣмъ и каждому, обиліе любовно-идиллическихъ мѣстъ и, наконецъ, желаніе показать на Лео и Сильвіи, что люди, смѣющіеся надъ свиваніемъ гнѣздышекъ и жертвующіе личными привязанностями общественнымъ стремленіямъ, сами невольно приходятъ наконецъ къ необходимости смириться и разнѣжиться, потому что такова ужь природа человѣческая: развѣ во всемъ этомъ не просвѣчиваетъ передъ вами Вальтеръ, читающій милой Амеліи свой романъ, въ которомъ онъ описываетъ свою нѣжную страсть къ ней?

V.

Если кому приходится долгое время жить въ маленькихъ, затхлыхъ и душныхъ каморкахъ, тотъ мало по малу теряетъ сознаніе о настоящихъ размѣрахъ своего жилья и его воздуха. Каморки не кажутся ему мизерными, жалкими и обоняніе его привыкаетъ до такой степени къ спертому, затхлому воздуху, что ему наконецъ можетъ казаться, что воздухъ его жилья наполненъ ароматами. Но стоитъ этому человѣку побывать хоть нѣсколько минутъ въ какихъ нибудь колоссальныхъ, богато убранныхъ залахъ съ высокими сводами, подъ которыми воздухъ льется широкою струею, и вотъ, по возвращеніи домой, невольно обхватитъ его сознаніе, какъ низки, миніатюрны, бѣдны и жалки его каморки въ сравненіи съ залами, изъ которыхъ онъ только-что вышелъ, какъ душенъ, затхлъ и смраденъ прокислый воздухъ въ нихъ. Такое-же самое впечатлѣніе поражаетъ васъ, когда по прочтеніи романа Шпильгагена, вы возвратитесь въ кругъ вашей обыденной жизни и начнете сравнивать только-что прочитанный романъ съ произведеніями нашей отечественной литературы. Мы ужь не будемъ говорить о томъ, что читая романъ, вы невольно должны позавидовать той богатой содержаніемъ, разнообразной, шумной, бьющей широкой струей жизни, какая прыщетъ передъ вами на каждой страницѣ его; должны позавидовать той широкой свободѣ, съ какою люди имѣютъ возможность осуществлять въ жизни свои стремленія, той легкости, съ которою люди (изъ самаго низшаго слоя общества) имѣютъ возможность получать блестящее образованіе и всплывать кверху—все это зависитъ отъ умственныхъ и матеріальныхъ богатствъ жизни, отъ того, какая это жизнь,—

европейская, не любящая оглядываться назадъ и рвущаяся смѣло впередъ, или азіатская, сонная, боящаяся каждаго несмѣлаго шага впередъ и опирающаяся на дѣдовскія преданія, на томъ основаніи, что эти дѣдовскія преданія и проще, и надежнѣе, и при нихъ спокойнѣе спать; все это зависитъ отъ того, какое это общество,—бодрое, энергическое, стремящееся къ самостоятельности, или вялое, пассивное, любящее, чтобы объ немъ заботились, опекали его, варили для него кашку и клали ему ложечкою въ ротъ, предварительно разжеванную. Мы не будемъ обо всемъ этомъ распространяться, дабы не прійти въ соблазнъ. Мы обратимъ вниманіе не на жизнь, изображенную въ романѣ, а на самый романъ, и сравнимъ его съ нашими романами такого же рода. Изъ разбора романа мы пришли къ такому заключенію, что романъ этотъ не принадлежитъ къ разряду самыхъ смѣлыхъ и высокихъ полетовъ европейской мысли; напротивъ того, мы видѣли, что хотя основная идея романа истинна сама по себѣ, хотя дедуктивно она проведена вѣрно, но съ политической точки зрѣнія, по отношенію къ современной жизни, романъ хромаетъ непониманіемъ того, что дѣлается, стремленіемъ представить въ ложномъ видѣ, инсинуировать самыхъ смѣлыхъ и передовыхъ общественныхъ дѣятелей въ Пруссіи. Въ силу этого, по отношенію къ прусской жизни романъ Шпильгагена играетъ ту-же роль, какъ по отношенію къ нашей жизни играютъ романы вродѣ „Взбаламученнаго моря“, „Марева“ или „Некуда“. Но несмотря на всю логичность такого сравненія, читатель сразу пойметъ всю несообразность его. Развѣ можно сравнивать, скажетъ онъ, честный, прогрессивный, полный глубокихъ мыслей романъ Шпильгагена съ этими безтолковыми, безсмысленными и грязными инсинуаціями нашей отечественной литературы? Но развѣ можно сравнивать европейскую жизнь съ нашею жизнію? отвѣчу я на это возраженіе читателя. Чтожъ дѣлать если на Западѣ люди до такой степени образованы, что они понимаютъ, что хотя бы человѣкъ и шелъ по другой дорогѣ, чѣмъ идутъ они, то все таки онъ можетъ быть высокой нравственности и даже вполнѣ идеальный человѣкъ. Мы видѣли, что Шпильгагенъ, инсинуируя дѣятельность Лассаля, въ то-же время не только не бросаетъ въ него грязью и помоями, а напротивъ того представляетъ его идеальнѣе, чѣмъ онъ былъ въ дѣйствительности. Наши же доморощенные тенденціозные романисты стоятъ на такомъ еще низкомъ уровнѣ развитія, что наивно воображаютъ, что не только человѣкъ, поступающій иначе, чѣмъ они, но и думающій иначе,—непремѣнно есть нравственное чудовище, экстрактъ всевозможныхъ гадостей. Въ этомъ отношеніи мы стоимъ почти на степени дикарей, которые въ каждомъ человѣкѣ, не раздѣляющемъ ихъ взглядовъ, видятъ непремѣнно колдуна, продавшаго душу чорту. На Западѣ инсинуируются дѣятели дѣйствительно общественные, политическіе, которые могутъ имѣть то или другое вліяніе на ходъ цивилизаціи; у насъ же, смѣшно подумать, романисты наши, иногда почтенные мужи, убѣленные сѣдинами, бѣснуются съ пѣною у рта передъ какими нибудь двумя—тремя гимназистами, студентами и барышнями, дерзающими читать не тѣ книжки, которыя по мнѣнію романистовъ слѣдуетъ имъ читать, или еще смѣшнѣе, не носящими такихъ куафюръ, какія нравятся изящному вкусу романистовъ. Конечно, при такихъ условіяхъ, сравненіе романа Шпильгагена съ нашею доморощенною тенденціозною беллетристикою, немыслимо. Но что-же дѣлать, что городъ то норовъ, что деревня, то обычай.

1869.

ЖИВАЯ СТРУЯ.

(Вопросъ о народности въ литературѣ).

I.

Когда старая система идей смѣняется новою, послѣдняя не сразу обыкновенно подводитъ подъ свои начала всѣ современныя явленія жизни. Люди накидываются прежде всего, конечно, на такіе вопросы, которые стоятъ на первомъ планѣ и болѣе всего привлекаютъ вниманіе. Второстепенные же вопросы остаются безъ вниманія, и относительно ихъ продолжаютъ придерживаться по привычкѣ старыхъ взглядовъ. Каждому, кто пережилъ сильную умственную ломку въ своей головѣ, навѣрное приходилось находить такіе пробѣлы и противорѣчія въ своемъ мышленіи, побѣдить которые можно было не иначе, какъ перерѣшивши вопросъ на тѣхъ основаніяхъ, на которыхъ другіе вопросы давно уже были рѣшены. Такіе же случаи встрѣчаются на каждомъ шагу и въ исторіи человѣчества. Подобный случай произошелъ и у насъ въ послѣднее десятилѣтіе съ вопросомъ о народности въ литературѣ.

Вопросъ этотъ естественно возникъ вслѣдствіе того, что наше образованное общество отдѣлилось отъ народной массы и создало свои особенные нравы и обычаи, свой особенный языкъ подъ вліяніемъ западной цивилизаціи. Но слѣдуетъ замѣтить, что до Гоголя и Бѣлинскаго вопросъ о народности въ литературѣ не игралъ большой роли и не шелъ далѣе очистки языка отъ иностранныхъ вліяній, выбора сюжетами произведеній крупныхъ явленій русской жизни, русской исторіи, да рѣдкихъ рабскихъ подражаній народнымъ пѣснямъ и сказкамъ.

Въ 40-е годы вопросъ о народности въ первый разъ былъ поставленъ на философскую почву. Въ это время въ оппозицію западникамъ возникла партія славянофиловъ, которая на своемъ знамени крупными литерами написала: народность. Замѣчателенъ тотъ фактъ, что обѣ партіи, на основаніи одной и той же философской системы Гегеля, рѣшили вопросъ о народности діаметрально противоположно: славянофилы оперлись въ своемъ ученіи на то положеніе гегелевской философіи, что каждая историческая народность есть носительница своей идеи, которую она вкладываетъ въ сокровищницу развитія человѣчества; изъ этого они прямо вывели, что увлеченіе идеями и формами чуждыхъ народностей не только безполезно, но и положительно вредно, что оно отвлекаетъ народъ отъ развитія той идеи, которую онъ обязанъ внести въ исторію человѣчества; поэтому, рѣшили славянофилы, мы должны всячески удаляться отъ усвоенія западной образованности, проникаться нашими собственными народными началами, которыя мы готовимся внести въ исторію. Западники же въ рѣшеніи вопроса о народности оперлись на то положеніе гегелизма, что народность есть не что иное, какъ индивидуализація общаго, форма, въ которую вкладывается общая идея человѣчества. Форма эта вырабатывается исторіею, природою; она дается намъ помимо нашего сознанія и какихъ-либо стремленій, такъ же какъ и личная наша физіономія; поэтому мы не только не имѣемъ надобности стремиться къ народности, напротивъ того, намъ трудно отрѣшиться отъ нея, если бы мы и хотѣли; примѣромъ этого можетъ служить французская литература XVIII вѣка, которая, при всей своей подражательности образцамъ классической литературы, все-таки оставалась народною въ томъ смыслѣ, что выводимые ею на сцену герои болѣе были похожи на французовъ версальской атмосферы, чѣмъ на героевъ древности. Стремиться къ народности, говорили западники, это значитъ стремиться къ формѣ, не заботясь о содержаніи ея; напротивъ того, главное наше стремленіе должно заключаться въ томъ, чтобы вливать въ эту форму общечеловѣческое содержаніе; въ концѣ же концовъ, отрѣшаясь все болѣе и болѣе отъ временныхъ и узкихъ формъ народностей, человѣчество должно стремиться къ тому, чтобы слиться въ одну общечеловѣческую форму, которая бы носила въ себѣ общечеловѣческое содержаніе.

Въ силу этихъ идей, при оцѣнкѣ тѣхъ или другихъ

литературныхъ произведеній, славянофилы имѣли главною задачею рѣшать, на сколько произведеніе проникнуто началами, сродными русскому духу; западники-же рѣшили разъ навсегда, что каждое произведеніе, написанное русскимъ, такъ или иначе, непремѣнно народно, непремѣнно выражаетъ ту или другую сторону характера русской народности; главная-же забота заключается въ томъ, чтобы опредѣлить, какія общечеловѣческія начала заключаетъ въ себѣ оно.

Философія Гегеля потеряла свое господство надъ русскими умами въ концѣ 50-хъ годовъ. Она смѣнилась новыми системами, господствующими въ настоящее время подъ именемъ *реализма*. Подводя разные вопросы жизни подъ свои начала, реализмъ прежде всего позаботился перерѣшить вопросъ о цѣли и значеніи литературы въ жизни общества. Это было дѣломъ первой важности въ нашей жизни, обусловливаясь тѣмъ значеніемъ, которое имѣетъ въ нашей жизни литература. Но занявшись подведеніемъ подъ новыя условія вопроса о значеніи литературы вообще, мы сдѣлали огромный пробѣлъ, оставивши совершенно въ сторонѣ частный вопросъ о народности въ литературѣ. Вопросъ этотъ, какъ мы увидимъ ниже, рѣшается самъ собою въ практической сферѣ: въ теоретической-же онъ до сихъ поръ почиваетъ на старыхъ гегеліанскихъ началахъ. Ужь не говоря о славянофилахъ, наши самые ревностные послѣдователи реализма не замѣчаютъ, что, реалисты во всѣхъ другихъ отношеніяхъ, они продолжаютъ оставаться истыми гегеліанцами по вопросу о народности. Когда они начнутъ толковать вамъ о томъ, что литература должна быть реальна, что, не ограничиваясь однимъ созерцаніемъ прекраснаго, она должна служить жизни, отвѣчая на всѣ ея животрепещущіе вопросы, попробуйте замѣтить при этомъ, что не мѣшаетъ также, чтобы она была и народною, я убѣжденъ, что при этомъ вы встрѣтите снисходительную улыбку и услышите совершенно тѣ же самыя слова и выраженія, которыми говорили о народности западники 40-хъ годовъ, опираясь въ своихъ доводахъ на гегелевской философіи, доказывавшей, что народность есть не что иное, какъ индивидуализація общаго.

Между тѣмъ какъ, если вопросъ о народности въ литературѣ мы попробуемъ пересадить на почву реализма и утилитаризма, если мы рѣшимъ его на основаніи тѣхъ новыхъ идей, которыя получили господство у насъ въ послѣдніе годы, мы увидимъ, что это не только не излишній вопросъ, напротивъ того, первой важности, вопросъ о судьбѣ всей литературы; имъ обусловливаются какъ истинная реальность, такъ и полезность литературы.

Реализмъ, не строя никакихъ отвлеченныхъ системъ, не гадая о сущности явленій, изучаетъ ихъ, какъ они представляются нашимъ чувствамъ, восходя отъ частнаго къ общему, отъ случайныхъ и отдѣльныхъ къ общимъ условіямъ, называемымъ міровыми законами. Съ этой точки зрѣнія народность представляется не индивидуализаціею общаго, какъ полагалъ гегелизмъ, а напротивъ того, обобщеніемъ индивидуальнаго. Поселите отдѣльныя, разрозненныя племена подъ общія условія жизни, и они сольются въ одну нераздѣльную народность, какъ слились бриты, англо-саксы и норманы въ англичанъ, а поляне, древляне, сѣверяне и проч.—въ русскихъ, а съ другой стороны—поставьте отдѣльныя части общей народности въ различныя условія жизни, и народность ваша разсыпается на отдѣльныя народности, и послѣднія будутъ группироваться опять-таки по тѣмъ общимъ условіямъ жизни, подъ которыми будетъ жить каждая. Если-бы для каждаго человѣка условія жизни были совершенно отличныя, не имѣющія ничего общаго съ условіями жизни другихъ людей, въ такомъ случаѣ, на земномъ шарѣ не было-бы народностей, а была-бы одна безконечная индивидуализація. Но кромѣ тѣхъ особенныхъ условій для каждаго человѣка, которыя создаютъ его личную индивидуальность, люди живутъ подъ общими условіями, результатомъ которыхъ и является народность. По отношенію къ расѣ народность является, пожалуй, въ свою очередь индивидуальностью, но по отношенію къ отдѣльнымъ людямъ она есть общность. Индивидуальная особенность, народность, раса—это три такія условія жизни, безъ которыхъ невозможно изучать человѣка, какъ невозможно изучать растенія и животныхъ, не опредѣляя рода и вида, къ которому они принадлежатъ. Истинно реальная литература, имѣя дѣло съ изученіемъ жизни людей, конечно, только тогда и будетъ истинно реальной, когда она станетъ изучать жизнь не въ ея отвлеченныхъ сущностяхъ, а въ тѣхъ условіяхъ, въ какихъ она проявляется. Поэзія, построенная на абстрактныхъ началахъ, совершенно пренебрегала этими условіями; она говорила: мнѣ все равно, русскаго, француза или нѣмца вывожу я на сцену, барина или крестьянина,—разница между ними только формальная, сущность-же человѣческая у всѣхъ у нихъ одна и та-же; вотъ эту-то сущность я и имѣю въ виду. Реальный-же поэтъ говоритъ: сущности человѣческой я не знаю, а я вижу человѣка не иначе, какъ подъ вліяніемъ разныхъ условій жизни, и я изучаю, какъ представляется человѣкъ подъ вліяніемъ этихъ условій. Поэтъ живетъ не иначе, какъ въ средѣ того или другаго общества, именуемаго народомъ. Онъ изучаетъ индивидуальныя особенности каждаго человѣка не для того, чтобы поглотиться въ массѣ индивидуализма, но чтобы это индивидуальное подвести подъ общее; первыми обобщеніями реальнаго поэта являются, такъ-называемые на языкѣ эстетики, образы, типы, сюжеты, болѣе или менѣе общіе; но развѣ можетъ истинно-реальный поэтъ остановиться на чемъ-нибудь? Развѣ есть конецъ тому процессу, который называется реальнымъ изученіемъ? Восходя все выше и выше въ своемъ изученіи, реальный поэтъ поневолѣ придетъ къ той общности, которая называется народностью. Изучить свой народъ во всѣхъ условіяхъ его жизни, во всѣхъ формахъ ея и проявленіяхъ, проникнуться всѣми его общими интересами, его радостями и страданіями — вотъ истинная задача реальнаго поэта. Но достигнуть всего этого, вѣдь это значитъ сдѣлаться поэтомъ народнымъ, въ самомъ широкомъ, истинномъ значеніи этого слова. Такимъ образомъ, понятія о реализмѣ въ поэзіи и о народности совершенно совпадаютъ; разница между

ними только та, что реализмъ въ литературѣ есть извѣстный путь, цѣль котораго—народность.

Далѣе, если мы поставимъ вопросъ о народности въ литературѣ на почву утилитаризма, онъ получитъ въ нашихъ глазахъ еще бо́льшее значеніе. Литература должна быть полезна—для кого? Очевидно, не для двухъ, не для тысячи человѣкъ, а для всего края, для всего народа, на языкѣ котораго она существуетъ. Литература мечтаетъ о завидной цѣли быть воспитательницею общества, народа, развивать неразвитыхъ, образовывать необразованныхъ, подымать такіе вопросы жизни, которые долго не пошевелились-бы еще въ мозгахъ большинства нашихъ соотечественниковъ безъ ея содѣйствія.

При этомъ я прошу читателя обратить вниманіе на завидную роль, которую можетъ и должна играть изящная литература въ этомъ дѣлѣ. Если мы прослѣдимъ наше собственное развитіе, мы увидимъ, что чѣмъ на низшей степени развитія стоитъ человѣкъ, тѣмъ бо́льшее значеніе въ развитіи его имѣетъ художественная литература. Въ жизни каждаго человѣка былъ такой періодъ, въ который чтеніе его состояло исключительно изъ произведеній художественной литературы; только на извѣстной, значительной уже степени развитія мы начинаемъ мало-по-малу приступать къ чтенію книгъ серьезнаго, научнаго содержанія. Большинство людей даже такъ-называемаго образованнаго слоя общества ничего не разрѣзываетъ въ журналахъ, кромѣ романовъ, повѣстей, комедій и стихотвореній. Что-же сказать о литературѣ, которая, мечтая развивать неразвитыхъ, представляетъ въ своихъ произведеніяхъ такіе образы и на такомъ языкѣ, что только нѣкоторые избранники, стоящіе на очень высокой степени развитія, могутъ пользоваться ею?

Въ этомъ отношеніи литература, развивая людей развитыхъ, образуя людей образованныхъ, очень похожа на педагогическое заведеніе, которое дѣйствовало бы такимъ образомъ: учителя, вмѣсто того, чтобы давать уроки ученикамъ, ограничивались бы тѣмъ, что собирались на педагодическіе совѣты, сообщали другъ другу, что они читаютъ, о чемъ думаютъ, давали бы другъ другу полезные совѣты, читали другъ передъ другомъ блестящія пробныя лекціи; такіе учителя могли бы быть очень полезны другъ для друга; но смѣшны были бы они, еслибы при этомъ воображали, что они въ то же время полезны и для массы учениковъ, пребывающихъ безъ книгъ, безъ уроковъ, въ неподвижномъ невѣжествѣ подъ присмотромъ грозныхъ гувернеровъ, строго-наблюдающихъ за порядкомъ и благочиніемъ въ классахъ. Такое зрѣлище представляетъ литература наша, которая въ послѣднее время постоянно твердила и твердитъ, что главная ея цѣль—служеніе народу. Подобное положеніе представляется еще неестественнѣе и нелѣпѣе, если подумать, что народъ прямымъ или косвеннымъ путемъ оплачиваетъ существованіе этой литературы, и взамѣнъ тѣхъ капиталовъ страны, которые затрачиваются ежегодно на произведеніе и изданіе эстетическихъ произведеній россійской литературы, получаются книжки, которыя служатъ предметомъ празднаго развлеченія для немногихъ избранныхъ людей. Мнѣ могутъ сдѣлать здѣсь такое возраженіе, что капиталы тратятся не даромъ въ томъ смыслѣ, что раньше или позже народъ когда нибудь да разовьется до пониманія нашихъ изящныхъ произведеній, и тогда воспользуется тѣми продуктами, на произведеніе которыхъ тратятся теперь капиталы. Но, вопервыхъ, ручаетесь ли вы, что для народа будутъ годны всѣ тѣ изящныя произведенія, которыя выходятъ въ настоящее время? Оглянемся назадъ и посмотримъ, сколько различныхъ литературныхъ школъ пало безвозвратно, смѣнившись новыми школами? Что такое паденіе школы, какъ не сознаніе ея заблужденія и не выходъ изъ этого заблужденія на свѣтъ? Неужели народъ долженъ будетъ воспринимать одни за другими всѣ наши старые грѣхи и промахи? Станетъ ли народъ читать, а если и станетъ, найдетъ ли что-нибудь поучительное въ разныхъ произведеніяхъ нашей литературы ложно-классическихъ, романтическихъ, идеалистическихъ и проч.? Что же такое всѣ эти произведенія, какъ не капиталы, безслѣдно похороненные въ архивной пыли библіотекъ? А во-вторыхъ, если-бы даже всѣ прошлыя произведенія нашей литературы были поучительны для народа, то какъ же разовьете вы его до пониманія ихъ, если не заговорите съ нимъ языкомъ, вполнѣ понятнымъ и доступнымъ для него, если не снизойдете къ нему? Конечно, подобное снишествіе къ народу должно заключаться не въ видѣ уступокъ разнымъ его вѣковымъ предразсудкамъ, какъ это думаютъ поклонники народной стоглавой Москвы. Передавайте народу всѣ ваши глубокія и высокія идеи, заимствованныя съ Запада, но облекайте ихъ въ такой языкъ и въ такіе образы, чтобы онѣ были для всѣхъ равно доступны и понятны. Важное преимущество самобытной народной поэзіи заключалось именно въ томъ, что, не стоя народу ни гроша, она была сокровищемъ, изъ котораго каждый могъ черпать сколько ему угодно, и только тогда литература будетъ истинно полезна для всего края, для всего народа, когда она снова сдѣлается народною въ этомъ смыслѣ слова.

Но выставленіе подобныхъ требованій отъ литературы, какъ бы оно ни было законно и справедливо, всегда будетъ казаться воздушною мечтою, праздною, неосуществимою утопіею, въ виду современнаго состоянія литературы нашей, если не будетъ указанъ путь, идя по которому, литература могла бы выйти изъ настоящаго своего состоянія и сдѣлаться вполнѣ народною. Вѣдь не могутъ же литераторы наши съ сегодняшняго же дня дать себѣ слово писать такъ, чтобы каждый мужикъ понималъ ихъ отъ строки до строки и интересовался ихъ произведеніями. Въ противномъ случаѣ, они должны будутъ, садясь писать, поступать такъ, какъ поступаютъ разные составители народныхъ книжекъ, то-есть, напишутъ фразу и давай думать: „понятна или нѣтъ должна быть эта фраза для простолюдина?“. Дикая неестественность такого способа поддѣлыванія подъ народность ярко выставляется въ каждой строкѣ многихъ книжекъ, написанныхъ для народа, особенно въ изданіяхъ Погосскаго; не менѣе смѣшна такая народность въ рѣчахъ разныхъ провинціальныхъ либераловъ, которыя произносились нѣкогда на земскихъ обѣдахъ, дававшихся въ честь слиянія сословій. Очевидно, что не такою народностью должна подарить насъ литература. Истин-

но-народное произведенiе просто, естественно и непроизвольно выливается изъ-подъ пера писателя; народный писатель пишетъ свои произведенiя такъ же, какъ и не народный, то-есть нисколько не заботясь о томъ, чтобы произведенiе его вышло непремѣнно народно: онъ не имѣетъ ничего иного въ виду, какъ выразить свою мысль, чувство—и произведенiе его выходитъ народно безъ его вѣдома и желанiя. Сдѣлаться народнымъ писателемъ—значитъ, выработать свой языкъ, свои поэтическiе образы, мысли и чувства такимъ образомъ, чтобы писать народною рѣчью о предметахъ, интересующихъ всѣхъ и каждаго, безъ всякихъ усилiй и заботъ о популярности. Этого нельзя достигнуть никакимъ скачкомъ, никакою искусственною поддѣлкою. Это достижимо только естественнымъ путемъ. Настоящая статья могла бы, дѣйствительно, показаться праздною фантазiею, еслибы ограничилась выставленiемъ требованiя, не опредѣливши того естественнаго пути, идя по которому, литература можетъ удовлетворить этому требованiю. Указанiе этого естественнаго пути и составляетъ главную цѣль моей статьи. И это тѣмъ удобнѣе возможно будетъ сдѣлать безъ всякихъ гадательныхъ и произвольныхъ приглашенiй съ нашей стороны писателей идти направо или налѣво, что въ самой литературѣ начались уже инстинктивно, безъ всякихъ теоретическихъ указанiй, попытки идти по этому пути. Попытки эти, въ рядѣ разныхъ заблужденiй, опошлившихъ и изгадившихъ истинное стремленiе къ народности въ литературѣ, представляютъ отрадную, живую струю, которой готовится великая будущность. Вырвавшись въ 40-хъ годахъ на свѣтъ, струя эта не перестаетъ течь все шире и шире, все глубже и глубже, принимая въ себя разные притоки и готовясь обратиться въ широкую, многоводную рѣку. Дѣло наше будетъ состоять только въ томъ, чтобы опредѣлить направленiе этой струи въ настоящее время, и это направленiе само собою, безъ нашихъ усилiй, укажетъ нашимъ писателямъ тотъ путь, который прямо и неуклонно можетъ повести ихъ къ народности.

II.

Славянофилы, сѣтуя на раздвоенность нашего общества, на отсутствiе всякой связи между искусственною поэзiею нашею и народною, причину такого явленiя видятъ исключительно во влiянiи на насъ западной образованности и рабской подражательности съ нашей стороны формамъ ея. Въ сущности-же существуетъ причина болѣе дѣйствительная и общая, влiяющая на всякое раздвоенiе народа — будетъ-ли оно сопровождаться влiянiемъ чуждой цивилизацiи, или совершится домашнимъ образомъ. Мы просимъ при этомъ припомнить, что мы сказали въ первой главѣ объ образованiи народностей: каждый разъ, когда группа людей становится въ какiя-нибудь особенныя условiя жизни, необходимымъ слѣдствiемъ этого является образованiе народности, владѣющей особеннымъ языкомъ и создающей свою особенную литературу. Этимъ обусловливается какъ появленiе нарѣчiй, говоровъ, разновидностей одного народа, такъ и то раздвоенiе, какое совершается между массою и образованнымъ классомъ. Если образованiе разлито равномѣрно по всему народу, и если народъ, во всей своей массѣ, увлечется подражанiемъ какой-нибудь чуждой образованности, въ такомъ случаѣ не можетъ быть и рѣчи о ненародности такого движенiя: народное движенiе и есть именно такое, въ которомъ участвуютъ массы народа. Если-же, напротивъ того, изъ среды народа выдѣлится группа людей, поставитъ себя совершенно въ иныя условiя жизни, чѣмъ тѣ, въ которыхъ живетъ большинство населенiя края, замкнется въ этихъ условiяхъ и изолируется отъ всего прочаго мiра, въ такомъ случаѣ, если-бы не было никакихъ чуждыхъ влiянiй, группа эта все-таки создастъ свои особенные нравы, обычаи, языкъ и литературу. Если затѣмъ на сторонѣ этой группы будутъ матерiальныя богатства и умственный досугъ — однимъ словомъ, все, что способствуетъ быстрому развитiю образованности, то естественно, что она далеко опередитъ въ своей образованности прочiе классы народонаселенiя и создастъ культуру, въ которой ничего не будетъ общаго съ культурою массъ, оставленныхъ ею назади. Если до Петра Великаго наши привиллегированные классы представляются вполнѣ сходными въ своей культурѣ съ народными массами, то это потому, что они не успѣли еще создать своей собственной культуры, въ то время какъ рядомъ существовала высокая цивилизацiя, влiянiю которой они и подчинились. Но тотъ уже фактъ, что привиллегированные классы подчинились влiянiю западной цивилизацiи, а масса не подчинилась, показываетъ, что эти классы представляли уже нѣкоторую особенность сравнительно съ массами, бóльшую умственную гибкость и воспрiимчивость. Классы эти стояли во время Петра на томъ пути, что не будь влiянiя западной образованности, они раньше или позже по своему положенiю создали-бы свою особенную образованность и искусственную литературу въ отличiе отъ народной поэзiи массъ. Таково происхожденiе искусственной литературы у всѣхъ народовъ. Какъ только привиллегированный классъ выдѣляется изъ массы народа и замыкается въ свой кругъ, онъ быстро создаетъ искусственную литературу въ отличiе отъ народной. Литература эта, игнорируя интересами массы, выражаетъ исключительно ту жизнь, которою живетъ этотъ классъ. Но послѣ быстраго процвѣтанiя такая искусственная литература столь-же быстро падаетъ, потому что скоро исчерпываетъ свой матерiалъ; для поэтическаго творчества необходимы новыя впечатлѣнiя, страстность которыхъ и возбуждаетъ его; а когда жизнь смыкается въ тѣсномъ кружкѣ въ неизмѣнныя формы, то поэтамъ только и остается, что вѣчно пѣть одну и ту-же пѣсню, которая подъ конецъ всѣмъ прiѣдается и дѣлается рутинною пошлостью. Выходомъ изъ такого печальнаго состоянiя литературы можетъ быть только какое-нибудь живое, народное движенiе, которое размыкаетъ заколдованный кружокъ образованныхъ классовъ, обращаетъ вниманiе ихъ на интересы массы, на ея нравы, обычаи, вѣрованiя и поэзiю; изъ самой массы начинаютъ выходить пѣвцы ея жизни и стремленiй. Тогда въ литературѣ начинается обратное движенiе отъ искусственой поэзiи къ народной; въ область ея вторгаются новые, жи-

вые, свѣжіе элементы, характеризующіе собою движенія народныхъ массъ. Такія два противоположныя движенія литературы и зависимость ихъ отъ общественныхъ условій мы можемъ отлично прослѣдить въ исторіи европейскихъ литературъ въ средніе вѣка. У насъ существуетъ ложное понятіе, что будто въ средніе вѣка литература западно-европейскихъ народовъ стояла постоянно на народной почвѣ, что искусственная литература, прервавшая всякую связь съ народною, началась съ эпохи renaissance. Напротивъ того, мы видимъ, что если было когда-либо въ средніе вѣка господство народной поэзіи, то въ началѣ только ихъ, во время движеній народныхъ массъ и завоеваній, извѣстныхъ въ исторіи подъ именемъ великаго переселенія народовъ. Когда-же народы успѣли усѣсться на своихъ мѣстахъ и повсюду сформировались привиллегированныя, рыцарскія сословія, старинныя эпическія саги и поэмы дѣлаются достояніемъ простаго народа, да предметомъ монастырской учености, занимавшейся собраніемъ и переписываніемъ ихъ. Въ привиллегированныхъ-же классахъ быстро создается особенная, искусственная литература, извѣстная подъ именемъ провансальской и романтической. Литература эта, воспѣвая подвиги и любовь королей и рыцарей, исключительно терлась при дворахъ и въ замкахъ. Самое названіе одного изъ главныхъ родовъ этой поэзіи „sirventes" (отъ слова servire—служить), то-есть служебныя пѣсни, показываетъ, какое значеніе имѣла эта поэзія и какую роль играли пѣвцы ея—труверы. Отражая въ себѣ жизнь, нравы, стремленія рыцарства, ихъ войны, любовь, любезность и придворное остроуміе, ихъ схоластическую ученость, наконецъ даже и либерализмъ, заключавшійся въ порицаніяхъ пороковъ Рима и духовенства, труверы въ то-же время до такой степени игнорировали жизнь и стремленія народныхъ массъ, что въ своихъ пасторетахъ вмѣсто живыхъ людей изъ народа представляли идиллическихъ пастушковъ и пастушекъ. Провансальская поэзія быстро распространилась по всей Европѣ; всѣ дворы, всѣ замки начали подражать ей, подобно тому, какъ впослѣдствіи совершилось такое-же подражаніе въ образованныхъ классахъ Европы французской литературѣ XVIII вѣка. Но если въ другихъ странахъ Европы искусственность провансальской поэзіи соединялась съ подражательностью, то во Франціи и особенно въ Провансѣ она была самобытнымъ явленіемъ, возросшимъ на своей собственной почвѣ, и все-таки она была искусственнымъ цвѣткомъ на этой почвѣ и послѣ пышнаго процвѣтанія должна была пасть, потому что кругъ ея былъ слишкомъ узокъ и матеріалъ ея скоро весь былъ исчерпанъ. Хватило этого матеріала всего на 200 лѣтъ (1090—1290); затѣмъ провансальская поэзія хотя и продолжала существовать, но вѣчно повторяла одно и то-же въ неизмѣнныхъ формахъ, съ каждымъ вѣкомъ становясь рутиннѣе и пошлѣе. Хотя провансальскій король Рене въ XV вѣкѣ и старался всячески воскресить ее, но безуспѣшно; это было послѣднимъ сверканіемъ потухающей лампы. Если на своей собственной почвѣ романтизмъ такъ неудержимо палъ, то на чуждыхъ почвахъ, гдѣ ему подражали, паденіе его было еще неудержимѣе. XIV вѣкъ представляетъ самое жалкое состояніе искусственной рыцарской и придворной литературы во всѣхъ странахъ Европы. Начавшаяся вслѣдъ затѣмъ реформація служитъ точкою поворота для всего умственнаго движенія Европы. Вліяніе движенія народныхъ массъ на литературу въ эпоху реформаціи было такъ сильно, что, не смотря на возрожденіе древнихъ искусствъ и увлеченіе ими, въ литературахъ XIV и XV вѣковъ мы видимъ сильное и неуклонное стремленіе къ народности, выдвинувшее во всѣхъ странахъ Европы писателей чисто-народныхъ. Вотъ какъ прекрасно характеризуетъ это движеніе въ Германіи Шерръ въ своей Всеобщей исторіи литературы:

«Потребность поэтическаго выраженія опять проявилась въ народѣ въ то время, когда городское сословіе и народъ получили то соціальное положеніе, которое до XIV и XV столѣтій занимало исключительно дворянство; когда войны гусситскія, распри нѣмецкихъ городовъ съ разбойничьею шайкою дворянъ, славныя побѣды Дитмарсовъ на сѣверѣ и швейцарцевъ на югѣ Германіи надъ князьями и рыцарями, пробудили демократическое сознаніе. Историческія народныя пѣсни вытѣснили рыцарскую поэзію, превратившуюся въ сухое иносказаніе и панегирикъ. Такія пѣсни весело раздавались въ предѣлахъ Голштиніи и въ Альпахъ. Превосходную пѣсню сочинилъ Гальбсутеръ «Von dem stritt ze Lempach»; Фейтъ Веберъ въ концѣ XV столѣтія прославлялъ бургундскія битвы, особенно битву при Муртенѣ; къ нимъ можно присоединить и Мугейма съ его «Tellenlied». Нетолько историческая, но и вообще вся жизнь народа отпечатлѣвается въ тогдашней пѣснѣ. Крестьянинъ пѣлъ за плугомъ о страданіяхъ и радостяхъ своего угнетеннаго состоянія, мельникъ сопровождалъ стукотню своей мельницы звучною риѳмою, ратникъ сокращалъ себѣ путь воинственными гимнами и сатирическими пѣснями, юноша и дѣвушка раскрывали другъ другу сердечныя тайны въ пѣсняхъ, часто удивительно задушевныхъ; не отставали отъ нихъ монахъ и монахиня, странствующій ремесленникъ означалъ свой приходъ и уходъ въ привѣтственныхъ и прощальныхъ пѣсняхъ, благочестивою пѣснію привѣтствовалъ богомолецъ священныя мѣста, огорченный изливалъ въ пѣснѣ свою грусть, веселый — радость; охотникъ, извозчикъ, нищій, угольщикъ, рудокопъ, пастухъ, садовникъ, виноградарь—всѣ они выражали въ пѣсняхъ все, что ихъ занимало, все, что они испытали и сдѣлали въ жизни. Кѣмъ сочинены эти пѣсни — неизвѣстно, и потому о нихъ можно сказать то-же, что о вѣтрѣ — мы чувствуемъ ихъ вѣяніе, но не знаемъ, откуда они проходятъ и куда уходятъ. Лимбургская хроника мѣтко характеризуетъ эту народную любовь къ пѣснѣ: она говоритъ о народныхъ пѣсняхъ и приводитъ такія, «которыя ко всеобщей радости распѣвались и насвистывались во всей Германіи». Число историческихъ народныхъ пѣсенъ необыкновенно умножилось, когда во времена реформаціи народная жизнь получала все большее и большее развитіе и когда политическія событія стали возбуждать все болѣе живой и рѣшительный интересъ и въ низшихъ сословіяхъ. Предметомъ ихъ были особенно герои и событія реформаціи и крестьянской войны, раздоры князей между собою и съ императоромъ, итальянскія распри Карла V и Франциска I и турецкія войны».

Относительно Англіи достаточно упомянуть имя такого титана, какъ Шекспиръ, чтобы ясно и наглядно видѣть, какое движеніе въ пользу народности произвела въ литературѣ реформація. Особенно заслуживаетъ вниманіе то, что въ одно время съ Шекспиромъ жилъ Бенъ-Джонсонъ, который все время воевалъ съ Шекспиромъ, будучи увлеченъ классическою драмою

съ тремя единствами; самъ Шекспиръ не былъ чуждъ нѣкотораго увлеченія классицизмомъ, выразившагося въ его драмахъ изъ греческаго и римскаго міра; но народность взяла перевѣсъ въ трагедіяхъ великаго драматурга и громы Джонсона не помѣшали Шекспиру быть въ свое время любимцемъ лондонской публики и въ особенности простаго народа.

Во Францію реформація вторглась въ самой своей дурной формѣ кальвинизма и коснулась преимущественно привиллегированныхъ классовъ, но и во Франціи новое движеніе умовъ вызвало Рабле, который подготовилъ умы своихъ соотечественниковъ къ воспринятію реформаціонныхъ идей, осмѣявши своимъ чисто народнымъ, реальнымъ смѣхомъ все старое общество съ его ханжествомъ, схоластикой и напыщенною неестественностью романтизма.

Даже въ Испаніи, гдѣ реформація была потушена въ своихъ зачаткахъ, появился Сервантесъ — и осмѣялъ падающее рыцарство съ его истощенною литературою. Но значеніе Донъ-Кихота заключается не въ одномъ смѣхѣ, а и въ тѣхъ чисто-народныхъ элементахъ, которые внесъ Сервантесъ въ свой романъ въ оппозицію выдохшемуся содержанію романтической литературы.

IV.

Совершенно такое-же явленіе мы можемъ прослѣдить въ нашей жизни за послѣдніе 200 лѣтъ. Отчужденность нашихъ образованныхъ слоевъ отъ народныхъ массъ была столь сильна, что не такъ давно еще подъ словомъ „русское общество" разумѣлось небольшое меньшинство народа, исключительно образованный слой его, а подъ словомъ „русская жизнь" — разумѣлась жизнь этого слоя. Все, что не принадлежало къ этому меньшинству, какъ будто не существовало, все это крестилось общимъ именемъ „подлой черни, грубой массы, мертваго прозябанія". Когда литература наша послѣ упадка новаго романтизма встала на реальную почву, начала изображать окружающую ее жизнь, она занялась изображеніемъ жизни и нравовъ одного образованнаго меньшинства, въ средѣ котораго вращалась. Когда появились на сцену Онѣгины, Печорины, Рудины, Лаврецкіе и проч., тогда по этимъ именамъ начали судить и умозаключать о жизни и характерѣ не только русскаго человѣка вообще, но даже всего славянскаго племени, какъ-будто все славянское племя состояло въ то время изъ нѣсколькихъ тысячъ говоруновъ, читавшихъ Гегеля отъ нечего дѣлать. Правда, иногда наши писатели 30-хъ годовъ выводили на сцену личности изъ простаго быта (Полевой, Лажечниковъ, Загоскинъ, Вельтманъ), но эти личности или похожи были скорѣе на аркадскихъ пастуховъ и пастушекъ, чѣмъ на живыхъ людей, или это были жалкія пародіи на мужиковъ, въ которыхъ народъ продолжалъ играть ту шутовскую роль, которую игралъ онъ въ глазахъ высокообразованныхъ предковъ нашихъ XVIII ст., любившихъ похохотать надъ смѣшнымъ невѣжествомъ подлой черни.

Литература могла ограничиваться такою исключительностью до тѣхъ поръ, пока интересы меньшинства, въ средѣ котораго она вращалась, не выходили изъ его замкнутаго круга. Но когда они расширились, когда на первый планъ встали вопросы о судьбѣ той самой массы, о которой прежде рѣдко кто помышлялъ, литература не могла болѣе сосредоточиваться въ своемъ узенькомъ міркѣ, она должна была заняться изученіемъ жизни и нравовъ той самой массы, которою прежде она такъ гнушалась. Отсюда естественно возникло стремленіе литературы къ изученію народа во всѣхъ его слояхъ и проникновеніе интересами народа.

Первыми нашими изучателями народнаго быта были, конечно, славянофилы. Но для того, чтобы изучать что-нибудь, надо приступать къ предмету изученія, какъ къ сырому, невѣдомому матеріалу, безъ всякихъ предвзятыхъ теорій и предразсудковъ. Въ этомъ заключается истинный реализмъ всякаго изученія. Таковы-ли были наши первые изучатели? Нѣтъ, они шли изучать народъ съ заранѣе уже a priori задуманными мнѣніями о немъ. У нихъ въ головѣ сидѣлъ идеалъ русскихъ богатырей, готовыхъ закидать шапками гнилую Европу, и они шли поучаться у геніальнаго народа неизрѣченнымъ глаголамъ. Вслѣдствіе подобныхъ заранѣе составленныхъ предубѣжденій, они умилялись, прислушиваясь къ каждому слову, произнесенному простолюдиномъ, и повсюду открывали доблести русскаго духа и чудеса русской геніальности. Это возведеніе въ идеалъ народной жизни, какова она есть, безъ всякаго анализа ея, послужило оправданіемъ всевозможнаго обскуратизма во имя народости. Рядомъ съ дѣйствительными, реальными симпатіями и антипатіями народа, выходящими изъ различныхъ условій его быта и отношеній его къ разнымъ слоямъ общества, существуетъ у народа рядъ предразсудковъ, выработанныхъ исторіею; предразсудки эти давно отжили, народъ не особенно ими и дорожитъ, заявляетъ нерѣдко даже и протесты противъ нихъ, но масса продолжаетъ держаться ихъ по старой рутинѣ. Очень часто случается и такъ, что свои реальныя симпатіи или антипатіи народъ облекаетъ въ разныя ветхія формы своихъ предразсудковъ. Такъ, онъ начинаетъ особенно чествовать и чуть не обоготворяетъ личности, которыя дѣйствовали въ его пользу; напротивъ того, въ личностяхъ, ненавистныхъ ему по тому злу, которое онѣ производили, онъ видитъ или нехристей, измѣнившихъ православной вѣрѣ, или злыхъ колдуновъ, продавшихъ душу чорту, и даже антихристовъ. Вмѣсто того, чтобы отдѣлить реальныя симпатіи и антипатіи народа отъ призрачныхъ, наши поклонники народности не только что смѣшиваютъ безразлично все это въ одну массу, но очень часто въ призрачныхъ симпатіяхъ и антипатіяхъ именно и видятъ всю суть народныхъ стремленій. Такъ, напримѣръ, самъ по себѣ народъ нисколько не чуждается западной образованности; едва только позволяетъ достатокъ, простолюдинъ не прочь обзавестись разными заморскими диковинками и даже перемѣнить свою сермягу на европейскій костюмъ; народъ нисколько не чуждается иностранцевъ, если они являются передъ нимъ не въ видѣ нѣмца-управителя фабрики или имѣнія; посмотрите вы на русскихъ матросовъ, которые зачастую братаются и пьютъ вмѣстѣ съ англійскими и голландскими матросами. Но тотъ-же самый народъ недовѣрчиво смотритъ на каждаго образованнаго человѣка,

носящаго европейскій костюмъ. Такая недовѣрчивость происходитъ изъ причинъ самыхъ реальныхъ, въ родѣ разныхъ сословныхъ предразсудковъ, основанныхъ на отжившемъ уже крѣпостномъ правѣ; нашимъ-же поклонникамъ народности кажется, что народу не нравится, зачѣмъ это образованные люди одѣваются по-европейски, читаютъ иностранныя книги, водятся съ иноземцами, зачѣмъ они не носятъ бородъ, не пьютъ квасу и не парятся на полкѣ въ банѣ, зачѣмъ они, однимъ словомъ, измѣнили русскимъ народнымъ обычаямъ и нравамъ и увлеклись иноземщиной. Если всѣ эти причины возбуждали въ народѣ вражду, то это было уже очень давно, при Петрѣ I, 200 лѣтъ тому назадъ. Въ эти 200 лѣтъ масса народа если и не успѣла еще пріобрѣсти никакой образованности, то, во всякомъ случаѣ, хоть на одинъ куриный шагъ подвинулась впередъ сравнительно съ массой временъ Петра I; подвинулась настолько, что не смотритъ уже, какъ на измѣнника православной вѣрѣ, на человѣка, брѣющаго бороду и ходящаго въ сюртукѣ, и если до сихъ поръ еще сохраняются среди раскольниковъ такіе изувѣры, то сами раскольники въ большинствѣ начинаютъ смотрѣть гораздо снисходительнѣе и на иностранные обычаи, и на самихъ иностранцевъ.

Нагляднымъ примѣромъ возведенія въ идеалъ разныхъ народныхъ предразсудковъ могутъ служить повѣсти Кохановской. Писательница эта обладаетъ замѣчательнымъ талантомъ и знаніемъ народной жизни, и тѣмъ болѣе становится жалко, что, пойдя по ложной дорогѣ, она погубила свой талантъ, который могъ-бы принести большую пользу. Возьмите вы какую угодно повѣсть ея, и рядомъ съ истинными и несомнѣнными фактами народной жизни, вы увидите пошлыя и вопіющія натяжки для того, чтобы подвести эти факты подъ славянофильскія тенденціи и пропитать ихъ запахомъ деревяннаго маслица.

Возьмите вы, напримѣръ, повѣсть ея „Послѣ обѣда въ гостяхъ". Въ этой повѣсти всего ярче выступаютъ передъ вами съ одной стороны живые факты народной жизни, а съ другой неестественный, очевидно придуманный конецъ повѣсти для того, чтобы возвеличить такъ-называемыя народныя начала и совершить передъ ними земной поклонъ. Въ повѣсти этой писательница описываетъ бытъ захолустнаго города XVIII столѣтія, когда подобные города мало еще чѣмъ отличались отъ деревень, когда по улицамъ ихъ водили еще хороводы. Героинею является Любовь Архиповна, дѣвушка съ характеромъ сильнымъ, живымъ, натура художественная, удалая. Сюжетъ самый простой и общенародный. Дѣвушка любитъ молодаго, но бѣднаго горожанина Чернаго, а мать приневоливаетъ ее выходить замужъ за стараго и некрасиваго коммиссіонера. Здѣсь вы найдете нѣсколько сценъ, въ которыхъ чрезвычайно живо и вполнѣ въ народномъ духѣ представленъ протестъ молодой жизни противъ зла и насилія, губящаго эту жизнь. Когда Любовь Архиповну повѣнчали съ противнымъ ей коммиссіонеромъ, ей захотѣлось отпраздновать въ послѣдній разъ праздникъ молодости:

«Ну, какъ я тебѣ сказала, матушка, что сердце у меня закаменѣло, говорила она:—такъ оно у меня и осталось. На мужа-то я не гляжу и не вижу его; матушка мнѣ какъ чужая стала, одно только то, какъ погляжу на сестеръ, кажется бы я имъ душу свою горькую отдала! Вотъ-то положили намъ на завтра выѣзжать, я говорю послѣ обѣда матушкѣ: «Утопили вы мою голову на вѣки-вѣчные; пусть же я въ послѣдній разъ оглянусь на свою радость дѣвическую, на долю мою молодую безвозвратную. Идите себѣ, куда знаете, на вечеръ и его берите съ собою. Чтобъ его духу тутъ не было. Я хочу проститься съ своими».

— Что же матушка?—спросила я.

— Да ничего,—сказала Любовь Архиповна. Она стала тихая такая, да смирная; все на меня смотритъ. «Любаша моя, Любаша! Ну, Богъ съ тобой, говоритъ, дѣлай, какъ знаешь! Развѣ я тебѣ худа желаю?».

— То-то до добра и довели, говорю. Берите же его съ собою, чтобъ мои глаза его хоть съ часъ мѣста не видали.

— А онъ, Любовь Архиповна?—спрашивала я.

— Что онъ, матушка? Мнѣ о немъ и заботы не было. Я и звать-то его иначе не называла, какъ *онъ*, да *его*. «Что жъ! говорю, развѣ вы все будете такъ за мною слѣдомъ ходить? Идите себѣ съ матушкою, а я останусь свой послѣдній пиръ пировать. Вы со мною не жили, дѣвичьей моей доли и воли вы не дѣлили, стало вамъ нечего и быть тутъ, какъ я стану прощаться со всѣмъ тѣмъ». Поплелся онъ, матушка, а я протопопскимъ барышнямъ велѣла сказать, чтобъ онѣ, черезъ своего философа, всѣхъ нашихъ господъ оповѣстили, что я всѣхъ жду свой послѣдній пиръ пировать».

Затѣмъ слѣдуетъ сцена этого пира, по истинѣ трагическая. Страшно щемитъ за сердце хороводъ и пляска молодыхъ людей, въ то время, какъ у всѣхъ на сердцѣ скребли кошки.

«Я подъ собою земли не слыхала, говорила Любовь Архиповна. Никогда въ жизни, ни прежде, ни послѣ звонче не пѣвала и не плясала такъ... Я будто и пріустану немного, и хороводъ словно начнетъ ослабѣвать у насъ, такъ нѣтъ! Черный, какъ зальется, засвиститъ съ стиха и громче своимъ голосомъ—и словно онъ силою какою могутною двинетъ насъ! Опять хороводъ ожилъ, встрепенулся, и я пошла съ нимъ, съ Чернымъ, въ одиночку плясать...

— Наконецъ, матушка! сказала Любовь Архиповна:—отплясала я всѣ свои пляски и перепѣла всѣ мои пѣсни. Начала было эту послѣднюю·

Изъ-за лѣса, лѣса темнаго
Вылетало стадо лебединое,
А другое—гусиное.
Отставала лебедушка
Прочь отъ стада лебединаго,
Приставала лебедушка
Что ко стаду ко сѣрыхъ гусей...

И такъ дальше: что отставала такая-то прочь отъ красныхъ дѣвушекъ и приставала она къ молодымъ молодушкамъ, я, матушка, не кончила. «Будетъ! говорю, пѣсня кончена... Попрощаемся, мои барышни, на разставаньи. Гдѣ я съ вами пѣла и плясала, тамъ вы меня обнимите и отпустите отъ себя, мои бѣлыя лебедушки»! И словно съ меня силу мою всю какъ рукой сняло. Прислонилась я къ дереву, чтобъ устоять мнѣ... И дерево это, я какъ сейчасъ помню, большая верба у матушки середи двора была. Мы ее сколько разъ обхватывали въ хороводъ, а еще плясать подъ нею такъ чудно было. Вѣтки большія всѣ въ инеѣ, наклономъ наклонились: мы какъ двинемъ подъ нихъ хороводъ и зальемся нашею пѣснею, такъ вся верба шорохомъ шорохается и сверху инеемъ осыпаетъ насъ... Такъ вотъ къ вербѣ-то своей я прислонилась, матушка, и стою, не двигаюсь. Барышни всѣ, одна по одной, подошли ко мнѣ, поцѣловали меня, и всякая мнѣ низ-

ко поклонилась. Я имъ слова никакого не молвлю, стою, поглядѣла вокругъ по одну сторону, онѣ отошли, стоятъ, мои голубочки, по другую сбились въ кучу наши добрые молодцы... «Ну-те; а вы же что? говорю, развѣ я вамъ не хорошо пѣсни пѣвала, или не весело плясала съ вами, что, таковы молодцы, вы и попрощаться со мною не хотите»? Черный, матушка, слова не сказалъ, подошелъ первый ко мнѣ; наклонился, крѣпко поцѣловалъ меня, а слезы у него какъ брызнутъ, такъ и задали мнѣ лицо... Я посмотрѣла ему вслѣдъ. «Прощай, добрый молодецъ»—говорю, онъ и не оборотился; пошелъ прямо къ воротамъ и только назадъ рукой махнулъ. Такъ они всѣ подошли ко мнѣ и попрощались со мною. Философу нашему послѣднему пришелъ чередъ. Онъ и приступилъ ко мнѣ; но видно, взглянувши на меня поближе, какъ всплеснулъ руками. «Ахъ, братцы мои, сестрицы голубочки! завопилъ голосомъ: Любовь Архиповна совсѣмъ умираетъ.»—«Не бось, сказала я. Еще поживу, и пошла отъ него въ домъ».

Такъ совершилось одно изъ тѣхъ наглыхъ, гадкихъ, безчеловѣчныхъ убійствъ молодой жизни, убійствъ, которыя совершаются на каждомъ шагу совершенно безнаказанно во имя такъ называемой старческой опытности и желанія блага своимъ дѣтямъ. Что же оставалось болѣе дѣлать Любовь Архиповнѣ, какъ не увядать въ тяжкой неволѣ, и что оставалось писательницѣ, какъ не закончить этимъ старую и въ то же время вѣчно новую исторію? Но писательницѣ вздумалось во имя христіанскихъ идей мало того, что оправдать,—чуть не обоготворить дѣло, въ которомъ не только и тѣни не было чего-либо христіанскаго, но и вообще человѣческаго. Далѣе она разсказываетъ, какъ Любовь Архиповна долго жила съ мужемъ, будто съ чужимъ, не говоря съ нимъ ни слова и не глядя на него, и потомъ вдругъ ни съ того, ни съ сего подъ обаяніемъ свѣтлаго праздника нашла на нее божественная благодать, она умилилась, залилась слезами, кинулась на шею къ мужу, облобызала его и—полюбила!... Вотъ что называется ткнуть пальцемъ прямо въ небо! Что-же остается, прочтя повѣсть Кохановской, какъ не преклониться передъ народными началами, которыя совершаютъ такія неизрѣченныя чудеса!... И вотъ такія прелести вы найдете въ каждой повѣсти Кохановской. И чѣмъ болѣе писала она, тѣмъ болѣе и болѣе подливала деревяннаго маслица въ свои повѣсти; наконецъ дописалась она до „Недавней встрѣчи", въ которой уже нѣтъ ни образовъ, ни лицъ, а вы найдете цѣлый потокъ мистическихъ разглагольствованій о суетѣ міра сего въ духѣ „Переписки съ друзьями" Гоголя. Такъ палъ талантъ поистинѣ замѣчательный, и не мудрено: даже такой геніальный талантъ, какъ Гоголь, и тотъ погибъ, едва вступилъ на этотъ путь.

IV.

Но, рядомъ со всѣми этими заблужденіями, опошлившими стремленіе литературы къ народности, въ 40-хъ и 50-хъ годахъ уже начали появляться время отъ времени попытки изучать бытъ народный и выводить на сцену людей изъ разныхъ слоевъ общества—вполнѣ реально, не какъ образцы величія русскаго духа и не въ видѣ гороховыхъ шутовъ для праздной потѣхи, а какъ живыхъ людей, имѣющихъ свои достоинства и пороки, радости и страданія. Всѣ писатели того времени: Тургеневъ, Писемскій, Островскій, Григоровичъ заплатили свою посильную дань этому новому направленію литературы. Правда, эти первыя попытки были крайне несовершенны; если нѣкоторыя изъ нихъ и высоко стоятъ по своей чистой художественности, то во всякомъ случаѣ далеко не представляютъ того глубокого знанія народной жизни, какое требуется отъ русскаго писателя. Вы видите по этимъ попыткамъ, что писатели приступаютъ къ предмету, который до тѣхъ поръ былъ совершенно чуждъ имъ и который они только-что начинаютъ изучать. Вслѣдствіе плохаго знанія жизни, которую берутся они изображать, они часто вносятъ въ нее элементы той жизни, которою сами живутъ и которая хорошо имъ знакома. Вы можете въ этомъ обвинять тѣ обстоятельства, которыя довели нашихъ писателей до такого исключительнаго, замкнутаго состоянія, что имъ былъ знакомъ одинъ только маленькій уголочекъ русской жизни. Но не будемъ обвинять въ этомъ самихъ писателей; не будемъ упускать изъ виду того, что одного желанія изобразить жизнь какую-либо мало: надо еще знаніе этой жизни; а для знанія нужно изученіе, а изученіе дается только временемъ и обстоятельствами, способствующими къ этому. Не могли-же писатели наши сразу, какъ только захотѣли, изображать ее во всей глубинѣ. Во всякомъ случаѣ, мы должны быть благодарны писателямъ, сдѣлавшимъ первую попытку изображать народъ, какъ живыхъ людей, безъ излишняго поклоненія и безъ высокомѣрно-презрительнаго отношенія къ нему.

Но и въ этомъ ряду первыхъ попытокъ, мы видимъ уже степени бо́льшаго или меньшаго знанія народной жизни. Такъ, напримѣръ, крестьяне въ „Запискахъ охотника" Тургенева являются болѣе похожи на дѣйствительныхъ крестьянъ, чѣмъ въ романахъ Григоровича. „Подлиповцы" Рѣшетникова, очерки Левитова, „Торговая Волга" Зарубина, „Порѣчане" Помяловскаго, „Записки изъ Мертваго дома" Достоевскаго, очерки В. Слѣпцова, Н. Успенскаго, П. Якушкина, Марка-Вовчка и многія другія произведенія современной литературы представляютъ новыя явленія въ этомъ родѣ. Но, несмотря на относительную вѣрность изображенія народнаго быта, всѣ упомянутыя нами произведенія далеко еще не могутъ быть названы народными. Для того, чтобы писателю сдѣлаться народнымъ, необходимы нѣкоторыя особенныя условія, о которыхъ мы теперь поговоримъ.

Когда человѣку представляется рядъ разнообразныхъ предметовъ для изученія, и человѣкъ начнетъ изучать ихъ, то очевидно, что первое вниманіе его будетъ обращено на разные конкретные подробности и факты, особенно выдающіеся; человѣкъ начинаетъ вглядываться въ каждый предметъ отдѣльно и каждый предметъ изучать безъ связи его съ другими предметами. Затѣмъ мало-по-малу начинаютъ слагаться въ умѣ человѣка первыя обобщенія и классификаціи предметовъ, и то поверхностныя, шаткія и невѣрныя. Такимъ путемъ шли всѣ науки, начиная описаніемъ конкретныхъ фактовъ. Такимъ путемъ идетъ и наше изученіе народной жизни. Всѣ наши повѣсти, разсказы, очерки, комедіи изъ народной жизни стоятъ еще на степени болѣе или менѣе конкретныхъ изображеній.

Писатели наши берутъ обыкновенно какой-нибудь уголокъ народной жизни, подмѣченный въ жизни фактецъ, и этотъ фактецъ или представляютъ читателю, какъ онъ есть, въ сыромъ видѣ, или разомъ подводятъ подъ какой-нибудь общечеловѣческій законъ жизни. Такія изображенія народной жизни очень напоминаютъ описанія разныхъ отдѣльныхъ травъ въ старинныхъ лечебникахъ, безъ всякаго стремленія обобщить эти травы въ различныхъ классификаціяхъ. Чтеніе подобныхъ очерковъ для человѣка, незнакомаго съ народною жизнію, очень похоже на разсматриванье въ микроскопъ листочка въ то время, какъ не только что не имѣешь никакого понятія о родахъ и видахъ растеній, но не знаешь, съ какого дерева сорванъ листокъ. Смотришь въ микроскопъ, ну и ничего, любопытно; а перестанешь смотрѣть, что останется въ головѣ? конкретный, безсвязный образъ листка, какъ онъ представлялся твоему глазу подъ микроскопомъ.

Въ этомъ отношеніи на низшей ступени знанія народной жизни мы должны поставить Н. Успенскаго. Писатель этотъ въ своихъ очеркахъ представляетъ ту степень знанія, на которой человѣкъ не имѣетъ еще никакихъ понятій о тѣхъ предметахъ, которые онъ наблюдаетъ; передъ нимъ представляется пестрая смѣсь конкретныхъ явленій, и онъ каждое разсматриваетъ отдѣльно, безъ связи съ другими, обращая вниманіе на одну внѣшность наблюдаемыхъ предметовъ. Большинство очерковъ Н. Успенскаго представляется случайно-схваченными изъ жизни сценками и анекдотиками: какой-нибудь разговоръ на постояломъ дворѣ, разсказъ проѣзжаго мужика, купца или бабы—все, что удалось Н. Успенскому мелькомъ увидѣть или услышать—все это онъ такъ и передаетъ, какъ оно есть. Ограничиваясь фотографическими снимками случайныхъ сценъ жизни, Н. Успенскій думаетъ, можетъ быть, что онъ этимъ вполнѣ выполнилъ задачу реализма. Но если реализмъ требуетъ, чтобы художникъ изображалъ жизнь, какъ она есть, то изъ этого вовсе не слѣдуетъ, чтобы онъ допускалъ художнику теряться въ массѣ конкретныхъ фактовъ. Обобщать эти факты, изслѣдовать ихъ причины и слѣдствія, переходить къ общимъ условіямъ отъ частныхъ явленій—вотъ чего требуетъ реализмъ, какъ отъ науки, такъ и отъ искусства. И въ этомъ отношеніи разбираемые нами очерки стоятъ на самой низшей ступени реальнаго изученія быта народа, такъ сказать, передъ самымъ входомъ въ это зданіе. Во-первыхъ, вы видите въ разсказахъ Н. Успенскаго полное отсутствіе того, что называется типами. Когда писатели наши начинаютъ изображать хорошо извѣстный имъ бытъ образованныхъ слоевъ общества, посмотрите, какъ тщательно стараются они обрисовать различные характеры своихъ героевъ, какъ тонко анализируютъ каждый психическій оттѣнокъ, каждое біеніе чуть замѣтной жилочки, и все это съ цѣлію представить вамъ въ своемъ героѣ общій типъ цѣлой массы людей подобнаго рода. Посмотрите, какъ заботливо старается очертить въ своемъ разсказѣ „Саша“ тотъ-же Н. Успенскій молодую дѣвушку, которую родители приневоливаютъ идти замужъ за немилаго, какъ силится онъ представить трагическую борьбу, совершающуюся въ душѣ его героини. И тотъ-же Н. Успенскій, когда дѣло касается простого народа, не идетъ въ своей обрисовкѣ далѣе пестрой смѣси мужиковъ и бабъ. Иногда, чтобы отличить одного героя отъ другого, писатель одному пожалуетъ рыжую бороду, другому—черную, третьему—приставитъ какую-нибудь уродливую шишку къ виску, четвертаго — заставитъ повторять на каждомъ словѣ какую-нибудь поговорку—и внѣшность готова. Затѣмъ, каждый мужикъ непремѣнно или воръ, или пьяница, или такой дуракъ, какого и свѣтъ не производилъ; каждая баба—такая идіотка, что ума помраченіе. Далѣе слѣдуетъ подборъ фактиковъ, сценокъ и анекдотовъ для того, чтобы показать, какъ русскій мужикъ невѣжественъ, дикъ, смѣшонъ, какъ онъ загнанъ, забитъ, какъ тонетъ онъ въ грязи невѣжества, суевѣрія, пошлости. Забитость, тупоуміе, отсутствіе всякаго человѣческаго образа и подобія въ герояхъ Н. Успенскаго одуряютъ васъ, когда вы читаете очерки его. Вы видите передъ собою людей, которые въ жизни своей ничѣмъ болѣе не руководствуются, какъ только грубою, скотскою чувственностью, ни къ чему не стремятся, какъ только къ тому, чтобы нажить копѣйку или спустить ее въ кабакъ; да и въ этихъ стремленіяхъ, что шагъ ступятъ они, то сдѣлаютъ какую-нибудь невообразимую глупость.

Я вовсе далекъ отъ того, чтобы идеализировать русскаго мужика, какъ это дѣлаютъ славянофилы. Я согласенъ съ Н. Успенскимъ, что мужикъ забитъ, загнанъ, что онъ невѣжественъ и суевѣренъ; но въ то же время, я убѣжденъ, что какъ-бы ни былъ человѣкъ задавленъ, на какой-бы низшей степени образованности онъ ни стоялъ, а все-таки онъ человѣкъ—и все-таки онъ страдаетъ, если къ нему относятся не почеловѣчески, и эти страданія, такъ или иначе, въ томъ или другомъ видѣ, а заявятъ себя. Если наши бабы дѣйствительно безъисходно тупоумны до такой степени, что въ нихъ и тѣни нѣтъ чего-либо человѣческаго, то какія-же это женщины создали пѣсню такого рода:

Ахъ кабы на цвѣты не морозы,
И зимой бы цвѣты разцвѣтали;
Ахъ кабы на меня не кручина,
Ни о чемъ бы то я не тужила,
Не сидѣла бы я подпершися,
Не глядѣла бы я въ чисто поле.
И я батюшкѣ говорила,
И я свѣту своему доносила:
Не давай меня, батюшка, замужъ,
Не давай, государь, за неровню,
Не мечись на большое богатство,
Не гляди на высоки хоромы:
Не съ хоромами жить мнѣ,—*съ человѣкомъ;*
Не съ богатствомъ жить мнѣ,—*съ совѣтомъ.*

Конечно, если мы будемъ искать въ жизни простаго народа одныхъ такихъ элементовъ, которые создаютъ подобныя пѣсни, то мы придемъ къ той идеализаціи народнаго быта, при которой намъ только и останется, что почивать въ нѣмомъ благоговѣніи передъ народными началами; но если такая идеализація ведетъ къ застою, то съ другой стороны отрицаніе всякихъ человѣческихъ элементовъ въ простомъ быту ведетъ къ тому же самому. Во имя чего же и возможенъ протестъ противъ произвола и насилія, какъ не во имя тѣхъ человѣческихъ элементовъ, которые страдаютъ отъ этого. Вамъ не придетъ въ голову возмущаться про-

тивъ столяра, зачѣмъ онъ жестоко обращается съ деревомъ, долбитъ его долотомъ и терзаетъ на части, но вы возмущаетесь, когда истязаютъ лошадь. Въ послѣднемъ случаѣ протестъ возбуждается не тѣмъ только, что передъ вашими глазами происходитъ фактъ истязанія, а тѣмъ, что отъ этого истязанія страдаетъ существо, надъ которымъ производятъ это дѣйствіе. Страдающее существо первое заявляетъ протестъ противъ причиняемаго ему зла криками или стонами. Вслѣдствіе этого члены общества покровительства животныхъ требуютъ, чтобы хорошо обращались съ животными, но имъ и въ голову не придетъ протестовать, зачѣмъ лошадь не пользуется полною равноправностью со своимъ хозяиномъ. Они знаютъ, что въ лошади, когда она стоитъ въ конюшнѣ передъ стойломъ, ни разу не шевельнется горькаго чувства, что вотъ ее, которая такъ вѣрно служитъ хозяину, и на порогъ его комнатъ не пускаютъ; если бы въ лошади хоть разъ могъ проявиться подобный протестъ, онъ навѣрное нашелъ бы отзывъ въ тысячѣ сердецъ. Что особенно поддерживало у насъ крѣпостное право, какъ не то вкоренившееся въ массѣ образованныхъ людей мнѣніе, что русскій мужикъ—почти что безсловесное, лѣнивое, пьяное животное, что надъ нимъ можно дѣлать, что угодно, что безъ розогъ съ нимъ нельзя обходиться, что розги причиняютъ ему одну физическую боль, но нисколько не дѣйствуютъ на его загрубѣлую нравственную природу, что мужикъ нисколько не возмущается противъ своей неволи, что, напротивъ того, онъ пропалъ бы, еслибы его освободили, какъ грудной младенецъ, брошенный на улицу. Въ чемъ же должна заключаться цѣль реальной поэзіи, какъ не въ томъ, чтобы, изучивши бытъ народа, проникнуть въ сердце простого человѣка, на самой низшей степени развитія уловить крикъ и протестъ противъ неправды и выставить этотъ крикъ на первый планъ, какъ доказательство того, что какъ бы ни былъ невѣжественъ мужикъ, а онъ все-таки человѣкъ и, какъ человѣкъ, имѣетъ право на всѣ человѣческія блага. Тургеневъ, Григоровичъ и Писемскій—въ былое время, когда они были еще молодые писатели, стояли на этомъ пути и старались изучать человѣческіе элементы въ бытѣ простого народа. Н. Успенскій, хотя и цѣлымъ поколѣніемъ моложе ихъ, но видно сильна во всѣхъ насъ старая закваска, и горе тому писателю, который *добросовѣстно, старательно не поработаетъ* надъ изученіемъ народнаго быта, а будетъ дѣло дѣлать спустя рукава, и не потревожитъ своихъ высокоразвитыхъ мозговъ, чтобы подумать, какъ недалеко отошелъ онъ отъ своихъ отцовъ и дѣдовъ, если продолжаетъ ничего не видѣть въ мужикахъ, кромѣ безсловесныхъ скотовъ и олуховъ. Немного нужно было подумать Н. Успенскому, чтобы понять, какимъ обоюдоострымъ оружіемъ играетъ онъ. Прочтите разсказы „Хорошее житье", „Змѣй", „Поросенокъ" и многіе другіе; Н. Успенскій рисуетъ въ этихъ очеркахъ тупоуміе и отсутствіе всякаго здраваго смысла въ мужикахъ для того, чтобы внушить вамъ, до какого печальнаго положенія доведенъ мужикъ крѣпостнымъ правомъ. Но факты, выставляемые имъ, могутъ служить отличными доказательствами необходимости того же самаго крѣпостнаго права. Приверженцы крѣпостничества на такіе именно факты и опираются въ своихъ доводахъ въ пользу крѣпостнаго права, и очерки Н. Успенскаго могутъ доставить отличный матеріалъ для нихъ; они еще болѣе убѣдятся, прочитавши эти очерки, что крестьяне, предоставленные самимъ себѣ, погибнутъ по своей глупости, чуть-что не съѣдятъ другъ друга. „О какомъ же тутъ народномъ самоуправленіи толкуете вы, возразятъ Катковъ или Скарятинъ, прочитавши разсказъ Н. Успенскаго „Хорошее житье": коли вы сами ничего не видите въ мірской сходкѣ, кромѣ взаимнаго разоренія крестьянъ посредствомъ опитія другъ друга?"

Что такіе факты существуютъ, что ихъ слѣдуетъ выставлять, какъ печальныя слѣдствія всей прошлой жизни нашего крестьянства, я нисколько противъ этого не спорю, но рядомъ съ этими фактами писатель обязанъ выставить факты другаго рода, которые показали бы, что самоуправленіе въ средѣ народа возможно и необходимо. Этихъ фактовъ въ очеркахъ Н. Успенскаго нѣтъ; онъ ихъ не знаетъ; онъ не позаботился изучить ихъ; онъ не пошелъ далѣе рутиннаго, пошлаго взгляда на мужика, какъ на осиновый чурбанъ, и этотъ взглядъ не замедлилъ привести Н. Успенскаго къ такимъ воззрѣніямъ, которыя ставятъ его солидарнымъ съ тенденціями „Вѣсти". Такъ, въ своихъ „Деревенскихъ письмахъ" Н. Успенскій вдругъ, ни съ того, ни съ сего, разражается слѣдующею тирадою:

„Бѣдность и невѣжество русскаго крестьянина привели его къ тому, что онъ очень часто не цѣнитъ своего собственнаго труда, но вмѣстѣ съ тѣмъ онъ не цѣнитъ и чужаго труда; онъ не имѣетъ понятія ни о правахъ собственныхъ, ни о правахъ другой личности. *Для него условій и законовъ гражданской жизни не существуетъ!*"

Подобная тирада—совершенно въ скарятинскомъ духѣ—какъ-то странно бьетъ въ глаза среди статьи, въ которой вы найдете много вѣрныхъ замѣчаній и наблюденій. Появленіе подобнаго пошлаго приговора свысока только и можно объяснить, что поверхностнымъ взглядомъ на предметъ, о которомъ пишетъ писатель, недостаткомъ основательнаго изученія предмета и полнымъ отсутствіемъ хотя малѣйшаго напряженія мысли.

Неизмѣримо выше, если не по знанію народной жизни, то по таланту стоитъ В. Ал. Слѣпцовъ. Какъ писатель талантливый, В. Ал. Слѣпцовъ далекъ отъ высказыванья такихъ пошлостей, до какихъ додумывается порою Н. Успенскій. Отношеніе его къ народу гуманнѣе, по крайней мѣрѣ, въ томъ смыслѣ, что въ очеркахъ его на первомъ планѣ стоитъ не безцѣльное обличеніе пресловутаго „невѣжества мужика", какъ у Н. Успенскаго, а стремленіе показать, въ какихъ отношеніяхъ стоитъ къ крестьянину нашему администрація, совершенно чуждая быту его. Но въ очеркахъ В. Слѣпцова вы видите тоже отсутствіе типовъ и психическаго анализа, какъ и у Н. Успенскаго, тоже ограниченіе случайными сценками, мелькомъ схваченными на большой дорогѣ. Отношенія администраціи къ быту крестьянина—это громадный вопросъ, который требуетъ глубокого изученія народнаго быта; не забудьте, что этими отношеніями обусловливается

не одно комическое, но и глубоко трагическое въ жизни крестьянина. В. Слѣпцовъ ограничился одною комическою стороною; да и для характеристики этой комической стороны В. Слѣпцовъ выбираетъ постоянно такіе рѣдкіе, случайные факты, которые имѣютъ почти анекдотическій характеръ: то онъ выставитъ вамъ мужика, который заплатилъ деньги писарю, чтобы его поскорѣе высѣкли (см. „Ночлегъ", Р. Оч. Сц. Сл. ч. I, стр. 155), то онъ изобразитъ вамъ, въ какой просакъ попались крестьяне при встрѣчѣ высокой особы по случаю негодныхъ свиней, испугавшихъ лошадей особы (разсказъ „Свиньи"), то онъ разсмѣшитъ васъ, представивши, какъ крестьяне пьянаго приняли за мертваго и что изъ этого вышло („Мертвое тѣло"). Все это преисполнено комизма; вы хохочете, читая повѣсти В. Слѣпцова, но далѣе смѣха не идете. Факты, выставляемые В. Слѣпцовымъ, или слишкомъ мелочны, или слишкомъ случайны, чтобы заставить васъ серьезно задуматься надъ ними, и тѣмъ болѣе, что гоняясь слишкомъ за комизмомъ, въ которомъ и безъ того нѣтъ недостатка у В. Слѣпцова, писатель впадаетъ на каждомъ шагу въ явную утрировку, вслѣдствіе которой очерки его еще болѣе теряютъ въ значеніи истинныхъ фактовъ народнаго быта. Такую утрировку вы видите, напримѣръ, въ разсказѣ „Свиньи", гдѣ В. Слѣпцовъ заставляетъ крестьянъ вѣрить, что будутъ ѣздить на людяхъ, и разсказываетъ, какъ подъ вліяніемъ этихъ слуховъ, бабы начали бить горшки и всякую посуду. Что народъ, даже и не крестьянскій, а нѣсколько повыше, способенъ повѣрить всякому слуху, какъ бы онъ ни былъ нелѣпъ, это не рѣдкость, но есть всему извѣстная мѣра, и битье горшковъ бабами прибавлено писателемъ, повидимому, ни для чего иного, какъ ради краснаго словца. Столь же пересолена въ „Мертвомъ тѣлѣ" та сцена, гдѣ мужики въ первый разъ увидѣли мнимаго мертвеца воскресшимъ и явившимся къ нимъ среди дороги, и не рѣшаются подойти къ нему. Я полагаю, что крестьянамъ такъ часто приходится имѣть дѣло съ опившимися до полусмерти, что такое явленіе не составляетъ для нихъ особой новости; они порядки эти отлично знаютъ, и первое, что естественно могло придти имъ въ голову послѣ изчезновенія покойника—это скорѣе всего то, что мнимый покойникъ былъ просто слишкомъ выпившій и потомъ отрезвившійся человѣкъ. Къ тому же писатель опустилъ тотъ простой фактъ, что суевѣрный страхъ разыгрывается преимущественно ночью и въ одиночествѣ, днемъ же и въ толпѣ онъ далеко не можетъ имѣть такого характера, какой вы видите въ разсказѣ. Комедія немного потеряла бы смѣхотворнаго эффекта, еслибы писатель выбросилъ всѣ разсужденія о ходящихъ покойникахъ, которыя тутъ вовсе не къ мѣсту, но за то выиграла бы въ естественности развитія сюжета.

V.

Ѳ. Рѣшетниковъ, хотя не обладаетъ и половиною таланта В. Слѣпцова, но за то относится къ своему дѣлу гораздо серьезнѣе. Въ своихъ „Подлиповцахъ" онъ рисуетъ бытъ восточныхъ нашихъ инородцевъ. Люди эти стоятъ на степени развитія неизмѣримо низшей, чѣмъ всѣ *невѣжественные мужики* Н. Успенскаго; у нихъ до сихъ поръ еще сохраняется фетишизмъ въ самой грубой его формѣ; они болѣе звѣроловы, чѣмъ земледѣльцы; они и не подозрѣваютъ о существованіи міра далѣе ихъ деревни; имъ и въ голову не приходитъ, что они живутъ въ огромномъ и благоустроенномъ государствѣ. Ѳ. Рѣшетниковъ не утаиваетъ ихъ дикости, невѣжества, и здѣсь вы дѣйствительно видите людей, для которыхъ, по выраженію Н. Успенскаго, *условій и законовъ гражданской жизни не существуетъ*. Но выставляя цѣлый рядъ комическихъ положеній, въ которыя становятся герои этого быта—Пила и Сысойка, Ѳ. Рѣшетниковъ не забываетъ, что онъ имѣетъ дѣло не съ осиновыми чурбанами, а съ людьми. На самой низшей степени развитія, на которой люди ничѣмъ почти не отличаются отъ звѣрей, Ѳ. Рѣшетниковъ съумѣлъ уловить тѣ человѣческія чувства и стремленія, которыя руководятъ въ жизни и тебя, высокообразованный читатель. Эти чувства и стремленія, въ связи съ обстановкою, въ которой живутъ герои и изъ которой рвутся они со всею энергіею дикарей, составляютъ трагическій элементъ разсказа, который, соединяясь съ комическими сторонами, производитъ на васъ потрясающее впечатлѣніе: вы не можете ограничиться здѣсь однимъ смѣхомъ, что вотъ молъ, ха, ха, ха!... какіе идіоты и уроды существуютъ на свѣтѣ среди такихъ развитыхъ и умныхъ людей, какъ я! Вы чувствуете глубокое сочувствіе къ этимъ уродамъ, потому что вы видите въ нихъ братьевъ своихъ по человѣчеству, вамъ жалко ихъ, вы страдаете ихъ страданіями и возмущаетесь за нихъ всею душою... На первыхъ страницахъ передъ вами открывается такой бытъ, въ средѣ котораго вы, конечно, и заподозрить не можете какихъ-либо такъ-называемыхъ возвышенныхъ чувствъ, которыя составляютъ гордость нашей цивилизованной жизни: какія тутъ возвышенныя чувства, когда люди только и думаютъ о томъ, какъ-бы не помереть съ голоду; а между тѣмъ посмотрите, какъ и въ этомъ быту пробиваются истинно человѣческія отношенія, которыхъ, что грѣха таить, не всегда можно встрѣтить и въ цивилизованномъ обществѣ.

«Гаврило Гаврилович Пилинъ, по подлиповски Пила, былъ человѣкъ добрый, пробойный и работящій. Онъ одинъ изъ подлиповцевъ понялъ, что ничего не дѣлая жить нельзя; онъ какъ нибудь старался пріискать себѣ работу, сбыть ее, *а главное, услужить своимъ подлиповцамъ*. Назадъ тому годъ Пила постоянно стрѣлялъ дичь и сбывалъ ее въ городѣ, хлѣбъ у него водился; но какъ-то разъ утопилъ ружье въ рѣкѣ, самъ простудился, и, пролежавъ два мѣсяца, обѣднѣлъ до того, что ему съ семействомъ привелось ѣсть кору, а коровѣ и лошадямъ вовсе нечего было ѣсть. Оправившись послѣ болѣзни, Пила пособралъ у подлиповцевъ надѣланныхъ кадокъ, кузовковъ и лаптей, отправился за больныхъ продавать въ селѣ и городѣ. У Пилы въ городѣ былъ знакомый хозяинъ постоялаго двора, и онъ черезъ посредство его находилъ себѣ покупателей. Онъ и раньше возилъ вещи, но теперь постоянно сталъ заставлять подлиповцевъ работать, и для него ничего не значило съѣздить за сто верстъ; *онъ одну половину денегъ отдавалъ крестьянамъ или покупалъ муки, а другую бралъ себѣ и покупалъ для себя пищи.* Если въ городѣ ничего не покупали, *Пила шелъ собирать ради христа и потомъ дѣлился съ подлиповцами. Своимъ подлиповцамъ онъ помогалъ, чѣмъ только могъ.* Бывало, скажетъ подлиповцамъ:

«чего сидите, робь; я буду робить», и подлиповцы работаютъ съ Пилой; нѣтъ Пилы—подлиповцы лежатъ. Скажетъ подлиповцамъ: «смотри, траву надо косить»,—здоровые идутъ косить, а не скажи Пила, что надо косить, подлиповцы не догадаются. Всѣ подлиповцы любили Пилу и каждый спрашивалъ его совѣта или просилъ полечить, такъ-какъ Пила лечилъ больныхъ травами, хотя самъ не понималъ никакого толка въ травахъ».

Половыя отношенія въ томъ быту стоятъ повидимому почти на степени скотскаго удовлетворенія чувственности, а между тѣмъ и въ этомъ отношеніи Ѳ. Рѣшетниковъ съумѣлъ подмѣтить и очертить чисто человѣческія чувства, которыя дѣлали-бы честь и самымъ высокообразованнымъ людямъ:

«Наконецъ Пила и Сысойка увѣрились въ томъ, что Апроська умерла. Имъ сдѣлалось легче.

«Апроська умерла, убилась. А я-то почто живу?» думали Пила и Сысойка.

— Пила, заруби меня!—сказалъ Сысойка.

— Э!.. ты заруби.

Оба они думали о смерти; но все-таки обоимъ имъ казалось страшно умереть, обоимъ хотѣлось еще пожить...

— Поѣдемъ, Сысойка!... Поѣдемъ, говорилъ Пила.

— Куда къ лѣшимъ?

— Бурлачить.

— Убей меня!...

— Багачество... Ну, что въ деревнѣ? Апроськи нѣтъ. Эхъ, горе! Пила заплакалъ.

Сысойка изругался; въ ругани онъ хотѣлъ излить все зло на эту жизнь—на все, чего онъ не понималъ...».

И вотъ пошли они изъ своей бѣдной, голодной земли искать *богачества*, а вмѣсто того нашли смерть подъ ярмомъ каторжнаго, неблагодарнаго труда въ далекой сторонѣ.

Умѣть подъ грубою сермягою отличить біеніе человѣческаго сердца, проникнуться радостями и горемъ простаго человѣка, перестрадать вмѣстѣ съ нимъ всѣ его страданія—вотъ чего не достаетъ Н. Успенскому и В. Слѣпцову и чѣмъ богатъ Ѳ. Рѣшетниковъ.

Но, съ другой стороны, если мы будемъ разбирать разсказы г. Рѣшетникова съ точки зрѣнія того вопроса, о которомъ мы бесѣдуемъ въ этой статьѣ, то мы все-таки не можемъ назвать эти разсказы вполнѣ народными. Они даютъ вамъ богатый этнографическій и художественный матеріалъ, но въ то же время они знакомятъ васъ съ однимъ только уголкомъ нашей жизни, да и то преимущественно не русской, а тѣхъ восточныхъ инородцевъ, которые едва только приняли русскій языкъ. Вслѣдствіе этого они далеко не имѣютъ общенароднаго значенія, интересъ ихъ частный, и прочтя разсказы, вы все-таки не составите еще полнаго понятія не только о русской жизни вообще, но и о жизни бурлаковъ, которую они, между прочимъ, описываютъ. Для удостовѣренія въ этомъ прочтите рядомъ съ „Подлиповцами“ „Торговую Волгу“ Зарубина. Въ послѣдней вы откроете такія черты жизни бурлаковъ, которыхъ вы не найдете въ „Подлиповцахъ“, и наоборотъ.

Такое-же умѣнье заглядывать въ сердце мужика вы найдете во многихъ очеркахъ П. И. Якушкина. Въ объективномъ отношеніи П. Якушкинъ не идетъ далѣе конкретныхъ фактовъ, случайно подмѣченныхъ имъ въ его странствіяхъ по землѣ русской; онъ не идеализируетъ русскаго мужика, не скрываетъ его недостатковъ, но рядомъ съ ними онъ умѣетъ подмѣчать проблески и зачатки той новой жизни, которая раньше или позже можетъ разцвѣсть на русской землѣ. Возьмемъ для примѣра разсказъ „Небывальщина“. Въ разсказѣ вы видите рядъ фактовъ, сообщенныхъ безъ всякихъ затѣй, какъ дорожныя наблюденія автора, въ достовѣрности которыхъ трудно усомниться.

Приставши къ партіи мужиковъ, ѣхавшихъ совершать воровскую порубку казеннаго лѣса, писатель началъ, конечно, упрекать ихъ, зачѣмъ они занимаются воровствомъ; вотъ какія разсужденія услышалъ онъ отъ нихъ:

— Ты должонъ возчувствовать! заговорилъ убѣдительно старикъ, одинъ изъ обоза: — ты это возчувствуй: кто работаетъ, тому за работу, за его потъ значитъ, и плата идетъ. Вотъ, къ примѣру, пахатьбу взять: ты вспахалъ, взборонилъ, засѣялъ —опять запахалъ; ждешь цѣлый годъ, что Господь зародитъ. Зародитъ Господь — не вотъ, возьмешь!... А ты ее въ самое горячее времечко сожни, свяжи, да въ копны положи... Вотъ ежели тѣ копны взять —кража!... За эту кражу передъ Богомъ отвѣтъ должонъ будешь держать!... Для того должонъ будешь отвѣтъ держать, что здѣсь, на той копнѣ, потъ, кровь человѣчья лежитъ... Я работалъ, трудился, ночей не досыпалъ, а ты взялъ ее, матушку, и поднялъ! Мои слезы на тебѣ взыщутся!... А лѣсъ, ты говоришь? Кто его садилъ? Богъ. Кто его берегъ, ростилъ? Все-таки Богъ!... Такъ ты не моги говорить, что твой лѣсъ: лѣсъ божій!... Спроси у стариковъ: «Чей лѣсъ?»—«Лѣсъ вѣзжій!» скажутъ тебѣ тѣ старики.

Если смотрѣть съ точки зрѣнія Н. Успенскаго, то въ подобномъ разсужденіи вы, конечно, ничего не увидите, кромѣ незнанія невѣжественными мужиками никакихъ условій гражданской жизни. Если же вы вдумаетесь въ него поглубже, васъ поразитъ логика его. Откуда взялась эта логика? Является-ли она необходимымъ, естественнымъ результатомъ трудовой жизни, на какой-бы низшей степени развитія ни стояла эта жизнь? Есть-ли это рѣдкіе проблески мысли немногихъ умовъ? Фактъ, представленный П. Якушкинымъ, слишкомъ конкретенъ; писатель самъ смотритъ на него, какъ на нѣчто необычайное, какъ на небывальщину. Его поразила встрѣча съ такимъ фактомъ, какъ съ чѣмъ-то такимъ, чего доселѣ онъ не встрѣчалъ въ народномъ быту. Слѣдовательно, на основаніи одного этого факта трудно дѣлать какіе-либо выводы. Но за то все это отлично показываетъ, какъ мало извѣстна намъ народная жизнь. Очень можетъ быть, что такіе факты нерѣдки въ жизни народа; очень можетъ быть, что вся путаница, которая случается иногда при сношеніяхъ народа съ другими слоями общества, на половину обусловливаясь невѣжествомъ народа, на половину происходитъ и отъ той логики въ словахъ старика при порубкѣ лѣса, которая такъ непохожа на оффиціальную логику. Все это мы говоримъ только *можетъ быть*, потому что наши изучатели народнаго быта до сихъ поръ еще не привели насъ ни къ какимъ положительнымъ фактамъ и выводамъ относительно предмета ихъ изученія. Намъ остается только пожимать плечами, читая рядомъ съ очерками, въ которыхъ народъ представленъ неимѣющимъ образа и подобія человѣческаго, разсказы въ родѣ „Небывальщина“. Съ одной стороны, тупоумныя бабы, которыя сами про себя говорятъ: „глу-

пы, батюшка, глупы!", а съ другой—величественный типъ дѣвушки, прощающей своему любовнику его измѣну и обращающейся изъ любовницы въ его сестру родную (см. „Небывальщина", сочин. П. Якушкина).

На болѣе высшей ступени знанія народной жизни мы должны поставить разсказы А. И. Левитова. У А. Левитова, какъ у Ѳ. Рѣшетникова, вы не найдете ни одного разсказа, въ которомъ-бы жизнь народа представлялась съ одной какой-нибудь исключительной стороны, со стороны одного невѣжества, или со стороны однѣхъ свѣтлыхъ идеальныхъ сторонъ. Мракъ невѣжества и суевѣрія, отношенія бѣдности къ богатству, ума къ глупости, силы къ безсилію, подлости и растлѣнія къ молодымъ побѣгамъ всего живаго, здороваго, свѣтлаго, подобно тому, какъ это все чудно переплетается въ непрестанной борьбѣ въ жизни, въ такой-же зависимости стоитъ это все въ разсказахъ Левитова. Въ каждомъ разсказѣ вы увидите такимъ образомъ жизнь съ разныхъ ея сторонъ, какъ она есть. Въ то же время вы встрѣтите въ этихъ разсказахъ не безразлично-пестренькихъ мужичковъ съ бородками, а рѣзко очерченные типы съ глубокимъ психическимъ анализомъ ихъ. Возьмите вы, напримѣръ, одинъ изъ самыхъ обработанныхъ разсказовъ „Выселки". Въ этомъ разсказѣ писатель представляетъ вамъ такіе два типа, которые, по ширинѣ обобщенія, можно назвать не только общенародными, но и общечеловѣческими. Съ одной стороны представляется вамъ типъ Ивана. Это натура до крайности деликатная, кроткая, миролюбивая, любящая. Это одинъ изъ тѣхъ людей, которые, сколько-бы ихъ ни притѣсняли, какъ бы они ни разочаровывались на каждомъ шагу, не перестаютъ любить всѣхъ и каждаго братскою любовью. Мрачными, затаенными мизантропами такія личности сдѣлаться не могутъ. Величайшее достоинство, служащее величайшимъ ихъ недостаткомъ въ настоящее время, заключается въ томъ, что они не имѣютъ острыхъ зубовъ, чтобы отгрызаться; вслѣдствіе готовности помочь всѣмъ и каждому, незлопамятности и беззащитности съ ихъ стороны, люди эксплуатируютъ ихъ на каждомъ шагу совершенно безнаказанно, и вся жизнь этихъ несчастныхъ пасынковъ природы обращается въ безъисходное мученіе. Страннѣе всего то, что, не имѣя силъ отражать нападенія всякаго рода, люди эти обладаютъ иногда невѣроятною силою мужественно сносить всѣ гоненія судьбы и людей, нимало не падая духомъ.

Таковъ Иванъ въ „Выселкахъ". Отецъ его прослылъ колдуномъ, вѣроятно, за то, что былъ умнѣе всѣхъ на селѣ. Прозвище это перешло и на сына. Ивану нельзя было выйти на улицу, чтобы онъ не былъ встрѣченъ градомъ насмѣшекъ и всякаго рода оскорбленій:

«Насмѣшки, снѣжные комья безъ счета сыпались въ Иванову спину; а онъ, бывало, какъ раненый медвѣдь, сгорбится весь и развалистой рысью улепетываетъ отъ толпы, не допытываясь у нея, за что она каждый разъ преслѣдуетъ его, какъ хищнаго волка. Только бывало, когда уже черезчуръ невтерпежъ приходились ему потѣхи односельцевъ, останавливался онъ передъ толпой и толковалъ ей:

— Братцы! Грѣхъ вамъ передъ Господомъ Богомъ будетъ, что вы на крещеннаго человѣка, какъ на бѣшенную собаку, улюкаете!

— Ахъ ты колдунъ-чортъ! орала на него толпа.— Туда-же про Господа Бога толкуетъ! И снѣжные комья сыпались на него все гуще и гуще.

Жена упрекала Ивана за его беззащитность.

— Что это у тебя, Иванъ, заговорила съ нимъ жена, когда онъ, облаянный отъ волосъ до пятъ, приходилъ съ улицы въ избу:—ровно и словъ никакихъ для твоихъ обидчиковъ нѣтъ! Ты бы, чѣмъ мямлить-то съ ними: тае да подтае, да энтого-тае, отлупилъ бы какого-нибудь идола, али бы въ правленьи пожаловался. Они, можетъ, посмирнѣе бы стали.

«Посмотритъ Иванъ на жену, послѣ этихъ словъ,— во всѣ смирные глаза свои поглядитъ, ровно бы дивится ея великой неправдѣ и скажетъ:

— «Любушка ты моя! Никогда и на словахъ-то рѣчистъ я не былъ. Не сговорю я съ ними, пожалуй, на словахъ-то, а ужь лучше стану я лаской съ ними обращаться. Тихостью я, можетъ, полажу какъ-нибудь съ ними, тихостью...

«И такъ-то онъ славно тихостью своею ладилъ съ сосѣдями, что они, бывало, на сходкѣ только и дѣла дѣлаютъ, что вино съ него опиваютъ, да на него-же каждый день то подводу, то какую-нибудь мірскую повинность навалить ухитряются».

Наконецъ и Иванъ не выдержалъ, но весь протестъ его противъ людскихъ неправдъ ограничился тѣмъ, что онъ ушелъ отъ людей со своимъ семействомъ въ выселокъ.

Совершенно противоположною личностью является передъ нами Петръ Крутой. Человѣкъ практическій, дѣятельный, энергическій, онъ въ то-же время весь вылился въ одинъ вопіющій протестъ противъ людей и противъ себя. Куда ни бросаетъ его судьба, онъ нигдѣ не можетъ ужиться съ людьми; отовсюду уноситъ онъ мрачную ненависть къ нимъ и ожесточеніе. Уже съ дѣтства успѣлъ онъ ожесточиться противъ людей. Какъ ребенокъ, щедро одаренный богатыми силами, онъ въ младенчествѣ уже обращалъ на себя всеобщее вниманіе, какъ нѣчто необыкновенное, а такъ какъ народъ по своему міросозерцанію привыкъ во всемъ необыкновенномъ видѣть сверхъестественное, то въ деревнѣ и сложилось убѣжденіе, что лѣшій подмѣнилъ ребенка, подсунувъ матери своего лѣшенка.

«Сталъ я лишь человѣческую рѣчь понимать, какъ ужь люди меня отъ себя гнать начали. Зашушукали они около меня—и свои, и чужіе, кивками да морганьемъ съ боязнію стали на меня показывать, вотъ-де онъ, ребята, обмѣненокъ-то! Глядите, какіе они—лѣшевы дѣтеныши-то бываютъ... Примѣчайте!... Къ ребятамъ бывало, въ какую-нибудь игру присунешься, тоже отцы ихъ и матери за руку меня возьмутъ и отведутъ отъ нихъ: Петруша, поди-ка, мать тебя велѣла домой послать, гостинцевъ она тебѣ добыла. Ласково такъ говорятъ, потому обмѣненка боятся всѣ. Пойду я, бывало, отъ ребятокъ, а мужикъ какой отогналъ меня, сейчасъ-же на нихъ закричитъ:—я вамъ задамъ, пострѣлы, какъ съ обмѣненкомъ водиться!—Еще больше лупилъ я свои отъ матери большія бѣльмы, глядя и раздумывая, отчего это ребятишки не играютъ со мной, а чего больше про меня другъ съ другомъ шепчутся все? И повадился я тутъ, братецъ ты мой, въ лѣсъ ходить; зайду бывало, въ трущобу какую лѣсную и сижу тамъ, и такъ-то мнѣ это въ привычку вошло, что я въ лѣсу ужь и заночевывать сталъ, потому глядишь тамъ, думаешь, думаешь—и никто тебѣ ни въ чемъ не мѣшаетъ, никто не сердитъ. Много я въ томъ лѣсу ребячьихъ слезъ разронялъ, не то, что отъ обиды какой,—не зналъ я тогда обидъ,—а такъ, на душѣ было ужь очень спокойно».

«Такъ и выросъ я, Ѳедоръ Протасычъ, въ лѣсу,

дубомъ какимъ-то безчувственнымъ. Глядишь иной разъ на людское горе и смѣешься въ тихомолку: что, молъ, каково? А чаще того хочется тебѣ каждому божьему человѣку добрыя слова цѣлый день толковать, горькому житью всею кровью своею помочь хочется, а морда-то у меня, не въ мою силу, сама на бокъ гнется, глаза-то насупятся, да вмѣсто слезъ по старинному, въ носъ и упрутся. Упрутся, и думаешь тогда: ничего, молъ, перейдешь! Я же вѣдь жду. Такъ вотъ, солдатъ, какая моя неволя!».

Изъ этихъ выдержекъ вы можете заключить, какъ рѣзко очерчиваетъ и анализируетъ А. Левитовъ типы своихъ героевъ. Эти выдержки опредѣляютъ въ то же время весь характеръ разсказовъ А. Левитова: вы видите, что А. Левитовъ изображаетъ ту же грубость нравовъ, невѣжество и суевѣріе крестьянъ, что и Н. Успенскій. Эти мрачныя стороны жизни простаго народа представляются въ очеркахъ А. Левитова еще рѣзче, чѣмъ у Н. Успенскаго: можно-ли представить себѣ что-нибудь безчеловѣчнѣе среды, въ которой закидываютъ на улицѣ грязью человѣка, не имѣющаго духу отплатить за это тукманкою; что можетъ быть ужаснѣе и нелѣпѣе того дикаго суевѣрія, которое заставляетъ родителей въ ребенкѣ своемъ воображать подмѣненнаго лѣшенка? Но Левитовъ выставляетъ все это не для того только, чтобы показать, какіе смѣшные пассажики выходятъ иногда на свѣтѣ. Въ грубости нравовъ и суевѣріи болѣе ужаснаго, чѣмъ смѣшнаго. Если-бы суевѣріе влекло за собою только такія послѣдствія, что мужики подавали иногда просьбы становымъ о летучемъ зміѣ, безпокоящемъ ихъ по ночамъ (см. разсказъ г. Н. Успенскаго—Змѣй), въ такомъ случаѣ нечего было-бы особенно и хлопотать о такой ничтожности; но суевѣріе имѣетъ болѣе серьезное вліяніе на жизнь народа: оно обусловливаетъ собою много бѣдъ, которыя терпитъ темный человѣкъ въ своей и безъ того нерадостной жизни, и великое преимущество Левитова передъ Н. Успенскимъ заключается въ томъ, что, не ограничиваясь однимъ смѣхомъ надъ невѣжествомъ и суевѣріемъ, онъ старается раскрыть передъ вами, какъ терпятъ и гибнутъ отъ этихъ мрачныхъ сторонъ народной жизни молодыя, свѣжія силы, рвущіяся на широкій просторъ.

Но представляя замѣчательно-глубокое знаніе народной жизни, очерки Левитова сильно страдаютъ отъ полнаго отсутствія обработки: писатель представляетъ вамъ факты своего знанія отрывочно, по клочкамъ, размазывая ихъ безконечными описаніями природы, приправленными сентиментальными восклицаніями о величественной красотѣ южныхъ степей. Ни одного почти разсказа не найдете вы, который былъ бы вполнѣ законченнымъ цѣлымъ; вы видите постоянное стремленіе со стороны писателя создать что-то такое изъ тѣхъ богатыхъ матеріаловъ, которыми онъ владѣетъ, и въ то-же время, какое-то странное безсиліе.

VI.

До сихъ поръ мы говорили о содержаніи художественной литературы, о сущности ея; теперь мы скажемъ нѣсколько словъ о другой ея сторонѣ—внѣшней, формальной. Въ то время, какъ въ предшествующія эпохи нашей литературы эту сторону ставили на первый планъ, видѣли въ ней нерѣдко единственную сущность искусства,—въ послѣдніе 10 лѣтъ, по естественной реакціи, начали совершенно пренебрегать ею. Составилось мнѣніе, что главная сущность произведенія заключается въ здоровой, свѣтлой идеѣ, а какъ будетъ проведена она—это рѣшительно все равно. Съ точки зрѣнія подобнаго мнѣнія, очевидно, можетъ представиться излишнею роскошью требовать, чтобы произведеніе поэта, будучи народнымъ во всѣхъ отношеніяхъ, было народнымъ и по формѣ. Въ сущности-же, если мы разсмотримъ внимательно, что зависитъ отъ этого требованія, мы увидимъ, что оно не роскошь, что оно не менѣе важно, чѣмъ и другія.

Хотя мы и пренебрегаемъ внѣшними формами искусства, однакоже, мы требуемъ, чтобы писатели наши писали на русскомъ языкѣ, а не по-французски или по-нѣмецки. Но вѣдь языкъ есть тоже ничего болѣе, какъ внѣшняя форма рѣчи. Не все-ли равно, на какомъ языкѣ ни напишетъ писатель свое произведеніе, лишь-бы онъ провелъ полезную для насъ идею. Да, для Пьера, для Жана это все равно: они знаютъ всѣ европейскіе языки и могли-бы наслаждаться „Мертвыми душами" и въ такомъ случаѣ, еслибы Гоголь написалъ ихъ по-англійски. Я убѣжденъ въ томъ, что въ Россіи есть люди, которые впервые читали Гоголя во французскомъ его переводѣ. Но все-ли это равно для Ивана, для котораго русскій языкъ единственная форма, въ которой понятна для него человѣческая рѣчь? А такихъ Ивановъ большинство. Для нихъ-то и существуетъ русская литература; и она есть полное ихъ достояніе, какъ мы говорили въ началѣ статьи. Наука, занимаясь открытіями въ природѣ новыхъ предметовъ, для которыхъ не существуетъ соотвѣтствующихъ словъ въ языкѣ, поставлена въ печальную необходимость ежедневно изобрѣтать свои новыя слова и наводняться терминами, которые дѣлаютъ ее доступною только для немногихъ адептовъ, знающихъ ея языкъ. Но если мы прощаемъ ученому, когда онъ издаетъ книгу, хотя и на русскомъ языкѣ, но въ которой для насъ нѣтъ возможности понять ни одной фразы, то мы не простимъ уже этого популяризатору, который вздумаетъ угостить насъ такимъ-же языкомъ. Еще болѣе посмѣемся мы надъ безуміемъ популяризатора, если онъ такимъ-же языкомъ напишетъ книгу, предназначенную для всего народа. Что-же сказать о художественной литературѣ, этой популяризаціи всѣхъ популяризацій, цѣль которой объяснять народу его жизнь, прояснять въ немъ сознаніе его истинныхъ потребностей, возбуждать въ немъ хорошіе нравственные инстинкты и открывать мрачныя стороны его жизни — и вдругъ такая литература будетъ говорить языкомъ, понятнымъ только для немногихъ? Такая литература мало того что безполезна, она преступна и безчестна совершенно въ томъ-же смыслѣ, если-бы я на деньги, порученныя мнѣ нѣсколькими знакомыми для покупки имъ чая, купилъ бы вдругъ табаку, пригоднаго для одного меня.

Но требованіе, чтобы художественная литература употребляла языкъ, доступный для всѣхъ, т.-е, избѣгала-бы иностранныхъ словъ, отвлеченныхъ, туманныхъ выраженій и ученыхъ терминовъ, которыми такъ богатъ нашъ литературный языкъ, еще не обнимаетъ всего вопроса о формѣ. Это требованіе касается одно-

го состава языка; но есть еще другая сторона языка —его строй, т.-е. формы рѣчи, въ которыя складываются слова въ языкѣ, и формы поэтическихъ произведеній, въ которыя складывается рѣчь. Для того, чтобы поэтическія произведенія были доступны для всѣхъ, необходимо, чтобы они писались народною рѣчью и складывались въ народныя формы. Читатель подумаетъ, быть можетъ, что здѣсь дѣло идетъ о тѣхъ подражаніяхъ простонародному языку, которыя такъ противны въ нѣкоторыхъ книжонкахъ, изданныхъ для народа. Или ужь не ставится-ли здѣсь русскимъ писателямъ въ обязанность подражать народнымъ пѣснямъ, былинамъ и сказкамъ? Ни чуть не бывало. Здѣсь идетъ рѣчь только о томъ примѣненіи всеобщаго закона относительно формъ поэзіи, который наблюдается во всѣхъ литературахъ, какъ древнихъ, такъ и новыхъ. Изучая исторію возникновенія и паденія разныхъ формъ искусства, мы видимъ, что формы не суть что-либо опредѣленное, неизмѣнное, для всѣхъ одинаково доступное. Онѣ суть созданія тѣхъ или другихъ особенностей одного какого-либо народа, и при этомъ еще народа въ данную эпоху. Онѣ служатъ обыкновенно выраженіемъ своей народности, своей эпохи; и такъ-же неуклюже примѣняются къ другой эпохѣ или народности, какъ гипсовый слипокъ съ одного лица не прилаживается на другое. Попробуйте выразить грусть простаго русскаго человѣка, и вы увидите, въ какой формѣ это вамъ удастся—въ формѣ итальянскаго сонета или думы Кольцова. Была такая эпоха въ жизни народа, когда онъ не иначе могъ выражать впечатлѣнія своей жизни, какъ въ формѣ былинъ или сказокъ; это время прошло, народъ начинаетъ забывать самыя былины и, очевидно, было-бы верхомъ натянутости и неуклюжести изображать что либо изъ современной намъ жизни въ формѣ былины. Это значило-бы возвратиться ко временамъ ложнаго классицизма, когда людямъ казалось, что поэзія можетъ существовать только въ неизмѣнныхъ формахъ древне-классическаго искусства. Вслѣдствіе вышеупомянутаго закона предоставляется полная свобода создавать свою особенную форму литературы не только каждому народу, времени, но и каждому поэту, соотвѣтственно потребности, чтобы форма вполнѣ выражала содержаніе. Но тѣмъ не менѣе, только тотъ поэтъ можетъ быть названъ вполнѣ народнымъ, который съумѣетъ выразить свои впечатлѣнія въ такихъ формахъ, въ какихъ они будутъ всего болѣе понятны для большинства и всего болѣе подѣйствуютъ на него. Опредѣлить въ точности, каковы должны быть эти формы, также трудно, какъ трудно опредѣлить неуловимыя черты, отличающія одну физіономію отъ другой. Возьмите вы, напримѣръ, произведенія Кольцова или Шевченки, вы увидите, что они отличаются рѣзко по своей формѣ отъ всѣхъ словоизліяній нашихъ лириковъ, въ родѣ, напримѣръ, Полонскаго или Фета. Опредѣлить въ точности сущность этого отличія—нѣтъ никакой возможности, и мы можемъ судить о немъ только по послѣдствіямъ, которыя производятъ тѣ или другія произведенія: одни пойметъ каждый простолюдинъ, въ другихъ-же и образованнѣйшій человѣкъ не скоро доберется смыслу. Но много-ли у насъ такихъ произведеній, которыя писались-бы въ такихъ формахъ, что для всѣхъ были-бы понятны? Напротивъ того, наши литераторы очень часто поставляютъ себѣ какъ будто задачею выражаться какъ можно крючковатѣе, затѣйливѣе и темнѣе; они думаютъ, что въ этомъ-то и есть вся суть поэзіи. Конечно, языкъ боговъ не долженъ быть понятенъ для простыхъ смертныхъ. Другое дѣло было-бы, еслибы къ этому вынуждала нашихъ поэтовъ и беллетристовъ печальная необходимость, еслибы идеи ихъ были до такой степени глубоки, всеобъемлющи, новы, что ихъ трудно было-бы вполнѣ ясно выразить въ простыхъ формахъ нашего языка. Но въ томъ-то и дѣло, что большинство нашихъ беллетристовъ и поэтовъ страдаетъ самымъ жалкимъ убожествомъ идей. Міросозерцаніе ихъ очень мало возвышается надъ уровнемъ обыкновенныхъ грамотныхъ людей. И если поэтъ съ такимъ широкимъ и глубокимъ міросозерцаніемъ, каковъ былъ Шевченко, могъ свои идеи выражать просто и общедоступно, то что-же остается сказать о нашихъ поэтахъ, которые свои бѣдненькія и обыденныя мысленки не могутъ выражать такъ, чтобы ихъ можно было понимать всѣмъ и каждому? Главною виною служатъ тутъ тѣ риторическія, рутинныя, витіеватыя тропы и фигуры, которыя почему-то считаются у насъ верхомъ художественной красоты и изящества. Сказать просто *родина*—какъ можно: это прозаически и безцвѣтно; нашъ поэтъ загнетъ непремѣнно какіе-нибудь *берега отчизны*, и думаетъ, что это туманное, безсмысленное выраженіе выше, поэтичнѣе. Возьмите, напримѣръ, Полонскаго: онъ написалъ стихотвореніе *Бѣглый* и этимъ стихотвореніемъ доказалъ, что онъ можетъ писать простою народною рѣчью. И этотъ-же самый Полонскій большую часть своей поэтической дѣятельности посвящаетъ на откалыванье такихъ штукъ:

Мнѣ не далъ Богъ *бича сатиры*;
Моя *душевная гроза*
Едва слышна *въ аккордахъ лиры*,
Едва видна моя слеза.
Ко мнѣ видѣнья прилетаютъ (?!),
Мнѣ звѣзды шлютъ *нѣмой привѣтъ*,
И мнѣ немногіе внимаютъ,
И для немногихъ я поэтъ.

Да, Полонскій, дѣйствительно, для немногихъ поэтъ, но не потому, что Богъ не далъ ему какой-то плетки, а потому, что онъ говоритъ языкомъ, ни для кого непонятнымъ: онъ правъ, говоря, что *вѣщихъ словъ его не слушаютъ народы*—еще бы, когда вмѣсто того, чтобы заговорить простымъ языкомъ простымъ смертнымъ объ ихъ простыхъ интересахъ, поэтъ твердитъ о какихъ-то аккордахъ лиры, которую никто изъ насъ, и даже самъ поэтъ не видалъ въ глаза, какая она такая, о какихъ-то видѣніяхъ, которыя никогда къ нему на самомъ дѣлѣ не прилетаютъ, если только онъ не боленъ бѣлой горячкой; далѣе поэтъ въ своемъ стихотвореніи доходитъ до такого изступленія, что простираетъ трепетныя объятія въ воздухъ и внемлетъ, какъ въ области вѣчнаго разума какая-то живая любовь торжественно поетъ живымъ о жизни. Въ „Бѣгломъ“ вы не увидите ничего такого, что Полонскому кажется непремѣнною принадлежностью поэзіи; „Бѣглаго“ могутъ внимать народы и понимать всѣ, и въ „Бѣгломъ“ неизмѣримо болѣе истинной

живой, свѣжей поэзіи, чѣмъ въ большинствѣ произведеній Полонскаго.

VII.

Выставляя такія требованія отъ литературы, вполнѣ естественныя и справедливыя, я нисколько этимъ не отрицаю тѣхъ художественныхъ произведеній, которыя пишутся исключительно для одного образованнаго меньшинства, если только они увлекаютъ это меньшинство. Я нисколько не думаю, чтобы это меньшинство было на столько уже образовано, чтобы ему нечему было учиться, или чтобы жизнь его была вполнѣ и со всѣхъ сторонъ исчерпана литературой. Все, что дѣлается въ жизни полезнаго, хотя-бы для одного человѣка, есть уже полезное и достойное уваженія. Мы требуемъ отъ человѣка, чтобы онъ посвящалъ свою дѣятельность на общую пользу всему своему краю, но тѣмъ не менѣе всякій добрый поступокъ его, оказанный одному ближнему, внушаетъ намъ уваженіе къ человѣку. Такъ точно мы требуемъ, чтобы литература стремилась сдѣлаться всеобщею, полезною для всѣхъ нашихъ соотечественниковъ. Если только она хочетъ, чтобы не были признаны лицемѣрными заявленія ея о томъ, что для нея дороги интересы, нужды, радости и страданія народа, она должна посвятить развитію этого народа лучшія свои силы, а не оставлять народъ на жертву разныхъ бездарныхъ писакъ и спекуляторовъ, издающихъ такъ-называемыя книги для народа; но если взять во вниманіе все прошлое нашей литературы, то мы не должны забывать, что литература можетъ къ этому только стремиться и медленнымъ путемъ изученія достигать этого стремленія. На этомъ долгомъ пути ничто ей не мѣшаетъ быть полезною и для того меньшинства, для котораго она до сихъ поръ служила. Впрочемъ, самая лучшая польза, которую она можетъ оказать этому меньшинству, заключается опять-таки въ стремленіи ея къ народности; потому что этимъ путемъ она ведетъ за собою это меньшинство отъ его изолированной, замкнутой жизни во всеобщую жизнь края, посвящая его въ интересы всего народа. Въ заключеніе спѣшу прибавить, что всѣ наши стремленія къ народности въ литературѣ служатъ только прелюдіями къ тому движенію въ этомъ духѣ, которое должно послѣдовать, когда народныя массы, призванныя къ гражданской жизни реформами шестидесятыхъ годовъ, дѣйствительно выступятъ на поприще этой жизни и когда изъ самой массы народа явятся пѣвцы ея нуждъ, стремленій, радостей и страданій. Въ этомъ отношеніи, къ какимъ-бы широкимъ обобщеніямъ ни приводили *наблюденія* надъ жизнію народа, но еще успѣшнѣе пойдетъ это дѣло, когда къ наблюденіямъ присоединятся *опыты*, и притомъ личные опыты людей, которые сами живутъ жизнію, изображаемою ими.

Читателю покажутся, можетъ быть, слишкомъ кратки и бѣглы нѣкоторыя характеристики писателей, произведенія которыхъ я разбиралъ въ этой статьѣ. О многихъ народныхъ писателяхъ не было мною сказано ни слова: но цѣль этой статьи не подробный разборъ всѣхъ народныхъ писателей нашихъ, а выставленіе тѣхъ общихъ положеній, на основаніи которыхъ, по моему убѣжденію, слѣдуетъ оцѣнивать произведенія этого рода. Затѣмъ, въ послѣдующихъ статьяхъ этой книги вы найдете болѣе полныя и подробныя характеристики, какъ отдѣльныхъ произведеній, такъ и всей дѣятельности наиболѣе выдающихся писателей, изображающихъ народный бытъ.

ДМИТРІЙ ИВАНОВИЧЪ ПИСАРЕВЪ.

(Его критическая дѣятельность въ связи съ характеромъ его умственнаго развитія).

I.

Ни объ одномъ изъ литературныхъ дѣятелей послѣдняго времени не сложилось столько противорѣчивыхъ мнѣній, какъ о покойномъ Писаревѣ. Трудно представить себѣ двухъ-трехъ человѣкъ, которые, сойдясь между собою и заговоря о значеніи и дѣятельности Писарева, выразили-бы вполнѣ согласное мнѣніе, если только разговаривающіе захотятъ глубже проникнуть въ то, что-же такое именно сдѣлалъ Писаревъ, а не ограничатся общими фразами о томъ, что онъ былъ писатель въ высшей степени искренній и честный, владѣлъ мастерскимъ слогомъ и проповѣдывалъ новыя идеи. Съ одной стороны, у людей старой школы, какъ гвоздь засѣлъ въ голову, взглядъ на Писарева, какъ на архи-Базарова, доведшаго отрицаніе до послѣднихъ предѣловъ крайности; съ другой стороны, изъ людей, болѣе солидарныхъ съ нимъ, одни, горячіе поклонники его, ставятъ его выше Бѣлинскаго и Добролюбова, говорятъ, что онъ окончательно очистилъ критику отъ всѣхъ романтическихъ преданій, отъ которыхъ не могъ избавиться даже и Добролюбовъ, что онъ всѣ вопросы литературы и науки перерѣшилъ на новыхъ, чисто-реальныхъ основаніяхъ, и все это удалось ему сдѣлать главнымъ образомъ потому, что онъ принадлежалъ къ поколѣнію болѣе юнѣйшему, чѣмъ принадлежалъ Добролюбовъ. Другіе же, напротивъ того, ничего не видятъ въ Писаревѣ, кромѣ любителя хлесткихъ и забористыхъ фразъ, поверхностнаго диллетанта, усыпавшаго цвѣтами своего краснорѣчія чужія мысли и доводившаго эти мысли иногда до смѣшныхъ крайностей и нелѣпыхъ парадоксовъ. Всѣ эти качества они приписываютъ личному складу ума и характера Писарева, и появленіе такого писателя въ нашей литературѣ считаютъ дѣломъ чистой случайности. Ни съ первымъ, ни со вторымъ мнѣніемъ нельзя согласиться. Первое мнѣніе страдаетъ тѣмъ, что прежде чѣмъ сравнить идеи До-

бролюбова и идеи Писарева и разсмотрѣть, дѣйствительно-ли послѣднія реальнѣе первыхъ, мнѣніе это опирается на такія относительныя основанія, какъ смѣна поколѣній. Противоположное-же мнѣніе страдаетъ тѣмъ, что, видя различные противорѣчія и парадоксы, встрѣчающіеся въ статьяхъ Писарева, и приписывая ихъ случайному складу ума и характера этого писателя, оно не видитъ, что за этимъ писателемъ стоитъ толпа горячихъ поклонниковъ его, толпа, которая за что-то ставитъ его на первомъ мѣстѣ, выше всѣхъ прежнихъ дѣятелей литературы, толпа, наконецъ, которая увлекается именно его парадоксами и всѣмъ тѣмъ, въ чемъ расходился онъ съ Добролюбовымъ и прочими писателями его школы. Неужели-же существованіе такой толпы такое-же дѣло случая, какъ и писателя, стоявшаго во главѣ ея? Мнѣ кажется, чтобы выйти изъ всей этой путаницы разнорѣчій, единственный путь — разсмотрѣть дѣятельность Писарева въ связи съ его личнымъ развитіемъ и общимъ характеромъ эпохи, въ которой онъ жилъ и дѣйствовалъ. Такое разсмотрѣніе покажетъ намъ съ одной стороны всю узкость и стереотипность взглядовъ тѣхъ людей, которые, принимая въ разсчетъ вліяніе на прогрессъ смѣны поколѣній, вліяніе это принимаютъ въ самомъ тѣсномъ и буквальномъ смыслѣ, думая, что изъ двухъ современниковъ, тотъ, который моложе двумя-тремя или пятью годами, вслѣдствіе этого непремѣнно долженъ быть и прогрессивнѣе въ такомъ же отношеніи. Люди одной эпохи, подчиняясь общему теченію жизни, кромѣ того развиваются скорѣе или медленнѣе, направляются въ ту или другую сторону подъ вліяніемъ разныхъ частныхъ, индивидуальныхъ условій, перерастаютъ другъ друга, какъ деревья въ лѣсу. Есть люди, которымъ удается очень рано и скоро пережить и перестрадать весь процессъ броженія своего вѣка. Такіе люди выходятъ на общественное поприще не только впереди своего вѣка, но иногда оставивъ его далеко за собою. Мы увлекаемся идеями подобныхъ людей; идемъ за ними, какъ за вождями, и случается, что эти люди до такой степени уходятъ далеко, что два, три поколѣнія не въ силахъ не только перегнать, но и догнать ихъ. Но есть люди, которые идутъ постоянно въ общемъ уровнѣ вѣка. Вмѣстѣ со своими современниками, они переживаютъ весь тотъ процессъ броженія, который характеризуетъ ихъ эпоху; участвуя въ этомъ процессѣ, они представляютъ обыкновенно то тотъ, то другой изъ элементовъ броженія. Вслѣдствіе этого, они впадаютъ въ односторонности, заблужденія; но заблужденія ихъ не случайный недостатокъ ихъ ума или воли, а характеризуютъ цѣлую эпоху, или-же данный моментъ въ ней, или одинъ изъ ея элементовъ. Такихъ людей мы, конечно, не можемъ считать вождями общества; но изученіе жизни и произведеній умнѣйшихъ и талантливѣйшихъ изъ нихъ бываетъ иногда поучительнѣе, чѣмъ изученіе вождей. На такихъ людяхъ ярко отражается обыкновенно или цѣлая эпоха, или тотъ элементъ броженія, представителями котораго они служатъ. Въ ихъ жизни и твореніяхъ вы можете прослѣдить наглядно, чѣмъ страдали ихъ современники, чего имъ недоставало, къ чему они стремились и въ чемъ заблуждались; все это въ жизни вождей общества бываетъ иногда неуловимо, именно вслѣдствіе быстроты ихъ развитія. Можете-ли вы, напримѣръ, прослѣдить, какъ изъ Гоголя — творца Ганца-Кюхельгартена, сдѣлался создатель натуральной школы? Вамъ постоянно будетъ казаться этотъ фактъ какимъ-то неожиданнымъ превращеніемъ вродѣ тѣхъ, какія бываютъ иногда въ балетахъ. Вслѣдствіе какого быстраго процесса развитія Добролюбовъ выступилъ на литературное поприще 20-лѣтнимъ юношей съ цѣлымъ рядомъ такихъ глубокихъ идей, которыя, если и понимаются, то какъ-то быстро и незамѣтно проскальзываютъ у многихъ изъ современниковъ его и людей значительно моложе его, людей читающихъ, мыслящихъ и увлекающихся имъ.

Изученіе личности Писарева съ этой точки зрѣнія покажетъ намъ съ другой стороны, какъ ошибаются тѣ люди, которые ничего не хотятъ въ немъ видѣть кромѣ ловкаго фразера и компилятора, говорившаго постоянно съ чужаго голоса и противорѣчившаго самому себѣ на каждой страницѣ. Мы увидимъ, что заблужденія и парадоксы, встрѣчаемые въ статьяхъ Писарева, не суть его личные, случайные недостатки; они проистекаютъ изъ тѣхъ условій жизни, въ которыхъ стоялъ не онъ одинъ, а стоятъ многіе современные намъ люди. Правда, мы можемъ встрѣтить не мало людей, которыхъ не удовлетворяютъ статьи Писарева и которые обращаются къ писателямъ болѣе солиднымъ и глубокимъ, но, во всякомъ случаѣ, такихъ людей, если и не мало, то и не особенно много. Большинство же читающей публики далеко еще не доросло до этихъ солидныхъ писателей, и Писаревъ ему совершенно по плечу, тѣмъ болѣе, что это большинство переживаетъ еще тотъ періодъ развитія, который отражается въ сочиненіяхъ Писарева.

II.

Есть эпохи, въ которыя люди болѣе всего заботятся объ усовершенствованіи своихъ общественныхъ отношеній, болѣе думаютъ о томъ, къ какимъ слѣдуетъ стремиться результатамъ общественнаго движенія, чѣмъ о томъ, какъ слѣдуетъ имъ жить въ частной жизни, какія страсти подавлять и какимъ давать просторъ для того, чтобы воплощать въ своей личности высшіе идеалы нравственности. Но есть эпохи, въ которыя при совершенномъ застоѣ общественной жизни, лучшіе люди общества обращаютъ исключительное вниманіе во внутрь своего я, начинаютъ созерцать всѣ свои достоинства и недостатки, полагая, что весь прогресъ общества только въ томъ и заключается, чтобы каждый человѣкъ въ отдѣльности устремлялъ все свое вниманіе на личное самосовершенствованіе.

Независимо отъ существеннаго характера той или другой эпохи, во всѣ времена встрѣчаются люди двухъ категорій, аналогическихъ съ только-что приведенною характеристикою двухъ эпохъ. Есть люди, которые въ увлеченіяхъ и заботахъ о разныхъ вопросахъ общественнаго свойства совершенно забываютъ о своемъ личномъ я; и хотя очень часто они являются въ высшей степени нравственными и честными, но эта нравственность и честность зависятъ не столько отъ особенныхъ заботъ объ этомъ, сколько отъ склада при-

вычекъ, вынесенныхъ изъ воспитанія и жизни. Но есть другаго рода люди, которые, даже сочувствуя и увлекаясь общественными интересами, на первомъ планѣ все-таки постоянно ставятъ нравственные идеалы чисто индивидуальнаго характера, даже въ общественныхъ своихъ стремленіяхъ заботятся не столько о средствахъ къ достиженію различныхъ практическихъ цѣлей, сколько о томъ, какіе нравственные идеалы должны воплощать отдѣльные люди для того, чтобы они были достойны носить имя прогресистовъ и новыхъ людей.

Что склоняетъ людей на тотъ или другой путь,—опредѣлить очень трудно. Конечно, весьма соблазнительно сдѣлать предположеніе, что люди, наиболѣе пострадавшіе отъ различныхъ общественныхъ недостатковъ, тѣмъ самымъ уже получаютъ наклонность болѣе думать о средствахъ къ избавленію отъ этихъ недостатковъ; а съ другой стороны люди, которыхъ обстоятельства одарили болѣе другихъ, по мѣрѣ развитія естественно начинаютъ чувствовать разладъ между своими убѣжденіями и своею личною жизнію, и этотъ разладъ невольно влечетъ ихъ къ разрѣшенію разныхъ мучительныхъ вопросовъ, касающихся исключительно ихъ личности, имѣющихъ характеръ чисто индивидуальный. Но не однѣ только эти причины имѣютъ здѣсь вліяніе. Кромѣ ихъ существуетъ цѣлый рядъ другихъ причинъ, и притомъ такихъ сильныхъ, которыя могутъ совершенно парализовать эти причины, т. е. людей, кругомъ обиженныхъ жизнію, навести на дорогу вопросовъ индивидуальной нравственности, а людей щедро одаренныхъ на путь общественныхъ вопросовъ. Къ этимъ другимъ причинамъ принадлежатъ: *характеръ эпохи*, смотря по тому, на столько ли силенъ въ данное время импульсъ общественной жизни, что онъ способенъ увлечь общественными интересами людей самыхъ индифферентныхъ, или настолько слабъ онъ, что люди, наиболѣе склонные къ общественнымъ интересамъ, не находятъ никакого удовлетворенія своимъ склонностямъ и онѣ въ нихъ увядаютъ; *степень развитія*,—очевидно, что люди менѣе развитые не въ силахъ бываютъ обнять своими умственными очами всей сложности процесса общественнаго развитія и понять зависимость индивидуальной нравственности отъ общаго положенія дѣлъ, и потому такимъ людямъ свойственно ограничивать узкій кругозоръ свой интересами личной, индивидуальной нравственности; такіе люди не имѣютъ понятія о прогрессѣ, какъ органическомъ процессѣ развитія; для нихъ прогрессъ есть простое накопленіе посредствомъ размноженія нравственныхъ и прогрессивныхъ единицъ; *воспитаніе* тоже одна изъ важныхъ причинъ въ этомъ родѣ, и въ особенности важно, что занимаетъ наиболѣе юношу въ то время, когда формируются страсти, наклонности и привычки его; *образъ жизни*—очевидно, что человѣкъ, ведущій уединенную, сосредоточенную въ самомъ себѣ жизнь, болѣе склоняется къ вопросамъ индивидуальной нравственности, чѣмъ человѣкъ, живущій общественною жизнію; наконецъ *характеръ отношеній къ близкимъ людямъ*—смотря по тому, какого рода эти отношенія; они могутъ быть столь просты и естественны, что человѣкъ и не задумается о нихъ ни разу въ жизни; или же, наоборотъ, они могутъ быть столь запутаны, ложны и ненормальны, что могутъ человѣка поминутно побуждать къ рѣшенію различныхъ нравственныхъ вопросовъ. Всѣ эти причины могутъ дѣйствовать сразу; но можетъ случиться, что и одной причины достаточно, если она настолько сильна, что можетъ всѣ мысли человѣка и всю жизнь направить въ одну опредѣленную сторону. Вооружившись всѣми этими данными, приступимъ теперь къ анализу университетской жизни Писарева, которая имѣла болѣе сильное вліяніе на складъ его убѣжденій, чѣмъ все послѣдующее его развитіе, и вліяніе которой замѣтно на всѣхъ его статьяхъ.

Писаревъ поступилъ въ университетъ въ 1856 г. совершеннымъ еще ребенкомъ: ему было не болѣе 16-ти лѣтъ; классическая гимназія, въ которой онъ воспитывался, даровавъ ему хорошее знаніе древнихъ языковъ, не особенно способствовала его умственному развитію. Онъ самъ о себѣ говоритъ въ статьѣ „Университетская наука“:

«Хотя я до сихъ поръ не сообщилъ фактическихъ подробностей о степени моего развитія, но я осмѣливаюсь думать, что изъ всего того, что я наговорилъ, проницательный читатель уже составилъ себѣ приблизительное и притомъ довольно вѣрное понятіе о томъ, что я смыслилъ при поступленіи моемъ въ университетъ; скажу я ему еще, что любимымъ занятіемъ моимъ было раскрашиваніе картинокъ въ иллюстрированныхъ изданіяхъ, а любимымъ чтеніемъ романы Купера и особенно очаровательнаго Дюма. Пробовалъ я читать исторію Англіи Маколея, но чтеніе и подвигалось туго, и казалось мнѣ подвигомъ, требующимъ сильнаго напряженія естественныхъ силъ. На критическія статьи журналовъ я смотрѣлъ, какъ на кодексъ іероглифическихъ надписей, прилагавшійся къ книжкѣ исключительно по заведенной привычкѣ, для вида и для счета листовъ; я былъ твердо убѣжденъ, что этихъ статей никто понимать не можетъ и что природѣ человѣка совершенно несвойственно находить въ чтеніи ихъ малѣйшее удовольствіе. Я долженъ признаться, что въ отношеніи къ нѣкоторымъ журналамъ я даже до сегодня не исцѣлился отъ этого спасительнаго заблужденія. Впрочемъ, это въ скобкахъ. Началъ я также, будучи ученикомъ седьмаго класса, читать «Холодный домъ», одинъ изъ великолѣпнѣйшихъ романовъ Диккенса, и не дочиталъ. Длинно такъ, и много лицъ, и ничего не сообразишь, и приключеній никакихъ нѣтъ, и шутитъ такъ, что ничего не поймешь; такъ на томъ и оставилъ, порѣшивъ, что «Les trois mousquetaires» не въ примѣръ занимательнѣе. Ну, а русскіе писатели—Пушкинъ, Лермонтовъ, Гоголь, Кольцовъ? Читатель, мнѣ стыдно за моихъ домашнихъ воспитателей, стыдно и за себя—зачѣмъ я ихъ слушалъ? Русскихъ писателей я зналъ только по именамъ. «Евгеній Онѣгинъ» и «Герой нашего времени» считались произведеніями безнравственными, а Гоголь писателемъ сальнымъ и въ порядочномъ обществѣ совершенно неумѣстнымъ. Тургеневъ допускался, но, конечно, я понималъ его такъ же хорошо, какъ понималъ геометрію, Маколея и Диккенса. «Записки охотника» ласкали какъ-то мой слухъ, но останавливаться и задумываться надъ впечатлѣніемъ было для меня немыслимо. Словомъ, я шелъ путемъ самаго благовоспитаннаго юноши».

Въ другомъ мѣстѣ Писаревъ сравниваетъ себя съ дѣвственнымъ полемъ, которое каждый Христофоръ Колумбъ могъ открыть, водрузить свое знамя и обратить въ свою колонію, какъ землю незаселенную и никому не принадлежащую.

Все это совершенно справедливо. Сколько я помню

Писарева въ первомъ курсѣ университета, онъ былъ совершеннымъ ребенкомъ и оставался тѣмъ же прилежнымъ гимназистомъ, какимъ былъ, по всей вѣроятности, въ гимназіи. Одинъ изъ нашихъ однокурсниковъ, Н. Полевой, напечаталъ въ „Спб. Вѣдомостяхъ“, вскорѣ послѣ смерти Писарева, нѣсколько воспоминаній о студенческихъ годахъ Писарева, въ которыхъ онъ представляетъ Писарева сосредоточеннымъ въ себѣ, вѣчно спокойнымъ и холоднымъ резонеромъ, жившимъ исключительно головою и напускавшимъ на себя нѣкоторую важность вслѣдствіе ребяческаго сознанія своего студенческаго достоинства. Что онъ нѣсколько импонировалъ своимъ студенческимъ мундиромъ, это, можетъ быть, и было и это было весьма естественно; Писаревъ самъ говоритъ въ статьѣ „Университетская наука“: „даже внѣшніе атрибуты студенчества казались мнѣ привлекательными: синій воротникъ, безвредная шпага, двуглавые орлы на пуговицахъ—все это нравилось мнѣ, какъ „вещественные знаки невещественныхъ отношеній“. Что же касается мнимой холодности и житья головою, то въ этомъ я совершенно несогласенъ съ Полевымъ; напротивъ того, Писаревъ всегда былъ человѣкъ весьма впечатлительный и способный увлекаться до безумія, что онъ доказалъ въ своей жизни неоднократно, и изъ университетскаго періода его жизни я помню два случая его увлекаемости: одинъ разъ онъ пришелъ въ такой энтузіазмъ на одной студенческой сходкѣ, что расплакался, а въ другой разъ, во время нѣкоторыхъ недоразумѣній, происшедшихъ между студентами и однимъ изъ профессоровъ, увлекся до того, что легъ на столъ и началъ барабанить ногами въ стѣну, за которой сидѣлъ профессоръ въ аудиторіи, гдѣ въ это время происходилъ скандалъ.

Юноша крайне неразвитой и въ то же время нервный, впечатлительный и воспріимчивый, очевидно, онъ долженъ былъ подчиниться первому вліянію, которое ему было суждено встрѣтить въ жизни.

Въ своей статьѣ „Университетская наука“ Писаревъ подробно и мѣтко характеризуетъ профессоровъ того факультета, на который онъ поступилъ; изъ этой статьи читатель можетъ составить ясное понятіе, могли ли оказать на Писарева какое бы то ни было вліяніе профессора, изъ которыхъ одинъ засадилъ Писарева за энциклопедію Эрша и Грубера, а другой запрегъ его въ Вильгельма Гумбольта. Между тѣмъ, какъ Писаревъ скучалъ надъ Эршемъ и Груберомъ и киснулъ на буквѣ А этой энциклопедіи, между тѣмъ какъ онъ механически извлекалъ и переводилъ брошюру Штейнталя и книгу Гайма, не въ силахъ будучи осмыслить того, надъ чѣмъ онъ такъ усердно трудился, разговоры и споры товарищей его о различныхъ животрепещущихъ для него въ то время вопросахъ, очевидно, должны были оказать болѣе вліянія на ходъ и направленіе его мыслей, чѣмъ вся факультетская ученость взятая вмѣстѣ; тѣмъ болѣе, что эти разговоры и споры велись на языкѣ болѣе понятномъ для неразвитаго юноши, чѣмъ языкъ Гайма и Штейнталя и больше касались его личности. Здѣсь нужно замѣтить, что Писаревъ, прежде нежели попасть въ филологическій кружокъ спеціалистовъ, о которомъ онъ говоритъ въ своей статьѣ „Университетская наука“, былъ увлеченъ въ иной кружокъ весьма оригинальнаго свойства.

Въ Ларинской гимназіи былъ нѣкогда преподаватель русскаго языка Николай Павловичъ Корелкинъ. Человѣкъ энергическій, живой, горячій, онъ былъ своего рода свѣтиломъ среди гимназическихъ преподавателей своего времени, и воспитанники, на которыхъ онъ производилъ самое обаятельное вліяніе, никогда его не забудутъ. Поклонникъ Гегеля и Бѣлинскаго, почитатель Гоголя, онъ былъ слишкомъ живой человѣкъ, чтобы вносить въ преподаваніе и пропагандировать какую либо узкую схоластическую ученость. Воспитанники его въ шестомъ классѣ уже были знакомы близко со многими произведеніями русской литературы и зачитывались Гоголя. О Бѣлинскомъ Корелкинъ не говорилъ ни слова; въ то время имя это было одно изъ самыхъ запрещенныхъ въ стѣнахъ гимназіи, но это не мѣшало ему проводить идеи и взгляды Бѣлинскаго на русскую литературу. Въ 1855 году Н. П. Корелкинъ умеръ, и надо сказать, что внезапная смерть его произвела на двухъ изъ его воспитанниковъ 6-го класса гораздо сильнѣйшее впечатлѣніе, чѣмъ всѣ его горячія рѣчи и наставленія. Имъ показалось, что міръ опустѣлъ съ его смертію; онъ сдѣлался въ ихъ глазахъ предметомъ поклоненія; каждое слово его, запечатлѣнное въ ихъ памяти, имѣло въ ихъ глазахъ неприкосновенность святыни; они собирали и сохраняли каждый его ничтожный автографъ. Въ то же время вся окружающая ихъ обстановка показалась имъ вдвое будничнѣе, пошлѣе и грязнѣе со смертію этого человѣка, и они исполнились ожесточеннаго протеста противъ этой обстановки. Они соединились въ тѣсную дружбу и рѣшились въ память незабвеннаго человѣка посвятить всю жизнь свою внутреннему, духовному саморазвитію. Въ мечтахъ объ этомъ духовномъ саморазвитіи прошелъ послѣдній годъ пребыванія ихъ въ 7-мъ классѣ. Все время они посвящали тому, что сходились бесѣдовать о взаимномъ внутреннемъ саморазвитіи, все болѣе и болѣе знакомились съ русскою литературою, кончая, впрочемъ, только Гоголемъ, и писали различныя повѣсти, драмы и комедіи. Въ то же время къ гимназическому начальству со всѣми его жиденькими учебниками, уроками, баллами, они относились съ явнымъ пренебреженіемъ, выказывая это пренебреженіе открытыми заявленіями презрѣнія къ ихъ преподаванію. Какъ сходили имъ эти открытые протесты и какъ они, при всемъ томъ, получили аттестаты,—это можно объяснить только суровостью того времени, въ которое директора заботились не о томъ, чтобы обнаруживать скандалы, а напротивъ того, всячески замазывать; въ то время хорошимъ директоромъ считался такой, у котораго воспитанники оказывали постоянное безпрекословное и невозмутимое повиновеніе, тогда-какъ малѣйшая строптивость со стороны ученика могла повредить директору не менѣе, чѣмъ и ученику, который бы рѣшился оказать неповиновеніе.

По выходѣ изъ гимназіи, дружба двухъ юношей не разорвалась, а сплотилась еще крѣпче, несмотря на то, что они пошли по разнымъ дорогамъ: одинъ поступилъ въ университетъ на филологическій факультетъ, а другой пошелъ въ моряки. Мало по малу общія

и неопредѣленныя мечты о духовномъ саморазвитіи получили болѣе опредѣленный характеръ. Корелкинъ, увлекая своихъ воспитанниковъ Гоголемъ, очевидно, выбиралъ для чтенія лучшія его произведенія и совершенно умалчивалъ о послѣднемъ періодѣ его дѣятельности. Друзья же наши, воспринявши отъ своего учителя поклоненіе Гоголю, сами начали изучать этого писателя во всѣхъ подробностяхъ его жизни и докопались, конечно, до „Переписки съ друзьями". При узкомъ кругѣ развитія и темныхъ мечтахъ о духовномъ самосовершенствованіи, „Переписка съ друзьями" подѣйствовала на юношей потрясающимъ образомъ, по крайней мѣрѣ на одного изъ нихъ. Весь міръ представился имъ погрязшимъ въ грѣховной, языческой суетности. Ужь не говоря о всякаго рода страстяхъ и похотяхъ, даже самыя невинныя развлеченія, въ родѣ куренія табаку, танцевъ и обыденныхъ разговоровъ, стали казаться вещами предосудительными, недостойными мыслящаго человѣка и унижающими его. Мечтателямъ нашимъ казалось, что въ каждую минуту вся природа человѣка должна быть устремлена къ одному—къ нравственному самосовершенствованію, къ воплощенію въ своей особѣ идеала истиннаго христіанина; каждое произнесенное слово должно было имѣть высшую цѣль и значеніе, а за каждымъ безполезнымъ разговоромъ слѣдовали угрызенія совѣсти. Но такъ-какъ подобнаго рода постоянное напряженіе всѣхъ силъ немыслимо въ природѣ человѣка, то за излишними напряженіями должны были слѣдовать истощенія и паденія; тогда всплывали наверхъ всѣ подавляемыя молодыя страсти и начиналась та отчаянная борьба съ демонами, которая такъ прекрасно характеризуетъ средневѣковой аскетизмъ. Обуреваемый такимъ образомъ страстями и не въ силахъ бороться съ ними, одинъ изъ нашихъ молодыхъ аскетовъ (другой былъ болѣе спокойнаго и флегматическаго темперамента и демоны не смущали его такъ, какъ перваго) придумалъ слѣдующій выходъ: ему представилось, что та же самая борьба, которая такъ тяжела и невыносима для человѣка, замкнутаго въ въ самомъ себѣ, съ его одиночными силами, будетъ не въ примѣръ легче, когда подвижничество будутъ раздѣлять нѣсколько людей и помогать другъ другу въ борьбѣ со страстями и въ нравственномъ самосовершенствованіи; къ тому же, высшая цѣль мыслящаго человѣка заключается не въ одномъ личномъ самосовершенствованіи, а въ томъ, чтобы всѣхъ окружающихъ людей дѣлать мыслящими и подымать до своего идеала. Вслѣдствіе этихъ соображеній, молодой аскетъ задумалъ основать „общество мыслящихъ людей", съ колоссальною цѣлію возродить въ мірѣ христіанство въ его истинномъ, идеальномъ смыслѣ. Проектъ свой онъ сообщилъ нѣкоторымъ изъ своихъ бывшихъ товарищей по гимназіи, и они всѣ тотчасъ же увлеклись этимъ проектомъ. Общество возникло на слѣдующихъ основаніяхъ: каждую недѣлю должны происходить общія собранія для благочестивыхъ разговоровъ и взаимной нравственной поддержки, причемъ члены общества должны особенныя усилія употреблять для поддержки и спасенія того изъ ихъ братьевъ, которому невыносимо станетъ бороться со страстями и онъ воззоветъ къ нимъ о помощи; въ то же время каждый членъ долженъ заботиться о распространеніи общества посредствомъ увлеченія кого-нибудь изъ своихъ близкихъ и знакомыхъ на дорогу высшаго, духовнаго саморазвитія. Такого рода неофиты назывались въ обществѣ оглашенными, и иногда эти оглашенные призывались въ общія собранія для того, чтобы они поучались и утверждались на новой дорогѣ. До какого фантастическаго сумасбродства и фанатизма доходили нѣкоторые члены общества, можно видѣть изъ слѣдующаго примѣра. На одномъ изъ засѣданій былъ поднятъ вопросъ объ отношеніяхъ между мужчинами и женщинами. Женщинъ въ этомъ обществѣ не было, но предполагалось, что съ распространеніемъ общества будутъ въ немъ участвовать и женщины. Каковы же должны быть отношенія между мужчинами и женщинами въ духѣ высшаго духовнаго саморазвитія? Очевидное дѣло, что между мужчиною и женщиною должна быть только высшая, всеобъемлющая духовная любовь христіанина къ христіанину, такой же нравственный союзъ для взаимной поддержки, какъ и между всѣми членами общества безъ различія пола; а такъ-какъ малѣйшее нечистое помышленіе унижаетъ уже мыслящаго человѣка, то половыя влеченія должны быть совершенно исключены изъ отношеній мужчинъ къ женщинамъ. „Прекрасно, возражали нѣкоторые скептики: но что же будетъ, когда общество наше возростетъ до того, что приметъ въ свои нѣдра все человѣчество, и человѣчество, слѣдуя принципамъ нашего общества, отвергнетъ всякую плотскую связь между мужчиною и женщиною; тогда человѣчество, а слѣдовательно и общество наше, просуществуетъ всего 100 лѣтъ, пока не умретъ послѣдній членъ его и вмѣстѣ съ нимъ не вымретъ все человѣчество"? Тогда скептикамъ возражали: „вопервыхъ, пусть, лучше человѣчество, достигнувши высшей своей цѣли и назначенія, вымретъ въ теченіе 100 лѣтъ, нежели оно тысячелѣтія будетъ погрязать въ грѣхѣ, суетности и униженіи; а вовторыхъ, какъ дерзаете вы извѣдать всѣ тайны всеблагаго и всесильнаго Провидѣнія? Въ награду за такое подвижничество человѣчества, въ его власти сниспослать чудо и сдѣлать людей безсмертными, или же, можетъ быть, Провидѣніе устроитъ, что люди будутъ рождаться какимъ нибудь чудеснымъ образомъ, помимо плотскаго грѣха". Скептикамъ нечего было возражать на такіе доводы, и они смолкали.

Вся эта исторія продѣлывалась въ концѣ 1857 г., когда члены общества мыслящихъ людей были уже во второмъ курсѣ. Незадолго до этого времени Писаревъ сошелся съ однимъ студентомъ Тр., и вскорѣ между ними завязалась такая дружба, которую мало было назвать даже дружбою, а скорѣе влюбчивостью, къ какой бываютъ способны юноши 17 и 18 лѣтъ. Влюбчивость эта повела къ тому, что Писаревъ переѣхалъ на квартиру къ Тр. и началъ жить съ нимъ въ одной комнаткѣ на чердачкѣ, а Тр. перешелъ изъ математическаго факультета на филологическій. — Тр. былъ однимъ изъ членовъ общества мыслящихъ людей, и къ нему очень часто ходилъ основатель этого общества бесѣдовать о внутреннемъ саморазвитіи. Очевидное дѣло, что Писаревъ былъ одинъ изъ первыхъ, которыхъ общество избрало оглашеннымъ, и Тр. вмѣстѣ съ

основателемъ общества начали приготовлять его ко вступленію въ общество. Нелегко доставалось Писареву это покушеніе на его личность:—начался цѣлый рядъ увѣщаній и порицаній. Писареву внушалось, что онъ, не смотря на то, что носитъ христіанскій крестъ, все еще пребываетъ въ мірѣ язычества, что воззрѣнія его на жизнь ничѣмъ не отличаются отъ воззрѣній грековъ и римлянъ, что онъ допускаетъ пустыя удовольствія въ родѣ игры въ карты или на билліардѣ; удовольствія эти унижаютъ въ немъ мыслящаго человѣка, а онъ мало того, что допускаетъ ихъ, а еще увлекается ими. Писаревъ выслушивалъ всѣ эти увѣщанія и иногда проникался ими до слезъ: „что же мнѣ дѣлать, восклицалъ онъ въ сокрушеніи: я самъ вижу, что во мнѣ нѣтъ того энтузіазма, какой я вижу въ васъ; я чувствую, что это все правда, но что же мнѣ дѣлать, откуда взять силы?“ Такими же восклицаніями ограничивался онъ и на собраніяхъ общества, куда его приглашали для увлеченія его на путь внутренняго саморазвитія. Если съ одной стороны донимали его такимъ образомъ товарищи, то съ другой стороны не менѣе донималъ его и отецъ Тр. Сильный и суровый старикъ, живое подобіе старика Болконскаго въ романѣ Толстого, получившій въ жизни своей суровую спартанскую выправку, исходившій когда-то пѣшкомъ всю Россію отъ Петербурга и до Кавказа нарочно ради прогулки и любопытства, чуждавшійся свѣта и людей, съ презрѣніемъ смотрѣвшій на людскія слабости, онъ не могъ выносить того легкаго свѣтскаго лоска, который Писаревъ вынесъ изъ своей прежней обстановки.—Каждый шагъ Писарева казался старику легкомысленнымъ, каждое слово поверхностнымъ и необдуманнымъ, и Писареву приходилось выдерживать цѣлый градъ всякаго рода замѣчаній и сарказмовъ старика, иногда очень меткихъ и злыхъ, потому что старикъ, несмотря на свою глубокую старость, обладалъ недюжиннымъ умомъ.

Такимъ образомъ, первыя вліянія на Писарева имѣли характеръ исключительно индивидуально-нравственный. Вокругъ него постоянно рѣшались моральные вопросы и окружавшіе его люди обращали все вниманіе его на его собственную личность.

Я не знаю, успѣли-ли бы Писарева склонить на дорогу аскетизма, еслибы существованіе общества продолжалось долго. Но вмѣсто того мистическаго саморазвитія, къ которому такъ тщетно стремились члены общества, ихъ настигло то естественное развитіе, которое образовалось путемъ чтенія, слушанія нѣкоторыхъ лекцій и общаго движенія того времени, которое крайчикомъ захватило и ихъ. И такъ быстро шло это развитіе, что въ концѣ 1857 года основалось общество, а весною 1858 года оно должно было распасться, потому что основатель его изъ приверженца „Переписки съ друзьями“ Гоголя сдѣлался отчаяннымъ скептикомъ, морякъ уѣхалъ въ море, а прочіе члены разбрелись, кто куда попало. Съ распаденіемъ прежняго кружка мало-по-малу возникъ новый вмѣстѣ съ естественнымъ сближеніемъ между собою однокурсниковъ факультета. Въ этомъ новомъ кружкѣ было два рѣзко отдѣляющихся одинъ отъ другаго элемента. Съ одной стороны были тѣ спеціалисты, о которыхъ Писаревъ говоритъ въ своей статьѣ „Ун. наука“:

«Это были люди съ опредѣленными, прочно установившимися взглядами на жизнь и людей; никакихъ колебаній и сомнѣній для нихъ не существовало, никакіе вопросы ни общественные, ни нравственные не мучили ихъ; всѣ уже такіе вопросы были заранѣе рѣшены ими, и для нихъ существовали одни вопросы ученые; каждый избралъ свою спеціальность съ перваго курса университета и плотно сидѣлъ на ней; олимпійское спокойствіе, самодовольство и скептическое, насмѣшливое отношеніе ко всему, что выходило изъ нормы ученыхъ вопросовъ или наслажденій эстетическаго и семейнаго свойства—вотъ каково было содержаніе этого элемента».

Совершенно противоположнаго свойства была другая сторона кружка. Къ этой половинѣ принадлежали три человѣка: Писаревъ, Тр. и тотъ самый ларинецъ, который былъ прежде основателемъ общества мыслящихъ людей. Избавившись отъ аскетизма, друзья наши создали новую теорію нравственности, свою собственную, которую назвали гармоническою нравственностью; въ этомъ гармонизмѣ они старались помирить теорію долга со свободою страстей.

Человѣкъ, говорили они, можетъ наслаждаться, чѣмъ угодно, лишь-бы сохранялъ равновѣсіе страстей и не злоупотреблялъ ими ни во вредъ себѣ, ни во вредъ другимъ. Это первый нравственный долгъ человѣка. Высшій же нравственный долгъ заключается въ умственномъ развитіи себя и другихъ и безкорыстномъ посвященіи себя какой-нибудь наукѣ или искусству. Эта теорія гармонизма отозвалась въ одномъ мѣстѣ сочиненій Писарева. На 41-й стр. I тома своихъ сочиненій онъ говоритъ: „Майкова я уважаю, какъ умнаго и современнаго развитаго человѣка, *какъ проповѣдника гармоническаго наслажденія жизнью, какъ поэта, имѣющаго трезвое міросозерцаніе* и пр.“ Это мѣсто такъ и отзываетъ тѣми разговорами, спорами и чтеніями, которые велись на чердачкѣ у Тр. Майковъ былъ одно время дѣйствительно самымъ любимымъ поэтомъ Писарева и весь кружокъ зачитывался имъ во имя эстетическихъ наслажденій и того эпикуреизма, которымъ проникнуты произведенія этого лирика и который подъ именемъ гармонизма развивали наши юные мыслители. Этотъ эпикуреизмъ былъ, между прочимъ, главною причиною, вслѣдствіе которой друзья наши, чуждые общественныхъ вопросовъ, отрицали всякое значеніе за новыми дѣятелями литературы. Взглядъ этотъ происходилъ съ исключительно нравственной точки зрѣнія. Друзья и не подозрѣвали, какое общественное значеніе имѣютъ эти новые дѣятели; они слышали стороною, что дѣятели отрицаютъ, будто-бы, науки и искусства, и имъ казалось, что подобное отрицаніе противно человѣческой природѣ, сдавливаетъ ее и насилуетъ, лишая ее естественныхъ наслажденій жизни, что это тотъ-же аскетизмъ, отъ котораго они только-что избавились; и друзья наши, сидя на своемъ чердачкѣ, воображали, что они со своею теоріею гармонизма, дарующею человѣку полную свободу всесторонне наслаждаться жизнію, далеко ушли впередъ отъ новыхъ дѣятелей въ литературѣ.

Но немного дѣйствительныхъ наслажденій даровала имъ эта теорія гармонизма. Постоянный примѣръ передъ глазами товарищей, твердо и неуклонно идущихъ по ученому пути—сильно смущалъ ихъ, наполняя ихъ сердце завистью и угрызеніями. Въ наукѣ,

въ глазахъ ихъ, какъ я уже выше сказалъ, заключалось высшее призваніе, высшій долгъ человѣка. Она была для нихъ святилищемъ. Но тщетно стучались они въ это святилище то съ одного конца, то съ другаго. За какую-бы спеціальность они ни принимались,—сухое, мелочное изслѣдованіе скоро надоѣдало имъ и вмѣсто наслажденія поселяло въ нихъ скуку, и тогда—стоило минутно увлечься какимъ-нибудь вопросомъ изъ другой области филологическихъ наукъ,—и они мигомъ перелетали въ другую спеціальность, окружали себя новыми книгами, и снова повторялась та же исторія. Такъ кочевали они, словно бедуины, по разнымъ безплоднымъ степямъ филологическихъ наукъ, въ виду своихъ осѣдлыхъ товарищей, и вдоволь потѣшались эти осѣдлые товарищи надъ ихъ скитаніями. Вообще, роль ихъ въ кружкѣ была самая жалкая: солидные товарищи безпрестанно выставляли на видъ безхарактерность, безалаберность, непрактичность, увлекаемость теоріями и неумѣніе ни на чемъ остановиться нашихъ друзей; къ нимъ приложили даже извѣстное названіе—художественныхъ натуръ, и на собраніяхъ и попойкахъ относились къ нимъ съ тѣмъ добродушно-ласковымъ презрѣніемъ, съ какимъ относятся къ неразумнымъ дѣтямъ. Друзья наши не могли даже протестовать противъ всего этого, потому что сами, съ своей стороны, терзались своею неумѣлостью ни на чемъ остановиться, сами сознавали себя безхарактерными, безалаберными мечтателями и смотрѣли на своихъ товарищей снизу вверхъ съ тайною завистью и уваженіемъ, какъ на воплощенные идеалы. Много было тяжелаго въ жизни этихъ трехъ студентовъ. Обвиняя новыхъ дѣятелей литературы въ мнимомъ аскетизмѣ, друзья наши и не замѣчали, какъ они, проповѣдуя свой гармонизмъ, въ то же время насиловали свою природу и создавали для себя новый аскетизмъ, въ которомъ нравственное саморазвитіе смѣнилось пригвожденіемъ себя къ узкой спеціальности.

Такимъ образомъ, и въ этомъ второмъ періодѣ развитія Писарева вниманіе его было обращено на вопросы исключительно нравственные и личные. Начавши работать въ журналѣ Кремпина „Разсвѣтъ“ и увлекшись этой работой, Писаревъ возбудилъ еще болѣе ожесточенныхъ нападокъ со стороны товарищей, которые начали смотрѣть на него, какъ на человѣка окончательно погибшаго: такая дѣятельность, по ихъ мнѣнію, была не только гибельна, но и безнравственна на томъ основаніи, что отвлекала Писарева отъ основательной ученой подготовки, безъ которой писатель не долженъ смѣть выступать передъ публикой и передавать читателямъ мысли непереваренныя, гадательныя, не основанныя на солидныхъ знаніяхъ, рискуя въ то же время очень скоро истощиться и окончательно исписаться. Въ этихъ нападкахъ со стороны товарищей была, пожалуй, своя доля основательности, потому что дѣйствительно знанія Писарева были слишкомъ въ то время еще ограничены для того, чтобы выступать на литературное поприще, и усиленная литературная работа съ большею пользою могла быть замѣнена серьезнымъ чтеніемъ по разнымъ предметамъ; книжки-же всякаго рода, которыя разбиралъ Писаревъ, не могли внушить ему особенно солидныхъ знаній. Но нападки товарищей были ложны съ той стороны, что подъ ученою подготовкою разумѣлось не иное что, какъ пригвожденіе себя къ какой-нибудь узкой филологической спеціальности въ то время, какъ человѣкъ не имѣлъ ни о чемъ самыхъ элементарныхъ и общеобразовательныхъ знаній, необходимыхъ не только для писателя, но и вообще для образованнаго человѣка. Такимъ образомъ, еслибы Писаревъ послушался своихъ товарищей, то истощающая литературная работа смѣнилась-бы изсушающими умъ мелочными изслѣдованіями. Но Писаревъ не могъ побѣдить своего естественнаго стремленія къ литературной дѣятельности; работа эта, кромѣ денежной выгоды, доставляла ему наслажденіе, и весь 1859 годъ прошелъ для него въ тяжелой нравственной борьбѣ: находя наслажденіе въ своей работѣ, онъ въ то же время, подъ вліяніемъ товарищей, сознавалъ, что предаваясь этому наслажденію, онъ не исполняетъ своего нравственнаго долга, т.-е. не предается учености, и слѣдовательно—ежедневно совершаетъ преступленіе. Эта страшная раздвоенность не могла долго продолжаться: умъ, вращаясь два года уже въ узкой сферѣ нравственныхъ вопросовъ и не видя выхода изъ нихъ, наконецъ до того истощился, что въ одинъ прекрасный день Писаревъ вообразилъ, что его обвиняютъ уже не въ нравственномъ преступленіи противъ науки и читательницъ „Разсвѣта“, а чисто въ уголовномъ, въ родѣ воровства, а на товарищей своихъ онъ началъ смотрѣть, какъ на грозныхъ судей, которые за его воровство хотятъ предать его казни, можетъ быть, даже смертной, тайнымъ образомъ, помимо всякихъ законныхъ судовъ. Затѣмъ уже Писаревъ началъ отрицать существованіе дня и ночи. „Все, что мнѣ говорили, все, что я видѣлъ, даже все, что я ѣлъ, встрѣчало во мнѣ непобѣдимое недовѣріе. Я все считалъ искусственнымъ и приготовленнымъ нарочно для того, чтобы обмануть и погубить меня. Даже свѣтъ и темнота, луна и солнце на небѣ казались мнѣ декораціями и входили въ составъ общей громадной мистификаціи“,—говоритъ онъ въ своей статьѣ „Ун. наука“. Вырвавшись изъ лечебницы доктора Штейна весною 1860 года, проведя лѣто въ деревнѣ, поселившись на зиму на особенную квартиру и проведя зиму за писаніемъ диссертаціи объ Аполлоніи Тіанскомъ, Писаревъ окончательно выздоровѣлъ отъ своей душевной болѣзни, и въ то же время въ немъ стало замѣтно очевидное умственное и нравственное возрожденіе. Правда, что во все это время онъ перечиталъ много дѣльныхъ книгъ, которыя значительно расширили его умственный горизонтъ; правда и то, что онъ началъ ближе вникать и увлекаться общественными вопросами, но въ то же время на первомъ планѣ стояли у него, все-таки, вопросы нравственнаго свойства. Весь кризисъ, который перенесъ онъ съ такимъ трудомъ, главнымъ образомъ заключался въ томъ, что въ оппозицію прежней нравственной теоріи, которая, допуская наслажденіе, въ то же время подчиняла его долгу, онъ вычеркнулъ изъ своего нравственнаго кодекса слово „долгъ“ и началъ носиться съ новою теоріею, такъ-называемаго, эгоизма. „Не человѣкъ существуетъ для общества, а общество для человѣка, началъ онъ проповѣдывать: поэтому главная цѣль жизни заключается не въ томъ, чтобы мечтать о принесеніи раз-

ныхъ пользъ обществу, а чтобы доставлять себѣ возможное счастіе и блаженство въ жизни посредствомъ свободнаго удовлетворенія всѣмъ своимъ естественнымъ влеченіемъ. Человѣкъ, удовлетворяющій всѣмъ своимъ влеченіямъ,—непремѣнно будетъ полезенъ, хотя-бы онъ объ этомъ не думалъ и не заботился". Такая теорія показалась товарищамъ Писарева верхомъ безнравственности: они поняли ее такъ, что проповѣдуя личный эгоизмъ и свободу всѣхъ влеченій, Писаревъ оправдываетъ выниманіе платковъ изъ кармана и ради личнаго наслажденія готовъ будетъ при случаѣ убить перваго своего пріятеля, если у Писарева явится влеченіе къ этому, и онъ будетъ видѣть въ этомъ наслажденіе. Они отстранились отъ Писарева и прервали съ нимъ всякія сношенія.

Теорія эта, взятая сама по себѣ въ ея глубоко-философскомъ значеніи и очищенная отъ всякихъ узкихъ и условныхъ пониманій, не представляетъ въ себѣ ничего ужаснаго. Дѣйствительно, высшее счастіе на землѣ возможно будетъ только тогда, когда каждый человѣкъ будетъ свободно удовлетворять всѣмъ своимъ нормальнымъ потребностямъ. Слово „нормальный" поставлено здѣсь не даромъ: оно отымаетъ право у злотолкователей этой теоріи приписывать ей освященіе такихъ влеченій, какъ выниманіе платковъ изъ кармана или убійства, которыя, очевидно, нельзя назвать явленіями нормальными. Но мало сказать, что теорія эта нисколько невиновата въ этихъ ненормальныхъ явленіяхъ, а напротивъ того, послѣднія, вслѣдствіе того, именно и происходятъ, что теорія эта не имѣетъ своего осуществленія, т.-е. люди не находятъ въ жизни свободнаго удовлетворенія всѣмъ своимъ нормальнымъ потребностямъ.

Ошибка Писарева состояла только въ томъ, что онъ, вслѣдствіе всей своей прошлой жизни, слишкомъ увлекся этой теоріей, поставилъ ее на первый планъ и началъ ее проповѣдывать, не какъ цѣль, а какъ средство прогресса настоящаго времени. Очень можетъ быть, и даже навѣрное—умственная и нравственная свобода когда-нибудь сдѣлается главнымъ средствомъ прогрсеса; но теперь ея нѣтъ, и она не можетъ быть средствомъ; въ настоящее время она составляетъ цѣль, къ которой стремится человѣчество, и поэтому, выставляя ее какъ цѣль, никогда не надо забывать, что цѣль не можетъ быть въ то же время средствомъ. Но все это мы увидимъ гораздо нагляднѣе на самихъ сочиненіяхъ Писарева.

III.

Изъ сообщенныхъ нами фактовъ умственной жизни филологическаго кружка, въ которомъ находился Писаревъ, читатель, конечно, выведетъ сейчасъ-же то заключеніе, что кружокъ жилъ жизнію совершенно замкнутою, особенною, не имѣющею ничего общаго съ жизнію всего общества. Но такое заключеніе будетъ крайне относительно и не выдержитъ критики, если мы сравнимъ съ жизнію кружка всю нашу современную жизнь. Если мы возьмемъ умственную жизнь нашего общества до 1856 года, то мы увидимъ, что вся она слагалась изъ тѣхъ самыхъ элементовъ, которые мы видимъ въ кружкѣ. Эта была жизнь, лишенная всякихъ живыхъ общественныхъ стремленій, основанная преимущественно на отвлеченныхъ нравственныхъ стремленіяхъ и идеалахъ личнаго характера, жизнь разъѣдающаго анализа, которымъ считалъ себя обязаннымъ мучить каждый развитой человѣкъ, прилагая къ себѣ мѣрки своихъ идеаловъ и обвиняя самого себя въ невозможности осуществлять эти идеалы. При этихъ усиліяхъ воплощать личные идеалы одни кидались въ аскетизмъ, представителемъ котораго былъ Гоголь, другіе, напротивъ того, проповѣдывали эпикурейскія теоріи и старались помириться на свободной наукѣ, свободномъ творчествѣ и на пассивномъ протестѣ противъ окружающаго зла, заключавшемся въ нравственномъ охраненіи своей личности отъ участія въ этомъ злѣ. Представителемъ этого міровоззрѣнія былъ кружокъ Станкевича.

Съ 1856 года все, повидимому, измѣнилось. Наступила эпоха реформъ, и увлеченное этими реформами общество оставило въ сторонѣ всѣ свои моральные вопросы и на первомъ планѣ встали вопросы общественные. Всѣ классы общества были заинтересованы въ такихъ вопросахъ, какъ освобожденіе крестьянъ, гласное судопроизводство, самоуправленіе, уничтоженіе откуповъ, преобразованіе воспитанія и народное образованіе. Въ литературѣ на первомъ планѣ стояли статьи политико-экономическія и публицистическія, каковы, напримѣръ, споры объ общинномъ и личномъ землевладѣніи, о грамотности народа, о женскомъ вопросѣ и пр. Самая критика, изъ всѣхъ отраслей литературы ближе всего стоящая къ вопросамъ жизни частной и индивидуальной, обращала главное вниманіе не столько на анализъ личныхъ недостатковъ, пороковъ и слабостей людскихъ по отношенію къ какимъ-либо высоконравственнымъ идеаламъ, сколько на опредѣленіе того, какъ вліяютъ на личность различныя общія условія жизни.

Но и въ это горячее, живое время въ обществѣ, стоявшемъ на очень низкомъ уровнѣ умственнаго развитія, была цѣлая масса читающей и мыслящей публики, которая въ новой эпохѣ видѣла не столько эпоху появленія новаго міросозерцанія, ставящаго нравственность и счастіе человѣка въ зависимость отъ окружающихъ обстоятельствъ и условій жизни, сколько зарожденіе новыхъ нравственныхъ идеаловъ для непосредственнаго личнаго осуществленія ихъ. Въ средѣ этой массы публики вы можете замѣтить всѣ тѣ нравственныя теоріи, которыя и прежде увлекали людей, — только теоріи эти получили здѣсь новыя формы, соотвѣтствующія времени. Появились новые аскеты во имя новыхъ идей и новые эпикурейцы, но сущность осталась та же.

Васъ, конечно, удивило съ перваго взгляда, что въ нашъ просвѣщенный вѣкъ, въ 1857 году, въ знаменитое то время, когда и т. д., существовалъ среди молодежи, въ Петербургѣ, кружокъ аскетовъ, занимавшійся распинаніемъ плоти на основаніи „Переписки съ друзьями" Гоголя. Но погодите удивляться; развѣ вы не встрѣчали людей, которые, на основаніи новыхъ идей продѣлывали совершенно тѣ-же штуки, которыя продѣлывали наши друзья въ обществѣ мыслящихъ людей на основаніи „Переписки съ друзьями" Гоголя, рѣшали точно такіе же глубокомысленные во-

просы о томъ, какъ имъ держать себя каждую секунду такъ, чтобы каждую секунду быть новыми, реальными людьми и каждую терцію приносить пользу человѣчеству, не проронить ни одного лишняго, пустого слова, неклонящагося къ общей пользѣ, не прочитать ни одной лишней книжки и т. д.? Точно также терзала ихъ ежеминутно совѣсть, если они допускали себѣ разныя отклоненія отъ своихъ идеаловъ, не могли, напримѣръ, побѣдить въ себѣ привычки курить табакъ или пить вино. Доходило дѣло иногда даже до такихъ чисто схоластическихъ вопросовъ: дозволительно ли современному реалисту ѣсть икру или сардинки, или недозволительно? Даже во взглядахъ на отношеніе женщинъ къ мужчинамъ, „члены общества мыслящихъ людей" не очень отличались отъ нѣкоторыхъ изъ современныхъ прогрессистовъ. Хотя, конечно, ни одинъ прогрессистъ, на основаніи новыхъ идей, не сдѣлаетъ вамъ тѣхъ крайнихъ выводовъ о погибели человѣчества или о возможности сверхъестественнаго размноженія его помимо плотскаго грѣха, какіе дѣлались въ „обществѣ мыслящихъ людей", но тѣмъ не менѣе, вы можете встрѣтить нерѣдко такихъ современныхъ аскетовъ, которые весьма логически, на основаніи новыхъ идей, докажутъ вамъ, или что любовь есть расслабляющее энергію человѣка проявленіе барства, или что эта же самая любовь есть камень преткновенія для разрѣшенія женскаго вопроса,—и такіе люди изъ своихъ положеній логично выведутъ вамъ, что, для полнаго равенства половъ, между мужчинами и женщинами могутъ быть допущены отношенія —только какъ брата къ сестрѣ. Новыя идеи сами по себѣ нисколько не виноваты въ проявленіяхъ такого аскетизма, какъ нисколько не виноваты онѣ, съ другой стороны, если какой-нибудь эпикуреецъ и гуляка, на основаніи тѣхъ же идей, начнетъ оправдывать свою распущенность. Это показываетъ только, что какія свѣтлыя идеи ни предложите вы обществу, складъ ума и жизни котораго продолжаетъ еще быть средневѣковымъ, путающимся въ узкихъ, отвлеченныхъ моральныхъ вопросахъ, общество сейчасъ же ваши идеи переработаетъ сообразно складу своего ума, и вы ихъ совершенно не узнаете въ этой переработкѣ.

Если мы коснемся другихъ элементовъ жизни писаревскаго кружка, то и здѣсь мы не найдемъ большой разницы между жизнію кружка и общею жизнію современнаго намъ общества. Возьмемъ, напримѣръ, увлеченіе филологическими спеціальностями, надъ которыми Писаревъ посмѣялся въ своей „Университетской наукѣ", и публика посмѣялась надъ филологами, зарывающимися отъ жизни въ пыль архивовъ. Чѣмъ отличается современный западный ученый отъ средневѣковаго какого-нибудь алхимика, астролога или тоже самое—отъ нашего современнаго ученаго, все равно будь онъ естествоиспытатель, или филологъ? Западный ученый, любя свою науку, въ то же время сознаетъ, что прогрессъ создается не одною его наукою, а цѣлою массою ихъ, да кромѣ того общественнымъ движеніемъ жизни. Поэтому, любя свою науку, онъ не презираетъ другихъ наукъ, а старается воспользоваться результатами всѣхъ ихъ для обогащенія своего ума; если онъ санскритологъ или изслѣдователь египетскихъ іероглифовъ, это не мѣшаетъ ему сознавать великое значеніе для человѣчества естествознанія; если онъ зоологъ или геологъ, онъ не смотритъ съ презрѣніемъ и ненавистью на нумизматика; въ то же время и геологъ, и нумизматикъ—граждане своей страны,—члены той или другой партіи, они выписываютъ газету своей партіи; изъ лабораторіи или музея отправляются на митингъ подавать свой голосъ въ рѣшеніи какого нибудь общественнаго вопроса, который занимаетъ ихъ не менѣе, чѣмъ вопросъ о нептуническихъ и плутоническихъ формаціяхъ, или о томъ, подъ какой пирамидой кто былъ похороненъ. Средневѣковые же ученые поступали не такъ: во первыхъ, они чуждались міра и жизни; съ одной стороны, они были, по большей части, монахи и аскеты, а съ другой стороны, какъ же было не чуждаться имъ свѣтскихъ суетъ, когда каждый изъ нихъ полагалъ, что только въ его наукѣ все спасеніе человѣчества: къ чему всѣ эти распри, споры и всевозможныя дрязги жизни, думалъ алхимикъ, когда только стоитъ найти способъ дѣлать золото,—и тогда все человѣчество будетъ богато, у всѣхъ будутъ карманы рваться отъ червонцевъ и людямъ не изъ чего будетъ драться? „Да и золота не нужно, думалъ какой-нибудь теологъ или мистикъ, а нужно только доискаться до причины причинъ бытія, нужно найти такую безусловную истину, которую стоитъ разъ повѣдать міру, и человѣчество устремится на путь истины, мира и блаженства". Вслѣдствіе того, что каждый ученый только въ своей наукѣ видѣлъ спасеніе человѣчества, адепты разныхъ наукъ каждую минуту готовы были съѣсть другъ друга, и съѣдали, обвиняя другъ друга въ ересяхъ, колдовствѣ и сообществѣ съ нечистыми духами.

Не то же ли самое происходитъ въ настоящее время у насъ предъ нашими глазами? Нашъ ученый увлекается своею наукою совершенно съ такимъ же самозабвеніемъ дикаря, какъ увлекался средневѣковый алхимикъ: онъ совершенно закупоривается въ свою науку, отрѣшается отъ жизни, и не потому, чтобы онъ былъ мертвый, индифферентный человѣкъ, а потому, что онъ въ своемъ увлеченіи начинаетъ думать, что только въ его наукѣ спасеніе человѣчества, а прочее все суета, фельетонный вздоръ и побрякушки. Такъ думали наши филологи, друзья Писарева, скептически глядя на все окружавшее ихъ движеніе и находя единственное спасеніе человѣчества въ изученіи Несторовой лѣтописи или кельтическихъ нарѣчій. Но не лучше относятся къ наукѣ и жизни многіе изъ новѣйшихъ естествоиспытателей; если вы еще не встрѣчали, то можете встрѣтить не мало людей, которые поняли признаніе реалистами великаго значенія естественныхъ наукъ такимъ образомъ, что для спасенія человѣчества только и полезно что занятіе естественными науками, а прочее все —всѣ эти разные общественные интересы, мечты о сближеніи съ народомъ, о просвѣщеніи его, политико-экономическія теоріи и т. д.—все это суета суетъ, тлѣнъ и фельетонный вздоръ. Люди, дошедшіе до такого увлеченія, начинаютъ обыкновенно также скептически относиться ко всему, что не касается вопроса объ инфузоріяхъ на какой-нибудь рыбѣ, какъ и какіе-нибудь классики считаютъ излишнимъ всякій интересъ, кромѣ подлинности какихъ-нибудь стиховъ Горація. До какой крайности можетъ иногда доводить

людей такое увлеченіе, этому я самъ былъ свидѣтелемъ: собрались однажды нѣсколько знакомыхъ, и зашла рѣчь объ оказаніи помощи одному бѣдняку, находившемуся тогда въ очень затруднительномъ положеніи. Рѣшились оказать ему денежную помощь по силамъ; каждый далъ, что могъ, но когда дѣло дошло до одного рьянаго естествоиспытателя, онъ усмѣхнулся саркастически и отвѣчалъ: „я бы далъ денегъ, еслибы дѣло шло о покупкѣ какого-нибудь новаго микроскопа, а на все другое у меня денегъ нѣтъ". Конечно, это можетъ быть фактъ исключительный, единственный, но существованіе его прекрасно характеризуетъ особенный строй мыслей. Наконецъ, если этотъ фактъ исключительный, то уже не исключительными фактами представляются тѣ скитанія нѣкоторыхъ кружковъ молодежи по полямъ и лугамъ естественныхъ наукъ, которыя совершенно аналогичны со скитаніями Писарева по степямъ наукъ филологическихъ.

Послѣ скуднаго гимназическаго образованія, въ особенности послѣ классической гимназіи, поступаетъ юноша на естественный факультетъ. Но область естественныхъ наукъ шире еще, чѣмъ филологическихъ,—вѣдь не займешься же всѣми естественными науками сразу, и вотъ начинается выборъ спеціальностей; накинется юноша прямо на какихъ-нибудь букашекъ и начнетъ разсматривать ихъ подъ микроскопомъ; юноша онъ усидчивый, прилежный (вѣдь и Писаревъ, при всѣхъ своихъ скитаніяхъ по филологическимъ наукамъ, удивлялъ многихъ своею усидчивостью), сидитъ онъ мѣсяцъ, два, три надъ букашками; сначала это занимаетъ его не столько въ научномъ интересѣ, сколько чисто въ нравственномъ: онъ воображаетъ себя въ это время новымъ человѣкомъ, Базаровымъ, рисуется даже нѣсколько своимъ положеніемъ и дѣломъ, повсюду трубитъ о своихъ букашкахъ, смотритъ свысока и съ презрѣніемъ на все, что къ этимъ букашкамъ не относится, и нѣтъ ничего мудренаго, что въ этомъ увлеченіи онъ отпуститъ вышеприведенную выходку естествоиспытателя, въ которой иной моралистъ осудитъ черствость души, но которая въ сущности заключаетъ въ себѣ лишь увлеченіе, хорошее, если хотите, только слишкомъ ужь дикое, средневѣковое.

Наконецъ, букашки начинаютъ надоѣдать юношѣ, и не потому опять, чтобы онъ былъ безхарактерный человѣкъ, неспособный ни на чемъ остановиться, а потому, что въ груди юноши кипятъ молодыя страсти, а въ умѣ бродятъ разные вопросы — мучительные, жгучіе вопросы жизни — и могутъ-ли однѣ букашки отвѣтить на эти вопросы? И вотъ переберетъ юноша въ два, въ три года всѣ естественныя науки: и въ химической лабораторіи онъ посидитъ, и труповъ нѣсколько разрѣжетъ, и по болотамъ петербургскимъ пошляется, собирая всякую травку-муравку нашей убогой флоры—и чѣмъ-же кончается вся эта исторія? А тѣмъ-же, чѣмъ кончили разные члены кружка Писарева: или онъ бросаетъ наконецъ науку, переходитъ на юридическій факультетъ и отправляется по торной дорожкѣ устройства своей карьеры, или начинаетъ читать книги по всѣмъ отраслямъ знанія — и тогда можетъ выйти изъ него образованный, полезный человѣкъ, живо откликающійся на всѣ вопросы жизни, или-же останавливается наконецъ на какой-нибудь спеціальности, весь уходитъ въ нее, какъ средневѣковый алхимикъ, и тогда уже ничто человѣческое не интересуетъ его, вопросъ о колебаніяхъ эѳира дѣлается для него неизмѣримо важнѣе вопроса о колебаніяхъ общественнаго мнѣнія, и весь либерализмъ его заключается въ томъ, что онъ слегка подсмѣивается надъ гуманными науками. Весь этотъ процессъ вы можете наблюдать ежедневно, и прежде, чѣмъ намъ смѣяться надъ филологами Писарева, не мѣшало-бы намъ всѣмъ посмѣяться надъ самими собою.

Конечно, и среди людей науки можно встрѣтить нѣсколько личностей образованныхъ, живыхъ, равно интересующихся всѣмъ человѣческимъ, европейцевъ въ истинномъ значеніи этого слова, но такія личности, во всякомъ случаѣ, составляютъ меньшинство; я же говорю не о меньшинствѣ, а о массѣ публики, которая представляется массою вполнѣ средневѣковою. Эта масса увлеклась минутно общественнымъ движеніемъ 60-хъ годовъ, и столько было обаятельнаго въ этомъ движеніи, что даже многіе алхимики и звѣздочеты повылѣзли изъ своихъ норъ, и даже товарищи Писарева, при всей замкнутости жизни, заплатили дань этому времени: они ходили въ воскресныя школы, и двое изъ нихъ были редакторами и депутатами при изданіи студенческаго сборника.

Но когда въ 1862 году импульсъ общественной жизни, дойдя до своего максимума, началъ быстро падать, масса публики съ средневѣковымъ складомъ мыслей не замедлила заявить себя. Ужь мы не будемъ говорить о людяхъ, ударившихся въ крайнюю реакцію, увлекшихся квасныхъ патріотизмомъ, начавшихъ инсинуировать и алармировать. Въ самой прогрессивной средѣ реакція создала особенный сортъ людей, которые, при всемъ своемъ поклоненіи реализму, остаются въ сущности чистыми идеалистами. Вся цѣль жизни этихъ людей заключается въ томъ, что они ставятъ передъ собою какой-нибудь нравственный идеальчикъ, два, три любимыхъ типа, созданныхъ литературою, и начинаютъ заниматься созерцаніемъ этихъ типовъ и прикидываніемъ ихъ къ своимъ личностямъ.

Вся жизнь этихъ людей проходитъ въ томъ, что они повсюду ищутъ какихъ-то особенныхъ свѣтлыхъ личностей, избранныхъ натуръ, титановъ; натыкаясь на человѣка, у котораго въ головѣ находятъ двѣ-три свѣтлыя мысли, они сейчасъ-же думаютъ, что вотъ нашли, наконецъ, искомаго Базарова или Рахметова; но потомъ, когда послѣ ближайшаго знакомства, идеалъ ихъ оказывается обыкновеннымъ человѣкомъ, и конечно, не безъ нѣкоторыхъ недостатковъ, они впадаютъ въ разочарованіе и начинаются новые поиски и новыя разочарованія. Другіе-же изъ этой среды, не занимаясь излишними поисками, въ самихъ себѣ спѣшатъ воплотить любимые типы—и эти-то вотъ именно люди или ударяются въ аскетизмъ, или увлекаются поверхностнымъ эпикуреизмомъ, или-же, отрѣшаясь отъ жизни, закупориваются въ естествознаніе, и въ этомъ занятіи начинаютъ видѣть альфу и омегу прогресса.

Появленіе на литературномъ поприщѣ Писарева, воспитавшагося уже на университетской скамьѣ въ духѣ индивидуальной нравственности, какъ нельзя болѣе было кстати послѣ 1862 года, и при своей та-

лантливости, онъ не замедлилъ встать во главѣ этого направленія.

Во время своей литературной дѣятельности Писаревъ заявилъ однажды, что онъ совершенно расходится съ Добролюбовымъ по вопросу о типѣ Катерины въ „Грозѣ“ и написалъ статью „Мотивы русской драмы“, въ которой, какъ ему казалось, онъ перерѣшилъ вопросъ о Катеринѣ на лучшихъ и болѣе новыхъ основаніяхъ. Это произвело въ литературѣ скандалъ; многіе почитатели Добролюбова шокировались такимъ поступкомъ Писарева, осыпали насмѣшками и порицаніями желаніе Писарева, во что-бы то ни стало, встать выше Добролюбова, и приписали это желаніе единственно самолюбію молодаго писателя, слишкомъ очарованнаго своимъ быстрымъ успѣхомъ. Но если мы начнемъ сравнивать взгляды Добролюбова со взглядами Писарева, то мы увидимъ, что Писаревъ расходился съ Добролюбовымъ не по одному вопросу о Катеринѣ: съ самой первой статьи своей въ „Русскомъ Словѣ“ онъ пошелъ совершенно по другой дорогѣ, чѣмъ шелъ Добролюбовъ.

IV.

Чтобы понять все различіе идей Добролюбова и идей Писарева, которое на первый взглядъ не кажется особенно рѣзкимъ, мы сдѣлаемъ сначала краткую характеристику нѣкоторыхъ взглядовъ Добролюбова, и даже въ такихъ взглядахъ послѣдняго, въ которыхъ замѣчаются самыя тѣсныя точки соприкосновенія со взглядами Писарева, мы увидимъ замѣтную въ то-же время разницу. Всякому писателю, хотя-бы онъ былъ публицистъ, исключительно занятый вопросами общественнаго характера, не разъ можетъ случиться заняться разрѣшеніемъ того или другаго вопроса моральнаго свойства. Случалось нерѣдко и Добролюбову обращаться къ вопросамъ моральнаго свойства, и при этомъ онъ не разъ выступалъ съ тою-же самою теоріею эгоизма, съ которою выступилъ на сцену Писаревъ. Такъ, напримѣръ, въ статьѣ о сочиненіи Жеребцова („Essai sur l'histoire de la civilisation en Russie“), на 281 стр. II т. соч. Добролюбова, мы читаемъ слѣдующія строки:

«Всѣ люди, во всѣ времена, во всѣхъ народахъ искали и ищутъ собственнаго блага; оно есть неизбѣжный и единственный стимулъ каждаго свободнаго дѣйствія человѣческаго. Разница только въ томъ, кто какъ понимаетъ это благо, въ чемъ видитъ удовлетвореніе своего эгоизма. Есть эгоисты грубые, которыхъ взглядъ чрезвычайно узокъ и которые понимаютъ свое благо въ лѣни, въ чувственности, въ униженіи передъ собою другихъ и т. п. Но есть эгоисты другаго рода. Ихъ дѣйствія можно производить изъ безкорыстной любви къ общему благу, но въ сущности и у нихъ первое побужденіе—эгоизмъ. Отецъ, радующійся успѣху своихъ дѣтей, гражданинъ, принимающій близко къ сердцу благо своихъ соотечественниковъ—тоже эгоисты: вѣдь все-таки *они, они сами,* чувствуютъ удовольствіе при этомъ, вѣдь они не отрекаются отъ себя, радуяся радости другихъ. Даже когда человѣкъ жертвуетъ чѣмъ-нибудь своимъ для другихъ,—эгоизмъ и тутъ не оставляетъ его. Онъ отдаетъ бѣдняку деньги, приготовленныя на прихоть: это значитъ, что онъ развился до того, что помощь бѣдняку доставляетъ ему больше удовольствія, нежели исполненіе прихотей. Но если онъ дѣлаетъ это не по влеченію сердца, а по предписанію долга, повелѣвающаго любовь къ общему благу? Въ такомъ случаѣ эгоизмъ скрывается глубже, потому что здѣсь уже дѣйствіе не свободное, а принужденное; но и тутъ есть эгоизмъ. Почему-нибудь человѣкъ предпочитаетъ же предписаніе долга своему внутреннему влеченію. Если въ немъ нѣтъ любви, то есть страхъ: онъ опасается, что нарушеніе долга повлечетъ за собою наказаніе или какія-нибудь другія непріятныя послѣдствія; за исполненіе-же онъ надѣется награды, доброй славы и т. п. Такимъ образомъ, любовь къ общему благу (въ которой иные могутъ видѣть и самоотверженіе, и обезличеніе человѣка) есть, по нашему мнѣнію, не что иное, какъ благороднѣйшее проявленіе личнаго эгоизма. Когда человѣкъ до того развился, что не можетъ понять своего личнаго блага внѣ блага общаго; когда онъ при этомъ ясно понимаетъ свое мѣсто въ обществѣ, свою связь съ нимъ и отношенія ко всему окружающему, тогда только можно признать въ немъ дѣйствительную, серьезную, а не риторическую любовь къ общему благу. Ясно, слѣдовательно, что для значительнаго развитія въ обществѣ этого качества нужно высокое умственное развитіе всѣхъ его членовъ, нужно много живыхъ и здравыхъ понятій, не головныхъ только, но проникшихъ въ самое сердце, перешедшихъ въ практическую дѣятельность, переработанныхъ въ плоть и кровь человѣка. Не случайные порывы, не призрачныя стремленія, развившіяся по чужимъ фантазіямъ, а именно масса такихъ выработанныхъ знаній, протекшихъ въ народъ, управляетъ ходомъ исторіи человѣчества. До сихъ поръ подобныхъ знаній еще весьма мало выработано людьми, да и тѣ, которыя выработаны, рѣдко проникали во всю массу народа. Оттого до сихъ поръ исторія народовъ представляетъ въ своемъ ходѣ нѣкотораго рода путаницу: одни постоянно спятъ, потому что хоть и имѣютъ нѣкоторыя знанія, но не выработали ихъ до степени сердечныхъ, практическихъ убѣжденій; другіе не возвысили еще своего эгоизма надъ инстинктами хищной природы и хотятъ удовлетворить себя притѣсненіемъ другихъ; третьи, не понимая настоящаго, переносятъ свой эгоизмъ на будущее; четвертые, не понимая самихъ себя, тѣшатъ свой эгоизмъ помѣщеніемъ себя подъ чужой кровъ и т. д. Непониманіе того, въ чемъ находится настоящее благо, и стараніе отыскать его тамъ, гдѣ его нѣтъ и не можетъ быть,—вотъ до сихъ поръ главный двигатель всемірной исторіи».

Что показываетъ намъ вся эта тирада? Во-первыхъ, мы видимъ, что Добролюбовъ выставляетъ свою теорію эгоизма, вовсе не для объясненія побужденій и поступковъ какихъ-нибудь особенныхъ новыхъ, только что народившихся людей, додумавшихся до этой теоріи и начавшихъ на основаніи ея устроивать свое личное счастіе: онъ выставляетъ ее только какъ новый способъ объясненія нравственныхъ побужденій всѣхъ людей, начиная съ Адама и до новорожденнаго въ настоящую минуту. Теорія нравственнаго долга вовсе не стоитъ здѣсь въ такомъ рѣзкомъ противорѣчіи съ теоріею эгоизма, чтобы онѣ взаимно исключали другъ друга: съ одной стороны, теорія долга совершенно подчиняется теоріи эгоизма, и Добролюбовъ доказываетъ, что человѣкъ, поступающій не по свободному влеченію, а вслѣдствіе долга, тотъ-же эгоистъ, разница только въ разсчетѣ. Съ другой стороны, изъ тирады вовсе не слѣдуетъ, чтобы теорія эгоизма отличалась отъ теоріи долга тѣмъ, что первая способна сама по себѣ даровать человѣку счастіе и блаженство на землѣ, чего не въ силахъ даровать вторая! Ничуть не бывало: съ теоріей эгоизма человѣкъ можетъ стра-

дать, пожалуй, еще болѣе, чѣмъ съ теоріей нравственнаго долга, если только онъ при этой теоріи не дошелъ до сознанія, въ чемъ заключается истинное благо, къ которому онъ долженъ стремиться, или-же, дойдя до этого сознанія, находитъ въ жизни такія препятствія въ своихъ стремленіяхъ къ счастію, одолѣть которыя онъ не въ силахъ.

Что Добролюбовъ, объясняя теоріею эгоизма различныя нравственныя побужденія людей, никогда не упускалъ изъ вида причинъ, которыя могутъ мѣшать людямъ пользоваться личнымъ счастіемъ и въ то же время искажать ихъ нравственную природу, въ этомъ можетъ убѣдить насъ другая тирада, изъ статьи, посвященной исключительно нравственнымъ вопросамъ. Статья эта носитъ названіе „Новый кодексъ русской практической мудрости"; написана она по поводу книги Ефима Дыммана—„Наука жизни или какъ молодому человѣку жить на свѣтѣ". Обнаживши мораль Дыммана во всемъ ея нравственномъ безобразіи, въ заключеніе Добролюбовъ говоритъ:

«Человѣку нужно счастье, онъ имѣетъ право на него, долженъ добиваться его, во что бы то ни стало.

«Счастье, въ чемъ бы оно ни состояло примѣнительно къ каждому человѣку порознь, возможно только при удовлетвореніи первыхъ матеріальныхъ потребностей человѣка, при обезпеченности его нынѣшняго положенія.

«При современномъ устройствѣ и направленіи общества, не можетъ достигнуть обезпеченности, не можетъ и думать о достиженіи счастья тотъ, кто будетъ во всемъ, постоянно и неуклонно, слѣдовать своимъ высокимъ стремленіямъ, ни разу не уступитъ обычаю и силѣ, не затаивъ своей правды. Извѣстно, что такого человѣка не терпятъ въ обществѣ и не даютъ ему ходу, какъ безпокойному и опасному вольнодумцу.

«Согласны вы принять эти три положенія? Или, можетъ быть, вы скажете, что наше современное общество уже даетъ полный просторъ честнымъ людямъ, что у нихъ уже не можетъ теперь оставаться за душой невысказанной мысли, не можетъ встрѣтить помѣхи задуманное предпріятіе? Неужели вы рѣшитесь сказать это? Въ такомъ случаѣ немного же имѣете вы за душою честныхъ убѣжденій!..

«И такъ, я полагаю, что вы принимаете всѣ три положенія, указанныя выше. Что-же изъ нихъ слѣдуетъ? По моему мнѣнію, выводъ не труденъ для человѣка, дѣйствительно уважающаго правду и въ самомъ дѣлѣ желающаго общаго блага. Если настоящія общественныя отношенія несогласны съ требованіями высшей справедливости и не удовлетворяютъ стремленіямъ къ счастію, сознаваемымъ вами, то, кажется, ясно, что требуется коренное измѣненіе этихъ отношеній. Сомнѣнія тутъ никакого не можетъ быть. Вы должны стать выше этого общества, признать его явленіемъ ненормальнымъ, болѣзненнымъ, уродливымъ, и не подражать его уродству, а напротивъ, громко и прямо говорить о немъ, проповѣдывать необходимость радикальнаго лѣченія, серьезной операціи. Почувствуйте только, какъ слѣдуетъ, права вашей собственной личности на правду и на счастье, и вы самымъ непримѣтнымъ и естественнымъ образомъ придете къ кровной враждѣ съ общественной неправдой... Тогда-то, и только тогда, можете вы съ полнымъ правомъ считать себя честнымъ человѣкомъ и вамъ уже возможно будетъ отвергать темныя сдѣлки съ ложью и неправою силою...

«Но вы не чувствуете въ себѣ довольно силъ для того, чтобы возстать противъ цѣлаго общества?.. Вѣдь, вы одни, а этихъ людей, съ которыми нужно бороться, такъ много и они такъ сильны! Страшно даже вообразить себя въ открытой борьбѣ съ ними! И что тутъ сдѣлаешь? «Одинъ въ полѣ не воинъ; историческій прогрессъ, торжество правды и свѣта совершается трудно и медленно»... Если такъ, то нечего намъ и говорить съ вами: идите за «Наукою жизни» г. Ефима Дыммана».

Во всей этой тирадѣ прямо выставляется зависимость счастья и нравственности отдѣльныхъ людей не отъ одной личной ихъ воли, а отъ общихъ условій ихъ жизни. Тирада эта выставляетъ ясно невозможность того пути, при которомъ отдѣльный человѣкъ, не взирая ни на какія обстоятельства, могъ бы въ одно и то же время воплотить въ своей личности высшій нравственный идеалъ и въ то же время устроить свое личное счастье. Нѣтъ, что-нибудь изъ двухъ: если человѣкъ захочетъ осуществить высшій нравственный идеалъ въ своей личности, то ему можетъ случиться встрѣтиться съ такими препятствіями, что ему нечего будетъ и думать о счастіи, прежде нежели эти препятствія не будутъ устранены; если-же человѣкъ будетъ стремиться къ осуществленію личнаго счастія, то ему придется отбросить всякія мечты о нравственныхъ идеалахъ, а вооружиться моралью Дыммана.

Еще реальнѣе и глубже представлена эта зависимость личности отъ общественнаго склада въ различныхъ критическихъ статьяхъ Добролюбова, имѣющихъ дѣло съ художественными произведеніями нашей беллетристики. Изъ всѣхъ этихъ статей мы пока выберемъ одну, именно „Что такое обломовщина?"—и въ этомъ случаѣ выборъ нашъ обусловливается опять-таки тѣмъ, что эта статья ближе всѣхъ другихъ соприкасается со взглядами Писарева о новыхъ людяхъ. Не дѣлая на этотъ разъ никакихъ выписокъ, мы ограничимся тѣмъ, что представимъ сущность этой статьи и въ заключеніе сдѣлаемъ естественный выводъ, который логически истекаетъ изъ нея, хотя самъ Добролюбовъ этого вывода не высказываетъ. Разбирая типъ Обломова рядомъ съ типами, выводимыми въ прежнее время въ нашей литературѣ,—Онѣгинымъ, Печоринымъ, Бельтовымъ, Тентетниковымъ и Рудинымъ, Добролюбовъ приходитъ къ тому оригинальному и замѣчательному выводу, что всѣ эти типы суть тѣ же Обломовы, только съ различными темпераментами. Доказывая родственность всѣхъ этихъ личностей сходствомъ отношеній ихъ къ обществу, къ наукѣ, къ женщинѣ, наконецъ къ самимъ себѣ, Добролюбовъ основываетъ въ то же время эту родственность на томъ, что они были созданы одними и тѣми же обстоятельствами жизни, и при этомъ беретъ такія обстоятельства, которыя вліяютъ не на одно какое-нибудь сословіе или среду, а на всѣхъ людей безъ исключенія. Какой-же прямой выводъ слѣдуетъ изъ всего этого? А тотъ, что подъ вліяніемъ однихъ и тѣхъ же обстоятельствъ жизнь неминуемо должна продолжать вырабатывать все тѣ же типы, и такъ-называемые новые люди, какими бы они новыми идеями ни увлекались, въ сущности своей должны быть тѣми же Онѣгиными, Печориными, Тентетниковыми, Рудиными, Обломовыми, только въ новыхъ формахъ и съ новыми кличками. Между массою людей, испорченныхъ обстоятельствами, могутъ быть люди умные и глупые, развитые и темные, люди еще сохранившіеся и потому хорошіе, имѣющіе всѣ задатки, чтобы при лучшихъ обстоятельствахъ сдѣлаться еще лучшими, и люди уже окончательно попортившіеся,

которымъ судьба остаться попорченными, въ какія вы ихъ обстоятельства ни поставьте.

V.

Теперь мы обратимся къ первымъ статьямъ Писарева, помѣщеннымъ въ „Русскомъ Словѣ“: „Стоячая вода“, „Тургеневъ и Гончаровъ“, „Женскіе типы въ романахъ и повѣстяхъ Писемскаго, Тургенева и Гончарова“. Въ статьяхъ этихъ замѣчается всего болѣе вліяніе Добролюбова, и при всемъ томъ, съ перваго же взгляда поражаетъ васъ коренное различіе въ міросозерцаніи Писарева. Въ статьяхъ этихъ вы встрѣтите, повидимому, то же, что находите и у Добролюбова: точно также порицается въ нихъ пустота нашей жизни, мелкость интересовъ, гнетъ семейныхъ предразсудковъ, сдавливающихъ и уничтожающихъ личность, а съ другой стороны — гнетъ тѣхъ узкихъ, свѣтскихъ условій и приличій, которыя не даютъ простора уму и свободы чувству. Но какой же выходъ предлагается изъ всего этого отдѣльной личности? Выходъ очень легкій: будь эгоистомъ, устраивай жизнь по свободнымъ личнымъ влеченіямъ и живи въ собственное удовольствіе, не обращая вниманія на то, что говоритъ о тебѣ общество.

«Тѣ условія, при которыхъ живетъ масса нашего общества, такъ неестественны и нелѣпы,—говоритъ Писаревъ на 18-й стр.,—что человѣкъ, *желающій прожить свою жизнь дѣльно и пріятно*, долженъ совершенно оторваться отъ нихъ, не давать имъ надъ собою никакого вліянія, не дѣлать имъ никакой уступки. Какъ вы попробуете на чемъ-нибудь помириться, такъ вы уже теряете вашу свободу; общество не удовлетворится уступками; оно вмѣшается въ ваши дѣла, въ вашу семейную жизнь, будетъ предписывать вамъ законы, будетъ налагать на васъ стѣсненія, пересуживать ваши поступки, отгадывать ваши мысли и побужденія. Каждый шагъ вашъ будетъ опредѣляться не вашею доброю волею, а разными общественными условіями и отношеніями; нарушеніе этихъ условій будетъ постоянно возбуждать толки, которые, доходя до васъ, будутъ досаждать вамъ, какъ жужжаніе сотни мошекъ и комаровъ. Если же вы однажды навсегда рѣшитесь махнуть рукою на пресловутое общественное мнѣніе, которое слагается у насъ изъ очень неблаговидныхъ матеріаловъ, то васъ, право, скоро оставятъ въ покоѣ; сначала потолкуютъ, подивятся или даже ужаснутся, но потомъ, видя, что вы на это не обращаете вниманія, и что эксцентричности ваши идутъ-себѣ своимъ чередомъ, публика перестанетъ вами заниматься, сочтетъ васъ за погибшаго человѣка, и, такъ или иначе, оставитъ васъ въ покоѣ, перенеся на кого-нибудь другаго свое милостивое вниманіе»...

Вы посмотрите, какая бездна наивности въ послѣднихъ словахъ: Писаревъ думаетъ, что общество сочтетъ за погибшаго и затѣмъ оставитъ въ покоѣ человѣка, вздумавшаго устраивать свое личное счастіе по своимъ собственнымъ влеченіямъ, а не по торнымъ дорожкамъ; при этомъ онъ совершенно упускаетъ изъ виду, что такое устроеніе счастія по личнымъ стремленіямъ необходимо должно враждебно задѣть тысячу всякаго рода интересовъ въ массѣ людей, имѣющихъ совершенно противоположныя стремленія; вслѣдствіе чего, люди эти не могутъ ограничиться однимъ качаніемъ головы, а поспѣшатъ воротить мѣшающаго имъ человѣка на ихъ дорогу, или же избавиться отъ него. Эта наивность происходитъ прямо оттого, что Писаревъ глядѣлъ на жизнь слишкомъ съ исключительной точки зрѣнія, принимая въ разсчетъ преимущественно внутренній міръ человѣка и совершенно опуская вліяніе на человѣка условій жизни. Ему казалось, съ этой точки зрѣнія, что достаточно внутренно отрѣшиться отъ разныхъ предразсудковъ, въ родѣ, напримѣръ, теоріи долга, а затѣмъ стоитъ энергически захотѣть для того, чтобы устроить свое личное счастіе. У Бешметева и Юліи, въ повѣсти Писемскаго „Тюфякъ“, не было ни сознанія, ни воли—они не избавились отъ гнета общественныхъ предразсудковъ и не сдѣлались счастливыми; а еслибы то и другое было, то счастіе было бы въ ихъ рукахъ. Я убѣжденъ, что когда Писаревъ писалъ свою статью, мѣриломъ своего анализа онъ принималъ въ это время себя: онъ только-что избавился отъ гнета товарищескихъ предразсудковъ, онъ только-что додумался до теоріи нравственной свободы, онъ былъ приглашенъ участвовать въ одномъ изъ лучшихъ журналовъ; онъ былъ восторженъ и счастливъ, онъ сіялъ въ это время, а товарищи, покачивая головою и считая его за погибшаго человѣка, оставили его въ покоѣ; и этотъ моментъ своей личной жизни онъ возвелъ въ принципъ, и вообразилъ, что и всякій человѣкъ, рѣшившійся свободно пойти по своей дорогѣ, тѣмъ самымъ уже пріобрѣтетъ возможное счастіе на землѣ, и что всѣ люди, подобно товарищамъ Писарева, оставятъ его въ покоѣ и будутъ только покачивать головою. Чтобы понять, до какой степени Писареву было чуждо вліяніе на личность условій жизни, мы выпишемъ еще одно мѣсто изъ той же самой статьи:

«Гнётъ общества надъ личностью такъ же вреденъ, какъ и гнётъ личности надъ обществомъ; еслибы всякій умѣлъ быть свободенъ, не стѣсняя свободы своихъ сосѣдей и членовъ своего семейства, тогда, конечно, были бы устранены причины многихъ несчастій и страданій. Другими словами, еслибы всякій былъ эгоистомъ по своему, не мѣшая другимъ быть эгоистами по своему, тогда не было бы въ среднемъ кругу ни ссоръ, ни сплетенъ, ни скандаловъ. Въ *среднемъ кругу*, говорю я, потому что для низшихъ слоевъ общества есть такое зло, которое до сихъ поръ не могли устранить, при всѣхъ своихъ усиліяхъ, лучшіе мыслители Европы. Это зло—пролетаріатъ, со всѣми своими ужасными послѣдствіями. Отысканіе средства, долженствующаго устранить это зло, принадлежитъ еще будущему времени».

Начало этой тирады обѣщаетъ, повидимому, многое: гнетъ общества надъ личностью, конечно, вреденъ столько же, какъ и гнетъ личности надъ обществомъ. Но что разумѣетъ Писаревъ подъ гнетомъ общества? Читая далѣе, вы видите, что дѣло идетъ опять о тѣхъ же свѣтскихъ и семейныхъ предразсудкахъ, обычаяхъ и приличіяхъ, которые, стѣсняя личность, мѣшаютъ ей быть эгоистомъ по своему. Писаревъ думаетъ, что то зло, устраненіе котораго онъ видитъ въ будущемъ, принадлежитъ только низшимъ классамъ общества, а въ среднемъ кругу существуетъ другое зло—обычаи и приличія, устраненіе котораго можетъ послѣдовать гораздо раньше, путемъ, конечно, образованія, гуманизаціи отдѣльныхъ лицъ и возвышенія личнаго самосознанія и самоуваженія, какъ онъ говоритъ на 66-й страницѣ. При этомъ онъ совершенно упускаетъ изъ виду, что зло, принадлежащее низшимъ классамъ,

есть въ сущности общее всѣмъ классамъ зло, которое главнымъ образомъ развиваетъ и поддерживаетъ всевозможныя приличія и обычаи. Да, наконецъ, еслибы и возможно было безъ устраненія этого зла осуществить только въ среднихъ классахъ теорію эгоизма, въ видѣ безпрепятственнаго житья въ волюшку, то въ концѣ концовъ получилась бы та же самая теорія мѣщанства, противъ которой Писаревъ неоднократно ратовалъ.

Но въ первыхъ статьяхъ, съ которыми мы имѣемъ дѣло, читатель найдетъ много мѣстъ, діаметрально противоположныхъ выписаннымъ и разобраннымъ нами тирадамъ,—и читатель можетъ привести эти мѣста намъ въ укоръ. Развѣ не говоритъ Писаревъ въ первой своей статьѣ о растлевающемъ вліяніи среды на людей во многихъ мѣстахъ этой статьи, чуть не на каждой страницѣ? Развѣ во второй его статьѣ (Писемскій, Тургеневъ и Гончаровъ) не встрѣчаемъ мы такихъ же взглядовъ? За что же онъ и обвиняетъ Гончарова, какъ не за то, что Гончаровъ смотритъ на болѣзнь Обломова, какъ на какой-то фатальный органическій порокъ русскаго человѣка, а не какъ на слѣдствіе обстоятельствъ? „Бельтовъ, Рудинъ и Бешметевъ—говоритъ онъ на 55 стр.—доходятъ до своей дрянности вслѣдствіе обстоятельствъ, а Обломовъ вслѣдствіе своей натуры. Бельтовъ, Рудинъ и Бешметевъ—люди измятые и исковерканные жизнію, а Обломовъ человѣкъ ненормальнаго тѣлосложенія. Въ первомъ случаѣ виноваты условія жизни, во второмъ—организація самого человѣка. По мнѣнію Тургенева, Писемскаго и др., наше общество нуждается въ реформахъ, по мнѣнію г. Гончарова—мы всѣ больные, нуждающіеся въ лекарствахъ и въ совѣтахъ врача. Согласитесь, что это не совсѣмъ то же самое“.

Я нисколько не думаю игнорировать всѣхъ подобныхъ взглядовъ; но взгляды эти, разсыпанные повсюду въ первыхъ статьяхъ Писарева, еще болѣе оттѣняютъ ту тенденцію, которая проглядываетъ изъ-за нихъ и совершенно противорѣчитъ имъ. Въ первыхъ статьяхъ Писарева можно ясно различить двѣ рѣзкихъ и противорѣчащихъ одна другой струи: съ одной стороны вы видите ту моральную закваску, которую Писаревъ вынесъ изъ своей университетской жизни и которая побуждала его возлагать преимущественно на энергію отдѣльной личности и развитіе ея и устроеніе личнаго счастья; съ другой стороны, вы видите идеи Добролюбова, которыя были въ то время въ большомъ еще ходу въ обществѣ и подъ сильнымъ вліяніемъ которыхъ Писаревъ писалъ свои первыя статьи въ 1861 и 1862 гг. Но когда идеи Добролюбова начали отодвигаться въ нашемъ обществѣ на второй планъ, тогда и въ статьяхъ Писарева мы видимъ тотъ же поворотъ: мысли о вліяніи на личность общественнаго строя попадаются въ дальнѣйшихъ статьяхъ Писарева все рѣже и рѣже, отодвигаются на задній планъ, а на первомъ планѣ рисуются передъ вами различные нравственные идеалы, сливающіеся въ поклоненіи базаровскому типу; этотъ типъ выставляется постоянно, какъ высшее, послѣднее и крайнее развитіе современнаго реализма, и предлагается читателямъ для подражанія ему.

VI.

Въ первый разъ поклоненіе базаровскому типу мы видимъ въ статьѣ Писарева „Базаровъ“. Но мы были бы неправы, еслибы сказали, что Писаревъ, увлекшись романомъ Тургенева, возвелъ въ свой идеалъ того самаго Базарова, котораго мы находимъ въ романѣ Тургенева. Между тургеневскимъ Базаровымъ и писаревскимъ большая разница. Тургеневъ въ лицѣ Базарова представилъ молодаго человѣка, который, увлекшись новыми идеями, началъ отрицать не только тѣ или другіе принципы, но и разныя естественныя влеченія человѣческой природы; вслѣдствіе этого онъ всталъ въ противорѣчіе съ самимъ собою, такъ-какъ естественныя влеченія не замедлили въ немъ заявить себя, и обратился въ аскета, борющагося съ своими чувствами.

Писаревъ же воплотилъ въ Базаровѣ свой собственный идеалъ совершенно противоположнаго свойства,—заключавшійся, какъ мы видѣли, въ нравственной теоріи высшаго эгоизма, въ отрѣшеніи отъ всѣхъ предразсудковъ и свободномъ отъ всякихъ толковъ и пересудовъ общества наслажденіи жизнію. Мы выпишемъ здѣсь нѣсколько тирадъ, въ которыхъ Писаревъ, оставляя въ сторонѣ романъ Тургенева, характеризуетъ своего собственнаго Базарова. Въ этихъ тирадахъ онъ буквально повторяетъ тѣ мысли, которыя онъ высказывалъ въ послѣднихъ своихъ спорахъ съ товарищами и которыя повели его къ окончательному разрыву съ студенческимъ кружкомъ.

«На людей, подобныхъ Базарову—говоритъ онъ на 129 стр.—можно негодовать, сколько душѣ угодно, но признавать ихъ искренность—рѣшительно необходимо. Эти люди могутъ быть честными и и безчестными, гражданскими дѣятелями и отъявленными мошенниками, смотря по обстоятельствамъ и по личнымъ вкусамъ. Ничто, кромѣ личнаго вкуса, не мѣшаетъ имъ убивать и грабить и ничто, кромѣ личнаго вкуса, не побуждаетъ людей подобнаго закала дѣлать открытія въ области наукъ и общественной жизни. Базаровъ не украдетъ платка потому же самому, почему онъ не съѣстъ кусокъ тухлой говядины. Еслибы Базаровъ умиралъ съ голоду, то онъ вѣроятно сдѣлалъ бы то и другое. Мучительное чувство неудовлетворенной физической потребности побѣдило бы въ немъ отвращеніе къ дурному запаху разлагающагося мяса и къ тайному посягательству на чужую собственность *). Кромѣ непосредственнаго влеченія, у Базарова есть еще другой руководитель въ жизни—разсчетъ. Когда онъ бываетъ боленъ, онъ принимаетъ лекарство, хотя не чувствуетъ никакого непосредственнаго влеченія къ касторовому маслу или къ ассафетидѣ **). Онъ поступаетъ такимъ образомъ по разсчету; цѣною маленькой непріятности онъ покупаетъ въ будущемъ большее удобство, или избавленіе отъ большой непріятности. Словомъ, изъ двухъ золъ онъ выбираетъ меньшее, хотя и къ меньшему не чувствуетъ никакого влеченія»...

---

*) Страннѣе всего здѣсь то, что Писаревъ приписываетъ особенному, вновь будто бы создавшемуся типу современныхъ реалистовъ то, что во всѣ времена принадлежало всѣмъ людямъ безъ исключенія: какъ будто всѣ молодые люди повсюду и всегда не принуждены бываютъ побѣждать въ себѣ отвращеніе къ тухлому мясу и къ посягательству на чужую собственность?

**) Какъ будто опять-таки одни только Базаровы принимаютъ касторовое масло въ болѣзняхъ, а не всѣ люди повсюду и всегда руководствовались тѣмъ же разсчетомъ?

«И такъ Базаровъ (см. стр. 130) вездѣ и во всемъ поступаетъ только такъ, какъ ему хочется или какъ ему кажется выгоднымъ и удобнымъ. Имъ управляютъ только личная прихоть или личные разсчеты. Ни подъ собой, ни внѣ себя, ни внутри себя онъ не признаетъ никакого регулятора, никакого нравственнаго закона, никакого принципа. Впереди— никакой высокой цѣли; въ умѣ—никакого высокаго помысла, и при всемъ этомъ силы огромныя. Да вѣдь это безнравственный человѣкъ! Злодѣй, уродъ! слышу я со всѣхъ сторонъ восклицанія негодующихъ читателей. Ну, хорошо, злодѣй, уродъ; браните больше, преслѣдуйте его сатирой и эпиграммой, негодующимъ лиризмомъ и возмущеннымъ общественнымъ мнѣніемъ, кострами инквизиціи и топорами палачей,—и вы не вытравите, не убьете этого урода, не посадите его въ спиртъ на удивленіе почтенной публикѣ. Если базаровщина—болѣзнь, то она болѣзнь нашего времени, и ее приходится выстрадать, несмотря ни на какіе палліативы и ампутаціи. Относитесь къ базаровщинѣ какъ угодно—это ваше дѣло; а остановить—не остановите; это та же холера».

«Онъ смотритъ на людей сверху внизъ (см. стр. 131) и даже рѣдко даетъ себѣ трудъ скрывать свои полупрезрительныя, полупокровительственныя отношенія къ тѣмъ людямъ, которые его ненавидятъ, и къ тѣмъ, которые его слушаются. Онъ никого не любитъ; не разрывая существующихъ связей и отношеній, онъ въ то же время не сдѣлаетъ ни шагу для того, чтобы снова завязать или поддержать эти отношенія, не смягчитъ ни одной ноты въ своемъ суровомъ голосѣ, не пожертвуетъ ни одною рѣзкою шуткою, ни однимъ краснымъ словцомъ. Поступаетъ онъ такимъ образомъ не во имя принципа, не для того, чтобы въ каждую данную минуту быть вполнѣ откровеннымъ, а потому, что считаетъ совершенно излишнимъ стѣснять свою особу въ чемъ бы то ни было, по тому же самому побужденію, по которому американцы задираютъ ноги на спинки креселъ и заплевываютъ табачнымъ сокомъ паркетные полы пышныхъ гостинницъ. Базаровъ ни въ комъ не нуждается, никого не боится, никого не любитъ, а вслѣдствіе этого никого не щадитъ. Какъ Діогенъ, онъ готовъ жить чуть не въ бочкѣ, и за это предоставляетъ себѣ право говорить людямъ въ глаза рѣзкія истины по той причинѣ, что это ему нравится».

Развивая такой идеалъ современнаго реалиста въ первой части своей статьи, Писаревъ переходитъ, затѣмъ, къ сравненію его съ типами прежнихъ поколѣній, съ Печоринымъ и Рудинымъ, и такъ-какъ этотъ современный типъ взятъ имъ не изъ живой дѣйствительности, а есть созданіе собственной теоріи, вслѣдствіе этого, Писаревъ совершенно теряетъ всякое историческое чутье и чутье дѣйствительности, рѣшительно какъ будто не знаетъ и не видитъ, что такое вокругъ него дѣлается. Если взять во вниманіе то, что дѣлалось въ 1861 и 1862 годахъ и что было въ какихъ нибудь 1841 и 1842 годахъ, то самому поверхностному наблюдателю можетъ показаться, что люди 1841 и 1842 годовъ были заняты однимъ нравственнымъ саморазвитіемъ, или идеями, совершенно отвлеченными отъ жизни, безъ всякой возможности осуществлять свои идеи въ какихъ бы то ни было дѣлахъ. Въ статьѣ о Станкевичѣ Добролюбовъ защищаетъ эту личность противъ нападокъ съ разныхъ сторонъ за то, что Станкевичъ не боролся со зломъ и не сдѣлалъ никакого положительнаго, ощутимаго дѣла, именно тѣмъ, что нельзя обвинять людей, если они, сознавая вполнѣ всю гнусность зла своего времени, не боролись съ нимъ, не чувствуя въ себѣ ни силы, ни возможности бороться; мы должны уважать этихъ людей за то уже, что они въ то время не хотѣли потворствовать злу, а удалялись отъ него и держали себя въ сторонѣ; ужь и это былъ съ ихъ стороны подвигъ. Въ эпоху же 1861 и 1862 годовъ, люди отличались отъ предыдущихъ поколѣній именно тѣмъ, что они слишкомъ жаждали борьбы со зломъ; они не сторонились, а энергически рвались въ жизнь, вмѣшивались во всѣ ея дрязги и требовали большаго и большаго вмѣшательства. Съ точки же зрѣнія Писарева выходитъ совершенно наоборотъ: прежнія поколѣнія—думаетъ онъ—метались и жаждали дѣятельности, а нынѣшнее, то-есть базаровское, убѣдилось, что никакая дѣятельность невозможна, и окончательно отъ всего отстранилось.

«Въ своихъ понятіяхъ о добрѣ и злѣ, это поколѣніе (то-есть нынѣшнее)—говоритъ Писаревъ на 139-й стр.—сходилось съ лучшими людьми предыдущаго; симпатіи и антипатіи у нихъ были общія; желали одного и того же; *но люди прошлаго метались и суетились, надъясь гдъ-нибудь пристроиться и какъ-нибудь, втихомолку, урывками, незамѣтно влить въ жизнь свои честныя убѣжденія. Люди настоящаго не мечутся, ничего не ищутъ, нигдѣ не пристраиваются, не подаются ни на какіе компромиссы, и ни на что не надѣются.* Въ практическомъ отношеніи они также безсильны, какъ Рудины, *но они сознали свое безсиліе и перестали махать руками. «Я не могу дѣйствовать теперь—думаетъ про себя каждый изъ этихъ новыхъ людей—не стану и пробовать* я презираю *все, что меня окружаетъ, и не стану скрывать своего презрѣнія. Въ борьбу со зломъ я пойду тогда, когда почувствую себя сильнымъ. До тѣхъ поръ буду жить самъ по себѣ, какъ живется, не мирясь съ господствующимъ зломъ и не давая ему надъ собой никакой власти. Я—чужой среди существующаго порядка вещей, и мнѣ до него нѣтъ никакого дѣла. Занимаюсь я хлѣбнымъ ремесломъ, думаю, что хочу, и высказываю—что можно высказывать».*

Даже какъ-то не вѣрится, неужели эти строки были написаны и напечатаны въ первой четверти 1862 года? Какъ же это Писареву могло показаться, что современные ему лучшіе люди, презирая все окружающее, живутъ каждый самъ по себѣ, какъ живется, занимаются хлѣбными ремеслами и не вмѣшиваются ни въ какую борьбу съ существующимъ зломъ, считая эту борьбу невозможною? Строки эти могли быть написаны въ 1851 году, могли быть написаны теперь, но появленіе ихъ въ 1862 году ставитъ читателя рѣшительно въ тупикъ и объяснить появленіе этихъ строкъ можно только однимъ путемъ: тѣмъ именно, что Писаревъ подъ современными ему реалистами разумѣлъ не настоящихъ реалистовъ, жившихъ и дѣйствовавшихъ вокругъ него, исполненныхъ надеждъ и опасеній, восторга и отчаянія, шедшихъ по вѣрному пути и заблуждавшихся, падавшихъ и встававшихъ, жившихъ, однимъ словомъ, жизнью, свойственною всѣмъ живымъ людямъ во всѣ времена; нѣтъ, онъ разумѣлъ опять-таки не что иное, какъ свой собственный идеалъ, и такъ-какъ идеалъ его, съ одной стороны, поступая по собственнымъ влеченіямъ, съ другой стороны представлялся ему жившимъ жизнью, вполнѣ отрѣшенною отъ жизни общества, то онъ и приписалъ современнымъ ему реалистамъ и эту другую сторону своего идеала. „Люди третьяго разряда идутъ дальше—говоритъ онъ на 141 стр.—они сознаютъ свое несход-

ство съ массою и смѣло отдѣляются отъ нея поступками, привычками, всѣмъ образомъ жизни. *Пойдетъ ли за ними общество, до этого имъ нѣтъ дѣла. Они полны собою, своею внутреннею жизнью и не стѣсняютъ ея въ угоду принятымъ обычаямъ и церемоніаламъ.* Здѣсь личность достигаетъ полнаго *самоосвобожденія, полной особности и самостоятельности*".

Но, представляя Базарова человѣкомъ, дающимъ полную свободу всѣмъ своимъ естественнымъ влеченіямъ, не могъ же Писаревъ игнорировать тургеневскаго Базарова, который, напротивъ того, во имя теоріи сдавливаетъ свои естественныя стремленія и искажаетъ свою природу. Писаревъ не упустилъ этого изъ виду: развивши свой собственный идеалъ, онъ обратился, вслѣдъ затѣмъ, къ роману и, увидя, что тургеневскій Базаровъ противорѣчитъ его идеалу, онъ не замедлилъ предать его за это надлежащему порицанію.

«Базаровъ завирается—говоритъ Писаревъ на 145-й стр.—это, къ сожалѣнію, справедливо. Онъ съ плеча отрицаетъ вещи, которыхъ не знаетъ или не понимаетъ; поэзія, по его мнѣнію, ерунда; читать Пушкина—потерянное время; заниматься музыкою—смѣшно, наслаждаться природою—нелѣпо. Очень можетъ быть, что онъ человѣкъ, затертый трудовою жизнью, потерялъ или не успѣлъ развить въ себѣ способность наслаждаться пріятнымъ раздраженіемъ зрительныхъ и слуховыхъ нервовъ, но изъ этого не слѣдуетъ, чтобъ онъ имѣлъ разумное основаніе отрицать или осмѣивать эту способность въ другихъ. Выкраивать других людей на одну мѣрку съ собой, значитъ впадать въ узкій умственный деспотизмъ. Отрицать совершенно произвольно ту или другую естественную и дѣйствительно существующую въ человѣкѣ потребность или способность—значитъ удаляться отъ чистаго эмпиризма».

«Когда Николай Петровичъ (см. стр. 147) любуется вечернимъ пейзажемъ, тогда онъ всякому непредубѣжденному читателю покажется человѣчнѣе Базарова, голословно отрицающаго красоту природы».

«Вооружась противъ идеализма (см. стр. 148) и разбивая его воздушные замки, онъ (то-есть Базаровъ) порою самъ дѣлается идеалистомъ, то-есть начинаетъ предписывать человѣку законы, какъ и чѣмъ ему наслаждаться, и въ какой мѣркѣ пригонять свои личныя ощущенія. Сказать человѣку: не наслаждайся природою—все равно, что сказать ему: умерщвляй свою плоть».

Наконецъ, говоря о послѣднемъ свиданіи умирающаго Базарова съ Одинцовой, Писаревъ заключаетъ на стр. 169-й: «Базаровъ не измѣняетъ себѣ; приближеніе смерти не перерождаетъ его; напротивъ, онъ становится естественнѣе, человѣчнѣе, непринужденнѣе, чѣмъ онъ былъ въ полномъ здоровьи. Молодая, красивая женщина часто бываетъ привлекательнѣе въ простой, утренней блузѣ, чѣмъ въ богатомъ бальномъ платьѣ. Такъ точно умирающій Базаровъ, распустившій свою натуру, давшій себѣ полную волю, возбуждаетъ больше сочувствія, чѣмъ тотъ же Базаровъ, когда онъ холоднымъ разсудкомъ контролируетъ каждое свое движеніе и постоянно ловитъ себя на романтическихъ поползновеніяхъ».

VII.

Изъ приведенныхъ нами выписокъ можно ясно видѣть, что Писаревъ остался совершенно вѣренъ своей теоріи эгоизма въ статьѣ, трактующей объ общихъ основаніяхъ своей теоріи. Но могъ ли онъ остаться столь же послѣдователенъ въ другихъ своихъ статьяхъ, гдѣ дѣло идетъ уже не объ основаніи теоріи, а о приложеніи ея къ разнымъ фактамъ живой дѣйствительности? Очевидно, не могъ по самымъ простымъ основаніямъ: въ дѣйствительности онъ долженъ былъ встрѣтиться съ рядомъ такихъ фактовъ, которые лучшіе современники его отрицали, а онъ долженъ былъ, выходя логически изъ своей теоріи, признать ихъ и оправдать; а съ другой стороны было множество и такихъ фактовъ, которые современники его признавали и оправдывали, а онъ опять-таки, вслѣдствіе односторонности своей теоріи, долженъ былъ ихъ отвергнуть.

Вѣдь еслибы Писаревъ захотѣлъ проводить свою теорію до конца и быть послѣдователенъ ей, то онъ долженъ былъ бы оправдать и чистое искусство, и научное педантство, противъ которыхъ въ то время самъ ратовалъ: если мы разъ допустимъ, что идеалъ современнаго реалиста есть человѣкъ, понявшій, что со зломъ бороться ему невозможно, отрѣшившійся вслѣдствіе этого отъ жизни и въ своемъ уголкѣ допустившій себѣ полную свободу всѣмъ своимъ естественнымъ влеченіямъ, то чѣмъ же будетъ отличаться отъ Базарова Фетъ или какая нибудь архивная крыса?—тѣмъ развѣ только, что Базаровъ рѣжетъ лягушекъ, Фетъ пописываетъ стишки, крыса роется въ архивной пыли. Это будетъ показывать только, что у одного одни естественныя влеченія, у другаго—другія, у третьяго—третьи; но такъ-какъ всѣ они трое въ равной степени отрѣшились отъ общества, заперлись въ свой уголокъ и каждый предался своему естественному влеченію, то, слѣдовательно, и всѣ они по своему современные реалисты и Базаровы. Если вы возразите, что писаревскій Базаровъ отличается тѣмъ, что онъ смѣло устраиваетъ по своему свою личную жизнь, не взирая на всѣ толки, насмѣшки, порицанія и негодованіе общественнаго мнѣнія, то вѣдь и Фетъ отличается тѣмъ же: развѣ и противъ него не обращено общественное мнѣніе цѣлой половины нашей интеллигенціи? Развѣ онъ мало выдерживаетъ порицаній и насмѣшекъ самыхъ злыхъ и ѣдкихъ, и несмотря на все это, онъ продолжаетъ жить по своему и подъ оглушительный громъ насмѣшекъ, шиканій и свистковъ, спокойно и беззаботно напѣваетъ свои пѣсенки: чѣмъ же онъ не Базаровъ съ писаревской точки зрѣнія? Особенно если взять при этомъ во вниманіе вышеприведенныя нами слова Писарева относительно красотъ природы, то слова эти мы можемъ прямо отнести къ Фету и сказать: когда писаревскій Базаровъ въ формѣ Фета любуется зарею, тогда онъ всякому непредубѣжденному читателю покажется человѣчнѣе тургеневскаго Базарова, голословно отрицающаго красоту зари.

Во избѣжаніе такихъ выводовъ Писареву пришлось значительно ограничить кругъ свободы естественныхъ влеченій идеею общественной пользы, т.-е. допустить такое ограниченіе своей теоріи, противъ котораго онъ прежде ратовалъ болѣе всего, когда говорилъ, что современный реалистъ, свободно предаваясь всѣмъ своимъ влеченіямъ, имѣетъ въ виду только свою личность и не думаетъ о томъ, принесетъ ли его дѣло пользу обществу, или не принесетъ, пойдутъ ли за

нимъ люди, или не пойдутъ. Въ позднѣйшихъ своихъ статьяхъ подъ современными реалистами или Базаровыми онъ разумѣетъ такихъ людей, которые, при всей свободѣ влеченій, имѣютъ только влеченія, клонящіяся къ общей пользѣ. При этомъ къ занятіямъ, приносящимъ общую пользу, иногда онъ причислялъ различныя отрасли труда, иногда же ограничивалъ кругъ такихъ занятій однимъ распространеніемъ естествознанія, и тогда впадалъ въ узкую тенденцію тургеневскаго Базарова. Такого рода тенденція проглядываетъ, напримѣръ, въ статьѣ „Цвѣты невиннаго юмора".

Писатели добролюбовской школы, при всемъ ихъ уваженіи къ естественнымъ наукамъ, отрицали произведенія, подобныя фетовскимъ, вовсе не на основаніи того, чтобъ они признавали пользу только за однѣми естественными науками. Они вовсе не отрицали искусства, а напротивъ того, старались расширить его область и тѣмъ увеличить его значеніе. Вмѣсто того, чтобы ограничиваться одною узкою сферою изящнаго, искусство, по ихъ мнѣнію, должно отзываться на всѣ вопросы жизни, интересующіе человѣчество.

Понималъ ли вполнѣ ясно Писаревъ этотъ взглядъ реалистовъ на искусство? Что онъ понималъ его, въ этомъ нѣтъ сомнѣнія. Прочтите только статью его „Разрушеніе эстетики" и „Нерѣшенный вопросъ", и вы увидите, что онъ высказываетъ тѣ же взгляды на искусство. Въ статьѣ „Разрушеніе эстетики", онъ разбираетъ взгляды, выраженные въ извѣстной брошюрѣ: „Отношенія искусства къ дѣйствительности", и вполнѣ соглашается со всѣми этими взглядами. Въ статьѣ „Нерѣшенный вопросъ" вы встрѣчаете взгляды на искусство, ничѣмъ не отличающіеся отъ взглядовъ всѣхъ писателей реальной школы:

«Послѣдовательный реализмъ—говоритъ онъ—безусловно презираетъ все, что не приноситъ существенной пользы; но слово «польза» мы принимаемъ совсѣмъ не въ томъ узкомъ смыслѣ, въ какомъ его навязываютъ намъ наши литературные антагонисты. Мы вовсе не говоримъ поэту: «шей сапоги», или историку: «пеки пироги», но мы требуемъ непремѣнно, чтобы поэтъ, какъ поэтъ, и историкъ, какъ историкъ, приносили, каждый въ своей спеціальности, дѣйствительную пользу. Мы хотимъ, чтобы созданія поэта ясно и ярко рисовали передъ нами тѣ стороны человѣческой жизни, которыя намъ необходимо знать для того, чтобы основательно размышлять и дѣйствовать. Мы хотимъ, чтобы изслѣдованіе историка раскрывало намъ настоящія причины процвѣтанія и успѣха отжившихъ цивилизацій. Мы читаемъ книги единственно для того, чтобы посредствомъ чтенія расширять предѣлы нашего личнаго опыта. Если книга въ этомъ отношеніи не даетъ намъ ровно ничего, ни одного новаго факта, ни одного оригинальнаго взгляда, ни одной самостоятельной идеи, если она ничѣмъ не шевелитъ и не оживляетъ нашей мысли, то мы называемъ такую книгу пустою и дрянною книгою, не обращая вниманія на то, писана ли она прозою или стихами; и автору такой книги мы всегда, съ искреннимъ доброжелательствомъ, готовы посовѣтовать, чтобы онъ принялся шить сапоги или печь кулебяки».

Далѣе, опредѣляя, какъ можетъ быть полезенъ поэтъ, Писаревъ высказываетъ нѣсколько мыслей, столь глубокихъ, сильныхъ и патетическихъ, какія никто еще не высказывалъ со времени Бѣлинскаго:

«Самородки, подобные Борнсу и Кольцову—говоритъ онъ — остаются навсегда блестящими, но безплодными явленіями. Истинный, «полезный» поэтъ долженъ знать и понимать все, что въ данную минуту интересуетъ самыхъ лучшихъ, самыхъ умныхъ и самыхъ просвѣщенныхъ представителей его вѣка и его народа. Понимая вполнѣ глубокій смыслъ каждой пульсаціи общественной жизни, поэтъ, какъ человѣкъ страстный и впечатлительный, непремѣнно долженъ всѣми силами своего существа любить то, что кажется ему добрымъ, истиннымъ и прекраснымъ, и ненавидѣть святою и великою ненавистью ту огромную массу мелкихъ и дрянныхъ глупостей, которая мѣшаетъ идеямъ истины, добра и красоты облечься въ плоть и кровь и превратиться въ живую дѣйствительность! Эта любовь, неразрывно связанная съ этою ненавистью, составляетъ и непремѣнно должна составлять для истиннаго поэта душу его души, единственный и священнѣйшій символъ всего его существованія и всей его дѣятельности. «Я пишу не чернилами, какъ другіе, говоритъ Берне; я пишу кровью моего сердца и сокомъ моихъ нервовъ». Такъ, и только такъ долженъ писать каждый писатель. Кто пишетъ иначе, тому слѣдуетъ шить сапоги и печь кулебяки. Поэтъ, самый страстный и впечатлительный изъ всѣхъ писателей, конечно, не можетъ составлять исключенія изъ этого правила. А чтобы дѣйствительно писать кровію сердца и сокомъ нервовъ, необходимо безпредѣльно и глубоко-сознательно любить и ненавидѣть. А чтобы любить и ненавидѣть, и чтобы эта любовь и эта ненависть были чисты отъ всякихъ примѣсей личной корысти и мелкаго тщеславія, необходимо много передумать и многое узнать. А когда все это сдѣлано, когда поэтъ охватилъ своимъ сильнымъ умомъ весь великій смыслъ человѣческой жизни, человѣческой борьбы и человѣческаго горя, когда онъ вдумался въ причины, когда онъ уловилъ крѣпкую связь между отдѣльными явленіями, когда понялъ, что надо и что можно сдѣлать, въ какомъ направленіи и какими пружинами слѣдуетъ дѣйствовать на умы читающихъ людей, тогда безсознательное и безцѣльное творчество дѣлается для него безусловно невозможнымъ. Общая цѣль его жизни и дѣятельности не даетъ ему ни минуты покоя; эта цѣль манитъ и тянетъ его къ себѣ; онъ счастливъ, когда видитъ ее передъ собою яснѣе и какъ будто ближе; онъ приходитъ въ восхищеніе, когда видитъ, что другіе люди понимаютъ его пожирающую страсть и сами, съ трепетомъ томительной надежды, смотрятъ вдаль, на ту-же великую цѣль; онъ страдаетъ и злится, когда цѣль исчезаетъ въ туманѣ человѣческихъ глупостей и когда окружающіе его люди бродятъ ощупью, сбивая другъ друга съ прямаго пути. И вы, господа эстетики, хотите, чтобы такой человѣкъ, принимаясь за перо, превращался въ болтливаго младенца, который самъ не вѣдаетъ, что и зачѣмъ лепечутъ его розовыя губки! Вы хотите, чтобы онъ безцѣльно тѣшился пестрыми картинками своей фантазіи, именно въ тѣ великія и священныя минуты, когда его могучій умъ, развертываясь въ процессѣ творчества, льетъ въ умы простыхъ и темныхъ людей цѣлые потоки свѣта и теплоты! Никогда этого не бываетъ и быть не можетъ. Человѣкъ, прикоснувшійся рукою къ древу познанія добра и зла, никогда не съумѣетъ и, что всего важнѣе, никогда не захочетъ возвратиться въ растительное состояніе первобытной невинности. Кто понялъ и прочувствовалъ до самой глубины взволнованной души различіе между истиной и заблужденіемъ, тотъ волею и неволею въ каждое изъ своихъ созданій будетъ вкладывать идеи, чувства и стремленія вѣчной борьбы за правду. Итакъ, по моему мнѣнію, истинный поэтъ, принимаясь за перо, отдаетъ себѣ строгій и ясный отчетъ въ томъ, къ какой общей цѣли будетъ направлено его новое созданіе, какое впечатлѣніе оно должно будетъ про-

извести на умы читателей, какую святую истину оно докажетъ имъ своими яркими картинами, какое вредное заблужденіе оно подроетъ подъ самый корень. Поэтъ—великій боецъ мысли, безстрастный и безукоризненный «рыцарь духа», какъ говоритъ Генрихъ Гейне, или же поэтъ—ничтожный паразитъ, потѣшающій другихъ ничтожныхъ паразитовъ мелкими фокусами безплоднаго фигглярства. Середины нѣтъ. Поэтъ—титанъ, потрясающій горы вѣковаго зла, или поэтъ—козявка, копающаяся въ цвѣточной пыли. И это не фраза. Это строгая психологическая истина».

Когда послѣ этой прекрасной, глубокомысленной тирады переходишь къ „Цвѣтамъ невиннаго юмора", то представляется, какъ будто начинаешь читать совершенно инаго писателя. Въ статьѣ этой Писаревъ, силясь доказать, что сатиры Щедрина не имѣютъ иной цѣли, какъ только посмѣшить читателя и потому ихъ можно причислить къ разряду чистаго искусства, противъ чистаго искусства выставляетъ не то реальное, полезное искусство, о которомъ говоритъ въ вышеприведенной тирадѣ, а подобно тургеневскому Базарову—прямо и радикально естественныя науки. По его мнѣнію, когда послѣдній поэтъ и послѣдній эстетикъ сознаютъ свою тщету, тогда: „обнявшись весьма крѣпко, какъ обнимаются люди на могилѣ всего, что имъ дорого, наши послѣдніе могикане во весь духъ побѣгутъ въ лавку *покупать себѣ микроскопъ и химическія реторты*, какъ маскарадныя принадлежности, долженствующія спасти ихъ отъ преждевременнаго погруженія въ спиртъ. Исторія переродившихся экземпляровъ исчезнувшей породы кончится тѣмъ, что оба, эстетикъ и поэтъ, женятся à la face du soleil et de la nature на двухъ дѣвушкахъ, *занимающихся медицинскою практикою* и приводившихъ въ былое время своихъ теперешнихъ поклонниковъ въ совершенный ужасъ своимъ непостижимо-солиднымъ образованіемъ, своимъ неприлично-твердымъ образомъ мыслей и своимъ полнѣйшимъ отсутствіемъ граціи, т.-е. слабости, глупости и жеманства".

Въ силу этого предсказанія Писаревъ и Щедрину совѣтуетъ бросить писаніе сатиръ, а заняться популяризированіемъ естественно-научныхъ идей. Мало того, онъ утверждаетъ, что и Добролюбовъ, еслибы былъ живъ, то бросилъ бы писаніе критико-публицистическихъ статей, а занялся бы естественно-научными компиляціями и переводами. Правда, онъ дѣлаетъ нѣкоторую оговорку для поэтовъ:

«Теперь пора-бы сдѣлать еще шагъ впередъ: недурно было-бы понять, что серьезное изслѣдованіе, написанное ясно и увлекательно, освѣщаетъ всякій интересный вопросъ гораздо лучше и полнѣе, чѣмъ разсказъ, придуманный на эту тему и обставленный ненужными подробностями и неизбѣжными уклоненіями отъ главнаго сюжета. Впрочемъ, этотъ шагъ сдѣлается самъ собою, и можетъ быть онъ уже наполовину сдѣланъ; разумѣется, здѣсь, какъ и вездѣ, не слѣдуетъ увлекаться педантическимъ ригоризмомъ: если въ самомъ дѣлѣ есть такіе человѣческіе организмы, для которыхъ легче и удобнѣе выражать свои мысли въ образахъ, если въ романѣ или поэмѣ они умѣютъ выразить новую идею, которую они не съумѣли-бы развить съ надлежащею полнотою и ясностью въ теоретической статьѣ, тогда пусть дѣлаютъ такъ, какъ имъ удобнѣе; критика съумѣетъ отыскать, а общество съумѣетъ принять и оцѣнить плодотворную идею, въ какой-бы формѣ она ни была выражена»... и далѣе онъ говоритъ: «это даже хорошо, если такіе люди излагаютъ свои идеи въ беллетристической формѣ, потому что окончательный шагъ все-таки еще не сдѣланъ, и искусство для нѣкоторыхъ читателей и особенно читательницъ, *все еще сохраняетъ кой-какіе блѣдные лучи своего ложнаго ореола*» (см. стр. 203 и 204 т. I).

Изъ этой тирады вы можете ясно видѣть, что дѣло идетъ здѣсь не о прочномъ утвержденіи полезнаго, реальнаго искусства на мѣсто прежняго, отрѣшеннаго отъ жизни, романтическаго, — а только о временной уступкѣ, пока еще не сдѣланъ послѣдній шагъ и пока для нѣкоторыхъ читателей искусство сохраняетъ блѣдные лучи своего ложнаго ореола. Ну, а что же будетъ тогда, когда этотъ шагъ будетъ сдѣланъ? Тогда не только всякое искусство будетъ излишне, но и вообще все, что не касается естественно-научныхъ изслѣдованій, популяризированій и переводовъ: такъ например, тогда мысль о сближеніи съ народомъ и народномъ образованіи будетъ совершенно праздная мысль.

«Можетъ быть — говоритъ онъ на 207 стр. — мое благоговѣніе передъ естествознаніемъ покажется читателю преувеличеннымъ; можетъ быть, онъ возразитъ мнѣ, что и естествознаніе будетъ приносить пользу и удовольствіе только тѣмъ классамъ нашего общества, которымъ и безъ того не слишкомъ дурно живется на свѣтѣ. Книги по естественнымъ наукамъ, скажетъ онъ, создаются не для народа, и всѣ сокровища, заключающіяся въ нихъ, все-таки останутся для народа мертвымъ капиталомъ. На это я отвѣчу, что изданіе этихъ книгъ и вообще акклиматизація естествознанія въ нашемъ обществѣ неизмѣримо полезнѣе для нашего народа, чѣмъ изданіе книгъ, предназначенныхъ собственно для него, и чѣмъ всякіе добродѣтельные толки о необходимости сблизиться съ народомъ и любить народъ.

«Если естествознаніе обогатитъ наше общество мыслящими людьми, если наши агрономы, фабриканты и всякаго рода капиталисты выучатся мыслить, то эти люди, вмѣстѣ съ тѣмъ, выучатся понимать какъ свою собственную пользу, такъ и потребности того міра, который ихъ окружаетъ. Тогда они поймутъ, что эта польза и эти потребности совершенно сливаются между собою; поймутъ, что выгоднѣе и пріятнѣе увеличивать общее богатство страны, чѣмъ выманивать или выдавливать послѣдніе гроши изъ худыхъ кармановъ производителей и потребителей. Тогда капиталы наши не будутъ уходить заграницу, не будутъ тратиться на безумную роскошь, не будутъ ухлопываться на безполезныя сооруженія, а будутъ прилагаться именно къ тѣмъ отраслямъ народной промышленности, которыя нуждаются въ ихъ содѣйствіи. Это будетъ дѣлаться такъ потому, что капиталисты, во-первыхъ, будутъ правильно понимать свою выгоду, а во-вторыхъ, будутъ находить наслажденіе въ полезной работѣ. Это предположеніе можетъ показаться идиллическимъ, но утверждать, что оно неосуществимо, значитъ, утверждать, что капиталистъ не человѣкъ и даже никогда не можетъ сдѣлаться человѣкомъ. Что касается до меня, то я рѣшительно не вижу резона, почему сынъ капиталиста не могъ-бы сдѣлаться Базаровымъ или Лопуховымъ, точно такъ-же, какъ сынъ богатаго помѣщика сдѣлался Рахметовымъ».

Здѣсь мало того, что весь прогрессъ общества сводится исключительно на распространеніе естествознанія, но представляется совершенно вѣрно съ основной теоріей Писарева въ видѣ индивидуальнаго развитія отдѣльныхъ личностей и простаго размноженія въ обществѣ прогрессивныхъ единицъ. Замѣчательно, что Писаревъ какъ будто чуетъ, что такой взглядъ можетъ показаться слишкомъ идиллическимъ, а между тѣмъ твердо стоитъ на немъ. Какъ и во всѣхъ

почти своихъ статьяхъ онъ совершенно упускаетъ изъ виду, что какъ ни полезно развитіе естествознанія и какъ ни желательно, чтобы Лопуховыхъ и Рахметовыхъ было какъ можно болѣе въ нашемъ обществѣ, но и то и другое возможно только тогда, когда условія жизни будутъ таковы, что они не будутъ мѣшать ни тому, ни другому. Смѣшно и думать, что одно естествознаніе можетъ создавать Рахметовыхъ повально, а не въ видѣ исключенія, когда условія жизни таковы, что они могутъ создавать повально только Чичиковыхъ и Обломовыхъ. Людей создаютъ не книги, а жизнь со всѣми ея условіями; и если-бы даже естествознаніе само по себѣ могло создавать Рахметовыхъ, то что вы подѣлаете съ вашимъ талисманомъ, если условія жизни будутъ препятствовать на каждомъ шагу распространенію вашего естествознанія?

VIII.

Послѣ анализа цѣлаго ряда статей Писарева, предшествовавшихъ „Мотивамъ русской драмы", намъ становится понятнымъ появленіе этой статьи. Мы видимъ въ ней ту-же основную тенденцію, что и во всѣхъ прочихъ; она противорѣчитъ взглядамъ Добролюбова не болѣе, чѣмъ и всѣ другія статьи Писарева. Разница только въ томъ, что въ этой статьѣ противорѣчіе со взглядами Добролюбова сознано Писаревымъ и опредѣленно формулировано.

Если только изъ анализа всѣхъ предшествовавшихъ статей Писарева читатель составилъ ясное и опредѣленное сознаніе о его міровоззрѣніи, въ такомъ случаѣ онъ пойметъ, что Писаревъ не могъ взглянуть на Катерину „Грозы" Островскаго такъ, какъ взглянулъ на нее Добролюбовъ. Моралисты, анализирующіе жизнь на основаніи не живыхъ ея элементовъ, а заранѣе составленныхъ отвлеченныхъ идеаловъ или нравственныхъ теорій, вмѣсто истиннаго анализа постоянно занимаются только сортировкою; все, что входитъ въ рамки ихъ теорій, они откладываютъ въ одну сторону, а что не входитъ, — въ другую; что согласуется съ ихъ доктриною, то они одобряютъ; что не согласуется, то они считаютъ ни на что негоднымъ. При болѣе низкомъ и грубомъ уровнѣ развитія, подобнаго рода сортировка принимаетъ прямо характеръ вопроса: съ человѣческими или песьими головами люди; кто подходитъ подъ узкую доктрину моралиста, тотъ человѣкъ, а кто не подходитъ, — тотъ вовсе не человѣкъ, а собака, проклятый язычникъ, бусурманъ. Пуритане XVII вѣка ненавидѣли не-пуританъ не за одни политическія стремленія; рядомъ съ своими политическими противниками не терпѣли они и людей, нисколько не противорѣчащихъ ихъ политическимъ стремленіямъ, если эти люди не подходили подъ условія морали, которую проповѣдывали пуритане; для пуританъ, всѣ люди не слѣдующіе ихъ правиламъ, ходящіе въ театръ, развѣшивающіе картины у себя по стѣнамъ, — были людьми равно безнравственными и никуда негодными.

У Писарева видна та-же тенденція считать обладающими песьими головами всѣхъ людей, не подходящихъ къ базаровскому типу. Только у него эта тенденція принимаетъ болѣе мягкія и утонченныя формы. Подобнаго рода сортировка доходитъ у Писарева иногда до того, что онъ къ одному и тому-же типу относится двойственно, если замѣчаетъ, что одна сторона типа подходитъ къ Базаровскому идеалу, а другая не подходитъ. Такъ, напримѣръ, отнесся Писаревъ къ Молотову въ статьѣ „Романъ кисейной барышни". Анализируя отношенія Молотова къ Леночкѣ, онъ предполагаетъ, что Базаровъ отнесся-бы къ Леночкѣ совершенно иначе, и вслѣдствіе этого до такой степени вооружается на Молотова, что совѣтуетъ читателю плевать ему въ рожу. Но потомъ, усматривая, что Молотовъ устроилъ свою личную жизнь совершенно по базаровскому идеалу отрѣшенія отъ общественной жизни и свободнаго удовлетворенія своихъ естественныхъ потребностей въ своемъ узенькомъ семейномъ уголкѣ, Писаревъ начинаетъ относиться къ Молотову сочувственно, выставляетъ его, какъ представителя мыслящаго пролетаріата, и не замѣчаетъ, какая бездна мѣщанства обнаруживается въ жизни Молотова и какъ скорбитъ Помяловскій въ концѣ романа надъ своимъ героемъ.

Добролюбовъ, какъ писатель чисто-реальной школы, безо всякой предвзятой доктрины, относился къ жизни съ тѣмъ безпристрастнымъ анализомъ, какой свойственъ истинному реализму и составляетъ его сущность. Съ этой точки зрѣнія онъ очень хорошо понималъ, что чувствовать на себѣ тяжелый гнетъ самодурства, протестовать противъ него и искать какого-бы то ни было выхода могутъ не одни только высокоразвитые люди, Базаровы, а вообще всѣ люди, у которыхъ, подъ вліяніемъ какихъ-либо обстоятельствъ, природа осталась цѣльною и неиспорченною. Правда, Катерина не могла такъ ясно сознавать своихъ страданій и формулировать ихъ, какъ-бы это дѣлала высокоразвитая личность, но это не мѣшало ей чувствовать свои страданія столь-же сильно, какъ и послѣдняя. Если человѣкъ неразвитой и темный не знаетъ, что дѣлается у него въ желудкѣ въ то время, какъ онъ чувствуетъ себя голоднымъ, не знаетъ даже о существованіи своего желудка, то изъ этого вовсе не слѣдуетъ, чтобъ онъ чувствовалъ голодъ свой менѣе живо и сильно, чѣмъ человѣкъ развитой и отличнознающій физіологію. Точно также и всякій живой, неиспорченный человѣкъ, хотя-бы онъ былъ и неразвитъ, можетъ гораздо сильнѣе чувствовать на себѣ гнетъ самодурства и менѣе способенъ переносить его, чѣмъ человѣкъ съ высокоразвитымъ умомъ, но помятый, искалѣченный жизнію. Добролюбовъ въ этомъ отношеніи очень хорошо понималъ, что не однѣ идеи, не одно развитіе дѣлаютъ людей цѣльными, твердыми, а жизнь со всѣми ея условіями.

«Вотъ сила — говоритъ онъ (284-я стр. «Совр.» 1860, № 10)—до которой доходитъ народная жизнь въ своемъ развитіи, но до которой въ литературѣ нашей умѣли подниматься весьма немногіе, и никто не умѣлъ на ней такъ хорошо держаться, какъ Островскій. *Онъ чувствовалъ, что жизненные факты управляютъ человѣкомъ, что не образъ мыслей, а натура нужна для образованія и проявленія крѣпкаго характера, и онъ умѣлъ создать такое лицо, которое, не нося идей ни на языкѣ, ни въ головѣ, самоотверженно идетъ до конца въ неравной борьбѣ и гибнетъ, вовсе не обрекая себя на самопожертвованіе.* Ея поступки находятся въ гармоніи съ ея натурой, они

для нея естественны, необходимы, она не можетъ отъ нихъ отказаться, хотя бы это имѣло самыя гибельныя послѣдствія. Въ другихъ твореніяхъ нашей литературы сильные характеры похожи на фонтанчики, бьющіе довольно красиво и бойко, но зависящіе въ своихъ проявленіяхъ отъ посторонняго механизма, подведеннаго къ нимъ; Катерина, напротивъ, можетъ быть уподоблена многоводной рѣкѣ: она течетъ, какъ требуетъ ея природное свойство; характеръ ея теченія измѣняется сообразно съ мѣстностью, черезъ которую она проходитъ, но теченіе ея не останавливается; ровное дно — она течетъ спокойно, камни большіе встрѣтились—она черезъ нихъ перескакиваетъ, обрывъ — льется каскадомъ, запружаютъ ее—она бушуетъ и прорывается въ другомъ мѣстѣ, потому что это ей необходимо для выполненія естественнаго требованія,—для дальнѣйшаго теченія».

Какъ въ этой тирадѣ, такъ и во всей статьѣ своей Добролюбовъ остается вполнѣ вѣренъ своимъ взглядамъ на жизнь. Во всѣхъ его статьяхъ одинъ и тотъ же анализъ: съ одной стороны представляется вамъ гнетъ самодурства, растлѣвающій живыя, свѣжія силы человѣчества, съ другой стороны эти живыя, свѣжія силы, борющіяся противъ гнета и ищущія выхода. Это исканіе выхода представляется у Добролюбова вовсе не слѣдствіемъ однѣхъ новыхъ идей, одного высшаго развитія; нѣтъ, это такое-же естественное явленіе, какъ потребность воздуха, пищи, тепла, свѣта. Человѣкъ, кошка, собака, птица, равно будутъ барахтаться и искать выхода, если вы ихъ запрете въ чуланъ безъ воздуха; растеніе будетъ вѣчно тянуться къ теплу и свѣту, хотя ни кошка, ни собака, ни птица, ни растеніе не будутъ сознавать, къ чему они это дѣлаютъ. Но выходы на свѣтъ и воздухъ изъ затхлой темницы могутъ быть различные: иной выходъ находитъ Кабановъ, иной Варвара, иной Дикой, иной Катерина. Конечно, если мы будемъ сравнивать выходъ Катерины съ прочими выходами со стороны полезности, плодотворности или отрадности, то мы должны будемъ согласиться, что въ выходѣ Катерины столь же мало утѣшительнаго, какъ и въ прочихъ выходахъ. Что же тутъ полезнаго и отраднаго, какъ для всего человѣчества, такъ и для отдѣльной личности, если эта личность, не въ силахъ будучи бороться съ окружающимъ ея зломъ, пуститъ себѣ пулю въ лобъ или бултыхнется въ воду? Но если мы будемъ смотрѣть на различныя явленія жизни съ истинно-реальной точки зрѣнія, то-есть будемъ разсматривать явленія въ ихъ причинной связи съ тѣми общими условіями жизни, которыя вызываютъ ихъ, тогда мы должны будемъ признать, что есть много такихъ явленій, которыя, при всей своей безполезности, являются неизбѣжными, единственно возможными и даже, при всей своей безотрадности и ненормальности—лучшими явленіями въ ряду другихъ происходящихъ изъ тѣхъ же условій жизни. Еслибы Катеринѣ представлялись два выхода: одинъ — въ Волгу, а другой въ полезную и разумную жизнь, и еслибы Катерина предпочла первый послѣднему, конечно, она была бы кругомъ безразсудна. Но другаго никакого выхода не было для Катерины, и она предпочла быструю смерть медленному задушенію подъ гнетомъ самодурства. Она покончила съ собою такъ, какъ кончаютъ всѣ чистыя, глубокія, ненадломанныя натуры, когда никакого выхода не представляется имъ въ жизни и когда онѣ не хотятъ въ то же время вертѣться въ неволѣ, какъ бѣлка въ колесѣ, и утѣшать себя различными иллюзіями.

Но, можетъ быть, потому собственно и не нашла себѣ никакого инаго, болѣе полезнаго и отраднаго выхода Катерина, что она была женщина темная и неразвитая, и Писаревъ, можетъ быть, въ своей статьѣ именно хотѣлъ поставить на видъ, что подобнаго рода выходы, составляя печальный удѣлъ невѣжества и тьмы, не могутъ вовсе представляться лучемъ свѣта въ темномъ царствѣ, что будь, напротивъ того, Катерина личностью развитою, тогда она нашла бы иной, болѣе лучшій выходъ; ужь одно то, что узкіе семейные предразсудки въ такомъ случаѣ не составляли бы для нея волшебнаго круга, изъ котораго темная Катерина не видала выхода; она могла бы тогда расторгнуть семейныя узы, которыя тяготѣли надъ нею, избрать себѣ новый путь жизни, согласный съ ея развитіемъ, путь знанія и труда; на этомъ пути она нашла бы цѣлый рядъ жгучихъ наслажденій для себя и принесла бы бездну пользы для окружающихъ ее людей, и только въ такомъ случаѣ она могла бы называться лучемъ свѣта въ темномъ царствѣ. Да, это самое хотѣлъ доказать Писаревъ въ своей статьѣ:

«Облегчая жизнь себѣ и другимъ, умный и развитой человѣкъ—говоритъ онъ на 222-й стр. I т.—не ограничивается этимъ; онъ, кромѣ того, въ большей или меньшей степени, сознательно или невольно, перерабатываетъ эту жизнь и приготовляетъ переходъ къ лучшимъ условіямъ существованія. Умная и развитая личность, сама того не замѣчая, дѣйствуетъ на все, что къ ней прикасается; ея мысли, ея занятія, ея гуманное обращеніе, ея спокойная твердость,—все это шевелитъ вокругъ нея стоячую воду человѣческой рутины; кто уже не въ силахъ развиваться, тотъ, по крайней мѣрѣ, уважаетъ въ умной и развитой личности хорошаго человѣка, а людямъ очень полезно уважать то, что дѣйствительно заслуживаетъ уваженія; но кто молодъ, кто способенъ полюбить идею, кто ищетъ возможности развернуть силы своего свѣжаго ума, тотъ, сблизившись съ умною и развитою личностью, можетъ быть, начнетъ новую жизнь, полную обаятельнаго труда и неистощимаго наслажденія. Если предполагаемая свѣтлая личность дастъ, такимъ образомъ, обществу двухъ-трехъ молодыхъ работниковъ, если она внушитъ двумъ-тремъ старикамъ невольное уваженіе къ тому, что они прежде осмѣивали и притѣсняли, — то неужели вы скажете, что такая личность ровно ничего не сдѣлала для облегченія перехода къ лучшимъ идеямъ и къ болѣе сноснымъ условіямъ жизни? Мнѣ кажется, что она сдѣлала въ малыхъ размѣрахъ то, что дѣлаютъ въ большихъ размѣрахъ величайшія историческія личности. Разница между ними заключается только въ количествѣ силъ, и потому оцѣнивать ихъ дѣятельность можно и должно посредствомъ одинаковыхъ пріемовъ. Такъ вотъ какіе должны быть «лучи свѣта»—не Катеринѣ чета».

Конечно, никто не станетъ спорить съ Писаревымъ, что развитая личность можетъ болѣе разлить вокругъ себя свѣта и принести неизмѣримо болѣе пользы, чѣмъ темная личность Катерины. Но при этомъ Писаревъ, смотря на вещи только съ точки зрѣнія пользы и видя пользу только въ развитости, совершенно упустилъ изъ виду, какъ это онъ и всегда дѣлалъ, иную, болѣе важную точку зрѣнія — это именно вліяніе условій жизни на всю массу людей раз-

витыхъ и неразвитыхъ. Предполагая въ умственномъ развитіи безграничную и безусловную силу, онъ представляетъ намъ въ развитыхъ людяхъ, Базаровыхъ, такихъ гигантовъ, которые и въ водѣ не тонутъ, и въ огнѣ не горятъ. Дѣло другое, еслибы Писаревъ умственное развитіе разумѣлъ въ общемъ смыслѣ развитія цѣлыхъ массъ, всего общества,—тогда дѣйствительно такое развитіе должно явиться безграничною силою, рушащею всѣ преграды; но то же самое умственное развитіе, прилагаемое только къ отдѣльной личности, еще не обусловливаетъ ни силы, ни полезности ея. Тутъ являются на сцену условія жизни, которыя могутъ способствовать развитой личности разливать вокругъ себя свѣтъ и приносить пользу, или же, напротивъ того, могутъ быть таковы, что въ одинъ прекрасный день она можетъ дойти до убѣжденія, что при всемъ своемъ развитіи она совершенно безполезная и безсильная личность. Въ самомъ дѣлѣ, стоитъ только принять въ разсчетъ условія жизни, чтобы убѣдиться съ одной стороны въ томъ, что при дурныхъ условіяхъ умственное развитіе нисколько не обезпечиваетъ человѣка отъ такого выхода, какой избрала Катерина, и что, слѣдовательно, не одно невѣжество ведетъ къ этому выходу; а съ другой стороны, что при хорошихъ условіяхъ даже Катерина, при всемъ ея невѣжествѣ, можетъ разливать вокругъ себя свѣтъ и приносить пользу вслѣдствіе уже того, что она цѣльная, свѣтлая, здоровая натура. Предположимъ, что Катерина личность развитая и что развитіе ея ни чѣмъ не менѣе развитія писаревскаго Базарова. При такихъ условіяхъ, конечно, ей легче избавиться отъ семейныхъ предразсудковъ, чѣмъ Катеринѣ „Грозы". Но погодите, ей легко это сдѣлать только внутри самой себя, т.-е. умственно отрѣшиться отъ семейныхъ предразсудковъ, не терзаться совѣстью при измѣнѣ дрянному мужу и презирать ворчанья Кабанихи или пересуды глупыхъ сосѣдей. Хорошо это сказать — презирать, а на дѣлѣ ворчанья, а иногда даже и побои свекрови и городскія сплетни—все-таки тяжелы, все-таки отравляютъ жизнь, какъ бы вы тамъ ни старались отрѣшиться отъ нихъ посредствомъ отвлеченныхъ теорій; и чѣмъ развитѣе человѣкъ, тѣмъ, конечно, тяжелѣе для него выносить побои какой-нибудь выжившей изъ ума старухи и наглыя насмѣшки и подмигиванья какихъ-нибудь тупоумныхъ и полупьяныхъ салопницъ. Да еслибы, наконецъ, жизнь Катерины въ домѣ мужа была тиха и безмятежна, какъ въ раю, — что это за жизнь сама по себѣ? Можетъ ли она удовлетворить богатую, развитую натуру? Конечно, единственный выходъ Катерины — уѣхать совершенно изъ роднаго города. Но для того, чтобы уѣхать, необходимо получить отъ мужа увольнительный билетъ. Вотъ вамъ и отвлеченная самостоятельность мысли, о которой Писаревъ говоритъ, что при ней ничего не стоитъ махнуть рукой на всѣ старые предразсудки и начать жить свободною, блаженною жизнію умственнаго труда, разливая вокругъ себя свѣтъ, счастіе и радость. Весь этотъ обольстительный миражъ можетъ разрушиться въ дѣйствительности въ пухъ и прахъ о ничтожный клочекъ бумажки, и отъ этого клочка можетъ зависѣть вся жизнь, все счастіе женщины! И сколько развитыхъ, свѣтлыхъ личностей гибнутъ, не имѣя возможности перейти черезъ эту первую преграду.

Но предположимъ, что Кабановъ и Кабаниха не стали бы удерживать Катерину и оказали бы ей великодушную милость,—за тѣмъ представилось бы другое условіе: на дорогу необходимо имѣть хоть малое количество денегъ, чтобы доѣхать до какого-нибудь знакомаго города, гдѣ бы развитая личность могла бы найти дѣятельность, сообразную своему развитію. Въ романахъ и повѣстяхъ переѣзды такого рода дѣлаются обыкновенно очень легко, словно на коврѣ-самолетѣ. Въ третьей главѣ авторъ описываетъ семейную размолвку, а въ четвертой героиня оказывается уже въ Петербургѣ или Москвѣ, и по щучьему велѣнію являются къ ней уроки и переводы, и начинается блаженство самостоятельной, умственной жизни. Въ дѣйствительности же очень часто вся жизнь развитой личности разбивается изъ-за нѣсколькихъ рублей, которые ей негдѣ бываетъ достать на первыхъ порахъ, при всемъ умственномъ развитіи.

Предположимъ, что и эта вторая преграда была бы пройдена. Пріѣхала бы Катерина не въ какой-нибудь губернскій городъ, даже не въ Москву, а въ Петербургъ, въ этотъ центръ умственной жизни всей Россіи,—въ Петербургъ, гдѣ столько развитыхъ, хорошихъ людей, столько полезныхъ книгъ, гдѣ и уроки, и переводы, и мало ли какихъ только нѣтъ занятій, гдѣ, наконецъ, существуетъ женскій вопросъ, лучи котораго расходятся по всѣмъ городамъ Россіи. Первымъ дѣломъ для осуществленія своего стремленія къ самостоятельной жизни Катеринѣ пришлось бы искать труда. Но гдѣ эти женскіе труды, не въ книгахъ и отвлеченныхъ теоріяхъ, а въ живой дѣйствительности? Развѣ общія условія жизни нашей создали такую массу этихъ трудовъ, чтобы хватило ея на всѣхъ работницъ? Развѣ, напротивъ того, эти общія условія жизни не таковы, что они и то скудное количество женскихъ трудовъ, какое имѣется, стараются всячески сократить и, если можно, совсѣмъ уничтожить? Скоро ли найдетъ трудъ Катерина? Не придется ли ей скорѣй помереть съ голоду, чѣмъ найти? Да и какой трудъ можетъ она найти: уроки, переводы, швейное мастерство, повивальное? Или пойдетъ она въ няньки, въ кухарки, въ телеграфистки, въ актрисы? Вотъ и все, что она можетъ имѣть въ виду. При самыхъ лучшихъ условіяхъ, одинъ изъ этихъ трудовъ можетъ даровать ей такое счастіе, что она не умретъ съ голоду. Мы не будемъ уже говорить о тѣхъ притѣсненіяхъ, униженіяхъ, насмѣшкахъ и всякаго рода двухсмысленныхъ, глупыхъ намекахъ, которые ей придется терпѣть ежедневно! Ну и гдѣ же эта самостоятельная умственная жизнь, полная наслажденія, гдѣ это разливаніе свѣта вокругъ себя? Проработавъ 10 часовъ надъ какимъ-нибудь каторжнымъ, отупляющимъ трудомъ,—усталая, утомленная, она будетъ ложиться на свою жесткую постель и засыпать свинцовымъ сномъ, чтобы завтра снова приняться за то же, а черезъ недѣлю та же жизнь сухая, черствая, монотонная, безъ всякой цѣли впереди, безъ всякаго малѣйшаго теплаго и свѣтлаго луча, который освѣтилъ и согрѣлъ бы ея жизнь.

Я вовсе не хочу сказать этимъ, что для развитыхъ личностей только и остается, что одна дорога Катери-

ны. Напротивъ, наблюдаемые факты жизни показываютъ намъ, что нѣкоторымъ, хотя очень немногимъ труженицамъ, удается устроить свою жизнь на столько сносно, что онѣ и обезпечиваютъ себя, и приносятъ пользу ближнимъ. Большинство же другихъ, не особенно заботящихся объ осуществленіи въ своихъ личностяхъ высшихъ нравственныхъ идеаловъ, спасаются тѣмъ, что дѣлаютъ кой-какія уступочки жизни, выходятъ очень выгодно замужъ и опираясь на благодѣтелей мужей, трудятся исподволь по силамъ и стараются приносить пользу, какую могутъ. Я вовсе не намѣренъ обвинять это большинство. Я постоянно ратую противъ того жестокаго взгляда на вещи, который, возлагая на энергію отдѣльнаго человѣка и устройство своего счастія, и осуществленіе высшихъ нравственныхъ идеаловъ, требуетъ, чтобы человѣкъ въ каждую минуту жизни своей стоялъ руки по швамъ и чтобы обстоятельства не могли на него дѣйствовать, хотя бы они представлялись въ видѣ всепоглощающаго океана. Напротивъ того, я говорю и буду продолжать говорить, чтобъ люди бросили напрасныя усилія осуществлять въ своихъ личностяхъ такіе идеалы, осуществленіе которыхъ невозможно при данныхъ условіяхъ жизни, а все свое вниманіе устремили на переработку этихъ условій. Въ силу такого взгляда я не только не желаю обвинять, но готовъ отнестись съ полнымъ сочувствіемъ къ тѣмъ женщинамъ, которыя если и пошли по рутинной повидимому дорожкѣ, т. е. вышли замужъ и живутъ насчетъ мужей, но весь свой досугъ употребляютъ на то, чтобы создать лучшія условія жизни для того, чтобы труженицамъ будущихъ поколѣній ничего не стоило осуществлять высшіе нравственные идеалы, ни сколько объ этомъ не заботясь.

Я хотѣлъ только показать, что не одно невѣжество, не одни карлики и дѣти, какъ выразился Писаревъ, способны на такой выходъ, какой избрала себѣ Катерина. „Вѣчный ребенокъ все терпитъ и все печалится; а потомъ, какъ прорветъ его, онъ и хватитъ заразъ, да ужъ такъ хватитъ, что или самого себя, или своего собесѣдника уложитъ на мѣстѣ“, говоритъ Писаревъ на 225 страницѣ, предполагая, напротивъ того, что развитые люди неспособны на такіе концы, они не печалятся, не терпятъ, а сіяютъ постоянно восторгомъ своего умственнаго превосходства и разливаютъ вокругъ себя свѣтъ, неуклонно облегчая страданія ближнихъ. На дѣлѣ же выходитъ, что Катерина, еслибы она была личностью развитою, могла бы страдать еще болѣе и еще энергичнѣе, пожалуй, устремилась бы къ тому же самому исходу. Если, съ другой стороны, мы предположимъ обстоятельства, равно благопріятныя какъ для развитой личности, такъ и для Катерины, то хотя развитая личность и принесла бы болѣе добра, чѣмъ Катерина, но и послѣдняя, при всей ея неразвитости, разливала бы вокругъ себя порядочную долю свѣта; она возбуждала бы въ окружающихъ людяхъ хорошіе инстинкты и помыслы—просто въ силу своей нравственно-чистой, цѣльной, глубокой натуры. Наконецъ такого рода натуры не могутъ оставаться на мѣстѣ и почивать въ сладкомъ снѣ: Катерина непремѣнно рвалась бы къ развитію, свѣту, и увлекала бы другихъ за собою. Среди темныхъ и неразвитыхъ людей мы видимъ иногда появленіе цѣльныхъ, сохранившихся натуръ, которыя, при благопріятныхъ условіяхъ, становятся впереди массы, вліяютъ на нее обаяніемъ своей личности и ведутъ ее за собою. Катерина представляется намъ одной изъ такихъ личностей, и если она не была развита, не занималась естественными науками, не устраивала счастія себѣ и другимъ, то виною этому были обстоятельства, а сама она все-таки остается лучомъ свѣта въ темномъ царствѣ.

IX.

Теперь мы обратимся къ статьѣ Писарева „Пушкинъ и Бѣлинскій“, въ которой онъ имѣетъ дѣло съ явленіями прошлой нашей жизни. Здѣсь мы увидимъ точку зрѣнія, опять-таки исключительно моральную. Моралисты обыкновенно къ прошлому относятся съ тѣмъ же нравственнымъ масштабомъ, какъ и къ настоящему. Какъ мало обращаютъ они вниманія на условія, вліяющія на жизнь ихъ времени, такъ и на условія прошлыхъ вѣковъ. Въ современномъ намъ ученомъ мірѣ мы имѣемъ одного такого моралиста—г. Ор. Миллера. Прочтите вы его различныя ученыя изслѣдованія, и вы увидите, что какіе бы памятники искусства онъ ни разбиралъ, онъ обращаетъ вниманіе не на то, какое значеніе имѣли они въ связи со своимъ вѣкомъ, а на то, на сколько они удовлетворяютъ его собственному нравственному кодексу. Ему, напримѣръ, кажется, что памятники древней Индіи нравственнѣе греческихъ—онъ и ставитъ имъ лучшій балъ въ поведеніи, чѣмъ послѣднимъ. Отношеніе къ прошлому у Писарева совершенно такое же, какъ у г. Ор. Миллера. И тѣмъ болѣе трудно бываетъ уловить ложность такого отношенія, что моралисты съ своей точки зрѣнія бываютъ обыкновенно совершенно правы. Такъ, читая вышеозначенную статью Писарева, вы встрѣчаете на каждой страницѣ много мыслей, съ своей точки зрѣнія истинныхъ, съ которыми вы не можете не согласиться. Можете ли вы не согласиться, что Евгеній Онѣгинъ, какимъ бы Пушкинъ ни выставлялъ его умнымъ и блестящимъ, а Бѣлинскій несчастнымъ, все-таки въ концѣ-концовъ праздный и безполезный филистеръ, что Татьяна, какими бы природными качествами ни была она надѣлена, все-таки не можетъ выдержать ни малѣйшаго сравненія съ умною, развитою, энергическою труженицею нашего времени? Все это, безспорно, справедливо. Но въ то же время, читая статью Писарева, вы чувствуете что въ ней недостаетъ чего-то существеннаго, и такого притомъ, безъ чего, какъ ни справедливы всѣ вышеозначенныя мысли, онѣ нисколько не рѣшаютъ вопроса о значеніи Пушкина въ нашей литературѣ и типа Онѣгина въ нашей жизни.

Представьте вы себѣ, что вы разсматривали бы картину съ глубокою перспективою. Естественно, что художникъ на первомъ планѣ изобразилъ фигуры, которыя должны вамъ представляться вдесятеро громаднѣйшими, чѣмъ тѣ колоссальнаго, быть можетъ, роста люди, которые стоятъ на заднемъ планѣ. Вдругъ является человѣкъ и на основаніи непосредственнаго наблюденія начинаетъ доказывать вамъ, что близь стоящія фигуры дѣйствительно больше тѣхъ гигантовъ, которые находятся въ отдаленіи. Какъ убѣдите вы собесѣдника въ его заблужденіи, если онъ беретъ

въ руки циркуль, сначала прилагаетъ его къ однѣмъ фигурамъ, потомъ къ другимъ, и дѣствительно первыя занимаютъ больше мѣста на холстѣ, чѣмъ послѣднія?

Для публициста и критика необходимо знаніе своего рода перспективы, которую можно назвать историческою. Отсутствіе этого знанія можетъ завести писателя въ непроходимыя трущобы. Вы посмотрите, до какихъ курьезныхъ выводовъ дошли нѣкоторые западные экономисты, не принявши во вниманіе законовъ исторической перспективы: усматривая въ исторіи культуры Европы, что современные рабочіе во многихъ первыхъ потребностяхъ жизни обезпечены гораздо болѣе, чѣмъ рабочіе прежнихъ временъ, а американскіе рабочіе еще того болѣе, они пришли прямо къ тому выводу, что, слѣдовательно, никакихъ соціальныхъ улучшеній быта рабочихъ не требуется, что достаточно одного промышленнаго прогресса, который и безъ того самъ собою улучшаетъ съ каждымъ вѣкомъ бытъ рабочихъ. Лассаль, въ одной изъ своихъ брошюръ, сдѣлалъ отличное возраженіе противъ экономистовъ подобнаго рода, напомнивъ имъ, что короли германскихъ дикарей жили хуже современныхъ намъ рабочихъ. Въ самомъ дѣлѣ, не говоря уже о современномъ работникѣ, послѣдній нищій, питающійся подаяніемъ, неимѣющій угла, ночующій гдѣ-нибудь на ступеняхъ храма, покрытый жалкими рубищами, въ то же время гораздо болѣе обезпеченъ и пользуется большими удобствами, чѣмъ пользовался король германскихъ дикарей: спать на ступеняхъ храма цивилизованнаго города—во всякомъ случаѣ безопаснѣе, чѣмъ въ какой-нибудь пещерѣ или въ лѣсу; гораздо вѣрнѣе разсчитывать на обѣдъ, хоть и очень скудный, собранный въ видѣ мѣдныхъ грошей отъ доброхотныхъ дателей, чѣмъ надѣяться на удачу охоты, съ плохимъ первобытнымъ оружіемъ, въ видѣ какого-нибудь заостреннаго дреколія, и ужь, конечно, лучше хоть лохмотьями, да прикрыть наготу, чѣмъ рисковать иногда остаться нагишемъ совсѣмъ безъ всякаго одѣянія; да и вообще лохмотья, какъ бы они ни были ужасны на видъ, а все-таки удобнѣе для тѣла, чѣмъ жесткіе безобразные куски звѣриныхъ шкуръ, составлявшіе нѣкогда королевскую мантію какого-нибудь предводителя тевтоновъ. Заблужденіе заключается здѣсь въ томъ, что экономисты поступаютъ совершенно такъ-же, какъ и вышеупомянутый вашъ собесѣдникъ, который съ циркулемъ въ рукахъ доказываетъ вамъ, что люди, стоящіе на первомъ планѣ картины, выше людей, стоящихъ на заднемъ. А еслибы они приняли въ разсчетъ законы исторической перспективы, они убѣдились бы, что положеніе рабочихъ не улучшилось, а ухудшилось: какъ и прежде, такъ и теперь, они заработываютъ послѣдній минимумъ, необходимый для существованія; этотъ минимумъ увеличился съ вѣками, потому что съ развитіемъ цивилизаціи люди сдѣлались менѣе сильны, терпки и выносливы, необходимыя потребности осложнились и увеличились вмѣстѣ съ тѣмъ; ужь на что иногда закалится, привыкнетъ къ голоду и къ холоду какой-нибудь бездомный бродяга, а и онъ не вынесъ бы, можетъ быть, и года той жизни, какую вели дикари. Поэтому минимумъ существованія необходимо долженъ былъ подняться; но все-таки онъ представляетъ минимумъ, съ уменьшеніемъ котораго существованіе современнаго человѣка дѣлается невозможнымъ.

Къ этому нужно еще прибавить, что медленное возрастаніе минимума идетъ далеко неравномѣрно съ быстрымъ возрастаніемъ первыхъ потребностей съ каждымъ вѣкомъ. Было время, когда люди, плохо одѣтые, жили по большей части на чистомъ воздухѣ—и это не мѣшало имъ пользоваться желѣзнымъ здоровьемъ и доживать до глубокой старости. Нынѣ теплая одежда и теплое жилище сдѣлалось одною изъ первыхъ необходимостей жизни; организмъ европейца дошелъ до такой утонченности, что не только жизнь на чистомъ воздухѣ, а въ мало-мальски холодной и сырой квартирѣ—быстро его истощаетъ и разрушаетъ. Но возросъ ли вмѣстѣ съ этимъ минимумъ заработной платы на столько, чтобы масса рабочихъ могла пользоваться теплою одеждою и жильемъ, благопріятнымъ для здоровья?

Въ жизни образованнаго общества есть своего рода минимумъ для удовлетворенія разныхъ нравственныхъ, умственныхъ и общественныхъ потребностей образованнаго человѣка. Минимумъ этотъ тоже принужденъ возвышаться вмѣстѣ съ прогрессивнымъ развитіемъ умственныхъ и нравственныхъ потребностей съ каждымъ вѣкомъ, и весьма важно и поучительно прослѣдить, дѣйствительно ли онъ возвышается пропорціонально съ развитіемъ идей и потребностей вѣка.

«Время Бельтовыхъ, Чацкихъ и Рудиныхъ прошло навсегда съ той минуты, какъ сдѣлалось возможнымъ появленіе Базаровыхъ, Лопуховыхъ и Рахметовыхъ; но мы, новѣйшіе реалисты, чувствуемъ свое кровное родство съ этимъ отживившимъ типомъ; мы узнаемъ въ немъ нашихъ предшественниковъ, мы уважаемъ и любимъ въ немъ нашихъ учителей, мы понимаемъ, что безъ *нихъ* не могло бы быть и *насъ*. Но съ онѣгинскимъ типомъ мы не связаны рѣшительно ничѣмъ; мы ничѣмъ ему не обязаны; это типъ безплодный, неспособный ни къ развитію, ни къ перерожденію; онѣгинская скука не можетъ произвести изъ себя ничего, кромѣ нелѣпостей и гадостей. Онѣгинъ скучаетъ, какъ толстая купчиха, которая выпила три самовара и жалѣетъ о томъ, что не можетъ выпить ихъ тридцать три. Еслибъ человѣческое брюхо не имѣло предѣловъ, то онѣгинская скука не могла бы существовать. Бѣлинскій любитъ Онѣгина по недоразумѣнію, но со стороны Пушкина тутъ нѣтъ никакихъ недоразумѣній».

Такъ говоритъ Писаревъ на 157 стр. 3 ч. Но что, если, вооружаясь историческою перспективою, мы увидимъ вдругъ, что Онѣгинъ былъ своего рода писаревскій Базаровъ 20-хъ годовъ, и что если подобная аналогія послужитъ намъ вовсе не для возвышенія Онѣгина во мнѣніи публики, а напротивъ того, для значительнаго пониженія мнимой титаничности писаревскаго Базарова? Что, если мы увидимъ, что современные намъ лучшіе люди показались Писареву какими-то колоссами только потому, что они стояли на первомъ планѣ предъ его глазами, въ дѣйствительности же, если мы подвинулись хоть на одинъ шагъ отъ Онѣгина и Печориныхъ, то это случилось только благодаря тому, что самыя условія жизни нѣсколько измѣнились; но это измѣненіе такъ ничтожно въ сущности и условія жизни такъ мало гарантированы противъ обратнаго ихъ измѣненія, что очень и очень не много нужно, чтобъ они снова встали на ту точку, на которой стояли во время Онѣгина, и тогда если не

всѣмъ, то многимъ изъ современныхъ намъ людей ничего не стоитъ снова сдѣлаться Онѣгиными и Печориными своего рода. А съ другой стороны, вооружась законами исторической перспективы, мы увидимъ, что Пушкинъ въ свое время принесъ своему поколѣнію столько же пользы, сколько приносятъ современные намъ лучшіе дѣятели литературы.

X.

Болѣе всего, повидимому, вооружило Писарева противъ Онѣгинскаго типа то, что въ то время, какъ Пушкинъ писалъ свой романъ, въ жизни нашей существовала особенная среда людей, имѣвшая право относиться презрительно къ герою романа Пушкина. Среда эта въ глазахъ Писарева стояла во главѣ русской интеллигенціи того времени, Онѣгинъ же вовсе не принадлежалъ къ этой средѣ.

«Если вы пожелаете узнать, говоритъ Писаревъ на 179 стр. 3 ч., чѣмъ занималась образованнѣйшая часть русскаго общества въ двадцатыхъ годахъ, то энциклопедія русской жизни (т.-е. романъ Пушкина) отвѣтитъ вамъ, что эта образованнѣйшая часть ѣла, пила, плясала, посѣщала театры, влюблялась и страдала то отъ скуки, то отъ любви. И только?—спросите вы.—И только! отвѣтитъ энциклопедія.—Это очень весело, подумаете вы, но не совсѣмъ правдоподобно. Неужели въ тогдашней Россіи не было ничего другаго? Неужели молодые люди не мечтали о карьерахъ и не старались проложить себѣ, такъ или иначе, дорогу къ богатству и къ почестямъ? Неужели каждый отдѣльный человѣкъ былъ доволенъ своимъ положеніемъ и не шевелилъ ни однимъ пальцемъ для того, чтобы улучшить это положеніе? Неужели Онѣгину приходилось презирать людей только за то, что они очень громко стучали каблуками во время мазурки? И неужели не было въ тогдашнемъ обществѣ такихъ людей, которые не задергивали мыслителей XVIII вѣка траурной тафтой и которые могли смотрѣть на Онѣгина съ такимъ же презрѣніемъ, съ какимъ самъ Онѣгинъ смотрѣлъ на Буянова, Пустякова и разныхъ другихъ представителей провинціальной фауны? На послѣдній вопросъ энциклопедія отвѣчаетъ совершенно отрицательно. По крайней мѣрѣ, мы видимъ, что Онѣгинъ на всѣхъ смотритъ сверху внизъ и что на него самого не смотритъ такимъ образомъ никто. Всѣ остальные вопросы оставлены совершенно безъ отвѣта».

Но прежде чѣмъ обвинять Пушкина, зачѣмъ онъ въ своемъ романѣ не вывелъ одного изъ людей, не задергивавшихъ тафтою мыслителей XVIII вѣка, мы взглянемъ пристальнѣе въ вѣкъ Пушкина и освѣдомимся, много ли было такихъ людей, и каково было все общество того времени.

Въ нашей литературѣ уже съ незапамятныхъ временъ весьма не рѣдко и не ново представленіе старой жизни нашего общества, въ видѣ жизни чисто восточной, азіатской. Какъ ни старо такое сравненіе, а его трудно избѣгнуть, едва только начинаешь разсматривать какую-нибудь изъ прожитыхъ нами эпохъ, хотя бы даже эпоху Пушкина.

Въ самомъ дѣлѣ, представьте себѣ общество, въ которомъ мало того, что не было той живой, горячей, бьющей ключемъ общественной жизни, которою полна Европа, но въ которомъ личная и семейная жизнь была замкнута въ тѣсныя рамки цѣлой системы обрядовъ и обычаевъ, заранѣе установленныхъ и опредѣляющихъ каждый шагъ человѣка, такъ что едва человѣкъ родился, можно предсказать въ точности всю жизнь его до гробовой доски—и вотъ вамъ общество временъ Пушкина. Читая бездну мемуаровъ, автобіографій или біографій людей того времени, удивляешься тому мертвому однообразію, той чисто восточной обычности, по которымъ слагалась въ то время жизнь людей,—и людей, не забудьте, выдающихся, жизнь которыхъ, при всемъ своемъ однообразіи, все-таки отличалась отъ жизни тысячъ людей. Едва юноша кончалъ курсъ въ какомъ-нибудь схоластическомъ заведеніи, послѣ скуднаго образованія, болѣе для соблюденія обычая, чѣмъ для чего-нибудь инаго, родители приводили молодаго человѣка къ какому-нибудь благодѣтелю; здѣсь слѣдовало обычное количество поклоновъ, обычное количество всякаго рода пожеланій, просьбъ не оставить молодого птенца безъ руководящей маститой руки опытности и замѣнить ему родителей. Затѣмъ молодой человѣкъ начиналъ свою карьеру, и не будемъ обвинять его, если, по примѣру своихъ родителей, по примѣру всей окружающей его среды, онъ смотрѣлъ на своего благодѣтеля съ благоговѣніемъ, какъ на своего новаго отца, если онъ съ безпрекословнымъ почтеніемъ выслушивалъ его нелѣпыя замѣчанія, его грубости, иногда незаслуженныя оскорбленія. Такъ поступали всѣ, такъ поступалъ и нашъ юноша: въ обыденный день являлся онъ къ своему благодѣтелю на званый обѣдъ или вечеръ, и тамъ заранѣе все было опредѣлено: кто какъ ему поклонится, кто сколько скажетъ ему словъ и какимъ тономъ, на какое мѣсто его посадятъ, даже какое вино поставятъ передъ его приборомъ, и самъ онъ заранѣе долженъ былъ начертить въ головѣ планъ, кому какъ поклониться, кому что сказать и даже съ кѣмъ говорить, а кого и вовсе не замѣтить;—и это предстояло испытывать и продѣлывать не только на благодѣтельскихъ вечерахъ и обѣдахъ, но и вообще, куда бы ни являлся юноша въ домъ, въ какое-бы общество ни показывался. Главную, исключительную науку жизни составляло знаніе тѣхъ китайскихъ обрядовъ и обычаевъ, безъ которыхъ человѣку невозможно было ступить въ общество, но за то знаніе которыхъ отворяло человѣку широкую дверь къ достиженію какихъ угодно цѣлей. Подобная обрядность жизни вырабатывала Фамусовыхъ и Молчалиныхъ—и нужно сказать, что типы эти были не однимъ исключительнымъ проявленіемъ чиновничества: они были преобладающими типами общества во всѣхъ сферахъ, не исключая науки и литературы. Большинство нашихъ ученыхъ, поэтовъ и журналистовъ—были Фамусовы или Молчалины съ ногъ до головы: то-есть, если добивались чего-нибудь въ жизни, то только смотря по тому, на сколько извѣстна была имъ фамусовская наука стоянія въ переднихъ, поклоновъ и всякаго рода церемоній. Вся жизнь людей была ничѣмъ инымъ, какъ постояннымъ переходомъ отъ однихъ благодѣтелей къ другимъ, отъ низшихъ къ высшимъ, отъ павшихъ къ возвысившимся—и не только общественная дѣятельность, но и частная жизнь—женитьба, развлеченія, костюмъ, домашнія привычки—все это зависѣло не отъ личнаго вкуса и свойства темперамента или развитія, а отъ заранѣе опредѣленныхъ обычныхъ

рамокъ, малѣйшее отклоненіе отъ которыхъ возбуждало бурю общественнаго инѣнія, какъ нѣчто святотатственное, какъ покушеніе на ниспроверженіе религіи, нравственности и даже общественнаго порядка. И эти люди, слагавшіе свою жизнь съ китайскою обрядностью, чинностью и церемонностью, имѣли свою литературу; они, которые въ жизни ничего не знали лучшаго, кромѣ обѣда, который ѣлъ бы три часа, а три дня не сварилось,—любили поэзію, и мало того, что любили, а превозносили ее и ставили ее чуть не наравнѣ съ религіею. Они, погрязая въ самой беззавѣтной пошлости жизни, благоговѣли передъ искусствомъ гораздо болѣе, чѣмъ благоговѣемъ мы, и требовали, чтобы искусство возвышало ихъ отъ земнаго и постоянно твердило имъ о разныхъ возвышенныхъ предметахъ. Ничего тутъ нѣтъ удивительнаго. Какъ ни странно съ перваго взгляда совпаденіе романтическаго паренія мыслей горѣ и фамусовской пошлости въ жизни, но это совпаденіе мало того, что естественно, а необходимо. Европеецъ, въ истинномъ значеніи этого слова, на религію, искусство, науку смотритъ по степени своего развитія, какъ на нѣчто такое, отъ чего ждетъ онъ совѣта, отвѣта на то, какъ ему жить и дѣйствовать. Но представьте вы себѣ китайца, у котораго жизнь слагается по обрядамъ и обычаямъ, заранѣе установленнымъ и непреложнымъ. Для руководства въ жизни такого человѣка нужно только знаніе этихъ обычаевъ и обрядовъ и соблюденіе ихъ. Это знаніе пріобрѣтается практическимъ опытомъ помимо книжекъ, какого бы онѣ содержанія ни были—духовнаго, научнаго или поэтическаго. Но природа такого человѣка, погрязая въ тинѣ пошлости и грязи, опутанная мелкими обычаями и обезличенная, будетъ постоянно искать и жаждать такихъ минутъ, въ которыя она чувствовала бы себя высоко стоящею надъ житейскою пошлостью и свободною отъ всѣхъ оковъ, хотя бы эта свобода была фиктивная, мнимая. Экзальтація, минутное или постоянное отрѣшеніе отъ реальной жизни и пареніе въ разныхъ отвлеченныхъ сферахъ постоянно являются тамъ, гдѣ жизнь пошла, мелка, скована въ опредѣленныя, тѣсныя рамки и гдѣ личность совершенно обезличена. Чѣмъ пошлѣе былъ какой-нибудь Фамусовъ, тѣмъ болѣе было у него потребности прослезиться при видѣ какой-нибудь похоронной процессіи и вознести мысли горѣ, тѣмъ естественнѣе было ему, который въ своей жизни совершенно расходился съ требованіями той религіи, которую исповѣдывалъ, искать въ этой религіи минутныхъ пареній и забвенія всего земнаго, чтобы потомъ еще глубже погрязнуть въ своей пошлости. Точно того же искалъ Фамусовъ и въ литературѣ. Поэзія, по его мнѣнію, должна была быть такая, которая, высокимъ слогомъ говоря о высокихъ предметахъ, отвлекала бы его на нѣсколько минутъ отъ пошлой жизни и поселяла бы въ иной міръ, гдѣ не было бы ни званыхъ обѣдовъ, ни чинныхъ поклоновъ. Это было, однимъ словомъ, требованіе пьяницы, ищущаго въ винѣ забвенія. И Фамусовъ находилъ, чего искалъ. Поэзія того времени была или ложно-классическая, или романтическая, смѣнившая первую. Какъ та, такъ и другая школы стоятъ въ этомъ отношеніи совершенно на одной ногѣ. Романтизмъ, который смѣнилъ у насъ ложный классицизмъ, нисколько не подвинулъ впередъ литературу или общество: въ то время, какъ классики, начиная съ Ломоносова и кончая Дмитріевымъ, доставляли своимъ современнымъ людямъ забвеніе, поселяя ихъ въ міръ классическихъ ходульныхъ героевъ, говорившихъ нечеловѣческимъ языкомъ, пылавшихъ нечеловѣческими страстями и производившихъ нечеловѣческіе подвиги, Жуковскій увлекъ своихъ современниковъ въ міръ вѣдьмъ, чертей и печальныхъ рыцарей, изнывающихъ при блескѣ луны. Теперь представьте вы себѣ, что въ этомъ обществѣ явилось нѣсколько десятковъ людей, увлекшихся западными мыслителями XVIII вѣка, и мало того, что рѣшившихся устраивать свою частную жизнь не по установленнымъ обычаямъ, но дерзнувшихъ мечтать о томъ, чтобы всю жизнь устроить на иныхъ основаніяхъ. Люди эти такъ мало общаго имѣли со всею массою общества и настолько опередили ее, что ихъ скорѣе можно назвать исключеніемъ, чѣмъ передовымъ слоемъ своего времени. Что они не имѣли ничего общаго съ жизнію своего времени, это видно изъ той замкнутости и совершенной изолированности, въ которой находилась та сторона ихъ жизни, въ которой они видѣли свое призваніе. Они не имѣли возможности создать хотя бы школу въ литературѣ, свое особенное направленіе, они не могли и заикнуться о своихъ идеяхъ, а издавали альманахи, которые наполняли тѣми же романтическими рыцарями и дѣвами, какіе были тогда въ модѣ и слѣдовательно, угождали Фамусовымъ и Молчалинымъ, искавшимъ въ поэзіи минутной экзальтаціи, а свои идеи, свои мечты глубоко зарывали въ тайникахъ своихъ кабинетовъ. Когда потомъ одни изъ этихъ людей сошли со своего поприща,—другіе задернули тафтою мыслителей XVIII вѣка и погрязли въ житейской пошлости, или же предались той же онѣгинской скукѣ и праздности. Онѣгинъ и по своему образованію, и по складу всей своей жизни представляется намъ, конечно, далеко ниже этихъ людей. Но въ то же время онъ представляетъ въ своей личности столько живыхъ и свѣжихъ элементовъ сравнительно съ общимъ строемъ современной ему жизни, что и его, при всемъ его ничтожествѣ, невольно поставишь выше большинства его современниковъ.

Представьте вы себѣ, что Японія увлеклась бы европеизмомъ; высшіе классы Японіи одѣлись бы въ европейскіе костюмы, завели бы европейское войско, европейскій флотъ, два-три университета и два-три трактира на европейскую ногу. Но жизнь оставалась бы все та же японская, какая была и прежде, и личность въ этой жизни, по прежнему, была бы опутана и подавлена японскими обычаями и церемоніями. Явились бы въ Японіи и литераторы; но они, упорно отвращая свои взоры отъ всего японскаго, только и дѣлали бы, что высокопарнымъ слогомъ воспѣвали героевъ европейской древности или средневѣковаго рыцарства. И вдругъ, среди этой японской жизни явилась бы цѣлая среда людей, которые впервые додумались бы до самыхъ элементарныхъ идей свободы личности. Предположимъ, что эту свободу они понимали бы вовсе не въ видѣ какой-либо гражданской или политической свободы, а просто въ видѣ сознанія своего человѣческаго достоинства, сознанія чести, нравственнаго бла-

городства и независимости. Эти новыя въ японской жизни убѣжденія они сейчасъ же начали бы примѣнять на практикѣ; подобное примѣненіе было бы весьма невиннаго свойства: оно заключалось бы только въ томъ, что новые люди сбросили бы съ себя иго обычаевъ и церемоній, на которые современники ихъ смотрѣли, какъ на нѣчто, безъ чего невозможно существованіе. Являясь куда-нибудь въ домъ, они перестали бы заниматься глубокомысленнымъ обдумываньемъ, кому какой сдѣлать реверансъ, кому сказать какую пріятную нѣжность. Какъ европейцы, они кланялись бы просто, безъ затѣй, кому имъ хотѣлось, разговаривали бы, о чемъ пришло въ голову, и нисколько при этомъ не помышляли бы о снисканіи благорасположенія такого-то великаго лица, объ избѣжаніи немилости другого. Въ то же время въ своей частной жизни они рѣшились бы слѣдовать своимъ личнымъ вкусамъ и прихотямъ, нисколько не стѣсняясь тѣми обычаями, по которымъ въ глазахъ большинства японцевъ должна была бы быть расположена жизнь всякаго порядочнаго японца. Предположимъ, что эта свободная жизнь по личнымъ вкусамъ и прихотямъ не представляла бы никакого инаго содержанія, кромѣ необузданнаго кутежа и донъ-жуанства. Такая жизнь, конечно, казалась бы безсодержательна, пуста и пошла съ современной намъ точки зрѣнія, но для японцевъ это былъ бы огромный шагъ впередъ; старые японцы смотрѣли бы на эту жизнь, какъ на нѣчто новое, неслыханное и невиданное; они подняли бы цѣлую бурю противъ этихъ новыхъ людей, какъ противъ опасныхъ нововводителей, безнравственныхъ чудовищъ, дерзнувшихъ ниспровергнуть освященные вѣками прадѣдовскіе законы и обычаи. За то всѣ молодые и свѣжіе японцы не замедлили бы толпами присоединиться къ этимъ новымъ людямъ.

Совершенно такое же явленіе мы видимъ въ нашей жизни временъ Пушкина. Молодые, свѣжіе люди, явившіеся на поприще жизни послѣ войны 1812 г., внесли въ жизнь рядъ новыхъ убѣжденій о благородствѣ, о чести, о независимости личности, и вмѣстѣ съ этимъ саркастическое отношеніе къ прежней жизни, расположенной по извѣстнымъ темпамъ и обычаямъ. Отношеніе ихъ къ прежней жизни, правда, ограничивалось однимъ отрицаніемъ; они въ сущности только и дѣлали, что не слѣдовали примѣру своихъ соотечественниковъ: не торчали въ переднихъ, не кланялись сильнымъ міра и вмѣсто благоразумнаго устройства карьеры—занимались кутежами, донъ-жуанствомъ, или тѣшились маленькими шалостями, въ сущности ребяческими, но которыя были направлены постоянно на осмѣяніе какой-нибудь пошлости и протестъ противъ рутинной обрядности жизни. Но столько было чопорности, чинности, натянутости въ жизни общества того времени, что всего этого взятаго вмѣстѣ достаточно было, чтобы люди эти прослыли опасными вольнодумцами, нарушителями общественнаго порядка и благочинія. Достаточно было Чацкому посмѣяться надъ китайскимъ обычаемъ:

> У покровителей зѣвать на потолокъ,
> Явиться помолчать, пошаркать, пообѣдать,
> Подставить стулъ, поднять платокъ...

для того, чтобы Фамусовъ въ ужасѣ вскричалъ:

> Онъ вольности изволитъ проповѣдать.

Пушкину удалось только три года послѣ выпуска изъ лицея прожить въ столицѣ жизнью хоть сколько-нибудь свободною и независимою, и хотя эта жизнь по преимуществу заключалась въ бурныхъ кутежахъ молодости и невинныхъ свѣтскихъ развлеченіяхъ, но такъ-какъ отношеніе его къ окружавшимъ людямъ было совершенно иное, чѣмъ у массы людей, этого было достаточно, чтобы дальнѣйшее пребываніе его въ столицѣ сдѣлалось невозможнымъ:

«Поводомъ къ удаленію Пушкина изъ Петербурга—говоритъ біографъ Пушкина Аненнковъ—были *его собственная неосмотрительность, заносчивость въ мнѣніяхъ и поступкахъ*, которыя вовсе не лежали въ сущности его характера, но привились къ нему по легкомыслію молодости, и потому, что проходили тогда безъ осужденія (?). Этотъ недостатокъ общества, намъ уже, къ счастію, неизвѣстный, долженъ былъ проявиться сильнѣе въ натурѣ воспріимчивой и пламенной, какова была Пушкина. Не разъ переступалъ онъ черту, у которой остановился бы всякій болѣе разсудительный человѣкъ, и скоро дошелъ до края той пропасти, въ которую бы упалъ непремѣнно, еслибъ его не удержали снисходительность и попечительность начальства. Говорятъ, что наказаніе, ожидавшее Пушкина за грѣхи его молодости, было смягчено ходатайствомъ и порукой Н. М. Карамзина».

Вы посмотрите, какъ съ другой стороны относился къ пушкинскому кружку современникъ его В. И. Панаевъ, человѣкъ благоусмотрительный, чинный, поклонявшійся старымъ литературнымъ корифеямъ и вполнѣ усвоившій всю китайскую мудрость Фамусова:

«Литературное партизанство — говоритъ онъ въ своихъ воспоминаніяхъ (см. В. Евр., сент. 1867)—еще усилилось съ появленіемъ лицеистовъ, къ которымъ примкнули другіе молодые люди, сверстники ихъ по лѣтамъ. Они были (оставляя въ сторонѣ геніальнаго Пушкина) по большей части люди съ дарованіями, но съ непомѣрнымъ самолюбіемъ. Имъ хотѣлось поскорѣе войти въ кругъ писателей, поравняться съ ними. Поэтому, ухватясь за Пушкина, который тотчасъ сталъ на ряду съ своими предшественниками, окружили они нѣкоторыхъ литературныхъ корифеевъ, льстили имъ, а тѣ, съ своей стороны, за это ласкали ихъ, баловали. Напрасно нѣкоторые изъ нихъ: Дельвигъ, Кюхельбекеръ, Баратынскій старались войти со мною въ короткія сношенія: *мнѣ не нравилась ихъ самонадѣянность, рѣшительный тонъ въ сужденіяхъ, пристрастіе и не очень похвальное поведеніе: моя разборчивость не допускала сближенія съ такими молодыми людьми; я старался уклониться отъ ихъ короткости, даже не заплатилъ имъ визитовъ. Они на меня прогнѣвались, и очень ко мнѣ не благоволили. Впослѣдствіи они прогнѣвались на меня еще болѣе, вмѣстѣ съ Пушкинымъ, за то, что я не совѣтовалъ одной молодой, опрометчивой женщинѣ—съ ними знакомиться»*.

Но когда, въ отсутствіе Панаева въ Москвѣ, опрометчивая женщина познакомилась-таки съ кружкомъ Пушкина, благочестивая Москва пришла въ ужасъ отъ такого событія: „Пріятели Яковлева введены имъ въ домъ; насчетъ водворенія его пошли невыгодные для бѣдной Софьи Дмитріевны толки; отецъ, сестра перестали къ ней ѣздить. Глубоко всѣмъ этимъ огорченный, продолжаетъ Панаевъ, я выразилъ ей мое негодованіе, указалъ на справедливость моихъ предсказаній и прекратилъ мои посѣщенія“. Когда потомъ

Софья Дмитріевна умерла, ея родные и друзья не замедлили, конечно, объяснить ея смерть прямо, какъ слѣдствіе знакомства съ такими зловредными людьми, какъ друзья Пушкина. „Когда я рядомъ съ отцомъ ея—говоритъ Панаевъ — шелъ за ея гробомъ, онъ сказалъ мнѣ: если бы она слѣдовала вашимъ совѣтамъ и сохранила вашу дружбу—мы не провожали бы ее на кладбище". Чтобы еще нагляднѣе очертить отношеніе Пушкина и передовыхъ людей его времени къ современной имъ дѣйствительности и отношеніе этой дѣйствительности къ нимъ, выпишемъ одну строфу, непомѣщенную въ романѣ Пушкина:

Носилъ онъ красную рубашку,
Платокъ шелковый кушакомъ,
Армякъ татарскій на распашку
И шапку съ бѣлымъ козырькомъ;—
Но только симъ уборомъ чуднымъ,
Безнравственнымъ и безразсуднымъ,
Была весьма огорчена
Его сосѣдка Дурина,
А съ ней Мизинчиковъ. Евгеній,
Быть можетъ, толки презиралъ,
Быть можетъ, и про нихъ не зналъ;
Но всѣхъ своихъ обыкновеній
Не измѣнялъ въ угоду имъ:
За то былъ ближнимъ нестерпимъ.

Натуры мелкія, плоскія и пустыя вполнѣ удовлетворялись подобнаго рода ребяческими протестами противъ окружавшей ихъ пошлости. Наряжались они какими нибудь шутами, на зло Дуриной или Мизинчикову, требовавшимъ, чтобы человѣкъ ни однимъ пятнышкомъ на воротничкѣ рубашки не отличался отъ принятыхъ обычаевъ и приличій, осмѣивали какую нибудь ходячую пошлость, устраивали какой нибудь фантастическій кутежъ, идущій совершенно въ разрѣзъ съ законами порядочности, умѣренности и благочинія, въ родѣ тѣхъ кутежей Анатоля Курагина съ надзирателемъ, посаженнымъ верхомъ на медвѣдя, которые описаны въ романѣ Толстаго,—и такіе люди вполнѣ были счастливы и довольны своею жизнію. Но можетъ ли подобнаго рода отношеніе къ окружающей пошлости удовлетворить натуру мало-мальски глубокую, цѣльную, активную. Такая натура никогда не можетъ быть удовлетворена однимъ отрицательнымъ отношеніемъ къ жизни или одними безплодными мелкими протестами, выражаемыми въ предѣлахъ своей собственной личности; для нея необходимъ какой нибудь положительный трудъ, который приносилъ бы осязательную пользу людямъ,—а если нѣтъ такого труда, въ такомъ случаѣ никакой комфортъ, никакія развлеченія, никакія чувственныя, умственныя или моральныя утѣхи не могутъ удовлетворить человѣка, и удѣлъ такого человѣкъ—вѣчная скука праздности, вѣчная мучительная тоска, которую ничѣмъ не разсѣять, вѣчная жажда, удовлетворить которую нѣтъ человѣческой возможности. Эту скуку, тоску, жажду, эти муки Тантала испытывали всѣ лучшіе люди временъ Пушкина, и Евгеній Онѣгинъ является передъ нами представителемъ этихъ людей. Писаревъ совершенно правъ, говоря въ своей статьѣ, что скука Онѣгина прямо происходила отъ недостатка положительнаго, разумнаго и полезнаго труда въ его жизни, но онъ неправъ въ то же время во многихъ отношеніяхъ. Вопервыхъ, онъ неправъ, говоря, что скука Онѣгина не имѣетъ ничего общаго съ недовольствомъ жизнью, что въ этой скукѣ нельзя подмѣтить даже инстинктивнаго протеста противъ тѣхъ неудобныхъ формъ и отношеній, съ которыми мирится и уживается по привычкѣ и по силѣ инерціи пассивное большинство, что скука эта есть не что иное, какъ простое физіологическое послѣдствіе очень безпорядочной жизни; что, наконецъ, она есть видоизмѣненіе того чувства, которое нѣмцы называютъ Katzenjammer и которое обыкновенно посѣщаетъ каждаго кутилу на другой день послѣ хорошей попойки (см. 129 стр. ч. 3). Болѣзнь Katzenjammer, заключающаяся въ безпричинной хандрѣ, безпокойномъ настроеніи духа, соединенномъ съ угрызеніями совѣсти, есть явленіе минутное, скоропреходящее въ жизни кутилы и донъ-жуана; она является, какъ пресыщеніе послѣ излишествъ, и быстро проходитъ, смѣняясь новымъ разгуломъ и увлеченіями. Анатоль Курагинъ въ романѣ Толстаго „Война и миръ" тоже, по всей вѣроятности, могъ испытывать порою Katzenjammer, но едва являлся онъ на балъ или пріятельскую пирушку, онъ забывалъ о всѣхъ своихъ катценъямерахъ и увлекался виномъ и женщинами съ полнымъ самозабвеніемъ дикаря. И даже, когда подъ старость лѣтъ Курагины доходятъ до полнаго истощенія силъ, они, вслѣдствіе этого, вовсе не предаются онѣгинской скукѣ, не зѣваютъ на балахъ и балетъ имъ не надоѣдаетъ; не въ силахъ вкушать наслажденій молодости, они обыкновенно облизываются и таятъ, стараясь всячески возбуждать свою плоть какими нибудь насильственными способами. Онѣгинъ же былъ молодъ, силенъ, а между тѣмъ всѣ такъ-называемыя „наслажденія" опротивѣли ему; онъ скоро увидѣлъ мелкость и пошлость ихъ; они не могли удовлетворить въ немъ жажды жизни, и тоска Онѣгина была не чета Katzenjammer'у Курагина.

Съ другой стороны, Писаревъ неправъ, отдѣляя почему-то рѣзкою чертою типъ Онѣгина отъ типовъ Чацкаго, Рудина и Бельтова. Чацкій былъ тотъ же Онѣгинъ, только Онѣгинъ болѣе юный, неопытный, незнающій, какіе люди вокругъ него. Разочарованный Онѣгинъ зѣвалъ и молчалъ среди салоновъ, или отпускалъ какія нибудь короткія замѣчанія, сарказмы, потому что онъ очень хорошо зналъ, что проповѣдывать высокія идеи Фамусовымъ, князьямъ Тугоуховскимъ, Молчалинымъ или Загорѣцкимъ — все равно, что метать бисеръ передъ свиньями. Въ этомъ отношеніи Онѣгинъ представляется намъ гораздо умнѣе Чацкаго, который разражался громовыми тирадами въ салонѣ Фамусова не для чего инаго, какъ для того, чтобы прослыть сумасшедшимъ въ глазахъ людей, которые, не слушая его, преспокойно танцовали въ это время мазурку. Недаромъ, вслѣдствіе этого, роль Чацкаго не удавалась вполнѣ ни одному актеру, бравшемуся за нее, и никогда не удастся: актеру представляется здѣсь выполнить невозможное — представить передоваго человѣка, который казался бы зрителямъ умнѣе всѣхъ прочихъ дѣйствующихъ лицъ комедіи и въ то же время выдѣлывалъ-бы передъ публикой невообразимыя глупости. И эта глупость Чацкаго вовсе не природное качество его, которое ставило бы его безусловно ниже Онѣгина. Ее можно объяснить тѣмъ, что Чацкій со школьной скамьи прямо уѣхалъ за гра-

ницу. Тамъ, въ европейскихъ салонахъ, ему могло приходиться нерѣдко и самому высказывать свои завѣтныя идеи, и выслушивать проповѣдниковъ, громившихъ окружающее ихъ общество во имя тѣхъ или другихъ идеаловъ. Въ европейскихъ салонахъ подобнаго рода проповѣдники были нерѣдки въ концѣ прошлаго или началѣ нынѣшняго столѣтія; ихъ выслушивали спокойно, не считая сумасшедшими, и даже иногда увлекались ими. Подъ вліяніемъ такихъ впечатлѣній, пріѣхалъ Чацкій въ Москву, попалъ въ салонъ Фамусова и, видя европейскую обстановку этого салона, европейскіе костюмы, европейскій лоскъ,— естественно, какъ человѣкъ юный, неопытный, новичокъ въ московской жизни, принялъ салонъ Фамусова за дѣйствительно европейскій и началъ громогласно высказывать свои мысли и мнѣнія... Это былъ для него урокъ опытности, послѣ котораго, вѣроятно, онъ болѣе не повторялъ своихъ проповѣдей. И теперь подумайте, въ какомъ видѣ можно себѣ представить дальнѣйшую жизнь Чацкаго послѣ окончанія комедіи, когда онъ пошелъ отыскивать по свѣту, гдѣ оскорбленному есть чувству уголокъ? Конечно въ видѣ того же Онѣгина, постоянно мѣняющаго мѣста, постоянно путешествующаго, ищущаго чего-то новаго, живаго, свѣжаго, дѣятельнаго, что наполнило бы праздную жизнь его, что развѣяло бы скуку и тоску его, но нигдѣ въ то же время не находящаго ничего, кромѣ той же апатіи, чувственности, мелкости интересовъ и мертваго прозябанія чисто въ китайскомъ духѣ. Таковъ былъ Онѣгинъ, таковъ долженъ былъ сдѣлаться Чацкій; но развѣ не таковы были Рудины и Бельтовы? Если въ тоскѣ ихъ было болѣе сознательности, если они понимали болѣе Онѣгина, чего имъ недоставало въ жизни, и вслѣдствіе этого имѣли болѣе опредѣленныя стремленія, то въ результатѣ они приходили все къ той же тоскѣ и апатіи.

Втретьихъ, Писаревъ неправъ, предполагая, что Онѣгинъ самъ былъ виноватъ въ своей тоскѣ и апатіи: если тоска Онѣгина происходила вслѣдствіе праздности, думалъ Писаревъ, то Онѣгину, чтобы избавиться отъ тоски, стоило приняться за какой нибудь разумный и полезный трудъ, а онъ, вмѣсто этого, задернулъ тафтою мыслителей XVIII вѣка, — слѣдовательно, онъ пустой филистеръ и пошлякъ, не заслуживаетъ ни малѣйшаго уваженія, и Бѣлинскій совершенно неправъ, выставляя за образецъ лучшаго человѣка своего времени лѣнтяя, забросившаго книги подъ столъ (см. стр. 131—133 ч. 3). И въ этомъ отношеніи Писаревъ оказывается опять-таки моралистомъ, въ самомъ тѣсномъ смыслѣ этого слова. Для моралистовъ не существуетъ такихъ обстоятельствъ и условій, которыя они признавали бы неотразимыми въ томъ или другомъ случаѣ. Для нихъ существуетъ только извѣстное моральное правило, въ родѣ, напримѣръ: праздность есть мать всѣхъ пороковъ, и изъ него они прямо дѣлаютъ выводъ о годности или негодности человѣка. Если вы имъ возразите, что человѣкъ, отступившій отъ ихъ моральнаго правила, не могъ поступить иначе, вслѣдствіе такихъ-то и такихъ-то обстоятельствъ, они вамъ сейчасъ же возразятъ: ну, а зачѣмъ виновникъ не предусмотрѣлъ этихъ обстоятельствъ, зачѣмъ онъ не позаботился уклониться отъ нихъ, зачѣмъ онъ не боролся съ ними?—Онъ не могъ этого сдѣлать.—А, не могъ? Ну, такъ онъ никуда негодный человѣкъ, потому что только такой человѣкъ заслуживаетъ уваженія, который можетъ бороться съ обстоятельствами и борется. И дальше никакихъ возраженій моралистъ не захочетъ и слушать отъ васъ. Совершенно точно также поступаетъ Писаревъ. Онъ видитъ, что Евгеній Онѣгинъ началъ читать хорошія книги и потомъ вдругъ бросилъ ихъ. Затѣмъ Писаревъ взялъ во вниманіе то соображеніе, что Базаровъ, конечно, мыслителей XVIII столѣтія не забросилъ бы и не задернулъ тафтою, и изъ этого прямо выводитъ заключеніе о несостоятельности Онѣгина. Но если мы вооружимся историческою критикою, то мы увидимъ, что какъ бы ни былъ Онѣгинъ уменъ, глубокъ и образованъ, ему рѣшительно нечего было дѣлать съ мыслителями XVIII вѣка въ 20-е и 30-е годы, какъ только задернуть ихъ тафтою. Не забудьте, что въ то время ни на литературномъ поприщѣ, ни на ученомъ невозможно было и заикнуться, чтобы проводить новыя идеи этихъ мыслителей. Что же оставалось дѣлать Онѣгину съ своими книгами? Вѣчно читать ихъ и читать для своего собственнаго наслажденія, закупорившись въ своемъ кабинетѣ безъ всякой возможности подѣлиться своими знаніями съ ближними? Или оставалось ему, для удовлетворенія своей совѣсти и естественнаго стремленія къ передачѣ своихъ знаній, довольствоваться развитіемъ отдѣльныхъ личностей, чтобы 4, много 10 человѣкъ, которымъ ему удалось бы въ теченіе жизни внушить свои знанія, передали бы ихъ другимъ 5, 10 человѣкамъ. И теперь вы можете найти утѣшителей подобнаго рода, которые утѣшаютъ и себя, и другихъ, предлагая этотъ первобытный способъ распространенія идей, принадлежащій доисторическимъ эпохамъ, и думаютъ они, что этимъ способомъ они дѣйствительно чего нибудь достигнутъ въ то время, какъ въ другихъ рукахъ существуютъ могучіе, созданные цивилизаціей способы распространенія идей на цѣлыя массы общества въ видѣ школъ, лекцій, книгъ, и газетъ,—и нечего сказать, завидная была доля Онѣгина трудиться надъ развитіемъ одного человѣка въ то время, какъ на цѣлыя массы людей посредствомъ иныхъ, болѣе могучихъ орудій, распространялись идеи совершенно противоположнаго свойства.

Я не знаю, нужно ли, послѣ этихъ общихъ соображеній, разбирать различныя частности жизни и поступковъ Онѣгина, которыя разбираетъ Писаревъ для доказательства несостоятельности героя Пушкина? Конечно, Писаревъ совершенно справедливъ, съ своей моральной точки зрѣнія, доказывая, что отношенія Онѣгина къ Татьянѣ или дуэль его съ Ленскимъ совершенно неудовлетворяютъ тому нравственному идеалу, который сложился въ головѣ Писарева, подъ условіями современной намъ жизни. Но, еще разъ повторяю, можно ли мѣрить Онѣгина мѣркою современныхъ намъ нравственныхъ идеаловъ, нисколько не принимая въ разсчетъ ни идеаловъ времени Онѣгина, ни условій тогдашней жизни. Конечно, съ точки зрѣнія труженика, который, сознавая пользу своего труда, общественную и личную, въ любви къ женщинѣ ищетъ прочную нравственную опору для своей жизни и для

своего труда,—для такого труженика всегда было и будетъ противно легкое донъ-жуанское отношеніе къ женщинѣ, создаваемое филистерствомъ. Но вы возьмите передовую единицу тридцатыхъ годовъ, затертую въ массѣ пошлости, рутины, лишенную всякаго полезнаго, положительнаго труда,—и вы поймете тогда, что Онѣгины не могли относиться къ женщинамъ иначе, чѣмъ они относились. Развивая въ своей личности исключительно идеалъ личной индивидуальной свободы, люди эти естественно бѣжали брака, потому что видѣли въ немъ цѣлый рядъ стѣсненій для своей индивидуальной свободы и притомъ прямую дорогу къ халату, туфлямъ и дурацкому колпаку Фамусова. Для нихъ существовало отношеніе къ женщинѣ только въ двухъ видахъ: или въ видѣ необузданныхъ сатурналій съ женщинами легкаго поведенія, въ чемъ они выражали протестъ противъ мѣщанскаго благочинія, умѣренности и аккуратности фамусовской среды, или волокитство за женами Фамусовыхъ, въ чемъ опять-таки они видѣли наслажденіе нарушать сонный покой мѣщанскаго счастія. Когда же женщина сильная, глубокая подходила къ нимъ съ требованіемъ иной любви, серьезной, нравственной, прочной, развивающей, инаго счастія, дѣятельнаго, разумнаго,—тогда они принуждены были бѣжать отъ такихъ женщинъ, потому что такое счастіе не было въ ихъ рукахъ... Что могли они дать такимъ женщинамъ,—они, которые не имѣли въ своей жизни никакого полезнаго труда, никакой цѣли, и мало того, что не имѣли, не могли имѣть, еслибы и хотѣли? А можетъ ли одна любовь, безъ труда, безъ двигающей цѣли въ жизни продолжаться долго, не въ видѣ минутной, быстро перегорающей страсти? Они нѣсколько разъ въ жизни испытывали всю непрочность такой любви; настоящей причины этой непрочности они не знали; а изъ неоднократнаго опыта выводили прямо индуктивное заключеніе, что любовь вообще есть чувство непрочное и скоропреходящее, и они бѣжали отъ женщинъ, приступавшихъ къ нимъ съ требованіями глубокой и прочной любви, хотя въ то же время они внутренно терзались, видя себя неспособными любить прочно, или, отрицая самую возможность прочной любви, потому что они чувствовали въ себѣ живую потребность прочной привязанности, удовлетворить которую не имѣли возможности. Въ этомъ заключалось поистинѣ трагическое положеніе, не только для нихъ, но и для женщинъ, которымъ выдавалось несчастіе встрѣтиться съ ними, потому что женщинамъ мало-мальски сильнымъ и глубокимъ нравились эти люди; они привлекали такихъ женщинъ, какъ лучшіе люди своего вѣка, своею отвагою, независимостью, свободою высказываемыхъ мнѣній, рѣзкостью сарказмовъ и жизнію, выдающеюся изъ массы окружающей пошлости. Кѣмъ же было увлекаться, кого же было любить хорошимъ женщинамъ того вѣка, какъ не этихъ людей, когда вокругъ заурядъ были Фамусовы съ приторными сластолюбивыми облизываньями, да приниженные Молчалины съ безмолвно-подобострастными поклонами?

Что касается до дуэли Онѣгина съ Ленскимъ, то на этотъ фактъ мы имѣемъ менѣе всего права смотрѣть съ нашей точки зрѣнія. Если въ наше время всякій здравомыслящій человѣкъ смотритъ на дуэль, какъ на нелѣпый, дикій, противуобщественный предразсудокъ, вынесенный изъ среднихъ вѣковъ, то въ 20-е и 30-е года не только противъ дуэлей не было ни малѣйшаго предубѣжденія, а напротивъ того, лучшіе люди на нихъ смотрѣли, какъ на высшій нравственный долгъ, доказательство отваги, мужества и сознанія своего достоинства. Онѣгины и Печорины, между прочимъ, тѣмъ и отличались отъ окружавшихъ ихъ Фамусовыхъ и Молчалиныхъ, что первые дрались на дуэляхъ, а послѣдніе нѣтъ; особенно, если взять во вниманіе, что дуэли и въ то время были плодомъ запретнымъ. Отказаться отъ дуэли, значило встать въ ряды Фамусовыхъ и Молчалиныхъ. Писаревъ же, оправдывая тургеневскаго Базарова и считая дуэль его дѣломъ необходимости, изъ-за которой можно иногда, по его мнѣнію, отступать отъ своихъ принциповъ, въ то же время напускается на Онѣгина и предаетъ его строгой карѣ.

XI.

Несмотря на весь идеализмъ своего вѣка, Бѣлинскій во многихъ отношеніяхъ былъ въ большей степени реалистомъ, чѣмъ истый поклонникъ реализма Писаревъ. Въ статьяхъ Бѣлинскаго вы можете замѣтить удивительную двойственность. Тотъ же самый Бѣлинскій, эстетикъ и гегеліанецъ, когда онъ занимается передъ вами опредѣленіемъ художественныхъ красотъ произведеній искусства на основаніи своихъ отвлеченныхъ эстетическихъ теорій, является передъ вами истиннымъ реалистомъ, когда онъ начинаетъ анализировать жизнь современную ему или прошлую. Конечно, въ такомъ взглядѣ на вещи, который оцѣниваетъ людей какой-либо эпохи на основаніи общихъ условій жизни этой эпохи, заключается гораздо болѣе реализма, чѣмъ во взглядѣ, который, не взирая ни на какія условія, оцѣниваетъ людей и событія на основаніи своихъ собственныхъ идеаловъ и теорій. Люди, признающіе великое значеніе Галилея, болѣе реалисты, чѣмъ такіе, которые вздумали бы отрицать за Галилеемъ всякое значеніе на томъ основаніи, что истины, найденныя имъ, извѣстны въ настоящее время всякому десятилѣтнему ребенку.

Бѣлинскій отнесся къ Онѣгину съ сочувствіемъ; онъ посмотрѣлъ на него, какъ на лучшаго представителя своего времени; но было бы ложно заключить изъ этого, чтобы онъ считалъ Онѣгина безусловно идеальнымъ человѣкомъ на основаніи идеала своего времени, подобно тому, какъ Писаревъ безусловно отвергнулъ Онѣгина, приложивши къ нему современныя намъ требованія. Нѣтъ, Бѣлинскій взглянулъ на Онѣгина, какъ на типъ прежняго времени, который въ его время былъ уже отжившимъ типомъ, но въ свое время, тѣмъ не менѣе, былъ представителемъ своего вѣка.

«Въ двадцатыхъ годахъ текущаго столѣтія,—говоритъ онъ (см. Соч. Бѣл., 537 стр., 8 ч.)—русская литература отъ подражательности устремилась къ самобытности: явился Пушкинъ. Онъ любилъ сословіе, въ которомъ почти исключительно выразился прогрессъ русскаго общества и къ которому принадлежалъ самъ, и въ Онѣгинѣ онъ рѣшился пред-

ставить намъ внутренюю жизнь этого сословія, а вмѣстѣ съ нимъ и общество, въ томъ видѣ, въ какомъ оно находилось въ избранную имъ эпоху, т.-е. въ двадцатыхъ годахъ текущаго столѣтія. И здѣсь нельзя не подивиться быстротѣ, съ которою движется впередъ русское общество: мы смотримъ на «Онѣгина», какъ на романъ времени, отъ котораго мы уже далеки. Идеалы, мотивы этого времени уже такъ чужды намъ, такъ внѣ идеаловъ и мотивовъ нашего времени... «Герой нашего времени» былъ новымъ «Онѣгинымъ»; едва прошло четыре года, и Печоринъ уже не современный идеалъ. И вотъ въ какомъ смыслѣ сказали мы, что самые недостатки «Онѣгина» суть, въ то же время, и его величайшія достоинства; эти недостатки можно выразить однимъ словомъ — «старо»; но развѣ вина поэта, что въ Россіи все движется быстро? И развѣ это не великая заслуга со стороны поэта, что онъ такъ вѣрно умѣлъ схватить дѣйствительность извѣстнаго мгновенія въ жизни общества? Еслибъ въ «Онѣгинѣ» ничего не казалось теперь устарѣвшимъ или отсталымъ отъ нашего времени, это было бы явнымъ признакомъ, что въ этой поэмѣ нѣтъ истины, что въ ней изображено не дѣйствительно существовавшее, а воображаемое общество: въ такомъ случаѣ, что-жь бы это была за поэма и стоило ли бы говорить о ней?».

Вы видите изъ этихъ словъ, что Бѣлинскій не менѣе Писарева считалъ произведеніе Пушкина явленіемъ старымъ, мотивы котораго потеряли уже во время его свое значеніе, и на типъ Онѣгина, смотрѣлъ, какъ на отжившій типъ; но это нисколько не мѣшало ему понимать все значеніе типа Онѣгина въ 20-е годы:

«Онѣгинъ не Мельмотъ, не Чайльдъ-Гарольдъ, не демонъ, не пародія, не модная причуда, не геній, не великій человѣкъ,—говоритъ онъ далѣе (см. 550 стр.),—а просто—«добрый малый, какъ вы, да я, какъ цѣлый свѣтъ». Поэтъ справедливо называетъ «обветшалою модою» вездѣ находить или вездѣ искать все геніевъ да необыкновенныхъ людей. Повторяемъ: Онѣгинъ—добрый малый, но, при этомъ, недюжинный человѣкъ. Онъ не годится въ геніи, не лѣзетъ въ великіе люди, *но бездѣятельность и пошлость жизни душатъ его, онъ даже не знаетъ, чего ему надо, чего ему хочется; но онъ знаетъ и очень хорошо знаетъ, что ему не надо, что ему не хочется того, чѣмъ такъ довольна, такъ счастлива самолюбивая посредственность. И за то-то эта самолюбивая посредственность не только провозгласила его «безнравственнымъ», но и отняла у него страсть сердца, теплоту души, доступность всему доброму и прекрасному.* Вспомните, какъ воспитанъ Онѣгинъ, и согласитесь, что натура его была слишкомъ хороша, если ее не убило совсѣмъ такое воспитаніе. Блестящій юноша, онъ былъ увлеченъ свѣтомъ, подобно многимъ, но скоро наскучилъ имъ и оставилъ его, какъ это дѣлаютъ слишкомъ немногіе. Въ душѣ его тлѣлась искра надежды—воскреснуть и освѣжиться въ тиши уединенія, на лонѣ природы; *но онъ скоро увидѣлъ, что перемѣна мѣстъ не измѣняетъ сущности нѣкоторыхъ неотразимыхъ и не отъ нашей воли зависящихъ обстоятельствъ...*

«Благая, благотворная, полезная дѣятельность! Зачѣмъ не предался ей Онѣгинъ?—говоритъ далѣе Бѣлинскій, какъ будто прямо возражая Писареву.— Зачѣмъ не искалъ онъ въ ней своего удовлетворенія? Зачѣмъ? Затѣмъ, милостивые государи, что пустымъ людямъ легче спрашивать, нежели дѣльнымъ отвѣчать...

Одинъ среди своихъ владѣній,
Чтобъ только время проводить,
Сперва задумалъ нашъ Евгеній
Порядокъ новый учредить.
Въ своей глуши мудрецъ пустынной,
Яремъ онъ барщины старинной
Оброкомъ легкимъ замѣнилъ:
Мужикъ судьбу благословилъ.
За то въ углу своемъ надулся,
Увидя въ этомъ страшный вредъ,
Его разсчетливый сосѣдъ;
Другой лукаво улыбнулся,
И въ голосъ всѣ рѣшили такъ:
Что онъ опаснѣйшій чудакъ.
Сначала всѣ къ нему ѣзжали;
Но такъ-какъ съ задняго крыльца
Обыкновенно подавали
Ему донскаго жеребца,
Лишь только вдоль большой дороги
Заслышатъ ихъ домашни дроги:
Поступкомъ оскорбясь такимъ,
Всѣ дружбу прекратили съ нимъ.
«Сосѣдъ нашъ неучъ, сумасбродитъ,
Онъ фармазонъ; онъ пьетъ одно
Стаканомъ красное вино;
Онъ дамамъ къ ручкѣ не подходитъ;
Все *да*, да *нѣтъ*, не скажетъ *да-съ*
Иль *нѣтъ-съ*». Таковъ былъ общій гласъ.

«Что нибудь дѣлать можно только въ обществѣ, на основаніи общественныхъ потребностей, указываемыхъ самою дѣйствительностью, а не теоріею; но чтобы сталъ дѣлать Онѣгинъ въ сообществѣ съ такими прекрасными сосѣдями, въ кругу такихъ милыхъ ближнихъ? Облегчить участь мужика, конечно, много значило для мужика; но со стороны Онѣгина тутъ еще немного было сдѣлано. Есть люди, которымъ если удастся что-нибудь сдѣлать порядочное, они съ самодовольствіемъ разсказываютъ объ этомъ всему міру и такимъ образомъ бываютъ пріятно заняты на цѣлую жизнь. Онѣгинъ былъ не изъ такихъ людей: важное и великое для многихъ, для него было не. Богъ знаетъ что...

«Романъ оканчивается отповѣдью Татьяны, и читатель навсегда разстается съ Онѣгинымъ въ самую злую минуту его жизни... Что же это такое? Гдѣ же романъ? Какая его мысль? И что за романъ безъ конца? Мы думаемъ, что есть романы, которыхъ мысль въ томъ и заключается, что въ нихъ нѣтъ конца, потому что въ самой дѣйствительности бываютъ событія безъ развязки, существованія безъ цѣли, существа неопредѣленныя, никому непонятныя, даже самимъ себѣ, словомъ то, что по французски называется les êtres manquées, les existences avortées. И эти существа часто бываютъ одарены большими нравственными преимуществами, большими духовными силами: обѣщаютъ много, исполняютъ мало, или ничего не исполняютъ. *Это зависитъ не отъ нихъ самихъ; тутъ fatum, заключающійся въ дѣйствительности, которою окружены они, какъ воздухомъ, и изъ которой не въ силахъ и не во власти человѣка освободиться.* Другой поэтъ представилъ намъ другого Онѣгина подъ именемъ Печорина. Пушкинскій Онѣгинъ съ какимъ-то самоотверженіемъ отдался зѣвотѣ; лермонтовскій Печоринъ бьется на смерть съ жизнію и насильно хочетъ у нея вырвать свою долю; въ дорогахъ разница, а результатъ одинъ: оба романа такъ-же безъ конца, какъ и жизнь, и дѣятельность обоихъ поэтовъ...

«Что сталось съ Онѣгинымъ потомъ? Воскресила ли его страсть для новаго, болѣе сообразнаго съ человѣческимъ достоинствомъ страданія? Или убила она всѣ силы души его, а безотрадная тоска его обратилась въ мертвую, холодную апатію? Не знаемъ, да и на что намъ знать это, *когда мы знаемъ, что силы этой богатой натуры остались безъ приложенія, жизнь безъ смысла*, а романъ безъ конца! Довольно и этого знать, чтобъ не захотѣть больше ничего знать»...

Всѣ эти выписки ясно показываютъ, что Бѣлинскій и не думалъ ставить Онѣгина на какой-то идеальный пьедесталъ и считать его безусловнымъ совершенствомъ. Если онъ признавалъ, что въ Онѣгинѣ были не-

дюжинныя силы, то изъ этого еще ничего не слѣдуетъ. Только идеалисты и романтики воображаютъ, что если человѣкъ обладаетъ недюжинными силами, то онъ непремѣнно будетъ срывать звѣзды съ неба и разсыпать вокругъ себя добро горстями. Истинные же реалисты очень хорошо понимаютъ, что силы могутъ произвести массу добра или зла, смотря по тому, куда онѣ будутъ направлены, а если онѣ встрѣтятся съ враждебными силами, равными имъ или превышающими ихъ, то онѣ могутъ и ничего не произвести и останутся мертвыми, скованными силами. Бѣлинскій понималъ это, и въ этомъ отношеніи онъ былъ истинный реалистъ: признавая въ Онѣгинѣ недюжинныя силы, онъ, въ то же время, не упустилъ изъ виду тѣхъ другихъ враждебныхъ силъ, которыя совершенно парализовали силы Онѣгина и сдѣлали ихъ мертвыми силами безъ приложенія, а жизнь Онѣгина—безъ смысла, и въ этомъ онъ видѣлъ истинный трагизмъ положенія Онѣгина. Точно съ такой же точки зрѣнія оцѣнилъ онъ и Татьяну.

Писаревъ посмотрѣлъ на Татьяну, опять-таки, совершенно съ точки зрѣнія современнаго намъ идеала. Онъ никакъ не могъ себѣ представить сильную женщину съ глубокою натурою иначе, какъ въ видѣ героини, читающей полезныя книги и разливающей вокругъ себя добро цѣлыми потоками. Татьяна же жила совершенно праздною жизнью и занималась только своею любовью къ Онѣгину, да чтеніемъ разныхъ романтическихъ бредней, и Писаревъ за это обрушился негодованіемъ и на Пушкина, зачѣмъ Пушкинъ вывелъ въ своемъ романѣ, въ видѣ героини, такую пустую женщину, и на Бѣлинскаго, зачѣмъ Бѣлинскій считаетъ эту женщину обладающею недюжинными силами.

Но вы представьте себѣ только положеніе женщинъ въ 20-ые года: едва прошло столѣтіе, какъ онѣ были выведены изъ теремовъ и имъ позволено было являться на ассамблеи и балы, танцовать съ мужчинами и выслушивать отъ нихъ комплименты. Въ сущности, теремная жизнь продолжалась еще въ 20-ые года во всей своей силѣ, въ особенности для незамужнихъ женщинъ. Дѣвушки, въ эпоху Пушкина, были совершенными невольницами; ихъ выводили въ праздничные дни на балы и собранія, на показъ, ради выгоднаго сбыта, какъ на рынокъ негровъ, а въ будніе дни онѣ сидѣли взаперти подъ надзоромъ маменекъ, тетенекъ, мамушекъ и нянюшекъ, строго слѣдившихъ за каждымъ ихъ шагомъ. Единственнымъ занятіемъ, дозволеннымъ имъ, было вышиванье въ пяльцахъ, единственнымъ чтеніемъ—баллады Жуковскаго, сантиментальныя повѣсти Карамзина, да французскіе романы. Если-бы какая-нибудь барышня и захотѣла читать что-нибудь посерьезнѣе, то скачи хоть за 1,000 верстъ, она не отыскала-бы ни одной книги маломальски дѣльной; да и то, что могла читать дѣвушка, она читала урывками, тишкомъ, держа книжку подъ подушкой и пряча ее отъ всѣхъ, какъ запрещенный товаръ. И въ виду такихъ условій жизни россійскихъ барышенъ 20-хъ годовъ, Писаревъ морализируетъ вдругъ относительно Татьяны слѣдующимъ образомъ:

«*Необходимо или отыскать себѣ другое здоровое чтеніе (!) или, по крайней мѣрѣ, прислониться въ дѣйствительной жизни къ какому-нибудь хорошему и разумному дѣлу (!!)*, которое могло-бы поддерживать въ ней умственную трезвость и отвлекать ее отъ туманной области наркотическихъ мечтаній. Такое хорошее и разумное дѣло отыскать нетрудно; намекъ на него существуетъ даже въ нелѣпомъ письмѣ Татьяны; она говоритъ, что помогаетъ бѣднымъ; ну, и помогай, но только займись этимъ дѣломъ серьезно и смотри на него, какъ на постоянный и любимый трудъ, а не какъ на дешевое средство стереть съ своей совѣсти кое-какіе микроскопическіе грѣшки. Имѣй въ виду, при этомъ помоганіи, дѣйствительныя потребности нуждающихся людей, а не то, чтобы подать бѣдному копѣечку, а потомъ погладить себя за это по головкѣ. Словомъ, несмотря на пустоту и безцвѣтность той жизни, на которую была осуждена Татьяна съ самаго дѣтства, *наша героиня все-таки имѣла возможность (?)* дѣйствовать въ этой жизни съ пользою для себя и для другихъ, и она непремѣнно принялась-бы за какую-нибудь скромную, но полезную дѣятельность, *если-бы нашелся умный человѣкъ, который-бы энергическимъ словомъ и рѣзкою насмѣшкою* выбросилъ ее вонъ изъ ядовитой атмосферы фантастическихъ видѣній и глупыхъ романовъ».

Однимъ словомъ, какъ жалко, что въ 20-е года не было Базаровыхъ съ энергическими словами и ядовитыми насмѣшками! Но если такъ глядѣть на исторію, то, конечно, еще жальче, что Базаровыхъ не было при Петрѣ Великомъ, въ XV вѣкѣ, въ IX и ужь, конечно, остается обливаться горькими слезами, глядя на нашихъ прародительницъ, которыя шлялись по лѣсамъ и, можетъ быть, плясали и горланили вокругъ какого-нибудь горящаго пня, принимая его за Бога. Зачѣмъ не явился среди нихъ умный человѣкъ, который энергическимъ словомъ и рѣзкою насмѣшкою не выбросилъ ихъ вонъ изъ ядовитой атмосферы фантастическихъ видѣній! Въ томъ-то и дѣло, что являлись такіе умные люди и въ IX вѣкѣ въ видѣ миссіонеровъ и проповѣдниковъ новой религіи—и для своего вѣка они были Базаровыми своего времени въ глазахъ дикарей, которые смотрѣли на нихъ, какъ на опасныхъ отрицателей и нововводителей. Но и Евгеній Онѣгинъ, — этотъ Базаровъ 20-хъ годовъ,—разрушилъ не мало иллюзій Татьяны. Все несчастіе его заключалось въ томъ, что, разрушая, онъ былъ не въ силахъ создать что-нибудь, съ одной стороны, вслѣдствіе низкаго уровня своего развитія, съ другой — вслѣдствіе обстоятельствъ, которыя парализировали и его умственное развитіе, и его практическую дѣятельность.

Далѣе Писаревъ находитъ у Бѣлинскаго неразрѣшимое, повидимому, противорѣчіе: Бѣлинскій смѣется надъ идеальными дѣвами, которыя бредили до истерики рыцарями, луною, любовью, а потомъ это не мѣшало имъ дѣлаться обыденными пошлыми бабами и сплетницами. Татьяна тоже была предана романтическимъ мечтаніямъ, а потомъ, по волѣ маменьки, сдѣлалась украшеніемъ генеральскаго дома. Чѣмъ-же отличается Татьяна отъ идеальныхъ дѣвъ, надъ которыми смѣется Бѣлинскій, и за что геніальный критикъ поставилъ ее на какой-то недосягаемый пьедесталъ? Но если вы начнете читать романъ Пушкина безъ всякихъ предвзятыхъ идей и современныхъ намъ требованій, то вы найдете, что между Татьяною и Ольгою Лариными, при всей аналогичности ихъ умственнаго развитія, склада ихъ жизни, наконецъ, ихъ судьбы, есть какая-то существенная разница. Въ чемъ

же она заключается? Чтобы понять ее, обратимся къ нашей жизни: въ каждомъ вѣкѣ есть свои Татьяны и Ольги, и чтобы нагляднѣе понять ихъ различіе, конечно, всего лучше обратиться къ явленіямъ времени ближайшаго, наиболѣе намъ понятнаго и ощутительнаго. Чѣмъ отличается Щетинина въ повѣсти „Трудное время" В. Слѣпцова отъ Кукшиной? Обѣ онѣ могутъ быть одинаково развиты, читать однѣ и тѣ-же книги, увлекаться одними и тѣми-же вопросами дня и цѣлями въ будущемъ, наконецъ обѣ, подъ гнетомъ обстоятельствъ, могутъ ни къ чему не прійти, какъ только къ тому-же вождѣленному замужеству и няньчанью дѣтей. Но какая между ними будетъ разница! Кукшина очень скоро помирится съ своею долею, забудетъ всѣ свои мечты и цѣли и будетъ весела и беззаботна, какъ птичка; совершенно напротивъ того— Щетинина: у нея не такъ легко будетъ выбить изъ головы все, что волновало ее въ юности и не нашло въ жизни никакого оправданія; она, можетъ быть, въ глубинѣ души своей затаитъ всю горечь, всю тоску разбитой жизни, она, можетъ быть, бровью не шевельнетъ и будетъ жить съ стиснутыми зубами, холодна и спокойна по наружности, но въ душѣ ея будетъ постоянно бушевать огонь, который, если не найдетъ выхода, сожжетъ ее самое.

Вотъ вамъ наглядное различіе между Татьяною и идеальными дѣвами 20-хъ годовъ. У тѣхъ романтическія мечты и иллюзіи проходили черезъ голову и нервы, не оставляя никакого слѣда: мечты оставались мечтами, а жизнь жизнію. Какая-нибудь идеальная дѣва могла сразу совмѣстить томный вздохъ и пощечину горничной. Не такова была Татьяна: для нея ея романтическія иллюзіи были вопросами жизни. Она предалась имъ вся, всѣмъ пыломъ своей страстной, глубокой натуры. Но вина-ли ея была, что жизнь не дала ей не только возможности какого-нибудь выхода изъ неволи, но и сознанія всей унизительности ея рабскаго положенія. Она могла только чувствовать и страдать. Бѣлинскій въ этомъ отношеніи и не думалъ ставить ее на какой-нибудь пьедесталъ: онъ только указалъ на фактъ, что вотъ каковы были условія жизни въ 20-е года, что даже женщина съ недюжинными силами, глубокая, цѣльная натура, не могла найти не только никакого разумнаго приложенія своихъ силъ, но и вообще хоть сколько-нибудь естественно и свободно устроить свое личное существованіе. И развѣ это не правда? Развѣ не такова была дѣйствительность въ 20-е года? Писаревъ-же смотритъ на Татьяну совершенно такъ-же, какъ и на Онѣгина: ужь если, молъ, ты сильная натура, такъ дѣйствуй и будь счастлива, въ которомъ-бы ты вѣкѣ и при какихъ-бы условіяхъ ни жила, и если-бы даже вокругъ тебя не только не было-бы никакихъ книгъ, а и грамотности никакой не существовало, ты все-таки читай полезныя книги и въ особенности по части естествознанія; а если ты этого не исполнила, то что-же ты за сильная натура!

Говоря объ отсталости типовъ Онѣгина и Печорина, Бѣлинскій, конечно, разумѣетъ то, что большее распространеніе знаній, большее развитіе литературы во время Бѣлинскаго осмыслили инстинктивную и безсознательную тоску Онѣгиныхъ и Печориныхъ. Вмѣсто безалаберныхъ порывовъ и метаній по свѣту, которыми старались лучшіе люди прежнихъ поколѣній удовлетворить жажду дѣятельности, явились опредѣленныя стремленія, и лучшіе люди эпохи Бѣлинскаго поняли, чего имъ недостаетъ въ жизни. Но условія жизни были тѣ-же, что и при Онѣгинѣ, уровень умственнаго развитія все еще былъ низокъ, и потому сознаніе причинъ тоски и жажды ни къ чему не приводили: отдѣльные развитые индивидуумы были разрознены, разобщены, каждый самъ по себѣ старался удовлетворить жаждѣ дѣятельности, мечтая одинъ своими собственными силами воплотить въ своей личности идеалъ энергическаго дѣятеля на поприщѣ добра и правды; но, разбиваясь о каменную стѣну, развитой индивидуумъ падалъ въ безсиліи, и въ результатѣ оказывалась та-же тоска и апатія Онѣгина. Онѣгинъ не умеръ, не выродился, онъ продолжалъ жить только подъ другими формами. Являлся онъ то въ формѣ Рудина, то въ формѣ Бельтова, то Тентетникова, то Обломова.

Въ эпоху 60-хъ годовъ къ типу этому и общество, и критика относились съ полнымъ презрѣніемъ и негодованіемъ. И мудрено было въ эпоху, въ которую все кипѣло жизнію, дѣятельностью, надеждами, относиться иначе къ людямъ, которые ни на что не надѣялись, ничего не дѣлали, скучали и зѣвали въ праздномъ и безплодномъ разочарованіи. Казалось, мы совсѣмъ разстались съ типомъ Рудиныхъ и пр., настали времена Инсаровыхъ, Лопуховыхъ, Рахметовыхъ, и Писаревъ славилъ появленіе новаго типа образованнаго труженика съ его безпощаднымъ отношеніемъ къ окружающему міру и энергическою дѣятельностью, хотя бы только въ сферѣ естественныхъ наукъ. Но не прошло и нѣсколько лѣтъ, поослабли гордые порывы, коекакія надежды поразсѣялись, и въ литературѣ нежданно-негаданно снова промелькнулъ типъ Рудина. Онѣгинъ ожилъ, хотя и въ совершенно новой формѣ, до того новой, что публика совсѣмъ не узнала своего стараго знакомаго и до сихъ поръ еще не узнаетъ. Этотъ новый Онѣгинъ появился въ видѣ Рязанова въ „Трудномъ времени" В. Слѣпцова. Въ эпоху появленія повѣсти Слѣпцова публика до такой степени была еще подъ обаяніемъ движенія 60-хъ годовъ, что отнеслась къ Рязанову какъ-то двойственно: съ одной стороны, причислила его къ новымъ людямъ и дѣятелямъ, а съ другой—почувствовала, что это что-то не совсѣмъ то, и въ недоумѣніи пожала плечами. Писаревъ не замедлилъ отнести Рязанова прямо къ базаровскому типу, единственно на томъ основаніи, что Рязановъ относится къ окружающему такъ, какъ подобаетъ Базарову. Въ сущности-же Рязановъ — Рудинъ съ ногъ до головы: подобно Рудину, является онъ въ домъ къ Щетинину и начинаетъ проповѣдывать свои идеи, увлекаетъ своею проповѣдью женщину, ссоритъ ее со всею окружающею ее обстановкою; и затѣмъ, когда она естественно ждетъ, что онъ, не ограничиваясь однимъ отрицаніемъ, покажетъ ей новый путь и поведетъ ее по этому пути, потому что куда-жъ идти ей, когда кругомъ вездѣ степь и глушь—зачѣмъ, къ какимъ людямъ, можетъ быть, къ новымъ Щетининымъ? Рязановъ на эти естественные вопросы отвѣ-

чаетъ: идите хоть на всѣ четыре стороны, авось сами найдете что-нибудь, а моя пѣсенка спѣта.

Мертвый въ гробѣ мирно спи,
Жизнью пользуйся живущій.

Чтоже сдѣлалъ В. Слѣпцовъ? Откуда онъ выкопалъ своего Рязанова? Не понялъ онъ людей нашего времени и произвелъ анахронизмъ? Нѣтъ, Рязановъ не клевета на наше поколѣніе и не анахронизмъ. Типы, являющіеся въ произведеніи писателя такъ, какъ является передъ вами Рязановъ, то-есть въ видѣ героя нашего времени съ полнымъ отсутствіемъ объективнаго отношенія къ нимъ со стороны писателя, никогда не бываютъ анахронизмами и клеветами. Рудинъ воскресъ вмѣстѣ съ тѣмъ, какъ условія жизни сдѣлались нѣсколько подходящи къ условіямъ жизни временъ Рудина. Правда, что условія жизни до сихъ поръ все-таки еще не вполнѣ таковы, поэтому большинство развитыхъ людей нашего времени все еще находитъ кой-какія возможности разумнаго, плодотворнаго труда и дѣятельности. Наконецъ, въ развитой средѣ съ каждымъ днемъ прибавляется количество людей, для которыхъ трудъ не есть только удовлетвореніе одной нравственной потребности, но и физической необходимости; поэтому Рязановыхъ до сихъ поръ встрѣчается еще не очень много, хотя каждому, я убѣжденъ, удавалось уже встрѣтить по нѣскольку людей съ гордо-сложенными на груди ненужными руками и мрачнымъ разочарованіемъ въ головѣ... Но представьте вы себѣ, что условія жизни встанутъ въ такіе предѣлы, въ какихъ они были во времена Онѣгина. Рязановъ, какъ видно изъ повѣсти, былъ литераторъ и имѣлъ возможность хотя въ литературѣ проявлять свою дѣятельность. Но еслибы и это ему было невозможно, вѣдь онъ не могъ же бы удовлетвориться описаніями гулянья на Невскомъ проспектѣ, легкими замѣтками о игрѣ актеровъ и сѣтованіями на то, что вотъ, молъ, какъ бѣдна наша литература, что въ цѣлый годъ не явилось ни одной дѣльной книги, кромѣ поваренной да сонника. Чѣмъ же въ такомъ случаѣ отличался бы Рязановъ отъ Онѣгина?

Нѣтъ, рано еще говорить, что съ тѣхъ поръ, какъ появились Базаровы, Рудины невозможны, и что съ Онѣгиными у насъ нѣтъ никакого уже сродства. Сказать это будетъ вправѣ только то поколѣніе, которому удастся совершенно избавиться отъ такихъ условій жизни, какія создаютъ эти типы, и вполнѣ прочно и надежно гарантировать себя отъ этихъ условій. А пока эти условія будутъ существовать, сколько бы мы ни анализировали растлѣнность Онѣгиныхъ и Рудиныхъ, сколько бы мы ни изливали нашего негодованія и презрѣнія по поводу лишнихъ и ненужныхъ людей, сколько бы ни убѣждали нашихъ современниковъ быть положительными, полезными тружениками, —нашъ голосъ будетъ вѣчно голосомъ вопіющимъ въ пустынѣ и, какъ грибы, будутъ выростать вокругъ насъ Онѣгины и Рудины въ различныхъ видахъ и формахъ. И при такихъ условіяхъ всегда будетъ возможно появленіе писателей, которые, поклоняясь положительному и полезному труженику, ставя его за образецъ для подражанія, въ то же время труженика этого характеризуютъ въ видѣ того же Онѣгина, котя къ Онѣгину въ то же время относятся совершенно антипатично. Такъ поступилъ Писаревъ, который Онѣгина разобралъ, что называется, по суставамъ и нашелъ, что каждый суставъ у него гнилой; но въ своей статьѣ о Базаровѣ, онъ идеализировалъ намъ того же самого Онѣгина, только въ новой формѣ. Въ самомъ дѣлѣ, представьте вы человѣка, который становится въ гордой позѣ передъ толпою и говоритъ: „презрѣнная толпа, я живу своей жизнію, ты своей; мнѣ дѣла нѣтъ, что ты думаешъ обо мнѣ, между мною и тобою ничего нѣтъ общаго у меня нѣтъ въ жизни никакихъ надеждъ, никакихъ упованій, я никого не люблю, ни съ кѣмъ ничѣмъ не связанъ, и пойдешь ли ты за мною или не пойдешь, мнѣ рѣшительно все равно"... Такого человѣка, очевидно, вы назовете ветхимъ человѣкомъ, романтикомъ 20-хъ годовъ, и укажите тотчасъ на мѣткій анализъ Писарева пушкинскаго поэта въ статьѣ его о Пушкинѣ. Писаревъ относится съ справедливымъ негодованіемъ къ поэту, который говоритъ толпѣ:

Подите прочь, какое дѣло
Поэту мирному до васъ!

А самъ въ то же время выставляетъ передъ вами въ статьѣ „Базаровъ" положительнаго труженика, который относится къ толпѣ нисколько не лучше пушкинскаго поэта: „Базаровъ,—говоритъ онъ,—если трудится, то единственно для самого себя, для своей собственной выгоды и личнаго наслажденія; ему нѣтъ дѣла, пойдетъ за нимъ толпа или не пойдетъ; онъ никого не любитъ, ни съ кѣмъ не связанъ, ни на что не надѣется—однимъ словомъ;

Не для житейскаго волненья,
Не для корысти, не для битвъ,
Мы рождены для

химическихъ ретортъ и рѣзанія лягушекъ въ нашемъ гордомъ уединеніи.

И выходитъ, въ концѣ-концовъ, что своя своихъ не познаша.

XII.

До сихъ поръ мы имѣли дѣло съ типомъ Онѣгина и съ опредѣленіемъ значенія его въ свое время. Теперь мы обратимся къ значенію поэзіи Пушкина и вообще всей его литературной дѣятельности.

И здѣсь опять-таки мы должны начать съ полнаго согласія съ Писаревымъ, что поэзія Пушкина, какъ бы она ни была сама по себѣ художественна, очевидно, не можетъ удовлетворить тѣхъ требованій отъ искусства, которыя создало наше время, и потому не можетъ имѣть прямого воспитательнаго вліянія на наше поколѣніе. Смѣшно было бы думать, чтобы современный намъ юноша раскрылъ какой-нибудь томъ произведеній Пушкина, хотя бы даже Евгенія Онѣгина, съ цѣлью найти отвѣты на тѣ вопросы, которые ему задало наше время. Но, не говоря уже о современномъ намъ юношѣ, даже въ 30-е года, когда Пушкинъ былъ еще живъ, были уже на Руси люди, которыхъ не могла удовлетворить поэзія Пушкина и которые отрицали ее совершенно на тѣхъ же основаніяхъ, какъ и Писаревъ. Таковъ былъ кружокъ Надеждина, и въ „Телескопѣ", служившемъ выраженіемъ этого кружка,

вы найдете критическія статьи Надеждина подъ псевдонимомъ Надоумки, въ которыхъ вы увидите анализъ всей русской литературы того времени совершенно съ той точки зрѣнія, съ которой смотритъ Писаревъ на Пушкина. Надеждинъ смѣется надъ нашею литературою, разумѣя въ томъ числѣ и Пушкина, за то, что литература наша, довольствуясь одною внѣшнею, безсодержательною художественностью, по большей части подражательною, не проникнута въ то же время никакими глубокими идеями и не вноситъ въ наше общество анализа жизни на философскихъ основаніяхъ подобно западно-европейскимъ литературамъ.

Но если Пушкинъ даже въ 30-е года не удовлетворялъ требованіямъ образованнѣйшихъ людей того времени, то слѣдуетъ ли изъ этого, что литературная дѣятельность его не имѣла ровно никакого значенія въ свое время? Для разрѣшенія этого вопроса Бѣлинскій не можетъ уже служить намъ такимъ руководителемъ, какимъ онъ былъ для насъ при опредѣленіи значенія въ прошлой жизни нашей онѣгинскаго типа. Мы уже сказали выше, что тотъ же самый Бѣлинскій, который является передъ нами истиннымъ реалистомъ при анализѣ русской жизни своего времени или пушкинскаго, совершенно не тотъ, когда онъ анализируетъ какія-нибудь поэтическія произведенія. Здѣсь онъ платитъ дань своему времени и является передъ нами истымъ гегеліянцемъ и эстетикомъ. Такъ, анализируя Пушкина, онъ находитъ, что главное значеніе этого поэта заключалось въ томъ, что онъ былъ чистый художникъ и познакомилъ русскую публику съ истинною поэзіею, и вліяніе произведеній Пушкина онъ находитъ въ томъ, что они развиваютъ въ читателяхъ чувство изящнаго и гуманности. Въ этомъ онъ видитъ вліяніе не только преходящее, существующее для одного какого-нибудь вѣка, но безусловное и вѣчное. И въ самомъ дѣлѣ, если въ этомъ видѣть вліяніе произведеній какого-либо поэта, то такое вліяніе, конечно, должно быть вѣчно и безусловно. Но Бѣлинскій въ своей статьѣ недостаточно показалъ, да и не могъ показать, почему же мы должны только Пушкину приписывать такое вліяніе. Если мы будемъ смотрѣть на произведенія искусства съ чисто эстетической точки зрѣнія, и искать въ нихъ только развитія чувства изящнаго, то въ каждомъ произведеніи, къ какому бы времени оно не относилось, мы должны видѣть то же самое вліяніе, т.-е. развитіе чувства изящнаго. И если мы припишемъ это вліяніе произведеніямъ Пушкина, то чѣмъ же они будутъ отличаться отъ произведеній Жуковскаго, Батюшкова и многихъ другихъ, предшествовавшихъ Пушкину поэтовъ. Въ то же время не согласимся мы и съ Писаревымъ, который, не находя въ произведеніяхъ Пушкина никакихъ современныхъ намъ идей, отвергаетъ за нимъ всякое значеніе въ исторіи нашего прогресса, кромѣ значенія стилиста, говоря, что „усовершенствованіе русскаго стиха составляетъ единственную заслугу передъ лицомъ русскаго общества и русской литературы, если только это усовершенствованіе дѣйствительно можно назвать заслугою“ (см. т. III, стр. 199).

Конечно, нечего и спорить о значеніи такихъ поэтовъ, которые, живя въ вѣкѣ, богатомъ великими идеями, стояли во главѣ движенія своего времени и своею плодотворною дѣятельностью проводили въ поэтическихъ формахъ въ массы тѣ идеи, которыя были достояніемъ немногихъ лучшихъ умовъ вѣка. Но можно ли требовать того же самого отъ поэтовъ, жившихъ въ такое время, когда вообще никакихъ идей въ обществѣ не было, когда и читателей-то у литературы было столько, что издателю можно было заранѣе передъ изданіемъ книжки сосчитать ихъ и потомъ лично каждому въ отдѣльности приподнести книжку для прочтенія. Еслибы писатель въ то время случайно и познакомился съ какими-нибудь идеями самаго скромнаго, безобиднаго свойства, едва выходившими изъ ряда обыденныхъ взглядовъ, то не только ему самому не было возможности провести этихъ идей, но и читателямъ не безопасно было читать книжки съ такими идеями. Взявши это въ соображеніе, вы поймете, какъ смѣшно требовать, чтобы въ произведеніяхъ Пушкина могли бы быть глубокія, плодотворныя идеи, которыя будили бы общественное сознаніе, возбуждали бы анализъ окружающей жизни и давали бы философскіе отвѣты на философскіе вопросы. Поэтому, чтобы оцѣнить вполнѣ безпристрастно значеніе поэзіи Пушкина въ свое время, необходимо совершенно отрѣшиться отъ всякихъ современныхъ намъ требованій отъ искусства, а просто посмотрѣть, чѣмъ была литература до Пушкина и чѣмъ стала она послѣ него —и тогда только мы поймемъ, что далъ Пушкинъ своему вѣку и какой переворотъ сдѣлалъ онъ въ области литературы.

Въ нашей литературѣ неоднократно проскальзывали такіе взгляды на значеніе произведеній Пушкина, что будто онъ былъ первый писатель въ Россіи, внесшій къ намъ начала реализма въ искусствѣ, и въ то же время неоднократно подымался вопросъ о народности Пушкина, и вопросъ этотъ рѣшался положительно. Оба эти взгляда возбуждали противъ себя бездну справедливыхъ возраженій. Можно ли говорить о реализмѣ Пушкина, который является передъ нами по своему міросозерцанію истымъ романтикомъ и идеалистомъ? Стоитъ только припомнить его взгляды на поэзію и на поэта, выраженные имъ въ нѣсколькихъ стихотвореніяхъ, хотя бы вышеупомянутое обращеніе поэта къ черни, чтобы понять всю нелѣпость взгляда на Пушкина, какъ на перваго реалиста въ нашей поэзіи. А съ другой стороны,—можно ли говорить о народности такого поэта, который пѣлъ не для народа и не отъ народа, никогда не былъ выразителемъ его нуждъ и страданій, принадлежалъ къ небольшой средѣ людей, для которыхъ писалъ и потребностямъ, вкусамъ которыхъ старался удовлетворять своими произведеніями. Но какъ, повидимому, ни невѣрны эти взгляды съ точки зрѣнія современныхъ намъ понятій о реализмѣ и народности, тѣмъ не менѣе, въ нихъ есть своя доля правды.

Чтобы уловить это *нѣчто*, намъ слѣдуетъ возвратиться къ той характеристикѣ нашего общества 20-хъ годовъ, которую мы сдѣлали въ началѣ этой статьи.— Представьте вы себѣ, что въ то время, какъ общество съ чисто-восточнымъ складомъ жизни коснѣло въ своихъ восточныхъ обрядахъ и обычаяхъ, нѣсколько поэтовъ подносили этому обществу фіалъ забвенія въ видѣ высокопарной риторики, гласившей о герояхъ

древности или средне-вѣковыхъ рыцаряхъ и томныхъ дѣвахъ, цѣлующихся съ мертвецами при блескѣ луны.—Вспомните только, что даже солдатъ 12-го года нельзя было иначе представить въ поэзіи, какъ въ видѣ рыцарей въ шлемахъ и со щитами, поющихъ съ кубками въ рукахъ высокопарную пѣснь славы и побѣды. Творить что нибудь поэтическое — значило въ то время высокимъ слогомъ говорить о высокихъ предметахъ, не имѣвшихъ ничего общаго съ обыденною жизнію. Наслаждаться поэзіею,—значило забываться и возноситься въ надзвѣздные міры. И вдругъ среди этого общества явился поэтъ, который дерзнулъ низвести поэзію съ заоблачныхъ высотъ на землю: простымъ разговорнымъ языкомъ онъ заговорилъ о простыхъ, обыденныхъ предметахъ, составлявшихъ обстановку и содержаніе жизни тысячи людей, окружавшихъ его.—Писаревъ считаетъ поэзію Пушкина пошлою на томъ основаніи, что, не заключая въ себѣ никакихъ развивающихъ идей, она ограничивается описаніемъ бобровыхъ шубъ, серебрившихся при морозѣ, ножекъ Истоминой, подробностей обѣда въ модномъ ресторанѣ, святочныхъ гаданій, красотъ природы или мотивовъ обыденной любви простыхъ смертныхъ.—Но въ томъ самомъ, въ чемъ въ настоящее время заключается пошлость, во время Пушкина былъ величайшій шагъ впередъ и высочайшая заслуга поэта передъ современниками, и Писаревъ напрасно думаетъ, будто „та фраза, что Пушкинъ завоевалъ русской землѣ поэзію, или не имѣетъ никакого осязательнаго смысла, или заключаетъ въ себѣ тотъ *очень скромный смыслъ,* что Пушкинъ усовершенствовалъ русскій стихъ *и осмѣлился заговорить въ стихахъ о пивной кружкѣ и о бобровомъ воротникѣ, между тѣмъ, какъ его предшественники говорили только о фіалахъ и хламидахъ*" (см. 3 ч., стр. 199).

То, что можетъ казаться скромнымъ въ наше время, было вовсе не такъ скромно въ свое время. Возьмемъ только то во вниманіе, что до Пушкина говорить о предметахъ обыденной жизни дозволялось только въ двухъ отрасляхъ литературы: въ комедіи и баснѣ. Вспомнимъ при этомъ, что съ появленіемъ поэзіи Пушкина тысячи всякаго рода обскурантовъ съ Каченовскимъ во главѣ — завопили, глядя на поэзію Пушкина, какъ на посягательство на святость искусства, нравственности и всего прочаго... На поэзію Пушкина глядѣли въ свое время такъ-же, какъ потомъ глядѣли на поэзію Гоголя, а еще позже на поклонниковъ искусства для жизни: Пушкина считали безнравственнымъ, говорили, что онъ унизилъ искусство, опошлилъ его, низведя въ низменность житейской грязи, придирались къ отдѣльнымъ выраженіямъ и риемамъ его, считая ихъ лишенными всякаго изящнаго вкуса, грубыми и мужицкими. — Да и самому Пушкину не легко было сдѣлать этотъ шагъ и отдѣлаться сразу отъ старинной высокопарности и отрѣшенности отъ жизни. Вся литературная дѣятельность его представляется постепеннымъ движеніемъ нашей литературы изъ заоблачныхъ высотъ на землю. Такъ, первыя его произведенія написаны совершенно въ духѣ Жуковскаго и носятъ на себѣ явное вліяніе старой школы, не исключая и тѣхъ, которыя созданы подъ вліяніемъ образцовъ французской литературы. Затѣмъ является на сцену „Русланъ и Людмила",—поэма эта написана въ романтическомъ духѣ, но она рѣзко уже выдѣляется изъ романтическихъ произведеній своего времени: хотя содержаніе ея взято изъ сказочнаго міра, но дѣйствіе совершается не въ оссіановскомъ туманѣ, а на землѣ; характеры дѣйствующихъ лицъ очерчены пластично и представляются намъ живыми людьми, а не блѣдными призраками. Самый языкъ поэмы является передъ нами простымъ, сказочнымъ русскимъ языкомъ, а не напыщеннымъ, торжественнымъ языкомъ балладъ Жуковскаго или элегій Батюшкова; затѣмъ слѣдуетъ рядъ поэмъ изъ нашей южной жизни: „Цыгане", „Бахчисарайскій фонтанъ", „Кавказскій плѣнникъ". При всемъ романтизмѣ этихъ поэмъ, вы видите въ нихъ постоянное стремленіе изображать передъ вами живыхъ людей и обставлять ихъ живою, осязаемою дѣйствительностью. Такова вся байроновская школа, въ духѣ которой написаны эти поэмы: она была ничѣмъ инымъ, какъ переходомъ отъ романтизма къ реализму: она старалась совмѣщать романтизмъ съ реализмомъ, облекая романтическое содержаніе въ формы живой, современной дѣйствительности.—Въ Евгеніѣ Онѣгинѣ вы видите новый шагъ на пути къ реализму. Здѣсь уже не выбираются для содержанія романа исключительно предметы, поражающіе воображеніе своею колоссальностью, красотою формъ или мелодраматичностью,—а напротивъ того, изображается обыденная жизнь русскаго общества того времени. Наконецъ, въ „Дубровскомъ", „Капитанской дочкѣ" и „Повѣстяхъ Бѣлкина" почти исчезаютъ послѣдніе слѣды романтизма даже въ байроновскомъ духѣ. Только появленіемъ повѣстей Бѣлкина и объяснить можно себѣ естественность появленія въ то же время Гоголя съ его натуральною школою. А безъ этого повѣсти Гоголя должны казаться намъ какимъ-то чудомъ, свалившимся съ неба, нежданнымъ и негаданнымъ катаклизмомъ. И надо замѣтить еще то, что Пушкинъ многими своими произведеніями опередилъ свой вѣкъ, потому что одновременно съ „Дубровскимъ" и „Капитанскою дочкою" и послѣ нихъ возможны были произведенія Марлинскаго, Полевого и воскресеніе байронизма Лермонтовымъ.

Если обскуранты въ духѣ Каченовскаго напали на Пушкина за его нововведенія въ литературѣ, совершенно иначе отнеслись къ нему люди молодые и свѣжіе. Съ восторгомъ встрѣтили они появленіе такого поэта, который простымъ языкомъ началъ говорить имъ о предметахъ и чувствахъ, близкихъ всѣмъ и каждому. И въ этомъ отношеніи понятнымъ становится тотъ энтузіазмъ, съ которымъ встрѣчалась каждая любовная элегія Пушкина, въ наше время неимѣющая ровно никакого значенія и представляющаяся намъ лишенною всякаго мало-мальски серьезнаго содержанія. Вмѣсто отвлеченной любви какого-нибудь туманнаго Вадима къ туманной дѣвѣ, въ элегіяхъ Пушкина находили такіе обыденные мотивы любви, которые были близки сердцу всѣмъ влюбленнымъ въ то время юношамъ—и поэзія Пушкина потому и приводила въ восторгъ, что она задѣвала за самыя живыя, чувствительныя, завѣтныя струны жизни своихъ современниковъ. Этимъ своимъ свойствомъ,

соединеннымъ съ простотою и общедоступностью,—поэзія Пушкина привлекла тысячи читателей и поклонниковъ литературы въ людяхъ, которые до того времени чуждались литературы, потому что, съ одной стороны, она была для нихъ недоступна по своей отвлеченности, а съ другой стороны—они не видѣли въ ней ничего общаго со своею жизнію, ничего задѣвающаго за сердце.—До Пушкина существовалъ небольшой кружокъ диллетантовъ литературы, покровительствовавшій ей и поддерживавшій ее ради собственной услады. Пушкинъ создалъ массу читающей публики, и послѣ него литература могла существовать самостоятельно, опираясь на эту массу, могла развиваться, несмотря на то, что прежніе диллетанты обратились въ ея заклятыхъ враговъ и гонителей. Вотъ почему Пушкина считали реальнымъ и народнымъ поэтомъ, и если съ современной намъ точки зрѣнія мы не видимъ въ Пушкинѣ никакой народности или реализма въ истинномъ значеніи этихъ словъ, то относительно его времени, пожалуй, его можно назвать народнымъ и реальнымъ поэтомъ въ томъ смыслѣ, въ какомъ приложили бы мы эти эпитеты къ японскому писателю, который, переставши въ своихъ произведеніяхъ фантазировать на темы европейской жизни, началъ бы черпать содержаніе своихъ произведеній изъ окружающей его японской жизни, хотя бы жизни одного небольшого слоя японскаго общества.

Но, признавая за Пушкинымъ только историческое значеніе, мы не можемъ въ то же время согласиться съ Писаревымъ въ томъ, что будто мѣсто Пушкина „не на письменномъ столѣ современнаго работника, а въ пыльномъ кабинетѣ антикварія, рядомъ съ заржавленными латами“. Другое дѣло, еслибы разговоръ шелъ о какихъ нибудь мексиканскихъ и перуанскихъ древностяхъ, или о неизвѣстномъ поэтѣ, жившемъ въ царствованіе Александра I и ничѣмъ себя незаявившемъ; но здѣсь дѣло идетъ объ одномъ изъ главныхъ представителей эпохи, весьма близкой къ намъ, о такомъ представителѣ, безъ изученія котораго эпоха не можетъ быть вполнѣ понята. Конечно, еслибы Писаревъ принималъ излишность лежанія Пушкина на столѣ современнаго рабочаго только въ томъ смыслѣ, въ какомъ предполагаютъ это лежаніе эстетики, т.-е. въ смыслѣ ежедневнаго наслажденія эстетическими красотами произведеній Пушкина для развитія изящнаго вкуса, то мы могли бы совершенно согласиться съ Писаревымъ. Но онъ говоритъ: „Пушкинъ можетъ имѣть теперь только историческое значеніе, а для тѣхъ людей, которымъ некогда и незачѣмъ заниматься исторіей литературы, не имѣетъ даже совсѣмъ никакого значенія“ (см. т. 3, стр. 200). Вотъ этото мы и не понимаемъ, что это за люди, которымъ незачѣмъ и некогда заниматься исторіей литературы—и притомъ исторіей литературы не какой нибудь отдаленной эпохи, не имѣющей никакого отношенія къ нашему времени, а ближайшаго намъ времени. Если это люди, давно покончившіе всякое образованіе, откинувшіе самую мысль о дальнѣйшемъ образованіи и занявшіеся тѣмъ или другимъ практическимъ дѣломъ,—это другое дѣло. Но если это люди еще образующіеся, такіе люди не должны смотрѣть на поэзію Пушкина, какъ на древность, любопытную однимъ археологамъ, въ родѣ одъ Майкова, комедіи Лукина и проповѣдей пр. Платона. Пусть такіе люди не думаютъ, что они сдѣлаются истинными реалистами, если ограничатся чтеніемъ книжекъ, излагающихъ современныя идеи, да усвоятъ кой-какія знанія по естественнымъ наукамъ. Какимъ бы реальнымъ путемъ ни были добыты великія истины людьми, впервые ихъ открывшими, тѣмъ не менѣе, эти истины ни мало не способны сдѣлать реалистами людей, у которыхъ въ головѣ очень мало фактовъ по всѣмъ отраслямъ знанія; необходимо, чтобы добытыя истины не болтались въ мозгу въ видѣ готовыхъ отвлеченныхъ формулъ, а имѣли прочную индуктивную подкладку. Въ этомъ отношеніи изученіе историческихъ эпохъ, въ особенности ближайшихъ намъ, и литературныхъ памятниковъ въ связи съ этими эпохами—всегда будетъ служить плодороднымъ матеріаломъ для индуктивнаго мышленія, не менѣе необходимымъ, чѣмъ изученіе фактовъ естествознанія. Вслѣдствіе этого, если поэзія Пушкина не можетъ уже представлять для современнаго юноши прямого развивательнаго значенія въ видѣ чтенія, возбуждающаго мысль и дающаго готовый анализъ окружающей жизни, то, тѣмъ не менѣе, она представляетъ богатый матеріалъ для индукціи; безъ этого матеріала въ головѣ юноши будетъ значительный пробѣлъ, при существованіи котораго онъ никогда не составитъ себѣ яснаго понятія объ эпохѣ 20 и 30 годовъ и о различіи этой эпохи отъ нашей.

XIII.

Анализомъ статей Писарева о Пушкинѣ я могу закончить свою статью. Конечно, разобранныя мною статьи Писарева далеко не исчерпываютъ всего, помѣщеннаго въ 10-ти томахъ собранія его сочиненій. Но цѣль моя заключалась не въ томъ, чтобы разобрать все написанное Писаревымъ въ подробности и въ отдѣльности, сколько въ опредѣленіи общаго характера критической дѣятельности Писарева, для чего я выбралъ изъ статей Писарева наиболѣе выдающіяся и наиболѣе въ свое время надѣлавшія шума.

Анализъ мой можетъ инымъ показаться слишкомъ рѣзкимъ и жесткимъ по отношенію къ писателю, который, во всякомъ случаѣ, былъ однимъ изъ талантливѣйшихъ и изъ честнѣйшихъ дѣятелей литературы. Найдутся, можетъ быть, и такіе люди, которые въ рѣзкости моего анализа увидятъ признакъ затаенной вражды къ покойному. Но такіе люди, которые въ каждомъ полемическомъ отношеніи сейчасъ же предполагаютъ личныя закулисныя страсти, глупо и пошло ошибутся. Къ Писареву, какъ къ человѣку, я питалъ всегда живую симпатію и искренно любилъ его. Разбирая же его сочиненія, я имѣлъ дѣло не съ его личностью, а съ тѣмъ складомъ мышленія, который часто встрѣчается въ нашемъ обществѣ, едва переходящемъ еще отъ идеалистическаго міросозерцанія къ истинно-реальному. При этомъ я совершенно далекъ отъ мысли, будто Писаревъ своею литературною дѣятельностью произвелъ такой складъ мыслей, хотя есть люди, которые думаютъ такимъ образомъ, приписывая непосредственно пропагандѣ Писарева созданіе среды, видящей альфу и омегу прогресса въ мирномъ занятіи

естественными науками и презрительномъ отношеніи ко всякой другой отрасли дѣятельности. Я полагаю, что не Писаревъ создалъ эту среду, а жизнь со всѣми ея условіями; Писаревъ же былъ только талантливѣйшимъ и умнѣйшимъ выразителемъ ея.

Въ то же время я совершенно далекъ отъ мысли, чтобы характеръ дѣятельности Писарева окончательно сложился, и если бы съ Писаревымъ не случилось несчастной катастрофы, онъ продолжалъ бы писать все въ томъ же родѣ и духѣ. Напротивъ того, вся литературная дѣятельность Писарева была ничѣмъ инымъ, какъ однимъ изъ моментовъ его развитія. Но онъ былъ слишкомъ воспріимчивый, живой и талантливый человѣкъ, чтобы могъ окончально остановиться и не пережить его. Такъ, разсматривая дѣятельность Писарева въ хронологическомъ порядкѣ, вы видите, что хотя до самаго конца своего она сохраняетъ тотъ же характеръ, но въ ней, во всякомъ случаѣ, вы замѣчаете движеніе къ выходу изъ того исключительно моральнаго склада мыслей, въ которомъ пребывалъ Писаревъ. Въ первыхъ статьяхъ своихъ Писаревъ болѣе моралистъ, чѣмъ въ послѣднихъ. Такъ, напримѣръ, прочтите въ „Дѣлѣ" 1866 г. статью его о романѣ Достоевскаго „Преступленіе и наказаніе". Подумайте только о томъ, какую обильную пищу могъ бы доставить Писареву типъ Раскольникова для сличенія его съ базаровскимъ типомъ, и опредѣленія, насколько Раскольниковъ походитъ или не походитъ на Базарова, еслибы статья была написана въ 1862, 1863—64 годахъ. Но здѣсь вы видите у Писарева совершенно иной пріемъ: онъ ставитъ на первый планъ тѣ обстоятельства жизни, которыя довели Раскольникова до преступленія, подробно разбираетъ, какъ пришелъ Раскольниковъ къ такому выходу, и при этомъ замѣчаетъ, что одни и тѣ же обстоятельства могутъ вліять равно на образованнаго человѣка, какъ и на темнаго; различіе только въ томъ, что въ то время, какъ необразованный человѣкъ будетъ подверженъ данному процессу инстинктивно и безсознательно, образованный человѣкъ будетъ анализировать этотъ процессъ, формулировать его, возведетъ его въ теорію, и все-таки, результатъ будетъ одинъ и тотъ же—преступленіе, вызванное однѣми и тѣми же причинами. Какъ видите, здѣсь Писаревъ совершенно стоитъ на добролюбовской точкѣ зрѣнія и не говоритъ уже, что только одни карлики и дѣти, необразованная, темная сволочь способна вдругъ съ бухты-барахты или себя укатать, или другого положить на мѣстѣ, а удѣлъ образованныхъ людей только наслаждаться разумнымъ счастіемъ и разливать его вокругъ себя.

Такой же тонкій и глубокій анализъ вы видите въ статьяхъ его, помѣщенныхъ въ „Отечественныхъ Запискахъ" 1868 года, изъ которыхъ въ особенности хороша статья „Старое барство", разбирающая типы романа Толстаго „Война и миръ". Изъ статей, принадлежащихъ къ прежней дѣятельности Писарева, въ „Русскомъ Словѣ" встрѣчается не мало такихъ, въ которыхъ, сообразно съ характеромъ разбиравшихся книжекъ, Писаревъ не могъ слишкомъ вдаться въ свою мораль, и такія статьи представляютъ болѣе реальный характеръ, чѣмъ прочія; таковы: „Наша университетская наука", „Сердитое безсиліе", „Промахи незрѣлой мысли", „Погибшіе и погибающіе" и пр. Наконецъ, вездѣ тамъ, гдѣ Писаревъ не пускается въ характеристику положительныхъ типовъ современной намъ эпохи, а ограничивается однимъ анализомъ отрицательныхъ явленій жизни, тамъ анализъ его блестящъ, глубокъ и тонокъ. Его анализъ отношеній Молотова къ Леночкѣ въ статьѣ „Романъ кисейной барышни", характеристика россійскихъ либераловъ въ статьѣ „Подростающая гуманность", характеристика нѣмецкихъ либераловъ въ статьѣ о Гейне и многія другія—верхъ совершенства. По этимъ характеристикамъ только мы можемъ составить понятіе, какую могучую силу въ литературѣ мы утратили. Очень можетъ быть, что еслибы эта сила продолжала жить и развиваться, то вся та дѣятельность, которою Писаревъ успѣлъ въ своей жизни заявить себя, была бы ни чѣмъ инымъ, какъ первымъ только періодомъ, представляющимъ первые, нетвердые размахи мысли сильной, глубокой, но еще не создавшей себѣ опредѣленнаго широкаго русла для дальнѣйшаго теченія. Такимъ образомъ, главная и наиболѣе плодотворная дѣятельность Писарева могла быть еще впереди, и въ этомъ отношеніи нельзя не пожалѣть о преждевременной утратѣ силы, которая только что начинала развертываться. Вспомнимъ, что Писаревъ умеръ всего какихъ-нибудь 26—27-ми лѣтъ.

Что касается до вліянія статей Писарева на молодое поколѣніе, то и въ этомъ отношеніи я далекъ отъ той мысли, чтобы вліяніе это было вредное и совращающее съ истиннаго пути. Напротивъ того, я признаю за статьями Писарева положительную пользу въ своемъ родѣ. Въ жизни каждаго человѣка есть періодъ, въ который юноша, живя подъ защитою родительскаго крова или школы, бываетъ далекъ отъ всякихъ непосредственныхъ столкновеній съ жизнію, умъ его непробудно спитъ, и юноша не только не имѣетъ никакого понятія о томъ, что дѣлается вокругъ него, но не сознаетъ, что такое онъ самъ и съ какою цѣлію онъ живетъ на свѣтѣ. Вотъ въ этотъ-то періодъ весьма полезно, если въ ушахъ юноши раздастся могучій голосъ, полный искренняго энтузіазма, который начнетъ говорить юношѣ о томъ, что онъ человѣкъ, а потому ничто человѣческое не должно быть ему чуждо, что онъ долженъ трудиться и учиться, чтобы быть достойнымъ названія человѣка, что только въ трудѣ и знаніяхъ истинное призваніе, сила и счастіе человѣка и т. п. Такой голосъ въ періодъ, когда личные, нравственные вопросы стоятъ у человѣка на первомъ планѣ, можетъ служить могучимъ нравственнымъ толчкомъ, необходимымъ для умственнаго пробужденія. Впослѣдствіи, когда юноша столкнется болѣе съ жизнію и она начнетъ щупать его ребра и переклеивать его по своему, тогда для него сдѣлаются необходимы иные учителя, которые могли бы дать благоразумный совѣтъ, какъ бороться съ жизнію, противъ чего бороться, при какихъ условіяхъ и какими средствами. Тогда, юноша, при большемъ объемѣ знаній и опыта, можетъ не согласиться со многими взглядами своего перваго учителя, сознать его заблужденія, односторонности, противорѣчія, но тѣмъ не менѣе не перестанетъ сознавать, что первымъ толчкомъ въ развитіи онъ все-таки былъ обязанъ этому учителю. Этимъ

только и можно объяснить, почему статьи Писарева, при всѣхъ своихъ очевидныхъ недостаткахъ, возбуждаютъ такой энтузіазмъ въ самомъ юномъ возрастѣ; почему ими зачитываются до бреда начинающіе развиваться. А потомъ эти начинающіе переходятъ къ анализу своего учителя и начинаютъ посмѣиваться надъ его разными недостатками. Въ способности будить мысль и подымать нравственные вопросы въ умѣ юноши—главная сила, успѣхъ и вліяніе статей Писарева. И въ этомъ отношеніи статьи Писарева будутъ долго самымъ любимымъ чтеніемъ юношества.

Что же касается тѣхъ людей, которые, начавши мыслить по Писареву, не идутъ далѣе, а останавливаются на идеалистическомъ поклоненіи базаровскому типу и дѣлаются адептами чистаго естествознанія, то виною этому не Писаревъ, а тѣ обстоятельства, которыя мѣшаютъ этимъ людямъ развиваться, идти далѣе отъ писаревскаго идеализма къ истинному реализму, отъ вопросовъ индивидуально-нравственныхъ къ общественнымъ, къ изученію жизни въ связи со всѣми ея условіями.

СТАРАЯ ПРАВДА.

«Обрывъ», романъ И. А. Гончарова, въ 5-ти частяхъ.

I.

Подражая герою романа Гончарова, Райскому, которому ежеминутно мерещились женскія статуи, мы можемъ сравнить романъ Гончарова съ Венерою весьма оригинальнаго свойства. Представьте себѣ статую, въ которой художникъ обратилъ все свое вниманіе на тщательное выполненіе отдѣльныхъ частей. Посмотрите, какъ нѣжно отдѣланы пальчики, обратите вниманіе на этотъ мизинчикъ: художникъ не забылъ въ немъ каждой тончайшей жилочки, каждая такая жилочка дышетъ, трепещетъ, и вы какъ будто видите кровь, переливающуюся подъ тонкою кожицею; а этотъ артистическій носикъ, а смѣлый взмахъ высокаго лба,—однимъ словомъ, на что ни взглянете, такъ и остаетесь прикованные къ мѣсту, словно какимъ-то волшебствомъ. Но вѣдь искусство ваянія заключается не въ одномъ художественномъ исполненіи частей; а потому отойдемъ отъ статуи подальше и посмотримъ, какъ соединяются части въ одно цѣлое. Отошли, посмотрѣли, и намъ остается только вскрикнуть, — но не отъ эстетическаго восторга, а отъ ужаса: вмѣсто легкой, граціозной Венеры передъ нами безобразное чудовище, въ которомъ мы не можемъ разобрать, гдѣ руки, гдѣ ноги, гдѣ волосы; передъ нами что-то несоразмѣрное, тяжелое, какъ кошмаръ и ежеминутно готовое повалиться всею своею массою. А между тѣмъ сквозь это безобразіе не перестаетъ мерещиться нѣчто совершенно иное. Вамъ постоянно чудится, что задумана была художникомъ прелестная Венера, но впослѣдствіи она была умышленно обезображена и обращена въ чучело для того, чтобы охранять отъ хищныхъ воробьевъ огороды, на которыхъ произрастаютъ невинныя россійскія дѣвы. Говорю я это не изъ злобы, не изъ предубѣжденія и не съ цѣлію умышленно унизить произведеніе Гончарова; напротивъ того, согласенъ, что на многихъ страницахъ своего романа Гончаровъ является тѣмъ-же, какимъ онъ былъ и въ „Обыкновенной исторіи“, и въ „Обломовѣ“. Обратите вниманіе на Райскаго, Бѣловодову, Татьяну Марковну, Мареиньку, Викентьева, наконецъ не бездну другихъ побочныхъ личностей, мелькающихъ въ романѣ, всѣ они, мало сказать—живыя личности, исполненныя плоти и крови, но по своей широтѣ могутъ служить представителями одного изъ сословій нашего общества. Возьмите вы въ то-же время рядъ мелкихъ сценъ, въ которыхъ дѣйствующія лица романа мелькаютъ передъ вами то за обѣдомъ, то за чаемъ и ужиномъ; то откроются передъ вами закулисныя шашни дворовыхъ; то предстанетъ передъ вами бабушка, звенящая ключами и распудривающая какую нибудь Аксинью; то вы увидите сцену кормленія куръ уѣздною барышнею; то эта барышня бѣгаетъ передъ вами съ женихомъ въ горѣлки;—однимъ словомъ, вся немногосложная, бѣдная содержаніемъ захолустная, помѣщичья жизнь добраго стараго времени воспроизводится передъ вами во всей своей обыденности, какъ тянулась она когда-то день за днемъ и авторъ не жалѣетъ красокъ: каждую сценку онъ отдѣлываетъ со всѣми мельчайшими подробностями, не забывши даже галки, которая подкрадывается, подскакивая бокомъ къ пшену, когда Мареинька кормитъ куръ. И въ этомъ отношеніи Гончаровъ нисколько не уступаетъ своимъ прежнимъ романамъ: они точно также изобиловали мелкими сценами во фламандскомъ вкусѣ и сцены эти были отдѣланы не съ большею художественною тщательностью, чѣмъ и въ „Обрывѣ“.—Но если мы отъ этихъ мелочей перейдемъ къ цѣлому романа, начнемъ разсматривать, какъ совокупилъ авторъ свои типы въ одну стройную драму,—то лучше ужь закрыть глаза и совсѣмъ не смотрѣть.

Въ этомъ отношеніи надъ Гончаровымъ до сихъ поръ тяготѣетъ приговоръ, сдѣланный Бѣлинскимъ 20 лѣтъ тому назадъ по поводу появленія перваго произведенія тогда еще молодаго писателя—„Обыкновенной исторіи“.

«Придуманная авторомъ развязка романа, сказалъ Бѣлинскій (см. 413 стр. т. XI), портитъ впечатлѣніе всего этого прекраснаго произведенія, потому что она неестественна и ложна. Въ эпилогѣ хороши только Петръ Иванычъ и Лизавета Александровна до самаго конца; въ отношеніи же къ герою романа, эпилогъ хоть не читать... Какъ такой силь-

ный талантъ могъ впасть въ такую странную ошибку? Или онъ не совладалъ съ своимъ предметомъ? Ничуть не бывало! *Авторъ увлекся желаніемъ попробовать свои силы на чуждой ему почвѣ—на почвѣ сознательной мысли—и перестать быть поэтомъ.*—Здѣсь всего яснѣе открывается различіе его таланта съ талантомъ Искандера (Бѣлинскій сравниваетъ здѣсь «Обыкновенную исторію» Гончарова съ романомъ Искандера «Кто виноватъ», которые онъ разбираетъ вмѣстѣ, сопоставляя одинъ романъ съ другимъ): тотъ и въ сферѣ, чуждой для его таланта—дѣйствительности—умѣлъ выпутаться изъ своего положенія силою мысли; авторъ «Обыкновенной исторіи» впалъ въ важную ошибку именно оттого, что оставилъ на минуту руководство непосредственнаго таланта. У Искандера мысль всегда впереди, онъ впередъ знаетъ, что и для чего пишетъ; онъ изображаетъ съ поразительною вѣрностью сцену дѣйствительности для того только, чтобы сказать о ней свое слово, произнести судъ. *Гончаровъ рисуетъ свои фигуры, характеры, сцены прежде всего для того, чтобы удовлетворить своей потребности рисовать; говорить и судить и извлекать изъ нихъ нравственныя слѣдствія ему надо предоставить своимъ читателямъ».*

Къ этому надо прибавить еще, что почва сознательной мысли не потому чужда Гончарову, что онъ непосредственный поэтъ. Было бы совершенною нелѣпостью судить, что человѣкъ, обладающій даромъ непосредственной поэзіи, непремѣнно долженъ быть лишенъ сознательной мысли. Еслибы это было такъ, въ такомъ случаѣ не могло бы явиться такихъ поэтовъ, какъ Шекспиръ, Гёте, Байронъ, Гейне и многихъ другихъ, которые рядомъ съ даромъ непосредственной поэзіи владѣли не менѣе сильнымъ мышленіемъ. Наши же писатели стоятъ на степени одной непосредственной поэзіи просто потому, что даръ мышленія находится у нихъ въ состояніи наивнаго младенчества. Въ ихъ фантазіяхъ носятся художественныя представленія, они могутъ воспроизводить ихъ иногда съ геніальною художественностью, но освѣщать ихъ философскою мыслію—объ этомъ вы ихъ лучше ужь и не спрашивайте. Какъ только россійскій беллетристъ пустится судить, умозаключать и дѣлать разные міровые приговоры—сейчасъ и обнаружится передъ вами вся жалкая бѣдность его мысли, все его пошлое невѣжество.—Бѣлинскій совершенно вѣрно опредѣлилъ талантъ Гончарова, сказавши, что онъ больше ничего какъ талантливый рисовальщикъ и рисуетъ свои фигуры, характеры, сцены прежде всего для того, чтобы насладиться способностію рисовать. Но Гончарову мало одного этого наслажденія; ему постоянно хочется быть судьею своихъ типовъ и своего времени, и это поползновеніе составляетъ ахилессову пятку всѣхъ его произведеній. Вѣдь и въ „Обломовѣ", какъ ни хороши типы Обломова и Ольги, какъ ни хороши отдѣльныя мелкія сцены, но драма въ цѣломъ не выдерживаетъ критики, потому что сопоставивши такіе типы, какъ Ольги и Обломова, авторъ долженъ былъ употребить большую натяжку, чтобы заставить Ольгу хотя бы и временно влюбиться въ Обломова; а съ другой стороны—вамъ представляется Штольцъ, этотъ ходульный, неестественный герой, олицетворенная нравственная сентенція, сочиненная нарочно въ противовѣсъ Обломову,—о немъ и говорить нечего!...

Но если въ „Обыкновенной исторіи" неестественъ и ложенъ только исходъ, который придумалъ Гончаровъ для своего героя, если въ „Обломовѣ" неестественъ цѣлый типъ и натянутъ весь ходъ драмы,—что же скажете вы объ „Обрывѣ", который создался слѣдующимъ образомъ: — Гончаровъ задумалъ этотъ романъ, по собственнымъ его словамъ, ранѣе 1856 года. Слава автора была въ то время въ своемъ апогеѣ: „Обломовымъ", вышедшимъ въ свѣтъ въ концѣ 50-хъ годовъ, зачитывались, считали его чуть-что не эпопеею русской жизни; критика отнеслась къ роману такъ, какъ онъ того заслуживалъ, если не болѣе, и самое гордое самолюбіе не могло не быть удовлетворено этою критикою. На молодое поколѣніе глядѣли въ то время еще съ надеждою и упованіемъ, видѣли въ немъ залогъ новаго времени, расцвѣтающую зарю и все такое подобное, и никому не приходило тогда въ голову, что это болѣе ничего, какъ сонмище недоученныхъ мальчишекъ и стриженныхъ дѣвокъ, совращенныхъ съ истиннаго пути въ бездну отрицанія и разврата. Понятно, что Гончарову въ то время не могло прійти и въ голову выставлять несостоятельность новыхъ ученій и спасительность старыхъ. Останься романъ при своемъ первоначальномъ замыслѣ, онъ, конечно, носилъ бы такой-же характеръ, какой имѣютъ всѣ предыдущіе романы Гончарова: точно также онъ отличался-бы богатствомъ характеровъ, сценъ и всевозможныхъ красокъ, обрисовывающихъ передъ нами старую жизнь нашего общества. Весьма вѣроятно, что была бы проведена въ романѣ и тенденція, и, конечно, крайне узенькая: типъ Тушина, разумѣется, нарочно для того и сочиненъ, чтобы, подобно типу Штольца, служить для вящаго нравоученія олицетворенною нравственною сентенціею. Узенькая тенденція вела бы за собою не мало фальши; но объективная сторона романа на столько перевѣшивала бы, что сами собою выливалась бы черезъ край узенькой сентенціи и представляла бы критикѣ такой же богатый матеріалъ для анализа жизни нашего общества, какъ и прежніе романы Гончарова.

Но роману, увы, не суждено было остаться въ своемъ первоначальномъ видѣ. Съ теченіемъ времени, когда Гончарова, подобно большинству его современниковъ, начали смущать различные призраки, онъ вознамѣрился выразить ужасъ свой по поводу этихъ миражей. Но онъ не вполнѣ послѣдовалъ примѣру своихъ сотоварищей. Тѣ подъ впечатлѣніемъ такого-же ужаса задумали новыя произведенія, нарочно для того и предназначенныя, чтобы выразить то, что навѣяло на писателей новое время. Гончаровъ вздумалъ употребить въ дѣло старый матеріалъ, неоконченное произведеніе, задуманное совершенно подъ иными настроеніями. Ему показалось, что ничего не стоитъ сдѣлать такое превращеніе: стоитъ только передѣлать одинъ типъ, да отъ себя прибавить нѣсколько разсужденій по поводу новыхъ ученій—и дѣло въ шляпѣ. Гончаровъ самъ говоритъ въ предисловіи, что онъ своимъ друзьямъ еще въ 1856 и 57 годахъ *„сообщалъ подробно, какъ самъ видѣлъ въ перспективѣ весь романъ съ толпою дѣйствующихъ лицъ, съ описаніемъ мѣстностей, сценъ, съ характерами, выключая одинъ (Маркъ Волоховъ), принявшій подъ конецъ романа, начатаго давно и конченнаго недавно, болѣе современный оттѣ-*

нокъ". Въ этихъ словахъ вы видите удивительную наивность автора и полное непониманіе имъ самыхъ элементарныхъ законовъ творчества. Задумать романъ 15 лѣтъ тому назадъ, а потомъ взять одинъ изъ типовъ этого романа, да и передѣлать его въ духѣ современныхъ нравовъ, — да вѣдь это все равно, что взять какую-либо античную статую Аполлона и пытаться преобразить ее въ Суворова, чтобы поставить на монументъ.

Что за сумбуръ вышелъ отъ такой передѣлки, уму непостижимо: отъ стараго сюжета романъ уклонился, къ новому не присталъ. Самая иллюзія романа совершенно нарушилась, и авторъ вывелъ такія психическія положенія, которыя, будучи совершенно естественны и понятны при старомъ замыслѣ, сдѣлались крайне-натянутыми и совершенно немыслимыми при новомъ. Чтобы распутать всю эту путаницу, намъ остается держаться слѣдующаго плана: первоначально мы откинемъ всѣ разсужденія автора и попытки его подвергнуть изображаемое анализу, откинемъ и типъ Марка Волохова, какъ будто его вовсе не было въ романѣ. Тогда передъ нами самъ собою всплыветъ романъ въ основномъ своемъ сюжетѣ, вполнѣ соотвѣтствующемъ старой жизни нашего общества; рядомъ съ этимъ вмѣсто Марка Волохова предстанетъ передъ нами иной типъ, совершенно въ духѣ этой старой жизни.

Сдѣлавши такой анализъ, мы приступимъ къ субъективной сторонѣ романа и постараемся раскрыть все, и художественное, и умственное, и нравственное безобразіе романа.

II.

Когда мы называемъ жизнь, изображенную Гончаровымъ, *старою*, мы употребляемъ это слово не по отношенію только къ какимъ-нибудь десятилѣтіямъ; многія явленія, которыя мы находимъ въ романѣ, встрѣчаются и въ наше время, и мы не знаемъ, сколько пройдетъ еще до тѣхъ поръ, когда ихъ совсѣмъ уже не будетъ встрѣчаться. Мы намѣрены поставить изображенную Гончаровымъ жизнь на общую историческую почву и посмотрѣть, къ какому періоду цивилизаціи относится она съ тѣми принципами, которые лежатъ въ ея основаніи. И если мы это сдѣлаемъ, мы увидимъ, что въ основахъ своихъ, она совершенно аналогична съ жизнію не только среднихъ вѣковъ, но и тѣхъ древнихъ обществъ, бытъ которыхъ мы привыкли считать ветхимъ.

Въ древнихъ обществахъ господствовалъ бытъ чисто родовой съ тѣми принципами, которые прямо изъ него выходятъ. Принципы эти слѣдующіе: 1) полное, безусловное подчиненіе отдѣльной личности интересамъ общаго цѣлаго, составляющаго отдѣльный родъ, въ какомъ бы видѣ онъ ни представлялся, въ видѣ ли патріархальной семьи кочующаго племени, или въ видѣ демократической республики на подобіе Аѳинъ, еврейской теократіи или римскаго патриціата; 2) охраненіе рода и стремленіе возвеличить его по возможности надъ всѣми родами и все подчинить его власти.

Изъ перваго принципа вытекала вѣчная борьба личности съ обществомъ и стремленіе личности освободиться. Второй принципъ имѣлъ своимъ результатомъ постоянное соперничество между родами и стремленіе родовъ возвыситься одинъ надъ другимъ и, если возможно, подчинить соперниковъ своей власти. Этимъ исчерпывается вся исторія древняго міра: онъ весь состоялъ изъ отдѣльныхъ племенныхъ общинъ, въ основаніи которыхъ лежали семейные роды, и каждая община, каждое племя составляли въ цѣломъ свой особенный родъ, живущій для себя, соблюдающій только свои интересы, огражденный непроходимой стѣною отъ всего человѣчества. Соблюдая свои родовые интересы, древнія общины постоянно воевали между собою, стараясь нажиться одна на счетъ другой, поработить одна другую, пока римскій родъ не поглотилъ весь древній міръ. И семейные роды внутри каждой древней общины находились въ постоянномъ антагонизмѣ: равенство сохранялось обыкновенно только между нѣсколькими равномогучими родами, которые не имѣли возможности возвыситься одинъ надъ другимъ; менѣе же могучіе роды подчинялись болѣе могучимъ, а въ самомъ низу представлялась толпа рабовъ, трудами которыхъ существовалъ весь древній міръ.

Христіанскія идеи, возникшія на почвѣ древняго міра, представляютъ полное отрицаніе всѣхъ принциповъ родоваго быта. Частные, родовые культы христіанство замѣнило равно обязательнымъ для всѣхъ народовъ поклоненіемъ единому Богу; на мѣсто охраненія родовыхъ интересовъ поставило служеніе общечеловѣческому благу, на мѣсто соперничества и порабощенія—братство и любовь; наконецъ, оно освободило личность изъ-подъ власти рода и даровало ей нравственную свободу.

Древній міръ не пережилъ кризиса, послѣ котораго онъ долженъ былъ вступить въ новый возрастъ своего существованія. Германскіе же и славянскіе народы, выступившіе на историческое поприще, хотя и приняли христіанство, но были очень юны, чтобы усвоить и провести сейчасъ же въ жизнь всѣ его идеи. Они должны были пережить тотъ же возрастъ родоваго быта, на которомъ почилъ древній міръ. Средніе вѣка, какъ на западѣ, такъ и у насъ—представляютъ именно этотъ возрастъ. Вся Европа раздѣлилась въ средніе вѣка на отдѣльные роды феодаловъ, и всѣ средніе вѣка представляютъ борьбу между этими родами изъ-за права первенства и господства, пока болѣе могучіе роды королей не подчиняютъ своей власти менѣе могучіе роды феодаловъ, а затѣмъ къ концу среднихъ вѣковъ болѣе могучіе изъ королей начинаютъ мечтать о всемірномъ господствѣ въ духѣ римской имперіи. У насъ мы видимъ то же самое: наша исторія съ того и начинается, что родъ возставалъ на родъ, а управы не было; призванные варяги раздѣляются на тѣ же роды и начинаются удѣльныя междоусобія, въ которыхъ родъ воюетъ съ родомъ, племя съ племенемъ изъ-за того же, изъ-за чего воевали древнія республики между собою. И кончается тѣмъ же поглощеніемъ родомъ московскихъ князей всѣхъ отдѣльныхъ родовъ и племенъ Россіи.

Съ XV вѣка Европа начала переживать кризисъ, подобный кризису, котораго не могъ пережить древній

міръ. Подобно тому, какъ и тамъ, въ воздухѣ начали носиться идеи общечеловѣческихъ интересовъ, братства, любви и свободы—вмѣсто узкихъ принциповъ родоваго эгоизма, завоеванія и порабощенія.

Но родовой бытъ вовсе не такой хрупкій, чтобы сломить его можно было однимъ ударомъ, однимъ почеркомъ пера, какъ измѣнить какую-нибудь французскую конституцію. Впродолженіи цѣлыхъ тысячелѣтій онъ успѣлъ глубоко вкорениться во все, такъ сказать, поры жизни европейскихъ обществъ. Для того, чтобы окончательно пережить его, необходимы дружныя усилія и неустанная борьба цѣлыхъ сотенъ поколѣній. Если современное намъ человѣчество успѣло уже во многихъ отношеніяхъ пошатнуть принципы родоваго быта, если завоевательная политика все болѣе и болѣе уходитъ на задній планъ, если рабство уничтожено въ Европѣ и Америкѣ, если рушатся ежедневно различныя феодальныя привиллегіи,—то во всякомъ случаѣ, родовой бытъ все еще остается господствующимъ во многихъ отношеніяхъ людей между собою. Семейство въ большинствѣ европейскихъ обществъ до сихъ поръ еще основывается на родовыхъ началахъ рабства женщинъ и дѣтей и деспотизма старшихъ; соперничество родовъ перешло съ почвы владычества меча на почву владычества капитала, и рабы замѣнились наемниками.

Жизнь, изображенная въ романѣ Гончарова, является передъ нами старою именно потому, что въ ней мы видимъ всѣ принципы родоваго быта и многія черты нравовъ, совершенно аналогическія съ чертами нравовъ семьи какого-нибудь средневѣковаго феодальнаго міра или древняго, классическаго.

Какъ извѣстно, въ родовой семьѣ существуютъ два необходимые элемента: съ одной стороны, старшіе члены, пастыри, патріархи, устроители и охранители рода—элементъ господствующій; съ другой стороны—низшіе члены рода, паства, охраняемая пастырями,—элементъ подчиненный.

Пастырями и охранителями являются въ романѣ тетушки Бѣловодовой и бабушка Райскаго. Несмотря на различіе характеровъ и вытекающаго изъ этого различія въ способѣ управленія, мы увидимъ, что какъ первыя, такъ и послѣдняя преслѣдуютъ однѣ и тѣ же цѣли и приходятъ къ однимъ и тѣмъ же результатамъ.

III.

Тетушки Бѣловодовы принадлежатъ къ тѣмъ сферамъ нашей жизни, гдѣ охраненіе родовыхъ началъ возведено въ сознательную, стройную систему, доведено, съ одной стороны, до самаго узкаго педантизма, а съ другой—до крайняго фанатизма, напоминающаго фанатизмъ испанскаго католичества. Не ждите здѣсь и тѣни самостоятельнаго, свободнаго движенія мысли, чувствъ, и что тутъ говорить о какихъ-либо высшихъ принципахъ, и проявленіи хотя бы чего-нибудь похожаго на чувство состраданія, участія къ ближнему: все здѣсь подчинено узкимъ интересамъ родоваго эгоизма, и малѣйшее отклоненіе отъ разъ опредѣленныхъ законовъ компрометируетъ уже родъ то со стороны его значенія, то со стороны его чести. Въ этой сферѣ жизни даже присутствіе бѣднаго учителя на обѣдѣ или soirée musicale наноситъ уже оскорбленіе роду и коробитъ пастырей.

«Когда папа привезъ его (т.-е. учителя) въ первый разъ послѣ болѣзни,—разсказываетъ Бѣловодова,—онъ былъ блѣденъ, молчаливъ... глаза такіе томные... Мнѣ стало очень жаль его, и я спросила его, чѣмъ онъ былъ боленъ... Онъ взглянулъ на меня съ благодарностью, почти нѣжно... Но maman послѣ обѣда отвела меня въ сторону и сказала, что это ни на что не похоже—дѣвицѣ спрашивать о здоровьѣ молодаго человѣка, еще учителя, «и Богъ знаетъ, кто онъ такой!» прибавила она. Мнѣ стало стыдно, я ушла и плакала въ своей комнатѣ, потомъ ужь никогда ни о чемъ не разспрашивала».

А затѣмъ стоило несчастной барышнѣ, вслѣдствіе естественной, почти дѣтской влюбчивости, покраснѣть при входѣ учителя на soirée musicale и съиграть не совсѣмъ равнодушно музыкальную пьесу, для того, чтобы въ домѣ поднялась страшная буря.

«Maman, не простясь, ушла послѣ гостей къ себѣ. Надежда Васильевна, прощаясь, покачала головой, а у Анны Васильевны на глазахъ были слезы... На утро я ждала, пока позовутъ меня къ maman, но меня долго не звали. Наконецъ, за мной пришла ma tante Надежда Васильевна и сухо сказала, чтобъ я шла къ maman. У меня сердце сильно билось, и я сначала даже не разглядѣла, что было, и кто былъ у maman въ комнатѣ. Тамъ было темно, портьеры и сторы были спущены, maman казалась утомлена; подлѣ нея сидѣла тетушка, mon oncle prince Serge и папа... Папа стоялъ у камина и грѣлся. Я посмотрѣла на него и думала, что онъ взглянетъ на меня ласково; мнѣ бы легче было. Но онъ старался не глядѣть на меня; бѣдняжка папа боялся maman; а я видѣла, что ему было жалко. Онъ все жевалъ губами, онъ это всегда дѣлаетъ въ ажитаціи, вы знаете... «Позвольте васъ спросить, кто вы, и что вы?» тихо спросила maman. «Ваша дочь», чуть-чуть внятно отвѣтила я. «Не похоже. Какъ вы ведете себя!». Я молчала: отвѣчать было нечего... «Что за сцену разъиграли вы вчера, комедію, драму? Чье это сочиненіе, ваше или учителя этого... Ельнина?»—«Maman, я не играла сцены, я нечаянно»... едва проговорила я; такъ мнѣ было тяжело. «Тѣмъ хуже—сказала она,—Il y a donc du sentiment là dedans? Вотъ послушайте, обратилась она къ папа:—что говоритъ ваша дочь. Какъ вамъ нравится это признаніе?». Онъ, бѣдный, былъ смущенъ и жалокъ больше меня и смотрѣлъ внизъ; я знала, что онъ одинъ не сердится, а мнѣ хотѣлось бы умереть въ эту минуту со стыда... «Знаете ли, кто онъ такой? сказала maman:—вашъ учитель? Вотъ князь Serge все узналъ: онъ сынъ какого-то лекаря, бѣгаетъ по урокамъ, сочиняетъ, пишетъ русскимъ купцамъ французскія письма заграницу за деньги и этимъ живетъ»...—«Какой срамъ!»,—сказала ma tante. Я не дослушала дальше: мнѣ сдѣлалось дурно. Когда я опомнилась, подлѣ меня сидѣли обѣ тетушки, и папа стоялъ со спиртомъ. Maman не было. Я не видала ее двѣ недѣли. Потомъ, когда увидались, я плакала, просила прощенія. Maman говорила, какъ поразила ее эта сцена, какъ она чуть не заплакала, какъ это все замѣтила кузина Любимова и пересказала Михайловымъ, какъ тѣ обвинили ее въ недостаткѣ вниманія, бранили, зачѣмъ принимала богъ-знаетъ кого. «Вотъ чему ты подвергла меня!» заключила maman.—Я просила простить и забыть эту глупость и дала слово впередъ держать себя прилично».

Такъ съ дѣтства уже забивали въ дѣвочкѣ всякія человѣческія побужденія. Все воспитаніе Бѣловодовой было направлено къ тому, чтобы сдѣлать изъ нея не живого, свободнаго человѣка, любящаго, сочувство-

вавшаго радостямъ и горю ближнихъ, а какую-то куклу на пружинахъ, бальзамированную мумію, которая ни однимъ шагомъ, ни однимъ движеніемъ не могла бы нарушить достоинства и чести своего рода.

«Я не шалила; миссъ Дредсонъ шла рядомъ, и дальше трехъ шаговъ отъ себя не пускала. Однажды мальчикъ бросилъ мячикъ, и онъ покатился мнѣ въ ноги, я поймала его и побѣжала отдать ему, миссъ сказала maman, и меня три дня не пускали гулять. Впрочемъ, я мало помню, что было, помню только, что ѣздилъ танцмейстеръ и училъ: chassé en avant, chassé à gauche, tenez-vous droit, pas de grimaces... Послѣ обѣда мнѣ позволяли въ большой залѣ играть часъ въ мячикъ, прыгать черезъ веревочку, но тихонько, чтобы не разбить зеркалъ и не топать ногами. Maman не любила, когда у меня раскраснѣются щеки и уши, а потому мнѣ не велѣно было слишкомъ бѣгать. Еще увѣряли, что будто я (она засмѣялась) языкъ показывала, когда рисую и пишу и даже танцую—и оттого pas de grimaces раздавалось довольно часто.

Послѣ замужества, конечно, по указанію старшихъ, въ духѣ родовыхъ интересовъ, въ которомъ и тѣни не было хоть чего-нибудь похожаго на чувство, Бѣловодова овдовѣла и должна была сдѣлаться, повидимому, женщиною совершенно самостоятельною; даже и въ древней, до-петровской Руси вдовы пользовались нѣкоторою самостоятельностью, о которой не смѣли и помышлять дѣвушки и жены. Ничуть не бывало: мы видимъ, что Бѣловодова окружена столь же бдительнымъ надзоромъ со всѣхъ сторонъ, какъ и 15-тилѣтняя дѣвочка. Когда она бесѣдуетъ съ мужчиной, тутъ же непремѣнно присутствуетъ аргусъ въ видѣ одной изъ тетушекъ, и если затрогиваются вопросы живые, глубокіе, то старухи тономъ и сентенціями сейчасъ кладутъ на всякій разговоръ патентованную печать. Бѣловодова понятія не имѣетъ о томъ, что такое значитъ свободно располагать своими собственными деньгами. „Тетушка десять разъ сочтетъ и спрячетъ къ себѣ,—говоритъ Бѣловодова,—а я, какъ институтка, выпрашиваю свою долю, и она выдаетъ мнѣ, вы знаете, съ какими наставленіями". Даже самый порядокъ въ комнатѣ Бѣловодовой подвергается неусыпному надзору со стороны тетушекъ: чуть цвѣты раскинутся въ вазѣ прихотливо, сейчасъ они приводятся въ симметрію; чуть книга въ богатомъ переплетѣ окажется лежащею на диванѣ, на стулѣ—книга ставится на полку; чуть западаетъ слишкомъ вольный лучъ солнца и играетъ на хрусталѣ, на зеркалѣ, на серебрѣ,—тетушка находитъ, что глазамъ больно, молча указываетъ человѣку пальцемъ на портьеру, и тяжелая, негнущаяся шелковая занавѣска мѣрно падаетъ съ петли и закрываетъ свѣтъ.

Наконецъ, въ жизни Бѣловодовой-вдовы возможенъ эпизодъ, совершенно подобный исторіи Бѣловодовой-дѣвочки съ учителемъ Ельнинымъ. Въ домъ ея началъ входить итальянскій графъ Малари; Бѣловодова разыгрывала съ нимъ музыкальные дуэты, а онъ, подобно Райскому, толковалъ съ ней тишкомъ о свободѣ чувствъ и жизни. Бѣловодова почувствовала къ нему нѣчто вродѣ расположенія, которое далеко еще было отъ страсти. Стоило графу нѣсколько разъ проѣхаться верхомъ возлѣ экипажа Бѣловодовой, чтобы въ свѣтѣ заговорили всѣ, что Бѣловодова á poussé la chose trop loin, и стоило Бѣловодовой написать графу Малари записочку самаго невиннаго содержанія, вродѣ слѣдующаго: „Venez, comte, je vous attends entre huit et neuf heures, personne n'y sera, et surtout n'oubliez pas votre portfeuille artistique. Je suis etc. S. B.", чтобы въ домѣ поднялась буря, совершенно подобная вышеописанной исторіи съ Ельнинымъ: портьеры задвинулись, сторы спустились, домъ заперся для всѣхъ входящихъ и выходящихъ, начались охи, ахи; флаконы со спиртомъ и пр. Сама Софья Бѣловодова, какъ кающаяся институтка, начала твердить: „Oui, la faute est à moi, je me suis compromise: une femme, qui se respecte ne doit pas pousser la chose trop loin... se permettre"... Въ довершеніе ужаса узнали, что графъ изъ „новыхъ", и своимъ прежнимъ правительствомъ былъ „mal vu" и „эмигрировалъ" изъ отечества въ Парижъ, гдѣ и проживалъ, а главное, что у него тамъ, подъ голубыми небесами, во Флоренціи или въ Миланѣ, есть какая-то нареченная невѣста, тоже кузина, что вся его фортуна перейдетъ въ его родъ изъ того рода, также какъ и виды на карьеру... Какой ужасный ударъ гордости рода Ельневыхъ и безукоризненной чистотѣ Софіи Бѣловодовой!

Такая строгая система воспитанія, проведенная педантически до послѣднихъ мелочей, не замедлила оказать свое дѣйствіе. Въ лицѣ Бѣловодовой передъ вами нѣчто чудовищное, доведенное до невѣроятнаго, а между тѣмъ, это невѣроятное до такой степени приглядѣлось намъ на каждомъ шагу, что мы привыкли смотрѣть на него, какъ на явленіе обыденное. Такія женщины, какъ Бѣловодова, создаются безъ всякаго труда въ восточныхъ гаремахъ, подъ надзоромъ строгихъ евнуховъ, но надо удивляться искусству воспитанія, которое съумѣло женщину, живущую въ шумѣ свѣта столицы, считающейся европейскою, сохранить въ томъ видѣ, въ какомъ могутъ быть только невольницы, впродолженіи цѣлой жизни ничего не видавшія дальше стѣнъ своего гарема или терема. И если только вы хоть сколько-нибудь знакомы съ положеніемъ женщины въ древнемъ мірѣ, васъ должна поразить аналогія между Бѣловодовой и какою-нибудь аѳинскою γυνη и римскою матроною. Изъ Бѣловодовой сдѣлали дѣйствительно какую-то мраморную статую, въ которой не шевелилось никакой мысли, никакого чувства, никакой жизни—все это было убито и заморожено до крайняго оцѣпенѣнія.

«Когда въ семействѣ тетки и близкіе старики и старухи часто при ней гадали ей въ томъ или другомъ искателѣ мужа: то посланникъ являлся чаще другихъ въ домъ, то недавно отличившійся генералъ, а однажды серьезно поговаривали объ одномъ старикѣ, иностранцѣ, потомкѣ королевскаго угасшаго рода—она молчитъ и смотритъ беззаботно, какъ будто дѣло шло не о ней... Ни въ одной чертѣ никогда не было никакой тревоги, желанія, порыва. Напрасно Райскій, слыша раздирающій вопль на сценѣ, быстро глядѣлъ на нее, что она? Она смотрѣла на это безъ томительнаго, поглотившаго всю публику напряженія, безъ наивнаго страданія. И каррикатура на жизнь, комическая сцена, вызывавшая всеобщій, продолжительный хохотъ, вызывала у ней только легкую улыбку и молчаливый, обмѣненный съ бывшей съ нею въ ложѣ женщиной взглядъ».

Рядомъ съ этой деревянностью вы видите разумъ младенца, не имѣющаго ни малѣйшаго понятія о томъ, какія отношенія между людьми, какія бываютъ у лю-

дей заботы, какъ люди живутъ внѣ собственнаго дома, откуда папенька съ маменькою или тетеньки берутъ деньги для существованія... О какихъ-либо правахъ, обязанностяхъ человѣческихъ тутъ ужь и говорить нечего. Однажды Райскій вздумалъ развить передъ Бѣловодовой картину быта ея крестьянъ и разсказалъ, какъ „въ тамбовскихъ или орловскихъ ея поляхъ въ зной жнетъ беременная баба, бросивши дома ребятишекъ, они ползаютъ съ курами, поросятами, а если нѣтъ какой-нибудь дряхлой бабушки дома, то жизнь ихъ каждую минуту виситъ на волоскѣ: отъ злой собаки, отъ проѣзжей телѣги, отъ дождевой лужи... А мужъ ея бьется тутъ-же, въ бороздахъ на пашнѣ, или тянется съ обозомъ въ трескучій морозъ, чтобы добыть хлѣба, буквально хлѣба, утолить голодъ съ семьей и, между прочимъ, внести въ контору пять или десять рублей, которые потомъ приносятъ ей, Бѣловодовой, на подносѣ". Бѣловодова, услышавши такія слова Райскаго, пришла въ такое удивленіе и смущеніе, какъ будто ей въ первый разъ сообщили, что всѣ люди смертны и что она тоже когда-нибудь умретъ.

— Это очень серьезно, что вы мнѣ сказали, произнесла она задумчиво. — Если вы меня не разбудили, то напугали. Я буду дурно спать. Ни тетушка, ни Paul, мужъ мой, никогда не говорили этого—и никто. Иванъ Петровичъ, управляющій, привозилъ бумаги, счеты, я слышала, говорили иногда о хлѣбѣ, о неурожаѣ. А... о бабахъ этихъ... и о ребятишкахъ... никогда...

И чтобы успокоить внезапно проснувшуюся совѣсть, Бѣловодова тотчасъ-же придумала средство въ такомъ родѣ:

— Когда-нибудь... мы проведемъ лѣто въ деревнѣ, cousin, сказала она живѣе обыкновеннаго: — пріѣзжайте туда и... мы не велимъ пускать ребятишекъ ползать съ собаками — это прежде всего. Потомъ попросимъ Ивана Петровича не посылать... этихъ бабъ работать... Наконецъ, я не буду брать своихъ карманныхъ денегъ...

IV.

Бабушка Райскаго принадлежитъ къ охранителямъ другаго рода. Правда, міросозерцаніе ея было чисто родовое, патріархальное въ самомъ узкомъ смыслѣ этого слова. Въ своемъ захолустномъ уголкѣ она была живымъ олицетвореннымъ преданіемъ старины: вся ея незатѣйливая жизнь слагалась по этимъ преданіямъ.

«Разсуждаетъ она о людяхъ ей знакомыхъ очень мѣтко, разсуждаетъ правильно о томъ, что дѣлалось вчера, что будетъ дѣлаться завтра, никогда не ошибается; горизонтъ ея кончается, съ одной стороны, полями; съ другой—Волгой и ея горами; съ третьей—городомъ, а съ четвертой—дорогой въ міръ, до котораго ей дѣла нѣтъ.

«Желаетъ она въ концѣ зимы, чтобы весна скорѣй наступила, чтобъ рѣка прошла къ такому-то дню, чтобъ лѣто было теплое и урожайное, чтобъ хлѣбъ былъ въ цѣнѣ, а сахаръ дешевле, чтобъ, если можно, купцы давали его даромъ, также, какъ вино, кофе и пр. Любила, чтобъ къ ней губернаторъ изрѣдка заѣзжалъ съ визитомъ, чтобы пріѣзжее изъ Петербурга важное или замѣчательное лицо непремѣнно побывало у нея, и вице-губернаторша пошла, а не она къ ней, послѣ обѣдни въ церкви, чтобъ, когда ѣдетъ по городу, ни одинъ встрѣчный не проѣхалъ и не прошелъ не поклонясь ей, чтобы купцы засуетились и бросили покупателей, когда она явится въ лавку, чтобы никогда никто не сказалъ о ней дурнаго слова, чтобы дома всѣ ея слушались до того, что кучера никогда не курили трубки ночью, особенно на сѣновалѣ, и чтобъ Тараска не напивался пьянъ, даже когда они могли-бъ это сдѣлать такъ, чтобъ она не узнала. Любила она, чтобы всякій день кто-нибудь завернулъ къ ней, а въ именины ея всѣ, начиная съ архіерея, губернатора и до послѣдняго повытчика въ палатѣ, чтобы три дня городъ поминалъ ея роскошный завтракъ, нужды нѣтъ, что ни губернаторъ, ни повытчики не пользовались ея искреннимъ расположеніемъ. Но если-бы не пришелъ въ этотъ день m-r Шарль, котораго она терпѣть не могла, или Полина Карповна, она-бы искренно разобидѣлась...»

Весь міръ раздѣлялся у нея на благородныхъ и неблагородныхъ; самыя людскія дѣла и занятія она подвергала тому-же дѣленію и сокрушалась, когда внукъ ея собирался унизить родъ свой, сдѣлавшись артистомъ или приказнымъ; по ея мнѣнію, только военная служба была достойна дворянина.

На женитьбу своего внука она постоянно смотрѣла съ точки зрѣнія родовыхъ интересовъ.

— Почему вы знаете, что для меня счастіе—жениться на дочери какого-то Мамыкина? сказалъ ей однажды Райскій.

— Она красавица, воспитана въ самомъ дорогомъ пансіонѣ въ Москвѣ. Одних брильянтовъ тысячъ на восемьдесятъ... Тебѣ полезно жениться... Взялъ бы богатое приданое, зажилъ бы большимъ домомъ, у тебя бы весь городъ бывалъ, всѣ бы раболѣпствовали передъ тобой, поддержалъ бы свой родъ, связи... И въ Петербургѣ не ударилъ бы себя въ грязь... мечтала почти про себя бабушка.

Наконецъ, по отношенію къ внучкамъ она держалась вотъ какихъ правилъ:

— А есть у тебя кто-нибудь на примѣтѣ, сказалъ Райскій Мареинькѣ:—женихъ какой-нибудь?

— Что это ты, мой батюшка, опомнись! Какъ она безъ бабушкина спроса будетъ о замужествѣ мечтать?

— Какъ, и мечтать не можетъ безъ спроса?

— Конечно, не можетъ.

— Вѣдь это ея дѣло.

— Нѣтъ, не ея, а пока бабушкино, замѣтила Татьяна Марковна.—Пока я жива, она изъ повиновенія не выйдетъ.

— Зачѣмъ это вамъ, бабушка?

— Что зачѣмъ?

— Такое повиновеніе: чтобъ Мареинька даже полюбить безъ вашего позволенія не смѣла?

— Выйдетъ замужъ, тогда и полюбитъ.

— Какъ «выйдетъ замужъ и полюбитъ»: полюбитъ и выйдетъ замужъ, хотите вы сказать!

— Хорошо, хорошо, это у васъ тамъ такъ, говорила бабушка, замахавъ рукой:—а мы здѣсь прежде осмотримъ, узнаемъ, что за человѣкъ, пудъ соли съѣдимъ съ нимъ, тогда и отдаемъ за него.

— Такъ у васъ еще не выходятъ дѣвушки, а отдаютъ ихъ, бабушка! Есть-ли смыслъ въ этомъ...

— Ты, Борюшка, пожалуйста, не учи ихъ этимъ своимъ идеямъ!... Вонъ покойница мать твоя была такая же... да и сошла прежде времени въ могилу...

Но бабушка была надѣлена слишкомъ живою, глубокою, страстною натурою, чтобы изъ всѣхъ этихъ правилъ, которыя она исповѣдывала, составить сухую, мертвую систему и подчинить ей каждый шагъ и движеніе окружавшихъ ее людей. Къ тому же въ молодости своей она, какъ мы увидимъ ниже, на своей

собственной шеѣ испытала, что такое значитъ родовой гнетъ: все ея личное счастіе было принесено въ жертву родовымъ интересамъ самымъ безпощаднымъ образомъ. Вотъ почему въ отношеніи къ домочадцамъ бабушка старалась держаться началъ болѣе широкихъ и свѣтлыхъ: къ внучкамъ своимъ, помимо всякой патріархальной власти, она питала самую нѣжную материнскую любовь и на ней старалась основать нравственное вліяніе на нихъ. Молодыя дѣвушки не испытывали и тѣни того подавляющаго гнета обычаевъ и приличій, которому была подчинена Бѣловодова; напротивъ того, онѣ пользовались такою свободою, которой можно было позавидовать, могли даже во всякое время отлучаться изъ дома куда угодно, и никто не требовалъ отъ нихъ въ этомъ отчета. Даже относительно свободы чувства у бабушки, рядомъ съ вышеозначенными патріархальными правилами, было спрятано про запасъ правило совсѣмъ иного рода:

— Ты какъ понимаешь бабушку, сказала она однажды Райскому:—еслибъ богачъ посватался за Мареньку, съ породой, съ именемъ, съ заслугами, да не понравился ей—я бы стала уговаривать ее?

Но всѣ эти качества бабушки, по истинѣ симпатичныя и достойныя полнаго уваженія, выставляются передъ вами какъ будто нарочно для того, чтобы показать, что даже самыя свѣтлыя стороны человѣческой природы до такой степени парализуются условіями родоваго быта, что дѣлаются неспособны производить ничего, кромѣ мрака и растлѣнія.

Мы ужь не будемъ много распространяться о томъ, что вся нѣжная любовь и гуманность, которую бабушка расточала, были направлены къ тому, чтобы воспитать внучекъ въ духѣ все тѣхъ же родовыхъ началъ, привести ихъ путемъ свободнаго воспитанія къ тому же въ сущности знаменателю, къ которому Бѣловодова была приведена путемъ суроваго деспотизма. Поэтому, свобода, которою пользовались дѣвушки, была крайне условна, ограничиваясь тѣснымъ кругомъ родовыхъ интересовъ и правилъ укоренившагося быта. Это была чисто отрицательная свобода, заключавшаяся въ правѣ veto: дѣвушка могла отказаться отъ десятка родовитыхъ жениховъ, но предполагалось, что одиннадцатый, которому она, наконецъ, не откажетъ, будетъ все-таки родовитый или, по крайней мѣрѣ, съ стремленіемъ сдѣлаться такимъ. Такимъ образомъ, готовая пожертвовать для блага внучекъ родовыми интересами, бабушка ждала отъ нихъ, въ свою очередь, жертвы: пользуясь своею свободою, онѣ должны были вести себя и поступать по свободному желанію такъ, чтобы родовые интересы отъ этого не страдали. Малѣйшее отклоненіе отъ такой системы поведенія считалось уже преступленіемъ, хотя бы въ немъ не было ничего безнравственнаго. По своей гуманной натурѣ, бабушка не могла силою деспотизма помѣшать, но во всякомъ случаѣ, выражала свое неудовольствіе скорбью и укорами (какъ, напримѣръ, при выборѣ службы Райскимъ), и тамъ, гдѣ она имѣла нравственное вліяніе, ея расположеніе духа приводило къ тому же, къ чему приводилъ и деспотизмъ тетушекъ Бѣловодовой.

Но гибельнѣе всего на близкихъ людей дѣйствовали такія качества бабушки, которыя составляли лучшее ея достоинство: это именно ея сметливость, энергія, жажда дѣятельности и неусыпное трудолюбіе; они-то и были главною причиною растлѣнія всѣхъ окружавшихъ бабушку людей. Такъ-какъ бабушка завѣдывала сама нетолько имуществомъ своего рода, но старалась, по возможности, завѣдывать и судьбою своихъ родныхъ, и такъ-какъ ея качества, покоряя власти ея окружающихъ людей, въ то же время совершенно обезпечивали ихъ отъ всякой необходимости заботиться самимъ о себѣ, то близкимъ бабушкѣ только и оставалось, что, вложивши свою судьбу въ ея руки, предаться безпечной, праздной жизни чисто растительнаго свойства. Такъ мы и видимъ: развертываемъ одну страницу романа, другую, третью, пятую, десятую—и вездѣ видимъ одно: герои ѣдятъ, ѣдятъ, ѣдятъ — чего только ни ѣдятъ они въ пяти частяхъ романа—но бабушка все недовольна ихъ аппетитомъ, находя, что они ѣдятъ очень мало, а въ промежутокъ между ѣдою и ѣдою они гуляютъ по полямъ, разсуждаютъ о буряхъ страстей и жаждутъ вожделѣній.

Рядомъ съ этою жизнью, совершенно подобною жизни пасущихся стадъ, вы видите и всѣ другія свойства, которыя можете найти въ любомъ стадѣ: то же отсутствіе всякой инниціативы, всякаго самостоятельнаго стремленія: въ какую сторону махнетъ бичемъ пастырь, туда и бѣгутъ испуганныя овцы, а не щелкни бичъ, онѣ вѣчно будутъ топтаться на одномъ полѣ и щипать подъ собою травку, переходя то направо, то налѣво.

V.

Въ Мареинькѣ мы еще видимъ кой-какіе здоровые инстинкты. Она является чуть-ли не самою положительною личностью во всемъ романѣ; по крайней мѣрѣ, не смотря на крайнюю неразвитость, дѣлающую изъ нея взрослаго младенца, вы видите въ ней много задатковъ весьма утѣшительныхъ.

«Мареинька была свѣжая, бѣлокурая, здоровая, склонная къ полнотѣ дѣвушка, живая и веселая. Она прилежна, любитъ шить, рисуетъ. Если сядетъ за шитье, то углубится серьезно и молча, долго можетъ просидѣть; сядетъ за фортепіано, непремѣнно проиграетъ все до конца, что предположитъ; книгу прочтетъ всю и долго разсказываетъ о томъ, что читала, если ей понравится. Поетъ, ходитъ за цвѣтами, за птичками, любитъ домашнія заботы, охотница до лакомствъ и пр.»

«Еще въ дѣтствѣ, бывало, узнаетъ она, что у мужика пала корова или лошадь, она влѣзетъ на колѣни къ бабушкѣ и выпроситъ лошадь и корову. Изба ветха, или строеніе на дворѣ, она попроситъ лѣску. Умеръ у бабы сынъ, мать отстала отъ работы, сидѣла въ углу, какъ убитая, Мареинька каждый день ходила къ ней и сидѣла часа по два, глядя на нее, и приходила домой съ распухшими отъ слезъ глазами. Коли мужикъ заболѣвалъ трудно, она приласкается къ Ивану Богдановичу, лекарю, и сама вскочитъ къ нему на дрожки и повезетъ въ деревню. То и дѣло проситъ у бабушки чего-нибудь: холста, коленкору, сахару, чаю, мыла. Дѣвкамъ даетъ старыя платья, велитъ держать себя чисто. Къ слѣпому старику носитъ чего-нибудь лакомаго поѣсть, или дастъ немного денегъ. Знаетъ всѣхъ бабъ, даже ребятишекъ по именамъ, послѣднимъ покупаетъ башмаки, шьетъ рубашонки и креститъ почти всѣхъ новорожденныхъ. Если случится свадьба, Мареинька не знаетъ предѣла щедрости: съ трудомъ ее огра-

ничиваетъ бабушка. Она даетъ бѣлье, обувь, придумаетъ какой-нибудь затѣйливый сарафанъ, истратитъ всѣ свои карманныя деньги и долго послѣ того экономничаетъ. Только пьяницъ, какъ бабушка же, не любила и однажды даже замахнулась зонтикомъ на мужика, когда онъ, пьяный, хотѣлъ ударить при ней жену. Когда идетъ по деревнѣ, дѣти отъ нея безъ ума; они, завидя ее, бѣгутъ къ ней толпой, она раздаетъ имъ пряники, орѣхи, иного приведетъ къ себѣ, умоетъ, возится съ ними. Всѣ собаки въ деревнѣ знаютъ и любятъ ее; у ней есть любимыя коровы и овцы. Она никогда не задумывалась и смотрѣла на все бодро, зорко».

Но всѣмъ этимъ истинно-человѣческимъ проявленіямъ, которыя одни только выдѣлялись надъ омутомъ чисто животнаго прозябанія бережковской среды, предопредѣлено было оставаться на степени безсознательныхъ инстинктовъ. Они не могли въ младенческомъ, неразвитомъ умѣ Мароиньки дорости до степени сознательной системы, не могли сдѣлаться руководящею цѣлью и наполнить всю жизнь дѣвушки, потому что все въ бережковской средѣ не направляло къ этому пути, а напротивъ, отклоняло. Мы видимъ, что, вопервыхъ, бабушка, на которую Мароинька смотрѣла чуть-что не какъ на святую, болѣе была склонна обуздывать хорошіе порывы Мароиньки, чѣмъ поощрять ихъ и развивать: бабушка, съ точки зрѣнія своего родоваго скопидомства, журила Мароиньку за расточительность и старалась всячески ограничивать ея щедрость. Викентьевъ, женихъ Мароиньки, болѣе былъ склоненъ бѣгать со своею невѣстою въ запуски и слушать соловьевъ, чѣмъ задаваться вопросами о цѣляхъ жизни и обязанностяхъ человѣка. А сама Мароинька была до такой степени лишена всякой умственной самодѣятельности, малѣйшаго проявленія воли, что для нея не только немыслимо было опредѣлить какую-либо самостоятельную, сознательную цѣль жизни безъ бабушкинаго совѣта и воли, но даже тамъ, гдѣ она хорошо знала, что дѣйствовала по бабушкиному благоусмотрѣнію, она приходила въ недоумѣніе, робѣла и окончательно терялась, когда дѣло выходило изъ ряда обыкновеннаго, а бабушки не было подъ бокомъ для того, чтобы скомандовать: шагни вотъ туда, повернись такъ. Сцена слушанья соловьевъ и объясненія Викентьева представляется, правда, нѣсколько утрированной. Младенческая наивность молодыхъ людей, незнавшихъ, что такое съ ними происходитъ, выходитъ слишкомъ уже аркадскою, словно будто объясняются въ любви въ райскихъ садахъ Адамъ и Ева, никогда еще ничего не слыхавшіе о любви, а между тѣмъ Гончаровъ заставляетъ Мароиньку и Викентьева читать современные романы и анализировать ихъ въ горячихъ спорахъ. Но при всемъ томъ, въ сценѣ этой есть одна очень вѣрная черта, совершенно въ духѣ Мароиньки: когда Викентьевъ объяснился по соловьиному Мароинькѣ въ своей любви, она вдругъ пришла въ страшный испугъ, начала плакать и обвинять своего милаго въ нечестности:

— Вы нечестный, вы заставили бѣдную дѣвушку высказать поневолѣ, чего она никому, даже Богу, отцу Василію, не высказала бы... А теперь, Боже мой, какой срамъ!

И этотъ «божій младенецъ», по выраженію Татьяны Марковны, опять залился искренними слезами раскаянія.

— Нечестно, нечестно! говорила она:—я васъ уже теперь не люблю. Что скажутъ, что подумаютъ обо мнѣ? Я пропала.

И далѣе:

— Соловей все объяснилъ намъ, сказалъ Викентьевъ:—мы оба выросли и созрѣли сію минуту, вотъ тамъ въ рощѣ... мы уже не дѣти.

— Отъ того и нечестно было говорить мнѣ, что вы сказали: вы поступили какъ вѣтренникъ — нечестно дразнить дѣвушку, вырывать у ней секретъ...

— Не вѣкъ же ему оставаться секретомъ, когда-нибудь и кому-нибудь высказали бы его... Такъ ли?

Она подумала.

— Да, сказала бы: бабушкѣ на ушко и потомъ спрятала бы голову подъ подушку на цѣлый день. А здѣсь... одни, Боже мой! досказала она, кидая взглядъ ужаса на него.—Я боюсь теперь показаться въ комнату: какое у меня лицо — бабушка сейчасъ замѣтитъ...

— Ангелъ! прелесть! говорилъ онъ, нагибаясь къ ея рукѣ: — да будетъ благословена темнота, роща и соловей!

— Прочь, прочь! повторила она, убѣгая опять на крыльцо:—вы опять за дерзости! А я думала, что честнѣе и скромнѣе васъ нѣтъ на свѣтѣ, и бабушка думала тоже. А вы...

— Какъ же было честно поступить мнѣ? Кому мнѣ сказать свой секретъ?

— На другое ушко бабушкѣ, и у ней спросить, люблю ли я васъ.

— Вы ей нынче все скажите.

— Это все не то будетъ: я ужь виновата передъ ней, что слушала васъ, расплакалась. Она огорчится, не проститъ мнѣ никогда, а все вы!..

Вы, можетъ быть, подумаете, что такая сцена обнаруживаетъ младенческую наивность, эдемскую чистоту Мароиньки.—Ни чуть не бывало. Дѣвушка можетъ быть крайне неразвита, невинна и чиста до полнаго невѣдѣнія всѣхъ конечныхъ проявленій любви,—и все-таки она можетъ быть вполнѣ свободнымъ человѣкомъ въ высказываньи своей страсти; мало того, на почвѣ истинной, безъискусственной невинности и чистоты дѣвушка скорѣе можетъ выслушать безъ смущенія признаніе любимаго человѣка и отвѣтить ему такимъ же признаніемъ, ни мало даже не покраснѣвъ при этомъ; что тутъ худаго и преступнаго, можетъ думать она, что я люблю и меня любятъ. И напротивъ того, разные ужасы, ужимки и восклицанія въ родѣ того, что: ахъ, что вы сказали! ахъ, какъ это можно! ахъ, что вы это!.. Что подумаетъ бабушка и пр.—всѣ подобныя наивничанья нисколько не отрицаютъ самаго развращеннаго воображенія и даже чаще всего бываютъ слѣдствіемъ его.—Я вовсе не думаю предполагать, чтобы у Мароиньки было развращенное воображеніе.—Я хочу только сказать, что весь этотъ ужасъ при объясненіи Викентьева, всѣ эти слезы и укоры были вовсе не безъискусственнымъ проявленіемъ ея наивности и чистоты, а напротивъ того, все это было крайне искусственно и неестественно, все это было прямо навѣяно на дѣвушку бабушкинымъ воспитаніемъ.

Вы подумайте только, сколько нравственнаго безобразія во всемъ этомъ: дѣвушка любитъ человѣка, который сдѣлался для нея дороже жизни, и когда этотъ человѣкъ говоритъ ей, что и онъ ее любитъ, она вдругъ приходитъ въ ужасъ, начинаетъ плакать, говоритъ, что онъ нечестный, что онъ сдѣлалъ какую-то подлость!.. Не извращено ли здѣсь все, что только

есть человѣческаго въ человѣкѣ! Но что-жь дѣлать, въ бережковской сферѣ такія явленія до того обыденны, что иной, воспитанный на этой почвѣ, можетъ находить въ нихъ, пожалуй, особенную прелесть. Вы нерѣдко можете встрѣтить здѣсь дѣвушекъ, которымъ заранѣе, въ видахъ предусмотрительности, строго внушено, что каждый мужчина, будь онъ ангелъ во плоти, если только вздумаетъ говорить о любви, непремѣнно коварный обольститель и губитель, что малѣйшій разговоръ о любви за глазами старшихъ самъ по себѣ есть уже преступленіе и наноситъ дѣвушкѣ безчестіе, а потому, едва коварный мужчина о любви заикнется, благонравная дѣвушка сейчасъ-же должна убѣжать стремглавъ, или же зажать руками уши и отослать коварнаго мужчину къ папенькѣ и маменькѣ.

Послѣ этого, чего-же можно было и ожидать отъ хорошихъ инстинктовъ Мароиньки. Всѣ они оставались на степени безсознательныхъ порывовъ;—отчего же между ѣдою и ѣдою не сдѣлать было какого-нибудь добра, не оказать ласки? Но въ основаніи жизнь Мароиньки оставалась жизнію пасущейся овцы, а въ перспективѣ, съ лѣтами, молодымъ хорошимъ порывамъ предстояло угаснуть, какъ это всегда бываетъ въ бережковской сферѣ, и изъ Мароиньки обѣщаетъ выйти жирная супруга Викентьева, любящая посплетничать, покушать, поспать и распложать дѣтей, которыхъ, по примѣру бабушки, она способна будетъ только закармливать и запаивать.

VI.

Райскій отличается и отъ Бѣловодовой, и отъ Мароиньки тѣмъ, что въ немъ никто никогда не только не подавлялъ влеченій, но не заботился хоть сколько нибудь регулировать ихъ. Въ то же время онъ получилъ высшее университетское образованіе съ разными возвышенными стремленіями и свободомысліемъ. Наконецъ у него была сознательная цѣль въ жизни—стремленіе къ художественной дѣятельности, и онъ мечталъ посвятить ей всю свою жизнь.

Но такова была почва бережковской сферы, что даже такія, сами по себѣ хорошія вещи, какъ свобода воспитанія, высшее образованіе, сознаніе цѣли жизни, были безсильны произвести что-нибудь на ней: высокія идеи оставались на этой почвѣ красивыми словами, произносимыми за ѣдою и послѣ ѣды, а цѣль оставалась вѣчною цѣлью безъ достиженія, и въ результатѣ получалась таже животная жизнь быка, пасущагося въ стадѣ бабушкиныхъ коровъ и жаждущаго вожделѣнія. Когда Райскій развилъ передъ Бѣловодовой весьма картинно бытъ крестьянъ и привелъ ее въ испугъ, у Бѣловодовой возникъ послѣ этого естественный вопросъ:

— А вы сами, cousin, что дѣлаете съ этими несчастными: вѣдь у васъ тоже мужики и эти... бабы? спросила она съ любопытствомъ.

И что же отвѣчалъ ей Райскій?

— Мало дѣлаю, или почти ничего, къ стыду моему, или тѣхъ кто меня воспитывалъ. Я давно вышелъ изъ опеки, а управляетъ все тотъ-же опекунъ—и я не знаю, какъ. Есть у меня еще бабушка, въ другомъ уголкѣ—тамъ какой-то клочокъ земли есть: въ ихъ рукахъ все же лучше, чѣмъ въ моихъ. Но я, по крайней мѣрѣ, не считаю себя вправѣ отговариваться невѣдѣніемъ жизни—знаю кое-что, говорю объ этомъ, вотъ хоть-бы и теперь, иногда пишу, спорю—и все же дѣлаю. Но кромѣ того я выбралъ себѣ дѣло: я люблю искусство и... не много занимаюсь... живописью, музыкой... пишу... досказалъ онъ тихо, глядя на кончикъ своего сапога.

Какъ вамъ нравится безцеремонная наглость этого отвѣта: вы, молъ, ничего не дѣлаете, по крайней мѣрѣ, отъ невѣдѣнія, а я такъ знаю, и все-таки ничего не дѣлаю, а такъ—немножко рисую, немножко бренчу, немножко пишу...

Да иначе не могло и быть съ Райскимъ на бережковской почвѣ: самымъ положеніемъ своимъ въ качествѣ пасущагося быка онъ былъ освобожденъ отъ всякой цѣли въ жизни, отъ всякихъ обязанностей, и ему предоставлено было ѣсть, ѣсть и ѣсть, а въ промежуткахъ между ѣдою—вожделѣть.

Съ самаго дѣтства своего онъ былъ воспитанъ такъ, что каждая прихоть его сейчасъ же исполнялась; онъ не привыкъ себѣ отказывать ни въ чемъ; и когда выросъ, положеніе его нисколько не измѣнилось: онъ продолжалъ имѣть полный досугъ и возможность предаваться свободно минутнымъ влеченіямъ. Зачѣмъ сталъ бы онъ пригвождать себя къ мольберту, слыша громъ музыки и пѣсни за окномъ,—все равно онъ могъ заняться живописью и завтра, разсуждая, что дѣло отъ него не уйдетъ. Такимъ образомъ, вся жизнь Райскаго заключалась въ вѣчной игривой смѣнѣ впечатлѣній и свободной, безотчетной отдачѣ себя сегодняшнему влеченію. Этимъ строемъ жизни опредѣляется вся безсодержательность Райскаго, вся его непослѣдовательность въ убѣжденіяхъ, стремленіяхъ, чувствахъ и поступкахъ. Про людей такого рода вы можете сказать, что они безхарактерны, дрянны, но попадете въ большой просакъ, если скажете, что они исключительно честны, добры, или столь же исключительно низки и злы. Въ жизни подобныхъ людей все возможно, все зависитъ у нихъ отъ того, какой найдетъ на нихъ стихъ, подъ какимъ впечатлѣніемъ они въ данную минуту дѣйствуютъ; впродолженіе одного дня они способны бываютъ надѣлать и отвратительныхъ гадостей, и удивить людей своимъ благородствомъ и даже геройствомъ. Таковъ передъ вами Райскій впродолженіе всего романа, и Гончаровъ весьма тонко прослѣдилъ этотъ типъ во всѣхъ его превращеніяхъ, выдержавъ его до конца. Сначала Райскій, подъ впечатлѣніемъ апатіи Бѣловодовой, проповѣдывалъ ей о свободѣ чувствъ, указывалъ на улицу, на толпу, порицалъ предковъ, свѣтскія приличія и родовые предразсудки, мѣшающіе человѣку наслаждаться жизнью; но потомъ, когда явился на сцену гр. Малари, Райскій весь отдался новому впечатлѣнію, ревности, и забывши всѣ свои предыдущія проповѣди, началъ, напротивъ того, опираться на тѣ же предразсудки родоваго быта, которые прежде порицалъ:

«— А! вскричалъ Райскій:—вы защищаете его—, поздравляю! Такъ вотъ на кого упали лучи съ высоты Олимпа! Кузина! кузина! на комъ вы удостоили остановить взоры! Опомнитесь, ради Бога! Вамъ ли, съ вашими понятіями, снизойти до какого-то

безвѣстнаго выходца, можетъ быть, самозванца графа...

Она ужъ окончательно развеселилась и, казалось, забыла свой страхъ и осторожность.

«— А Ельнинъ? вдругъ спросила она.

«— Что Ельнинъ? спросилъ и онъ, внезапно остановленный ею. — Ельнинъ, Ельнинъ... засмѣялся онъ.—Это дѣтская шалость, институтское обожаніе. А здѣсь страсть, горячая, опасная!

«— Что же: вы бредили страстью для меня—ну, вотъ я страстно влюблена, смѣялась она. Развѣ мнѣ не все-равно идти туда (она показала на улицу), что съ Ельнинымъ, что съ графомъ? вѣдь тамъ я должна «увидѣть счастье, упиться имъ». Райскій стиснулъ зубы, сѣлъ на кресло и злобно молчалъ. Она продолжала наслаждаться его положеніемъ».

Пріѣхавши въ помѣстье къ бабушкѣ, Райскій тоже сначала началъ проповѣдывать о свободѣ чувствъ, о необходимости въ жизни страсти и грозы—проповѣдывалъ онъ это и Марѳинькѣ, и Вѣрѣ, и даже бабушкѣ. Но когда то, что называлъ Райскій поклоненіемъ красотѣ, осуществилось въ видѣ омерзительной сцены съ Марѳинькою въ саду—сцены, отъ которой Райскому самому сдѣлалось тошно, онъ подъ впечатлѣніемъ этой тошноты запѣлъ совершенно иную пѣсню: „люби, кто понравится, но прячь это глубоко въ душѣ своей, не давай воли ни себѣ, ни ему, пока... позволитъ бабушка и отецъ Василій. Помни проповѣдь его...“ Послѣ этого всего нѣтъ ничего мудренаго, что Райскій могъ пойти къ женѣ Козлова съ цѣлію воскресить въ ней совѣсть и напомнить ей объ обязанностяхъ къ мужу, а самъ вмѣсто того увлекся сиреною и, позабывши все, тутъ же нарушилъ всѣ обязанности и свои, и ея; не нужно удивляться, что Райскій съ рыцарскимъ чувствомъ самоотверженія свелъ Вѣру съ обрыва, а потомъ, увидя сцену въ бесѣдкѣ, хотѣлъ было позвать бабушку съ людьми и фонарями; бросилъ въ окно Вѣры букетъ померанцовыхъ цвѣтовъ, и, оскорбивши такимъ грубымъ поступкомъ женщину, явился впослѣдствіи нѣжнымъ и гуманнымъ утѣшителемъ ея. Все это совершенно въ порядкѣ вещей и вполнѣ въ духѣ Райскаго. Если только было что-нибудь постоянное въ жизни Райскаго, такъ это та чувственность, которая обыкновенно развивается до громадныхъ размѣровъ у людей, обреченныхъ исключительно растительной жизни; низшія животныя страсти, преобладающія въ жизни такихъ людей, естественно получаютъ перевѣсъ надъ высшими и могутъ, наконецъ, всю жизнь человѣка обратить въ какія-то сладострастныя судороги. Вся жизнь Райскаго только въ томъ и заключалась, что онъ созерцалъ разные роды и виды женской красоты, переходя отъ одной женщины къ другой,—постоянно жаждалъ упиться страстію, испытать „бурю жизни, грозу“, но конечно ни одна женщина хоть съ малѣйшимъ чутьемъ не могла увлечься подобнымъ ловеласомъ, страдающимъ крайнимъ раздраженіемъ спиннаго мозга; а единственная женщина, полюбившая Райскаго, Наташа, была вознаграждена за свою любовь тѣмъ, что сошла въ могилу, изнывши отъ грубой невнимательности любимаго человѣка, предававшагося пьянымъ, развратнымъ оргіямъ въ то время, когда болѣзнь ея требовала особенно нѣжнаго и тщательнаго ухода за нею: естественно, что люди въ родѣ Райскаго, требуя отъ женщины упоенія, не считаютъ себя ничѣмъ обязанными за него: они способны бываютъ питать уваженіе къ женщинѣ, благоговѣніе къ ея кресотѣ не въ реальныхъ отношеніяхъ къ ней, а только въ своихъ безумныхъ грезахъ. Гончаровъ съ особенною щедростью расточаетъ въ романѣ поэтическія грезы своего героя, посвящая читателей во всѣ ихъ тонкости. Читая этотъ художественный бредъ, удивляешься всей безднѣ нравственнаго и умственнаго растлѣнія, до котораго можетъ дойти человѣкъ путемъ праздности и распущенности. Вотъ онъ, новѣйшій сенсуализмъ—во всемъ своемъ ужасающемъ видѣ, ничѣмъ въ сущности не отличающійся отъ сенсуализма какого-нибудь римскаго патриція временъ Августа или французскаго маркиза XVIII вѣка. Это тотъ самый сенсуализмъ, который такъ красиво драпируетъ свое безобразіе и растлѣніе поклоненіемъ изящному, служеніемъ красотѣ, искусству ради искусства, обставляетъ себя женскими головками, купающимися вакханками, стоитъ за классицизмъ и самъ, утопая въ грязи самаго возмутительнаго цинизма, готовъ своею собственною грязью метать во все молодое, живое, свѣжее. Типомъ Райскаго Гончаровъ подписалъ страшный приговоръ надъ всѣмъ поколѣніемъ его времени, и вы видите изо всей этой характеристики, какъ богата объективная сторона его романа и какъ эта сторона предательски измѣняетъ всѣмъ тенденціямъ автора, съ которыми онъ выступаетъ въ послѣдней части романа.

VII.

Теперь мы обратимся къ такой сторонѣ родоваго быта, которая была всегда ахиллесовою пяткою этого порядка вещей, его больнымъ мѣстомъ, рогаткою, о которую не одинъ родъ спотыкался и терялъ разомъ все, что накапливалъ иногда столѣтіями.

Мы уже сказали, что одинъ изъ принциповъ родоваго быта заключается въ стремленіи рода подчинить своимъ общимъ интересамъ отдѣльную личность. Отсюда проистекаетъ вѣчное стремленіе личности освободиться отъ такого гнета. Съ этимъ явленіемъ мы теперь и будемъ имѣть дѣло. Между тѣмъ, какъ родовой бытъ стремится втиснуть все въ свои узкія рамки и всѣ человѣческія стремленія пріурочить къ тѣмъ или другимъ родовымъ интересамъ, изъ своихъ же собственныхъ нѣдръ онъ постоянно выпускаетъ силы, враждебныя всякому регулированью, разрывающія всѣ рамки и плотины и вырывающіяся широкимъ, всеувлекающимъ потокомъ. Путемъ ли наслѣдственнаго подбора, или другихъ обстоятельствъ, но только весьма нерѣдко въ родѣ являются младшіе члены съ такими сильными страстями и деспотическими наклонностями, что никакой строгій, даже до звѣрства гнетъ не въ силахъ подавить ихъ. Люди съ такими наклонностями съ самаго дѣтства выбиваются изъ рукъ старшихъ; насиліе не покоряетъ ихъ, а только ожесточаетъ, и когда они выростаютъ, вся жизнь ихъ идетъ наперекоръ условіямъ, правиламъ и интересамъ родоваго быта.

Но не надо думать, чтобы такія явленія были слѣдствіемъ непремѣнно сознательнаго протеста, принадлежащаго извѣстному времени и возбужденнаго ка-

кимъ-нибудь исключительнымъ ученіемъ. Напротивъ того, чаще всего они являются совершенно безсознательными, чисто стихійными взрывами силъ, не вмѣщающихся въ узкія рамки родовыхъ условій. Нерѣдко люди съ такими наклонностями въ душѣ своей вполнѣ искренно исповѣдуютъ родовой кодексъ, уважаютъ всѣ добродѣтели, предписываемыя имъ, но въ то же время не могутъ совладать сами съ собою, уложить свою жизнь въ рамки этихъ добродѣтелей и вѣчно мучаются внѣшнимъ и внутреннимъ разладомъ, пока не дѣлаются жертвами этого разлада, или молодая энергія не угасаетъ въ нихъ сама собою съ лѣтами. Явленіе такихъ типовъ мы можетъ прослѣдить на почвѣ родоваго быта черезъ всѣ вѣка, начиная съ самыхъ отдаленныхъ: Каинъ, убившій брата Авеля и бѣжавшій изъ родительскаго дома; Алкивіадъ, не ужившійся съ своими гражданами и измѣнившій отечеству; какой-нибудь герой 30-хъ годовъ въ байроновскомъ духѣ; отчаянный донъ-жуанъ, бретеръ и игрокъ, или купеческій сынокъ XVII и XVIII вѣковъ, промотавшій отцовское добро и сдѣлавшійся разбойникомъ,—все это явленія вполнѣ аналогическія, хотя и принадлежатъ къ совершенно различнымъ эпохамъ и обществамъ.

Въ то же время было бы совершенно ошибочно полагать, чтобы эти взрывы силъ сами по себѣ были способны поколебать родовой бытъ въ его основаніяхъ. Для этого необходима еще одна сила, которой въ подобныхъ явленіяхъ никогда не было. Дѣло въ томъ, что родовой бытъ, какъ ни тѣсны его рамки, какъ ни искажаетъ онъ существованіе людей, во всякомъ случаѣ представляетъ въ себѣ выработанную вѣками положительную систему жизни, глубоко укоренившуюся во всѣхъ отношеніяхъ людей. Уничтожить эту систему возможно только системою же болѣе широкою, удобною для жизни—но въ то же время на столько же положительною, какъ и прежняя. Сила новыхъ идей, одерживающихъ съ каждымъ десятилѣтіемъ новыя и новыя побѣды надъ дряхлою и разлагающеюся сферою родоваго быта, въ томъ именно заключается, что эти новыя идеи во всей своей сложности представляются положительною системой, въ которой укладываются всѣ страсти и силы людей, какъ онѣ укладывались въ старой системѣ, только болѣе естественно и свободно. Въ этомъ отношеніи различные обскуранты и охранители ветхой жизни глубоко и жалко ошибаются, видя въ новыхъ идеяхъ только рядъ отрицаній и антитезъ относительно старыхъ ученій. Они смѣшиваютъ безразлично сознательный протестъ противъ родоваго быта со стороны новыхъ идей, съ безсознательными взрывами силъ, о которыхъ мы говоримъ. Взрывы были дѣйствительно безсильны произвести какое-либо движеніе, потому что они были всегда явленіями чисто отрицательными: вырываясь изъ оковъ стараго быта, сильныя натуры не предлагали ничего новаго, кромѣ жизни, полной безпорядочнаго разгула, безъ всякой системы, безъ всякой цѣли; но такая жизнь совершенно противна человѣческой природѣ, противъ нея вооружается въ человѣкѣ все, начиная съ чувства самосохраненія;—вотъ почему сами протестующіе кончали часто тѣмъ, что возвращались къ тѣмъ же старымъ системамъ жизни, изъ которыхъ сами вышли, съ тою только разницею, что избирали себѣ роль не притѣсненныхъ, что было не въ ихъ натурѣ, а притѣснителей, къ чему имъ весьма удобно бывало прилагать свои могучія силы.

Въ 30-е, 40-е и 50-е годы въ образованномъ меньшинствѣ нашего общества подобныя явленія совершались обыкновенно на почвѣ романтизма, который служилъ отличнымъ подспорьемъ для этого. — Не давая ничего положительнаго, романтизмъ въ то же время распоясывалъ человѣческую природу отъ всякихъ системъ, принциповъ и правилъ жизни. Единственный принципъ его заключался въ томъ, чтобы не имѣть никакихъ принциповъ и повиноваться только свободному влеченію собственныхъ страстей. Идеаломъ его былъ человѣкъ съ необузданными страстями, рушащими всякія преграды и пренебрегающими какими бы то ни было условіями жизни. Романтизмъ любилъ героизмъ, но героизмъ не усидчиваго труда, не того неуклоннаго преслѣдованія своей цѣли, которое такъ высоко ставитъ англійскую расу, а героизмъ самозабвенія, которому непремѣнно нужно или разомъ достигнуть всего, или погибнуть. Романтизмъ прославлялъ любовь, но признавалъ ее только какъ необузданную горячку страсти, снимая съ человѣка всякія нравственныя обязанности и нисколько не думая о какихъ либо разумныхъ отношеніяхъ между мужчиною и женщиною внѣ порывовъ страсти. Однимъ словомъ, если мы возьмемъ романтизмъ во всей его сложности, то мы увидимъ ту самую теорію, въ видѣ которой люди 40-хъ годовъ представляютъ себѣ то, что они называютъ современнымъ нигилизмомъ и разными новыми ученіями. Это доказываетъ только, что люди эти до такой степени свыклись съ романтизмомъ своего времени, что никакъ представить себѣ не могутъ какого либо болѣе разумнаго протеста противъ отжившихъ формъ и условій жизни, какъ въ видѣ того же романтизма ихъ времени съ растрепанными волосами, разнузданными страстями и безцѣльнымъ отрицаніемъ. Они смотрятъ и не видятъ, слушаютъ и не слышатъ, и живя въ 1869 году, живутъ все еще въ какомъ-нибудь 39-мъ, или 49-мъ.

Въ тѣ годы, дѣйствительно, все, что было недовольно жизнію, искало спасенія въ романтизмѣ. Въ то время не въ рѣдкость было встрѣтить искателя приключеній, съ гордостью на челѣ и холоднымъ разочарованіемъ въ сердцѣ, отчаяннаго донъ-жуана, бретера, игрока, страстнаго любителя опасностей ради опасностей, стремящагося по этому случаю на погибельный Кавказъ и на пути туда не упускавшаго случая пройтись на счетъ клубнички. Въ женщинахъ, по ихъ положенію, романтизмъ не могъ доходить до такихъ крайностей; но и изъ нихъ лучшія натуры по своему страдали романтизмомъ: среди мертваго однообразнаго прозябанія Райскихъ, Марѳинекъ и Бѣловодовыхъ, подъ гнетомъ родовыхъ предразсудковъ, такія женщины ударялись обыкновенно въ сосредоточенную мечтательную жизнь, бѣжали общества людей и любили въ уединеніи предаваться созерцанію красотъ природы. Въ то же время онѣ постоянно мечтали о героѣ съ титаническими силами, который извлекъ бы ихъ изъ тины мелочей и дрязгъ и повлекъ бы куда нибудь на край свѣта, въ волшебные сады Армиды. Такова была Вѣра въ романѣ г. Гончарова.

VII.

Вѣра представляетъ радикальную противоположность съ Мареинькою. Въ послѣдней мы видимъ, при полномъ отсутствіи всякой самостоятельности мысли, нѣсколько положительныхъ качествъ въ родѣ усидчивости въ трудѣ, жажды разливать вокругъ себя добро —качествъ, драгоцѣнныхъ съ точки зрѣнія какого хотите міросозерцанія. Въ Вѣрѣ ничего этого нѣтъ: она ведетъ въ сущности такую же праздную, чисто растительную жизнь, какъ и Бѣловодова или Райскій. Зато въ ней преобладаютъ свойства чисто отрицательныя: отчужденіе отъ окружающей жизни, стремленіе жить по своему и безсознательная инстинктивная жажда чего-то новаго.

Кому отдать пальму преимущества въ этомъ случаѣ, Мареинькѣ или Вѣрѣ, — опредѣлить это трудно, такъ-какъ мы имѣемъ дѣло съ бережковскою почвою, на которой въ конецъ-концовъ все приводится къ одному знаменателю. Мы замѣтили уже, что всѣ положительныя качества Мареиньки, какъ они ни хороши сами по себѣ, должны неминуемо заглохнуть на этой почвѣ и не принести никакого плода. Сейчасъ мы увидимъ, что и отрицательныя качества Вѣры приведутся къ тому же результату.

Уже съ самаго дѣтства въ Вѣрѣ начала проявляться натура, не укладывающаяся въ тѣсныя рамки бабушкинаго міросозерцанія.

— Скажите мнѣ, бабушка, что такое Вѣра?—вдругъ спросилъ Райскій, подсѣвши къ Татьянѣ Марковнѣ.

— Ты самъ видишь: что тебѣ еще говорить? Что видишь, то и есть.

— Да я ничего не вижу.

— И никто не видитъ: свой умъ, видишь-ли, и своя воля выше всего. И бабушка не смѣй спросить ни о чемъ: «нѣтъ да нѣтъ ничего, не знаю, да не вѣдаю». На рукахъ у меня родилась, вѣкъ со мною, а я не знаю, что у ней на умѣ, что она любитъ, что нѣтъ. Если и больна, такъ не узнаешь ее: ни пожалуется, ни лекарства не спроситъ, а только пуще молчитъ. Не лѣнива, а ничего не дѣлаетъ: ни шить, ни по канвѣ, ни музыки не любитъ, ни въ гости не ѣздитъ—такъ, уродилась такая! Я не видала, чтобъ она засмѣялась отъ души, или заплакала бы. Если и разсмѣется, такъ прячетъ улыбку, точно грѣхъ какой. А чуть что не по ней, разстроена чѣмъ нибудь, сейчасъ въ свою башню спрячется и переживетъ тамъ и горе, и радость—одна. Вотъ что!

Подъ башнею бабушка разумѣетъ старый запущенный домъ, который Вѣра полюбила съ дѣтства, и когда выросла, то поселилась тамъ въ одиночествѣ, совершенно въ романтическомъ духѣ.

Въ то же время было бы совершенно ошибочно думать, чтобы такое поведеніе было слѣдствіемъ какого-либо сознательнаго недовольства жизнью и окружающими людьми, чтобъ оно могло ясно формулироваться въ умѣ Вѣры и она могла бы опредѣленно сказать, чѣмъ она недовольна и чего хочетъ. Міросозерцаніе Вѣры ничѣмъ въ сущности не отличалось отъ міросозерцанія бабушки и Мареиньки; что бы тамъ ни проповѣдылъ ей отецъ Василій, сколько ни выстаивала Вѣра возлѣ часовни, она не могла еще додуматься даже и до того, что вся жизнь и ея, и окружающихъ людей представляетъ вопіющее противорѣчіе хоть бы съ тѣми идеалами, представителемъ которыхъ служилъ образъ, передъ которымъ она молилась. Но въ ней былъ такой избытокъ силъ, который никакъ не вмѣщался въ узкія рамки бережковской жизни; онъ требовалъ большаго простора, чѣмъ представляла эта жизнь, и тѣмъ сильнѣе было броженіе этихъ силъ, чѣмъ пустѣе и безсодержательнѣе была жизнь Вѣры, жизнь обѣдовъ и ужиновъ, ужиновъ и обѣдовъ, да праздныхъ скитаній по аллеямъ бережковскаго сада.

При всѣхъ этихъ обстоятельствахъ, очевидно стоило подвернуться случаю, чтобы избытокъ силъ вырвался наружу и томная жительница заброшеннаго дома совершила подвигъ въ романтическомъ духѣ, идущій въ разрѣзъ со всѣми понятіями окружавшей ея среды. Стоило явиться обольстительному герою вродѣ Печорина, дерзкому, отважному, съ глубокою ночью на душѣ, гордымъ челомъ и лицомъ, омраченнымъ скукою разочарованія,—и вотъ вамъ на сценѣ борьба долга съ увлекающею страстью, ходьба по краямъ пропасти, безконечные споры о томъ, что такое страсть и слѣдуетъ или не слѣдуетъ отдаваться ей беззавѣтно, и въ заключеніе бесѣдка на днѣ обрыва, звѣздная ночь, луна и т. д.

Вотъ вамъ ключъ отъ всего романа, какъ онъ, по всей вѣроятности, задуманъ былъ первоначально. Мы можемъ судить навѣрное по всему ходу романа и по духу времени, въ которомъ онъ задуманъ, что передъ нами непремѣнно долженъ былъ предстать романтическій герой вродѣ Печорина съ жаждою приключеній, опасностей и донъ-жуанскими наклонности. У насъ есть и кой-какой фактическій намекъ въ самомъ романѣ на наше предположеніе. Гончаровъ такъ неискусно передѣлалъ свой типъ на современный ладъ, что въ новой костюмировкѣ, въ которую онъ одѣлъ своего героя, оставилъ небольшую прорѣху и сквозь нее мы видимъ клочокъ шкуры совсѣмъ иного волка. Вспомнимъ, что въ заключеніе Гончаровъ посылаетъ Марка Волохова въ юнкера на Кавказъ.—Какъ вамъ это нравится! Въ этомъ открываются передъ вами два факта: во-первыхъ, вы видите, какъ отлично понимаетъ г. Гончаровъ духъ нашего времени, заставляя своего юнаго героя искать забвенія на гибельномъ Кавказѣ, а во-вторыхъ, какъ преслѣдуетъ Гончарова сѣдая старина, какъ тѣсно сжился онъ съ нею и какъ ему трудно отдѣлаться отъ тѣхъ представленій, которыя онъ вынесъ изъ своей молодости.

Одного исхода на гибельный Кавказъ совершенно достаточно, что бы передъ вами предсталъ во всей своей красотѣ тотъ типъ, изъ котораго Гончаровъ передѣлалъ своего Волохова, а вмѣстѣ съ нимъ и самый романъ открылся бы передъ нами въ своей первобытной чистотѣ.

И вы видите, что романъ задуманъ былъ не дурно. Онъ представлялъ бы одну изъ тѣхъ старыхъ исторій, которыя зачастую совершались на бережковской почвѣ, и въ этой исторіи ненадежность и дрянность бережковской почвы представлялись бы передъ вами во всей своей ужасающей ясности.

VIII.

Гончаровъ задумалъ такой сюжетъ, который требуетъ самой тщательной выдержки: малѣйшая фальшь, малѣйшій невѣрный штрихъ, и вся трагедія

превращается въ смѣшную, глупую и пошлую комедію.

Для того, чтобы трагическая иллюзія была соблюдена, героиня должна быть до конца выдержана въ видѣ женщины съ натурою сильною, глубокою, вполнѣ неудовлетворенною окружающею ее средою и неуклонно стремящеюся вырваться изъ нея. Въ то же время герой долженъ быть представленъ человѣкомъ съ неменѣе сильнымъ характеромъ и недюжиннымъ умомъ; возвышался бы надъ всѣмъ его окружавшимъ, и дѣйствительно казался человѣкомъ, способнымъ увлечь такую женщину. При этихъ условіяхъ вы представьте только себѣ, сколько было бы поистинѣ трагичнаго въ судьбѣ женщины, которая всѣ свои стремленія, мечты, упованія—всю свою жизнь положила въ руки человѣка, въ надеждѣ, что онъ вырветъ ее изъ среды соннаго прозябанія и что съ нимъ рука въ руку онъ пойдетъ по пути иной жизни, полной разумнаго счастія—и вдругъ что же: ея герой оказывается пошлымъ ловеласомъ, а себя она видитъ жалкою игрушкою въ его рукахъ, которая годилась только до тѣхъ поръ, пока ея не разбили, а потомъ взяли и бросили. Во всей этой исторіи трагиченъ, такимъ образомъ, не самый фактъ паденія, потери невинности, а ужаснѣе всего то, что здѣсь рушатся всѣ стремленія, надежды, иллюзіи, женщина становится лицомъ къ лицу съ пошлою, грязною и ужасною дѣйствительностію—женщина униженная, оскорбленная, обращенная въ ничтожный предметъ минутной прихоти.

Но мы не можемъ судить, съумѣлъ ли бы Гончаровъ изобразить передъ нами такого героя, въ котораго могла бы влюбиться Вѣра? О сопоставленіи Вѣры съ Маркомъ Волоховымъ мы еще поговоримъ въ своемъ мѣстѣ. Что же касается до того, въ какомъ видѣ представилъ онъ Вѣру до и послѣ ея паденія, здѣсь мы видимъ полную неспособность Гончарова выдерживать характеръ и развивать передъ нами драматическіе сюжеты.

Уже до паденія Вѣры съ обрыва вы видите передъ собою въ типѣ Вѣры удивительную амальгаму, составленную изъ двухъ, совершенно разнородныхъ личностей.

Съ одной стороны, Гончаровъ старается представить намъ въ лицѣ Вѣры, какъ мы сказали уже, титаническую натуру, неукладывающуюся въ рамки родоваго быта и рвущуюся изъ нихъ:

«Да, это не простодушный ребенокъ, какъ Мареинька, и не «барышня»—говоритъ онъ въ одномъ мѣстѣ своего романа.—Ей тѣсно и неловко въ этой устарѣвшей, искусственной формѣ, въ которую такъ долго отливался складъ ума, нравы, образованіе и все воспитаніе дѣвушки до замужества. Она чувствовала условную ложь этой формы, и отдѣлалась отъ нея (?), добиваясь правды. Въ ней много именно того, чего Райскій напрасно искалъ въ Наташѣ, въ Бѣловодовой: спирта, задатковъ самобытности, своеобразія ума, характера—всѣхъ тѣхъ силъ, изъ которыхъ должна сложиться самостоятельная, настоящая женщина, и дать направленіе своей и чуждой жизни, многимъ жизнямъ, освѣтить и согрѣть цѣлый кругъ, куда поставитъ ее судьба. Она пока младенецъ, но съ титанической силой: надо только, чтобы сила эта правильно развилась и разумно направилась».

Но въ различныхъ подробностяхъ романа тотъ же Гончаровъ представилъ передъ нами въ лицѣ Вѣры вовсе не какую либо титаническую натуру, а именно „барышню", и самую дрянненькую, которая, пользуясь своими обольстительными взорами, играла, какъ кошка съ мышкою, съ людьми, ухаживавшими за нею. Читая романъ, вы не разъ возмущаетесь до глубины души ея отношеніями къ Райскому, котораго она съ тактомъ записной кокетки метала съ небесъ въ преисподнюю и обратно. Не лучше были и отношенія ея къ Тушину, котораго она держала въ почтительномъ отдаленіи, при всемъ томъ очень ловко пользовалась имъ, какъ послушнымъ рабомъ, по мѣрѣ надобности, и не скрывала разсчетецъ очень невысокаго полета—что Тушина не мѣшаетъ приберечь на случай кораблекрушенія, какъ человѣка, на котораго можно будетъ тогда положиться. У шаловливыхъ барышенъ, окруженныхъ поклонниками, всегда бываетъ спрятанъ про запасъ солидный мужчина не безъ состоянія, котораго онѣ обыкновенно держатъ позади всѣхъ и за котораго впослѣдствіи выходятъ замужъ въ случаѣ крайности.

Такова же Вѣра и въ минуту паденія. Это вовсе не титаническая женщина, увлекшаяся всепоглощающею страстью, въ которой сосредоточились всѣ ея надежды, мечты, вся ея вѣра въ будущее, а опять-таки нервная, чувственная, слабая барышня, которая вовсе не хотѣла падать, но колебалась-колебалась—да и не утерпѣла, чтобъ ее кошка не съѣла. Послѣ же окончательной сцены въ обрывѣ Гончаровъ превращаетъ Вѣру буквально въ Мареиньку. Горе Вѣры сосредоточивается, главнымъ образомъ, не на томъ, что разрушились всѣ ея иллюзіи, что все ея существованіе возвращено вспять, и сама она оскорблена и унижена, какъ женщина, какъ человѣкъ. Вѣра обращаетъ все вниманіе на то, что вотъ она совершила ужасный грѣхъ, потеряла невинность—и какъ теперь ей глядѣть на всѣхъ, что скажетъ бабушка, что подумаетъ Райскій, Тушинъ, какъ будутъ глядѣть на нее люди, что заговорятъ въ городѣ... А затѣмъ, стоило бабушкѣ утѣшить Вѣру признаніемъ вродѣ того: что ты, душенька, не плачь, я и сама когда-то сдѣлала то же самое, и Вѣра разнѣжилась, утерла глазки и утѣшилась.

Если хотите, то и съ сильною натурою, какъ бы ни была она титанична, должна была послѣ такой катастрофы произойти реакція. Но у сильныхъ, страстныхъ натуръ реакція выражается въ такихъ же крайностяхъ, какъ и увлеченіе. Вѣра, какъ сильная натура, должна была бы кончить непремѣнно крайностью: скорѣе всего, согласно міросозерцанію ея, можно было ожидать, что она, подобно „Лизѣ" въ „Дворянскомъ гнѣздѣ" Тургенева, кинется въ суровый, мрачный мистицизмъ, въ которомъ будетъ стараться заглушить горе разрушенной надежды; или подобно „Татьянѣ" Пушкина, могла впасть въ мертвую апатію отчаянья, въ которой ей рѣшительно было бы все равно, что бы съ ней ни дѣлали. Наконецъ, она могла бы впасть въ необузданный чувственный развратъ, какъ Ирина въ „Дымѣ". Писатели, глубоко прочувствовавшіе бережковскую сферу жизни, обыкновенно кончали однимъ изъ этихъ

выходовъ: такъ и Пушкинъ кончилъ съ Татьяною, разочаровавшеюся въ Онѣгинѣ; такъ и Тургеневъ покончилъ со многими героинями своихъ повѣстей. Но Гончаровъ изобрѣлъ для своей героини выходъ особеннаго сорта, крайне искусственный, фальшивый и совершенно немыслимый на бережковской почвѣ. Подобно тому, какъ въ предыдущемъ романѣ, заставивши Ольгу разочароваться въ Обломовѣ, Гончаровъ утѣшилъ ее, пославши ей Штольца, котораго самъ создалъ искусственно силою своей досужей фантазіи, такъ же онъ поступилъ и съ Вѣрою. Тушинъ является передъ нами экстрактомъ всевозможныхъ добродѣтелей, на подобіе тѣхъ Правдиныхъ и Стародумовъ, которыхъ изобрѣталъ нѣкогда фонъ-Визинъ, или еще лучше вродѣ гоголевскаго Констанжогло, вившаго изъ песку веревки и наживавшаго такимъ образомъ милліоны. Въ Тушинѣ вы находите все, что вамъ только угодно: и мускульную силу, и желѣзную волю, и змѣиную мудрость, и голубиную кротость, и наивную простоту, и энергическую дѣятельность, и умѣнье жить, наживать, да и добро наживать—да такое добро, что и самъ онъ катался, какъ сыръ въ маслѣ, и мужички его благоденствовали, избы у нихъ были все новыя, крыши на избахъ деревянныя, сами они были богатые, энергическіе, барину, господину своему, не только оброковъ не платили, но еще съ него брали за трудъ свое жалованье—ну, и, конечно, благословляли свою участь и души въ баринѣ не чаяли; однимъ словомъ, въ имѣньѣ Тушина чуть что не текли молочныя рѣки въ кисельныхъ берегахъ.

Но какъ же это при всѣхъ условіяхъ жизни бережковской сферы могъ создаться такой алмазъ? Какъ онъ сохранился, когда жизнь въ самыхъ основаніяхъ своихъ вела къ растлѣнію? Гончарову самому приходилъ въ голову этотъ вопросъ при созданіи типа Тушина, но онъ отдѣлался отъ него безъ затрудненія:

«Стройно дѣйствующій механизмъ природныхъ силъ—говоритъ онъ въ одномъ мѣстѣ—могъ бы разстроиться и отъ внѣшнихъ притоковъ разныхъ противныхъ вѣтровъ, толчковъ, остановокъ, и отъ дурной, избалованной воли. У него этого разлада не было. Внутреннею силою онъ отражалъ внѣшніе враждебные притоки, а свой огонь горѣлъ у него неугасимо, и онъ не не уклоняется, не измѣняетъ гармоніи ума съ сердцемъ и съ волею, и совершаетъ свой путь безупречно, все стоитъ на той же высотѣ умственнаго и нравственнаго развитія, на которую, пожалуй, поставили его природа и судьба, слѣдовательно, стоитъ почти безсознательно».

Вотъ что значитъ свобода творческой фантазіи: чуть приходится намъ объяснить какую нибудь, нами же придуманную несообразность—мы сейчасъ можемъ сослаться на какой нибудь внутренній огонь—и дѣло въ шляпѣ. Намъ съ Гончаровымъ ничего не стоитъ нарисовать человѣка, окруженнаго бурнымъ пламенемъ, а внизу подписать: „сей человѣкъ и въ огнѣ не горитъ, ибо изъ его могучей натуры непрестанно выступаетъ внутренняя влага, дѣлающая его неуязвимымъ въ пещи огненной“.

Но предположимъ, что Тушинъ возможенъ на бережковской почвѣ: въ семьѣ вѣдь не безъ урода, и какихъ только чудесъ не бываетъ въ природѣ. Какъ же это Вѣра, если она была чистая, глубокая, титаническая натура, раньше-то не открыла этого брильянта въ кучѣ навоза? Мы можемъ допустить, чтобы сильная натура увлеклась даже не титаническимъ донъ-жуаномъ, а первымъ встрѣченнымъ гусаромъ и убѣжала съ нимъ, еслибы вокругъ нея ничего не было. Но возлѣ Вѣры былъ герой, который могъ удовлетворить самымъ пылкимъ мечтаніямъ дѣвушки. Какого же еще рожна было нужно Вѣрѣ, выражаясь бабушкинымъ языкомъ? И здѣсь опять-таки мы видимъ все неумѣніе Гончарова выдерживать характеры и иллюзію романа. Заставь Гончаровъ Вѣру встрѣтиться съ Тушинымъ послѣ паденія ея съ обрыва, и все было бы въ порядкѣ: тэма романа вполнѣ соотвѣтствовала духу беллетристической школы 40-хъ годовъ, на почвѣ которой было написано множество романовъ и повѣстей съ подобною тэмою, что вотъ, молъ, сильная женская натура, не находя вокругъ себя никакого выхода, наткнулась на подводную скалу, впала въ разочарованіе, отчаянье, но встрѣча съ новымъ героемъ такого рода, о которомъ она и прежде всегда мечтала, утѣшила ее и возродила къ новой разумной жизни, въ которой она нашла, наконецъ, исходъ изъ своего прежняго безцѣльнаго прозябанія. Правда, и въ такомъ видѣ романъ представлялъ бы въ себѣ много ложнаго, потому что новый герой былъ бы все-таки герой, сочиненный авторомъ, а не дѣйствительный, и новая жизнь, въ которую Вѣра вступила бы, все-таки оставалась бы фиктивною жизнью, невозможною на той почвѣ, на которой Гончаровъ ее представилъ; но была бы, по крайней-мѣрѣ, хоть какая нибудь выдержка въ романѣ.

Но Гончаровъ поступилъ иначе: взявши такой драматическій сюжетъ, который требуетъ непремѣнно глубокаго и свободнаго анализа, онъ посмотрѣлъ на этотъ сюжетъ съ точки зрѣнія узенькой морали; онъ не увидѣлъ въ этомъ сюжетѣ ничего, кромѣ грѣховнаго факта паденія Вѣры, и изъ такого богатаго сюжета, въ которомъ могла бы развернуться старая жизнь передъ нами во всей своей трагичности, онъ вздумалъ сдѣлать нравоучительную повѣсть о томъ, какъ дурно поступаютъ дѣвушки, которыя не слушаются старшихъ и даютъ свободу своей волѣ и своимъ страстямъ. Съузивши такимъ образомъ богатый сюжетъ, Гончаровъ по необходимости долженъ былъ поставить Вѣру между двумя началами, злымъ и добрымъ, при чемъ злое начало въ видѣ обольстителя тянетъ Вѣру на дно обрыва, а доброе — въ видѣ Тушина — тянетъ вверхъ на путь спасенія и благонравія. Мы знаемъ, что Гончаровъ не въ первый разъ поступаетъ такимъ образомъ. Вѣдь и Ольга въ Обломовѣ точно также рисуется передъ нами между двумя противоположными началами: началомъ лѣности въ видѣ Обломова и дѣятельности въ видѣ Штольца. Гончаровъ до сихъ поръ сохраняетъ архаическую манеру живописцевъ до-рафаелевскаго періода—располагать фигуры въ картинѣ симметрически по прямымъ линіямъ. Но такъ-какъ противоположныя нравственныя начала олицетворяются въ романѣ въ видѣ различныхъ любовниковъ, между которыми Вѣра колеблется, не зная, кому отдать преимущество, то этимъ самымъ она и обращается изъ титанической натуры въ слабую, нерѣшительную нервную барышню, которая, какъ мы выше замѣтили, кокетничаетъ и съ однимъ,

и съ другимъ, и съ третьимъ, а Тушина оцѣниваетъ тогда только, когда дѣло приходится плохо.

IX.

Вообще нужно замѣтить, что во всѣхъ рѣшительныхъ драматическихъ моментахъ романа вы не оберетесь нелѣпостей самаго перваго сорта. У Гончарова замѣчается какая-то фатальная способность изображать трагическій паѳосъ своихъ героевъ въ такомъ комическомъ видѣ, что вмѣсто трагическаго чувства въ васъ возбуждается истерическій хохотъ. Посмотрите вы, напримѣръ, на этого Райскаго, который въ ревнивомъ бѣшенствѣ, какъ сумасшедшій, мечется по саду во время сцены въ бесѣдкѣ, вопитъ въ ярости: мщенія, мщенія!... натыкаясь на Полину Карповну, вертитъ ее, какъ куклу, произнося несвязныя рѣчи, и бросаетъ потомъ въ траву съ крикомъ: „прочь, гадина!“ Посмотрите вы на этого учителя Козлова, который послѣ того, какъ жена ему измѣнила и уѣхала отъ него, все смотритъ на дорогу, ожидая ея возвращенія, и каждаго мужика, ѣдущаго въ телѣгѣ, принимаетъ за возвращающуюся супругу. А что сдѣлалъ Гончаровъ съ бабушкою Татьяною Марковною, уму непостижимо. Онъ заставилъ ее послѣ паденія Вѣры нѣсколько дней пробродить по усадьбѣ въ трагическомъ паѳосѣ, напоминающемъ сцену лунатизма леди Макбетъ. Къ ужасу всѣхъ дворовыхъ она ходила, ходила, ходила по саду, по полямъ, ломая руки и приговаривая: мой грѣхъ, мой грѣхъ!... А за нею бѣгалъ Райскій съ кружкою молока, которую желалъ поднести ей, опасаясь, чтобъ она не умерла съ голоду.

Изъ-за чего же такъ распиналась бабушка и въ чемъ заключался ея грѣхъ? А въ томъ вотъ видите, что разъ въ жизни своей, когда была еще молода, бабушка рѣшилась быть женщиной, а не куклой только въ рукахъ своихъ родныхъ. Ее насильно выдавали за графа, а она любила сосѣдняго помѣщика, Тита Никоновича. Графъ засталъ сцену свиданія Татьяны Марковны съ ея возлюбленнымъ ночью въ оранжереѣ—противники чуть не подрались, но Татьяна Марковна ихъ развела и они дали другъ другу слово: графъ, что онъ этой исторіи не огласитъ, а Титъ Никоновичъ—что онъ на Татьянѣ Марковнѣ не женится. Такъ бабушка и осталась весь вѣкъ свой дѣвушкой. Мы не будемъ много распространяться о томъ, до какой степени лишена всякаго человѣческаго смысла эта драма стараго времени, въ которой все счастье женщины было разбито изъ-за родовыхъ предразсудковъ, изъ-за малодушной, жалкой боязни огласки того, чѣмъ люди должны были гордиться, и изъ-за смѣшной рыцарской щепетильности, изъ-за которой два существа, любящія другъ друга, рѣшились на весь вѣкъ остаться чуждыми одинъ другому, потому что въ ихъ отношенія вмѣшался дрянной негодяй, взявшій съ нихъ совершенно безчеловѣчно, безцѣльно слово, что они никогда не сойдутся!.. И на эту драму своей юности, въ которой все, что было человѣческаго въ Татьянѣ Марковнѣ, ея любовь, самостоятельность въ выборѣ предмета чувства, права на счастіе,—все это было попрано самымъ возмутительнымъ образомъ,—на подобную драму Татьяна Марковна смотрѣла, какъ на свой собственный грѣхъ, какъ на свое преступленіе, за которое, вотъ видите ли, провидѣніе наказало ее паденіемъ Вѣры! Вы подумайте только, есть ли здѣсь хоть одна капля здраваго человѣческаго смысла? Но курьезнѣе всего здѣсь не сама Татьяна Марковна, которой могло и въ голову не прійти ломать страшныя комедіи и которая смѣло можетъ заявить свой протестъ противъ разгулявшейся фантазіи Гончарова въ такомъ родѣ, что „батюшка, молъ, Иванъ Александровичъ, что ты за чучело изъ меня сдѣлалъ, за что ты меня срамишь: ужь мнѣ-то на старости лѣтъ отнюдь не пристало разыгрывать французскія мелодрамы. Не ты ли самъ расхваливалъ меня во всѣхъ пяти частяхъ романа за то, что хоть я по французскимъ книгамъ и не училась, а во мнѣ много таится самороднаго здраваго смысла, такта, сдержанности, проницательности, знанія человѣческаго сердца и умѣнья вѣрно оцѣнивать людскія отношенія, — и вдругъ ты заставилъ меня какъ дуру шальную шататься по полямъ, Богъ-вѣсть для чего, только людей тревожить, да Вѣру еще пуще разстраивать... Вѣдь я еще изъ ума не выжила и хорошо понимаю, что этимъ бѣды не сбудешь, а пуще только раздуешь ее; только слабые и тщедушные люди мечутся и руки ломаютъ при первомъ горѣ, а мнѣ приходится сейчасъ же поспокойнѣе за дѣло приниматься, замазать, заклеить, что можно, Вѣру какъ нибудь утѣшить, да скрутить ее поскорѣе за Тушина, вотъ мое дѣло, а не по полямъ шляться безъ пути“!..

Курьезнѣе всего здѣсь самъ Гончаровъ, который, заставивши бабушку разыгрывать сцену лунатизма леди Макбетъ, самъ умиляется передъ своею фантазіею и доходитъ до такого паѳоса, что сравниваетъ Татьяну Марковну съ разными историческими героинями древнихъ и новыхъ вѣковъ:

— Это не бабушка!—съ замираніемъ сердца, глядя на нее, думалъ Райскій. Она казалась ему одною изъ тѣхъ женскихъ личностей, которыя внезапно изъ круга семьи выходили героинями въ великія минуты, когда падали вокругъ тяжкіе удары судьбы и когда нужны были людямъ не грубыя силы мышцъ, не гордость крѣпкихъ умовъ, а силы души—нести великую скорбь, страдать, терпѣть и не падать! У него въ головѣ мелькнулъ рядъ женскихъ историческихъ тѣней въ параллель бабушкѣ: видѣлась ему въ ней—древняя еврейка, іерусалимская госпожа, родоначальница племени—съ улыбкой горделиваго презрѣнія, услышавшая пронесшееся въ народѣ глухое пророчество и угрозу: «снимется вѣнецъ съ народа, не узнавшаго посѣщенія», «придутъ римляне и возьмутъ!» Не повѣрила она, считая незыблемымъ вѣнецъ, возложенный рукою Іеговы на голову Израиля. Но когда насталъ часъ—«пришли римляне и взяли», она постигла, откуда палъ неотразимый ударъ, встала, сняла свой вѣнецъ, и молча, безъ ропота, безъ малодушныхъ слезъ, которыми омывали іерусалимскія стѣны мужья, разбивая о камни головы, только съ окаменѣлымъ ужасомъ покорности въ глазахъ пошла среди павшаго царства, въ великомъ безобразіи одеждъ, туда, куда вела ее рука Іеговы, и такъ-же,—какъ эта бабушка теперь—несла святыню страданія на лицѣ, будто гордясь и силою удара, постигшаго ее, и своею силою нести его... Пришла въ голову Райскому другая царица скорби, великая русская Мароа, скованная, истерзанная московскими орлами, но сохранившая въ тюрьмѣ свое величіе и могущество скорби по погибшей славѣ Новгорода, покорная

тѣломъ, но не духомъ, и умирающая все посадницей, все противницей Москвы, и какъ будто распорядительницей судебъ вольнаго города».

Гончаровъ упустилъ изъ виду здѣсь то, что въ судьбѣ женщинъ, которыми онъ любуется, было трагично именно то, что онъ гонитъ, преслѣдуетъ и отрицаетъ въ женщинахъ, и чего въ Татьянѣ Марковнѣ не было и тѣни: трагично было въ нихъ увлеченіе интересами общественнаго свойства, увлеченіе той или другою великою идеею своего вѣка, для которой онѣ жертвовали не только какими нибудь узкими, эгоистическими страстишками—но жизнью. И такія великія, святыя личности, записанныя исторіею, идутъ у Гончарова въ сравненіе съ Татьяною Марковною Бережковой, весь трагическій паѳосъ которой основывался на чувственномъ задорѣ внучки и мелочныхъ, пошлыхъ разсчетцахъ заплесневѣлаго уголка!

X.

Изъ всего этого разбора, я полагаю, ясно можно видѣть, что и безъ передѣлки на современный ладъ романъ заключалъ бы въ себѣ не малое количество невыдержанности, искусственности, ложнаго, надутаго паѳоса и нелѣпостей всякаго рода. Теперь мы посмотримъ, что сдѣлалъ Гончаровъ изъ своего романа, передѣлавши одинъ изъ главныхъ типовъ въ духѣ современныхъ нравовъ.

Вмѣсто неизвѣстнаго намъ героя въ романтическомъ духѣ съ донъ-жуанскими наклонностями, передъ нами парадируетъ въ романѣ представитель молодого поколѣнія, архи-нигилистъ Маркъ Волоховъ.

Создалъ Гончаровъ своего Волохова очень просто и незатѣйливо. Твердя въ своемъ романѣ все о правдѣ, да о правдѣ, то о новой, то о старой, — Гончаровъ опустилъ изъ виду въ то-же время одну правду, которая для него, какъ создателя романа, была всего нужнѣе: правду художественную. Ему и въ голову не пришло, что для созданія типа молодого поколѣнія необходимо было ему хоть немного посвятить времени живому наблюденію этого поколѣнія, хоть сколько-нибудь всмотрѣться въ жизнь, нравы, стремленія молодежи — всмотрѣться собственными своими глазами, не довольствуясь одними ходячими слухами, готовыми стереотипными представленіями, которыя сложились въ пошлой, праздной и легкомысленной толпѣ. Гончарову показалось, что этихъ слуховъ и стереотипныхъ представленій совершенно достаточно, чтобы создать представителя цѣлаго поколѣнія и произнести судъ надъ нимъ. Онъ такъ и сдѣлалъ. Всѣмъ извѣстно, какіе готовые приговоры о молодежи ходятъ по разнымъ гнилымъ трущобамъ нашего общества. Молодежь, говорятъ, впавши въ матеріализмъ, отвергаетъ духовную сторону человѣка, отрицаетъ всякіе нравственные принципы, смѣется надъ бракомъ и допускаетъ только одни чувственныя наслажденія. На основаніи этихъ ходячихъ слуховъ Гончаровъ изобразилъ въ лицѣ Волохова человѣка, твердящаго, что жизнь людская больше ничего, какъ безцѣльное круженіе пылинокъ въ воздухѣ, и склоняющаго Вѣру на птичью любовь до завтрашняго утра, чтобы упиться взаимными наслажденіями и разойтись въ разныя стороны. Молодежь, говорятъ, отвергаетъ все изящное, всякія удобства жизни—все созданное цивилизаціею: и вотъ Гончаровъ заставилъ своего Волохова жить въ телѣгѣ, ходить растрепаннымъ и грязнымъ, какъ, по мнѣнію Гончарова, подобаетъ архи-нигилисту. Молодежь, говорятъ, отвергаетъ собственность—и Гончаровъ заставилъ Волохова лазить по заборамъ въ чужіе сады за яблоками, брать деньги безъ отдачи; надѣвши платье Райскаго, безъ церемоніи объявить ему, что платье ему пришлось въ пору и онъ его не отдастъ. Молодежь, говорятъ, отвергаетъ всякій общественный порядокъ — и Гончаровъ заставилъ Волохова стрѣлять въ людей, травить собаками женщинъ, лазить въ окна, брать приступомъ трактиры и проч.

Создавши такимъ образомъ типъ не индуктивно и не изъ наблюденій надъ жизнью, а чисто дедуктивно изъ ряда ходячихъ пошлыхъ сентенцій, Гончаровъ представилъ передъ нами не человѣка, а какое-то квазимодо, лишенное всякой реальности. Всѣ прочіе беллетристы одной школы съ Гончаровымъ, и Тургеневъ, и Писемскій, и Достоевскій, и даже Ключниковъ, въ какомъ только ложномъ свѣтѣ они ни пытались представить молодое поколѣніе, во всякомъ случаѣ, имѣютъ то преимущество передъ Гончаровымъ, что они въ молодомъ поколѣніи видѣли, хоть и заблуждающихся людей, но, во всякомъ случаѣ, *людей*. Они не отвергали въ нихъ такихъ качествъ, которыя дѣлаютъ честь всякому человѣку, какихъ-бы онъ ни былъ убѣжденій: трудолюбія, честности, способности любить глубоко и прочно, наконецъ, самопожертвованія; они осмѣивали и отрицали только принципы, убѣжденія, и стремленія молодого поколѣнія, считая ихъ съ своей точки зрѣнія ложными. Достоевскій въ лицѣ Раскольникова изобразилъ злодѣя, совершившаго убійство на основаніи ложнаго принципа, но и къ этому злодѣю онъ отнесся не безъ гуманности: онъ не бросилъ въ него камнемъ желчнаго, злобнаго порицанія; онъ не рѣшился съ тономъ высокомѣрнаго безчеловѣчія ткнуть пальцемъ убійцу и объявить, чтобъ мы не ждали въ этомъ злодѣѣ и тѣни чего-либо человѣческаго: напротивъ того, и въ убійцѣ онъ съумѣлъ уловить біеніе человѣческаго сердца.

Гончаровъ же въ своемъ изображеніи Марка Волохова унизился до Стебницкаго и Авенаріуса. Въ лицѣ Марка Волохова онъ изобразилъ экстрактъ всевозможныхъ гадостей: наглости, чувственности, распущенности, низости, злости и проч., отвергнувши въ немъ всякую возможность чего-либо человѣческаго. „Волкомъ,—говоритъ онъ о Маркѣ Волоховѣ,—звала она тебя въ глаза шутя, теперь не шутя, заочно къ хищничеству волка — въ памяти у нея останется ловкость лисы, злость на все лающей собаки, *и не останется никакого слѣда—о человѣкѣ!...*“

Вы подумайте только, сколько нужно накопить желчнаго, слѣпого озлобленія, гордаго самомнѣнія и безчеловѣчнаго высокомѣрія, чтобы отвергнуть все человѣческое въ людяхъ, которые дерзнули не раздѣлять нашихъ убѣжденій! Неужели Гончаровъ думаетъ, что онъ раскрылъ въ истинномъ свѣтѣ заблужденія своихъ противниковъ, представивши ихъ въ видѣ от-

влеченнаго экстракта разныхъ мерзостей неестественнаго, мелодраматическаго злодѣя, исчадія ада, изрыгающаго изъ себя одно зло и зло... И это сдѣлалъ Гончаровъ, художникъ реальной школы, завѣщанной Гоголемъ... Это называется стремиться къ художественной правдѣ, брать образы для своихъ произведеній изъ жизни, глубоко изучая ихъ въ самой дѣйствительности! Но курьезнѣе всего, что, изобразивши въ лицѣ Марка Волохова безобразное чудовище, лишенное всякаго человѣческаго смысла, Гончаровъ заставилъ въ то-же время въ это чудовище влюбиться лучшую свою героиню, которую онъ на каждой страницѣ превозноситъ за глубину природы, проницательность ума и тонкость женскаго инстинкта, умѣющаго многое вѣрно угадывать прежде, чѣмъ что-либо дойдетъ до яснаго сознанія!

Какъ знатоку по части теоріи влюбчивости, чѣмъ такъ славятся всѣ беллетристы 40-хъ годовъ, Гончарову, я полагаю, должно быть очень хорошо извѣстно, что какъ-бы ни была нелѣпа иногда влюбчивость, во всякомъ случаѣ, она должна имѣть свою иллюзію, на которой она необходимо основывается.—Женщина подъ вліяніемъ страсти можетъ до нѣкотораго времени ошибаться въ мужчинѣ, объяснять въ хорошую сторону всѣ физическіе, нравственные и умственные недостатки своего возлюбленнаго;—но какъ-бы ни была сильна такая иллюзія, она все-таки имѣетъ границы, далѣе которыхъ она невозможна. — Посмотримъ-же теперь, чѣмъ могла увлечься до самозабвенія Вѣра въ Волоховѣ, если только она была женщина дѣйствительно съ умомъ, проницательностью и т. д. До своего знакомства съ нимъ она могла заинтересоваться имъ, какъ человѣкомъ необыкновеннымъ, выходящимъ совершенно изъ круга обыденной жизни. Слыша о разныхъ его курьезахъ, могла думать, что они логически вытекали изъ какого-то новаго ученія, о которомъ она не имѣла никакого понятія; изъ неосновательности поступковъ Марка, она могла заключать о неосновательности ученія, которымъ Маркъ увлекся, самая-же личность Марка оставалась для нея еще неприкосновенною; она не могла еще ни увлекаться ею, ни питать къ ней презрѣнія или отвращенія. Ей, во всякомъ случаѣ, любопытно было увидѣть, что это за птица этотъ Волоховъ. Наконецъ, она его увидѣла: онъ сидѣлъ на заборѣ и рвалъ яблоки изъ ея сада, и немедленно-же объяснилъ ей, что онъ дѣлаетъ это на основаніи принциповъ Прудона, провозгласившаго, что собственность есть кража.—Затѣмъ онъ началъ съ ней видѣться и давать ей тѣ новыя книги, изъ которыхъ онъ извлекалъ свои принципы, въ томъ числѣ и Прудона.

Мнѣ кажется, что этого одного совершенно достаточно, чтобы въ Вѣрѣ не возникло никакой иллюзіи относительно Марка. Если только Вѣра обладала хоть каплею ума, то прочтя трактатъ Прудона о собственности, она съ удивленіемъ увидѣла бы, что между принципами Прудона и вороваиьемъ яблоковъ изъ чужого сада нѣтъ ни малѣйшей логической нити, никакой точки соприкосновенія; заблужденіе Марка могло возбудить въ Вѣрѣ участіе и желаніе воротить его на вѣрную дорогу только въ такомъ случаѣ, еслибы это было логическое заблужденіе глубокаго ума, который-бы сказывался въ самыхъ крайностяхъ заблужденія. Вотъ еслибы на основаніи Прудона Маркъ Волоховъ объявилъ Вѣрѣ, что онъ никогда въ жизни не позволитъ себѣ съѣсть ни одного куска, который бы онъ не заработалъ честнымъ, производительнымъ трудомъ, а относительно яблоковъ замѣтилъ бы, что они должны принадлежать не Вѣрѣ, не ему, Марку Волохову, а тому садовнику, который прилагалъ свой трудъ къ произращенію ихъ, въ такомъ случаѣ Вѣра, прочитавшя Прудона, увидѣла бы, что слова Марка прямо истекаютъ изъ прудоновскихъ принциповъ, могла бы съ своей точки зрѣнія видѣть въ словахъ Марка заблужденіе, но видѣла бы заблужденіе умнаго человѣка, способнаго понимать и усвоивать, что читаетъ; такое логическое заблужденіе могло возбудить въ Вѣрѣ участіе, желаніе спорить съ Маркомъ и по возможности обратить его на свою сторону.—Но въ примѣненіи принциповъ Прудона къ воровавію яблоковъ изъ чужого сада Вѣра ничего не могла увидѣть, кромѣ безумнаго и дикаго скачка идіота. Ну, а гдѣ женщина видитъ идіота, тамъ плохая надежда на какую-либо иллюзію и влюбчивость.

(Гончаровъ, замѣтимъ въ скобкахъ, или не читалъ Прудона и имѣетъ о немъ очень смутное понятіе, или если прочелъ, то понялъ его принципы à la Волоховъ... Но послѣднее предположеніе мы отстраняемъ; оно было бы слишкомъ ужь оскорбительно для Гончарова).

Такимъ образомъ, пытаясь изобразить въ лицѣ Вѣры сильную, недюжинную личность и вдругъ заставивши увлечься эту недюжинную личность какою-то смѣшною и жалкою пародіею на человѣка, олицетворенною каррикатурою, Гончаровъ окончательно разрушилъ всякую иллюзію романа.—Неужели Гончаровъ ослѣпъ до такой степени, что не замѣчаетъ, какъ этимъ самымъ глубоко унижаетъ онъ свою героиню? Чтобы допустить возможность паденія Вѣры съ обрыва при такихъ условіяхъ, нужно предположить что-нибудь изъ двухъ: или Вѣра сама была настолько слаба разумомъ, что очевидный, ничѣмъ не прикрытый идіотизмъ Марка Волохова остался ею незамѣченнымъ до конца романа; или же это была въ такой степени распущенная натура, что замѣчая идіотизмъ Волохова съ самаго начала знакомства съ нимъ, споря постоянно и ни въ чемъ не сходясь, она все-таки рѣшилась пасть въ его объятія,—это ужь чортъ знаетъ что такое!

XI.

Но этимъ всѣмъ еще не исчерпывается вся дикая несообразность романа.—До сихъ поръ мы ограничивались только разборомъ произведенія Гончарова съ точки зрѣнія чисто эстетической: мы старались показать, какъ слабъ романъ со стороны выдержанности сюжета, характеровъ, иллюзіи. Если же мы теперь коснемся философіи Гончарова, то забредемъ въ такой дѣвственно-непроходимый лѣсъ, изъ котораго выбраться нѣтъ уже никакой человѣческой возможности.

Вся философія, которую Гончаровъ разсыпаетъ въ разныхъ мѣстахъ своего романа, заключается въ томъ, что онъ постоянно защищаетъ старую правду

передъ новой. Что же разумѣетъ Гончаровъ подъ новою правдой и подъ старой?

Изъ типа Марка Волохова мы могли бы извлечь то заключеніе, что подъ новою правдою Гончаровъ разумѣетъ ученіе, отрицающее всякіе нравственные принципы и проповѣдующее жизнь необузданнаго сенсуализма.—Такое понятіе о новой правдѣ Гончаровъ ясно формулируетъ передъ нами въ слѣдующихъ словахъ:

„Оставивъ себѣ одну животную жизнь, „новая сила“ не создала, вмѣсто отринутаго стараго, никакого другого, лучшаго идеала жизни“.

Но сейчасъ-же вслѣдъ за этою фразою Гончаровъ говоритъ совершенно другое:

„Вглядѣвшись и вслушавшись во все, что проповѣдь юнаго апостола выдавала за новыя правды, новое благо, новыя откровенія, она съ удивленіемъ увидѣла, что *все то, что было въ его проповѣди добраго и вѣрнаго—не ново, что оно взято изъ того-же источника, откуда черпали и не новые люди*, что сѣмена всѣхъ этихъ новыхъ идей, новой цивилизаціи, которую онъ проповѣдывалъ такъ хвастливо и таинственно, заключены въ старомъ ученіи“.

Какъ-же это такъ? Значитъ, новое ученіе проповѣдуетъ не одну животную жизнь, а въ немъ есть доброе и вѣрное, и Гончаровъ не только не имѣетъ права пенять, что это доброе и вѣрное не ново, а онъ долженъ радоваться этому, такъ какъ, по его мнѣнію, это доброе и вѣрное взято изъ того-же стараго ученія, защитникомъ котораго онъ является передъ нами. Но если только Гончаровъ признаетъ, что въ новомъ ученіи есть хоть одна черта добрая, вѣрная, тогда что же значитъ вышеупомянутая фраза, будто новое ученіе, оставивъ себѣ одну животную жизнь, не создало, вмѣсто отринутаго стараго, никакого другого, лучшаго идеала жизни, что же такое значитъ типъ Волохова, въ которомъ Гончаровъ не представилъ передъ нами ни одной изъ тѣхъ вѣрныхъ, добрыхъ чертъ, которыя онъ самъ же находитъ въ новомъ ученіи?—Гдѣ же тутъ справедливость? вѣдь это значитъ—беззастѣнчиво клеветать и самому тутъ же выставлять свою клевету на позорище?

Но, можетъ быть, это происходитъ просто изъ невѣдѣнія, изъ-за того, что Гончаровъ имѣетъ самыя смутныя и неопредѣленныя понятія о новой правдѣ, понятія сталкивающіяся, противорѣчащія другъ другу, составленныя изъ пошлыхъ ходячихъ мнѣній, самаго разнороднаго свойства. Но что касается старой правды, то тутъ, конечно, мы увидимъ въ Гончаровѣ знатока, человѣка глубоко вникшаго въ „духъ и глубину книги стараго ученія“, а не обольстившагося одною буквою добродѣтелей этого ученія, подобно молодежи и „не требующаго исполненія этой буквы съ такою злобою и нетерпимостью, противъ которой остерегало старое ученіе“.

Подъ старымъ ученіемъ Гончаровъ разумѣетъ ученіе христіанское, а подъ книгою этого ученія, конечно, Евангеліе. Посмотримъ же, какъ глубоко проникнутъ Гончаровъ принципами этого ученія.

Намъ извѣстно, что христіанскіе принципы совѣтуютъ съ величайшею осторожностью произносить свой судъ надъ чѣмъ нибудь: не судите, да не будете осужденными, говорятъ они, и они готовы простить разбойника, если видятъ въ немъ хоть одну черту добрую и вѣрную. И неужели же Гончаровъ думаетъ, что онъ поступаетъ по христіанскимъ принципамъ, произнося самый строгій и безчеловѣчный судъ надъ людьми, о которыхъ онъ не имѣетъ никакого понятія? Съ желчью и негодованіемъ древняго фарисея онъ отвергаетъ все человѣческое въ цѣломъ рядѣ людей, на основаніи однихъ уличныхъ слуховъ, и этотъ же самый Гончаровъ сердобольно толкуетъ о томъ, что старые принципы предостерегали противъ злобы и нетерпимости. Это ли называется проникать въ духъ и глубину стараго ученія? Но этого еще мало: намъ извѣстно, что христіанскіе принципы возстали на тѣхъ іудеевъ, которые хотѣли забросать камнями завѣдуемую блудницу.—Гончаровъ желчью и грязью бросаетъ въ женщинъ, о которыхъ слыхалъ, по всей вѣроятности, только грязныя сплетни праздной толпы:

„Онъ (т.-е. Маркъ Волоховъ),—говоритъ Гончаровъ,—сравнивалъ ее (т.-е. Вѣру) съ другими, особенно „новыми“ женщинами, изъ которыхъ многія такъ любострастно поддавались жизни по новому ученію, какъ Марина своимъ любвямъ—и болѣе падшими созданіями, нежели всѣ другія падшія женщины, уступавшія воображенію, темпераменту, и даже золоту, а тѣ будто-бы принципу, котораго часто не понимали, въ которомъ не убѣдились, повѣривъ на слово, слѣдовательно, уступали чему нибудь другому, чему простодушно уступала, напримѣръ, жена Козлова, только лицемѣрно или глупо прикрыли это принциомъ“.

Но знаетъ-ли Гончаровъ этихъ женщинъ, видѣлъ-ли ихъ? Что если онъ клеймитъ публично названіемъ жалкихъ, пошлыхъ, болѣе падшихъ созданій, чѣмъ всѣ другія,—небольшую толпу бѣдныхъ дѣвушекъ, которымъ нечѣмъ жить, нечѣмъ питаться, которыя въ наукѣ видятъ единственное средство существовать какъ нибудь? Не поступаетъ ли онъ во сто разъ хуже тѣхъ іудеевъ, о которыхъ мы выше упоминали? Во что обращаетъ онъ принципы, которые берется защищать? Ужъ это одно заставляетъ насъ думать, что подъ старою правдою Гончаровъ разумѣетъ такіе принципы, которые не имѣютъ въ сущности ничего общаго съ книгою, на которую онъ лицемѣрно указываетъ, и напрасно онъ прикрываетъ свои истинные принципы—принципами евангельскими,—онъ этимъ только оскорбляетъ послѣдніе.

А что нужно понимать подъ старою правдою Гончарова и каковы истинные принципы его, это открывается намъ само собою изъ всего содержанія романа. По мнѣнію Гончарова, старая жизнь тѣмъ и отличается, что она основана на старой правдѣ, что въ ней вмѣстѣ съ старымъ зломъ таится и старое добро, и что изъ-за живого, прочнаго, вѣрнаго, заключающагося въ старой жизни, можно простить ей смѣшныя, вредныя уродливости, весь отжившій соръ.

Но мы видѣли изъ картины, представленной самимъ Гончаровымъ, какова эта старая жизнь. Мы видѣли, что передъ нами были не однѣ только смѣшныя уродливости: въ самой сущности, въ самыхъ основаніяхъ своихъ эта жизнь не имѣетъ ничего общаго ни съ какими-либо новыми ученіями, ни съ тѣми хри-

стіанскими принципами, за которые Гончаровъ ратуетъ. Это жизнь, основанная на такихъ же принципахъ узкаго эгоизма, уничтоженія личности и порабощенія, на какихъ была основана ветхая жизнь древняго міра. Христіанство возстало противъ этихъ принциповъ съ тою же силою, съ какою въ настоящее время вооружается и цивилизація, и совершенно напрасно Гончаровъ колетъ глаза современной цивилизаціей за то, что въ основу свою она положила многія истины, которыя были открыты 2,000 лѣтъ тому назадъ; послѣ этого Гончарову еще съ большимъ презрѣніемъ придется отнестись къ математикѣ, которая пользуется аксіомами, извѣстными человѣчеству не 2,000 лѣтъ, а болѣе. Стыдно въ этомъ случаѣ только тѣмъ людямъ, которые, живя въ 1869 году, не доросли еще до истинъ не только современныхъ, но и существовавшихъ уже во времена Августа, и все еще исповѣдуютъ принципы, сгноившіе древній міръ. А мы имѣемъ право думать, что Гончаровъ подъ видомъ старой правды защищаетъ именно эти ветхіе принципы. Иначе не могъ же бы онъ такъ превозносить жизнь, которую онъ самъ же изображаетъ лишенною всякой прочности, иначе не сталъ бы Гончаровъ съ желчною нетерпимостью и озлобленіемъ, совершенно въ духѣ древняго іудейства, отвергать все человѣческое въ людяхъ, ратующихъ противъ всякихъ узкихъ, эгоистическихъ принциповъ. Откуда же, наконецъ, выходятъ всѣ эти пресловутыя ходячія мнѣнія о молодомъ поколѣніи, которыя поддерживаетъ и развиваетъ Гончаровъ въ своемъ романѣ, какъ не изъ той же почвы узкихъ, эгоистическихъ принциповъ? Вы подумайте только, какое бы мнѣніе могли составить люди вродѣ Татьяны Марковны, Райскаго, Тычкова и пр. о дѣйствительно новомъ человѣкѣ явившемся въ ихъ среду, новомъ въ томъ смыслѣ, что онъ всю свою жизнь осуществлялъ бы свои новые принципы.—Это былъ бы, конечно, честный труженикъ, упорнымъ, усидчивымъ трудомъ заработывающій себѣ пропитаніе, человѣкъ, который жаждалъ бы распространять вокругъ себя истину и посильное добро, жилъ бы просто, не любя излишней роскоши, его занимали бы исключительно общіе интересы, касающіеся улучшенія массы его соотечественниковъ, и онъ былъ бы совершенно чуждъ узкихъ, эгоистическихъ принциповъ. Надъ такимъ человѣкомъ, конечно, смѣялись бы въ бережковской средѣ, какъ надъ мечтателемъ, не умѣющимъ жить и устраивать свои дѣлишки, но его терпѣли бы до поры до времени, можетъ быть, старались бы даже покровительствовать ему, какъ несчастненькому. Но стоило бы только оказать ему малѣйшее вліяніе на кого-либо изъ бережковской среды,—и будь онъ чище алмаза, нравственнѣе самой нравственности,—на него не замедлили-бы посмотрѣть, какъ на исчадіе ада, какъ на чудовище безнравственности. Вы подумайте только, что произошло бы въ домѣ Бережковыхъ, еслибы только человѣку этому удалось убѣдить Вѣру, что жизнь ея безцѣльна, пошла, лишена всякой правды, что всякое нравственное ученіе, какое хотите, старое или новое, требуетъ, чтобы человѣкъ въ потѣ лица своего заработывалъ себѣ хлѣбъ, чтобы онъ угождалъ не одному своему чреву, а жилъ на пользу ближнихъ, и Вѣра пошла бы за этимъ человѣкомъ — на самую чистую, самую высокую жизнь честнаго труда... Развѣ родные Вѣры поняли бы всю высокость подвига ея и все благотворное вліяніе на нее новаго человѣка? Для чего этотъ человѣкъ увлекъ за собою дѣвушку?—подумали бы они:—о, конечно, для того, чтобы растлить ее и бросить въ омутъ разврата... Эти люди, сами растлѣнные до мозга костей, никакъ не могли бы понять, чтобы у мужчины, если онъ не представляется имъ въ видѣ выгодной партіи, могутъ быть какіе нибудь иные, высшіе принципы по отношенію въ женщинѣ, кромѣ однихъ клубничныхъ. Какую бы потомъ высокую, чистую жизнь ни вела Вѣра въ новой сферѣ своего существованія, во всякомъ случаѣ, на нее смотрѣли бы эти люди, какъ на женщину погибшую, падшую, и въ жизни ея грезился бы ихъ развращеннымъ воображеніямъ одинъ голый развратъ.—Они оплакивали бы паденіе Вѣры уже потому, что она—вмѣсто того, чтобы быть празднымъ украшеніемъ салона Тушина, идоломъ, поставленнымъ на треножникъ и окруженнымъ благоговѣніемъ со стороны пламеннаго обожателя,—была бы принуждена своими трудами заработывать черствый кусокъ хлѣба и божественная красота, сіяющая статуя—учила бы ребятишекъ, шила бы манишки, или, что хуже всего, бабничала бы. Вѣра Бережкова бабничала бы... Какой позоръ всему роду Бережковыхъ!... Сколько бы изъ-за этого одного туровъ вокругъ усадьбы могла сдѣлать бабушка, ломая руки и видя во всемъ этомъ наказаніе за свой собственный грѣхъ!... И всему виною былъ бы безчеловѣчный, черствый злодѣй, развратитель. Да что, конечно, можно было бы ожидать отъ наглаго циника, бездомнаго нищаго... Развѣ такіе люди могутъ цѣнить красоту, окружать ее поклоненіемъ, беречь и холить? Развѣ они понимаютъ какіе нибудь высокіе принципы, изящныя чувства? Развѣ они имѣютъ понятіе о настоящей любви? Еслибы человѣкъ этотъ дѣйствительно любилъ Вѣру, онъ не увлекъ бы ее въ жизнь нищеты и низкаго труда, не заставилъ бы ее чахнуть надъ работою, онъ позаботился бы составить поскорѣе карьеру, занять выгодное мѣсто—и тогда только явился бы и положилъ у ногъ ея прочное счастіе. А онъ поступилъ совершенно, какъ черствый эгоистъ, развратникъ, который смутилъ дѣвушку, заботясь только о себѣ, о томъ, какъ бы удовлетворить поскорѣе своей низкой страсти, не налагая на себя высокой нравственной обязанности—даровать счастіе любимой женщинѣ. Впрочемъ, что-жь, таковы и всѣ они новые люди, таково и ученіе ихъ,—чистый матеріализмъ, отрицаніе всего высокаго, изящнаго, всякихъ нравственныхъ принциповъ. Поди-ка, у него 20 такихъ Вѣръ, совращенныхъ съ истиннаго пути, и можетъ быть Вѣрочка, увлеченная пагубнымъ ученіемъ, Богъ вѣсть какъ низко пала... и т. д.

Вотъ откуда и какъ слагаются всевозможныя басни о матеріализмѣ, цинизмѣ, развратѣ и безнравственности новыхъ ученій и новыхъ людей. А Гончаровъ подхватываетъ эти басни и выдаетъ ихъ намъ за продуктъ своего творчества... Поборникомъ какихъ же принциповъ является здѣсь передъ нами Гончаровъ—неужели христіанскихъ?

Но этого мало, что романъ Гончарова поддержи-

ваетъ старые, вымирающіе принципы нашей жизни. Онъ заключаетъ въ себѣ иной вредъ, несравненно больпій и которому не можетъ быть оправданія съ какой хотите точки зрѣнія. Дѣло въ томъ, что искажая новыя ученія, представляя ихъ въ самомъ безнравственномъ видѣ, но все-таки въ видѣ ученій новыхъ, Гончаровъ этимъ самымъ съ гораздо большею силою пропагандируетъ безнравственныя идеи, которыя старается опрогергать, чѣмъ это дѣлалъ бы какой-либо человѣкъ, выдумавшій подобное ученіе и вздумавшій его защищать.

Гончаровъ самъ выражаетъ въ думахъ Райскаго, собиравшагося писать романъ, опасенія по этому поводу:

„Ну, какъ я напишу драму Вѣры, да не съумѣю обставить пропастями ея паденіе (думалъ онъ), а русскія дѣвы примутъ ошибку за образецъ, да какъ козы—одна за другою—пойдутъ скакать съ обрывовъ!... А обрывовъ много въ русской землѣ! Что скажутъ папеньки и маменьки"!

Но Гончаровъ, повидимому, слишкомъ легкомысленно относится къ этому факту. Пусть онъ не забудетъ, что въ разныхъ заплесневѣлыхъ, отдаленныхъ уголкахъ нашего отечества не мало есть отроковъ и дѣвъ съ кипучими, свѣжими силами, жаждущими новой жизни, молодой, широкой; стороною долетала до нихъ вѣсть, что существуютъ гдѣ-то какія-то новыя идеи, какіе-то новые люди. Они любопытствуютъ, конечно, знать, что сей сонъ значитъ. Но когда, когда еще дойдетъ до нихъ хоть одна книжка, въ которой новыя, живыя идеи представлялись бы въ истинномъ, неискаженномъ свѣтѣ, а романъ Гончарова до нихъ дойдетъ скорѣе и они накинутся на него, потому что онъ новый романъ извѣстнаго русскаго писателя и въ этомъ новомъ романѣ описываются новые люди съ ихъ новыми ученіями. Начнутъ отроки и дѣвы читать новый романъ и поучаться. Бабушкиными принципами ихъ, конечно, не заманишь, не увлечешь, имъ и безъ того отъ нихъ живется солоно и тошно, но новые люди, съ новыми ученіями ихъ займутъ. Уважая по старымъ преданіямъ художественный авторитетъ Гончарова, они, конечно, подумаютъ, что новые люди и новыя ученія изображены въ романѣ совершенно вѣрно, какъ они существуютъ въ дѣйствительности. И, можетъ быть, не одинъ юноша, неимѣющій ни малѣйшаго понятія о настоящихъ новыхъ идеяхъ, приметъ за нихъ фразы Марка Волохова, которыя найдетъ въ романѣ, увлечется ими и захочетъ попробовать сдѣлаться Волоховымъ въ дѣйствительности. Оно во всѣхъ отношеніяхъ покажется ему занятнымъ среди глухой скуки захолустья: все-таки произойдетъ маленькій шумъ, онъ сдѣлается героемъ околотка, начнетъ ходить растрепанный и грязный, красть яблоки, въ кого-нибудь выстрѣлитъ въ воздухѣ.

Но занятнѣе всего покажется юношѣ — бесѣдка, луна и ночь, проведенная въ объятіяхъ Вѣры. А за Вѣрою, конечно, дѣла не станетъ; найдутся и барышни, которымъ тоже покажется интереснѣе быть Вѣрами, чѣмъ Марѳиньками.

Вотъ такимъ-то путемъ распложаются по разнымъ закоулкамъ нашего отечества безобразія всякаго рода, настоящими пропагандистами которыхъ являются обыкновенно то какой-нибудь обросшій мохомъ романистъ, повсюду видящій одну клубничку, то какой-нибудь фельетонистъ либеральной или нелиберальной газеты; производится подобная пропаганда и нелитературнымъ путемъ, въ видѣ нелѣпыхъ сплетень и басень, ходящихъ по всѣмъ перекресткамъ, западаетъ она въ уши нетронутыхъ птенцовъ иногда изъ самыхъ грязныхъ, зловонныхъ устъ, а потомъ вся бѣда сваливается на растлѣвающее вліяніе новыхъ ученій. Можетъ быть, въ настоящую минуту гдѣ-нибудь и совершается драма въ духѣ „Обрыва", навѣянная чтеніемъ романа Гончарова — и немало на подобную нелѣпую драму будетъ растрачено попусту молодыхъ, свѣжихъ силъ, немало поведетъ она за собою разрушенныхъ иллюзій, горя и слезъ — мы можемъ впередъ поздравить съ этимъ Гончарова.

ЧЕГО НУЖНО ДОБИВАТЬСЯ РЕАЛЬНОМУ ПОЭТУ.

«Гдѣ лучше?», романъ Ѳ. Рѣшетникова. Спб. 1869 г.—«Сочиненія Ѳ. Рѣшетникова», 2 т. Повѣсти, очерки, разсказы, сцены. Спб. 1870 г.

I.

Что составляетъ основной принципъ, внутреннее содержаніе жизни народныхъ массъ? Какъ объяснить мертвое безмолвіе этой жизни? Неужели оно служитъ признакомъ того, что жизнь милліоновъ тружениковъ не представляетъ ничего иного, кромѣ безсознательнаго прозябанія безропотныхъ, безсловесныхъ вьючныхъ животныхъ? Или, быть можетъ, въ этой жизни есть своя опредѣленная, постоянная тяга, свой крикъ, раздающійся, но недолетающій до нашихъ ушей, свои интересы, хотя-бы и подавленные, лишенные полнаго удовлетворенія? Вопросы эти издавна занимали насъ, но если хоть сколько-нибудь подвинулось ихъ развитіе, то для столь рѣдко встрѣчаемыхъ единицъ, что можно считать ихъ до сихъ поръ нерѣшенными для огромной массы образованнаго общества.

Было время, когда рѣшались они очень просто. Одна часть нашей интеллигенціи думала, что народъ есть нѣчто вродѣ кивота для хранилища различныхъ возвышенныхъ чувствъ. Предполагалось, что каждый отдѣльный мужикъ есть существо совершенно безсмысленное, звѣроподобное и дѣлать съ нимъ можно, что вздумается, но, тѣмъ не менѣе,—въ цѣлой массѣ эти

звѣроподобныя существа питаютъ различныя возвышенныя чувства. — Чувства эти до поры до времени хранятся въ глубинѣ сердецъ; вѣдь не расточать-же ихъ ежедневно и ежечасно; этимъ и объяснялось нѣмое молчаніе народа. Въ народѣ все шито, крыто, говорили слезливые патріоты 30-хъ годовъ: но наступаютъ великія минуты, и тогда подымаются въ немъ во всей своей мощи возвышенныя чувства его при зычныхъ крикахъ и колокольномъ звонѣ, какъ въ оперѣ Глинки.

Другая-же часть нашей интеллигенціи не только не признавала въ массахъ народа никакихъ возвышенныхъ чувствъ, но сомнѣвалась даже, чтобы и вообще могло что-либо чувствовать все это мужичье, и не одно только мужичье, а большинство человѣческаго рода. Чувствовать, страдать, питать разные высокіе помыслы, все это казалось удѣломъ только весьма немногихъ избранныхъ натуръ, возвышающихся надъ міромъ. Одни эти избранныя натуры создавали прогресъ, и для нихъ онъ только и существовалъ. Все-же прочее человѣчество, труженики всевозможныхъ профессій и ремеслъ, представлялись безразлично подлою чернью, жалкою посредственностью, мелкими насѣкомыми, удѣлъ которыхъ вѣчно копаться въ грязи ради снисканія какихъ-нибудь зернышекъ. Всей этой мрази, конечно, не суждено никогда понять, какія чувства волнуютъ каждую избранную натуру; напротивъ того, изъ мелкихъ разсчетовъ, зависти и стыда передъ своимъ ничтожествомъ мразь готова ежечасно подвергать избранную натуру всевозможнымъ непріятностямъ. Зато и избранной натурѣ дозволялось, если она чувствовала свою силу, дѣлать, что угодно, съ мелкими насѣкомыми, въ порывахъ своихъ превыспреннихъ полетовъ и въ разгулѣ титаническихъ страстей, не считать стоющею гроша жизнь этихъ клоповъ и давить при случаѣ ихъ хоть тысячами.

Но вотъ наступили 40-е года; мы начали учиться нѣмецкой философіи и разнымъ другимъ наукамъ, начали рефлектировать, анализировать, добиваться начала всѣхъ началъ, вопрошать о судьбѣ, значеніи, цѣли существованія, какъ нашего личнаго, такъ и нашего отечества.

Тогда одна половина нашей интеллигенціи видоизмѣнилась, если не вся, то въ нѣкоторой своей части: образовалось славянофильство, которое, на основаніи теоріи Гегеля, начало напирать на то, что народъ есть кивотъ не просто однихъ только возвышенныхъ чувствъ, но особенной исторической идеи, которую онъ представляетъ собою и развиваетъ. Казалось-бы, что такой взглядъ долженъ заключать въ себѣ нѣчто непохвальное: если мы допустимъ, что народъ движется не возвышенными только чувствами, а какой-то историческою идеею, которую онъ отстаиваетъ, то слѣдуетъ намъ, вмѣстѣ съ тѣмъ, признать, что въ иныхъ случаяхъ, когда что-либо противорѣчитъ этой идеѣ, народъ можетъ быть весьма строптивымъ, а такое признаніе можетъ завести насъ Богъ-вѣсть въ какія дебри. Но славянофилы ловко съумѣли обойти эти дебри: они предположили, что историческая идея, которую развиваетъ народъ, и заключается, именно, въ его возвышенныхъ чувствахъ.—Вы посмотрите, напримѣръ, на петровскую эпоху, указывали они: народная масса воспротивилась реформамъ Петра и осталась при своихъ старыхъ нравахъ и обычаяхъ, но какъ воспротивилась: тихо, кротко, съ терпѣніемъ, оставаясь вѣрною завѣтамъ своихъ возвышенныхъ чувствъ; въ этомъ-то почтительномъ сопротивленіи, кроткомъ, долготерпѣливомъ смиреніи и заключается тайна нашей цивилизаціи, отличающая насъ отъ гнилого, распущеннаго, буйнаго Запада. — Такимъ образомъ и капиталъ былъ пріобрѣтенъ, и невинность соблюдена, и осталось все попрежнему — тотъ-же колокольный звонъ, только съ призваниваніемъ гегелевской діалектики.

Но и въ другой части нашей интеллигенціи особенно новаго Гегель произвелъ не много. Единственно, что внесли новаго сороковые годы по отношенію къ народу—это развитіе чувства гуманности. — Гуманность проповѣдывалась въ то время на каждомъ перекресткѣ, на каждой страницѣ петербургскихъ журналовъ. Но какъ понимало общество эту гуманность? Синонимомъ гуманности сороковыхъ годовъ слѣдуетъ поставить не братство, а снисходительность. У избранной натуры начали отрицать право попирать и давить мелюзгу ради широты полета титанической фантазіи; додумались, наконецъ, что хотя мелюзга и не имѣетъ возвышенныхъ стремленій, но, во всякомъ случаѣ, и ей доступны чувства боли, когда ее бьютъ. Додумались и до многихъ другихъ необыкновенныхъ открытій, напримѣръ, до того, что мелюзга способна любить, да мало того, что просто любить, а представьте себѣ, нѣжно таять, томиться и даже умирать въ порывахъ нѣжной страсти. Тогда мелюзга вошла въ моду. Время отъ времени въ беллетристикѣ начали появляться изображенія жизни мелюзги, причемъ особенное вниманіе обращалось на вышеупомянутыя открытія, и писатели распинались, чтобы показать публикѣ, какъ мелюзга страдаетъ отъ разныхъ несправедливостей, въ то-же время питая разныя нѣжныя чувствія. Но при этомъ все-таки смотрѣли на мелюзгу не иначе, какъ на мелюзгу, съ высоты величія, предполагая, что если предоставить ей кой-какія гарантіи отъ побоевъ, кой-какое удовлетвореніе самыхъ первыхъ потребностей,—этимъ мелюзга совершенно удовлетворится и, конечно, неспособна будетъ желать чего-нибудь высшаго. Высшія стремленія предполагались все-таки удѣломъ высшихъ натуръ и даже, когда изображали страданія мелюзги отъ разныхъ несправедливостей, то обыкновенно старались находить среди этой самой мелюзги своего рода избранныя натуры и обращали вниманіе, какъ страдаютъ именно онѣ. Предполагалось, что обыкновенная мелюзга не только что не страдаетъ отъ несправедливостей и сноситъ ихъ терпѣливо, но даже радуется ихъ существованію и упивается ими; не обыкновенная-же выносить зла не въ состояніи, а кончаетъ непремѣнно тѣмъ, что или спивается, или попадаетъ въ острогъ. Такимъ образомъ составилась особенная іерархія, на низшей ступени которой стояла мелюзга терпѣливая и вседовольная, въ серединѣ—сильныя натуры, ропщущія, спивающіяся или попадающія въ острогъ, наконецъ, выше всѣхъ красивые, изящные титаны во фракахъ, съ задумчивымъ взоромъ и печатью генія на челѣ, — страдающіе, томящіеся, изнывающіе.

Теперь, когда лежатъ предъ нами сочиненія Ѳ. Рѣшетникова, безъ смѣха невозможно дѣлается вспомнить, какъ встарину изображались у насъ въ повѣстяхъ изъ народнаго быта сильныя натуры, топящія въ водкѣ свое горе. Такой герой не бралъ обыкновенно сначала въ ротъ ни капельки. Но вотъ онъ разочаровывался въ своихъ сосѣдяхъ, родныхъ, въ самомъ себѣ. Подъ гнетомъ отчаянія и мрачной злобы, въ одинъ прекрасный или чаще всего ненастный вечеръ онъ приходилъ, ни слова не говоря, въ кабакъ, и долго сидѣлъ тамъ въ печальномъ раздумьѣ, положивъ голову на руки, къ великому изумленію цѣловальника и посѣтителей; потомъ требовалъ неожиданно цѣлый штофъ водки, залпомъ выпивалъ его—и въ одно мгновеніе изъ трезваго человѣка превращался въ горькаго пьяницу. Послѣ того онъ почти уже не выходилъ изъ кабака, и черезъ нѣсколько времени авторъ разсказа встрѣчалъ его въ одномъ изъ заведеній обрюзгшаго, грязнаго, оборваннаго, пьющаго безъ конца и съ истерическими рыданіями, жалобами на весь міръ, онъ разсказывалъ автору исторію своей неудавшейся, заѣденной средою жизни. Я полагаю, что мнѣ не нужно указывать на такія повѣсти, гдѣ читатели найдутъ подобные эпизоды; ихъ такъ много, что, безъ сомнѣнія, каждому приходилось читать нѣчто подобное.

Точно такъ-же глядѣли у насъ и на всевозможные скандалы въ жизни: покуситься на убійство, нанесеніе личнаго оскорбленія строптивому начальнику, сдѣлаться разбойникомъ, воромъ, измѣнить мужу или женѣ, убѣжать изъ дома и проч. — все это предполагалось удѣломъ однѣхъ только избранныхъ натуръ, и думали при этомъ, что остроги наполнены особенными избранниками судьбы, титанами, стоящими выше всѣхъ головою.

Въ настоящее время, казалось-бы, намъ невозможно уже глядѣть на міръ съ такихъ романтическихъ точекъ зрѣнія. Мы имѣемъ позади себя цѣлую литературу, которая 10-ть лѣтъ уже проповѣдуетъ намъ міровоззрѣніе совершенно противоположное; мы читаемъ трактаты политико-экономическіе, статистическіе, физіологическіе—и въ нихъ постоянно имѣемъ дѣло не съ однѣми титаническими натурами, а съ массами обыкновенныхъ людей и съ природою человѣческою, вообще. Всѣ положительныя науки вмѣстѣ убѣждаютъ насъ, что умственный и нравственный прогрессъ зависятъ не столько отъ возвышенныхъ стремленій и страданій отдѣльныхъ титаническихъ личностей, сколько отъ матеріальнаго благосостоянія массъ мелюзги. Простые факты наблюденія въ то-же время убѣждаютъ насъ, что въ острогахъ сидятъ не однѣ титаническія натуры, а чаще всего люди весьма обыденные. И это весьма естественно: если преступленіе и можетъ быть объяснено иногда избыткомъ силъ, сдавленныхъ въ узкія рамки жизни, то часто оно происходитъ наоборотъ отъ недостатка силъ, причемъ человѣкъ, покушающійся на преступленіе, и могъ-бы найти иной, лучшій выходъ изъ запутанныхъ обстоятельствъ, но у него не хватаетъ ни знанія, чтобы сообразить этотъ выходъ, ни силъ, чтобы осуществить, и онъ въ своемъ преступленіи является не активнымъ борцемъ, а, напротивъ того, жалкою игрушкою въ рукахъ судьбы и людей. Статистика не даромъ сообщаетъ намъ, что количество преступленій зависитъ прямо отъ благосостоянія массы: въ мрачные годы нищеты и голода достаточно, чтобы отчаяніе и озлобленіе перешли за предѣлы терпѣнія, и самая дюжинная личность явится предъ вами трагическимъ героемъ.

Но на много-ли подвинули насъ науки, которыя мы нынѣ изучаемъ? Истые поклонники реализма, дѣйствительно-ли мы такіе реалисты, какими воображаемъ себя? Увы, если мы взглянемъ повнимательнѣе, да посравнимъ прежнее съ настоящимъ, мы увидимъ, что и до сихъ поръ во многихъ отношеніяхъ мы продовольствуемся тѣми-же заплесневѣлыми теорійками, какія унаслѣдовали отъ нашихъ дѣдовъ и отцовъ, и все остается въ томъ-же видѣ, какъ было 30, 40 лѣтъ тому назадъ. До сихъ поръ огромное число нашихъ соотечественниковъ основываетъ свое міросозерцаніе на тѣхъ-же возвышенныхъ чувствахъ народа, передъ которыми умилялись квасные патріоты 30-хъ годовъ, и употребляетъ эти чувства въ видѣ пугала для застращиванія всякаго, дерзающаго мыслить хоть сколько-нибудь самостоятельно. До сихъ поръ всецѣло сохранилось пресловутое исканіе почвы и самобытной цивилизаціи и, увы, не на однѣхъ только сѣренькихъ страничкахъ убогенькой „Зари". А развѣ многіе и очень многіе не думаютъ до сихъ поръ, что только однимъ высшимъ натурамъ съ титаническими замашками дано въ удѣлъ жаждать прогреса и питать разныя высшія стремленія, массы-же обыкновеннаго люда ни къ чему болѣе неспособны, какъ пресмыкаться въ тинѣ животнаго прозябанія — и если-бы не титаны, то массамъ этимъ никогда и въ голову не пришло-бы хоть сколько-нибудь улучшить свою участь.

II.

Всѣ эти соображенія не слѣдуетъ намъ упускать изъ виду для того, чтобы передъ нами открылась лучшая сторона произведеній Ѳ. Рѣшетникова, сторона, составляющая оригинальность его таланта и несомнѣнную заслугу его въ литературѣ. Есть много писателей, стоящихъ неизмѣримо выше Рѣшетникова по силѣ творчества, глубинѣ анализа, художественному мастерству и проч. Въ произведеніяхъ Рѣшетникова можно найти не мало существенныхъ недостатковъ, на которые мы въ своемъ мѣстѣ укажемъ; но я не знаю, много ли найдется у насъ писателей, которымъ до такой степени удалось бы отрѣшиться отъ всякой тѣни романтизма, какъ Рѣшетникову. Онъ вполнѣ понялъ, что жизнь народа есть жизнь не двухъ, трехъ титановъ, стоящихъ выше всѣхъ головою, а обыденныхъ смертныхъ, которыхъ миріады кишатъ повсюду, и реальный поэтъ, чтобы представить общій уровень жизни своего вѣка, долженъ обращать главное вниманіе на то, какъ живетъ, къ чему стремится, именно, эта пестрая, безразличная толпа, среди которой ничто особенно рѣзко и картинно не выдается, но общій итогъ трудовъ, интересовъ, радостей и страданій которой и есть, именно, итогъ жизни вѣка. Поэтому въ произведеніяхъ Рѣшетникова вы не найдете героевъ, обладающихъ умомъ, очаровывающимъ и ослѣпляющимъ всѣхъ окружающихъ, съ мрачною думою на челѣ, съ титаническими силами, которымъ бы все поко-

рялось, въ томъ числѣ и женщины, выведенныя авторомъ на сцену; не найдете вы и героинь, описаніемъ красоты которыхъ можно было бы наполнить цѣлыя страницы, окруженныхъ поклонниками, но готовыхъ возложить вѣнецъ только на главу героя не отъ міра сего; не найдете обольстительныхъ свиданій въ ночной тиши, трогательныхъ разлукъ вслѣдствіе взаимнаго разочарованія или же внезапно налетѣвшихъ сомнѣній въ возможности счастія на землѣ и т. п. Кто во всемъ этомъ исключительно видитъ поэзію, тому, конечно, произведенія Рѣшетникова покажутся крайне прозаичными. Помилуйте, въ его произведеніяхъ выводятся все кухарки, да дворники, семинаристы, да почтальоны, извозчики, да бурлаки, мастеровые, да фабричные. Пусть бы онъ и изъ этихъ людей выбралъ особенныя, избранныя натуры и показалъ бы намъ, напримѣръ, какого нибудь генія, который могъ бы сдѣлаться вторымъ Ломоносовымъ, а судьба судила ему мести дворъ; пусть бы представилъ намъ, какъ бьется этотъ Прометей, прикованный къ скалѣ, и заключилъ бы какимъ-нибудь эффектнымъ концомъ вродѣ сумасшествія, пролитія крови, все бы ничего, а то его герои подъ рядъ люди самые обыденные изъ обыденныхъ чернорабочихъ, которыхъ мы сотнями встрѣчаемъ ежедневно на улицѣ. Наконецъ, пусть бы онъ изображалъ и подобныхъ людей, но выставлялъ бы ихъ въ разныхъ комическихъ положеніяхъ вслѣдствіе ихъ крайняго невѣжества, несообразительности, глупости, пьянства; по крайней мѣрѣ, мы смѣялись бы надъ уродами и дураками и хвалили автора за юморъ, а то и этого мы не находимъ у Рѣшетникова: серьезнымъ тономъ, какъ нѣчто весьма интересное, описываетъ онъ, какъ эти люди мѣняютъ мѣста, квартиры, голодаютъ, пьютъ водку, однимъ словомъ, чѣмъ ежедневно занимается чернь. А, мы понимаемъ: значитъ, онъ пишетъ въ духѣ фламандской школы — какъ въ старину писали картины голландскіе художники: нарисуютъ кабачокъ и нѣсколько толстыхъ голландцевъ съ трубочками, старушку, вдѣвающую нитку въ иголку—и дѣло съ концомъ.

Въ томъ-то и дѣло, что нѣтъ: Рѣшетниковъ изображаетъ обыденную жизнь обыкновенныхъ людей не такъ, спроста, безъ всякой цѣли. Всѣ произведенія его, начиная съ „Подлиповцевъ“ и кончая романомъ „Гдѣ лучше“ — проникнуты одною идеею. Рѣшетниковъ во всѣхъ своихъ произведеніяхъ старается представить основной принципъ, существенное стремленіе жизни народныхъ массъ. Этотъ принципъ, по его мнѣнію, заключается не въ чемъ другомъ, какъ во всеобщемъ стремленіи устроить свою жизнь во всѣхъ отношеніяхъ счастливо, пріобрѣсти для этого богачество и найти такое мѣсто на землѣ, гдѣ было бы жить лучше.

Какъ, и только-то? Неужели Рѣшетниковъ не имѣетъ ничего въ виду, какъ только убѣдить насъ въ такой простой истинѣ, которая, конечно, извѣстна каждому ребенку? Исписывать кипы бумаги и печатать томы для того, чтобы доказать, что рыба ищетъ, гдѣ глубже, а человѣкъ, гдѣ лучше,—это болѣе чѣмъ смѣшно,—это нахально, потому что авторъ считаетъ насъ, конечно, дураками, если думаетъ, что мы незнакомы съ такою прописною истиною! Что-жь дѣлать: истины великія и всеобъемлющія всегда кажутся намъ просты до наивности и удобопонятны чуть что не для груднаго ребенка, а между тѣмъ—постоянная судьба ихъ быть непонятыми и пренебреженными умными людьми. Если бы мы только дѣйствительно понимали и держали въ умѣ ту простую истину, что главный, основной законъ всякой человѣческой жизни есть стремленіе къ лучшему, то развѣ помимо этого естественнаго стремленія мы могли бы допускать въ народѣ существованіе особенныхъ возвышенныхъ чувствъ, ради которыхъ онъ готовъ будто бы выдерживать всевозможныя тягости безъ надежды на улучшеніе своей участи, жертвовать благосостояніемъ и жизнью? А съ другой стороны, развѣ мы могли бы приходить въ уныніе и отчаянье, представляя себѣ, будто огромная масса людей лишена всякаго стремленія къ прогрессу, всякаго движенія въ своей жизни и обречена на мертвый застой? Всѣ такія мысли прямо обнаруживаютъ, что истина, которую мы готовы третировать, какъ азбучную, не только-что не усвоена нами, но совершенно чужда намъ, и Рѣшетникова рано еще обвинять въ томъ, будто свои произведенія онъ основалъ на всѣмъ извѣстныхъ и пошлыхъ трюизмахъ.

Правда, герои Рѣшетникова не имѣютъ и тѣни тѣхъ высшихъ умственныхъ и нравственныхъ потребностей, которыя мы усвоиваемъ въ нашемъ завидномъ развитіи; они ни о чемъ не думаютъ, какъ только о томъ, какъ бы пріобрѣсти кусокъ хлѣба хоть сколько-нибудь не черствый и не голодный,—однимъ словомъ, руководствуются въ своей жизни исключительно все такими побужденіями, какія мы съ нашего высока привыкли третировать, какъ низкія, мѣщанскія; но было бы совершенно ложно видѣть въ этихъ мѣщанскихъ побужденіяхъ признакъ застоя. Напротивъ того, мы видимъ въ нихъ непрестанное движеніе, полное такой желѣзной мощи и непреклонной энергіи, какимъ только можно объяснить себѣ, почему это движеніе не сломилось и не остановилось доселѣ, несмотря на то, что всѣ стремленія милліоновъ людей къ улучшенію своей участи ничего до сихъ поръ не встрѣчали, кромѣ неодолимыхъ преградъ, — и удивительный реалистъ Рѣшетниковъ въ томъ отношеніи, что представляя намъ подвиги дѣйствующихъ лицъ своихъ разсказовъ по-истинѣ героическіе, онъ нисколько не ставитъ своихъ героевъ на пьедесталъ, не заставляетъ насъ смотрѣть на нихъ какъ на необыкновенныя явленія жизни—напротивъ того: передъ нами являются, какъ мы сказали выше, люди самые обыденные, и въ нихъ Рѣшетниковъ, нисколько объ этомъ не помышляя, изображаетъ намъ поистинѣ титановъ, но титановъ совершенно особеннаго рода, не такихъ, которыхъ мы привыкли видѣть въ романтическихъ мечтаніяхъ нашихъ беллетристовъ. Вы посмотрите, напримѣръ, на Палагею Прохоровну Горюнову, героиню романа „Гдѣ лучше“. Что особеннаго, повидимому, находите вы въ ней? Ровно ничего, рѣзко выдающагося: заурядная работница, какихъ тысячи. Ни о чемъ другомъ не думаетъ она, какъ лишь бы найти трудъ, который сдѣлалъ бы жизнь ея хоть сколько-нибудь пріятною. Изъ-за этого она мѣняетъ мѣста, занятія, идетъ изъ города въ городъ, доходитъ до Петербурга. Опять-таки милліоны людей живутъ такимъ образомъ,

ищутъ, домогаются, странствуютъ, и вокзалы желѣзныхъ дорогъ тысячами извергаютъ подобныхъ людей въ шумныя улицы столицъ. Что-жь тутъ необыкновеннаго? Необыкновеннаго ничего нѣтъ,—но вдумайтесь, сколько поистинѣ героическаго скрывается въ этомъ обыкновенномъ. Развѣ ты, нѣжная барышня, воспитанная на булочкахъ да на сливочкахъ и потомъ развившая въ себѣ жажду высшаго прогреса, способна изъ-за своихъ возвышенныхъ стремленій пройти тысячи верстъ, какъ прошла Горюнова, неуклонно движимая такими побужденіями, на которыя мы привыкли смотрѣть, какъ на унижающія природу человѣка? Что же будетъ изъ подобныхъ людей, когда они додумаются до какихъ-нибудь положительныхъ общественныхъ стремленій? Очень можетъ быть, что нисколько не заботясь о разныхъ возвышенныхъ идеяхъ, изъ-за естественнаго желанія улучшить свое матеріальное благосостояніе, — они покажутъ намъ образчики такого общественнаго геройства, о которомъ и не снилось всѣмъ нашимъ эффектнымъ титанамъ въ духѣ романовъ Бажина и комп.

Посмотрите вы съ другой стороны, какую страшную трагедію раскрываетъ передъ вами Рѣшетниковъ въ участи своихъ героевъ. Какъ ни ужасно зрѣлище мучительной смерти борца за свои идеи, за правду, за стремленіе къ той или другой возвышенной цѣли, но когда вы смотрите на такое зрѣлище, у васъ невольно является мысль, что всѣ мученія выкупаются въ сердцѣ героя сторицею сладкимъ сознаніемъ, что онъ могъ пойти или не пойти на мучительную смерть, и если пошелъ, то самъ избралъ этотъ исходъ, какъ наиболѣе сообразный съ своими убѣжденіями, что онъ умираетъ за благо ближнихъ, не измѣнивъ правдѣ, что его позорная смерть отзовется въ тысячи сердцахъ и придетъ время, когда люди, позорящіе и мучащіе его, будутъ славить и превозносить его. Но чѣмъ выкупается та гибель, которая ежедневно постигаетъ тысячи безвѣстныхъ людей ни за что ни про что, и они сходятъ со сцены жизни, невѣдомые, неоплаканные? Здѣсь являются на сцену самыя элементарныя потребности, безъ которыхъ невозможно существованіе, такъ что и представиться не можетъ мысли о томъ, что человѣкъ могъ избрать своимъ удѣломъ гибель или не избрать. Здѣсь гибель неминуемая, безъисходная, угрожающая на каждомъ шагу и притомъ безъ цѣли, безъ смысла, ничѣмъ невыкупаемая, неоправдываемая. Влачить ежедневно самое ужасное существованіе въ какомъ нибудь подвалѣ, не допивать, не доѣдать, не знать, что будетъ завтра, попадешь-ли въ часть, помрешь-ли съ голоду или въ больницѣ,—неужели можетъ быть что нибудь трагичнѣе этого положенія? Здѣсь трагедія является не исходомъ роковой борьбы, не катастрофою, а ежедневнымъ явленіемъ жизни человѣка. Вы посмотрите, напримѣръ, на мытарства Горюновой въ Петербургѣ. Обратите вниманіе на всѣ ея скитанія по съѣзжимъ дворамъ и улицамъ столицы, на всѣ тѣ страшные побои, униженія и страданія, которые перенесла эта молодая жизнь, стремящаяся развернуться? Для чего это все? Для того, чтобы едва только хоть сколько нибудь улыбнулись обстоятельства,—умереть безсмысленною смертію въ больницѣ! Почти ту же самую картину представляетъ жизнь Петра Ивановича Кузьмина въ повѣсти „Между людьми", хотя здѣсь герой взятъ изъ совершенно другой сферы,—именно, чиновнаго пролетаріата: то же стремленіе пробиться изъ-подъ гнета обстоятельствъ и устроить жизнь, хоть сколько нибудь улыбающуюся, и тотъ же печальный исходъ, еще болѣе мрачный и ужасный, чѣмъ гибель Горюновой!..

Нѣтъ ничего мудренаго, что при такой жизни, какую принуждены вести герои Рѣшетникова, водка является единственнымъ утѣшеніемъ, заставляющимъ забывать и холодъ продрогнувшихъ, истощенныхъ членовъ, и ѣдкое горе вѣчныхъ неудачъ, лишеній и униженій всякаго рода. Герои Рѣшетникова сплошь и рядомъ спиваются и гибнутъ отъ пьянства; но удивительный въ этомъ отношеніи знатокъ жизни и человѣческой природы Рѣшетниковъ. Ни въ одномъ разсказѣ его вы не найдете ни малѣйшей тѣни мелодраматизма въ этомъ отношеніи. Онъ очень хорошо понимаетъ, что если и бываютъ случаи, что человѣкъ, не берущій въ ротъ ни капли, вдругъ запиваетъ въ порывѣ отчаянія, то такіе случаи чрезвычайно рѣдки, исключительны; при всей ихъ эффектности, они далеко не представляютъ собою той мрачной и ужасающей картины пьянства, которую мы на каждомъ шагу встрѣчаемъ въ жизни народа. Какъ истинно реальный поэтъ, заботящійся, чтобы произведенія его были не одною кунсткамерою, т.-е. собраніемъ необычайныхъ рѣдкостей, а изображали бы явленія жизни общія и встрѣчающіяся заурядъ, Рѣшетниковъ обращаетъ главное вниманіе на то, какъ обыкновенно спиваются люди— и здѣсь передъ нами развертывается картина неизмѣримо драматичнѣе, чѣмъ всевозможные эффектные случаи внезапнаго запоя. Ужаснѣе всего здѣсь то, что спивающійся человѣкъ имѣетъ дѣло съ такимъ врагомъ, котораго самъ не замѣчаетъ. Пьянство является коварною змѣею, которая тихо и незамѣтно вкрадывается въ природу человѣка. Сначала человѣкъ пьетъ, какъ и всѣ другіе, ни меньше, ни больше, смотритъ на это, какъ на развлеченіе, полезную необходимость, нисколько не считая себя пьяницею. Но вотъ обстоятельства его дѣлаются хуже; на сердцѣ скребутъ кошки; куда ни взглянетъ бѣднякъ—кисло, мрачно, непріязненно смотритъ на него будничная обстановка жизни, а въ кабакѣ веселье, пѣсни и послѣ штофа другого море по колѣно—разомъ можно почувствовать себя богатыремъ, способнымъ сжать весь міръ въ кулакъ; поэтому чаще и чаще начинаетъ бѣднякъ направляться къ кабаку. Но все-таки онъ не считаетъ себя пьяницею—онъ развлекается, веселится; въ то же время мечтаетъ, можетъ быть, о томъ, какъ поправятся его обстоятельства, какую трезвую, трудовую жизнь поведетъ онъ тогда. Но съ которыхъ же поръ считать ему себя пьяницею, гдѣ положить границу и сказать: вотъ мѣсяцъ тому назадъ, я хоть и напивался, но пьяницей еще не былъ, а теперь я уже пьяница? Какой физіологъ опредѣлитъ, съ которыхъ поръ въ какой натурѣ водка перестаетъ уже быть однимъ только минутнымъ психическимъ стремленіемъ забыться, а дѣлается уже болѣзненною потребностью природы? Поэтому человѣкъ очень часто, сдѣлавшись уже горькимъ пьяницею, нисколько объ этомъ не думаетъ, и только тогда приходитъ къ печальному со-

знанію, когда нѣтъ уже болѣе никакого выхода, и пьянство давно обратилось въ потребность организма. Такъ, напримѣръ, спился вышеупомянутый Кузьминъ во время своихъ мытарствъ въ столицѣ. Не только самъ онъ, но и вы, перелистывая страницу за страницей, не можете отдать себѣ отчета, съ которыхъ поръ считать Кузьмина пьяницей; вы видите только, что съ каждою неудачей, по мѣрѣ того, какъ положеніе его дѣлается хуже и хуже, онъ все чаще и чаще начинаетъ выпивать и подъ конецъ повѣсти является передъ вами полнѣйшимъ уже завсегдатаемъ кабаковъ, потѣшающимъ пьяный народъ игрою на гитарѣ. Но и въ такомъ даже состояніи онъ не сознаетъ, что онъ пьяница съ горя, и не строитъ какихъ-либо мелодраматическихъ позъ по этому случаю.

— Опять я живу,—говоритъ онъ съ Гаврилой Матвѣичемъ,—и продаю я вещи днемъ, по вечерамъ шляюсь по кабакамъ и смотрю народъ. А для чего... дуракъ.

— Странно, что я нынѣ съ двухъ стакановъ хмѣлѣю. Ахъ, еслибы на родину уѣхать. А кашель душитъ...

Видите, какъ онъ безсознательно относится къ своему пьянству: въ кабаки онъ ходитъ для того, чтобы смотрѣть народъ, и сѣтуетъ только на безцѣльность этого; въ то же время удивляется съ чисто-гигіенической точки зрѣнія, что онъ началъ хмѣлѣть съ двухъ стакановъ.

Почтальонъ изъ семинаристовъ, Макся, спивается еще проще, чѣмъ Кузьминъ. Здѣсь пьянство развивается не вслѣдствіе острыхъ ударовъ судьбы и прямыхъ сознательныхъ огорченій, а такой обстановки жизни, при которой человѣку ничего болѣе не остается, какъ пить и пить. Макся служилъ сначала разносчикомъ писемъ по городу, потомъ состоялъ при конторѣ, парень былъ расторопный, усердный, почтмейстеръ хотѣлъ-было сдѣлать его начальникомъ станціи, но по проискамъ старшаго почтальона его разжаловали въ разъѣздъ съ почтами. Макся не только не огорчился отъ такого разжалованья, но былъ ему очень радъ.

Максѣ давно хотѣлось ѣздить съ почтой, но его не пускали сначала потому, что онъ служилъ недавно, а потомъ занимался постоянно въ конторѣ и носилъ по городу письма. Почтальоны говорили Максѣ, что съ почтой ѣздить хорошо разъ пять, десять, и то въ хорошее время; но проѣздивши разъ двадцать, не радъ будешь. Макся, какъ не ѣздившій никогда съ почтами, а ѣздившій нѣсколько сотъ верстъ съ настоятелемъ, не вѣрилъ, что почтальоны говорятъ дѣло.

— Вотъ ужъ мнѣ такъ не надоѣстъ ѣздить съ почтами, говорилъ онъ.

— Не хвались, прежде Богу помолись.

— Ну, не отговаривайте.

— Попробуй разъ десять съѣздить—не то скажешь.

— Ладно.

Макся очень обрадовался, когда ему объявили, что онъ ѣдетъ съ первоотходящей почтой»...

Но не долго продолжалась эта радость.

«Ѣзда ему опротивѣла съ седьмаго раза: опротивѣли ему ухабы, чемоданы, морозы, вѣтры, ямщики, и многое, многое опротивѣло Максѣ до того, что онъ сталъ проклинать и дороги, и почты. Чѣмъ больше онъ ѣздилъ, тѣмъ больше ему стала надоѣдать почта.

«Макся самъ не могъ понять, отчего ему спится дорогой? Лишь только завалится онъ на чемоданы, проѣдетъ верстъ пять, и спитъ. И славно ему спится: снятся ему только конторы, да служащіе почты, да гиканье ямщиковъ, и что онъ далеко куда-то ѣдетъ... И бурлитъ Макся со сна, ворчитъ что-то несвязно, только голову стряхиваетъ направо и налѣво, то объ накладку ударится, то она съ сумы скатится на суму, которая на груди у Макси. Макся не чувствуетъ боли; только слюни текутъ по губамъ. А ямщикамъ завидно:

— Благая же это жизнь почтальонамъ: только ткнется въ сани или телѣгу и дрыхнетъ всю дорогу.

«Хорошо казалось Максѣ спать съ почтой, и ругался же онъ, когда его будили на станціяхъ. Но и на станціяхъ онъ спалъ. Сдастъ дорожную писарю или ямщику, завалится на лавку и спитъ».

Ямщики очень часто жаловались Максѣ на свое житье-бытье.

«Жалко стало Максѣ ямщиковъ, и онъ полюбилъ ихъ до того, что угощалъ ихъ водкой, а тѣ угощали его. Сталъ Макся крѣпко попивать водку. Онъ уже зналъ всѣ села, деревни по той дорогѣ, по которой ѣздилъ, на разстояніи шестисотъ верстъ и всѣ кабаки. Проѣдетъ отъ губернскаго пять или десять верстъ и встанетъ у деревни.

— Петруха, сходи-ка въ кабакъ.

— Ладно.

Сходитъ ямщикъ въ кабакъ; принесетъ ему косушку. Половину онъ выпьетъ, половину ямщикъ, а послѣ этого спитъ. Доѣдутъ до другой деревни, другой ямщикъ остановитъ лошадей и кричитъ ямщику Петрухѣ:

— Буди Максю-то.

— Ну?

— Вишь кабакъ.

— Ишь, дьяволъ! захотѣлъ? и опять будятъ Максю. Такъ Макся и сбился съ толку до того, что въ пятый мѣсяцъ постоянно пріѣзжалъ съ почтой пьяный даже въ губернскую контору. А одинъ разъ и саблю потерялъ дорогой. Такъ и сталъ ѣздить безъ сабли.

Почтмейстеръ узналъ, что Макся пьянствуетъ, и рѣшилъ гонять Максю постоянно съ почтой. Макся сдѣлался отчаяннымъ пьяницей, никуда негоднымъ почтальономъ».

Но всего трагичнѣе въ жизни героевъ Рѣшетникова то, что при всѣхъ бѣдствіяхъ, которыя имъ приходится вытерпливать, вы не видите въ нихъ и слѣда какой-либо общественности. Каждый заботится объ улучшеніи своей участи самъ по себѣ; нѣтъ ни малѣйшаго сознанія въ людяхъ о томъ, что стремиться къ личному благосостоянію гораздо успѣшнѣе и легче сообща, и отдѣльная личность при такихъ условіяхъ является совершенно изолированною, брошенною на произволъ судьбы безъ участія, безъ помощи.

— Што, говорятъ, Назарко тебя надулъ? спросилъ одинъ рабочій, обращаясь къ Горюнову, когда тотъ вошелъ въ кабакъ.

— А ты почему знаешь?

— Это не секретъ. Тутъ, братецъ, шило въ мѣшкѣ не утаишь. Што-жь ты теперь думаешь дѣлать?

— Подожду еще недѣлю, тогда...

— Тогда онъ и скажетъ: покорно благодаримъ: за даромъ-де служили нашей милости.

— Хоть ты и заводскій человѣкъ, а практики у тебя ни на грошъ нѣтъ!

— Чего ты толкуешь? Какую такую ты еще механику выдумалъ? прокричалъ другой рабочій.

— Уговорить другихъ: не хотимъ-де за эту цѣну робить.

— Дуракъ! Да онъ тебя прогонитъ. Развѣ мало нашего брата, что безъ работы шляются? Развѣ нынѣ мало развелось нищихъ?

— А отчего? Оттого, что мы сами плохи.
— Какъ?
— А такъ. Нѣту у насъ согласія. Такъ-то мы по отдѣльности тараторимъ, а сбери насъ всѣхъ, и сало во рту застыло.
Народъ загалдѣлъ.
— Коснись дѣло до тебя, ты первый лыжи дашь!
— Что-жь, мнѣ одному въ петлю лѣзть? Одинъ въ полѣ не воинъ. А вотъ мы даже на счетъ платы не можемъ сговориться! Што сказано въ положеньи-то: рабочіе должны выбирать старостъ, а гдѣ они старосты?
— Поди-ка сунься!
— Нѣтъ, можно-бы собраться хоть сотнѣ-другой и выбрать припаснаго смотрителя...
— Што ты толкуешь, братецъ, выбрать... Тебя еще вѣрно не дирали хорошенько-то. Помнишь-ли ты прошлогоднее дѣло?
— А кто имъ велѣлъ барки рубить, муку топить?
— Такъ и слѣдовало!
— Вовсе не такъ. Собраться всѣмъ селомъ къ управляющему и требовать платы.

Эти разсужденія продолжались долго и росписывать ихъ нѣтъ никакой надобности, потому что они рѣшительно не приводили рабочихъ ни къ какой цѣли. Дѣло въ томъ, что согласія между рабочими не существовало, потому что они работали на разныхъ варницахъ, принадлежащихъ разнымъ господамъ, и жили дружно только съ тѣми, которые работаютъ съ ними вмѣстѣ и которые горой стоятъ за товарища. А такъ-какъ на однихъ промыслахъ было нѣсколько лучше другихъ промысловъ, и требованія первыхъ были больше послѣднихъ, то послѣдніе, завидуя первымъ, были недовольны ими, говоря, что они заботятся больше о себѣ, чѣмъ о товарищахъ, только работающихъ отъ нихъ отдѣльно. Кромѣ этого, одни изъ рабочихъ были слишкомъ робки; они привыкли сносить все терпѣливо, и если у нихъ спрашивали мнѣнія, то они, наученные опытомъ, ничего не могли посовѣтовать, находя всѣ толки безполезными; другіе старались какъ нибудь поддѣлаться къ какому нибудь мелкому начальнику изъ-за личной выгоды; третьи, поправившись немного выгодною женитьбою, только въ своей компаніи были бойки. Молодежь была, конечно, смѣлѣе, ей бояться было нечего; но такъ-какъ она не могла обходиться безъ любви, увлекалась дѣвушками и женщинами, то и отъ нея, то-есть отъ всей сельской молодежи, нечего было добиваться единодушія, если одна половина ея ревновала другую въ предметамъ своей любви. При этомъ надо еще взять во вниманіе то, что рабочіе живутъ въ селѣ, въ нѣсколькихъ улицахъ или порядкахъ, носящихъ названія, соотвѣтственныя или мѣстности, или какой нибудь личности, или данныя какому нибудь событію, въ которыхъ православные смѣшиваются съ единовѣрцами и отчаянными раскольниками, которые только въ частности заботятся о себѣ, о своихъ родныхъ и партіяхъ. Поэтому, еслибы и пришлось потребовать голоса отъ всѣхъ рабочихъ всего села, то разноголосица вышла бы большая, и у начальства недоставало бы терпѣнія выслушать мнѣніе каждой партіи, каждаго промысла еще и потому, что это начальство дѣлилось на нѣсколько лицъ, изъ коихъ каждое оберегало свой постъ, защищая интересы своего хозяина, враждебно относясь къ другому лицу».

Вся эта разъединенность представляетъ очень печальное явленіе въ нашей русской жизни; но не будемъ спѣшить приписывать ее однимъ простымъ и темнымъ людямъ, объясняя ее исключительно невѣжествомъ, отсутствіемъ сознательной мысли, которая могла бы сплачивать отдѣльные, разрозненные элементы народа въ одно общественное цѣлое. Кромѣ этого, по всей вѣроятности, существуютъ и другія причины, которыя одинаково вліяютъ, какъ на массы народа, такъ и на цивилизованные верхи, которые, при всемъ своемъ умственномъ развитіи, при всемъ своемъ сознаніи общественныхъ нуждъ и потребностей, представляютъ такую же картину. Въ этомъ отношеніи мы, не смотря на всю нашу образованность, не далеко ушли отъ народа—и до сихъ поръ еще насъ раздробляютъ до безконечности не столько какіе-либо общественные, философскіе, литературные принципы, сколько чисто личныя, мелочныя дрязги—изъ-за грошевыхъ разсчетовъ, обиженнаго самолюбія и т. п., и долго еще, должно быть, намъ не додуматься ни до какой солидарности.

III.

Вся эта характеристика достаточно показываетъ, что Рѣшетниковъ предпринялъ немаловажную задачу для своей литературной дѣятельности: отрѣшиться совершенно отъ всякаго романтизма, наблюдать простую, обыденную жизнь такъ, какъ она течетъ вокругъ насъ, не украшая ее, не идеализируя, не выбирая изъ нея однѣ рѣдкости—но въ то же время и не ограничиваясь однимъ поверхностнымъ изображеніемъ повседневныхъ сценъ въ духѣ натуральной школы, а проникая въ ея существенныя сокровенныя пружины, раскрывая передъ нами всю ея трагическую глубину.—Задачу эту мало назвать важною, это—задача вѣка, и еслибы Рѣшетникову удалось ее разрѣшить, онъ сдѣлался бы однимъ изъ передовыхъ и замѣчательныхъ дѣятелей нашей литературы. Но, удалось-ли Рѣшетникову сколько нибудь справиться съ этою задачею и постигъ ли онъ всю великую важность ея,—это другой вопросъ, и объ этомъ мы теперь поговоримъ.

Трудность этой задачи обнаруживается изъ того, что всѣ почти литературы европейскаго материка, несмотря на все стремленіе къ реализму, до сихъ поръ не успѣли еще отдѣлаться вполнѣ отъ значительной доли романтизма, какъ въ выборѣ сюжетовъ, такъ и въ обработкѣ ихъ.—Возьмите вы корифеевъ западно-европейскихъ литературъ—Жоржъ-Занда, Виктора Гюго, Шпильгагена, Ауербаха,—всѣ они до сихъ поръ выѣзжаютъ на титаническихъ личностяхъ, избранныхъ натурахъ, необыкновенныхъ умахъ и красотахъ, эффектныхъ чувствительныхъ и патетическихъ сценахъ, и у всѣхъ у нихъ обыденная жизнь обыкновенныхъ людей является на заднемъ планѣ въ видѣ фона, на которомъ рисуются необыкновенные герои.—Только одинъ Шатріанъ вполнѣ всталъ на реальную почву:—на первомъ планѣ стоятъ у него по большей части простые смертные, не смотря на то, что онъ выбираетъ для своихъ сюжетовъ самые великіе и роковые моменты исторической жизни своего отечества; его занимаетъ болѣе всего то, какъ въ эти моменты дѣйствовали и проявляли себя массы обыденнаго люда, какими бичами отражались на ихъ плечахъ подвиги разныхъ великихъ героевъ, воспѣтыхъ романтическими поэтами, какъ изъ будничной жизни мелкаго труда они выходили, исполненные энтузіазма, на историческую арену—и вы видите, читая эти разсказы, что для того, чтобы проникаться гражданскимъ мужествомъ и совершать подвиги геройства—вовсе не

нужно непремѣнно имѣть особенные титаническіе задатки—простые лекаря, зубодеры, кузнецы, крестьяне, мастеровые являются у Шатріана героями, готовыми на всякое самопожертвованіе. Замѣчательное въ этомъ отношеніи зрѣлище представляетъ англійская литература. Давно ли она стояла въ Европѣ во главѣ романтическаго движенія въ литературѣ—въ лицѣ Байрона, который подчинилъ своему вліянію всѣ европейскія литературы? Въ то время казалось, что безъ титаническихъ личностей не можетъ обойтись ни одно поэтическое произведеніе, что только грандіозныя явленія природы и жизни человѣческой и достойны изображенія. Надо было ожидать что Англія, какъ страна аристократическая, позже всѣхъ разстанется съ романтизмомъ, такъ-какъ романтизмъ есть прямое чадо феодализма, и нигдѣ онъ такъ долго не застаивается, какъ въ аристократическихъ сферахъ общества,—а между тѣмъ случилось совершенно наоборотъ: англійская литература раньше всѣхъ другихъ очистилась отъ романтизма. Возьмите вы большинство современныхъ англійскихъ романистовъ,—возьмите вы любой англійскій романъ: вы найдете, правда, во многихъ изъ нихъ запутанную, иногда довольно искусственно построенную интригу,—но рядомъ съ этимъ передъ вами встанетъ самая обыденная жизнь англичанъ: вы встрѣтите много весьма симпатичныхъ, во всѣхъ отношеніяхъ прекрасныхъ личностей, но всѣ эти личности такъ просты и обыкновенны, точно будто вы видите передъ собою вашихъ добрыхъ знакомыхъ безъ малѣйшей тѣни ходульности, претензіи на неудавшуюся геніальность и величественный плачъ о сквернахъ міра сего. Этотъ плачъ принадлежитъ обыкновенно самому автору и открывается передъ вами или въ оплакиваніи отдѣльныхъ личностей и формъ жизни, или въ цѣломъ сюжетѣ романа, имѣющимъ цѣлью выставить ту или другую общественную несправедливость и показать, какъ отъ нея страдаютъ массы обыкновенныхъ людей различныхъ классовъ и сословій.

Нѣтъ ничего мудренаго, что европейскія литературы до сихъ поръ не могутъ отрѣшиться вполнѣ отъ романтизма. Кромѣ исторической рутины, это обусловливается трудностью самой задачи. Казалось бы на первый взглядъ, что гораздо легче изображать обыденную жизнь, окружающую васъ, къ которой вы присмотрѣлись, чѣмъ различныя рѣдкія, величественныя явленія; но на дѣлѣ выходитъ наоборотъ: гораздо легче вывести на сцену необыкновенную личность и обставить ее эффектными сценами, чѣмъ обрисовывать какъ слѣдуетъ любаго Ивана и Петра. Въ первомъ случаѣ въ читателѣ возбуждается интересъ помимо художественности автора самою внѣшнею эффектностью образа; а съ другой стороны читателю такъ рѣдко приходится въ дѣйствительности встрѣчаться съ необыкновенными явленіями, что ему трудно бываетъ убѣдиться, вѣренъ ли писатель дѣйствительности, и самое грубое, топорное, сшитое на живую нитку изображеніе можетъ легко сойти съ рукъ. Совсѣмъ другое дѣло съ Иванами и Петрами. Иваны и Петры—не выражаютъ въ длинныхъ, патетическихъ монологахъ своихъ чувствъ и страданій; какія нибудь трагическія катастрофы случаются съ ними рѣдко—извольте теперь выбрать изо всей ихъ жизни такія рѣдкія отрывочныя слова, такія движенія, такіе моменты, въ которые жизнь этихъ людей освѣтилась бы передъ вами во всемъ ея драматизмѣ, да съумѣйте это такъ сдѣлать, чтобы пронять читателя, иначе страшно скучно будетъ читать ваше произведеніе, исполненное будничныхъ сценъ и лицъ; притомъ же Боже васъ сохрани допустить въ изображеніяхъ вашихъ малѣйшую фальшь,—читатель тотчасъ же ее откроетъ, потому что его не проведешь, онъ самъ живетъ тою жизнію, какую вы передъ нимъ изображаете, и хорошо ее прочувствовалъ собственною грудью. Вслѣдствіе всего этого, естественно, для изображенія жизни обыкновенныхъ людей требуется отъ писателя неизмѣримо болѣе наблюдательности, анализа и тщательной художественной отдѣлки, чѣмъ для обрисовки какихъ вамъ угодно титаническихъ личностей и загадочныхъ натуръ.

Но беретъ ли Рѣшетниковъ въ разсчетъ всю трудность своей задачи? Понимаетъ ли онъ, что ему нужно преодолѣть, чтобы выполнить ее хоть сколько нибудь добросовѣстно? Повидимому, онъ не только не понимаетъ, но пренебрегаетъ всѣмъ этимъ самымъ упорнымъ образомъ. Судя по характеру и пріемамъ его способа изложенія, онъ держится такого взгляда, что лишь бы была разсказана правда жизни, а какъ она разсказана, это все равно,—правда сама за себя постоитъ; заботиться же объ особенной художественной отдѣлкѣ своего произведенія,—дѣло совершенно излишнее и пустое.

Очень понятно, откуда проистекаетъ такой взглядъ. Было время, когда на всякую художественность смотрѣли чуть ли не какъ на преступленіе или, по крайней мѣрѣ, какъ на величайшую пошлость, какую только можно себѣ представить. Такой взглядъ оправдывался вполнѣ тѣмъ, что понималось въ то время подъ художественностью. Понимали-же подъ нею нѣчто такое, что дѣйствительно было и пошло, и пусто, и безсодержательно. Отъ произведенія требовалось, чтобы оно непрестанно щекотало нервы читателя, возбуждая въ немъ такъ называемый эстетическій восторгъ разными наркотическими снадобьями, въ родѣ описанія всевозможныхъ красотъ, начиная съ красотъ природы и кончая красотами ланитъ и персей. Съ какою цѣлію искусство должно было производить подобное щекотанье и возбужденье—спрашивать объ этомъ считалось лишнимъ, и отвѣтъ былъ одинъ: искусство должно возбуждать эстетическій восторгъ не для инаго чего, какъ ради самаго эстетическаго восторга. Въ настоящее время вся эта теорія до такой степени успѣла опошлиться и разбиться въ дребезги, что смѣшно и ратовать противъ нея. Теперь рѣдко уже кто усомнится въ томъ, что искусство должно выставлять правду жизни съ цѣлію будить общественное сознаніе въ людяхъ, указывать имъ на общественные недостатки и цѣли, къ которымъ они должны стремиться.

Руководствуясь этою формулою, Рѣшетниковъ и думаетъ, что если онъ выводитъ правду въ своихъ произведеніяхъ, этимъ онъ вполнѣ исполняетъ свой долгъ и можетъ почивать на лаврахъ. Но такъ ли это? Исчерпывается ли вполнѣ реальное и полезное искусство требованіемъ, чтобы писатель выводилъ въ сво-

ихъ произведеніяхъ правду жизни, или сверхъ этого отъ такого искусства требуется и нѣчто иное? Еслибы искусство вполнѣ исчерпывалось этимъ, въ такомъ случаѣ чѣмъ же бы отличалось оно отъ науки? Не только не отличалось бы, но любая наука вдесятеро могущественнѣе въ изображеніи правды, чѣмъ какое хотите геніальное искусство. Вы подумайте только о томъ, что одна маленькая статистическая табличка можетъ не въ примѣръ яснѣе и больше сказать вамъ о нищетѣ и страданіяхъ бѣднаго класса, чѣмъ не только три тома сочиненій Рѣшетникова, но 20 томовъ, прибавленные къ нимъ и занятые разсказами все о той же нищетѣ. Взявши это во вниманіе, остается сдѣлать простой логическій выводъ, что если искусство не имѣетъ никакой своей особенной цѣли, кромѣ одинаковой съ наукою, въ такомъ случаѣ вовсе не надо никакого искусства, и Рѣшетниковъ принесъ бы болѣе пользы, занявшись статистикою народныхъ бѣдствій, нежели безконечными описаніями ихъ.

Но искусство можетъ и должно имѣть свою особенную, спеціальную цѣль; въ силу ея оно только и можетъ быть полезно, только и можетъ имѣть право на существованіе. — Цѣль науки вполнѣ исчерпывается изысканіемъ истины: разъ ученый открылъ истину, онъ свое дѣло сдѣлалъ, и ему остается только изложить открытую имъ истину, чтобы сдѣлать ее общеизвѣстною. Но и отъ ученаго трактата мы вправѣ требовать, чтобы онъ обладалъ хорошимъ слогомъ, ясностью, пожалуй даже картинностью изложенія, однимъ словомъ, своего рода художественностью, и это требованіе не есть пустая прихоть: чѣмъ художественнѣе изложеніе, тѣмъ больше трактатъ найдетъ читателей, а съ другой стороны художественность изложенія ведетъ къ прямому выигрышу времени, такъ-какъ естественно больше времени нужно употребить на чтеніе сухаго и темно изложеннаго сочиненія, чѣмъ съ изложеніемъ яснымъ и художественнымъ.

Но въ жизни на каждомъ шагу встрѣчается потребность въ томъ, чтобы истину не только усвоили, но проникнулись ею, возбудились до энтузіазма, измѣнили тѣ или другія дѣйствія свои подъ вліяніемъ ея, приступили какъ можно скорѣе къ тому или другому благому начинанію. Возьмите вы, напримѣръ, адвоката, защищающаго невиннаго. Цѣль его, повидимому, общая съ ученымъ: изложить истину; но этого одного ему недостаточно: онъ долженъ изложить ее такъ, чтобы она врѣзалась въ сердца судей и присяжныхъ, чтобы они были потрясены ею и она овладѣла ими вполнѣ. Если послѣ рѣчи адвоката наступитъ гробовое молчаніе, на глазахъ у слушателей покажутся слезы, на лицахъ ужасъ и негодованіе, мы говоримъ, что адвокатъ достигъ своей цѣли. Чѣмъ-же онъ достигъ ея, какъ не искусствомъ изложенія, какъ не художественностью рѣчи? Здѣсь художественность является во всемъ своемъ могуществѣ, не однимъ уже только средствомъ, облегчающимъ усвоеніе, но необходимымъ орудіемъ, безъ котораго адвокатъ все равно, что боецъ безъ шпаги. — Сухой, скучный ученый трактатъ, лишенный всякой художественности изложенія, еще можетъ быть прочтенъ и принести большую пользу въ силу истинъ, заключающихся въ немъ; но на какихъ бы глубокихъ истинахъ и неопровержимыхъ доказательствахъ ни основывалъ адвокатъ свою рѣчь, онъ не достигнетъ никакой цѣли, если слова его будутъ вязнуть въ зубахъ и сухость, монотонность, вялость рѣчи заставятъ слушателей заснуть, не дослушавши оратора.

Но что же такое реальный, полезный поэтъ, какъ не тотъ же ораторъ передъ своими читателями? Цѣль его не только изобразить правду жизни, но заставить ее почувствовать, проникнуться ею, любовью или ненавистью забиться сердце читателя. Если одна страница статистической таблицы можетъ сказать вамъ болѣе, чѣмъ нѣсколько томовъ поэтическихъ разсказовъ о томъ же предметѣ, то съ другой стороны подумайте и о томъ, что цѣлые томы ужасающихъ истинъ иногда свободно помѣщаются въ головѣ ученаго, нисколько не нарушая его олимпійскаго спокойствія, а маленькая пѣсенка, спѣтая хоромъ на улицѣ, можетъ потрясти его до мозга костей и заставить выбѣжать изъ дома.

Жизнь управляется не одними спокойными знаніями и холодными разсчетами; не надо забывать, что чувства и страсти — суть силы, служащія не менѣе могучими двигателями жизни, и пренебрегать ими не слѣдуетъ: если не направленныя знаніями страсти дѣйствуютъ слѣпо, безпорядочно и часто совершенно безплодно,—если не вредно,—то съ другой стороны одни знанія безъ живыхъ страстей — все равно, что локомотивъ безъ пара.

Вотъ въ этомъ возбужденіи чувствъ и страстей и заключается своя особенная цѣль реальнаго искусства, отличающая его отъ науки. — И цѣль эта опредѣляется не одними только теоретическими, надуманными требованіями: о ней свидѣтельствуетъ намъ тотъ непосредственный инстинктъ, который заставляетъ человѣка, чуждаго всякихъ теоретическихъ взглядовъ, увлекаться однимъ произведеніемъ и отвертываться отъ другаго.—Что восхищаетъ насъ въ самомъ геніальномъ произведеніи искусства? Не количество новыхъ свѣдѣній, сообщаемыхъ писателемъ, а то впечатлѣніе, которое писатель производитъ на насъ, являясь въ своемъ твореніи защитникомъ или обвинителемъ тѣхъ или другихъ фактовъ жизни. Чѣмъ сильнѣе это впечатлѣніе, — тѣмъ выше цѣнится произведеніе.—Что же касается фактовъ, сообщаемыхъ писателемъ, то здѣсь оцѣнка имѣетъ совершенно обратный характеръ: въ то время, какъ ученое сочиненіе вы не станете и читать, если оно не сообщаетъ вамъ ничего новаго и неизвѣстнаго для васъ, произведеніе же искусства, напротивъ того, интересуетъ васъ тѣмъ болѣе, чѣмъ знакомѣе вамъ изображаемая имъ дѣйствительность, чѣмъ ближе она стоитъ къ вамъ лично. Я полагаю, что еслибы вамъ сказали, что въ такомъ-то романѣ авторъ вывелъ вашу личность со всею вашею обстановкою и со всѣми вашими поступками, вы сейчасъ же набросились бы на этотъ романъ, и при самой незначительной долѣ таланта автора романъ произвелъ бы на васъ вдесятеро болѣе потрясающее впечатлѣніе, вы прочли бы его съ гораздо большимъ интересомъ, чѣмъ произведеніе геніальнаго поэта, изображающее чуждую вамъ дѣйствительность.

На этомъ основаніи реальный поэтъ, для того, чтобы произведенія его были дѣйствительно полезны, не

только не долженъ пренебрегать художественностью, но обязанъ подвергать свои произведенія вдесятеро болѣе тщательной художественной отдѣлкѣ, чѣмъ даже поэтъ, не думающій ни о чемъ, кромѣ одной художественности. Онъ не долженъ и воображать, что истина сама за себя постоитъ. Никогда она сама за себя не можетъ постоять, если произведеніе, въ которомъ она изображена, блѣдно, скучно, вяло и растянуто, и читатель, вмѣсто того, чтобы возбудиться и быть потрясеннымъ, вынесетъ одну усыпительную скуку и неудержимое желаніе уснуть надъ книгой. Пусть не забываетъ реальный поэтъ, что если онъ берется быть обвинителемъ однихъ и защитникомъ другихъ, въ такомъ случаѣ онъ долженъ стремиться быть такимъ адвокатомъ, чтобы каждое слово его, какъ огнемъ, жгло сердце читателя, а какъ же онъ можетъ достигнуть этого, если не позаботится употребить въ дѣло всѣ средства рѣчи, всю силу своей фантазіи? Онъ не долженъ пренебрегать даже мелочами, деталями внѣшней отдѣлки, помня, что все то, что дѣлаетъ его произведеніе болѣе гладкимъ, удобочитаемымъ, болѣе легкимъ для воспріятія и удержанія въ памяти—все это въ значительной степени усиливаетъ дѣйствіе произведенія на читателя и увеличиваетъ его значеніе. Здѣсь художественность является уже не прихотью, не растлѣвающимъ услажденіемъ, а могучею силою, которая должна быть направлена художникомъ на пользу своихъ соотечественниковъ. Умѣнье владѣть ею и направлять ее на благо и составляетъ гражданское дѣло поэта. Художникъ же, пренебрегающій художественностью, этимъ самымъ пренебрегаетъ своимъ гражданскимъ долгомъ.

Посмотрите теперь, какъ мало заботится Рѣшетниковъ о томъ, чтобы производить на читателей сильное и глубокое впечатлѣніе своими повѣстями. Начнемъ съ внѣшней стороны его разсказовъ. Во-первыхъ, онъ нисколько не старается обрисовывать выводимыя имъ личности какъ можно рельефнѣе и типичнѣе, чтобы онѣ рѣзко, дагеротипно выдавались изъ страницъ разсказовъ и неотразимо запечатлѣвались въ нашемъ мозгу. Кромѣ только Горюновой, попа Знаменскаго и нѣкоторыхъ другихъ, всѣ почти личности обрисованы блѣдно, неопредѣленно; онѣ какъ-то сливаются всѣ вмѣстѣ, и не оставляютъ послѣ себя никакого слѣда, такъ что вы забываете ихъ тотчасъ же по прочтеніи разсказа. Требованіе, чтобы писатель заботился о типичности и рельефности выводимыхъ личностей, можетъ съ перваго взгляда показаться излишнею роскошью съ точки зрѣнія полезности искусства. Но это не такъ: вы не забывайте, что Рѣшетниковъ, описывая бѣдствія и страданія своихъ героевъ, хочетъ возбудить въ насъ живое участіе къ нимъ. Но при этомъ вы подумайте о постоянномъ совпаденіи двухъ слѣдующихъ психическихъ процесовъ: 1) по мѣрѣ того, какъ мы ближе и ближе знакомимся въ жизни съ какою-нибудь личностью, эта личность, бывшая сначала неопредѣленною и туманною въ нашихъ глазахъ, получаетъ все болѣе и болѣе опредѣленности, выдѣляется передъ нами со всѣми своими типическими свойствами и личными особенностями, и 2) вмѣстѣ съ этимъ возрастаетъ участіе наше къ этой личности. Эти два процесса до такой степени сходятся, что можно положительно измѣрять степень участія степенью знакомства нашего съ личностью. На этомъ основаніи, какое бы участіе ни возбуждали въ насъ страданія или катастрофа, постигшія незнакомца, оно ничто передъ тѣмъ, какъ если несчастный рисуется передъ нами во всѣхъ своихъ особенностяхъ. Вслѣдствіе этого и происходитъ то нерѣдкое явленіе, что, читая въ газетахъ описаніе какого-нибудь убійства, мы для возбужденія въ себѣ участія, принуждены бываемъ силою воображенія пополнять недостатокъ знакомства съ жертвою преступленія: мы начинаемъ представлять себѣ, какова эта жертва, что она могла дѣлать передъ тѣмъ, какъ надъ нею былъ занесенъ ножъ; какія связи, стремленія были у нея прерваны вмѣстѣ съ жизнію и проч. Теперь подумайте, что дѣлаетъ авторъ, когда онъ старается обрисовать передъ вами личность какъ можно болѣе типично? Онъ старается дать вамъ сразу то, что сами вы добываете долгимъ процессомъ знакомства съ человѣкомъ: поставить предъ вами личность такимъ образомъ, какъ будто вы давно уже знаете ее со всѣхъ сторонъ. Очевидно, что этимъ самымъ необходимо усиливается участіе ваше къ этой личности; вы начинаете интересоваться ея судьбою, жалѣть и плакать о ней, какъ о самомъ близкомъ вамъ человѣкѣ, котораго никогда забыть не въ состояніи. Это особенный фокусъ искусства, пренебрегать которымъ не долженъ поэтъ-утилитаристъ. Пусть онъ и не думаетъ поселить въ насъ особенно сильное участіе къ людскимъ страданіямъ или негодованіе къ различнымъ несправедливостямъ, если въ романѣ его вмѣсто живыхъ, выдающихся личностей выводятся однѣ блѣдныя тѣни.

Съ другой стороны, Рѣшетниковъ нисколько не заботится о выработкѣ сюжета и плана разсказа, чтобы чтеніе не утомляло и не усыпляло читателя, а, напротивъ того, возбуждало постоянный интересъ, который увеличивался бы съ каждою страницей. Вмѣсто того, чтобы обращать главное вниманіе на болѣе характеристическіе и рѣшительные моменты жизни своихъ героевъ и эти моменты развивать, какъ можно полнѣе, мелкія же частности ежедневной жизни представлять въ рельефной, но по возможности сжатой картинѣ, Рѣшетниковъ ставитъ на одинъ планъ какъ самые драматическіе моменты, такъ и всѣ мелкія частности ежедневнаго быта; послѣднимъ посвящаетъ иногда даже болѣе развитія, чѣмъ первымъ, отягощаетъ черезъ это свои разсказы совершенно излишними, ничего не прибавляющими къ картинѣ подробностями, длинными сухими описаніями, мелкими сценами, которыя кажутся вамъ тѣмъ болѣе блѣдны и скучны, что лица, дѣйствующія и говорящія въ нихъ, не имѣютъ той надлежащей рельефности, которая могла бы сдѣлать живою и увлекательною самую обыденную сцену. Вы посмотрите, напримѣръ, на вышеупомянутую повѣсть „Между людьми“. Задуманъ сюжетъ превосходно; болѣе драматическаго сюжета трудно придумать. Но что сдѣлалъ Рѣшетниковъ съ нимъ? Вся повѣсть занимаетъ 269 страницъ компактной печати. Изъ нихъ 77 страницъ посвящено описанію дѣтства героя. Чѣмъ же особенно интересно оно, чтобы занимать треть всего разсказа? Это ужь надо спросить у Рѣшетникова. Представьте вы себѣ дѣтство бѣднаго мальчика, пле-

мянника уѣзднаго почтоваго чиновника. Во всемъ этомъ періодѣ жизни Кузьмина выдаются только два эпизода: побѣгъ изъ семинаріи, и воровство газетъ изъ почтовой конторы. Писатель, заботящійся о выработкѣ сюжета, очевидно главное вниманіе свое обратилъ бы на развитіе этихъ двухъ эпизодовъ; въ нихъ однихъ отлично могло бы охарактеризоваться все дѣтство героя и вся его окружающая обстановка. Рѣшетниковъ же посвящаетъ этимъ эпизодамъ нѣсколько страничекъ, передавая ихъ въ сухомъ и сжатомъ разсказѣ; всѣ же 77 страницъ посвящены у него длиннымъ и до невѣроятности скучнымъ описаніемъ житья-бытья родственниковъ героя и жителей города, гдѣ происходило дѣйствіе:—тутъ вы находите описаніе того, какъ дядя ловилъ рыбу, какъ онъ училъ племянника грамотѣ, какъ онъ получилъ первый чинъ, что онъ при этомъ думалъ, что думала тетка, какъ герой занимался въ конторѣ и писалъ письма крестьянамъ и проч. Мнѣ кажется, что Рѣшетниковъ, еслибы только захотѣлъ приложить немного старанія, то у него вся первая часть разсказа занимала бы не болѣе 40 страницъ. На 5 страницахъ онъ могъ бы представить такую полную картину жизни захолустнаго городка, которая со всѣхъ сторонъ исчерпывала бы эту жизнь и избавляла бы его отъ всякихъ излишнихъ подробностей. Затѣмъ 35 страницъ представляли бы широкое поле для развитія двухъ вышеупомянутыхъ эпизодовъ, которые сами по себѣ еще полнѣе обрисовали бы жизнь почтовыхъ чиновниковъ въ провинціи. Я нисколько не отрицаю сценъ въ родѣ ловли рыбы или семейной пирушки по случаю полученія чина,—всѣ такія подробности придаютъ разсказу живость и рельефность,—но въ такомъ только случаѣ, когда писатель тѣсно и нераздѣльно соединяетъ ихъ съ самымъ развитіемъ эпизода, какъ это и дѣлаютъ англійскіе писатели: у нихъ герой ловитъ рыбу—и тутъ же съ нимъ что нибудь происходитъ, описывается домашняя пирушка и на ней же разыгрывается домашняя драма. У Рѣшетникова же—эпизоды сами по себѣ, а описанія ловли рыбы или пирушки—сами по себѣ, и вся повѣсть, вмѣсто того, чтобы кипѣть дѣйствіемъ, получаетъ сухой, монотонный описательный характеръ. Мнѣ кажется, что въ этомъ отношеніи Рѣшетниковъ не совсѣмъ отрѣшился еще отъ нѣкоторыхъ остатковъ натуральной школы, которая стояла вполнѣ на почвѣ чистаго искусства. Иначе какъ же вы объясните обиліе у Рѣшеникова описательныхъ сценъ, неимѣющихъ никакой цѣли, кромѣ одного описанія ихъ. Но первая часть повѣсти читается все еще довольно сносно, какъ вслѣдствіе того, что читатель не успѣлъ еще освоиться съ обстановкою жизни героя, такъ и вслѣдствіе двухъ вышеупомянутыхъ эпизодовъ. Вторая же часть занимаетъ 126 страницъ, т. е. половину всей повѣсти, но въ ней безконечно тянется одна д та же канитель — описаніе того же житья-бытья дяди да тетки, родственниковъ да знакомыхъ, наконецъ службы героя сначала въ уѣздномъ судѣ, потомъ въ канцеляріи губернатора. Монотоннѣе, растянутѣе, суше и блѣднѣе всего этого разсказа трудно себѣ представить что нибудь. Если первая часть могла бы занимать 40 страницъ, то для второй части и 20 много. Только подъ конецъ этой второй части разсказъ немного оживляется отношеніями Кузнецова къ Ленѣ. Въ третьей части—герой ѣдетъ въ столицу наживаться. Здѣсь завязывается узелъ всей драмы; эта часть самая рѣшительная, на ней долженъ сосредоточиваться весь интересъ читателя, вся трагическая иллюзія—и что же? Она самая краткая—въ ней всего 55 страницъ. Но и на этихъ страницахъ вы встрѣтите много излишнихъ мелкихъ подробностей, растягивающихъ понапрасну разсказъ (напримѣръ, длинныя описанія, какъ авторъ искалъ квартиру, какъ онъ ночевалъ въ ней первую ночь, какія дрязги произошли между хозяйкою и торговкою и проч.). Съ другой стороны слишкомъ много посвящено мѣста на описаніе опредѣленія героя на службу, отношеній его къ начальству и редакціи „Насѣкомый"—все это крайне стереотипно, давно уже до лохмотьевъ изношено нашею литературою, а потому блѣдно и вяло. Что же касается до самаго драматическаго момента жизни Кузьмина, когда онъ, совершенно затерянный въ омутѣ петербургской жизни, опускается въ самые бѣдные слои населенія—занимается продажею сапоговъ на толкучемъ и спивается,—этому періоду жизни авторъ посвятилъ нѣсколько страничекъ сухаго, холоднаго разсказа. Что вышло изъ богатаго сюжета вслѣдствіе этого, трудно и выразить. Повѣсть, которая могла проникнуть читателю въ самое сердце и оставить навсегда тяжелое, мучительное впечатлѣніе, является, правда, мучительною, но совсѣмъ съ другой стороны—со стороны убійственной скуки, съ которою вы ее читаете. До какой степени Рѣшетниковъ мало дорожитъ тѣмъ, чтобы производить на читателей сильное и глубокое впечатлѣніе, это особенно ярко выставляется въ наиболѣе драматическихъ мѣстахъ его разсказовъ. Мы уже видѣли, какъ мало обратилъ онъ вниманія на самые выдающіеся моменты жизни Кузьмина. То же самое мы находимъ и въ романѣ „Гдѣ лучше". Вспомните тотъ моментъ въ этомъ романѣ, гдѣ Горюнова, лишившись мѣста, проведя нѣсколько дней въ части, наконецъ, очутилась на улицѣ безъ пристанища, безъ денегъ, одна, среди чуждаго населенія столицы, подозрительно и непріязненно смотрѣвшаго на нее, какъ на бродягу. Вы подумайте только о томъ, что бы могъ сдѣлать художникъ изъ этой сцены отчужденія, отчаянія и голода. Онъ могъ бы нарисовать передъ вами такую страшную, мрачную картину, которая проняла бы васъ до костей—и никогда не забылась бы. Главное дѣло здѣсь не въ томъ, чтобы извѣстить читателя, какъ Горюнова шла изъ улицы въ улицу, ночью черезъ мостъ, какъ спала въ паркѣ, какъ у нея украли во время сна послѣднія копѣйки, какъ потомъ она просила милостыню и проч.,—такіе факты для читателя не новость, и онъ можетъ представить ихъ себѣ тысячами: развѣ блѣдные, худые, оборванные люди не просятъ у него ежедневно Христа ради? Развѣ онъ никогда не видѣлъ ихъ спящими подъ заборами и въ канавахъ? Но знаетъ ли и отдаетъ-ли себѣ ясно отчетъ читатель въ томъ, что они чувствуютъ въ то время, когда они испытываютъ всевозможныя мытарства? Вотъ съ этимъ-то и долженъ познакомить писатель: онъ долженъ такъ живо изобразить холодъ, голодъ и отчаяные своихъ героевъ, чтобы читатель все это могъ прочувствовать, чтобы,

несмотря на все тепло, сытость и довольство, ему самому сдѣлалось бы и холодно, и голодно, и гадко вмѣстѣ съ героями разсказа. Какъ достигнуть этого, избѣжавши въ то же время излишнихъ лирическихъ разглагольствованій, мелодраматизма и фальши—это задача и тайна, разрѣшить которую можетъ только истинный художникъ. Что же дѣлаетъ Рѣшетниковъ? Холодно, сухо, безучастно онъ передаетъ намъ факты скитаній Горюновой, словно какой нибудь дневникъ приключеній, и читатель относится къ этимъ страницамъ съ тѣмъ же равнодушіемъ, съ какимъ просматриваютъ протоколъ какого-нибудь судебнаго засѣданія, въ которомъ какая бы страшная семейная драма ни развертывалась передъ вами, она излагается все однимъ и тѣмъ же сухимъ, сжатымъ и оффиціальнымъ тономъ...

Таковъ Рѣшетниковъ и во всѣхъ своихъ произведеніяхъ.

1870—1872.

СОРОКЪ ЛѢТЪ РУССКОЙ КРИТИКИ.

1820—1860.

I.

Панегирическій и полемическій взгляды на эпоху сороковыхъ годовъ и ихъ несостоятельность.—Необходимость объективнаго обозрѣнія развитія нашей мысли и обращенія при этомъ вниманія на двѣ стороны процеса развитія. — Результатъ, къ которому должно привести такое обозрѣніе. — Содержаніе и объемъ моего труда.

Много уже было высказано всякаго рода и мнѣній и сужденій о разныхъ дѣятеляхъ и литературныхъ явленіяхъ того періода лѣтъ, который обозначенъ въ заглавіи предпринятаго мною труда. Появленіе каждаго памятника, относящагося къ этому времени, каждой монографіи, трактующей объ этой эпохѣ, возбуждало не мало всякаго рода толковъ, споровъ и пререканій. Но надо обратить вниманіе на то, что до послѣдняго времени отношеніе къ различнымъ явленіямъ такъ-называемыхъ сороковыхъ годовъ (эпохѣ, которая, собственно говоря, не ограничивается одними сороковыми годами, а обнимаетъ собою болѣе трехъ десятилѣтій) было почти исключительно или панегирическое, или полемическое, и до сихъ поръ, несмотря на все обиліе изданнаго объ этой эпохѣ, врядъ-ли вы найдете особенно много сочиненій, заключающихъ въ себѣ вполнѣ объективные и безпристрастные взгляды. Это вполнѣ естественно, если взять во вниманіе, что эпоха эта такъ близка къ намъ, какъ вчерашній день, что хотя она и минула, но идеи и многіе люди, принадлежащіе къ ней, продолжаютъ еще жить и дѣйствовать и, окруженные ореоломъ славы, вооруженные талантами, властью и вѣсомъ въ обществѣ, не перестаютъ еще съ слѣпымъ упорствомъ задерживать напоръ новыхъ идей и потребностей вѣка. Какому-же быть иному отношенію, какъ не полемическому въ разгарѣ той борьбы, какая ведется до сихъ поръ между старымъ поколѣніемъ и молодымъ, или, какъ обыкновенно говорятъ, между людьми сороковыхъ годовъ и шестидесятыхъ? Надо взять въ разсчетъ и то, что не болѣе, какъ 15 лѣтъ тому назадъ *), и полемическое отношеніе къ передовымъ дѣятелямъ сороковыхъ годовъ было еще немыслимо въ прогресивныхъ лагеряхъ нашей литературы, а было естественно и даже необходимо — одно панегирическое: въ то время противъ литературныхъ дѣятелей сороковыхъ годовъ ратовали люди, боровшіеся съ ними еще при ихъ жизни во имя началъ, которыя и въ сороковые годы представлялись уже отжившими. Это было время, когда фаза мысли сороковыхъ годовъ успѣла вполнѣ опредѣлиться и закончиться, новая-же фаза шестидесятыхъ годовъ только-что зачиналась и еще въ весьма неясныхъ, неопредѣленныхъ чертахъ рисовалась въ будущемъ. Гоголь, Бѣлинскій, Грановскій едва успѣли сойти съ поприща и на нихъ (кромѣ развѣ одного Гоголя) не отвыкли еще смотрѣть, какъ на дѣятелей вполнѣ современныхъ, которые, если-бы не сошли преждевременно въ могилу, то могли-бы, не отставая отъ вѣка, продолжать писать и говорить въ томъ же направленіи, въ какомъ закончили свое поприще. Однимъ словомъ, къ нимъ относились еще такъ, какъ нынѣ мы относимся къ Добролюбову или Писареву. Такое отношеніе мы встрѣчаемъ въ „Очеркахъ гоголевскаго періода" („Совр.", 1856 г.), первомъ дѣльномъ и капитальномъ сочиненіи, посвященномъ этой эпохѣ и трактующемъ объ одномъ изъ самыхъ передовыхъ дѣятелей ея—Бѣлинскомъ. Цѣль сочиненія — показать, какой великій и глубокій критикъ былъ Бѣлинскій, какое значеніе имѣлъ онъ въ свое время среди разнаго рода литературныхъ партій, окружавшихъ его, что онъ сдѣлалъ сравнительно съ предшествующимъ его временемъ, чѣмъ мы ему обязаны и что мы въ немъ утратили. Всѣ эти вопросы разрѣшены съ такою полнотою и обстоя-

---

*) То-есть въ половинѣ 50-хъ годовъ.

тельностью, что врядъ-ли можетъ выйти другое сочиненіе въ этомъ родѣ, могущее соперничать съ нимъ. Но, вмѣстѣ съ тѣмъ, вы не найдете въ немъ того, что въ наше время представляется вопросомъ первой важности: именно постановки дѣятельности Бѣлинскаго въ общій уровень развитія идей его вѣка сравнительно съ предшествующимъ и послѣдующимъ временемъ и, притомъ, идей не только однихъ эстетическихъ и литературныхъ, но моральныхъ и политическихъ. Если въ „Очеркахъ" говорится и объ этомъ, то намеками только, вскользь, и при этомъ берется въ соображеніе ходъ развитія европейской мысли вообще въ ея логическомъ процессѣ, безъ принятія въ соображеніе въ тоже время общественныхъ условій, вліяющихъ на различныя колебанія и направленія мысли; главное-же вниманіе обращено въ „Очеркахъ", все-таки, на значеніе дѣятельности Бѣлинскаго, преимущественно литературное и эстетическое. Этотъ характеръ „Очерковъ", кромѣ разныхъ побочныхъ, нелитературныхъ причинъ, обусловливается и тѣмъ, что передъ авторомъ не было еще послѣдующаго времени, съ которымъ онъ могъ-бы сравнивать дѣятельность Бѣлинскаго въ связи съ характеромъ вѣка его; кромѣ этого, надо взять во вниманіе и то, что въ то время имя Бѣлинскаго только-что начинало выходить изъ мрака, въ которомъ до того скрывалось. Очень многіе не имѣли еще и понятія о томъ, что соединяется съ этимъ именемъ; другіе смотрѣли на него, какъ на имя дерзкаго литературнаго фразёра и недоученаго крикуна; третьи соединяли съ этимъ именемъ нѣчто такое криминальное, что одно упоминаніе о немъ на страницахъ журнала, да еще съ сочувствіемъ къ нему, считали крайне компрометирующимъ журналъ по отношенію къ благонамѣренности. Понятно, что въ то время дѣломъ первой важности было познакомить публику съ личностью Бѣлинскаго, какъ съ дѣятелемъ, едва сошедшимъ съ поприща и вѣяніе котораго отражалось еще на всей литературѣ, пропагандировать, такъ сказать, его, и въ то-же время защищать отъ нападковъ на неблагонамѣренность, чего вполнѣ достигли „Очерки".

Совершенно такой-же характеръ носятъ всѣ монографіи о разныхъ дѣятеляхъ сороковыхъ годовъ вплоть до 62 года, то-есть, до начала реакціи. Таковы біографія Станкевича, Анненкова, приложенная къ изданію переписки Станкевича, статья Добролюбова о Станкевичѣ, воспоминанія о Бѣлинскомъ И. Панаева и его-же „Литературныя воспоминанія", „Виссаріонъ Григорьевичъ Бѣлинскій, біографическій очеркъ" Д. Свіяжскаго и проч. Хотя въ это время новая фаза мысли шестидесятыхъ годовъ все болѣе и болѣе выясняется и опредѣляется, но люди сороковыхъ годовъ еще не выдѣляются изъ движенія, въ умахъ современниковъ сохраняется еще живая преемственная связь между эпохой сороковыхъ и шестидесятыхъ годовъ и отношеніе къ дѣятелямъ сороковыхъ годовъ продолжаетъ сохранять характеръ панегирическій. Во всѣхъ вышеупомянутыхъ сочиненіяхъ писатели рисуютъ передъ вами дѣятелей сороковыхъ годовъ мужественными борцами и страдальцами мысли среди мрака невѣжества, окружавшаго ихъ, благоговѣйно вслушиваются въ каждое ихъ слово, спѣшатъ заявить о каждомъ фактѣ, характеризующемъ ихъ съ положительной стороны, и съ негодованіемъ относятся къ малѣйшимъ нападкамъ на ту или другую чтимую личность.

Съ 1862 г. отношеніе къ дѣятелямъ сороковыхъ годовъ, подъ вліяніемъ борьбы, возникшей между старымъ и молодымъ поколѣніями, быстро мѣняется. Рядомъ съ прежнимъ панегирическимъ возникаетъ въ прогресивныхъ лагеряхъ нашей литературы и отношеніе полемическое. Эпохи сороковыхъ и шестидесятыхъ годовъ начинаютъ становиться другъ противъ друга, какъ двѣ противоположныя крайности, между которыми лежитъ непроходимая пропасть, при чемъ, гдѣ одни видятъ свѣтъ, тамъ другіе ничего, кромѣ мрака, не признаютъ. До какой степени утвердилось это полемическое увлеченіе, мы видимъ изъ того, что оно встрѣчается не въ однѣхъ только полемическихъ статьяхъ всякаго рода, каковы, напримѣръ, были статьи Писарева и Зайцева, въ которыхъ эти писатели говорили о Грановскомъ, Кудрявцевѣ, Бѣлинскомъ, Лермонтовѣ, но подчасъ и въ такихъ сочиненіяхъ, которыя, по самому содержанію своему, должны бы были имѣть объективный характеръ, каковы мемуары и сборники біографическихъ матеріаловъ. Таковы, напримѣръ, „Воспоминанія Тургенева о Бѣлинскомъ": Тургеневу недостаточно было сообщить все, что онъ помнитъ о Бѣлинскомъ, ему казалось необходимымъ, рядомъ съ величіемъ Бѣлинскаго выставить ничтожество Добролюбова. Точно также біографія Грановскаго, Станкевича, подъ конецъ представляетъ вамъ тонкій, но весьма чувствительный намекъ на то, что выде, современныя либеральныя односторонности всякаго рода, напрасно причисляете къ своему лагерю Грановскаго, съ его всеобъемлющею гуманностью и широтой взглядовъ, чуждыхъ всякихъ партій.

Въ силу этой полемики, въ литературѣ нашей утвердились два рѣзкія направленія въ сравнительной оцѣнкѣ двухъ эпохъ. Съ одной стороны всѣ общественныя реформы послѣдняго времени, всѣ успѣхи въ наукахъ и искусствахъ выводятся исключительно изъ сороковыхъ годовъ и приписываются людямъ этой эпохи. Вы подумайте, говорятъ люди этого направленія, сколько могучихъ талантовъ произвела эта эпоха: припомните только имена Бѣлинскаго, Гоголя, Грановскаго, Кудрявцева, Кавелина, Костомарова, Тургенева, Писемскаго, Гончарова, — все это люди, или дѣйствовавшіе въ то время, или вышедшіе изъ него и дѣйствующіе теперь. Какіе люди подняли крестьянскую и прочія реформы, содѣйствовали и руководили ими своими знаніями и практическими трудами? По большей части люди сороковыхъ годовъ. Наконецъ, развитіе самосознанія въ нашемъ обществѣ, уваженія къ литературѣ, наукѣ, эстетическаго вкуса, гуманности, все это дѣло людей сороковыхъ годовъ, всему этому мы имъ обязаны. А что сдѣлало ваше молодое поколѣніе? Много-ли вышло изъ него такихъ могучихъ, блестящихъ талантовъ, какіе были упомянуты выше? Разъ, два, да и обчелся. А вышло-ли хоть одно произведеніе искусства, которое можно было бы поставить рядомъ съ произведеніями писателей сороковыхъ годовъ? А какое участіе принимало молодое поколѣніе во всѣхъ реформахъ? Оно встрѣтило ихъ съ свистомъ, вооружившись несбыточными утопіями. Проповѣдь его проникнута отрицаніемъ науки, искусства, гуманности,

всякихъ нравственныхъ основъ въ человѣкѣ и порядка въ обществѣ, словомъ, представляетъ мрачныя бездны нигилизма.

Съ другой стороны не перестаютъ высказываться мнѣнія діаметрально противоположныя: истинное самосознаніе въ обществѣ нашемъ, говорятъ, развилось только съ шестидесятыхъ годовъ; только съ этого времени начались у насъ дѣйствительные успѣхи въ наукахъ, настоящее пониманіе значенія искусства, глубокій анализъ общественныхъ отношеній; только съ этого времени явились истинные люди свѣта, правды, сильные, энергическіе, гуманные, люди дѣла, а не однихъ словъ. А что такое были сороковые годы? Эта мрачная эпоха была способна не развивать силы, а сокрушать ихъ. Поэтому, люди сороковыхъ годовъ, это люди больные, надломленые, люди холодной рефлексіи, словъ, а не дѣла. Чуждые всякихъ живыхъ общественныхъ интересовъ, они искали забвенія или въ отвлеченной отъ жизни наукѣ, или въ созерцаніи прекрасныхъ образовъ чистаго искусства, или въ узкой сферѣ семейнаго счастія, или, наконецъ, въ легкомысленномъ эпикуреизмѣ. Въ общественномъ движеніи послѣдняго времени они постоянно представлялись тормазами, вслѣдствіе своей запуганности, нерѣшительности и апатіи: каждая реформа сначала пугала ихъ, представлялась имъ роковымъ шагомъ, ведущимъ общество прямо въ пропасть. Они старались обыкновенно всячески ее отодвинуть, ссылаясь на неразвитость, неприготовленность нашего общества; а въ концѣ концовъ, когда рядъ реформъ совершился помимо ихъ предостереженій, озлобленные и обезкураженные, они начали смотрѣть на все совершившееся, какъ на миражъ, дымъ и ничтожную топотню на одномъ мѣстѣ.

Въ каждомъ изъ этихъ мнѣній, если хотите, есть своя доля справедливости и съ нѣкоторыми отдѣльными положеніями вы не можете не согласиться. Развѣ не правда, что сороковые годы дѣйствительно выпустили рядъ весьма даровитыхъ личностей, которымъ мы обязаны не мало? Справедливо, съ другой стороны, и то, что шестидесятымъ годамъ мы обязаны такими успѣхами въ общественномъ и умственномъ развитіи, о какихъ сороковые годы и не мечтали.

Но далѣе, затѣмъ, въ обоихъ мнѣніяхъ слѣдуетъ рядъ непроходимыхъ противорѣчій. Съ одной стороны вы подумайте только, сколько комизму должно представиться во всей дѣятельности людей сороковыхъ годовъ, если вы посмотрите на нее ихъ-же глазами: является рядъ талантливыхъ людей, начинаютъ развивать въ обществѣ гуманность, эстетическій вкусъ, уваженіе къ наукѣ, стремленіе къ высшему развитію. Казалось бы, что подъ вліяніемъ этой пропаганды должно было воспитаться молодое поколѣніе экстраидеальное. И вдругъ что-же: какъ-будто нарочно, вопреки всей пропаганды, является поколѣніе немытое, нечесанное, небритое, съ дикими необузданными нравами, отрицаніемъ наукъ, искусствъ, нравственности, цивилизаціи! Что-же это такое? Выходитъ какой-то неожиданный фокусъ-покусъ, и люди сороковыхъ годовъ сами отрицаютъ всѣ плоды своей дѣятельности, выдавая себя за какихъ-то заколдованныхъ и опростоволосившихся сѣятелей, которые посѣяли ананасы, а выросъ хрѣнъ. Если-же считать всю эту печальную катастрофу за случайное вторженіе въ нашу жизнь чуждыхъ вліяній, парализовавшихъ благодѣтельную дѣятельность людей сороковыхъ годовъ, то не забудьте при этомъ, что вѣдь съ одной стороны признается цѣлое созвѣздіе могучихъ, развитыхъ, обогащенныхъ знаніями талантовъ, а съ другой стороны ничего не признается, кромѣ мелкихъ, злобныхъ, невѣжественныхъ посредственностей, и опять-таки вы имѣете дѣло съ чудеснымъ историческимъ фактомъ, совершившимся вопреки всѣхъ законовъ природы: цѣлый рядъ могучихъ талантовъ отодвинутъ въ сторону и благотворное вліяніе его парализовано какими-то темными, ничтожными невѣждами.

Но и съ другой стороны вы можете встрѣтить не меньше противорѣчій. Говоря объ успѣхахъ общественнаго развитія въ послѣднее время, сторона эта старается при всякомъ удобномъ случаѣ доказывать, что эти успѣхи не были случайны и искусственно привиты, а естественно и органически возникли изъ потребностей нашей жизни и представляютъ послѣдовательный ходъ этого развитія; но въ то-же время не перестаетъ зіять подъ перьями нашихъ публицистовъ мрачная бездна между сороковыми и шестидесятыми годами, при чемъ новые идеи и люди словно съ неба сваливаются и неожиданно вторгаются въ нашу жизнь въ совершенный разрѣзъ съ жизнью и дѣятельностью прежнихъ поколѣній, словно тѣ бѣлые боги, которые, подъ предводительствомъ Колумба, нежданно-негаданно явились въ гости къ американскимъ дикарямъ. Если-же и стараются разъяснить причины перелома, то все обыкновенно подводятъ подъ одну какую-либо причину и впадаютъ еще въ большія противорѣчія. Такъ, напримѣръ, одни опираются исключительно на общественныя обстоятельства: въ сороковые годы, говорятъ, царствовала мрачная реакція, которая растлѣвала силы людей, а въ шестидесятые, съ большимъ развитіемъ личной свободы, люди почувствовали большую возможность прилагать свои силы къ той или другой дѣятельности; оттого до шестидесятыхъ годовъ и были все люди одними словъ и разъѣдающей рефлексіи, а послѣ шестидесятыхъ годовъ явились люди дѣла. Но я не знаю, нужно-ли приводить много доказательствъ, чтобы показать, какъ неопредѣленно и шатко такое положеніе, имѣющее, очевидно, свою относительную долю правды. Казалось бы, напримѣръ, что изъ-подъ гнета реакціи естественно должны были бы явиться самые мрачные, ожесточенные и непримиримые реформаторы, а подъ вліяніемъ свободы, хоть въ самой незначительной степени, напротивъ того, должны образоваться новые люди съ болѣе мирными и оптимистическими наклонностями; а между тѣмъ, случилось какъ разъ наоборотъ: люди сороковыхъ годовъ представляютъ гораздо болѣе наклонности къ благодушному примиренію, чѣмъ поколѣніе шестидесятыхъ годовъ. И, вообще, мы видимъ въ исторіи многократные примѣры, что реакція въ одну эпоху или въ одной средѣ дѣлаетъ людей никуда негодными тряпками, при другихъ-же обстоятельствахъ, напротивъ того, ожесточаетъ ихъ, изощряетъ изобрѣтательность ихъ относительно различныхъ средствъ къ отпору и борьбѣ.

Другіе опираются исключительно на умственное развитіе; все различіе между людьми сороковыхъ и шестидесятыхъ годовъ съ этой точки зрѣнія происходитъ исключительно изъ того, что люди сороковыхъ годовъ были романтики, идеалисты, витали въ отвлеченныхъ сферахъ; съ шестидесятыхъ-же годовъ появилось новое положительное міросозерцаніе, молодое поколѣніе спустилось съ облаковъ на землю и начало ставить на первый планъ не какіе-либо отвлеченные, космическіе, эстетическіе и моральные вопросы, а насущныя потребности жизни общественной и частной. Опять-таки подобное положеніе не лишено справедливости; но оно вовсе не есть представленіе настоящихъ и существенныхъ причинъ различія двухъ поколѣній, а есть только поставленіе факта, указаніе на одинъ изъ признаковъ различія; признакъ этотъ, безспорно, очень важный; онъ долженъ стоять на первомъ планѣ, но онъ далеко еще не все объясняетъ и, въ свою очередь, можетъ представить вамъ цѣлый рядъ противорѣчій, если вы вздумаете на немъ одномъ основать все. Основывать все на этомъ признакѣ—значитъ утверждать, что только современное намъ, положительное міросозерцаніе способно развивать въ людяхъ общественные интересы; идеалистическія-же системы ведутъ непремѣнно и всегда къ отрѣшенію отъ пониманія живыхъ и естественныхъ потребностей частныхъ и общественныхъ и витанію въ отвлеченныхъ сферахъ. Но утверждать это, значитъ отрицать въ историческомъ прошломъ всякую возможность какихъ-либо общественныхъ движеній, такъ какъ истинно положительное міросозерцаніе развилось въ весьма недавнее время, а между тѣмъ, мы видимъ въ исторіи рядъ общественныхъ движеній, совершившихся на почвѣ самыхъ крайнихъ идеалистическихъ системъ; вы подумайте только объ англійскихъ пуританахъ временъ Карла I: развѣ мы не видимъ въ нихъ идеалистовъ въ высшей степени, мистиковъ съ ногъ до головы, и развѣ это помѣшало имъ стоять во главѣ общественнаго движенія своего времени? И вообще, какое бы мы міросозерцаніе ни взяли изъ тѣхъ, какія пережило человѣчество, начиная отъ самаго младенческаго и не исключая современнаго намъ, реальнаго, на почвѣ каждаго мы найдемъ оптимистовъ и пессимистовъ, отвлеченныхъ мыслителей, и мужественныхъ, энергическихъ людей практическаго дѣла. Никогда не надо забывать, что тѣ или другія общественныя, политическія и нравственныя направленія, которыя мы замѣчаемъ въ различныхъ людяхъ, въ различныхъ слояхъ общества и въ различныя эпохи, зависятъ не столько отъ общихъ системъ міросозерцанія, сколько отъ тѣхъ или другихъ вліяній жизни, направляющихъ однихъ людей въ одну сторону, другихъ—въ другую. Общія-же системы міросозерцаній имѣютъ ту особенность, что онѣ, при своей всеобъемлющей широтѣ, крайне растяжимы и гибки и при ихъ помощи легко объяснить, оправдать и вывести изъ нихъ самыя противоположныя доктрины. Развѣ не на одномъ и томъ-же циклѣ христіанскихъ идей основывались впродолженіе всѣхъ среднихъ вѣковъ и самыя мрачныя проявленія деспотизма, и самые смѣлые порывы къ свободѣ? Развѣ не изъ одного и того-же Гегеля выводили свои ученія въ сороковые годы и славянофилы, и западники, и отвлеченные эстетики, и люди, проникнутые общественными интересами?

Выпутаться изъ всѣхъ этихъ противорѣчій—одно средство: сойти совершенно и съ панегирической, и съ полемической почвы и безпристрастно, шагъ за шагомъ, прослѣдить, какъ мысль нашего общества въ ея литературныхъ проявленіяхъ измѣнялась годъ за годомъ въ ея различныхъ направленіяхъ. При этомъ нужно обратить тщательное вниманіе на двѣ стороны движенія мысли: съ одной стороны, на тотъ логическій процессъ разума, который состоитъ въ смѣнѣ различныхъ міросозерцаній, зависящей отъ расширенія умственнаго горизонта обогащеніемъ его всякаго рода знаніями и изощренія мозга путемъ умственныхъ упражненій; съ другой стороны не менѣе важно обратить вниманіе и на дифференцированіе людей по различнымъ партіямъ и направленіямъ, совершающееся на почвѣ одного и того-же міросозерцанія вслѣдствіе вліяній различныхъ обстоятельствъ жизни. Я вовсе не имѣю въ виду утверждать, чтобы это были два различные процесса мысли; это больше ничего, какъ двѣ стороны одного процесса; онѣ очень тѣсно, неразрывно соединяются между собою, такъ что нѣтъ возможности строго разграничить одну отъ другой; но тѣмъ не менѣе, опускать совершенно изъ виду ихъ различіе и весь прогрессъ основывать на одной, какъ это часто дѣлается, значитъ не разъяснять факты движенія данной эпохи, а только затемнять ихъ и запутывать. Различіе этихъ двухъ сторонъ, какъ бы онѣ ни сплетались между собою въ ходѣ развитія, рѣзко бросается въ глаза тою уже своею противоположностью, что въ то время, какъ изъ одной стороны проистекаетъ стремленіе разума перерабатывать жизнь сообразно новыхъ пріобрѣтенныхъ имъ данныхъ, другая сторона, напротивъ, обусловливаетъ собою вліяніе жизни на разумъ, на тѣ или другія его направленія, успѣхи или отклоненія и искаженія.

При такомъ обзорѣ должна исчезнуть мнимая пропасть между сороковыми и шестидесятыми годами. Обѣ эти эпохи представятся намъ не двумя различными эпохами, а двумя противоположными полюсами одной эпохи непрерывнаго умственнаго движенія, начавшагося въ тридцатые годы и дошедшаго до своихъ результатовъ въ шестидесятые, и движеніе шестидесятыхъ годовъ окажется вовсе не случайнымъ вторженіемъ извнѣ идей и принциповъ, неожиданно увлекшихъ молодежь куда-то въ сторону, и не какимъ-либо чудеснымъ зарожденіемъ новаго вопреки всего стараго, словно изъ головы Юпитера, а послѣдовательнымъ и неизбѣжнымъ результатомъ умственнаго процесса, совершавшагося по своимъ непреложнымъ законамъ. Всякое умственное движеніе въ этомъ отношеніи можетъ быть сравнено съ прямолинейнымъ движеніемъ: исходя изъ одной точки и двигаясь по прямой линіи, тѣло необходимо должно перейти къ противоположному концу даннаго пространства. Точно также и умственное движеніе: въ сущности, прямая его безконечна, но останавливаясь на какой-либо эпохѣ, вы всегда встрѣтите позади ея міросозерцаніе противоположное, изъ котораго мысль, шагъ за шагомъ, пришла къ системѣ воззрѣній разсматриваемаго вами времени. Такъ, греческая философія, начавши съ грубаго эмпи-

ризма іонійской и элейской школъ, въ конечномъ результатѣ своемъ ударилась въ необузданный идеализмъ неоплатониковъ. Точно также, что общаго между идеями Лютера, Кальвина, Цвингли съ одной стороны, и Вольтера, Дидро, Гельвеція — съ другой? Еслибы эти люди могли встрѣтиться въ жизни, они навѣрное отшатнулись бы другъ отъ друга съ ужасомъ и отвращеніемъ, а между тѣмъ, философія XVIII вѣка была ни чѣмъ инымъ, какъ послѣдовательнымъ результатомъ умственнаго движенія, начавшагося въ Европѣ въ XV вѣкѣ провозглашеніемъ свободы совѣсти и критики въ вопросахъ вѣры. Точно также и многіе современные германскіе мыслители хотя и стоятъ на почвѣ совершенно противоположной, чѣмъ стояли Лессингъ, Кантъ, Фихте, Гегель, тѣмъ не менѣе, это не даетъ имъ никакого права выдѣлять себя изъ того круга умственнаго движенія, которое началось въ Германіи во второй половинѣ прошлаго вѣка.

Мнѣ кажется, что теперь уже время для подобнаго анализа, такъ-какъ не только сороковые годы, но и шестидесятые начинаютъ все болѣе и болѣе уходить въ глубь прошедшаго и образуется историческая перспектива, достаточная для обозрѣнія двухъ эпохъ въ ихъ переходѣ одна въ другую. Не имѣя претензіи вполнѣ удовлетворить этой задачѣ, что значило бы написать всестороннюю исторію нашей цивилизаціи за послѣднія пятьдесятъ лѣтъ, принявъ въ соображеніе не одни литературныя, но и всѣ прочія явленія общественной жизни этой эпохи въ различныхъ сферахъ, я намѣренъ ограничиться обзоромъ движенія нашей критики въ эпоху, начиная съ 1820 г. и кончая 1861-мъ, сгруппировавши этотъ обзоръ вокругъ представителей критики этой эпохи, начиная съ Полеваго и кончая Добролюбовымъ. Цѣль моего трактата — показать, какими путями развитіе нашей мысли отъ того состоянія, въ которомъ находилось въ эпоху „Телеграфа“, шагъ за шагомъ пришло къ идеямъ Добролюбова.

II.

Ложное пониманіе романтизма въ современной русской литературѣ и его причины. — Существенныя свойства романтическаго движенія въ Европѣ.—Его начало, движеніе, исходъ въ реализмъ и видоизмѣненія подъ вліяніемъ различныхъ общественныхъ обстоятельствъ.—Предѣлы романтической эпохи въ Россіи.

Тридцатые годы, считаются у насъ годами самаго крайняго развитія романтизма. Но что такое романтизмъ? Какое значеніе имѣлъ онъ въ Европѣ и у насъ? Какъ широка его сфера въ жизни, т.-е. ограничивается-ли онъ одною эстетическою теоріей, или, напротивъ того, обнимаетъ собою всѣ отношенія жизни? Гдѣ его начало и конецъ?

Надо замѣтить, что ни о какомъ предметѣ такъ много не говорили у насъ, какъ о романтизмѣ, начиная съ двадцатыхъ годовъ и до нашего времени, и ни о какомъ предметѣ не существуетъ такихъ смутныхъ, одностороннихъ и неопредѣленныхъ понятій, какъ объ этомъ сфинксѣ. Говорили, говорили и договорились до того, что слово „романтизмъ“, подобно другимъ, вновь изобрѣтеннымъ прозвищамъ, потеряло въ глазахъ многихъ нашихъ просвѣщенныхъ мыслителей всякое значеніе, какъ извѣстное міросозерцаніе или фаза развитія, и приняло безразличный тупой смыслъ оскорбительнаго прозвища, въ родѣ тѣхъ бранныхъ словъ, которыя, ничего въ сущности не выражая, придаются людямъ, которыхъ желаютъ унизить.

Такое низведеніе слова „романтизмъ“ до ругательнаго прозвища произошло изъ того, что романтизмъ отождествляютъ у насъ съ реакціей, застоемъ и представляютъ его не иначе, какъ въ видѣ мистическаго паренія въ заоблачныхъ сферахъ, соединеннаго съ полнѣйшимъ индифферентизмомъ относительно различныхъ реальныхъ потребностей и общественныхъ вопросовъ дня. Поэтому, сказать, что извѣстный писатель—романтикъ, это значитъ у насъ опредѣлить, что ему чуждо все современное; писателя-же, мало-мальски откликающагося на современные вопросы, непремѣнно тотчасъ же причисляютъ у насъ къ лику реальныхъ.

Частная причина такого плоскаго пониманія романтизма заключается въ томъ, что мы привыкли судить объ этомъ предметѣ по одной изъ вѣтвей нашего отечественнаго романтизма, преимущественно по тѣмъ выцвѣтшимъ, заплесневѣлымъ романтикамъ, остатки которыхъ встрѣчаются еще въ нашей жизни. Общая же причина заключается въ томъ, что понятіе это крайне сложное и многообъемлющее: это не какая-нибудь опредѣленная теорія, которую можно было бы формулировать въ нѣсколькихъ фразахъ; это не есть одна только литературная школа, вызванная реакціей противъ ложнаго классицизма, какъ опредѣляли романтизмъ прежде, какъ и нынѣ многіе смотрятъ на него по старой рутинѣ; не есть только политическая и умственная реакція, изнеможенное возвращеніе вспять къ среднимъ вѣкамъ, какъ, опять-таки, многіе стараются объяснить романтизмъ. Это есть цѣлое умственное движеніе европейскаго міра, развитіе, совершенно иное въ началѣ, иное въ серединѣ, иное въ своемъ исходѣ; оно представляетъ на своей почвѣ всевозможныя политическія доктрины отъ соціализма и демократизма до крайняго феодализма и ультрамонтанства, всевозможныя нравственныя теоріи отъ безусловнаго самоотверженія и посвященія личности обществу, до полнѣйшаго индифферентизма и эгоизма, нѣсколько литературныхъ школъ и философскихъ системъ. Въ средѣ романтиковъ вы встрѣтите людей, погибшихъ на баррикадахъ и выслужившихся при дворахъ, скептиковъ и энтузіастовъ вѣры, которые отправлялись въ качествѣ миссіонеровъ проповѣдывать христіанство дикарямъ, людей самой строгой, узкой морали и необузданнаго разврата. Хотите вы, напримѣръ, романтиковъ въ прогрессивномъ и даже революціонномъ духѣ—вотъ вамъ Шиллеръ, Байронъ, В. Гюго, Ж. Зандъ; хотите, напротивъ того, въ реакціонномъ—Шатобріанъ, Тикъ, Ламотъ-Фукэ, Вернеръ и пр.; хотите, напротивъ того, писателей чистаго искусства, безпристрастно объективныхъ, во всемъ умѣющихъ открывать свою художественную сторону—вотъ вамъ Гете.

Что же такого было общаго между всѣми образованными людьми отъ конца прошлаго вѣка и до сороковыхъ годовъ, а у насъ и позже, вслѣдствіе чего подъ

одну категорію подвели людей столь разнообразныхъ во всѣхъ отношеніяхъ? Для того, чтобы уяснить намъ романтическое движеніе во всей его сущности, слѣдуетъ обратить вниманіе на тотъ фактъ, что въ жизни европейскихъ обществъ нѣсколько разъ повторялись такого рода умственныя движенія, во время которыхъ мысль принимала направленіе не столько качественнаго развитія, сколько количественнаго распространенія въ массахъ. Рядъ новыхъ идей, выработанныхъ въ предшествующіе годы—въ тиши ученыхъ кабинетовъ, вдругъ вторгался въ жизнь съ неудержимою силой и потоплялъ цѣлыя страны и слои обществъ. Мыслители и ученые изъ скромныхъ и уединенныхъ разработывателей науки дѣлались пламенными энтузіастами и проповѣдниками; цѣлыя массы народа слѣпо шли за ними, но что составляетъ характеристическую черту подобныхъ движеній, весьма важную для объясненія романтизма—массы увлекались обыкновенно въ эпохи, подобныя XV или XVIII вѣкамъ, не столько логическою непреложностью проповѣдываемыхъ идей, сколько тою всеувлекающею страстью, съ какою онѣ проповѣдывались. Вслѣдствіе этого, идеи эти обыкновенно чѣмъ болѣе обогащались въ количественномъ отношеніи массой сочувствующихъ имъ людей, тѣмъ болѣе теряли въ качественномъ. Огромная масса людей, увлеченныхъ движеніемъ, оказывалась далеко умственно-неподготовленною къ воспринятію ихъ. И потому даже во время самаго сильнаго разгара движенія, только весьма ограниченный кругъ мыслителей вполнѣ ясно, глубоко и всесторонне понималъ то міросозерцаніе, которое стояло во главѣ движенія. Чѣмъ далѣе отходите вы отъ этого круга, тѣмъ болѣе поражаетъ васъ страшная путаница взглядовъ самыхъ разнокалиберныхъ. Естественно послѣ этого, что едва только движеніе теряло свой страстный характеръ, масса людей, неподготовленная къ воспринятію новаго міросозерцанія, быстро возвращалась къ тѣмъ взглядамъ, въ которыхъ коснѣла до начала движенія. Все движеніе представлялось какимъ-то страшнымъ сномъ, разсѣявшимся передъ дѣйствительностію, вѣяніемъ чаръ злыхъ волшебниковъ, гибельнымъ увлеченіемъ, избавившись отъ котораго, люди начинали ликовать и праздновать свое спасительное отрезвленіе.

Но неужели все движеніе и въ самомъ дѣлѣ было метеоромъ, мелькнувшимъ мгновенно и разсыпавшимся безъ слѣда, не оставивъ по себѣ даже осколковъ? Нѣтъ, движеніе совершало свое дѣло: оно не успѣвало, правда, сразу въ тысячахъ умовъ утвердить то міросозерцаніе, которое стояло во главѣ его, но, тѣмъ не менѣе, оно на столько возбуждало эти умы, что заснуть они уже не могли прежнимъ безмятежнымъ сномъ. Они, правда, ликовали свое возвращеніе къ прежнимъ дѣтскимъ взглядамъ, но они горько ошибались: совершенное возвращеніе для нихъ было уже невозможно. Они утрачивали уже ту безмятежную неподвижность, младенческую наивность и непосредственность, съ которыми прежде исповѣдывали свои взгляды. Они дѣлались полны тревоги и сомнѣнія, которое пробивалось наружу и заявляло себя, несмотря на все ихъ стараніе глядѣть на свои убѣжденія, какъ на рядъ непреложныхъ истинъ. Въ тоскѣ и уныніи перебирали они эти взгляды, всѣ силы напрягали, чтобы примирить ихъ съ новыми успѣхами мысли, но тщетно: разъ возбужденные и приведенные въ движеніе, они, вопреки своей воли, шли впередъ, шагъ за шагомъ, теорія за теоріей, все дальше и дальше отодвигались отъ точки, на которой прежде коснѣли, все болѣе приближались къ тѣмъ взглядамъ, которые отвергли съ ужасомъ, и раньше или позже, когда эти возбужденные умы самостоятельно совершали весь тотъ процесъ, который предшествовалъ возбудившему ихъ міросозерцанію, послѣднее снова торжествовало, но торжество его дѣлалось гораздо прочнѣе, шире и блистательнѣе: съ одной стороны, оно обогащалось многими новыми изысканіями, которыя были опущены изъ виду въ моментъ перваго увлеченія новыми идеями, и были пополнены потомъ во время переходнаго процеса, а вовторыхъ, оно считало въ своемъ лагерѣ не сотни умовъ съ шатающимися взглядами, а тысячи, вполнѣ усвоившія его.

Романтизмъ представляется намъ именно однимъ изъ такихъ переходныхъ процессовъ, возбужденныхъ движеніемъ, слишкомъ превзошедшимъ общій уровень развитія европейскихъ массъ. Извѣстно, что въ XVI и XVII вѣкахъ, если мысль развивалась и масса знаній увеличивалась, то происходило это изолированно отъ массъ, въ тиши кабинетовъ, въ тѣсныхъ кругахъ цеховыхъ ученыхъ и немногочисленныхъ любителей просвѣщенія. Беконъ, Спиноза, Декартъ, Толандъ, Локкъ, Бель, Юмъ и пр., словомъ, всѣ мыслители этой эпохи играютъ великую роль въ развитіи мысли исключительно почти въ качественномъ отношеніи: въ количественномъ-же дѣйствіе ихъ было весьма ограничено; они имѣли своихъ послѣдователей и поклонниковъ, но вліяніе ихъ и сравнить нельзя съ тою способностью приводить въ движеніе умы цѣлыхъ массъ, какою были одарены проповѣдники реформаціи или французскіе энциклопедисты XVIII вѣка.

Въ концѣ XVII и началѣ XVIII вѣка было, правда, въ Англіи много весьма просвѣщенныхъ людей, деистовъ и скептиковъ, освободившихся отъ средневѣковыхъ преданій, но это были отдѣльные, тѣсные кружки философствующихъ лордовъ, не одаренные особенною энергіей пропаганды. И только перейдя на французскую почву, идеи этихъ кружковъ начали проповѣдываться съ такимъ страстнымъ и всеувлекающимъ краснорѣчіемъ, что обратили вскорѣ вниманіе на себя всей Европы и произвели всеобщее движеніе умовъ. Но между тѣмъ, какъ идеи эти были плодомъ цѣлаго процеса мысли, непрерывно развивавшейся отъ XV вѣка и до XVIII, вы подумайте, въ какомъ положеніи находились умы европейскаго общества въ самыхъ даже просвѣщенныхъ сферахъ: они очень немного подвинулись отъ того состоянія, въ которомъ находились въ эпоху реформаціи. Находясь на чисто еще теологической почвѣ, они готовы были увлечься всякимъ сектаторскимъ движеніемъ, считая его послѣднимъ словомъ истины, что ясно показываютъ такія явленія, какъ янсенизмъ, массонство, дикій и мрачный мистицизмъ Лафатера, Пфеннингера и Юнга-Штиллинга. О послѣднемъ Шлоссеръ въ своей „Исторіи" говоритъ, что „жизнь и странствованія Штиллинга, особенно двѣ первыя части этого сочиненія, въ то безпокойное время составили эпоху и пріобрѣли себѣ совершенно

свой особенный кругъ читателей. Понятія автора были понятіями народа всѣхъ мѣстъ и провинцій Германіи. Для народа были слишкомъ высоки основатели новой литературы, или самая литература была для него слишкомъ свѣтскою, а понятія Юнга-Штиллинга были очень сродни ему; поэтому, Юнгъ-Штиллингъ пріобрѣлъ въ Германіи, какъ Пфеннингеръ въ Швейцаріи, гораздо болѣе вѣсу, чѣмъ сколько заслуживали ихъ знанія, способности и форма, которую они могли дать своимъ сочиненіямъ". Въ то время, какъ передовые дѣятели науки дѣлали славныя открытія въ астрономіи и химіи, люди, считавшіеся образованными, вѣрили въ магію, кабалистику, алхимію и астрологію. Личности въ родѣ Калліостро и Сенъ-Жермена окружались мистическимъ туманомъ и о нихъ ходили фантастическія легенды въ образованныхъ сферахъ общества. Естественно, что послѣ перваго увлеченія новыми проповѣдниками, надо было ждать, что мысль пойдетъ не тѣмъ путемъ, который пролагали мыслители XVIII вѣка, а тѣмъ, какой соотвѣтствовалъ состоянію умовъ большинства европейскаго общества, тѣмъ болѣе въ такихъ странахъ, какъ Германія или Италія, не просыпавшихся съ XV вѣка. Романтизмъ и былъ именно этимъ путемъ, которымъ пошла Европа, какъ только обаяніе французскихъ идей ослабло.

Начало романтическаго движенія является намъ повсюду именно въ видѣ стремленія освободиться отъ рабскаго подчиненія французской литературѣ, обособиться, завести свою собственную литературу, философію, науку, искусство. Вопросъ о народности является, поэтому, первымъ вопросомъ романтизма. Затѣмъ начинается удивительная амальгама свободныхъ идей XVIII вѣка со взглядами и представленіями, вынесенными изъ среднихъ вѣковъ, скептицизма и вѣры, стремленій основать свои сужденія на свободной критикѣ разума, но, вмѣсто этой критики—пугливаго успокоенія посредствомъ различныхъ сближеній и примиреній догматики съ фактами науки. Такимъ образомъ, мы видимъ въ романтическомъ движеніи мысль, находящуюся не въ застоѣ и неподвижности, а, напротивъ того, возбужденную, энергически работающую, смѣлую и гордую въ своихъ порывахъ, но которая въ то же время сама пугается своей собственной смѣлости, смѣется надъ прежнимъ безмятежнымъ младенчествомъ и въ то же время плачетъ о немъ, какъ объ утраченномъ раѣ, гордится своими успѣхами и видитъ въ нихъ источникъ всякаго зла на землѣ. Всѣ поэтическія произведенія, возникшія въ началѣ романтическаго движенія, отражаютъ въ себѣ эту раздвоенность. Что такое, напримѣръ, Фаустъ Гете? Это германскій ученый начала XVIII столѣтія, аскетъ, отрѣшенный отъ жизни, закупоренный въ стѣнахъ своего кабинета и тщетно старающійся постигнуть основы знаній посредствомъ своей средневѣковой схоластики и теологіи. Разочарованный въ своей наукѣ, въ отчаяньи онъ видитъ исходъ въ одной смерти. И въ самомъ дѣлѣ, что было дѣлать Германіи, какъ не умереть и нравственно, и физически, еслибы ей не представилось никакого исхода изъ того состоянія, въ которомъ она находилась въ началѣ XVIII вѣка? Но вотъ къ Фаусту является на выручку новое движеніе мысли, французская философія прошлаго вѣка, олицетворенная въ видѣ Мефистофеля. Замѣтьте при этомъ: обновляющее движеніе мысли представляется въ то же время въ видѣ злаго начала, ничего неспособнаго произвести съ христіанской точки зрѣнія, кромѣ зла и гибели: вотъ гдѣ романтизмъ во всей его сущности. И дѣйствительно, мы видимъ, что Мефистофель, съ одной стороны, обновляетъ жизнь Фауста, выводитъ его изъ душной кельи на веселый праздникъ жизни, но это обновленіе ничего не приноситъ, кромѣ зла и гибели людямъ въ родѣ Гретхенъ, въ которой олицетворено средневѣковое состояніе дѣтской непосредственности—ничего, кромѣ угрызеній совѣсти, стыда и новаго отчаянья самому Фаусту. Таковъ же передъ вами и байроновскій Манфредъ: высшую, сатанинскую гордость его составляетъ знаніе; въ знаніи онъ полагаетъ основаніе своего человѣческаго достоинства, и въ немъ же онъ видитъ главный источникъ всѣхъ своихъ страданій, мученій совѣсти, разочарованія и проклятія, тяготѣющаго надъ нимъ. Припомните сцену его встрѣчи съ горнымъ охотникомъ. Въ послѣднемъ олицетворена дѣтская непосредственность среднихъ вѣковъ, и совершенно вѣрно съ характеромъ романтизма Манфредъ видитъ въ этой жизни единственную возможность счастія на землѣ; онъ завидуетъ охотнику; но согласился-ли бы онъ промѣнять свою участь на его? О, нѣтъ, никогда! Манфредъ готовъ вынести лучше еще большія муки, чѣмъ вернуться къ жизни охотника. То же самое вы видите и во многихъ идеальныхъ герояхъ Шиллера: весь ихъ героизмъ, вся ихъ идеальность заключаются въ томъ, что они отрѣшаются отъ обыденной рутины жизни, но это именно и служитъ главною причиной ихъ гибели.

Я не думаю отрицать, чтобы люди никогда не гибли вслѣдствіе своихъ возвышенныхъ стремленій или оттого, что они, по своему развитію, становятся въ разрѣзъ съ окружающимъ ихъ зломъ и невѣжествомъ; но съ реальной точки зрѣнія, гибель эта представляется вовсе не какимъ-либо фатумомъ, необходимымъ удѣломъ всякаго мало-мальски выдающагося человѣка, его же не прейдеши. Мы видимъ не мало героевъ, возвышавшихся надъ міромъ своимъ геніемъ, ученостью, развитіемъ, принесшихъ человѣчеству громадную массу пользы, и это нисколько не помѣшало имъ умереть въ глубокой старости отъ какой-нибудь прозаической простуды безъ всякихъ возвышенныхъ, трагическихъ страданій. Мы можемъ найти и другихъ героевъ, умершихъ трагически, но трагическій конецъ которыхъ проистекъ вовсе не фатально изъ ихъ героизма, а отъ столкновенія различныхъ внѣшнихъ, часто совершенно случайныхъ причинъ, иногда даже вслѣдствіе предразсудковъ, которые они раздѣляли съ своими современниками. Но, съ точки зрѣнія романтизма, малѣйшее возвышеніе человѣка надъ тиной животнаго прозябанія, малѣйшее пробужденіе въ немъ мысли, чувства и человѣческаго достоинства — представлялось уже чѣмъ-то такимъ, удѣлъ чего страдать и гибнуть. Первоначально такое представленіе вытекало, какъ мы выше сказали, прямо изъ того впечатлѣнія, какое произвело на дѣтскіе умы движеніе мысли восемнадцатаго вѣка: движеніе это очаровало ихъ и въ то же время испугало своею смѣлостью. Это было явленіе, какое люди испытываютъ при всякой перемѣнѣ

въ области мысли или практической жизни: старое надоѣло, оно гнететъ и возбуждаетъ всеобщую ненависть, а новое съ одной стороны чаруетъ и влечетъ къ себѣ, съ другой же—кажется чѣмъ-то страшнымъ, преступнымъ и гибельнымъ. Но позже, когда европейскіе умы освобождаются отъ увлеченія скептическими идеями восемнадцатаго вѣка и становятся на самостоятельную почву развитія, то же самое представленіе о фатальной гибели идеальныхъ людей переносится на почву дуализма. Дуализмъ проходитъ сквозь все движеніе романтизма, вы встрѣтите его во всѣхъ философскихъ системахъ, начиная съ Канта и кончая Гегелемъ, и это очень естественно: дуализмъ былъ основой міросозерцанія среднихъ вѣковъ; и нѣтъ ничего мудренаго, что умы, пробужденные идеями XVIII вѣка, начали свое движеніе отъ той точки, на которой находились до этого времени. Средневѣковые аскеты дѣлили обыкновенно жизнь на матеріальную и духовную, при чемъ предполагали, что матеріальная жизнь можетъ принести человѣку всевозможныя блага и наслажденія, если человѣкъ ей предастся всецѣло; духовная же ничего не можетъ доставить человѣку, кромѣ униженій, страданій, иногда же и мучительной смерти; но за то матеріальная жизнь унижаетъ нравственное достоинство человѣка, духовная же возвышаетъ; первая ведетъ къ вѣчнымъ мученіямъ въ будущей жизни, послѣдняя—къ вѣчному блаженству. Подъ духовною же жизнью въ средніе вѣка подразумѣвали извѣстный циклъ догматическихъ добродѣтелей, при чемъ большая часть изъ нихъ заключалась въ подавленіи страстей и похотей, считавшихся злыми навожденіями матеріальной жизни. Но въ романтизмѣ рядомъ съ мыслью, неуспѣвшею еще отрѣшиться отъ средневѣковаго дуализма, мы видимъ въ то же время вѣяніе свободныхъ идей восемнадцатаго вѣка, поэтому дуализмъ съ почвы догматизма переносится на почву этихъ свободныхъ идей.

Вопреки средневѣковаго идеализма, заключавшагося въ подавленіи страстей, романтизмъ провозгласилъ полную и необузданную свободу ихъ; но не будучи въ силахъ отрѣшиться отъ дуализма, онъ тотчасъ-же раздѣлилъ людей на двѣ категоріи: на идеальныхъ людей, у которыхъ духовная природа преобладаетъ надъ матеріальною, и преобладаніе это выражается въ томъ, что люди эти обладаютъ сильными страстями и предаются имъ всецѣло, безъ размышленій и ничѣмъ не стѣсняясь, и людей грубаго матеріализма—людей толпы, жалкихъ посредственностей, или не обладающихъ сильными страстями, или подавляющихъ ихъ ради мелкихъ матеріальныхъ разсчетовъ. И опять-таки, совершенно согласно съ средневѣковымъ дуализмомъ—первый родъ людей романтизмъ обрекъ на страданія и трагическую гибель, а счастіе и довольство поставилъ удѣломъ грубой толпы. Затѣмъ, этотъ принципъ видоизмѣняется съ развитіемъ мысли и съ различными ея направленіями. На почвѣ исключительнаго поэтическаго движенія въ глухую эпоху реакціи идеальнымъ человѣкомъ является поэтъ, отличающійся отъ прозаической толпы даромъ божественнаго вдохновенія, которое доставляетъ поэту вмѣстѣ съ бездной райскихъ наслажденій, непонятныхъ толпѣ, безъисходныя страданія и гибель—удѣлъ всякаго поэта на землѣ. Въ эпоху увлеченія философскими теоріями идеальнымъ человѣкомъ, обреченнымъ страдать, терпѣть и не знать пріюта—является избранная натура, одаренная необъятною глубиной ума, развитаго философскимъ мышленіемъ, въ противоположность грубой толпѣ, счастливой своимъ невѣжествомъ. Наконецъ, на революціонной почвѣ романтизмъ раздѣлялъ человѣчество на избранныя натуры, неспособныя мириться съ неправдой и угнетеніями всякаго рода и вслѣдствіе этого обреченныя страданіямъ и гибели, и на презрѣнную толпу, не только будто-бы не страдающую отъ гнета, лежащаго на ней, но извлекающаго изъ него всевозможныя выгоды.

Близкимъ родственникомъ дуализма является индивидуализмъ, который преобладаетъ во всемъ романтическомъ движеніи и въ свою очередь имѣетъ двоякое происхожденіе: съ одной стороны, онъ выносится изъ среднихъ вѣковъ, въ основаніяхъ вѣрованій которыхъ стояло на первомъ планѣ ученіе о свободной волѣ человѣка и о зависимости настоящей и будущей жизни его отъ него самого; но даруя человѣку свободную волю, средніе вѣка налагали на него рядъ догматическихъ обязанностей, отъ которыхъ человѣкъ, хотя и былъ свободенъ отступить, но не иначе, какъ подъ страхомъ разныхъ наказаній: освободившись отъ средневѣковаго догматизма—романтизмъ расширилъ сферу индивидуализма, обративши ее въ необузданную анархію личности.

Отсюда проистекаетъ представленіе прогресса исключительно въ видѣ умственнаго и нравственнаго развитія отдѣльныхъ личностей. Романтизмъ предполагалъ, что масса дика, темна, матеріальна—не отъ чего иного, какъ оттого, что она состоитъ изъ милліоновъ посредственностей, неспособныхъ выбиться изъ грубаго матеріализма и невѣжества; а каждый отдѣльный индивидуумъ, мало-мальски одаренный недюжинными силами, среди какой-бы обстановки онъ ни родился, непремѣнно долженъ выбиться изъ своей среды, возвыситься надъ толпой, развиться и сдѣлаться героемъ. Отсюда и вытекаетъ взглядъ на прогрессъ, какъ на исключительную привилегію избранныхъ натуръ; по мнѣнію романтизма, всю всемірную исторію создаетъ рядъ геніевъ, ведущихъ за собою толпу; толпа поклоняется генію, бѣжитъ за нимъ, пользуется его дарами, нисколько въ то-же время не способная оцѣнить эти дары—и остается между тѣмъ все такою-же безсмысленною, слѣпою толпой, какою была она при Нинѣ и Семирамидѣ.

Далѣе затѣмъ, какъ на существенную принадлежность романтизма, мы должны обратить вниманіе на преобладаніе воображенія, созерцательности и аффекта надъ разсудочнымъ анализомъ. Это, опять-таки, вполнѣ соотвѣтствуетъ младенческому состоянію мысли, хотя и возбужденной, работающей, но не осилившей еще матеріала, надъ которымъ она трудится. Опытная наука третируется романтизмомъ, какъ нѣчто низшее, служебное, матеріально грубое и безсильное и смѣшивается съ эмпиризмомъ невѣжественныхъ массъ; выше-же всего ставится знаніе, непосредственно вытекающее изъ глубины духа, совершенно аналогичное съ средневѣковымъ откровеніемъ; въ силу этого на почвѣ романтизма возникаетъ рядъ фантастическихъ

философскихъ системъ, претендующихъ опредѣлить вселенную a priori во всей ея сущности. Вообще въ романтизмѣ мы видимъ не столько анализъ жизни, сколько созерцаніе ея, и притомъ романтизмъ любилъ созерцать жизнь не во всѣхъ ея проявленіяхъ, а останавливаться на такихъ явленіяхъ, которыя особенно поражали воображеніе или возбуждали чувствительность. Совершенно ложно поэтому думать, что романтизмъ любилъ одни только средніе вѣка съ рыцарями, замками и мертвецами, бродящими въ развалинахъ. Онъ бралъ предметы для своего созерцанія изо всѣхъ эпохъ и мѣстностей, гдѣ только онъ могъ найти что-либо потрясающее и раздирательное: любилъ онъ созерцать и древніе вѣка съ ихъ трагическими героями, тріумфами и языческими вакханаліями, и Востокъ съ его пестрою роскошью, фатализмомъ и фантастичностью арабскихъ сказокъ, любилъ, вмѣстѣ съ Шатобріаномъ и Куперомъ, дѣвственныя пустыни Америки съ ихъ величественною природою и кровожадными дикарями, и альпійскіе ледники съ ихъ пропастями и кипучими ручьями, и дикія вершины Кавказа. Ставя въ жизни на первый планъ избранныя натуры съ недюжинными силами, романтизмъ не всегда ограничивался однѣми идеально-прогрессивными личностями, очень часто онъ восторгался проявленіемъ всякой силы, выходящей изъ уровня и поражающей воображеніе, хотя-бы сила эта имѣла въ жизни значеніе чисто отрицательное; поэтому, романтизмъ возводилъ въ идеалъ нерѣдко негодяевъ, злодѣевъ и извергов всякаго рода и любовался ими.

Въ тѣсной связи съ преобладаніемъ фантазіи въ мышленіи стоитъ наклонность къ мистицизму, которая составляетъ, опять-таки, одинъ изъ существенныхъ признаковъ романтизма.

Всѣ вышеупомянутые признаки — раціонализмъ, дуализмъ, индивидуализмъ, преобладаніе воображенія и аффекта въ мышленіи, наклонность къ мистицизму и составляютъ именно существенный характеръ эпохи романтизма, то общее, что послужило къ соединенію подъ одну рубрику людей, значительно отличавшихся другъ отъ друга по своимъ политическимъ, моральнымъ и литературнымъ взглядамъ. Мы далеки отъ того, чтобы сказать, что всѣ эти признаки входятъ всецѣло въ каждое явленіе на почвѣ романтизма. Тѣмъ не менѣе, возьмите любое явленіе этой эпохи (не исключая даже различныхъ теорій соціализма, возникшихъ въ то время, въ особенности теорій Сенъ-Симона и Фурье)—въ каждомъ вы найдете преобладаніе одного или другого изъ вышеприведенныхъ признаковъ. Здѣсь изъ области общности, связывающей въ одну эпоху цѣлый рядъ разнородныхъ явленій, мы входимъ въ область частностей, заключающихся въ этой общности. Частности эти, т.-е. разнообразіе формъ и видоизмѣненій романтизма, зависятъ съ одной стороны отъ того, что романтизмъ не былъ опредѣленною, замкнутою въ себѣ теоріей, а представлялъ развитіе, измѣненіе европейской мысли; съ другой стороны, романтизмъ обнималъ въ своемъ движеніи различныя страны и слои европейскихъ обществъ и видоизмѣнялся сообразно съ тѣми или другими условіями жизни.

Именно вслѣдствіе того, что романтизмъ не былъ замкнутою въ себѣ теоріей, а былъ движеніемъ, чрезвычайно трудно опредѣлить его начало, развитіе и исходъ. Съ одной стороны онъ уходитъ въ глубь XVIII вѣка, гдѣ безраздѣльно сливается съ возбужденіемъ европейской мысли въ эпоху энциклопедистовъ. Но, какъ движеніе мысли отъ средневѣковаго міросозерцанія, романтизмъ уходитъ и далѣе, сливаясь съ средними вѣками, что и подало поводъ писателямъ романтической эпохи глядѣть на романтизмъ, какъ на такое общечеловѣческое міросозерцаніе, начало котораго относится къ первымъ вѣкамъ христіанства и которое составляетъ существенное отличіе ново-европейской цивилизаціи отъ классическаго міра. Поэтому, на всю средневѣковую литературу Европы смотрѣли, какъ на романтическую, а въ современномъ движеніи литературы видѣли возрожденіе средневѣковаго романтизма; наконецъ, окрестили всю эпоху именемъ романтизма, происшедшимъ, какъ всѣмъ извѣстно, отъ преобладанія въ средніе вѣка въ Европѣ романской или провансальской поэзіи. Съ своей точки зрѣнія, романтики были правы: судя по тѣмъ основнымъ признакамъ, которыми мы выше охарактеризовали романтизмъ, дѣйствительно, въ средневѣковыхъ формахъ мышленія можно найти много общихъ признаковъ съ формами мышленія и поэзіи эпохи новаго романтизма. Но романтики опустили при этомъ то существенное, радикальное отличіе средневѣковаго романтизма отъ новаго, что первый былъ эпохой возникновенія и утвержденія тѣхъ самыхъ формъ мышленія, съ которыхъ послѣдній началъ и представилъ собою совершенно напротивъ эпоху паденія ихъ, исхода изъ нихъ европейской мысли.

Не менѣе трудно опредѣлить всѣ фазы развитія романтизма, строго отдѣливши то, что было органическимъ и послѣдовательнымъ развитіемъ, отъ различныхъ колебаній и видоизмѣненій мысли вслѣдствіе внѣшнихъ вліяній. Мы можемъ только сказать, что существенный характеръ развитія заключался въ томъ, что мысль, по мѣрѣ накопленія знаній, становилась болѣе и болѣе на почву индукціи и, вмѣстѣ съ тѣмъ, сами собою парализовались всѣ тѣ признаки, которыми мы выше охарактеризовали романтизмъ. Вмѣсто метафизики, которую романтизмъ поставилъ въ оппозицію скептическому матеріализму энциклопедистовъ, возникъ впослѣдствіи позитивизмъ. Вмѣсто дуализма, является идея о единствѣ мірозданія и школа Гегеля представляетъ переходъ къ этой идеѣ: не въ силахъ избавиться вполнѣ отъ дуализма и представляя матерію, все-таки, не чѣмъ инымъ, какъ самоопредѣленіемъ духа путемъ противоположенія своему духовному бытію бытія матеріальнаго, гегелевская философія кладетъ, однакоже, основаніе идеѣ о единствѣ вселенной, представляя ее развитіемъ одного абсолюта. Далѣе на мѣсто индивидуализма является поставленіе умственнаго и нравственнаго развитія личности въ тѣсную и неразрывную связь съ развитіемъ всей общественной среды.

Но, опять-таки, опредѣлить точно границу исхода романтизма и сказать, что вотъ до сихъ поръ господствовалъ романтизмъ, а съ сихъ поръ начинается реализмъ, такъ-же невозможно, какъ и опредѣленіе начала романтизма. Позднѣйшіе романтики западной

Европы, напримѣръ, французскіе беллетристы тридцатыхъ годовъ или современные германскіе, стоятъ уже во многихъ отношеніяхъ на реальной почвѣ. Вы замѣчаете въ нихъ стремленіе анализировать жизнь на основаніи опыта и наблюденія и принятіе въ соображеніе вліянія на личность общественныхъ условій; но рядомъ съ этимъ вы видите въ ихъ произведеніяхъ, по прежнему, очень часто преобладаніе такихъ эффектовъ, которые служатъ не для чего иного, какъ для потрясенія нервовъ; по прежнему являются у нихъ иногда герои, ихъ-же удѣлъ гибнуть, потому что они возвышаются надъ пошлою толпой. Викторъ Гюго и до сихъ поръ не можетъ обойтись безъ того, если можно выразиться, изступленія фантазіи, какую вы встрѣчаете во многихъ мѣстахъ его послѣдняго романа „L'homme qui rit", безъ тѣхъ чудовищныхъ героевъ, какіе являются во всѣхъ его романахъ. Жоржъ Зандъ тѣмъ и отличается отъ позднѣйшихъ приверженцевъ женской эмансипаціи, что въ то время, какъ послѣдніе ставятъ женскій вопросъ на общественную почву расширенія гражданскихъ и политическихъ правъ женщинъ и обезпеченія ихъ самостоятельности путемъ организаціи женскаго труда — Жоржъ Зандъ обращаетъ главное вниманіе на чисто индивидуальную сторону свободы страстей отъ гнета предразсудковъ; это именно и есть тотъ вопросъ, съ котораго началъ романтизмъ свое движеніе подъ вліяніемъ скептическихъ идей XVIII вѣка. У нѣмецкихъ беллетристовъ нынѣшняго времени, въ свою очередь, вы найдете обильные остатки романтизма, что — замѣчаю для моихъ читателей, предубѣжденныхъ противъ романтизма — нисколько не уменьшаетъ многихъ достоинствъ ихъ произведеній, подобно тому, какъ романтизмъ нисколько не мѣшаетъ быть великими писателями Гете или Байрону. Но представить себѣ точно и опредѣленно границу между романтизмомъ и реализмомъ становится еще труднѣе, если мы возьмемъ въ соображеніе, что вся современная намъ цивилизація обнимаетъ собою весьма незначительное меньшинство народонаселенія Европы. Огромныя массы еще и не начинали своего развитія — и можно предположить съ большою достовѣрностью, что стоитъ только случиться большому приливу въ русло умственнаго движенія свѣжихъ и нетронутыхъ еще силъ, нѣтъ ничего мудренаго, что снова на первый планъ встанутъ тѣ переходные процессы мысли, которые будутъ имѣть, можетъ быть, иныя формы, иныя названія, но, тѣмъ не менѣе, будутъ во многомъ соотвѣтствовать тому, что мы называемъ романтизмомъ.

Что-же касается вліянія тѣхъ или другихъ общественныхъ условій на характеръ романтическаго движенія, то въ этомъ отношеніи романтизмъ представляетъ еще болѣе видовъ и развѣтвленій, чѣмъ въ своемъ логическомъ процессѣ. Можно положительно сказать, что каждая страна Европы и каждый слой общества въ той или другой странѣ имѣли свой собственный романтизмъ. Возьмите, напримѣръ, Германію, разобщенную на мелкія деспотическія, феодальныя государства, чуждую всякихъ общественныхъ интересовъ, которые двигали бы массами. При всеобщемъ застоѣ патріархальныхъ нравовъ и понятій, вся умственная жизнь этой страны сосредоточивалась въ университетскихъ городахъ, и эта умственная жизнь вмѣсто того, чтобы входить въ общественныя отношенія и анализировать ихъ, напротивъ того, старалась отрѣшиться отъ всего окружающаго въ отвлеченныя сферы космическаго созерцанія. Люди искали въ наукѣ или искусствѣ забвенія отъ окружающаго ихъ омута жизни. При такихъ условіяхъ естественно, что романтизмъ принялъ въ Германіи характеръ отвлеченно-мистическій, туманный, стремящійся покинуть тлѣнный міръ со всѣми его сквернами, унестись въ неопредѣленную даль и разлиться тамъ въ безпредѣльности вселенной. Совершенно иной характеръ имѣлъ романтизмъ въ Англіи, гдѣ, рядомъ съ широкимъ развитіемъ политическихъ и гражданскихъ правъ общества, господствовалъ аристократическій строй съ его вѣковыми, освященными древностью преданіями и цѣлымъ кругомъ условныхъ, чопорныхъ понятій узкой морали, обычаевъ и приличій, стѣснявшихъ и порабощавшихъ личность. Здѣсь романтизмъ имѣлъ постоянно общественный, политическій характеръ, развѣтвляясь на двѣ вѣтви: съ одной стороны, онъ представлялъ апоѳеозъ феодализма и аристократіи въ романахъ В. Скота; съ другой — подъ перомъ Байрона онъ выразилъ энергическій, пламенный протестъ личности противъ гнета узкой морали, обычаевъ и приличій. Во Франціи, въ которой общественные интересы тоже стояли на первомъ планѣ, романтизмъ имѣлъ характеръ или ультрамонтанства и феодализма, какими представляются намъ произведенія Шатобріана, или, напротивъ того — въ немъ выразился протестъ личности противъ всякаго рода угнетенія, какими и являются произведенія В. Гюго и Ж. Занда.

Въ заключеніе мы должны обратить вниманіе и на то, что романтизмъ носилъ иной характеръ въ сытыхъ и праздныхъ классахъ общества, иной въ средѣ трудящихся и голодныхъ. Въ однихъ слояхъ онъ принималъ характеръ праздной созерцательности, маниловской мечтательности, утонченнаго эпикуреизма, эстетическихъ наслажденій, разъѣдающей рефлексіи или безшабашнаго оправданія необузданнаго разврата принципомъ свободы личности. Въ другихъ-же слояхъ, напротивъ того, онъ носилъ характеръ мрачнаго аскетизма, добровольнаго нищенства и отрѣшенія отъ своей личности во имя идеальныхъ стремленій.

Я прошу у читателей извиненія, что мнѣ пришлось слишкомъ много распространяться о романтизмѣ и развить при этомъ рядъ идей элементарныхъ и, конечно, извѣстныхъ каждому маломальски образованному человѣку. Я полагаю, что повтореніе этихъ идей дѣло нелишнее, если взять во вниманіе, какія смутныя, неопредѣленныя и поверхностныя мнѣнія ходятъ у насъ о различныхъ литературныхъ школахъ и направленіяхъ. Мы до сихъ поръ еще не можемъ усвоить себѣ того истиннаго анализа, который разбираетъ явленія по ихъ существеннымъ признакамъ и помнитъ при этомъ, что онъ имѣетъ дѣло не съ кучей хлама, состоящаго изъ разнородныхъ предметовъ безъ всякой между собою связи, а съ органическими явленіями, вліяющими другъ на друга и незамѣтно переходящими одно въ другое. Мы привыкли судить о предметахъ, подводя ихъ подъ узкія рубрики по внѣшнимъ, случайнымъ признакамъ, и совершенно успо-

коиваемся, думая, что вполнѣ отличили Ивана отъ Петра, замѣтивши, что у Ивана носъ кверху, а у Петра книзу. Такъ поступаемъ мы во всемъ, между прочимъ и въ нашихъ сужденіяхъ объ отечественной литературѣ. Когда-то въ школѣ насъ учили, что русская литература пережила слѣдующія видоизмѣненія: сначала господствовалъ у насъ ложный классицизмъ, представителями котораго были Кантемиръ, Ломоносовъ, Сумароковъ и Державинъ; затѣмъ Карамзинъ ввелъ сентиментальное направленіе; потомъ явился Жуковскій и подарилъ намъ романтизмъ; затѣмъ Пушкинъ и впослѣдствіи Лермонтовъ подражали Байрону; съ Гоголя-же и Бѣлинскаго литература приняла реальное направленіе и съ тѣхъ поръ мы всѣ истые реалисты. Но какое значеніе имѣла эта смѣна направленій, почему шла она такъ, а не иначе, не наоборотъ, отъ реализма къ классицизму—объ этомъ мы не отдаемъ себѣ никакого отчета. Для насъ достаточно, что существуютъ эти рубрики и что очень легко сортировать и подводить подъ нихъ что угодно. Гончаровъ никогда не писалъ ни балладъ, ни поэмъ въ духѣ Жуковскаго, а писалъ романы, въ которыхъ изображалъ окружащую его жизнь—какой-же онъ романтикъ? Очевидно, реалистъ школы Гоголя. Жуковскій не написалъ ни одной оды или трагедіи по піитикѣ Буало—очевидно, онъ не ложный классикъ, а романтикъ и т. д. Имѣя въ виду такого рода умозаключенія, я и почелъ необходимымъ представить характеристику переходной эпохи первой половины нынѣшняго столѣтія по существеннымъ ея признакамъ для того, чтобы очистить поле для анализа литературныхъ явленій нашей жизни въ эту эпоху отъ всѣхъ внѣшнихъ и условныхъ рубрикъ, утвержденныхъ рутиной. Принявши во вниманіе эту характеристику, читатели не будутъ удивлены, если первый толчокъ къ романтическому движенію въ Россіи мы увидимъ не со стороны Жуковскаго, а въ эпоху царствованія Екатерины; если, затѣмъ, полное развитіе романтизма окажется именно въ сороковые годы, въ эпоху Гоголя и Бѣлинскаго; исходъ-же романтизма, мы увидимъ не въ прекращеніи „Телеграфа“ Полеваго или смерти Лермонтова, а развѣ что въ умственномъ движеніи нашего времени; да и то далеко еще нельзя сказать, чтобы романтизмъ кончился и былъ явленіемъ историческимъ и давно отжившимъ.

III.

Характеристика нашего общества при вступленіи на престолъ Екатерины.—Жалкое значеніе литературы въ то время.—Начало умственнаго броженія подъ вліяніемъ энциклопедистовъ.—Скептики и мистики.—Необходимость различать умственное движеніе въ отдѣльныхъ кружкахъ отъ движенія всего общества.—Идеи Карамзина, какъ первые задатки романтизма.—Значеніе Жуковскаго въ романтическомъ движеніи.—Романтическій идеалъ во второй періодъ царствованія Александра I, его отношеніе къ общественному быту и вліяніе на жизнь и литературу.

Въ половинѣ XVIII вѣка, когда идеи французскихъ энциклопедистовъ, пронесшись черезъ всю Европу, отозвались и у насъ, общество наше, какъ по складу жизни, такъ и по своему міросозерцанію, было еще въ большей степени средневѣковымъ, чѣмъ въ Германіи. Послѣдняя, все-таки, успѣла пережить сильное умственное броженіе въ эпоху реформаціи; въ Германіи было множество школъ и университетовъ, своя наука, философія, литература, и хотя умы были подавлены узкими, тѣсными рамками схоластики и теологіи, но, все-таки, они работали и двигались въ этихъ рамкахъ; наконецъ, какъ ни тяжелъ былъ гнетъ устарѣлыхъ феодальныхъ формъ быта, онъ былъ ничто передъ тѣмъ чисто азіятскимъ строемъ, который господствовалъ въ Россіи до воцаренія Екатерины. Это была эпоха поголовнаго рабства, во время которой никто не былъ обезпеченъ ни за свою жизнь, ни за свою спину, ни за свое имущество, начиная отъ крестьянина и до любаго временщика, рѣшавшаго судьбы массъ. Это было общество грубое до звѣрства, суевѣрное до крайняго фетишизма. Въ этомъ обществѣ не было ни малѣйшаго понятія о чувствѣ человѣческаго достоинства, чести и нравственной независимости; напротивъ того, робкая приниженность, грубая лесть и прихлебательство считались лучшими достоинствами человѣка, признаками ума и практичности, въ то время, какъ звѣрская жестокость съ низшими считалась признакомъ характера и внушала глубокое уваженіе. Если хотите, то и въ этомъ обществѣ былъ свой прогрессъ, состоявшій въ томъ, что полудикіе люди перенимали внѣшнія формы европейскаго общежитія, обзаводились европейскою мебелью и домами на европейскій манеръ, слѣдили за измѣненіемъ парижскихъ модъ и старались устроить нѣчто подобное европейскимъ развлеченіямъ и удовольствіямъ. Въ этомъ отношеніи общество дѣлилось на два слоя: на массу консерваторовъ, которые всю свою нравственность видѣли въ строгомъ и суровомъ соблюденіи мрачныхъ и узкихъ дѣдовскихъ обычаевъ и нравовъ въ духѣ Домостроя, и на прогресистовъ, которые, напротивъ того, не хотѣли знать никакихъ нравственныхъ правилъ, видѣли въ этомъ особенный шикъ и, подражая обычаямъ высшаго парижскаго общества, представляли картину нравовъ, далеко превосходившую своею чудовищною распущенностью парижское общество того времени, потому что здѣсь развратъ не былъ облеченъ въ тѣ утонченно-изящныя и игривыя формы, какъ это было въ Версалѣ, а напротивъ того, это былъ голый, наглый и звѣрскій развратъ варваровъ, соединенный съ циническимъ разгуломъ самаго грязнаго свойства и безчеловѣчіемъ, которому ничего не стоило допаивать до смерти какихъ-нибудь безобразныхъ шутовъ и скомороховъ или превращать живыхъ людей въ ледяныя статуи. Средоточіемъ подобнаго прогресса былъ юный, только-что обстроивавшійся Петербургъ; средоточіемъ-же консерватизма въ духѣ Домостроя и тогда уже была Москва; и это очень естественно: въ Москвѣ остались всѣ, которые не пошли за Петромъ въ Питеръ и не увѣровали въ его реформы; въ Москву-же удалялись постоянно всѣ недовольные и опальные. Конечно, нечего и говорить о томъ, чтобы въ подобномъ обществѣ могла существовать какая-нибудь литература. Какъ? А Кантемиръ, Ломоносовъ, Тредьяковскій, Сумароковъ?.. Но развѣ это была литература? Развѣ можно назвать такимъ именемъ тотъ фактъ, что въ Россіи, въ первой половинѣ XVIII вѣка, было

четыре человѣка, развившихъ въ себѣ вкусъ къ риѳмоплетству и сочинявшихъ весьма нескладныя вирши, надписи къ иллюминаціямъ, высокопарныя оды, читавшіяся двумъ-тремъ вельможамъ, у которыхъ эти люди удостоивались иногда отобѣдать, или ставившіе на сцену надутыя, уродливыя трагедіи, которыя если-бы и совсѣмъ не являлись на сцену, то публика рѣшительно не замѣтила бы этого, вполнѣ довольствуясь доморощенными мистеріями, въ родѣ „О мстѣ въ будущей жизни“ или „Воскресеніе мертвыхъ“ и т. п. Въ массѣ общества рѣдко кто даже и зналъ о существованіи этихъ людей; изрѣдка долетала въ какой-нибудь городъ громкая ода „На побѣду“, и грамотные люди читали ее, не отдавая себѣ отчета въ томъ, была-ли эта ода добровольнымъ выраженіемъ восторга піиты, или-же піита написалъ ее по приказанію начальства, и ода представляла изъ себя не что иное, какъ стихотворную реляцію. А если кто и зналъ о существованіи этихъ людей и что они такое, то одни смотрѣли на нихъ съ презрѣніемъ, смѣшивая ихъ съ шутами и скоморохами, другіе-же, напротивъ того, завидовали имъ, видя въ ихъ занятіи лестную и рѣдко для кого доступную возможность при маленькомъ чинѣ вертѣться при дворѣ, въ знатныхъ домахъ, а при умѣньѣ— устроиться или, по крайней-мѣрѣ, снискать милостивую подачку. Сами-же по себѣ эти піиты, если сдѣлали какую-нибудь услугу для будущаго существованія литературы, то развѣ только ту, что своими опытами и упражненіями хоть немного обработали языкъ и сдѣлали его годнымъ для литературнаго изложенія мыслей, превышающихъ обыденный уровень понятій. Въ этомъ отношеніи труды ихъ имѣютъ такое-же значеніе, какое въ жизни отдѣльнаго человѣка представляютъ классныя упражненія. Единственнымъ русскимъ человѣкомъ, стоявшимъ выше всѣхъ головой, по своему образованію и учености, былъ Ломоносовъ. Но главная заслуга, которою болѣе всего обязана ему Россія, заключалась не столько въ его литературныхъ трудахъ, сколько въ лекціяхъ, которыя онъ читалъ въ академіи, да въ кабинетныхъ бесѣдахъ съ разными вельможами-благодѣтелями, которыхъ Ломоносовъ постоянно побуждалъ заботиться о распространеніи просвѣщенія въ Россіи и, наконецъ, договорился до учрежденія перваго въ Россіи университета.

И такова была сила гуманныхъ идей XVIII вѣка, что онѣ могли проникнуть даже въ этотъ полудикій, полуазіятскій міръ, въ страну, гдѣ не существовало почти ни школъ, ни науки, ни литературы, ни читающей публики, и мало того, что проникнуть, но возбудить первое умственное броженіе, которое съ тѣхъ поръ не прерывалось.

Правда, что наши первые скептики и вольтеріанцы были не что иное, какъ поверхностные диллетанты. Идеи, которыя они воспринимали, читая Монтескьё, Вольтера и Руссо, не особенно глубоко проникали въ нихъ. Они не дѣлались особенно ревностными и неумолимыми пропагандистами этихъ идей; напротивъ того, ихъ умственные интересы имѣли характеръ свѣтскихъ забавъ, блеска остроумія, ироніи и суетнаго тщеславія. Въ то-же самое время вся жизнь ихъ радикально противорѣчила идеямъ, вычитываемымъ ими изъ любимыхъ книжекъ, жизнь, полная ослѣпительной полуазіятской роскоши, ложившейся тяжелымъ гнетомъ на народныя массы, узкаго своекорыстія, рабской приниженности передъ высшими и барской надменности съ низшими; наконецъ, жизнь, преисполненная крѣпостныхъ принциповъ, которые, вопреки всякимъ гуманнымъ идеямъ, не только не падали, а напротивъ того, еще больше развивались и утверждались. Не говоря уже о противорѣчіи мысли и жизни, въ самомъ умственномъ мірѣ этихъ людей новые идеи и взгляды свободно уживались съ дикими предразсудками и суевѣріями. Все это было весьма естественно, если мы примемъ въ соображеніе полное отсутствіе всякой умственной подготовки въ нашемъ обществѣ того времени для воспринятія какихъ-бы то ни было идей. Подумаемъ только о томъ, что наши просвѣщенные люди того времени принимались за чтеніе Вольтера и Руссо прямо съ какого-нибудь часослова или четьи-миней. Одинъ изъ лучшихъ писателей того времени, Фонъ-Визинъ, кончилъ курсъ училища, не вынеся даже такого элементарнаго знанія—куда течетъ Волга. Могли-ли нѣсколько гуманныхъ и скептическихъ формулъ, неподкрѣпленныхъ въ темныхъ головахъ нашихъ дѣдовъ никакими знаніями, перевернуть разомъ нравы, привычки, убѣжденія и взгляды, утвержденные цѣлыми вѣками? И потому, говоря объ умственномъ броженіи, возбужденномъ у насъ въ XVIII вѣкѣ, мы должны принимать это броженіе не въ томъ смыслѣ, чтобы появилось нѣсколько людей, глубоко усвоившихъ и проникнувшихся гуманными идеями XVIII вѣка, они начали ревностно проповѣдывать эти идеи, число ихъ послѣдователей стало возростать и т. д. Ничего этого не было: и люди, читавшіе французскихъ энциклопедистовъ, и люди, переводившіе ихъ на русскій языкъ, очень смутно понимали тѣ книги, какія были въ ихъ рукахъ, очень часто въ концѣ-концовъ пугались ихъ и добродушно каялись въ увлеченіи ими, какъ въ смертномъ грѣхѣ. Но, тѣмъ не менѣе, умственное движеніе было возбуждено въ томъ смыслѣ, что въ образованнѣйшихъ людяхъ того времени, какъ ни мало ихъ было, возникла идея, что, кромѣ собственнаго семейнаго мірка, существуетъ отечество и общество, которымъ обязанъ человѣкъ служить и приносить пользу, что, кромѣ однѣхъ матеріальныхъ заботъ и развлеченій, существуютъ умственные и нравственные интересы и наслажденія. Возникаетъ цѣлый рядъ учрежденій въ духѣ гуманныхъ идей XVIII вѣка; устроиваются училища, школы, заводятся типографіи и книжныя лавки. Является сатира, бичующая свѣтскую пустоту, какъ отсутствіе умственныхъ и нравственныхъ интересовъ, невѣжество, взяточничество и жестокое обхожденіе помѣщиковъ съ крестьянами. Наконецъ, что всего важнѣе, возникаетъ какое-то слабое подобіе борьбы различныхъ направленій мысли. Здѣсь опять выступаетъ на сцену различіе въ духѣ и направленіи мысли между Москвой и Петербургомъ. Въ то время, какъ въ Петербургѣ, при дворѣ и въ высшемъ обществѣ, зачитываются французскихъ энциклопедистовъ и видятъ въ нихъ послѣднее слово философіи и науки, въ Москвѣ сосредоточивается оппозиція противъ этого увлеченія французскими идеями. Какъ прежде староверческая, консервативная Москва, преисполненная воспоминаній прошлаго на каждомъ

своемъ углѣ и перекресткѣ, крамольничала противъ Петербурга, негодуя на его заморскія нововведенія и нравственную распущенность, такъ и теперь таже Москва возстала и противъ умственнаго движенія, возникшаго подъ вліяніемъ Запада. Эта оппозиція приняла форму массонства; но хотя форма эта была заимствована, въ свою очередь, съ Запада, содержаніе, скрывавшееся подъ нею, было чисто русское, какъ нельзя болѣе соотвѣтствующее общему уровню развитія общества: въ томъ, что проповѣдывалъ Новиковъ и друзья его, выразилось вполнѣ то схоластическое, средневѣковое міросозерцаніе, которое принадлежало большинству образованныхъ людей того времени. Это міросозерцаніе, чисто заиконоспасское, если можно такъ выразиться, отвергало не однѣ только скептическія идеи, которыя естественно могли ужасать его дерзкимъ и разрушительнымъ отношеніемъ къ различнымъ его заповѣднымъ предметамъ; съ одинаковымъ недовѣріемъ невѣжества отнеслось оно и къ такимъ отраслямъ знанія, которыя въ Европѣ въ то время давно уже не только получили право гражданства, но вошли въ составъ элементарныхъ свѣдѣній, обязательныхъ для всякаго мало-мальски образованнаго человѣка. Вотъ что писалъ, напримѣръ, Новиковъ, въ 1814 году, въ одномъ изъ своихъ писемъ Карамзину по поводу успѣховъ, которыхъ достигло въ то время естествознаніе:

«Съ позволенія нашихъ почтенныхъ астрономовъ, они изволятъ бредить, находя болѣе семи планетъ, находя и видя неподвижныя звѣзды, и жалуя ихъ въ солнцы. Ни больше, ни меньше семи планетъ быть не можетъ, понеже Богъ ихъ сотворилъ только семь и наполнилъ ихъ силами, каждой приличными. Неподвижныхъ звѣздъ быть не можетъ, ибо неоспоримая истина: что не имѣетъ движенія, то мертво, понеже жизнь есть движеніе. Они пожаловали и самое солнце въ счастливѣйшую планету бездѣйственную, ибо, что не имѣетъ движенія, то не имѣетъ и дѣйствія... Нынѣшніе физики, не довольствуясь четырьмя стихіями, которыхъ Богъ сотворилъ четыре только, а не болѣе, совсѣмъ ихъ разжаловали изъ стихій за то только, что, по ихъ высокой наукѣ, что можетъ дѣлиться, то не есть стихія. Какая слѣпота и какое нищенское понятіе о стихіяхъ! Однако, они наградили насъ почти сотнею стихій. Химики все прежнее отбросили и надѣлили насъ пустыми газами, т.-е. пустыми словами, неимѣющими ни значенія, ни силы. И кто можетъ всѣ ихъ бредни исчислить? не письмами, но фоліантами развѣ можно описать оныя».

Не забудьте, что такія удивительныя вещи высказывалъ не болѣе, какъ 56 лѣтъ тому назадъ, Новиковъ, человѣкъ, стоявшій во главѣ дѣятелей мысли временъ Екатерины. Вы подумайте послѣ того, каковъ-же былъ уровень умственнаго развитія въ массахъ обыкновенныхъ людей, стоявшихъ ниже Новикова и по уму, и по нравственной энергіи, и по образованію. Замѣчателенъ здѣсь также и тотъ фактъ, что такое гоненіе на элементарные факты знанія, преподающіеся нынѣ гимназистамъ первыхъ трехъ классовъ гимназій, высказывалъ не какой-нибудь извращенный врагъ прогресса, видящій единственное спасеніе въ невѣжествѣ и застоѣ, а напротивъ того, человѣкъ, всю свою жизнь посвятившій развитію просвѣщенія въ своемъ отечествѣ, издававшій съ этою цѣлію сатирическіе журналы, сборники историческихъ памятниковъ до-петровской Россіи, стоявшій во главѣ общества, главнѣйшею дѣятельностью котораго было издавать переводныя и оригинальныя книги, и книги эти не только продавать, но раздавать даромъ для возбужденія въ обществѣ интереса къ чтенію. Въ этомъ поразительномъ совпаденіи стремленія къ прогрессу и образованности съ гоненіемъ противъ идей и наукъ, въ которыхъ и заключался именно весь прогрессъ того времени, мы видимъ наглядный примѣръ того способа вліянія, какое производятъ цивилизующія идеи на людей, недоразвившихся еще до нихъ. Большинство русскаго общества съ такими передовыми людьми, стоявшими во главѣ его, какъ Новиковъ, Тургеневъ, Лопухинъ, Гамалей, не могло, по своей крайней неразвитости, отнестись иначе къ передовымъ идеямъ западной образованности, какъ враждебно, но, тѣмъ не менѣе, оно само сдѣлалось жертвой движенія этихъ идей въ томъ отношеніи, что прежде оно относилось съ непосредственною дѣтскою вѣрой къ своимъ допотопнымъ взглядамъ, нисколько не думая, чтобъ ихъ кто-нибудь могъ осмѣлиться опровергать; теперь-же отношеніе къ этимъ взглядамъ мѣняется: къ нимъ начинаютъ относиться съ энергіей и страстью проповѣдниковъ, начинаютъ вдумываться въ нихъ, развивать ихъ, защищать, распространять, однимъ словомъ, мысль переходитъ изъ состоянія апатичнаго коснѣнія въ движеніе и движеніе это, начавшись естественно съ того пункта, на которомъ мысль стояла прежде, должно было придти раньше или позже именно къ тѣмъ самымъ идеямъ, противъ которыхъ оно первоначально такъ энергически возставало.

Умственное броженіе, начавшись такимъ образомъ съ воцареніемъ Екатерины, проходитъ сквозь все ея царствованіе, нося постоянно одинъ и тотъ-же характеръ раздвоенности, между скептицизмомъ въ духѣ XVIII вѣка и мистицизмомъ различныхъ видовъ и оттѣнковъ, между западничествомъ, увлекавшимся до самозабвенія всѣмъ иностраннымъ, и староверствомъ, глухо ворчавшимъ на рабскую подражательность Западу, отсутствіе самобытности и самостоятельности, и превозносившимъ все русское передъ иностраннымъ. Но скептицизмъ и мистицизмъ, западничество и староверство, во всю эту эпоху находятся въ такомъ тѣсномъ и хаотическомъ смѣшеніи другъ съ другомъ, что весьма трудно опредѣлить, гдѣ кончался одинъ элементъ и начинался другой. Одни и тѣ-же люди дѣлались то скептиками, то мистиками, то увлекались реформами по западнымъ образцамъ, то вопили противъ подражанія всему иностранному; въ то-же время большинство мистиковъ и скептиковъ, реформаторовъ и староверовъ являлись высокопарными риторами ходульнаго патріотизма на словахъ и своекорыстными практиками-рутинерами въ жизни, соискателями теплыхъ мѣстечекъ, приверженцами табели о рангахъ, знаковъ отличій и узкихъ родовыхъ и сословныхъ предразсудковъ.

Царствованіе Александра I богато внутренними и внѣшними событіями, имѣвшими огромное вліяніе на ходъ развитія нашего общества. Многіе находятъ даже большую аналогію между эпохой Александра I и нынѣшнимъ временемъ въ томъ отношеніи, что русское общество въ то время жило тою-же, будто бы, на-

пряженною жизнью, обращая главное вниманіе на различные общественные вопросы, какъ и въ наше время, и при этой аналогіи находятъ, что хотя наше время отличается отъ эпохи Александра I тѣмъ, что мы сдѣлали многое, о чемъ въ ту эпоху только мечтали, но, съ другой стороны, въ то время реформы предполагались въ сферахъ высшихъ гораздо въ болѣе широкомъ и радикальномъ видѣ, чѣмъ въ наше время позволяютъ себѣ помышлять многіе граждане, считающіе себя прогрессистами и либералами. Но при этомъ становится рѣшительно непонятнымъ, куда-же потомъ дѣлось все это движеніе въ нашемъ обществѣ? Неужели пять какихъ-нибудь лѣтъ реакціи подъ свѣжими еще впечатлѣніями эпохи Александра I могли произвести то, что въ тридцатые годы лучшіе и передовые люди, вышедшіе изъ эпохи Александра и воспитанные ею, могли сразу утратить всѣ прежніе интересы и явиться людьми, совершенно чуждыми и индифферентными къ какимъ-бы то ни было живымъ общественнымъ вопросамъ? Конечно, иногда бываетъ очень легко подавить и парализовать какое-либо движеніе въ обществѣ не въ 5 лѣтъ, а въ 5 дней и менѣе, но перевоспитать зрѣлыхъ людей и обратить весь ходъ ихъ мысли отъ общественныхъ вопросовъ къ отвлеченнымъ эстетическимъ или мистическимъ, было-бы чудомъ не только въ 5 лѣтъ, но и въ 30, особенно, если-бы общественными вопросами были глубоко и страстно заинтересованы массы общества.

Но дѣло въ томъ, что, при ходѣ нашего развитія, совершающагося подъ вліяніемъ близкаго сосѣдства странъ, стоящихъ впереди насъ чуть ли не на три столѣтія, нужно весьма осторожно обходиться съ словами „общество" и „общественное движеніе". Въ нашей жизни очень часто въ средѣ какихъ-нибудь двухъ, трехъ кружковъ, небольшой горсточки людей, совершается умственное движеніе, стоящее почти въ уровень съ движеніемъ передовыхъ людей Европы въ данное время. Безспорно, что подобное движеніе оказываетъ немаловажное вліяніе и на весь грамотный людъ нашего общества; но изъ этого вовсе не слѣдуетъ, чтобы само общество принимало непосредственное участіе въ этомъ движеніи, и чтобы въ немъ движеніе было въ той-же силѣ и съ тѣмъ-же кругомъ понятій, какъ и въ цивилизующихъ кружкахъ. Прогрессъ общества идетъ своимъ самостоятельнымъ путемъ, сообразнымъ степени развитія большинства грамотныхъ людей, и хотя въ обществѣ совершается движеніе, иногда, можетъ быть, весьма значительное, подъ вліяніемъ движенія передовыхъ кружковъ, но оно бываетъ обыкновенно совершенно въ иномъ родѣ и духѣ, чѣмъ въ передовыхъ кружкахъ, ушедшихъ отъ своихъ современниковъ впередъ на нѣсколько столѣтій. На этомъ основаніи необходимо точно разграничивать движеніе отдѣльныхъ, иногда очень незначительныхъ по количеству кружковъ, отъ движенія всей массы общества въ то же время.

Особенно важно принять въ соображеніе это обстоятельство при расмотрѣніи эпохи Александра I, такъ-какъ все политическое броженіе, на которое нынѣ литература обращаетъ большое вниманіе, совершалось исключительно почти въ высшихъ сферахъ общества, при чемъ имѣло замкнутый характеръ интимныхъ кружковъ, тайны канцелярской или конспиративной. О какомъ-либо систематическомъ проведеніи того или другого круга идей въ массахъ общества въ то время мало еще думали; нельзя же назвать такимъ именемъ нѣсколько наркотическихъ стишковъ, обращавшихся въ обществѣ, по большей части, въ рукописномъ видѣ, да двѣ, три либеральныя статейки въ двухъ, трехъ тощенькихъ журнальцахъ, имѣвшихъ не болѣе 300 или 500 подписчиковъ. Огромное большинство грамотнаго люда, все почти среднее дворянство, не говоря о другихъ сословіяхъ, въ то время продолжало еще жить на степени младенческой непосредственности преданій и узкопрактическаго эмпиризма въ жизни. Единственный истинно живой интересъ, которымъ эта масса была дѣйствительно увлечена въ эпоху Александра I, заключался въ патріотическомъ настроеніи при нашествіи французовъ. Что же касается политическаго броженія, совершавшагося въ высшихъ кружкахъ общества, то оно своею замкнутостью и таинственностью только распаляло воображеніе людей, непосвященныхъ въ это броженіе, и въ обществѣ ходили преувеличенные и дикіе по своей крайней нелѣпости слухи о разныхъ массонскихъ и тайныхъ обществахъ. Большинство общества на всякаго живаго человѣка, въ которомъ мало-мальски была возбуждена мысль, смотрѣло какъ на человѣка безпокойнаго, опаснаго вольнодумца, не обращая вниманія на то, былъ-ли этотъ вольнодумецъ скептикъ или мистикъ: вольтеріанецъ и массонъ для непросвѣщенной массы временъ Александра I были названія тождественныя, между которыми не видѣли ровно никакого различія, и, если хотите, въ этомъ смѣшеніи понятій былъ свой смыслъ. Не говоря уже о томъ, что и въ царствованіе Александра I, какъ и при Екатеринѣ, скептики такъ часто переходили въ мистиковъ, а мистики въ скептиковъ, что ихъ гораздо легче было смѣшивать, чѣмъ различать, въ то же время мистики для людей, преданныхъ умственной спячкѣ, не менѣе скептиковъ должны были казаться совершенно особенными, непонятными существами, а потому, можетъ быть, и опасными.

Но нельзя сказать, чтобы и большинство общества оставалось безъ всякаго движенія на той степени, на которой оно было въ началѣ царствованія Екатерины, и чтобы въ немъ не совершилось какихъ-либо перемѣнъ въ умственной и нравственной сферѣ. Общество питалось тѣмъ, что могла давать и давала ему литература, и развитіемъ, измѣненіемъ литературныхъ направленій тѣмъ справедливѣе измѣрять ходъ умственнаго развитія нашего общества въ эпоху Екатерины и Александра I, что большинство литературныхъ дѣятелей стояло во все это время почти вполнѣ въ общемъ уровнѣ развитія массъ, очень мало возвышаясь надъ ними. Для общества, при его крайней дикости, было немаловажнымъ прогресомъ уже и то, что оно, послѣ высокопарно-громкихъ одъ, поэмъ и трагедій съ завываніями, настраивавшихъ сердца читателей постоянно на патріотически-торжественный ладъ, начало зачитываться еще при Екатеринѣ переводными романами Ричардсона, Клариссой, Памелой и Грандисономъ, чувствительнымъ путешествіемъ Стерна и сентиментальными сочиненіями Бакюляръ Арно; вмѣстѣ съ этимъ, на театрѣ начали появляться мѣщанскія,

чувствительныя драмы. Всѣ эти давно теперь забытыя произведенія читались когда-то съ такимъ-же страстнымъ увлеченіемъ, съ какимъ нынѣ читаются романы Шпильгагена. Молодые люди и барышни начали бредить Элоизами, Памелами; называть другъ друга Агатонами, Эльвирами и пр. Жизнь начала дѣлиться на двѣ противоположныя половины: на скучную, обыденную прозу, къ которой начали относить всю будничную практику жизни, и божественную поэзію, заключающуюся въ сладкой чувствительности, таинственной симпатіи сердецъ и мечтательномъ упоеніи природой. Проливать умилительныя слезы на благоухающій букетъ цвѣтовъ, глядя на закатъ солнца, или бродить по берегу пруда, въ которомъ утопилась бѣдная Лиза, и рыдать о ея злочастной судьбѣ считалось въ то время такимъ же прогрессомъ, какимъ въ настоящее время считается дѣлать ботаническія экскурсіи или устраивать женскій трудъ, и какъ ни приторна, какъ ни искусственна кажется намъ сентиментальность современниковъ Карамзина, въ свое время она была прогрессомъ: молодые люди, занимавшіеся умилительными воздыханіями, заливавшіеся безпрестанно слезами и сажавшіе цвѣты на гробѣ своего друга Агатона или возлюбленной Батильды, были, во всякомъ случаѣ, и гуманнѣе, и развитѣе тѣхъ юношей предшествовавшаго поколѣнія, которые, едва научившись подписывать фамилію изъ-подъ ферулы дьячка или темнаго выходца изъ Франціи, записывались въ полкъ и дѣлались развратными петиметрами въ свѣтѣ и рабски-приниженными исполнителями по службѣ. Сентиментальность послужила первымъ зародышемъ романтическаго движенія въ нашемъ обществѣ. Въ ней вы видите, съ одной стороны, дуализмъ, основанный уже не на теологической догматикѣ среднихъ вѣковъ, требующей мрачнаго, аскетическаго подавленія страстей, а напротивъ того, на признаніи высшимъ нравственнымъ идеаломъ—свободныхъ влеченій сердца; съ другой стороны, мы видимъ здѣсь первое развитіе того индивидуализма, который составляетъ одинъ изъ существенныхъ элементовъ романтизма.

Представителемъ этой фазы развитія нашего общества является Карамзинъ, и въ немъ мы видимъ вполнѣ дитя своего времени. Напрасно станете вы искать въ немъ какихъ-либо зрѣлыхъ и послѣдовательныхъ политическихъ или философскихъ убѣжденій. Вы найдете у него во всѣхъ этихъ отношеніяхъ одну только сентиментальную риторику, въ которой васъ поразитъ эклектическій оптимизмъ, оправдывающій всевозможныя формы общественнаго и политическаго быта, лишь бы только онѣ основывались на добрыхъ нравахъ; къ этому ко всему приправлено исканіе мудрой умѣренности и золотой середины, и все это вдобавокъ разукрашено узкимъ, кваснымъ патріотизмомъ и консерватизмомъ того трусливаго свойства, который готовъ сочувствовать всевозможнымъ реформамъ, но, за недостаткомъ просвѣщенія, не находитъ возможности въ немедленномъ ихъ осуществленіи и потому желаетъ отложить ихъ въ долгій ящикъ. Такой безхарактерный эклектизмъ не былъ личною принадлежностью Карамзина. Вспомнимъ, что Карамзинъ получилъ образованіе въ кружкѣ Новикова, въ которомъ сомнѣвались еще, что земля ходитъ вокругъ солнца; отсутствіе какихъ-либо послѣдовательныхъ и систематическихъ убѣжденій было не его только личнымъ недостаткомъ, а общею характеристическою чертой его вѣка, и Карамзинъ не понималъ того, чего не понимало большинство его современниковъ. Но совершенно въ иномъ видѣ представится онъ вамъ, если вы, откинувши въ сторону всѣ его политическіе взгляды, посмотрите на него, какъ на моралиста. Здѣсь передъ вами откроется свѣтлая сторона его дѣятельности, и вы увидите въ немъ прогрессиста, имѣвшаго немаловажное значеніе въ свое время. Онъ первый, вопреки средневѣковой догматики, началъ проповѣдывать благо и свободу страстей и право человѣка на земное счастіе. Въ этомъ отношеніи „Разговоръ о счастіи" (1797 г.) составляетъ эпоху въ развитіи нашей мысли. Въ этомъ сочиненіи впервые провозглашается, что всякій человѣкъ имѣетъ право на счастіе; счастіе-же заключается въ тѣхъ удовольствіяхъ, которыя доставляютъ намъ страсти, дарованныя намъ природой для наслажденія жизнью; что страсти губительны только тогда, когда онѣ выходятъ изъ своихъ границъ; на этомъ основаніи нравственная обязанность наша заключается не въ подавленіи страстей, а въ наслажденіи ими въ данныхъ границахъ, для чего намъ данъ разсудокъ. Какъ бы ни казались намъ эти мысли дѣтскими, но въ свое время онѣ были такою неслыханною ересью, что возбудили протестъ со стороны послѣдователей средневѣковой догматики, и въ одномъ изъ журналовъ того времени, „Ипокренѣ", появился, въ 1799 г., пасквиль на Карамзина, въ которомъ пасквилистъ обращается къ своему другу съ такимъ противопоставленіемъ догматической морали противъ морали Карамзина:

Не мнишь, даны чтобъ чувства были
На то, чтобъ всѣ ихъ услаждать,
И разума лучи служили,
Чтобъ наслажденья избирать;
Не выдалъ странную чудесность,
Приведши страсти въ равновѣсность
Къ блаженству съ буйствомъ ихъ идти:
Но ты, всю цѣну истинъ зная,
Твердишь, что, страсти побѣждая,
Къ блаженству путь легко найти.
Не мнишь, чтобъ жить въ союзѣ тѣсномъ
Намъ нужно было со страстьми;
Что въ мірѣ нравственномъ, тѣлесномъ
Безъ нихъ и жить нельзя съ людьми:
Но знаешь, что звѣрямъ подобенъ,
Кто сладострастенъ, скупъ и злобенъ,
Коль равновѣсны страсти въ немъ.
Но если страсти утишились,
Молчатъ, не дѣйствуютъ, сокрылись,
То схожъ онъ съ ангеломъ во всемъ *).

Но походъ противъ догматической морали стоилъ Карамзину не одних только литературныхъ нападокъ. Противъ него писались въ то-же время и доносы, въ которыхъ сочиненія его выставлялись „исполненными вольнодумческаго и якобинскаго яда, въ которыхъ явно проповѣдуется безбожіе и безначаліе" и пр.

Рядомъ съ пропагандой свободы страстей, Карамзинъ проводилъ въ литературѣ идеи Руссо, съуживая

*) См. Ист. русск. слов. А. Галахова, т. II, гдѣ этотъ пасквиль приведенъ вполнѣ.

ихъ на столько, на сколько онѣ были по силамъ пониманію, какъ его личному, такъ и всего общества. Въ нападкахъ Руссо на современную цивилизацію, въ его прославленіи простаго, естественнаго, сельскаго быта и въ убѣжденіи людей возвратиться въ лоно природы къ первобытному состоянію, — подъ формой парадоксовъ скрывается пропаганда чисто демократическаго свойства; этотъ демократизмъ Руссо былъ, конечно, сверхъ пониманія Карамзина и его современниковъ. Они приняли парадоксы его за чистую монету, и оттуда явился этотъ пресловутый пастушескій идеалъ удаленія отъ суетнаго свѣта и тихаго счастія съ милою подругой, подъ соломенною кровлей, возлѣ журчащаго ручейка. До какой степени этотъ идеалъ господствовалъ въ то время, это мы видимъ изъ того, что имъ увлекался въ своей юности даже Александръ, которому, казалось бы, менѣе всѣхъ другихъ россіянъ могла придти въ голову мысль о безвѣстномъ счастіи подъ соломенною кровлей. О такомъ-же самомъ счастіи мечталъ всю свою жизнь Жуковскій: „Мое теперь,—писалъ онъ къ своимъ роднымъ по пріѣздѣ въ Петербургъ,—хуже прежняго. Здѣшняя жизнь мнѣ тяжела, и я не знаю, когда отсюда вырвусь. *Ваше одно и то-же кажется мнѣ прекраснымъ положеніемъ; работать безъ всякаго разсѣянія, въ кругу своихъ, отдѣлясь отъ прошедшаго и будущаго—вотъ чего мнѣ хочется* и т. д. О Петербургъ! проклятый Петербургъ, со своими мелкими, убійственными разсѣяніями! Здѣсь, право, нельзя имѣть души. Здѣшняя жизнь давитъ меня и душитъ. Радъ бы бросить и убѣжать къ вамъ, чтобы приняться за доброе настоящее, котораго у меня здѣсь нѣтъ и быть не можетъ“...

Вообще у насъ почему-то принято Жуковскаго считать родоначальникомъ романтизма въ Россіи. Но если смотрѣть на романтизмъ не только какъ на литературную школу, а какъ на извѣстное умственное движеніе, то личность Жуковскаго потеряетъ половину своего значенія въ этомъ отношеніи. Романтизмъ явился у насъ, какъ и у всѣхъ другихъ народовъ Европы, вслѣдствіе толчка, возбужденнаго философскимъ движеніемъ восемнадцатаго вѣка; первые задатки его мы видимъ уже у Карамзина. Что-же касается Жуковскаго, то онъ имѣетъ свое значеніе въ литературѣ только какъ художникъ: онъ обработалъ русскій стихъ, придавши ему ту гибкость, которую потомъ усовершенствовалъ Пушкинъ; онъ первый показалъ, чѣмъ отличаются истинно поэтическіе, изящные образы отъ той высокопарной риторики, въ которой прежде видѣли поэзію. Наконецъ, оказалъ онъ свое содѣйствіе и эмансипаціи литературныхъ нравовъ оппозиціей Арзамасскаго общества противъ надутой важности и напыщенности „Общества любителей Русскаго Слова“. Но что касается до развитія міросозерцанія, нравственныхъ и общественныхъ идеаловъ, то въ этомъ отношеніи онъ не только не подвинулъ впередъ русскую мысль, но, будучи рабскимъ послѣдователемъ Карамзина, въ нѣкоторыхъ отношеніяхъ отступилъ отъ него на шагъ назадъ. Съ одной стороны, онъ носился, какъ мы сейчасъ видѣли, съ тѣмъ-же буколическимъ идеаломъ сельскаго уединенія и отрѣшенія отъ мірскихъ суетъ, разбавляя подобное стремленіе приторными воздыханіями о непрочности земнаго и мечтательными порываніями dahin—въ туманную даль, по образцу нѣмецкаго романтизма, но съ другой стороны, онъ былъ послѣдователь самой узенькой, догматической морали. Ему ставятъ постоянно въ достоинство, что онъ, будучи переводчикомъ, былъ въ то-же время писателемъ самостоятельнымъ, потому что бралъ отовсюду свое и кромѣ того придавалъ чужимъ произведеніямъ свой собственный колоритъ. Очень можетъ быть, что это и достоинство съ чисто эстетической стороны, но со стороны образовательной это былъ большой недостатокъ: выбирая повсюду свое, Жуковскій выбиралъ постоянно такія произведенія, которыя вполнѣ согласовались съ его узкимъ, догматическимъ міросозерцаніемъ, другія сглаживалъ, подводилъ подъ ту-же норму и, такимъ образомъ, знакомя русскихъ людей съ произведеніями Шиллера, Гете, Байрона, онъ совершенно сгладилъ и стушевалъ то, что именно было самаго живаго и цивилизующаго въ произведеніяхъ этихъ писателей—тотъ протестъ противъ старыхъ формъ и условій жизни, который составлялъ здоровый элементъ романтизма. Что-же касается жизни Жуковскаго, то въ этомъ отношеніи мы видимъ, что онъ всецѣло принадлежитъ еще къ покровительственному періоду нашей литературы и ничѣмъ не отличается въ этомъ отношеніи отъ писателей предшествующей эпохи, отъ Ломоносова до Карамзина включительно: всѣ эти жалобы на суету и пустоту Петербурга, мечты о прелести сельскаго уединенія въ тѣсномъ кругу семьи, сѣтованія на непрочность земнаго и порываніе къ небесному—нисколько не мѣшали Жуковскому торчать всю свою жизнь въ знатныхъ прихожихъ и посвящать льстивыя восхваленія сильнымъ міра сего.

Только со второй половины царствованія Александра I началъ у насъ развиваться романтизмъ не въ видѣ только буколическаго сенсуализма, какъ это было во время московской дѣятельности Карамзина, но въ видѣ протеста личности противъ устарѣлыхъ и давящихъ формъ жизни общественной и семейной, противъ фамусовскаго узкаго практицизма и молчалинской приниженности. Въ воображеніи представителей этого романтизма начинаетъ рисоваться идеалъ сильной избранной натуры, гордой, независимой, свободной, подчиняющейся только влеченіямъ своего духа, презирающей искательство матеріальныхъ выгодъ и страдающей отъ грубаго непониманія и гоненія пошлой, пресмыкающейся толпы. Этому идеалу поклонялись всѣ, безъ исключенія, мало-мальски мыслящіе люди въ эпоху 20-хъ годовъ, причемъ требовалось уже не одно только проповѣдованіе его на словахъ, но и осуществленіе въ самой жизни. При этомъ надо опять-таки не забывать, что иначе этотъ идеалъ понимался и осуществлялся въ кружкахъ передовыхъ и лучшихъ представителей мысли въ эпоху 20-хъ годовъ, иначе— среди полуобразованной массы общества. Лучшіе люди того времени—это были Чацкіе, съ глубокою тоской смотрѣвшіе вокругъ и рѣзкими сарказмами клеймившіе всеобщую пошлость, невѣжество и рабство; наконецъ, были люди и выше Чацкаго, не ограничивавшіеся одними пассивными сарказмами, но стремившіеся къ активному освобожденію жизни отъ старыхъ

и гнетущихъ формъ, которымъ поклонялись Фамусовы и Молчалины, пересозданію ея на такихъ основаніяхъ, которыя даровали бы болѣе широкій просторъ свободному полету личности. Но иначе представляла себѣ этотъ самый идеалъ полуобразованная масса; эта масса не требовала отъ своего героя никакой активности въ жизни, никакого плодотворнаго труда, никакой особенной гуманности и справедливости къ низшимъ: для нея было совершенно достаточно, чтобы герой презиралъ, не покорялся и страдалъ; въ то-же время онъ могъ тратить свои силы на какія угодно прихоти и похоти, всю жизнь проводить въ кутежахъ и волокитствѣ, стрѣляться на дуэляхъ, подвергаться всевозможнымъ опасностямъ не изъ-за чего иного, какъ изъ-за безцѣльнаго разгула юношеской отваги,—наконецъ, прокучивать цѣлыя имѣнія, разоряя своихъ крестьянъ, или на станціяхъ стегать нагайками жидовъ и припечатывать ихъ бороды къ столу—и при всемъ томъ, все-таки, оставаться героемъ. Однимъ словомъ, та самая свобода страстей, которую Карамзинъ защищалъ и оправдывалъ съ немалою еще робостью, подчиняя ее, ради благонамѣренности, разсудку, въ двадцатые годы возвелась въ апоѳеозъ и сдѣлалась безусловнымъ нравственнымъ идеаломъ. Пальму первенства отдали рѣшительно сердцу, на разсудокъ-же начали смотрѣть, какъ на нѣчто враждебное сердцу, а потому презрѣнное и малодушное: подчиняться ему значило унижать себя, измѣнять своему нравственному идеалу, приравнивать себя къ пошлой толпѣ.

Въ то-же время было-бы совершенно ложно думать, чтобы такой идеалъ былъ случайно, искусственно перенесенъ съ Запада подъ вліяніемъ Байрона и не имѣлъ бы никакого отношенія къ нашей жизни. Напротивъ того, онъ вполнѣ соотвѣтствовалъ, какъ духу своего времени, такъ и той средѣ, въ которой преобладалъ. На Западѣ существовали въ то время уже многіе теоріи и идеалы, и была-же какая-либо существенная причина, почему увлеклись именно этимъ идеаломъ, а не какимъ-нибудь другимъ. Для объясненія этого надо принять въ соображеніе характеръ той среды, изъ которой вышелъ этотъ идеалъ и въ которой онъ преобладалъ. Это была петербургская великосвѣтская среда, въ которой въ то время сосредоточивалось умственное движеніе общества. Жизнь этой среды опиралась, главнымъ образомъ, на крѣпостномъ правѣ, которое дошло до высшаго своего развитія, не успѣвши еще открыть обратную свою сторону экономическаго разоренія. Напротивъ того, оно доставляло въ вышеозначенной средѣ такой избытокъ благосостоянія, при помощи котораго русскій богачъ, путешествовавшій за-границей, могъ казаться поистинѣ Крезомъ. Въ то-же самое время среда эта только-что успѣла освоиться съ тѣмъ новымъ своимъ положеніемъ, какое создалось для нея екатерининскою граматой о вольности дворянской. Грамата эта, не даровавши дворянству никакихъ особенныхъ политическихъ правъ, а только освободивши его отъ служилыхъ обязанностей, этимъ самымъ положила начало особеннаго рода понятіямъ о значеніи дворянства въ государствѣ: на дворянство стали смотрѣть, съ одной стороны, какъ на плотину, которая должна защищать престолъ отъ натиска народныхъ массъ, считавшихся подъ свѣжимъ впечатлѣніемъ французской революціи непремѣнно грозными и враждебными, съ другой стороны, предполагали, что славой бранныхъ и государственныхъ подвиговъ, въ особенности-же блескомъ образованности и роскоши — дворянство должно составлять украшеніе и славу государства. Крыловъ недаромъ сравниваетъ дворянство съ листьями, со ставляющими роскошь и красу дерева. Подъ вліяніемъ этихъ общественныхъ идей о значеніи дворянства сложился и нравственный идеалъ дворянина того времени: дворянинъ, по понятіямъ людей первой четверти нынѣшняго столѣтія, долженъ былъ представляться человѣкомъ храбрымъ до самоотверженія, великодушною и щедрою натурой, незнающей предѣла своимъ тратамъ. Всякій мелкій разсчетъ, мелкій трудъ, стремленіе къ бережливости считалось свойствомъ низкихъ, скаредныхъ душъ, удѣломъ грубой черни, униженіемъ дворянской чести. Гораздо уже позже Лермонтовъ съ презрѣніемъ заставляетъ своего демона смотрѣть на корыстный трудъ предъ тощею лампадой, приравнивая этотъ трудъ къ прочимъ преступленіямъ, на которыя демонъ смотритъ съ злобною отрадой во время своего ночнаго путешествія надъ спящею столицей. Этими понятіями обусловливался тотъ веселый, широкій разгулъ, который, начиная съ царствованія Екатерины, проходитъ сквозь все царствованіе Александра I и о которомъ такъ вздыхаютъ наши старички, окрестившіе его весьма характеристическимъ, историческимъ выраженіемъ, прямо намекающимъ на екатерининскую грамату: *кутить по вольности дворянской*. Этимъ положеніемъ создавались великосвѣтскіе типы въ родѣ Онѣгина или Печорина, гордые, свободные отъ всякаго труда, незнающіе предѣла своимъ страстямъ и прихотямъ и выносящіе изъ своего празднаго и необузданнаго юношескаго разгула одно пресыщеніе и разочарованіе. До какой степени подобные идеалы были въ духѣ того времени, это мы видимъ изъ того, что имъ подчинялись не одни заурядные свѣтскіе люди, неполучившіе никакого образованія, никакихъ разумныхъ стремленій, но и лучшіе, мыслящіе люди общества представляли въ своей средѣ такіе-же типы отчаянныхъ повѣсъ, бретеровъ и донъ-жуановъ, готовыхъ проѣхаться на челночкѣ въ бурю по морю не для чего инаго, какъ изъ-за того, чтобы показать свое рыцарское безстрашіе, или побиться объ закладъ на пріятельской пирушкѣ въ томъ, что они проведутъ безстрашно ночь гдѣ-нибудь на кладбищѣ или въ домѣ, въ которомъ по ночамъ совершаются разные ужасы (такихъ домовъ съ блуждающими призраками, пляшущими стульями и проч. было множество въ то романтическое время). До какой степени, наконецъ, идеалъ этотъ былъ въ духѣ времени, служилъ даже для массы читающей публики лозунгомъ прогресса и оппозиціи, это мы можемъ видѣть изъ того внезапнаго охлажденія, съ какимъ въ началѣ тридцатыхъ годовъ отнеслась публика къ своему любимцу Пушкину, когда онъ перестал и въ своей жизни, и въ своихъ произведеніяхъ быть представителемъ этого идеала. Надо замѣтить, что въ двадцатые годы Пушкинымъ увлекались вовсе не изъ одной только художественности его произведеній. Люди двадцатыхъ годовъ были еще весьма плохіе

эстетики: всѣ ихъ эстетическія понятія ограничивались тѣмъ, что поэтъ долженъ быть свободенъ отъ всякихъ стѣсняющихъ творчество правилъ ложнаго классицизма и летать по волѣ своей фантазіи. Въ Пушкинѣ они цѣнили именно такого независимаго поэта. Его любили за то, что онъ въ своихъ поэмахъ и многихъ лирическихъ произведеніяхъ олицетворялъ любимый идеалъ гордаго, свободнаго романтика, и въ то-же время видѣли въ немъ человѣка, непокорявшагося обыденной рутинѣ жизни, и за то гонимаго и преслѣдуемаго. Когда-же впослѣдствіи Пушкинъ въ поэзіи свернулъ на почву гетевской объективности, а въ жизни пошелъ по дорогѣ Карамзина и Жуковскаго, въ оцѣнкѣ Пушкина обнаружился тотчасъ-же удивительный расколъ. Съ одной стороны, публика, воспитанная въ духѣ романтизма двадцатыхъ годовъ, внезанно охладѣла къ Пушкину и начала видѣть въ послѣдующей дѣятельности его, начиная съ „Бориса Годунова", паденіе его таланта; съ другой стороны, въ то время существовали уже романтики совершенно инаго рода, воспитанные въ духѣ нѣмецкихъ эстетическихъ теорій, для которыхъ художественные вопросы стояли на первомъ планѣ и которые выше всего цѣнили олимпійское безстрастіе Гете. Эти люди, напротивъ того, начали утверждать, что произведенія Пушкина 20-хъ годовъ именно и суть самые слабые плоды его поэтическаго творчества, произведенія молодаго, незрѣлаго пера, находившагося еще въ рабской зависимости отъ западныхъ учителей; а что съ „Бориса Годунова", напротивъ того, Пушкинъ вступилъ въ высшій періодъ своей дѣятельности, дошедши до полной художественной зрѣлости и самостоятельности. Ниже, въ своемъ мѣстѣ, намъ подробнѣе придется коснуться этого раскола, обнаружившагося въ тридцатые годы относительно оцѣнки Пушкина. Теперь-же мы только замѣтимъ, что какъ ни пустъ и безсодержателенъ былъ романтическій идеалъ свѣтской массы двадцатыхъ годовъ, и какъ отрицательно ни относились къ нему наши критики, начиная съ Веневитинова, Ив. Кирѣевскаго, Надеждина, и кончая Добролюбовымъ и Писаревымъ, но, все-таки, надо отдать справедливость, что въ свое время идеалъ этотъ принесъ свою немаловажную пользу въ развитіи нашего общества. Какъ бы ни представлялся пассивенъ онѣгинскій протестъ противъ фамусовства и молчалинства, но, все-таки, онъ хоть сколько-нибудь возвышалъ нравственное достоинство человѣка надъ тиной рабскаго пресмыканья. Какой-нибудь иной исходъ могъ существовать только для отдѣльныхъ развитыхъ личностей, которыя, сколько бы мы сотенъ ихъ ни насчитывали, были, все-таки, отдѣльными единицами въ полуобразованной массѣ заурядныхъ людей. Для заурядныхъ же людей и то уже было прогрессомъ, если они предпочитали ничего не дѣлать и зѣвать, сложа руки, чѣмъ подчиняться, кланяться и пресмыкаться. Но болѣе всего пользы принесъ этотъ идеалъ литературѣ: появленіе его сразу избавило ее отъ прежняго меценатства и поставило на самостоятельную почву лицомъ передъ лицо публики, отъ вкусовъ и симпатій которой сталъ зависѣть теперь успѣхъ каждаго литературнаго предпріятія. Проповѣдуя вышеупомянутый идеалъ и поклоняясь ему, немыслимо уже стало литератору заходить съ задняго крыльца къ благодѣтелю и съ широкою улыбкой лести заискивать у него полученіе перстенька, пенсіи и пр. Съ этихъ поръ каждый писатель, мало-мальски разсчитывавшій на покровительство, тотчасъ-же встрѣчалъ охлажденіе со стороны публики и насмѣшки въ литературѣ. Только Жуковскій доживалъ спокойно свой вѣкъ подъ сѣнію покровительства, и его щадили, какъ щадятъ стараго ветерана или развалину, напоминающую былое. Даже Пушкинъ, когда свернулъ на дорогу Жуковскаго, ожесточенный охлажденіемъ публики и журнальными намеками, долженъ былъ признать совершившійся фактъ, и не могъ напасть на него прямымъ опроверженіемъ, а долженъ былъ прибѣгнуть къ разнымъ экивокамъ, ссылкамъ на примѣръ Англіи, указаніемъ на то, что и въ старину, при господствѣ покровительства, могли существовать честные писатели, каковъ былъ Ломоносовъ, что, наконецъ, совершенная независимость литературы—явленіе только кажущееся, а не истинное.

«Patronage» (покровительство) до сей поры сохраняется въ обычаяхъ англійской литературы. Почтенный Креббъ, умершій недавно, поднесъ всѣ свои прекрасныя поэмы to his grace the Dackete. Въ своихъ смиренныхъ посвященіяхъ онъ почтительно упоминаетъ о милостяхъ и высокомъ покровительствѣ, коихъ онъ удостоился, и проч. Въ Россіи вы не встрѣтите ничего подобнаго. У насъ, какъ замѣтила M-me de Stael, словесностью занимались, большею частію, дворяне (en Russie quelques gentilhommes se sont occupés de litterature). Это дало особенную физіономію нашей литературѣ; у насъ писатели не могутъ изыскивать милостей и покровительства у людей, которыхъ почитаютъ себѣ равными, и подносить свои сочиненія вельможѣ или богачу, въ надеждѣ получить отъ него пятьсотъ рублей или перстень, украшенный драгоцѣнными каменьями. Что-жъ изъ этого слѣдуетъ? Что нынѣшніе писатели благороднѣе мыслятъ и чувствуютъ, нежели мыслили и чувствовали Ломоносовъ и Костровъ? Позвольте въ этомъ усомниться.

«Ныньче писатель, краснѣющій при одной мысли посвятить книгу свою человѣку, который выше его двумя или тремя чинами, не стыдится публично жать руку журналисту, ошельмованному въ общемъ мнѣніи, но который можетъ повредить продажѣ книги или хвалебнымъ объявленіемъ заманить покупщиковъ. Нынѣ послѣдній изъ писакъ, готовый на всякую приватную подлость, громко проповѣдуетъ независимость, и пишетъ безыменные пасквили на людей, передъ которыми разстилается въ кабинетѣ.

«Къ тому-же, съ нѣкоторыхъ поръ литература стала у насъ ремесло выгодное, и публика въ состояніи дать болѣе денегъ, нежели его сіятельство такой-то, или его высокопревосходительство такой-то. Какъ бы то ни было, повторяю, что формы ничего не значатъ. Ломоносовъ и Креббъ достойны уваженія всѣхъ честныхъ людей, несмотря на ихъ смиренныя посвященія; а господа NN, все-таки, презрительны, несмотря на то, что въ своихъ книжкахъ они проповѣдуютъ благородную гордость, и что они свои сочиненія посвящаютъ не доброму и умному вельможѣ, а какому-нибудь вралю и плуту, подобному имъ».

Наконецъ, вышеупомянутый идеалъ важенъ въ томъ отношеніи, что когда, послѣ 1825 г., многіе передовые люди двадцатыхъ годовъ сошли съ поприща, благотворное вліяніе этого идеала на литературу и

нравы общества одно пережило и ихъ и было единственнымъ достояніемъ, которое двадцатые годы завѣщали потомству. Душеприкащиками такого наслѣдства остались Грибоѣдовъ, Пушкинъ, Полевой, Одоевскій, Веневитиновъ, Ив. Кирѣевскій, Чаадаевъ и многіе другіе, имена которыхъ стоятъ во главѣ періода нашей литературы, послѣдовавшаго непосредственно за 1825 годомъ и продолжавшагося 10 лѣтъ, до прекращенія „Телеграфа“ въ 1834 году и начала, въ томъ же году, дѣятельности Бѣлинскаго. Этому періоду, стоящему на рубежѣ двухъ поколѣній, мы посвятимъ слѣдующія главы.

IV.

Измѣненіе нравовъ въ 1826 году.—Патріотизмъ и его два вида.—«Русскій Вѣстникъ» С. Н. Глинки и «Сынъ Отечества» Н. И. Греча.—«Вѣстникъ Европы» Каченовскаго.—Н. А. Полевой.—Отношеніе къ «Телеграфу» петербургскихъ кружковъ александровской эпохи.—Перемѣщеніе центра умственнаго движенія.—Значеніе, какое пріобрѣли университеты и журналы съ новою эпохой, и успѣхъ «Телеграфа» въ связи съ этимъ.—Состояніе умственнаго развитія молодежи въ 30-ые годы: свидѣтельство объ этомъ Г. Григорьева и И. Панаева.—Чѣмъ увлекалась молодежь въ «Телеграфѣ» и что вообще соединяла она съ романтизмомъ.—Слабая сторона пропаганды Полеваго.—Почему онъ не понялъ Гоголя.—Паденіе Полеваго.—Отношеніе Бѣлинскаго къ Полевому до и послѣ смерти послѣдняго.

Надо полагать, что никогда, даже принимая въ соображеніе петровскія времена, наше общество не испытывало такого быстраго, почти мгновеннаго превращенія, какъ въ 1826 году. Въ одинъ какой-нибудь годъ и прежней жизни—широкой, разгульной, съ смѣлыми планами, гордыми, заносчивыми мечтами, розовыми, молодыми надеждами и удалью, незнавшею преградъ, ничего этого—какъ ни бывало. „Аристократическая независимость, гвардейская удаль александровскихъ временъ—все это исчезло съ 1826 годомъ“, говоритъ одинъ изъ мемуаристовъ. „Нравственный уровень общества палъ—говоритъ онъ въ другомъ мѣстѣ своихъ записокъ—развитіе было прервано; все передовое, энергическое вычеркнуто изъ жизни. Остальные—испуганные, слабые, потерянные—были мелки, пусты; дрянь александровскаго поколѣнія заняла первое мѣсто; они мало-по-малу превратились въ подобострастныхъ дѣльцовъ, утратили дикую поэзію кутежей и барства, и всякую тѣнь сомобытнаго достоинства; они упорно служили, они выслуживались, но не становились сановитыми. Время ихъ прошло“.

Какъ ни ограничено было участіе передовыхъ дѣятелей двадцатыхъ годовъ въ литературѣ, однако-же, вліяніе ихъ болѣе или менѣе отражалось на всѣхъ лучшихъ литературныхъ дѣятеляхъ того времени и частію послѣдующаго—на Грибоѣдовѣ, Пушкинѣ, Полевомъ, Веневитиновѣ, Чаадаевѣ и др. Послѣ 1826 года мыслящая часть общества представляла видъ хора, изъ котораго вдругъ исчезъ регентъ, и не стало того невидимаго камертона, который до того времени давалъ всему тонъ. Люди съ маломальски стойкими и крѣпкими убѣжденіями разбрелись по угламъ, сосредоточились и замолкли въ апатіи нѣмаго отчаянія. Люди малодушные, перепуганные, лишенные убѣжденій, всякаго рода продажные хамелеоны пошли вслѣдъ за неразвитымъ большинствомъ общества, которое, какъ всегда бываетъ въ подобныхъ случаяхъ, начало искусственно настраиваться на тонъ узкаго, кваснаго патріотизма въ византійскомъ духѣ, пропитаннаго запахомъ ладона и рабскаго подобострастія. Патріотическое настроеніе существовало въ нашемъ обществѣ и въ царствованіе Александра I, естественно возбужденное войной 1812 года и событіями, послѣдующими за нимъ. И тогда уже оно ударялось въ крайности, подобныя тѣмъ, какія мы видимъ въ наше время. Существовали даже два журнальные органа, въ которыхъ патріотизмъ стоялъ на первомъ планѣ и раздувался вопреки всякаго здраваго смысла. Таковы были: „Русскій Вѣстникъ“, издававшійся съ 1808 года С. Н. Глинкой, и „Сынъ Отечества“, издававшійся въ Петербургѣ по иниціативѣ Н. Греча. Но вліяніе реакціоннаго духа этихъ журналовъ умѣрялось болѣе разумнымъ и умѣреннымъ патріотизмомъ прогрессивныхъ стремленій въ передовыхъ кружкахъ общества, а подъ конецъ царствованія Александра даже обыденный патріотизмъ полупросвѣщенныхъ массъ принялъ въ себя либеральную струю сочувствія къ возставшимъ грекамъ и желанія помочь имъ противъ угнетателей. При этомъ положеніи вещей вышеупомянутые журналы далеко не пользовались особеннымъ уваженіемъ въ обществѣ. Глинка, проповѣдывавшій въ своемъ журналѣ, что бояринъ Матвѣевъ точно такъ-же умствовалъ о душѣ, какъ Локкъ и Кондильякъ, хотя не могъ читать ни того, ни другаго, что всѣ „правила, содержащіяся въ Кормчей Книгѣ, согласны съ разсужденіемъ всѣхъ знаменитыхъ просвѣтителей всѣхъ странъ и всѣхъ вѣковъ“ и пр., возбуждалъ одинъ смѣхъ, а Гречъ, который, вмѣстѣ съ филиппиками противъ Наполеона, проповѣдывалъ крестовые походы противъ французскихъ идей XVIII вѣка и всякаго прогрессивнаго движенія въ духѣ ихъ, возбуждалъ своею пропагандой только презрѣніе и негодованіе. Послѣ 1826 года консервативный патріотизмъ въ византійскомъ духѣ сдѣлался господствующимъ настроеніемъ въ высшихъ сферахъ и, исходя оттуда, принялъ видъ общественной религіи, обязательной для каждаго подъ страхомъ чуть что не смерти. „Сынъ Отечества“, а впослѣдствіи „Сѣверная Пчела“ — своими инсинуаціями и доносами въ духѣ этого патріотизма пріобрѣли особенное благоволеніе со стороны начальства. Въ такомъ-же духѣ подвизался и „Вѣстникъ Европы“ Каченовскаго. Журналъ этотъ, какъ органъ классиковъ, представлялъ оппозицію противъ романтическаго направленія, господствовавшаго въ то время въ литературѣ. Въ сущности, онъ не особенно заботился о какихъ-либо политическихъ тенденціяхъ, но, защищая классицизмъ, поневолѣ впадалъ въ общій тонъ, господствовавшій въ правительственныхъ сферахъ. Вспомнимъ только, что въ ложноклассическомъ направленіи въ литературѣ нашей патріотическое настроеніе стояло на первомъ планѣ: классики требовали, чтобы поэты въ своихъ одахъ, поэмахъ и трагедіяхъ настраивали сердца читателей постоянно на торжественный ладъ, воспѣвая громъ славы и побѣдъ, доблесть и величіе русскаго духа.

Слѣпые приверженцы авторитетовъ, они не допускали ни малѣйшаго критическаго отношенія къ прежнимъ писателямъ нашимъ отъ Ломоносова до Карамзина включительно; всѣхъ этихъ писателей они ставили на пьедесталы, называя ихъ русскими Пиндарами, Гомерами, Расинами, и въ критическомъ отношеніи къ нимъ видѣли не только неуваженіе къ авторитетамъ, но и недостатокъ патріотизма, преступное порицаніе всего, чѣмъ должна гордиться Россія. Наконецъ, они были приверженцами меценатства и табели о рангахъ въ литературѣ. Романтизмъ-же, какъ мы видѣли въ прошлой главѣ, явился у насъ съ самаго перваго шага въ тѣсномъ и неразрывномъ союзѣ со всѣми либеральными стремленіями александровскаго царствованія. Онъ началъ съ осмѣянія арзамасцами меценатства, чинопочитанія, напускной важности и торжественности, господствовавшей въ „Обществѣ Любителей Русскаго Слова", въ которомъ классики занимались взаимнымъ кажденіемъ другъ другу. Романтики возстали, наконецъ, не только противъ стѣсняющихъ творчество риторическихъ правилъ, но и противъ правилъ ходячей морали, во имя свободы личности. Естественно, что въ глазахъ классиковъ романтики представлялись безнравственными мальчишками, сорванцами, непризнающими никакихъ авторитетовъ, неуважающими старшихъ, непоклоняющимися чинамъ и заслугамъ, отвергающими всякія правила эстетическія и нравственныя и потому готовыми ниспровергнуть всякій общественный и семейный порядокъ. Однимъ словомъ, отношеніе между классиками и романтиками въ двадцатые годы во многихъ отношеніяхъ напоминаетъ отношеніе эстетиковъ и идеалистовъ къ реалистамъ или такъ-называемымъ нигилистамъ въ шестидесятые годы. Точно такъ-же все отжившее, становясь подъ знамена классицизма, принимало на себя личину благонамѣренности, патріотизма и заботъ о сохраненіи всевозможныхъ оплотовъ, а все молодое и свѣжее увлекалось романтизмомъ, въ которомъ классики видѣли не одну эстетическую теорію, но нѣчто, весьма опасное для нравственности и общественнаго порядка. Замѣчательно, что и представляли романтиковъ такими-же длинноволосыми, растрепанными, небрежно одѣтыми, распущенными отрицателями, какими впослѣдствіи стали представлять нигилистовъ.

При такихъ условіяхъ понятнымъ становится, что издавать журналъ съ спеціальною цѣлію защищать романтизм и пропагандировать его — было немаловажнымъ подвигомъ, съ которымъ выступилъ Н. Ал. Полевой въ самое тяжелое время. Несмотря на то, что „Телеграфъ" Полеваго чуждъ былъ какихъ-либо опредѣленныхъ политическихъ тенденцій, будучи журналомъ чисто-литературнымъ, онъ сосредоточилъ въ себѣ единственную, возможную въ то время, оппозицію именно потому, что взялъ на себя защиту такой эстетической школы и такихъ писателей, каковы были Пушкинъ, Дельвигъ, Баратынскій, Козловъ, о которыхъ, по свидѣтельству И. Панаева, благонамѣренные педагоги запрещали упоминать въ училищахъ, изъ боязни испортить и растлить молодые умы.

Личность Полевого замѣчательна тѣмъ, что стоитъ на распутьи двухъ поколѣній, соединяетъ многіе достоинства и недостатки двухъ эпохъ и въ то-же время не принадлежитъ всецѣло ни къ одной изъ нихъ. Это положеніе Полевого гораздо яснѣе и вѣрнѣе можетъ объяснить намъ всѣ тѣ противорѣчія, которыя вы встрѣчаете въ этой личности, всю шаткость и неопредѣленность воззрѣній его, мгновенный успѣхъ и такое-же быстрое паденіе, чѣмъ, напримѣръ, объясненіе всего этого случайнымъ увлеченіемъ эклектическою философіей Кузена, а не какою-нибудь другою, болѣе послѣдовательною и цѣльною: здѣсь необходимо переставить причину и слѣдствіе и сказать, что воззрѣнія Полевого не потому были полны эклектизма, что онъ былъ послѣдователь Кузена, а наоборотъ, онъ не могъ быть удовлетворенъ никакою философіей, кромѣ эклектической, потому что таковъ былъ складъ его личности.

Поэтому, чтобы вполнѣ ясно представить себѣ значеніе Полевого, необходимо разсмотрѣть складъ этой личности въ связи съ предшествующею эпохой, которая создала ее, и съ послѣдующею, которая возвела ее на верхъ славы и потомъ погубила. Полевой вышелъ на литературное поприще, какъ извѣстно, изъ купеческаго званія. Съ самой ранней юности онъ принужденъ былъ заниматься торговыми дѣлами. Умственное броженіе, господствовавшее въ то время, возбудило страсть къ образованію въ чуткомъ и воспріимчивомъ юношѣ. Онъ началъ учиться и читать почти безо всякой посторонней помощи и руководства. Усидчивыя занятія обогатили его умъ всевозможными свѣдѣніями по разнымъ предметамъ, но, какъ это часто бываетъ съ самоучками, занимающимися чтеніемъ безъ всякой системы и критики, вмѣстѣ съ необыкновенною начитанностью у него были пробѣлы въ знаніяхъ весьма существенныхъ; рядомъ съ передовыми идеями, выработанными европейскою мыслью, онъ сохранилъ многіе совершенно дѣтскіе взгляды; многое, что онъ не могъ выработать мышленіемъ и привести въ ясное сознаніе, онъ предугадывалъ и старался достигнуть непосредственнымъ чувствомъ. Въ то время въ Европѣ все новое и свѣжее становилось подъ знаменемъ романтизма; то-же самое было и у насъ. Естественно, что и Полевой увлекся романтизмомъ. Но что это за звѣрь романтизмъ, объ этомъ Полевой имѣлъ весьма смутныя и неопредѣленныя понятія. Весь романтизмъ Полевого высказался въ слѣдующихъ положеніяхъ: поэтъ долженъ слѣдовать прихоти своего собственнаго вдохновенія, не подчиняясь никакимъ искусственнымъ, условнымъ правиламъ; поэзія—безуміе, непонятное, странное безуміе—тоска по небесной отчизнѣ; ее-ли понимать намъ на землѣ? поэты—факиры-мечтатели, добровольные страдальцы; вѣчно недовольные собою, другими, жизнью, они гибнутъ и отъ рукоплесканій, и отъ гоненій пошлой толпы. Подъ эту смутную доктрину Полевой подводилъ всѣхъ предшествовавшихъ дѣятелей нашей литературы и все пресловутое неуваженіе къ авторитетамъ, которое ему приписывали современники, заключалось въ томъ, что, разбирая авторитетныхъ поэтовъ, начиная съ Ломоносова и кончая Пушкинымъ, онъ не ограничивался безотчетнымъ восторгомъ, а старался отдавать отчетъ въ томъ, было-ли то или другое произведеніе плодомъ истиннаго вдохновенія, или поэтъ его искусственно придумалъ. Съ этой точки зрѣнія, онъ нахо-

дилъ романтизмъ повсюду, даже и у Державина. Эта-же самая доктрина послужила для Полевого канвой для многихъ его романовъ и повѣстей, въ которыхъ на первомъ планѣ постоянно рисуется передъ вами артистъ-фантазеръ, непонятый толпой и гибнущій вслѣдствіе особеннаго фатума, обрекающаго на гибель всѣхъ поэтовъ, музыкантовъ и художниковъ. Рядомъ съ этою доктриной, безъ всякой связи съ нею, смутно бродила въ Полевомъ идея о необходимости, чтобы поэзія каждаго народа была самобытная и народная. Но въ чемъ должна заключаться эта народность, объ этомъ Полевой только гадалъ, но не имѣлъ ровно никакихъ опредѣленныхъ понятій: то онъ видѣлъ народность въ широкихъ розмахахъ державинской лиры, то съуживалъ понятіе о ней до изображенія чего бы то ни было находящагося въ предѣлахъ Россіи,—такъ, напримѣръ, считалъ народными первыя главы Евгенія Онѣгина на томъ только основаніи, что онѣ изображаютъ жизнь и нравы петербургскаго дендизма, а не парижскаго или лондонскаго,—то онъ впадалъ въ народность кваснаго патріотизма и выставлялъ личности изъ простаго народа, преисполненныя такого патріотизма, то, наконецъ, видѣлъ народность въ буквальномъ подражаніи народнымъ сказкамъ, и самъ писалъ сказки, поддѣлываясь подъ простонародный языкъ.

Въ Петербургѣ до изданія „Телеграфа" Полевой познакомился съ передовыми кружками, которые не могли не произвести на него весьма благотворнаго вліянія. Подъ этимъ вліяніемъ сложился у Полевого идеалъ литературной независимости, честности, презрѣнія къ меценатству, лести и продажности. Но однимъ пассивнымъ и неопредѣленнымъ чувствомъ свободы и демократической ненависти ко всему сильному и возвышающемуся и ограничился весь либерализмъ Полевого. Онъ былъ слишкомъ мало развитъ, чтобы додуматься до какихъ-либо опредѣленныхъ общественныхъ убѣжденій. Онъ не могъ отвыкнуть отъ привычки съ мыслью о малѣйшей активности въ жизни соединять представленіе чего-то крайне преступнаго. Онъ не сошелся съ петербургскими кружками и началъ изданіе „Телеграфа" безъ ихъ участія, въ Москвѣ, самостоятельно.

Такимъ образомъ, Полевой принялъ многіе элементы, которые неопредѣленно бродили въ обществѣ въ началѣ двадцатыхъ годовъ, но не сдѣлался вполнѣ передовымъ человѣкомъ этого времени. Но, отставая во многомъ отъ передовыхъ людей александровскаго царствованія, онъ имѣлъ въ то-же время особенное преимущество передъ ними, которое принадлежало ему, какъ человѣку новаго уже періода, который если еще не наступилъ, то былъ уже очень близокъ. Дѣло въ томъ, что передовые люди александровскаго времени, съ высоты своей великосвѣткости и романтическаго задора, слишкомъ пренебрегали, такъ называемою, *толпой*: они думали жить и дѣйствовать безъ ея участія и содѣйствія, мечтали облагодѣтельствовать ее, не спрашиваясь объ этомъ у нея. Для Полевого-же, который самъ вышелъ изъ этой толпы, близки къ сердцу были ея умственные интересы. Онъ чувствовалъ живо, а можетъ быть, и ясно сознавалъ, что ничего не сдѣлаешь одинъ, безъ участія этой толпы, не возвысивши хоть сколько-нибудь ея умственнаго и нравственнаго уровня. Онъ сознавалъ, однимъ словомъ, необходимость энциклопедической литературной пропаганды въ широкомъ смыслѣ на массу грамотныхъ людей.

«Для изображенія совершеннаго журнала,—говоритъ онъ въ первой книжкѣ своего «Телеграфа»,—вообразите зеркало, въ которомъ отражается весь міръ нравственный, политическій и физическій. Такой журналъ едва-ли не болѣе многихъ книгъ принесетъ пользы. Не всѣ могутъ удѣлять время на чтеніе огромныхъ томовъ: многіе-ли привыкли къ обдуманному, систематическому чтенію. Здѣсь преимущество на сторонѣ журналовъ: истинно-полезное, истинно-изящное предлагаетъ вамъ журналистъ, не пугая обширными опредѣленіями, пестротой выписокъ, толщиной книги. Журналистика должна пользоваться важнымъ преимуществомъ своимъ—представлять отчетныя извлеченія изъ всѣхъ книгъ любопытныхъ и важныхъ и увѣдомлять читателей обо всемъ, что слышно новаго. Журналистъ—разносчикъ вѣстей: встрѣчаясь съ нимъ не спрашиваютъ, что вы знаете, но нѣтъ-ли чего-нибудь новаго? Вотъ почему я полагаю критику однимъ изъ важнѣйшихъ отдѣленій журнала—пусть только она будетъ умна, правдива, дѣльна. Присовокупите къ этому избранныя новости литературныя, важнѣйшія новости въ наукахъ, искусствахъ и художествахъ, обзоръ всеобщаго просвѣщенія—и умѣйте предлагать это не односторонне, разнообразно».

Такъ представлялъ себѣ Полевой программу журнала, который имѣлъ бы видъ не періодическихъ безсвязныхъ сборниковъ для 200, 300 меценатовъ и денди, интересующихся успѣхами отечественной литературы, каковы были всѣ журналы, появлявшіеся до того времени, а энциклопедію, обнимающую всѣ отрасли знанія, искусствъ и политики, и которая могла бы замѣнить чтеніе книгъ для массы грамотныхъ людей. Надъ Полевымъ посмѣялись въ Петербургѣ. Марлинскій, въ литературномъ обозрѣніи, напечатанномъ въ „Полярной Звѣздѣ", альманахѣ, изданномъ въ 1825 г., помѣстилъ между прочимъ такой отзывъ о появленіи „Телеграфа": „въ Москвѣ явился двухнедѣльный журналъ „Телеграфъ", издаваемый Полевымъ. Онъ заключаетъ въ себѣ все, извѣщаетъ и судитъ обо всемъ, начиная отъ безконечно малыхъ въ математикѣ и до пѣтушиныхъ гребешковъ въ соусѣ или до бантиковъ на новомодныхъ башмачкахъ. Неровный слогъ, самоувѣренность въ сужденьяхъ—вотъ знаки сего „Телеграфа", а „Смѣлымъ Богъ владѣетъ"—его девизъ". Этотъ отзывъ, помѣщенный въ альманахѣ, изданномъ по иниціативѣ лучшихъ передовыхъ людей того времени, трудно приписать одному личному взгляду Марлинскаго; по всей вѣроятности, въ немъ, отразилось общее мнѣніе о журналѣ Полевого петербургскихъ кружковъ. Но опытъ вскорѣ показалъ, что значитъ безучастность массъ, стоящихъ на низкомъ уровнѣ развитія, и на чьей сторонѣ было будущее: „Телеграфъ" былъ оправданъ успѣхомъ своимъ: онъ пріобрѣлъ 2,000 подписчиковъ, количество, о которомъ до того времени не смѣлъ и думать ни одинъ журналъ, и въ то-же время всталъ во главѣ новаго движенія нашего общества, въ которомъ непосредственное уже участіе принимала та самая масса грамотныхъ людей, которая до того времени была только безучастною зрительницей.

1826-й годъ важенъ въ исторіи нашего развитія особенно тѣмъ, что это былъ годъ крутаго перемѣщенія центра умственнаго броженія.

Мы говорили уже въ предъидущей главѣ, что съ Екатерины и до Николая—умственное движеніе преобладало въ высшихъ кругахъ общества. Всѣ изданія, журналы и газеты основывали свой успѣхъ, главнымъ образомъ, на сужденіяхъ, приговорахъ и сочувствіяхъ этого круга; все, если не изъ него исходило, то для него писалось, наконецъ, подчинялось различнымъ переходамъ умственнаго движенія въ этомъ кругу и отражало ихъ. Но когда это движеніе было разомъ прервано и все, что только было мыслящаго въ этомъ кругу, сошло съ поприща, свѣтское общество въ концѣ двадцатыхъ и тридцатыхъ годовъ сдѣлалось совершенно чуждо какихъ-либо умственныхъ интересовъ. Вотъ какъ характеризуетъ это общество И. Панаевъ въ своихъ „Литературныхъ воспоминаніяхъ“:

«Большинство нашихъ такъ-называемыхъ свѣтскихъ людей того времени отличалось крайнею пустотой и отсутствіемъ всякаго образованія, потому что болтанье на французскомъ языкѣ, болѣе или менѣе удачное усвоеніе внѣшнихъ формъ пошлаго европейскаго дендизма и чтеніе романовъ Поль-де-Кока нельзя-же назвать образованіемъ. Исключеній было немного, и къ нимъ принадлежалъ графъ Михаилъ Юрьевичъ Віельгорскій—человѣкъ съ тонкою артистическою натурой и, притомъ, съ большою начитанностью для свѣтскаго человѣка. Остальные не принимали и не могли принимать ни малѣйшаго участія ни въ развитіи отечественной литературы, ни въ какихъ человѣческихъ интересахъ, а знали о существованіи русской литературы только по Пушкину и по другимъ, которые принадлежали къ ихъ обществу. Они полагали, что вся русская литература заключается въ Жуковскомъ, Крыловѣ (басни котораго ихъ заставляли учить въ дѣтствѣ), Пушкинѣ, князѣ Одоевскомъ, князѣ Вяземскомъ и графѣ Соллогубѣ, который своимъ свѣтскимъ пріятелямъ читалъ тогда «Сережу», еще непоявившагося въ печати. Чтобы получить литературную извѣстность въ великосвѣтскомъ кругу, необходимо было попасть въ салонъ г-жи Карамзиной—вдовы исторіографа. Это былъ уже настоящій великосвѣтскій литературный салонъ, съ строгимъ выборомъ».

Въ то-же время, когда нравы свѣтскаго общества такъ печально измѣнились, массы несановитыхъ помѣщиковъ, чиновниковъ и всякаго рода достаточныхъ и сытыхъ разночинцевъ были совершенно готовою почвой для умственнаго развитія. Эти массы съ живымъ и свѣжимъ интересомъ знакомились съ русскою литературой предшествовавшихъ временъ и до энтузіазма увлекались произведеніями Пушкина. Пушкина читали, переписывали, заучивали наизусть, Пушкинымъ бредили юноши и дѣвы по всѣмъ уѣзднымъ городамъ и захолустьямъ... Понятно, почему эти юноши и дѣвы, сдѣлавшись въ настоящее время старцами, съ такимъ азартомъ напускаются на малѣйшее критическое отношеніе къ ихъ любимцу—Пушкину: для нихъ онъ былъ болѣе, чѣмъ поэтъ—онъ былъ ихъ недосягаемый идеалъ, ихъ богъ. И еще бы: онъ впервые задѣлъ своими лирическими стихотвореніями ихъ завѣтныя маленькія чувствица, ихъ крошечныя невинныя думки, не простиравшіяся далѣе вопроса о свиданіи или разлукѣ съ милымъ, созерцанія яснаго лѣтняго вечера въ деревнѣ, воспоминаній о счастливомъ дѣтствѣ и пр. Онъ впервые изобразилъ ихъ патріархальные, буколическіе нравы и начерталъ передъ ними идеалъ гордаго романтика, живущаго въ разладѣ съ окружающею средой и съ самимъ собою. Каждый юноша, мало-мальски честолюбивый, непремѣнно переживалъ въ то время періодъ, въ который мечталъ сдѣлаться Пушкинымъ, и исписывалъ тетрадки разными лирическими стихоизверженіями. Каждый спѣшилъ воспользоваться удобнымъ случаемъ увидѣть Пушкина и воображалъ при этомъ встрѣтить его непремѣнно окруженнымъ лучезарнымъ сіяніемъ. Вспомнимъ при этомъ удивленіе Гоголя, который, отправившись знакомиться съ Пушкинымъ и узнавъ отъ слуги, что тотъ спитъ, думалъ, что поэтъ непремѣнно провелъ всю ночь на Парнасѣ въ бесѣдѣ съ музами и—упалъ съ небесъ, узнавши, что Пушкинъ всю ночь проигралъ въ картишки.

Эта-то масса, невинно увлекавшаяся Пушкинымъ, встала теперь впереди, въ ней сосредоточилась умственная сила русскаго общества. Вмѣстѣ съ такимъ перемѣщеніемъ центра мысли, измѣнились мало-помалу нравственные идеалы—измѣнились самыя орудія и средства просвѣщенія. Объ измѣненіи нравственныхъ идеаловъ намъ придется говорить впослѣдствіи въ своемъ мѣстѣ; послѣ двадцать-пятаго года и впродолженіи десяти лѣтъ это измѣненіе идеаловъ не успѣло еще опредѣлиться; но орудія и средства развитія разомъ измѣнились. До 1825 года образованіе передовыхъ и мыслящихъ дѣятелей общества шло обыкновенно такимъ путемъ: сначала юноша воспитывался подъ руководствомъ домашнихъ учителей, преимущественно выходцевъ изъ-за границы. Иногда выходцы эти были крайне плохи и несостоятельны, но встрѣчались и образованные, развитые люди, имѣвшіе немаловажное вліяніе на развитіе будущихъ дѣятелей русской мысли. Потомъ юноша или прямо поступалъ на службу, или-же уѣзжалъ за границу доучиваться. Во всякомъ случаѣ, дальнѣйшее развитіе онъ пріобрѣталъ уже въ самой жизни, преимущественно въ чтеніи французскихъ мыслителей прошлаго вѣка, а если зналъ англійскій языкъ, то знакомился съ Локкомъ, Смитомъ, Бэлемъ и пр. Такимъ образомъ, передовые люди до тридцатыхъ годовъ получали свое развитіе непосредственно изъ европейскихъ источниковъ, минуя вліяніе отечественныхъ школъ и журналистики. Университеты и журналы имѣли ничтожное значеніе въ русской жизни. Если и упоминается въ двухъ, трехъ біографіяхъ объ окончаніи курса наукъ въ университетѣ, то постоянно при этомъ не безъ ироніи приводится на видъ, что юноша ничего не вынесъ изъ этого курса. Изучая умственное развитіе общества до тридцатыхъ годовъ, вы совершенно не видите учащейся молодежи, какъ особенной умственной и нравственной силы, стоящей впереди развитія. Что-же касается до журналовъ, то если нѣкоторые и имѣли свое значеніе, какъ, напримѣръ, сатирическіе журналы при Екатеринѣ или журналы Карамзина, во всякомъ случаѣ, форма періодическихъ сборниковъ, приданная этимъ изданіямъ въ подражаніе западнымъ образцамъ, вовсе не была вызвана органическою потребностью общества. Новиковъ могъ бы издавать отдѣльныя сатирическія брошурки; Карамзинъ—печатать свои произведенія отдѣльными выпусками, какъ онъ потомъ

дѣлалъ со своею исторіей; общество того времени читало бы и поучалось, и вовсе не чувствовало бы недостатка въ періодическихъ журналахъ. Доказательствомъ этого служитъ печальное состояніе русской журналистики въ царствованіе Александра I, когда журналы, при всемъ общественномъ возбужденіи, едва влачили свое существованіе почти безъ подписчиковъ.

Съ николаевской эпохи университеты и журналистика дѣлаются въ Россіи главными органами развитія мысли, и очень понятно почему. Путешествіе за границу и выписка иностранныхъ книгъ, въ особенности философскихъ и соціальныхъ, на которыя въ правительственныхъ сферахъ начали смотрѣть, какъ на главный источникъ всякихъ революціонныхъ стремленій, сдѣлались крайне затруднительными. Какъ ни плохо было общее состояніе университетскаго преподаванія, но въ немъ сосредоточилась единственная возможность получить хоть какое-нибудь систематическое, высшее образованіе. И между тѣмъ, какъ высшіе классы общества, по прежнему, продолжали пренебрегать университетами, массы средняго класса начали смотрѣть на университеты, какъ на главные центры просвѣщенія. Каждый отецъ семейства, въ которомъ мало-мальски были затронуты умственные интересы, только о томъ и мечталъ, какъ бы отдать своего сына въ университетъ. Еще болѣе возвышали значеніе университетовъ для среднихъ классовъ тѣ служебныя преимущества, съ которыми соединялось полученіе диплома. Наконецъ, и самое преподаваніе въ университетахъ начало улучшаться по мѣрѣ того, какъ, съ возбужденіемъ умственнаго движенія въ среднихъ классахъ, къ университетамъ сдѣлался приливъ молодыхъ и свѣжихъ силъ. Между тѣмъ какъ прежде все, что было наиболѣе энергическаго, развитаго, мыслящаго, тянулось въ высшія сферы, потому что тамъ былъ центръ броженія мысли, и юноша могъ мечтать найти тамъ широкое поле общественной дѣятельности; съ 1826 года, напротивъ того, каждый человѣкъ съ маломальски независимыми убѣжденіями и характеромъ старался подальше отойти отъ тѣхъ сферъ жизни, въ которыхъ ничего уже не стало требоваться, кромѣ безусловнаго повиновенія и подобострастной исполнительности. Профессорская-же карьера одна только могла сулить завидную независимость отъ тяжелаго гнета и удаленіе отъ разъѣдающихъ дрязгъ жизни въ неприступныя области науки. Естественно, что на университетскія каѳедры начали приливать свѣжія силы общества, и мы видимъ, что все умственное броженіе послѣдующаго времени группируется вокругъ университетовъ, или изъ нихъ исходитъ, или съ ними тѣсно соприкасается.

Вторымъ орудіемъ просвѣщенія сдѣлалась литература и преимущественно журналистика. Недостатокъ книгъ на русскомъ языкѣ, обусловленный, кромѣ скудости образованія, тяжестью цензурныхъ условій, и затруднительность выписки книгъ иностранныхъ естественно обусловили необходимость такихъ журналовъ, которые заключали бы въ себѣ энциклопедію всѣхъ знаній, наукъ, искусствъ, философіи, политики, которые сообщали бы и новости, и элементарныя свѣдѣнія, возбуждали умы, развивали и обогащали ихъ свѣдѣніями. Еслибы движеніе мысли, попрежнему, господствовало въ высшихъ классахъ, то, конечно, журналы не могли бы получить такого значенія, потому что какія строгія таможни вы ни придумайте противъ ввоза иностранныхъ книгъ, будьте увѣрены, что всевозможныя строгости окажутся ничтожными для людей, имѣющихъ власть, связи и деньги, и люди эти будутъ имѣть возможность доставать книги, какія только захотятъ. Но съ перемѣщеніемъ центра умственнаго движенія въ средніе круги, особенно въ массу людей, жившихъ по отдаленнымъ городамъ въ глуши провинцій — строгости цензурныя и таможенныя произвели то, что журналъ сдѣлался единственною умственною пищей, настольною книгой, изъ которой грамотные люди почерпали все свое развитіе и образованіе. Принявъ все это въ соображеніе, понятенъ становится успѣхъ „Телеграфа“. Это былъ первый журналъ, удовлетворившій насущной потребности той свѣжей массы, въ которой зачиналось умственное броженіе. Выйдя самъ изъ этой массы, Полевой отлично понималъ всѣ ея потребности. Масса видѣла въ романтизмѣ послѣднее слово прогресса — Полевой всталъ на сторону романтизма. Масса увлекалась Пушкинымъ — Полевой восхвалялъ ея любимца. Масса чувствовала потребность въ элементарныхъ свѣдѣніяхъ по всѣмъ отраслямъ знанія—Полевой въ обиліи сообщалъ ихъ въ своемъ журналѣ. Масса смутно порывалась къ прогрессу — Полевой постоянно проповѣдывалъ въ своемъ журналѣ необходимость стремиться къ прогрессу, учиться, развиваться, и съ другой стороны — вредъ апатіи, коснѣнія и праздности. Естественно, что масса была въ восторгѣ отъ „Телеграфа“. Молодежь зачитывалась имъ. Но чтобы читатели нагляднѣе могли видѣть, что это была за молодежь и что увлекало ее въ „Телеграфѣ“, мы приведемъ двѣ цитаты, одну изъ „Воспоминаній о студенчествѣ Грановскаго“ Григорьева, другую изъ „Литературныхъ воспоминаній“ И. Панаева.

«Большая часть моихъ товарищей,—говоритъ Григорьевъ, въ томъ числѣ и Грановскій, вступили въ университетъ, какъ и я, съ такими неразвитыми понятіями и такимъ ничтожнымъ запасомъ положительныхъ свѣдѣній, что вспомнить совѣстно. Маломальски смышленый гимназистъ настоящаго времени сдѣлался-бы оракуломъ, прослылъ-бы за чудо премудрости между тогдашними студентами петербургскаго университета. Изъ преподавателей, кто читалъ по «собственнымъ запискамъ», кто по печатнымъ учебникамъ. Отъ студентовъ требовалось заучиванье тѣхъ и другихъ наизусть; рѣдкій профессоръ бывалъ доволенъ, когда на репетиціяхъ слушатель отвѣчалъ собственными словами; большинство всю заслугу студентовъ поставляло въ томъ, чтобы они воспроизводили записки или учебникъ слово въ слово, безъ малѣйшаго отступленія, ничего не убавляя, ни прибавляя. Одинъ профессоръ, впрочемъ, въ наше время еще уволенный изъ университета, просто приходилъ въ ужасъ, когда видѣлъ, что студентъ упоминаетъ о какихъ-нибудь обстоятельствахъ предмета, не заключавшихся въ запискахъ. Исполняя требованіе преподавателей, мы и «зубрили» записки; чѣмъ кто былъ ревностнѣе къ занятіямъ тѣмъ усерднѣе упражнялся въ «зубреніи». Такъ, на первомъ курсѣ, желая отличиться, я и одинъ изъ товарищей моихъ выучили наизусть всю «Исторію Греціи» Арсеньева, два порядочныхъ тома убористой печати. Но это былъ подвигъ экстраординарный. Обыкновенно далѣе знанія профессорскихъ записокъ изученіе предмета не простиралось. Не только не тре-

бовалось отъ студента, чтобы онъ знакомился съ какими-либо о преподаваемой наукѣ сочиненіями, даже литература той или другой отрасли знанія не входила въ рамки преподаванія. Насъ какъ-бы заставляли думать, что въ профессорскихъ запискахъ заключается все, что только нужно и можно знать о предметѣ, и что, заучивъ ихъ, ничего не оставалось дѣлать болѣе... Пріятельскій кружокъ, о которомъ говорю, собирался нерѣдко in pleno у того или другого изъ его членовъ. Собравшись, толковали о всякой всячинѣ, de omni re scibili et quibusdam aliis, въ особенности о послѣднихъ: міръ духовъ и привидѣній былъ почти постояннымъ предметомъ разсказовъ, соображеній и догадокъ, но толковали иначе, нежели послѣдовавшія за нами университетскія поколѣнія. Я упомянулъ уже, что мы, вообще, были мало развиты умственно, и ни начитанностью, ни особымъ участіемъ къ предметамъ университетскаго преподаванія не отличались. Къ этому надо прибавить, что мы или вовсе не читали газетъ, или заглядывали въ нихъ случайно: стало быть, политика никоимъ образомъ не могла давать пищи нашимъ разглагольствованіямъ: парижская палата депутатовъ и ея ораторы какъ-бы вовсе для насъ не существовали. Кромѣ того, большинство изъ насъ не знало по-нѣмецки, и если и искусилось въ этомъ языкѣ, то, все-таки, съ философскою дѣятельностью Германіи нисколько не было знакомо: про Гегеля едва-ли и слухъ до насъ доходилъ; но немногимъ болѣе знали мы, кажется, и про Шеллинга, и про весь сонмъ германскихъ философовъ, начиная съ Канта. Труды протестантскихъ богослововъ не были извѣстны намъ даже по заглавіямъ. Ф. Шлегель съ его исторіей литературы представлялся для насъ апогеемъ философской глубины и туманности. При такой непривычкѣ къ умствованію, къ отвлеченностямъ, къ разсматриванію явленій въ ихъ идеѣ, даже о томъ немногомъ, что занимало насъ, толковали мы спроста, судя болѣе по голосу чувства, чѣмъ разсудка, почему и восхищались, и бранили довольно безотчетно».

Чѣмъ-же восхищалась эта молодежь въ „Телеграфѣ“ Полевого и что могло казаться либеральнаго въ этомъ журналѣ для нея, чуждой какихъ-бы то ни было общественныхъ вопросовъ? Вотъ что говоритъ объ этомъ предметѣ Панаевъ:

«Въ это время въ Европѣ была въ самомъ разгарѣ война классиковъ съ романтиками. Имена французскихъ сподвижниковъ романтизма: Гюго, Дюма, Барбье, Сулье, Сю, де-Виньи, Бальзака, начинали пріобрѣтать у насъ громкую извѣстность. Гюго своимъ предисловіемъ къ «Кромвелю» *нанесъ послѣдній ударъ классицизму*, какъ выражался К—овъ *), приходившій въ неистовый энтузіазмъ отъ этого предисловія и всегда носившійся съ «Кромвелемъ». Отъ Вальтеръ-Скотта я перешелъ къ французскимъ романтикамъ и читалъ ихъ съ жадностью. Борьба классиковъ съ романтизмомъ нѣсколько раздражила мои умственныя способности, давно требовавшія какой-нибудь пищи. Я сталъ подъ знамена романтизма, представителями котораго у насъ считалъ Полеваго, Пушкина и его школу, и торжествовалъ побѣду романтиковъ, имѣя, впрочемъ, очень слабое понятіе о томъ, что за звѣри классики. Подъ словомъ классицизмъ я неопредѣленно разумѣлъ, вообще, все отжившее, старое, обветшалое, и наоборотъ, подъ словомъ романтизмъ—все живое, новое, къ которому начиналъ чувствовать инстинктивное, неопредѣленное влеченіе. Почему возникла эта борьба? Какой смыслъ заключался въ этомъ явленіи? Я не могъ понимать этого... Въ торжествѣ романтизма я праздновалъ побіеніе Толмачевыхъ, Роговыхъ, Кайдановыхъ, Зябловскихъ, всѣхъ нашихъ тупыхъ наставниковъ, упорно державшихся за свои узкія и гнилыя понятьица и за свою пошлую мораль. Всѣ наши учителя, за исключеніемъ К—ова, всѣ инспекторы, всѣ гувернеры съ презрѣніемъ и ожесточеніемъ отзывались о новомъ литературномъ движеніи и считали его глубоко-безнравственнымъ. Мы считали ихъ классиками. Этого одного уже было довольно, чтобы мы сдѣлались романтиками.

«Литературная революція, какъ извѣстно, совпала во Франціи съ политическою революціей... И въ литературѣ, и въ политикѣ новыя идеи торжествовали; но я не имѣлъ ни малѣйшаго понятія о значеніи политическихъ движеній... Іюльская революція не произвела на меня ни малѣйшаго впечатлѣнія. Я слышалъ мелькомъ, что Карлъ X сверженъ и что вмѣсто него вошелъ на престолъ Людовикъ-Филиппъ... За что сверженъ одинъ и сдѣланъ королемъ другой—это меня нисколько не интересовало. Кромѣ литературы, ничто не трогало меня и я не имѣлъ ни о чемъ понятія».

*) К—овъ, учитель словесности въ благородномъ пансіонѣ при Спб. унив., гдѣ воспитывался Панаевъ.

Изъ всѣхъ этихъ выдержекъ мы видимъ, что юноши, у которыхъ въ головѣ была еще совершенная tabula rasa, хотя и увлекались романтизмомъ, но съ этимъ именемъ у нихъ не было еще связано никакихъ ясныхъ и опредѣленныхъ понятій, а только одно безотчетное порываніе къ чему-то свѣтлому, честному и смѣлому. При этомъ вопіющимъ недостаткомъ „Телеграфа“, составляющимъ его ахиллесову пяту, было то, что чтеніе этого журнала хотя и обогащало различными свѣдѣніями, въ то же время не давало никакихъ опредѣленныхъ идеаловъ, никакихъ систематическихъ убѣжденій, философскихъ, эстетическихъ, моральныхъ или общественныхъ. Доктрина, которую постоянно развивалъ Полевой о томъ, что поэты—факиры-мечтатели и страдальцы, была слишкомъ узка, чтобы обнять всѣ мучительные вопросы жизни; она не годилась никуда, даже и для тѣхъ, которые мечтали посвятить себя поэзіи. Вѣчныя однообразныя нападки въ демократическомъ духѣ на пустоту и тлетворность свѣтской жизни, насмѣшки надъ квасным ъ патріотизмомъ, да мелкія перебранки съ продажными литераторами въ родѣ Булгарина и Греча,—все это удовлетворяло общество нѣсколько времени въ страшные годы всеобщей апатіи, унынія, глухаго молчанія и пустоты, но мало-по-малу начало и пріѣдаться. Возбуждая умы, Полевой поселялъ въ нихъ жажду развитія, но въ то же время не имѣлъ никакихъ данныхъ, никакихъ силъ удовлетворить этой жаждѣ и, создавши что-либо новое, повести возбужденные умы впередъ. Не будучи вполнѣ человѣкъ стараго поколѣнія, т.-е. александровскаго, Полевой не сдѣлался и вполнѣ человѣкомъ новаго. Онъ понялъ потребности новаго времени гораздо лучше людей александровскаго періода и создалъ журналъ, въ которомъ всѣ нуждались, но понялъ ихъ, все-таки, односторонне, съ точки зрѣнія идеаловъ и воззрѣній своей юности. Послѣдній могиканъ, обломокъ эпохи 20-хъ годовъ, Полевой такъ привыкъ съ именемъ романтизма соединять все свѣтлое и прогрессивное, героическое, а съ именемъ классицизма все обскурантное и гнилое, что онъ никакъ не могъ выйти изъ этихъ рубрикъ и оцѣнить новыя явленія, которыя не подходили ни къ тому, ни къ другому роду. Явились, напримѣръ, произведенія Гоголя—Полевой не понялъ ихъ прогрессивнаго значенія, и не понялъ ихъ вовсе не потому, что былъ приверженецъ философіи Кузена, а не Гегеля,

какъ будто нужно непремѣнно быть гегелистомъ, чтобы понять и оцѣнить Гоголя: мы видимъ, что Пушкинъ былъ вполнѣ современникомъ и почти даже сверстникомъ Полевого (Полевой родился 1796 г., а Пушкинъ въ 1799 г.), о гегелевской философіи онъ имѣлъ еще менѣе понятія, чѣмъ Полевой, но Гоголя онъ понялъ и оцѣнилъ. Очень понятно, почему это произошло: не будучи человѣкомъ рѣзкаго, опредѣленнаго направленія, не связывая съ какою-либо доктриной всѣхъ своихъ понятій и міровоззрѣній, не видя въ ней душевнаго дѣла жизни, Пушкинъ гораздо легче могъ оцѣнить Гоголя, если не со всѣхъ сторонъ, то, по крайней-мѣрѣ, съ художественной. Для Полевого-же романтизмъ былъ не просто эстетическою теоріей, а всеобъемлющимъ прогрессомъ времени, не только художественнымъ, но моральнымъ и соціальнымъ. По его мнѣнію, поэзія должна быть небеснымъ откровеніемъ, исполненнымъ грандіозныхъ образовъ, которые отвлекали бы людей отъ мелочныхъ дрязгъ жизни, показывали бы имъ въ необыкновенныхъ личностяхъ образецъ величія, до котораго люди могутъ достигать, и возбуждали-бы, такимъ образомъ, въ людяхъ чувство гражданскаго героизма. Естественно, что съ такой точки зрѣнія онъ рѣшительно не понималъ, какое гражданское и нравственное значеніе можетъ имѣть поэзія, которая, вмѣсто того, чтобы возбуждать героизмъ грандіозными образами, напротивъ того изображаетъ, Богъ знаетъ для чего, однѣ только мелкія, пошлыя и грязныя стороны жизни. Еще болѣе сбило съ толку Полевого то, что всѣ отношенія литературныя перепутались, какъ это всегда бываетъ въ переходныя эпохи. Полевой естественно ждалъ новыхъ словъ и новыхъ явленій жизни изъ лагеря романтиковъ его школы, но молодая травка, растущая на развалинахъ, не разбираетъ, изъ-подъ какихъ плитъ и камней ей пробиваться. Новыя слова и новыя явленія, какъ признаки того самаго движенія, начало котораго возбудилъ самъ Полевой, не замедлили появиться отовсюду; изъ глубины университетскихъ аудиторій, изъ страницъ новыхъ органовъ, вздумавшихъ мѣряться съ „Телеграфомъ", соперничать съ нимъ и идти наперекоръ, и, къ ужасу Полевого, даже съ обветшалыхъ листовъ классическаго органа Каченовскаго. Явились шеллингисты, гегелисты, съ новыми взглядами на искусство, съ новыми требованіями отъ жизни. Это было начало движенія, которое впослѣдствіи принесло обильные плоды, но вначалѣ оно было столь еще неопредѣленно, хаотично, что рѣшительно невозможно было предугадать, что изъ него выйдетъ: рядомъ съ здоровыми задатками, въ туманномъ хаосѣ, оно носило въ себѣ элементы затхлые, схоластически школьные, аскетически отрѣшенные отъ всякихъ живыхъ вопросовъ; были элементы и болѣе сомнительнаго свойства. Полевой видѣлъ, напримѣръ, что университетская молодежь увлекалась Надеждинымъ, а Надеждинъ началъ свое литературное поприще въ органѣ Каченовскаго съ нападокъ на романтизмъ, соединенныхъ, какъ мы увидимъ ниже, съ инсинуаціями противъ Полевого, Пушкина и вообще романтиковъ,—несовсѣмъ благовиднаго свойства, тѣмъ болѣе, если принять въ соображеніе время, въ которое эти инсинуаціи появились, и духъ, господствовавшій тогда въ правительственныхъ сферахъ. Во враждѣ Полевого противъ Надеждина и его „Телескопа" была, безспорно, своя правая сторона: величайшая ошибка въ томъ, что на эту борьбу смотрѣли преимущественно съ эстетической точки зрѣнія, какъ на борьбу двухъ философскихъ лагерей—одного отсталаго лагеря Полевого, а другаго передоваго—лагеря Надеждина. Съ эстетической точки зрѣнія это было такъ; но, въ тоже время, въ борьбѣ этой со стороны Полевого была политическая честность и кое-какое либеральное чутье, за то, съ другой стороны, ничего не было, кромѣ отвлеченныхъ теорій и высокомѣрнаго гелертерства, соединеннаго съ отсутствіемъ всякаго литературнаго и политическаго такта. Въ этомъ отношеніи Полевой стоялъ неизмѣримо выше Надеждина и, какъ увидимъ ниже, нельзя сказать, чтобы современники не цѣнили этого.

Между тѣмъ, гнетъ реакціи становился все сильнѣе и чувствительнѣе... Ледянымъ воздухомъ вѣяло на Полевого съ сѣвера... Молодымъ и начинающимъ писателямъ, чуждымъ всякихъ общественныхъ вопросовъ и съ репутаціей еще ничѣмъ не заподозрѣнной, было не въ примѣръ легче, чѣмъ послѣднимъ могиканамъ александровской эпохи, въ томъ числѣ и Полевому... Когда, въ 1834 году, „Телеграфъ" былъ запрещенъ, положеніе Полевого было по истинѣ трагическое. Съ одной стороны правительство его гнало, съ другой—онъ не видѣлъ уже прежняго сочувствія къ себѣ со стороны общества и молодежи. Легко принимать на себя мученическій вѣнецъ, когда вы видите за собою рукоплесканія и крики, если не большинства, то вашей партіи или, наконецъ, хоть немногихъ вашихъ друзей, въ которыхъ вы видите будущихъ апостоловъ вашихъ идей. Но Полевой чувствовалъ, что его время прошло; онъ видѣлъ себя всѣми брошеннымъ и покинутымъ; финансы его были въ то-же время разстроены, и ему угрожала впереди темная, глухая нищета съ огромнымъ семействомъ на рукахъ. Не рѣшимся-же обвинять этого человѣка, зачѣмъ онъ не былъ такимъ героемъ, чтобы встрѣтить невзгоду мужественно и устоять на высотѣ своего нравственнаго достоинства. Положеніе его было до того безвыходно, что и не такія бы силы погнулись. Сбитый съ своей позиціи двумя противоположными толчками и сверху, и снизу, Полевой совершенно растерялся, упалъ духомъ и разсудилъ, что ему остается въ жизни одно: служеніе своей семьѣ. Онъ и предался этому единственному интересу, махнувши на все рукой. Далѣе затѣмъ, это уже не былъ прежній Полевой, а живой, ходячій трупъ Полевого, мечущійся то туда, то сюда, безъ всякой системы и послѣдовательности, съ единственною цѣлію поддерживать существованіе своихъ домочадцевъ. То снова принимается онъ за редакторство журнала, но журналы подъ его редакціей выходятъ безцвѣтны и пусты и не имѣютъ успѣха; то онъ пишетъ исторію для дѣтскаго чтенія, то ставитъ на сцену драмы въ духѣ того самаго кваснаго патріотизма, надъ которымъ онъ прежде смѣялся; сочиняетъ даже сказки для народа; за что только ни берется онъ,—во всемъ этомъ вы видите одинъ руководящій интересъ: поддержаніе семьи литературнымъ ремесломъ. Въ то-же время онъ сходится съ такими пи-

сателями, на которыхъ прежде онъ болѣе всего нападалъ, съ Булгаринымъ, Гречемъ, Сенковскимъ, унижается до того, что онъ, Полевой, стоявшій прежде во главѣ русской литературы, позволяетъ перемарывать и искажать свои статьи Сенковскому, этому литературному фигляру и шарлатану, чего не позволилъ бы себѣ иной начинающій писатель, принесшій въ редакцію первый свой трудъ. Наконецъ, онъ, Полевой, прежде столь грозный для „Сына Отечества", самъ принимаетъ редакторство этого журнала. Но при всемъ этомъ, нельзя не отдать долга справедливости, что и въ самомъ паденіи Полевого вы встрѣчаете черты, достойныя всякаго уваженія и обличающія въ немъ человѣка хорошаго закала. Бросивши знамя оппозиціи, онъ не сталъ топтать его ногами; онъ не послѣдовалъ постыдному обыкновенію ренегатовъ нападать на прежнихъ союзниковъ съ большимъ азартомъ и нетерпимостью, чѣмъ нападаютъ записные противники. Нѣтъ, и въ самомъ своемъ паденіи Полевой остался тѣмъ-же честнымъ, гуманнымъ писателемъ. Хотя онъ и не способенъ былъ оцѣнить значенія новыхъ явленій жизни, но онъ не проповѣдывалъ крестовыхъ походовъ на нихъ, не мѣшалъ имъ рости и развиваться, и не кричалъ о ихъ безнравственности и опасности. Ни одной тѣни хоть чего-нибудь похожаго на инсинуацію не встрѣтите вы ни въ одномъ сочиненіи послѣдующаго печальнаго періода его дѣятельности. Въ то-же время онъ не скрывалъ своего паденія, не старался подкрасить его какими-либо высшими соображеніями съ цѣлію оправдать себя передъ собою и другими. Напротивъ того, когда Бѣлинскій провожалъ его изъ Москвы до заставы и пожелалъ ему успѣховъ и счастія въ Петербургѣ, Полевой уныло улыбнулся и сказалъ: „Благодарю васъ, нѣтъ-съ, ужь какіе успѣхи! *Но если я буду дѣйствовать не такъ, какъ слѣдуетъ*, такъ не вините меня, а пожалѣйте-съ... Я человѣкъ, обремененный семействомъ". А впослѣдствіи, разговаривая съ покойнымъ Панаевымъ о Бѣлинскомъ, онъ сказалъ:

— Бѣлинскій — прекраснѣйшій, благороднѣйшій человѣкъ, горячая голова, энтузіастъ, но теперь намъ сходиться не для чего-съ. *Я здѣсь ужъ совсѣмъ не тотъ-съ.* Я вотъ долженъ хвалить романы какого-нибудь Штевена, а вѣдь эти романы—галиматья-съ.

— Да кто же заставляетъ васъ хвалить ихъ?

— Нельзя-съ, помилуйте, вѣдь онъ частный приставъ.

— Что-жь такое? Что вамъ за дѣло до этого?

— Какъ что за дѣло-съ? Разбери я его какъ слѣдуетъ, онъ, пожалуй, подкинетъ ко мнѣ въ сарай какую-нибудь вещь, да и обвинитъ меня въ кражѣ. Меня и поведутъ по улицѣ на веревкѣ, а вѣдь я отецъ семейства.

Эта страшная ясность сознанія своего паденія и, вмѣстѣ съ тѣмъ, беззастѣнчивая искренность, не только не старающаяся выставить свои поступки хоть въ сколько-нибудь благовидномъ свѣтѣ, а напротивъ того обнажающая передъ вами ихъ во всемъ ихъ комическомъ видѣ,—это такой удивительный и рѣдкій фактъ, что врядъ ли подобный вы найдете въ исторіи... Гораздо чаще мы встрѣчаемъ, что люди, падающіе неизмѣримо ниже Полевого, не только не сознаютъ своего паденія, напротивъ того, гордятся имъ, какъ особеннымъ гражданскимъ и нравственнымъ подвигомъ. За примѣрами ходить недалеко. Ихъ слишкомъ много въ современной намъ жизни.

Тяжелое, мучительное сознаніе своего паденія, сознаніе того, что уже онъ не тотъ, чѣмъ былъ прежде, еще мучительнѣе и тяжелѣе дѣлалось съ каждымъ днемъ вслѣдствіе того, что передъ Полевымъ стоялъ грозный и безпощадный обвинитель въ лицѣ Бѣлинскаго, который встрѣчалъ каждый нетвердый и колеблющійся шагъ падшаго учителя рѣзкимъ смѣхомъ, убійственными сарказмами и съ укоромъ каждый разъ указывалъ ему на былое, на успѣхъ и значеніе въ свое время „Телеграфа"... И по справедливости слѣдуетъ замѣтить, что филиппики Бѣлинскаго, всегда меткія и злыя, доходили иногда до жестокости чрезмѣрной и совершенно излишней. Возмущенный до глубины души паденіемъ Полевого, Бѣлинскій при своей натурѣ, страстно-увлекающейся, нетерпимой, до послѣдней крайности доводящей всякое положеніе—переливалъ иногда за край, нападалъ не на одни литературныя мнѣнія, но на самую личность Полевого, предавая осмѣянію такія слова и выраженія его, которыя сами по себѣ были извинительны, и, по всей вѣроятности, самъ Бѣлинскій не обратилъ бы на нихъ вниманія, еслибы не былъ ожесточенъ полемикой. Такъ, напримѣръ, Полевой, издавши свои лучшія критическія статьи подъ заглавіемъ „Очерки русской литературы", предпослалъ этому изданію предисловіе, въ которомъ сообщилъ кое-какія біографическія свѣдѣнія о своей жизни до-литературнаго поприща, а о литературномъ своемъ поприщѣ высказалъ слѣдующее:

«Въ романѣ, въ драмѣ, въ исторіи, критикѣ я всегда былъ одинъ и тотъ же. Мечтатель въ повѣсти, безпристрастный изслѣдователь въ исторіи, иногда строгій критикъ чужаго произведенія, я ошибался и думалъ, можетъ быть, невѣрно, но никогда не измѣнялъ добру, и никогда не подымалась рука моя сорвать вѣнокъ съ заслугъ, никогда голосъ мой не возвышался противъ дарованія истиннаго».

Эти слова можно было бы легко простить Полевому, несмотря на то, что они, повидимому, и противорѣчили дѣйствительности, такъ какъ на дѣлѣ Полевой подымалъ-таки руки, чтобы сорвать вѣнокъ съ Гоголя, и голосъ его возвышался противъ истиннаго дарованія; но Полевой дѣлалъ это не изъ зависти, не изъ низости, непредумышленно, совершенно не такъ, какъ это же самое творилъ Булгаринъ. Онъ могъ быть оправданъ тѣмъ, что относительно Гоголя онъ ошибался и думалъ невѣрно—но думалъ все-таки, честно и высказывался искренно... Что же удивительнаго, что отжившему человѣку осталось одно утѣшеніе, что онъ всегда былъ искрененъ и честенъ, и что худаго, если онъ это высказываетъ? Но Бѣлинскій напалъ за это на Полевого и не столько за несоотвѣтствіе словъ съ дѣйствительностью, сколько за то, что Полевой, самъ хвалясь своей честностью, нарушаетъ этимъ чувство нравственнаго смиренія.

«Всему этому мы охотно вѣримъ—говоритъ онъ въ своей рецензіи на книгу Полевого—и какъ не вѣрить, когда насъ увѣряетъ въ этомъ самъ Полевой, который себя знаетъ лучше другихъ? Но мы въ то же время думаемъ, что судъ о себѣ принадле-

жить другимъ, а не самому себѣ, и что подобныя увѣренія очень похожи на оправданія въ винѣ, въ которой насъ никто не уличалъ. Особенно интересны и умилительны увѣренія Полевого въ чистотѣ и незлобіи сердца—въ томъ, что ему всегда были чужды низкія чувства, каковы зависть, противорѣчіе съ своимъ убѣжденіемъ; что это подтвердятъ втайнѣ самые враги его; что многіе изъ бывшихъ его врагами, узнавъ его покороче, крѣпко жали ему руку и дѣлались его искренними друзьями и пр. и пр. (стр. IX). И этому всему мы охотно вѣримъ — изъ вѣжливости, но все это пріятнѣе было бы намъ услышать о Полевомъ отъ кого-нибудь другаго, чѣмъ отъ него самого...»

Это очень мѣтко и зло, но въ то же время и жестоко. Полевой стоилъ хотя ничтожнаго снисхожденія, если не во имя своихъ прежнихъ заслугъ, то хотя во имя того, что даже въ періодъ своего паденія онъ не доходилъ до такихъ крайнихъ реакціонныхъ мнѣній, которыя проповѣдывалъ тотъ же самый Бѣлинскій въ одинъ изъ періодовъ своей дѣятельности.

Единственно, что оправдываетъ Бѣлинскаго—это то, что, при всемъ своемъ увлеченіи негодованіемъ противъ Полевого, онъ былъ, все-таки, на столько честный, благородный и высокій человѣкъ, что, когда врагъ его сошелъ, наконецъ, въ могилу, не выдержавши грома его сарказмовъ и не достигши никакихъ матеріальныхъ цѣлей всѣми своими уступками, такъ-какъ онъ умеръ, ничего не оставивши своей семьѣ, всѣ громы Бѣлинскаго разомъ смолкли, и онъ первый выступилъ съ теплымъ и примирительнымъ словомъ въ пользу Полевого. Въ послѣдній годъ своей жизни Полевой издалъ книгу подъ заглавіемъ: „Столѣтіе Россіи, съ 1745 по 1845 годъ, или историческая картина достопамятныхъ событій въ Россіи за сто лѣтъ". Первый томъ этой книги былъ встрѣченъ Бѣлинскимъ безпощаднымъ смѣхомъ, но когда вмѣстѣ съ выходомъ втораго тома разнеслась вѣсть о смерти Полевого, вмѣсто рецензіи, Бѣлинскій помѣстилъ подъ заглавіемъ этой книги слѣдующій некрологъ:

«Вотъ послѣднее произведеніе Николая Алексѣевича Полевого, вышедшее въ свѣтъ при его жизни! Вмѣсто рецензіи намъ приходится писать некрологъ... Итакъ, и еще не стало одного изъ замѣчательнѣйшихъ дѣйствователей на поприщѣ русской литературы! Говоримъ: изъ «замѣчательнѣйшихъ», потому что наши съ нимъ несогласія во взглядѣ на многіе предметы нисколько не мѣшали намъ отдавать ему должную справедливость. Передъ гробомъ умершаго должны умолкать даже личныя вражды; но никогда никакія личныя отношенія не руководили насъ въ нашихъ отзывахъ о литературныхъ трудахъ и мнѣніяхъ Полевого. Каковъ бы-то ни былъ характеръ его литературной дѣятельности за послѣднія десять лѣтъ, въ немъ многое объясняется стѣсненными обстоятельствами... Во всякомъ случаѣ, забывая о недавнемъ, мы тѣмъ живѣе вспоминаемъ о первомъ блестящемъ періодѣ литературной дѣятельности этого необыкновеннаго человѣка, который самъ себѣ создалъ свои средства, начавъ учиться уже въ тѣ лѣта, когда другіе почти оканчиваютъ свое ученіе, который, опираясь на свою даровитую натуру, и съ свойственною русскому человѣку сметливостью, смышленостью и смѣлостью, можно сказать, создалъ журналъ въ Россіи... Этимъ онъ сдѣлалъ гораздо больше, нежели какъ теперь думаютъ, и вообще Полевой еще ждетъ, хотя, можетъ быть, не скоро дождется истинной оцѣнки; но онъ дождется ея, и имя его навсегда останется въ исторіи русской литературы и въ признательной памяти общества...

«Полевой умеръ 22-го февраля *), въ одинадцать часовъ вечера, на 49 году (онъ родился въ 1796 г.) отъ рожденія, послѣ трехнедѣльной мучительной болѣзни, нервной горячки, которую онъ не могъ перенести, давно уже истощивъ физическія силы свои напряженною работой. Полевой оставилъ послѣ себя большое семейство, и, какъ онъ всегда помогалъ трудомъ и достояніемъ своимъ всякому нуждающемуся въ его помощи, то самъ могъ оставить дѣтямъ своимъ только честное, почтенное имя и благодарность соотечественниковъ къ его неоспоримымъ заслугамъ, прекрасное наслѣдіе, которое не можетъ остаться безплоднымъ и для его семейства!».

Не ограничиваясь этимъ некрологомъ, Бѣлинскій въ томъ же году посвятилъ памяти Полевого цѣлую статью, въ которой онъ опредѣляетъ значеніе дѣятельности Полевого, ставя его наравнѣ съ передовыми просвѣтителями русской мысли—Ломоносовымъ, Новиковымъ и Карамзинымъ.

«Московскій Телеграфъ» — говоритъ Бѣлинскій въ этой статьѣ—былъ явленіемъ необыкновеннымъ во всѣхъ отношеніяхъ. Человѣкъ, почти вовсе неизвѣстный въ литературѣ, купецъ званіемъ, берется за изданіе журнала, и его журналъ съ первой же книжки изумляетъ всѣхъ своею живостью, свѣжестью, новостью, разнообразіемъ, вкусомъ, хорошимъ языкомъ, наконецъ, вѣрностью каждой строчки однажды принятому и рѣзко выразившемуся направленію. Такой журналъ не могъ бы быть незамѣченнымъ и въ толпѣ хорошихъ журналовъ, но среди мертвой, вялой, безцвѣтной, жалкой журналистики того времени, онъ былъ изумительнымъ явленіемъ. И съ первой до послѣдней книжки своей издавался онъ въ теченіи почти десяти лѣтъ съ тою постоянною заботливостью, съ тѣмъ вниманіемъ, съ тѣмъ неослабѣваемымъ стремленіемъ къ улучшенію, которыхъ источникомъ можетъ быть только призваніе и страсть. Первая мысль, которую тотчасъ же началъ онъ развивать съ энергіей и талантомъ, которая постоянно одушевляла его, была мысль о необходимости слѣдовать за успѣхами времени, улучшаться, идти впередъ, избѣгать неподвижности и застоя, какъ главной причины гибели просвѣщенія, образованія, литературы. Эта мысль, теперь общее мѣсто даже для всякаго невѣжды и глупца, тогда была новостью, которую почти всѣ приняли за опасную ересь. Надо было развивать ее, повторять, твердить о ней, чтобы провести ее въ общество, сдѣлать ходячею истиной.И это совершилъ Полевой!»

Эти слова Бѣлинскаго должны имѣть для насъ тѣмъ большее значеніе, что Бѣлинскій самъ началъ свое развитіе подъ вліяніемъ чтенія „Телеграфа" и на самомъ себѣ испыталъ значеніе этого журнала, какъ особеннаго момента развитія нашего общества.

V.

Послѣдовательность въ воспріятіи нашемъ различныхъ философскихъ системъ съ Запада.—Соотвѣтвѣтствіе философіи Шеллинга со степенью развитія нашего общества въ тридцатые годы.—Первые шеллингисты—пр. М. Г. Павловъ и кружокъ В. Ѳ. Одоевскаго.—Личность Одоевскаго. — Его универсальное образованіе.—Его идеи и вліяніе на современниковъ.—Новые вопросы, возбужденные философіей Шеллинга, и различные отвѣты на нихъ, послужившіе зародышами будущихъ направленій въ литературѣ.—Идея о гніеніи Запада въ связи съ шеллинговою философіей и духомъ времени.—Какъ эта идея отразилась на Одоевскомъ.—Журналы шеллингистовъ.—Мнѣніе Веневитинова.—Ст. Ив. Кирѣевскаго «XIX вѣкъ».—Письмо Чаадаева.

Не смотря на то, что всѣ направленія мысли, ко-

*) Въ 1846 году.

торыя мы встрѣчаемъ въ нашемъ обществѣ, начиная съ восшествія на престолъ Екатерины и до нашего времени, носятъ на себѣ сильное вліяніе различныхъ философскихъ и политическихъ системъ западной Европы, нельзя не удивляться той строгой, логической послѣдовательности, съ которою смѣнялись всѣ эти системы одна за другою на нашей почвѣ. Можно положительно сказать, что мы увлекались тою или другою системой не зря и какъ попало, а совершенно сообразно степени нашего собственнаго развитія, причемъ мысль воспринимала въ данную эпоху ту систему, которую она могла осилить. Вмѣстѣ съ этимъ, система принималась обыкновенно не беззавѣтно и безотносительно, какъ она развилась на Западѣ, а перерабатывалась сообразно потребностямъ, духу и степени пониманія нашего общества. Такъ, напримѣръ, мы видѣли, что изъ всего цикла идей XVIII вѣка, большинство образованныхъ людей нашего общества вынесло только чувство нравственнаго достоинства, стремленіе къ личной свободѣ и смутныя идеи о необходимости умственнаго прогресса. Романтизмъ, явившійся на смѣну скептицизму XVIII вѣка только подъ перомъ Жуковскаго былъ безсознательною, рабскою пересадкой съ Запада поэтическихъ формъ безъ всякаго отношенія ихъ къ нашей жизни. Но уже при Пушкинѣ и Полевомъ этотъ самый романтизмъ выражается, съ одной стороны, въ нравственномъ идеалѣ, имѣвшемъ глубокое соотвѣтствіе съ тою средой, въ которой онъ преобладалъ, съ другой стороны—съ стремленіемъ создать національную самобытную поэзію, и стремленіе это возникло не съ чужого голоса, не потому только, что на Западѣ въ то-же самое время повсюду стоялъ на первомъ планѣ вопросъ о народной поэзіи: оно было у насъ такимъ-же органическимъ явленіемъ, какъ и въ каждой странѣ Европы, въ которой господствовала до того времени ложноклассическая школа, оно вполнѣ соотвѣтствовало духу и настроенію общества. До какой степени стремленіе къ самобытности въ поэзіи лежало въ духѣ того времени, это мы видимъ на Пушкинѣ; всѣ вліянія различныхъ западныхъ поэтовъ, которымъ онъ подчинялся, нисколько не помѣшали ему быть поэтомъ чисто-русскимъ и вполнѣ самобытнымъ. Эта самобытность, сначала совершенно безсознательная и инстинктивная, все болѣе и болѣе осмысливалась въ поэтической дѣятельности Пушкина, пока наконецъ, подъ вліяніемъ идей, бродившихъ въ обществѣ, онъ не началъ искусственно, и потому весьма часто неудачно, стремиться къ народности.

Рядомъ съ идеей о народности, въ поэзіи появились различныя идеи о самобытности и народности цивилизаціи вообще. Эти идеи впервые ясно и сознательно выразились въ ученыхъ и литературныхъ кружкахъ шеллингистовъ, возникшихъ во второй половинѣ двадцатыхъ и первой половинѣ тридцатыхъ годовъ. Увлеченіе философіей Шеллинга, въ свою очередь, какъ нельзя болѣе соотвѣтствовало степени развитія нашего общества, его духу и настроенію.

Для этого общества нужна была именно такая философія, которая построила бы цѣлый міръ, хотя бы и призрачный, но полный величія, блеска, гармоніи, поражающій воображеніе, возбуждающій живой юношескій восторгъ и, въ то-же время, приводящій въ трепетъ своими мистическими, глубокими и неразгаданными тайнами. Такова и была философія Шеллинга. Основанная на тождествѣ духа и матеріи, признавая, что все существующее есть не что иное, какъ видимое тѣло невидимаго, безсмертнаго разума, воплощающаго въ реальныя конечныя формы свои безконечныя идеи, философія эта дѣлала прогрессивный шагъ впередъ, освобождая своимъ пантеизмомъ мысль отъ идеи произвольнаго личнаго творенія извнѣ, и въ то-же время вполнѣ удовлетворяла людей, привыкшихъ къ дуализму и не имѣвшихъ еще силъ отрѣшиться отъ него; она мирила философію съ тѣми преданіями, передъ которыми люди продолжали еще благоговѣть; она не снимала этихъ преданій, а только придавала имъ иной смыслъ и значеніе, сообразное со своею системой. Въ то-же время совершенно соотвѣтственно тому апоѳеозу чувства и фантазіи, въ которомъ выражалось романтическое движеніе у насъ въ двадцатые годы, философія Шеллинга, считая безсильнымъ и безплоднымъ опытный методъ для опредѣленія сущности всего существующаго, выше всего ставила интеллектуальное созерцаніе, нѣчто въ родѣ экстаза неоплатониковъ, внутреннее, непосредственное чувство, при помощи котораго человѣкъ постигаетъ безусловную, безконечную идею въ относительныхъ, конечныхъ формахъ бытія; однимъ изъ проявленій такого чувства, философія Шеллинга считала поэтическое творчество, въ которомъ человѣкъ самъ уподобляется безсмертному духу, воплощая безконечныя идеи въ тождественныя имъ конечныя формы искусства. Естественно, что для массы общества, живущей преимущественно жизнію чувства и созерцанія, едва вышедшей изъ средневѣковаго догматическаго дуализма и воспитанной исключительно на поэтическихъ произведеніяхъ, трудно было и придумать иную философію, которая соотвѣтствовала бы ея умственному развитію и міросозерцанію.

До какой степени общество наше было расположено къ воспринятію шеллинговой философіи, мы можемъ видѣть изъ того, что распространеніе ея произошло почти само собою, безъ малѣйшихъ усилій, безъ вліянія особенно геніальныхъ личностей, всепобѣждающему уму которыхъ можно было бы приписать искусственное увлеченіе общества идеями Шеллинга. Первыми пропагандистами шеллинговой философіи явились съ одной стороны московскій профессоръ М. Г. Павловъ, читавшій въ 1821 году курсъ физики и сельскаго хозяйства, и извѣстный, но, къ сожалѣнію, мало оцѣненный писатель В. Ѳ. Одоевскій, который въ двадцатыхъ годахъ собиралъ вокругъ себя кружокъ, во имя любомудрія занимавшійся изученіемъ шеллинговой философіи.

О Павловѣ вотъ какъ отзывается одинъ изъ его учениковъ:

«Каѳедра философіи была закрыта съ 1826 года, Павловъ преподавалъ введеніе къ философіи вмѣсто физики и сельскаго хозяйства. Физикѣ было мудрено научиться на его лекціяхъ, сельскому хозяйству невозможно; но его курсы были чрезвычайно полезны. Павловъ стоялъ въ дверяхъ физико-математическаго отдѣленія и останавливалъ студента вопросомъ: «Ты хочешь знать природу? Но что такое природа? Что такое знать?». Это чрезвычайно важно; наша молодежь, вступающая въ университетъ, совершенно лишена философскаго приготовленія; одни семинаристы

имѣютъ понятіе о философіи, за то совершенно превратное. Отвѣтомъ на эти вопросы Павловъ излагалъ ученіе Шеллинга и Окэна съ такою пластическою ясностью, которую никогда не имѣлъ ни одинъ натуръ-философъ. Если онъ не во всемъ достигнулъ прозрачности, то это не его вина, а вина мутности шеллинговаго ученія».

Кромѣ университетскихъ, Павловъ читалъ и публичныя лекціи въ февралѣ 1825 года. Въ то-же время появлялись его статьи и въ разныхъ журналахъ: такъ, въ „Мнемозинѣ", сборникѣ, изданномъ Одоевскимъ въ 1824 году, встрѣчается его статья „О способахъ изслѣдованія природы", а въ „Телескопѣ" 1831 года—„Философическій взглядъ на холеру". Наконецъ, въ 1833 году Павловъ издалъ курсъ физики, проникнутый идеями Шеллинга.

Въ то время, какъ Павловъ, а потомъ Надеждинъ (о которомъ рѣчь будетъ впереди) проводили идеи Шеллинга въ университетѣ, кружокъ Одоевскаго выступилъ на поприще журнальной пропаганды тѣхъ-же идей. Кружокъ этотъ, между прочимъ, заключалъ въ себѣ людей, игравшихъ въ то время видную роль въ нашей литературѣ; таковы были Д. В. Веневитиновъ, И. В. Кирѣевскій, С. П. Шевыревъ, М. П. Погодинъ. Въ лицѣ-же Одоевскаго въ кружкѣ этомъ стояла одна изъ самыхъ замѣчательнѣйшихъ личностей нынѣшняго столѣтія въ Россіи.

Одна изъ важныхъ ошибокъ нашей критики и исторіи литературы заключается въ томъ, что говоря о развитіи мысли въ разбираемую нами эпоху, преемственность въ развитіи мысли обыкновенно видятъ въ переходѣ отъ Полевого прямо къ Надеждину и кружку Станкевича съ Бѣлинскимъ. При этомъ совершенно упускаютъ изъ виду цѣлый моментъ въ развитіи нашей мысли, и моментъ тѣмъ болѣе важный, что въ немъ мы видимъ броженіе умовъ, изъ котораго впослѣдствіи проистекли всевозможныя направленія и партіи, существующія до нашего времени, какъ рѣки изъ одного общаго хребта горъ или вѣтви изъ одного корня. Личность Полевого почти не входитъ въ это броженіе; личность Надеждина играетъ въ немъ роль частную и второстепенную, выбравши на свою долю изъ массы вопросовъ, поднятыхъ этимъ броженіемъ, одни вопросы эстетическіе; что-же касается до кружка Станкевича, то онъ представляется явленіемъ уже послѣдующимъ и есть только одна изъ вѣтвей дерева, возникшаго изъ того общаго корня, о которомъ здѣсь идетъ рѣчь. Такимъ образомъ большинство нашихъ историковъ и критиковъ прыгаютъ съ отростка одного дерева (Полевой) прямо на отростокъ другого (Надеждинъ и кружокъ Станкевича) и оставляютъ безъ всякаго вниманія корень и стволъ того дерева, на который скачутъ. При этомъ остается въ тѣни и личность Одоевскаго, въ произведеніяхъ котораго, какъ въ фокусѣ, отражаются думы не только его современниковъ, но и младшаго поколѣнія, да мало еще этого: въ поразительно глубокомъ умѣ этого человѣка мелькали многіе идеи и вопросы, о которыхъ въ то время никто не имѣлъ еще и помышленія и которымъ только въ настоящее время придается значеніе въ нашемъ обществѣ.

Причина такого заблужденія заключается въ томъ, что наши историки и критики, говоря о развитіи нашего общества въ послѣднія 30—40 лѣтъ, имѣли въ виду, по большей части, исключительно развитіе изящной литературы, эстетическихъ понятій и критики. При такомъ взглядѣ естественно представлялось, что послѣ Полевого—лучшимъ критикомъ былъ Надеждинъ, а потомъ Бѣлинскій; Пушкину наслѣдовали Гоголь и Лермонтовъ. Одоевскій-же не былъ вовсе критикомъ, а какъ поэтъ, онъ представляется поэтомъ второстепеннымъ, потому что мыслитель еще болѣе преобладалъ въ немъ надъ поэтомъ, чѣмъ это мы видимъ въ Искандерѣ. Единственный хоть сколько-нибудь полный критическій разборъ произведеній Одоевскаго мы встрѣчаемъ въ сочиненіяхъ Бѣлинскаго (т. 9, стр. 29), но Бѣлинскій, при всемъ уваженіи къ Одоевскому и желаніи оцѣнить его значеніе по достоинству, не могъ представить всестороннѣй оцѣнки дѣятельности Одоевскаго, потому что личность эта стояла слишкомъ близко ко времени Бѣлинскаго. Къ тому-же, въ разборѣ преобладаетъ эстетическая точка зрѣнія. Бѣлинскій слишкомъ много вниманія обращаетъ на поэтическую сторону произведеній Одоевскаго—входитъ по этому поводу въ разсужденіе о томъ, въ какомъ случаѣ дидактизмъ можетъ быть терпимъ въ поэзіи; что-же касается идей Одоевскаго, то Бѣлинскій относится къ нимъ почти исключительно полемически, встрѣчая у Одоевскаго рядъ взглядовъ, которые естественно представлялись уже отсталыми въ 1840 г., и въ ратованіи противъ которыхъ Бѣлинскій видѣлъ свое главное призваніе. Между прочимъ, онъ встрѣчаетъ у Одоевскаго нѣкоторые оттѣнки славянофильства и, какъ западникъ, конечно, напускается на эти оттѣнки, не замѣчая, что Одоевскій самъ по себѣ вовсе не былъ ни западникомъ, ни славянофиломъ въ строгомъ смыслѣ этого слова. Направленія мысли, изъ которыхъ потомъ развѣтвляются различныя партіи, отличаются всегда тѣмъ, что въ нихъ вы встрѣтите въ общемъ хаотическомъ броженіи оттѣнки всевозможныхъ послѣдующихъ развѣтвленій. Таково было направленіе Одоевскаго и прочихъ шеллингистовъ въ эпоху десятилѣтія отъ 25—35 годовъ: нападая на славянофильство Одоевскаго, Бѣлинскій былъ въ той-же мѣрѣ правъ, въ какой былъ-бы правъ любой славянофилъ, еслибы нападалъ на Одоевскаго, какъ на западника.

Если мы начнемъ съ внѣшней характеристики Одоевскаго, то и съ этой стороны невольно должна остановить наше вниманіе типичность и оригинальность, съ которыми эта личность рисуется въ средѣ своихъ современниковъ, исполненныхъ романтическими образами и средневѣковыми понятіями.

Дѣло въ томъ, что въ 20-е годы подъ занятіемъ философіей разумѣли не то, что въ наше время, т.-е. не простое изученіе какой-либо философской системы или всѣхъ вмѣстѣ въ связи и послѣдовательности; нѣтъ, въ философіи видѣли универсальную науку всѣхъ наукъ, сосредоточивающую въ себѣ всѣ отрасли знаній, мистическое таинство, что-то въ родѣ средневѣковой алхиміи, магіи или кабалистики; со страхомъ и трепетомъ вступали въ ея область, надѣясь въ непроницаемой, темной глубинѣ ея найти такое знаніе всѣхъ знаній, которое сдѣлало бы человѣка всезнающимъ и всемогущимъ, отворило замки во всѣ тайны

природы и разрушило передъ человѣкомъ завѣсу, отдѣляющую видимый міръ отъ невидимаго, загробнаго. Въ силу такого средневѣковаго представленія философіи, въ то время существовало уже давно утраченное въ наше время понятіе о философѣ, какъ объ особенномъ мудрецѣ, отличающемся отъ всѣхъ обыкновенныхъ смертныхъ не одними знаніями, но привычками, нравами и образомъ жизни, стоящемъ выше всѣхъ предразсудковъ и слабостей; если-же въ добавокъ, этотъ философъ занимался естественными науками, то онъ представлялся современникамъ положительно чѣмъ-то въ родѣ чародѣя и мага, и реторты, черепа, старинныя книги въ ветхомъ пергаментѣ въ кабинетѣ философа производили мистическій ужасъ на посѣтителей. Одоевскій какъ нельзя болѣе удовлетворялъ своихъ современниковъ осуществленіемъ подобнаго идеала философа. Вотъ какъ описываетъ И. Панаевъ впечатлѣніе, которое произвелъ на него Одоевскій:

«Когда я въ первый разъ былъ у Одоевскаго, онъ произвелъ на меня сильное впечатлѣніе. Его привлекательная, симпатическая наружность, таинственный тонъ, съ которымъ говорилъ онъ обо всемъ, безпокойство въ движеніяхъ человѣка, озабоченнаго чѣмъ-то серьезнымъ, выраженіе лица постоянно задумчивое, размышляющее—все это не могло не подѣйствовать на меня. Прибавьте къ этому оригинальную обстановку его кабинета, уставленнаго необыкновенными столами съ этажерками и съ таинственными ящичками и углубленіями; книги на стѣнахъ, на столахъ, на диванахъ, на полу, на окнахъ —и, притомъ, въ старинныхъ пергаментныхъ переплетахъ съ писанными ярлычками на задкахъ; портретъ Бетховена съ длинными сѣдыми волосами и въ красномъ галстухѣ; различные черепа, какія-то необыкновенной формы стклянки и химическія реторты...

«Я почувствовалъ невольную лихорадку, когда онъ заговорилъ со мною. Такъ точно дѣйствовалъ Одоевскій и на моего пріятеля Дирина, о которомъ я говорилъ выше. Диринъ благоговѣйно любилъ Одоевскаго, но одна мысль о его учености приводила его въ трепетъ. Меня такъ и тянетъ къ этому человѣку, говорилъ мнѣ Диринъ:—въ немъ столько симпатическаго!... Но когда онъ о чемъ-нибудь заговоритъ со мною, я вдругъ робѣю, чувствую внутреннюю дрожь, и языкъ прилипаетъ у меня къ гортани... Меня это мучитъ, онъ долженъ считать меня ужаснѣйшимъ дуракомъ! — Диринъ и въ могилу унесъ раболѣпный страхъ къ Одоевскому».

Если во вторую половину 30-хъ годовъ, когда философія на половину утратила уже своей мистической таинственности, Одоевскій производилъ такое впечатлѣніе, то вы подумайте, какое впечатлѣніе долженъ былъ производить онъ въ 20-е годы въ средѣ общества, погруженнаго въ глубокій мистицизмъ. И надо отдать справедливость, обстановка кабинета Одоевскаго не была одною только обстановкой, фантастическими аксессуарами романтика, который, драпируясь въ мантію средневѣковаго Фауста, скрывалъ бы подъ нею тощую скудость поверхностнаго диллетантизма. Напротивъ того, когда вы читаете „Русскія ночи“ Одоевскаго, васъ невольно поражаетъ универсальность и обстоятельность знаній этого человѣка по самымъ разнообразнымъ отраслямъ. Можно положительно сказать, что вы не много найдете въ Россіи людей, которые обладали бы такимъ обширнымъ энциклопедизмомъ. Онъ изучилъ многія отрасли естественныхъ наукъ и зналъ ихъ не только въ томъ состояніи, въ какомъ онѣ находились въ его время, но и въ историческомъ ихъ развитіи съ древнихъ временъ; о музыкѣ онъ судилъ не какъ диллетантъ, т.-е. не объ однихъ эстетическихъ впечатлѣніяхъ и ощущеніяхъ по поводу различныхъ пьесъ, но какъ знатокъ музыки въ ея техническихъ таинствахъ, и, опять-таки, имѣлъ свѣдѣнія объ историческомъ ходѣ развитія музыкальнаго искусства. Рядомъ съ различными философскими системами древнихъ и новыхъ вѣковъ, рядомъ съ энциклопедистами XVIII вѣка и нѣмецкими идеалистами его времени, до Шеллинга включительно, онъ изучилъ различныя школы политической экономіи отъ Адама Смита до Фурье (мы видимъ въ его „Русскихъ ночахъ“, что онъ былъ знакомъ со школой Фурье. См. Соч. Од., Т. I, стр. 333).

Подобная универсальная образованность, ставившая его цѣлою головой выше своихъ современниковъ, невольно приводила его къ такимъ идеямъ и вопросамъ, которые въ туманныхъ и темныхъ головахъ людей 30-хъ годовъ были немыслимы. Такъ, напримѣръ, говоря о вредѣ излишняго раздробленія наукъ по отдѣльнымъ спеціальностямъ, онъ, между прочимъ, выставляетъ слѣдующіе вопросы:

«Скажите мнѣ, сдѣлайте милость, химическій составъ тѣхъ или другихъ веществъ, употребляемыхъ въ пищу, какое можетъ имѣть вліяніе на организмъ человѣка и слѣдственно на одинъ изъ источниковъ общественнаго богатства»?—«Извините, это не по моей части; я занимаюсь лишь финансовою наукой».

«Скажите, нельзя-ли объяснить нѣкоторыя историческія происшествія вліяніемъ химическаго состава веществъ, въ разныя времена употреблявшихся въ пищу человѣкомъ?»—«Извините, я не могу развлекаться изученіемъ исторіи—я химикъ».

«Скажите, милостивый государь, до какой степени распространеніе теорій *за* и *противъ*, врожденныхъ идей въ Платоновомъ смыслѣ, могутъ имѣть вліяніе на административныя мѣры въ томъ или другомъ государствѣ?»—«Какой странный вопросъ! онъ слишкомъ далекъ отъ меня—я чиновникъ, бюрократъ».

«А вы, милостивый государь, не можете-ли мнѣ сказать, до какой степени гармоническое построеніе души человѣческой должно быть принимаемо въ соображеніе при полицейскомъ устройствѣ города?»—«Это, кажется, принадлежитъ къ камеральнымъ наукамъ, а я преподаю логику и риторику».

«Милостивый государь, вы такъ хорошо пишете, чтобы вамъ написать книгу человѣческимъ языкомъ, которая-бы сдѣлала для всякаго привлекательными и доступными физическія занятія?»—«Что дѣлать? Это не мой предметъ! Я занимаюсь только изящною литературой».

Въ то-же время Одоевскій былъ, конечно, первый въ Россіи, который вздумалъ усомниться въ исторіи, какъ въ наукѣ, отведя ей въ числѣ гуманныхъ наукъ такое-же мѣсто, какое метереологія имѣетъ въ числѣ наукъ положительныхъ. По мнѣнію Одоевскаго, исторія только тогда сдѣлается наукой, когда приметъ методъ положительныхъ наукъ.

«Вы знаете также, говоритъ Одоевскій (370-я стр. 1-й части «Соч. Од.), что въ нашемъ вѣкѣ аналитическая метода въ большомъ ходу; я не понимаю, какъ никто до сихъ поръ не догадался приложить къ исторіи того-же способа изслѣдованія, какой, напримѣръ, употребляютъ химики при разложеніи органическихъ тѣлъ; сначала доходятъ они

до ближайшихъ началъ тѣла, каковы, напримѣръ, кислоты, соли и проч., наконецъ, до самыхъ отдаленныхъ его стихій, каковы, напримѣръ, четыре основные газа; первыя различны въ каждомъ органическомъ тѣлѣ, вторыя—равно принадлежатъ всѣмъ органическимъ тѣламъ. Для этого рода историческихъ изслѣдованій можно было-бы образовать прекрасную науку, съ какимъ-нибудь звучнымъ названіемъ, напримѣръ, *Аналитической этнографіи* *). Эта наука была-бы въ отношеніи къ исторіи тѣмъ-же, что химическое разложеніе и химическое соединеніе въ отношеніи къ простому механическому раздробленію и механическому смѣшенію тѣлъ». «Почему знать! говоритъ онъ ниже: можетъ быть, историки посредствомъ *аналитической этнографіи* **) дойдутъ до нѣкоторыхъ изъ тѣхъ-же результатовъ, до которыхъ дошли химики въ физическомъ мірѣ; откроютъ взаимное сродство нѣкоторыхъ элементовъ, взаимное противодѣйствіе другихъ, способъ уничтожать или мирить сіе противодѣйствіе; откроютъ ненарокомъ тотъ чудный химическій законъ, по которому элементы тѣлъ соединяются въ опредѣленныхъ пропорціяхъ и въ прогрессіи простыхъ чиселъ, какъ одинъ и одинъ, одинъ и два и такъ далѣе; можетъ быть, наткнутся на то, что химики съ отчаянья назвали каталитическою силой, т.-е. превращеніе одного тѣла въ другое посредствомъ присутствія третьяго, безъ явнаго химическаго соединенія; можетъ быть, также убѣдятся они, что въ историческомъ производствѣ должно употреблять необходимо реактивы *чистые* ***), безъ всякой примѣси, подъ страхомъ наказанія фальшивыми результатами; даже приблизятся, можетъ быть, и къ основнымъ элементамъ. Конечною, идеальною цѣлью аналитической этнографіи было-бы—*возстановить исторію* ****), т.-е. открывъ анализисомъ основные элементы народа, по симъ элементамъ систематически построить его исторію; тогда, можетъ быть, исторія получила-бы нѣкоторую достовѣрность, нѣкоторое значеніе, имѣла-бы право на названіе науки; тогда какъ до сихъ поръ она только весьма скучный романъ, исполненный прежалкихъ и неожиданныхъ катастрофъ, остающихся безъ всякой развязки, и гдѣ авторъ безпрестанно забываетъ о своемъ героѣ, извѣстномъ подъ названіемъ «человѣка».

Но и этого еще мало: въ „Русскихъ ночахъ" вы встрѣчаете идею о развитіи органической жизни, близкую къ теоріи Дарвина, которую Одоевскій, такъ сказать, предчувствовалъ, хотя, конечно, не имѣлъ о ней понятія. Дѣло въ томъ, что извѣстная теорія Мальтуса послужила отличнымъ подспорьемъ для романтика изобразить въ произведеніи „Послѣднее самоубійство" грандіозную и мрачную картину того момента, когда земной шаръ переполнится и жизнь станетъ въ противорѣчіи сама съ собою, т.-е. послужитъ источникомъ смерти и истребленія, такъ что людямъ останется, проклиная жизнь, поспѣшить избавиться отъ нея общимъ самоубійствомъ. Развивая такую картину, Одоевскій, между прочимъ, говоритъ:

«Вскорѣ между толпами явились люди—они, казалось, съ давняго времени вели счетъ страданіямъ человѣка—и въ итогѣ выводили все его существованіе. Обширнымъ, адскимъ взглядомъ они обхватывали минувшее и преслѣдовали жизнь съ самаго ея зарожденія. Они вспоминали, какъ она, подобно татю, закралась сперва въ темную земляную глыбу и тамъ, посреди гранита и гнейса, мало-по-малу, истребляя одно вещество другимъ, развила новыя произведенія, болѣе совершенныя; потомъ, на смерти одного растенія, она основала существованіе тысячи другихъ; истребленіемъ растеній она размножила животныхъ; съ какимъ коварствомъ она приковала къ страданіямъ одного рода существъ наслажденія, самое бытіе другаго рода! Они вспоминали, какъ, наконецъ, честолюбивая, распространяя ежечасно свое владычество—она все болѣе и болѣе умножала раздражительность чувствованія, и безпрестанно въ каждомъ новомъ существѣ прибавляя къ новому совершенству новый способъ страданія, достигла, наконецъ, до человѣка, въ душѣ его развернулась со всею своею дѣятельностью и счастіе всѣхъ людей возстановила противъ счастія каждаго человѣка».

При этомъ становится рѣшительно загадкой, какъ человѣкъ съ такою свѣтлою головой, съ такою массой знаній и при томъ знаній, въ которыхъ положительныя науки преобладали—ограничился одними только предчувствіями, темными гаданіями и отдѣльными мыслями въ духѣ положительнаго міросозерцанія, а не сдѣлался положительнымъ мыслителемъ всецѣло? Какъ онъ могъ удовлетвориться такою туманною, мистическою философіей, какова была философія Шеллинга, и всѣ свои аргументы, взятые изъ положительныхъ наукъ, употребилъ для доказательствъ истины этого мутнаго ученія? Не противорѣчитъ-ли это вполнѣ положенію, которое въ послѣднее время такъ часто высказывается современными мыслителями—именно, что съ увеличеніемъ массы положительныхъ знаній разсѣевается мистическій туманъ и человѣкъ съ метафизической почвы переходитъ на почву положительную? Здѣсь мы находимъ, повидимому, полное опроверженіе такого взгляда. Какихъ-же еще знаній недоставало Одоевскому, чтобы встать на положительную почву? Свѣдѣнія его были гораздо обширнѣе, чѣмъ у многихъ русскихъ реалистовъ нашего времени, но, при всемъ томъ, онъ былъ приверженецъ Шеллинга. Но дѣло въ томъ, что положеніе о вліяніи положительныхъ знаній на мысль безусловно можетъ быть примѣнено только къ ходу историческаго развитія всего человѣчества; къ отдѣльному-же человѣку это положеніе должно быть примѣняемо крайне относительно. Не масса знаній сама по себѣ измѣняетъ міросозерцаніе, но тотъ трудъ, который производитъ мозгъ надъ этою массой, и та переработка самаго мозга, которая происходитъ во время этого труда, переработка, обусловливающая такъ-называемое умственное развитіе. Физіологія не дошла еще до того, чтобы опредѣлить, въ чемъ заключается измѣненіе мозга во время развитія мысли, но гипотетически мы можемъ сказать съ большою достовѣрностью, что та или другая система міросозерцанія зависитъ не отъ одной массы знаній, но и отъ большей или меньшей энергіи, утонченности и вообще выработки мозговаго вещества. Выработка-же эта есть дѣло не одного только частнаго развитія индивидуума, но преемственное развитіе въ цѣломъ ряду поколѣній. Мы видимъ, что при всемъ разнообразіи въ степеняхъ умственнаго совершенства, начиная отъ идіота и до геніальнаго человѣка, въ данномъ поколѣніи всегда замѣчается извѣстный уровень мозговаго совершенства, опредѣляющій степень общаго міросозерцанія и духъ времени, и какою-бы массой свѣдѣній ни обладали отдѣльные люди, какъ-бы они ни были геніаль-

*) **) ***) ****) Курсивы въ подлинникѣ.

ны, имъ никогда не удастся уйти слишкомъ далеко отъ образованной массы своихъ современниковъ; если они и дѣлаютъ два-три открытія и пріобрѣтенія въ богатствѣ мысли, то въ этомъ они, по большей части, повинуются общему движенію всего передового поколѣнія; имъ принадлежитъ обыкновенно только пальма первенства въ высказываньи того, къ воспринятію чего всѣ мыслящіе люди уже готовы и что у многихъ таится уже на душѣ. Причинъ такого приравненія мысли индивидуума къ массѣ и невозможности уйти отъ нея слишкомъ далеко впередъ можно насчитать множество: возьмемъ геніальнаго человѣка, у котораго мозгъ гораздо совершеннѣе, чѣмъ не только у всѣхъ современниковъ, но и у нѣсколькихъ послѣдующихъ поколѣній. Но вѣдь этотъ человѣкъ, какъ онъ ни геніаленъ, переживаетъ въ дѣтствѣ такіе моменты развитія, въ которые мозгъ его менѣе совершененъ, чѣмъ у многихъ взрослыхъ современниковъ его, съ крайне ограниченными способностями. Эти люди воспитываютъ геніальнаго юношу, т.-е. сказать точнѣе, внушаютъ ему такія мозговыя привычки въ видѣ всякаго рода идей, вѣрованій, предразсудковъ, которыя лежатъ въ общемъ уровнѣ развитія общества. Эти мозговыя привычки пріобрѣтаютъ тѣмъ болѣе упорства, что человѣкъ воспринимаетъ ихъ не отъ однихъ воспитателей и не изъ однихъ учебниковъ, а отъ всей окружающей его среды, усиливая ихъ ежедневными впечатлѣніями. Затѣмъ, если при увеличеніи массы свѣдѣній у человѣка и начнутъ проскальзывать новые взгляды и новыя идеи, вмѣсто того, чтобы принимать ихъ прямо и непосредственно, какъ они возникаютъ въ индуктивной работѣ мозга, человѣкъ замѣчаетъ противорѣчіе ихъ съ привычными взглядами и понятіями, вынесенными изъ воспитанія, и прямое развитіе мысли замедляется борьбой противорѣчій и стремленіемъ помирить ихъ и выйти изъ нихъ такъ или иначе. Хорошо еще, если и передовое движеніе въ обществѣ совпадаетъ съ такимъ-же процессомъ или уже вышло изъ него; въ такомъ случаѣ борьба рѣшается скоро при посредствѣ внѣшнихъ вліяній, поддержкѣ со стороны другихъ людей и общемъ сотрудничествѣ въ разработкѣ мысли; но если передовое движеніе совершается совсѣмъ въ иномъ духѣ и въ обратную сторону? Не забудьте, что въ каждомъ передовомъ движеніи заключается бездна заразительнаго и увлекательнаго энтузіазма, подъ обаяніемъ котораго отдѣльный человѣкъ, какъ-бы онъ ни былъ геніаленъ, подчиняется общему теченію и, вмѣсто индуктивной работы мозга надъ массой свѣдѣній, онъ можетъ поступить наоборотъ: увлекшись даннымъ движеніемъ— всѣ свои знанія пріурочить къ оправданію и ускоренію этого движенія. Случается и такъ, что люди, одаренные богатою индукціей, приходятъ къ идеямъ, опереживающимъ нѣсколько поколѣній, но однѣ изъ этихъ идей утаиваютъ, отчасти изъ боязни быть непонятыми, отчасти изъ собственнаго недовѣрія къ нимъ, другія идеи и желали-бы высказать, но не въ силахъ, потому что они могутъ владѣть въ совершенствѣ только языкомъ, выработаннымъ современнымъ имъ поколѣніемъ, а такой языкъ оказывается безсильнымъ для выраженія идей, слишкомъ ужь превышающихъ общій уровень образованности. Иногда, впрочемъ, и удается людямъ высоко-талантливымъ и геніальнымъ высказывать мысли, судьба которыхъ сдѣлаться современными только черезъ нѣсколько столѣтій, но за то эти мысли остаются не только непонятыми всѣми слѣдующими поколѣніями, но и сами изобрѣтатели ихъ не придаютъ имъ того значенія, какое будетъ имъ придаваться только впослѣдствіи. Это мы видимъ и на Одоевскомъ. Отдѣльныя свѣтлыя мысли, которыя мы встрѣчаемъ въ его произведеніяхъ, только въ настоящее время могутъ быть оцѣнены надлежащимъ образомъ и онѣ сами собою мечутся намъ въ глаза. Но въ эпоху Бѣлинскаго подобныя мысли положительно не замѣчались, и Бѣлинскій не обратилъ на нихъ никакого вниманія. Но и самъ Одоевскій не достаточно цѣнилъ эти мысли. Его привела къ нимъ невольная индукція мозга при массѣ свѣдѣній, которыми онъ обладалъ, но эти мысли шли совершенно въ разрѣзъ съ направленіемъ его мозга, которое было внушено ему духомъ его времени и общимъ движеніемъ мысли его современниковъ. Вліяніе дѣтскаго воспитанія и окружающей среды было слишкомъ сильно, чтобы нѣсколькимъ ушедшимъ впередъ мыслямъ пошатнуть все зданіе тѣхъ преданій, въ духѣ которыхъ Одоевскій былъ воспитанъ и въ атмосферѣ которыхъ онъ жилъ; шеллингова философія болѣе соотвѣтствовала этимъ преданіямъ и въ то-же время была передовою, которою всѣ увлекались. Въ то-же время Одоевскій нашелъ и нѣкоторыя точки соприкосновенія съ идеями Шеллинга многихъ изъ тѣхъ идей, къ которымъ пришелъ универсальностью своего образованія. Такъ, напримѣръ, онъ дошелъ до удивительно свѣтлой и только въ настоящее время вполнѣ развившейся идеи, что науки, чѣмъ болѣе специализируются и разрозниваются, тѣмъ становятся безсильнѣе; изученіе-же ихъ въ живой связи и взаимное просвѣтленіе фактами одной науки фактовъ другой—должны значительно ускорить движеніе знаній и привести къ богатымъ результатамъ. Но вѣдь и Шеллингъ нападалъ на специализированье знаній и односторонность опытныхъ наукъ, все безсиліе которыхъ, по его мнѣнію, заключалось въ томъ, что каждая изъ нихъ изучаетъ какой-нибудь отдѣльный уголокъ вселенной, совершенно опуская изъ вида, что только созерцаніе цѣлаго зданія въ тѣсной связи всѣхъ его частей можетъ дать понятіе о немъ. Разница только въ томъ, что современная мысль ищетъ связи между отдѣльными науками, для того, чтобы этимъ расширить сферу опытнаго метода; философія-же Шеллинга, нападая на спеціальности, нападала, вмѣстѣ съ тѣмъ, и на стремленіе ихъ достигнуть чего-нибудь путемъ опыта. Эти два теченія мы встрѣчаемъ и въ „Русскихъ ночахъ“ Одоевскаго. Съ одной стороны, съ точки зрѣнія Шеллинга, Одоевскій распространяется о безплодности наукъ достигнуть чего-либо путемъ опыта, и вмѣстѣ съ Шеллингомъ превозноситъ внутреннее чувство, посвящающее человѣка въ тайны тождества и гармоніи вселенной. Въ другихъ-же мѣстахъ, какъ мы видѣли выше, онъ превозноситъ опытный методъ до того, что не считаетъ наукой исторію, не усвоившую еще вполнѣ этого метода. И замѣчательно, что, высказавши такую идею, Одоевскій самъ созналъ, что она противорѣчитъ всей почти книгѣ и не скрываетъ этого сознанія:

«*Викторъ.* Побѣда, побѣда, господа! нашъ идеалистъ самъ нечувствительно дошелъ до того, противъ чего возставалъ, дошелъ до необходимости опыта, эмпиризма... въ томъ и дѣло, другъ: какими окольными путями ни обходи знаніе, все дойдешь до его единственнаго исходнаго пункта, т.-е. до чувственнаго опыта...»

И далѣе затѣмъ, въ словахъ Фауста Одоевскій видимо старается заштопать на живую нитку внезапную прорѣху, но тщетно путается онъ въ доказательствахъ трудности правильнаго опыта. Противорѣчіе тѣмъ болѣе остается противорѣчіемъ, что на 302 стр. Одоевскій считаетъ безсмысленными самыя слова—фактъ, чистый опытъ, положительныя знанія, точныя науки, и даже, хотя въ шутку только, считаетъ эти слова порожденіемъ Люцефера; а между тѣмъ, въ отвѣтъ Виктору на его вышеприведенныя восклицанія о побѣдѣ, говоритъ: „Я никогда не отвергалъ необходимости опыта вообще и важности чувственныхъ опытовъ. Хорошо, если человѣкъ можетъ увѣриться въ истинѣ всѣми тѣми органами, которые ему для сего даны Провидѣніемъ—даже рукой. Весь вопросъ въ томъ: всѣ-ли эти органы мы употребляемъ? и т. д.“.

Подобныя противорѣчія какъ нельзя болѣе характеризуютъ ту страшную, тяжелую раздвоенность, которую вы найдете въ умахъ всѣхъ современниковъ Одоевскаго и на Западѣ, и у насъ. Съ одной стороны, наука невольно наталкивала ихъ на новыя идеи, которыя насильно вырывались изъ нихъ, съ другой стороны, они пугались этихъ идей и спѣшили укрыться отъ нихъ подъ сѣнь различныхъ мистическихъ и метафизическихъ ученій. Они вѣрили въ прогрессъ и, вмѣстѣ съ тѣмъ, отчаявались въ возможности его; они твердили вмѣстѣ съ Шеллингомъ о міровой гармоніи и въ то-же время ничего не видѣли въ жизни человѣка, кромѣ всеобщей дисгармоніи, проклиная эту самую жизнь и оплакивая судьбу человѣчества. Всю эту раздвоенность, всѣ эти муки борьбы между надеждой и отчаяньемъ вы встрѣтите на каждой страницѣ сочиненій Одоевскаго. И всѣ эти выстраданныя думы вѣка выражены у Одоевскаго съ пламенною фантазіей романтика-созерцателя, при чемъ Одоевскій нарочно, какъ будто, избираетъ такіе образы, которые поражаютъ васъ своею мрачною и эффектною грандіозностью: такъ, напримѣръ, мы видѣли что для изображенія того мрачнаго отчаянья, какое можетъ возбудить въ насъ теорія Мальтуса, онъ рисуетъ передъ вами картину послѣднихъ дней размножившагося человѣчества. Для опроверженія теоріи Бентама и утилитаристовъ, онъ развиваетъ цѣлую исторію вымершаго города, погибшаго вслѣдствіе исключительнаго развитія принципа пользы и т. д.

Вліяніе сочиненій Одоевскаго на его современниковъ и младшее поколѣніе было громадно. Оно отразилось на всемъ. Если, напримѣръ, все поколѣніе Бѣлинскаго зачитывалось въ юности Гофмана, наполняло журналы переводами этого романтика, проводило мысли его въ критическихъ статьяхъ, если вліяніе Гофмана мы видимъ даже на Гоголѣ („Носъ“, „Портретъ“), то этимъ поколѣніе тридцатыхъ годовъ было прямо обязано Одоевскому, который первый познакомилъ русскую публику съ Гофманомъ своими подражаніями этому писателю. Даже его „Русскія ночи“ формою своею напоминаютъ „Серапіоновыхъ Братьевъ“ Гофмана, въ которыхъ точно также представляется бесѣда нѣсколькихъ молодыхъ людей по ночамъ о различныхъ предметахъ, вызывающихъ на размышленіе. Вліяніе многихъ идей Одоевскаго отражается, между прочимъ, и на первыхъ сочиненіяхъ Искандера. Та-же вѣра въ прогрессъ вмѣстѣ съ отчаяньемъ въ немъ; то-же объясненіе несчастій и гибели, постигающихъ людей различными односторонностями въ ихъ жизни; то-же отчаянье въ западной цивилизаціи и надежда на обновленіе ея посредствомъ славянскаго міра. Наконецъ, нельзя не обратить вниманіе на поразительную аналогію „Записокъ доктора Крупова“ съ слѣдующаго рода размышленіями, которыя мы читаемъ на 35, 36 и 37 страницахъ „Русскихъ ночей“:

«Одинъ изъ наблюдателей природы пошелъ еще далѣе: онъ возбудилъ сомнѣніе еще болѣе горестное для самолюбія человѣческаго; разсматривая психологическую исторію людей, которыхъ обыкновенно называютъ сумасшедшими, онъ утверждалъ, что нельзя провести вѣрной, опредѣленной черты между здравою и безумною мыслью. Онъ утверждалъ, что на всякую, самую безумною мысль, взятую изъ дома сумасшедшихъ, можно отыскать равносильную, ежедневно обращающуюся въ свѣтѣ. Онъ спрашивалъ, какое различіе между увѣренностью одной женщины, что въ груди ея былъ цѣлый городъ съ башнями, колокольнымъ звономъ и теологическими диспутами, и мыслію Томаса Виллиса, автора извѣстной книги о сумасшедшихъ, что жизненные духи, находясь въ безпрерывномъ движеніи и сильно притекая къ мозгу, производятъ въ немъ взрывы, подобно пороху? Какое различіе между понятіемъ одного сумасшедшаго, что когда онъ движется, движутся всѣ предметы вокругъ него, и доказательствами Птоломея, что вся солнечная система обращается вокругъ земли? Какое различіе между бѣдною дѣвушкой, которая почитала себя приговоренною къ смертной казни, и мыслію Мальтуса, что голодъ долженъ, наконецъ, погубить всѣхъ жителей земнаго шара? Состояніе сумасшедшаго не имѣетъ-ли сходства съ состояніемъ поэта, всякаго геніяизобрѣтателя»? и т. д.

Даже самъ Бѣлинскій, при всемъ полемическомъ отношеніи къ нѣкоторымъ мыслямъ Одоевскаго, отдаетъ ему справедливость въ томъ вліяніи и впечатлѣніи, которое производили въ двадцатые и тридцатые годы на молодое поколѣніе его сочиненія.

«Эти апологи *), говоритъ онъ, замѣчательны уже тѣмъ, что они не походили ни на что, бывшее до нихъ въ русской литературѣ; они не пользовались популярностью, потому что могли нравиться не всѣмъ. Старички острова Паихаи называли ихъ безнравственными; большинство публики, не находя въ нихъ ничего для фантазіи и не любя пищи, предлагаемой преимущественно для ума мыслящаго, пропустило ихъ безъ особеннаго вниманія; *но за то юношество, одушевленное стремленіемъ къ идеальному, въ хорошемъ значеніи этого слова, какъ противополож-*

*) Здѣсь дѣло идетъ о поэтическихъ аллегоріяхъ, которыми началъ свое литературное поприще Одоевскій съ 1824 года. Изъ этихъ аллегорій особенно замѣчательна «Старички и Островъ Паихаи»; аллегорія эта исполнена не только нравственнаго, но и политическаго смысла. Въ ней, въ образѣ старичковъ-младенцевъ, Одоевскій осмѣиваетъ отжившее поколѣніе своего времени.

ности пошлой прозѣ жизни — это юношество читало ихъ съ жадностью, и благодатны были плоды этого чтенія. Мы знаемъ это по собственному опыту, и кто умѣетъ судить о достоинствѣ вещей не по настоящему времени, а по ихъ историческому смыслу, кто помнитъ состояніе нашей литературы въ ту эпоху, когда лучшими журналами были «Вѣстникъ Европы» и «Сынъ Отечества» и еще не было «Московскаго Телеграфа», когда читающая публика была несравненно малочисленнѣе нынѣшней, тѣ согласятся съ нами»... а ниже: «какъ-бы то ни было, но чтеніе такихъ произведеній, какъ «Бригадиръ», «Балъ» и «Насмѣшка мертвеца» производитъ на молодую душу, еще свѣжую, не подвергшуюся нечистому прикосновенію житейской суеты, дѣйствіе электрическаго удара, потрясающаго всю нервную систему. И подобный нравственный ударъ оставляетъ въ юной, исполненной благороднаго стремленія душѣ самыя благодатныя слѣдствія. *Мы знаемъ это по собственному примѣру: мы помнимъ то время, когда избранная молодежь съ восторгомъ читала эти піэсы и говорила о нихъ съ тѣмъ важнымъ видомъ, съ какимъ обыкновенно неофиты говорятъ о таинствахъ своего ученія»*.

Кружокъ шеллингистовъ, группировавшійся вокругъ Одоевскаго, не ограничивался одними отвлеченными преніями въ духѣ шеллинговой философіи: онъ не замедлилъ шеллинговы идеи переработать сообразно потребностямъ нашего общества, примѣнить ихъ къ вопросамъ жизни и литературы. Очень многіе считаютъ у насъ шеллингову философію родоначальницей славянофильства въ Россіи. Но это справедливо только отчасти. Дѣло въ томъ, что хотя западничество и славянофильство подъ этими названіями являются только съ сороковыхъ годовъ, но, собственно говоря, они ведутъ свое начало съ самой реформы Петра. Рядомъ съ различными прогрессивными направленіями, видѣвшими все спасеніе въ западной цивилизаціи, вы постоянно встрѣчаетесь съ реакціей противъ этихъ направленій, которая является сначала въ видѣ старообрядства, негодующаго на бритье бородъ и нѣмецкіе кафтаны; въ мрачную эпоху Бирона она включаетъ въ себя новый элементъ общей въ то время ненависти къ нѣмцамъ; при Екатеринѣ она вооружается противъ увлеченія французскою философіей восемнадцатаго вѣка; въ эпоху Карамзина она вопитъ подъ перомъ Шишкова о порчѣ русскаго языка, а во время патріотическаго одушевленія послѣ войны двѣнадцатаго года подъ перомъ Глинки она воспѣваетъ доблесть русскаго духа, и тогда уже является идея, что только Россія можетъ спасти Европу изъ бездны анархіи, безбожія и опустошительныхъ войнъ. Идеи Шеллинга, правда, видоизмѣнили, осмыслили эту оппозицію, подложивши подъ нее новую, философскую подкладку, но и на западничество они подѣйствовали такимъ-же обновляющимъ образомъ.

Философія Шеллинга впервые заставила задуматься все наше мыслящее общество о судьбѣ Россіи въ ряду другихъ народовъ человѣчества. Представляя все, что существуетъ, формой той или другой идеи безусловнаго разума, шеллингова философія подвела подъ эту формулу и значеніе отдѣльныхъ народностей въ ходѣ общечеловѣческой цивилизаціи. Каждая народность, по этой философіи, есть представительница особенной идеи, которую она вырабатываетъ въ своей жизни, доходитъ до выраженія ея, въ чемъ выражается самосознаніе народа, и затѣмъ, внося эту идею въ общую сокровищницу цивилизаціи, сходитъ съ историческаго поприща. При такомъ понятіи о значеніи народностей, каждому шеллингисту должно было кинуться въ глаза непроходимое противорѣчіе съ этимъ понятіемъ всего хода развитія нашего общества, начиная съ Петра I. Если народъ можетъ быть названъ историческимъ только въ силу самостоятельной идеи, которую онъ развиваетъ, то какую-же идею вырабатываетъ русскій народъ, образованное общество котораго слѣпо идетъ за Западомъ и питается тѣмъ, что вырабатываетъ послѣдній? Или русскій народъ не принадлежитъ къ числу великихъ историческихъ народовъ, не имѣетъ никакой собственной физіономіи, индивидуальности и удѣлъ его вѣчно брать чужое, ничего не давая своего и слѣдовать за другими лишнею спицей въ колесницѣ? Эти вопросы кошмаромъ легли на все поколѣніе тридцатыхъ годовъ. Не замедлили явиться всевозможные отвѣты на нихъ, изъ которыхъ впослѣдствіи сложились различныя направленія, до сихъ поръ господствующія въ нашей литературѣ. Одни вполнѣ оправдывали цивилизующее вліяніе на насъ Запада, и не только не желали его прекращенія, но, напротивъ того, находили, что оно было неполное, одностороннее, исключительно внѣшнее; по ихъ мнѣнію, Россія должна была вполнѣ исчерпать образованность западной Европы во всей ея глубинѣ, проникнуться ея философіей и тогда явиться на поприще всемірной цивилизаціи вырабатывать какую-нибудь новую, самостоятельную идею. Люди этого мнѣнія въ западной цивилизаціи видѣли такой-же классицизмъ для Россіи, какимъ былъ для Европы въ эпоху возрожденія классицизмъ древнихъ народовъ. Другіе, напротивъ того, напирали особенно на цивилизующее вліяніе древняго классицизма, ожидали, что и Россія только тогда сравняется съ Европой и выработаетъ свою собственную цивилизацію, когда она, подобно Европѣ, проникнется духомъ древняго классицизма. Третьи считали излишними всякія мысли о народной самостоятельности, не потому, чтобы смотрѣли на нее, какъ на вещь излишнюю, но предполагали, что каждый народъ и безъ того уже имѣетъ ее по своей природѣ, сохраняетъ ее, какъ свою особенную физіономію, какъ бы онъ ни подражалъ другимъ народамъ, и еслибы онъ даже хотѣлъ отдѣлаться отъ нея, это не въ его власти, какъ не во власти отдѣльнаго человѣка хотѣть быть брюнетомъ, а не блондиномъ, и имѣть носъ орлиный, а не съ закорючкой кверху; поэтому, можно смѣло брать отовсюду то, что является передовымъ въ общечеловѣческой цивилизаціи, не опасаясь нисколько потерять этимъ свою индивидуальность. Появилось въ литературѣ, какъ увидимъ ниже, и такое крайнее мнѣніе, которое отсталость, невѣжество и безучастіе Россіи въ общей цивилизаціи приписало тому, что Россія не участвуетъ въ томъ религіозно-нравственномъ союзѣ, представителемъ котораго является католичество. Все это были мнѣнія, представлявшія различные оттѣнки западничества, и мнѣнія эти показываютъ, что шеллингова философія натолкнула западниковъ на вопросы о судьбѣ Россіи не менѣе, чѣмъ и противниковъ западной цивилизаціи. Послѣдніе-же, подъ вліяніемъ

той-же философіи, не замедлили обратиться въ славянофиловъ въ истинномъ значеніи этого слова. Основываясь на томъ, что каждая народность есть носительница особенной идеи и должна вырабатывать цивилизацію изъ своихъ собственныхъ началъ, славянофилы радикально отвергли весь петровскій періодъ съ его увлеченіями западною цивилизаціей, и начали проповѣдывать необходимость возвращенія къ тѣмъ чистымъ народнымъ началамъ жизни, которыя господствовали въ до-петровской Руси и представлялись славянофиламъ общими всѣмъ славянскимъ народамъ. Съ особенною страстью ухватились славянофилы за идею о гніеніи Запада и ближайшей гибели его цивилизаціи. Но было бы ложно обвинять ихъ однихъ въ изобрѣтеніи подобной идеи и на нихъ сваливать весь грѣхъ въ ея распространеніи. Идея эта мелькала въ то время въ умахъ многихъ людей всевозможныхъ партій и на Западѣ, и у насъ, и исходя изъ духа времени, она была заразительна въ то время. Появленіе-же ея весьма понятно. Вы подумайте только, сколько горькихъ разочарованій вынесли люди начала XIX столѣтія изъ революціи и страшныхъ войнъ, закончившихъ ее. Въ концѣ XVIII вѣка юношески мечтали, что владычество разума начнется не сегодня—завтра, что кончилось навсегда царство невѣжества, суевѣрія и произвола. И вдругъ что-же? Феодализмъ, какъ его ни расшатывали, не палъ, рядомъ съ нимъ возвысился новый феодализмъ буржуазіи — безчеловѣчно-черствый, холодно-развратный, налегшій на все еще болѣе тяжелымъ гнетомъ, чѣмъ средневѣковой, дворянскій феодализмъ; старыя вѣрованія потеряли свое обаяніе, но царство разума не настало, и общество утопало въ мутномъ, темномъ мистицизмѣ, терзаясь муками раздвоенности между слѣпою вѣрой и такимъ-же слѣпымъ безвѣріемъ. Въ образованныхъ обществахъ замѣчалась всеобщая апатія, распущенность, холодный индифферентизмъ, дозволявшій Меттернихамъ всякаго рода произвольно ворочать судьбами народовъ и царствъ. Въ подобныя мрачныя эпохи всеобщаго разочарованія и изнеможенія не разъ уже приходили мысли о близкомъ концѣ всего, и мысли эти облекались въ формы господствующаго міросозерцанія. Въ средніе вѣка онѣ проявлялись на Западѣ и у насъ въ видѣ предреканія близкой кончины міра. Подъ вліяніемъ-же идей германской философіи, онѣ выразились въ сравненіяхъ состоянія европейскихъ обществъ съ состояніемъ Рима въ послѣдній періодъ существованія и различныхъ гипотетическихъ фантазіяхъ о смѣнѣ цивилизацій. Всѣ партіи разомъ могли увлечься такими мрачными мыслями, потому что всѣ равно были недовольны: феодалы видѣли конецъ цивилизаціи въ ослабленіи феодальнаго режима, буржуазные либералы — въ невозможности совсѣмъ избавиться отъ феодализма, демократы и соціалисты—въ безвыходности положенія народныхъ массъ, вѣрующіе люди—въ паденіи старыхъ вѣрованій, невѣрующіе — въ господствѣ мистицизма... Все заблужденіе заключалось здѣсь въ томъ, что люди, обративши муху въ слона, въ тяжеломъ гнетѣ современнаго момента видѣли рѣшеніе судебъ чуть-что не всего человѣчества, какъ это бываетъ иногда и съ отдѣльнымъ человѣкомъ: подъ впечатлѣніемъ сильнаго огорченія, особенно послѣ несбывшихся слишкомъ розовыхъ мечтаній, вдругъ покажется, что все кончено и остается только умереть, потому что никакой отрады въ жизни представиться больше не можетъ. Вина славянофиловъ заключалась не въ созданіи идеи о гніеніи Запада, а только въ томъ, что они ухватились за эту гипотетическую, неимѣющую ровно никакого научнаго основанія идею, вызванную только мрачнымъ моментомъ европейской жизни, и подъ эту идею начали впослѣдствіи искусственно и произвольно подводить историческіе факты, выбирая подходящіе и опуская противорѣчащіе — для оправданія своихъ доктринъ.

Выйдя изъ своихъ общихъ доктринъ, основанныхъ на шеллинговой философіи, славянофилы, въ свою очередь, подобно западникамъ, представили различные оттѣнки въ своемъ ученіи, зависящіе отъ вліянія условій чисто уже реальныхъ, условій самой жизни. Такимъ образомъ, у людей, въ которыхъ жизнь выработала тягу болѣе въ лѣвую сторону, славянофильство приняло оппозиціонный и отчасти даже демократическій характеръ: на петровскій періодъ они вооружались за гнетъ бюрократіи и централизаціи; въ древней Руси отвергали родовое начало: въ народныхъ началахъ выше всего ставили—общину и развитіе внѣсословнаго земства; въ православіи видѣли принципы любви и братства; гніеніе Запада приписывали господству феодализма, католицизма и черствому легитимизму буржуазнаго порядка. У людей-же съ тягой направо, каковы, напримѣръ, М. Погодинъ и Шевыревъ, славянофильство приняло казенный характеръ порицанія Запада за его наклонность къ анархіи, рядомъ съ превознесеніемъ русскихъ народныхъ началъ, заключающихся въ кроткомъ смиреніи, долготерпѣніи и всепрощающей любви.

Но въ разбираемый мною періодъ не только всѣ эти оттѣнки славянофильства не выдѣлялись еще слишкомъ рѣзко, но и различія между западниками и славянофилами еще не было столь глубокаго и враждебнаго, какое мы увидимъ въ сороковыхъ годахъ. Напротивъ того, люди съ наклонностями къ западничеству и славянофильству тѣсно сливались еще въ одни общіе кружки: и тѣ, и другія тенденціи смѣшивались еще въ общемъ хаосѣ, такъ что въ журналахъ этого періода не въ рѣдкость встрѣтить статьи замѣчательныхъ писателей, въ которыхъ вы рядомъ съ западничествомъ можете встрѣтить идеи, способныя обрадовать каждаго славянофила. Это мы видимъ, напримѣръ, и въ „Русскихъ ночахъ“ Одоевскаго.

«Горькое, странное зрѣлище!—читаете вы на 306-й стран. 1-й части — мнѣніе противъ мнѣнія, власть противъ власти, престолъ противъ престола, и вокругъ сего раздора — убійственное насмѣшливое равнодушіе! Науки, вмѣсто того, чтобы стремиться къ единству, которое одно можетъ возвратить имъ ихъ мощную силу, науки раздробились въ прахъ летучій, общая связь ихъ потерялась, нѣтъ въ нихъ органической жизни; старый Западъ, какъ младенецъ, видитъ однѣ части, одни признаки—общее для него непостижимо и невозможно и т. д. Въ искусствѣ давно уже истребилось его значеніе; оно уже не переносится въ тотъ чудесный міръ, въ которомъ, бывало, отдыхалъ человѣкъ отъ грусти здѣшняго міра и т. д.

Религіозное чувство на Западѣ? оно было-бы давно уже забыто, еслибъ его внѣшній языкъ еще не остался для украшенія, какъ политическая архитектура, или іероглифы на мебеляхъ и проч. Погибають три главные дѣятеля общественной жизни! Осмѣлимся-же выговорить слово, которое, можетъ быть, теперь многимъ покажется страннымъ и черезъ нѣсколько лѣтъ слишкомъ простымъ: Западъ гибнетъ!»... «Мы поставлены на рубежѣ двухъ міровъ—читаемъ мы далѣе—протекшаго и будущаго; мы новы и свѣжи; мы непричастны преступленіямъ Европы... Велико наше званіе и труденъ подвигъ! Все должны оживить мы! Нашъ духъ вписать въ исторію ума человѣческаго, какъ имя наше вписано на скрижаляхъ побѣды. Другая высшая побѣда — побѣда науки, искусства и вѣры, ожидаетъ насъ на развалинахъ дряхлой Европы!»..

Но при всемъ искреннемъ паѳосѣ, съ которымъ Одоевскій высказываетъ эти мысли, онъ не рѣшается выговорить ихъ отъ себя, а сообщаетъ въ видѣ рукописи, оставленной какими-то покойниками, и потомъ, представивши со стороны своихъ друзей нѣсколько возраженій, заключающихся въ томъ, что Западъ не только не падаетъ, но, напротивъ того, прогрессъ его во всѣхъ отношеніяхъ возрастаетъ, онъ отъ своего уже лица, т. е. устами Фауста, замѣчаетъ: „Я бы на это могъ тебѣ отвѣчать словами натуралистовъ, политиковъ, медиковъ — о томъ, что высшее развитіе силъ какого бы то ни было организма есть *начало конца*; но я лучше хочу согласиться съ тобою, что мнѣніе моихъ друзей о Западѣ преувеличено; я собственно не вижу въ немъ признака близкаго паденія, но потому только, что не вижу и того высшаго развитія силъ, о которомъ ты говоришь“... А ниже:

«*Викторъ*. Послушай: отрицать просвѣщеніе Запада—дѣло невозможное; ты этого не докажешь..

«*Фаустъ*. Я не отрицаю его и даже признаю, что намъ еще многому остается учиться на Западѣ; но я хотѣлъ-бы привести это просвѣщеніе въ настоящую оцѣнку...»

Такое смѣшеніе западничества и славянофильства мы встрѣтимъ во всѣхъ почти статьяхъ шеллингистовъ того времени.

Журнальная пропаганда шеллингистовъ сосредоточилась въ разбираемый нами періодъ въ трехъ послѣдующихъ одинъ за другимъ журналахъ: „Московскомъ Вѣстникѣ“ (1827—1830 г.), „Европейцѣ“ (1831 г.) и „Телескопѣ“ (1831—1836 г.).

„Московскій Вѣстникъ“ былъ основанъ по иниціативѣ Веневитинова, составившаго проектъ журнала подъ заглавіемъ: „Нѣсколько мыслей въ планъ журнала“, который онъ прочелъ на одномъ изъ своихъ литературныхъ вторниковъ. Въ исходѣ 1826 года Веневитиновъ сошелся съ Пушкинымъ, познакомилъ поэта со всѣми своими товарищами, и въ 1827 году былъ открытъ „Московскій Вѣстникъ“ подъ редакціей М. Погодина и при непосредственномъ участіи въ журналѣ всѣхъ членовъ кружка. Но живое участіе въ журналѣ друзей Веневитинова продолжалось не долго. Послѣ смерти Веневитинова (15-го марта 1827 года), только съ годъ—не больше—журналъ продолжалъ вестись въ томъ видѣ, въ какомъ начался, т.-е. сообщая читателямъ разнообразныя отрасли знаній и освѣщая ихъ идеями шеллинговой философіи. Но уже во второй половинѣ 1828 года вліяніе на журналъ Погодина сдѣлалось исключительнымъ, судя по тому, что журналъ переполнился статьями историческими, по большей части трудами самого редактора—и вмѣстѣ съ этимъ, весьма скучною полемикой съ Полевымъ, которая въ томъ только и заключалась, что, съ точки зрѣнія ученаго педантизма обвиняла Полевого въ поверхностныхъ сужденіяхъ о фактахъ науки и недостаткѣ ученой добросовѣстности. Въ такомъ видѣ журналъ не могъ пережить тридцатаго, холернаго года.

„Европеецъ“ началъ издавать въ исходѣ 1831 года Ив. Кирѣевскій, при сотрудничествѣ Языкова, Баратынскаго, А. Хомякова, Жуковскаго, Вяземскаго и А. И. Тургенева, но на 2-й же книжкѣ журналъ былъ запрещенъ за статью Кирѣевскаго „XIX столѣтіе“.

Одинъ „Телескопъ“ Надеждина просуществовалъ болѣе пяти лѣтъ, пока и его не сгубило письмо Чаадаева.

Чтобы познакомить читателя со всѣми оттѣнками взглядовъ и мнѣній шеллингистовъ, мнѣ придется сдѣлать нѣсколько выписокъ изъ наиболѣе выдающихся статей, появившихся въ различное время въ этихъ трехъ журналахъ.

Вотъ, напримѣръ, что высказываетъ, между прочимъ Веневитиновъ въ своемъ вышеозначенномъ проектѣ о созданіи журнала:

«Всякому человѣку, одаренному энтузіазмомъ, знакомому съ наслажденіями высокими, представлялся естественный вопросъ: для чего поселена въ немъ страсть къ познанію, и къ чему влечетъ его непреоборимое желаніе дѣйствовать? Къ самопознанію, отвѣчаетъ намъ книга природы. Самопознаніе—вотъ идея, одна только могущая одушевить вселенную; вотъ цѣль и вѣнецъ человѣка. Науки и искусства, вѣчные памятники усилій ума, единственные признаки его существованія, представляютъ не что иное, какъ развитіе сей начальной и слѣдственно неограниченной мысли. Художникъ одушевляетъ холстъ и мраморъ для того только, чтобъ осуществить свое чувство, чтобъ убѣдиться въ его силѣ; поэтъ искусственнымъ образомъ переноситъ себя въ борьбу съ природой, съ судьбой, чтобы въ семъ противорѣчіи испытать духъ свой и гордо провозгласить торжество ума.

«Исторія убѣждаетъ насъ, что сія цѣль человѣка есть цѣль всего человѣчества; а любомудріе ясно открываетъ въ ней законъ всей природы.

«Съ сей точки зрѣнія должны мы взирать на *каждый народъ, какъ на лицо отдѣльное, которое къ самопознанію направляетъ всѣ свои нравственныя усилія, ознаменованныя печатію особеннаго характера*. Развитіе сихъ усилій составляетъ просвѣщеніе; цѣль просвѣщенія или самопознанія народа есть та степень, на которой *онъ отдаетъ себѣ отчетъ въ своихъ дѣлахъ и опредѣляетъ сферу своего дѣйствія*; такъ, напримѣръ, искусство древней Греціи, скажу болѣе, весь духъ ея отразился на твореніяхъ Платона и Аристотеля; такимъ образомъ, новѣйшая философія въ Германіи есть зрѣлый плодъ того-же энтузіазма, который одушевляетъ истинныхъ ея поэтовъ, того-же стремленія къ высокой цѣли, которое направляло полетъ Шиллера и Гёте.

«Съ сею мыслью обратимся къ Россіи и спросимъ: какими силами подвигается она къ цѣли просвѣщенія? Какой степени достигла она въ сравненіи съ другими народами на семъ поприщѣ, общемъ для всѣхъ? Вопросы, на которые едва-ли можно ожидать отвѣта, ибо безпечная толпа нашихъ литераторовъ, кажется, не подозрѣваетъ ихъ необходимости. *У всѣхъ народовъ самостоятельныхъ просвѣщеніе раз-*

вивалось изъ начала, такъ сказать, отечественнаго; ихъ произведенія, достигая даже нѣкоторой степени совершенства и *входя слѣдственно въ составъ всемірныхъ пріобрѣтеній ума, не теряли отличительнаго характера.* Россія все получила извнѣ; оттуда это чувство подражательности, которое самому таланту приноситъ въ дань не удивленіе, но раболѣпство; оттуда совершенное отсутствіе всякой свободы и инстинкта дѣятельности».

Выставляя такимъ образомъ фактъ отсутствія самостоятельности въ развитии нашего общества, объясняя далѣе этимъ фактомъ ничтожество нашей литературы, Веневитиновъ, въ заключеніи своего проекта журнала, высказываетъ нѣсколько мыслей о томъ, какъ помочь горю и поставить наше общество на самостоятельную почву. Онъ предлагаетъ для этого два средства: философію и древній классицизмъ.

«При семъ нравственномъ положеніи Россіи—говоритъ онъ — одно только средство представляется тому, кто пользу ея изберетъ цѣлію своихъ дѣйствій. Надобно-бы совершенно остановить и внѣшній ходъ ея словесности, и заставить ее болѣе думать, нежели производить. Нельзя скрыть отъ себя трудности такого предпріятія. Оно требуетъ тѣмъ болѣе твердости въ исполненіи, что отъ самой Россіи не должно ожидать никакого участія; но трудность можетъ-ли остановить сильное намѣреніе, основанное на правилахъ вѣрныхъ и устремленное къ истинѣ? *Для сей цѣли надлежало-бы нѣкоторымъ образомъ устранить Россію отъ нынѣшняго движенія другихъ народовъ,* закрыть отъ взоровъ ея всѣ маловажныя происшествія въ литературномъ мірѣ, безполезно развлекающія ея вниманіе, *и, опираясь на твердыя начала философіи, представить ей полную картину развитія ума человѣческаго, картину, въ которой-бы она видѣли свое собственное предназначеніе».* Къ этому предложенію ниже онъ прибавляетъ: «Не безполезно-бы было обратить особенное вниманіе Россіи на древній міръ и его произведенія. Мы слишкомъ близки, хотя повидимому, къ просвѣщенію новѣйшихъ народовъ, и слѣдственно не должны бояться отстать отъ новѣйшихъ открытій, если будемъ вникать въ причины, породившія современную намъ образованность, и перенесемся на нѣкоторое время въ эпохи ей предшествовавшія. Сіе временное устраненіе отъ настоящаго произведетъ еще важнѣйшую пользу. Находясь въ мірѣ совершенно для насъ новомъ, котораго всѣ отношенія для насъ загадки, мы невольно принуждены будемъ дѣйствовать собственнымъ умомъ для разрѣшенія всѣхъ противорѣчій, которыя намъ въономъ представятся. Такимъ образомъ, мы сами сдѣлаемся преимущественнымъ предметомъ нашихъ розысканій. Древняя практика или вообще духъ древняго искусства представляетъ намъ обильную жатву мыслей, безъ коихъ новѣйшее искусство теряетъ большую часть своей цѣны и не имѣетъ полнаго значенія въ отношеніи къ идеѣ о человѣкѣ».

Такимъ образомъ, вотъ уже когда впервые была высказана мысль о пресловутомъ „классическомъ образованіи". Она прошла сквозь все умственное движеніе послѣдующаго времени, пока, наконецъ, нашла свое осуществленіе въ наше время, когда давно уже пора ей быть сданною въ архивъ вмѣстѣ съ прочимъ хламомъ, завѣщаннымъ намъ отцами.

Если поборники классическаго образованія могутъ вести свое начало съ Веневитинова, за то приверженцы западничества во многихъ отношеніяхъ обязаны И. Кирѣевскому. Личность И. Кирѣевскаго замѣчательна въ томъ отношеніи, что отъ нея одинаково вправѣ могутъ вести свое начало, какъ позднѣйшіе западники, такъ и славянофилы. Первое юношеское образованіе И. Кирѣевскій получилъ подъ вліяніемъ французской философіи XVIII вѣка и сдѣлался тѣмъ же поверхностнымъ скептикомъ, какими были всѣ предшествовавшія поколѣнія, увлекавшіяся энциклопедистами, безъ всякой основательной умственной подготовки.

Могъ-ли этотъ скептицизмъ долго удержаться въ незрѣломъ умѣ юноши, когда даже такой универсально-образованный умъ, какъ Одоевскаго, и тотъ искалъ успокоенія и примиренія съ дѣтскими вѣрованіями въ философіи Шеллинга?

Естественно, что, съ одной стороны, подъ вліяніемъ предыдущаго направленія, съ другой—подъ впечатлѣніемъ того восторга, съ какимъ соединялись первые моменты увлеченія Шеллингомъ, Кирѣевскій всѣ свои надежды и упованія возлагалъ на западную цивилизацію, и какъ человѣкъ, одаренный страстною, глубокою натурой, неспособною останавливаться на полдорогѣ, а напротивъ того, доходившій до послѣдней крайности во всѣхъ выводахъ, онъ сдѣлался ультразападникомъ, превзошедшимъ всѣхъ своихъ единомышленниковъ въ своемъ западничествѣ. Но мы говорили уже выше, что шеллингова философія не обусловливаетъ собою непремѣнно западническихъ воззрѣній: изъ ея основаній одинаково исходили какъ западники, такъ и славянофилы. Въ то-же время въ крайнихъ и послѣдовательныхъ выводахъ своихъ, философія эта ведетъ къ самому туманному мистицизму, къ которому пришелъ, какъ извѣстно, въ своей послѣдующей дѣятельности самъ Шеллингъ. Когда всѣ литературныя стремленія Кирѣевскаго были радикально парализованы, „Европеецъ" былъ запрещенъ за извѣстную статью Кирѣевскаго „XIX вѣкъ", статью, въ сущности, самаго невиннаго содержанія, но въ которой почему-то заподозрили революціонную пропаганду; альманахъ „Денница", Максимовича, въ которомъ Кирѣевскій написалъ статью о Новиковѣ, былъ схваченъ и цензоръ Глинка посаженъ подъ арестъ,—Кирѣевскій уѣхалъ въ деревню, съ разстроенными финансами отъ неудачи „Европейца", съ глубокимъ уныніемъ на душѣ. И нѣтъ ничего удивительнаго, что 10 лѣтъ подавленной энергіи, разъѣдающей тоски и бездѣйствія сдѣлали изъ романтика съ задатками мистицизма—мистика въ полномъ смыслѣ этого слова. Кирѣевскому не нужно было для этого даже перемѣнять основныхъ убѣжденій, а нужно было только послѣдовательно развить до конца общія начала философіи Шеллинга, которою онъ былъ проникнутъ, и схимникъ новоспасскаго монастыря, старецъ Филаретъ, за которымъ Кирѣевскій ухаживалъ при его смерти и которому біографъ приписываетъ его обращеніе на путь мистицизма, былъ тутъ совершенно не при чемъ. Безъ сомнѣнія, Кирѣевскій долженъ былъ уже заключать въ себѣ порядочную дозу мистицизма, для того только, чтобы сойтись съ этимъ старцемъ. Естественно, что, подъ вліяніемъ мистицизма, онъ измѣнилъ свои взгляды на отношеніе западной цивилизаціи къ намъ: видя въ православіи альфу и омегу всякой философіи и цивилизаціи, въ немъ онъ началъ полагать самобытность Россіи, основаніе ея цивилизаціи и будущее вліяніе на ходъ общечеловѣческаго просвѣщенія. Но этимъ только и ограничилось

славянофильство Кирѣевскаго. Юношескій закалъ сказался и въ послѣднемъ видоизмѣненіи міросозерцанія Кирѣевскаго: въ мистицизмѣ онъ искалъ только выхода изъ скептицизма, который былъ невыносимъ для его натуры, находящейся на степени романтической чувствительности и созерцательности, но тѣ идеи свободы и гуманности, которыя онъ вынесъ изъ юности, не покинули его и въ послѣднемъ періодѣ его жизни, и онъ не сходился съ позднѣйшими славянофилами во многихъ отношеніяхъ. „Сердцемъ я больше связанъ съ вами—сказалъ онъ однажды съ глубокою печалію Грановскому—но не дѣлю многаго изъ вашихъ убѣжденій; съ нашими я ближе вѣрой, но столько-же расхожусь въ другомъ". Самый мистицизмъ его имѣлъ совершенно особенный характеръ: это не былъ мрачный, нетерпимый мистицизмъ изувѣра-фанатика, или-же исполненный холодной жестокости подъ личиной милосердія и высокомѣрной гордости подъ видомъ смиренія—мистицизмъ іезуита, а напротивъ того, мягкій и гуманный мистицизмъ романтика, исполненный художественной созерцательности. „Я разъ стоялъ въ часовнѣ — разсказывалъ однажды Кирѣевскій—смотрѣлъ на чудотворную икону Богоматери и думалъ о дѣтской вѣрѣ народа, молящагося ей; нѣсколько женщинъ, больные, старики стояли на колѣняхъ и, крестясь, клали земные поклоны. Съ горячимъ упованіемъ глядѣлъ я потомъ на святыя черты и мало-по-малу тайна чудесной силы стала мнѣ уясняться. Да, это не просто доска съ изображеніемъ... вѣка цѣлые поглощала она эти потоки страстныхъ возношеній, молитвъ людей скорбящихъ, несчастныхъ; она должна была наполниться силой, струящейся изъ нея, отражающейся отъ нея на вѣрующихъ. Она сдѣлалась живымъ органомъ, мѣстомъ встрѣчи между Творцомъ и людьми. Думая объ этомъ, я еще разъ посмотрѣлъ на старцевъ, на женщинъ съ дѣтьми, поверженныхъ въ прахѣ, и на святую икону —тогда и самъ увидѣлъ черты Богородицы одушевленными, она съ милосердіемъ и любовью смотрѣла на этихъ простыхъ людей... и я палъ на колѣни и смиренно молился ей".

Это разсказъ не суроваго мистика, а художника, представившаго вамъ цѣлую картину—взять бы да и нарисовать ее, и вышло бы изображеніе въ духѣ итальянской живописи XV вѣка. Я нарочно привелъ этотъ разсказъ, потому что онъ какъ нельзя болѣе характеризуетъ то созерцательно-художественное отношеніе къ жизни, которое мы увидимъ у всѣхъ людей сороковыхъ годовъ и начало котораго мы встрѣчаемъ уже у шеллингистовъ тридцатыхъ годовъ.

Знаменитая статья Кирѣевскаго „XIX вѣкъ", подвергшаяся гоненіямъ свыше, представляетъ въ себѣ выраженную въ сжатыхъ, но рѣзкихъ чертахъ полную программу западничества и рядъ доводовъ въ защиту этой программы, которые впослѣдствіи всегда служили главными основаніями въ полемикѣ западниковъ съ славянофилами. Выставляя въ своей статьѣ, что Европа заимствовала свое образованіе изъ классическаго міра, проводникомъ котораго была тамъ сначала церковь, потомъ съ XV вѣка наука, и замѣчая, что у насъ этого ничего не было, что мы до сихъ поръ представляемъ почву совершенно нетронутую, Кирѣевскій прямо выводитъ изъ этого, что для оплодотворенія этой почвы мы должны заимствовать образованіе изъ ближайшаго источника, какъ это сдѣлала въ свое время Европа; этимъ источникомъ представляется естественно западная цивилизація, которая для насъ такая-же классическая, какая для Европы была образованность древнихъ народовъ.

«На чемъ же основываются тѣ—говоритъ между прочимъ Кирѣевскій — которые обвиняютъ Петра, утверждая, будто онъ далъ ложное направленіе образованности нашей, заимствуя ее изъ просвѣщенной Европы, а не развивая изнутри нашего быта?

«Эти обвинители великаго создателя новой Россіи съ нѣкотораго времени распространились у насъ болѣе, чѣмъ когда-либо; и мы знаемъ, откуда почерпнули они свой образъ мыслей. Они говорятъ намъ о просвѣщеніи національномъ, самобытномъ; не велятъ заимствовать, бранятъ нововведенія и хотятъ возвратить насъ къ коренному и старинно-русскому. Но что-же? Если разсмотрѣть внимательно, то это самое стремленіе къ національности есть не что иное, какъ непонятое повтореніе мыслей чужихъ, мыслей европейскихъ, занятыхъ у французовъ, у нѣмцевъ, у англичанъ, и необдуманно примѣняемыхъ къ Россіи. Дѣйствительно, лѣтъ десять тому назадъ, стремленіе къ національности было господствующимъ въ самыхъ просвѣщенныхъ государствахъ Европы, всѣ обратились къ своему народному, къ своему особенному; но тамъ это стремленіе имѣло свой смыслъ: тамъ просвѣщеніе и національность одно, ибо первое развилось изъ послѣдней. Поэтому, если нѣмцы искали чисто нѣмецкаго, то это не противорѣчило ихъ образованности; напротивъ, образованность ихъ, такимъ образомъ, доходила только до своего сознанія, получала болѣе самобытности, болѣе полноты и твердости. Но у насъ искать національнаго — значитъ, искать необразованнаго; развивать его на счетъ европейскихъ нововведеній—значитъ, изгонять просвѣщеніе; ибо, не имѣя достаточныхъ элементовъ для внутренняго развитія образованности, откуда возьмемъ мы ее, если не изъ Европы? Развѣ самая образованность европейская не была послѣдствіемъ просвѣщенія древняго міра? Развѣ не представляетъ она теперь просвѣщенія общечеловѣческаго? Развѣ не въ такомъ-же отношеніи находится она къ Россіи, въ какомъ просвѣщеніе классическое находилось къ Европѣ?»

Наконецъ, однимъ изъ самыхъ крупныхъ и рѣзкихъ выраженій тѣхъ-же самыхъ вопросовъ, которые волновали все поколѣніе разсматриваемаго нами періода, представляетъ знаменитое письмо Чаадаева, напечатанное въ „Телескопѣ" 1836 г. Письмо это произвело потрясающее впечатлѣніе на всѣхъ современниковъ.

Во всѣхъ кружкахъ и партіяхъ, людяхъ высоко и низко стоящихъ, оно отозвалось ужасомъ и недоумѣніемъ. Всѣ читали и не вѣрили своимъ глазамъ. Роковые вопросы, глубоко у всѣхъ лежавшіе на душѣ, были высказаны человѣкомъ стараго закала такимъ рѣзкимъ, грознымъ, обвинительнымъ тономъ, о которомъ никто въ то время и помышлять не смѣлъ. „Телескопъ" былъ тотчасъ-же запрещенъ; Болдыревъ старикъ, ректоръ московскаго университета и цензоръ, былъ отставленъ; Надеждинъ, издатель, сосланъ въ Усть-Сысольскъ; съ Чаадаева взята подписка ничего не писать и онъ объявленъ сумасшедшимъ.

Но при всемъ этомъ надо замѣтить, что какъ ни сильно было впечатлѣніе, какое произвело письмо Чаадаева, нельзя сказать, чтобы, вмѣстѣ съ тѣмъ, оно

оказало какое-либо положительное вліяніе въ нашей литературѣ.

Дѣло въ томъ, что только въ отрицательныхъ идеяхъ Чаадаевъ сошелся со своими современниками. То самое, что высказывали въ то время всѣ шеллингисты, что мы видѣли и у Веневитинова, и у Кирѣевскаго, то-же самое вы найдете и у Чаадаева, только въ болѣе рѣзкой формѣ, доведенное до мрачнаго, безотраднаго отчаянья... Чаадаевъ замѣчаетъ, что въ то время, какъ у каждаго народа есть нѣчто осѣдлое, свое, родное, къ чему онъ привыкъ, чѣмъ онъ дорожитъ... мы-же—словно какое-нибудь кочевое племя, живемъ настоящею минутой и вѣчно какъ будто куда-то все ѣдемъ и находимся въ дорогѣ, на станціи, на распутьи, готовые тотчасъ-же покинуть то мѣсто, на которомъ въ настоящую минуту находимся. Прошедшее Россіи пусто, настоящее невыносимо, а будущаго для нея вовсе нѣтъ и Россія—это пробѣлъ разумѣнія, грозный урокъ, данный народамъ — до чего отчужденіе и рабство могутъ довести. Что-же касается до положительной стороны письма, до разъясненія причинъ такого печальнаго состоянія Россіи и указанія выхода изъ него, то мнѣніе Чаадаева представляется единственнымъ, исключительнымъ и промелькнувшимъ почти безслѣдно въ нашей литературѣ. Дѣло въ томъ, что Чаадаева, подобно Ив. Кирѣевскому, философія Шеллинга привела къ мистицизму, но разница въ томъ, что Кирѣевскій самъ вывелъ для себя мистицизмъ изъ общихъ основаній системы и выработалъ свой самостоятельный мистицизмъ православія, между тѣмъ, какъ Чаадаевъ, во время своего путешествія заграницей, познакомясь лично съ Шеллингомъ, увлекся мистицизмомъ буквально въ томъ самомъ видѣ, въ какомъ онъ представлялся въ послѣдующемъ періодѣ дѣятельности Шеллинга и дошелъ до апоѳеоза католичества, въ которомъ онъ началъ видѣть альфу и омегу цивилизаціи Европы. Съ этой точки зрѣнія, главная причина отдѣленія Россіи отъ Европы и печальнаго ея положенія, по мнѣнію Чаадаева, заключается въ томъ, что мы не принадлежимъ къ тому умственному и нравственному союзу католичества, который связываетъ всѣ европейскіе народы въ одну нераздѣльную семью. Если хотите, и у Кирѣевскаго мелькаетъ та-же мысль въ его статьѣ „XIX вѣкъ“, когда онъ говоритъ о томъ вліяніи, какое оказала католическая церковь въ средніе вѣка на цивилизацію Европы, и замѣчаетъ при этомъ въ Россіи отсутствіе подобнаго-же вліянія; но Кирѣевскій ограничиваетъ это сравненіе средними вѣками; для настоящаго-же времени онъ предполагаетъ иные выходы,—мы выше видѣли какіе. Для Чаадаева-же естественно никакого выхода не представлялось: онъ не могъ не сознавать, что обращеніе въ католичество всего народа дѣло невозможное да и позднее, и поэтому считалъ зло неисправимымъ. Онъ ничего и не предлагалъ въ своемъ письмѣ, а только выставлялъ факты безвыходности съ своей точки зрѣнія.

VI.

Отношеніе шеллингистовъ къ литературѣ.—Новые критическіе взгляды на Пушкина (статьи Веневитинова и Кирѣевскаго).—Личность Надеждина.—Взаимное нерасположеніе между нимъ и Бѣлинскимъ.—Его участіе въ «Вѣстникѣ Европы».—Литературная бестактность Надеждина.—«Телескопъ».—Его пропаганда эстетическаго образованія и политическая бесхарактерность.—Общій обзоръ движенія мысли въ половинѣ тридцатыхъ годовъ.—Всеобщая реакція.—Борьба ея съ московскимъ движеніемъ.—Славянофилы и характеръ ихъ пропаганды.—Печальное состояніе петербургской литературы.—«Библіотека для чтенія».—Тѣсная связь взглядовъ Сенковскаго со взглядами, господствовавшими въ петербургскихъ кружкахъ.—Реформы, произведенныя «Библіотекой для чтенія» въ литературѣ, и полемика Бѣлинскаго съ Шевыревымъ по поводу этихъ реформъ.

Рядомъ съ общими вопросами о судьбѣ Россіи, шеллингисты не меньшее вниманіе обращали и на болѣе частные вопросы о характерѣ и развитіи современной имъ литературы въ Россіи. Исходя изъ философской системы, которая въ поэтическомъ творчествѣ видѣла по отношенію къ поэту воплощеніе міровыхъ идей въ пластическихъ осязательныхъ формахъ, а по отношенію къ народу—таинственный, божественный актъ народнаго самосознанія, шеллингисты не могли не обратить вниманія на бѣдность и пустоту нашей литературы, которая, съ одной стороны, страдала отсутствіемъ всякихъ болѣе или менѣе глубокихъ идей, съ другой—не заключая въ себѣ никакой самобытности,—была рабскимъ сколкомъ западныхъ литературъ. Вмѣстѣ съ этимъ, шеллингисты видѣли, что хотя наша литература избавилась отъ ложно-классическихъ оковъ, но это не сдѣлало ее нисколько серьезнѣе и глубже; напротивъ того, она окончательно разнуздалась; на основаніи того новаго понятія, что поэтъ долженъ летать по волѣ своей фантазіи, писать сдѣлалось чрезвычайно легко, обществомъ овладѣла положительная стихоманія, и литература наполнилась лирическими поэмами въ романтическомъ духѣ, въ которыхъ поэты изливались въ своихъ чувствахъ на сотнѣ страницахъ и выводили необузданныхъ героевъ съ дикими страстями, кинжалами, ядами и всевозможными злодѣйствами. Въ то-же время критика еще болѣе раздувала эту горячку своимъ рабскимъ отношеніемъ къ современнымъ знаменитостямъ. Хотя она отучилась уже считать Пиндарами и Гомерами писателей предшествующаго періода нашей литературы, но свое безпристрастіе простирала только на писателей ложно-классической школы. Что-же касается писателей-романтиковъ, то она не переставала держаться относительно ихъ хвалебнаго тона и ограничивала свои отзывы о нихъ сравненіемъ ихъ съ различными европейскими знаменитостями. Такъ, напримѣръ, Пушкина она ставила на одномъ ряду съ Байрономъ и произведенія его сравнивала съ различными поэмами послѣдняго, въ Онѣгинѣ видѣла русскаго то Чайльдъ-Гарольда, то Донъ-Жуана и пр.

Шеллингисты первые вооружились противъ наводненія литературы стихами.

«Мы отбросили французскія правила—говоритъ Веневитиновъ въ статьѣ «Мысли объ изд. журн.»—не отъ того, чтобы мы могли ихъ опровергнуть какою-либо положительною системой, но потому только, что не могли примѣнить ихъ къ нѣкоторымъ произведеніямъ новѣйшихъ писателей, которыми невольно наслаждаемся. Такимъ образомъ, правила невѣрныя замѣнились у насъ отсутствіемъ всякихъ правилъ. Однимъ изъ пагубныхъ послѣдствій сего недостатка нравственной дѣятельности была всеобщая страсть выражаться въ стихахъ. Многочисленность стихотворцевъ во всякомъ народѣ есть вѣрнѣйшій признакъ его легкомыслія; самыя типическія эпохи исторіи всегда представляютъ намъ самое малое число поэтовъ. Не трудно, кажется, объяснить причину сего явленія естественными законами ума; надобно только вникнуть въ начало всѣхъ искусствъ. Первое чувство никогда не творитъ и не можетъ творить, потому что оно всегда представляетъ согласіе. Чувство только порождаетъ мысль, которая развивается въ борьбѣ и тогда, уже снова обратившись въ чувство, является въ произведеніи. И потому истинные поэты всѣхъ народовъ, всѣхъ вѣковъ, были глубокими мыслителями, были философами и, такъ сказать, вѣнцомъ просвѣщенія. У насъ языкъ поэзіи превращается въ механизмъ; онъ дѣлается орудіемъ безсилія, которое не можетъ себѣ дать отчета въ своихъ чувствахъ и потому чуждается опредѣлительнаго языка разсудка. Скажу болѣе: у насъ чувство, нѣкоторымъ образомъ, освобождаетъ отъ обязанности мыслить и, прельщая легкостью безотчетнаго наслажденія, отвлекаетъ отъ высокой цѣли совершенствованія».

Въ то-же время шеллингисты возстали и противъ критики, слишкомъ пристрастной къ нашей литературѣ и ставившей ее наравнѣ съ европейскою. Еще до возникновенія „Московскаго Вѣстника“ Веневитиновъ, въ 1824 г., въ „Сынѣ Отечества“, осмѣялъ Полевого, когда тотъ, при появленіи первой главы Евгенія Онѣгина, сейчасъ-же сравнилъ Пушкина съ Байрономъ, въ Евгеніи Онѣгинѣ увидѣлъ типъ въ родѣ Донъ-Жуана, въ общемъ-же характерѣ романа ему пригрезилось почему-то соотвѣтствіе тому, что въ музыкѣ называется capriccio.

«Кто отказываетъ Пушкину въ истинномъ талантѣ—говоритъ, между прочимъ, Веневитиновъ,—кто не восхищался его стихами? Кто не сознается, что онъ подарилъ нашу словесность прелестными произведеніями? Но для чего-же сравнивать его съ Байрономъ, съ поэтомъ, который, духомъ принадлежа не одной Англіи, а нашему времени, въ пламенной душѣ своей сосредоточилъ стремленіе цѣлаго вѣка, и еслибъ могъ изгладиться въ исторіи частнаго рода поэзіи, то вѣчно остался-бы въ лѣтописяхъ ума человѣческаго?

«Всѣ произведенія Байрона носятъ отпечатокъ одной глубокой мысли—мысли о человѣкѣ, въ отношеніи къ окружающей его природѣ, въ борьбѣ съ самимъ собою, съ предразсудками, врѣзавшимися въ его сердце, въ противорѣчіи съ своими чувствами. Говорятъ: въ его поэмахъ мало дѣйствія. Правда, его цѣль не разсказъ; характеръ его героевъ не связь описаній; онъ описываетъ предметы не для предметовъ самихъ, не для того, чтобы представить рядъ картинъ, но съ намѣреніемъ выразить впечатлѣнія ихъ на лицо, выставленное имъ на сцену. Мысль истинно поэтическая, творческая.

«Теперь, г. издатель «Телеграфа», повторяю вамъ вопросъ: что такое Онѣгинъ? Онъ вамъ знакомъ, вы его любите. Такъ! но этотъ герой поэмы Пушкина, по собственнымъ словамъ вашимъ, «шалунъ съ умомъ, вѣтренникъ съ сердцемъ», и ничего болѣе. Я сужу также, какъ вы, т.-е. по одной первой главѣ; мы, можетъ быть, оба ошибаемся, и оправдаемъ осторожность опытнаго критика, который, опасаясь попасть въ «кривотолки», не захотѣлъ произнесть преждевременно своего сужденія.

«Теперь, позвольте спросить: что вы называете «новыми пріобрѣтеніями Байроновъ и Пушкиныхъ»? Байрономъ гордится новая поэзія, и я, въ нѣсколькихъ строчкахъ, уже старался замѣтить вамъ, что характеръ его произведеній истинно новый. Не будемъ оспаривать у него славы изобрѣтателя. Пѣвецъ «Руслана и Людмилы», «Кавказскаго плѣнника» и проч. имѣетъ неоспоримыя права на благодарность своихъ соотечественниковъ, обогативъ русскую словесность красотами, доселѣ ей неизвѣстными, но признаюсь вамъ и самому нашему поэту, что я не вижу въ его твореніяхъ пріобрѣтеній, подобныхъ Байроновымъ, «дѣлающихъ честь вѣку». Лира Альбіона познакомила насъ со звуками, для насъ совсѣмъ новыми. Конечно, въ вѣкъ Людовика XIV никто бы не написалъ и поэмъ Пушкина; но это доказываетъ не то, что онъ подвинулъ вѣкъ, но то, что онъ отъ него не отсталъ. Многіе критики, говоритъ Полевой, увѣряютъ, что «Кавказскій плѣнникъ», «Бахчисарайскій фонтанъ» взяты изъ Байрона. Мы не утверждаемъ такъ опредѣлительно, чтобы нашъ стихотворецъ заимствовалъ изъ Байрона планы поэмъ, характеры лицъ, описанія; но скажемъ только, что Байронъ оставляетъ въ его сердцѣ глубокія впечатлѣнія, которыя отражаются во всѣхъ его твореніяхъ. Я говорю смѣло о Пушкинѣ, потому что онъ стоитъ между нашими стихотворцами на такой степени, гдѣ правда уже не колетъ глазъ».

Совершенно такія-же мысли, только высказанныя болѣе ясно и опредѣленно, мы встрѣчаемъ въ статьѣ Кирѣевскаго. „Нѣчто о поэзіи Пушкина“ („Московскія Вѣдомости“ 1828 г.):

«Время Чайльдъ-Гарольдовъ, слава Богу, еще не настало для нашего отечества—говоритъ между прочимъ Кирѣевскій—молодая Россія не участвовала въ жизни западныхъ государствъ, и народъ, какъ человѣкъ, не старѣется чужими опытами. Блестящее поприще открыто еще для русской дѣятельности; всѣ роды искусствъ, всѣ отрасли познаній еще остаются неусвоенными нашему отечеству; намъ дано еще: надѣяться—что-же дѣлать у насъ разочарованному Чайльдъ-Гарольду?

«Посмотримъ, какія качества сохранилъ и утратилъ цвѣтъ Британіи, бывъ пересаженъ на русскую почву.

«Любимая мечта британскаго поэта есть существо необыкновенное, высокое. Не бѣдность, но преизбытокъ внутреннихъ силъ дѣлаетъ его холоднымъ къ окружающему міру. Безсмертная мысль живетъ въ его сердцѣ и день, и ночь, поглощаетъ въ себѣ все бытіе его и отравляетъ всѣ наслажденія. Но въ какомъ бы видѣ она ни являлась: какъ гордое презрѣніе къ человѣчеству, или какъ мучительное раскаяніе, или какъ мрачная безнадежность, или какъ неумолимая жажда забвенія, эта мысль всеобъемлющая, вѣчная—что она, если не невольное стремленіе къ лучшему, тоска по недосягаемомъ совершенствѣ? Нѣтъ ничего общаго между Чайльдъ-Гарольдомъ и толпой людей обыкновенныхъ: его страданія, его мечты, его наслажденія непонятны для другихъ; только высокія горы да голые утесы говорятъ ему отвѣтныя тайны, ему одному слышныя. Но потому именно, что онъ отличенъ отъ обыкновенныхъ людей, можетъ онъ отражать въ себѣ духъ своего времени и служитъ границей съ будущимъ; потому что *только разногласіе связуетъ различныя созвучія* *).

«Напротивъ того, Онѣгинъ есть существо совершенно обыкновенное и ничтожное. Онъ также рав-

*) Курсивъ въ подлинникѣ.

нодушенъ ко всему окружающему; но не ожесточеніе, а неспособность любить сдѣлали его холоднымъ. Его молодость также прошла въ вихрѣ забавъ и разсѣянія; но онъ не завлеченъ былъ кипѣніемъ страстной неопытной души, но на паркетѣ провелъ пустую, холодную жизнь франта. Онъ также бросилъ свѣтъ и людей; но не для того, чтобы въ уединеніи найти просторъ взволнованнымъ думамъ, но для того, что ему было равно скучно вездѣ.

...Что онъ равно зѣвалъ
Средь модныхъ и старинныхъ залъ.

«Онъ не живетъ вокругъ себя жизнію особенною, отмѣнною отъ жизни другихъ людей, и презираетъ человѣчество потому только, что не умѣетъ уважать его. Нѣтъ ничего обыкновеннѣе такого рода людей, а всего меньше поэзіи въ такомъ характерѣ.

«Вотъ Чайльдъ-Гарольдъ въ нашемъ отечествѣ, и честь поэту, что онъ представилъ намъ не настоящаго: потому что, какъ мы уже сказали, его время еще не пришло для Россіи, и дай Богъ чтобы никогда не приходило».

Съ того-же 1828 года началъ печататься въ „Вѣстникѣ Европы“ и рядъ статей Надеждина подъ псевдонимомъ Надоумки.

Но статьи эти надо рѣзко отличать отъ статей о томъ-же предметѣ Веневитинова и Кирѣевскаго, и вообще отношеніе Надеждина къ литературѣ носитъ совершенно иной характеръ, чѣмъ у прочихъ писателей его школы.

Личность Надеждина чрезвычайно двусмысленно и неопредѣленно рисуется въ нашей литературѣ. Самый первый шагъ его на литературное поприще невольно озадачиваетъ васъ. Почему Надеждинъ, увлекшійся философіею Шеллинга, не примкнулъ сразу къ кружку прочихъ шеллингистовъ, какъ товарищъ его Павловъ, и не печаталъ своихъ статей исключительно въ „Московскомъ Вѣстникѣ“—журналѣ, которому онъ, повидимому, болѣе, чѣмъ всѣмъ другимъ долженъ былъ сочувствовать, какъ шеллингистъ? Нѣтъ, онъ сталъ особнякомъ, въ сторонѣ, и пошелъ вдругъ въ „Вѣстникъ Европы“, который былъ сосредоточіемъ всевозможной ветхости и гнили въ то время. Какъ человѣкъ талантливый и обладающій большою ученостью, онъ не могъ не обратить вниманія публики на свои статьи; онѣ произвели большое впечатлѣніе, и вліяніе ихъ было такъ сильно, что отразилось всюду; даже заклятые враги его, каковъ былъ Полевой, подчинились этому вліянію и начали повторять многія высказанныя имъ мысли. Но при всемъ этомъ вліяніи, съ появленія его статей и до самой смерти его вы не встрѣтите о немъ ни одного отзыва, вполнѣ благосклоннаго. И не одни только враги отзывались о немъ такъ: даже послѣдователи и ученики его, тѣ, которыхъ воспиталъ онъ въ своей замѣчательной профессорской дѣятельности (а воспиталъ онъ цѣлое поколѣніе), и тѣ, повидимому, не питали къ нему большаго уваженія, какъ къ писателю. По крайней мѣрѣ, лучшій представитель этихъ учениковъ, да и, притомъ, такой, котораго онъ-же, Надеждинъ, вывелъ на свѣтъ въ своей „Молвѣ“, которому подъ конецъ повѣрилъ въ полное распоряженіе свой „Телескопъ“, однимъ словомъ, Бѣлинскій, помѣстилъ о немъ въ „Отечественныхъ Запискахъ“ 1841 г. отзывъ такого содержанія:

«Г. Надеждинъ началъ свое литературное поприще въ «Вѣстникѣ Европы», и началъ борьбой противъ романтизма. Въ первыхъ статьяхъ онъ явился псевдонимомъ Надоумкою; но когда были напечатаны отрывки изъ его диссертаціи, писанной для полученія степени доктора, всѣ узнали, что Надоумка и г. Надеждинъ—одно лицо. Статьи Надоумки отличались особенною журнальною формой, оригинальностью, но еще чаще странностью языка, бойкостью и рѣзкостью сужденій. Какъ въ нихъ, такъ и въ диссертаціи, можно было замѣтить, что противникъ романтизма понималъ романтизмъ лучше его защитниковъ и *былъ не совсѣмъ искреннимъ* врагомъ романтизма. Г. Надеждинъ первый сказалъ и развилъ истину, что поэзія нашего времени не должна быть ни классическою (потому что мы не греки и не римляне), ни романтическою (потому что мы не паладины среднихъ вѣковъ); но что въ поэзіи нашего времени должны примириться обѣ стороны и произвести новую поэзію. Мысль справедливая и глубокая; г. Надеждинъ даже хорошо и развилъ ее. Но, тѣмъ не менѣе, она немногихъ убѣдила и не вошла въ общее сознаніе. Много причинъ было этому, а главная изъ нихъ: *какая-то неискренность и непрямота въ доказательствахъ, свойственная докторанту, а не доктору*, и явное противорѣчіе между воззрѣніями г. Надеждина и ихъ приложеніемъ. Г. Надеждинъ, понимая, что классическое искусство было только у грековъ и римлянъ, называя французскую поэзію псевдоклассическою, неестественною и надутою, въ то-же время съ благоговѣніемъ произносилъ имена Корнеля, Расина и Мольера и смѣло цитовалъ риторическіе стихи Ломоносова, Петрова, Державина и Мерзлякова, увѣряя, что въ нихъ-то и заключается всяческая поэзія. Далѣе, очень хорошо понимая, что Шекспиръ, Байронъ, Гете, Шиллеръ, Пушкинъ совсѣмъ не романтики, но представители новѣйшей поэзіи, онъ съ ожесточеніемъ глумился надъ ними, какъ надъ неистовыми романтиками, и смѣшивалъ ихъ съ героями юной французской литературы. *Это противорѣчіе едва-ли не было умышленно, во уваженіе невѣрныхъ отношеній докторанта, желающаго быть докторомъ, и потому, по мѣрѣ возможности, не желающаго противорѣчить закоренѣлымъ предубѣжденіямъ докторовъ.* По этой уважительной причинѣ г. Надеждинъ вооружился противъ Пушкина всѣми аргументами своей учености, всѣмъ остроуміемъ своихъ «надоумочныхъ», или, какъ говорили тогда его противники—«недоумочныхъ» статей. Время и мѣсто не позволяютъ намъ распространиться о его подвигахъ въ ратованіи противъ Пушкина, ибо это длинная и, притомъ, забавная и занимательная исторія, которую мы предоставляемъ себѣ разсказать въ другое время, какъ скоро представится удобный случай. Теперь-же скажемъ только, что *сдѣлавшись докторомъ и получивъ каѳедру, г. Надеждинъ сдѣлался журналистомъ и совершенно измѣнилъ свои литературные взгляды и даже орѳографію*; вмѣсто «эсѳетическій» и «энеузіазмъ», сталъ писать «эстетическій» и «энтузіазмъ»; разбирая «Бориса Годунова», заговорилъ о Пушкинѣ ужъ другимъ тономъ, хотя и осторожно, чтобы не слишкомъ рѣзко противорѣчить своимъ «надоумочнымъ» и «эсѳетическимъ» статьямъ. Во всякомъ случаѣ г. Надеждинъ—примѣчательное лицо въ нашей литературѣ и заслуживаетъ подробной и основательной оцѣнки, которую мы и предоставляемъ себѣ сдѣлать при случаѣ».

Но и учитель, съ своей стороны, не чувствовалъ большаго расположенія къ своему ученику, и нерасположеніе это было, повидимому, очень сильно, если заставило Надеждина, за неимѣніемъ какихъ-либо основательныхъ обвиненій противъ Бѣлинскаго, прибѣгать къ той мелочной лжи и клеветѣ, къ которой

въ настоящее время такъ часто прибѣгаютъ различные утонченные и щепетильные эстетики въ своихъ отзывахъ о томъ или другомъ молодомъ человѣкѣ.

«До моего знакомства съ Бѣлинскимъ—говоритъ И. Панаевъ въ своихъ «Воспоминаніяхъ» о Бѣлинскомъ—я все разспрашивалъ о немъ у Надеждина, который больной лежалъ тогда (въ 1838 г. *) въ гостинницѣ Демута, только-что вернувшись изъ Усть-Сысольска.

«Надеждинъ, который былъ вообще словоохотливъ, какъ будто избѣгалъ почему-то всякій разъ разговора о Бѣлинскомъ. Когда я разъ спросилъ о его образѣ жизни, о его привычкахъ, Надеждинъ засмѣялся во весь ротъ, обнаруживъ, по обыкновенію, свои десны и сказалъ:

— Малый онъ съ талантомъ, съ убѣжденіемъ, но въ жизни ужаснѣйшій циникъ. Когда онъ работалъ у меня въ «Телескопѣ», я нанялъ ему небольшую, но миленькую и чистенькую квартиру съ мебелью, еще съ цвѣтами на окнахъ! Онъ не прожилъ въ ней и недѣли — не могъ — и переселился куда-то на Трубу въ непроходимую грязь..

«Когда я сошелся съ Бѣлинскимъ, я однажды спросилъ его:

— Что, вы всегда были такой охотникъ до чистоты, какъ теперь?

— Что это за вопросъ? перебилъ Бѣлинскій.

«Я ему передалъ слова Надеждина. Бѣлинскій расхохотался.

— Неужели онъ вамъ говорилъ? вскрикнулъ онъ, весь вспыхнувъ.—Я клянусь вамъ, что ни о какой подобной квартирѣ я отъ роду не слыхивалъ—еще съ цвѣтами! хорошъ господинъ! Вы теперь меня видите и знаете: ну, похожъ-ли я на циника?».

Чтобы понять всѣ противорѣчія, какія мы встрѣчаемъ въ личности Надеждина, надо взять во вниманіе, что въ этомъ человѣкѣ постоянно боролись три элемента, изъ которыхъ каждый тянулъ его въ свою сторону: въ одно и то-же время онъ вмѣщалъ въ себѣ—высокомѣріе ученаго педанта, карьеризмъ чиновника съ живыми интересами мыслящаго человѣка. Молодость свою провелъ онъ вдали отъ свѣта, въ стѣнахъ московской духовной академіи, погруженный въ сухую, тощую схоластику, отъ вліянія которой не могло избавить Надеждина вполнѣ даже увлеченіе философіей Шеллинга. Съ высоты своей учености, онъ привыкъ смотрѣть на нашу литературу презрительно. Но если, съ одной стороны, онъ былъ правъ, потому что дѣйствительно литература наша была жалка и бѣдна сравнительно съ литературами западной Европы, за то, съ другой стороны, величайшее несчастіе его было то, что онъ не испыталъ на самомъ себѣ той хотя малой доли благотворнаго вліянія, какое производила на его современниковъ эта литература, какъ бы она ни была жалка и бѣдна. Какъ ни жидокъ былъ романтизмъ эпохи Пушкина и Полевого, но люди, увлекавшіеся имъ искренно и горячо, пріобрѣтали, по крайней мѣрѣ, чувство независимости, которое ставило ихъ въ оппозицію противъ нравственныхъ требованій существующаго порядка, пока они не измѣняли этому чувству. Надеждинъ въ своей ученой отчужденности отъ живаго движенія общества остался чуждъ этого вліянія—ученый-же педантизмъ не могъ избавить его отъ того, если можно такъ выразиться, мандаринства, которымъ были проникнуты въ обществѣ всѣ, находившіеся внѣ сферы романтизма. Стремясь составить ученую карьеру, онъ, конечно, терся болѣе всего въ кружкѣ людей, которые были ему для этого нужны, представителемъ мнѣній которыхъ былъ Каченовскій съ своимъ „Вѣстникомъ Европы“. Въ кружкѣ этихъ людей Надеждинъ привыкъ слышать ожесточенные нападки на романтизмъ—за его безнравственность, растлѣніе молодаго поколѣнія, ведущее къ ниспроверженію всякихъ общественныхъ и семейныхъ порядковъ и пр. Мы далеки отъ предположенія, что Надеждинъ сознательно подлаживался подъ эти мнѣнія съ низкою цѣлію угодить людямъ, отъ которыхъ зависѣла его ученая карьера. Онъ могъ заразиться этими мнѣніями невольно, тѣмъ болѣе, что при своемъ гелертерствѣ, соединенномъ съ презрѣніемъ къ литературѣ, онъ могъ видѣть, и дѣйствительно видѣлъ, какъ онъ самъ объ этомъ говоритъ въ своей автобіографіи, въ ученыхъ, окружавшихъ его, представителей образованности Россіи. Но въ то же время Надеждинъ былъ слишкомъ живой человѣкъ, чтобы закупориться окончательно въ науку, отрѣшившись отъ всего, что дѣлалось вокругъ него. Философія Шеллинга натолкнула и его на тѣ же мысли, которыя она возбудила въ Веневитиновѣ, Кирѣевскомъ, но эти мысли соединились у Надеждина съ воззрѣніями Каченовскаго, и онъ выступилъ въ „Вѣстникѣ Европы“ на защиту тенденцій этого журнала методомъ шеллинговой философіи. Этимъ и объясняется громадная разница статей Надеждина въ „Вѣстникѣ Европы“ отъ статей Веневитинова и Кирѣевскаго въ „Московскомъ Вѣстникѣ“ и „Европейцѣ“. У обоихъ этихъ писателей, если вы не видите какихъ-либо опредѣленныхъ и сознательныхъ политическихъ убѣжденій, во всякомъ случаѣ, замѣчаете въ нихъ сочувствіе и уваженіе ко всему тому, что носило въ себѣ хотя бы блѣдную тѣнь нравственной независимости. Они нападали на бѣдность нашей литературы и смѣялись надъ сравненіемъ русскихъ писателей съ иностранными, находя, что современная имъ литература производитъ на общество меньшее вліяніе, чѣмъ бы они желали; но при этомъ имъ и въ голову не приходило, чтобъ это малое вліяніе было вредное, развращающее, ведущее къ ниспроверженію общественнаго порядка и пр.; напротивъ, они дорожили и тѣмъ вліяніемъ, какое было въ наличности, и съ горячимъ сочувствіемъ относились къ писателямъ, любимымъ публикой. Веневитиновъ напалъ на Полевого, какъ мы видѣли выше, раньше Надеждина; но въ своей полемикѣ онъ держался въ строгихъ литературныхъ границахъ; онъ нападалъ на Полевого, какъ на плохого критика, но, вмѣстѣ съ тѣмъ, съумѣлъ оцѣнить въ немъ независимаго человѣка, и когда основался „Московскій Вѣстникъ“, онъ въ письмѣ изъ Петербурга убѣждалъ редакцію этого журнала быть осторожнѣе въ полемикѣ съ Полевымъ въ уваженіе къ особеннымъ достоинствамъ его журнала.

Совершенно обратное отношеніе мы видимъ въ статьяхъ Надеждина. Сквозь нападки на современныхъ писателей съ точки зрѣнія шеллингиста, вы повсюду встрѣчаете строки, которыя были подстать скорѣе писателю полицействующему, каковы были

*) Слѣдовательно, еще до появленія нелестнаго отзыва Бѣлинскаго о Надеждинѣ.

въ то время Гречъ и Булгаринъ, чѣмъ писателю, мало-мальски мыслящему. Стоитъ сдѣлать двѣ-три выписки изъ первой статьи Надеждина „Литературныя опасенія" („В. Европы", № 22, 1828 г.), произведшей самое сильное впечатлѣніе, чтобы познакомиться съ тономъ и духомъ тенденцій Надеждина. Вы посмотрите, напримѣръ, какіе прозрачные намеки на анархію и ниспроверженіе общественнаго порядка вы встрѣчаете въ отзывѣ Надеждина о „Евгеніи Онѣгинѣ" Пушкина.

«Par exemple!» продолжалъ неумолкающій Тлѣнскій [1]), прихлебнувши изъ чашки: — «ты, конечно, читалъ новую поэму Залетина: Евгеній Четверинскій?»

Я (зажигая лоскутокъ бумажки для раскуренія трубки).—Признаюсь, Богъ еще миловалъ!.. Меня и такъ уже тошнило съ этихъ *Евгеніевъ* [2]), которыхъ по справедливости надлежало бы назвать кокогеніями или выродками добраго вкуса! Вотъ и этотъ лоскуточикъ принадлежалъ, кажется, одному изъ нихъ.

Тлѣн. Вандалъ! такова-то всегда участь великихъ геніевъ: истинную цѣну узнаетъ только потомство! Но—выслушай, однако, меня!.. Новая поэма, которая, между нами будь сказано, есть Сиріусъ литературнаго нашего міра!—овеществляетъ подъ образомъ пылкаго юноши, пресыщеннаго на зарѣ жизни бытіемъ своимъ и попавшагося въ душные Нерчинскіе рудники за произведенное имъ въ пылу безнадежнаго отчаянья смертоубійство и зажигательство (sic)—она, повторяю тебѣ, овеществляетъ высокую идею объ исполинскихъ силахъ души человѣческой, рано стряхнувшей съ себя оковы прозаической общественной жизни. И сія гигантская мысль какъ мастерски исполнена. Доселѣ вышло только *три* [3]) главы поэмы: но *льва по когтю* [4]) узнать можно. Какая роскошь въ описаніяхъ! Какое богатство картинъ! Какая вѣрность въ обнаженіи сокровеннѣйшихъ изгибовъ сердца человѣческаго!.. Я пришлю тебѣ завтра мой экземпляръ съ портретомъ автора и почеркомъ руки его. Побереги только дорогой переплетъ...

Я. O tempora! o mores!

Тлѣн. О темпоресъ! о морусъ!.. Здѣсь не у мѣста твои греческія цитаціи. Совѣтую тебѣ прочесть новую поэму со вниманіемъ и безъ предубѣжденій: ты увидишь тогда самъ, какъ несправедливы и неосновательны твои восклицанія.

Я. Нечего читать, любезный! видно сову по полету и ворону по перьямъ. О, бѣдная, бѣдная наша поэзія! долго-ли будетъ ей скитаться по нерчинскимъ острогамъ, цыганскимъ шатрамъ и разбойническимъ вертепамъ?... Неужели къ области ея исключительно принадлежатъ однѣ мрачныя сцены распутства, ожесточенія, злодѣйства?... Что за рѣшительная антипатія ко всему доброму, свѣтлому, мелодическому—радующему и возвышающему душу?... Не такъ думалъ великій Горацій, законодатель и исполнитель творческаго искусства:

Musa dedit fidibus Divos, puerosque Deorum
Et pygilem victorem, et equum certamine primum
Et juvenum curas, et liberà vina referre [5]).

Вотъ предметы поэзіи! Великіе подвиги и невинныя наслажденія человѣчества!

Süsser Wohllaut schläft in der Saiten Gold:
Der Sänger singt von der Minne Sold,
Er preiset das Höchste, das Beste,
Was das Herz sich wünscht, was der Sinn begehrt [1]).

Такъ мыслилъ и воспѣвалъ безсмертный Шиллеръ!—Безъ сомнѣнія, буйная игра страстей, какъ *извращенное* [2]) отраженіе величія человѣческаго, и карикатурные гротески смѣшныхъ слабостей и заблужденій, какъ *изнанка* [3]) вещественной нашей жизни, могутъ и должны составлять предметъ творческой дѣятельности генія; но подъ какою точкой зрѣнія? Въ идеальномъ свѣтѣ сострадания о несообразности ихъ съ нашимъ достоинствомъ и назначеніемъ! Это-то собственно означаетъ ту эсѳетическую *полировку ощущеній* [4]) (καθάρσις φοβοῦ καὶ ἐλέος), которую нѣкогда Аристотель поставлялъ въ необходимый законъ ужасающей трагедіи. А нынѣ? Нынѣ поэзія съ какимъ-то неизъяснимымъ удовольствіемъ бродитъ по вертепамъ злодѣяній, омрачающихъ природу человѣческую; съ какою-то безстыдною наглостью срываетъ покровъ съ ея слабостей и заблужденій, и любуется изведенною на позоръ срамотой наилучшаго созданія Божія»... Къ этому ниже онъ прибавляетъ: «нынѣ совсѣмъ не то... Наши пѣвцы воздыхаютъ тоскливо о блаженномъ состояніи первобытной дикости и услаждаются живописаніемъ бурныхъ порывовъ неистовства, *покушающагося ниспровергнуть до основанія священный оплотъ общественнаго порядка и благоустройства*».

Не забудьте, что эти строки написаны въ 1828 г.— въ то время, когда воспоминанія 1825 года были еще самыя свѣжія, когда Пушкинъ былъ только-что возвращенъ изъ ссылки, когда каждый русскій журналъ висѣлъ на волоскѣ... Къ довершенію курьеза, въ одной изъ своихъ статей Надеждинъ обзываетъ всѣхъ представителей романтизма, Пушкина, Полевого и пр. „сонмищемъ нигилистовъ", предвосхищая, такимъ образомъ, пальму первенства у Тургенева въ изобрѣтеніи этого термина для означенія имъ всего выходящаго изъ границъ, безпорядочнаго, взбалмошнаго, анархическаго. Однимъ словомъ, читая статьи Надеждина, вы словно переноситесь изъ двадцатыхъ годовъ въ наше время, съ тою только разницей, что писателей, запрещающихся въ наше время въ училищахъ и считающихся нигилистами, въ то время еще не существовало, а считались нигилистами и запрещались въ училищахъ поэты въ родѣ Пушкина, Дельвига, Баратынскаго, на которыхъ современные педагоги смотрятъ, какъ на столпы благонамѣренности. Но отсутствіе всякаго литературнаго такта и прили-

---

[1]) Статья Надеждина написана въ видѣ разговора автора съ Тлѣнскимъ, въ которомъ Надеждинъ изображаетъ приверженца романтической школы.

[2]) [3]) [4]) Курсивъ въ подлинникѣ.

[5]) Для Тлѣнскаго, какъ перволкласснаго поэта, я безбоязненно цитовалъ мѣста изъ Гораціевой Artis Poeticae, которая, по моему мнѣнію, должна быть, если не кораномъ, то, по крайней мѣрѣ, *Ручною катехетическою книжкой* для всѣхъ, нарекающихся поэтами. Не знающимъ латинскаго языка можно рекомендовать прекрасный переводъ *А. Ѳ. Мерзлякова.* Тамъ упомянутые стихи переведены слѣдующимъ образомъ:

Фебъ лирѣ далъ въ удѣлъ безсмертныхъ прославленье
Ихъ чадъ божественныхъ, героевъ награжденье,
Труды и честь бойцевъ, и юности златой
Любезны суеты и Вакха даръ благой!

Прим. Надеждина.

[1]) По переводу Жуковскаго:

Въ струнахъ золотыхъ вдохновенье живетъ!
Пѣвецъ о любви благодатной поетъ,
О всемъ, что святаго есть въ лирѣ,
Что душу волнуетъ, что сердце живитъ.

Прим. Надеждина.

[2]) [3]) [4]) Курсивъ въ подлинникѣ.

чій со стороны Надеждина не ограничивалось одними только опасеніями относительно ниспроверженія разныхъ священныхъ оплотовъ, а простерлось до того, что онъ дозволилъ подъ одною изъ своихъ статей помѣстить примѣчаніе Каченовскаго совсѣмъ ужь не литературнаго свойства. Дѣло въ томъ, что послѣ статьи въ „Телеграфѣ“, подъ псевдонимомъ Бенигны, въ которой опровергалось всякое значеніе Каченовскаго, послѣдній помѣстилъ подъ статьей Надеждина „Откликъ съ Патріаршихъ Прудовъ“ слѣдующее примѣчаніе:

«Здѣсь приличнымъ почитаю объявить, что препираться съ Бенигной я не имѣю охоты, отказавшись навсегда отъ безплодной полемики; а теперь не имѣю на то и права, *предпринявъ другія мѣры къ охраненію своей личности отъ игриваго произвола сего Бенигны и всѣхъ прочихъ.* Я даже не читалъ бы статьи телеграфической, еслибъ *не былъ увлеченъ слѣдствіями неблагонамѣренности, прикосновенными къ чести службы и къ достоинству мѣста, при которомъ имѣю честь продолжать оную»*.

Эти другія мѣры состояли въ томъ, что Каченовскій обратился съ жалобами на Полевого къ разнымъ начальствамъ, цензурнымъ и сверхцензурнымъ; жалобы эти не имѣли послѣдствій, но подняли порядочную бурю въ литературѣ, при чемъ не малая тѣнь пала и на Надеждина. Конечно, онъ не былъ тутъ ни въ чемъ виноватъ активно, но, во всякомъ случаѣ, этотъ фактъ показываетъ полное отсутствіе въ Надеждинѣ всякаго чутья литературной чести, потому что какой-же бы писатель, обладающій хоть каплей подобнаго чутья, рѣшился бы участвовать въ журналѣ, издатель котораго позволяетъ себѣ подобнаго рода вылазки за предѣлы литературной полемики, не говоря уже о томъ, чтобы терпѣть подъ своею статьей примѣчанія въ родѣ вышеприведеннаго.

При такомъ способѣ веденія полемики со стороны противниковъ, естественно, что Полевому весьма трудно было поддерживать полемику, направляя ее туда, куда слѣдовало. Роль Полевого въ этой полемикѣ была во всѣхъ отношеніяхъ печальна. Съ одной стороны, противникъ побѣждалъ его въ томъ, въ чемъ былъ безспорно сильнѣе его, т.-е. въ учености и въ болѣе зрѣлыхъ философскихъ основаніяхъ своей критики. А между тѣмъ, слабыя стороны этого самаго противника, его литературная безтактность и отсутствіе чутья литературныхъ приличій, были совершенно недоступны для открытаго нападенія со стороны Полевого при цензурныхъ условіяхъ того времени, и Полевой по необходимости долженъ былъ ограничиваться нападеніями на слогъ, орѳографію, педантизмъ и тому подобныя вещи, предоставляя читателю уже самому догадываться, что подъ этими мелочами скрывается нѣчто другое. Мы видѣли сейчасъ, что даже и такіе невинные нападки повели ученыхъ противниковъ Полевого къ обвиненію его въ неблагонамѣренности.

Вышедши на самостоятельное поприще, сдѣлавшись профессоромъ теоріи и исторіи изящныхъ искусствъ и издателемъ „Телескопа“, Надеждинъ избавился мало-по-малу отъ вреднаго вліянія на него отсталыхъ педантовъ московскаго университета, измѣнилъ свои литературныя симпатіи и антипатіи, ему перестали уже мерещиться въ русской литературѣ *мрачныя преисподни губительнаго нигилизма,* о Пушкинѣ онъ началъ отзываться благосклонно, въ полемикѣ противъ Полевого держался въ литературныхъ предѣлахъ и перестать допускать въ свои статьи полицейскіе пріемы. Но при всемъ томъ, въ „Телескопѣ“ до самого появленія въ немъ молодыхъ писателей, сохранялся затхлый духъ мертвой схоластики и сухого педантизма. Идеи Шеллинга развивались въ этомъ журналѣ, какъ и на лекціяхъ Надеждина, преимущественно въ приложеніи къ эстетикѣ, и вопросъ о чувствѣ изящнаго стоялъ въ немъ на первомъ планѣ. Въ статьяхъ Надеждина впервые мы видимъ, что чувство изящнаго разсматривается не какъ только одинъ изъ элементовъ человѣческой природы, обусловливающій поэтическое творчество, а какъ всеобщій факторъ воспитанія и жизни. Хотя въ то время не было еще такихъ враговъ чистаго искусства, какіе появились впослѣдствіи, но Надеждинъ какъ будто предвидѣлъ ихъ, и въ своей статьѣ „Необходимость, значеніе и сила эстетическаго образованія“ („Телескопъ“, 1831 г., № 10), онъ приводитъ слѣдующія возраженія противъ предполагаемыхъ противниковъ эстетическаго образованія:

«Изящныя искусства, разсматриваемыя сами по себѣ отдѣльно, могутъ легко показаться игрушками, вымышляемыми досужею изобрѣтательностью на забаву и нѣгу праздности; и тогда много-много уже, если имъ, по снисхожденію, оставляется служебное преимущество: усыпать цвѣтами скорбный путь нашей жизни, осіявать отраднымъ веселіемъ чело, осѣненное мрачными думами, и навѣвать освѣжающее успокоеніе сердцу, изнуренному тяжкими заботами. Но сія, чисто посторонняя и случайная польза, не всегда и не для всѣхъ еще достигаемая, въ очахъ строгихъ ревнителей человѣческаго достоинства естественно не можетъ искупать вреда, причиняемаго ихъ злоупотребленіемъ: почему не удивительно, что *изящныя искусства* [1]), и вмѣстѣ съ ними всякое *эстетическое образованіе* [2]), осуждались и прежде на пренебреженіе и гибли, приносимыя въ жертву или гражданской дѣятельности, какъ въ древнія суровыя времена республиканскаго Рима, или умственному утонченію, какъ въ средніе мрачные вѣка схоластической іерархіи. Но это пренебреженіе не можетъ имѣть мѣста, если изящныя искусства будутъ представляться въ истинномъ ихъ свѣтѣ, какъ необходимыя условія *эстетическаго образованія* [3]). *Эстетическое образованіе* [4]) есть довершеніе и вѣнецъ нашей жизни: безъ него наша человѣческая природа вызрѣть не можетъ. Оно должно оканчиваться поэзіей жизни, которая есть ни что иное, какъ полное, гармоническое развитіе всѣхъ струнъ человѣческаго бытія нашего. Не будь этого развитія—струны сіи никогда не издадутъ полныхъ и свѣтлыхъ звуковъ. Вся жизнь наша превратится тогда въ протяжную монотонію, хладную и мрачную. Въ нашихъ дѣйствіяхъ слышенъ будетъ тяжелый скрипъ механической работы: наши познанія будутъ отзываться унылою пустотой чахлаго педантизма. Безъ *эстетическаго образованія* [5]) мы не можемъ вполнѣ наслаждаться большинствомъ человѣческаго бытія нашего!...»

Эти мысли представляютъ сущность воззрѣній Надеждина; онѣ имѣютъ для насъ тѣмъ болѣе важности, что онѣ горячо восприняли учениками покойнаго

[1]) [2]) [3]) [4]) [5]) Курсивы въ подлинникѣ.

профессора и впослѣдствіи отразились на цѣломъ поколѣніи, представителемъ котораго былъ кружокъ Станкевича.

Напирая преимущественно на эстетику, въ политическомъ отношеніи „Телескопъ" представлялъ полнѣйшую безхарактерность, отражая въ этомъ отношеніи безхарактерность самаго издателя, и допускалъ на свои страницы оттѣнки всевозможныхъ мнѣній. Тутъ вы встрѣтите оппозиціонный романтизмъ начинавшаго уже въ то время Искандера рядомъ съ эстетическимъ индифферентизмомъ кружка Станкевича, католическимъ мистицизмомъ Чаадаева и казеннымъ патріотизмомъ Шевырева съ Погодинымъ. Имена этихъ двухъ писателей особенно часто встрѣчаются въ „Телескопѣ". Поступивши почти въ одно время съ ними въ число московскихъ профессоровъ и раздѣляя съ ними одни и тѣ же философскія воззрѣнія, Надеждинъ естественно сблизился со своими товарищами; очень можетъ быть, что если не по ихъ совѣту, то, во всякомъ случаѣ, въ виду близкаго ихъ участія и сотрудничества, Надеждинъ основалъ свой журналъ. По всей вѣроятности, вѣянію духа этихъ писателей „Телескопъ" обязанъ былъ мнѣніями въ родѣ нижеслѣдующаго:

«Въ жизни русскаго народа были такіе моменты, когда внутренняя полнота его, почивающая въ безмятежной тишинѣ, воздымалась, потрясенная чудною силой, и являясь во всей роскоши сокровеннаго своего могущества. Къ чести русскаго духа должно сознаться, что сила, производящая въ немъ сіи чудныя потрясенія, достойна великаго народа. Это любовь къ отечеству! Только сіе высокое и святое чувство могло колебать эту великую громаду исполинскихъ силъ и вызывать ее къ полной жизни. У другихъ націй сіи достопримѣчательныя эпохи всеобщаго движенія бываютъ обыкновенно слѣдствіями внутренняго разъединенія, всколыханная страстями жизнь раздѣляется на многія гряды волнъ, другъ другу враждебныя, другъ друга побороающія: отсюда междоусобное остервененіе, оскверненіе престоловъ и алтарей, разрушеніе всѣхъ общественныхъ связей, пятнающее любопытнѣйшія страницы въ лѣтописяхъ народовъ. Не такъ бываетъ съ народомъ русскимъ. Его всеобщее пробужденіе можетъ быть только слѣдствіемъ напряженнаго сосредоточія всѣхъ силъ его. Русскій человѣкъ, неумѣющій составлять для себя отдѣльную атмосферу бытія, можетъ потрясаться только общимъ колебаніемъ сферы, къ коей принадлежитъ, можетъ жить полною жизнью только въ единствѣ жизни отечества. И тогда-то обнаруживаются всѣ тайны его русской природы: всѣ струны русской его души издаютъ звуки полные, свѣтлые, могущественные. Смыслъ его жизни совершенно разгадывается: онъ является истиннымъ гражданиномъ и истиннымъ семьяниномъ, когда становится русскимъ» («Рославлевъ или русскіе въ 1812 г.». Критика, статья II, стр. 219. «Телеск.», 1831 года, № 14).

Въ заключеніе характеристики десятилѣтняго періода (1825—35) нашего развитія, который по всей справедливости можетъ быть названъ періодомъ шеллингистовъ, я считаю необходимымъ сдѣлать общій очеркъ положенія идей, партій и направленій въ литературѣ въ половинѣ тридцатыхъ годовъ, т.-е. въ то время, когда на литературное поприще выступили новыя силы въ лицѣ Бѣлинскаго, Лермонтова, Кольцова, Гоголя и пр.

Впродолженіе всего этого періода, реакція, если не дошла еще до тѣхъ печальныхъ крайностей, до которыхъ достигла она въ началѣ пятидесятыхъ годовъ, во всякомъ случаѣ, успѣла уже заявить себя, въ особенности послѣ польской революціи тридцатаго года. Общество представляло въ это время картину безропотной, безусловной, рабской покорности передъ всѣмъ, что только ни дѣлалось въ средѣ его. Оно было преисполнено хроническаго страха, заставлявшаго людей шопотомъ говорить о каждомъ предметѣ самаго невиннаго свойства, хоть сколько-нибудь превышавшемъ уровень обыденности. Нѣмая апатія и скука царствовали повсюду, и, казалось, не было исхода изъ этого царства всеобщаго сна, застоя и беззастѣнчиваго произвола. Среди всего этого мрака и сна едва теплился чуть мерцающій огонекъ свѣта, пробивалась, журча, чуть слышно, живая струйка: это было философское броженіе умовъ въ нѣсколькихъ литературныхъ кружкахъ, и недаромъ это броженіе сосредоточилось въ стѣнахъ Москвы. Въ то время, какъ въ Петербургѣ все, что только было мыслящаго, выбыло изъ строя, въ московскомъ затишьѣ уцѣлѣли многія личности прежняго закала. Какъ прежде Москва была сосредоточіемъ опальнаго, неслужилаго дворянства, такъ и теперь всѣ, которые не хотѣли служить, которымъ было „прислуживаться тошно", удалялись въ Москву, гдѣ административное око не было такъ бдительно, какъ въ Петербургѣ, гдѣ общество, изстари привыкшее къ эксцентрическимъ проявленіямъ барской прихоти, не удивлялось столь-же иногда эксцентрическимъ проявленіямъ независимой мысли, гдѣ Чаадаевъ, сложа руки гдѣ-нибудь у колонны, у дерева на бульварѣ, въ залахъ и театрахъ, въ клубѣ, могъ безнаказанно *сердить оторопѣвшихъ аристократовъ и православныхъ славянъ колкими замѣчаніями, всегда отлитыми въ оригинальную форму и намѣренно замороженными*, и эти люди ѣздили къ нему, и звали его на свои рауты; гдѣ славянофилы впослѣдствіи могли наряжаться въ народные костюмы и являться въ нихъ въ барскія гостиныя проповѣдывать возвращеніе къ народнымъ началамъ. Среди степнаго хлѣбосольства, барской праздности и распущенности, философскіе споры и пререканія служили немалымъ развлеченіемъ отъ скуки, и подъ вліяніемъ шеллингистовъ, московскія гостиныя переполнились преніями о судьбахъ европейской и русской цивилизаціи, о необходимости усвоенія западной образованности или проникновенія народными началами. Все это движеніе, какъ читатели могли убѣдиться изъ многочисленныхъ выписокъ, которыя мы ему представили въ двухъ послѣднихъ главахъ, стояло на чисто-отвлеченной почвѣ общихъ, міровыхъ вопросовъ о судьбахъ цивилизаціи, не заключая въ себѣ ни малѣйшихъ опредѣленныхъ политическихъ тенденцій, никакого побужденія къ критическому анализу окружающей жизни; если нѣсколько передовыхъ людей и желали освобожденія крестьянъ и нѣкоторыхъ другихъ реформъ, то, во всякомъ случаѣ, таили эти мечты про себя, боясь ихъ высказывать кому-либо даже наединѣ. Но такой уже характеръ имѣла реакція того времени, что для нея казалось опаснымъ уже и то, что въ обществѣ были люди, которые не хотѣли слу-

жить и имѣли дерзость самостоятельно мыслить и заниматься въ своей частной жизни, чѣмъ имъ вздумается. Вмѣсто того, чтобы восхищаться всѣмъ русскимъ, и ставить Россію во главѣ Европы, они осмѣлились увѣрять людей, что Россія отстала отъ Европы, что она государство не европейское, а азіатское, что передовые люди ея лишены всякаго философскаго образованія, литература мелка и пуста, и что, подражая во всемъ Западу, мы перенимаемъ отъ него дурнаго болѣе, чѣмъ хорошаго. Все это были одни слова, слова и слова—и слова-то самаго, въ сущности, невиннаго свойства. При мало-мальски разумной свободѣ и терпимости, эти люди могли-бы смѣло быть предоставлены самимъ себѣ и трудно было-бы придумать болѣе мирныхъ, благонамѣренныхъ гражданъ съ ихъ скромными занятіями философскими науками и эстетическимъ созерцаніемъ. Но реакція, видя опасность въ одномъ уже романтическомъ стремленіи къ индивидуальной свободѣ чувства, мысли и воли, сама создавала себѣ оппозицію; преслѣдуя въ этихъ философахъ и эстетикахъ опасныхъ либераловъ, она убѣждала и общество въ томъ, что въ нихъ, въ самомъ дѣлѣ, таится оппозиція, и многіе изъ философовъ привыкли смотрѣть на себя, какъ на либераловъ. Создавши, такимъ образомъ, сама себѣ врага, реакція пошла далѣе: отъ 1831 до 1836 года были запрещены четыре изданія („Европеецъ", „Денница", „Телескопъ", „Телеграфъ"), издававшіяся подъ весьма строгою цензурой, несмѣвшія и заикаться о чемъ-либо политическомъ. Но движеніе, несмотря на строгія мѣры, шло crescendo, все болѣе и болѣе обращая на себя вниманіе общества и захватывая кругъ его все обширнѣе и обширнѣе. Въ концѣ разсматриваемаго нами періода движеніе это начало уже изъ общаго и неопредѣленнаго хаоса различныхъ мнѣній развѣтвляться на опредѣленныя категоріи и направленія. Такъ, статья Кирѣевскаго „XIX вѣкъ" и письмо Чаадаева выдѣлили славянофиловъ изъ общаго движенія и заставили ихъ сомкнуться въ отдѣльный кружокъ, который, хотя еще и не вступалъ въ открытую вражду съ западниками, но дѣятельно началъ вести пропаганду своихъ идей въ московскихъ кружкахъ и гостиныхъ. Замѣчательно, что и въ то время уже славянофилы, не имѣвшіе еще печатнаго органа, любили прибѣгать для выраженія своихъ симпатій и заявленій къ обѣдамъ съ высокопарными спичами и декламаціями. Такъ, въ концѣ тридцатыхъ годовъ, былъ въ Москвѣ проѣздомъ панславистъ Гай, игравшій потомъ какую-то неясную роль какъ кроатскій агитаторъ и въ тоже время близкій человѣкъ Бана Іелачича. Ему не трудно было разжалобить москвичей судьбою страждущей православной братіи въ Далмаціи и Кроаціи; огромная подписка была сдѣлана въ нѣсколько дней и, сверхъ того, Гаю былъ данъ обѣдъ во имя всѣхъ сербскихъ и русняцкихъ симпатій. За обѣдомъ, одинъ изъ важнѣйшихъ по голосу и по занятіямъ славянофиловъ, разгоряченный, вѣроятно, тостами за черногорскаго владыку, за разныхъ великихъ босняковъ, чеховъ и словаковъ, импровизировалъ стихи, въ которыхъ было слѣдующее, вовсе не христіанское выраженіе:

Упьюся я кровью мадьяровъ и нѣмцевъ.

Всѣ неповрежденные съ отвращеніемъ услышали эту фразу. По счастію, остроумный статистикъ Андросовъ выручилъ кровожаднаго пѣвца: онъ вскочилъ съ своего стула, схватилъ дессертный ножикъ и сказалъ: „Господа, извините меня, я васъ оставлю на минуту; мнѣ пришло въ голову, что хозяинъ моего дома, старикъ настройщикъ Дицъ—нѣмецъ; я сбѣгаю его прирѣзать и сейчасъ возвращусь". Громъ смѣха заглушилъ негодованіе.

Между тѣмъ, какъ славянофилы проявляли свои симпатіи и антипатіи въ такихъ воинственныхъ крикахъ, профессоръ Надеждинъ своими лекціями и „Телескопомъ" направлялъ молодое поколѣніе на чисто эстетическіе и литературные вопросы и въ половинѣ тридцатыхъ годовъ художественно-созерцательное и философски-рефлективное направленіе, въ свою очередь, начало выдѣляться все опредѣленнѣе и рѣзче—особенно, когда Бѣлинскій началъ свою дѣятельность.

При всемъ различіи взглядовъ и направленій, московскіе литературные кружки, въ половинѣ тридцатыхъ годовъ, сходились въ одномъ: въ ожесточенной враждѣ къ Петербургу за тотъ давящій духъ сухаго, механическаго бюрократизма, который царствовалъ въ его стѣнахъ, за тотъ узкій, практическій матеріализмъ, который съ холодною насмѣшкой встрѣчалъ всякое горячее увлеченіе какими-бы то ни было идеями, но болѣе всего—за его литературу. И Москва была права во всѣхъ этихъ отношеніяхъ. Общее печальное положеніе вещей нигдѣ не давало себя чувствовать такъ сильно, какъ въ Петербургѣ. Были въ этомъ городѣ свои литературные и ученые кружки, но они не только не представляли собою какого-либо свѣжаго, обновляющаго движенія, но, напротивъ того, самое печальное разложеніе нравовъ.

Петербургскіе литераторы этого времени дѣлились на двѣ категоріи. Съ одной стороны, здѣсь отживало нѣсколько литературныхъ знаменитостей, каковы были Жуковскій, Крыловъ, а потомъ и Пушкинъ. Это были писатели-аристократы, какъ потому, что на нихъ смотрѣли съ благоговѣніемъ, какъ на столпы русской литературы, такъ и потому, что они вращались постоянно въ великосвѣтскомъ обществѣ. Къ писателямъ этой категоріи относились также князь Вяземскій, графъ Соллогубъ и князь В. Одоевскій. Но послѣдняго не слѣдуетъ смѣшивать съ остальными, упомянутыми нами. Вотъ какъ характеристически изображаетъ И. Панаевъ въ своихъ „Воспоминаніяхъ" неизмѣримую противоположность, какая существовала между княземъ Одоевскимъ и прочими великосвѣтскими писателями.

«Духъ касты, аристократическій духъ внесенъ былъ такимъ образомъ и въ литературу. Аристократическіе литераторы держали себя съ недоступною гордостью и вдалекѣ отъ остальныхъ своихъ собратій, изрѣдка относясь къ нимъ только съ вельможескою покровительственностью. Пушкинъ, правда, былъ очень ласковъ и вѣжливъ со всѣми, какъ я уже говорилъ, но эта утонченная вѣжливость была, быть можетъ, признакомъ самаго закоренѣлаго аристократизма. Его, говорятъ, приводило въ бѣшенство, когда какія-нибудь высшія лица принимали его, какъ литератора, а не какъ потомка Аннибалла, передъ кѣмъ...

Громада кораблей всплывала
И палъ впервые Наваринъ.

«Князь Одоевскій, напротивъ, принималъ каждаго литератора и ученаго съ искреннимъ радушіемъ и протягивалъ дружески руку всѣмъ выступавшимъ на литературное поприще, безъ различія сословій и званій. Одоевскій желалъ все обобщать, всѣхъ сближать, и радушно открылъ двери свои для всѣхъ литераторовъ. Онъ хотѣлъ показать своимъ свѣтскимъ пріятелямъ, что, кромѣ избранниковъ, посѣщающихъ салонъ Карамзиной, въ Россіи существуетъ еще цѣлый классъ людей, занимающихся литературой. Одинъ изъ всѣхъ литераторовъ-аристократовъ, онъ не стыдился званія литератора, не боялся открыто смѣшиваться съ литературною толпой, и за свою страсть къ литературѣ терпѣливо сносилъ насмѣшки своихъ свѣтскихъ пріятелей, которымъ не было никакого дѣла до литературы и которые вовсе не хотѣли сближаться съ людьми не своего общества... Свѣтскіе люди на вечерахъ Одоевскаго окружали обыкновенно хозяйку дома, а литераторы были биткомъ набиты въ тѣсномъ кабинетѣ хозяина, заставленномъ столами различныхъ формъ и заваленномъ книгами, боясь заглянуть въ салонъ... Цѣлая бездна раздѣляла этотъ салонъ отъ кабинета...»

Ко второй категоріи петербургскихъ литераторовъ принадлежали писатели-ремесленники. Но довольно сказать, что во главѣ ихъ могли стоять Гречъ съ Булгаринымъ, а впослѣдствіи — Сенковскій, чтобы опредѣлить, каковы были литературные кружки въ это время въ Петербургѣ. Они состояли изъ издателей-спекулянтовъ какого-нибудь альманаха, униженно кланявшихся и выпрашивавшихъ стишковъ у того или другаго корифея литературы; изъ чиновниковъ, пописывавшихъ на досугѣ стишки или носившихъ въ „Сынъ Отечества“ статейки, не ожидая за нихъ вознагражденія и довольныхъ вполнѣ, если трудъ ихъ былъ напечатанъ. Это былъ омутъ, въ которомъ вращались безъ толку и смысла минутныя знаменитости того времени въ родѣ Воейкова, Кукольника, Бенедиктова, Тимофѣева, Каменскаго, Ершова и проч. и проч. Въ этотъ кагалъ переселился доживать свой вѣкъ и Полевой. Все это сплетничало, пило, пило, сплетничало, ссорилось, мирилось, опять ссорилось, выставляло свои ссоры на показъ передъ публикой въ видѣ мелочной, придирчивой полемики, въ которой тѣмъ менѣе было смысла, что она возбуждалась не чѣмъ инымъ, какъ только личными дрязгами, безъ малѣйшихъ слѣдовъ столкновенія какихъ-либо убѣжденій или направленій. Нѣтъ ничего мудренаго, что изъ этого мутнаго броженія ничего не могло выйти къ концу разсмотрѣннаго нами періода, кромѣ „Библіотеки для Чтенія“ Сенковскаго.

Собственно говоря „Библіотека для Чтенія“ была вызвана такою-же живою потребностью въ журнальной литературѣ, какою былъ обусловленъ и успѣхъ „Телеграфа“. Съ тѣхъ самыхъ поръ, какъ литература, освободившись отъ меценатства, встала лицомъ къ лицу передъ публикой, на чисто коммерческую почву, она естественно увидѣла себя въ необходимости во что бы то ни стало удовлетворять вкусамъ, потребностямъ, интересамъ той массы, отъ которой теперь окончательно сталъ зависѣть сбытъ книжнаго товара. Но при этомъ новомъ положеніи вещей тотчасъ-же опредѣлились двѣ категоріи писателей, совершенно различно смотрѣвшихъ на книжное дѣло. Для однихъ книжное дѣло было не одною только отраслью торговли, но могущественнѣйшимъ орудіемъ просвѣщенія и развитія общества, источникомъ всевозможнаго прогресса. Имъ казалось, что недостаточно только сбывать выгодно книги, удовлетворяя вкусамъ, потребностямъ и интересамъ общества, какъ это дѣлаетъ любой фабрикантъ съ своимъ производствомъ; вкусы общества могутъ быть дурны, потребности ложны, интересы мелки и жалки—и первая обязанность писателя развивать и возвышать общество въ его вкусахъ, потребностяхъ и интересахъ. Другая-же категорія писателей въ успѣшномъ сбытѣ книжнаго товара видѣла альфу и омегу литературнаго производства; ради успѣха эти писатели готовы были принижаться до удовлетворенія самыхъ грубыхъ вкусовъ и самыхъ мелкихъ интересовъ публики, не только не помышляя о ея умственномъ развитіи, но, напротивъ того, развращая ее и укореняя въ невѣжествѣ. Таково было большинство петербургскихъ писателей этого времени, и „Библіотека для Чтенія“ послужила выразительницей этого рода литераторовъ. При этомъ величайшею опасностью для успѣшнаго хода развитія общества представлялось въ глазахъ мыслящихъ людей того времени то обстоятельство, что этотъ журналъ при своемъ появленіи грозилъ сдѣлать безсильною всякую конкурренцію съ нимъ и воцариться надъ всею литературой. Причиной такихъ опасеній было то, что издатели журнала съ коммерческой точки зрѣнія съумѣли обставить изданіе весьма ловко и умно, употребивши всѣ средства для привлеченія къ нему публики. Въ то время, какъ большинство тогдашнихъ журналовъ издавалось на жалкія средства небогатыхъ писателей, почему журналы были тощи, издавались на сѣрой бумагѣ, выходили неисправно, ежеминутно грозя прекращеніемъ, „Библіотека для Чтенія“ оперлась на солидную фирму Смирдина, книгопродавца и издателя, пользовавшагося большимъ уваженіемъ въ массѣ публики, такъ что публика смѣло могла положиться на финансовую прочность изданія. Въ программѣ журнала были имена всевозможныхъ знаменитостей того времени; казалось, что вся литература готова была слиться въ одномъ изданіи. Объявленіе о появленіи журнала было написано въ самомъ хвастливомъ тонѣ, „безстыдно-самохвальномъ“, какъ выражается Бѣлинскій, а „Сѣверная Пчела“ къ этому еще успѣла ввернуть и свой полицейскій патріотизмъ, объявивши, что кто не подпишется на „Библіотеку“, тотъ не патріотъ, тотъ не любитъ отечества, не желаетъ ему добра, что тотъ ренегатъ, измѣнникъ... Когда-же появились первые нумера „Библіотеки“, то, не говоря объ изяществѣ изданія, однимъ своимъ объемомъ и величиной этотъ журналъ представлялся Левіаѳаномъ среди массы своихъ тощенькихъ, маленькихъ, сѣренькихъ собратій. Естественно, что публика бросилась на это изданіе и вскорѣ число подписчиковъ на „Библіотеку“ дошло до небывалаго еще до того времени количества 5,000. Но сдѣлавши все возможное для внѣшности журнала, издатель въ то-же время ни мало не позаботился о томъ, чтобы и внутреннее содержаніе журнала соотвѣтствовало этой внѣшности. Да и какъ было ему позаботиться объ этомъ? Самъ онъ былъ человѣкъ чисто коммерческій и достоинство

литературныхъ дѣятелей могъ оцѣнивать только по количеству книжекъ, раскупаемыхъ публикой; что-же касается до выбора хорошаго и добросовѣстнаго редактора, то чѣмъ онъ могъ руководствоваться въ этомъ выборѣ? Движеніемъ идей въ публикѣ? Но такого движенія еще не было. Если умственные интересы и были въ ней пробуждены, то, во всякомъ случаѣ, они были крайне смутны и неопредѣленны; публика требовала умственной пищи, но ей было еще рѣшительно все равно, что бы ей ни дали. Что-же касается движенія идей въ литературныхъ кружкахъ, то здѣсь-то и былъ главный камень преткновенія. Литературные кружки въ Петербургѣ были въ это время до такой степени дрянны, мелки, безсодержательны, что кого бы ни выбралъ изъ нихъ Смирдинъ, вышло бы въ результатѣ то-же самое, если еще не хуже. Въ Сенковскомъ Смирдинъ видѣлъ профессора, обладающаго авторитетомъ огромной учености, ловкаго разсказщика, владѣющаго легкимъ слогомъ и остроуміемъ. Это одно показываетъ, что выборъ Смирдина не былъ лишенъ всякой основательности: онъ выбралъ лучшаго редактора, какой только могъ представиться ему въ Петербургѣ, и если этотъ лучшій оказался человѣкомъ безъ всякихъ убѣжденій, основывавшимъ всѣ свои литературныя сужденія на личныхъ симпатіяхъ, антипатіяхъ и побужденіяхъ мелочнаго самолюбія, шарлатаномъ, привлекавшимъ непросвѣщенную публику плоскими шуточками и легкомысленною болтовней, то въ этомъ была вина не Смирдина, а той среды, въ которой человѣкъ, въ родѣ Сенковскаго, могъ представляться дѣйствительно лучшимъ. Мнѣ кажется, что многіе приписываютъ лично Сенковскому такое, что было въ то время общимъ въ средѣ, въ которой онъ находился. Такъ, напримѣръ, обвиняютъ Сенковскаго въ безсовѣстно-нагломъ и даже мефистофельско-зломъ глумленіи надъ невѣжествомъ публики, когда онъ Кукольника ставилъ рядомъ съ Байрономъ и Гете, В. Зотова съ Лермонтовымъ, на Гоголя смотрѣлъ, какъ на русскаго Поль-де-Кока и пр. Но не надо при этомъ забывать, что подобныя критическія сужденія принадлежали не одному Сенковскому, а господствовали въ массѣ петербургскихъ писателей того времени. Когда Кукольникъ читалъ своего Торквато-Тасса въ литературныхъ кружкахъ, его превозносили до небесъ и имя его постоянно ставили рядомъ съ именами М. Глинки и К. Брюлова—смотря на эти три имени, какъ на тріумвиратъ искусствъ того времени. На Лермонтова смотрѣли, какъ на писателя еще начинающаго, также, какъ и на Бенедиктова, В. Зотова, Бернета, Ершова, Тимофеева и многихъ другихъ, и на всѣхъ ихъ возлагали равныя надежды, ожидая въ нихъ будущихъ Пушкиныхъ; не менѣе легкомысленно смотрѣли и на Гоголя, цѣня въ немъ не болѣе, какъ веселаго разсказщика, обладающаго искусствомъ возбуждать смѣхъ, и не видѣли большой разницы между его произведеніями и комическими повѣстями барона Брамбеуса. Однимъ словомъ, каковъ былъ приходъ, таковъ былъ и попъ.

Мы не намѣрены входить въ подробную оцѣнку дѣятельности Сенковскаго, на томъ основаніи, что дѣятельность эта оцѣнена уже со всѣхъ сторонъ, сначала Бѣлинскимъ, потомъ авторомъ „Очерковъ гоголевскаго періода“, и прибавить что-либо новое къ этимъ оцѣнкамъ мы ничего не имѣемъ. Такъ-какъ цѣль нашей статьи не подробное разсмотрѣніе всѣхъ литературныхъ явленій выбраннаго нами періода безъ исключенія, а только обозрѣніе развитія критической мысли въ нашемъ обществѣ, то мы имѣли бы полное право и совсѣмъ не упоминать о Сенковскомъ съ его „Библіотекой для Чтенія“, еслибы намъ не понадобилось это упоминаніе для болѣе нагляднаго представленія того печальнаго растлѣнія литературныхъ нравовъ, какое мы встрѣчаемъ въ Петербургѣ послѣ 1825 года, растлѣнія, дошедшаго до самой беззастѣнчивой эксплуатаціи публики, которая была молода, свѣжа, съ юношескимъ жаромъ стремилась къ прогрессу и имѣла только несчастіе быть невѣжественною и неопытною въ выборѣ умственной пищи, а потому и рисковала попасть въ лапы книжныхъ барышниковъ и легкомысленныхъ фельетонныхъ паяцовъ, которые набросились на нее съ жадностью, въ виду легкой поживы. Въ то печальное время не одна „Библіотека для Чтенія“, „Сѣверная Пчела“ и „Сынъ Отечества“ подвизались на поприщѣ эксплоатаціи невѣжества публики—Сенковскихъ развелось тогда многое множество. Чѣмъ, въ самомъ дѣлѣ, былъ выше Сенковскаго Владиславлевъ со своею „Утреннею Зарей“, который, ничего не платя своимъ своимъ сотрудникамъ, распространялъ въ то-же время свое изданіе въ значительномъ количествѣ почти силой, пользуясь протекціей начальства. Или чѣмъ-же не Сенковскій былъ Плюшаръ со своимъ „Энциклопедическимъ Словаремъ“, доведеннымъ до буквы *Г* и заключающимъ въ себѣ порядочные курьезы, Башуцкій, со своею „Панорамой С.-Петербурга“ и tutti quanti. И если хотите, то „Библіотека для Чтенія“ подъ редакціей Сенковскаго, какъ наиболѣе крупное и выдающееся явленіе среди массы подобныхъ ему, явленіе въ журнальномъ мірѣ грандіозное для того времени и представлявшееся, по своему успѣху, грознымъ для другихъ журналовъ, принесла свою, хотя бы и косвенную, чисто отрицательную пользу. Надо замѣтить, что въ то время люди мысли, смотрѣвшіе на журнальное дѣло, какъ на дѣло народнаго образованія, и заботившіеся прежде всего о серьезномъ содержаніи журналовъ, въ своихъ идеальныхъ стремленіяхъ слишкомъ мало заботились какъ о внѣшности своихъ изданій, такъ и объ искусствѣ придавать журналу разнообразіе и занимательность; они судили о публикѣ по себѣ и совершенно забывали, что учить ее можно, только забавляя и завлекая, что прежде чѣмъ подписчикъ прочтетъ дѣльную стастью, надо, чтобы былъ самый подписчикъ. Не говоря уже о томъ, что, при возростающей потребности въ журнальной литературѣ въ массѣ публики, журналы издавались все въ такомъ-же мизерномъ видѣ, въ какомъ они существовали въ блаженныя времена бородинскаго боя, передовые люди умственнаго движенія, увлекшись философскими и эстетическими вопросами, стали наполнять журналы почти подъ рядъ туманно-философскими статьями русскаго издѣлія, историческими изысканіями, эстетическою критикой, которая, конечно, далеко не вся была такъ талантлива, занимательна и вліятельна, какъ критика Бѣлинскаго. Стоитъ только

пересмотрѣть книжки „Московскаго Вѣстника", „Телескопа" и „Московскаго Наблюдателя", чтобы понять причину ограниченнаго числа подписчиковъ, какимъ пробавлялись всѣ эти журналы. При всей дѣльности, журналы эти были крайне сухи и однообразны и выказывали въ редакторахъ полное незнаніе того, какъ привлекать публику къ журналу. Мы уже замѣтили выше, что Погодинъ окончательно засушилъ „Московскій Вѣстникъ" своею исторіей. Но и молодой Бѣлинскій со своими друзьями оказалъ такую-же неопытность въ журнальномъ дѣлѣ въ „Московскомъ Наблюдателѣ", который и основанъ-то былъ именно въ видахъ оппозиціи противъ „Библіотеки для Чтенія". Не говоря уже о томъ, что въ то время трудно было разсчитывать на успѣхъ журнала, посвященнаго исключительно философско-эстетическимъ вопросамъ, вы можете встрѣтить среди нумеровъ „Наблюдателя" такія книжки, которыя были заняты невыносимо сухими статьями, представляющими кропотливыя ученыя изысканія на счетъ частныхъ вопросовъ по русской исторіи, такъ что вмѣсто журнальныхъ книжекъ, подписчики получали спеціально-ученые сборники, которые, конечно, не разрѣзывали. Естественно, что ни одно изданіе въ такомъ видѣ не могло выдержать конкурренціи съ „Библіотекой для Чтенія". Чтобы противопоставить этому пустому и бездѣльному журналу журналъ дѣльный и полезный, необходимо было, чтобы послѣдній издавался въ такомъ-же объемѣ книжекъ, былъ столь-же занимателенъ, разнообразенъ и такъже изященъ по своей внѣшности, и мы видимъ, что „Библіотека для Чтенія" сдѣлала рѣшительный переворотъ, какъ въ наружной физіономіи журналовъ, такъ и въ расположеніи журнальныхъ отдѣловъ. Къ концу тридцатыхъ годовъ окончательно исчезли прежніе миніатюрные, карманные журнальцы на сѣренькой бумажкѣ въ восьмушку; а вновь возникавшія періодическія изданія печатались уже по образцу „Библіотеки для Чтенія", въ такомъ-же форматѣ, объемѣ, съ такими-же разнообразными отдѣлами, однимъ словомъ, въ такомъ видѣ, въ какомъ существуютъ журналы и въ наше время. Второю, немаловажною заслугой „Библіотеки для Чтенія" или, сказать точнѣе, Смирдина, было то, что Смирдинъ первый увеличилъ плату за журнальныя статьи; онъ сдѣлалъ это, правда, не въ какихъ иныхъ видахъ, какъ чисто коммерческихъ, въ надеждѣ пріобрѣсти хорошихъ сотрудниковъ, но этимъ онъ безсознательно произвелъ реформу въ томъ отношеніи, что поставилъ литературный трудъ въ то положеніе, которое хоть сколько-нибудь соотвѣтствовало измѣненію литературныхъ нравовъ. Дѣло въ томъ, что прежде плата за журнальный трудъ считалась дѣломъ не только пустымъ и маловажнымъ, но и въ нѣкоторомъ отношеніи унизительнымъ для писателя. Одни изъ писателей слишкомъ высоко стояли, чтобы унижаться до грошовыхъ разсчетовъ съ издателями журналовъ; другіе въ романтическомъ увлеченіи смотрѣли на творческій трудъ, какъ на трудъ безкорыстный, и видѣли профанацію небеснаго акта творчества въ оцѣнкѣ его на прозаическія ассигнаціи, считая единственнымъ достойнымъ вознагражденіемъ поэта славу среди современниковъ и безсмертіе въ потомствѣ. Но какъ, впрочемъ, идеально ни объясняли писатели двадцатыхъ и тридцатыхъ годовъ свою безсребренность, главная и чисто реальная причина ея заключается въ томъ, что литературный трудъ не успѣлъ еще выдѣлиться, какъ особенный и самостоятельный промыселъ; большинство писателей основывало свое благосостояніе на различныхъ другихъ отросляхъ промышленности: они были прежде всего помѣщиками, профессорами, чиновниками, военными, писателями-же были такъ только, между прочимъ, на досугѣ, и потому не особенно обращали вниманіе на финансовое положеніе литературнаго труда. Но въ срединѣ тридцатыхъ годовъ въ литературныхъ кругахъ все чаще и чаще начали встрѣчаться люди бѣдные, ничѣмъ не обезпеченные и въ то-же время стремившіеся всю свою дѣятельность посвятить литературѣ. Однимъ словомъ, вмѣстѣ съ тѣмъ, какъ литература, освободившись отъ покровительства, встала на коммерческую почву, и литературный трудъ долженъ былъ придти въ ту-же норму; и въ особенности необходимость такого условія должна была ощущаться писателями съ маломальски независимыми мнѣніями: они не могли не убѣждаться горькими опытами, что хотя-бы они избѣгали зависимости прямого покровительства, но служба и всякая другая профессія, отнимая время отъ ихъ литературнаго труда, въ то-же время грозитъ связать ихъ мысль и поставить ихъ въ зависимость отъ начальства, еще болѣе тяжелую и произвольную, чѣмъ зависимость отъ патрона. Въ этомъ отношеніи поднятіе цѣны литературнаго труда, совершенное по иниціативѣ Смирдина, было несомнѣнною заслугой для успѣха развитія литературы, какъ, съ одной стороны, тѣмъ, что поставило литературу на болѣе самостоятельную почву, сдѣлавши возможнымъ существованіе литературнаго труда въ видѣ отдѣльной отрасли промышленности, такъ, съ другой стороны, тѣмъ, что облегчило приливъ новыхъ и свѣжихъ силъ на поприще литературы изъ тѣхъ слоевъ общества, въ которыхъ наиболѣе развита энергія труда и борьбы. Казалось-бы, что такое нововведеніе должно было обрадовать всѣхъ современниковъ, если не вслѣдствіе особенной ихъ проницательности относительно важности будущихъ послѣдствій его, то, по крайней мѣрѣ, по тому простому и весьма не замысловатому чувству довольства, какое естественно ощущаетъ каждый человѣкъ, когда является возможность прибавленія въ его карманъ лишняго рубля; но такъ было сильно развитіе романтизма въ то время, такъ, съ другой стороны, глубоко коренились прежніе барскіе порядки въ литературѣ, что нововведеніе Смирдина поразило многихъ непріятно и явились такіе безсребренные и близорукіе пессимисты, которые видѣли въ этомъ нововведеніи опасность, грозящую литературѣ окончательнымъ ея паденіемъ. По ихъ мнѣнію, печальное состояніе петербургской литературы отъ того собственно и зависѣло, что, съ поднятіемъ платы за литературный трудъ, писатели развратились и, вмѣсто того, чтобы безкорыстно бесѣдовать съ музами въ тиши кабинетовъ, не помышляя о земномъ и тлѣнномъ, только и заботятся о томъ, какъ-бы побольше написать и побольше получить денегъ. Съ такими опасеніями за судьбу литературы выступилъ, въ 1836

году, пр. Шевыревъ въ своемъ „Московскомъ Наблюдателѣ", посвятивши этому предмету цѣлую статью подъ заглавіемъ „Словесность и торговля".

«Нашъ писатель — говоритъ Шевыревъ въ этой статьѣ—то, что можно сказать однимъ словомъ, выражаетъ предложеніемъ, а предложеніе, достаточное для мысли, вытягиваетъ въ длинный-предлинный періодъ, въ убористую страницу, страницу—въ огромный листъ печатный... Его слогъ, какъ проволока, можетъ до безконечности вытягиваться. Но въ чемъ тайна всего этого? Въ томъ, что цѣна печатнаго листа есть двѣсти или триста рублей; что каждый эпитетъ въ статьѣ его цѣнится, можетъ быть, въ гривну, каждое предложеніе есть рубль; каждый періодъ, смотря по длинѣ, есть синяя или красная ассигнація!..

«На журналы — говоритъ ниже Шевыревъ — я смотрю, какъ на капиталистовъ. «Библіотека для Чтенія» имѣетъ для меня пять тысячъ душъ подписчиковъ; «Сѣверная Пчела», можетъ быть, вдвое. Замѣчательно, что эти журналы еще въ томъ сходятся съ богачами, что любятъ хвастаться всенародно своимъ богатствомъ. И эти души подписчиковъ гораздо вѣрнѣе, чѣмъ оброчныя: за ними никогда нѣтъ недоимки; онѣ платятъ впередъ, и всегда чистыми деньгами, и всегда на ассигнаціи. Вотъ ѣдетъ литераторъ въ новыхъ саняхъ: ты думаешь, это сани. Нѣтъ, это статья «Библіотеки для Чтенія», получившая видъ саней, покрытыхъ медвѣжьею полостью, съ богатыми серебряными кистями. Вся эта бронза, этотъ коверъ, этотъ лакъ, чистый и опрятный—все это листы этой дорого заплаченной статьи, принявшіе разные виды саннаго издѣлія. Литераторъ хочетъ дать обѣдъ, и жалуется, что у него нѣтъ денегъ. Ему говорятъ: напиши повѣсть и пошли въ «Библіотеку», вотъ и обѣдъ.

«Вызови на страшный судъ того писателя, котораго первый романъ, внушенный вдохновеніемъ честнымъ и приготовленный долгимъ трудомъ, завоевалъ вниманіе публики! Спроси совѣсть его о второмъ, о третьемъ, о четвертомъ его романѣ: вслѣдствіе чего они явились? Не насильно-ли онъ выпросилъ ихъ у непокорнаго вдохновенія, у невнимательной исторіи? Не отразился-ли онъ всѣмъ напряженіемъ силъ своихъ противъ условій музы, чтобы только воспользоваться свѣжестью перваго успѣха? Его насильственное второе, болѣе насильственное третье и четвертое вдохновеніе не было-ли плодомъ того безотчетнаго, но сладкаго чувства, что романъ теперь самая вѣрная спекуляція?»

Противъ подобныхъ сѣтованій и опасеній выступилъ въ „Телескопѣ" молодой, только-что начинавшій тогда писатель, студентъ, исключенный изъ университета за слабость способностей и нерадѣніе, и разбилъ ученаго профессора слѣдующими словами:

«Но что-же этимъ хотѣлъ сказать почтенный критикъ? Не противорѣчитъ-ли онъ самому себѣ? Теперь наши литераторы въ чести, живутъ своимъ ремесломъ, а не посторонними и чуждыми ихъ призванію трудами: это прекрасно, это должно радовать. Теперь талантъ есть богатое наслѣдство, онъ уже не ропщетъ на несправедливость судьбы, онъ уже не завидуетъ праву знатнаго происхожденія, доставляющаго всѣ выгоды, всѣ блага жизни: это утѣшительно, это отрадно! Но полно, правда-ли, что наша литература даетъ обѣды, живетъ въ чертогахъ, ходитъ по коврамъ, ѣздитъ въ каретахъ, въ лаковыхъ саняхъ, кутается въ медвѣжью шубу, въ бекешъ съ бобровымъ воротникомъ, возвышаетъ голосъ на аукціонахъ опекунскаго совѣта, покупаетъ имѣнія... Нѣтъ-ли въ этихъ словахъ преувеличенія, гиперболъ? Не слишкомъ-ли далеко увлекся авторъ въ своемъ благородномъ негодованіи? Или не смѣшиваетъ-ли онъ вещей, ложно принимая одну за другую? Правда, намъ извѣстны два или три романиста, которые обезпечили на всю жизнь свое состояніе своими первыми романами, но это было еще до основанія «Библіотеки»; за что-же взводить на нее небывалыя вины, когда у ней бывалыхъ много? «Иванъ Выжигинъ» явился въ то время, когда еще наша литература не была торговлей, когда она была во всемъ цвѣту своемъ. Вслѣдъ за «Иваномъ Выжигинымъ» появились «Юрій Милославскій», «Дмитрій Самозванецъ», «Рославлевъ», «Послѣдній Новикъ»; «Библіотека» явилась уже послѣ нихъ. Повѣстями-же и журнальными статьями, даже при усиленной дѣятельности, можно только жить кое-какъ, но объ обезпеченіи своего состоянія нельзя и думать. Спрашиваю г. Шевырева: изъ участвующихъ въ «Библіотекѣ» помѣстилъ-ли хотя кто-нибудь болѣе двухъ или трехъ статей въ годъ?.. А на три статьи, какъ-бы онѣ дороги ни были, право, не наживешь чертоговъ, не заведешь кареты, много развѣ купишь сани, да безъ лошадей на нихъ далеко не уѣдешь... Гдѣ-жь логика, гдѣ справедливость? Странное дѣло, какъ сильно овладѣла Шевыревымъ ложная мысль, что въ нашъ вѣкъ поэты и литераторы превратились въ какихъ-то великихъ моголовъ!?. Нѣтъ, г. критикъ, будемъ радоваться отъ искренняго сердца тому, что теперь талантъ и трудолюбіе даютъ (хотя и не всѣмъ) честный кусокъ хлѣба!.. И въ этомъ отношеніи «Библіотека для Чтенія» заслуживаетъ благодарность, а не упрекъ. Но вы видите въ этомъ вредъ для успѣховъ литературы; вы говорите, что наши вторые романы бываютъ какъ-то хуже первыхъ, третьи хуже вторыхъ, что наши повѣсти водяны, періоды длинны, обременены безъ нужды эпитетами, глаголами, дополненіями: все это правда, во всемъ этомъ я согласенъ съ вами, но вы ошибаетесь въ причинѣ этого явленія. Вспомните, что каждый стихъ Пушкина обходился книгопродавцамъ въ красненькую, если не больше, а вѣдь стихи Пушкина отъ этого нисколько не стали хуже; вспомните, что за «Пиковую даму» и «Княжну Мими» «Библіотека» заплатила деньгами, ассигнаціями, а вы сами хвалите эти повѣсти. Вотъ вамъ самый простой и убѣдительный фактъ. Онъ доказываетъ, что истинный талантъ не убиваютъ деньги, что

Не продается сочиненье,
Но можно рукопись продать!»

Подобныя слова, исполненныя простого здраваго смысла, были неслыханнымъ явленіемъ въ то время. И замѣчательно, что эти слова высказалъ человѣкъ, принадлежавшій еще въ то время самъ къ школѣ Шевырева, романтикъ, идеалистъ, эстетикъ. Что-же это былъ за человѣкъ, который, при всемъ своемъ романтизмѣ, такъ просто и здраво могъ глядѣть на вещи и такъ реально понимать ихъ значеніе? Это былъ Бѣлинскій. А въ чемъ заключались особенности этого человѣка, которыя во многихъ отношеніяхъ выдѣляли его надъ окружающими его людьми и сдѣлали его столь знаменитымъ въ исторіи нашей литературы— это мы увидимъ въ слѣдующихъ главахъ.

VII.

Преобладающіе типы молодежи тридцатыхъ годовъ и ихъ соотвѣтствіе со средой умственнаго движенія.—Карамзинская сентиментальность, воскресшая подъ видомъ романтическаго прекраснодушія.—Кружокъ Станкевича. — Прекраснодушіе его членовъ, элементы развитія и симпатіи кружка. — Дѣтство Бѣлинскаго.—Обстановка жизни его въ Москвѣ.— Его личныя особенности сравнительно съ прочими членами кружка.—Страсть Бѣлинскаго къ полемикѣ и недовольство этимъ Станкевича. — Взгляды

Бѣлинскаго въ первый періодъ его дѣятельности (1834—1836).—Вліяніе на Бѣлинскаго шеллингистовъ и Н. А. Полевого.—Свѣтлыя и темныя стороны литературной дѣятельности Бѣлинскаго въ этотъ періодъ.—Его общественные взгляды; французоѣдство и германофильство.—Теорія непроизвольнаго творчества и отличіе ея отъ теоріи чистаго искусства.—Мысли Бѣлинскаго о различіи поэзіи реальной отъ идеальной.—Еще нѣсколько словъ о спорѣ Бѣлинскаго съ Шевыревымъ по поводу статьи «Литературная торговля». — Общія заключенія о первомъ періодѣ дѣятельности Бѣлинскаго.

Въ третьей главѣ мы имѣли случай замѣтить, что съ передвиженіемъ центра умственнаго движенія изъ великосвѣтскихъ круговъ въ среду несановитаго дворянства, должны были измѣниться и нравственные идеалы, которые зависятъ не отъ одного только чисто логическаго процесса умственнаго развитія, но имѣютъ глубокое соотвѣтствіе съ условіями быта среды, въ которой совершается умственное движеніе.

Казалось бы, что, слѣдуя хронологическому порядку, мы должны были-бы отъ Евгенія Онѣгина перейти немедленно къ Печорину и начать разбирать его, какъ идеальный типъ, преобладавшій въ тридцатые годы, на томъ основаніи, что Лермонтовъ назвалъ Печорина героемъ своего времени, современники-же его не возражали противъ этого и на Печорина смотрѣли, дѣйствительно, какъ на любимаго своего героя.

Но если мы будемъ анализировать минувшую жизнь не по однимъ поэтическимъ произведеніямъ, а обратимъ вниманіе на дѣйствительные факты разбираемой намъ эпохи, то при этомъ насъ должно поразить слѣдующее явленіе: мы увидимъ, что въ 30-е и 40-е годы дѣйствительно было не мало Печориныхъ. Но всѣ они были явленіемъ далеко не новымъ, они повторяли зады, воплощая въ себѣ идеалъ, хорошо извѣстный русскому обществу уже въ двадцатые годы. Въ то-же самое время вовсе не они стояли во главѣ умственнаго движенія своей эпохи, не они двигали русскую мысль. Истинные-же герои своего времени, представители умственнаго движенія сороковыхъ годовъ, смотрѣли на Печориныхъ только со стороны; они по своему анализировали этотъ типъ, восхищались имъ, по свойственному романтикамъ обыкновенію любоваться всѣмъ картинно и эффектно выдающимся, но сами въ то-же время были представителями иного типа, нисколько не похожаго на печоринскій.

Причина такого явленія заключается въ томъ, что всякаго рода хищные типы производятся не иначе, какъ при слѣдующихъ двухъ условіяхъ жизни: или подъ условіемъ жизни, до послѣдней степени подавленной, лишенной всякихъ человѣческихъ правъ, ежеминутно оскорбляющей человѣка и доводящей его, наконецъ, до крайняго озлобленія и ожесточенія, или-же напротивъ того, подъ условіемъ привычки къ необузданому произволу, сознанія безусловной высоты и силы надъ всѣмъ окружающимъ. Естественно, что въ то время, какъ хищные типы первой категоріи, т. е. озлобленные, преобладаютъ въ низшихъ, угнетенныхъ слояхъ общества, типы второго разряда—избалованные и пресыщенные, напротивъ того, нигдѣ не встрѣчаютъ такой удобной почвы для своего развитія, какъ въ великосвѣтскомъ кругѣ, въ высшихъ, привиллегированныхъ классахъ общества. Не даромъ пѣвецъ этихъ типовъ, лордъ Байронъ, былъ представителемъ самой могущественнѣйшей и богатѣйшей аристократіи въ Европѣ. Наше высшее дворянство хотя и никогда не соотвѣтствовало англійскому лордству, не имѣя ни той свободы, ни тѣхъ правъ и могущества, которыя придавали бы титаническій видъ самой ничтожной посредственности, а мало-мальски талантливой личности предоставляли неограниченный просторъ для какого хотите широкаго разгула личной воли и фантазіи; но, во всякомъ случаѣ, оно было и свободнѣе, и независимѣе всѣхъ другихъ слоевъ общества. За неимѣніемъ могущества, основаннаго на правахъ, оно обладало могуществомъ привиллегій, богатствъ и связей, что ставило его, во всякомъ случаѣ, на неизмѣримую высоту передъ рабски приниженною, угнетенною, безсильною толпой. Присоедините къ тому обаянію, какое производитъ на неразвитыхъ людей богатство, соединенное съ титуломъ, еще большее обаяніе свѣтскаго лоска и утонченности, и прибавьте къ этому острый тонкій умъ, исполненный скептической ироніи подъ вліяніемъ идей XVIII вѣка,—и передъ вами самъ собою обрисуется всепобѣждающій демоническій типъ, напоминающій байроновскихъ героевъ, властитель думъ и сердецъ нашихъ бабушекъ. Да и впослѣдствіи, въ 30-е, 40-е годы, столичный высшій свѣтъ, нѣкогда представитель образованности въ Россіи, хотя и оскудѣлъ умственно, тѣмъ не менѣе, продолжалъ еще по старой традиціи (для весьма многихъ и до сихъ поръ продолжаетъ) сохранять такое обаяніе, что стоило маломальски свѣтскому человѣку изъ столицы появиться въ провинціи, и онъ тотчасъ-же дѣлался всеобщимъ кумиромъ провинціальнаго общества, предметомъ обожанія со стороны женщинъ и поневолѣ дѣлался всепобѣждающимъ героемъ, хотя-бы по своей натурѣ не заключалъ въ себѣ ничего титаническаго и хищническаго. Вспомните только того весьма обыденнаго князя, который волей-неволей разыгралъ роль Печорина въ повѣсти Тургенева: „Дневникъ лишняго человѣка“, отбивши у героя героиню ничѣмъ инымъ, какъ только обаяніемъ своего титула, несмотря на всѣ усилія со стороны героя увлечь героиню чтеніемъ русскихъ поэтовъ и эстетикой.

Въ то время, какъ свѣтское общество создавало, такимъ образомъ, хищные типы въ силу одного уже того обаянія, какое оно производило на простыхъ смертныхъ, почва несановитаго, захолустнаго дворянства средней руки была самою неплодородною почвой для печоринства и производила типы совершенно иного рода. Представьте себѣ жизнь обезпеченную, довольную, сытую до нельзя, и въ то же время совершенно замкнутую въ узкомъ кругѣ семейно-патріархальныхъ отношеній и мелкихъ матеріальныхъ заботъ. Безмолвная тишина полей и лѣсовъ, мирные патріархальные уголки тѣнистыхъ усадебъ, спрятанныхъ какъ будто отъ всего міра и всѣми забытыхъ—все въ этой жизни располагало скорѣе къ лѣни, сну, маниловски-сладенькой мечтательности и буколически-сентиментальной созерцательности, чѣмъ къ хищной печоринской жаждѣ преобладанія и разрушенія. Юнымъ героемъ этого соннаго царства являлся до-нельзя откормлен-

ный Митрофанушка или Ильюша Обломовъ, счастливый, довольный баловень всѣхъ домочадцевъ, окруженный цѣлою толпой нянюшекъ, мамушекъ, дядекъ, лакеевъ, горничныхъ, которые безъ замедленія исполняютъ всѣ его прихоти, одѣваютъ, обуваютъ, кормятъ, поятъ и спать укладываютъ. Папенька прочитъ своего возлюбленнаго непремѣнно въ дипломаты, маменька мечтаетъ о гусарскомъ мундирѣ, гости наперерывъ предугадываютъ въ мальчикѣ будущаго генія, а Митрофанушка ни о чемъ не думаетъ, бѣгаетъ по лѣсамъ и лугамъ, охотится, удитъ и питается. Таково было дѣтство большинства передовыхъ людей сороковыхъ годовъ. Такъ, напримѣръ, въ біографіи Станкевича мы читаемъ: „это былъ мальчикъ веселый, здоровый и необычайно-рѣзвый; деревенскій просторъ и относительная свобода, данная ребенку отцомъ его, развили въ немъ рѣзвость до того, что онъ сдѣлался для своихъ нянюшекъ, дядекъ и даже для посѣтителей дома почти тѣмъ, что французы называютъ „enfant terrible“. Далѣе біографъ разсказываетъ, какой характеръ имѣли шалости этого деревенскаго „enfant terrible“.

«Разсказываютъ, что, стоя однажды на балконѣ деревенскаго дома, онъ увидѣлъ внизу отца, который разговаривалъ на крыльцѣ съ почтеннымъ купцомъ, обладавшимъ лысиной необыкновеннаго размѣра; лысина эта тотчасъ же привлекла вниманіе молодаго Станкевича, и онъ никакъ не могъ воспротивиться искушенію плюнуть на нее сверху, что и исполнилъ къ ужасу купца и къ совершенному недоумѣнію родныхъ. Въ другой разъ рѣзвость Станкевича была причиной пожара, истребившаго до тла отцовскую деревню, ту Удеревку, которая такъ часто приводится въ его перепискѣ. Будучи семи лѣтъ, онъ досталъ гдѣ-то ружье, пробрался на чердакъ дома и выстрѣлилъ въ кровлю. Кровля загорѣлась, и вскорѣ вѣтеръ разнесъ пламя по всей деревнѣ. Цѣлый день не могли отыскать мальчика: онъ убѣжалъ въ сосѣднюю рощу и собирался тамъ расположиться на житье, какъ дикій человѣкъ».

Между тѣмъ какъ Станкевичъ, выкидывая такіе подвиги, проводилъ дни и недѣли на охотѣ и дома даже постоянно пребывалъ въ обществѣ лягавыхъ собакъ, другая знаменитость того времени—Грановскій „любилъ строить и брать крѣпости, предводительствуя строемъ своихъ сверстниковъ, былъ охотникъ добывать птицъ изъ гнѣздъ на высокихъ деревьяхъ, ловить голубей. Пѣтушій бой былъ зрѣлищемъ, за которымъ ребенокъ слѣдилъ съ страстнымъ увлеченіемъ“.

«Т. Н. Грановскій въ зрѣломъ возрастѣ любилъ припоминать тѣ обстоятельства, которыя выказывали некрасивыя черты его ребяческаго характера. Такъ онъ разсказывалъ, что у родителей его была служанка сварливая и часто бившая дочь свою Агашу, на куклы которой онъ посматривалъ не безъ зависти. Вотъ, баринъ, говорила ему Агаша, когда мать забьетъ меня до смерти, вамъ достанутся мои куклы, и онъ нетерпѣливо ждалъ и думалъ: когда же мать забьетъ Агашу и когда достанутся ему ея куклы? Однажды съ толпой крестьянскихъ мальчиковъ онъ осаждалъ устроенную ими крѣпость. Онъ карабкался по лѣстницѣ, когда одинъ изъ мальчиковъ отдернулъ ее, и онъ, свалившись на землю, ушибся такъ, что болѣлъ довольно долго послѣ этой осады. Онъ никому не открывалъ причины своего ушиба, но умѣлъ извлекать для себя пользу изъ случившагося; онъ обращался къ виновнику своей болѣзни съ требованіями различныхъ услугъ, добывалъ черезъ него лакомства, заставлялъ его исполнять всѣ свои желанія, зная, что тотъ не могъ отказать ему ни въ чемъ изъ опасенія открытія его вины».

Мы представляемъ эти весьма непривлекательные факты дѣтства двухъ знаменитостей сороковыхъ годовъ, имѣя въ виду лишь наглядно показать читателю, каково было воспитаніе въ тридцатыхъ и сороковыхъ годахъ въ усадьбахъ нашихъ несановитыхъ помѣщиковъ. И мы видимъ, что воспитаніе это не подвинулось особенно далеко послѣ фонвизинскаго времени; по прежнему оно лишено было всякихъ гуманныхъ началъ и ограничивалось однимъ кормленіемъ. Подъ вліяніемъ такого воспитанія, человѣкъ, вступая въ отроческій возрастъ, когда впервые пробуждается мысль, когда чувство и воображеніе начинаютъ усиленно дѣйствовать, впадалъ въ такъ-называемое прекраснодушіе: все, что окружало его, представлялось ему въ розовомъ цвѣтѣ, люди все такіе, добрые, ласковые, любезные, природа такъ упоительна, все бы любовался ею; настоящее такъ весело и полно, будущее такъ свѣтло и радужно... „Гдѣ же зло на землѣ?“ думалъ юноша, и оно казалось ему гдѣ-то далеко за горами, въ видѣ чудовищъ, отъ которыхъ юношу тщательно охраняетъ мудрое и благомыслящее правительство и благоустройство образованнаго гражданскаго общества. Даже все то, что вовсе не пахло такимъ благоустройствомъ, юноша умѣлъ обратить въ хорошую сторону и смотрѣлъ одинаково свѣтлымъ взглядомъ на самыя мрачныя черты окружавшей его жизни. Если онъ слышалъ вдали стоны и вопли наказываемыхъ въ конюшнѣ крестьянъ и дворовыхъ, ему тотчасъ же представлялся образъ строгаго, но милостиваго до ангельской доброты родителя, который умѣетъ карать, но умѣетъ и миловать и который своею строгостью приноситъ пользу этимъ людямъ; иначе они погибли бы. Если родитель по цѣлымъ ночамъ игралъ въ карты, проигрывая деревню за деревней, то въ глазахъ юноши онъ развлекался на досугѣ отъ своихъ хозяйственныхъ заботъ и трудовъ въ потѣ лица. За этимъ первымъ періодомъ безусловнаго прекраснодушія, слѣдовалъ второй періодъ прекраснодушія сентиментально-эстетическаго. Въ этомъ періодѣ юноша представлялъ себѣ уже зло не за горами, а находилъ его вокругъ себя, но подъ вліяніемъ окружающей его среды и условій быта онъ составлялъ своеобразныя понятія о различіи добра отъ зла. Съ одной стороны, передъ нимъ былъ міръ изящно-утонченныхъ манеръ, изысканной любезности, тонкаго эстетическаго вкуса и сентиментально-нѣжныхъ чувствъ, однимъ словомъ, ароматный міръ салоновъ, бальныхъ залъ и будуаровъ; съ другой стороны,—грубый неотесанный, утопающій въ невѣжествѣ и буянствѣ міръ непросвѣщенной толпы и черни. Основывая все свое міросозерцаніе на развитіи чувства изящнаго въ отдѣльныхъ личностяхъ, юноша все подводилъ подъ эту формулу индивидуализма: если мужикъ пьянствовалъ и билъ жену, то это дѣлалъ онъ не потому, что былъ озлобленъ, раздраженъ, доведенъ до звѣрства, подъ вліяніемъ нищеты и угнетенія, а отъ того, что въ мужикѣ не развито тѣхъ эстетическихъ и гуманныхъ чувствъ, которыми преисполненъ дядюшка Кузьма

Андреичъ; если же этотъ гуманный дядюшка и зaушалъ иногда своего лакея Прошку, то это онъ дѣлалъ только въ минуты вспыльчивости, какъ отступленіе отъ своихъ гуманныхъ правилъ; къ тому-же, Прошка хоть кого могъ вывести изъ терпѣнія и заставить забыть все на свѣтѣ. Если мелкій чиновникъ бралъ взятку, то, опять-таки, это происходило не отъ чего инаго, какъ отъ того, что у него недоставало эстетическаго развитія, что у него не было такихъ высокихъ, прекрасныхъ идеаловъ, которые показали бы ему все нравственное ничтожество его поступковъ. Точно также и среди помѣщиковъ, конечно, вывелись бы звѣрскіе типы истязателей своихъ крѣпостныхъ, еслибы во всѣхъ равно было развито чувство изящнаго (но при этомъ, опять-таки, папенька и дяденька тщательно выгораживались, и эстетическое чувство допускало имъ посѣкать иногда крестьянъ ради острастки или строгости, необходимой съ людьми, лишенными всякихъ человѣческихъ понятій).

Въ періодъ такого прекраснодушія, особенно подъ вліяніемъ всеобщаго удивленія относительно геніальности мальчика и возлаганія на него блестящихъ надеждъ, у юноши начинали уже въ головѣ мелькать неясныя, но грандіозныя мечтанія о томъ, какъ современемъ онъ сдѣлается великимъ человѣкомъ и всю свою жизнь посвятитъ на пользу отечества на военной, государственной службѣ или на поприщѣ науки, искусства. Но въ то время, какъ эти мечтанія въ самыхъ общихъ и весьма неопредѣленныхъ чертахъ рисовались въ воображеніи юноши, на первомъ планѣ стояла у него жизнь чисто внутренняя, созерцательная жизнь, въ которой чувство и воображеніе не имѣли никакихъ предѣловъ и преобладали надо всѣмъ. Увлекаясь, по старой традиціи, идеалами Карамзина и Жуковскаго, а при знаніи нѣмецкаго языка, зачитываясь Шиллеромъ, юноша высшій нравственный идеалъ свой полагалъ въ развитіи той сентиментальной чувствительности, которая должна была непремѣнно возбуждаться при всякомъ маловажномъ случаѣ. Главными проявленіями такой чувствительности считались наслажденіе природой, дружба и любовь. Въ силу этого юноша старался непремѣнно проливать слезы, глядя на закатъ солнца или увяданіе листьевъ осенью; онъ выбиралъ себѣ среди своихъ товарищей и сверстниковъ особенное существо, такъ называемаго *друга*, въ которомъ находилъ симпатію его души со своею, и окружалъ особеннымъ обожаніемъ, о которомъ въ наше прозаическое время трудно себѣ составить понятіе.

«Я вызывалъ симпатію,—говорилъ одинъ изъ передовыхъ людей сороковыхъ годовъ въ воспоминаніяхъ объ этомъ періодѣ своего развитія—потому что не было мѣста въ одной груди вмѣстить все, волновавшее ее. Мнѣ надобна была другая душа, которой я могъ бы высказать свою тайну; мнѣ надобны были глаза, полные любви и слезъ, которые были бы устремлены на меня; мнѣ надобенъ былъ другъ, къ которому я могъ-бы броситься въ объятія и въ объятіяхъ котораго мнѣ было бы просторно, вольно»...

При такихъ представленіяхъ дружбы, естественно, что стоило другу отлучиться на время въ сосѣдній городъ, и тотчасъ-же проливались горькія слезы разлуки, міръ пустѣлъ, жизнь становилась несносною, постылою, и юноша бродилъ въ тоскѣ, уныло повѣся голову. Если-же другъ долго не писалъ, то начинались новыя мученія.

«Другъ!—восклицаетъ Станкевичъ въ одномъ изъ своихъ писемъ Н—ву—благодарю Бога, который сохранилъ тебя мнѣ! О, еслибы ты зналъ, что волновало меня! Получавши отъ тебя всегда письма почти каждую недѣлю, вдругъ не получать почти мѣсяцъ, знать, что болѣнъ, подозрѣвать Богъ знаетъ что! Я боялся писать къ тебѣ; боялся, что лицо, которому я повѣрю мои чувства... одинъ призракъ, одно имя! Ты можешь представить мое положеніе. Вчера приходилъ ко мнѣ твой Гаврило: я не могъ его видѣть; сказалъ ему: горе, готовъ былъ ревѣть. Послалъ Ивана къ Мел... не получалъ-ли онъ какого извѣстія? Нѣтъ».

Но еще болѣе занимали сердце юноши мечтанія о любви. Въ любви юноша полагалъ всю сущность своего существованія, альфу и омегу жизни, и любовь грезилась юношѣ не иначе, какъ въ раздирательномъ и ужасномъ видѣ.

«Другъ!—восклицаетъ Станкевичъ въ одномъ изъ писемъ къ тому-же Н—ву—я хотѣлъ бы одной бури. Пусть я останусь въ тѣхъ отношеніяхъ, въ какихъ теперь, но я хотѣлъ-бы перемѣны въ душѣ, хотѣлъ бы любви, любви грозной, палящей! Пускай бы опустошительный огонь ея прошелъ по всему ничтожному бытію моему, разрушилъ слабыя узы, которыми оно опутано, испепелилъ томительное горе и разсѣялъ безпокойные призраки, блуждающіе во мракѣ душевномъ. Я бы воскресъ, я бы ожилъ! Еслибы эта любовь была самая несчастная... Кажется, все я былъ бы лучше. Но да будетъ воля Божья. Можетъ быть, я не постигаю бѣдствій такой любви!».

Представляя себѣ любовь въ такомъ ужасномъ видѣ—чѣмъ-то въ родѣ губительной эпидеміи, готовой опустошительнымъ огнемъ разрушить слабыя узы бытія, юноша, между тѣмъ, только о томъ и думалъ, какъ-бы поскорѣе испытать подобный всеразрушающій недугъ, ежедневно ожидая роковой встрѣчи: „Смѣшно, а правда,—говоритъ Станкевичъ въ одномъ изъ писемъ—съ дѣтства привыкъ я на балѣ ожидать сверхъестественнаго; какой-то важной катастрофы въ жизни—думаешь случайно встрѣтиться съ единственнымъ созданіемъ, которое совершенно наполнитъ душу!“ Въ ожиданіи такой встрѣчи, юноша создавалъ въ головѣ своей идеалъ женщины, облекая его въ такія радужныя краски, что въ дѣйствительности, конечно, онъ ничего не могъ найти подобнаго. „Но какой прекрасный призракъ въ душѣ!—восклицаетъ Станкевичъ,—все, что міръ представлялъ мнѣ свѣтлаго, божественнаго, сосредоточилось въ этомъ призракѣ. Прототипъ женщины основался въ сердцѣ моемъ, идеалъ невольно составился, но я не думаю искать его; эта несчастная привычка фантазировать о совершенствѣ“. При такомъ идеальномъ представленіи женщины, юноша или воплощалъ свой идеалъ въ первую встрѣчную женщину и потомъ горько разочаровывался, или-же пренебрегалъ сочувствіемъ дѣвушки, которая сама по себѣ была достойна глубокой и страстной любви, но имѣла только несчастіе не соотвѣтствовать вполнѣ слишкомъ ужъ требовательному идеалу юноши.

Въ прекраснодушіи подобнаго рода у насъ привыкли многіе видѣть всю сущность романтизма и представляютъ себѣ романтика не иначе, какъ въ видѣ Александра Адуева гончаровскаго романа, этой пародіи на пре-

краснодушное юношество. Но, въ сущности, прекраснодушіе далеко не исчерпываетъ собою всего романтическаго развитія; оно составляетъ одну только фазу его, за которою слѣдуетъ тотъ періодъ борьбы и раздвоенности, въ которомъ заключается высшая точка развитія романтическаго броженія и начало исхода изъ него. Періодъ прекраснодушія начался въ нашемъ обществѣ со временъ Карамзина и Жуковскаго, которые до сѣдыхъ волосъ остались представителями плаксивой сентиментальности и ребяческой экзальтаціи. Лучшимъ представителямъ умственнаго движенія александровскаго періода удавалось выходить изъ прекраснодушія, и многіе въ 20-е годы находились уже въ періодѣ раздвоенности, хотя, при скудости умственныхъ средствъ, и не имѣли силы выбиться изъ этого періода, вращаясь, какъ бѣлки въ колесѣ, между скептицизмомъ и мистицизмомъ. Но огромная масса общества, особенно провинціальнаго, при всемъ преобладаніи въ 20-е годы байроновскихъ и оппозиціонныхъ идеаловъ, продолжала еще пребывать на степени прекраснодушія чисто карамзинскаго—вотъ почему, едва только передовое поколѣніе александровской эпохи сошло съ поприща, эта масса снова воскресила давно, повидимому, забытыя слезы, вздохи и ахи Карамзина. Различіе между сентиментализмомъ конца прошлаго столѣтія и 30-хъ годовъ заключалось только въ томъ, что вмѣсто прежней безсодержательной сентиментальности Агатоновъ и Эрастовъ, не идущихъ далѣе самоуслажденія своею чувствительностью — подъ вліяніемъ эстетически-художественнаго развитія въ періодъ Пушкина и романтическихъ идеаловъ на Западѣ явились новыя формы сентиментализма, въ видѣ прекраснодушныхъ художниковъ и поэтовъ, непонимаемыхъ толпой, прозрачно-свѣтлыхъ и чистыхъ натуръ не отъ міра сего, гибнущихъ отъ одного прикосновенія къ нимъ грязной и грубой прозы, и всякаго рода небесныхъ созданій и оскорбленныхъ невинностей. Эти кроткіе, смиренно-плаксивые типы были совершенною противоположностью прежнимъ гордымъ и демоническимъ героямъ въ байроновскомъ духѣ и вполнѣ соотвѣтствовали захолустному патріархальному, идиллическому быту провинціальныхъ юношей, взлелѣянныхъ въ помѣщичьихъ усадьбахъ нянюшками и мамушками на булочкахъ и сливочкахъ, въ тишинѣ лѣсовъ и полей. Еще большую противоположность свѣтскимъ героямъ представляли юноши, вышедшіе изъ бѣдныхъ слоевъ общества, изъ среды мелкаго чиновничества и духовенства. Они не успѣли еще выработать своихъ собственныхъ идеаловъ, соотвѣтствующихъ ихъ быту, но прекраснодушные идеалы усадебныхъ юношей, конечно, были гораздо ближе, сподручнѣе и доступнѣе имъ, чѣмъ свѣтскіе идеалы Лермонтова. Проживая на холодныхъ чердачкахъ грошовыми урочками, подъ вліяніемъ, а иногда и подъ покровительствомъ своихъ богатыхъ товарищей, скромные, робкіе, застѣнчиво-неловкіе, не только не спѣшили они увлекаться печоринствомъ, но, напротивъ того, поставляли своимъ идеаломъ—бѣжать отъ „хладныхъ объятій обманчиваго свѣта“, уединялись въ тѣсные студенческіе кружки такихъ-же мечтателей, какъ и они, и въ тиши уединенія сосредоточивались въ себя, то упиваясь художественною созерцательностью прекрасныхъ возвышенныхъ идеаловъ, то терзаясь муками недостижимости послѣднихъ. Изъ такихъ провинціальныхъ элементовъ состоялъ въ началѣ 30-хъ годовъ небольшой кружокъ студентовъ филологическаго факультета въ Москвѣ, заключавшій въ себѣ Станкевича, Бѣлинскаго, Константина Аксакова, Каткова, Клюшникова, Красова и др.

Чтобы болѣе наглядно и полно познакомить читателей съ духомъ и характеромъ этого кружка, мы приведемъ нѣсколько свидѣтельствъ современниковъ относительно того крайняго прекраснодушія, которымъ былъ преисполненъ этотъ кружокъ.

Вотъ какъ характеризуетъ, напримѣръ, біографъ Станкевича, Красова—поэта, стихотворенія котораго пользовались извѣстностью въ 40-е годы:

«Жизнь этого человѣка могла бы составить содержаніе весьма поучительнаго разсказа. Онъ весь былъ воодушевленіе, но, къ сожалѣнію, часто безъ дѣйствительныхъ серьезныхъ поводовъ къ тому. Восторженное состояніе, въ которомъ онъ находился постоянно, принималось тогда за коренное свойство его поэтической натуры, хотя скорѣе это было дѣло фантазіи, болѣзненно развитой насчетъ всѣхъ другихъ душевныхъ силъ. Онъ поминутно встрѣчалъ необыкновенныя созданія. Не останавливаясь долго на разборѣ, въ каждомъ переулкѣ, гдѣ поселялся, встрѣчалъ онъ чудныя существа и необычайныя происшествія, о которыхъ потомъ и разсказывалъ со всѣми *невольными* прикрасами возбужденнаго воображенія. Самъ онъ объяснялся съ находками своими чрезвычайно восторженно, и одна *изъ тѣхъ глубокихъ натуръ, которыя все понимаютъ*, послѣ поэтическаго монолога Красова съ недоумѣніемъ спрашивала Станкевича: почему нельзя понять ни одного слова въ разговорѣ его друга? Ко всему этому присоединялись у нашего поэта юношеская горячность въ привязанностяхъ, совершеннѣйшая безпечность въ жизни и неизмѣнная доброта сердца. По выходѣ изъ университета, онъ жилъ бѣдно, ничего не дѣлалъ для поправленія своего положенія, цѣлый день пребывалъ въ мечтахъ и зимой спасался отъ холода подъ одѣяломъ своей постели, гдѣ снова фантазировалъ и писалъ стихи. Подобныя искреннія, дѣтски-открытыя натуры всегда вызываютъ симпатіи окружающихъ, и Станкевичъ, часто дававшій волю юмору своему насчетъ пріятеля, любилъ его, однакожь, какъ любятъ существо, живущее по своимъ особеннымъ, почти исключительнымъ законамъ. Одно время онъ бралъ у него уроки въ латинскомъ и греческомъ языкахъ, такъ какъ Красовъ поступилъ въ университетъ изъ семинаріи и зналъ языки эти довольно основательно. Нѣсколько позднѣе, тщетныя усилія Станкевича вызвать пріятеля изъ праздности и обратить къ какому-либо труду, ослабили нѣсколько чувство, связывавшее ихъ, особенно когда Станкевичъ замѣтилъ еще и признаки нѣкоторой претензіи въ фантазіяхъ Красова, что неминуемо должно было случиться рано или поздно. Воодушевленіе, какъ и все другое на свѣтѣ, имѣетъ свои предѣлы, за которыми уже является насилованіе его и ложная, непріятная подставка придуманнаго ощущенія. Чувство Станкевича, однакожь, не истребилось совсѣмъ, и мы знаемъ, что онъ еще съ любовью вспоминалъ о старомъ своемъ другѣ въ Берлинѣ... По отъѣздѣ Станкевича въ Берлинъ, Красовъ получилъ мѣсто въ Кіевѣ, но не ужился тамъ и возвратился въ Москву съ какимъ-то обозомъ, въ одной плохой шинелькѣ и питаясь чернымъ хлѣбомъ. Здѣсь получилъ онъ мѣсто преподавателя, безпрестанно отгадывая множество будущихъ талантовъ и геніевъ въ своихъ ученикахъ, наконецъ, женился и недавно (т.-е. около 1857 г.) умеръ въ больницѣ, оставивъ послѣ себя довольно многочисленное семейство».

Въ то время, какъ Красовъ олицетворялъ такимъ образомъ прекраснодушіе, возросшее на почвѣ пролетаріата, совершенно въ другомъ родѣ и духѣ представляется передъ нами прекраснодушіе его товарища, Константина Аксакова:

«Константинъ Аксаковъ—говоритъ И. Панаевъ въ своихъ литературныхъ воспоминаніяхъ—въ житейскомъ, практическомъ смыслѣ оставался до сорока слишкомъ лѣтъ, то-есть, до самой смерти своей, совершеннымъ ребенкомъ. Онъ беззаботно всю жизнь провелъ подъ домашнимъ кровомъ и приросъ къ нему, какъ улитка къ раковинѣ, не понимая возможности самостоятельной, отдѣльной жизни, безъ подпоры семейства. Внѣ своихъ ученыхъ и литературныхъ занятій, онъ не имѣлъ никакого общественнаго положенія. Смерть отца вдругъ сломила его несокрушимое здоровье. Онъ не могъ пережить этой потери и перемѣны, и умеръ не только холостякомъ, даже дѣвственникомъ».

К. Аксаковъ, въ то время, какъ принадлежалъ къ кружку Станкевича, не былъ еще такимъ крайнимъ славянофиломъ, какимъ онъ прославился впослѣдствіи, но и тогда уже въ немъ обнаруживалась наклонность къ славянофильству, которая, чуждая еще всякихъ философскихъ основаній, ограничивалась ребяческою привязанностью къ Москвѣ и столь-же ребяческою ненавистью къ Петербургу, причемъ и любовь, и ненависть были основаны на художественной созерцательности вполнѣ прекраснодушнаго свойства. Вотъ какъ описываетъ И. Панаевъ одну свою прогулку съ К. Аксаковымъ по Москвѣ:

«Мы лежали на травѣ безъ сюртуковъ. Дневной жаръ начиналъ спадать понемногу. Легкій вечерній вѣтерокъ пріятно освѣжалъ насъ. Закатъ былъ великолѣпный.

— Есть-ли на свѣтѣ другой городъ—говорилъ мнѣ Константинъ Аксаковъ—въ которомъ бы можно было расположиться такъ просто и свободно, какъ мы теперь?... Далеко-ли мы отъ центра города, а между тѣмъ, мы здѣсь какъ будто въ деревнѣ. Посмотрите, какъ красиво разбросаны эти домики въ зелени на горѣ. Въ Москвѣ вы найдете множество такихъ уединенныхъ и живописныхъ уголковъ, даже въ нѣсколькихъ шагахъ отъ центра города... Вотъ вѣдь чѣмъ хороша Москва! Я не понимаю, какъ можно жить въ вашемъ холодномъ, гранитномъ Петербургѣ, вытянутомъ въ струнку?... Нѣтъ, оставайтесь у насъ; у васъ русское сердце, а русское сердце легко можетъ биться только здѣсь, среди этого простора, среди этихъ историческихъ памятниковъ на каждомъ шагу... Какъ не любить Москву!... Сколько жертвъ принесла она для Россіи!..

«Аксаковъ постепенно одушевлялся, и заговоря объ этихъ жертвахъ, вскочилъ съ земли; глазки его сверкали, рука сжималась въ кулакъ, голосъ его дѣлался все звучнѣе...

— Пора намъ сознать нашу національность, а сознать ее можно только здѣсь; пора сблизиться намъ съ нашимъ народомъ, а для этого надо сначала сбросить съ себя эти глупыя, кургузыя нѣмецкія платья, которыя раздѣляютъ насъ съ народомъ (и при этомъ Аксаковъ наклонился къ землѣ, поднялъ свой сюртукъ и презрительно отбросилъ его отъ себя). Петръ, отрывая насъ отъ нашей національности, заставлялъ брить бороды; мы должны теперь отпускать ихъ, возвращаясь къ ней... Такъ-то, Иванъ Ивановичъ! сказалъ Аксаковъ въ заключеніе, кладя свою широкую ладонь на плечо мое, когда я приподнялся съ травы:—бросьте Петербургъ, переселитесь къ намъ... Мы славно заживемъ здѣсь. Не шутя, подумайте объ этомъ...

«Онъ натянулъ на себя узкій нѣмецкій сюртукъ, который дѣйствительно какъ-то неловко сидѣлъ на его коренастой фигурѣ, и мы отправились домой, когда уже солнце совсѣмъ сѣло».

Курьезнѣе всего проявлялось прекраснодушіе К. Аксакова во время его поѣздки за границу. Вотъ какой анекдотъ весьма характеристическаго свойства разсказываетъ о немъ И. Панаевъ:

«На углу одной изъ берлинскихъ улицъ, Аксаковъ замѣтилъ дѣвочку лѣтъ 17-ти, продававшую что-то. Дѣвушка эта ему понравилась. Она всякій день являлась на свое привычное мѣсто и онъ нѣсколько разъ въ день проходилъ мимо нея, не рѣшаясь, однако, заговорить съ нею... Однажды (дней черезъ девять послѣ того, какъ онъ въ первый разъ замѣтилъ ее) онъ рѣшился заговорить съ нею.

«Послѣ нѣсколькихъ несвязныхъ словъ, произнесенныхъ дрожащимъ голосомъ, онъ спросилъ ее, знаетъ-ли она Шиллера, читала-ли она его? Дѣвушка очень удивилась этому вопросу.

— Нѣтъ, отвѣчала она:—я не знаю, о чемъ вы говорите; а не угодно-ли вамъ чего-нибудь купить у меня?

«Аксаковъ купилъ какую-то бездѣлушку и началъ толковать ей, что Шиллеръ одинъ изъ замѣчательнѣйшихъ германскихъ поэтовъ, и въ доказательство, съ жаромъ прочелъ ей нѣсколько стихотвореній.

«Дѣвушка выслушала его болѣе съ изумленіемъ, чѣмъ съ сочувствіемъ. Аксаковъ явился къ ней на другой день и принесъ ей въ подарокъ экземпляръ полныхъ сочиненій Шиллера.

— Вотъ вамъ, сказалъ онъ:—читайте его... Это принесетъ вамъ пользу. Вы увидите, что, независимо отъ таланта, личность Шиллера самая чистая, самая идеальная, самая благородная...

— Благодарю васъ, произнесла дѣвушка, дѣлая книксенъ:—а позвольте спросить, сколько стоитъ эта книжка?

— Четыре талера.

— Ахъ, Боже мой, сколько! наивно воскликнула дѣвушка.—Благодарю васъ... но ужъ если вы такъ добры, такъ лучше бы вы мнѣ, вмѣсто книжекъ, деньгами дали...

«Аксаковъ поблѣднѣлъ, убѣжалъ отъ нея съ ужасомъ, и съ тѣхъ поръ избѣгалъ даже проходить мимо того угла, гдѣ она вела свою торговлю»...

Въ заключеніе считаю нелишнимъ привести еще одинъ анекдотъ касательно одного изъ знаменитыхъ членовъ кружка, Каткова.

«Катковъ былъ тогда очень молодъ—говоритъ И. Панаевъ въ своихъ «Воспоминаніяхъ»—и его молодость проявлялась въ немъ странными фантазіями. Разъ какъ-то захотѣлось ему идти непремѣнно въ погребокъ и провести тамъ вечеръ, какъ это дѣлывалъ въ Берлинѣ знаменитый Гофманъ, которымъ всѣ мы сильно увлекались въ то время.

«Катковъ предложилъ мнѣ.

— Да вѣдь здѣсь нѣтъ такихъ погребковъ, какъ въ Германіи, возразилъ я:—здѣсь берутъ только вино въ погребкахъ, а не распиваютъ его тамъ... Если вы хотите, я пошлю за виномъ...

— Нѣтъ, я хочу непремѣнно пить въ погребкѣ.

— Да коли это здѣсь не водится?

— Отчего не водится?—Это вздоръ! Если не водится, такъ мы введемъ это въ обычай... Я знаю, почему вамъ не хочется: вы боитесь унизить этимъ свое достоинство... и разгорячась болѣе и болѣе, Катковъ началъ нападать по этому поводу на различные дворянскіе предразсудки и нелѣпыя приличія, которыми я, по его мнѣнію, былъ зараженъ.

— Такъ вы рѣшительно не хотите идти со мною? спросилъ онъ въ заключеніе, складывая торжественно руки и щуря глаза.

— Рѣшительно нѣтъ.

— Ну, такъ я пойду одинъ.

«Катковъ взялся-было уже за шляпу, но потомъ отложилъ свое намѣреніе. Дня два послѣ этого онъ дулся на меня»...

Главой всѣхъ этихъ прекраснодушныхъ юношей

былъ Станкевичъ. Выше мы нѣсколько познакомили уже читателей съ характеромъ прекраснодушія этого человѣка. Во время своего студенчества, Станкевичъ не былъ еще знакомъ съ Гегелемъ и стоялъ въ общемъ уровнѣ развитія своихъ товарищей, но и тогда уже онъ былъ центромъ кружка, и можно смѣло предположить, что вліяніемъ своимъ на товарищей и поклоненіемъ, которымъ онъ былъ окруженъ, онъ былъ обязанъ болѣе всего своей крайне нервной, болѣзненно-нѣжной натурѣ, въ которой чувствительность была доведена до послѣдней степени. Станкевичъ могъ казаться своимъ прекраснодушнымъ друзьямъ поистинѣ существомъ не отъ міра сего, воздушнымъ, безтѣлеснымъ геніемъ, исполненнымъ граціознаго, тонкаго изящества и нѣжнаго чувства. Недаромъ барышни называли Станкевича небеснымъ. Стоитъ взглянуть на его портретъ, чтобы убѣдиться, что это была натура, способная не столько подчинять энергіей воли, сколько влюблять въ себя своимъ изяществомъ. И мы видимъ, что во всѣхъ отзывахъ о Станкевичѣ современниковъ и людей близкихъ преобладаетъ восхищеніе сторонами характера его чисто женственными, изъ чего можно заключить, что онъ производилъ на своихъ товарищей совершенно такое-же смиряющее и гуманизирующее вліяніе, какое можетъ произвести умная, развитая, изящная дѣвушка въ кругу молодыхъ людей одного съ нею возраста.

«Въ характерѣ Станкевича—говоритъ Анненковъ въ своей біографіи—не было нисколько элементовъ удали, которая такъ поэтически выражается у русскаго народа, а въ образованныхъ классахъ ограничивается трактирными и домашними кутежами, грубымъ посягательствомъ на права личности, иногда дикимъ произволомъ. Черта эта пріобрѣтаетъ важность, разумѣется, только съ той минуты, когда общество смотритъ на нее равнодушно, или даже съ примѣсью благосклонности, радуясь ей, какъ безвредному истоку юношескаго пыла. Мало того, что кругомъ Станкевича жизнь шла трезво и бодро, но *она, благодаря ему, носила рѣдкій оттѣнокъ скромности.* Несмотря на его природную веселость, было что-то *умѣренное и деликатное въ его шуткѣ*, подобно тому, какъ *мысль его отличалась истиннымъ цѣломудріемъ, несмотря на страсти и увлеченія молодости. Все это, конечно, держало разнородныя личности, изъ которыхъ состоялъ кругъ его, въ одномъ общемъ настроеніи и на одной нравственной высотѣ.*

«Болѣзненный, тихій по характеру, поэтъ и мечтатель—читаемъ мы въ другихъ «Воспоминаніяхъ»—Станкевичъ естественно долженъ былъ больше любить созерцаніе и отвлеченное мышленіе, чѣмъ вопросы жизненные и чисто практическіе; его артистическій идеализмъ ему шелъ, это былъ «побѣдный вѣнокъ, выступавшій на блѣдномъ, предсмертномъ челѣ юноши».

Подъ кроткимъ и гуманнымъ вліяніемъ Станкевича кружокъ развивался, принимая въ себя всѣ элементы развитія, окружавшіе юношей. Друзья читали „Телеграфъ" Полевого, „Московскій Вѣстникъ" Погодина, „Телескопъ" Надеждина, увлекались сочиненіями кн. Одоевскаго, по цѣлымъ часамъ заслушивались краснорѣчивой импровизаціи любимаго своего профессора Надеждина и, подъ вліяніемъ его пропаганды, все болѣе и болѣе проникались идеей важности и необходимости эстетическаго образованія. Изъ аудиторіи Надеждина они спускались внизъ въ аудиторію Павлова, и обоимъ этимъ профессорамъ были обязаны тою страстью къ философіи, которая впослѣдствіи въ нихъ развилась... Уже въ университетѣ мысль ихъ начала работать въ духѣ шеллинговой философіи; это мы видимъ въ первыхъ статьяхъ Бѣлинскаго и въ письмѣ Станкевича къ Неврову, въ которомъ онъ, подъ заглавіемъ „Моя метафизика", излагаетъ рядъ идей въ духѣ шеллинговой философіи. Но надо полагать, что московскіе профессора познакомили своихъ учениковъ только съ общими основаніями шеллинговой философіи; болѣе-же основательное и самостоятельное знакомство съ Шеллингомъ началось въ кружкѣ Станкевича уже послѣ университета, въ 1835 г. По крайней мѣрѣ, Станкевичъ говоритъ въ письмѣ къ Грановскому, что, окончивши курсъ и послѣ различныхъ колебаній, сомнѣній относительно того, чѣмъ бы заняться, онъ *нечаянно напалъ* на философію Шеллинга.

Станкевичъ жилъ у Павлова; по вечерамъ друзья собирались въ скромной комнатѣ Станкевича, и здѣсь велись оживленныя, юношескія бесѣды о чувствѣ изящнаго, о любви и дружбѣ и пр. Здѣсь Красовъ разсказывалъ свои встрѣчи съ неземными существами. Здѣсь Станкевичъ читалъ своимъ товарищамъ, не знавшимъ еще нѣмецкаго языка, какъ, напримѣръ, Бѣлинскому, своихъ любимыхъ нѣмецкихъ поэтовъ—Шиллера, Гете, Гофмана. Изъ русскихъ-же писателей друзья зачитывались Пушкинымъ, Жуковскимъ, а впослѣдствіи Лермонтовымъ и Гоголемъ. Въ этотъ періодъ развитія въ кружкѣ Станкевича Шиллеръ преобладалъ еще надъ Гете, но болѣе всего друзья увлекались Гофманомъ. Мечтатель-фантазеръ, который не могъ заговорить объ искусствѣ равнодушно и едва касался какого-либо предмета искусства, то не иначе изображалъ его, по выраженію біографа Станкевича, какъ въ огненномъ, нестерпимомъ блескѣ, въ сверхъестественныхъ фантастическихъ размѣрахъ; исполнивъ-же задачу, самъ падалъ ницъ передъ собственнымъ представленіемъ—такой писатель былъ какъ нельзя болѣе подъ стать юнымъ мечтателямъ и поклонникамъ искусства. Книжки „Московскаго Наблюдателя" были впослѣдствіи наполнены повѣстями Гофмана. До какой степени доходило увлеченіе Гофманомъ въ кружкѣ Бѣлинскаго, это мы видимъ изъ того, что Бѣлинскій, еще въ 1839 году, выражалъ между разговорами свое недоумѣніе: отчего западная критика не ставитъ Гофмана наравнѣ со всѣми великими поэтами Европы, между тѣмъ какъ онъ обладаетъ тою-же сущностью, тѣмъ-же разнообразіемъ и тою-же глубиной проникновенія въ жизнь? Но Бѣлинскій не ограничился однимъ недоумѣніемъ и не замедлилъ рѣшить его въ пользу Гофмана. Каждый разъ, какъ только ему приходилось въ своихъ критическихъ статьяхъ говорить о Гофманѣ, онъ не иначе отзывался о немъ, какъ о писателѣ великомъ, а въ своей статьѣ „Раздѣленіе поэзіи на роды и виды", напечатанной въ „Отеч. Зап." 1841 года, въ № 3-мъ, онъ, между прочимъ, дѣлаетъ слѣдующую параллель.

«Имена Ричардсоновъ, Фильдинговъ, Радклифъ, Левисовъ, Дюкро-де-Менилей, Лафонтеновъ, Шписовъ, Крамеровъ, Поль-де-Коковъ, Марретовъ, Диккенсовъ, Лесажей, Мачьюреновъ, Гюго, Де-Виньи, имѣютъ свою относительную важность и пользуются, или пользовались, заслуженною извѣстностью;

но ихъ отнюдь не должно смѣшивать съ именами Сервантеса, Вальтера-Скотта, Купера, Гофмана и Гете, какъ романистовъ».

Вы видите, что въ то время, какъ Диккенсъ и Гюго стоятъ рядомъ съ Поль-де-Кокомъ, Гофманъ становится рядомъ съ Гете, и Бѣлинскій убѣждаетъ читателей не смѣшивать отнюдь этихъ двухъ категорій.

Безъ сомнѣнія, Гофману, въ особенности его повѣсти „Seltsame Leiden eines Theater-Directors" были обязаны друзья тѣмъ юношескимъ энтузіазмомъ, съ какимъ они смотрѣли на театръ. Театръ былъ для нихъ не однимъ только развлеченіемъ въ часы досуга, но храмомъ искусства, къ которому они питали религіозное обожаніе и въ который входили съ благоговѣніемъ.

«Театръ становится для меня атмосферой—говоритъ Станкевичъ въ одномъ изъ писемъ Невѣрову—*прекрасное* моей жизни не отъ міра сего. Излить свои чувства некому — тамъ, въ храмѣ искусства, какъ-то вольнѣе душѣ, множество народа не стѣсняетъ ее, ибо надъ этимъ множествомъ паритъ какая-то мысль, она закрываетъ отъ меня ничтожныхъ, не внемлющихъ голосу общественной любви въ искусствѣ... Наше искусство невысоко; но театръ и музыка располагаютъ душу мечтать о немъ, о его совершенствѣ, о прелести изящнаго, дѣлать планы ѳеемерные, скоропреходящіе»...

Но еще рельефнѣе и пламеннѣе выражены эти самыя мысли въ первой статьѣ Бѣлинскаго „Литературныя мечтанія".

«Театръ! Любите-ли вы театръ такъ, какъ я люблю его, т. е., всѣми силами души вашей, со всѣмъ энтузіазмомъ, со всѣмъ изступленіемъ, къ которому только способна пылкая молодость, жадная и страстная до впечатлѣній изящнаго? Или, лучше сказать, можете-ли вы не любить театра больше всего на свѣтѣ, кромѣ блага и истины? И въ самомъ дѣлѣ, не сосредоточиваются-ли въ немъ всѣ чары, всѣ обаянія, всѣ обольщенія изящныхъ искусствъ?» и т. д.

Вотъ въ какой средѣ протекли первые и самые роковые годы молодости Бѣлинскаго. Но Бѣлинскій, вполнѣ раздѣляя все прекраснодушіе своихъ юныхъ друзей, всѣ ихъ мечты и фантастическіе порывы, въ то-же время явился въ кружкѣ Станкевича съ особеннымъ своимъ элементомъ, котораго мы не видимъ ни въ комъ изъ друзей его. Этотъ элементъ проходитъ сквозь всю дѣятельность Бѣлинскаго, не смотря на всѣ усилія друзей смирить и уничтожить его, и можно положительно сказать, что элементу этому обязанъ былъ Бѣлинскій половиной своей литературной славы и вліянія на современниковъ.

О дѣтскихъ годахъ Бѣлинскаго мы имѣемъ мало свѣдѣній. Знаемъ только, что онъ родился въ 1811 году, былъ сынъ чембарскаго уѣзднаго штабъ-лекаря, провелъ дѣтство въ уѣздной глуши, въ средѣ мелкаго уѣзднаго чиновничества, и онъ самъ говорилъ впослѣдствіи, что изъ своей семьи не вынесъ ни одного пріятнаго воспоминанія. Часто пьяный и грубый отецъ его привязывался къ нему иногда безъ всякаго повода; случалось, что и билъ его по чему попало. Въ гимназію онъ поступилъ 14-ти лѣтъ изъ чембарскаго уѣзднаго училища. Вотъ что говоритъ, между прочимъ, учитель пензенской гимназіи о гимназическихъ годахъ Бѣлинскаго:

«Въ гимназіи, по возрасту и возмужалости, онъ во всѣхъ классахъ былъ старше многихъ сотоварищей. Наружность его мало измѣнилась впослѣдствіи, онъ и тогда былъ неуклюжъ, угловатъ въ движеніяхъ. Неправильныя черты лица его, между хорошенькими личиками другихъ дѣтей, казались суровыми и старыми. На вакаціи онъ ѣздилъ въ Чембаръ, но не помню, чтобы отецъ его пріѣзжалъ къ нему въ Пензу; не помню, чтобы кто-нибудь принималъ въ немъ участіе. Онъ, видимо, былъ безъ женскаго призора, носилъ платье кое-какое, иногда съ непочиненными прорѣхами. Другой на его мѣстѣ смотрѣлъ бы жалкимъ, заброшеннымъ мальчикомъ, а у него взглядъ и поступки были смѣлые, какъ-бы говорившіе, что онъ не нуждается ни въ чьей помощи, ни въ чьемъ покровительствѣ. Таковъ онъ былъ и послѣ, такимъ и пошелъ въ могилу».

Какъ всѣ натуры страстныя и глубокія, Бѣлинскій не могъ подчиниться школьной рутинѣ гимназическаго преподаванія, которое въ то время стояло еще на болѣе низкомъ уровнѣ, чѣмъ въ наше время, и въ которомъ долбня стояла на первомъ планѣ. Онъ учился, т. е. долбилъ, весьма плохо, въ одномъ классѣ просидѣлъ два года, а въ 1829 году былъ окончательно исключенъ изъ гимназіи за нехожденіе въ классъ. Какіе-то вліятельные знакомые помогли ему, однакожь, въ 1829 году поступить въ московскій университетъ; но и тамъ онъ не могъ подчиниться школьной схоластикѣ записыванія часто весьма снотворныхъ лекцій и потомъ долбнѣ ихъ передъ экзаменомъ. Въ 1832 г., будучи уже на второмъ курсѣ, онъ оставилъ университетъ съ слѣдующей аттестаціей: „способностей слабыхъ и нерадивъ".

Въ то время, какъ забивающая мертвечина школьной рутины возбуждала въ Бѣлинскомъ такое непреодолимое отвращеніе, все свое время посвящалъ онъ знакомству съ русскою литературой и чтенію всевозможныхъ книжекъ, какія только ему попадались подъ руку. Страсть къ чтенію развилась въ Бѣлинскомъ еще въ уѣздномъ училищѣ: уже тогда, по свидѣтельству смотрителя чембарскаго училища, Бѣлинскій гулялъ часто одинъ, не былъ сообщителенъ съ товарищами по училищу, не вмѣшивался въ ихъ игры и находилъ особенное удовольствіе за книжками, которыя доставалъ, гдѣ только могъ.

Особенно сильное вліяніе на развитіе и направленіе мыслей Бѣлинскаго имѣлъ учитель естественной исторіи М. М. П—въ, оставившій воспоминанія о своемъ питомцѣ. Но было бы совершенно ошибочно думать, чтобы вліяніе учителя естественныхъ наукъ было въ духѣ реальномъ и возбуждало въ ученикахъ страсть къ естествовѣдѣнію. Напротивъ того, питомецъ филологическаго факультета казанскаго университета, П—въ былъ страстный романтикъ и вотъ что говоритъ онъ о своемъ преподаваніи и вліяніи на Бѣлинскаго:

«Во время бытности Бѣлинскаго въ пензенской гимназіи, преподавалъ я естественную исторію, которая начиналась уже въ 3-мъ классѣ (тогдашній курсъ гимназическій состоялъ изъ четырехъ классовъ). Поэтому, онъ учился у меня только въ двухъ высшихъ классахъ. Но я зналъ его съ первыхъ, потому что онъ друженъ былъ съ соученикомъ своимъ, моимъ роднымъ племянникомъ, и иногда бывалъ въ нашемъ домѣ. Онъ бралъ у меня книги и журналы, пересказывалъ прочитанное, судилъ и рядилъ обо всемъ, задавалъ мнѣ вопросъ за вопросомъ. Скоро я полюбилъ его. По лѣтамъ и тогдашнимъ отношеніямъ нашимъ, онъ былъ неравный мнѣ; но не помню, чтобы въ Пензѣ съ кѣмъ-нибудь дру-

гимъ я такъ душевно разговаривалъ, какъ съ нимъ, о наукахъ и литературѣ.

«Домашнія бесѣды наши продолжались и послѣ того, какъ Бѣлинскій поступилъ въ высшіе классы гимназіи. Дома мы толковали о словесности; въ гимназіи, онъ, съ другими учениками, слушалъ у меня естественную исторію. Но въ казанскомъ университетѣ я шелъ по филологическому факультету, и русская словесность всегда была моею исключительною страстью. Можете представить себѣ, что иногда происходило въ классѣ естественной исторіи, гдѣ передъ страстнымъ, еще молодымъ въ то время, учителемъ, сидѣлъ такой-же страстный къ словесности ученикъ. Разумѣется, начиналъ я съ зоологіи, ботаники или ориктогнозіи и старался держаться этого берега, но съ середины, а случалось и съ начала лекціи, отъ меня-ли, отъ Бѣлинскаго-ли, Богъ знаетъ, только естественныя науки превращались у насъ въ теорію или исторію литературы. Отъ Бюфона-натуралиста я переходилъ къ Бюфону-писателю, отъ гумбольдтовой географіи растеній къ его «картинамъ природы», отъ нихъ къ поэзіи разныхъ странъ, потомъ... къ цѣлому міру—въ сочиненіяхъ Шиллера и Жуковскаго... Бывало, когда отправляюсь за городъ, во всю дорогу, пока не дойдемъ до засѣки, что позади городскаго гулянья, или до рощи, что за рѣкой Пензой, Бѣлинскій приставалъ ко мнѣ съ вопросами о Вальтеръ-Скоттѣ, Байронѣ, Пушкинѣ, о романтизмѣ и обо всемъ, что волновало въ то доброе время наши молодыя сердца.

«Тогда Бѣлинскій, по лѣтамъ своимъ, еще не могъ отрѣшиться отъ обаянія первыхъ пушкинскихъ поэмъ и мелкихъ стиховъ. Непривѣтно онъ встрѣтилъ сцену: «Келья въ чудовомъ монастырѣ». Онъ и въ то время не скоро поддавался на чужое мнѣніе. Когда я объяснилъ ему высокую прелесть въ простотѣ, поворотъ къ самобытности и возрастаніе таланта Пушкина, онъ качалъ головой, отмалчивался или говорилъ: «дайте подумаю: дайте еще прочту». Если-же съ чѣмъ онъ соглашался, то, бывало, отвѣчалъ съ страшною увѣренностью: «совершенно справедливо».

Ниже П—въ говоритъ, что Бѣлинскій читалъ съ жадностью тогдашніе журналы и всасывалъ въ себя духъ Полевого и Надеждина.

Знакомство съ литературой не замедлило впечатлительнаго юношу, преисполненнаго творческихъ силъ, натолкнуть на попытки къ самостоятельному творчеству, и во второмъ классѣ гимназіи, будучи 15-ти лѣтъ, онъ началъ писать стихи и повѣсти. Но уже въ 1830 году онъ смотрѣлъ на эти попытки критически, убѣдясь, что не рожденъ быть поэтомъ.

«Бывши во второмъ классѣ гимназіи — говоритъ онъ въ письмѣ къ своему бывшему наставнику—я писалъ стихи и почиталъ себя опаснымъ соперникомъ Жуковскаго; но времена перемѣнились. Вы знаете, что въ жизни юноши всякій часъ важенъ: чему онъ вѣритъ вчера, надъ тѣмъ смѣется завтра. Я увидѣлъ, что не рожденъ быть стихотворцемъ и, не хотя идти наперекоръ природѣ, давно уже оставилъ писать стихи. Въ сердцѣ моемъ часто происходятъ движенія необыкновенныя, душа часто бываетъ полна чувствами и впечатлѣніями сильными, въ умѣ рождаются мысли высокія, благородныя; хочу ихъ выразить стихами и не могу! Тщетно трудясь, съ досадой бросаю перо. Имѣю пламенную. страстную любовь ко всему изящному, высокому, имѣю душу пылкую и, при всемъ томъ, не имѣю таланта выразить свои чувства и мысли легкими, гармоническими стихами. Риема мнѣ не дается и, не покоряясь, смѣется надъ моими усиліями; выраженія не укладываются въ стопы, и я нашелся принужденнымъ приняться за смиренную прозу... Есть довольно много начатаго и ничего оконченнаго и обработаннаго, даже такого, что бы могло помѣститься не только въ альманахѣ, гдѣ собирается все отличное, но даже и въ «Дѣтскомъ журналѣ». Въ первый еще разъ, я съ горестью проклинаю свою неспособность писать стихами и лѣность писать прозой».

Но въ 1832 году неудачный опытъ написать драму, которая вышла блѣдна и безцвѣтна, окончательно убѣдилъ Бѣлинскаго, что онъ не рожденъ для поэтическаго творчества, хотя-бы и прозой. Эта неудача стоила Бѣлинскому тяжелаго унынія и паденія духа, тѣмъ болѣе, что обстоятельства его были со всѣхъ сторонъ плохи, почти безвыходны. Одинъ въ цѣломъ мірѣ, безсемейный голякъ, безъ всякихъ средствъ, безъ всякихъ связей, обладающій въ то-же время гордымъ, независимымъ характеромъ, для котораго, по собственнымъ-же словамъ его, не было ничего тягостнѣе, ужаснѣе, какъ быть обязаннымъ кому-либо, онъ былъ поставленъ лицомъ къ лицу передъ страшнымъ вопросомъ: чѣмъ питаться и какъ существовать. Мы не знаемъ, чѣмъ пробивался этотъ геніальный бѣднякъ со времени своего пріѣзда въ Москву въ 1829 г. и до 1834 года, когда онъ началъ сотрудничать въ „Телескопѣ". Намъ только извѣстно, что онъ во время уже сотрудничества въ журналѣ Надеждина, которое ему давало, повидимому, немного средствъ, жилъ между Трубой и Петровкой, въ какомъ то переулкѣ— надъ кузницей и возлѣ прачешной въ ужасной обстановкѣ:

«Каково-же было—говоритъ одинъ изъ его знакомыхъ, посѣтившій его въ такомъ жилищѣ — дышать этимъ воздухомъ, особенно ему, съ слабою грудью. Каково было слышать за дверьми упоительную бесѣду прачекъ и подъ собою стукотню отъ молотовъ русскихъ циклоповъ, если не подземныхъ, то подпольныхъ! Не говорю о бѣднѣйшей обстановкѣ его комнаты, незапертой (хоть я не засталъ хозяина дома), потому что въ ней нечего украсть. Прислуги никакой; онъ ѣлъ, вѣроятно, то, что ѣли его сосѣдки. Сердце мое облилось кровью... Я спѣшилъ бѣжать отъ смрада испареній, охватившихъ меня и пропитавшихъ въ нѣсколько минутъ мое платье, скорѣй, скорѣй на чистый воздухъ, чтобы хоть нѣсколько облегчить грудь отъ всего, что я видѣлъ, что я почувствовалъ въ этомъ убогомъ жилищѣ литератора, заявившаго Россіи свое имя»...

Кромѣ этого печальнаго факта, извѣстенъ еще другой, относящійся къ этому періоду жизни Бѣлинскаго и то-же касающійся вопроса о существованіи. Между прочими мытарствами, удалось Бѣлинскому найти мѣсто домашняго секретаря у одного московскаго богача, любителя литературы, извѣстнаго въ ней подъ именемъ Прутикова. Должность Бѣлинскаго заключалась въ томъ, чтобы выглаживать и исправлять сочиненія этого квази-литератора. За такую должность назначалось небольшое жалованье, квартира, прислуга и столъ. Но Бѣлинскій недолго пробылъ на этомъ мѣстѣ; видно, ему такъ показалось солоно въ блестящихъ хоромахъ барина, что онъ, въ одинъ прекрасный день, бѣжалъ отъ него, завязавши въ носовой платокъ все свое имущество и оставивши своему патрону записку съ извиненіемъ въ томъ, что онъ не считаетъ себя способнымъ къ исполненію этой должности и снова переселился онъ въ свою конуру на Трубѣ.

Всѣ эти факты совершенно оттѣняютъ Бѣлинскаго отъ тѣхъ прекраснодушныхъ юношей, которые его окружали, которымъ было легко благодушествовать въ

эстетическихъ созерцаніяхъ на папенькиныхъ хлѣбахъ; позади ихъ были сладкія воспоминанія дѣтства, впереди открытое поприще для какой угодно дѣятельности при протекціи вліятельныхъ дяденекъ, тетенекъ и богатыхъ друзей всякаго рода; на каникулахъ ждала ихъ родительская усадьба, со своими патріархальными объятіями, праздниками, гостями, охотами и прогулками... Подвернулся Грановскому случай поступить на университетское поприще, и онъ поѣхалъ на казенный счетъ за-границу; захворалъ Станкевичъ, и тотчасъ-же родители послали его на кавказскія воды, а потомъ за-границу. Сами московскіе профессора иначе относились къ баловнямъ судьбы, иначе къ пасынкамъ. Въ то время, какъ Бѣлинскій оставилъ университетъ съ аттестаціей слабыхъ способностей и нерадѣнія, въ то время, какъ Надеждинъ, журналъ котораго прославился именемъ Бѣлинскаго, съ брезгливостью щепетильнаго эстетика смотрѣлъ на убогое жилище знаменитаго критика и съ пренебреженіемъ отзывался о немъ, какъ о циникѣ, предполагая въ наивности сытаго человѣка, что Бѣлинскій живетъ убого изъ какой-то врожденной, будто-бы, страсти къ цинизму и грязи,—Станкевичъ, живя у Павлова, не замедлилъ познакомиться съ Надеждинымъ, Шевыревымъ и другими профессорами московскаго университета, которые приняли его ласково, съ участіемъ, окружили совѣтами и вскорѣ встали съ нимъ даже на дружескую ногу. „Павловъ и Шевыревъ—говоритъ въ одномъ изъ писемъ Станкевичъ—познакомили меня съ кн. Т—ой и я плясалъ у нея и проч.“.

При такихъ условіяхъ жизни друзья Бѣлинскаго гораздо уже раньше были расположены къ примирительному взгляду на жизнь и людей и эстетическому квіэтизму, чѣмъ успѣли подвести свое отношеніе къ жизни подъ формулы гегелевской философіи. И въ первый періодъ своего развитія, когда они еще и не помышляли о Гегелѣ, они требовали отъ мыслящаго человѣка, чтобы онъ, во что бы то ни стало, былъ преисполненъ кроткаго, гармоническаго настроенія, чтобы онъ созерцалъ жизнь, анализировалъ ее, въ то-же время отнюдь не допуская вражды и ненависти въ отношеніи къ различнымъ ея проявленіямъ. Вражда и ненависть считались чѣмъ-то весьма негармоничнымъ, неизящнымъ, одностороннимъ, и потому вычеркивались изъ жизни. А между тѣмъ, всѣ обстоятельства жизни Бѣлинскаго съ дѣтскихъ лѣтъ къ тому и вели, чтобы озлобить и ожесточить его. Онъ не имѣлъ даже утѣшенія Красова, который, находясь въ такихъ-же бѣдственныхъ положеніяхъ, какъ и Бѣлинскій, состроилъ себѣ свой собственный міръ иллюзій и уходилъ въ него, забывая и холодъ, и голодъ дѣйствительности, и снисходительный юморъ своихъ богатыхъ друзей. Бѣлинскій не владѣлъ стихами, чтобы утѣшаться стихоизліяніями, и былъ слишкомъ уменъ, чтобы міръ иллюзій не разрушался ежеминутно передъ его глазами, какъ карточные домики. Вотъ подъ вліяніемъ какихъ обстоятельствъ въ ранней юности уже онъ сосредоточилъ въ себѣ столько озлобленія, что его могли заглушить только на время гармоническіе идеалы и увѣщанія друзей въ ихъ духѣ. Онъ былъ далекъ еще, по своему развитію, отъ сознанія основныхъ причинъ своего озлобленія, но, тѣмъ не менѣе, онъ его чувствовалъ; горечь, разъѣдавшая его сердце, искала выхода и, какъ это часто бываетъ съ людьми озлобленными, что они, не добираясь до главныхъ причинъ своего озлобленія, обрушиваютъ весь жаръ своего гнѣва на первые подвернувшіеся подъ руку предметы, такъ какъ чувство ихъ ищетъ какого-бы то ни было проявленія—такъ это было и съ Бѣлинскимъ: онъ вышелъ на литературное поприще не отвлеченнымъ эстетикомъ, созерцателемъ и наблюдателемъ, въ какомъ видѣ представляли себѣ друзья его идеалъ критика, но съ горячею, страстною жаждой полемики, и хотя полемика эта вращалась исключительно въ предѣлахъ литературы, но, тѣмъ не менѣе, въ страстномъ саркастическомъ тонѣ ея, сладострастной жаждѣ нападать и разить—такъ и слышится озлобленіе человѣка, который чувствовалъ живую потребность хоть на что-нибудь излить горечь своей души. Вы посмотрите, какъ въ первой-же статьѣ своей Бѣлинскій самъ формулируетъ преобладающее настроеніе своего духа:

«У насъ нападаютъ иногда на полемику, въ особенности журнальную. Это очень естественно. Люди, хладнокровные къ умственной жизни, могутъ-ли понять, какъ можно предпочитать истину приличіямъ и изъ любви къ ней навлекать на себя ненависть и гоненіе? О! имъ никогда не постичь, *что за блаженство, что за сладострастіе души*—сказать какому-нибудь генію въ отставкѣ безъ мундира, что онъ смѣшонъ и жалокъ съ своими дѣтскими претензіями на великость, растолковать ему, что онъ не себѣ, а крикуну журналисту обязанъ своею литературною значительностью; сказать какому-нибудь ветерану, что онъ пользуется своимъ авторитетомъ на кредитъ, по старымъ воспоминаніямъ или по старой привычкѣ; доказать какому-нибудь литературному учителю, что онъ близорукъ, что онъ отсталъ отъ вѣка и что ему надо переучиваться съ азбуки; сказать какому-нибудь выходцу Богъ-вѣсть откуда, какому-нибудь пройдохѣ и Видоку, какому-нибудь литературному шарлатану, что онъ оскорбляетъ собою и эту словесность, которою занимается, и этихъ добрыхъ людей, кредитомъ коихъ пользуется, что онъ наругался и надъ святостію истины, и надъ святостію знанія, заклеймить его имя позоромъ отверженія, сорвать съ него маску, хотя-бы она была и баронская, и показать его свѣту во всей его наготѣ!... *Говорю вамъ, во всемъ этомъ есть блаженство неизъяснимое, сладострастіе безграничное*! Конечно, въ литературныхъ сшибкахъ иногда нарушаются законы приличія и общежительности, но умный и образованный читатель пропуститъ безъ вниманія пошлые намеки о желтякахъ, объ утиныхъ носахъ, семинаристахъ, гарѣ, полугарѣ, купцахъ и аршинникахъ; онъ всегда съумѣетъ отличить истину отъ лжи, человѣка отъ слабости, талантъ отъ заблужденія; читатели-же невѣжды не сдѣлаются отъ того ни тупѣе, ни умнѣе. Будь все тихо и чинно, будь вездѣ комплименты и вѣжливости—тогда какой просторъ для безсовѣстности, шарлатанства, невѣжества: некому обличить, некому изречь грозное слово правды!»

А между тѣмъ, друзья Бѣлинскаго о томъ только и хлопотали, чтобы повсюду было комплименты и вѣжливости. Они смотрѣли на страсть къ полемикѣ въ Бѣлинскомъ, какъ на недостатокъ, хотя сами невольно подчинялись вліянію этой полемики. Такъ, напримѣръ, конечно, Бѣлинскому былъ обязанъ Станкевичъ разочарованіемъ въ Шевыревѣ, какъ въ человѣкѣ. По крайней мѣрѣ, при первомъ знакомствѣ съ Шевыревымъ, Станкевичъ былъ отъ него безъ ума и

въ письмѣ къ Невѣрову отзывался о немъ съ восторгомъ. Но первая-же статья Бѣлинскаго разрушила это очарованіе. Дѣло въ томъ, что, вмѣсто безусловныхъ похвалъ, Бѣлинскій отозвался о стихотвореніяхъ Шевырева критически, и Станкевичъ тотчасъ-же увидѣлъ, какое мелкое, напыщенное самолюбіе скрывалось въ ученомъ профессорѣ подъ всѣми его громкими фразами: „Бѣлинскій—пишетъ Станкевичъ въ одномъ изъ своихъ писемъ—въ своихъ „Литературныхъ мечтаніяхъ“ (хорошая статья въ „Молвѣ“; Шевыревъ, говорятъ, хвалилъ ее, пока до него не дошло дѣло) сказалъ (хваля, впрочемъ, чрезвычайно Шевырева), что въ стихахъ его развивается мысль, а не изливается чувство. Справедливое замѣчаніе! Шевыревъ, говорятъ, взбѣсился и кричитъ: „какъ смѣть такъ говорить? Это тонъ Полевого. Да развѣ онъ власть какая-нибудь, что объ немъ судить нельзя? Досадно! Конечно, иные прибавятъ“.

Послѣ того, Станкевичъ въ своихъ письмахъ отзывался о Шевыревѣ не иначе уже, какъ о самолюбивомъ, ограниченномъ педантѣ; онъ даже восхищался, когда Бѣлинскій, впослѣдствіи, болѣе уже рѣшительно, напалъ на Шевырева въ 9 № „Телескопа“ за 1835 годъ: „9-й № готовятъ—писалъ Станкевичъ въ письмѣ Невѣрову—въ немъ осмѣлились пошутить надъ Шевыревымъ, который съ важностью говоритъ о реформѣ въ русской просодіи и хочетъ ввести итальянскую. Не говоря уже о нелѣпости этой мысли, подумай, какъ не стыдно въ нашъ вѣкъ, богатый человѣческими интересами, думать о перемѣнахъ въ просодіи? Талантъ самъ создаетъ ее“.

А между тѣмъ, такъ сильна была тяга къ прекраснодушному квіэтизму, что тотъ-же самый Станкевичъ, при всякомъ удобномъ случаѣ, выражалъ въ письмахъ свое несочувствіе и неодобреніе къ полемическому тону Бѣлинскаго. Надо думать, что такое неодобреніе не ограничивалось одними намеками въ письмахъ къ Невѣрову, а служило предметомъ неоднократныхъ споровъ между Бѣлинскимъ и его друзьями; очень можетъ быть, что и приведенныя патетическія строки о сладострастіи полемики были возбуждены въ Бѣлинскомъ этими спорами; по крайней мѣрѣ, намъ извѣстно, что Бѣлинскій имѣлъ обычай отвѣчать своимъ друзьямъ, въ разгарѣ спора, печатными статьями, какъ впослѣдствіи онъ отвѣчалъ Герцену „Менцелемъ“ и „Бородинскою годовщиной“. Такимъ образомъ, вотъ уже откуда ведетъ свое начало то пренебреженіе и отрицаніе всякаго живаго и полемическаго отношенія къ жизни и литературѣ во имя олимпійскаго спокойнаго созерцанія и безстрастнаго браминскаго квіэтизма—какое впослѣдствіи мы видимъ въ людяхъ сороковыхъ годовъ, въ ихъ, напримѣръ, нападкахъ на полемическій тонъ „Современника“ или „Русскаго Слова“. Но было бы совершенно ложно обвинять въ этомъ квіэтизмѣ всю эпоху сороковыхъ годовъ и думать, чтобы онъ всецѣло господствовалъ въ эту эпоху, будучи произведеніемъ духа этого времени: мы видимъ, что и въ сороковые годы онъ былъ произведеніемъ особенной среды, особенныхъ условій жизни, и далеко не господствовалъ безусловно, проявляясь только тамъ, гдѣ условія жизни вели къ его преобладанію. Что далеко не всѣ раздѣляли убѣжденія Станкевича относительно полемики, это мы видимъ изъ того, что слухи объ увѣщаніяхъ Станкевичемъ Бѣлинскаго достигли до Петербурга, и тамъ они встрѣчены были не совсѣмъ благосклонно; по крайней мѣрѣ, они были формулированы въ томъ видѣ, что Станкевичъ цензируетъ статьи Бѣлинскаго, и Станкевичъ, въ письмѣ къ Невѣрову, вотъ какъ отозвался объ этихъ слухахъ: „не знаю, откуда эти чудные слухи заходятъ въ Питеръ? Я— цензоръ Бѣлинскаго? Напротивъ, я самъ свои переводы, которыхъ два или три въ „Телескопѣ“, подвергалъ цензорству Бѣлинскаго, въ отношеніи русской грамоты, въ которой онъ знатокъ, а въ мнѣніяхъ всегда готовъ съ нимъ посовѣтываться и очень часто послѣдовать его совѣтамъ. Конечно, его выходка неосторожна, но не болѣе; онъ хотѣлъ напасть на способъ составлять репутацію и оскорбилъ человѣческую сторону Бенедиктова *). Я ему это скажу“.

Ужъ одни эти факты показываютъ, что Бѣлинскій далеко не былъ исключительнымъ произведеніемъ кружка Станкевича, какимъ-то эхомъ или, лучше сказать, протоколистомъ, который въ своихъ статьяхъ сообщалъ разговоры, которые велись на дружескихъ собраніяхъ кружка, преимущественно же мнѣнія Станкевича, систематизируя и обобщая ихъ, какъ многіе выставляютъ Бѣлинскаго, между прочимъ, и біографъ Станкевича, Анненковъ. Мы видимъ, что Бѣлинскій съ перваго своего шага является личностью, по характеру своему вполнѣ оригинальною и рѣзко отличающеюся отъ окружавшихъ его людей. Хотя онъ во многомъ подчинялся вліянію своего кружка, особенно впослѣдствіи, но не одно это вліяніе отражается на первыхъ статьяхъ Бѣлинскаго. Пересматривая эти статьи и рядомъ съ ними письма Станкевича за эти же годы, мы видимъ, что какъ Бѣлинскій, такъ и друзья его, равно находились подъ вліяніемъ литературы того времени и философскаго броженія въ духѣ Шеллинга, господствовавшаго въ Москвѣ. Такимъ образомъ, читая два первые тома Бѣлинскаго, мы встрѣчаемся тамъ со взглядами Полевого, Одоевскаго, Надеждина, Веневитинова и Кирѣевскаго. Со всѣми же этими писателями Бѣлинскій успѣлъ познакомиться уже на школьной скамьѣ гораздо ранѣе, чѣмъ вошелъ въ кружокъ Станкевича.

Самая первая статья Бѣлинскаго, „Литературныя мечтанія“, написана подъ сильнымъ вліяніемъ полемическихъ этюдовъ Надеждина въ „Вѣстникѣ Европы“, хотя, конечно, отличается отъ нихъ, какъ небо отъ земли, по благородству тона и литературной честности. Самое заглавіе статьи „Литературныя мечтанія“ напоминаетъ заглавіе первой статьи Надеждина „Литературныя опасенія“. Главною мыслью въ статьѣ Бѣлинскаго, какъ и во всѣхъ статьяхъ Надеждина,

*) Здѣсь дѣло идетъ о критикѣ Бѣлинскаго на стихотворенія Бенедиктова, помѣщенной въ «Телескопѣ» 1835 г. Статья эта дѣйствительно отличается безпощадною рѣзкостью, но, при всемъ томъ, мы убѣждены, что эта именно рѣзкость болѣе всего дѣйствовала на современниковъ, заставляя глубоко врѣзываться въ ихъ умы высказываемые идеи и взгляды; къ тому-же, рѣзкость эта преисполнена глубокой, хотя и горькой правды.

является то положенiе, что у насъ нѣтъ литературы. Для доказательства этой мысли, Бѣлинскiй излагаетъ основанiя шеллинговой философiи, проникаясь при этомъ тѣмъ высокимъ паѳосомъ, который такъ часто встрѣчается въ его статьяхъ и который производилъ на современниковъ потрясающее впечатлѣнiе. По мнѣнiю Бѣлинскаго,

«весь безпредѣльный, прекрасный Божiй мiръ есть ни что иное, какъ дыханiе единой, вѣчной идеи (мысли единаго, вѣчнаго Бога), проявляющейся въ безчисленныхъ формахъ, какъ великое зрѣлище абсолютнаго единства въ безконечномъ разнообразiи». Проявленiе этой идеи въ нравственномъ мiрѣ есть—«борьба между добромъ и зломъ, любовiю и эгоизмомъ, какъ въ жизни физической противоборство силы сжимательной и расширительной»... «Цѣль искусства воспроизводить въ словѣ, въ звукѣ, въ чертахъ и краскахъ идею всеобщей жизни природы». «Доколѣ поэтъ слѣдуетъ безотчетно мгновенной вспышкѣ своего воображенiя, дотолѣ онъ нравственъ, дотолѣ онъ и поэтъ; но какъ скоро онъ предположилъ себѣ цѣль, задалъ тэму, онъ уже философъ, мыслитель, моралистъ, онъ теряетъ надо мною свою чародѣйскую власть, разрушаетъ очарованiе и заставляетъ меня сожалѣть о себѣ, если, при истинномъ талантѣ, имѣетъ похвальную цѣль, и презирать себя, если силится опутать мою душу тенетами вредныхъ мыслей»...

Изложивши общiя понятiя объ искусствѣ, Бѣлинскiй переходитъ, затѣмъ, къ вопросу, что такое наша литература: „выраженiе общества или духа народнаго?“

«Каждый народъ—говоритъ Бѣлинскiй совершенно согласно съ тѣмъ, что говорили въ то время всѣ шеллингисты—вслѣдствiе непреложнаго закона провидѣнiя, долженъ выражать своею жизнiю одну какую-нибудь сторону жизни цѣлаго человѣчества; въ противномъ случаѣ, этотъ народъ не живетъ, а только прозябаетъ, и его существованiе ни къ чему не служитъ... Да—только идя по разнымъ дорогамъ, человѣчество можетъ достигнуть своей единой цѣли; только живя самобытною жизнiю, можетъ каждый народъ принести долю въ общую сокровищницу. Въ чемъ же состоитъ самобытность каждаго народа? Въ особенномъ ему принадлежащемъ образѣ мыслей и взглядѣ на предметы, въ религiи, языкѣ, и болѣе всего въ обычаяхъ»...

Далѣе затѣмъ, исходя изъ этихъ идей, Бѣлинскiй подробно обозрѣваетъ весь ходъ нашей литературы, начиная съ Кантемира, и сообразно тому, насколько тотъ или другой писатель представляется самостоятельнымъ и народнымъ, Бѣлинскiй приходилъ къ тому выводу, что вся наша литература сосредоточивается въ четырехъ именахъ:

«Въ самомъ дѣлѣ, Державинъ, Пушкинъ, Крыловъ и Грибоѣдовъ—вотъ всѣ ея представители; другихъ покуда нѣтъ и не ищите ихъ. Но могутъ-ли составить цѣлую литературу четыре человѣка, явившiеся не въ одно время? И притомъ, развѣ они были не случайными явленiями?.. Гдѣ же, спрашиваю васъ, литература? У насъ было много талантовъ и талантиковъ, но мало, слишкомъ мало художниковъ по призванiю, то-есть, такихъ людей, для которыхъ писать и жить, жить и писать, одно и то же, которые уничтожаются внѣ искусства, которымъ не нужно протекцiй, не нужно меценатовъ, или, лучше сказать, которые гибнутъ отъ меценатовъ, которыхъ не убиваютъ ни деньги, ни отличiя, ни несправедливости, которые до послѣдняго вздоха остаются вѣрными своему святому призванiю. У насъ была эпоха схоластицизма, была эпоха плаксивости, была эпоха стихотворства, эпоха романовъ и повѣстей, теперь наступила эпоха драмы; но еще не было эпохи искусства, эпохи литературы. Стихотворство наше кончилось; мода на романы всюду проходитъ; теперь терзаемъ драму. И все это безъ причины, все это изъ подражательности: когда же наступитъ у насъ истинная эпоха искусства? Она наступитъ, будьте въ томъ увѣрены! Но для этого надо сперва, чтобы у насъ образовалось общество, *въ которомъ бы выразилась физiономiя могучаго русскаго народа; надобно, чтобы у насъ было просвѣщенiе, созданное нашими трудами, возращенное на родной почвѣ*»...

Мы нарочно представили экстрактъ первой статьи Бѣлинскаго, потому что онъ можетъ служить для насъ какъ бы конспектомъ основныхъ взглядовъ, преобладающихъ въ первый перiодъ дѣятельности Бѣлинскаго, въ его статьяхъ въ „Телескопѣ“ и „Молвѣ“. Взгляды эти могутъ быть формулированы въ слѣдующихъ двухъ положенiяхъ: 1) поэтическое творчество заключается въ стремленiи поэта воплощать идею въ образы искусства, и оно до тѣхъ только поръ можетъ быть названо поэтическимъ творчествомъ, пока оно свободно и непроизвольно, и 2) идеи, воспроизводимыя поэтомъ, суть тѣ, представителемъ которыхъ является народъ, которому принадлежитъ поэтъ, и время, въ которое онъ живетъ. Этими двумя положенiями обусловливались многiя симпатiи и антипатiи, въ которыхъ Бѣлинскiй сходился съ большинствомъ шеллингистовъ, подвизавшихся въ то время въ Москвѣ. На основанiи этихъ положенiй, онъ возставалъ, между прочимъ, на стремленiе поэтовъ поддѣлываться подъ народную поэзiю, которое въ то время было распространено подъ влiянiемъ поднятаго въ литературѣ вопроса о народности. По мнѣнiю Бѣлинскаго, Пушкинъ былъ болѣе народенъ, когда писалъ естественно и непроизвольно по внушенiю вдохновенiя, чѣмъ когда вздумалъ поддѣлываться подъ народныя сказки, потому что всякая поддѣлка или предвзятая мысль парализируетъ непосредственное творчество, а только оно и можетъ быть истинно народнымъ. На тѣхъ-же основанiяхъ напалъ Бѣлинскiй и на Бенедиктова, въ каждомъ стихѣ котораго видѣлъ надуманную вычурность вмѣсто истиннаго, непосредственнаго творчества, и на Шевырева, за то что „большая часть оригинальныхъ произведенiй Шевырева, за исключенiемъ весьма немногихъ, обнаруживающихъ неподдѣльное чувство, при всѣхъ ихъ достоинствахъ, часто обнаруживаютъ болѣе усилiя ума, чѣмъ излiянiя горячаго вдохновенiя“.

Но было бы ложно думать, чтобы, исходя изъ этихъ основанiй, Бѣлинскiй всю свою критическую дѣятельность основывалъ на томъ, что подводилъ подъ нихъ факты литературы и педантически отрицалъ все, что не согласовалось съ ними. Въ то время въ литературѣ было много явленiй, производившихъ на общество и молодежь сильное влiянiе, но которыя не были плодами непосредственнаго творчества и не носили на себѣ и слѣда народности. Таковы были произведенiя Одоевскаго и Полевого. Бѣлинскiй умѣлъ цѣнить всѣ литературныя явленiя, которыя были прогрессивны для своего времени, хотя-бы и не подходили подъ вышеизложенныя опредѣленiя поэтическаго творчества. Такъ, не иначе, какъ съ энтузiазмомъ отзывался Бѣлинскiй о произведенiяхъ Одоевскаго и высоко цѣнилъ повѣсти Полевого.

Влiянiе Одоевскаго и Полевого на Бѣлинскаго бы-

ло не менѣе вліянія университетскихъ шеллингистовъ и отражается весьма сильно на первыхъ статьяхъ его. Можно положительно сказать, что въ то время, какъ университетскимъ шеллингистамъ былъ обязанъ Бѣлинскій своими эстетическими взглядами, изъ нѣмецкихъ писателей Шиллеру и Гофману, а изъ русскихъ Одоевскому и Полевому былъ обязанъ онъ взглядами моральными, нравственными идеалами. Не иначе, какъ подъ этими вліяніями образовался у Бѣлинскаго идеалъ поэта и вообще писателя, въ видѣ мученика идеи, безкорыстно, до самоотверженія преданнаго ея служенію и стоящаго постоянно въ разладѣ съ пошлою толпой, непонимающею генія. По всей вѣроятности, этимъже вліяніямъ былъ обязанъ Бѣлинскій своею ненавистью къ людямъ большого свѣта за то, какъ онъ патетически выражался, что они „потеряли образъ и подобіе Божіе, за то, что отреклись отъ Бога живаго и поклонились идолу суетъ, за то, что умъ, чувства, совѣсть, честь замѣнили условными приличіями!". Понятна послѣ этого становится та желчь, которую изливалъ Бѣлинскій, при всякомъ удобномъ случаѣ, на погоню за свѣтскостью въ литературѣ, какъ это мы видимъ, напримѣръ, въ нападкахъ на Шевырева, въ статьѣ „О критикѣ „Наблюдателя" или въ рецензіяхъ о „Современникѣ", журналѣ, считавшемся тогда средоточіемъ свѣтской литературы и прибѣжищемъ великосвѣтскихъ писателей.

Въ этихъ нападкахъ на свѣтскую пустоту, „на молодчиковъ и денди, какъ выражался Бѣлинскій, неимѣющихъ никакихъ познаній, кромѣ навыка легко болтать всякій вздоръ по-французски, становящихся смѣшными и жалкими анахронизмами", затѣмъ, въ злыхъ и мѣткихъ сарказмахъ, которыми осыпалъ Бѣлинскій всякое легкомысленное отношеніе къ дѣлу мысли, постыдный, шарлатанскій торгъ непереваренными словоизверженіями, низкое, нагло-безсовѣстное отношеніе къ литературѣ разныхъ Гречей, Булгариныхъ и Сенковскихъ, съ другой стороны—въ возвеличеніи молодого поколѣнія за то, что оно, „разочаровавшись въ геніальности и безсмертіи нашихъ литературныхъ произведеній, вмѣсто того, чтобы выдавать въ свѣтъ недозрѣлыя творенія, съ жадностью предается изученіе наукъ и черпаетъ живую воду просвѣщенія въ самомъ источникѣ"—во всемъ этомъ мы видимъ живую, свѣтлую сторону пропаганды Бѣлинскаго въ этомъ періодѣ его дѣятельности. Эта сторона его пропаганды и производила именно то потрясающее впечатлѣніе на общество, которое заставило съ первыхъ-же статей Бѣлинскаго обратить на него всеобщее вниманіе. Этою своею пропагандой и заставлялъ Бѣлинскій молодежь изъ бальныхъ залъ бѣжать въ библіотеки и аудиторіи, отъ картъ бросаться за книги и отъ чтенія романовъ Поль-де-Кока, повѣстей Брамбеуса или Булгарина браться за Шекспира, Байрона, Гете, Пушкина и Гоголя.

И вообще должно замѣтить, что какъ ни узокъ былъ еще умственный кругозоръ Бѣлинскаго въ этотъ первый періодъ его дѣятельности и какъ ни отвлеченна та почва, на которой стоялъ онъ, при всемъ томъ, общее направленіе его мыслей было гораздо живѣе и прогрессивнѣе, чѣмъ въ послѣдующій періодъ его дѣятельности въ „Московскомъ Наблюдателѣ". Хотя вы и встрѣчаете въ концѣ первой статьи его (см. С. Б., т. I, стр. 128) нѣсколько мыслей, проникнутыхъ казеннымъ, пошлымъ патріотизмомъ въ родѣ того, что просвѣщеніе двигается въ Россіи быстрыми шагами, руководствуемое высокими меценатами, а „благородное дворянство, наконецъ, вполнѣ увѣрилось въ необходимости давать своимъ дѣтямъ образованіе прочное, основательное, въ духѣ вѣры" и пр.,—но надо думать, что всѣ эти слова были умышленно вставлены въ статью, чтобы хоть какъ-нибудь загладить и затушевать рѣзкость нѣкоторыхъ мѣстъ ея и отрицательный характеръ общаго ея направленія. По крайней мѣрѣ, эти слова совершенно не гармонируютъ съ цѣлою статьей и являются въ ней какъ-то съ боку припеку. Но еще болѣе противорѣчатъ они со свидѣтельствомъ самого Бѣлинскаго объ этомъ періодѣ своей жизни. Вотъ что писалъ онъ, въ письмѣ своемъ къ Станкевичу, въ 1839 году, т.-е. во время самаго сильнаго увлеченія философіей Гегеля, о направленіи мыслей своихъ въ первый періодъ дѣятельности подъ непосредственнымъ вліяніемъ Шиллера:

«Его «Разбойники», «Коварство и любовь», вкупѣ съ «Фіэско», этимъ произведеніемъ нѣмецкаго Гюго, наложили на меня дикую вражду съ общественнымъ порядкомъ во имя абстрактнаго идеала общества, оторваннаго отъ географическихъ и историческихъ условій развитія, построеннаго на воздухѣ. Его «Донъ-Карлосъ»—эта блѣдная фантасмагорія образовъ безъ лицъ и риторическихъ олицетвореній, эта апотеоза абстрактной любви къ человѣчеству безъ всякаго содержанія бросила меня въ абстрактный героизмъ, внѣ котораге я все презиралъ, все ненавидѣлъ (и еслибы ты зналъ, какъ дико и болѣзненно), и въ которомъ я очень хорошо, несмотря на свой неестественный и напряженный восторгъ, сознавалъ себя—нулемъ»...

Съ подобнымъ абстрактнымъ героизмомъ, какъ впослѣдствіи называлъ его Бѣлинскій, какъ нельзя болѣе гармонируютъ слѣдующія слова, которыя мы встрѣчаемъ въ той-же первой статьѣ Бѣлинскаго:

«И такъ вотъ тебѣ двѣ дороги, два неизбѣжные пути: отрекись отъ себя, подави свой эгоизмъ, попри ногами свое своекорыстное *я*, дыши для счастія другихъ, жертвуй всѣмъ для блага родины, для пользы человѣчества, люби истину и благо не для награды, но для истины и блага, и тяжкимъ крестомъ выстрадай твое соединеніе съ Богомъ, твое безсмертіе, которое должно состоять въ уничтоженіи твоего *я*, въ чувствѣ безпредѣльнаго блаженства! Что? Ты не рѣшаешься? Этотъ подвигъ тебя страшитъ, кажется тебѣ не по силамъ? Ну, такъ вотъ тебѣ другой путь, онъ шире, спокойнѣе, легче: люби самого себя больше всего на свѣтѣ; плачь, дѣлай добро лишь изъ выгоды; не бойся зла, когда оно принесетъ тебѣ пользу. Помни это правило: съ нимъ тебѣ вездѣ будетъ тепло! Если ты рожденъ сильнымъ земли, гни твой хребетъ, ползи змѣей между тиграми, бросайся тигромъ между овцами, губи, угнетай, пей кровь и слезы, чело обремени лавровыми вѣнцами, рамена согни подъ грузомъ незаслуженныхъ почестей и титлъ. Весела и блестяща будетъ жизнь твоя; ты не узнаешь, что такое холодъ и голодъ, что такое угнетеніе и оскорбленіе, все будетъ трепетать тебя, вездѣ покорность и услужливость, отовсюду лесть и хваленіе, и поэтъ напишетъ тебѣ посланіе и оду, гдѣ сравнитъ тебя съ полубогами, и журналистъ прокричитъ во всеуслышаніе, что ты покровитель слабыхъ, и сирыхъ, столпъ и опора отечества, правая рука государя! Какая тебѣ нужда, что въ душѣ твоей каждую минуту будетъ слишкомъ жарко, а въ сердцѣ

слишкомъ холодно, что вопли угнетенныхъ тобою будутъ преслѣдовать тебя и на свѣтскомъ пиру, и на мягкомъ ложѣ сна, что тѣни погубленныхъ тобою окружатъ твой болѣзненный одръ, составятъ около него адскую пляску и съ яростнымъ хохотомъ будутъ веселиться твоими послѣдними предсмертными страданіями, что передъ твоими взорами откроется ужасная картина нравственнаго уничтоженія за гробомъ, мукъ вѣчныхъ!.. Э, любезный мой, ты правъ: жизнь—сонъ, и не увидишь, какъ пройдетъ!.. За то весело поживешь, сладко поѣшь, мягко поспишь, повластвуешь надъ своими ближними, а вѣдь это чего-нибудь да стоитъ!..» (см. С. Б., т. I, стр. 20, 21, 22).

При всей риторической стереотипности этихъ фразъ, стоящихъ всецѣло на почвѣ догматическаго дуализма, въ нихъ столько жизни, паѳоса и желчи, что безъ сомнѣнія, онѣ не были надуманы, а вылились всецѣло изъ переполненнаго чувствомъ сердца чистаго юноши, глубоко ненавидѣвшаго все гнусное, что дѣлалось вокругъ него, и искренно готоваго пожертвовать жизнью за благо отечества, какъ бы отвлеченно онъ ни представлялъ себѣ это благо.

Правда, уже въ первый періодъ своей дѣятельности Бѣлинскій враждебно относился къ направленію во Франціи литературы и мысли, въ особенности въ XVIII столѣтіи, говоря, что факты должно объяснять мыслію, а не мысли выводить изъ фактовъ и что въ XVIII вѣкѣ опытъ привелъ ни къ чему иному, какъ къ скептицизму, матеріализму, безвѣрію, разврату и совершенному невѣдѣнію истины при обширныхъ познаніяхъ (см. С. Б., т. I, стр. 282); уже тогда онъ смѣялся надъ женщинами-писательницами, между прочимъ, и надъ Жоржъ-Зандомъ, всѣхъ приверженцевъ женской эмансипаціи безразлично считалъ сенъ-симонистами, всѣхъ ихъ одинаково обвинялъ въ отверженіи брака и говорилъ, что если дать право женщинѣ писать, то логика заставляетъ посвятить ее и во всѣ прочія занятія мужчинъ, не исключая и военнаго, а между тѣмъ все имѣетъ свое назначеніе, все прекрасно въ предѣлахъ своего назначенія и дурно внѣ его, что поприще мужчины цѣлый міръ, женское же поприще—возбуждать въ мужчинѣ энергію души, пылъ благородныхъ страстей, поддерживать чувство долга и стремленіе къ высокому и великому... (См. С. Б., т. I, стр. 400—407 и т. II, 145—147).

Всѣ подобныя мысли совершенно соотвѣтствовали той узкости умственнаго горизонта, какую вы встрѣтите въ каждомъ мало развитомъ человѣкѣ, и въ тоже время исходили изъ духа романтическаго движенія въ томъ направленіи, какое оно приняло въ Германіи и у насъ. Не забудьте, что романтизмъ былъ не однимъ только освобожденіемъ поэзіи отъ французскаго ложнаго классицизма, но и оппозиціей недозрѣлой мысли противъ философіи XVIII вѣка, слишкомъ опередившей своимъ реальнымъ направленіемъ міросозерцаніе образованныхъ массъ европейскаго общества. Германское философское движеніе, смѣнившее французское, съ того и началось, что возстало не только противъ слабыхъ сторонъ философіи XVIII вѣка, но и противъ живыхъ и свѣтлыхъ ея началъ—духа опыта, анализа, скептицизма. Всѣ германскіе философы до Гегеля включительно не видѣли никакого различія между опытомъ и эмпиризмомъ. По ихъ общему мнѣнію, опытъ ни къ чему не ведетъ, какъ въ религіи къ безбожію, въ нравственности—къ разврату, въ наукѣ—къ безцѣльному блужданію въ массѣ частныхъ, отрывочныхъ знаній—и всѣ они подъ рядъ проповѣдывали, что единственное спасеніе человѣчества—въ отвлеченномъ умозрѣніи, въ объясненіи всего сущаго абсолютною идеей, доходящей до самосознанія въ разумѣ человѣческомъ.

У насъ началось гоненіе противъ французскаго вліянія ранѣе еще увлеченія нѣмецкою философіей. Оно выразилось не только въ реакціонныхъ филиппикахъ писателей въ родѣ Греча противъ философіи XVIII вѣка, но и въ такихъ для своего времени весьма прогрессивныхъ произведеніяхъ, каково „Горе отъ ума“, преисполненное, какъ извѣстно, желчныхъ нападковъ на рабское подражаніе всему французскому и сожалѣющее, зачѣмъ мы не беремъ примѣръ съ Китая въ его незнаніи всего иноземнаго. Въ кружкахъ шеллингистовъ началось еще болѣе систематическое и философски сознательное гоненіе противъ французской философіи XVIII вѣка во имя философіи германской, противъ опытнаго метода первой, во имя умозрительнаго метода послѣдней, и, наконецъ, противъ политическаго романтизма французской литературы двадцатыхъ и тридцатыхъ годовъ, во имя абстрактнаго романтизма германской литературы, на изученіе которой набросились съ увлеченіемъ всѣ шеллингисты. Это направленіе отражается и на первыхъ статьяхъ Бѣлинскаго, но отражается еще въ самыхъ общихъ и неопредѣленныхъ чертахъ, мелькомъ и кое-гдѣ. Бѣлинскій далекъ былъ еще отъ тѣхъ крайнихъ французоѣдства и германофильства, какія мы видимъ въ послѣдующій періодъ его дѣятельности. Хотя сочувствіе его, видимо, склонялось болѣе на сторону Германіи, но на томъ основаніи, что, по философіи Шеллинга, каждая народность, какъ носительница своей самостоятельной идеи, приноситъ свою долю пользы, онъ готовъ былъ признать долю пользы и за нелюбимыми французами, хотя и съуживалъ ихъ значеніе до того, что находилъ ихъ первыми только на паркетѣ, и ничего не видѣлъ во Франціи болѣе, какъ только законодательницу модъ, правилъ обхожденія, вѣжливости и хорошаго тона.

Точно также далекъ еще былъ Бѣлинскій въ этотъ періодъ своей дѣятельности отъ теоріи чистаго искусства. Хотя онъ и говорилъ, что творчество поэта есть великое таинство, что минута творчества есть минута великаго священнодѣйствія, что творчество безцѣльно съ цѣлію, безсознательно съ сознаніемъ, свободно съ зависимостью и т. д. (см. С. Б., т. I, стр. 209), что поэтъ только тогда можетъ создать истинно художественное произведеніе, когда творитъ непроизвольно, между тѣмъ, какъ всякая надуманность парализуетъ творчество; но, высказывая эти идеи, Бѣлинскій далекъ еще былъ отъ тѣхъ крайнихъ выводовъ изъ нихъ, какіе сдѣлалъ впослѣдствіи. Онъ не говорилъ еще, что такъ какъ творчество есть непроизвольное воплощеніе безотносительной идеи, то содержаніе истинной поэзіи—„не вопросы дня, а вопросы вѣковъ, не интерсы страны, а интересы міра, не участь партій, а судьба человѣчества“, что „художникъ въ дивныхъ образахъ осуществляетъ божественную идею

для нея самой, а не для какой-нибудь внѣшней и чуждой ей цѣли" и т. д. Напротивъ того, подъ идеями поэтическаго творчества Бѣлинскій разумѣлъ еще не однѣ міровыя идеи, отвлеченныя отъ всего минутнаго, проходящаго, а прежде всего — идеи, господствующія въ народѣ въ данное время. Какой-бы частный предметъ жизни ни вдохновлялъ художника, онъ не отрицалъ въ произведеніи его художественности, если видѣлъ, что чувство поэта искренно и непроизвольно вылилось изъ души его. „Если онъ поэтъ, поэтъ истинный,—говорилъ Бѣлинскій (см. С. Б., т. I, стр. 35)—то не долженъ-ли сочувствовать своему отечеству, раздѣлять его надежды, болѣть его болѣзнями, радоваться его радостями"?

Высоко ставя идеальную поэзію, представителемъ которой Бѣлинскій считалъ Шиллера, онъ опредѣлялъ ее такъ, что она „пересоздаетъ жизнь по собственному идеалу, зависящему отъ образа воззрѣнія поэта на вещи, отъ его отношеній къ міру, къ вѣку, къ народу, въ которомъ онъ живетъ". (См. С. Б., т. I. стр. 174). Въ то-же время безцѣльное созерцаніе изящнаго и безотчетное наслажденіе эстетическимъ чувствомъ онъ считалъ принадлежностью міра древняго, отжившаго:

«Для насъ,—говоритъ онъ (см. С. Б. т. I, стр. 182),—внѣшняя природа, безъ отношенія къ идеѣ всеобщей жизни, не имѣетъ никакого смысла, никакого значенія, мы не столько наслаждаемся ею, сколько стремимся постигнуть ее; для насъ наша жизнь, сознаніе нашего бытія есть болѣе задача, которую мы ищемъ рѣшить, нежели даръ, которымъ бы мы спѣшили воспользоваться. Мы приглядѣлись къ ней, мы свыклись съ нимъ; для насъ жизнь уже не веселое пиршество, не праздênственное ликованіе, но поприще труда, борьбы, лишеній и страданій. Отсюда проистекаетъ эта тоска, эта грусть, эта задумчивость и, вмѣстѣ съ ними, эта мыслительность, которыми проникнутъ нашъ лиризмъ. Лирическій поэтъ нашего времени болѣе грустить и жалуется, нежели восхищается и радуется, болѣе спрашиваетъ и изслѣдуетъ, нежели безотчетно восклицаетъ. Его пѣсня—жалоба, его ода—вопросъ. Если его пѣсня обращена на внѣшнюю природу, онъ не удивляется ей, не хвалитъ ее, а ищетъ въ ней допытаться тайны своего бытія, своего назначенія, своихъ страданій. Для всего этого, ему кажутся тѣсны рамы древней оды, и онъ переноситъ свой лиризмъ въ эпопею и драму. Въ такомъ случаѣ, у него естественность, гармонія съ законами дѣйствительности—дѣло постороннее; въ такомъ случаѣ, онъ какъ-бы заранѣе условливается, договаривается съ читателемъ, чтобы тотъ вѣрилъ ему на слово и искалъ въ созданіи не жизни, а мысли. Мысль—вотъ предметъ его вдохновенія»...

Не что иное, какъ подобное требованіе серьезнаго, глубокаго содержанія отъ поэтическихъ произведеній, заставило Бѣлинскаго въ концѣ первой-же статьи своей высказать неслыханно-смѣлый для того времени парадоксъ, что намъ и литературы пока вовсе не нужно, а прежде всего намъ нужно ученье, ученье, ученье, три раза повторилъ Бѣлинскій это слово. Если-же на 99-й стр. II тома мы и встрѣчаемъ мѣсто, повидимому, стоящее въ противорѣчіи съ этимъ требованіемъ: „вдохновенію не нужна наука, оно ученѣе науки, оно никогда не ошибается" и т. д., то здѣсь подъ словомъ „наука" разумѣется не наука вообще, а піитика, которую Бѣлинскій считалъ не только не способною создавать поэтовъ, но гибельною для поэтическаго творчества и, какъ на примѣръ вреда такой науки, онъ показываетъ ниже на французскую классическую литературу прошлаго столѣтія. Въ этомъ мы видимъ не что иное, какъ продолженіе пропаганды Полевого, точно также возстававшаго на классицизмъ во имя свободы фантазіи поэта, и самая теорія непроизвольности творчества Бѣлинскаго была въ сущности та-же романтическая теорія Полевого, только болѣе развитая и основанная на болѣе твердыхъ и логичныхъ философскихъ принципахъ.

До какой степени, при всемъ идеализмѣ своихъ философскихъ началъ, Бѣлинскій умѣлъ приходить неожиданно къ взглядамъ, поражающимъ своею положительностью и стоящимъ въ разрѣзъ со всѣми его симпатіями, это мы видимъ во второй-же большой статьѣ его „О русской повѣсти и повѣстяхъ Гоголя". Въ этой статьѣ онъ впервые объявилъ на Руси, что, кромѣ идеальной поэзіи, можетъ быть еще иная — *реальная*, поэзія *жизни*, поэзія *дѣйствительности*, которая не пересоздаетъ жизнь, но воспроизводитъ, возсоздаетъ ее, и, какъ выпуклое стекло, отражаетъ въ себѣ, подъ одною точкой зрѣнія, разнообразныя ея явленія, выбирая изъ нихъ тѣ, которыя нужны для составленія полной, оживленной и единой картины (См. С. Б., т. I, стр, 174, 181). И замѣчательно, что при всемъ поклоненіи своемъ идеальной поэзіи, Бѣлинскій чуялъ, что близки времена, когда реальная поэзія восторжествуетъ окончательно надъ идеальною.

«Итакъ—говоритъ онъ (см. С. Б., т. I, стр. 186)—поэзію можно раздѣлить на идеальную и реальную. Трудно было бы рѣшить, которой изъ нихъ должно отдать преимущество. Можетъ быть, каждая изъ нихъ равна другой, когда удовлетворяетъ условіямъ творчества, т.-е. когда идеальная гармонируетъ съ чувствомъ, а реальная съ истиной представляемой ею жизни. Но, кажется, что послѣдняя, *родившаяся, вслѣдствіе духа нашего положительнаго времени, болѣе удовлетворяетъ его господствующей потребности.* Впрочемъ, здѣсь много значитъ и индивидуальность вкуса. Но какъ бы то ни было, въ наше время, та и другая равно возможны, равно доступны и понятны всѣмъ; но со всѣмъ этимъ, *послѣдняя есть по преимуществу поэзія нашего времени, болѣе понятная и доступная для всѣхъ и каждаго, болѣе согласная въ духомъ и потребностію нашего времени.* Теперь «Мессинская Невѣста» и «Жанна д'Аркъ» Шиллера найдутъ сочувствіе и отзывъ; *но задушевными созданіями времени всегда останутся тѣ, въ коихъ жизнь и дѣйствительность отражаются вѣрно и истинно».*

Подобныя идеи можно назвать по истинѣ пророческими, потому что, высказывая ихъ въ 1835 году, Бѣлинскій не только опереживалъ свой вѣкъ, но и самого себя, потому что онъ далекъ еще былъ отъ того, чтобы на нихъ утвердить оцѣнку Гоголя, а тѣмъ болѣе всю свою критическую дѣятельность. Онѣ какъ бы невольно сорвались съ его языка подъ вдохновеніемъ неожиданно налетѣвшей свѣтлой мысли; онъ высказалъ ихъ весьма колеблющимся, нетвердымъ голосомъ, то ставя идеальную поэзію рядомъ съ реальною, то послѣднюю выше первой, но съ робкими оговорками относительно индивидуальности вкуса. Далѣе, въ своей статьѣ, онъ оставилъ эти мысли совсѣмъ въ сторонѣ, какъ будто даже совсѣмъ забылъ о нихъ, и началъ развивать иныя основанія, на кото-

рыхъ и построилъ первую свою статью о Гоголѣ. Это были тѣ самыя основанія, которыя преобладали въ критической дѣятельности Бѣлинскаго въ этотъ періодъ, т.-е., что творчество поэта должно быть непроизвольно и что этою непроизвольностью обусловливается народность поэта. Гоголь, по мнѣнію Бѣлинскаго, оттого и оригиналенъ, и народенъ, что онъ поэтъ по преимуществу, непроизвольно выливающій свои произведенія изъ глубины своего духа. Но, хотя и мимолетно высказанныя, вышеозначенныя идеи о реальной поэзіи показываютъ, куда стремились инстинктивныя симпатіи Бѣлинскаго.

Послѣ этого можно-ли удивляться тому здравому смыслу, который проявилъ Бѣлинскій въ полемикѣ съ Шевыревымъ о платѣ за литературный трудъ. Возраженія Бѣлинскаго имѣютъ для насъ тѣмъ большую важность, что здѣсь, кромѣ голоса здравомыслящаго человѣка, мы видимъ впервые раздавшійся голосъ литературнаго пролетарія, принявшаго на себя защиту нравственнаго права существовать литературнымъ трудомъ. И нечего удивляться, что идеалистъ, романтикъ, ни о чемъ, повидимому, не думавшій, кромѣ непроизвольности творчества, спустился неожиданно съ облаковъ и явился приверженцемъ такого грубаго матеріализма, какимъ могъ казаться въ то время вопросъ о деньгахъ. Какъ будто на почвѣ не только идеализма въ духѣ шеллинговой философіи, но и самаго туманнаго, средневѣкового мистицизма, не возникали подобные-же вопросы? Они обусловливаются не точкой исхода изъ общаго міросозерцанія, а условіями жизни, и понятно, что въ то время, какъ высокомѣрно-черствыя слова ограниченнаго педанта могли быть пропущены мимо ушей сытыми и обезпеченными людьми, такъ-какъ этимъ людямъ, съ одной стороны, было и легко, и лестно похвастаться безкорыстностью своего вдохновенія, а съ другой стороны, эти люди привыкли издревле въ каждомъ бѣднякѣ видѣть продажную душу, готовую забыть совѣсть и честь изъ-за денегъ—эти-же самыя слова должны были глубоко оскорбить бѣдняка, жившаго въ мрачной конурѣ на Трубѣ, которому Шевыревъ объявилъ, что онъ не можетъ имѣть ни удобной, теплой квартиры, ни хоть сколько-нибудь здоровой питательной пищи, не сдѣлавшись продажнымъ, литературнымъ барышникомъ.

Я полагаю, все вышеизложенное достаточно опредѣленно и ясно показываетъ, какой характеръ имѣла дѣятельность Бѣлинскаго въ первый свой періодъ. Мы видимъ, что Бѣлинскій въ этотъ періодъ не имѣлъ еще никакого рѣзкаго, опредѣленнаго направленія и носилъ въ себѣ сѣмена и зародыши всевозможныхъ направленій, которыя впослѣдствіи развились въ нашей литературѣ. Онъ могъ сдѣлаться и славянофиломъ съ своею теоріей народной самобытности и народности творчества; могъ сдѣлаться западникомъ при исключительномъ увлеченіи нѣмецкимъ философскимъ движеніемъ; могъ сдѣлаться приверженцемъ чистаго искусства со своею теоріей непроизвольнаго творчества, но не чуждъ былъ склониться и на сторону полезнаго искусства, требуя, чтобы поэтъ радовался радостію отечества и скорбѣлъ скорбію его; могъ остаться съ гофмановскими и шиллеровскими идеалами, но могъ сдѣлаться приверженцемъ новаго реальнаго искусства, значеніе и важность котораго онъ уже предчувствовалъ. Подобное совпаденіе столь разнородныхъ элементовъ было не однимъ только броженіемъ юношескихъ силъ, неустановившихся и ненашедшихъ еще русла, по которому бы направиться въ одну опредѣленную сторону. Въ такомъ хаотическомъ состояніи находилась вся русская литература въ это время; весь періодъ шеллингистовъ, къ которому примыкаетъ Бѣлинскій началомъ своей дѣятельности, представляетъ въ себѣ такое-же броженіе различныхъ элементовъ, которымъ впослѣдствіи суждено было выдѣлиться изъ общаго хаоса и играть различную роль въ дальнѣйшемъ развитіи нашей мысли. То-же самое хаотическое совпаденіе различныхъ элементовъ мы видѣли у прочихъ шеллингистовъ, его-же мы встрѣчаемъ и у Бѣлинскаго, только гораздо рельефнѣе и многостороннѣе, что зависѣло отъ большей талантливости, глубины и мгогосторонности богатой натуры Бѣлинскаго.

Далѣе, затѣмъ, зависѣло отъ обстоятельствъ жизни, которому изъ всѣхъ отдѣльныхъ положеній, найденныхъ нами въ первыхъ статьяхъ Бѣлинскаго, суждено было развиться въ цѣлую теорію и получить преобладаніе въ послѣдующей его дѣятельности. Если-бы онъ жилъ въ странѣ, въ которой сильно были бы развиты общественные вопросы, или, по крайней мѣрѣ, попалъ бы въ такой кружокъ, гдѣ такіе вопросы преобладали бы, то, безъ сомнѣнія, требованіе, чтобы поэтъ откликался на всѣ вопросы общественной жизни, не замедлило бы получить преобладаніе въ дальнѣйшей критической дѣятельности Бѣлинскаго; германофильство и французоѣдство были бы немыслимы при такомъ направленіи, и онъ скоро разстался бы съ ними. Попади онъ въ кружокъ славянофиловъ, и онъ сталъ бы напирать всего болѣе на идею самостоятельности поэзіи и цивилизаціи, отрицая все, что къ этой идеѣ такъ или иначе не подходитъ. Но Бѣлинскому суждено было въ самое глухое время всеобщей реакціи и полнаго отсутствія всякихъ общественныхъ интересовъ попасть въ кружокъ, въ которомъ исключительно преобладали вопросы отвлеченно-философскіе и художественно-эстетическіе, въ которомъ всякій маломальски живой, общественный интересъ, выходящій за предѣлы индивидуальнаго самосозерцанія, считался признакомъ суетности и призрачности—и въ слѣдующей главѣ мы увидимъ, какое вліяніе имѣлъ на Бѣлинскаго духъ этого кружка.

VIII.

Начало увлеченія кружка Станкевича гегелевскою философіей.—Новый коноводъ за отсутствіемъ Станкевича.—Бакунинъ.—Двойственность выводовъ изъ гегелевской философіи и причина ея. — Почему въ кружкѣ Станкевича утвердились выводы въ абстрактно-примирительномъ духѣ.—Соотвѣтствіе абстрактно-примирительнаго направленія съ характеромъ литературно-артистическихъ кружковъ тридцатыхъ и сороковыхъ годовъ и ихъ соціальнымъ положеніемъ.—Почему Бѣлинскій подчинился этому направленію. — Характеристика увлеченія Гегелемъ кружка Станкевича. — «Московскій Наблюдатель» подъ редакціей молодыхъ друзей.—Эстетическія воззрѣнія Бѣлинскаго подъ угломъ зрѣнія абстрактно-примирительныхъ теорій.—Мнѣнія Бѣлинскаго о Шилле-

рѣ, Гете, Пушкинѣ, Полежаевѣ, Гоголѣ и Грибоѣдовѣ.—Филиппики противъ французовъ и юной Германіи.—Восхваленіе Греча.—Оппозиція Станкевича противъ увлеченій его московскихъ друзей.—Полнѣйшій разладъ Бѣлинскаго съ духомъ и настроеніемъ общества и паденіе «Московскаго Наблюдателя». — Нѣсколько мыслей о томъ, почему факты такого-же рода повторялись неоднократно въ нашей литературѣ.—Матеріальное и нравственное положеніе Бѣлинскаго передъ отъѣздомъ въ Петербургъ.—Его собственный взглядъ на гибельное вліяніе замкнутаго кружка.

Съ прекращеніемъ „Телескопа" въ 1836 году кончается первый періодъ дѣятельности Бѣлинскаго. Затѣмъ, слѣдуетъ двухлѣтній перерывъ и мы, опять-таки, имѣемъ весьма смутныя свѣдѣнія о томъ, какъ жилъ и что дѣлалъ Бѣлинскій въ эти два года. Знаемъ только, что онъ собирался ѣхать за границу въ качествѣ домашняго учителя въ какомъ-то семействѣ и учился нѣмецкому языку. Знаемъ, что онъ отдыхалъ въ какой-то идиллической усадьбѣ, въ „чистой сферѣ кроткой, христіанской семейной жизни", и Станкевичъ возлагалъ на эту сферу большія и напрасныя надежды относительно укрощенія сумрачнаго нрава своего ожесточеннаго пріятеля.

«Полный благородныхъ чувствъ, съ здравымъ, свободнымъ умомъ, добросовѣстный — писалъ Станкевичъ въ одномъ изъ своихъ писемъ—онъ нуждается въ одномъ только: на опытѣ, не по однимъ понятіямъ, увидѣть *жизнь* въ благороднѣйшемъ ея смыслѣ; узнать нравственное счастіе, возможность гармоніи внутренняго міра съ внѣшнимъ, гармоніи, которая для него казалась недоступною до сихъ поръ, *но которой онъ теперь вѣритъ.* Какъ смягчаетъ душу эта чистая сфера кроткой, христіанской семейной жизни! Семейство Бакуниныхъ, идеалъ семейства. Можешь себѣ представить, какъ оно должно дѣйствовать на душу, которая не чужда искры божіей! Намъ надобно туда ѣздить исправляться... но я—я боюсь испортиться. М. зоветъ меня съ своимъ обыкновеннымъ прямодушіемъ, добротой: не знаю, поѣду-ли? Во мнѣ другой недостатокъ, противоположный недостатку Бѣлинскаго: я слишкомъ вѣрю въ семейное счастіе, я иногда съ сердечною болью думаю, что это одно возможное... Мнѣ надо больше твердости, больше жесткости».

Изъ намековъ этого письма мы видимъ, что чистая сфера кроткой христіанской семейной жизни была не безъ вліянія на Бѣлинскаго и, по всей вѣроятности, не мало содѣйствовала отвлеченно-примирительному направленію, которое образовалось у Бѣлинскаго въ теченіи этихъ двухъ промежуточныхъ лѣтъ.

Между тѣмъ, увлеченіе философіей все болѣе и болѣе овладѣвало кружкомъ Станкевича. Мы видѣли въ предъидущей главѣ, что уже въ 1835 году Станкевичъ приступилъ къ самостоятельному изученію философіи Шеллинга. Отъ Шеллинга онъ тотчасъ-же перешелъ къ послѣдовательному изученію всѣхъ германскихъ философовъ, начиная съ Канта, и первое знакомство съ системой Гегеля тоже относится къ 1835 году. По крайней мѣрѣ, въ этомъ году, въ декабрьской книжкѣ „Телескопа", является большая передовая статья Станкевича: „Опытъ о философіи Гегеля", соч. Вильмена. Въ томъ-же году помѣщенъ былъ въ „Телескопѣ" переводъ лекціи Фихте „О назначеніи ученыхъ" (см. „Телескопъ" 1835 г., ч. 29, № 17).

Но крайнее увлеченіе философіей Гегеля началось въ кружкѣ уже послѣ прекращенія „Телескопа" и отъѣзда Станкевича заграницу (въ 1837 г.), и за отсутствіемъ послѣдняго вожакомъ этого увлеченія сдѣлался Бакунинъ.

Бакунинъ кончилъ курсъ въ артиллерійскомъ корпусѣ и былъ выпущенъ въ гвардію офицеромъ. Его отецъ, говорятъ, сердясь на него, самъ просилъ, чтобы его перевели въ армію; брошенный въ какой-то потерянной бѣлорусской деревнѣ, съ своимъ паркомъ, Бакунинъ одичалъ, сдѣлался нелюдимымъ, не исполнялъ службы и дни цѣлые лежалъ въ тулупѣ на своей постели. Начальникъ парка жалѣлъ его, но дѣлать было нечего; онъ ему напомнилъ, что надобно или служить, или идти въ отставку. Бакунинъ не подозрѣвалъ, что онъ имѣетъ на это право, и тотчасъ попросилъ его уволить. Получивъ отставку, Бакунинъ пріѣхалъ въ Москву; съ этого времени (около 1836 г.) началась для Бакунина серьезная жизнь. Онъ прежде ничѣмъ не занимался, ничего не читалъ и едва зналъ по нѣмецки. Съ большими діалектическими способностями, съ упорнымъ, настойчивымъ даромъ мышленія, онъ блуждалъ, безъ плана и компаса, въ фантастическихъ построеніяхъ и ауто-дидактическихъ попыткахъ. Станкевичъ понялъ его таланты и засадилъ его за философію. Бакунинъ по Канту и Фихте выучился по нѣмецки и потомъ принялся за Гегеля, котораго методу и логику онъ усвоилъ въ совершенствѣ, и кому ни проповѣдывалъ ее потомъ? И Бѣлинскому, и дамамъ, и Прудону.

Но прежде, чѣмъ мы приступимъ къ характеристикѣ отвлеченно-примирительнаго направленія, которое развилось въ кружкѣ Бѣлинскаго, мы должны установить надлежащую точку зрѣнія на основныя причины всѣхъ крайностей этого увлеченія. На разсматриваемое нами явленіе, какъ и на всѣ факты жизни, могутъ быть двѣ противоположныя точки зрѣнія — идеалистическая и реальная. Идеалистическая точка зрѣнія отличается тѣмъ, что она всѣ направленія, стремленія и поступки людей, и всѣ историческія событія выводитъ непосредственно изъ идей. По ея мнѣнію, люди сами по себѣ ни добры, ни злы, ни прогрессивны, ни регрессивны, а представляются какими-то tabula rasa, а все зависитъ отъ того, что будетъ написано на этихъ tabula rasa; если человѣкъ случайно увлечется добрыми и прогрессивными принципами, то изъ него выйдетъ прогрессистъ, а если злыми и регрессивными, то онъ сдѣлается обскурантомъ. Реальная-же точка зрѣнія предполагаетъ наоборотъ, что тѣ или другія направленія, стремленія и поступки людей происходятъ прежде всего отъ массы условій жизни, создающихъ въ человѣкѣ различныя симпатіи и антипатіи прежде еще ихъ разумнаго сознанія и формулированія, и что, затѣмъ, изъ образовавшагося уже направленія создаетъ человѣкъ рядъ соотвѣтствующихъ ему идей, принциповъ, создаетъ ихъ самъ, или-же принимаетъ готовые уже, если такіе существуютъ. Реализмъ не отвергаетъ возможности увлеченія такими принципами, которые не имѣютъ никакого соотвѣтствія съ реальными наклонностями и побужденіями, вырабатываемыми жизнію, но подобныя увлеченія могутъ быть только временныя, не глу-

бокія, и человѣкъ скоро бросаетъ эти принципы, увлекаясь туда, куда тянетъ его жизнь.

До сихъ поръ относительно разсматриваемаго нами явленія преобладала въ литературѣ нашей идеалистическая точка зрѣнія. Исключительною виновницей отвлеченно-примирительнаго направленія въ кружкѣ Станкевича считалась философія Гегеля, въ особенности-же изъ всей этой системы пресловутая формула ея: *что дѣйствительно, то разумно, и что разумно—то дѣйствительно.*

Но не стоитъ большого труда разрушить такое заблужденіе. Дѣло въ томъ, что если всякая философская система, не исключая даже средневѣковаго мистицизма *), можетъ послужить для выводовъ, какъ въ духѣ квіэтизма, такъ и въ духѣ активнаго вмѣшательства въ жизненную борьбу, то философія Гегеля—въ особенности, потому что, заканчивая собою переходную эпоху романтическаго броженія, она заключила въ себѣ, какъ въ фокусѣ, ту раздвоенность, которая характеризуетъ собою эту эпоху. Философія Гегеля—это мостъ, одинъ конецъ котораго упирается въ средневѣковой мистицизмъ, другой—въ современный намъ реализмъ. Вотъ почему эта система представила зрѣлище, до того времени невиданное и неслыханное въ исторіи развитія различныхъ философскихъ системъ. Всѣ другія системы составляютъ замкнутый въ себѣ кругъ и отличаются тѣмъ, что разъ вы согласились съ представителемъ ихъ въ основныхъ принципахъ, вы должны согласиться, вмѣстѣ съ тѣмъ, и во всѣхъ выводахъ, вы можете даже сами придти къ тѣмъ-же выводамъ, безъ помощи учителя. На почвѣ-же философіи Гегеля ученики его изъ однихъ и тѣхъ-же основаній пришли къ выводамъ діаметрально-противоположнымъ, чѣмъ ихъ учитель. И это зависѣло не отъ чего иного, какъ отъ двойственности, скрытой въ самыхъ основаніяхъ этой системы, стоящей на распутьи двухъ вѣковъ.

Мы говорили уже выше, обозрѣвая ходъ романтическаго броженія, что философія Гегеля была первая на почвѣ романтизма, рѣшившаяся смѣло отрѣшиться отъ дуализма и признать единое начало всего сущаго, хотя бы на первый разъ начало духовное, и дуализмъ, т.-е. міросозерцаніе, основанное на представленіи борьбы между противоположными началами, явился въ философіи Гегеля не на первомъ планѣ, а на второмъ, какъ только переходное состояніе въ развитіи идеи, изъ котораго идея снова возвращается къ своему единству. Мы убѣждены, что въ такомъ понятіи, послужившимъ основнымъ началомъ всей философіи Гегеля, всецѣло отразился характеръ вѣка, въ который жилъ Гегель. Вспомните только, въ чемъ заключалась основная сущность романтическаго движенія: въ томъ, что мысль вышла изъ того дѣтски-непосредственнаго довѣрія, въ какомъ она находилась въ средніе вѣка, и для нея начались муки борьбы и раздвоенности, изъ которой, казалось, не было никакого выхода. Гегель возвелъ это переходное состояніе мысли въ общій принципъ всего сущаго и, сообразно этому, началъ учить, что идея существуетъ сначала въ состояніи безраздѣльнаго, непосредственнаго бытія, потомъ она разлагается на свои противорѣчія. А далѣе... далѣе Гегель предчувствовалъ уже выходъ изъ своего вѣка, хотя и не сознавалъ его вполнѣ ясно: „далѣе—училъ Гегель—противорѣчія должны быть сняты и идея должна явиться въ новомъ блескѣ, сознанная разумомъ, воплощенная въ жизни, въ единствѣ своего многоразличія. Въ этомъ ученіи примиренія противорѣчій и заключалась та обаятельность философіи Гегеля, какую естественно она должна была имѣть для умовъ, растерзанныхъ сомнѣніями и противорѣчіями и невидѣвшихъ никакого исхода изъ нихъ; поэтому, на нее и набросились всѣ съ жаждой найти въ ней конецъ всѣмъ сомнѣніямъ и разрѣшеніе всѣхъ вопросовъ вѣка. Но, затѣмъ, сейчасъ-же и представляется вопросъ, въ чемъ-же должно заключаться это примиреніе противорѣчій, *синтезъ*, какъ называлъ его Гегель. Здѣсь-то именно и обнаружилась двойственность основаній гегелевской философіи, т.-е. возможность изъ однихъ и тѣхъ-же основаній сдѣлать выводы совершенно противоположные — въ духѣ среднихъ вѣковъ, или современнаго намъ мышленія. Люди, ближе стоявшіе къ среднимъ вѣкамъ, къ числу которыхъ принадлежалъ и самъ Гегель, приняли послѣднюю фазу развитія идеи, синтезъ, исключительно въ смыслѣ абстрактнаго мышленія: по ихъ мнѣнію, сущее есть не что иное, какъ діалектическій процессъ развитія идеи, разлагающейся на свои противорѣчія. Поэтому, противорѣчія, которыми наполнена жизнь, суть явленія только кажущіяся, но не дѣйствительныя, точно также, какъ и все частное, единичное есть призракъ: дѣйствительно только общее, т.-е. соединеніе противорѣчій въ сознаніи рефлектирующаго разума. Изъ этого выходитъ, что такъ-какъ міръ полонъ частностей и все въ мірѣ, если хотите, само по себѣ, частное, то истинная дѣйствительность возможна только въ разумѣ человѣка, высшая-же фаза возсоединенія абсолютной идеи во всѣхъ ея противорѣчіяхъ — есть философія Гегеля; въ ней абсолютная идея сказала свое послѣднее слово. Не напоминаетъ-ли вамъ подобное ученіе столь-же наивныя понятія о средоточіи всего вокругъ человѣка, господствовавшія въ средніе вѣка? Тогда точно также всѣ звѣзды небесныя вращались вокругъ земли и весь міръ былъ предоставленъ на служеніе человѣку, да и то не всѣмъ людямъ вообще, а только одному какому-нибудь избранному народу. На такой-же средневѣковой почвѣ стоялъ и Гегель, когда училъ, что абсолютная идея, пройдя въ своемъ процессѣ черезъ все мірозданіе, далѣе, затѣмъ, черезъ исторію Востока, Греціи, Рима, наконецъ, завершила собою всемірную исторію, дойдя до полнаго своего синтеза въ племени германскомъ, именно — въ философіи Гегеля.

Но люди, стоявшіе уже въ дверяхъ новаго време-

*) Приверженецъ квіэтизма въ духѣ средневѣковаго мистицизма можетъ опираться на то, что безъ воли божіей волосокъ не можетъ упасть съ головы человѣка, и что, слѣдовательно, нашъ удѣлъ—терпѣть, страдать и покоряться; на что приверженецъ активнаго вмѣшательства въ жизненную борьбу можетъ, на основаніи того-же міросозерцанія, возразить, что если все отъ Бога, то и стремленіе бороться со зломъ тоже можетъ быть внушаемо человѣку божіимъ вдохновеніемъ, причемъ провидѣніе избираетъ человѣка орудіемъ для наказанія зла и водворенія правды на землѣ.

ни, сдѣлали изъ тѣхъ-же основаній совершенно иные выводы. Избавившись изъ узкой сферы индивидуализма и усвоивши себѣ идею всеобщаго, міроваго, безконечнаго развитія, подъ снятіемъ противорѣчій они разумѣли единство идеи и бытія, осуществившееся не только въ мышленіи философа, но и въ самой жизни.

Поэтому, для нихъ недостаточно уже было снимать противорѣчія въ рефлектирующемъ разумѣ: въ стремленіи вносить въ жизнь сознанную ими идею и въ самой жизни снимать ея противорѣчія они и видѣли именно истинный процессъ осуществленія идеи въ единствѣ бытія и понятія.

Во всякомъ случаѣ, и въ томъ, и другомъ выводахъ не было и тѣни оправданія всякихъ мерзостей во имя разумности дѣйствительности. О второмъ родѣ нечего и говорить: подъ истинно дѣйствительнымъ онъ понималъ только разумную дѣйствительность и въ формулѣ снятія противорѣчій объявлялъ войну всему, что не считалъ разумнымъ и совершеннымъ. Первый-же родъ выводовъ, если и велъ къ отрѣшенію отъ всякаго активнаго отношенія къ жизни и безстрастному квіэтизму, то вовсе, опять-таки, не вслѣдствіе оправданія всѣхъ гадостей разумностью дѣйствительнаго, а напротивъ того, признаніемъ всей реальной дѣйствительности за міръ случайности и призрачности и отрѣшеніемъ человѣка отъ этого міра въ отвлеченную сферу діалектики. Въ этомъ отношеніи гегелевская философія тѣсно сходились съ средневѣковымъ аскетизмомъ, который точно также считалъ все относящееся къ внѣшней, окружающей насъ жизни—суетой и полагалъ, что истинная сфера жизни есть одна только сфера духовная, религіозно-созерцательная.

Но для того, чтобы признать такое ученіе аскетическаго отрѣшенія отъ жизни, для того, чтобы увѣровать въ него и увлечься имъ, нужно стоять на такой степени развитія, чтобы подобное ученіе было совершенно, что называется, по головѣ, да и этого еще мало: развѣ мы не видимъ множества людей, стоящихъ на очень низкой степени развитія, но которые, тѣмъ не менѣе, являются людьми вполнѣ живыми, готовыми откликаться такъ или иначе на всякій вопросъ жизни и которые никогда не предпочтутъ активному вмѣшательству въ дѣла жизни олимпійски-безстрастное, сухое, аскетическое созерцаніе ея или удаленіе отъ нея въ безвоздушное пространство какихъ-либо отвлеченныхъ умствованій. Для того, чтобы вступить на путь какого-бы то ни было аскетизма, необходимы особенныя условія жизни, предрасполагающія къ такому направленію мысли. Такимъ образомъ, не въ одной философіи Гегеля должны мы искать источника заблужденій, развившихся въ кружкѣ Станкевича. Воспринятіе этой философіи въ томъ или другомъ видѣ прежде всего зависѣло отъ степени умственнаго развитія, на которой стоялъ кружокъ, но въ то-же время и отъ вліяній условій жизни, съ одной стороны общественныхъ, а съ другой — и частныхъ большинства членовъ кружка. И если мы обратимъ вниманіе на все это, мы увидимъ, что какою-бы философскою системой ни увлекся Бѣлинскій со своими друзьями, во всякомъ случаѣ, они не замедлили-бы придти къ выводамъ въ духѣ того-же квіэтизма и отвлеченной созерцательности.

Прежде всего надо обратить вниманіе на то, что кружокъ, по своему развитію, стоялъ на степени самаго узкаго индивидуализма. Хотя члены его и много толковали о цивилизаціи самостоятельной и подражательной, всѣ эти, повидимому, широкія идеи примѣнялись не иначе, какъ къ вопросу о развитіи отдѣльной личности въ томъ или другомъ духѣ. Въ саморазвитіи или взаимномъ развитіи между членами кружка замыкались всѣ умственные интересы друзей. Къ тому же и саморазвитіе это принималось въ тѣсномъ смыслѣ развитія изящно-эстетическаго и отвлеченно-философскаго. И это обусловливалось не одною только узостью умственнаго кругозора: самая жизнь вела къ этому.

Между тѣмъ, какъ старое поколѣніе сходило мало-по-малу съ поприща, унося съ собою свои неоправданныя мечты или въ настоящіе гробы, или въ гробы въ видѣ мистицизма, нѣмой апатіи въ какой-нибудь усадьбѣ, въ отдаленномъ захолустьѣ, молодое поколѣніе воспитывалось среди глухой, непробудной реакціи, среди массы общества, совершенно индифферентнаго ко всякимъ вопросамъ, превышавшимъ мелочную, пошлую обыденность. Ни малѣйшаго живого звука вокругъ, ни малѣйшаго проблеска гдѣ-либо какого-нибудь общественнаго движенія, которое могло-бы обратить на себя вниманіе и заставить задуматься юношу;— глухое молчаніе вокругъ и утомительно скучная будничная канитель тянулась безъ конца мѣсяцы, годы... Среди такой пустоты и скуки вокругъ, можно себѣ представить, какъ сладка и упоительна могла казаться юношѣ внутренняя, отвлеченно-умственная жизнь въ стѣнахъ аудиторіи или въ тѣсномъ кружкѣ товарищей: тамъ была хоть какая-нибудь жизнь, движеніе, развитіе, горячіе споры и пренія, тамъ манила, увлекала и распаляла воображеніе философія своими бездонными пропастями отвлеченно-туманныхъ умствованій; тамъ лилась среди глубокой тишины, надъ притаившею дыханіе толпой, полная вдохновенія рѣчь любимаго профессора, который, казалось, такъ горячо, безкорыстно былъ преданъ своему дѣлу, и юношество поучалось у этого профессора тому, что на первомъ планѣ должно стоять въ жизни мыслящаго человѣка эстетическое развитіе, что тотъ никогда не сдѣлается истиннымъ человѣкомъ, въ комъ не развито чувство изящнаго, что только просвѣтленіе чувства художественною созерцательностью и мысли философскимъ анализомъ можетъ возвысить человѣка надъ массой грубаго эмпиризма и низкой чувственности. Подъ вліяніемъ этой пропаганды вчитывались, вдумывались, опять вчитывались, опять вдумывались юноши въ произведенія великихъ поэтовъ, путались въ философскихъ опредѣленіяхъ и категоріяхъ и аскетически удалялись въ эту отвлеченную сферу не только отъ грубой чувственности, но и отъ всей внѣшней, окружавшей ихъ жизни, и не только отъ участія въ ней, но и отъ анализа ея. При всѣхъ своихъ философскихъ увлеченіяхъ, юноши оставались, по своимъ убѣжденіямъ, общественнымъ, нравственнымъ, семейнымъ, на степени тѣхъ же патріархальныхъ, беззавѣтныхъ вѣрованій, какъ и любой простолюдинъ, незнавшій грамоты. Они сознавали, что общество тонетъ въ пошлости и грязи, но это сознаніе не шло у нихъ далѣе сожалѣнія, за-

чѣмъ толпа не увлекается такъ глубоко Шекспиромъ или Гете, какъ они, и зачѣмъ не всѣ философы по Шеллингу и Гегелю. Такое прекраснодушіе, прямое слѣдствіе узкой, замкнутой жизни, школы и тѣснаго кружка, могло разсѣеваться очень быстро, если человѣкъ по выходѣ изъ училища долженъ былъ немедленно вступать въ близкое, непосредственное столкновеніе съ практическою жизнью. Въ такомъ случаѣ, ему оставалось что-нибудь изъ двухъ: или погибнуть, если онъ по своей натурѣ не могъ поладить съ окружающею его пошлостью—такъ и погибали въ то время многія свѣжія, молодыя силы, погибали часто въ глухой безвѣстности, безъ малѣйшаго участія или сожалѣнія—или-же помириться съ дѣйствительностью въ такомъ видѣ, какова она есть, и махнувъ рукой на юныя мечты, Шиллера и Гегеля, втянуться въ тину мелкой рутины... Но кромѣ этихъ двухъ, въ обоихъ случаяхъ печальныхъ исходовъ, былъ еще третій, возможный, конечно, не для всѣхъ, но для весьма значительнаго большинства юношей особенной среды. Это была та среда несановитаго дворянства, о которой мы говорили въ предъидущей главѣ. Это были юноши, составлявшіе въ то время большинство учащейся молодежи въ университетахъ. Они были не настолько знатны, чтобы, по выходѣ изъ университета, блистать въ большомъ свѣтѣ и втянуться по уши въ свѣтскую жизнь, и не настолько бѣдны, чтобы непремѣнно запрягаться въ служебную лямку. Многіе изъ нихъ, правда, удалялись и въ свѣтскіе, и въ служебные круги, но тѣ, въ которыхъ сильно были возбуждены умственные интересы, могли безъ всякихъ затрудненій избѣжать всякихъ столкновеній съ внѣшнею жизнью, и по выходѣ изъ университетовъ и училищъ оставаться все такими-же прекраснодушными мечтателями, хоть до сѣдыхъ волосъ. Многіе изъ нихъ до сѣдыхъ волосъ такими и остались. Изъ этихъ-то прекраснодушныхъ пропріетеровъ и составились въ сороковые годы цѣлые кружки, группировавшіеся овкругъ какого-либо семейства, въ какой-нибудь упоительной усадьбѣ или гостепріимномъ домѣ Москвы. Таковы, напримѣръ, были, по воспоминаніямъ Панаева, семейства Аксаковыхъ, Щепкиныхъ, Майковыхъ; такова была чистая сфера кроткой, христіанской семейной жизни, которою такъ восхищался Станкевичъ. Очень часто кружки собирались и вокругъ женщинъ, особенно привлекавшихъ силой развитаго ума или граціи—такова, напримѣръ, была Елизавета Павловна Фролова, съ которою были дружны Станкевичъ, Грановскій и многіе другіе замѣчательные люди того времени и о которой всѣ современники отзываются не иначе, какъ съ увлеченіемъ. Всѣ эти кружки вели жизнь совершенно замкнутую въ своей сферѣ, и надо замѣтить, что врядъ-ли когда повторится на Руси подобная-же жизнь до такой степени обаятельная, привольная, свѣтлая при всей тяжести общественной обстановки того времени, исполненная утонченнаго, изящнаго эпикуреизма чисто-классическаго свойства. Въ самомъ дѣлѣ, читая различныя воспоминанія и описанія жизни этихъ кружковъ, вы точно будто переноситесь въ древній міръ, въ среду какихъ-нибудь аѳинянъ временъ Сократа, бесѣдующихъ въ тѣни прохладныхъ портиковъ о разныхъ философскихъ вопросахъ при дружескихъ и веселыхъ возліяніяхъ Вакху. Съ этимъ только и можно сравнить эти вѣчные разъѣзды то по усадьбамъ, то по заграничнымъ городамъ, этотъ обмѣнъ мысли и остроумія, философскихъ преній и эстетическихъ наслажденій, то въ какомъ-нибудь сельскомъ домикѣ за шипучимъ самоваромъ въ кругу изящныхъ женщинъ и такихъ-же изящныхъ юношей, то на дружеской пирушкѣ или гастрономически утонченномъ обѣдѣ, на которомъ шампанское лилось рѣкой, то въ дрезденской картинной галлереѣ, среди развалинъ Рима или въ аудиторіяхъ берлинскаго университета. Это былъ по истинѣ пиръ во время чумы. Я далекъ отъ утвержденія, чтобы веселіе этого пира ничѣмъ не помрачалось. Достаточно было мукъ непризнанной любви, или хотя и признанной, но быстро испарившейся и утратившей свѣжесть чувства вслѣдствіе преданія ея излишнимъ философскимъ рефлексіямъ; достаточно было преждевременной смерти какого-либо дорогаго гостя пиршества, напримѣръ, Станкевича, Фроловой или Бѣлинскаго, наконецъ, достаточно было, чтобы чума, зацѣпивши кого-либо изъ пирующихъ, неожиданно швырнула его куда-нибудь къ чорту на кулички — веселіе пирующихъ смолкало, омрачалось на нѣкоторое время—но общій характеръ жизни мыслящихъ и артистическихъ кружковъ сороковыхъ годовъ, все-таки, былъ пиръ, пиръ и пиръ.

Читатель можетъ изливать сколько угодно ироніи на эту среду и на характеръ ея жизни, на почвѣ которой и развились тѣ утонченные эпикурейцы, праздные фразеры и щепетильные эстетики, которые были воспроизведены впослѣдствіи литературой въ типахъ Лаврецкаго, Райскаго, Бакланова и проч. Мнѣ-же, въ качествѣ безпристрастнаго историка, приходится спокойно обсудить значеніе этой среды въ развитіи нашего общества, ея долю пользы и долю вреда, которыми мы ей обязаны. Приступая къ такому обсужденію, прежде всего я долженъ замѣтить читателю, что, при всей его наклонности къ ироніи, онъ долженъ быть признателенъ этой средѣ за то, что только она и сохранила хоть какіе-либо свободные умственные интересы въ разбираемый нами періодъ, и не будь ея—всякіе умственные интересы надолго изсякли-бы въ нашемъ обществѣ, и Богъ-вѣсть въ какомъ положеніи находились-бы мы въ настоящее время. Этою заслугой своей вышеупомянутая среда была обязана не чему иному, какъ своей обезпеченности, дававшей ей возможность жить вполнѣ изолированною и въ своемъ родѣ независимою жизнью. Въ этомъ отношеніи философско-артистическіе кружки тридцатыхъ и сороковыхъ годовъ въ миніатюрѣ исполнили роль, подобную средневѣковымъ монастырямъ, которые тоже при своей изолированности могли сохранить кой-какія струи древней цивилизаціи и не дали варварству окончательно стереть съ лица земли всякую ея традицію. Но такая изолированность отразилась также вредно на большинствѣ кружковъ тридцатыхъ и сороковыхъ годовъ, какъ и на средневѣковыхъ монастыряхъ. Подобно тому, какъ послѣдніе, замкнутые отъ столкновенія съ живымъ міромъ въ отвлеченную сферу аскетизма, исказили самое наслѣдіе, которое древніе вѣка завѣщали имъ, обративши его въ сухую и мертвую

схоластику, тоже, въ другомъ только видѣ, случилось и съ артистически-философскими кружками, о которыхъ мы говорили. И здѣсь открывается передъ нами обратная, мрачная сторона вліянія этихъ кружковъ. Обезпеченные, на сколько было возможно, отъ непосредственныхъ столкновеній съ жизнью, наши философы и эстетики все болѣе и болѣе удалялись отъ того реальнаго ея анализа и пониманія, которое само собою возникаетъ путемъ опыта, когда жизнь начинаетъ тереть бока мало-мальски мыслящему человѣку. Вмѣсто такого анализа жизни явилось отвлеченно-схоластическое подведеніе подъ философскія категоріи ея общихъ схемъ въ родѣ религіи, власти, семьи, науки и искусства... Подобно тому, какъ средневѣковой отшельникъ требовалъ, чтобы всѣ люди были такіе-же аскеты, какимъ былъ онъ, не думая вовсе о томъ, есть-ли какая-либо возможность и надобность заглушать въ себѣ всѣ человѣческія потребности и страсти, живя не въ безлюдной пустынѣ, но въ мірѣ, ежеминутно возбуждающемъ ихъ въ человѣкѣ—такъ и наши эстетики, подъ вліяніемъ благопріятныхъ условій своей эпикурейской жизни, составили себѣ въ своемъ родѣ аскетическій идеалъ гармонически-изящнаго уравновѣшенія всѣхъ чувствъ и страстей и олимпійски-спокойнаго и философскаго созерцанія, чуждаго всякой односторонней вражды и злобы партій и, подобно средневѣковымъ монахамъ, они совершенно забыли при этомъ, что такой браминскій квіэтизмъ трудно выполнимъ даже для нихъ, хотя сытая, обезпеченная жизнь болѣе всего могла способствовать успѣху подобнаго балансированія въ предѣлахъ гармоническаго спокойствія. Но что имъ было за дѣло до слезъ, стоновъ и проклятій ихъ ближнихъ? Ближніе должны были все это затаивать и глотать, если хотѣли возвыситься до ихъ олимпійски-величественнаго спокойствія, въ противномъ случаѣ они рисковали заслужить презрѣніе, какъ жалкія односторонности, неимѣющія силъ освободиться отъ узкой субъективности и возвыситься до истиннаго человѣческаго идеала—вѣчнаго сіянія Аполлона Бельведерскаго. Вотъ гдѣ настоящій, истинный источникъ того примиренія и оправданія, который развился въ кружкѣ Станкевича...

Иниціатива этого принадлежала не столько Гегелю, сколько людямъ вродѣ Станкевича, Боткина и пр., которые проповѣдывали безпристрастно-объективное отношеніе къ жизни, потому что не замѣчали на себѣ ея шиповъ и терній, потому что жизнь гладила ихъ мягкою, бархатною лапкой, скрывая про другихъ свои когти. Мы видѣли въ прошлой главѣ, что раньше еще увлеченія Гегелемъ, Станкевичъ никакъ не могъ помириться съ полемическимъ задоромъ Бѣлинскаго, и не изъ чего иного, какъ изъ того, что уже тогда Станкевичъ успѣлъ создать идеалъ олимпійски-безстрастнаго созерцанія жизни. Что въ этомъ человѣкѣ было развито не столько примиреніе съ темными сторонами общественной жизни, сколько упорное отрѣшеніе отъ всякихъ живыхъ интересовъ ея и полный индифферентизмъ ко всему, что лежало внѣ вопросовъ эстетическихъ и философскихъ, это намъ весьма наглядно показываетъ одно изъ его заграничныхъ писемъ:

«Вотъ уже нѣсколько дней живу я въ Карлсбадѣ—пишетъ онъ 20-го сентября 1837 года къ Невѣрову—началъ пить воды и началъ немножко скучать — не съ кѣмъ молвить слова: молчать цѣлый день, право, непріятно... Вчера занимался я въ Lesesaal и пресерьезно читаю «Journal de Débats» и «Gazette de France»: хозяинъ думалъ, что я охотникъ до политики, и, отъ всей души принимая участіе въ моемъ положеніи, тотъ-же часъ далъ мнѣ два нумера «Débats» на домъ, говоря: ohne Politik zu lesen ist war doch Todt—но я умираю отъ скуки, читая большую часть этихъ политическихъ толковъ. Меня занимаетъ отчасти романъ Тика «Tischlermeister», который я читаю въ свободные часы, больше по вечерамъ, потому что днемъ должно ходить и проч.».

Вы видите здѣсь не человѣка, оправдывающаго данный порядокъ жизни, который, при всемъ этомъ оправданіи, можетъ быть, однако-же, очень глубоко заинтересованъ вопросами жизни, можетъ зачитываться газетой своей партіи и активно относиться къ политикѣ, хотя-бы и въ духѣ своего оправданія. Напротивъ того, здѣсь передъ вами отвлеченный гелертеръ, который зѣваетъ надъ газетами и не можетъ понять, какъ это люди, вмѣсто высокихъ эстетическихъ наслажденій и философскихъ размышленій о началѣ всѣхъ началъ, могутъ заниматься такими мелочными дрязгами жизни, какъ различныя политическія пренія.

Но читатель при этомъ, конечно, сейчасъ-же спроситъ меня: если я считаю одною изъ главныхъ причинъ такого отрѣшенія отъ живыхъ вопросовъ изолированное положеніе людей отъ шиповъ и терній жизни вслѣдствіе тѣхъ благопріятныхъ условій, какія представляла для этого обезпеченная, независимая усадебная жизнь насчетъ труда другихъ, то какъ-же Бѣлинскаго я приравняю къ такимъ-же условіямъ? Не выгораживалъ-ли я его въ предъидущей главѣ отъ его прекраснодушныхъ товарищей, не объяснялъ-ли я его страстную наклонность къ полемикѣ, его ненависть ко всему гордому, надменно-возвышающемуся, его разочарованіе и ожесточеніе противъ условій современной ему жизни именно тѣмъ, что человѣкъ этотъ слишкомъ много изстрадался, чтобы быть въ состояніи относиться съ тою-же объективною безстрастностью, съ какою относились къ жизни счастливые его пріятели? Какъ-же теперь я объясню внезапный поворотъ Бѣлинскаго на путь того-же примирительнаго прекраснодушія, въ какомъ находились друзья его?..

Но мы видѣли уже въ предъидущей главѣ, что всѣ живыя стремленія Бѣлинскаго, всѣ симпатіи, выработанныя въ немъ жизнью, находились еще на степени неосмысленныхъ инстинктовъ, далекія еще отъ глубокаго, яснаго сознанія ихъ и принципіальнаго опредѣленія. Мысли Бѣлинскаго находились еще въ томъ неопредѣленномъ хаосѣ, въ которомъ предчувствіе идей и стремленій, согласныхъ съ характеромъ его, выработаннымъ жизнью, смѣшивались безразлично съ различными внѣшними вліяніями. Онъ стоялъ на распутьи самыхъ разнообразныхъ направленій мысли. При такомъ дѣтствѣ мысли достаточно было первыхъ встрѣтившихся людей, которые приласкали-бы бездомнаго, одинокаго бѣдняка, приняли-бы нѣжное, дружеское участіе въ немъ и явились-бы передъ нимъ съ выработаннымъ уже, систематическимъ міросозерцаніемъ, и ему тѣмъ естественнѣе было подчиниться вліянію этихъ людей, чѣмъ сами по себѣ умнѣе и

цѣльнѣе были эти люди, чѣмъ образованнѣе и идеальнѣе казались ему они, чѣмъ, наконецъ, увлекательнѣе была всепобѣждающая сѣть ихъ философской діалектики. Разъ сѣвши за праздничный пиръ, Бѣлинскій волей-неволей втянулся въ общее похмѣлье, хотя-бы это и было для него похмѣлье въ чужомъ пиру. Наконецъ, въ чемъ заключался для него жизненный опытъ? Пока только въ рядѣ гнетущихъ воспоминаній дѣтства. Но эти воспоминанія могли оттѣнять и представлять въ болѣе обаятельномъ свѣтѣ жизнь, исполненную тонкаго изящества, внѣшней гуманности, философскихъ преній и эстетическихъ наслажденій, которая представилась Бѣлинскому въ кружкѣ его пріятелей. Чѣмъ темнѣе было сзади, тѣмъ свѣтлѣе должно было казаться Бѣлинскому вокругъ въ новой обстановкѣ. Бѣлинскій былъ подобенъ полузамерзшему путнику, попавшему, послѣ всѣхъ неистовствъ вьюги, въ теплую избу; хотя въ избѣ и темно и чадно, клопы и тараканы, но путнику должно казаться, что лучше этой избы ничего не можетъ быть. Такъ и Бѣлинскому могло казаться, что онъ нашелъ такихъ людей, выше которыхъ не можетъ вырабатывать жизнь, такую среду, которая по истинѣ можетъ быть названа земнымъ раемъ, и что нѣтъ и не можетъ быть конца блаженству въ этомъ раю. Естественно было Бѣлинскому закупориться отъ всего міра въ этомъ раѣ. Въ особенности его иллюзіи должны были разцвѣсть, когда и самое матеріальное положеніе обѣщало устроиться къ лучшему. Въ „Московскомъ Наблюдателѣ", который издавался Степановымъ подъ редакціей Андросова и Шевырева, произошла перемѣна: Шевыревъ оставилъ редакцію въ 1838 году, и на мѣсто его редакцію принялъ почти въ полное свое распоряженіе Бѣлинскій со своими друзьями. Это было выраженіемъ полнѣйшаго торжества Бѣлинскаго и его друзей надъ непріятелемъ въ лицѣ Шевырева. Въ это время увлеченіе философіей дошло въ кружкѣ Станкевича до своего апогея. Толковали о феноменологіи и логикѣ Гегеля безпрестанно: нѣтъ параграфа во всѣхъ трехъ частяхъ логики, въ двухъ эстетики, энциклопедіи и пр., который-бы не былъ взятъ отчаянными спорами нѣсколькихъ ночей. Люди, любившіе другъ друга, расходились на цѣлыя недѣли, не согласившись въ опредѣленіи „перехватывающаго духа", принимали за обиды мнѣнія объ „абсолютной личности, о ея *по себѣ бытіи*". Всѣ ничтожнѣйшія брошюры, выходившія въ Берлинѣ и другихъ губернскихъ и уѣздныхъ городахъ нѣмецкой философіи, гдѣ только упоминалось о Гегелѣ, выписывались, зачитывались до дыръ, до пятенъ, до паденія листовъ въ нѣсколько дней. Такъ, какъ Франкеръ въ Парижѣ плакалъ отъ умиленія, услышавъ, что въ Россіи его принимаютъ за великаго математика и что все юное поколѣніе разрѣшаетъ у насъ уравненія разныхъ степеней, употребляя тѣ-же буквы, какъ онъ—такъ заплакали-бы всѣ эти забытые Вердеры, Маргейнеке, Михелеты, Отто, Вадке, Шиллеры, Розенкранцы и самъ Арнольдъ Руге, котораго Гейне такъ удивительно хорошо назвалъ „привратникомъ гегелевой философіи"—еслибъ они знали, какія побоища и ратованія возбудили они въ Москвѣ между Маросейкой и Моховой, какъ ихъ читали и какъ ихъ покупали. Главное достоинство Павлова состояло въ необычайной ясности изложенія, нисколько не терявшей всей глубины нѣмецкаго мышленія; молодые философы приняли, напротивъ, какой-то условный языкъ; они не переводили на русское, а перекладывали цѣликомъ, да еще для большей легкости оставляя всѣ латинскія слова in crudo, давая имъ православныя окончанія и семь русскихъ падежей...

Рядомъ съ испорченнымъ языкомъ шла другая ошибка, болѣе глубокая. Молодые философы наши испортили себѣ не однѣ фразы, но и пониманье; отношеніе къ жизни, къ дѣйствительности сдѣлалось школьное, книжное; это было то ученое пониманіе простыхъ вещей, надъ которыми такъ геніально смѣялся Гете въ своемъ разговорѣ Мефистофеля съ студентомъ. Все въ *самомъ дѣлѣ* непосредственное, всякое пустое чувство было возводимо въ отвлеченныя категоріи, и возвращалось оттуда безъ капли живой крови, блѣдной алгебрической тѣнью. Во всемъ этомъ была своего рода наивность, потому что все это было совершенно искренно. Человѣкъ, который шелъ гулять въ Сокольники, шелъ для того, чтобъ отдаваться пантеистическому чувству своего единства съ космосомъ; и если ему попадался по дорогѣ какой-нибудь солдатъ подъ хмѣлькомъ, или баба, вступавшая въ разговоръ, философъ не просто говорилъ съ ними, но опредѣлялъ субстанцію народную въ ея непосредственномъ и случайномъ явленіи. Самая слеза, навертывавшаяся на вѣкахъ, была строго отнесена къ своему порядку, къ „гемюту" или къ „трагическому въ сердцѣ". Тоже въ искусствѣ. Знаніе Гете, особенно второй части „Фауста" (оттого-ли, что она хуже первой, или оттого, что труднѣе ея) было столько-же обязательно, какъ имѣть платье. Философія музыки была на первомъ планѣ. Разумѣется, о Россини и не говорили, къ Моцарту были снисходительны, хотя и находили его дѣтскимъ и бѣднымъ, за то производили философскія слѣдствія надъ каждымъ аккордомъ Бетховена и очень уважали Шуберта, не столько, думаю, за его превосходныя кантаты, сколько за то, что онъ бралъ философскія тэмы для нихъ: „Всемогущество Божіе" — „Атласъ". Наравнѣ съ итальянскою музыкой дѣлила опалу французская литература и вообще все французское, а по дорогѣ и все политическое.

Подобное направленіе не замедлило, конечно, отразиться на характерѣ „Московскаго Наблюдателя". Онъ началъ наполняться исключительно почти произведеніями нѣмецкихъ поэтовъ, и изъ поэтовъ Гете, а изъ прозаиковъ Гофманъ стояли на первомъ планѣ; въ то-же время ни одного нумера не проходило безъ какихъ-либо философскихъ и эстетическихъ разсужденій. Такимъ образомъ, журналъ имѣлъ вовсе не такой энциклопедическій характеръ, какой мы привыкли себѣ представлять съ именемъ этого рода изданій у насъ, въ Россіи: это былъ журналъ спеціальный, философско-критическій исключительно. Рядомъ съ критическими статьями, построенными на основаніяхъ философіи Гегеля, тамъ встрѣчались статьи, посвященныя изложенію гегелевской философіи, наконецъ, выдержки изъ самого Гегеля. Таковы были, напримѣръ, „Гимназическія рѣчи Гегеля", „О философской критикѣ художественнаго произведенія" Ретшера. Читатели журнала, повидимому, не совсѣмъ были до-

вольны крайнею сухостью многихъ статей журнала, въ особенности статьей Ретшера. По крайней мѣрѣ, объ этомъ мы имѣемъ свидѣтельство самого Бѣлинскаго: „Многіе читатели жаловались—говоритъ онъ въ одной изъ своихъ статей (см. С. Б., т. II, стр. 314) — на помѣщеніе нами статьи Ретшера „О философской критикѣ художественнаго произведенія", находя ее темною, недоступною для пониманія". И при этомъ Бѣлинскій обращается къ публикѣ съ наставительнымъ тономъ: „прежде всего мы скажемъ, что не всѣ статьи помѣщаются въ журналахъ только для удовольствія читателей; необходимы иногда и статьи ученаго содержанія, а такія статьи требуютъ труда и размышленія".

Подъ вліяніемъ новаго направленія, многіе прежніе взгляды Бѣлинскаго радикально измѣнились, другіе-же получили развитіе, котораго прежде не имѣли. Прежде Бѣлинскій, выходя изъ теоріи непроизвольности творчества, съ одинаковымъ сочувствіемъ относился къ каждому лирическому стихотворенію, если видѣлъ, что оно проникнуто естественнымъ, непроизвольнымъ чувствомъ. Теперь-же, создавши себѣ идеалъ объективно-спокойнаго созерцанія жизни, онъ подвелъ подъ этотъ идеалъ поэтическое творчество: истинно-художественнымъ, поэтическимъ произведеніемъ онъ сталъ теперь считать только такое, въ которомъ, при объективномъ созерцаніи жизни со стороны художника, онъ видѣлъ такое тѣсное, безразличное соединеніе идеи съ формой, чтобы идея совершенно поглощалась формой; всякое-же преобладаніе идеи или чувства надъ формой, по его мнѣнію, выдѣляло произведеніе изъ предѣловъ истинно-художественнаго творчества.

«Въ творчествѣ сила не въ идеѣ—говоритъ онъ (см. т. II, стр. 386)—а въ формѣ, которая, само собою разумѣется, необходимо предполагаетъ и условливаетъ идею, и эта форма должна быть проникнута кроткимъ, благолѣпнымъ сіяніемъ эстетической красоты. Величіе содержанія (идеи) не только не есть ручательство эстетической красоты, но еще часто оподозрѣваетъ ее... Первый-же и высшій способъ непосредственнаго выраженія истины—говоритъ онъ ниже на 388 стр.—есть художественная поэзія, или поэзія формы; а поэзія содержанія, тоесть, такая поэзія, которой сила и могущество заключается въ глубокости и великости идеи, занимаетъ середину между этими двумя способами непосредственнаго способа выраженія истины. Она колеблется между краснорѣчіемъ и художественностью, безпрестанно переходя то въ краснорѣчіе, что вредитъ ей, то въ художественность, что возвышаетъ ее. Въ этомъ смыслѣ она есть какой-то недоносокъ, и ея произведенія не могутъ надѣяться на долговѣчность».

Отправляясь отъ такой узкой доктрины, Бѣлинскій началъ разить и отрицать все, что не подходило къ ней, съ слѣпотой, поразительной для человѣка съ такимъ тонкимъ эстетическимъ чутьемъ, какимъ былъ одаренъ Бѣлинскій. Такъ, напримѣръ, этого мало, что Гете за его олимпійскую безстрастность онъ поставилъ выше Шиллера, онъ началъ совершенно отрицать Шиллера и поставилъ его ниже Пушкина. „Шиллеръ—говоритъ онъ —въ которомъ философскій элементъ безпрестанно боролся съ художественнымъ элементомъ и часто побѣждалъ его, Шиллеръ, едва-ли не въ большей части своихъ произведеній, принадлежитъ къ числу этихъ полупоэтовъ (то-есть, вышеозначенныхъ недоносковъ, витающихъ между художественностью и краснорѣчіемъ). Гете и нашъ Пушкинъ—вотъ чисто поэтическія натуры: одному довольно сорваннаго цвѣтка, а другому завядшаго цвѣтка, нечаянно найденнаго имъ въ книгѣ, чтобы ринуть душу читателя въ міръ безконечнаго"... Сравнивая при этомъ произведеніе Шиллера „Идеалы" съ „Нереидой" Пушкина, онъ ставитъ послѣднее на неизмѣримую высоту выше „Идеаловъ", именно на томъ основаніи, что первое выражаетъ ясную и опредѣленную идею, которую вы можете формулировать, тогда какъ въ „Нереидѣ" Пушкина есть идея, но она такъ конкретно слита съ формой, что вамъ, чтобы выговорить ее, надо оторвать ее отъ формы, а форма такъ прекрасна, что у васъ не подымается рука на такую операцію". Изъ этого Бѣлинскій дѣлаетъ слѣдующаго рода заключеніе: „спросите всѣхъ, что лучше—„Идеалы" или „Нереида": большинство станетъ за „Идеалы", но чьи глаза одарены ясновидѣніемъ вѣчной красоты, тѣ даже не станутъ и сравнивать этихъ двухъ произведеній"... За что-же Пушкина-то Бѣлинскій началъ ставить такъ высоко послѣ того разочарованія, съ которымъ онъ относился къ нему въ первый періодъ своей дѣятельности?... А именно за то самое, за что прежде онъ не любилъ Пушкина, за отрѣшеніе отъ жизни въ олимпійскія сферы безстрастнаго гетевскаго созерцанія, которое было одновременно съ отрѣшеніемъ Пушкина отъ литературныхъ круговъ въ сферы высшаго свѣта. „Предметъ отрадный и грустный въ тоже время—говоритъ Бѣлинскій по поводу посмертныхъ произведеній Пушкина (см. С. Б., т. II, стр. 332)—съ одной стороны мысль, что эти посмертныя произведенія свидѣтельствуютъ о новомъ, просвѣщенномъ періодѣ художественной дѣятельности великаго поэта Россіи, объ эпохѣ высшаго и мужественнѣйшаго развитія его геніальнаго дарованія, а съ другой стороны, мысль о томъ жалкомъ воззрѣніи, съ какимъ смотрѣло на этотъ предметъ дѣтское прекраснодушіе, которое, выглядывая изъ узкаго окошечка своей ограниченной субъективности, мѣритъ дѣйствительность своимъ фальшивымъ аршиномъ и, осудивши поэта на жизнь подъ соломенною кровлей, на берегу свѣтлаго ручейка, не хочетъ признавать его поэтомъ на всякомъ другомъ мѣстѣ: какое противорѣчіе, и сколько отраднаго и горькаго въ этомъ противорѣчіи"... Изъ этой выдержки мы видимъ, что прежде Бѣлинскій нападалъ на Пушкина не за одну только искусственность творчества въ поддѣлываніи подъ народность, но и раздѣлялъ мнѣніе многихъ своихъ современниковъ, въ томъ числѣ и Полеваго, что Пушкинъ и въ самой жизни пошелъ по ложной дорогѣ, несвойственной поэту. Теперь-же, напротивъ того, онъ смѣялся надъ мнѣніемъ, что среда можетъ испортить поэта, считая такое мнѣніе дѣтскимъ прекраснодушіемъ; теперь для него не было среды, не было жизни съ различными ея вліяніями, дурными и хорошими, а существовала только отвлеченная сфера творчества, чуждая всякихъ отношеній къ жизни, существовала сама для себя, была возможна при какихъ угодно обстоятельствахъ, потому что зависѣла не отъ чего инаго, какъ отъ возвышенія

поэта надъ всѣмъ міромъ и безстрастнаго созерцанія людской жизни, кишащей гдѣ-то тамъ внизу... Извѣстныя произведенія Пушкина „Подите прочь: какое дѣло“ и „Пока не требуетъ поэта“ сдѣлались любимыми произведеніями Бѣлинскаго, которыя онъ началъ приводить каждый разъ, для нагляднаго представленія своихъ идеаловъ поэта и художественнаго творчества.

Если Шиллеръ подвергся отрицанію съ точки зрѣнія этихъ идеаловъ, то можно себѣ представить, съ какимъ сожалѣніемъ долженъ былъ смотрѣть Бѣлинскій на такого extra-субъективнаго поэта, каковъ былъ Полежаевъ. Несмотря на то, что муза его не принадлежала къ числу первостепенныхъ, все-таки, она была живымъ отголоскомъ погубленнаго человѣка, который не занимался вычурными измышленіями страданій сердца послѣ сытнаго ужина и нѣсколькихъ бутылокъ шампанскаго, а выражалъ дѣйствительное отчаянье человѣка, котораго вся жизнь была попрана и раздавлена, который на самомъ дѣлѣ

Не расцвѣлъ и отцвѣлъ
Въ утрѣ пасмурныхъ дней.

И если взять въ соображеніе, что въ то время много было такихъ-же несчастныхъ, то понятнымъ представляется, что какъ ни скромна и ни бѣдна была сама по себѣ муза Полежаева, все-таки, она выражала собою одинъ изъ весьма немаловажныхъ мотивовъ жизни того времени; поэтому, она и находила сочувствіе въ каждомъ сердцѣ, мало-мальски не зачерствѣломъ и способномъ отзываться на всякіе естественные и живые мотивы поэзіи, какъ радостные, такъ и скорбные. Въ особенности-же муза Полежаева была дорога для людей, такъ или иначе пострадавшихъ отъ неправды жизни, потому что эти люди въ элегіяхъ Полежаева находили стоны и вопли своего собственнаго сердца. Но для Бѣлинскаго въ это время не существовало, какъ мы сказали, никакой связи между поэзіей и жизнью; онъ зналъ только свою доктрину, въ силу которой вычеркивалъ изъ области поэзіи половину всевозможныхъ явленій творчества. И вотъ какъ онъ отозвался о стихотвореніяхъ Полежаева согласно своей доктринѣ:

«Полежаевъ былъ рожденъ великимъ поэтомъ, но не былъ поэтомъ: его творенія—вопли души, терзающей самое себя, стонъ нестерпимой муки субъективнаго духа, а не пѣсни, не гимны, то веселые и радостные, то важные и торжественные, прекрасному бытію, объективно созерцаемому. Истинный поэтъ не есть ни горлица, тоскливо воркующая грустную пѣснь любви, ни кукушка, надрывающая душу однообразнымъ стономъ скорби, но звучный, гармоническій, разнообразный соловей, поющій пѣснь природѣ... Созданія истиннаго поэта суть гимнъ Богу, прославленіе его великаго творенія... Въ царствѣ божіемъ нѣтъ плача и скрежета зубовъ—въ немъ одна просвѣтленная радость, свѣтлое ликованіе, и самая печаль въ немъ есть грустная радость... Поэтъ есть гражданинъ этого безконечнаго и святаго царства: ему Богъ далъ плодотворную силу любви проникать въ таинства «полнаго славы творенья», и потому онъ долженъ быть его органомъ... Вопли растерзаннаго духа, сосредоточеніе въ скорбяхъ и противорѣчіяхъ земной жизни, доказываютъ пребываніе на землѣ и только тщетное порываніе къ свѣтлому, голубому небу—подножію престола Вездѣсущаго... Вотъ почему мы не оставляемъ имени поэта за Полежаевымъ, и думаемъ, что его пѣсни, нашедшія отзывъ въ современникахъ, не перейдутъ въ потомство. Плачевныхъ и скорбящихъ поэтовъ великій поэтъ Гете характеризовалъ эпитетомъ лазаретныхъ, и этимъ вполнѣ опредѣлилъ ихъ отрицательное значеніе въ области искусства» (см. С. Б., т. III, стр. 29, 30).

«Почему-же—спрашиваетъ ниже Бѣлинскій—было такъ, а не иначе, почему поэту не суждено было прозрѣть и въ безконечномъ чувствѣ безконечной любви найти разрѣшеніе и примиреніе противорѣчій бытія»?

Вы думаете, что хоть на подобный вопросъ послѣдуетъ сколько-нибудь прямой и вразумительный отвѣтъ? „На это одинъ отвѣтъ—восклицаетъ Бѣлинскій—да будетъ благословенна воля Провидѣнія!“...

Впрочемъ, и въ Полежаевѣ Бѣлинскій открываетъ минутные проблески просвѣтленія и примиренія.

«Характеръ мрачнаго отчаянья и тяжелой скорби,—говоритъ онъ,—лежитъ на большей части сочиненій Полежаева, но съ его лиры срывались и торжественные звуки примиренія, и гармоническіе аккорды явленій жизни. Кому неизвѣстно его стихотвореніе «Провидѣніе», въ которомъ, послѣ ужасовъ паденія, онъ такъ торжественно воспѣлъ свое мгновенное возстаніе» и пр. (см. С. Б., т. III, стр. 31).

Къ числу явленій творчества, которыя Бѣлинскій отрицалъ вслѣдствіе ихъ субъективности, относятся и всѣ сатирическія произведенія, за которыми Бѣлинскій, въ свою очередь, не признавалъ никакого истинно-художественнаго значенія. Бѣлинскій признавалъ, что поэтъ имѣетъ право воспроизводить въ своихъ произведеніяхъ сферу пошлости жизни, отрицательный міръ призраковъ и случайностей, какъ онъ выражался на своемъ философскомъ языкѣ, но и въ такомъ случаѣ онъ требовалъ, чтобы поэтъ относился къ своимъ образамъ совершенно объективно, чтобы „поэтическимъ ясновидѣніемъ своимъ онъ провидѣлъ ихъ идею и, проведя ихъ черезъ свою творческую фантазію, просвѣтлялъ этою идеей ихъ естественную грубость и грязность“.

«Объективность,—говоритъ онъ (см. С. Б., т. III, стр. 370),—какъ необходимое условіе творчества, отрицаетъ всякую моральную цѣль, всякое судопроизводство со стороны поэта. Изображая отрицательныя явленія жизни, поэтъ нисколько не думаетъ писать сатиры, потому что сатира не принадлежитъ къ области искусства и никогда не можетъ быть художественнымъ произведеніемъ. Рисуя нравственныхъ уродовъ, поэтъ дѣлаетъ это совсѣмъ не скрѣпя сердце, какъ думаютъ многіе: нельзя сердиться и творить въ одно и то-же время; досада портитъ желчь и отравляетъ наслажденіе, а минута творчества есть минута величайшаго наслажденія. Поэтъ не можетъ ненавидѣть свои изображенія, каковы бы они ни были; напротивъ, скорѣе онъ ихъ любитъ, потому что они представляются ему уже просвѣтленными идеей».

Идеаломъ такого объективно-безпристрастнаго изображенія отрицательной стороны жизни Бѣлинскій съ большою натяжкой считалъ Гоголя. Мы говоримъ съ натяжкою, потому что считаемъ всѣ требованія Бѣлинскаго относительно безпристрастной объективности построенными на воздухѣ и не имѣющими оправданія ни въ одномъ поэтическомъ произведеніи, когда-либо явившемся на свѣтъ. Субъективный элементъ присущъ въ такой-же мѣрѣ поэтическому творчеству, какъ и объективный, и какъ-бы послѣдній ни преобладалъ надъ первымъ въ нѣкоторыхъ произведе-

ніяхъ, во всякомъ случаѣ, и они не могутъ вполнѣ быть свободны отъ субъективности. Если вы возьмете творенія Гете или Пушкина за послѣдній періодъ ихъ жизни, и въ нихъ, при всемъ кажущемся олимпійскомъ спокойствіи, вы найдете своего рода субъективность, потому что если въ нихъ нѣтъ какихъ-либо острыхъ чувствъ радости, грусти, злобы, то неужели только одни острыя чувства и составляютъ сферу субъективности; почему-же всякое спокойное, теплое чувство, „просвѣтленная радость, свѣтлое ликованье", какъ выражается Бѣлинскій, исключать изъ сферы субъективности? Если-же вы найдете субъективный элементъ даже въ самыхъ, повидимому, объективно - безстрастныхъ произведеніяхъ Гете и Пушкина, то въ произведеніяхъ Гоголя субъективный элементъ преобладаетъ еще въ большей степени; что же иное, какъ не чисто субъективный элементъ представляетъ въ произведеніяхъ Гоголя тотъ смѣхъ, изъ-подъ котораго слышится такая надрывающая грусть? Совершенно вопреки разсужденіямъ Бѣлинскаго о томъ, что нельзя сердиться и творить въ одно и то-же время, что досада портитъ жолчь и отравляетъ наслажденіе, а минута творчества есть минута величайшаго наслажденія, Гоголь самъ признавался, что онъ садился писать въ самыя тяжелыя минуты своей жизни, что смѣхомъ надъ своими героями онъ старался заглушать тяжелую, гнетущую тоску, свинцомъ налегавшую на него временами.

Для того, чтобы наглядно показать нехудожественность сатиры, Бѣлинскій уже во время своей петербургской дѣятельности въ „Отечественныхъ Запискахъ", въ статьѣ „Горе отъ ума" (см. ч. III, стр. 357), представилъ параллельный разборъ „Ревизора" Гоголя и „Горе отъ ума" Грибоѣдова. „Ревизоръ" представляется въ разборѣ Бѣлинскаго, очевидно, идеаломъ художественной комедіи, по своей объективности, развитію дѣйствія, выдержанности характеровъ; между тѣмъ, „Горе отъ ума" Бѣлинскій со своею смѣлою последовательностью, совершенно исключаетъ изъ области художественныхъ произведеній на томъ основаніи, что въ комедіи этой почти нѣтъ никакого дѣйствія, характеры, вмѣсто того, чтобы выражаться въ поступкахъ, сами себя обличаютъ въ сатирическихъ монологахъ, субъективный, сатирическій элементъ преобладаетъ въ комедіи надъ всѣмъ, и въ каждомъ стихѣ вы чувствуете присутствіе самого Грибоѣдова. Оба эти образца комедіи подобраны весьма удачно, и разборъ ихъ въ частностяхъ вышелъ блистателенъ, но выводы, тѣмъ не менѣе, оказываются совершенно ложными. Недостатки „Горе отъ ума", весьма вѣрно указанные Бѣлинскимъ, происходятъ, въ сущности, вовсе не отъ того, чтобы сатира, преобладающая въ комедіи, сама по себѣ была элементомъ нехудожественнымъ и портила комедію въ той-же степени, какъ еслибы комедія была наполнена алгебраическими вычисленіями; недостатки комедіи зависятъ отъ несоблюденія такихъ художественныхъ условій, которыя составляютъ необходимость этого рода поэзіи—таковы быстрота и полнота дѣйствія, сила драматическаго эффекта, выдержанность характеровъ; будь эти условія соблюдены, и сатирическія тирады не только не уменьшили бы достоинства комедіи, а придавали бы еще болѣе опредѣленности и рельефности ея положеніямъ, подобно тому, какъ, напримѣръ, сатирическія тирады нисколько не уменьшаютъ достоинствъ трагедій Шекспира, хотя вы найдете ихъ въ каждомъ актѣ, и никому не придетъ въ голову пенять на Шекспира, зачѣмъ онъ допускаетъ ихъ. Между тѣмъ, по мнѣнію Бѣлинскаго, всѣ недостатки комедіи Грибоѣдова происходятъ всецѣло оттого, что сатира, преобладающая въ ней, есть элементъ нехудожественный.

«Выведемъ окончательный результатъ изъ всего сказаннаго нами о «Горе отъ ума», какъ оцѣнку этого произведенія — говоритъ онъ въ заключеніе своего разбора (см. С. Б., т. III, стр. 432)—«Горе отъ ума» не есть комедія, по отсутствію, или лучше сказать, по ложности своей основной идеи; не есть художественное сознаніе по отсутствію самоцѣльности, а слѣдовательно и объективности, составляющей необходимое условіе творчества. «Горе отъ ума»—сатира, а не комедія; сатира-же не можетъ быть художественнымъ произведеніемъ. И въ этомъ отношеніи «Горе отъ ума» находится на неизмѣримо безконечномъ разстояніи ниже «Ревизора», какъ вполнѣ художественнаго созданія, вполнѣ удовлетворяющаго высшимъ требованіямъ искусства и основнымъ законамъ творчества».

Рядомъ съ развитіемъ этой противоестественной эстетической теоріи, задатки французоѣдства, которые мы видѣли въ первомъ періодѣ дѣятельности Бѣлинскаго, развились до послѣдней крайности. Въ первый періодъ, онъ хотя и низко ставилъ французовъ, но, все-таки, находилъ въ нихъ кой-какія преимущества; теперь-же онъ началъ смотрѣть на весь французскій народъ, какъ на скопище развратныхъ извергов, не имѣющихъ ничего святого.

«Это народъ внѣшности,—говоритъ онъ на 312 стр. т. II,—онъ живетъ для внѣшности, для показу, и для него не столько важно быть великимъ, сколько казаться великимъ, быть счастливымъ, сколько казаться такимъ. Посмотрите, какъ слабы, ничтожны во Франціи узы семейственности, родства; въ ихъ домахъ внутренніе покои пристроиваются къ салону и домашняя жизнь есть только приготовленіе къ выходу въ салонъ, какъ закулисныя хлопоты и суетливость есть приготовленіе къ выходу на сцену. Французъ живетъ не для себя—для другихъ; для него не важно, что онъ такое, а важно, что о немъ говорятъ; онъ весь во внѣшности, и для нея жертвуетъ всѣмъ—и человѣческимъ достоинствомъ, и личнымъ своимъ счастіемъ. Самая высшая точка духовнаго развитія этой націи, цвѣтъ ея жизни—есть понятіе о чести... У французовъ—у нихъ во всемъ конечный, слѣпой разсудокъ, который хорошъ на своемъ мѣстѣ, т. е. когда дѣло идетъ о уразумѣніи обыкновенныхъ житейскихъ вещей, но который становится буйствомъ передъ Господомъ, когда заходитъ въ высшія сферы знанія. Народъ безъ религіозныхъ убѣжденій, безъ вѣры въ таинство жизни—все святое оскверняется отъ его прикосновенія, жизнь мретъ отъ его взгляда. Такъ оскверняется для вкуса прекрасный плодъ, по которому проползла гадина»...

«Все, что есть отвратительнаго въ человѣческой природѣ,—говоритъ онъ въ то-же время о французскихъ писателяхъ (см. С. Б., т. II, стр. 396),—всѣ ея уклоненія, все, что есть ужаснаго въ гражданскомъ обществѣ, всѣ его противорѣчія—все это они отвлекли отъ природы человѣка и отъ гражданскаго общества, и рядъ чудовищно-нелѣпыхъ романовъ, повѣстей и драмъ наводнилъ весь бѣлый свѣтъ. Евгеній Сю просто-на-просто объявилъ, что

на этомъ свѣтѣ быть честнымъ и добрымъ, значитъ мѣтить прямо на висѣлицу или на колесо, а быть мерзавцемъ и извергомъ есть вѣрное средство наслаждаться всѣми благами міра сего. Гюго объявилъ себя защитникомъ всѣхъ гонимыхъ, т.-е. физическихъ и моральныхъ чудовищъ: по его теоріи, всѣ сосланные на галеры съ клеймомъ лиліи—люди добродѣтельные, невинно гонимые обществомъ. Бальзакъ проповѣдуетъ, что быть бѣднымъ—все равно, что заживо попасть въ адъ, и что быть счастливымъ и блаженнымъ, значитъ—имѣть кучу денегъ и право ставить передъ своею фамиліей частицу *де*. Дюма возвѣстилъ міру, что любить женщину, значитъ быть готовымъ каждую минуту задушить, зарѣзать ее; что сильно и глубоко чувствовать, значитъ быть тигромъ, гіеной. Жоржъ Зандъ приглашаетъ людей къ естественному состоянію, почитая гражданскія установленія, и особенно бракъ, главною причиной человѣческихъ бѣдствій. Развратъ, кровосмѣшеніе, разбой, отцеубійство, дѣтоубійство, братоубійство, предательство, казни, пытки, кровь, гной, рѣзня, тюрьмы, дома разврата—сдѣлались любимыми пружинами для возбужденія эффекта. И что-же?—вы думаете, что это люди съ сильными страстями, съ могучею волей, мученики жизни?—Ничего не бывало! это просто добрые ребята, краснощекіе, полные, здоровые, богатые, по модѣ одѣтые, роскошно живущіе. За вкуснымъ обѣдомъ и бутылкой шампанскаго они охотно забываютъ свое ожесточеніе противъ жизни, а за порядочную сумму денегъ готовы написать диѳирамбъ въ честь ея. Они такъ писали только потому, что это было въ модѣ и товаръ хорошо съ рукъ шелъ. Дайте имъ денегъ—они обратятся къ религіи—и къ какой вамъ угодно: къ христіанской (даже къ католицизму), къ магометанской, къ жидовской; надбавьте цѣну—они поклонятся идоламъ. Это народъ сговорчивый, и если вы увидите у котораго-нибудь изъ нихъ на лбу морщины, а на устахъ злую усмѣшку, то смѣло можете сказать—

Какой сердитый видъ!
Не бойтесь—онъ на дождь сердитъ!

Но и германофильство Бѣлинскаго не было безусловнымъ и простиралось далеко не на всѣ явленія нѣмецкой жизни. Дѣло въ томъ, что въ то время существовала уже юная Германія, имѣя Берне и Гейне своими представителями. Эта юная Германія не ограничивалась отвлеченными сферами мышленія: она увлекалась живыми общественными вопросами своего времени и требовала, чтобы поэзія отзывалась на эти вопросы. И этого было довольно, чтобы Бѣлинскій преисполнился и противъ юной Германіи такого-же негодованія, какъ и противъ ненавистныхъ французовъ:

«Да, эта юная Германія (см. С. Б., т. II, стр. 425)—великій и поучительный урокъ для юношества всѣхъ націй! Она лучше всего показываетъ, какъ безплодны и ничтожны покушенія индивидуальностей на участіе въ ходѣ міродержавныхъ судебъ. Конечно, общество живетъ, развивается, слѣдовательно, измѣняется, но черезъ кого?—черезъ геніевъ, избранниковъ судьбы, которые производятъ благодѣтельные перевороты, часто сами того не зная, единственно удовлетворяя безсознательному стремленію своего духа. Кто выходитъ на сцену и говоритъ: «я геній, я хочу измѣнить къ лучшему общественныя начала», тотъ самозванецъ, который тотчасъ-же и дѣлается жертвой своего самозванства. Кто-же, не понимая жестокихъ уроковъ опыта и сознавши свое безсиліе перестроить дѣйствительность, живущую изъ самой себя, по непреложнымъ и вѣчнымъ законамъ разумной необходимости, будетъ тѣшить себя ребяческими выходками противъ нея, тотъ не перейдетъ въ потомство, но только заставитъ сказать о себѣ современниковъ—

Ай моська!—знать она сильна,
Коль лаетъ на слона!

Но мы несогласны съ мнѣніемъ г. Губера о Гейне (Бѣлинскій разбираетъ статью Губера «Взглядъ на нынѣшнюю литературу Германіи»): онъ слишкомъ несправедливъ къ нему. Въ Гейне надо различать двухъ человѣкъ. Одинъ прозаическій писатель съ политическимъ направленіемъ. Зараженный тлетворнымъ духомъ новѣйшей литературной школы Франціи, онъ занялъ у нея легкомысліе, поверхность въ сужденіи, безумство, которое для остраго словца искажаетъ святую истину. Живя въ Парижѣ, онъ изливаетъ свою жолчь на то, что зимой бываетъ холодно, а лѣтомъ жарко, что Китай въ Азіи, тогда какъ ему бы надобно быть въ Европѣ, и на подобныя несообразности сего несовершеннаго міра, который не хочетъ перевернуться вверхъ дномъ, повѣривши мудрости Гейне. Потомъ въ Гейне надо видѣть поэта съ огромнымъ дарованіемъ, уже не болтуна француза, но истиннаго нѣмца-художника, котораго лирическія стихотворенія отличаются непередаваемою простотой содержанія и прелестью художественной формы».

Наконецъ, не иначе, какъ увлеченіемъ французоѣдствомъ можно объяснить тотъ фактъ, что рядомъ съ неблагопріятными отзывами о Шиллерѣ, Гейне, Викторѣ Гюго, Жоржъ-Зандѣ и проч. онъ помѣстилъ въ „Московскомъ Наблюдателѣ“ весьма благопріятный отзывъ о Гречѣ, этомъ ветеранѣ французоѣдства у насъ на Руси. Приступая къ оцѣнкѣ сочиненій Греча, Бѣлинскій какъ будто чувствовалъ, что онъ намѣренъ дѣлать большія натяжки, разсыпая похвалы Гречу, и что читатели ожидаютъ отъ него совсѣмъ не этого.

«Нѣкоторые изъ читателей, опытныхъ въ дѣлѣ журналистики—говоритъ онъ въ началѣ статьи (см. С. Б., т. II, стр. 455)—часто заранѣе знаютъ, какой приговоръ послѣдуетъ въ томъ или другомъ журналѣ, той или другой книгѣ. Такъ, напримѣръ, мы увѣрены, что многіе изъ читателей, приступивъ къ чтенію нашей статьи, или еще только увидѣвъ въ ея началѣ титулъ сочиненій Греча, скажутъ—иные съ улыбкой удовольствія: «посмотримъ, какъ его тутъ отдѣлали!», а иные съ улыбкой недовѣрчивости и презрѣнія: «посмотримъ, какъ тутъ грызутся». Но мы очень рады обмануть ожиданіе тѣхъ и другихъ и доказать фактомъ, что не всѣ предсказанія сбываются, и что въ нашемъ журналѣ высказываются мнѣнія не о лицахъ, а о сочиненіяхъ».

Мы уже видѣли выше, какую узкую мѣрку употреблялъ Бѣлинскій для опредѣленія того, художественно или нѣтъ данное произведеніе, и какому грозному ауто-да-фе онъ подвергалъ всѣ такія произведенія, которыя не подходили къ его опредѣленію художественности, какъ бы они сами по себѣ ни были занимательны и полезны. Но для Греча онъ мало того, что дѣлаетъ изъятіе, оставляя въ сторонѣ свою мѣрку, но даже самъ нападаетъ на тѣ требованія, съ которыми онъ относился, напримѣръ, къ Шиллеру или Грибоѣдову.

«Обыкновенно, прочтутъ романъ — говоритъ онъ (см. С. Б., т. II, стр. 436) — и не найдя въ немъ художественнаго произведенія, осуждаютъ его на ауто-да-фе, не подумавъ о томъ, что авторъ и не думалъ претендовать на титулъ поэта, а хотѣлъ просто написать быль или сказку, для удовольствія

и пользы читателей; и совершенно достигъ своей цѣли, потому что нашелъ себѣ и многочисленныхъ читателей, и почитателей. Что нужды, если въ романѣ нѣтъ творчества, но есть вымыселъ, занимательность; нѣтъ фантазіи — есть воображеніе; нѣтъ глубокихъ идей—есть вѣрныя практическія замѣчанія о жизни, плодъ опытности и знакомства съ жизнью не по однимъ книгамъ; нѣтъ огня поэзіи—есть теплота чувства; нѣтъ вдохновенія—есть одушевленіе; нѣтъ образовъ—есть портреты; нѣтъ художественности въ обработкѣ — есть слогъ, языкъ? Что нужды, что это произведеніе не вѣковое, не безсмертное? Авторъ и не имѣлъ на это претензіи: онъ хотѣлъ доставить своимъ современникамъ средство къ благородному и полезному развлеченію—и достигъ своей цѣли. Отъ автора должно требовать ни больше, ни меньше того, что онъ обѣщалъ...»

Въ такомъ, явно-пристрастномъ тонѣ, написанъ весь разборъ. Повсюду такія-же оговорки и рядомъ съ ними хвалебныя фразы. Грамматика Греча—драгоцѣнная сокровищница, неисчерпаемый рудникъ матеріаловъ для изученія русскаго языка и составленія грамматикъ; „Учебная книга русской словесности“, хотя и содержитъ понятія не новыя, несообразныя съ современнымъ взглядомъ на искусство и литературу, не отличающіяся наукообразнымъ изложеніемъ и строгостью системы, но, тѣмъ не менѣе, книга заслуживаетъ вниманія уже по одному тому, что не похожа на всѣ бывшіе и до нея, и послѣ нея опыты въ этомъ родѣ. Успѣхъ романа Греча „Черная женщина“ говоритъ много въ пользу общества, какъ доказательство, что въ немъ есть живая потребность внутренней жизни и проч., и проч.

Такъ, подъ вліяніемъ ложныхъ теорій, не говоря уже о томъ, что общіе взгляды Бѣлинскаго, общественные и моральные, приняли крайне исключительное, узкое, уродливое направленіе, но и частные взгляды литературно-эстетическіе начали искажаться и перепутываться. Врожденное эстетическое чутье, составлявшее главную силу генія Бѣлинскаго, казалось, совершенно оставило его, притупилось, и мѣсто его заняло искусственное, схоластическое подведеніе фактовъ литературы подъ книжныя формулы ложно и узко понятой философской системы. Вмѣсто того здраваго смысла, который поражалъ васъ въ первыхъ статьяхъ Бѣлинскаго, явился сухой, мертвый, отвлеченный выводъ, идущій иногда совершенно въ разрѣзъ съ фактами живой дѣйствительности. Наконецъ, какъ признакъ близкаго, окончательнаго паденія, въ отзывахъ Бѣлинскаго начало проскальзывать явное пристрастіе, начали попадаться фальшивыя фразы, повидимому, очень громкія, но въ то-же время чуждыя всякаго содержанія, малѣйшей тѣни истины;—таково, напримѣръ, заключеніе о томъ, что въ обществѣ есть живая потребность внутренней жизни, выведенное изъ того, что общество зачитывается „Черною женщиной“ Греча.

Мы говорили выше, что иниціатива такого исключительнаго направленія принадлежала Станкевичу. Но здѣсь мы должны замѣтить, что при всемъ прекраснодушіи и отрѣшенности отъ дѣйствительности, Станкевичъ, все-таки, далекъ отъ такихъ печальныхъ крайностей, до какихъ дошли его московскіе друзья. По всей вѣроятности, еслибы Станкевичъ оставался въ Москвѣ, и онъ не замедлилъ придти къ тѣмъ-же результатамъ, но онъ былъ оторванъ отъ своего кружка заграничною поѣздкой и въ то-же время прожилъ нѣкоторое время въ Берлинѣ съ Грановскимъ, котораго одни занятія исторіей дѣлали человѣкомъ болѣе живымъ, невольно наталкивая его на современные вопросы. Грановскій былъ во многомъ обязанъ Станкевичу, и надо замѣтить, вліяніе Станкевича на Грановскаго было гораздо благодѣтельнѣе, чѣмъ на прочихъ друзей его, потому что, при отсутствіи всякихъ реальныхъ или опредѣленныхъ научныхъ интересовъ, друзья прямо ринулись въ отвлеченныя сферы философіи, между тѣмъ, какъ Грановскаго философія только отвлекла отъ погруженія въ сухую, педантическую разработку мелочныхъ фактовъ, въ которую онъ рисковалъ погрязнуть, еслибы Станкевичъ не указалъ ему, хотя и не на лучшій, но, во всякомъ случаѣ, на болѣе благотворный для нашего общества путь обобщенія фактовъ исторіи философіей. Но и Станкевичъ, въ свою очередь, остался не безъ вліянія со стороны Грановскаго. Съ другой стороны, и заграничная обстановка дѣйствовала на Станкевича своими впечатлѣніями гораздо благотворнѣе, чѣмъ замкнутая жизнь въ Москвѣ въ тѣсномъ кружкѣ между Моховой и Маросейкой. Наконецъ, Станкевичъ черпалъ философію Гегеля изъ болѣе чистыхъ источниковъ, чѣмъ друзья его, и глубже вдумывался въ ея основанія. По крайней мѣрѣ, Станкевичъ, уже въ то время, когда друзья его по уши тонули въ отвлеченныхъ умствованіяхъ, началъ уже чувствовать скуку и отвращеніе отъ сухихъ и схоластическихъ занятій и инстинктивныя порыванія къ дѣйствительности жизни. „Какъ сухи и безполезны —говорилъ онъ уже 1839 г. — нелѣпыя, безпокойныя, отвлеченныя занятія!..“ и признается въ то-же время, что доселѣ былъ не въ состояніи прямо приступить къ пространной логикѣ Гегеля (въ 3 частяхъ) и познакомился съ нею по частямъ энциклопедіи, въ философіи права и въ лекціяхъ, что онъ не чувствуетъ въ себѣ довольно жизни, единства, полноты, чтобы броситься въ этотъ міръ скелетовъ, и что для сохраненія всей своей свѣжести мысль его постоянно должна набираться силъ въ наслажденіи искусствомъ, въ дѣйствительномъ мірѣ; въ письмѣ-же изъ Дрездена отъ 20-го мая 1838 г., онъ восклицаетъ въ отчаяніи, что одно спасеніе противъ сумасшествія—исторія. Увлеченія друзей его крайне огорчили его, и вотъ, что пишетъ онъ къ Грановскому въ 1840 г. по поводу извѣстія о крайностяхъ этихъ увлеченій:

«Извѣстія о литературныхъ трудахъ и понятіяхъ нашихъ знакомыхъ неутѣшительны. Что имъ дался Шиллеръ? что за ненависть?.. Такъ-какъ они не понимаютъ, что такое дѣйствительность, то я думаю, что они уважаютъ слово, сказанное Гегелемъ. А если авторитетъ его силенъ у нихъ, то пусть прочтутъ, что онъ говорилъ о Шиллерѣ въ Эстетикѣ въ разныхъ мѣстахъ, также о «Валленштейнѣ» въ мелкихъ сочиненіяхъ. А о дѣйствительности пусть прочтутъ въ Логикѣ, что дѣйствительность въ смыслѣ непосредственности, внѣшняго бытія—есть случайность; что дѣйствительность въ ея истинѣ есть *Разумъ*, *Духъ*. А если Шиллеръ, по ихъ мнѣнію, не есть поэтъ дѣйствительности, а туманный, то я предлагаю имъ въ поэты Свѣчина, который описываетъ, какъ въ сраженіи: *иному стегно*

раздвоило. Но можешь сказать имъ только аргументы, безъ *яда насмѣшки*—это только ожесточаетъ, а они люди хорошіе и я съ ними ссориться не хочу».

Но если человѣкъ, и по своему характеру, и по своему изолированному положенію въ жизни, болѣе наклонный къ отвлеченнымъ, философскимъ занятіямъ, все-таки, тяготился сухостью ихъ и чувствовалъ такіе-же порывы къ жизни, съ какими въ средніе вѣка тщетно боролись различные отшельники и монахи, то можно себѣ представить, что долженъ былъ чувствовать Бѣлинскій, который былъ поставленъ, по своему положенію, прямо лицомъ къ лицу передъ обществомъ, для котораго общественное сочувствіе было важно не только въ нравственномъ отношеніи, но и въ чисто матеріальномъ, такъ-какъ только это сочувствіе и могло дѣлать жизнь его хоть сколько-нибудь обезпеченною. Человѣкъ, обезпеченный въ своей жизни помимо труда, можетъ выдумать какую угодно дикую теорію, и спокойно запереться съ нею отъ всего міра, бросивши на людей, съ высоты своего величія, улыбку гордаго презрѣнія; но совершенно въ иномъ положеніи находится бѣдный труженикъ, видящій все свое призваніе въ живой публицистикѣ, т.-е. въ прямомъ вмѣшательствѣ въ вопросы жизни; если онъ хочетъ, чтобы его слушали, онъ долженъ страстно отзываться на всѣ общественные интересы; да и этого еще мало: онъ долженъ предугадывать тѣ общественныя инстинктивныя стремленія, которыя вырабатываетъ жизнь, доводить ихъ до всеобщаго опредѣленнаго сознанія и указывать по возможности пути къ ихъ осуществленію. Если-же, вмѣсто того, чтобы жить со своимъ обществомъ и быть впереди его, онъ запрется отъ міра въ тѣсный кружокъ, выработаетъ въ этомъ кружкѣ какую-нибудь узенькую теорійку и выступитъ съ нею совершенно, можетъ быть, въ разрѣзъ съ общественными симпатіями и антипатіями, то нѣтъ ничего мудренаго, если проповѣдникъ встрѣтитъ всеобщее несочувствіе, насмѣшки, порицанія и, въ концѣ-концовъ, пропаганда его останется безъ слушателей, гласомъ вопіющаго въ пустынѣ.

Правда, что во время „Московскаго Наблюдателя“ наше общество было въ такой степени еще не развито, что не чувствовало еще почти никакой потребности въ публицистахъ въ истинномъ значеніи этого слова, т.-е. въ смыслѣ современныхъ западныхъ публицистовъ; оно не сознавало еще вполнѣ ясно и опредѣленно всей тягости своего положенія, но, тѣмъ не менѣе, все-таки, инстинктивно чувствовало лежащій на немъ гнетъ: оно скучало, оно было недовольно жизнію, оно страдало. Чѣмъ-же, какъ не этимъ вы объясните, что оно съ жадностью набрасывалось на всякое поэтическое произведеніе, исполненное грусти, тоски, озлобленія, или смѣху надъ окружающею дѣйствительностью. Не даромъ это общество холодно встрѣтило всѣ произведенія Пушкина послѣдняго періода, и въ то-же время съ жадностью зачитывалось Лермонтовымъ, въ которомъ воскресъ передъ нимъ Пушкинъ прежняго времени, только еще болѣе грустный, разочарованный, негодующій. Не даромъ это общество съ восторгомъ встрѣтило надрывающійся отъ грусти смѣхъ Гоголя. Теперь подумайте, какой критикъ могъ быть самымъ любимымъ и симпатичнымъ? Очевидно, такой, который еслибы не былъ въ состояніи разъяснить обществу вполнѣ до самыхъ основныхъ причинъ его недовольство жизнію и его пристрастіе къ отрицательной поэзіи, то, все-таки, на сколько возможно, постарался бы это сдѣлать; наконецъ, публика была бы довольна и тѣмъ, еслибы критикъ смѣялся бы вмѣстѣ съ Гоголемъ и плакалъ вмѣстѣ съ Лермонтовымъ надъ окружающею дѣйствительностью, доказывая, что и смѣяться и плакать есть свои основательныя причины... Но могло-ли общество сочувствовать критику, который началъ проповѣдывать обществу, что какъ ни гнусна дѣйствительность, а все-таки, она разумна, потому что она есть проявленіе вѣчнаго разума, что, поэтому, мы должны мириться съ дѣйствительностью, какова бы она ни была, а всякое выраженіе недовольства жизнью, или желаніе улучшить ее—есть самозванное поползновеніе вносить свою маленькую личную волю въ развитіе міровой, безусловной идеи, что, поэтому, всякій скорбящій или негодующій поэтъ вовсе не поэтъ, мы не должны ему сочувствовать, что Пушкинъ только тогда и достигъ до высшей поэтической зрѣлости, когда отрѣшился отъ лирической субъективности, что Гоголь не потому намъ нравится, что выводитъ на всеобщее посмѣшище пошлость жизни, а потому, что онъ художественно объективенъ и примиряетъ насъ съ отрицательными сторонами жизни, возводя ихъ въ перлъ созданія... Довольно сказать, что впродолженіе всего сотрудничества Бѣлинскаго въ „Московскомъ Наблюдателѣ“ о Лермонтовѣ не было сказано почти ни слова. И знаете почему? Потому, что Лермонтовъ, съ своимъ демоническимъ и байроническимъ направленіемъ, никакъ не покорялся воззрѣнію друзей, и Бѣлинскаго, по свидѣтельству Панаева, ужасно это мучило... „Онъ видѣлъ—говоритъ Панаевъ — что начинающій поэтъ обнаруживаетъ громадныя поэтическія силы; каждое новое его стихотвореніе въ „Отеч. Записк.“ приводило Бѣлинскаго въ экстазъ, а между тѣмъ, въ этихъ стихотвореніяхъ *примиренія* не было и тѣни! Лермонтова оправдывали, впрочемъ, тѣмъ, что онъ молодъ, что онъ только что начинаетъ, нѣсколько успокоивались тѣмъ, что онъ владѣетъ всѣми данными для того, чтобы сдѣлаться современемъ полнымъ, великимъ художникомъ и достигнуть вѣнца творчества—художественнаго спокойствія и объективности...“ Нѣтъ ничего мудренаго послѣ всего этого, что какъ ни низко стояло общество наше въ своемъ общественномъ развитіи, но оно, все-таки, въ массѣ имѣло на столько живое чутье, что отвернулось отъ проповѣдниковъ, подобныхъ врачу, который, вмѣсто всякаго врачеванья или хотя бы теплаго слова участія, вздумалъ бы совѣтовать больному помириться съ своею болѣзнью, такъ-какъ болѣзнь его въ общемъ ходѣ жизни есть своего рода органическій процессъ, прерывать который мы не имѣемъ никакого права, потому что процессъ этотъ есть частичка общей работы мудрой природы, и что еще Богъ знаетъ: если, отрѣшась отъ субъективной точки зрѣнія, мы станемъ на объективно-міровую, то, быть можетъ, болѣзнь покажется намъ здоровьемъ, а здоровье болѣзнью и пр. Плодомъ по-

добной пропаганды было то, что „Московскій Наблюдатель" подъ новой редакціей пошелъ еще хуже, чѣмъ прежде, подписчиковъ сдѣлалось еще менѣе, и въ 1839 году, едва дойдя до 5-й книжки, онъ долженъ былъ прекратить свое существованіе... И можно-ли обвинять публику, что она предпочитала столь глубоко-философскому журналу — „Библіотеку для Чтенія", которая была въ это время въ апогеѣ своего успѣха. Какъ ни была безосновательна, иногда и прямо недобросовѣстна и пристрастна критика этого журнала, какъ ни была поверхностна и парадоксальна ученость его, какъ ни плоско и бѣдно было остроуміе его, но, все-таки, это былъ единственный хоть сколько-нибудь живой журналъ въ то время... Подсмѣиваясь надъ философскою ученостью и туманнымъ языкомъ московскихъ писателей, журналъ этотъ легкимъ, популярнымъ языкомъ сообщалъ своимъ читателямъ всѣ новости и важныя открытія по части естествознанія и другихъ наукъ, и въ то время, какъ „Московскій Наблюдатель", разражаясь грозными филиппиками противъ французской литературы, угощалъ публику повѣстями Гофмана, преклоняясь передъ его геніемъ, „Библіотека для Чтенія" переводила Бальзака, Жоржъ- Зандъ, Гюго, а впослѣдствіи знакомила русскую публику съ произведеніями англійской литературы—Диккенсомъ и Теккереемъ. И мы убѣждены, что знакомство публики со всѣми этими писателями было неизмѣримо важнѣе и цѣннѣе въ ходѣ развитія нашего общества, чѣмъ всѣ выдержки изъ Ретшера, стихотворенія Клюшникова или повѣсти Кудрявцева. За одно это можно простить „Библіотекѣ для Чтенія" многіе ея грѣхи.

Вся эта исторія съ „Московскимъ Наблюдателемъ" тѣмъ болѣе характеристична, что подобныя ей исторіи не разъ повторялись въ нашей литературѣ и каждый разъ оканчивались такими же фіаско. Мы до такой степени еще люди средневѣковые, для насъ такъ еще непривычны сферы науки или философіи, что стоитъ только углубиться намъ въ какую бы то ни было спеціальную область, хотя бы даже и естествознанія, и мы тотчасъ же готовы закупориться въ этой области отъ всего міра; мы теряемъ всякую связь между различными элементами жизни и начинаемъ думать, что единственное спасеніе людей и всего міра зависитъ отъ того, чтобы всѣ только и дѣлали, что проникались нашею спеціальностью и ни о чемъ больше не заботились. Вмѣстѣ съ этимъ мы исполняемся гордаго высокомѣрія средневѣковыхъ адептовъ и съ презрѣніемъ начинаемъ смотрѣть на все, что не принадлежитъ къ узкой сферѣ нашей спеціальности... Мы совершенно забываемъ, что какъ ни важенъ въ области науки вопросъ о лабиринтахъ уха, но часто какой-нибудь романъ, даже не изъ первостепенныхъ, можетъ оказывать гораздо болѣе непосредственное, сильное, вліятельное дѣйствіе на настроеніе общества, на развитіе его сознанія и на ходъ его политической жизни, чѣмъ брошурка о какихъ-нибудь инфузоріяхъ на рыбѣ, въ своемъ родѣ очень можетъ быть и почтенная. Въ нашемъ гордомъ увлеченіи мы готовы остановить весь ходъ развитія общественной мысли и общественныхъ интересовъ, потому что все это кажется намъ поверхностнымъ, ничтожнымъ, преисполненнымъ беллетристической легкости и лицемѣрнаго либерализма сравнительно съ важностью и глубокомысліемъ таинствъ нашей науки. Мы забываемъ при этомъ, что самыя таинства науки не иначе могутъ быть проведены въ общество, какъ въ популярномъ, общедоступномъ изложеніи, и что чѣмъ въ болѣе беллетристическомъ видѣ передается истина, хотя бы и самая глубокая, тѣмъ скорѣе она можетъ быть распространена и усвоена. И кончается эта исторія всегда тѣмъ, что коварная публика становится спиной къ глубокомысленнымъ спеціалистамъ и бросается на то, что ей легко доступно, что соотвѣтствуетъ степени ея развитія, что отвѣчаетъ на ея вопросы, удовлетворяетъ ея интересамъ, оставляя въ то же время глубокомысленныхъ спеціалистовъ или оплакивать свое увлеченіе, или кипѣть негодованіемъ на мнимое развращеніе и измельчаніе общества...

Печально отразилось на личности Бѣлинскаго подобное увлеченіе. Матеріальное положеніе его, по прекращеніи „Московскаго Наблюдателя", сдѣлалось снова отчаянно. „При такихъ неблагопріятныхъ обстоятельствахъ—говоритъ И. Панаевъ—Бѣлинскій задолжалъ въ лавочку. Въ долгъ ему не хотѣли ничего отпускать. Обѣдъ его, при которомъ я не разъ присутствовалъ, былъ и безъ того неприхотливъ: онъ состоялъ изъ дурно-свареннаго супа, который Бѣлинскій густо посыпалъ перцемъ, и куска говядины изъ этого супа..."

Нравственное же состояніе Бѣлинскаго было еще хуже. Вмѣсто ожидаемаго примиренія, онъ обрѣлъ окончательный разладъ и съ самимъ собою, и съ окружающимъ его міромъ. Послѣднее время пребыванія своего въ Москвѣ онъ постоянно былъ въ раздраженномъ и взволнованномъ состояніи духа.

— Нѣтъ, сказалъ онъ однажды Панаеву: — мнѣ, во что бы то ни стало, надобно вонъ изъ Москвы... Мнѣ эта жизнь надоѣла и Москва опротивѣла мнѣ...

Въ то же время со всѣхъ сторонъ онъ слышалъ возраженія и порицанія относительно направленія его критическихъ статей. Незадолго затѣмъ онъ разошелся съ Герценомъ и всѣмъ кружкомъ его, и надо думать, что изъ многихъ устъ онъ слышалъ одни и тѣ же упреки. Это видно изъ намековъ и тона его же собственныхъ нижеприводимыхъ словъ. Дѣло дошло впослѣдствіи даже до личнаго оскорбленія, до того, что когда Бѣлинскому, въ бытность его уже въ Петербургѣ, былъ представленъ какой-то артиллерійскій офицеръ, послѣдній, узнавъ, что передъ нимъ авторъ „Бородинской годовщины", не хотѣлъ подать ему своей руки.

Вотъ что разсказываетъ Панаевъ относительно того, какъ относился Бѣлинскій въ послѣдніе дни своего пребыванія въ Москвѣ къ своимъ убѣжденіямъ и возраженіямъ противъ нихъ:

«Черезъ нѣсколько дней послѣ моего возвращенія изъ Москвы, Бѣлинскій принесъ мнѣ прочесть свою рецензію на книгу Ѳ. Глинки «Бородинская годовщина», которую онъ отослалъ для напечатанія въ «Отечественныя Записки».

— Послушайте-ка, сказалъ онъ мнѣ:—кажется мнѣ еще до сихъ поръ не удавалось ничего написать такъ горячо и такъ рѣшительно высказать наши убѣжденія. Я читалъ эту статейку Мишелю (Бакунину)

и онъ пришелъ отъ нея въ восторъ—ну, а мнѣніе его чего-нибудь да стоитъ! Да, что много говорить, я самъ чувствую, что статейка *вытанцовалась*...

«И Бѣлинскій началъ мнѣ читать ее съ такимъ волненіемъ и жаромъ, съ какимъ онъ никогда ничего не читалъ ни прежде, ни послѣ.

«Лихорадочное увлеченіе, съ которымъ читалъ Бѣлинскій, языкъ этой статьи, исполненной странной торжественности и напряженнаго паѳоса, произвелъ во мнѣ нервное раздраженіе... Бѣлинскій самъ былъ явно раздраженъ нервически...

— Удивительно! превосходно! повторялъ я во время чтенія и по окончаніи чтенія:—но я вамъ замѣчу одно...

— Я знаю, знаю что—не договаривайте, перебилъ меня съ жаромъ Бѣлинскій:—меня назовутъ льстецомъ, подлецомъ, скажутъ, что я кувыркаюсь передъ властями... Пусть ихъ! Я не боюсь открыто и прямо высказывать мои убѣжденія, что бы обо мнѣ ни думали...

«Онъ началъ ходить по комнатѣ въ волненіи...

— Да! это мои убѣжденія! продолжалъ онъ, разгорячаясь болѣе и болѣе.—Я не стыжусь, а горжусь ими... И что мнѣ дорожить мнѣніемъ и толками чортъ знаетъ кого? Я только дорожу мнѣніемъ людей развитыхъ и друзей моихъ... Они не заподозрятъ меня въ лести и подлости. Противъ убѣжденій никакая сила не заставитъ меня написать ни одной строчки... они знаютъ это... Подкупить меня нельзя... Клянусь вамъ, Панаевъ—вы вѣдь еще меня мало знаете...

«Онъ подошелъ ко мнѣ и остановился передо мною. Блѣдное лицо его вспыхнуло, вся кровь прилила къ головѣ, глаза его горѣли.

— Клянусь вамъ, что меня нельзя подкупить ничѣмъ! Мнѣ легче умереть съ голода—я и безъ того рискую эдакъ умереть каждый день (и онъ улыбнулся при этомъ съ горькою ироніей), чѣмъ потоптать свое человѣческое достоинство, унизить себя передъ кѣмъ бы то ни было, или продать себя...

«Разговоръ этотъ со всѣми подробностями живо врѣзался въ мою память. Бѣлинскій какъ будто теперь передо мною...

«Онъ бросился на стулъ, запыхавшись... и отдохнувъ немного, продолжалъ съ ожесточеніемъ:

— Эта статья рѣзка, я знаю — но у меня въ головѣ рядъ статей еще болѣе рѣзкихъ... Ужь какъ же я отхлещу этого негодяя Менцеля, который осмѣливается судить объ искусствѣ, ничего не смысля въ немъ!..»

Весь этотъ разговоръ съ Панаевымъ показываетъ, что Бѣлинскій и самъ чувствовалъ неправоту своихъ убѣжденій, иначе возраженія не дѣйствовали бы на него такъ болѣзненно, и вмѣсто наступательнаго тона, не принималъ бы онъ тона оправдательнаго и, притомъ, исполненнаго такой раздражительности, какъ будто кто затрогивалъ самую глубокую и болючую рану его.

Въ заключеніе, мы считаемъ нелишнимъ привести мнѣніе самого Бѣлинскаго о вредномъ вліяніи на человѣка замкнутаго кружка, высказанное имъ въ 1845 году въ статьѣ „Славянскій Сборникъ“ Н. В. Савельева-Ростиславича (см. VI т., ст. 433). Хотя мнѣніе это высказалъ Бѣлинскій, имѣя въ виду славянофиловъ, но, тѣмъ не менѣе, въ словахъ его такъ и слышится сознаніе личнаго опыта:

«Берегитесь, господа, обольщеній своего кружка: въ немъ какъ разъ увѣрятъ васъ, что вы геній и что вы побѣдили всѣхъ вашихъ противниковъ, которые даже и не думали съ вами бороться, а просто или смѣялись надъ вами, или не обращали на ваше ратованіе никакого вниманія. Кружокъ—вещь опасная: онъ можетъ довести человѣка до жалкаго донъ-кихотства. Кружокъ и свѣтъ—двѣ вещи разныя; первый признаетъ за достовѣрное, доказанное и несомнѣнное то, надъ чѣмъ часто смѣется второй, какъ надъ нелѣпостью. Живите въ кружкѣ, который вамъ нравится; но заглядывайте и въ свѣтъ, прислушивайтесь и къ его сужденіямъ, чтобы не впасть сперва въ односторонность и исключительность, а потомъ и просто въ нелѣпость. Исключительное и безвыходное пребываніе въ себѣ, или въ пріятельскомъ кружкѣ, или въ приходѣ своего журнала—гибельны для человѣка. Ограниченіе себя однимъ и тѣмъ же, отчужденіе отъ всего, что не мы и не наше, гибельно не только для частныхъ лицъ, но и для народовъ: вспомните Китай и Японію!»

IX.

Вліяніе на Бѣлинскаго переѣзда въ Петербургъ.—Начало въ Бѣлинскомъ переходнаго процесса.—Свидѣтельство объ этомъ Тургенева.—Новый взглядъ на романтизмъ.—Статья о Лермонтовѣ.—Рефлексіи и отрицаніе рутинной морали. — Примиреніе съ французскою литературой и увлеченіе романами Жоржъ-Зандъ.—Новые взгляды философскіе и эстетическіе.—Оцѣнка Пушкина и Ап. Майкова.

Пріѣздъ въ Петербургъ и начало сотрудничества въ „Отечественныхъ Запискахъ“ послужили толчками, возбудившими въ Бѣлинскомъ умственный и нравственный переломъ.

Не говоря о томъ вліяніи, какое необходимо производитъ появленіе новыхъ, разномыслящихъ людей на членовъ замкнутаго кружка, увлекшагося какою-нибудь узенькою, одностороннею доктриной, не малое освѣжающее и отрезвляющее дѣйствіе оказываетъ въ этомъ случаѣ всякое удаленіе отъ кружка въ видѣ путешествія, переселенія въ другой городъ, перемѣны занятій. Мы видѣли, что даже представитель кружка, Станкевичъ, сдѣлался уже не тотъ, что былъ въ Москвѣ, съ переселеніемъ за границу: его начало тяготить то самое углубленіе въ отвлеченныя сферы гегелевской философіи, въ которомъ онъ прежде видѣлъ высокую задачу жизни. То-же самое случилось и съ Бѣлинскимъ по переѣздѣ его въ Петербургъ.

«Хотя москвичъ вообще оригинальнѣе и какъ будто самобытнѣе петербуржца, однако, тѣмъ не менѣе, онъ очень скоро свыкается съ Петербургомъ, если переѣдетъ въ него жить—говоритъ Бѣлинскій въ своей статьѣ «Москва и Петербургъ» (см. «Соч. Бѣл.», т. XII, стр. 229).—Куда дѣваются высокопарныя мечты, идеалы, теоріи, фантазіи! Петербургъ, въ этомъ отношеніи, пробный камень человѣка: кто, живя въ немъ, не увлекся водоворотомъ призрачной жизни, умѣлъ сберечь и душу, и сердце на счетъ здраваго смысла, сохранить свое человѣческое достоинство, не предаваясь донкихотству, тому смѣло можете вы протянуть руку, какъ человѣку... Петербургъ имѣетъ на нѣкоторыя натуры отрезвляющее свойство; сначала, кажется вамъ, что отъ его атмосферы, словно листья съ дерева, спадаютъ съ васъ самыя дорогія убѣжденія; но скоро замѣчаете вы, что то не убѣжденія, а мечты, порожденныя праздною жизнью и рѣшительнымъ незнаніемъ дѣйствительности, и вы остаетесь, можетъ быть, съ тяжелою грустью, но въ этой грусти такъ много святаго, человѣческаго... Что мечты! Самыя обольстительныя изъ нихъ не стоютъ въ глазахъ дѣльнаго (въ разумномъ значеніи этого слова) человѣка самой горькой истины, потому что

счастіе глупца есть ложь, тогда какъ страданіе дѣльнаго человѣка есть истина, и, притомъ, плодотворная въ будущемъ...»

Но было-бы ошибочно думать, чтобы прежнія теоріи и фантазіи Бѣлинскаго спали съ него дѣйствительно съ легкостью осеннихъ листьевъ и чтобы переворотъ совершился въ немъ съ быстротой балетныхъ превращеній. Напротивъ того, цѣлые годы тянулось переходное состояніе въ умственномъ мірѣ Бѣлинскаго; въ эти годы Бѣлинскій переживалъ тотъ-же самый періодъ рефлексій и сомнѣній, какой въ то время переживали всѣ его современники, начиная съ Герцена и кончая Грановскимъ. Всѣ эти рефлексіи и сомнѣнія, всѣ эти блужданія въ потемкахъ различныхъ противорѣчій — были столь-же мучительны для Бѣлинскаго, какъ и для всѣхъ его современниковъ. Вотъ что свидѣтельствуетъ объ этомъ Тургеневъ въ своихъ воспоминаніяхъ о Бѣлинскомъ:

«Вскорѣ послѣ моего знакомства съ нимъ (1843 г.), его снова начали тревожить тѣ вопросы, которые, не получивъ разрѣшенія или получивъ разрѣшеніе одностороннее, не даютъ покоя человѣку, особенно въ молодости: философическіе вопросы о значеніи жизни, объ отношеніяхъ людей другъ къ другу и къ божеству, о происхожденіи міра, о безсмертіи души и т. п. Не будучи знакомъ ни съ однимъ изъ иностранныхъ языковъ (онъ даже по французски читалъ съ большимъ трудомъ) и не находя въ русскихъ книгахъ ничего, что могло-бы удовлетворить его пытливость, Бѣлинскій поневолѣ долженъ былъ прибѣгать къ разговорамъ съ друзьями, къ продолжительнымъ толкамъ, сужденіямъ и распросамъ; и онъ отдавался имъ со всѣмъ лихорадочнымъ жаромъ своей жаждавшей правды души... И такъ, когда я познакомился съ Бѣлинскимъ, его мучили сомнѣнія. Эту фразу я часто слышалъ и самъ употреблялъ не однажды; но въ дѣйствительности и и вполнѣ она примѣнялась къ одному Бѣлинскому. Сомнѣнія его именно мучили, лишали его сна, пищи, неотступно грызли и жгли его, онъ не позволялъ себѣ забыться и не зналъ усталости; онъ денно и нощно бился надъ разрѣшеніемъ вопросовъ, которые самъ задавалъ себѣ. Бывало, какъ только я приду къ нему, онъ, исхудалый, больной (съ нимъ сдѣлалось тогда воспаленіе въ легкихъ и чуть не унесло его въ могилу), тотчасъ встанетъ съ дивана и едва слышнымъ голосомъ, безпрестанно кашляя, съ пульсомъ, бившимъ сто разъ въ минуту, съ неровнымъ румянцемъ на щекахъ, начнетъ прерванную наканунѣ бесѣду. Искренность его дѣйствовала на меня, его огонь сообщался и мнѣ, важность предмета меня увлекала, но, поговоривъ часа два, три, я ослабѣвалъ, легкомысліе молодости брало свое, мнѣ хотѣлось отдохнуть, я думалъ о прогулкѣ, объ обѣдѣ, сама жена Бѣлинскаго умоляла и мужа, и меня, хотя немножко погодить, хотя на время прервать эти пренія, напоминала ему предписаніе врача... но съ Бѣлинскимъ сладить было нелегко. «Мы не рѣшили еще вопроса о существованіи Бога—сказалъ онъ мнѣ однажды съ горькимъ упрекомъ—а вы хотите ѣсть!»

Это переходное состояніе отражается и въ сочиненіяхъ Бѣлинскаго сороковыхъ годовъ, эпохи сотрудничества его въ „Отечественныхъ Запискахъ“. Перебирая статьи его этой эпохи, одна за другою, вы видите, какъ постепенно Бѣлинскій переходитъ изъ праваго лагеря гегеліанцевъ въ лѣвый и дѣлается, наконецъ, фейербахистомъ; отрѣшаясь отъ идеализма, все болѣе становится на реальную почву, наконецъ, изъ поклонника чистаго искусства превращается въ проповѣдника искусства для жизни.

По пріѣздѣ въ Петербургъ въ 1839 году, Бѣлинскій въ теченіи перваго года все еще носился со своими московскими идеями. Первымъ дѣломъ онъ напечаталъ въ „Отечественныхъ Запискахъ“ двѣ свои знаменитыя статьи, написанныя имъ еще въ Москвѣ и выражающія апогей его московскихъ увлеченій: „Очерки Бородинскаго сраженія“ и „Менцель, критикъ Гете“. Затѣмъ, въ 1840 году была напечатана имъ критическая статья, посвященная разбору „Горя отъ ума“ Грибоѣдова рядомъ съ „Ревизоромъ“ Гоголя. Мы разсматривали эту статью въ 8-й главѣ и видѣли въ ней преобладаніе идей московскаго періода: комедія Гоголя въ этой статьѣ превозносится, какъ идеалъ комедіи, вслѣдствіе своей объективности, а „Горе отъ ума“ выключается изъ ряда художественныхъ произведеній за преобладаніе въ ней сатиры.

Но уже и въ этой статьѣ, несмотря на преобладаніе въ ней все еще московскихъ теорій, вы видите вѣяніе новаго духа. Вы замѣчаете, что Бѣлинскій гораздо глубже усвоилъ гегелевскую философію и пришелъ къ болѣе правильному пониманію ея. Онъ уже не считаетъ все дѣйствительное разумнымъ и не проповѣдуетъ примиреніе съ мрачными сторонами жизни въ сферѣ отвлеченнаго мышленія. Напротивъ того, дѣйствительнымъ онъ признаетъ только разумное въ жизни, все-же остальное относитъ къ категоріи призрачнаго. „Дѣйствительность — говоритъ онъ (см. „Соч. Б.“, т. III, стр. 364)—есть во всемъ, въ чемъ только есть движеніе, жизнь, любовь; все мертвое, холодное, не разумное, эгоистическое—есть призрачность“. Сообразно этимъ двумъ категоріямъ, онъ дѣлитъ и поэзію на положительную—поэзію разумной дѣйствительности, и отрицательную — поэзію неразумной призрачности.

Но особенно замѣчательна эта статья тѣмъ, что въ ней Бѣлинскій впервые рѣшился признать романтизмъ явленіемъ вполнѣ отжившимъ и не имѣющимъ никакого значенія въ современной жизни. Онъ провелъ на отношеніе романтизма къ классицизму взглядъ, основанный вполнѣ на гегелевской философіи. По его мнѣнію, древній классицизмъ и средневѣковой романтизмъ суть двѣ противоположности, тезъ и антитезъ. Въ одной крайности, именно въ классицизмѣ, Бѣлинскій видитъ преобладаніе формы надъ идеей, чувственной красоты надъ духомъ; въ романтизмѣ—наоборотъ: преобладаніе духа надъ формой. Искать идеала поэзіи въ одной изъ этихъ крайностей, по мнѣнію Бѣлинскаго, крайне нелѣпо, такъ какъ прогрессъ заключается не въ установленіи той или другой крайности, а въ примиреніи ихъ, синтезѣ.

«Наше новѣйшее искусство—говоритъ онъ (см. «Соч. Б.», т. I, стр. 349)—начатое Шекспиромъ и Сервантесомъ, не есть ни классическое, потому что «мы не греки и не римляне», и не романтическое, потому что мы не рыцари и не трубадуры среднихъ вѣковъ. Какъ-же его назвать? Новѣйшимъ. Въ чемъ его характеръ? Въ примиреніи классическаго и романтическаго, въ тождествѣ, а слѣдовательно, и въ различіи отъ того и другого, какъ двухъ крайностей. Происходя исторически, непосредственно отъ втораго, изслѣдовавъ всю глубину и обширность его безконечнаго содержанія и обогатя его дальнѣйшимъ развитіемъ христіанской

жизни и пріобрѣтеніемъ новаго знанія, оно примирило богатство своего романтическаго содержанія съ пластицизмомъ классической формы».

Мы не будемъ распространяться объ искусственности подобнаго метафизическаго взгляда на исторію искусства—взгляда, который господствовалъ въ 40-е годы. Если вы вооружитесь имъ, то, конечно, вы должны будете безпрестанно становиться въ тупикъ при анализѣ различныхъ произведеній древнихъ, среднихъ и новыхъ вѣковъ: такъ, напримѣръ, на какомъ основаніи вы отвергнете преобладаніе внутренняго содержанія, идеи въ такихъ произведеніяхъ древности, какъ Прометей Эсхила, комедіи Аристофана, сатиры Ювенала, а съ другой стороны, Divina comedia Данте, несмотря на то, что появилась въ самой глубинѣ среднихъ вѣковъ, представляетъ вовсе не преобладаніе идеи, содержанія надъ формой, а напротивъ того, вы видите въ ней представленіе сверхчувственныхъ вещей до такой степени чувственное и пластичное, что, читая комедію, забываете о духовности этихъ вещей. Но для насъ взглядъ Бѣлинскаго важенъ не по отношенію къ его вѣрности, а по значенію въ свое время. Статья Бѣлинскаго, проведшая подобный взглядъ и напечатанная въ 1840 году, представляется какъ-бы сигнальнымъ выстрѣломъ, возвѣстившимъ переходъ отъ 30-хъ годовъ къ 40-мъ. Этотъ выстрѣлъ возвѣстилъ, что близокъ конецъ царству романтизма, что романтизмъ утратилъ свое значеніе передоваго знамени вѣка. Правда, тотъ-же самый взглядъ провелъ еще ранѣе Бѣлинскаго Н. Надеждинъ въ своей диссертаціи о романтизмѣ. Но Надеждинъ не могъ имѣть такого вліянія какъ по своей уклончивости, непрямотѣ, вилянію хвостикомъ передъ классицизмомъ, такъ и потому, что въ 20-е годы взглядъ, высказанный Надеждинымъ, былъ слишкомъ преждевременъ. Правда, что Бѣлинскій, возвѣстившій конецъ романтизма, тѣмъ не менѣе, оставался до могилы во многихъ отношеніяхъ истымъ романтикомъ, подобно многимъ его современникамъ, но это показываетъ только, что умственные перевороты совершаются не по мановенію волшебнаго жезла, а имѣютъ свой неизбѣжный процессъ, который можно предвидѣть, можно сознавать, но перешагнуть черезъ который такъ-же невозможно, какъ сразу отростить бороду или вырости на вершокъ. Статья Бѣлинскаго въ этомъ отношеніи возвѣстила не конецъ романтизма, а начало выхода изъ него, наступленіе эпохи броженія и борьбы идей, характеризующихъ собою 40-е годы. Послѣ статьи Бѣлинскаго крики противъ романтизма начинаютъ раздаваться въ литературѣ чаще, рѣшительнѣе и громче, и въ концѣ 40-хъ годовъ, какъ мы вскорѣ увидимъ, романтизмъ сдѣлался браннымъ прозвищемъ для всего отсталаго и отжившаго.

И надо отдать справедливость Бѣлинскому, что въ синтезѣ классицизма и романтизма, который онъ проповѣдывалъ, онъ предвидѣлъ именно то, къ чему стремилось человѣчество въ его время. Въ той-же статьѣ о „Горе отъ ума“ вы читаете слѣдующія многознаменательныя строки (см. С. Б., т. III, стр. 355, 357):

«Мечтательность въ XIX вѣкѣ такъ-же смѣшна, пошла и приторна, какъ и сантиментальность. Дѣйствительность—вотъ пароль и лозунгъ нашего вѣка, дѣйствительность во всемъ, и въ вѣрованіяхъ, и въ наукѣ, и въ искусствѣ, и въ жизни. Могучій мужественный вѣкъ, онъ не терпитъ ничего ложнаго, поддѣльнаго, слабаго, расплывающагося, но любитъ одно мощное, крѣпкое, существенное... Мечтательность была высшею дѣйствительностью только въ періодѣ юношества человѣческаго рода; тогда и формы поэзіи улетучивались въ ѳиміамъ молитвы, во вздохъ блаженствующей любви или тоскующей разлуки. Поэзія-же мужественнаго возраста человѣчества, наша новѣйшая поэзія осязаетъ изящную форму, просвѣтляетъ эѳиромъ мысли, и на яву дѣйствительности, а не во снѣ мечтаній отворяетъ таинственныя врата священнаго храма духа. Короче, какъ романтическая поэзія была поэзіей мечты и безотчетнымъ порывомъ въ область идеаловъ, такъ новѣйшая поэзія есть поэзія дѣйствительности, поэзія жизни...»

Въ томъ-же году, въ статьѣ по поводу сочиненій Марлинскаго, Бѣлинскій еще болѣе развилъ эту идею о поэзіи дѣйствительности, жизни.

«Истинно-художественное произведеніе всегда поражаетъ читателя—говоритъ онъ («Соч. Б.», т. III, стр. 458 и 459)—своей истиной, естественностью, вѣрностью, дѣйствительностью, до того, что, читая его, вы безсознательно, но глубоко убѣждены, что все разсказываемое или представляемое въ немъ, происходило именно такъ, и совершиться иначе не могло. Когда вы его окончите, изображенныя въ немъ лица стоятъ передъ вами, какъ живыя, во весь ростъ, со всѣми малѣйшими своими особенностями—съ лицемъ, съ голосомъ, съ поступью, со своимъ образомъ мышленія; они навсегда и неизгладимо запечатлѣваются въ вашей памяти, такъ что вы никогда уже не забудете ихъ. Цѣлое піэсы обхватываетъ все существо ваше, проникаетъ его насквозь, а частности ея памятны и живы для васъ только по отношенію къ цѣлому. И чѣмъ больше читаете вы такое художественное созданіе, тѣмъ глубже, ближе и неразрывнѣе совершается въ васъ внутреннее и задушевное освоеніе и сдруженіе съ нимъ. Простота есть необходимое условіе художественнаго произведенія, по своей сущности отрицающее всякое внѣшнее украшеніе, всякую изысканность. Простота есть красота истины, и художественныя произведенія сильны ею, тогда какъ мнимо-художественныя часто гибнутъ отъ нея, и потому по необходимости прибѣгаютъ къ изысканности, запутанности и необыкновенности... Въ искусствѣ, все невѣрное дѣйствительности есть ложь и обличаетъ не талантъ, а бездарность. Искусство есть выраженіе истины, и только одна дѣйствительность есть высочайшая истина, а все внѣ ея, т.-е. всякая выдуманная какимъ-нибудь «сочинителемъ» дѣйствительность есть ложь и клевета на истину...»

Подобныя идеи, сдѣлавшіяся въ настоящее время азбучными истинами, были великими открытіями для русской публики въ то время, какъ писалъ эти строки Бѣлинскій. Публика эта продолжала еще въ то время зачитываться Марлинскимъ; на Гоголя смотрѣли, какъ на комическаго балагура или грязнаго пасквилянта, и въ поэзіи видѣли не болѣе, какъ праздный вымыселъ, сказку. Понятно, что прежде чѣмъ дойти до идеи полезнаго искусства, совершенно послѣдовательно было со стороны Бѣлинскаго установить истинный взглядъ на искусство вообще, какое бы ни было, чистое или полезное, убѣдить публику, что истинное искусство высоко не вымысломъ, а правдой, вѣрнымъ воспроизведеніемъ жизни. Изъ этой-же идеи самъ собою слѣдовалъ прямой выводъ, что искусство, цѣнное

правдою жизни—этимъ уже самымъ есть искусство полезное; если ставить искусство, воспроизводящее дѣйствительность, выше искусства вымысла, отрѣшеннаго отъ жизни, то во имя чего-же другаго, какъ не во имя насущной, жизненной полезности подобнаго искусства? Мы увидимъ вскорѣ, что Бѣлинскій не замедлилъ придти къ подобному выводу.

Въ томъ-же 1840 году была помѣщена въ „Отечественныхъ Запискахъ" статья Бѣлинскаго о „Героѣ нашего времени" Лермонтова. Статья эта замѣчательна прежде всего тѣмъ, что Бѣлинскій рѣшился, наконецъ, заговорить о Лермонтовѣ, не пугаясь его субъективности; это былъ въ своемъ родѣ прогрессъ для него и большой шагъ отъ московскихъ теорій. Съ другой стороны, статья замѣчательна тѣмъ, что она посвящаетъ васъ въ ту внутреннюю борьбу, которую началъ переживать Бѣлинскій съ своего пріѣзда въ Петербургъ. Анализъ знаменитаго романа Лермонтова, проведенный въ статьѣ, отличается именно тѣмъ, что это не историческій анализъ, не общественно-физіологическій, не эстетическій, наконецъ, а чисто-субъективный, отражающій внутренній міръ критика. Оставляя въ сторонѣ вліяніе Байрона на Лермонтова и общественную среду, создавшую Печорина, и къ которой онъ исключительно принадлежитъ, Бѣлинскій приравниваетъ героя романа Лермонтова къ своему вѣку вообще и къ самому себѣ въ частности; онъ видитъ въ немъ олицетвореніе того духа сомнѣній и рефлексій, который терзалъ въ это время всѣхъ мыслящихъ современниковъ Бѣлинскаго, въ томъ числѣ и его.

«Духъ его созрѣлъ для новыхъ чувствъ и думъ—говоритъ Бѣлинскій о Печоринѣ, подразумѣвая въ этихъ словахъ свой вѣкъ и самого себя—сердце требуетъ новой привязанности: *дѣйствительность*—вотъ сущность и характеръ всего этого новаго. Онъ готовъ для него; но судьба еще не даетъ ему новыхъ опытовъ, и презирая старые, онъ, все-таки, по нимъ-же судитъ о жизни. Отсюда это безвѣріе въ дѣйствительность чувства и мысли, это охлажденіе къ жизни, въ которой ему видится то оптическій обманъ, то безсмысленное мельканіе китайскихъ тѣней. Это—переходное состояніе духа, въ которомъ для человѣка все старое разрушено, а новаго еще нѣтъ, и въ которомъ человѣкъ есть только возможность чего-то дѣйствительнаго въ будущемъ, и совершенный призракъ въ настоящемъ. Тутъ возникаетъ въ немъ то, что на простомъ языкѣ называется и «хандрой», и «ипохондріей», и «мнительностью», и «сомнѣньемъ», и другими словами, далеко не выражающими сущности явленія, и что на языкѣ философскомъ называется *рефлексіей*. Мы не будемъ объяснять ни этимологическаго, ни философскаго значенія этого слова, а скажемъ коротко, что въ состояніи рефлексіи человѣкъ распадается на два человѣка, изъ которыхъ одинъ живетъ, а другой наблюдаетъ за нимъ и судитъ о немъ. Тутъ нѣтъ полноты ни въ какомъ чувствѣ, ни въ какой мысли, ни въ какомъ дѣйствіи: какъ только зародится въ человѣкѣ чувство, намѣреніе, дѣйствіе, тотчасъ какой-то скрытый въ немъ самомъ врагъ уже подсматриваетъ зародышъ, анализируетъ его, изслѣдуетъ, вѣрна-ли, истинна-ли эта мысль, дѣйствительно-ли чувство, законно-ли намѣреніе, и какая ихъ цѣль, и къ чему они ведутъ—и благоуханный цвѣтъ чувства блекнетъ, не распустившись, мысль дробится въ безконечность, какъ солнечный лучъ въ граненомъ хрусталѣ, рука, подъятая для дѣйствія, какъ внезапно окаменѣлая, останавливается на взмахѣ, и не ударяетъ... Ужасное состояніе! Даже въ объятіяхъ любви, среди блаженнѣйшаго упоенія и полноты жизни, возстаетъ этотъ враждебный внутренній голосъ, чтобы заставить человѣка думать въ такое время, когда не думаетъ никто, и вырвавъ изъ его рукъ очаровательный образъ, замѣнить его отвратительнымъ скелетомъ.

«Но это состояніе сколько ужасно, столь-же и необходимо. Это одинъ изъ величайшихъ моментовъ духа. Полнота жизни въ чувствѣ, но чувство не есть еще послѣдняя ступень духа, дальше которой онъ не можетъ развиваться. При одномъ чувствѣ, человѣкъ есть рабъ собственныхъ ощущеній, какъ животное есть рабъ собственнаго инстинкта. Достоинство безсмертнаго духа человѣческаго заключается въ его разумности, а послѣдній, высшій актъ разумности есть—мысль. Въ мысли—независимость и свобода человѣка отъ собственныхъ страстей и темныхъ ощущеній. Когда человѣкъ поднимаетъ въ гнѣвѣ руку на врага своего—онъ слѣдуетъ чувству, его одушевляющему; но только разумная мысль о своемъ человѣческомъ достоинствѣ и о своемъ человѣческомъ братствѣ со врагомъ можетъ удержать порывъ гнѣва и обезоружить поднятую для убійства руку. Но переходъ изъ непосредственности въ разумное сознаніе необходимо совершается черезъ рефлексію, болѣе или менѣе болѣзненную, смотря по свойству индивидуума. Если человѣкъ чувствуетъ, хоть сколько нибудь свое родство съ человѣчествомъ и хоть сколько нибудь сознаетъ себя духомъ въ духѣ—онъ не можетъ быть чуждъ рефлексіи. Исключенія остаются только или за натурами чисто-практическими, или за людьми мелкими и ничтожными, которые чужды интересовъ духа и которыхъ жизнь—апатическая дремота. И нашъ вѣкъ есть по преимуществу вѣкъ рефлексіи, почему отъ нея не освобождены ни тѣ мирныя и счастливыя натуры, которыя съ глубокостью соединяютъ тихость и невозмущаемое спокойствіе, ни самыя практическія натуры, если онѣ не лишены глубокости»...

Эта характеристика вѣка живо напоминаетъ намъ подобныя-же характеристики, которыми начинаются статьи Герцена „Диллетанты-романтики" и „По поводу одной драмы". Въ разбираемой нами статьѣ Бѣлинскаго можно найти и другое сходство съ рефлективными статьями Герцена; именно, въ статьѣ Бѣлинскаго вы видите такое-же ироническое отношеніе къ установленнымъ правиламъ ходячей, рутинной морали, какое мы видимъ въ „Капризахъ и раздумьяхъ"... Подобное отношеніе представляется однимъ изъ неизмѣнныхъ симптомовъ, сопровождавшихъ рефлективный періодъ 40-хъ годовъ. Образцомъ ироніи, съ которой Бѣлинскій обращается къ пошлымъ моралистамъ, могутъ служить слѣдующія строки, встрѣчаемыя нами въ статьѣ (см. С. Б., т. III, стр. 601):

«Какой странный человѣкъ этотъ Печоринъ! Потому что его безпокойный духъ требуетъ движенія, дѣятельность ищетъ пищи, сердце жаждетъ интересовъ жизни, потому должна страдать бѣдная дѣвушка! Эгоистъ, злодѣй, извергъ, безнравственный человѣкъ!»... хоромъ закричатъ, можетъ быть, строгіе моралисты. Ваша правда, господа: но вы то изъ чего хлопочете, за что сердитесь? Право, намъ кажется, вы пришли не въ свое мѣсто, сѣли за столъ, за которымъ вамъ не поставлено прибора... Не подходите слишкомъ близко къ этому человѣку, не нападайте на него съ такою запальчивою храбростью: онъ на васъ взглянетъ, улыбнется, и вы будете осуждены, и на смущенныхъ лицахъ вашихъ всѣ прочтутъ судъ вашъ. Вы предаете его анаѳемѣ не за пороки — въ васъ ихъ больше, и въ васъ они чернѣе и позорнѣе — но за ту смѣлую свободу, за ту желчную откровенность, съ которою онъ гово-

ритъ о нихъ. Вы позволяете человѣку дѣлать все, что ему угодно, быть всѣмъ, чѣмъ онъ хочетъ, вы охотно прощаете ему и безуміе, и низость, и развратъ: но, какъ пошлину за право торговли, требуете отъ него моральныхъ сентенцій о томъ, какъ долженъ человѣкъ думать и дѣйствовать, и какъ онъ въ самомъ дѣлѣ и не думаетъ, и не дѣйствуетъ... И за то, ваше инквизиторское ауто-да-фе готово для всякаго, кто имѣетъ благородную привычку смотрѣть действительности прямо въ глаза, не опуская своихъ глазъ, называть вещи настоящими ихъ именами и показывать другимъ себя не въ бальномъ костюмѣ, не въ мундирѣ, а въ халатѣ, въ своей комнатѣ, въ уединенной бесѣдѣ съ самимъ собою, въ домашнемъ разсчетѣ съ своею совѣстію... И вы правы: покажитесь передъ людьми хоть разъ въ своемъ позорномъ неглиже, въ своихъ засаленныхъ ночныхъ колпакахъ, въ своихъ оборванныхъ халатахъ, люди съ отвращеніемъ отвернутся отъ васъ и общество отвергнетъ васъ изъ себя. Но этому человѣку нечего бояться: въ немъ есть тайное сознаніе, что онъ не то, чѣмъ самому себѣ кажется и что онъ есть только въ настоящую минуту. Да, въ этомъ человѣкѣ есть сила духа и могущество воли, которыхъ въ васъ нѣтъ; въ самыхъ порокахъ его проблескиваетъ что-то велико., какъ молнія въ черныхъ тучахъ, и онъ прекрасенъ, полонъ поэзіи даже и въ тѣ минуты, когда человѣческое чувство возстаетъ на него... Ему другое назначеніе, другой путь, чѣмъ вамъ. Его страсти — бури, очищающія сферу духа; его заблужденія, какъ ни странны они— острыя болѣзни въ молодомъ тѣлѣ, укрѣпляющія его на долгую и здоровую жизнь. Это лихорадки и горячки, а не подагра, не ревматизмъ и геморой, которыми вы, бѣдные, такъ безплодно страдаете... Пусть онъ клевещетъ на вѣчные законы разума, поставляя высшее счастіе въ насыщенной гордости; пусть онъ клевещетъ на человѣческую природу, видя въ ней одинъ эгоизмъ; пусть клевещетъ на самого себя, принимая моменты своего духа за его полное развитіе и смѣшивая юность съ возмужалостью—пусть!.. Настанетъ торжественная минута, и противорѣчіе разрѣшится, борьба кончится, и разрозненные звуки души сольются въ одинъ гармоническій аккордъ»...

Во всемъ этомъ, если хотите, много романтическаго и даже риторическаго. Типъ Печорина былъ разобранъ впослѣдствіи на иныхъ основаніяхъ, болѣе реальныхъ и объективныхъ, и въ глазахъ публики всталъ на одну доску съ Обломовымъ. Но вы не забудьте, что, когда Бѣлинскій впервые разбиралъ Печорина, этихъ новыхъ и реальныхъ основаній еще не существовало; повсюду господствовала одна только рутинная, пошлая мораль. Въ это время сочувственное отношеніе ко всему, выходящему такъ или иначе изъ предѣловъ этой морали, было въ высшей степени полезно въ томъ отношеніи, что подкапывалось подъ гнилую, отжившую мораль и расшатывало ея господство. Еслибы въ то время могъ появиться критикъ, который взглянулъ бы на Печорина глазами Добролюбова или Писарева, его анализъ былъ бы не понятъ современниками Бѣлинскаго, недоразвившимися до реальныхъ основаній этого анализа, и послужилъ бы только орудіемъ въ нападкахъ на Печорина различныхъ святошъ и лицемѣровъ того времени. Замѣчателенъ въ этомъ отношеніи тотъ фактъ, что преждевременные проблески идей будущаго вѣка бываютъ обыкновенно въ той-же мѣрѣ вредны для прогресса, какъ и упорство старыхъ идей. Пока передовая мысль вѣка не совершила своего дѣла, нападки на нее, хотя бы и съ точки зрѣнія будущихъ и самыхъ зрѣлыхъ поколѣній, каждый разъ ставятъ полемизатора въ лагерь обскурантовъ, и дѣлаютъ его ревностнымъ ихъ помощникомъ. Мы уже видѣли одинъ разительный примѣръ подобнаго явленія: такъ Надеждинъ, со своими идеями сороковыхъ годовъ, въ концѣ двадцатыхъ годовъ сдѣлался было союзникомъ приверженцевъ ложно-классическихъ тенденцій.

Впродолженіи 1841 и 42 годовъ, Бѣлинскій писалъ свои статьи все еще подъ преобладающимъ вліяніемъ московскихъ теорій, хотя и значительно поколебленныхъ уже новымъ движеніемъ его мысли. Такъ, онъ отрѣшается мало-по-малу отъ своего французоѣдства и начинаетъ ставить французскую литературу рядомъ съ нѣмецкою, какъ ея антитезъ, имѣющій свое значеніе.

«Для нѣмца,—говоритъ онъ,—наука и искусство—сами себѣ цѣль и высшая жизнь, абсолютное бытіе. для француза, наука и искусство—средства для общественнаго развитія, для отрѣшенія личности человѣческой отъ тяготящихъ и унижающихъ ее оковъ преданія, моментальнаго опредѣленія и временныхъ (а не вѣчныхъ) общественныхъ отношеній. Вотъ причина, почему литература французская имѣетъ такое огромное вліяніе на всѣ образованные народы; вотъ почему ея летучія произведенія пользуются такою всеобщностью, такою извѣстностью; вотъ почему они такъ и недолговѣчны, такъ эфемерны»...

Въ Англіи онъ видитъ примиреніе этихъ двухъ крайностей. Въ то-же время въ рецензіи на романъ Жоржъ-Занда „Бернаръ-Мопра“ (1841 г.), Бѣлинскій впервые является горячимъ поклонникомъ этой писательницы, которая въ послѣдующій періодъ его жизни сдѣлалась для него столь-же любимымъ поэтомъ, какими были Гете и Гофманъ въ лѣта его юности.

«Это не де-Бальзакъ,—восклицаетъ въ восторгѣ Бѣлинскій, — съ своими герцогами, герцогинями, графами, графинями и маркизами, которые столько-же похожи на истинныхъ, сколько самъ де-Бальзакъ похожъ на великаго писателя, или геніальнаго человѣка. У Жоржъ-Зандъ нѣтъ ни любви, ни ненависти къ привилегированнымъ сословіямъ, нѣтъ ни благоговѣнія, ни презрѣнія къ низшимъ слоямъ общества; для нея не существуютъ ни аристократы, ни плебеи; для нея существуетъ только человѣкъ, и она находитъ человѣка во всѣхъ сословіяхъ, во всѣхъ слояхъ общества, любитъ его, сострадаетъ ему, гордится имъ и плачетъ о немъ. Но женщина и ея отношенія къ обществу, столь мало оправдываемыя разумомъ, столь много основывающіяся на преданіи, предразсудкахъ, эгоизмѣ мужчинъ—эта женщина наиболѣе вдохновляетъ поэтическую фантазію Жоржъ-Зандъ и возвышаетъ до паѳоса благородную энергію ея негодованія къ легитимированной насиліемъ невѣжества, ея живую симпатію къ угнетенной предразсудками истинѣ. Жоржъ-Зандъ есть адвокатъ женщины, какъ Шиллеръ былъ адвокатъ человѣчества. Мудрено-ли послѣ этого, что г-жа Дюдеванъ ославлена слѣпою чернью, дикою, невѣжественною толпой, какъ писательница безнравственная! Кто открываетъ людямъ новыя истины, тому люди не дадутъ спокойно кончить вѣка; за то, когда сведутъ въ раннюю могилу, то непремѣнно воздвигнутъ великолѣпный памятникъ, и какъ на святотатца будутъ смотрѣть на того, кто-бы дерзнулъ сказать хоть одно слово противъ предмета ихъ прежней остервенѣлой ненависти... Вѣдь и Шиллеръ, при жизни своей, слылъ писателемъ безнравственнымъ и развратнымъ»...

Какая очевидная разница и въ идеяхъ, и въ симпатіяхъ, и въ тонѣ между Бѣлинскимъ 1839 года и

41! Тотъ-ли это Бѣлинскій, который смотрѣлъ на произведенія Шиллера, какъ на уродливые ублюдки, смѣсь краснорѣчія и поэзіи, въ женскомъ вопросѣ видѣлъ одни бредни сенъ-симонистовъ, а Жоржъ Зандъ самъ считалъ, подобно невѣжественной толпѣ, писательницей безнравственною.

Въ 1843 году Бѣлинскій окончательно переходитъ въ лѣвый лагерь гегеліанцевъ, такъ что послѣдніе слѣды московскихъ увлеченій исчезаютъ. Гегелевскую діалектику онъ начинаетъ употреблять уже не въ видѣ одного усматриванія въ жизни различныхъ противорѣчій и искусственнаго сведенія ихъ въ примиряющіе синтезы, а съ цѣлію проповѣди вѣчнаго и неусыпнаго прогресса.

«До постиженія идеи — говоритъ Бѣлинскій въ обозрѣніи литературы за 1842 г. (см. С. Б., т. VII, стр. 56)—мы доходимъ искусственнымъ путемъ отвлеченія: слѣдовательно, идея сама по себѣ есть только одна сторона предмета, искусственно отдѣляемая нами отъ живой всецѣлости предмета, для того, чтобы намъ можно было отрѣшиться отъ непосредственнаго, эмпирическаго способа понимать этотъ предметъ. И потому нѣтъ идей, которыя и оставались бы идеями; но всякая идея осуществляется какъ фактъ—какъ предметъ или какъ дѣйствіе. Осуществленіе идеи въ фактѣ имѣетъ свои непреложные законы, изъ которыхъ главнѣйшій—послѣдовательность и постепенность. Ничто не является вдругъ, ничто не рождается готовымъ; но все, имѣющее идеи своимъ исходнымъ пунктомъ, развивается по моментамъ, движется діалектически, изъ низшей ступени переходя на высшую. Этотъ непреложный законъ мы видимъ и въ природѣ, и въ человѣкѣ, и въ человѣчествѣ. Природа явилась не вдругъ, готовая, но имѣла свои дни, или свои моменты творенія. Царство ископаемое предшествовало въ ней царству прозябаемому, прозябаемое — животному. Каждая былинка проходитъ черезъ нѣсколько фазисовъ развитія, и стебель, листъ, цвѣтъ, зерно, суть не что иное, какъ непреложные послѣдовательные моменты въ жизни растенія. Человѣкъ проходитъ черезъ физическіе моменты младенчества, отрочества, юношества, возмужалости и старости, которымъ соотвѣтствуютъ нравственные моменты, выражающіеся въ глубинѣ, объемѣ и характерѣ его сознанія. Тотъже законъ существуетъ и для обществъ, и для человѣчества»...

Сознаніе этого закона заставляетъ Бѣлинскаго смѣло смотрѣть на будущее, не обращая вниманія на всѣ ужасы настоящаго. Такъ, въ своей статьѣ о сочиненіяхъ Баратынскаго (см. С. Б., т. VI, стр. 311) онъ смѣется надъ людьми, „которыхъ разложеніе и гніеніе элементовъ старой общественности, продажность, нравственный развратъ и оскудѣніе жизни и доблести въ современномъ—заставляютъ отчаяваться за будущую участь человѣчества"...

«Здѣсь, очевидно, демонъ губитъ ихъ на фактѣ,—говоритъ Бѣлинскій объ этихъ людяхъ—за которымъ они не видятъ идеи, не понимая, что умираетъ и гніетъ только отжившее, чтобы уступить мѣсто новому и живому. Еслибы вмѣсто того, чтобы испугаться демона, они испытали его—онъ указалъ бы имъ на послѣднее время умиравшей древности, которая въ амфитеатрахъ своихъ тѣшилась кровавымъ зрѣлищемъ, какъ звѣри терзаютъ христіанъ, и которая, въ слѣпотѣ своей, не подозрѣвала, что этою побѣдой надъ мучениками она сама была побѣждена, съ своими уже опошлившимися богами... Тогда они поняли бы, что смерть старой истины еще не означаетъ смерти истины вообще»...

Этотъ законъ прогресса Бѣлинскій примѣняетъ и къ искусству. Если развивается въ мірѣ все сущее, то и искусство, въ свою очередь, подлежитъ развитію, и къ тому-же развитіе его, по мнѣнію Бѣлинскаго, всегда бываетъ связано съ другими сферами сознанія. „Въ эпоху младенчества и юношества народовъ, искусство всегда болѣе или менѣе—выраженіе религіозныхъ идей, а въ эпоху возмужалости—философскихъ понятій". Кромѣ этого, Бѣлинскій признаетъ на развитіе и характеръ искусства вліяніе природы, мѣстности, страны, климата, наконецъ, политическихъ обстоятельствъ. Всѣ эти соображенія приводятъ Бѣлинскаго къ слѣдующему выводу:

«Изъ этого видно,—говоритъ онъ,—какъ жестоко ошибаются тѣ умозрительные судьи изящнаго, которые хотятъ видѣть въ искусствѣ совершенно отдѣльный міръ, существующій независимо отъ другихъ сферъ сознанія и отъ исторіи. Основываясь на томъ, что предметъ искусства не временное и относительное, а вѣчное и безусловное, они думаютъ, что искусство унижаетъ себя, если подчиняется какимъ-бы то ни было историческимъ и временнымъ вліяніямъ. Но это значитъ смотрѣть на «вѣчное» и «безусловное», какъ на отвлеченныя понятія, чуждыя всякаго содержанія, какъ на логическія построенія, лишенныя всякой жизненности; ибо «вѣчное» выражается во времени, «безусловное» ограничивается формой проявленія, «безконечное» дѣлается доступнымъ созерцанію въ конечномъ.

«Байронъ, Шиллеръ и Гете,—говоритъ Бѣлинскій въ другомъ мѣстѣ (см. С. Б., т. VI, стр. 208),—это философы и критики въ поэтической формѣ. О нихъ всего менѣе можно сказать, что они поэты, и больше ничего. Правда, Гете, вслѣдствіе своей уже слишкомъ нѣмецкой натуры и аскетическаго образа воззрѣнія на міръ, Гете еще могъ бы подходить подъ идеалъ поэта, который поетъ, какъ птица, для себя, не требуя ничьего вниманія (лишь печатаетъ свои пѣснопѣнія для людей); но и онъ не могъ не заплатить дани духу времени: его «Вертеръ» есть не что иное, какъ вопль эпохи; въ его «Фаустѣ» заключены всѣ нравственные вопросы, какіе только могутъ возникнуть въ груди внутренняго человѣка нашего времени; его «Прометей» дышетъ преобладающимъ духомъ вѣка; многія изъ его мелкихъ лирическихъ піэсъ суть не что иное, какъ выраженіе философскихъ идей... Духъ нашего времени таковъ, что величайшая творческая сила можетъ только изумить на время, если она ограничится «птичьимъ пѣніемъ», создастъ себѣ свой міръ, неимѣющій ничего общаго съ историческою и философскою дѣйствительностью современности, если она вообразитъ, что земля не достойна ея, что ея мѣсто на облакахъ, что мірскія страданія и надежды не должны смущать ея таинственныхъ сновидѣній и поэтическихъ созерцаній! Произведенія такой творческой силы, какъ бы ни громадна была она, не войдутъ въ жизнь, не возбудятъ восторга и сочувствія ни въ современникахъ, ни въ потомствѣ... Свобода творчества легко согласуется съ служеніемъ современности: для этого не нужно принуждать себя писать на тэмы, насиловать фантазію; для этого нужно только быть гражданиномъ, сыномъ своего общества и своей эпохи, усвоить себѣ его интересы, слить свои стремленія съ его стремленіями; для этого нужна симпатія, любовь, здоровое практическое чувство истины, которое не отдѣляетъ убѣжденія отъ дѣла, сочиненія отъ жизни. Что вошло, глубоко запало въ душу, то само собою проявится во внѣ».

Сообразно съ этими новыми воззрѣніями Бѣлинскаго на искусство, измѣнилась и оцѣнка его поэтическихъ произведеній. Онъ началъ смотрѣть на нихъ не съ одной только эстетической точки зрѣнія, началъ искать въ нихъ не одного только соотвѣтствія

идеи и формы, а между прочимъ, обращать вниманіе и на то, насколько произведеніе выражаетъ духъ современности и удовлетворяетъ интересамъ общества. Такъ, напримѣръ, взглядъ его на Пушкина совершенно измѣнился сравнительно съ тѣмъ, какой онъ высказывалъ въ „Московскомъ Наблюдателѣ". Въ рядѣ статей, посвященныхъ разбору стихотвореній Пушкина, онъ ставитъ на видъ историческое значеніе Пушкина, какъ поэта, отдаетъ ему въ этомъ отношеніи полную справедливость, но въ то-же время смотритъ, какъ на большой недостатокъ Пушкина, на его стремленіе къ чистому искусству и отрѣшеніе отъ современности, и вслѣдствіе этого отрицаетъ значеніе Пушкина для 40-хъ годовъ.

«Какъ-бы то ни было,—говоритъ Бѣлинскій (см. С. Б., т. VIII, стр. 398), но по своему воззрѣнію, Пушкинъ принадлежитъ къ той школѣ искусства, которой пора уже миновала совершенно въ Европѣ и которая даже у насъ не можетъ произвести ни одного великаго поэта. Духъ анализа, неукротимое стремленіе изслѣдованія, страстное, полное вражды и любви мышленіе, сдѣлались теперь жизнію всякой истинной поэзіи. Вотъ въ чемъ время опередило поэзію Пушкина и большую часть его произведеній лишило того животрепещущаго интереса, который возникаетъ только какъ удовлетворительный отвѣтъ на тревожные болѣзненные вопросы настоящаго... Личность Пушкина высока и благородна; но его взглядъ на свое художественное служеніе, равно какъ и недостатокъ современнаго европейскаго образованія, тѣмъ не менѣе, были причиной постепеннаго охлажденія восторга, который возбудили первыя его произведенія. Правда, самый неумѣренный восторгъ возбудили его самыя слабыя, въ художественномъ отношеніи, піэсы; но въ нихъ видна была сильная, одушевленная субъективнымъ стремленіемъ личность. И чѣмъ совершеннѣе становился Пушкинъ, какъ художникъ, тѣмъ болѣе скрывалась и исчезала его личность за чуднымъ, роскошнымъ міромъ его поэтическихъ созерцаній. Публика, съ одной стороны, не была въ состояніи оцѣнить художественнаго совершенства его послѣднихъ созданій (и это, конечно, не вина Пушкина); съ другой стороны, она вправѣ была искать въ поэзіи Пушкина болѣе нравственныхъ и философскихъ вопросовъ, нежели сколько находила ихъ (и это, конечно, была не ея вина)...»

Рядомъ съ этимъ новымъ взглядомъ Бѣлинскаго на Пушкина, мы можемъ поставить приговоръ его относительно таланта Ап. Майкова—приговоръ, показывающій наглядно его требованія отъ современной поэзіи и нелишенный нѣкотораго пророческаго предвидѣнія. Бѣлинскій встрѣтилъ появленіе Ап. Майкова на литературномъ поприщѣ съ тѣмъ восторгомъ, съ какимъ онъ встрѣчалъ всѣ молодыя дарованія. Но, превознеся антологическія произведенія Майкова, поставивши ихъ даже выше подобныхъ-же произведеній Пушкина, Бѣлинскій, вмѣстѣ съ тѣмъ, выразилъ опасеніе, чтобы Майковъ не ограничился однѣми антологіями.

«Но жаль было-бы,—говоритъ онъ въ «Обозрѣніи Русской Литературы за 1842 г.» (см. С. Б., т. VII, стр. 32)—еслибы только на этомъ остановился Майковъ. Антологическія стихотворенія, какъ бы ни были хороши—не болѣе, какъ пробный камень артистическаго элемента въ поэтѣ. Ихъ можно сравнить съ ножкой Психеи, рукой Венеры, головой Фавна, превосходно высѣченными изъ мрамора. Конечно, превосходно сдѣланная ножка, ручка, грудь, или голова, каждая изъ этихъ деталей можетъ служить доказательствомъ необыкновенныхъ скульптурныхъ дарованій, чувства пластики, изученія древняго искусства, но еще не составляетъ скульптуры, какъ искусства, и превосходно сдѣлать ножку, ручку, грудь, или головку далеко не то, что создать цѣлую статую. Сверхъ того, исключительная преданность древнему міру (и притомъ далеко не вполнѣ понятому), безъ всякаго живаго, кровнаго сочувствія къ современному міру, не можетъ сдѣлать великимъ или особенно замѣчательнымъ поэта нашего времени. Къ этому еще должно присовокупить, что одно да одно, теряя прелесть новости, теряетъ и свою цѣну. И такъ, мы желали бы, чтобы Майковъ или предавался основательному и обширному изученію древности и передавалъ на русскій языкъ, своимъ дивнымъ стихомъ, вѣчныя, неумирающія созданія эллинскаго искусства, или обрѣлъ въ тайникѣ духа своего тѣ сердечныя, задушевныя вдохновенія, на которыя радостно и привѣтливо отзывается поэту современность. Покоряясь требованіямъ справедливости, мы не можемъ не повторить здѣсь уже сказаннаго нами въ статьѣ о стихотвореніяхъ Майкова, что почти всѣ его не антологическія стихотворенія пока не обѣщаютъ въ будущемъ ничего особеннаго».

X.

Двѣ струи въ движеніи мысли сороковыхъ годовъ: струя зрѣлаго и молодого поколѣнія.—Причины преобладанія отрицанія въ зрѣлыхъ дѣятеляхъ сороковыхъ годовъ.—Отрицательный характеръ сочиненій Бѣлинскаго съ 1843 года и недостатокъ опредѣленныхъ взглядовъ на положительность, натуральную школу и женскій вопросъ.—Направленіе молодежи сороковыхъ годовъ.—Первые проблески реальной мысли.—В. Н. Майковъ и его эстетическая теорія.—Критика метафизической эстетики.

Мы уже сказали въ предъидущей главѣ, что окончательный переходъ Бѣлинскаго въ лагерь лѣвыхъ гегеліанцевъ совершился въ 1843 году. Годъ этотъ во многихъ отношеніяхъ замѣчателенъ въ ходѣ развитія нашей мысли. Къ этому году успѣлъ и Герценъ обратиться въ фейербахиста; въ этомъ году Грановскій началъ читать публичныя лекціи; съ этого года „Отечественныя Записки" окончательно дѣлаются органомъ передовой партіи западниковъ, группирующихся въ тѣсный союзъ вокругъ Герцена, Бѣлинскаго и Грановскаго. Этотъ годъ можетъ считаться рубежемъ въ переходномъ процессѣ нашей мысли: до него мы видимъ все еще преобладаніе метафизики и мистицизма, послѣ него мысль начинаетъ съ большею и большею смѣлостью стремиться на почву реализма. До него передовые люди находились подъ сильнымъ вліяніемъ германской философіи; послѣ него начинаетъ преобладать вліяніе политическаго и соціальнаго движенія, господствовавшаго въ то время во Франціи.

При этомъ новомъ движеніи нашей мысли надо тщательно различать двѣ струи, которыя особенно рѣзко выступаютъ къ концу сороковыхъ годовъ—струю зрѣлаго и молодого поколѣнія. Грановскій, Герценъ, Бѣлинскій, Гоголь и др. называются обыкновенно людьми сороковыхъ годовъ, потому только, что въ эти годы совершилось главное развитіе ихъ дѣятельности. Но въ то-же время они уже не были въ сороковые годы тѣмъ, что обыкновенно называется у

насъ молодымъ поколѣніемъ. Это было молодое поколѣніе тридцатыхъ годовъ. Изъ тридцатыхъ годовъ вынесли они свои преданія; тридцатые годы воспитали ихъ и направили. Въ сороковые-же годы они были уже людьми зрѣлыми и во многихъ отношеніяхъ установившимися. Это не мѣшало имъ переживать переходный процессъ развитія сороковыхъ годовъ. Но мы видѣли, какъ трудно давался имъ этотъ процессъ. И это очень понятно: въ 30 и 35 лѣтъ переходные процессы мысли не могутъ уже совершаться съ такою быстротой, какъ въ 20 и 25 лѣтъ; мозгъ человѣка такъ привыкаетъ мыслить въ извѣстномъ направленіи и системѣ, что словно окостенѣваетъ въ томъ видѣ, какъ онъ устроился въ молодые годы. Вотъ почему даже на самыхъ даровитыхъ и сильныхъ умахъ людей сороковыхъ годовъ, наиболѣе освободившихся отъ метафизическихъ принциповъ, нѣтъ, нѣтъ, да и отзывались тридцатые годы. Вся сила и слабость ихъ пропаганды вполнѣ обусловливаются тѣмъ моментомъ въ переходномъ процессѣ развитія, когда мысль едва только сбрасываетъ иго отжившихъ принциповъ. Такая мысль всегда бываетъ болѣе критическая, отрицательная, чѣмъ положительная. Новаго еще нѣтъ; оно только-что строится, предвидится и смутно мелькаетъ передъ сознаніемъ въ блѣдныхъ и туманныхъ очеркахъ, между тѣмъ, все старое и пережитое такъ еще свѣжо въ памяти, такъ глубоко врѣзалось у всѣхъ въ нравы и привычки, такъ наболѣло на сердцахъ всѣхъ и каждаго, что мысль невольно обращается ко всему этому, она чувствуетъ свою силу, мощь въ отрицаніи этого стараго, она находитъ въ этомъ отрицаніи невыразимое сладострастіе; но въ то-же время, когда ей приходится давать отчетъ, во имя чего-же она отрицаетъ, тутъ открывается передъ вами вся ея немощность и бѣдность: за неимѣніемъ ничего новаго, она ограничивается общими, неопредѣленными фразами, темными гаданіями, или-же, по привычкѣ, вертится въ очарованномъ кругу того-же стараго міросозерцанія, ограничиваясь только тѣмъ, что называетъ бѣлымъ то, что, съ точки зрѣнія стараго міросозерцанія, считалось чернымъ, и наоборотъ, хотя въ сущности и черное, и бѣлое стараго міросозерцанія одинаково подлежитъ скептицизму. Бѣлинскій съ поразительною глубиной опредѣлилъ свой вѣкъ въ этомъ отношеніи, сказавши о Печоринѣ, что онъ готовъ для всего новаго, но судьба еще не даетъ ему новыхъ опытовъ, и, презирая старые, онъ, все-таки, по нимъ-же судитъ о жизни.

Эти слова Бѣлинскаго о Печоринѣ вполнѣ примѣнимы къ нему самому. Въ самомъ дѣлѣ, самыя сильныя, патетическія и наиболѣе вліятельныя статьи или отдѣльныя мѣста изъ статей Бѣлинскаго послѣ 1843 года суть именно тѣ, въ которыхъ онъ отрицаетъ отжившіе принципы, формы и явленія жизни, окружавшей его; но если вы захотите отдать себѣ отчетъ, что-же онъ ставитъ вмѣсто всего этого,—сколько ни перечитывайте статьи Бѣлинскаго, вы не въ состояніи будете составить хоть сколько нибудь опредѣленныхъ представленій о его положительныхъ идеалахъ и стремленіяхъ и придете только къ тому заключенію, что онъ держится въ какомъ то очарованномъ кругу. Такъ, напримѣръ, при каждомъ удобномъ случаѣ Бѣлинскій нападаетъ на романтизмъ. Въ романтизмѣ онъ преслѣдуетъ фантастичность, мечтательность, стремленіе жить мимо жизни.

«Разладъ съ дѣйствительностью,—говоритъ онъ о романтикахъ (см. С. Б., т. X., стр. 269),—болѣзнь этихъ людей. Въ дни кипучей, полной силами юности, когда надо жить, надо спѣшить жить, они, вмѣсто этого, только разсуждаютъ о жизни. Нѣкоторые изъ нихъ спохватываются, но поздно: именно въ то время, когда человѣкъ не годится уже ни на что лучшее; развѣ это не такая-же, или даже еще не большая уродливость? Но теперь всѣ заговорили о дѣйствительности. У всѣхъ на языкѣ одна и таже фраза: «надо дѣлать!». А между тѣмъ, все-таки, никто ничего не дѣлаетъ! Это показываетъ, что во чтобы ни нарядился романтикъ, онъ все останется романтикомъ»...

Все это совершенно справедливо; но справедливо только въ отрицательномъ смыслѣ, въ приложеніи къ романтикамъ. Затѣмъ, является немедленно неотвязный вопросъ: какъ-же нужно жить и что-же дѣлать, чтобы не быть романтикомъ и не быть въ то-же время въ ряду пошлой толпы, которая живетъ не мысля? На это отвѣчаетъ вамъ Бѣлинскій слѣдующею отвлеченною, философскою формой:

«Человѣкъ долженъ сознавать жизнь, и разумъ долженъ вести человѣка по пути жизни—тѣмъ и отличается человѣкъ отъ животныхъ безсловесныхъ: но основой жизни долженъ быть инстинктъ, непосредственное чувство. Безъ нихъ жизнь есть пустое, холодное и, къ довершенію, преглупое умничанье; такъ-же какъ безъ мыслительности непосредственное существованіе есть животное состояніе»...

Все это очень красиво, какъ правильно-построенная, логическая формула, но формула слишкомъ общая, чтобы служить отвѣтомъ на вопросъ. По своей отвлеченности, она ничѣмъ не отличается отъ азбучныхъ аксіомъ, въ родѣ: праздность—есть мать всѣхъ пороковъ, наука отворяетъ врата въ царство разума и пр., которыя, оставаясь вполнѣ истинными и непреложными аксіомами, тѣмъ не менѣе, представляются какими-то засушеными остовами мысли, поражающими васъ своею мертвенностью и ничего не говорящими вашему уму.

Но когда изъ этихъ отвлеченныхъ аксіомъ Бѣлинскому приходилось спускаться въ міръ живой дѣйствительности и анализировать факты жизни, тогда оказывалось, что онъ ничего не былъ въ состояніи противопоставить романтизму, какъ тотъ-же слѣпой, практическій эмпиризмъ пошлой толпы.

Въ 1847 году появился на литературное поприще Гончаровъ со своею „Обыкновенною исторіей". Бѣлинскій оцѣнилъ весьма вѣрно вновь появившійся талантъ, объявивши, что Гончаровъ поэтъ, художникъ и больше ничего, мыслитель-же онъ плохой, что Гончаровъ рисуетъ свои фигуры, характеры, сцены прежде всего для того, чтобы удовлетворить своей потребности и насладиться своею способностью рисовать; говорить-же, судить и извлекать изъ нихъ нравственныя слѣдствія ему надо предоставить своимъ читателямъ.

Но въ чемъ выражается слабость мысли Гончарова, этого Бѣлинскій не могъ уяснить себѣ ясно и опредѣленно. Недостатокъ мыслительности Гончарова заключается именно въ томъ, что, отнесшись отрицательно къ романтизму и осмѣявъ его въ лицѣ Але-

ксандра Адуева, Гончаровъ, въ то-же время, въ противовѣсъ этому отжившему типу, поставилъ, какъ идеалъ положительности, типъ еще болѣе отжившій. Если романтизмъ имѣетъ какое-либо значеніе въ исторіи нашего развитія, то именно то, что онъ первый напалъ на эмпиризмъ пошлой толпы. Романтики стоятъ вовсе не рядомъ съ Фамусовыми и Молчалиными, а неизмѣримо впереди нихъ. Но что такое дядюшка Петръ Ивановичъ Адуевъ, какъ не тотъ-же Фамусовъ, идеализированный Гончаровымъ, какъ типъ современной положительности? Ставить въ противовѣсъ мечтательности—эмпиризмъ, въ противовѣсъ романтика—Фамусова, это, значитъ, идти не впередъ, а назадъ, становиться на точку зрѣнія беззавѣтной пошлости филистерства, не помышляющаго ни о чемъ болѣе, какъ о нарощеніи брюшка и капитальца, и считающаго все остальное праздною мечтательностью.

Между тѣмъ, Бѣлинскій слѣпо слѣдуетъ за Гончаровымъ. Осыпавъ всевозможными насмѣшками Александра Адуева, онъ въ то-же время совершенно доволенъ дядюшкой.

«Петръ Ивановичъ,—говоритъ онъ,—по своему человѣкъ очень хорошій; онъ уменъ, очень уменъ, потому что хорошо понимаетъ чувства и страсти, которыхъ въ немъ нѣтъ и которыя онъ презиралъ; существо вовсе не поэтическое, онъ понималъ поэзію въ тысячу разъ лучше своего племянника, который изъ лучшихъ произведеній Пушкина какъ-то ухитрился набраться такого духа, какого можно было-бы набраться изъ сочиненій фразеровъ и риторовъ. Петръ Ивановичъ—эгоистъ, холоденъ по натурѣ, неспособенъ къ великодушнымъ движеніямъ; но вмѣстѣ съ этимъ онъ не только не золъ, но положительно добръ. Онъ честенъ, благороденъ, не лицемѣръ, не притворщикъ, на него можно положиться, онъ не обѣщаетъ чего не можетъ или не хочетъ сдѣлать, а что обѣщаетъ, то непремѣнно сдѣлаетъ. Словомъ, это въ полномъ смыслѣ порядочный человѣкъ, какихъ, дай Богъ, чтобы было больше»...

Что Гончаровъ выставилъ идеаломъ положительности отъѣвшагося филистера, въ этомъ нѣтъ ничего удивительнаго; но что Бѣлинскій могъ увлечься этимъ господиномъ, это можетъ представляться съ перваго взгляда рѣшительно непонятнымъ, если вы не примете въ соображеніе, что Бѣлинскій просто-на-просто увлекся до такой степени отрицаніемъ романтизма, что ему было рѣшительно все равно, чѣмъ ни бить ненавистный ему романтизмъ, и далѣе этого отрицанія онъ не отдавалъ себѣ ни въ чемъ отчета.

Но если Бѣлинскій оказывается согласнымъ съ Гончаровымъ въ главныхъ мотивахъ романа, то почему, спросите вы, онъ считаетъ Гончарова плохимъ мыслителемъ? Бѣлинскій даетъ вамъ отвѣтъ на этотъ вопросъ въ своемъ разборѣ „Обыкновенной исторіи", но разъ не попавши въ цѣль, не уловивши сущности недостатковъ романа, Бѣлинскій остается на ложномъ пути и во всѣхъ своихъ выводахъ. По его мнѣнію, недостатокъ мыслительности Гончарова заключается въ томъ, что онъ не выдержалъ характера Ал. Адуева, зачѣмъ онъ заставилъ его отрезвѣть и склониться на дорогу дядюшки; романтикъ, по мнѣнію Бѣлинскаго, долженъ до сѣдыхъ волосъ оставаться романтикомъ, и Гончаровъ поступилъ бы справедливѣе, еслибы обратилъ Александра Ивановича въ славянофила.

«Тутъ Адуевъ,—говоритъ Бѣлинскій,—остался бы вѣрнымъ своей натурѣ, продолжалъ бы старую свою жизнь, и между тѣмъ думалъ бы, что онъ и Богъ знаетъ какъ ушелъ впередъ, тогда какъ, въ сущности, онъ только бы перенесъ старыя знамена своихъ мечтаній на новую почву. Прежде онъ мечталъ о славѣ, о дружбѣ, о любви, а тутъ сталъ-бы мечтать о народахъ и племенахъ, о томъ, что на долю славянъ досталась любовь, а на долю тевтоновъ—вражда, о томъ, что во времена Гостомысла «славяне имѣли высшую и образцовую для всего міра цивилизацію» и пр.

Основная ошибка во всемъ этомъ сужденіи о развязкѣ „Обыкновенной исторіи" заключается въ томъ, что Бѣлинскій почему-то романтизмъ считаетъ не преходящею фазой развитія, съ которой человѣкъ можетъ двигаться назадъ и впередъ, а какою-то врожденною болѣзнью, какъ будто извѣстный процентъ народонаселенія родится въ видѣ романтиковъ, и ужь разъ кому на долю выпало это несчастіе, тотъ такъ и остается на всю жизнь до гробовой доски романтикомъ. Между тѣмъ, въ вѣкъ Бѣлинскаго превращеніе романтиковъ въ филистеры было явленіемъ весьма зауряднымъ, особенно если взять во вниманіе, что при всеобщемъ стремленіи къ положительности, даже такіе передовые и глубокіе мыслители, какъ Бѣлинскій, не могли себѣ представить иной положительности, какъ въ видѣ Петра Ивановича Адуева. Такимъ образомъ, Гончаровъ совершенно справедливъ въ развязкѣ романа. Для подобной развязки ему вовсе не нужно было даже быть особенно глубокимъ мыслителемъ: ему нужно было только вооружиться хорошимъ художественнымъ чутьемъ, чтобы перенесть въ свое произведеніе всецѣло фактъ, который, безъ сомнѣнія, примелькался въ глазахъ его обыденной жизни. Но какъ-же Бѣлинскій не понялъ всей этой естественности развязки романа и почему захотѣлось ему непремѣнно, чтобы Адуевъ до конца жизни оставался романтикомъ? И опять-таки, по нашему мнѣнію, это произошло отъ увлеченія отрицаніемъ. Осмѣявши романтиковъ, Бѣлинскій не могъ не прихватить по дорогѣ и славянофиловъ. Вообще, въ его полемикѣ всегда были гдѣ романтики, тамъ непремѣнно и славянофилы и наоборотъ, а между тѣмъ Гончаровъ о славянофилахъ, какъ нарочно, не говоритъ въ своемъ романѣ ни полсловечка. У Бѣлинскаго и мелькнула въ головѣ соблазнительная идейка, какъ бы хорошо обратить Адуева въ заключеніе въ славянофилы и зачѣмъ это Гончаровъ упустилъ изъ виду. Вслѣдствіе этого онъ и призналъ въ Гончаровѣ слабаго мыслителя и, такимъ образомъ, исходя изъ ложнаго основанія, нечаянно высказалъ правду.

Рядомъ съ пропагандой положительности мы видимъ въ Бѣлинскомъ проповѣдника искусства дѣйствительности, правды, почитателя Гоголя и защитника натуральной школы. Эта школа, ведя свое начало отъ Гоголя, на первыхъ шагахъ далеко опередила своего основателя. Она заимствовала отъ него одну только внѣшнюю форму; между тѣмъ духъ, господствовавшій въ ней, идеи, лежавшія въ ея произведеніяхъ, не имѣли ничего общаго съ мистическими, средневѣковыми тенденціями Гоголя. По своему внутреннему содержанію, натуральная школа была отголоскомъ того соціальнаго движенія, которое въ то время господствовало во Франціи. Защита раба отъ произвола господина, женщины отъ родоваго ига, осмѣя-

ніе апатіи и рутины, грубаго невѣжества, отсутствія честности, гуманности и гражданскаго чувства—вотъ мотивы натуральной школы.

Вслѣдствіе этого, натуральная школа по самому существу своему была поэзіей тенденціозною. Писатели, принадлежавшіе къ этой школѣ, изображали жизнь не ради одной чистой художественности, а съ цѣлью анализа этой жизни, выраженія своихъ общественныхъ симпатій и антипатій. Этотъ анализъ былъ часто весьма не глубокій, узкій и поверхностный, завися отъ степени развитія большинства писателей того времени; нерѣдко писатели упускали совершенно изъ виду всякій анализъ и увлекались художественнымъ воспроизведеніемъ дѣйствительности безъ всякой цѣли, совершенно въ духѣ чистаго искусства; но, во всякомъ случаѣ, общее направленіе натуральной школы было, все-таки, тенденціозное, аналитическое и отрицательное по преимуществу. Въ концѣ сороковыхъ годовъ школа эта окончательно утвердилась въ нашей литературѣ. Въ это время въ ней подвизались уже Искандеръ, Тургеневъ, Гончаровъ, Григоровичъ, Достоевскій, Н. Некрасовъ, И. Панаевъ и пр.

Бѣлинскій глубоко понималъ значеніе и сущность этой новой школы. Съ энтузіазмомъ встрѣчалъ онъ каждый начинающій талантъ, идущій по этому направленію. Онъ не упускалъ случая, чтобы не распространиться по поводу значенія въ его время натуральной школы, и значенія не одного только художественнаго, но преимущественно общественнаго, гражданскаго. При этомъ онъ постоянно ратовалъ противъ чистаго искусства и доказывалъ, что служеніе общественнымъ интересамъ не только не унижаетъ искусства, но, напротивъ того, возвышаетъ его, расширяетъ сферу его содержанія. Но всѣ эти ратованія и доказательства были хороши только до той поры, пока Бѣлинскій оставался въ сферѣ общихъ философскихъ положеній; но едва спускался онъ къ анализу и оцѣнкѣ различныхъ литературныхъ произведеній своего времени, онъ снова сбивался на старую эстетику и путался въ неисходныхъ противорѣчіяхъ, стремясь къ новому, а судя, все-таки, по старому.

Такъ, напримѣръ, въ 1847 году начали печататься въ „Современникѣ“ „Записки охотника“ Тургенева. Первые разсказы этого сборника были помѣщены въ самомъ концѣ книги, въ отдѣлѣ смѣси. Но, при всемъ томъ, публика обратила вниманіе на эти разсказы и оцѣнила ихъ съ перваго-же появленія лучше многихъ повѣстей и романовъ, помѣщенныхъ въ первомъ отдѣлѣ того-же журнала. Въ обозрѣніи русской литературы за 1847 годъ мы читаемъ слѣдующій отзывъ Бѣлинскаго о „Запискахъ охотника“ Тургенева:

«Наконецъ, въ первой книгѣ «Современника» за прошлый годъ былъ напечатанъ его разсказъ «Хорь и Калинычъ». Успѣхъ въ публикѣ этого небольшаго разсказа, помѣщеннаго въ смѣси, былъ неожиданъ для автора и заставилъ его продолжать разсказы охотника. Здѣсь талантъ его обозначился вполнѣ. Очевидно, что у него нѣтъ таланта чистаго творчества, что онъ не можетъ создавать характеровъ, ставить ихъ въ такія отношенія между собою, изъ какихъ образуются сами собою романы и повѣсти. Онъ можетъ изображать дѣйствительность, видѣнную и изученную имъ, если угодно—творить, но изъ готоваго, даннаго, дѣйствительнаго матеріала. Это не простое списыванье съ дѣйствительности, она не даетъ автору идей, но наводитъ, наталкиваетъ, такъ сказать, на нихъ. Онъ перерабатываетъ взятое имъ готовое содержаніе по своему идеалу, и отъ этого у него выходитъ картина, болѣе живая, говорящая и полная мысли, нежели дѣйствительный случай, подавшій ему поводъ написать картину; и для этого необходимъ, въ извѣстной мѣрѣ, поэтическій талантъ. Правда, иногда все умѣнье его заключается въ томъ, чтобы только вѣрно передать знакомое ему лицо или событіе, котораго онъ былъ свидѣтелемъ, потому что въ дѣйствительности бываютъ иногда явленія, которыя стоитъ только вѣрно переложить на бумагу, чтобы они имѣли всѣ признаки художественнаго вымысла. Но и для этого необходимъ талантъ, и таланты такого рода имѣютъ свои степени. Въ обоихъ этихъ случаяхъ Тургеневъ обладаетъ замѣчательнымъ талантомъ. Главная характеристическая черта его таланта заключается въ томъ, что ему едва-ли бы удалось создать вѣрно такой характеръ, подобнаго которому онъ не встрѣтилъ въ дѣйствительности. Для такого рода искусства ему даны отъ природы богатыя средства: даръ наблюдательности, способность вѣрно и быстро понять и оцѣнить всякое явленіе, инстинктомъ разгадать его причины и слѣдствія, и, такимъ образомъ, догадкой и соображеніемъ дополнить необходимый ему запасъ свѣдѣній, когда разспросы мало объясняютъ».

Прочитавши это опредѣленіе таланта Тургенева, вы сразу запутываетесь въ либиринтѣ поразительныхъ противорѣчій. Съ одной стороны, казалось бы, что, по теоріи Бѣлинскаго, у Тургенева есть всѣ данныя для истиннаго художественнаго таланта, такъ какъ онъ не просто списываетъ съ натуры, а „перерабатываетъ взятое имъ готовое содержаніе по своему идеалу, и отъ этого у него выходитъ картина, болѣе живая, говорящая и полная мысли, нежели дѣйствительный случай, подавшій ему поводъ написать картину...“ Казалось бы, что подъ такое опредѣленіе, по теоріи-же Бѣлинскаго, подходитъ не одинъ только родъ поэзіи, и притомъ какой-то самый низшій родъ, а поэзія вообще? Не самъ-же ли Бѣлинскій такъ часто проповѣдывалъ въ своихъ статьяхъ, что поэтъ не можетъ творить изъ себя, выдумывать дѣйствительность, что онъ только преображаетъ то, что видѣлъ и слышалъ, въ свои поэтическіе образы? И вдругъ оказывается, что Тургеневъ, который дѣлаетъ, по словамъ Бѣлинскаго, именно это самое, не имѣетъ таланта чистаго творчества, и потому не имѣетъ, что не можетъ создать характера, „подобнаго которому онъ не встрѣтилъ въ дѣйствительности“, потому что „онъ всегда долженъ держаться почвы дѣйствительности“... Такимъ образомъ и оказывается, въ концѣ концовъ, что истинное творчество есть вовсе не преображеніе дѣйствительности въ поэтическіе образы, а все тотъ-же метафизическій даръ поэта создавать свой собственный міръ; слѣдовательно, и всѣ произведенія натуральной школы, главное достоинство которыхъ въ томъ именно и заключалось, что они твердо держались почвы дѣйствительности, слѣдуетъ отнести не къ истинно-художественнымъ произведеніямъ, а къ тому-же низшему роду поэзіи, какъ и „Записки охотника“ Тургенева. А между тѣмъ, тотъ-же Бѣлинскій постоянно восхвалялъ натуральную школу именно за то, что она держится на почвѣ дѣйствительности.

Это подведеніе подъ метафизическій принципъ про-

изведенiй натуральной школы, совершенно не подходящихъ подъ этотъ принципъ, и было причиной, что Бѣлинскiй не имѣлъ никакого истиннаго критерiума для опредѣленiя относительнаго достоинства этихъ произведенiй.

Такъ, напримѣръ, и Григоровича, и Тургенева онъ ставилъ совершенно рядомъ съ Далемъ, чуждымъ поэтическаго творчества, съ точки зрѣнiя какого угодно принципа, метафизическаго или реальнаго. И очень понятно послѣ всего сказаннаго, почему Даль въ глазахъ Бѣлинскаго долженъ былъ стоять на одной доскѣ съ Тургеневымъ: Тургеневъ точно такъ-же не творилъ своего особеннаго мiра, какъ и Даль, а такъ какъ Григоровичъ творилъ своихъ особенныхъ крестьянъ, не похожихъ на дѣйствительныхъ и, слѣдовательно, совершенно подходилъ подъ метафизическiй принципъ Бѣлинскаго, то Бѣлинскiй и не замедлилъ признать его истиннымъ художникомъ. Только первые его опыты онъ сравниваетъ съ очерками Даля.

«Но его два послѣднiе опыта: «Деревня» и въ особенности «Антонъ Горемыка» — замѣчаетъ Бѣлинскiй—идутъ гораздо дальше физiологическихъ очерковъ. «Антонъ Горемыка» больше, чѣмъ повѣсть, это романъ, въ которомъ все вѣрно основной идеѣ, все относится къ ней, завязка и развязка свободно выходятъ изъ самой сущности дѣла. Несмотря на то, что внѣшняя сторона разсказа вертится на пропажѣ мужицкой лошаденки; несмотря на то, что Антонъ—мужикъ простой, вовсе не изъ бойкихъ и хитрыхъ,—онъ лицо трагическое, въ полномъ значенiи этого слова. Это повѣсть трогательная, по прочтенiи которой въ голову невольно тѣснятся мысли грустныя и важныя. Желаемъ отъ всей души, чтобы Григоровичъ продолжалъ идти по этой дорогѣ, *на которой отъ его таланта можно ожидать такъ многаго*»...

Мы знаемъ въ настоящее время, на сколько Григоровичъ оправдалъ эти ожиданiя Бѣлинскаго; мы знаемъ, какъ отнеслась къ его произведенiямъ новая, реальная критика, и видимъ, наконецъ, что въ то время, какъ произведенiя Григоровича давно всѣ забыты, несмотря даже на то, что авторъ ихъ еще живъ, „Записки охотника“ до сихъ поръ читаются всѣми и каждымъ съ наслажденiемъ, и именно вслѣдствiе своей художественности, такъ какъ общественные интересы, проводимые въ нихъ, принадлежатъ уже исторiи.

Дальше вышеупомянутаго метафизическаго принципа Бѣлинскiй не пошелъ. Это былъ предѣлъ его развитiя или, лучше сказать, иго привычки, прiобрѣтенной имъ долгими годами увлеченiя метафизическими идеями. Онъ привыкъ думать, что главная цѣль критики заключается въ опредѣленiи, на сколько поэтъ обладаетъ даромъ чистаго творчества, создающаго свой особенный мiръ просвѣтленной дѣйствительности—и съ этой точки зрѣнiя до конца своего литературнаго поприща, занимался подведенiемъ поэтовъ подъ искусственно-составленную метафизиками iерархiю, во главѣ которой царилъ генiй, затѣмъ слѣдовалъ генiальный талантъ и, наконецъ, просто талантъ, граничащiй съ бездарностью. Мы увидимъ ниже, съ какимъ успѣхомъ молодая мысль разбила эту поэтическую табель о рангахъ Бѣлинскаго.

Мы уже видѣли выше, что Бѣлинскiй уже въ 1841 г. сдѣлался поклонникомъ Жоржъ-Занда и поборникомъ женскаго вопроса. Послѣ того онъ неоднократно возвращался къ этому вопросу и каждый разъ его рѣчи въ защиту угнетенной женщины были преисполнены искренней, задушевной теплоты и глубокаго сознанiя ненормальности положенiя женщины въ обществѣ. Но и здѣсь, опять-таки, главная сила пропаганды Бѣлинскаго заключалась въ отрицанiи. Все то, что говорилъ Бѣлинскiй о торговлѣ невѣстами, объ исключительномъ посвященiи жизни женщины кухнѣ и дѣтской, о положенiи женщины въ гостиной, о женщинахъ-писательницахъ — все это дышетъ поразительно глубокою правдой и мѣткостью, все это не потеряетъ значенiе неоспоримой, хотя и грустной истины, пока не измѣнится положенiе женщинъ. Анализъ Татьяны и Ольги при разборѣ „Евгенiя Онѣгина“ надолго еще останется лучшимъ изъ всего, что писано у насъ о положенiи женщины въ Россiи.

Но если вы, опять-таки, захотите отдать себѣ отчетъ, во имя чего-же отрицалъ Бѣлинскiй современное положенiе женщины, какой лучшiй идеалъ этого положенiя носился въ его воображенiи и какихъ требовалъ онъ измѣненiй въ бытѣ женщинъ—вы, опять-таки, не въ состоянiи будете, перечитывая статьи Бѣлинскаго, составить объ этомъ ясное понятiе.

Сначала вамъ можетъ показаться, что Бѣлинскiй требовалъ полнаго равенства женщинъ и мужчинъ и допущенiя женщинъ ко всѣмъ занятiямъ, исполняемымъ нынѣ одними мужчинами.

«Мы охотно соглашаемся,—говоритъ онъ (см. С. Б., т. VII, стр. 146),—въ томъ, что сама природа создала женщину преимущественно для любви; но изъ этого еще не слѣдуетъ, чтобы женщина только на одно то и родилась, чтобы любить; напротивъ, изъ этого слѣдуетъ, что женщина, подъ преимущественнымъ преобладанiемъ характера любви и чувства, *создана дѣйствовать въ тѣхъ-же самыхъ сферахъ и на тѣхъ-же самыхъ поприщахъ, гдѣ дѣйствуетъ мужчина*, подъ преимущественнымъ преобладанiемъ ума и характера. А между тѣмъ, общественный порядокъ обрекъ женщину на исключительное служенiе любви и преградилъ ей пути *во всѣ другiя сферы человѣческаго существованiя*. Гаремы только фактически принадлежатъ Востоку: въ идеѣ они принадлежатъ и просвѣщенной Европѣ, и всему мiру».

Такъ писалъ Бѣлинскiй въ 1843 году по поводу сочиненiя Зинаиды Р—вой. Въ слѣдующемъ году, въ 1844, въ одной изъ статей о сочиненiяхъ Пушкина онъ посвятилъ еще нѣсколько строкъ положенiю женщины, но изъ этихъ строкъ оказывается, что подъ сферами и поприщами, въ которыя должна быть допущена женщина наравнѣ съ мужчиной, Бѣлинскiй подразумѣваетъ вовсе не тѣ или другiя реальныя сферы дѣятельности, а философское раздѣленiе жизни на двѣ сферы: частную и общую, разумѣя подъ частной семейные интересы, а подъ общей—интересы человѣческiе. Такимъ образомъ, и выходитъ, по теорiи Бѣлинскаго, что до сихъ поръ женщина жила въ одной семейной сферѣ, а отнынѣ должна быть посвящена и въ общечеловѣческую, но, все-таки, не иначе, какъ въ виду своего спецiальнаго, предназначеннаго природой призванiя—быть хорошею женой и матерью.

«Но, скажутъ намъ: женщина—мать, а назначенiе матери свято и высоко—она воспитательница дѣтй своихъ. Прекрасно!—говоритъ Бѣлинскiй по этому поводу (см. Соч. Б., т. VIII, стр. 172).—Но

вѣдь воспитывать не значитъ только выкармливать, выняньчивать (первое можетъ сдѣлать корова или коза, а второе—нянька), но и дать направленіе сердцу и уму, а для этого развѣ не нужно, со стороны матери, характера, науки, развитія, доступности ко всѣмъ человѣческимъ интересамъ? Нѣтъ, міръ знанія, искусства, словомъ, міръ общаго долженъ быть столько-же открытъ женщинѣ, какъ и мужчинѣ, на томъ основаніи, что и она, какъ и онъ, прежде всего—человѣкъ, а потомъ уже любовница, жена, мать, хозяйка и проч.».

И здѣсь мы видимъ тотъ-же очарованный кругъ, въ которомъ вертится Бѣлинскій. Онъ отрицаетъ положеніе женщины, какъ самки, а самъ, все-таки, продолжаетъ смотрѣть на женщину, какъ на самку преимущественно, и скромныя желанія его не простираются далѣе того, чтобы эта самка интересовалась науками, искусствами, общественными вопросами для того, чтобы могла исполнять свои обязанности самки сознательно и разумно, не только выкармливала-бы своихъ дѣтей, но и воспитывала-бы ихъ, такъ какъ она не простая самка, а самка-человѣкъ. Если мы рядомъ съ этими взглядами Бѣлинскаго на женщину вспомнимъ, какія мнѣнія высказывали о томъ-же предметѣ Грановскій, Герценъ, или хотя-бы и Гончаровъ (въ своемъ романѣ „Обрывъ"), то для насъ станетъ яснымъ тотъ предѣлъ, далѣе котораго люди сороковыхъ годовъ въ женскомъ вопросѣ не пошли. Этотъ предѣлъ обусловливается вполнѣ метафизическою системой ихъ міровоззрѣнія. Вмѣсто того, чтобы анализировать различіе женщинъ отъ мужчинъ въ его историческомъ теченіи, какъ явленіе измѣняющееся, преходящее, они брали современное имъ различіе, какъ нѣчто субстанціальное, т.-е. неизмѣнное, предуставленное природой, подводили его подъ тезы и антитезы и различныя философскія категоріи, и выходила изъ этого удивительная мѣшанина консервативнаго взгляда съ прогрессивнымъ: смотря на современное имъ различіе женщинъ отъ мужчинъ, какъ на нѣчто предуставленное природой, неизмѣнное, они, въ то-же время, проповѣдывали измѣненіе въ положеніи женщинъ, но такое измѣненіе, чтобы оно, все-таки, не выходило за предѣлы предуставленной неизмѣнности.

Намъ остается разсмотрѣть общественныя убѣжденія Бѣлинскаго. Но это мы оставимъ на слѣдующую главу, такъ какъ роковой предѣлъ Бѣлинскаго въ этой сферѣ болѣе всего выясняется въ его столкновеніи съ первыми проблесками въ концѣ сороковыхъ годовъ новой и реальной мысли.

Эти проблески новой и реальной мысли принадлежали молодому поколѣнію сороковыхъ годовъ и составляли ту другую струю въ движеніи въ сороковые годы, о которой мы упомянули въ началѣ этой главы.

Молодое поколѣніе сороковыхъ годовъ училось подъ сильнымъ вліяніемъ стараго. Оно начинало съ тѣхъ-же метафизическихъ принциповъ, но гораздо скорѣе своихъ учителей переживало переходный процессъ и рѣшительнѣе свергало съ себя отжившія системы. Достигать этого ему было тѣмъ легче, чѣмъ энергичнѣе, свѣжѣе была молодая мысль и чѣмъ меньше было въ ней старыхъ привычекъ. При этомъ многіе изъ лучшихъ молодыхъ людей сороковыхъ годовъ не ограничивались однимъ отрицаніемъ и шли далѣе; мысль ихъ начинала работать въ новомъ, чисто-реальномъ направленіи, безъ малѣйшихъ уже метафизическихъ отзывовъ, и это вступленіе на реальный путь совершалось тѣмъ быстрѣе, что обновленная мысль находила готовый и богатый матеріалъ на Западѣ, и ей оставалось только усвоивать и переработывать его сообразно потребностямъ русской жизни.

Такимъ образомъ, къ концу сороковыхъ годовъ составилось нѣсколько новыхъ и молодыхъ кружковъ, которые не довольствовались уже одними отвлеченно-философскими и эстетическими вопросами. Вниманіе ихъ было жадно приковано къ той драмѣ, которая разыгрывалась въ то время въ Европѣ. Не ограничиваясь одними поверхностными разсужденіями о мотивахъ этой драмы, они глубоко изучали соціальные вопросы того времени, прочитывая цѣлые томы политико-экономическихъ и соціологическихъ трактатовъ. Но не менѣе политическихъ и соціальныхъ вопросовъ занимали ихъ и всѣ прочія отрасли человѣческихъ знаній. Это новое движеніе не замедлило отразиться и въ литературѣ. Въ концѣ сороковыхъ годовъ начали появляться въ петербургскихъ журналахъ политико-экономическіе этюды, естественно-научныя обозрѣнія, новыя эстетическія теоріи, и въ то-же время была впервые проповѣдана русской публикѣ позитивная философія Конта—мы увидимъ въ одной изъ слѣдующихъ главъ, съ какимъ блистательнымъ талантомъ.

Между прочимъ, въ 1846 году, когда Бѣлинскій, со всѣми своими друзьями удалился въ обновленный „Современникъ", въ покинутыхъ „Отечественныхъ Запискахъ" появился новый молодой критикъ — Валеріанъ Николаевичъ Майковъ. Онъ былъ младшимъ братомъ извѣстнаго поэта Ап. Майкова, учился въ петербургскомъ университетѣ и кончилъ курсъ со степенью кандидата юридическихъ наукъ въ 1842 году. Слѣдовательно, онъ былъ еще мальчикомъ, когда Бѣлинскій началъ свою литературную дѣятельность, и выступилъ на литературное поприще, когда Бѣлинскій кончалъ уже его. Впрочемъ, В. Майковъ кончилъ свое поприще еще раньше Бѣлинскаго, едва начавши его. Лѣтомъ, въ 1847 году, онъ утонулъ, купаясь въ прудѣ, въ одной изъ окрестностей Петербурга. Онъ оставилъ послѣ себя нѣсколько статей въ „Отечественныхъ Запискахъ", изъ которыхъ наиболѣе замѣчательны статьи о стихотвореніяхъ Кольцова („От. Зап." 1846 г., т. 49) и о романахъ Вальтеръ-Скотта („От. Зап." 1847 г., т. 51). Мы обратимъ вниманіе на статью его о Кольцовѣ, такъ какъ въ статьѣ этой наиболѣе полно выражаются воззрѣнія В. Майкова, и притомъ она послужила полемическимъ столкновеніемъ съ новымъ критикомъ со стороны Бѣлинскаго.

Такъ какъ мы имѣемъ дѣло съ критикомъ, то мы начнемъ съ изложенія эстетическихъ воззрѣній В. Майкова. Онъ начинаетъ свою статью о Кольцовѣ прямо съ того, что нападетъ на самую слабую сторону критики Бѣлинскаго, на отсутствіе систематической и послѣдовательной теоретической подкладки подъ его литературными симпатіями и антипатіями. Онъ отдаетъ полную справедливость этой критикѣ.

«Она оказала—говоритъ онъ—русской литературѣ разнообразныя заслуги. Главное, она служила до сихъ поръ энергическимъ выраженіемъ симпатіи къ новой школѣ искусства...» «Но—говоритъ онъ да-

лѣе—выражать симпатію и анализировать ее—двѣ вещи разныя и по сущности, и по результатамъ. Само собою разумѣется, что ваша страсть укрѣпляется, если узнаетъ себя въ выраженіи страсти другого, но укрѣпляется она безсознательно, безотчетно: кто выразилъ ее сильнѣе, чѣмъ бы вы сами могли выразить, тотъ еще не оправдалъ, не осмыслилъ ее въ глазахъ людей съ совершенно иными потребностями и даже въ собственныхъ вашихъ глазахъ. Справедливо и то, что *сильное* выраженіе всякой мысли и всякаго чувства озадачиваетъ людей, неимѣющихъ возможности противопоставить ему такого-же обнаруженія своей мысли и своего чувства, особенно если первое имѣетъ на своей сторонѣ большинство и моду. Но разсчитывать на такой успѣхъ своей рѣчи все равно, что полагаться на силу легкихъ и на крѣпость груди. Мы даже готовы жалѣть о томъ, чья недоказанная мысль нашла себѣ поддержку въ модѣ. Что будетъ съ этою мыслью? Пускай бы каждый понималъ ее по своему, обрѣзывалъ или раздувалъ по своему разумѣнію, прицѣплялъ къ такимъ идеямъ, какихъ и не подозрѣвалъ творецъ ея, однимъ словомъ, пускай бы каждый претворялъ ее такъ органически, чтобы не оставалось отъ нея и тѣни того смысла, какой онъ хотѣлъ ей дать. Въ этомъ больше хорошаго, чѣмъ дурного: бросая, такимъ образомъ, свою мысль въ круговоротъ всѣхъ идей, вращающихся въ обществѣ, вы подмазываете колеса этой машинѣ, давая ей пищу, работу, и тѣмъ самымъ поддерживаете ея движеніе. Но горе вамъ, если слово ваше разыгрываетъ въ публикѣ роль людской новинки, если оно, неоправданное собственными вашими доказательствами, пріобрѣтетъ въ публикѣ силу авторитета! Выразить свое мнѣніе публично и не подкрѣпить его доводами, которые самъ находишь убѣдительными, уже значитъ выразить свое неуваженіе къ свободѣ мнѣнія и претензію на диктаторство. Но за это-то, рано или поздно, всегда и приходится поплатиться горькимъ чувствомъ разочарованія. Прежде всего увидитъ диктаторъ, что идеи его не сливаются съ другими идеями его публики и находятся съ ними въ самой нелогической противоположности: доказать одну истину нельзя безъ того, чтобъ не доказать и цѣлаго ряда истинъ, изъ которыхъ она взята, или, лучше сказать, объясненіе частнаго предполагаетъ объясненіе общаго. Чтобъ доказать, напримѣръ, что Ломоносовъ не былъ поэтомъ, надо доказать, что дидактика не поэзія, а чтобъ успѣть въ этомъ, надо объяснить сущность того и другого, и т. д. Представимъ-же себѣ, что намъ навязано безъ всякихъ доказательствъ нѣсколько мыслей, которыя мы имѣли слабость принять на слово—случай, болѣе чѣмъ не исключительный. Намъ неизвѣстно ихъ основаніе, слѣдовательно, неизвѣстны и тѣ истины, которыя находятся съ ними въ связи—или какъ понятія однородныя, или какъ предшествующія посылки силлогизмовъ. Что изъ этого должно выйти? То, что мы не будемъ имѣть никакого понятія о вопросѣ, рѣшенномъ нашимъ диктаторомъ, а будемъ только опасаться проговориться по этому поводу въ чемъ-нибудь такомъ, что противорѣчитъ его приговору. Въ то-же время мы не перестанемъ рѣшать по старому всѣ тѣ вопросы, которыхъ онъ не коснулся, но которые объяснились бы намъ сами собою, какъ однородные съ рѣшеннымъ, или какъ обусловливающіе его, еслибъ только онъ, диктаторъ, снизошелъ на доказательное изложеніе своей идеи. Больно, должно быть, ему видѣть въ цѣломъ обществѣ такіе тощіе плоды своего слова, особенно если онъ не только не добивался диктатуры, но даже, какъ часто бываетъ, отвергалъ благороднымъ сердцемъ всякій помыселъ на завоеваніе умовъ силой своего личнаго вліянія. Еще больнѣе должно быть ему встрѣчать на каждомъ шагу безобразныя доктрины, развитыя изъ его-же мыслей, его-же поклонниками—а все потому, что мысли эти оставлены имъ самимъ безъ развитія».

«Довольно—говоритъ В. Майковъ въ заключеніе—если изъ всего сказаннаго убѣдятся читатели, что теперь только-что пришла пора толковать о законахъ изящнаго, и что приняться за этотъ трудъ нельзя иначе, какъ правильнымъ вчинаніемъ иска на такія эстетическія ученія, которыя считаются опровергнутыми».

Далѣе затѣмъ, В. Майковъ приступаетъ къ разбору нѣсколькихъ стихотвореній Кольцова, выставляя на видъ тѣ сѣтованья, то негодованіе и ужасъ, какіе должны возбудить эти стихотворенія въ людяхъ отжившихъ эстетическихъ ученій, именно романтикахъ.

«Въ самомъ дѣлѣ—говоритъ В. Майковъ,—какъ не негодовать господамъ романтикамъ на бѣднаго Кольцова, когда, вмѣсто того, чтобы гнушаться такими вещами, каковы, напримѣръ, физическій трудъ, любовь къ полезной работѣ, деньги, выручаемыя потомъ и терпѣніемъ, онъ совершенно преданъ земледѣльческому промыслу, совершенно сочувствуетъ пахарю, заботливо и любовно входитъ въ его тяжкія нужды, радуется его *прозаической* радости при видѣ урожая, слѣдуетъ за нимъ на пашнѣ» и пр. «Чтобы сочувствовать такимъ стихамъ, чтобы проникнуться ихъ основною идеей, чтобы понимать сладость труда, исполняемаго съ любовью, нѣжность человѣка къ животному, раздѣляющему съ нимъ тягость работы, неравнодушіе его даже къ механическимъ орудіямъ промысла и, наконецъ, вдохновительность мысли о плодахъ труда, о какихъ-нибудь *снопахъ тяжелыхъ*—для всего этого надо быть самому человѣкомъ трудящимся съ любовью, съ терпѣніемъ и безъ презрѣнія къ заработку. Можно-ли-же требовать этихъ условій отъ романтика, отъ человѣка, гнушающагося всякимъ трудомъ, всякими матеріальными выгодами (послѣднее, разумѣется, только въ стихахъ)?»

Далѣе, затѣмъ, естественно слѣдуетъ вопросъ, чѣмъ-же оправдывается допущеніе въ область поэзіи изображеніе простого крестьянскаго быта съ его практическими интересами рядомъ съ различными, такъ-называемыми, „поэтическими" сторонами жизни? Почему романтики, исключающіе изъ поэзіи изображеніе обыденной жизни, не правы, и чѣмъ объясняется симпатія новаго времени къ натуральной школѣ?

«Кто-жь правъ—Кольцовъ или романтики?—говоритъ В. Майковъ:—здѣсь частный вопросъ долженъ перейти въ общій: спрашивается, въ чемъ сущность поэтическаго и непоэтическаго содержанія—ни болѣе, ни менѣе».

Для рѣшенія этого вопроса В. Майковъ и излагаетъ новую эстетическую теорію, которая должна оправдать существованіе натуральной школы и поэзіи Кольцова не голословно, не диктаторски, а на основаніи общихъ законовъ искусства.

Теорію свою В. Майковъ выводитъ изъ слѣдующаго закона нашего психическаго міра: „каждый изъ насъ познаетъ и объясняетъ себѣ все единственно по сравненіи съ самимъ собою".

«Съ перваго взгляда—говоритъ В. Майковъ—кажется, что мы болѣе всего сочувствуемъ тому, что отъ насъ отдаленно, что намъ ново, чуждо, однимъ словомъ, *занимательно*. По крайней мѣрѣ, все отдаленное, новое, чуждое влечетъ насъ къ себѣ съ неотразимымъ могуществомъ, между тѣмъ, какъ все близкое, все старое, все *свое* съ каждою минутой теряетъ для насъ всю прелесть. Но если всмотрѣться въ этотъ фактъ поглубже, нельзя не увидѣть, что причина его заключается въ способности и склонности человѣка объяснять все по сравненію

съ самимъ собою и въ происходящей оттуда страсти усвоивать своею мыслію все, что встрѣчаетъ онъ посторонняго, непохожаго на него самого. Эта сила усвоенія, при встрѣчѣ съ предметомъ новымъ, оказывающимъ ей энергическое сопротивленіе, напрягается со всею данною ей мощью, до тѣхъ поръ, пока не покоритъ себѣ познаваемаго, или, лучше сказать, усвоиваемаго предмета. Такъ, напримѣръ, описаніе быта дикарей Тихаго Океана *занимательнѣе* для европейцевъ самой лучшей статистики какого угодно просвѣщеннаго государства стараго свѣта. Почему? Потому, что жизнь образованныхъ народовъ намъ уже извѣстна, мы ее уже усвоили себѣ, сравнили съ собственною жизнью и успокоились. Напротивъ, дикіе народы представляются намъ чѣмъ-то совершенно не похожимъ на насъ, и потому-то нами овладѣваетъ тревожное желаніе усвоить себѣ этотъ предметъ, сравнить его съ тѣмъ, что знаемъ мы о самихъ себѣ. И мы успокоиваемъ свою любознательность, унимаемъ свою тревогу только тогда, когда, наконецъ, и въ дикихъ народахъ узнаемъ людей, т.-е. существа, подобныя намъ по натурѣ, хотя и совершенно различныя отъ насъ по развитію...

«Таково свойство занимательности: предметъ занимателенъ, любопытенъ для насъ до тѣхъ поръ, пока мы не сравнили его съ собственною природой. Но это и доказываетъ, что влеченіе наше ко всему новому, непонятному, обманчиво: если-бы мы дѣйствительно стремились къ нему, а не къ чему-нибудь другому, то мы и успокоивались-бы въ немъ. Напротивъ, оно насъ мучитъ и манитъ вдаль, и это мученіе продолжается до тѣхъ поръ, пока непонятное не сдѣлается понятнымъ, чужое—своимъ, постороннее—тождественнымъ съ нами. И такъ, истинное стремленіе наше въ томъ, чтобы во всемъ найти самихъ себя. Изъ этого слѣдуетъ, что занимательность и симпатичность предмета—два свойства совершенно различныя: насъ занимаетъ то, что кажется намъ новымъ, неизвѣстнымъ, непонятнымъ; сочувствовать-же можемъ мы только тому, въ чемъ мы уже дали себѣ отчетъ и въ чемъ нашли сами себя. Поэтому, каждый предметъ, доступный нашему познанію, необходимо раздѣляется нами на двѣ половины: къ первой относимъ мы все то, что нисколько не напоминаетъ намъ о собственной нашей природѣ—это сторона любопытная, подстрекающая одну любознательность; ко второй—все то, что въ немъ есть общаго съ нами, человѣкомъ—это сторона *симпатическая*, возбуждающая въ насъ *любовь*, сердечное, кровное сочувствіе. Количественное различіе впечатлѣній, произведенныхъ на насъ тою и другою, заключается въ томъ, что любопытное владѣетъ нами только въ силу своей новости и дѣлается безразличнымъ тотчасъ-же по усвоеніи, между тѣмъ, какъ симпатическое (назовите его какъ угодно) вѣчно будетъ имѣть для насъ интересъ, если мы только сами не теряемъ способности чувствовать и сочувствовать».

Далѣе Майковъ объясняетъ, почему мы любуемся какимъ-нибудь ландшафтомъ.

«Отчего можетъ нравиться намъ ландшафтъ—говоритъ онъ—вовсе не поражающій красотой линій изображаемой мѣстности? Какое-нибудь плоское захолустье, двѣ-три кривыя березки, да сѣренькія тучи на горизонтѣ, напоминающемъ своими колерами цвѣтъ синяго молока, что въ нихъ такого, что могло-бы приковать къ себѣ наше вниманіе, заставить насъ прочувствовать и полюбить картину? Не отворачиваемся-ли мы на самомъ дѣлѣ отъ этой голой плоскости и отъ этихъ хворыхъ березокъ? Не ворчимъ-ли мы на эти грязныя тучки по десяти разъ въ часъ? Такъ; но это-то и влечетъ насъ къ картинѣ; во всѣхъ ея печальныхъ подробностяхъ человѣкъ находитъ частичку самого себя—узнаетъ плоскость, которая ему такъ надоѣла въ дѣйствительности, узнаетъ березки, которыя всегда казались жалкими усиліями бѣдной, но, все-таки, заботливой природы—скрасить безотрадную гладь поляны; узнаетъ дождевыя тучки, отъ которыхъ онъ куталъ обвѣянное вѣтромъ лицо свое въ высокій воротникъ пальто, когда возвращался изъ департамента на дачу—и эта странная встрѣча съ самимъ собою проливаетъ для него неизъяснимую прелесть на какой-нибудь ландшафтъ петербургскаго художника, потому что онъ не можетъ не любить самого себя, не интересоваться и не любоваться собою, какъ-бы онъ ни былъ плохъ для другихъ... Ужь такъ онъ устроенъ, что всюду онъ себя отыщетъ и обрадуется находкѣ и полюбитъ ее. Положимъ даже, что на ландшафтѣ изображена не наша блѣдная сѣверная природа, а какія-нибудь окрестности Неаполя. Пусть посмотритъ на нихъ петербургскій автохтонъ, который никогда не видалъ природы роскошнѣе парголовской: что-жь? это не помѣшаетъ ему симпатизировать и синему небу, и кремнистымъ холмамъ, которые одѣты ползучимъ плющемъ и цѣпкимъ виноградомъ съ баснословно-огромными кистями голубыхъ и лиловыхъ ягодъ, покрытыхъ матовою влагой—и темнокожему лѣнтяю, валяющемуся на солнцѣ въ ожиданіи карлина, который удастся вымозжить ему у англичанина, когда этотъ прямолинейный и никогда не улыбающійся туристъ пройдетъ мимо его въ сопровожденіи плута чичероне, съ цѣлью помучить нѣсколько живыхъ тварей въ *Собачьемъ гротѣ*. Разумѣется, для этого надобно имѣть нѣсколько искоръ воображенія; но дѣло въ томъ, что воображеніе явится къ услугамъ нашего автохтона не для чего иного, какъ для того, чтобы перенести подъ неаполитанское небо собственную его особу, чтобы самого его пожарить на сорока градусахъ тепла, чтобы понѣжить его языкъ, привыкшій къ впечатлѣніямъ товара милютиныхъ лавокъ, невыразимо-нѣжнымъ и гастрономически-сложнымъ вкусомъ южнаго винограда. Иначе—что ему въ картинѣ неаполитанской природы? Легкость и незамѣтная правильность линій не объясняютъ вопроса; остается неразгаданною прелесть густой синевы неба, роскошной растительности, изнѣженности людей и животныхъ, развивающихся подъ вліяніемъ мѣстности. Пожалуй, можно дать другой видъ объясненію, но сущность его останется все та-же. Можно сказать, что мы, вообще, симпатизируемъ природѣ, хотя-бы она и не напоминала намъ человѣка. Такъ, напримѣръ, дѣвственный лѣсъ, незнакомый съ топоромъ, непроходимая пустыня, въ которую никогда не пускался ни одинъ отважный искатель приключеній, жерло вулкана, отъ котораго удалялись люди—развѣ изображенія такихъ предметовъ не могутъ произвести впечатлѣнія на душу зрителя? Конечно, могутъ; но всмотритесь внимательнѣе, и рѣшите, даютъ-ли и они возможность человѣку уйти отъ самого себя, плѣниться чѣмъ-нибудь такимъ, въ чемъ нѣтъ ничего ему родственнаго, сприсущаго? Нѣтъ, мы всюду сами съ собою; ибо, вмѣстѣ съ природой, мы составляемъ одно цѣлое, гармоническое произведеніе одной животворной силы; какъ часть этого цѣлаго, имѣющая свой частный организмъ, мы можемъ забывать о своемъ съ нимъ единствѣ, можемъ не замѣчать его, увлекаясь тяготѣніемъ собственнаго частнаго (индивидуальнаго) содержанія, но не можемъ не чувствовать его непосредственно, *безсознательно*. Пусть каждый изъ читателей повѣритъ эти слова собственными впечатлѣніями. Кто можетъ анализировать свои ощущенія — разумѣется, не во время самаго образованія ихъ въ душѣ, а съ помощію воспоминанія и размышленія—тотъ, навѣрное, согласится съ нами, что природа производитъ на насъ разомъ два впечатлѣнія—и пріятное, и горькое, и что источникъ этой двойственности заключается въ нашемъ родствѣ, или, лучше сказать, въ существенномъ тождествѣ съ нею. Предаваясь простому, не-

посредственному созерцанію ея нерукотворной жизни, мы невольно настраиваемся на одинъ ладъ съ ея гармоніей, сливаемся съ ея жизнію, какъ часть съ цѣлымъ, и чувство этого слiянія невыразимо сладко: чувствуешь, что безсознательно попалъ въ колею своихъ настоящихъ, непреклонныхъ законовъ, чувствуешь, что находишься въ своей сферѣ, или, лучше сказать, чувствуешь, что возвращаешься въ свою сферу. Въ то же время, этотъ внезапный приливъ гармоніи, этотъ быстрый переходъ отъ нашей обыкновенной, искусственной жизни къ бытію нормальному, естественному, сообразному съ нашею сущностью, дѣйствуетъ на насъ и болѣзненно, рождаетъ грусть, слѣдствіе сравненія того и другого порядка вещей. Тяжело созерцаніе этой гармоніи при свѣжести воспоминанія о хаосѣ, изъ котораго вырвался на время; многіе не въ силахъ перенести ея впечатлѣнія безъ боли, точно также, какъ человѣкъ, изуродованный болѣзнію, не въ силахъ смотрѣть безъ грустнаго сожалѣнія о самомъ себѣ на розовыя лица, цвѣтущія жизнію и здоровьемъ...

«Теперь, соображая все сказанное, спрашиваемъ: что плѣняетъ насъ въ дѣйствительности и искусствѣ? Отвѣтъ будетъ такой: во всемъ мы плѣняемся собою. *И такъ, нѣтъ на свѣтѣ предмета неизящнаго, неплѣнительнаго, если только художникъ, изображающій его, можетъ отдѣлять безразличное отъ симпатическаго и не смѣшивать симпатическаго съ занимательнымъ* *). Этимъ объясняется ложность не только неестественности, но и всякой эксцентричности содержанія изящнаго произведенія. Изобразить несуществующую жизнь и людей несуществующихъ—значитъ, стремиться къ тому, чтобы изображеніе не возбудило въ людяхъ никакой симпатіи, чтобы они не поняли его, не могли объяснить себѣ, по сравненію изображеннаго съ собственною ихъ жизнью и собственною ихъ натурой. Равнымъ образомъ, изображеніе существъ и явленій, выступающихъ изъ круга обыкновенныхъ людей и обыкновенныхъ событій, тогда только можетъ служить содержаніемъ изящному произведенію, когда художникъ умѣетъ представить ихъ, какъ результаты причинъ самыхъ понятныхъ и обыкновенныхъ; иначе, они останутся любопытными загадками, а любопытному, какъ уже сказано, никто не можетъ сочувствовать. Другими словами: эксцентрическое явленіе тогда только дѣлается изящнымъ или симпатическимъ, когда художникъ съумѣетъ угадать и выразить его понятную, обыкновенную сторону. Принципы эти заключаютъ въ себѣ осужденіе классицизма и романтизма. Но слѣдуетъ-ли изъ этого, чтобы они оправдывали все, что современная литература выдаетъ намъ за натуральность и неизысканность?».

Далѣе слѣдуетъ оборотная сторона медали. Майковъ обращается къ дагеротипистамъ и копiистамъ живой дѣйствительности, и старается въ свою очередь и ихъ опровергнуть на основаніи своихъ принциповъ. Эстетики старой школы возставали на безцѣльное списываніе съ дѣйствительности обыкновенно во имя того, что цѣль искусства не одно только подражаніе природѣ, а выраженіе идей въ формѣ. Майковъ отвергаетъ этотъ метафизическій принципъ. По его мнѣнію, подъ него можно подвести все, что угодно. Въ самомъ дѣлѣ, по мнѣнію самихъ-же метафизиковъ, весь міръ есть не что иное, какъ выраженіе идеи въ формѣ, затѣмъ и каждую человѣческую дѣятельность можно подвести подъ эту-же формулу. Чтобы разграничить искусство отъ прочихъ сферъ дѣятельности человѣка, метафизики къ слову форма прибавляютъ художественная.

*) Курсивъ въ подлинникѣ.

«Но такъ какъ,—говоритъ Майковъ—этотъ эпитетъ и остается эпитетомъ, свидѣтельствующимъ только о темномъ предчувствіи *какого-то* отличія художественной дѣйствительности отъ дѣйствительности простой, непосредственной, то вопросъ и возвращается въ самого себя. Мы полагаемъ, что до тѣхъ поръ и останется онъ сфинксовою загадкой, пока эстетика будетъ ограничиваться толкованіемъ о различіи формъ художественной и дѣйствительной... Художественныя формы всегда останутся тождественными съ формами дѣйствительности, такъ, какъ это было до сихъ поръ, и не выдумать ничего лучшаго цѣлому легіону прометеевъ-эстетиковъ даже при помощи такого-же легіона риемоплетовъ и сказочниковъ»... «Другое дѣло, — продолжаетъ Майковъ, писать и спорить о *художественной идеѣ*. Тутъ, въ самомъ дѣлѣ, есть о чемъ подумать: здѣсь опытъ, факты наводятъ на существованіе различія... Голая мысль ученаго и живая мысль художника—двѣ силы существенно различныя»...

Оставивъ въ сторонѣ анализъ различныхъ фактовъ художественной дѣятельности, къ которой Майковъ приступаетъ далѣе, мы замѣтимъ только, что различіе мысли художественной отъ ученой заключается уже всецѣло въ самыхъ основныхъ принципахъ теоріи Майкова. Разграничивъ познаваніе предметовъ на занимательное и симпатическое, этимъ самымъ уже Майковъ положилъ и основаніе различія науки отъ искусства. Все то, что для насъ только занимательно, все это входитъ въ область науки, а съ другой стороны, все симпатическое, все, въ чемъ мы находимъ хотя частичку самихъ себя, все, что напоминаетъ намъ о насъ — все это входитъ въ область поэзіи, именно своею этою симпатическою стороной. Отсюда слѣдуетъ прямой выводъ о сущности поэтическаго творчества: „Художественная мысль — говоритъ Майковъ — зарождается въ формѣ любви или негодованія, и *тайна творчества — въ способности вѣрно изображать дѣйствительность съ ея симпатической стороны.* Иными словами, *художественное творчество есть пересозданіе дѣйствительности, совершаемое не измѣненіемъ ея формъ, а возведеніемъ ихъ въ міръ человѣческихъ интересовъ (въ поэзію)*".

Само собою разумѣется, что послѣ такого опредѣнія поэзіи нечего и говорить о безцѣльномъ списываніи съ дѣйствительности. Такое списываніе могло-бы быть оправдано скорѣе съ точки зрѣнія метафизики. На ея положеніе о томъ, что поэзія есть выраженіе идеи въ формѣ, копiистъ дѣйствительности могъ-бы смѣло возразить, что списывая дѣйствительность такъ, какъ она есть, онъ нисколько не отступаетъ отъ этого требованія: если дѣйствительность сама по себѣ есть уже выраженіе идеи въ формахъ, то и въ простыхъ снимкахъ она останется тѣмъ-же самымъ, т.-е. и снимки эти будутъ выражать идею въ формѣ. Но совершенно иначе представляется дѣло съ точки зрѣнія теоріи, развитой Майковымъ: по этой теоріи безцѣльное списыванье дѣйствительности, безъ возведенія ея въ сферы человѣческихъ интересовъ, совершенно выпадаетъ изъ области поэзіи и дѣлается безсмыслицей, если только такое списыванье не служитъ для какихъ-нибудь ученыхъ цѣлей.

Вотъ первая положительная эстетическая теорія, съ которою выступила молодая мысль, освободившаяся отъ метафизическихъ принциповъ. Надо-ли при-

бавлять, что эта теорія стоитъ уже на реальной почвѣ. Она намѣчена только общими чертами, требуетъ разработки, уясненій и подтвержденій фактами художественной дѣятельности и физіологическихъ изслѣдованій. Такъ, напримѣръ, тайна вліянія на насъ красотъ природы значительно уяснилась въ нашихъ глазахъ послѣ В. Майкова, и мы уже не будемъ говорить, что природа дѣйствуетъ на насъ потому, что мы безсознательно чувствуемъ свое единство съ нею и сравниваемъ ея гармонію съ хаосомъ нашей жизни. Но подобныя мысли, высказанныя Майковымъ, выходятъ не изъ ложной основной теоріи, а отъ безсилія объяснить тѣ или другіе факты нашей психической жизни, безсилія, зависящаго отъ недостатка физіологическихъ и психическихъ изысканій, которыя могли-бы пролить свѣтъ на эти факты. Эти промахи не мѣшаютъ теоріи оставаться самой по себѣ истинною и всѣ позднѣйшія открытія не только не опровергаютъ, а только больше подтверждаютъ и уясняютъ ее.

Въ слѣдующей главѣ мы разсмотримъ воззрѣнія Майкова на другіе предметы, причемъ обратимъ особенное вниманіе на тѣ воззрѣнія, на которыя наиболѣе напалъ Бѣлинскій. Теперь-же, въ заключеніе этой главы, считаемъ нелишнимъ, чтобы познакомить читателей нашихъ вполнѣ съ развитіемъ новыхъ эстетическихъ идей въ концѣ сороковыхъ годовъ, привести еще небольшую выдержку изъ одной критической статьи, напечатанной въ 53-мъ томѣ „Отечественныхъ Записокъ“ за 1847 годъ. Эта критическая статья посвящена разбору перевода В. Модестова курса эстетики Гегеля. Статья, надо замѣтить, написана чрезвычайно тяжелымъ языкомъ; не говоря уже о массѣ философскихъ терминовъ, испещряющихъ статью, самый слогъ отличается крайнею темнотой и сбивчивостью изложенія. Во многихъ мѣстахъ вы не разберете даже, говоритъ-ли авторъ отъ себя или онъ приводитъ слова какого-либо нѣмецкаго эстетика, гдѣ онъ кончаетъ цитату и гдѣ начинаетъ свои собственныя сужденія. Авторъ старается опровергнуть метафизическую эстетику, но самъ во многихъ мѣстахъ своей статьи путается въ метафизическихъ тонкостяхъ. Но въ то-же время вы часто натыкаетесь, какъ на оазисы въ степи, на рядъ мыслей, поражающихъ васъ своею реальностью, свѣжестью и глубиной. Такъ, напримѣръ, вотъ что читаете вы на одной изъ страницъ критики:

«Точка зрѣнія умозрительной эстетики по преимуществу практическая: искусство существуетъ только потому, что въ природѣ нѣтъ истинно-прекраснаго. Капитолійская и Медичейская Венеры должны быть идеалами женской красоты; ландшафтная живопись должна очистить ландшафтъ отъ всего случайнаго. Между тѣмъ, искусство далеко не превосходитъ природу; вездѣ уступаетъ оно ей въ свѣжести и полнотѣ жизни. Въ этомъ-то смыслѣ говоритъ Гете, что всѣ формы искусства имѣютъ въ себѣ нѣчто ложное, даже самыя вѣрныя, самыя прочувствованныя. Пусть спроситъ себя каждый, не обращались-ли невольно его глаза въ трибунѣ во Флоренціи отъ Венеры Медичейской на живыя, одушевленныя формы прекрасныхъ женщинъ, разсматривавшихъ статую, на ихъ прелестно-застѣнчивую улыбку; или, если это кажется слишкомъ грѣшнымъ для нѣкоторыхъ набожныхъ душъ, спрашиваю, не лучше-ли во сто разъ, не гармоничнѣели всякой прекраснѣйшей картины отзывается въ нашей душѣ Неаполитанскій заливъ въ своей очаровательной дѣйствительности? Но цѣль искусства и не заключается совсѣмъ въ такомъ неравномъ соперничествѣ. *Оно есть языкъ, ничто болѣе, какъ языкъ, чувственное выраженіе нашихъ чувственныхъ мыслей, ощущеній и созерцаній* *). И только по той причинѣ, что это индивидуально-чувственное содержаніе не можетъ быть выражено никакимъ другимъ способомъ, какъ въ этихъ чувственныхъ формахъ природы и жизни, только потому и говоритъ ими искусство».

Такимъ образомъ, уже въ 1847 году были высказаны тѣ идеи о преимуществѣ дѣйствительности передъ образами искусства—идеи, которыя, нѣсколько лѣтъ спустя, высказанныя въ болѣе систематичномъ, полномъ, ясномъ изложеніи съ увлекательнымъ талантомъ — возбудили порядочную бурю въ наукѣ и литературѣ. Въ 1847-же году мысли эти остались почти незамѣченными. Я полагаю, что рѣдко кто и прочелъ статью, въ которой онѣ изложены. Но надо полагать, онѣ глубоко запали въ душу одного даровитаго студента, бывшаго въ то время на 2-мъ курсѣ филологическаго факультета с.-петербургскаго университета. Черезъ нѣсколько лѣтъ этотъ самый студентъ, къ ужасу устарѣлыхъ метафизиковъ и приверженцевъ чистаго искусства, предложилъ эти самыя мысли на соисканіе степени магистра.

XI.

Идеи В. Майкова объ отношеніи народности къ общечеловѣческой цивилизаціи и значеніе этихъ идей.— Общность основныхъ принциповъ западниковъ и славянофиловъ 40-хъ годовъ и противоположность идей В. Майкова съ этими принципами.—Полемика Бѣлинскаго съ славянофилами и внезапное смягченіе полемическаго тона со стороны Бѣлинскаго при появленіи статьи В. Майкова. — Опроверженіе Бѣлинскимъ идей В. Майкова. — Мнѣніе Бѣлинскаго о томъ, какъ слѣдуетъ относиться намъ къ современнымъ вопросамъ Запада.

Въ то время, какъ первая статья В. Майкова о Кольцовѣ посвящена изложенію новой эстетической теоріи, во второй статьѣ на первый планъ В. Майковъ выдвинулъ животрепещущій въ то время вопросъ объ отношеніи народности къ общечеловѣческой цивилизаціи — вопросъ, какъ намъ извѣстно, сильно занимавшій всѣхъ мыслящихъ людей сороковыхъ годовъ, какъ славянофиловъ, такъ и западниковъ. По этому поводу, какъ мы сейчасъ увидимъ, В. Майковъ высказалъ нѣсколько идей, въ свою очередь, совершенно новыхъ для сороковыхъ годовъ.

Статья эта начинается прямо съ опроверженія тѣхъ панегиристовъ Кольцова, которые называютъ его *типомъ русской натуры*. По мнѣнію В. Майкова, человѣкъ, котораго можно назвать типомъ какой бы то ни было націи, никакъ не можетъ быть не только великимъ, но даже и необыкновеннымъ. Далѣе слѣдуетъ изложеніе цѣлой теоріи для доказательства этого мнѣнія.

«Увлекаясь одностороннимъ изученіемъ человѣка, какъ члена общежитія—говоритъ В. Майковъ—

*) Курсивъ въ подлинникѣ.

мы легко доходимъ до того, что онъ представляется намъ не иначе, какъ французомъ или нѣмцемъ, англичаниномъ, пруссакомъ, испанцемъ и пр. При такомъ взглядѣ мы убѣждаемся, что только тотъ и имѣетъ физіономію, чью національность можно узнать среди другихъ національностей; идеальный, ничѣмъ неизмѣненный человѣкъ начинаетъ представляться намъ существомъ безкровнымъ, отрѣшеннымъ отъ органическихъ условій жизни, и потому самому чѣмъ-то крайне-уродливымъ, ненормальнымъ. Продолжая, такимъ образомъ, изучать человѣка въ народахъ, мы открываемъ, наконецъ, что каждый народъ отличается отъ другихъ не однѣми только слабостями, но и добродѣтелями; это открытіе приводитъ насъ къ заключенію, что національность есть совокупность условій, безъ которыхъ человѣкъ не можетъ проявлять той или другой свѣтлой стороны своей натуры...».

Противъ подобныхъ положеній, по мнѣнію В. Майкова, представляются слѣдующія соображенія:

«Вспомнимъ только—говоритъ онъ—что человѣкъ, къ какой-бы націи ни принадлежалъ и какимъ-бы обстоятельствамъ ни подвергался въ своемъ зачатіи, рожденіи и развитіи, все-таки, принадлежитъ, по натурѣ своей, къ разряду существъ однородныхъ, называемыхъ *людьми*, а не французами, не нѣмцами, не русскими, не англичанами. Въ безконечномъ множествѣ органическихъ типовъ есть типъ человѣка, который не смѣшивается ни съ типомъ минерала, ни съ типомъ растенія, ни съ типомъ животнаго. Какое-же право имѣемъ мы смотрѣть на хорошія стороны народа, какъ на его особенность, какъ на исключительную принадлежность его національности? Не правильнѣе-ли было-бы видѣть въ нихъ черты общей человѣческой натуры, черты, которыя могутъ быть пощажены одною національностью и заглушены другою? Приписывая честность нѣмцамъ, энтузіазмъ французамъ, практическій смыслъ англичанамъ, смѣлость русскимъ и т. д., мы какъ будто признаемъ, что въ типъ человѣка не входитъ ни одно изъ этихъ прекрасныхъ свойствъ. А такъ-какъ, вообще, всѣ добродѣтели, сколько ихъ есть въ руководствахъ нравственной философіи, давно уже розданы въ вѣчное и потомственное владѣніе каждая одному какому-нибудь племени или народу, то идеалъ человѣка, при такомъ взглядѣ на вещи, выходитъ какое-то совершенно-отрицательное, нулевое существо! Между тѣмъ, если мы хвалимъ честность нѣмца, энтузіазмъ француза, практицизмъ англичанина, смѣлость русскаго, то гдѣ-же источникъ и основаніе нашей похвалы, какъ не въ сознаніи того, что человѣкъ вообще, къ какому-бы племени ни принадлежалъ, подъ какимъ-бы градусомъ ни родился, долженъ быть и честенъ, и великодушенъ, и уменъ, и смѣлъ? Однимъ словомъ, общій всѣмъ людямъ идеалъ человѣка составленъ изъ свойствъ положительныхъ, которыя обыкновенно называются добродѣтелями и которыя всѣ вмѣстѣ составляютъ одно свойство—*жизненность*, т.-е. гармоническое развитіе всѣхъ человѣческихъ потребностей и соотвѣтствующихъ имъ способностей. Пороковъ въ этомъ идеалѣ нѣтъ ни одного».

Далѣе Майковъ, развивая эти идеи, выставляетъ въ основу своихъ доказательствъ то положеніе реальной философіи, что добродѣтели прирождены человѣческой природѣ, какъ силы, составляющія ея сущность; внѣшнія обстоятельства не создаютъ ихъ, а только вызываютъ изъ бездѣйствія, укрѣпляютъ и направляютъ, однимъ словомъ, *упражняютъ*, по собственному выраженію В. Майкова. Пороки же, наоборотъ, вовсе не принадлежатъ человѣческой природѣ; они-то и суть созданія внѣшнихъ обстоятельствъ: всѣ пороки, по словамъ В. Майкова, не что иное, какъ добрыя наклонности, или сбитыя съ прямого пути, или вовсе неуваженныя *внѣшними обстоятельствами*.

Подобное положеніе реальной философіи прямо ведетъ В. Майкова къ тому выводу, что если особенности каждаго народа создаются внѣшними обстоятельствами, то само собою разумѣется, что рядъ этихъ особенностей—есть рядъ не добродѣтелей, а пороковъ; внѣшнія обстоятельства, вліяя на народъ, искажаютъ такъ или иначе основныя свойства человѣческой природы и искажаютъ естественно тѣмъ болѣе, чѣмъ болѣе народъ является подъ властію этихъ внѣшнихъ обстоятельствъ, чѣмъ болѣе онъ въ силу этого отличается отъ другихъ народовъ.

Но далѣе слѣдуетъ естественный вопросъ: если это такъ, т.-е. если признаками отличительныхъ свойствъ народовъ служатъ не добродѣтели, а пороки, то откуда же является противоположная привычка отличать народы по добродѣтелямъ (практичности, энтузіазму, смѣлости и пр.)? Подобная ложная привычка, по мнѣнію Майкова, происходитъ не отъ чего иного, какъ отъ того, что, при перечисленіи народныхъ добродѣтелей, вниманіе обращается обыкновенно не на большинство народа, а на его выдающееся меньшинство. Это же меньшинство бываетъ обыкновенно діаметрально противоположно большинству народа по слѣдующей причинѣ: естественно, что чѣмъ сильнѣе личность, тѣмъ болѣе она имѣетъ возможности удовлетворять своимъ человѣческимъ потребностямъ и бороться съ внѣшними обстоятельствами, препятствующими этому удовлетворенію и искажающими этимъ самымъ человѣческую природу. Поэтому, чѣмъ сильнѣе личность, тѣмъ болѣе отрѣшается она отъ особенностей своего племени и тѣмъ болѣе приближается къ общечеловѣческому типу. Наиболѣе удается это тѣмъ личностямъ, которыхъ мы называемъ великими, геніальными, и въ которыхъ мы дѣйствительно находимъ менѣе всего народныхъ особенностей. По большей же части меньшинство, стремясь выдѣлиться изъ подъ гнета обстоятельствъ, въ борьбѣ съ своею средой ударяется въ противоположную крайность и въ оппозицію этой средѣ развиваетъ въ себѣ наиболѣе такое свойство характера, которое въ этой средѣ развито всего менѣе. Подобное явленіе Майковъ формулируетъ въ видѣ слѣдующаго закона:

Каждый народъ имѣетъ двѣ физіономіи; одна изъ нихъ діаметрально противоположна другой; одна принадлежитъ большинству, другая меньшинству (миноритету). Большинство народа всегда представляетъ собою механическую подчиненность вліяніямъ климата, мѣстности, племени и судьбы. Меньшинство же впадаетъ въ крайность отрицанія этихъ явленій.

Далѣе въ статьѣ слѣдуетъ анализъ характера французской, нѣмецкой и русской народностей сообразно этому закону. Мы обратимъ вниманіе на то, какъ анализируетъ Майковъ русскую народность, причемъ читателю, безъ сомнѣнія, бросится въ глаза сходство идей Майкова съ идеями Бокля.

«Національныя особенности русскихъ—говоритъ В. Майковъ—совпадаютъ съ особенностями всѣхъ сѣверныхъ народовъ. Этимъ одолжены мы климату. Но, изучая самихъ себя, мы не можемъ не признать въ своей оригинальности столь-же сильныхъ влія-

ній *почвы и судьбы.* Необозримая плоскость земли, которую мы населяемъ, и татарское иго, которое перенесли мы впродолженіи двухъ съ половиною вѣковъ, вотъ двѣ силы — одна постоянная, другая преходящая, которыхъ дѣйствіе отзывается въ оттѣнкахъ нашей особенности. Равнина безжизненна, а особенно, если она двѣ трети года покрыта снѣгомъ. Безпрестанное созерцаніе ея содѣйствуетъ къ усыпленію потребностей и силъ, спокойствію. Житель равнины, настраиваясь на одинъ ладъ съ природой, которая его окружаетъ, находитъ столько-же наслажденія въ дремотѣ жизненности, сколько житель горъ въ безпрерывномъ ея обнаруженіи. Дѣятельность его поддерживается или безплодіемъ этой равнины, или излишнею ея населенностью. Люди, поселившіеся на безплодномъ или слишкомъ маломъ участкѣ земли, поневолѣ дѣлаются трудолюбивы и предпріимчивы: въ нихъ развивается даже потребность оживить искусствомъ безжизненную мѣстность, которая имъ досталась на долю. Если-же она и плодородна, и обширна, тогда отъ нея нечего ждать никакого вліянія на человѣка, кромѣ постоянной дремы и страстной привязанности къ покою. Противоположность сѣверной и южной Россіи оправдываетъ эту истину. Въ странѣ болотъ, песку и глины возникла новгородская держава; развилось племя живое, бойкое, предпріимчивое. До сихъ поръ новгородскіе выселенцы отличаются отъ большинства русскаго народонаселенія своею жизненностью, любовью къ движенію и къ усовершенствованію своего быта. Напротивъ того, на хлѣбородныхъ земляхъ средней и южной Россіи живетъ народъ тяжелый, привязанный болѣе всего къ покою. Сверхъ того, судьба наслала на Россію татарское иго, со всѣми его послѣдствіями, и болѣе четырехсотъ лѣтъ, именно отъ батыева нашествія до единодержавія Петра Великаго, дѣйствовала на насъ заодно съ природой. Петръ явилъ собою геніальную противоположность свойствамъ русскаго большинства и вступилъ съ нимъ въ борьбу, которая длится до сихъ поръ.

«Но законъ двойственности народныхъ физіономій такъ-же ясно проявляется между нами, какъ и въ другихъ націяхъ. Удальство, свойственное всѣмъ сѣвернымъ народамъ, такъ часто и сильно выражается въ русской жизни, что многіе принимаютъ его даже за черту нашей національности — одна изъ тѣхъ ошибокъ, въ которыя такъ легко впасть всякому наблюдателю народныхъ нравовъ, незнакомому съ закономъ двойственности.

«Но объяснивъ себѣ тайну отношеній національности къ человѣчности, легко понять всѣ противоположности явленій русскаго міра: уразумѣніе закона борьбы человѣческой натуры съ внѣшними вліяніями устраняетъ всякую сбивчивость въ объясненіи самыхъ противоположныхъ фактовъ. Чѣмъ инымъ объясните вы себѣ въ русскомъ народѣ, съ одной стороны, его привязанность къ покою, съ другой—его-же склонность къ удальству и его раздражительность?..».

Примѣняя далѣе всѣ эти идеи къ Кольцову, Майковъ рѣшительно отвергаетъ мнѣніе, что Кольцовъ былъ народный поэтъ, какъ представитель народнаго типа. По его мнѣнію, Кольцовъ былъ равно далекъ отъ обѣихъ противоположностей народнаго характера.

Онъ былъ одною изъ тѣхъ рѣдкихъ личностей, которымъ удается наиболѣе подойти къ общечеловѣческому типу. „Вся поэзія Кольцова—по мнѣнію В. Майкова—есть художественное выраженіе того всеобъемлющаго ученія любви къ жизни, до котораго человѣчество только-что доходитъ путемъ идей и опытовъ, совершенно неизвѣстныхъ нашему поэту. Ясно, что въ такомъ человѣкѣ не могло быть никакой болѣзненной односторонности, сколько-нибудь напоминающей собою народное удальство. Самая жизнь его представляетъ собою удивительный образецъ гармоніи между стремленіемъ къ лучшему и разумнымъ уваженіемъ къ дѣйствительности".

Но въ то же время Майковъ признаетъ Кольцова народнымъ поэтомъ, въ смыслѣ *вѣрности* въ изображеніи народныхъ особенностей, русской дѣйствительности, жизни.

Въ заключеніе статьи, Майковъ опровергаетъ искусственную табель о рангахъ, по которой Бѣлинскій пытался распредѣлять поэтовъ въ своей статьѣ о Кольцовѣ по степенямъ ихъ творчества, предполагая, что поэты бываютъ геніи, геніальные таланты и просто таланты.

«Нѣтъ никакого сомнѣнія — говоритъ онъ — что творческая сила вообще имѣетъ множество степеней, какъ и всякая человѣческая способность. Но можно ли сосчитать степени развитія и напряженія той или другой, можно-ли сказать опредѣлительно, что ихъ всего на все три или четыре, десять или двѣнадцать? Нашлись люди, которые приписали Бѣлинскому именно эту претензію; изъ *таковыхъ* одни обрадовались случаю перетолковать его идею, а другіе остались ею очень довольны, ни мало не разобравъ, въ чемъ дѣло. Бѣлинскій говоритъ на стр. XLVIII: «толпа подражателей доказываетъ только то, что *и талантъ имѣетъ степени*, и *менѣе* талантливые подражаютъ *болѣе* талантливому». Не очевидно-ли послѣ этого, что говоря о различныхъ степеняхъ творческой силы, онъ хотѣлъ только назвать тѣ изъ нихъ, которыя, по его мнѣнію, могутъ быть уловлены въ свойственныхъ имъ оттѣнкахъ? Но мы убѣждены съ своей стороны, что умножать число терминовъ для опредѣленія степеней какой бы то ни было силы, неподлежащей количественному измѣренію, значитъ не болѣе, какъ увеличивать сбивчивость языка, ничего не прибавляя къ объясненію самаго дѣла. Всякая попытка на этомъ мелочномъ поприщѣ ведетъ только къ тому, что опредѣляющій все болѣе и болѣе забываетъ простую истину, что умъ—великъ онъ или малъ—все таки, умъ; воображеніе—сильно оно или слабо—все-таки, воображеніе и т. п.

«Но главное, на что, по нашему мнѣнію, стоитъ обращать вниманіе при оцѣнкѣ степени какой бы то ни было способности человѣка, заключается въ анализѣ внѣшнихъ обстоятельствъ, содѣйствующихъ или препятствующихъ ея развитію. Можно даже сказать, что и нѣтъ иныхъ средствъ къ разрѣшенію вопросовъ о могуществѣ той или другой личности, потому что наши психологическія свѣдѣнія, въ свою очередь, ограничиваются знаніемъ *условій* развитія, дѣятельности и ослабленія психологическихъ потребностей и способностей. Если біографія человѣка не показываетъ намъ, какія противодѣйствія внѣшности преодолѣла его личность, мы не можемъ имѣть и масштаба для опредѣленія ея могущества. И наоборотъ: соображая плоды его дѣятельности съ силой встрѣченныхъ имъ противодѣйствій, мы идемъ по единственно-вѣрному пути къ разрѣшенію вопроса...»

Въ заключеніе статьи, В. Майковъ дѣлаетъ слѣдующій приговоръ относительно стихотвореній Кольцова, какъ окончательный выводъ изъ всей статьи:

«По недостатку образованія, Кольцовъ не могъ своими произведеніями попасть въ колею современнаго ему движенія общества и литературы. Въ то же время, могучая личность ставила его выше времени. Его произведенія положительно выразили собою тотъ идеалъ, на который остальные поэты наши указываютъ путемъ отрицанія. Онъ былъ болѣе поэтомъ возможнаго и будущаго, чѣмъ поэтомъ дѣйствительнаго и настоящаго. Его поэзія прямо при-

зываетъ къ полнотѣ наслажденія тою жизнію, которой простые законы стремится опредѣлить и современная мудрость путемъ критики и утопіи. *Страсть и трудъ, въ ихъ естественномъ благоустройствѣ*— вотъ простыя начала, изъ которыхъ сложился яркій идеалъ жизни, проникшій восторгомъ здоровую натуру поэта-мѣщанина!!.»

Мы не будемъ оспаривать Майкова, насколько Кольцовъ дѣйствительно былъ поэтомъ возможнаго будущаго въ томъ смыслѣ, какъ принимаетъ это Майковъ, т.-е. въ смыслѣ воспѣванія страсти и труда въ ихъ естественномъ благоустройствѣ; замѣтимъ только, что это мнѣніе не было исключительною принадлежностью одного Майкова. Въ концѣ сороковыхъ годовъ, вся мыслящая молодежь, мало-мальски знакомая съ соціальными идеями, двигавшими западное общество въ то время, смотрѣла на Кольцова такимъ образомъ. Кольцовъ былъ любимѣйшимъ поэтомъ молодежи именно какъ поэтъ труда, наслажденія жизнью и могучихъ страстей цѣльныхъ, глубокихъ, чуждыхъ растлѣвающихъ рефлексій или экзальтацій—страстей простаго, естественнаго человѣка свободнаго труда.

Для насъ статья Майкова о Кольцовѣ важнѣе всего, какъ новый моментъ въ развитіи нашей мысли, обусловливающій собою всю послѣдующую эпоху. Въ самомъ дѣлѣ, въ этой статьѣ мы видимъ впервые смѣлое и радикальное отрицаніе узкихъ принциповъ народности и предпочтеніе имъ общечеловѣческихъ принциповъ. Послѣ того, какъ разъ народность была признана искаженіемъ человѣческой природы, признакомъ-же прогресса поставлена большая или меньшая степень выдѣленія изъ узкой колеи народности и приближеніе къ общечеловѣческому типу — послѣ этого никакія уступки, никакія соглашенія съ приверженцами принциповъ народности сдѣлались немыслимы. Можно смѣло сказать, что только со статьи В. Майкова началась настоящая оппозиція славянофильству. Въ этой оппозиціи противъ славянофиловъ встали уже не западники, не защитники усвоенія западной цивилизаціи, а проповѣдники той новой будущей цивилизаціи, которая должна явиться не въ западномъ или восточномъ, а въ общечеловѣческомъ духѣ, которая должна въ своемъ результатѣ сломать всѣ китайскія стѣны различныхъ народностей, уничтожить ихъ вѣчное соперничество о нравственныхъ преимуществахъ и матеріальныхъ выгодахъ, и сдѣлать изъ французовъ, нѣмцевъ, англичанъ, русскихъ—людей, которые жили-бы въ единеніи любви и братства. Надо-ли говорить, что таковъ былъ духъ всей послѣдующей эпохи движенія мысли нашей въ концѣ пятидесятыхъ и началѣ шестидесятыхъ годовъ. Передовые люди этой эпохи твердо стояли на общечеловѣческой почвѣ, были чужды всякихъ народныхъ пристрастій, и ихъ отнюдь не слѣдуетъ смѣшивать съ западниками сороковыхъ годовъ.

Западники, какими-бы они ни представлялись намъ антагонистами славянофиловъ, недалеко шли въ отрицаніи славянофильскихъ тенденцій и робко останавливались на полдорогѣ. Мы уже говорили выше, что нѣтъ возможности опредѣлить, гдѣ былъ конецъ славянофильства и начало западничества въ сороковые годы; теперь мы можемъ освѣтить яснѣе эту путаницу принциповъ. Дѣло въ томъ, что западники и славянофилы, равно основываясь на идеяхъ гегелевской философіи, совершенно сходились въ основныхъ взглядахъ на цивилизацію вообще и будущую цивилизацію Россіи. Какъ тѣ, такъ и другіе одинаково думали, что цивилизація не иначе можетъ выразиться, какъ въ духѣ народности, и исторія цивилизаціи есть исторія смѣны народностей по мѣрѣ того, какъ историческая народность выразитъ собою то, что ей предопредѣлено выразить. Какъ славянофилы, такъ и западники одинаково вѣрили, на всѣхъ этихъ основаніяхъ, что будущее принадлежитъ Россіи, которой суждено сказать новое слово цивилизаціи послѣ Европы, но сказать его не иначе, какъ въ духѣ своей народности.

Такимъ образомъ, въ главныхъ основаніяхъ славянофилы и западники совершенно сходились, представляя собою одинъ и тотъ-же результатъ гегелевской философіи. Пунктъ-же ихъ раздѣленія начинался съ опредѣленія путей, по которымъ Россія должна идти для выполненія своего историческаго назначенія. По мнѣнію славянофиловъ, Россія, чтобы сказать свое новое слово, должна создать свою самостоятельную цивилизацію на народныхъ началахъ, отстранившись отъ всякаго вліянія Запада; западники-же думали, что европейская цивилизація не только не помѣшаетъ созданію въ Россіи самобытной цивилизаціи, не только не убьетъ въ насъ нашей народности, но что, напротивъ того, только съ усвоеніемъ ея наши народныя начала дойдутъ до своей сознательности и полнаго развитія.

Послѣ этого понятно становится, что, расходясь другъ съ другомъ во взглядахъ не о цѣляхъ, а только о средствахъ нашего развитія, славянофилы и западники, при всей своей ожесточенной полемикѣ, часто совершенно сходились и говорили одно и то-же, когда дѣло касалось не пунктовъ ихъ спора, а тѣхъ основаній, которыя у нихъ были общія. Тогда они становились въ рѣшительное недоумѣніе, изъ-за чего они спорятъ, начинались отданія относительныхъ справедливостей, дѣлались примирительные обѣды съ поцѣлуями, послѣ которыхъ снова начинался разладъ и споры.

Такъ продолжалось дѣло именно до тѣхъ поръ, пока не выдѣлились изъ кружка западниковъ люди, которые рѣшились предать новой реальной критикѣ не одни взгляды о путяхъ и средствахъ, а и о самыхъ цѣляхъ; они рѣшились заявить, что не только славянофилы, но и западники заблуждаются, мечтая о какой-то цивилизаціи въ народномъ духѣ, что смѣшно и ставить вопросъ о томъ, повредитъ или не повредитъ цивилизація духу народности, когда цивилизація именно есть нѣчто противоположное этому духу, такъ-какъ основная цѣль ея—вывести человѣка изъ узкой колеи народности на степень общечеловѣчности. Эти новые люди полагали, что западники робки и уклончивы въ своихъ спорахъ съ славянофилами, позволяя себѣ подобострастно раскланиваться передъ ихъ народными началами и разсыпаться въ увѣреніяхъ, чтобы тѣ не боялись западной цивилизаціи, что она и не дотронется до ихъ народныхъ началъ, а напротивъ того, послѣднія еще болѣе процвѣтутъ. Такое лицемѣріе, по мнѣнію новыхъ людей, кромѣ униженія, не могло имѣть никакихъ благихъ результа-

товъ: не въ примѣръ честнѣе было снять маску и заявить прямо: да, господа славянофилы, цивилизація затѣмъ и явилась къ намъ, чтобы бороться съ вашими пресловутыми народными началами, и слава ей, если она будетъ побѣдительницей въ этой борьбѣ.

Вотъ смыслъ статьи Майкова. Послѣ этой статьи и вообще послѣ появленія людей съ отрицаніемъ принциповъ народности, западники сороковыхъ годовъ должны были почувствовать, что они болѣе солидарны съ славянофилами, чѣмъ они думали, и что они стоятъ въ такой-же оппозиціи противъ новыхъ мыслителей, какъ и ихъ прежніе противники, славянофилы. Этимъ и объясняется тотъ фактъ, что по мѣрѣ того, какъ новые мыслители начали въ концѣ пятидесятыхъ годовъ получать все большую и большую силу въ литературѣ, прежніе западники, одинъ за другимъ, начали переходить въ лагерь славянофиловъ.

Но этотъ переходъ старыхъ западниковъ въ славянофильскій лагерь имѣетъ мѣсто не только въ шестидесятые годы. Мы видимъ, что тотчасъ-же по появленіи статьи Майкова, западники забили тревогу и почувствовали побужденіе попятиться назадъ, въ окрестности московскаго Кремля, въ лицѣ главнаго представителя своего—Бѣлинскаго.

О Бѣлинскомъ сохранились воспоминанія у всѣхъ знавшихъ его лично, какъ о наиболѣе ожесточенномъ противникѣ славянофиловъ. Какъ примѣръ его непримиримаго антагонизма съ московскими мыслителями, приводятъ его письма, въ которыхъ онъ упрекаетъ своихъ московскихъ сторонниковъ (Грановскаго, Герцена) за ихъ попытки къ примиренію и лобзанія съ противниками западной цивилизаціи. Въ послѣдніе годы литературной дѣятельности Бѣлинскаго вы не найдете ни одной статьи, въ которой онъ не нападалъ-бы на славянофиловъ, не осыпалъ ихъ злыми и ожесточенными сарказмами.

Но за что собственно онъ нападалъ на славянофиловъ? Онъ нападалъ на нихъ только за смѣшныя и доходящія до абсурда крайности ихъ увлеченій. Онъ видѣлъ въ нихъ мистиковъ и романтиковъ, которые, увлеченные патріотическимъ пристрастіемъ ко всему русскому, отрицали все хорошее на Западѣ и преклонялись передъ всѣмъ русскимъ не разбирая, хорошо оно или дурно, возводили все русское, народное въ идеалъ, доходя до слѣпаго обожанія даже разныхъ устарѣлыхъ народныхъ обычаевъ, нравовъ, костюмовъ и пр. Онъ нападалъ на нихъ за отрицаніе петровской реформы, за порицаніе натуральной школы и вообще всякаго произведенія искусства, въ которомъ имъ не нравилось критическое отношеніе къ русской жизни.

Но вотъ появилась статья Майкова, и дѣло коснулось не одних уже только заблужденій и крайностей славянофиловъ, а самыхъ основаній ученій ихъ. И Бѣлинскій не замедлилъ обнаружить и по отношенію къ славянофильскому ученію тотъ-же роковой предѣлъ, который мы видѣли въ немъ и по другимъ вопросамъ жизни. Статья Майкова открыла, такъ сказать, глаза Бѣлинскаго, ослѣпленнаго ожесточенною полемикой съ славянофилами, и онъ, внезапно прозрѣвши, увидѣлъ, что онъ далеко не такъ расходится съ ними, какъ думалъ, что въ виду новыхъ, болѣе смѣлыхъ противниковъ, славянофилы являются скорѣе союзниками, чѣмъ врагами, и Бѣлинскій внезапно дѣлаетъ отбой отъ своихъ нападеній на славянофиловъ, протягиваетъ имъ руку въ знакъ примиренія, говоритъ о безполезности вражды и въ заключеніе набрасывается на новыхъ противниковъ, открыто высказывая, что лучше быть славянофиломъ, чѣмъ ими.

Все это мы находимъ въ статьѣ Бѣлинскаго „Взглядъ на русскую литературу 1846 г.“ (см. „С. Б.“, т. II). Въ самомъ дѣлѣ, на самыхъ первыхъ страницахъ статьи васъ сразу поражаетъ радикальное измѣненіе въ отношеніи Бѣлинскаго къ славянофиламъ; словно это совершенно не тотъ Бѣлинскій, какимъ мы его знаемъ въ полемикѣ съ московскими мыслителями.

«Такъ называемое славянофильство — говоритъ онъ на 20-й страницѣ статьи—безъ всякаго сомнѣнія, касается самыхъ жизненныхъ, самыхъ важныхъ вопросовъ нашей общественности. Какъ оно ихъ касается и какъ оно къ нимъ относится—это другое дѣло. Но прежде всего, славянофильство есть убѣжденіе, которое, какъ всякое убѣжденіе, заслуживаетъ полнаго уваженія, даже и въ такомъ случаѣ, если съ нимъ вовсе несогласны. Славянофиловъ у насъ много, и число ихъ все увеличивается: фактъ, который тоже говоритъ въ пользу славянофильства. Можно сказать, что вся наша литература, а съ нею и часть публики, если не вся публика, раздѣлились на двѣ стороны—славянофиловъ и неславянофиловъ. Много можно сказать въ пользу славянофильства, говоря о причинахъ, вызвавшихъ его явленіе; но разсмотрѣвши его ближе, нельзя не увидѣть, что существованіе и важность этой литературной котеріи чисто-отрицательныя, что она вызвана и живетъ не для себя, а для оправданія и утвержденія именно той идеи, на борьбу съ которой обрекла себя. Поэтому, нѣтъ никакого интереса говорить съ славянофилами о томъ, чего они хотятъ, да и сами они неохотно говорятъ и пишутъ объ этомъ, хотя и не дѣлаютъ изъ этого никакой тайны. Дѣло въ томъ, что положительная сторона ихъ доктрины заключается въ какихъ-то туманныхъ, мистическихъ предчувствіяхъ побѣды Востока надъ Западомъ, которыхъ несостоятельность слишкомъ ясно обнаруживается фактами дѣйствительности, всѣми вмѣстѣ и каждымъ порознь. Но отрицательная сторона ихъ ученія гораздо болѣе заслуживаетъ вниманія, не въ томъ, что она говоритъ противъ гніющаго, будто-бы, Запада (Запада славянофилы рѣшительно не понимаютъ, потому что мѣряютъ его на восточный аршинъ), но въ томъ, что они говорятъ противъ русскаго европеизма, а объ этомъ они говорятъ много дѣльнаго, съ чѣмъ нельзя не согласиться хотя на половину, какъ, напримѣръ, что въ русской жизни есть какая-то двойственность, слѣдовательно, отсутствіе нравственнаго единства; что это лишаетъ насъ рѣзко выразившагося національнаго характера, какимъ, къ чести ихъ, отличаются почти всѣ европейскіе народы; что это дѣлаетъ насъ какими-то междоумками, которые хорошо умѣютъ мыслить по французски, по нѣмецки и по англійски, но никакъ не умѣютъ мыслить по русски, и что причина всего этого въ реформѣ Петра Великаго. Все это справедливо до извѣстной степени. Но нельзя остановиться на признаніи справедливости какого бы то ни было факта, а должно изслѣдовать его причины, въ надеждѣ въ самомъ злѣ найти и средства къ выходу изъ него. Этого славянофилы не дѣлали и не сдѣлали; но за то они заставили если не сдѣлать, то дѣлать это своихъ противниковъ. И вотъ гдѣ ихъ истинная заслуга».

Уже въ этихъ строкахъ Бѣлинскій сильно сбивает-

ся на славянофильскую почву и во многомъ вторитъ имъ. Далѣе онъ еще рѣзче выставляетъ точки соприкосновенія своихъ взглядовъ съ славянофильскими.

«Повторяемъ, славянофилы правы во многихъ отношеніяхъ—говоритъ онъ на 24-й страницѣ—но, тѣмъ не менѣе, ихъ роль чисто-отрицательная, хотя и полезная на время. *Главная причина ихъ странныхъ выводовъ заключается въ томъ, что они произвольно упреждаютъ время, процессъ развитія принимаютъ за его результатъ, хотятъ видѣть плодъ прежде цвѣта, и находя листья безвкусными, объявляютъ плодъ гнилымъ и предлагаютъ огромный лѣсъ, разросшійся на необозримомъ пространствѣ, пересадить на другое мѣсто и приложить къ нему другого рода уходъ.* По ихъ мнѣнію, это не легко, но возможно! Они забыли, что новая Петровская Россія такъ-же молода, какъ и Сѣверная Америка, что въ будущемъ ей представляется гораздо больше, чѣмъ въ прошедшемъ. Они забыли, *что въ разгарѣ процесса часто особенно бросаются въ глаза именно тѣ основанія, которыя по окончаніи процесса должны исчезнуть; и часто не видно именно того, что впослѣдствіи должно явиться результатомъ процесса!!*»

Этими словами Бѣлинскій высказываетъ всю свою солидарность съ славянофилами: онъ не доволенъ на нихъ только за то, зачѣмъ они слишкомъ мрачно смотрятъ на подражательность нашего общества европейцамъ. Онъ соглашается съ ними, что эта подражательность прискорбна, но, смотря на нее, какъ на временное зло, утѣшаетъ славянофиловъ, что это зло преходящее и въ результатѣ славянофилы, все-таки, восторжествуютъ: не они, такъ внуки ихъ дождутся русской цивилизаціи совершенно въ народномъ духѣ. „Да, у насъ есть національная жизнь—восклицаетъ онъ на 26-й страницѣ—мы призваны сказать міру свое слово, свою мысль; но какое это слово, какая мысль—объ этомъ пока еще рано намъ хлопотать. Наши внуки и правнуки узнаютъ это безъ всякихъ усилій напряженнаго разгадыванья, потому что это слово, эта мысль будетъ сказана ими...“

Теперь вы и подумайте, велико-ли разстояніе всѣхъ этихъ мыслей отъ славянофильскихъ тенденцій? Сколько здѣсь точекъ совпаденія въ существенныхъ вопросахъ и какъ частны разнорѣчія. При такомъ углѣ зрѣнія одинъ шагъ—и вы славянофилъ. Не понравится вамъ какая-либо реформа, перенятая съ Запада, не согласитесь вы съ ученіемъ, заимствованнымъ изъ Европы, и въ вашемъ голосѣ тотчасъ-же зазвучатъ славянофильскія нотки о прискорбности подражательности, о необходимости самостоятельности жизни и мысли, о народныхъ началахъ, о здравомъ инстинктѣ народныхъ массъ и пр. И при всемъ томъ, вы, все-таки, будете считать себя западникомъ, преклоняясь передъ реформами Петра, предпочитая фракъ зипуну или лимонадъ-газесъ—квасу...

На слѣдующей страницѣ Бѣлинскій уже не ограничивается одними комплиментами и отданіями долговъ справедливости славянофиламъ; онъ доходитъ даже до почтительныхъ извиненій передъ ними.

«Просимъ извиненія у гг. славянофиловъ—говоритъ онъ—если мы приписали имъ что-нибудь такое, чего они и не думали или неговорили: еслибъ они могли упрекнуть насъ въ чемъ-нибудь подобномъ, пусть примутъ это за простую и не умышленную ошибку съ нашей стороны. Каковы бы ни были ихъ понятія, или, по нашему, ошибки и заблужденія, мы уважаемъ ихъ источникъ. Мы можемъ сочувствовать всякому искреннему, независимому и благородному, въ его началѣ, убѣжденію, не только не раздѣляя его, но и видя въ немъ діаметральную противоположность нашему убѣжденію. На чьей сторонѣ истина—разсудитъ время—великій и непогрѣшительный судья всѣхъ умственныхъ и теоретическихъ тяжбъ. Журналъ, который теперь одинъ остался органомъ славянофильскаго направленія, объявилъ нѣкогда «непримиримую вражду» всякому противоположному направленію. Что касается до насъ, имѣя свое опредѣленное направленіе, свои горячія убѣжденія, которыя намъ дороже всего на свѣтѣ, мы тоже готовы защищать ихъ всѣми силами нашими и, вмѣстѣ съ тѣмъ, противоборствовать всякому противоположному направленію и убѣжденію; но мы хотѣли-бы защитить наши мнѣнія съ достоинствомъ, а противоположнымъ противоборствовать съ твердостью и спокойствіемъ, безъ всякой вражды. Къ чему вражда? Кто враждуетъ, тотъ сердится, а кто сердится, тотъ чувствуетъ, что онъ не правъ. Мы имѣемъ самолюбіе до того считать себя правыми въ главныхъ основаніяхъ нашихъ убѣжденій, что не имѣемъ никакой нужды враждовать и сердиться, смѣшивать идеи съ лицами и, вмѣсто благородной и позволенной борьбы мнѣній, заводить безполезную и неприличную борьбу личностей и самолюбій...»

Все это, если вы хотите, очень благородно, возвышенно и великодушно со стороны Бѣлинскаго, но вы не поймете, съ какой стати вздумалось ему, ни съ того, ни съ сего, великодушничать, протягивать руку заклятымъ врагамъ и даже на половину соглашаться съ ними, если не примете въ разсчетъ появленія новыхъ непріятелей, въ которыхъ Бѣлинскій встрѣчалъ гораздо болѣе разнорѣчій съ его идеями, чѣмъ въ славянофилахъ, которые съ одинаковымъ отрицаніемъ отнеслись какъ къ славянофиламъ, такъ и къ западникамъ съ Бѣлинскимъ во главѣ.

На слѣдующихъ-же страницахъ Бѣлинскій дѣлаетъ натискъ на этихъ новыхъ враговъ.

Сначала онъ пускаетъ въ дѣло діалектику Гегеля; въ майковскихъ идеяхъ видитъ антитезъ славянофильству, въ своихъ-же убѣжденіяхъ, конечно—возсоединяющій синтезъ.

«Естественно—говоритъ онъ на 32-й страницѣ—что подобныя (т.-е. славянофильскія) крайности вызываютъ такія же противоположныя крайности. Одни бросились въ фантастическую народность, другіе—въ фантастическій космополитизмъ, во имя человѣчества. По мнѣнію послѣднихъ, національность происходитъ отъ чисто-внѣшнихъ вліяній, выражаетъ собою все, что есть въ народѣ неподвижнаго, грубаго, ограниченнаго, неразумнаго, и діаметрально противополагается всему человѣческому. Чувствуя же, что нельзя отрицать въ народѣ и человѣческаго, противоположнаго, по ихъ мнѣнію, національному, они раздѣляютъ недѣлимую личность народа на большинство и меньшинство, приписывая послѣднему качества, діаметрально противоположныя качествамъ перваго. Такимъ образомъ, безпрестанно нападая на какой-то дуализмъ, который они видятъ всюду, даже тамъ, гдѣ его вовсе нѣтъ, они сами впадаютъ въ крайность самаго отвлеченнаго дуализма. Великіе люди, по ихъ понятію, стоятъ внѣ своей національности, и вся заслуга, все величіе ихъ въ томъ и заключается, что они идутъ прямо противъ своей національности, борятся съ нею и побѣждаютъ ее. Вотъ истинно русское и, въ этомъ отношеніи, рѣзко-національное мнѣніе, которое не могло бы придти въ голову европейцу! Это мнѣніе вытекло прямо изъ ложнаго взгляда на реформу Петра Великаго, который, по общему въ

Россіи мнѣнію, будто бы уничтожилъ русскую народность. Это мнѣнія тѣхъ, которые народность видятъ въ обычаяхъ и предразсудкахъ, не понимая, что въ нихъ дѣйствительно отражается народность, но что они отнюдь еще не составляютъ народности. Раздѣлить народное и человѣческое на два совершенно чуждыя, даже враждебныя одно другому начала, значитъ впасть въ самый абстрактный, въ самый книжный дуализмъ».

Но Бѣлинскій не останавливается на безпристрастномъ равновѣсіи гегелевскаго синтеза и не одинаково относится къ обѣимъ выставленнымъ имъ крайностямъ: къ славянофильству и космополитизму; вѣсы его синтеза тотчасъ-же склоняются на сторону славянофильства и онъ отдаетъ послѣднему преимущество передъ космополитизмомъ.

Далѣе онъ входитъ въ длинныя разсужденія въ духѣ гегелевской философіи объ отношеніи личности къ идеѣ человѣка. Изъ этого разсужденія онъ выводитъ слѣдующія положенія:

«Что личность въ отношеніи къ идеѣ человѣка, то народность въ отношеніи къ идеѣ человѣчества. Другими словами: народности суть личности человѣчества. Безъ національностей, человѣчество было бы мертвымъ логическимъ абстрактомъ, словомъ безъ содержанія, звукомъ безъ значенія. *Въ отношеніи къ этому вопросу, я скорѣе готовъ перейти на сторону славянофиловъ, нежели оставаться на сторонѣ гуманическихъ космополитовъ, потому что если первые и ошибаются, то какъ люди, какъ живыя существа, а вторые и истину-то говорятъ, какъ такое-то изданіе такой-то логики...* Но, къ счастію, я надѣюсь остаться на своемъ мѣстѣ, не переходя ни къ чему...»

Уже во всѣхъ этихъ выдержкахъ вы видите нѣкоторое искаженіе и представленіе въ ложномъ свѣтѣ идей Майкова. Такъ, напримѣръ, Майковъ нигдѣ не говорилъ, чтобы великіе люди уничтожали народность, а говорилъ только о ихъ личномъ выдѣленіи изъ узкой колеи народности и борьбѣ съ узкими національными элементами во имя общечеловѣческихъ идеаловъ; что-же касается до уничтоженія народныхъ перегородокъ, то, съ точки зрѣнія Майкова, оно имѣетъ мѣсто не въ настоящемъ, а въ будущемъ; это—результатъ современной цивилизаціи, къ которому стремится она, но до котораго она далеко еще не достигла. Къ тому-же, мнѣніе Майкова вовсе не исключительно самодѣльное русское, и насмѣшливыя слова Бѣлинскаго, что будто оно не могло бы придти въ голову европейцу—лишены всякаго основанія. Напротивъ того, въ сочиненіяхъ многихъ современныхъ передовыхъ европейскихъ мыслителей вы найдете часто встрѣчаемое мнѣніе, что уже и въ настоящее время образованный англичанинъ гораздо болѣе имѣетъ общаго въ своемъ типѣ съ образованными-же людьми всѣхъ странъ, чѣмъ съ своимъ необразованнымъ землякомъ.

Но далѣе вы встрѣчаете еще большее искаженіе мнѣній Майкова. Такъ, напримѣръ, говоря о противоположности меньшинства и большинства народа, Майковъ и не думалъ подъ меньшинствомъ разумѣть какое-либо привиллегированное, сословное меньшинство, не думалъ даже и объ образованномъ меньшинствѣ. Подъ меньшинствомъ онъ разумѣетъ рядъ личностей, развивающихъ въ себѣ, вслѣдствіе избытка своихъ физическихъ или умственныхъ силъ, качества, противоположныя общимъ качествамъ среды. При этомъ Майкову рѣшительно все равно, къ какимъ-бы слоямъ общества эти личности ни принадлежали. Такъ, напримѣръ, онъ находитъ своихъ людей покоя и удальцевъ—и среди западниковъ, и среди славянофиловъ. Различные выходцы изъ народа, самоучки, удальцы-разбойники—совершенно подходятъ подъ этотъ-же типъ. Между тѣмъ, Бѣлинскій заставляетъ Майкова подъ меньшинствомъ подразумѣвать непремѣнно привиллегированные классы и дѣлаетъ ему слѣдующее возраженіе:

«Раздѣленіе народа на противоположныя, враждебныя, будто бы, другъ другу большинство и меньшинство, можетъ быть, и справедливо со стороны логики, но рѣшительно ложно со стороны здраваго смысла. Меньшинство всегда выражаетъ собою большинство, въ хорошемъ или въ дурномъ смыслѣ. Еще страннѣе приписать большинству народа только дурныя качества, а меньшинству одни хорошія. Хороша была бы французская нація, если бы о ней стали судить по развратному дворянству временъ Людовика XV. Этотъ примѣръ указываетъ, что меньшинство скорѣе можетъ выражать собою болѣе дурныя, нежели хорошія стороны національности народа, потому что оно живетъ искуственною жизнію, когда противополагаетъ себя большинству, какъ что-то отдѣльное отъ него и чуждое ему. Это мы видимъ и въ современной намъ Франціи, въ лицѣ bourgeoisie—господствующаго теперь въ ней сословія». (См. стр. 40, 41).

Когда вы читаете эти строки, соображая, въ то же время, идеи Майкова, то вы рѣшительно недоумѣваете, что это сдѣлалось съ Бѣлинскимъ! Невозможно представить себѣ, чтобы такой безукоризненно-благородный человѣкъ, какъ Бѣлинскій, умышленно исказилъ идеи своего противника для удобствъ полемики; невозможно и подумать, съ другой стороны, чтобы такой добросовѣстный человѣкъ, какъ Бѣлинскій, ограничился поверхностнымъ перелистываніемъ статьи Майкова и не вдумался въ суть его идей. Остается предположить, что Бѣлинскій просто не понялъ этихъ идей, потому что онѣ выходили изъ круга его міросозерцанія, стѣсненнаго принципами гегелевской діалектики. Остается и здѣсь предположить предѣлъ, далѣе котораго не шелъ Бѣлинскій, не шли и всѣ его сверстники сороковыхъ годовъ.

Вообще, статья Бѣлинскаго, которую мы разсматриваемъ, особенно дорога тѣмъ, что она проливаетъ большой свѣтъ на характеръ тѣхъ реакціонныхъ пріемовъ, съ какими сверстники Бѣлинскаго явились впослѣдствіи въ противодѣйствіе движенію шестидесятыхъ годовъ. Зачатки этихъ пріемовъ такъ и выглядываютъ во многихъ мѣстахъ статьи. Такъ, напримѣръ, посмотрите, что говоритъ Бѣлинскій о великихъ людяхъ:

«Что же касается до великихъ людей, они по преимуществу дѣти своей страны. Великій человѣкъ всегда націоналенъ, какъ его народъ, ибо онъ потому и великъ, что представляетъ собою свой народъ. Борьба генія съ народомъ не есть борьба человѣческаго съ національнымъ, а просто-на-просто новаго съ старымъ, идеи съ эмпиризмомъ, разума съ предразсудкомъ. Масса всегда живетъ привычкой, и разумнымъ, истиннымъ, полезнымъ считаетъ только то, къ чему привыкла. Она защищаетъ съ остервенѣніемъ то старое, противъ котораго, вѣкомъ или менѣе назадъ, съ остервенѣніемъ же боролась она, какъ противъ новаго. *Противодѣйствіе*

массы генію необходимо: это съ ея стороны экзаменъ генію: если онъ возьметъ свое, ни на что несмотря, значитъ, онъ точно геній, т.-е. въ самомъ себѣ носитъ свое право дѣйствовать на судьбы своего отечества. Иначе всякій резонеръ, всякій мечтатель, всякій философъ, всякій маленькій великій человѣкъ сталъ бы обходиться съ народомъ, какъ съ лошадью, направляя его по волѣ своихъ прихотей и фантазій то въ ту, то въ другую сторону...»

Въ первой половинѣ этой тирады вы ничего не находите, кромѣ ряда противорѣчій. Оказывается, что геній, въ одно и то же время, является и представителемъ народной массы, и ея антогонистомъ, защищающимъ новое противъ того стараго, къ которому масса привыкла. Но мы просимъ обратить особенное вниманіе нашихъ читателей на послѣднія строки тирады, напечатанныя курсивомъ. Вотъ они гдѣ, задатки тѣхъ ядовитыхъ насмѣшекъ, которыми осыпали впослѣдствіи сверстники Бѣлинскаго людей шестидесятыхъ годовъ. Резонеры, мечтатели, маленькіе великіе люди, думающіе обходиться съ народомъ, какъ съ лошадью, направляя его по волѣ своихъ прихотей и фантазій!—только и слышалось впослѣдствіи со стороны людей сороковыхъ годовъ. Такова именно софистика гегелевской діалектики, что, подводя вещи подъ обширныя отвлеченныя категоріи и избѣгая точнаго опредѣленія ихъ, она даетъ мѣсто какимъ угодно толкованіямъ фактовъ. Понравится вамъ какое-нибудь ученіе, стоящее въ уровнѣ вашего міросозерцанія, вы готовы навязывать это ученіе всѣмъ и каждому, стремиться всѣми правдами и неправдами къ господству его, топтать противниковъ въ грязь, не думая о томъ, что вы относитесь къ ближнимъ, какъ къ лошадямъ, которыхъ стараетесь направить въ ту сторону, въ какую вамъ угодно. Нѣтъ, ваше поведеніе представляется вамъ борьбой геніальной мысли съ непониманіемъ толпы. А чуть вамъ не понравилось ученіе, можетъ быть, просто потому, что оно стоитъ выше вашего пониманія, и тотчасъ-же выступаютъ на сцену резонеры, мечтатели, маленькіе великіе люди, фантастическіе космополиты и пр.

Но отношеніемъ къ новымъ людямъ, какъ резонерамъ, мечтателямъ и пр., не исчерпываются реакціонные пріемы сверстниковъ Бѣлинскаго. Рядомъ съ этимъ вы встрѣчаете еще одинъ общеупотребительный пріемъ, въ которомъ, впрочемъ, люди сороковыхъ годовъ сходятся съ реакціонерами всѣхъ вѣковъ. Этотъ пріемъ заключается въ томъ, что, выражая полное сочувствіе къ тому или другому ученію, къ той или другой реформѣ, реакціонеры, въ то же время, употребляютъ рядъ всевозможныхъ доводовъ для того, чтобы доказать, что данная реформа преждевременна, ученіе, при всей своей несомнѣнной истинности, безплодно, потому что предвосхищаетъ будущее, что мы можемъ любоваться сколько угодно на тѣ блага, какими пользуются люди на Западѣ, но сами до этихъ благъ еще не доросли, не созрѣли и, какъ дѣти, должны облизывать губки, смотря издали, какъ пируютъ большіе. Задатки такого пріема мы, въ свою очередь, встрѣчаемъ уже у Бѣлинскаго.

Ненавистные для него космополиты, какъ извѣстно, не ограничивались однимъ противопоставленіемъ принципамъ народности общечеловѣческой цивилизаціи. Изучая соціологію и политическую экономію и усвоивая послѣднія истины, добытыя этою наукой, они не думали, чтобы истины эти могли быть годны для одной страны и негодны для другой, или чтобы примѣненіе ихъ могло помѣшать рѣшенію вопросовъ жизни, стоящихъ позади этихъ истинъ; напротивъ того, они полагали, подобно многимъ современнымъ европейскимъ публицистамъ, что, безъ примѣненія этихъ истинъ къ жизни, всѣ другіе вопросы, стоящіе позади ихъ, не могутъ никогда быть рѣшены правильно и что всякое рѣшеніе этихъ вопросовъ безъ примѣненія новыхъ истинъ всегда будетъ равняться постройкѣ зданія на пескѣ.

Бѣлинскій, въ свою очередь, страстно проникался современными ему вопросами. Въ своей рецензіи на „Парижскія тайны“ Евгенія Сю (см. „С. Б.“, т. IX, стр. 1), онъ посвятилъ нѣсколько страницъ политическому движенію Франціи, и читая эти страницы, вы видите, какъ глубоко понималъ Бѣлинскій современное ему положеніе Франціи, съ какимъ неподдѣльнымъ паѳосомъ и съ какою геніальною мѣткостью рисуетъ онъ отношеніе народа къ буржуазіи.

Но вышеупомянутая нами статья Бѣлинскаго („Обозр. р. лит. за 1846 г.“) показываетъ намъ, что и для этихъ вопросовъ у Бѣлинскаго былъ свой роковой предѣлъ, далѣе котораго онъ не шелъ. Сочувствіе его къ новымъ истинамъ политической экономіи было чисто внѣшнее, какъ къ чему-то, способному возбуждать въ насъ извѣстныя симпатіи и антипатіи, но при всемъ томъ совершенно чуждому намъ и не имѣющему никакого отношенія къ нашей жизни.

«Теперь Европу занимаютъ новые великіе вопросы—говоритъ онъ на 43-й страницѣ—и интересоваться ими, слѣдить за ними намъ можно и должно, ибо ничто человѣческое не должно быть чуждо намъ, если мы хотимъ быть людьми. Но въ то-же время для насъ было-бы вовсе безплодно принимать эти вопросы, какъ наши собственные. Въ нихъ нашего только то, что примѣнимо къ нашему положенію; все остальное чуждо намъ, и мы стали-бы играть роль Донъ-Кихотовъ, горячась изъ ничего. Этимъ мы заслужили-бы скорѣе насмѣшки европейцевъ, нежели ихъ уваженіе. У себя, въ себѣ, вокругъ себя, вотъ гдѣ должны мы искать и вопросовъ, и ихъ рѣшенія. Это направленіе будетъ плодотворно, если не будетъ блестяще...»

Дѣйствительно, если вы начнете смотрѣть съ чисто внѣшней, поверхностной стороны на новыя истины политической экономіи, то, конечно, вы не увидите ничего общаго между этими истинами и вопросами нашей жизни. Такъ, напримѣръ, что, повидимому, общаго между вопросомъ объ отношеніи рабочихъ къ фабрикантамъ во Франціи и вопросомъ объ освобожденіи крестьянъ, который стоялъ на первомъ планѣ въ глазахъ всѣхъ мыслящихъ людей въ сороковые годы? Съ одной стороны, шелъ споръ между людьми, одинаково свободными и граждански равноправными о барышахъ, съ другой—дѣло шло о дарованіи элементарныхъ гражданскихъ правъ рабамъ, не имѣвшимъ не только движимой или недвижимой собственности, но о которыхъ нельзя было сказать даже, чтобы они были владѣльцами своего собственнаго тѣла. Естественно, что послѣдній вопросъ представлялся на нѣсколько вѣковъ стоявшимъ сзади перваго. Но еслибы

Бѣлинскій усвоилъ себѣ всю суть новыхъ политико-экономическихъ истинъ, онъ увидѣлъ бы, что онѣ касаются не однихъ только отношеній рабочихъ къ фабрикантамъ, а относятся къ какимъ угодно вопросамъ жизни, и относятся не частію, а всецѣло составляютъ существенное основаніе правильности рѣшенія всякаго вопроса жизни, не исключая и вопроса объ освобожденіи крестьянъ. Люди же сороковыхъ годовъ смотрѣли на это не такъ: имъ казалось, что если есть что-либо общее между политико-экономическими вопросами Запада и элементарными вопросами нашей жизни, то развѣ только одно общее чувство гуманности, изъ которой исходятъ тѣ и другіе. Имъ казалось, что сначала слѣдуетъ рѣшить какъ бы то ни было крестьянскій вопросъ, два, три другіе столь же элементарные вопроса нашей жизни; затѣмъ, лѣтъ черезъ 60, черезъ 100 и болѣе, когда у насъ явится промышленный пролетаріатъ, тогда только политико-экономическіе вопросы Европы будутъ у насъ современны, и мы получимъ право горячиться за нихъ. А до тѣхъ поръ мы можемъ слѣдить за развитіемъ этихъ вопросовъ на Западѣ, сочувствовать имъ, но проникаться ими и считать ихъ своими не должны, иначе мы прослывемъ за Донъ-Кихотовъ и надъ нами посмѣется Европа.

Вотъ вамъ и еще одинъ изъ ключей къ реакціоннымъ принципамъ людей сороковыхъ годовъ. Когда появились люди, которые не довольствовались однимъ созерцаніемъ и сочувствіемъ и глубоко проникліись новыми политико-экономическими истинами, проникліись не отчасти, а всецѣло и безраздѣльно, съ точки зрѣнія этихъ истинъ начали смотрѣть и на всѣ событія Европы, и на всѣ вопросы нашей жизни, въ глазахъ людей сороковыхъ годовъ они не переставали слыть Донъ-Кихотами, предвосхищающими будущее, посмѣшищами и т. п. При этомъ люди сороковыхъ годовъ, привыкшіе къ своей раздвоенности, упустили изъ виду тотъ естественный законъ нашей психической жизни, что здоровый и цѣльный умъ не можетъ довольствоваться истиной отчасти, на половину, а тѣмъ менѣе судить о вещахъ иначе, какъ онѣ ему представляются съ точки зрѣнія этой истины. Такъ, напримѣръ, здоровый, сильный умъ не можетъ составить о Кавурѣ одинъ взглядъ, а высказывать публикѣ другой на томъ основаніи, вотъ видите, что мы, въ развитіи нашей общественной жизни, не доросли еще и до Кавура. Вспомните, что въ этой послѣдовательности своимъ идеямъ именно и обвиняетъ Добролюбова Тургеневъ въ своихъ воспоминаніяхъ о Бѣлинскомъ.

Болѣе намъ не придется бесѣдовать въ этихъ очеркахъ о Бѣлинскомъ. Въ заключеніе считаю нелишнимъ сдѣлать такую же оговорку и относительно Бѣлинскаго, какую мнѣ пришлось сдѣлать относительно Грановскаго, для читателя, стоящаго на степени безусловнаго отрицанія или безусловнаго обожанія. Да не подумаетъ такой читатель, чтобы, выставляя различныя противорѣчія и предѣлы во взглядахъ Бѣлинскаго, я желалъ бы, не говоря уже объ отрицаніи значенія этого геніальнаго представителя нашей литературы, хоть на одну іоту уменьшить въ глазахъ публики это значеніе. Я имѣлъ въ виду только обозначить этотъ предѣлъ міросозерцанія Бѣлинскаго, оставаясь въ которомъ, Бѣлинскій представляется вполнѣ сыномъ своего вѣка и далѣе котораго начинается развитіе новой мысли, начало новой фазы нашего развитія. Какъ бы продолжалъ Бѣлинскій относиться къ этой новой фазѣ, еслибы жизнь и дѣятельность его продолжались, усвоилъ-ли бы онъ новыя идеи, или онъ все болѣе и болѣе расходился бы съ ними вмѣстѣ со всѣми другими своими сверстниками—объ этомъ нѣтъ возможности судить, не входя въ область произвольныхъ фантазій и догадокъ. Впрочемъ, судя по живой, страстной, впечатлительной натурѣ Бѣлинскаго, по его чутью, крайнему ожесточенію, которое онъ вынесъ изъ всей своей жизни, наконецъ, по его литературному положенію въ журналѣ, которому впослѣдствіи пришлось стоять впереди движенія новой мысли, судя по всему этому, можно предположить, что Бѣлинскій, по всей вѣроятности, скорѣе разошелся бы со своими сверстниками, чѣмъ не сошелся бы съ новыми литературными дѣятелями. Замѣтьте, что, не понявъ идей Майкова, онъ обвинилъ его не въ излишнемъ демократизмѣ, а напротивъ того, въ мнимомъ аристократизмѣ.

XII.

Владиміръ Алексѣевичъ Милютинъ.—Краткія біографическія свѣдѣнія о его жизни.—Первая статья его «Пролетаріи и пауперизмъ».—Статьи о книгѣ Бутовскаго въ «Современникѣ» и «Отечественныхъ Запискахъ».—Изложеніе идей позитивной философіи.—Взгляды на политическую экономію и ея школы съ точки зрѣнія этихъ идей.—Передовая статья въ «Отечественныхъ Запискахъ» въ началѣ 1848 года.—Общій характеръ умственнаго движенія въ концѣ сороковыхъ годовъ и нѣкоторое сходство его съ движеніемъ въ концѣ пятидесятыхъ годовъ.—Внезапный перерывъ этого движенія.

Однѣми статьями В. Майкова не ограничивались проблески новой реальной мысли въ концѣ сороковыхъ годовъ. Въ то время, какъ Майковъ явился представителемъ молодой критики, вмѣстѣ съ нимъ вышелъ на поприще литературы новый талантливый публицистъ—Владиміръ Алексѣевичъ Милютинъ. Настоящая глава будетъ посвящена ознакомленію читателей съ идеями этого писателя. Читатели найдутъ въ нихъ передовыя идеи нашего времени и увидятъ, съ какою силой таланта изложены эти идеи въ статьяхъ Милютина.

Владиміръ Алексѣевичъ Милютинъ родился 16-го декабря 1826 года. Поступивши въ московскій университетъ въ началѣ сороковыхъ годовъ, онъ перешелъ потомъ въ петербургскій, гдѣ и кончилъ курсъ по юридическому факультету со степенью кандидата въ 1847 году. Въ 1849 году онъ защищалъ диссертацію на званіе магистра „О недвижимыхъ имуществахъ духовенства въ Россіи"; въ 1850 году былъ опредѣленъ въ петербургскій университетъ адъюнктомъ русскаго государственнаго права, а съ 1853 г. читалъ полицейское право. Какъ профессоръ, онъ былъ однимъ изъ замѣчательнѣйшихъ дѣятелей петербургскаго университета; его аудиторія была постоянно полна слушателей изъ всѣхъ факультетовъ.

Въ послѣдніе годы своей жизни Милютинъ трудился надъ своею докторскою диссертаціей „О Дьякахъ", посвящая ежедневно своимъ трудамъ до десяти часовъ. Въ то-же время онъ былъ съ 1848 года членомъ географическаго общества, состоя производителемъ дѣлъ въ отдѣленіи статистики, а съ 1849 года секретаремъ общества. Разнообразныя и усидчивыя занятія не замедлили подѣйствовать на слабое здоровье Милютина. Въ 1854 году онъ долженъ былъ ѣхать за границу лечиться. Но болѣзнь оказалась неизлечимая и грозила Милютину близкою кончиною, исполненною мученій. Къ этому подвернулись нѣкоторыя сердечныя обстоятельства. Все это ввергло Милютина въ мрачную хандру, разрѣшившуюся самоубійствомъ. Въ 1855 г., 5-го августа, Милютина не стало. Онъ умеръ на 29-мъ году своей жизни, оставивши послѣ себя самыя блистательныя надежды.

Спеціальныя ученыя занятія по университету и въ географическомъ обществѣ не мѣшали Милютину удѣлять время для литературныхъ занятій. Онъ весьма часто помѣщалъ публицистическія и критическія статьи въ „Современникѣ" и „Отечественныхъ Запискахъ". Началъ онъ свою литературную дѣятельность очень рано, 20-ти лѣтъ, будучи еще на 4-мъ курсѣ университета, и въ первыхъ статьяхъ успѣлъ уже обратить на себя всеобщее вниманіе. Статьи эти дѣйствительно открывали русской публикѣ совершенно новый міръ. Съ одной стороны, публика познакомилась въ нихъ впервые съ основными началами позитивной философіи Огюста Конта, съ другой стороны—съ развитіемъ политико-экономическихъ школъ на Западѣ, ихъ борьбой и отношеніемъ къ передовымъ идеямъ современной жизни.

Первый его литературный трудъ появился въ 1846 году, въ видѣ ряда статей подъ заглавіемъ „Пролетаріи и пауперизмъ", которыя печатались въ „Отечественныхъ Запискахъ", начиная съ 50-го тома этого журнала. Въ этихъ статьяхъ вы находите весьма полное и обстоятельное изложеніе развитія пролетаріата на Западѣ, его причинъ и слѣдствій и отношенія къ этому явленію различныхъ политико-экономическихъ школъ.

Въ началѣ своего трактата Милютинъ выставляетъ на видъ то впечатлѣніе, которое производитъ развитіе пролетаріата на людей различнаго сорта, и говоритъ о томъ, какъ обязана смотрѣть на то-же самое явленіе наука.

«Въ настоящее время—говоритъ онъ—есть много людей, въ которыхъ эта мрачная сторона дѣйствительности производитъ недоумѣніе, страхъ и даже отчаяніе. Твердо вѣруя въ высокое значеніе промышленности и въ необходимость прогресса, они не знаютъ, какъ оправдать такую цивилизацію, среди которой встрѣчаются факты столь горестные. Для того, чтобы избавиться отъ этого неразрѣшимаго для нихъ противорѣчія, одни малодушно останавливаются только при свѣтлой сторонѣ жизни, закрывая глаза при видѣ бѣдствій, страданій и язвъ человѣчества; другіе, въ противность истинѣ и дѣйствительности, упорно отрицаютъ самое существованіе зла, или, по крайней мѣрѣ, стараются уменьшить его значеніе, стараются скрыть его страшныя послѣдствія. Но наука, въ своемъ постоянномъ стремленіи къ истинѣ, не можетъ допускать ни такого равнодушія, ни такого антагонизма. Съ одной стороны, слѣдуя за успѣхами и за развитіемъ человѣчества, она не можетъ не сочувствовать его страданіямъ, потому что это сочувствіе составляетъ священную ея обязанность. Съ другой стороны, для нея истина должна быть и святою, и неприкосновенною, и какъ бы истина эта ни была мрачна, наука не должна прятаться отъ ея свѣта, потому что иначе она отказалась бы отъ своего назначенія.

«Но если въ настоящее время есть люди, которые готовы жертвовать истиной изъ любви къ прогрессу и цивилизаціи, то, съ другой стороны, есть также люди, которые, по ненависти къ тому-же прогрессу, или по какой-нибудь другой, неизвѣстной намъ причинѣ, доходятъ до самаго несправедливаго воззрѣнія на этотъ предметъ. Бѣдственное состояніе рабочихъ классовъ подаетъ имъ поводъ къ самымъ несправедливымъ нападкамъ на Западъ. Въ его настоящей организаціи они видятъ только неустройство, разладъ какъ мнѣній, такъ и интересовъ; изъ этого они глубокомысленно заключаютъ, что Западъ устарѣлъ, что онъ уже растратилъ всѣ жизненныя свои силы, что онъ гніетъ, что государствамъ его остается только рухнуться, и уступить свое поприще новымъ племенамъ. Но такіе взгляды, изъ какого бы источника ни проистекали они, не заслуживаютъ даже и опроверженія. Близорукимъ судьямъ Запада можно сказать, что они смотрятъ и не видятъ, слушаютъ и не слышатъ. Они не понимаютъ, что эта борьба интересовъ есть признакъ не распаденія, а жизни, что она показываетъ не гнилость общества, а напротивъ, его зрѣлость, его свѣжесть, его силу. Они не видятъ, что надъ этимъ противорѣчіемъ мысли и убѣжденій возвышается стремленіе къ добру. И можно-ли назвать устарѣлымъ то общество, которое сознаетъ въ себѣ несправедливость и силится побѣдить ее? Можно-ли находить признаки упадка тамъ, гдѣ все дышетъ свѣжестью юности, гдѣ всѣ взоры и всѣ умы съ надеждой обращены на будущее, гдѣ все движется, все развивается!

«Нѣтъ! не гніютъ тѣ общества, которыя рождаютъ изъ себя безпрестанно и послѣдовательно новые элементы жизни—не гніютъ, а усиливаются и созрѣваютъ, переходя черезъ различные моменты и фазы къ совершенству. Гнилъ только тотъ, кто вовсе не примѣчаетъ своей гнилости. Тотъ только малодушенъ, кто, отгадывая у себя зло и неправду, предпочитаетъ спокойно лежать въ грязи, вмѣсто того, чтобы трудомъ и пожертвованіями стремиться къ благородной цѣли».

Послѣ такого вступленія, Милютинъ приступаетъ къ предмету своего трактата, который раздѣляется у него на два существенные отдѣла. Въ первомъ онъ излагаетъ причины пролетаріата, во второмъ—его слѣдствія.

Къ причинамъ пролетаріата онъ относитъ анархію конкурренціи, неправильное распредѣленіе поземельной собственности, тяжесть налоговъ прямыхъ и косвенныхъ и финансовые законы. Каждую изъ этихъ причинъ онъ разсматриваетъ съ полною обстоятельностью, не упуская ни одного изъ выводовъ современной политико-экономической науки.

Въ заключеніе этого отдѣла Милютинъ говоритъ нѣсколько словъ и о той мнимой причинѣ пролетаріата, въ которой рутинеры видятъ обыкновенно существенную причину бѣдности.

«Что касается—говоритъ онъ—до причинъ бѣдности, зависящихъ отъ вины самихъ людей, то на нихъ до сихъ поръ обращали слишкомъ много вниманія и приписывали имъ слишкомъ много важности, преимущественно потому, что для нѣкоторыхъ людей весьма выгодно и удобно возлагать на самихъ бѣдныхъ отвѣтственность за тѣ несчастія,

въ которыхъ виновно одно только общество... Но въ настоящее время, когда понятіе о правдѣ и справедливости распространяетъ съ каждымъ днемъ свое господство надъ сферой общественныхъ явленій, такой своекорыстный и жестокій взглядъ на эту важную и мрачную сторону народной жизни сдѣлался уже невозможенъ. Теперь въ государствахъ западной Европы всѣ тѣ, которые не ослѣплены предразсудками и преданіями прошлаго, ясно понимаютъ, что бѣдность низшихъ классовъ проистекаетъ не отъ нихъ самихъ, а отъ другихъ, болѣе глубокихъ, болѣе существенныхъ причинъ, и что въ высшей степени было бы жестоко и несправедливо вмѣнять людямъ такія несчастія, въ которыхъ они вовсе не виноваты...»

Во второмъ отдѣлѣ, какъ мы сказали выше, Милютинъ разсматриваетъ послѣдствія пролетаріата, которыя онъ видитъ въ уменьшеніи нравственныхъ и физическихъ силъ рабочаго сословія, уменьшеніи производительности, увеличеніи числа преступленій, въ вырожденіи такого обширнаго класса общества, который составляетъ большинство населенія Европы, и опасности окончательнаго уничтоженія этого большинства.

Въ заключеніе трактата Милютинъ вооружается противъ тѣхъ экономистовъ, которые, по его словамъ, „думаютъ только объ усиленіи производительности, видятъ въ этомъ единственное средство для улучшенія участи рабочаго класса и увѣряютъ, что о справедливомъ распредѣленіи богатствъ заботиться не нужно, что оно сдѣлается само собою вмѣстѣ съ постепеннымъ увеличеніемъ числа продуктовъ и пониженіемъ ихъ цѣны...“

Противъ этихъ экономистовъ Милютинъ выставляетъ представителей новой школы, которые, по его словамъ, оставивъ тотъ безплодный путь, по которому шли доселѣ ихъ предшественники, устремили все свое вниманіе на изученіе недостатковъ современнаго экономическаго устройства и на пріисканіе способовъ къ исправленію этихъ недостатковъ и къ усовершенствованію этого устройства. Твердо убѣжденные въ томъ, что свобода промышленности въ настоящую минуту недостаточна для разрѣшенія всѣхъ вопросовъ, вызываемыхъ бѣдствіями рабочаго класса, что принципъ laissez faire, laissez passer тяготѣетъ только надъ рабочими, потворствуя капиталистамъ, они поставили себѣ задачей утвердить политическую экономію на новыхъ, болѣе разумныхъ и болѣе сообразныхъ съ требованіями настоящаго времени основаніяхъ. „Надо— говорятъ они — чтобы работа была организована и чтобы наука, изучивъ законы производительности, опредѣлила законы отношенія труда къ капиталу, отношенія раціональнаго, а не на слѣпомъ случаѣ основаннаго“.

Относясь, затѣмъ, критически къ различнымъ направленіямъ этой новой школы экономистовъ, Милютинъ находитъ, что она не рѣшила еще той задачи, которую предстоитъ разрѣшить современной наукѣ, что по вопросу, какъ о тѣхъ главныхъ началахъ, на которыхъ должно быть основано отношеніе капитала къ труду, такъ и о средствахъ для замѣны того или другаго устройства экономическаго устройствомъ болѣе разумнымъ и справедливымъ, экономисты новой школы не успѣли еще дойти до единогласнаго, утвердительнаго и вполнѣ формулированнаго рѣшенія. И на этомъ пути, какъ и между приверженцами промышленной анархіи, Милютинъ находитъ множество самыхъ разнородныхъ мнѣній, самыхъ противоположныхъ теорій. Но это не мѣшаетъ ему цѣнить всю важность и все великое значеніе новой школы экономистовъ.

«Нѣтъ никакого сомнѣнія—говоритъ онъ—что многія изъ современныхъ ученій носятъ на себѣ явную печать мечтательности и невозможности; но слѣдуетъ-ли изъ этого, что надо презирать тѣхъ, которые впадаютъ въ такія заблужденія и вѣруютъ въ такіе призраки? Развѣ человѣчество доходило когда-нибудь до сознанія истины внезапно и съ одного раза? Развѣ всѣ тѣ истины, которыя принимаются теперь за неопровержимыя аксіомы, не выработались постепенно и въ теченіе столѣтій, развиваясь изъ борьбы одностороннихъ, исключительныхъ и ошибочныхъ мнѣній? Развѣ, наконецъ, мы не знаемъ, что множество новыхъ идей, при первомъ появленіи своемъ возбудившихъ смѣхъ и недовѣрчивость, впослѣдствіи приняты и осуществлены человѣчествомъ во всемъ ихъ объемѣ и во всей полнотѣ? Не будемъ-же отвѣчать насмѣшкой на усилія людей, которыхъ неограниченная любовь къ своимъ собратіямъ доводитъ часто до крайностей, до преувеличенія, до смѣшныхъ, можетъ быть, взглядовъ и ученій. Станемъ, напротивъ, поощрять эти усилія, потому что въ нихъ заключается вѣрный залогъ для будущаго усовершенствованія науки и для исцѣленія тѣхъ язвъ, отъ которыхъ страдаютъ современныя общества на Западѣ. Станемъ сочувствовать этимъ благороднымъ стремленіямъ, и, твердо вѣруя въ обѣтованія божественнаго Спасителя, съ любовью ожидая пришествія того времени, когда воля Божія осуществится на землѣ, эту живую вѣру, эту твердую надежду, эту возвышенную любовь противопоставимъ и гордой недовѣрчивости, и преступному равнодушію, и безплодному оптимизму...»

Въ 1847 году вышла книга А. Бутовскаго „Опытъ о народномъ богатствѣ или о началахъ политической экономіи“. Въ этой книгѣ А. Бутовскій является приверженцемъ экономистовъ школы неограниченной свободы промышленности, причемъ авторъ придерживается идей Сэ и повторяетъ всѣ тѣ нападки, которыми осыпала эта школа новѣйшихъ экономистовъ. Книга Бутовскаго послужила для Милютина такимъ-же прекраснымъ предлогомъ для проведенія своихъ идей, какую услугу оказало впослѣдствіи для другаго писателя руководство Горлова. Милютинъ написалъ по поводу этой книги сразу двѣ критическія статьи, изъ которыхъ одну помѣстилъ въ „Современникѣ“ (см. „Совр.“, 1847 г., т. V и VI), а другую въ „Отечественныхъ Запискахъ“ (см. „От. Зап.“, 1847 г., т. 55).

Въ „Современникѣ“ Милютинъ изложилъ цѣлую исторію политической экономіи, разсмотрѣвши весьма обстоятельно и подробно всѣ школы этой науки, начиная съ меркантилистовъ и физіократовъ, перейдя, затѣмъ, къ смитовской школѣ и заканчивая теоріями соціалистовъ. Мы не имѣемъ ни возможности, ни цѣли подробно излагать всѣ взгляды Милютина; желая ознакомить читателей нашихъ только съ основными идеями этого писателя, мы опускаемъ эту статью въ „Современникѣ“, равно какъ и другую прекрасную монографію Милютина, напечатанную тоже въ „Современникѣ“: „Мальтусъ и его противники“ (см. „Совр.“ 1847 г., т. IV и V), и обращаемся къ статьѣ „Отечественныхъ Записокъ“, въ которой наиболѣе развиты именно тѣ общія основанія, изъ которыхъ исходилъ

Милютинъ въ своихъ взглядахъ на различныя политико-экономическія школы.

Статья о книгѣ Бутовскаго, напечатанная въ „Отечественныхъ Запискахъ", дорога для насъ именно тѣмъ, что въ ней Милютинъ высказываетъ основы своего міросозерцанія, и вы видите, что передъ вами стоитъ уже не гегеліанецъ, не фейербахистъ, а строгій и послѣдовательный позитивистъ. Онъ начинаетъ свою статью прямо съ изложенія основаній позитивной философіи Ог. Конта. На первой-же страницѣ онъ говоритъ о трехъ періодахъ умственнаго развитія: миѳологическомъ, метафизическомъ и положительномъ. Представляя характеристику каждаго изъ этихъ періодовъ и въ заключеніе заявляя, что настоящая цѣль умственной дѣятельности человѣка состоитъ въ томъ, чтобы возвести каждую отрасль познаній на степень науки положительной, т.-е. науки въ истинномъ смыслѣ, Милютинъ находитъ, что хотя многія науки достигли этого, но рядомъ съ ними мы находимъ множество и такихъ наукъ, которыя не вышли еще изъ періода миѳологически-метафизическаго направленія. Сюда Милютинъ вмѣстѣ съ Контомъ причисляетъ всю отрасль знаній, извѣстныхъ подъ названіемъ общественныхъ наукъ.

Далѣе затѣмъ, Милютинъ приступаетъ къ изъясненію причинъ подобной отсталости общественныхъ наукъ, что даетъ ему поводъ къ изложенію извѣстной іерархіи наукъ Ог. Конта. „Въ категорію положительныхъ наукъ—говоритъ онъ—вошли прежде всего математика и астрономія, потомъ химія и, наконецъ, физіологія". Если послѣдняя опоздала, вслѣдствіе многосложности, спеціальности ея феноменовъ и зависимости отъ другихъ явленій, то общественная наука уступаетъ въ этомъ отношеніи даже самой физіологіи. „Явленія общественныя—говоритъ Милютинъ—несравненно сложнѣе и спеціальнѣе всѣхъ другихъ, имѣютъ въ себѣ гораздо менѣе самостоятельности, находясь въ самой тѣсной зависимости отъ всѣхъ другихъ явленій и въ самой близкой связи съ интересами и страстями человѣка..."

Затѣмъ, второю и не менѣе важною причиной отсутствія положительности въ общественныхъ наукахъ Милютинъ полагаетъ недостатокъ разнообразія въ матеріалахъ для наблюденій, на которыхъ должна строиться каждая наука. „Общественная жизнь—говоритъ онъ—развивается медленно и постепенно; въ первое время она такъ проста и однообразна, что не представляетъ собою достаточной пищи для умственной дѣятельности. И не въ одни первыя времена общественной жизни этотъ недостатокъ матеріаловъ для наблюденія составляетъ препятствіе къ образованію положительной науки: препятствіе это сохраняется весьма долго во всей своей силѣ и изглаживается только постепенно, мало-по-малу. Можно даже сказать безъ преувеличенія, что только въ наше время сфера общественныхъ явленій достигла, наконецъ, той степени обилія и разнообразія, при которой является уже возможность построить общественную науку на положительныхъ основаніяхъ". Съ другой стороны, по словамъ Милютина, не изучивъ природы человѣка индивидуальнаго, невозможно было приступить къ изученію человѣка общественнаго. Но физіологическое изученіе человѣка достигло надлежащей степени совершенства только весьма недавно, въ началѣ нынѣшняго столѣтія.

Ниже онъ излагаетъ тѣ условія, какія необходимы, чтобы общественныя науки достигли степени положительныхъ знаній. Первое условіе, по его мнѣнію, заключается въ очищеніи этихъ наукъ отъ произвольныхъ фантазій, преобладанія воображенія, идеализма, въ подчиненіи воображенія господству методы наблюдательной и опытной; затѣмъ, онъ требуетъ превращенія абсолютныхъ понятій въ относительныя; наконецъ, говоритъ о необходимости отказаться навсегда отъ господствующаго стремленія къ безграничному и произвольному вліянію на общественные факты.

«То-же самое стремленіе—говоритъ онъ—руководило прежде и всѣми другими науками въ ихъ практическихъ приложеніяхъ. Но относительно явленій астрономическихъ, физическихъ, химическихъ, даже физіологическихъ, это самообольщеніе человѣка, естественное въ первое время, мало-по-малу исчезло вслѣдствіе успѣховъ положительной методы, раскрывшей существованіе естественныхъ и необходимыхъ законовъ, которымъ подчиняются всѣ явленія и которые не могутъ быть отмѣнены нашимъ произволомъ. Но въ сферѣ общественной эти несбыточныя надежды, къ сожалѣнію, сохраняются до сихъ поръ во всей своей силѣ. Всѣ политическія и соціальныя школы постоянно приписываютъ человѣку власть измѣнять по произволу устройство общественныхъ отношеній и навязывать свои личныя стремленія цѣлымъ народамъ или даже цѣлому роду человѣческому. Онѣ всегда позабываютъ, что въ этой сферѣ, точно такъ же, какъ и во всѣхъ другихъ, существуетъ извѣстный порядокъ вещей, неизмѣнный и необходимый, который ограничиваетъ дѣятельность человѣка точными, постоянными предѣлами...»

Далѣе Милютинъ приступаетъ къ изложенію положеній въ пользу возможности примѣненія метода положительныхъ наукъ къ общественнымъ наукамъ. Сначала онъ говоритъ о необходимости такого-же раздѣленія общественныхъ наукъ на статику и динамику, какое существуетъ въ наукахъ естественныхъ, далѣе онъ трактуетъ о возможности приложенія къ общественнымъ наукамъ различныхъ средствъ наукъ положительныхъ, какъ-то: наблюденія, опыта, сравненія, историческаго способа изслѣдованія. Рядомъ съ этими прямыми средствами онъ указываетъ и на косвенныя, вытекающія изъ соотношеній науки общественной съ другими науками положительными. „Въ настоящее время—говоритъ онъ—по большей части или не знаютъ этихъ соотношеній, или пренебрегаютъ ими: общественная наука изучается и обработывается обыкновенно, какъ наука отдѣльная, независимая, занимающая совершенно-самостоятельное мѣсто въ энциклопедіи человѣческихъ познаній. Это стремленіе къ изолированію общественной науки чрезвычайно вредно, потому что выражаетъ въ себѣ отсутствіе одного изъ важнѣйшихъ условій положительности и доставляетъ самое значительное пособіе господству метафизическаго направленія".

Исходя изъ этихъ основаній, Милютинъ отвергаетъ за политическою экономіей всякую положительность. Можно-ли назвать политическую экономію наукою, когда она не опредѣлила даже области и цѣли своего изученія? По мнѣнію Милютина, истинная наука имѣетъ цѣлію не одно изученіе фактовъ и не одно практиче-

ское приложеніе добытыхъ истинъ къ жизни, а изученіе законовъ природы. Описаніе фактовъ есть не болѣе, какъ средство, а приложеніе открытыхъ истинъ къ дѣйствительности, жизни не болѣе, какъ внѣшняя цѣль. Политическая-же экономія раздѣляется на два противоположные лагеря, которые ведутъ ожесточенные споры о самыхъ цѣляхъ своей науки. Съ своей стороны, экономисты считаютъ обыкновенно простое описаніе экономическихъ фактовъ нашего времени единственнымъ назначеніемъ науки.

«Вся дѣятельность экономистовъ—говоритъ Милютинъ—ограничивается обыкновенно описаніемъ и объясненіемъ существующаго порядка вещей; они собираютъ отовсюду и разлагаютъ на составныя части современныя явленія экономическаго міра, выводятъ изъ этого анализа познаніе экономическихъ законовъ, дѣйствующихъ въ настоящее время и при нынѣшнихъ условіяхъ общественной жизни, и потомъ, не дѣлая никакого различія между прошедшимъ, настоящимъ и будущимъ, выдаютъ всѣ открытыя ими правила, по большей части временныя, случайныя, за законы общіе, постоянные, одинаково дѣйствующіе во всѣ времена и на всѣхъ ступеняхъ развитія. Нѣкоторые даже не употребляютъ и этой уловки, а объявляютъ прямо, что политическая экономія должна быть наукою чисто-описательною, показывающею порядокъ производства, распредѣленія и потребленія богатствъ въ современныхъ обществахъ: отказываясь, такимъ образомъ, отъ обязанности восходить отъ наблюденія надъ фактами къ познанію ихъ законовъ, или употребляя для исполненія этой обязанности совершенно ложную методу, состоящую въ произвольномъ смѣшеніи частныхъ и временныхъ законовъ съ законами общими и необходимыми, экономисты искажаютъ, кромѣ того, понятіе о своей наукѣ и другимъ образомъ, исключая изъ ея сферы всѣ практическіе вопросы и не обращая никакого вниманія на приложеніе ея истинъ къ усовершенствованію экономическаго быта. Соціалисты, съ своей стороны, вдаются въ противоположную крайность, и, пренебрегая изученіемъ дѣйствительнаго, существующаго, занимаются единственно изслѣдованіями о будущемъ и возможномъ. Политическая экономія въ ихъ глазахъ есть наука чисто-юридическая, опредѣляющая взаимныя права и обязанности общества и его членовъ въ отношеніи къ ихъ матеріальнымъ интересамъ. Основная идея ея—идея права, изъ которой должны быть выведены, по ихъ мнѣнію, рѣшенія всѣхъ общественныхъ и экономическихъ вопросовъ. Однимъ словомъ, политическая экономія, какъ понимаютъ ее соціалисты, принимающіе въ этомъ случаѣ опредѣленіе физіократовъ, есть не болѣе, какъ искусство дѣлать людей богатыми и счастливыми; ея призваніе будетъ достигнуто, если она придумаетъ такой способъ устройства общественныхъ отношеній, который обезпечитъ каждому пользованіе всѣми возможными благами и который будетъ сообразенъ съ требованіями разума и справедливости. Возможно-ли такое идеальное устройство? Можетъ-ли оно быть согласовано съ существованіемъ тѣхъ неизмѣнныхъ законовъ, которымъ безусловно подчиняется дѣятельность отдѣльныхъ людей и цѣлыхъ обществъ? Объ этомъ соціалисты заботятся весьма мало, потому что, наперекоръ экономистамъ, признающимъ все существующее разумнымъ, принимаютъ обыкновенно справедливое за единственный критеріумъ возможнаго».

Относясь, такимъ образомъ, критически, какъ къ экономистамъ, такъ и соціалистамъ, Милютинъ не отрицаетъ, впрочемъ, ни тѣхъ, ни другихъ безусловно, а указываетъ только односторонности обѣихъ партій, мѣшающія политической экономіи встать на положительную почву. Съ одной стороны, и описательный методъ экономистовъ имѣетъ свое значеніе въ наукѣ, съ другой и приложеніе открытыхъ истинъ къ жизни, чего добиваются соціалисты, имѣетъ безспорную важность, но ни то, ни другое не исчерпываетъ цѣли политической экономіи: первое есть только—средство науки, второе—ея внѣшняя цѣль; истинная-же, существенная цѣль политической экономіи заключается въ открытіи тѣхъ общихъ, постоянныхъ *законовъ*, по которымъ совершается матеріальное развитіе обществъ, и только установившись въ преслѣдованіи этой цѣли, политическая экономія можетъ сдѣлаться положительною наукой.

Вотъ основные взгляды Милютина, исходя изъ которыхъ онъ анализируетъ всѣ политико-экономическія школы. Не вдаваясь въ подробности анализа, мы только замѣтимъ, что, по глубинѣ и мѣткости многихъ его замѣчаній, по ясности и силѣ изложенія, статьи его представляютъ замѣчательнѣйшее литературное явленіе своего времени. Онѣ и теперь могутъ читаться съ большимъ интересомъ и пользой, и весьма жалко, что онѣ не собраны и не изданы отдѣльно. Въ тоже время, читая ихъ, приходишь въ невольное удивленіе, что юноша, едва достигнувъ 20-ти лѣтъ, успѣлъ уже запастись такою массой знаній самыхъ разнообразныхъ и выступилъ на литературное поприще съ такими зрѣлыми, положительными и глубокими идеями. При этомъ сознаешь всю великость преждевременной утраты нашею литературой и наукой такой по истинѣ колоссальной силы, обѣщавшей огромные результаты въ своемъ развитіи. Въ то-же время нельзя не подивиться всей забывчивости нашей литературной критики, которая до сихъ поръ игнорировала этого, можно сказать, перваго вполнѣ сформировавшагося и опредѣлившагося представителя новой эпохи, новаго міросозерцанія и новаго направленія въ нашей литературѣ. И нельзя сказать, чтобы статьи его были преждевременны, чтобы онѣ прошли безслѣдно въ свое время. Напротивъ того, онѣ произвели сильное впечатлѣніе въ литературѣ и публикѣ. Въ журналахъ, враждебныхъ „Современнику" и „Отечественнымъ Запискамъ", онѣ возбудили полемику, въ которую вмѣшался и самъ Бутовскій, защищая свою книгу и свои идеи; въ тоже время многіе второстепенные журналы („Финскій Вѣстникъ", „Литературная Газета", „Сынъ Отечества"), въ своихъ рецензіяхъ на книгу Бутовскаго, цѣликомъ повторили взгляды Милютина, ссылаясь на статьи его. На среду университетской молодежи, какъ статьи, такъ тѣмъ болѣе лекціи Милютина, безъ сомнѣнія, остались не безъ благодѣтельнаго вліянія.

Вообще нужно замѣтить, что, начиная съ 42-го и по 47-й годъ, журналистика наша представляетъ одинъ изъ самыхъ цвѣтущихъ своихъ періодовъ, мало чѣмъ уступающихъ послѣдующему такому-же періоду отъ 58-го по 63-й годъ. Особенно, если вы примете во вниманіе стѣснительность цензурныхъ условій того времени, то приходится еще болѣе удивляться, какъ при всей этой стѣснительности—литература могла, однако-же, высказывать такъ много. Это можно объяснить себѣ только рядомъ блестящихъ талантовъ, которые стояли въ то время во главѣ журналистики. Въ концѣ-же этого періода литература наша совершенно на-

чала принимать тотъ характеръ, который развился въ ней впослѣдствіи, въ концѣ 50-хъ годовъ. Читая „Отечественныя Записки" и „Современникъ" за 1846 и 1847 годы, вы совершенно иногда забываете, что передъ вами нумера, вышедшіе въ концѣ 40-хъ, а не въ началѣ 60-хъ годовъ. Развертываете вы журналъ, передъ вами политико-экономическое обозрѣніе совершенно въ духѣ 60-хъ годовъ, естественно-научная статья, новая эстетическая теорія, изложеніе позитивной философіи. Перелистываете вы хотя бы передовую критическую статью въ „Отечественныхъ Запискахъ" въ первомъ нумерѣ 1848 года, „Русская литература въ 1848 году", и вы глазамъ своимъ не вѣрите:

«Самое важное, характеристическое явленіе современной жизни,—читаете вы,—заключается въ сильномъ стремленіи общества къ матеріальнымъ интересамъ. Вещественное благосостояніе человѣка занимаетъ умы всѣхъ сословій. Удобство земнаго существованія, повсюдное довольство—вотъ главный вопросъ, вопіющая забота нашего вѣка».

«Давно-ли Германія погружена была въ умозрѣнія?—читаете вы далѣе—теперь иное время. Метафизическая эпоха германской жизни кончилась. Путешественники, посѣщавшіе Берлинъ, нашли опустѣлыми аудиторіи философскихъ наукъ. Публика охладѣла къ лекціямъ pro и contra Гегеля. Предложеніе Фихте учредить съѣзды философовъ, по образцу другихъ ученыхъ съѣздовъ, осталось предложеніемъ. Вниманіе и надежды обратились къ требованіямъ общественной жизни, которой нечего дѣлать въ холодной отвлеченности философскихъ системъ. Какимъ-же наукамъ принадлежитъ теперь первенство и сила развитія? Наукамъ общественнымъ. Какъ земное благосостояніе человѣка замѣнило собою его идеальное, фантастическое, отвлеченное отъ земли блаженство, такъ политическая экономія изгнала философію. Но интересы дѣйствительности должны быть разлиты по всему обществу и застрахованы обществомъ; поэтому другая характеристическая черта нашего времени—соціальность предлагаетъ господствующей наукѣ главную задачу: показать законы равномѣрнаго распредѣленія блага по всѣмъ классамъ, опредѣлить разумныя начала, постоянныя правила общественнаго богатства».

«Другая наука—читаете вы, перевернувъ страницу, двѣ—получившая въ послѣднее время сильное развитіе, есть физіологія. Такъ и быть долженствовало! Ея быстрые успѣхи и обширное приложеніе совпадаютъ съ осѣдлостью той мысли, что человѣкъ, призванный на землю, не долженъ упускать изъ виду своего призванія, если онъ хочетъ произвести что-нибудь прочное. Вмѣсто вражды съ живымъ организмомъ, современность начала изучать его строеніе и отправленія. Бросивъ ипотезы, она избрала методу положительныхъ изслѣдованій и при помощи ихъ увидѣла, въ чемъ истинная сила людей. Успѣхи физіологіи (и естественныхъ наукъ вообще) приводятъ къ сознанію началъ и законовъ общественной жизни: другихъ путей къ этому не существуетъ...»

«Что дѣлаетъ критика при такомъ движенія ума? Конечно, не остается праздною и неподвижною. Она измѣняетъ свою точку зрѣнія сообразно общему повороту, объясняетъ новые поводы къ своему расположенію или непріязни. Замѣчательно, что послѣдній періодъ нашей литературы, извѣстный подъ именемъ «пушкинскаго», отличается двумя характеристическими чертами: сильнымъ развитіемъ поэзіи и сильнымъ развитіемъ критики, особенно въ послѣдніе годы. Но въ этой быстро поднявшейся, хотя и молодой по времени критикѣ, легко уже подмѣтить періоды возрастанія, степени успѣха. Теперь съ чисто-эстетической арены она ступила на другія пространства, не стѣсняясь одною сферой художественнаго творчества, но имѣя дѣло съ цѣлымъ твореніемъ жизни. Она вмѣнила себѣ въ обязанность смотрѣть на произведенія словесныя съ той стороны, которою они соприкасаются съ общественнымъ бытомъ. Ея цѣль—оцѣнить литературную дѣятельность въ отношеніи къ общественнымъ вопросамъ».

Неправда-ли, что если я не предупредилъ бы читателя, что все это находится въ первомъ нумерѣ „Отечественныхъ Записокъ" за 1848 годъ, онъ подумалъ бы навѣрное, что я сдѣлалъ извлеченіе изъ какой-нибудь статьи „Современника", за 59-й или 60-й годъ? Но еще болѣе приходите вы въ удивленіе, когда среди всѣхъ этихъ привѣтствій новому времени и новымъ идеямъ, вы внезапно встрѣчаете въ статьѣ прямой намекъ на вопросъ объ освобожденіи крестьянъ: „Поставить нормальныя отношенія—читаете вы,—опредѣлить, гдѣ больше обоюдной пользы, въ барщинной обработкѣ, или въ отдачѣ земли въ наемъ—такова настоящая задача землевладѣльцевъ! Нѣкоторыя книги и журнальныя статьи показали, что люди, принимающіе участіе въ устройствѣ сказанныхъ нормальныхъ отношеній, находятъ только тѣ привиллегіи важными, отъ которыхъ есть существенный интересъ".

Не трудно объяснить себѣ такое оживленіе журналистики въ концѣ 40-хъ годовъ, если мы примемъ въ разсчетъ, что и передовое, образованное общество въ это время, при всей косности массъ, при всемъ страшномъ застоѣ во всѣхъ элементахъ общественной жизни, находилось въ состояніи сильнаго броженія умовъ при переходѣ въ новую фазу своего развитія. Политическое движеніе на Западѣ и въ особенности во Франціи еще болѣе увеличивало напряженность этого броженія. Можно положительно сказать, что въ концѣ 40-хъ годовъ общество наше было уже вполнѣ готово вступить на путь движенія 60-хъ годовъ: были уже подняты многіе изъ тѣхъ философскихъ и общественныхъ вопросовъ, которые впослѣдствіи волновали умы людей 60-хъ годовъ, явились уже нѣкоторые симптомы предстоящаго раскола стараго поколѣнія и молодого, метафизиковъ и реалистовъ, людей слова и людей дѣла. Мы видѣли уже и первые приступы къ литературной полемикѣ между старою метафизическою школой и новою реальной. Но движеніе это было быстро и радикально остановлено тою паникой, какую произвела французская революція. Не прошло и 3-хъ, 4-хъ мѣсяцевъ послѣ появленія вышеупомянутой статьи въ „Отечественныхъ Запискахъ"—и всего этого новаго движенія, которое такъ радостно привѣтствовала статья, какъ бы и не существовало. Оно было отодвинуто на цѣлыя 10 лѣтъ назадъ. Въ прогресивномъ лагерѣ литературы положительно остались одни беллетристы и поэты, да и то не всѣ. Герценъ былъ уже за границей, Бѣлинскій и В. Майковъ въ могилахъ, Грановскій хандрилъ, игралъ въ карты и, входя въ различные компромиссы во внѣшней жизни, во внутренней—путался въ туманномъ мистицизмѣ и метафизическихъ рефлексіяхъ; Милютинъ все болѣе и болѣе уходилъ въ сферу науки, и если не покидалъ литературы, то говорилъ преимущественно о вопросахъ частныхъ, научно-спеціальныхъ. Начался самый безцвѣтный періодъ въ русской журналистикѣ и одинъ изъ самыхъ мрачныхъ періодовъ русской жизни. Про-

изошелъ одинъ изъ тѣхъ болѣзненныхъ перерывовъ, которые столь обыкновенны въ развитіи нашего русскаго общества.

XIII.

Нѣсколько словъ объ отношеніи качественнаго развитія мысли къ количественному и о вліяніи этого отношенія на основной законъ развитія мысли.—Состояніе общественнаго развитія въ началѣ пятидесятыхъ годовъ.—Реакція сверху и снизу.—Возвращеніе къ теоріи чистаго искусства.—Безцвѣтность и произвольность критики пятидесятыхъ годовъ.—Беллетристика пятидесятыхъ годовъ.—Возвращеніе къ теоріи чистой науки.—Ученость среди молодежи и наплывъ ея въ журналистику.—Общее заключеніе о состояніи общественной мысли въ половинѣ пятидесятыхъ годовъ.

Еслибы мы имѣли дѣло съ областью чистой мысли и цѣль нашего обозрѣнія ограничивалась-бы тѣмъ, чтобы показать только, какъ живая человѣческая мысль, развиваясь на нашей русской почвѣ, перешла отъ мистицизма къ метафизикѣ, а потомъ отъ метафизики къ реализму, не касаясь при этомъ вопроса о томъ, какой кругъ общества обнималъ этотъ умственный процессъ, то мы могли-бы считать трудъ нашъ поконченнымъ предъидущею главой. Въ самомъ дѣлѣ, мы видѣли, что къ концу сороковыхъ годовъ весь этотъ процессъ мысли былъ уже совершенъ: передовая мысль наша, хотя-бы въ кругу трехъ, четырехъ человѣкъ, рѣшительно встала на почву реализма, отвергла всѣ метафизическія бредни, теорію чистаго искусства замѣнила теоріей искусства для жизни; наконецъ, отъ задачъ индивидуально-нравственныхъ перешла къ вопросамъ общественнымъ и политическимъ. Мы видѣли, что въ концѣ сороковыхъ годовъ были подняты уже многіе изъ тѣхъ вопросовъ общественныхъ и философскихъ, съ которыхъ началось впослѣдствіи движеніе шестидесятыхъ годовъ. Но мы намекали уже въ вступленіи къ нашему труду, что обозрѣніе одного только процесса чистой мысли не можетъ дать никакихъ ясныхъ и опредѣленныхъ понятій о ходѣ развитія общества. Процессъ развитія чистой мысли несомнѣнно совершается по той формулѣ, которую установилъ и достаточно уяснилъ Ог. Контъ въ своей позитивной философіи. Формулу эту, заключающуюся въ переходѣ мысли отъ миѳологіи къ метафизикѣ и отъ метафизики къ положительности можно считать основнымъ закономъ развитія человѣческой мысли. Но при этомъ не надо забывать, что законъ этотъ касается только качественнаго развитія мысли, то-есть, измѣненія мысли въ ея содержаніи. Между тѣмъ, мысль развивается въ обществѣ не только качественно, но и количественно: рядомъ съ измѣненіемъ ея содержанія идетъ распространеніе ея въ обществѣ. Это количественное развитіе мысли имѣетъ свои условія и законы и, притомъ, такого рода, что въ ходѣ развитія общества основной контовскій законъ развитія мысли можетъ быть не только парализованъ, но и обращенъ вспять. И въ этомъ явленіи не будетъ ничего неестественнаго. Въ природѣ нѣтъ ни одного закона, дѣйствіе котораго не могло-бы быть на время парализовано и совершенно искажено другими законами, дѣйствующими въ одно съ нимъ время. Такъ, напримѣръ, законы паденія тѣлъ нисколько не мѣшаютъ воздушному шару подниматься въ высшіе слои атмосферы, вмѣсто того, чтобы падать на землю съ вычисленною наукой скоростью, и въ тоже время подобное нарушеніе воздушнымъ шаромъ этихъ законовъ ни мало не скандализуетъ ихъ; они остаются тѣми-же законами и тотчасъ-же начинаютъ свое дѣйствіе надъ воздушнымъ шаромъ, едва только прекратится вліяніе причинъ, по которымъ шаръ подымался вверхъ. Такъ точно и въ развитіи общества мысль, вмѣсто того, чтобы повиноваться контовскому закону, можетъ идти совершенно обратно: отъ реализма къ мистицизму; контовскій законъ нисколько не теряетъ вслѣдствіе этого своего значенія и не перестаетъ дѣйствовать тамъ, гдѣ ему не мѣшаютъ постороннія вліянія. Но вы подумайте, на какую шаткую и неопредѣленную почву всталъ-бы обозрѣватель развитія общества, еслибы, ограничившись однимъ контовскимъ закономъ развитія чистой мысли, онъ не принялъ-бы въ соображеніе тѣхъ постороннихъ вліяній, которыя дѣйствуютъ на этотъ законъ, ускоряютъ его или замедляютъ и совсѣмъ парализуютъ. Подобный изслѣдователь былъ-бы подобенъ физику, который вздумалъ-бы всѣ физическія явленія на землѣ подводить подъ законы паденія тѣлъ.

Въ области физики вы не найдете ни одного подобнаго безумца; между тѣмъ, въ соціологіи заблужденія такого рода встрѣчаются на каждомъ шагу. Едва открывается одинъ какой-нибудь законъ общественной жизни, и тотчасъ вы встрѣчаете массу трактатовъ, брошюръ и статей, которые весь сложный механизмъ развитія общества стараются подвести подъ этотъ законъ и объяснить имъ. Увлечется какой-нибудь мыслитель теоріей Спенсера и ужь онъ ничего не видитъ въ человѣческой жизни, кромѣ одного безконечнаго диференцированья. Другой всю исторію подводитъ подъ дарвиновскій законъ борьбы за существованіе и половаго подбора, третій все и вся объясняетъ вліяніемъ природы на человѣка, четвертый весь прогрессъ обусловливаетъ однимъ расширеніемъ знаній, пятый все основываетъ на смѣнѣ сословій, шестой, наконецъ, на все смотритъ подъ угломъ контовскихъ періодовъ развитія мысли. Результатомъ такой односторонности въ изслѣдованіяхъ и выходитъ то, что сами по себѣ всѣ эти законы человѣческаго развитія несомнѣнны, но, тѣмъ не менѣе, разсматриваемые отдѣльно, безъ всякой связи другъ съ другомъ, да къ тому еще при попыткахъ объяснить все и вся однимъ изъ нихъ, они не оправдываются фактами жизни и въ концѣ-концовъ приводятъ изслѣдователя къ неизбѣжнымъ противорѣчіямъ.

Чтобы показать наглядно, насколько односторонне разсматривать развитіе общества, принимая во вниманіе одинъ какой-нибудь законъ этого развитія, мы возвратимся къ закону Конта и постараемся наглядно показать, какъ ходъ общественной жизни можетъ жестоко обмануть изслѣдователя и поставить его втупикъ съ его тремя контовскими періодами. Это прямо относится къ нашему трактату, такъ какъ мы имѣемъ дѣло именно съ переходомъ передовой мысли нашего общества изъ мистицизма черезъ метафизику къ реализму.

И такъ, представьте себѣ общество, состоящее изъ тысячи человѣкъ, пребывающихъ на степени перваго-миѳологическаго періода развитія. Изъ этого общества выдѣляется, мало-по-малу, сто человѣкъ, переходящихъ во второй періодъ—метафизическій; затѣмъ, изъ этихъ 100 человѣкъ 10 человѣкъ доходятъ до третьяго періода и становятся реалистами. Для изслѣдователя, имѣющаго дѣло съ областью чистой мысли, этихъ явленій совершенно достаточно, чтобы сказать вамъ, что мысль свое дѣло сдѣлала, совершила свой неизбѣжный процессъ, дошла до геркулесовыхъ столбовъ позитивизма и, затѣмъ, остается только славить нашъ смѣлый вѣкъ, въ который разсѣянъ мистическій и метафизическій туманъ, повалено столько устарѣлыхъ кумировъ, сдѣлано такъ много открытій, изобрѣтеній и пр. и пр. Многіе историки и публицисты такъ обыкновенно и поступаютъ. XIX вѣкъ получилъ даже названіе *положительнаго*, вѣка паденія мистицизма и метафизики, господства точныхъ наукъ и пр. и пр. Однимъ словомъ, человѣчество дошло до третьяго періода контовской философіи, и ему остается только торжественно шествовать по пути реализма, дѣлать новыя открытія, примѣнять ихъ къ усовершенствованію человѣческой жизни, прилагать положительный методъ къ изученію законовъ соціологіи, и такъ далѣе, до безконечности. Но исторія жестоко можетъ разрушить всѣ иллюзіи оптимистовъ, какъ она не разъ уже это дѣлала.

Возвратимся къ нашему примѣрному обществу: 10 реалистовъ, 90 метафизиковъ и 900 полудикарей, изъ которыхъ 800 только-что не приносятъ жертвы пнямъ и камнямъ на распутьяхъ. Подумаешь, какой прогресъ, какое торжество реализма! И не забудьте при этомъ, что численный перевѣсъ, большинство, слѣдовательно, и матеріальная сила на сторонѣ такихъ принциповъ, которые не очень-то допускаютъ мыслить несогласно съ ними и на всякое противорѣчіе знаютъ одно возраженіе—показаніе кулака. При такихъ условіяхъ десятокъ нашихъ реалистовъ завтра-же можетъ исчезнуть безслѣдно съ лица земли. Останутся одни метафизики; а метафизики, по самому существу своему, народъ шаткій; сегодня они строютъ смѣлую метафизическую систему, идущую въ разрѣзъ со всѣми господствовавшими до нихъ бреднями; завтра-же они эту-же самую систему могутъ подвести подъ тѣ-же бредни или подъ новыя въ ихъ духѣ; для фантазіи законовъ не писано и нѣтъ ничего легче слѣдовать по теченію вѣтра, обитая въ метафизическихъ высотахъ и не чувствуя твердой почвы подъ ногами. При такихъ условіяхъ изслѣдователю можетъ представиться совершенно обратный путь мысли, вопреки всѣмъ законамъ позитивной философіи. Сегодня въ передовыхъ журналахъ и газетахъ кричатъ еще о торжествѣ реализма, о положительныхъ знаніяхъ, а завтра какая-нибудь метафизическая теорія будетъ считаться вдругъ знаменемъ прогресса; на реализмъ прошлаго вѣка начнутъ смотрѣть, какъ на заблужденіе умовъ, уклонившихся отъ истиннаго пути, впавшихъ въ односторонность; а послѣ завтра и метафизическая теорія покажется ничѣмъ болѣе, какъ кичливостью гордаго ума, дерзнувшаго и т. д., и начнется мрачное царство какого-нибудь безумнаго спиритизма. Развѣ въ исторіи не бывало подобныхъ обратныхъ шествій? Развѣ Бэконъ, Локкъ, Кабанисъ не были почти совсѣмъ въ дверяхъ позитивизма, и это нисколько не помѣшало много времени послѣ нихъ господствовать неограниченно надъ всею Европой метафизикѣ Гегеля. Средневѣковой мистицизмъ, этотъ первый періодъ европейской мысли, развился изъ втораго періода — метафизическаго древняго міра. Древніе пошли-было по пути, начертанному Контомъ, дошли до метафизики, да потомъ взяли вдругъ, да и свернули назадъ. Этотъ печальный фактъ объясняютъ обыкновенно недостаткомъ положительныхъ знаній въ древней цивилизаціи люди, которые обусловливаютъ прогрессъ исключительно количествомъ знаній. Положимъ, что у древнихъ не было на столько знаній, чтобы они могли вступить въ третій положительный періодъ развитія, однакоже, столько-же знаній они имѣли, чтобы дойти до метафизики: почему-же они не удержались въ своемъ метафизическомъ періодѣ, а обратились вспять — или они какъ-нибудь растеряли всѣ свои знанія, забыли ихъ? Но тогда, значитъ, исторія идетъ по пути не одного только накопленія знаній, случаются въ ней, наоборотъ, и растерянія, и что-же обезпечиваетъ человѣчество впредь отъ подобныхъ случайностей? Особенно если принять во вниманіе, что наша пропорція реализма—1%—взята самая преувеличенная изавидная. О, если-бы въ европейскомъ народонаселеніи былъ 1 реалистъ на 100 человѣкъ населенія, какъ бы тогда кричали наши оптимисты о торжествѣ положительности! А вѣдь въ дѣйствительности весь нашъ пресловутый реализмъ — капля въ морѣ всеобщаго варварства и дикости человѣческаго рода...

Надо-ли ко всему этому прибавлять, что возможность всякихъ пертурбацій и обратныхъ шествій, нисколько не опровергая контовскаго закона трехъ періодовъ, прямо зависитъ отъ количества распространенія идей въ обществѣ, чѣмъ только и обусловливается дѣйствительное торжество этихъ идей. Что толку, что древніе дошли до метафизики, когда метафизиковъ была среди нихъ ничтожная горсть, потонувшая въ массахъ, коснѣвшихъ въ политеизмѣ. Поэтому, мы не имѣемъ никакого права впадать въ розовый оптимизъ, мѣряя развитіе общества и человѣчества на нашъ субъективный аршинчикъ и предполагая, что если въ нашемъ умѣ восторжествовали какія-нибудь начала, то это значитъ, что начала эти восторжествовали повсюду, и человѣчество до нихъ дожило. Подобное заблужденіе свойственно только метафизикамъ, которые подъ человѣчествомъ разумѣютъ отвлеченную идею, одинаково осуществляющуюся въ массѣ населенія земнаго шара и въ одномъ человѣкѣ. Такъ, Гегель полагалъ, что безусловная идея, создавши всю вселенную, дошла до апогея своего развитія въ лицѣ его — Гегеля, додумавшагося до своей философіи.

На Западѣ, впрочемъ, очень простительно ученымъ и публицистамъ кичиться торжествомъ прогресса и новыхъ идей, такъ-какъ обратныя шествія тамъ рѣдки, медленны, совершаются въ теченіи иногда цѣлыхъ столѣтій, и легко ихъ совсѣмъ не замѣчать. Къ тому-же, большинство писателей, принадлежа къ привиллегированнымъ классамъ, носителямъ европейской образованности, съ давнихъ временъ привыкли считать

прогрессъ своего меньшинства прогрессомъ всего человѣчества и рѣдкіе изъ нихъ замѣчаютъ, на какой вулканической почвѣ воздвигнутъ весь этотъ призрачный прогрессъ.

Но у насъ подобныя заблужденія крайне непростительны, такъ-какъ у насъ передовые кружки, носители новыхъ идей, обыкновенно состоятъ изъ нѣсколькихъ добрыхъ пріятелей, которые составляютъ обыкновенно контрастъ не только съ необразованными массами, но даже и съ меньшинствомъ, имѣющимъ претензію считаться образованнымъ. Чуть не каждыя десять лѣтъ эти добрые пріятели стушевываются со всѣми своими прогрессивными успѣхами подъ напоромъ всеобщаго невѣжества, и развитіе общественной мысли начинается съизнова, съ мистическаго періода.

Такъ, мы уже видѣли, что въ то время, когда передовые кружки въ двадцатые годы интересовались различными общественными вопросами, для образованныхъ массъ не существовало никакихъ другихъ интересовъ, кромѣ эстетическихъ. Высшимъ словомъ прогресса для этой массы были стихотворенія Пушкина; единственнымъ существеннымъ вопросомъ—вопросъ о томъ, какой школѣ поэзіи слѣдуетъ существовать: классической или романтической? Сошли съ поприща жизни люди двадцатыхъ годовъ, общество такъ и осталось со своимъ романтизмомъ и Пушкинымъ, при чемъ развитіе началось снова съ мистицизма, при чемъ передовые мыслители тридцатыхъ годовъ, стоя на почвѣ авторитета и преданія, начали толковать о тщетѣ призрачныхъ вопросовъ дня и о неприличіи непосвященнымъ людямъ ниспускаться въ область публицистики.

Нѣчто подобное повторилось въ концѣ сороковыхъ годовъ. Между тѣмъ, какъ въ нѣсколькихъ передовыхъ кружкахъ совершился переворотъ отъ метафизики къ реализму и отъ вопросовъ индивидуально-нравственныхъ къ общественнымъ, въ обществѣ, подъ вліяніемъ этихъ кружковъ, только-что началось философское и нравственное броженіе въ самомъ первомъ его періодѣ. Въ то время, какъ передовое слово изъ устъ Бѣлинскаго громило Гоголя за его „Переписку съ друзьями“, эта самая „Переписка“ была еще тревожнымъ вопросомъ для огромнаго большинства общества. Суровый аскетизмъ въ видѣ подавленія грѣховной плоти или мучительныя рефлексіи, эти первые проблески сомнѣнія, были зауряднымъ явленіемъ въ обществѣ впродолженіи почти всѣхъ пятидесятыхъ годовъ. Типъ Лизы, героини повѣсти Тургенева „Дворянское гнѣздо“, былъ современнымъ женскимъ типомъ даже во второй половинѣ пятидесятыхъ годовъ.

Рядомъ съ аскетизмомъ другимъ передовымъ словомъ въ обществѣ была *гуманность*—понятіе, принадлежащее къ области чисто индивидуально-нравственной. Носясь съ вопросами о гуманности, общество показывало этимъ, что оно только-что додумалось до основныхъ началъ гражданственности, только-что дошло до отрицанія грубаго, азіатскаго варварства, въ которомъ до того времени утопало. Чтобы понять всю элементарность этого слова, которое такъ гремѣло въ концѣ сороковыхъ и началѣ пятидесятыхъ годовъ, надо только принять въ соображеніе, что въ понятіи *гуманность* на первомъ планѣ стоялъ вопросъ о томъ, бить или не бить, при чемъ только весьма немногіе смѣльчаки рѣшали этотъ вопросъ полнымъ отрицаніемъ битья, и считались вслѣдствіе этого крайними радикалами, большинство-же благонамѣренныхъ гражданъ сводило вопросъ на то, чтобы бить, но только съ приличною просвѣщенному человѣку кротостью, вѣжливостью и умѣренностью. Это и считалось гуманностью на обыденномъ языкѣ.

Рука объ руку съ гуманностью шелъ столь-же элементарный вопросъ о честности. Вѣдь если подумать, что вопросъ о честности, занимавшій человѣчество еще во времена Моисея, могъ быть вопросомъ у насъ въ пятидесятыхъ годахъ, то сами по себѣ разсѣеваются всѣ иллюзіи о гигантскихъ шагахъ нашего прогресса. При чемъ даже и въ этомъ отношеніи люди, которые подъ честностью разумѣли вѣрность своимъ убѣжденіямъ и готовность поплатиться кое-какими матеріальными благами, не говоря уже о чемъ другомъ—такіе люди считались крайними радикалами. Большинство-же ограничивалось болѣе скромнымъ вопросомъ: грабить или не грабить, причемъ пускались въ тончайшія разграниченія доходовъ грѣшныхъ отъ безгрѣшныхъ и задавались рѣшеніемъ глубочайшихъ нравственно-философскихъ вопросовъ въ томъ родѣ, что можно-ли считать безчестнымъ поступкомъ, если судья, рѣшая ваше дѣло правильно и по закону, принимаетъ отъ васъ вознагражденіе за то, что, приступая къ вашему дѣлу не въ очередь, онъ этимъ ускоряетъ его ходъ, или преступаетъ-ли законы честности штабсъ-капитанъ, если солдаты у него сыты и одѣты, а у него, все-таки, остается сверхъ всего экономія, которую куда-же дѣть? — не въ казну-же представлять обратно!

При такой всеобщей неразвитости умовъ большинства образованнаго общества, нѣтъ ничего мудренаго, что первые проблески реальной мысли, въ видѣ статей В. Майкова и Милютина, остались совершенно незамѣченными и непонятыми обществомъ, которое выносило крайне смутныя и неопредѣленныя понятія даже изъ статей Бѣлинскаго или лекцій Грановскаго, стоявшихъ гораздо ближе къ развитію большинства.

Если даже такой могучій умъ, какъ умъ Бѣлинскаго, не могъ осилить вопроса о томъ, въ чемъ заключается истинная положительность мысли, явившаяся на смѣну метафизики и романтизма, и смѣшалъ положительность съ мѣщанскою узкою практичностью Петра Ивановича Адуева, то чего-же было ожидать отъ его читателей? Въ образованной средѣ всѣ эти толки литературы о положительности ограничились насмѣшками надъ романтиками, восклицавшими нѣкогда, что деньги—тлѣнъ, да прославленіемъ комфорта и энергическаго наживанія капиталовъ. Идеаломъ подобной положительности явился практическій дѣятель, заводящій фабрики, выписывающій изъ Англіи машины, обработывающій поля по всѣмъ правиламъ агрономіи съ Либихомъ въ рукахъ, ворочающій милліонами—однимъ словомъ, Штольцъ въ романѣ г. Гончарова. Изъ послѣдователей подобнаго идеала вышли впослѣдствіи учредители безчисленныхъ акціонерныхъ обществъ, возникавшихъ и лопавшихся, какъ мыльные пузыри, въ концѣ пятидесятыхъ годовъ, кон-

цессіонеры, биржевые игроки и всякаго рода аферисты, о которыхъ и понятія не имѣли патріархальные сороковые годы.

Если даже для Бѣлинскаго экономическіе вопросы, волновавшіе Западную Европу, представлялись хотя и интересными съ научной точки зрѣнія, но въ то-же время чѣмъ-то совершенно чуждымъ нашей жизни въ такой-же степени, будто какой нибудь китайскій вопросъ объ отношеніи буддизма къ конфуціеву ученію, то можно себѣ представить, какъ должна была относиться ко всѣмъ этимъ толкамъ о пролетаріатѣ, Мальтусѣ, Адамѣ Смитѣ и Луи-Бланѣ образованная среда, тѣмъ болѣе, что среда эта состояла почти сплошь изъ людей обезпеченныхъ, сытыхъ. По одному этому для людей этихъ были совершенно чужды и непонятны стремленія западноевропейскихъ массъ. Къ тому-же люди эти привыкли у себя дома смотрѣть на эти массы, какъ на безсловесныя, вьючныя животныя. Мы видѣли, что даже такой гуманный мыслитель, какъ Грановскій, и тотъ въ торжествѣ массъ не предвидѣлъ ничего лучшаго, какъ гибель цивилизаціи. Правда, образованнѣйшіе люди въ душѣ не прочь были отъ освобожденія крестьянъ. Но это были тайныя желанія совершенно платоническаго свойства, исполненіе которыхъ пугало опасеніемъ всякихъ ужасовъ анархіи и представлялось въ отдаленномъ будущемъ. Къ тому-же, эти платоническія желанія нисколько не мѣшали образованнѣйшимъ людямъ не только пользоваться всѣми своими правами надъ крестьянами, но и злоупотреблять ими...

Литературные толки о недостаточности однихъ личныхъ, узко-эгоистическихъ интересовъ, о необходимости жизни общественной, исполненной гражданскихъ доблестей, отражались въ образованной средѣ смутными мечтами, что какъ бы это хорошо было говорить цицероновскую рѣчь передъ какимъ-нибудь многочисленнымъ собраніемъ и быть прерываемому громкими аплодисментами. О содержаніи цицероновской рѣчи просвѣщеннымъ Маниловымъ не приходило и въ голову. А такъ какъ мечты оставались мечтами, не представляя въ дѣйствительности ни малѣйшаго осуществленія, то вся гражданская доблесть просвѣщенныхъ Маниловыхъ сводилась на административную карьеру, причемъ Маниловъ или втягивался въ рутину чиновничьей жизни и обращался въ обыденнаго чиновника, или-же, не поладивъ на службѣ, гордо выходилъ въ отставку и вступалъ въ рядъ унылыхъ Гамлетовъ Щигровскаго уѣзда, заваливался на обломовскій диванъ и ворчалъ про себя, такъ чтобы этого никто не услышалъ, на судебныя и административныя неправды, соображая при этомъ, что законы святы, но исполнители лихіе супостаты, и что стоитъ только на тѣ-же мѣста, при всѣхъ тѣхъ-же порядкахъ, поставить людей европейски-образованныхъ, въ родѣ ихъ, просвѣщенныхъ Маниловыхъ, то, безъ сомнѣнія, они не замедлятъ искоренить всяческое зло и водворить повсюду правду, законъ и порядокъ.

Ко всему этому надо присовокупить еще то важное соображеніе, что, при общей неразвитости образованной среды, самыя условія жизни ея не очень-то благопріятствовали тому, чтобы новыя идеи особенно глубоко проникали въ нее, утверждались въ ней и развивали ее. Здѣсь невольно припоминается всѣмъ извѣстная притча о сѣятелѣ и о различныхъ почвахъ, на которыя попадало сѣмя его. Надо признаться, что почва, на которую попреимуществу падали сѣмена литературной мысли въ сороковые годы, была самая неблагопріятная. Это была такая среда, которая, по свойству своего быта и по всѣмъ наслѣдственнымъ качествамъ, должна была отнестись къ новымъ идеямъ враждебно, потому что эти идеи, въ концѣ концовъ, сводились къ отрицанію самого ея существованія. Если-же она и увлекалась этими идеями, то увлекалась легкомысленно, поверхностно, ради забавы, такъ какъ вся жизнь ея была рядомъ забавъ и развлеченій отъ скуки и бездѣлья. Все это увлеченіе сводилось на то, чтобы въ сумерки, между обѣдомъ и картами, потолковать о Мальтусѣ и о матеріяхъ важныхъ. А чуть встрѣчался мало-мальски серьезный человѣкъ, видѣвшій въ литературныхъ идеяхъ вопросы жизни, а не праздной забавы, среда эта тотчасъ-же начинала открещиваться отъ этихъ идей, и оказывалось тогда, что единственные вопросы, которые могутъ ее серьезно занимать—это вопросы объ итальянской оперѣ, преимуществахъ французской кухни передъ англійскою и о томъ, что предпочтительнѣе — страстность брюнетки или нѣжность блондинки.

При всѣхъ этихъ условіяхъ понятно, что едва сошли съ литературнаго поприща передовые и лучшіе дѣятели сороковыхъ годовъ, и отъ всего того движенія идей, которое мы разсматривали въ цѣломъ рядѣ предшествовавшихъ главъ, не осталось, повидимому, и слѣда. Этого мало сказать, что движеніе было остановлено, парализовано; нѣтъ: оно было словно отброшено назадъ къ концу тридцатыхъ и началу сороковыхъ годовъ.

Когда въ нашей литературѣ говорятъ о тѣхъ мрачныхъ и глухихъ годахъ, которые послѣдовали за 1848 годомъ, то характеризуютъ обыкновенно только одну сторону реакціи: такъ, описываютъ тотъ страхъ, какой обуялъ все общество и воцарилъ повсюду мертвое молчаніе, описываютъ, какъ люди говорили шепотомъ о вещахъ самаго невиннаго свойства, въ родѣ того, что будочникъ ограбилъ прохожаго, какъ цензура дошла до такой строгости, что вымарала вольный духъ изъ поваренной книги, какъ ограничили число студентовъ въ университетахъ до 300 человѣкъ, и носились слухи о совершенномъ закрытіи университетовъ, какъ по всѣмъ мужскимъ заведеніямъ вводили маршировку и пр. и пр. Но при этомъ опускаютъ совершенно другую сторону той-же реакціи—реакцію самого общества, происшедшую вслѣдствіе той причины, что, по выбытіи изъ строя людей передоваго движенія мысли, общество, не успѣвшее еще догнать этихъ людей, осталось при идеяхъ, давно уже разбитыхъ и отвергнутыхъ литературой сороковыхъ годовъ.

Въ самомъ дѣлѣ, нельзя, конечно, пенять на литературу, что въ пятидесятые годы она не могла ясно и прямо высказывать взгляды, какіе проповѣдывались въ петербургскихъ журналахъ сороковыхъ годовъ, но, вѣдь, никто-же не могъ заставить литературу проповѣдывать взгляды противоположные. А между тѣмъ, мы именно видимъ это въ литературѣ пятидесятыхъ годовъ.

Такъ, въ критикѣ снова воцарилась теорія чистаго искусства и метафизическая эстетика. Мы не будемъ уже говорить о „Москвитянинѣ", гдѣ царствовалъ Ап. Григорьевъ и на основаніи идей чистаго искусства ликовалъ о кончинѣ натуральной школы, этой, по его мнѣнію, литературѣ заднихъ дворовъ и грязныхъ подваловъ, которая умышленно представляла жизнь въ мрачномъ видѣ, вслѣдствіе раздраженнаго самолюбія писателей этой школы. „Москвитянинъ" былъ журналъ, отпѣтый еще во времена Бѣлинскаго. Но и въ петербургскихъ журналахъ — „Отечественныхъ Запискахъ" и „Современникѣ" — критика приняла тоже исключительно эстетическое направленіе. Въ обоихъ журналахъ помѣщались скучныя, сухія статьи, трактовавшія о художественныхъ достоинствахъ стихотвореній Фета, Тютчева и Ап. Майкова. Выходила повѣсть Тургенева, романъ Хвощинской, комедія Островскаго, и тотчасъ-же въ каждомъ журналѣ слѣдовала казенная рецензія, монотонно пересказывающая содержаніе произведенія, отмѣчающая и перепечатывающая лучшія и наиболѣе художественныя мѣста, затѣмъ, дѣлающая ни на чемъ не основанныя замѣчанія о томъ, что тотъ или другой характеръ не выдержанъ, та или другая сцена излишня и т. п. И все это совершенно произвольно, случайно, безъ всякихъ руководящихъ идей. Читая рецензіи въ двухъ-трехъ журналахъ о какой-нибудь комедіи Островскаго, вы можете думать и соображать, сколько угодно времени, и ни за что не догадаетесь, на какомъ основаніи эта комедія въ одномъ журналѣ расхвалена, въ другомъ признана слабою, почему критику показалось вдругъ, что „Бѣдная невѣста" лучше или хуже, чѣмъ „Свои люди сочтемся"... Въ тридцатые годы подобныя произвольныя сужденія въ петербургскихъ журналахъ легко объясняются личностями и обиженными самолюбіями, и вамъ стоитъ заглянуть за кулисы литературной жизни, чтобы сейчасъ-же для васъ стало ясно, на какомъ основаніи рецензентъ расхвалилъ или охаялъ автора; въ сороковые-же годы сужденія критики были еще произвольнѣе, потому что очень часто не основывались рѣшительно ни на чемъ, хотя бы даже и на личностяхъ. Въ самомъ дѣлѣ, какую-же личность могъ имѣть рецензентъ къ „Бѣдной невѣстѣ", ставя ее выше или ниже „Своихъ людей"? Здѣсь, очевидно, разгуливалъ на просторѣ вышедшій изъ всякихъ границъ произволъ чистой эстетики.

Что-же, какъ не подобный произволъ заставилъ неизвѣстнаго рецензента „Отечественныхъ Записокъ" признать въ повѣстяхъ Хвощинской, кромѣ всѣхъ другихъ достоинствъ, какой-то еще особенный поэтическій колоритъ или ароматъ, который, будто бы, давно уже не встрѣчался въ русскихъ повѣстяхъ?

Понятно, что подъ вліяніемъ такой безпутной критики, и беллетристика пятидесятыхъ годовъ, въ свою очередь, блуждала въ потемкахъ. Большинство беллетристовъ пятидесятыхъ годовъ были совершенно дѣтьми толпы. Движеніе сороковыхъ годовъ вызвало ихъ на литературное поприще, направило ихъ поэтическую дѣятельность, возбудяло въ нихъ многіе тревожные вопросы; но оно прекратилось, когда они только-что начинали мыслить, и передовыя идеи, результаты этого движенія, остались для нихъ недоступны. Одни изъ нихъ, каковы, напримѣръ, Гончаровъ, Писемскій, Достоевскій, остались всецѣло въ первомъ періодѣ мышленія на почвѣ преданія и авторитета; про нихъ смѣло можно сказать, что сороковые годы не смутили ихъ младенческой невинности и мысль ихъ осталась въ полной неприкосновенности на степени міросозерцанія тридцатыхъ годовъ. Другіе-же восприняли кое-какіе обрывки изъ идей сороковыхъ годовъ. Такъ, напримѣръ, Авдѣевъ увлекся идеей женской эмансипаціи, но понялъ ее въ узкомъ смыслѣ эмансипаціи одной чувственности. Григоровичъ изъ всего движенія сороковыхъ годовъ вынесъ единственное новое для него убѣжденіе, что и мужики могутъ такъ-же любить и страдать, какъ и дворяне. Развѣ только про одного Тургенева можно сказать, что сороковые годы задѣли мысль его сильнѣе, чѣмъ прочихъ современныхъ ему беллетристовъ, по крайней мѣрѣ, онъ дошелъ въ своемъ развитіи до періода метафизики и рефлексій. Но и онъ остановился въ самомъ началѣ этого періода на такомъ еще распутьи, что вы и не разберете, къ которому пункту онъ ближе—къ тому-ли, куда движеніе сороковыхъ годовъ его направило, или къ тому, изъ котораго онъ вышелъ. То вы встрѣтите въ его произведеніяхъ порывы къ свободѣ, къ счастью, къ земнымъ положительнымъ наслажденіямъ, то вдругъ огорошитъ онъ васъ мрачнымъ, аскетическимъ вопросомъ, словно выхваченнымъ изъ „Переписки съ друзьями" Гоголя, въ родѣ того, что имѣемъ-ли мы право на жизнь и не есть-ли преступленіе уже то, что мы живемъ. То онъ смѣло рушитъ всѣ узкіе семейные предразсудки и перегородки, возвеличивая передъ вами Елену въ „Наканунѣ" или Наталью въ „Рудинѣ", которыя готовы пренебречь мнѣніемъ свѣта, принужденіями родныхъ и, разорвавши со всѣмъ старымъ, ринуться вслѣдъ за Рудинымъ и Инсаровымъ на широкій просторъ жизни; то вдругъ онъ пускается въ томительныя рефлексіи, въ этихъ самыхъ порывахъ къ свободѣ, счастію и широкому простору жизни видитъ что-то преступное, ему мерещится какой-то роковой предѣлъ, перейдя за который непремѣнно должны слѣдовать тоска по всему милому старому, болѣзненная сердечная боль вслѣдствіе разрыва съ нимъ, угрызенія совѣсти и призраки всякаго рода. Въ этомъ отношеніи Тургеневъ остался романтикомъ въ истинномъ смыслѣ этого слова. Въ тоже время вы не разберете, принадлежитъ-ли онъ къ славянофиламъ или западникамъ. Въ этомъ отношеніи онъ дѣлитъ судьбу со всѣми прочими людьми своего вѣка, Бѣлинскимъ, Грановскимъ и пр., стоя на распутьи между Петербургомъ и Москвой и не зная, въ какую сторону направить путь. Такъ, въ „Дымѣ", напримѣръ, онъ смѣется надъ славянофилами, надъ поисками народности въ искусствѣ, говоря, что единственнымъ побудительнымъ словомъ для насъ должно быть слово—цивилизація, и выражая мысль, что въ этомъ словѣ цивилизація образцомъ для насъ до сихъ поръ служитъ Европа; въ Рудинѣ-же онъ высказываетъ наоборотъ, что *внѣ народности ни художества, ни истины, ни жизни, ничего нѣтъ* и проч.

Что касается Островскаго, то о міросозерцаніи его трудно судить по его комедіямъ, слишкомъ объектив-

нымъ; біографическихъ-же свѣдѣній о немъ мы никакихъ не имѣемъ, но и у него вы найдете слѣды тѣхъ-же колебаній между Москвой и Петербургомъ. Въ однѣхъ комедіяхъ его тѣ черты стараго патріархальнаго быта, которыя сохранились въ средѣ нашего купечества, представляются вамъ въ самомъ мрачномъ видѣ вполнѣ отрицательно; въ другихъ-же комедіяхъ, какъ, напримѣръ: „Не въ свои сани не садись", или „Грѣхъ да бѣда на кого не живетъ", тотъ-же самый патріархальный бытъ представленъ въ нѣсколько идеальномъ свѣтѣ, въ столкновеніи съ гнилыми элементами нашей жизни, растлѣнными подъ вліяніемъ западной цивилизаціи. По основной идеѣ, вышеупомянутыя комедіи весьма близко сходятся съ тенденціями многихъ повѣстей Кохановской, произведеній, написанныхъ вполнѣ въ славянофильскомъ духѣ.

Далѣе затѣмъ, если спросите, какой эстетической теоріи придерживалось большинство беллетристовъ пятидесятыхъ годовъ, то и на этотъ вопросъ придется дать вамъ самый неопредѣленный отвѣтъ. Повидимому, подъ вліяніемъ движенія сороковыхъ годовъ, они слѣдовали теоріи искусства для жизни; по крайней мѣрѣ, вы видите въ большинствѣ повѣстей и романовъ пятидесятыхъ годовъ попытки провести какой-нибудь взглядъ на изображаемую дѣйствительность, выразить какую-нибудь думу, вопросъ, проанализировать тотъ или другой типъ, то или другое явленіе жизни. Но, вмѣстѣ съ тѣмъ, васъ поражаетъ въ беллетристахъ пятидесятыхъ годовъ полное отсутствіе серьезнаго и глубокаго изученія жизни, стремленія расширять по возможности кругъ своихъ наблюденій и стараться уловить жизнь во всемъ ея безконечномъ разнообразіи и единствѣ этого разнообразія. Напротивъ того, вы видите передъ собою эпикурейцевъ и диллетантовъ, которые рисуютъ вамъ первое, что только подвернется имъ подъ руку, совершенно какъ чистые художники, послѣдователи искусства для искусства. Наведетъ ихъ подмѣченный въ жизни фактецъ на какое-нибудь раздумьице, по большей части исключительно моральнаго свойства—ладно; а не то, не прогнѣвайтесь, выйдетъ передъ вами безцѣльная картинка во фламандскомъ или итальянскомъ вкусѣ. При этомъ надо замѣтить, что такъ-какъ жизнь большинства беллетристовъ пятидесятыхъ годовъ вращалась въ узкомъ и тѣсномъ кругу замкнутой среды, къ которой они принадлежали, такъ-какъ и въ этой средѣ они наблюдали жизнь по преимуществу съ лицевой ея стороны, какъ она проявлялась въ салонахъ, разодѣтая, приглаженная, припомаженная, то можете себѣ представить, какъ узокъ и однообразенъ былъ кругъ образовъ беллетристики пятидесятыхъ годовъ.

Послѣ той пестроты образовъ и типовъ изъ всѣхъ слоевъ жизни, какимъ отличается литература въ эпоху Гоголя, въ сороковые годы, пожалуй, въ началѣ пятидесятыхъ, мало-по-малу беллетристика къ половинѣ пятидесятыхъ годовъ вся сводится на три-четыре типа: типъ лишняго человѣка, фразера или байбака, томной дѣвы, жаждущей любви, да молодой женщины, неудовлетворенной Менелаемъ и жаждущей Париса. Вотъ и всѣ передовые типы, которые разрабатывала беллетристика пятидесятыхъ годовъ.

Началось безконечное повтореніе однихъ и тѣхъ-же романсовъ: „Онъ меня разлюбилъ, онъ меня погубилъ", или „Скажите ей, какъ пламенно и нѣжно", или „Старый мужъ, грозный мужъ" и т. п. Такимъ образомъ, беллетристика вся свелась на анализъ одной только стороны жизни—всевозможныхъ млѣній, воздыханій и терзаній любви. Да и то, какой-же это былъ анализъ? Это было просто изображеніе различныхъ любовныхъ сценъ, исполненное утонченнаго, изящнаго сладострастья, при чемъ писатели, подъ вліяніемъ преобладающей критики, заботившейся только о художественныхъ колоритахъ и ароматахъ, только о томъ и думали, какъ бы превзойти одинъ другого въ изображеніи какого-нибудь сельскаго ландшафта, свиданія при блескѣ луны, женской прелести и граціи и тому подобныхъ художественныхъ принадлежностей, нисколько, если хотите, не лишнихъ, но въ которыя нерѣдко уходилъ весь художникъ, полагая на нихъ всю сущность своего произведенія и забывая за ними о болѣе серьезныхъ и высокихъ цѣляхъ искусства.

Рядомъ съ критикой и беллетристикой—сдѣлала нѣсколько шаговъ назадъ и наука. Въ сороковые годы, въ университетахъ читалась философія и не было ни одного передоваго талантливаго ученаго и профессора, которые не старались бы обобщить философскими идеями изучаемые ими факты и въ то-же время популяризировать свою науку. Это было время публичныхъ чтеній и общихъ курсовъ, показывающихъ, что ученые сороковыхъ годовъ не запирались отъ толпы, не корчили изъ себя таинственныхъ адептовъ высшаго знанія, доступнаго только для немногихъ; они спѣшили подѣлиться съ толпой своими знаніями и въ то-же время связать, такъ или иначе, свою науку съ жизнью. Однимъ словомъ, это было время Грановскаго, который, приготовляясь къ каѳедрѣ, уже додумался до тщеты для русскаго профессора забиваться въ мелочную разработку фактовъ; это было время появленія статей: „Буддизмъ въ наукѣ", „Цехъ ученыхъ", „Писемъ объ изученіи природы".

Въ пятидесятые годы обо всемъ этомъ движеніи науки къ толпѣ, къ жизни какъ будто исчезло всякое и преданіе. Снова ученые и профессора замкнулись въ непроницаемые цехи, снова сухая, мелочная, схоластическая разработка мелкихъ фактиковъ сдѣлалась единственнымъ содержаніемъ науки и снова всплыла наверхъ, казалось бы, давно уже потопленная теорія чистой науки.

Здѣсь мы можемъ позволить себѣ прибѣгнуть къ нашимъ личнымъ воспоминаніямъ и присовокупить, что безъ ужаса мы не можемъ вспомнить объ этомъ времени, когда почти вся учащаяся молодежь состояла изъ зубрилъ, не думавшихъ ни о чемъ другомъ, какъ только о скорѣйшемъ окончаніи курса и о полученіи аттестата, и изъ студентовъ занимающихся, подъ которыми разумѣлись ученые юные-старцы. Это были несчастные аскеты, которые чуть что не съ пятнадцати лѣтъ, съ шестаго класса гимназіи, прямо съ Смарагдова и Зеленецкаго, когда въ головѣ ихъ не успѣвало еще образоваться двухъ-трехъ связныхъ мыслей, уже избирали какую-нибудь узенькую спеціальность, и блѣдные, изнеможенные, вѣчно сосредоточенные въ

себя, въ свою глубокую ученость, просиживали дни и ночи надъ фоліантами, составляя словарь какой-нибудь лѣтописи или сличая различные варіанты какого-нибудь римскаго писателя. Профессора, въ свою очередь, поощряли въ молодыхъ ученыхъ такія занятія. Студентъ не составилъ еще никакого связнаго понятія объ общемъ историческомъ ходѣ развитія человѣчества или о царствахъ животныхъ, а ему уже совѣтывали спеціально заняться изслѣдованіемъ салическихъ законовъ, государственнаго устройства Іерусалимскаго королевства или какого-нибудь отряда насѣкомыхъ. Общество, не додумавшееся до идей сороковыхъ годовъ или забывшее ихъ, въ свою очередь, съ благоговѣніемъ смотрѣло на подобную ученость, и чѣмъ спеціальнѣе, уже, чѣмъ непонятнѣе для толпы являлось ученое изслѣдованіе, тѣмъ болѣе внушало оно уваженія. Подобное поклоненіе чистой и спеціальной учености проникло даже въ журнальную литературу. Толстые журналы тѣмъ болѣе внушали уваженія къ себѣ, чѣмъ болѣе наполнялись сухими, ни для кого неинтересными и никому непонятными спеціально-учеными статьями. Уже около половины пятидесятыхъ годовъ на „Современникъ" начали смотрѣть съ нѣкоторымъ презрѣніемъ, какъ на журналъ пустой и легкомысленный, беллетристическій и фельетонный по преимуществу, хотя и въ немъ встрѣчались порой статьи чисто-ученыя, каковы, напримѣръ: „О русской журналистикѣ прошлаго столѣтія"—статья В. Милютина, или его-же трактатъ объ Алкивіадѣ. Наибольшимъ-же почетомъ за свою ученость славились „Отечественныя Записки". Журналомъ этимъ не брезгали самые записные адепты чистой науки. И еще бы: вся художественная критика и полемика были загнаны въ этомъ журналѣ въ особенный маленькій отдѣликъ, подъ названіемъ „Журналистики". Въ критическомъ-же отдѣлѣ помѣщались статьи въ родѣ изслѣдованія о лѣтописи Якимовской, о русскихъ журналахъ съ 1764 по 1767 годъ, о сказкахъ въ XIII и XIV вѣкахъ и въ особенности объ одной переведенной съ арабскаго языка изъ тысячи одной ночи и проч.

И такъ, вотъ вамъ общая картина состоянія общества и литературы въ половинѣ пятидесятыхъ годовъ.

Полное забвеніе всѣхъ идей сороковыхъ годовъ; возвращеніе къ теоріи чистаго искусства и чистой науки; беллетристика, посвященная интересамъ одного узенькаго кружка образованной среды и, притомъ, изображающая этотъ кружокъ съ одной только стороны тонкихъ ощущеній любви въ разныхъ ея фазахъ и позахъ. А въ обществѣ—или безсмысленное, безсознательное, пошлое прозябаніе, или едва пробудившаяся мысль, путающаяся въ томительныхъ рефлексіяхъ и бросающаяся изъ мрака противорѣчій и сомнѣній всякаго рода то въ мрачный аскетизмъ, то въ поверхностный и легкомысленный эпикуреизмъ чувственныхъ наслажденій и оргій, то въ спеціальную узенькую ученость, то въ такую-же узенькую, эгоистическую практичность. А надъ всѣмъ этимъ возвышался квасной патріотизмъ, возбужденный и раздутый до послѣдней крайности крымскою войной, кричавшій на страницахъ „Сѣверной Пчелы" или „Москвитянина" о забросаніи шапками Европы, гремѣвшій трескучими драмами воскресшаго Кукольника на Александринскомъ театрѣ или воинственными куплетами, перепечатываемыми во всѣхъ журналахъ и возвѣщавшими русской публикѣ о томъ, какъ

Въ воинственномъ азартѣ,
Воевода Пальмерстонъ
Поражаетъ Русь на картѣ
Указательнымъ перстомъ.

XIV.

Переходъ отъ индивидуально-нравственныхъ идей къ общественнымъ. — Неподготовленность общества къ общественнымъ вопросамъ.—Средневѣковыя точки зрѣнія на реформы. — Статья Пирогова «Вопросы жизни».—Возрожденіе идеи сороковыхъ годовъ.—Значеніе въ этомъ отношеніи петербургскаго университета. — Метаморфоза «Современника». — Статьи «Очерки гоголевскаго періода» и «Лессингъ».— Возбужденіе философскаго броженія въ обществѣ.

Говоря въ предыдущей главѣ, о томъ, что общество не успѣло усвоить себѣ идей сороковыхъ годовъ, мы вовсе не думаемъ этимъ утверждать, чтобы все движеніе сороковыхъ годовъ прошло безслѣдно и не оказало никакого вліянія на общество. Напротивъ того, вліяніе было громадно, только оно заключалось не въ непосредственномъ усвоеніи со стороны общества идей и міросозерцанія, до котораго додумались передовые люди сороковыхъ годовъ, а въ томъ возбужденіи умовъ, какое произвело это движеніе. Хотя общество не дошло до реализма, стоявшаго во главѣ западной мысли, но, во всякомъ случаѣ, и то было большимъ прогрессомъ, что отъ вопросовъ эстетическихъ, которые исключительно занимали образованную среду въ концѣ двадцатыхъ и тридцатыхъ годовъ, движеніе сороковыхъ годовъ привело эту среду къ вопросамъ философскимъ и нравственнымъ, отъ которыхъ одинъ шагъ до вопросовъ чисто общественныхъ. Въ самомъ дѣлѣ, какъ ни элементарны были тѣ идеи о гуманности, о честности, о принесеніи пользы обществу, и хотя, повидимому, это были идеи исключительно индивидуальныя, касающіяся поведенія личности, но едва изъ теоріи онѣ переходили къ практикѣ, тотчасъ-же приводили къ вопросамъ общественнымъ. Человѣкъ, лично стремящійся къ гуманности, честности и принесенію пользы, естественно желалъ, чтобы и всѣ его согражданe стремились къ тому-же, и если онъ вокругъ себя не находилъ этого, то, естественно, онъ дѣлался протестантомъ противъ всѣхъ окружавшихъ его общественныхъ золъ и несовершенствъ. Если-же развитой человѣкъ, кромѣ того, во всѣхъ своихъ гуманныхъ и высокихъ стремленіяхъ постоянно встрѣчалъ отпоръ со стороны не однѣхъ только личностей, поступающихъ вопреки этимъ стремленіямъ, а со стороны самыхъ порядковъ общества и оказывалось, въ концѣ-концовъ, что порядки эти шли совершенно въ разрѣзъ съ стремленіями развитаго человѣка, то естественно было додуматься послѣднему, въ концѣ-концовъ, и до несостоятельности самихъ порядковъ. Положимъ, что не всѣ доходили до такихъ выводовъ; очень многіе, можно сказать, большинство, останавливались на полпути на одномъ перелитіи новаго вина въ старые мѣхи, т. е. на мечтахъ о томъ, что, оставивши все по

старому, стоитъ только поставить на старыя мѣста людей новыхъ и развитыхъ; но и подобнаго рода господа этимъ самымъ желаніемъ показывали, что и они недовольны настоящимъ положеніемъ дѣлъ и они желаютъ кое-какихъ перемѣнъ, хотя бы только въ видѣ должностныхъ перемѣщеній...

Этотъ неизбѣжный переходъ отъ идей индивидуально-нравственныхъ къ общественнымъ былъ ускоренъ самымъ ходомъ общественныхъ дѣлъ въ Россіи. Реакція, подавивши движеніе сороковыхъ годовъ, сама явилась невольною возбудительницей общественныхъ идей въ образованной средѣ, своими крайностями обративъ невольное вниманіе общества ко всеобщей безурядицѣ и ускоривъ этимъ переходъ отъ вопросовъ индивидуально-нравственныхъ къ общественнымъ. Всеобщее беззаконіе и произволъ судовъ, безчинства откупщиковъ, поившихъ народъ почти водой, поголовное взяточничество и круговой грабежъ, ожидавшій васъ чуть что не на каждомъ перекресткѣ, обѣдненіе крестьянъ, отягощенныхъ оброками и барщинами, увеличивающееся съ каждымъ годомъ число бѣглыхъ и бродягъ всякаго рода, и неизбѣжные вмѣстѣ съ этимъ разбои по дорогамъ и городамъ. Все это росло crescendo, невольно возбуждая недовольство и ропотъ среди людей самыхъ благонамѣренныхъ и смирныхъ, и дошло, наконецъ, до геркулесовыхъ столбовъ, обнаружившись во всемъ своемъ страшномъ безобразіи въ общей безурядицѣ крымской кампаніи.

Послѣ крымской войны вопросъ о необходимости перестроить всѣ общественные порядки на новый ладъ, произвести безконечный рядъ реформъ, сдѣлался всеобщимъ вопросомъ, возбудившимъ всѣ слои общества, безъ исключенія. Началась эпоха всевозможныхъ обличеній, эпоха шумныхъ ликованій о наступленіи новой эры, о возрожденіи и пр. Трудно придумать такую сторону жизни, такое учрежденіе, такое колесико изъ безчисленныхъ колесъ общественной машины, которыя не возбудили бы вопроса о необходимости чистки, передѣлки, переформировки... Довольно сказать, что отъ государственныхъ вопросовъ первой важности, каковы вопросы объ освобожденіи крестьянъ, земствѣ и гласныхъ судахъ, реформаторскія стремленія проникли даже въ русскую грамматику и возбудили жаркія пренія въ педагогическомъ мірѣ объ изгнаніи изъ алфавита нѣсколькихъ лишнихъ буквъ.

Но, при поднятіи всей этой массы общественныхъ вопросовъ, тотчасъ-же и обнаружилась полнѣйшая неподготовленность общества къ политической жизни, отсутствіе всякаго теоретическаго развитія для правильной и систематической постановки всѣхъ этихъ вопросовъ. Вопросы эти, возбужденные западно-европейскою цивилизаціей, исходили изъ цѣлой системы новаго міросозерцанія, стоявшаго въ Европѣ совершенно въ разрѣзъ съ міросозерцаніемъ старымъ, средневѣковымъ. Между тѣмъ, наша образованная среда приступила къ этимъ вопросамъ, оставаясь, какъ мы говорили уже въ предъидущей главѣ, на почвѣ стараго міросозерцанія, основаннаго на авторитетѣ и преданіи. Вслѣдствіе этого и произошло такое явленіе, что общество видѣло въ массѣ задуманныхъ реформъ не перестройку самой системы общественнаго строя, а рядъ частныхъ мѣропріятій, очень хорошихъ каждое само по себѣ, но не имѣющихъ, въ то-же время, ничего общаго, улучшающихъ бытъ, но ни мало не измѣняющихъ его основаній. Такой взглядъ, положимъ, совершенно соотвѣтствовалъ тѣмъ изъ реформъ, которыя, дѣйствительно, касались различныхъ частностей общественнаго строя, измѣняли однѣ формы его, таковы, напримѣръ, были—уничтоженіе откуповъ, сокращеніе штатовъ, судебная реформа и пр. Но чуть дѣло доходило до реформъ, которыя касались основныхъ началъ общественнаго строя, каковы, напримѣръ, были крестьянская реформа, вопросъ о земствѣ, о воспитаніи, то здѣсь тотчасъ-же и обнаруживалась непроходимая путаница вопросовъ, исходящихъ отъ новаго міросозерцанія съ средневѣковыми системами мышленія. Такъ, напримѣръ, массы кричали о необходимости освобожденія крестьянъ, но въ то-же время, при средневѣковомъ строѣ своей мысли, онѣ привыкли въ крѣпостномъ правѣ видѣть единственное спасеніе общества отъ анархіи и никакъ не могли себѣ представить, чтобы тридцати-милліонное населеніе крестьянъ могло существовать внѣ привычнаго авторитета помѣщичьей власти, оставаясь въ предѣлахъ гражданственности, осѣдлости и мирнаго труда. Крестьяне представлялись имъ не иначе, какъ въ видѣ кровожадныхъ звѣрей, которыхъ стоитъ только выпустить изъ клѣтокъ и они тотчасъ-же разбредутся въ разныя стороны, перестанутъ работать, платить подати, повиноваться властямъ и начнутъ махать топорами во всѣ стороны, проливая безъ всякой нужды моря крови. Подобное дикое понятіе, надо сказать правду, существовало, въ концѣ пятидесятыхъ годовъ, не въ однихъ только кругахъ ретроградовъ и крѣпостниковъ. Даже многіе люди, считавшіеся образованными, либералами, искренно желавшіе освобожденія крестьянъ, и тѣ побаивались всякаго рода анархіи со стороны крестьянъ и заблаговременно принимали разумныя мѣры къ эмиграціи. Изъ подобныхъ опасеній, источникъ которыхъ прямо кроется въ средневѣковомъ строѣ мысли, и происходили различныя нелѣпыя предположенія и гаданія о томъ, какъ бы устроить дѣло такимъ образомъ, чтобы и крестьяне были свободны, и власть помѣщиковъ надъ ними оставалась въ прежней силѣ. Изъ подобнаго-же средневѣковаго міросозерцанія исходили различные проекты выкуповъ, отправлявшіеся прямо отъ средневѣковой точки зрѣнія на крестьянина, какъ на вещь, принадлежавшую помѣщику и которую необходимо купить у него, чтобы выпустить ее на свободу.

Если читатель ближе желаетъ познакомиться съ подобнаго рода взглядами, то онъ можетъ прочитать множество статей объ освобожденіи крестьянъ въ различныхъ журналахъ конца пятидесятыхъ годовъ. Мы-же, съ своей стороны, чтобы нагляднѣе показать нашимъ читателямъ, на какихъ традиціонныхъ точкахъ зрѣнія стояла образованная среда въ началѣ движенія шестидесятыхъ годовъ и какъ велика была путаница взглядовъ, обратимъ вниманіе на знаменитую и, конечно, всѣмъ извѣстную статью Н. И. Пирогова, „Вопросы жизни“, напечатанную въ „Морскомъ Сборникѣ“, въ 23-мъ т. 1856 года. Статья эта знаменита не только тѣмъ, что подняла въ обществѣ и журналистикѣ цѣлый рядъ вопросовъ о воспитаніи, но, кромѣ того, это былъ первый могучій тол-

чекъ, возбудившій общественную мысль и приведшій ее въ сильное движеніе. Статью, мало сказать, что всѣ прочитали: она возбудила послѣ себя огромные толки и споры по всей Россіи, съ нею носились изъ угла въ уголъ, она была перепечатана во многихъ журналахъ. Имя Пирогова, и безъ того извѣстное публикѣ, какъ имя перваго хирурга въ Россіи, сдѣлалось именемъ передоваго мыслителя своего вѣка. Даже студенты петербургскаго университета, собираясь издавать студенческій сборникъ, обратились къ Пирогову подать имъ напутственный совѣтъ въ ихъ предпріятіи. Если Пироговъ считался передовымъ человѣкомъ въ 1856 году, то это показываетъ, что идеи его и въ самомъ дѣлѣ стояли впереди этого времени и масса образованнаго общества другихъ болѣе передовыхъ идей не знала. Посмотримъ-же, что это были за идеи, къ какой системѣ міросозерцанія можно ихъ причислить?

Цѣль статьи Пирогова заключалась въ томъ, чтобы внушить обществу, что воспитаніе должно заключаться не въ узко-утилитарныхъ цѣляхъ, не въ томъ, чтобы приготовлять чиновниковъ, моряковъ, докторовъ, невѣстъ, а въ томъ, чтобы прежде всего приготовить человѣка. Изъ дѣтей, не развитыхъ до степени людей, никогда не выйдетъ хорошихъ и спеціалистовъ; между тѣмъ, кто развился до человѣка, изъ того скорѣе всего можно ждать хорошаго медика, солдата и пр.

Мысль, безъ сомнѣнія, совершенно истинная и внушающая полное сочувствіе. На первый взглядъ всякому читателю можетъ показаться, что въ этой мысли снова воскресаютъ передъ нами сороковые года, потому что въ чемъ-же и заключалось, главнымъ образомъ движеніе сороковыхъ годовъ, какъ не въ томъ, чтобы довести людей изъ непосредственнаго, безсознательнаго существованія до сознанія, что они люди, и внушить имъ стремленіе къ осуществленію высшихъ человѣческихъ идеаловъ.

Но сходство основной мысли статьи Пирогова съ идеями сороковыхъ годовъ чисто-внѣшнее, не идущее дальше общей неопредѣленной фразы. Если-же мы, не ограничиваясь однимъ этимъ внѣшнимъ сходствомъ, захотимъ точнѣе опредѣлить взгляды, изложенные въ статьѣ, то мы увидимъ, что между идеями сороковыхъ годовъ и взглядами Пирогова существуетъ неизмѣримая разница, и это намъ покажетъ, какъ образованная среда, въ лицѣ своего передоваго человѣка, Пирогова, относилась къ идеямъ сороковыхъ годовъ, заимствуя отъ нихъ одну внѣшнюю оболочку и, въ то-же время, вкладывая въ нее содержаніе вполнѣ средневѣковаго качества.

Въ самомъ дѣлѣ, что проповѣдывали сороковые годы? Проповѣдывали они, что прежде всего надо быть людьми. Но какой-же вѣкъ не проповѣдывалъ того-же самаго? Вѣдь и дикарь по своему признаетъ, что надо быть человѣкомъ, понимая подъ этимъ извѣстную долю силы, ловкости, хитрости и тому подобныхъ качествъ, составляющихъ идеалъ дикаря. Что-же понимали подъ словомъ *быть человѣкомъ* сороковые года? А подъ этимъ сороковые года понимали не что иное, какъ то, чтобы каждый человѣкъ принадлежалъ самому себѣ, былъ свободенъ во всѣхъ своихъ мысляхъ, чувствахъ, выборѣ дѣйствій и самыхъ дѣйствіяхъ; чтобы стремленіе къ совершенству было продуктомъ его собственной свободной мысли, а не внушенной извнѣ, не принятой на вѣру; чтобы далѣе затѣмъ, стремленіе къ счастію было его собственною заботой, а не заботой другихъ за него. Подобныя идеи именно и шли въ разрѣзъ со старою системой мышленія и жизни. Эта система была несостоятельна не тѣмъ однимъ, что задавалась исключительно утилитарными цѣлями приготовлять обществу солдатъ, медиковъ, техниковъ, и пр. Сущность этой системы заключалась въ томъ, что человѣкъ не принадлежалъ въ ней самому себѣ, а былъ неотъемлемою собственностью семьи, общины, государства и пр. За него думали одни, о немъ заботились другіе, ему предписывали, сколько имѣть мыслей въ головѣ и какихъ именно, и ужь ни одной мысли лишней онъ не осмѣливался усвоить себѣ сверхъ комплекта, ни одного шагу въ жизни сдѣлать, не положеннаго въ церемоніалѣ его шествія по пути жизни. При такомъ положеніи человѣкъ обращался въ машину не только вслѣдствіе того, что дѣлался узкимъ спеціалистомъ какого-нибудь ремесла, а и потому, что-думалъ, чувствовалъ, дѣйствовалъ не по своей человѣческой иниціативѣ, а сообразно тому, какъ его завели и направили мастера, которые, въ свою очередь, были машинами, имѣющими за собою другихъ мастеровъ высшаго разряда и т. д. Все это было очень, повидимому, стройно, однообразно, размѣренно, но въ то-же время и крайне безжизненно, монотонно, а въ заключеніе всего никуда и негодно, потому что колеса машинъ постоянно ржавѣли, винты разъѣзжались, производить-же починку, очевидно, было бы некому, если бы система эта была доведена до такого совершенства, что не стало бы на свѣтѣ ни одного человѣка, а существовали бы однѣ машины; при такихъ условіяхъ, въ концѣ-концовъ, весь механизмъ или остановился бы, или разъѣхался въ разныя стороны. Но, по счастью, оставалась извѣстная доля людей, не обращенныхъ еще въ машины. Вотъ эти-то люди сначала долгое время пытались чинить и чистить колеса машинъ, но видя, что ничто не помогаетъ, что пока чинишь одну часть механизма, десять другихъ портятся въ это время и приходятъ въ большее еще разстройство, они махнули рукой и начали отвергать самую систему машинообразной жизни. Такое отрицаніе было послѣднимъ результатомъ движенія сороковыхъ годовъ.

Теперь рядомъ съ этимъ разберемъ подробнѣе мысли Пирогова и посмотримъ, какое отношеніе имѣютъ онѣ къ вышеупомянутому взгляду сороковыхъ годовъ на человѣка.

«Вспомнимъ еще разъ — говоритъ Пироговъ въ началѣ статьи—что мы христіане, и, слѣдовательно, главною основой нашего воспитанія служитъ и должно служить Откровеніе.

«Всѣ мы съ дѣтства не напрасно-же ознакомлены съ мыслью о загробной жизни, всѣ мы не напрасно-же должны считать настоящее приготовленіемъ къ будущему.

«Вникая-же въ существующее направленіе нашего общества, мы не находимъ въ его дѣйствіяхъ ни малѣйшаго слѣда этой мысли. Во всѣхъ обнаруживаніяхъ, по крайней мѣрѣ, жизни практической и даже отчасти и умственной, мы находимъ

рѣзко выраженное матеріальное, почти торговое стремленіе, основаніемъ которому служитъ идея о счастіи и наслажденіяхъ въ жизни земной».

Такимъ образомъ, въ самомъ началѣ статьи Пироговъ отвергаетъ весь результатъ мысли XIX вѣка, потому что въ чемъ-же и заключается этотъ результатъ, какъ не въ признаніи за человѣкомъ права стремиться къ положительному счастію и къ наслажденіямъ жизни земной. Мы видѣли въ предшествующихъ главахъ, что передовые люди сороковыхъ годовъ, въ свою очередь, вслѣдъ за Европой признали за человѣкомъ это право. Но Пироговъ стремленіе къ земному счастію считаетъ отступленіемъ человѣка отъ надлежащаго пути; по его мнѣнію, идеальный человѣкъ на настоящее долженъ смотрѣть, какъ на приготовленіе къ будущему и, поэтому, не особенно дорожить благами этого настоящаго... Какая-же это точка зрѣнія, какъ не средневѣковая? Чѣмъ подобныя идеи отличаются отъ взглядовъ, которые вы на каждой страницѣ можете встрѣтить въ „Перепискѣ съ друзьями“ Гоголя?

Отправившись отъ такой архаической точки зрѣнія, Пироговъ развиваетъ свою мысль далѣе и приходитъ къ такому заключенію, что преобладаніе матеріальныхъ стремленій въ обществѣ показываетъ, что общество въ жизни своей все еще находится на степени язычества. Пирогова ужасаетъ радикальный разладъ основного ученія, которое люди держатъ въ своей головѣ, съ ихъ жизнью, не имѣющею никакихъ точекъ соприкосновенія съ этимъ ученіемъ, и онъ грозитъ обществу опаснымъ потрясеніемъ, если не распаденіемъ.

Новая мысль, въ свою очередь, не отвергаетъ этого разлада міросозерцанія массы съ жизнью. Но она въ этомъ разладѣ видитъ прежде всего именно несостоятельность самого міросозерцанія. Это міросозерцаніе старалось всячески исковеркать жизнь, подавить ее ради заоблачныхъ мечтаній, и счастіе еще для человѣчества, что это не удалось: человѣческая природа оказалась слишкомъ упруга и жизнь, прорывая всѣ плотины, постоянно стремилась по своему естественному пути. Новая мысль потому собственно и новая, что она, вмѣсто того, чтобы сѣтовать на жизнь массы, зачѣмъ она идетъ въ разрѣзъ съ міросозерцаніемъ, напротивъ того, сѣтуетъ больше всего на міросозерцаніе, считая его никуда негоднымъ и убѣждая массу бросить его, какъ лишній тормазъ; взамѣнъ-же его, новая мысль предлагаетъ другое міросозерцаніе, болѣе согласное съ основными и естественными стремленіями жизни.

Пироговъ-же съ своихъ средневѣковыхъ точекъ зрѣнія приходитъ къ совершенно противоположнымъ результатамъ:

«Существуетъ—говоритъ онъ только *три* возможности или *три* пути вывести человѣчество изъ этого ложнаго и опаснаго положенія.

«*Или* согласить нравственно-религіозныя основы воспитанія съ настоящимъ направленіемъ общества.

Или перемѣнить направленіе общества.

Или, наконецъ, приготовить насъ воспитаніемъ къ внутренней борьбѣ, неминуемой и роковой, доставивъ намъ всѣ способы и всю энергію выдерживать неравный бой.

«Слѣдовать первымъ путемъ, значило-бы искажать то, что намъ осталось на землѣ святого, чистаго и высокаго. Одна только упругая нравственность фарисеевъ и іезуитовъ можетъ поддѣлываться высокимъ къ низкому и соглашать произвольно вѣчныя истины нашихъ нравственно-религіозныхъ началъ съ меркантильными и чувственными интересами, преобладающими въ обществѣ. Исторія показала, чѣмъ окончилась попытка папизма, подъ личиной іезуитства, ультрамонтановъ и энциклопедистовъ, шедшихъ этою тропой человѣческихъ заблужденій.

«Измѣнить направленіе общества есть дѣло Промысла и времени.

«Остается третій путь. Онъ труденъ, но возможенъ; избравъ его, придется многимъ воспитателямъ сначала перевоспитать себя.

«Приготовить насъ съ юныхъ лѣтъ къ этой борьбѣ, значитъ именно *«сдѣлать насъ людьми»*.

«То-есть, тѣмъ, чего не достигнетъ ни одна наша *реальная школа* въ мірѣ, заботясь сдѣлать изъ насъ, съ *самаго нашего дѣтства*, негоціантовъ, солдатъ, моряковъ, духовныхъ пастырей или юристовъ».

Итакъ, согласовать воспитаніе съ живыми, естественными стремленіями общества къ земнымъ благамъ, ко всеобщему счастію, оставивши въ сторонѣ средневѣковое міросозерцаніе, идущее въ разрѣзъ съ этими живыми и естественными стремленіями, это, по мнѣнію Пирогова, значитъ идти по пути іезуитовъ и энциклопедистовъ. Что общаго могъ найти Пироговъ между іезуитами и энциклопедистами, объ этомъ нужно у него спросить, это остается темною водой во облацѣхъ воздушныхъ... Далѣе, затѣмъ, измѣнить направленіе общества, то-есть, по всей вѣроятности, принудить его отказаться отъ естественныхъ стремленій къ земнымъ благамъ и счастію, это, по мнѣнію Пирогова, дѣло времени и Промысла, значитъ объ этомъ мы не смѣемъ дерзать и думать. Что-же намъ остается дѣлать? Дѣйствовать путемъ воспитанія на молодое поколѣніе, воспитывать изъ него такихъ людей, которые не шли бы за толпой, не увлекались бы стремленіями къ земнымъ благамъ, а оставаясь вѣрными все тому-же міросозерцанію, о которомъ ратуетъ Пироговъ, укрѣплялись бы въ борьбѣ... вы думаете въ борьбѣ съ какимъ-нибудь внѣшнимъ зломъ... нѣтъ, Пироговъ ясно говоритъ вамъ о *роковой борьбѣ внутренней*. Противъ чего-же долженъ бороться внутри себя идеальный человѣкъ Пирогова? спросите вы. Конечно, опять-таки, противъ соблазнительныхъ побужденій къ внѣшнимъ благамъ. Впрочемъ, ниже, Пироговъ очень наглядно и отчетливо обрисовываетъ намъ своего идеальнаго человѣка, котораго должно произвести, по его мнѣнію, идеальное воспитаніе:

«Каковъ долженъ быть юный атлетъ, приготовляющійся къ этой роковой борьбѣ?

«Первое условіе: онъ долженъ имѣть отъ природы хотя какое-нибудь притязаніе на умъ и чувство.

«Пользуйтесь этими благими дарами Творца, но не дѣлайте одаренныхъ безсмысленными поклонниками мертвой буквы, *дерзновитыми противниками необходимаго на землѣ авторитета, суемудрыми приверженцами грубаго матеріализма*, восторженными расточителями чувства и воли и холодными адептами разума».

Итакъ, вотъ вамъ идеальный человѣкъ, котораго рекомендуетъ вамъ Пироговъ въ образецъ! вотъ, по его мнѣнію, какихъ людей должно создавать воспитаніе!

Но развѣ это человѣкъ? спросите вы. Конечно, отвѣтимъ мы, это не человѣкъ, а чистѣйшая машина, въ которой, по мнѣнію Пирогова, должно быть вложено два-три валика ума и чувства, и онъ долженъ на этихъ валикахъ разыгрывать безконечную симфонію о неприкосновенности авторитета, вѣчно маршируя въ предназначенномъ ему кружкѣ, въ блаженной серединкѣ между поклоненіемъ мертвой буквѣ и суемудріемъ грубаго матеріализма, расточеніями чувства и воли и безстрастіемъ холоднаго разума...

Такимъ образомъ Пироговъ, хотя и отправляется, повидимому, отъ громкой фразы новаго чекана *о развитіи человѣка*, но въ то-же время стоитъ все еще на почвѣ средневѣковаго міросозерцанія; подъ развитіемъ человѣка онъ разумѣетъ вовсе не эмансипацію личности, эту дѣйствительно новую идею XIX вѣка, а напротивъ того, пригвожденіе личности къ отвлеченному, мертвому принципу во имя заоблачныхъ фантазій...

Эмансипація личности, индивидуализмъ, обособляетъ личность, даруетъ ей полную свободу идти по какому угодно пути и думать, какъ угодно, лишь бы только, конечно, своею свободой не заѣдать такой-же свободы другихъ; вслѣдствіе этого, индивидуализмъ прямо ведетъ къ разнообразію жизни. Между тѣмъ, подобное разнообразіе совершенно противно средневѣковому міросозерцанію. Подчиняя человѣка внѣшнему отвлеченному принципу, подавляя въ немъ всѣ естественныя стремленія и обезличивая его, средневѣковая мысль о томъ только и заботилась, чтобы все на землѣ пришло къ мертвому, сухому однообразію, чтобы повсюду господствовалъ одинъ и тотъ-же отвлеченный принципъ, и люди, слѣпо повинуясь ему, обратились бы въ машины, марширующія размѣренными шагами, по одному направленію, слушаясь команды и не задаваясь размышленіями, куда они идутъ.

Пироговъ, вѣрный своей средневѣковой точкѣ зрѣнія, не упустилъ изъ виду и этого машиннаго однообразія. Вотъ что говоритъ онъ, между прочимъ, о выгодахъ своего идеальнаго воспитанія:

«Оно (то-есть, воспитаніе) самое удобное и для правительствъ, и для подданныхъ. Для правительствъ потому, что всѣ воспитанники до извѣстнаго возраста будутъ образовываться, *руководимые однимъ и тѣмъ-же направленіемъ, въ одномъ духѣ, съ одною и тою-же цѣлію; слѣдовательно, нравственно-научное воспитаніе всѣхъ будущихъ гражданъ будетъ находиться въ однѣхъ рукахъ*. Всѣ виды, всѣ благія намѣренія правительствъ къ улучшенію просвѣщенія будутъ исполняться послѣдовательно, съ одинаковою энергіей и одновѣдомственными лицами.

«Для подданныхъ потому, что всѣ воспитанники, до вступленія ихъ въ число гражданъ, будутъ дружно пользоваться одинакими правами и одинаковыми выгодами воспитанія».

Послѣ всего этого рѣшительно дѣлается непонятнымъ, противъ чего-же ратуетъ Пироговъ? Задался человѣкъ мыслью, что будто воспитаніе въ Россіи ни о чемъ болѣе не заботится, какъ объ узко-утилитарныхъ цѣляхъ, о приготовленіи разныхъ спеціалистовъ... Но не только-что этого ничего не было въ то время, какъ писалъ Пироговъ свою статью, но, напротивъ, того, воспитаніе въ Россіи было тогда организовано именно въ томъ самомъ духѣ, о которомъ ратуетъ Пироговъ. Правда, существовало въ то время на Руси много всякаго рода спеціальныхъ заведеній—корпусовъ, семинарій и пр., но во всѣхъ этихъ заведеніяхъ не столько заботились о томъ, чтобы выпускать хорошихъ спеціалистовъ, сколько именно о томъ, чтобы приготовлять людей, воспитанныхъ въ духѣ тѣхъ принциповъ, которые Пироговъ ставитъ во главѣ воспитанія... Въ этомъ отношеніи однообразіе воспитанія было доведено до идеальнаго совершенства, превосходящаго мечты Пирогова. Въ результатѣ оказывалось, что выпущенные медики немногимъ болѣе имѣли свѣдѣній въ медицинѣ, чѣмъ выпущенные кадеты, а выпущенные кадеты знали толкъ въ военныхъ наукахъ, можетъ быть, даже менѣе, чѣмъ окончившіе курсъ семинаристы; но за то педагоги заботились всѣми силами, чтобы и медики, и кадеты, и семинаристы, выходили всѣ на одинъ покрой, людьми, пропитанными духомъ тѣхъ средневѣковыхъ принциповъ, о которыхъ такъ горячо заботился нѣкогда блаженной памяти Магницкій и которыми задался вдругъ, ни съ того, ни съ сего, передовой мыслитель пятидесятыхъ годовъ, Пироговъ.

Для довершенія болѣе близкаго знакомства съ взглядами Пирогова, мы выпишемъ еще два мѣста изъ его статьи, мѣста, которыя сами по себѣ, безъ всякихъ комментаріевъ, свидѣтельствуютъ о томъ, съ какими архаическими, допотопными взглядами выступилъ Пироговъ въ своей статьѣ.

Какъ вамъ нравится, напримѣръ, хотя бы такой афоризмъ:

«Все, что есть высокаго, прекраснаго на свѣтѣ, искусство, вдохновеніе, наука, не должно слишкомъ сродняться со вседневною жизнью; оно утратитъ свою первобытную чистоту, выродится и запылится прахомъ».

А вотъ вамъ взглядъ Пирогова на свободу женщинъ:

«Воспитаніе, наряжая, выставляетъ ее (то-есть, женщину) на показъ для зѣвакъ, обставляетъ кулисами и заставляетъ ее дѣйствовать на пружинахъ, такъ, какъ ему хочется. Ржавчина съѣдаетъ эти пружины, а черезъ щели истертыхъ и изорванныхъ кулисъ она начинаетъ высматривать то, что отъ нея такъ бережно скрывали. Мудрено-ли, что ей тогда приходитъ на мысль пробовать самой, какъ ходятъ люди. *Эмансипація, вотъ эта мысль. Паденіе, вотъ первый шагъ. Пусть многое останется ей неизвѣстнымъ. Она должна гордиться тѣмъ, что многаго не знаетъ.* Не всякій врачъ. Не всякій долженъ безъ нужды смотрѣть на язвы общества...

«Если женскіе педанты, толкуя объ эмансипаціи, разумѣютъ одно воспитаніе женщинъ—они правы. Если они разумѣютъ эмансипацію общественныхъ правъ женщины, то они сами не знаютъ, чего хотятъ».

Послѣ всего этого читатель, конечно, станетъ въ недоумѣніе и спроситъ, что-же такъ поразило общество въ статьѣ Пирогова? Система воспитанія, предлагаемая Пироговымъ, не представляла ничего, конечно, новаго ни относительно основнаго принципа воспитанія, ни относительно общественнаго его положенія. Что касается перваго пункта, то Пироговъ предлагалъ поставить во главѣ воспитанія такой принципъ, о которомъ далеко прежде него успѣли уже позаботиться, а относительно общественнаго положенія онъ

проповѣдывалъ все ту-же централизацію воспитанія, которая и безъ того была доведена до nec plus ultra. Но общество такъ мало думало еще о какихъ-нибудь иныхъ принципахъ, кромѣ предложеннаго Пироговымъ, и такъ мало заботились объ общественномъ положеніи воспитанія, что въ этихъ пунктахъ оно и не ждало отъ Пирогова ничего новаго. Для него оказалась неслыханною новостью и такая элементарная мысль, что воспитаніе должно заботиться не о приготовленіи офицеровъ, медиковъ и священниковъ, а о развитіи человѣка, что, поэтому, съ дѣтскихъ лѣтъ обрекать человѣка на какую-нибудь спеціальность, не спросясь его способностей и наклонностей, значитъ коверкать всю его жизнь и пр. Подобныя мысли въ практическомъ ихъ примѣненіи повели къ тому, что большая часть среднихъ учебныхъ заведеній, прежде казавшихся спеціальными, были преобразованы такъ, чтобы они казались общеобразовательными; спеціальныя-же заведенія начали устроиваться для юношей, окончившихъ уже курсы среднихъ учебныхъ заведеній и способныхъ сознательно избирать дорогу. Въ теоретическомъ-же отношеніи мысль о необходимости развитія прежде всего человѣка естественно повела къ вопросу: что-же это значитъ развить человѣка? значитъ-ли это то, что предполагаетъ Пироговъ или что-нибудь другое?

Мы не знаемъ, какъ рѣшило бы общество этотъ вопросъ и скоро-ли бы оно, предоставленное само себѣ, дошло въ этомъ рѣшеніи до какихъ-нибудь болѣе новыхъ и болѣе основательныхъ взглядовъ, чѣмъ тѣ, которые мы встрѣтили въ статьѣ Пирогова. Не знаемъ также, далеко-ли пошло бы общество во всѣхъ задуманныхъ реформахъ при своемъ средневѣковомъ строѣ мысли. Но движеніе при самомъ своемъ началѣ осложнилось весьма важнымъ элементомъ — именно возрожденіемъ идей сороковыхъ годовъ и быстрымъ развитіемъ въ большой массѣ общества того философскаго процесса, который былъ уже пройденъ предшествовавшимъ поколѣніемъ въ сороковыхъ годахъ. Въ предъидущей главѣ, сравнивая реакцію пятидесятыхъ годовъ съ подобною-же ей реакціей двадцатыхъ годовъ, мы не упоминали объ одномъ весьма существенномъ различіи между ними. Дѣло въ томъ, что когда люди двадцатыхъ годовъ сошли съ своего поприща, отъ нихъ остались одни темныя преданія, и поколѣніе тридцатыхъ годовъ начало путь умственнаго развитія почти снова, не имѣя за собою никакихъ наставниковъ сзади и получивши отъ своихъ предшественниковъ самое скудное наслѣдство. Между тѣмъ, отъ сороковыхъ годовъ осталась богатая литература, въ которой отразилось все философское движеніе этой эпохи. Литература эта была почти забыта во время пятидесятыхъ годовъ. Но, все-таки, она оставалась; были и люди, которые помнили о ней, держали ее въ головѣ или развивались по ней. И замѣчательно при этомъ, что подобно тому, какъ въ тридцатые годы философское движеніе началось по преимуществу въ кружкахъ московскаго университета, такъ теперь исходомъ движенія послужилъ петербургскій университетъ. Въ тѣсныхъ кружкахъ его идеи сороковыхъ годовъ сохранились во всѣхъ тѣхъ результатахъ, до какихъ дошла мысль младшаго поколѣнія сороковыхъ годовъ, и мало того, получили дальнѣйшее развитіе, болѣе глубокое и основательное.

Въ журналистикѣ воскресителемъ и распространителемъ идей сороковыхъ годовъ явился „Современникъ“, который, въ половинѣ пятидесятыхъ годовъ обновился новыми и молодыми силами и всталъ сразу на ту высоту, на которой была журналистика въ исходѣ сороковыхъ годовъ. Такъ, журналъ этотъ явился приверженцемъ реальной эстетики, отвергавшей ученіе метафизиковъ о преимуществѣ образовъ искусства передъ образами дѣйствительности, и въ то-же время врагомъ чистаго искусства и чистой науки. Въ концѣ 1855 года, въ „Современникѣ“ начался рядъ статей, извѣстныхъ подъ заглавіемъ „Очерки гоголевскаго періода“, имѣвшихъ спеціальную цѣль познакомить публику съ литературно-философскимъ движеніемъ сороковыхъ годовъ и показать значеніе двухъ главныхъ представителей этого движенія — Гоголя и Бѣлинскаго.

Хотя реакція миновала уже въ концѣ 1855 года, а тѣмъ болѣе въ 1856 году, но какъ сильно было ея обаяніе и неуспѣвшее еще разсѣяться впечатлѣніе, это мы можемъ судить по содержанію „Очерковъ“. Хотя авторъ ихъ, очевидно, понималъ всю сущность и значеніе движенія сороковыхъ годовъ и отлично зналъ, что движеніе это заключалось не въ одной смѣнѣ литературныхъ школъ и критическихъ принциповъ, а было движеніемъ въ то-же время философско-нравственнымъ, приведшимъ передовыхъ людей къ вопросамъ соціальнымъ, пробудившимъ въ нихъ общественные интересы, тѣмъ не менѣе, мы видимъ, что авторъ былъ принужденъ вдвинуть свое обозрѣніе въ тѣсную рамку вопросовъ литературно-эстетическихъ. Онъ не могъ даже рѣшиться назвать свое обозрѣніе прямымъ именемъ—въ родѣ „философское движеніе идей въ сороковыхъ годахъ“ или „о значеніи Бѣлинскаго и его вѣка“, а назвалъ вѣкъ этотъ вѣкомъ Гоголя и придалъ своему обозрѣнію такой видъ, какъ будто оно имѣло въ виду ничего болѣе, какъ показать эстетическое значеніе литературной школы Гоголя и отношеніе къ этой школѣ различныхъ критиковъ. Довольно сказать, что въ обозрѣніи, имѣвшемъ спеціальною своею цѣлью показать публикѣ значеніе Бѣлинскаго и познакомить публику съ его идеями, авторъ долго не могъ рѣшиться назвать по имени то самое историческое лицо, съ которымъ онъ взялся познакомить публику. Такъ, въ первой статьѣ, упоминая о Бѣлинскомъ, онъ называетъ его не иначе, какъ авторомъ статей о Пушкинѣ; критику его называетъ глухо критикой гоголевскаго періода, центромъ которой были „Отечественныя Записки“, а въ другомъ мѣстѣ говоритъ, что только-что высказанное мнѣніе о Гоголѣ извлечено имъ изъ статьи „О русской повѣсти и повѣстяхъ Гоголя“, напечатанной ровно двадцать лѣтъ тому назадъ въ „Телескопѣ“, 1835 г., часть XXVI, и принадлежащей автору „статей о Пушкинѣ“. И только въ шестой уже статьѣ (напечатанной въ іюльской книжкѣ 1856 года) авторъ рѣшается впервые упомянуть имя Бѣлинскаго, сказать прямо, что главнымъ дѣятелемъ критики гоголевскаго періода былъ Бѣлинскій. Но и этого еще всего мало: говоря о критикѣ Бѣлинскаго, о его идеяхъ, дѣлая множество выпи-

сокъ и извлеченій изъ его статей, авторъ не рѣшается, въ то-же время, высказать прямо главной и основной своей мысли, которая должна бы была проникать собою все обозрѣніе, именно той мысли, что вѣкъ Бѣлинскаго имѣетъ много общаго съ вѣкомъ философскаго движенія въ Германіи въ XVIII столѣтіи и что роль Бѣлинскаго въ этомъ вѣкѣ напоминаетъ собою роль Лессинга. Для того, чтобы выразить эту мысль, авторъ принужденъ былъ параллельно съ „Очерками гоголевскаго періода“ печатать трактатъ о Лессингѣ, и въ этомъ уже трактатѣ, въ предисловіи, онъ дѣлаетъ темные намеки на сходство эпохи Бѣлинскаго съ эпохой Лессинга. Такъ, онъ говоритъ, что, по большей части, доля литературы въ историческомъ процессѣ, никогда не бывая совершенно маловажна, обыкновенно бывала и вовсе не такъ значительна, чтобы заслуживать особеннаго вниманія, что литература почти всегда имѣла для развитія человѣческой жизни только второстепенное значеніе. Но далѣе онъ замѣчаетъ, что бывали и свои исключенія изъ этого порядка, хотя ихъ и очень немного, бывали случаи, когда литература являлась дѣйствительно главною двигательницей историческаго развитія. Нѣмецкая литература послѣдней половины прошедшаго и первыхъ годовъ нынѣшняго вѣка, по мнѣнію автора, есть одна изъ самыхъ важныхъ между этими рѣдкими явленіями. Отъ начала дѣятельности Лессинга до смерти Шиллера (до завоеванія Западной Германіи Наполеономъ, законодательства Штейна въ Пруссіи и до распространенія философіи—явленій, которыя овладѣваютъ послѣдующимъ развитіемъ нѣмецкаго народа), въ теченіи пятидесяти лѣтъ, развитіе одной изъ величайшихъ между европейскими націями, будущность странъ отъ Балтійскаго до Средиземнаго Моря, отъ Рейна до Одера, опредѣлялась литературнымъ движеніемъ. Участіе всѣхъ остальныхъ общественныхъ силъ и событій въ національномъ развитіи должно назвать незначительнымъ сравнительно съ вліяніемъ литературы. Ничто не помогало въ то время ея благотворному дѣйствію на судьбу нѣмецкой націи; напротивъ, почти всѣ другія отношенія и условія, отъ которыхъ зависитъ жизнь не благопріятствовали развитію народа. Литература одна вела его впередъ, борясь съ безчисленными препятствіями...

Представляя въ такомъ видѣ значеніе нѣмецкой литературы прошлаго столѣтія, авторъ далѣе высказываетъ рядъ намековъ, что и у насъ былъ періодъ, въ который литература имѣла такое-же значеніе. Но до какой степени темны и уклончивы эти намеки—объ этомъ можно судить по тому, что авторъ не рѣшается не только назвать прямо, о какомъ періодѣ русской литературы онъ говоритъ, но старается, по возможности, замаскировать даже тотъ фактъ, что онъ дѣлаетъ какія бы то ни было сближенія. Такъ, по его мнѣнію, еслибы не вышелъ изъ моды старый и, въ сущности, вовсе не безполезный обычай объяснять въ предисловіяхъ къ сочиненіямъ, трактующимъ объ ученыхъ предметахъ, какую пользу приноситъ вообще знаніе, какую пользу въ частности приноситъ знаніе того предмета, о которомъ трактуется въ этомъ сочиненіи, и какую пользу въ особенности принесетъ знаніе этого предмета тѣмъ читателямъ, для которыхъ назначается это сочиненіе, еслибы не вышелъ изъ моды этотъ старый обычай, тогда авторъ долженъ былъ бы сказать что-нибудь о той особенной пользѣ, какую можемъ извлечь мы, русскіе, изъ знакомства съ судьбами нѣмецкой литературы временъ Лессинга, Шиллера и Гёте. Еслибы не вышелъ также изъ моды другой старый добрый обычай—проводить параллели между сходными явленіями въ исторіи различныхъ народовъ, то авторъ могъ бы также отыскать нѣкоторыя занимательныя аналогіи между положеніемъ нѣмецкой литературы того времени и *положеніемъ нѣкоторыхъ другихъ литературъ въ другія времена.* Наконецъ, еслибы не вышли изъ моды „Разговоры въ царствѣ мертвыхъ“, то авторъ могъ бы выставить Лессинга, разговаривающаго, напримѣръ, съ Пушкинымъ и Гоголемъ въ Елисейскихъ поляхъ: Лессингъ разспрашивалъ бы Пушкина и Гоголя о русской литературѣ и, въ свою очередь, сообщалъ бы имъ различныя замѣчанія о литературѣ вообще.

Все это наглядно показываетъ, что движеніе сороковыхъ годовъ даже въ 1856 году представлялось еще чѣмъ-то такимъ, о чемъ въ печати нельзя было говорить прямо и открыто, не прибѣгая къ темнымъ и уклончивымъ намекамъ. Но, тѣмъ не менѣе, вышеозначенныя статьи — „Очерки гоголевскаго періода“ и „Лессингъ“—произвели сильное вліяніе на общество особенно на молодое поколѣніе. И прежде статьи Бѣлинскаго, особенно о Пушкинѣ, кое-кѣмъ перечитывались, теперь-же старые журналы сороковыхъ годовъ рѣшительно вошли въ моду. Статьи передовыхъ дѣятелей сороковыхъ годовъ выдирались изъ нихъ, переплетались въ отдѣльные сборники, перечитывались, переписывались. Снова началось сильное философское броженіе, заключающееся въ ломкѣ всѣхъ старыхъ допотопныхъ, средневѣковыхъ идей, преданій, предразсудковъ. Процесъ этого броженія совершался тѣмъ быстрѣе, что, съ одной стороны, онъ овладѣлъ, по большей части, молодыми свѣжими умами, не окрѣпшими еще въ привычкахъ къ старымъ и отжившимъ идеямъ; съ другой стороны, эти молодые и свѣжіе умы, находя въ предшествовавшей литературѣ сороковыхъ годовъ готовое разрѣшеніе многихъ философскихъ вопросовъ, были избавлены отъ необходимости и трудности доходить своимъ собственнымъ умомъ до этого рѣшенія; наконецъ, втретьихъ, съ этой эпохи началось знакомство русской публики съ послѣдними результатами западной мысли уже не въ видѣ однихъ туманныхъ изложеній этихъ результатовъ русскими писателями, а въ видѣ переводовъ на русскій языкъ трактатовъ западныхъ мыслителей, такъ что русская публика могла, наконецъ почерпать новыя идеи изъ самыхъ ихъ источниковъ. Сначала эти переводы были рѣдки и распространялись по преимуществу въ рукописномъ видѣ; потомъ они, мало-помалу, составили громадную отрасль печатной литературы, далеко превзошедшую бѣдную отрасль отечественной литературы, какъ въ количественномъ, такъ и въ качественномъ отношеніи.

Но вышеозначенными двумя элементами, то-есть, возбужденіемъ общественныхъ реформъ и философскимъ броженіемъ, еще не исчерпывается движеніе

шестидесятыхъ годовъ. Оно осложнилось, кромѣ всего этого, еще и третьимъ явленіемъ, игравшимъ немаловажную роль въ этомъ движеніи. Объ этомъ явленіи и будетъ рѣчь въ слѣдующей главѣ.

XV.

Вліяніе движенія сороковыхъ годовъ на умственное развитіе непривиллегированныхъ классовъ.—Появленіе новаго нравственнаго идеала въ концѣ пятидесятыхъ годовъ и его соотвѣтствіе съ средой образованнаго пролетаріата.—Два различныя отношенія къ этому идеалу въ эпоху движенія шестидесятыхъ годовъ.—Добролюбовъ, какъ представитель новаго идеала.—Характеръ дѣтства Добролюбова.—Привязанность его къ матери.—Ученіе дома и въ семинаріи.—Страсть къ авторству.—Аскетизмъ.—Романтическія мечты и порывы.— Разочарованіе въ нихъ и обращеніе къ дѣйствительности.—Поступленіе въ педагогическій институтъ.—Характеръ институтской жизни Добролюбова и первые проблески новаго идеала.—Новые удары жизни.—Ожесточеніе.—Окончательное развитіе новаго идеала. — Писаніе романа.—Внутреннія тревоги и колебанія.

Мы имѣли уже случай замѣчать въ нашемъ трудѣ о той аналогіи, какая постоянно существуетъ между идеальнымъ типомъ даннаго вѣка и характеромъ той среды, въ которой въ этотъ вѣкъ сосредоточивается умственное движеніе. Такъ, мы видѣли, что пока умственное движеніе сосредоточивалось преимущественно въ кругахъ великосвѣтскаго общества, героемъ времени былъ изящный денди, съ внѣшнимъ лоскомъ европейскаго образованія, поверхностно усвоившій нѣсколько послѣднихъ идеекъ, смотрящій на всѣхъ и все съ высокомѣрнымъ презрѣніемъ и легкомысленно надо всѣмъ смѣющійся, пресыщенный всевозможными излишествами, скучающій и разочарованный не столько вслѣдствіе того, чтобы жизнь не давала ему и въ самомъ дѣлѣ никакого содержанія, сколько вслѣдствіе той крайней легкости, съ какою исполнялась всякая его прихоть и все покорялось передъ его титулами и богатствами.

Далѣе, затѣмъ, мы видѣли, что съ передвиженіемъ центра умственнаго движенія изъ великосвѣтскихъ круговъ въ среду несановитаго, провинціальнаго дворянства средней руки, измѣнился и герой времени, отразивши, опять-таки, характеръ той среды, которая въ тридцатыхъ и сороковыхъ годахъ сдѣлалась представительницей умственнаго движенія въ Россіи. Условія жизни этой среды, освобождая людей отъ всякихъ насущныхъ заботъ и энергическихъ усилій въ борьбѣ за существованіе, не давала имъ, однакожь, возможности доходить до такого крайняго пресыщенія, до какого доходили великосвѣтскіе герои предъидущей эпохи. Привиллегированное положеніе ихъ хотя и внушало имъ порядочную долю высокомѣрія въ отношеніи къ низшимъ непривиллегированнымъ классамъ, но въ то-же время высокомѣріе это имѣло свои границы, за которыми люди эти чувствовали себя маленькими и ничтожными смертными, въ виду того большаго свѣта, на который они глядѣли издали и о которомъ тайно вздыхали. Однимъ словомъ, жизнь подставляла къ ихъ устамъ готовую и даровую чашу, но позволяла имъ пить изъ этой чаши потихонько и понемножку, вѣчно смакуя, но никогда не напиваясь до сыта и не доходя до дна чаши. Тишина сельской жизни, скромные, но усладительные ландшафтики вокругъ, вѣчная безпечность, не роскошная, но изящная и, въ то-же время, комфортабельная обстановка, сладкое farniente, наполненное тихими бесѣдами съ другомъ, съ милой, или наслажденіями изящными искусствами—таково было все содержаніе жизни этой среды въ самомъ ея наилучшемъ видѣ. Изъ такой жизни и вышелъ герой сороковыхъ и пятидесятыхъ годовъ въ видѣ Манилова и Обломова, въ одно и то-же время—сентиментальный, женоподобный эпикуреецъ, любитель тихихъ созерцаній, сладкихъ бесѣдъ съ музами, лакомка до гастрономическихъ обѣдовъ, нѣжный селадонъ, млѣющій и тающій передъ обаяніемъ женской красоты и, въ то-же время, безхарактерная тряпица, не способная ни къ малѣйшему напряженію воли.

Въ концѣ пятидесятыхъ годовъ мы видимъ новое перемѣщеніе центра умственнаго движенія въ среду непривилегированнаго мыслящаго пролетаріата, въ классъ разночинцевъ и мѣщанъ, выражаясь оффиціальнымъ языкомъ. Такой переворотъ, въ свою очередь, ознаменовался созданіемъ новыхъ нравственныхъ идеаловъ; на сцену выступили новые герои времени, въ свою очередь выражающіе вполнѣ духъ и характеръ своей среды. Подобное перемѣщеніе центра умственнаго движенія значительно осложнило процессъ общественнаго броженія въ знаменитую эпоху шестидесятыхъ годовъ. Фактъ этотъ заслуживаетъ полнаго вниманія при обозрѣніи этой эпохи. Упустивши его изъ виду, вы не въ состояніи будете понять весьма многихъ явленій, не стоящихъ въ прямой причинной связи ни съ философскими идеями, ни съ общественными вопросами, возбудившими рядъ реформъ.

Этимъ перемѣщеніемъ центра умственнаго движенія эпоха шестидесятыхъ годовъ была обязана, въ свою очередь, движенію сороковыхъ годовъ. Мы говорили въ началѣ нашего трактата, что уже въ двадцатые годы выступили на сцену два могучіе проводника интеллигенціи въ массу общества—журналистика и университеты, и вокругъ этихъ проводниковъ сгруппировалось все умственное движеніе тридцатыхъ и сороковыхъ годовъ. Журналистика и университеты, можно сказать, въ такой-же степени удешевили образованіе и ускорили обращеніе идей въ массахъ общества, на сколько впослѣдствіи желѣзныя дороги ускорили и удешевили обращеніе самихъ массъ въ странѣ. Бѣдный человѣкъ, сынъ мелкаго чиновника, священника, мѣщанина, въ прежніе годы оканчивалъ обыкновенно все образованіе уѣзднымъ училищемъ, семинаріей, гимназіей; теперь онъ, при мало-мальски недюжинныхъ способностяхъ, имѣлъ возможность продолжать свое образованіе въ университетѣ. Права и привилегіи, соединенныя съ университетскими дипломами, еще болѣе усилили движеніе дѣтей изъ непривилегированныхъ классовъ къ университетамъ. Университетъ избавлялъ отъ нищеты, дѣлалъ человѣка изъ жалкаго, пресмыкающагося паріи, передовымъ гражданиномъ, которому открывались всевозможныя карьеры и почести. Литература, въ свою очередь, сдѣлалась доступна для бѣдныхъ классовъ населенія. До двадцатыхъ годовъ передовые люди,

принадлежавшіе преимущественно къ высшимъ слоямъ общества, нерѣдко собирали обширныя библіотеки изъ массы иностранныхъ художественныхъ и философскихъ сочиненій. Но, между тѣмъ, какъ владѣльцы поучались изъ своихъ книгохранилищъ, для грамотныхъ людей изъ бѣдныхъ классовъ общества и то уже было праздникомъ, если въ ихъ среду попадалъ томикъ Ломоносова, Державина, Карамзина, какой нибудь раздирательный романъ Радклифъ или Жанлисъ, переведенный варварскимъ языкомъ и изданный чуть что не на оберточной бумагѣ. Кое-гдѣ ходили по рукамъ разрозненныя книги карамзинскаго „Вѣстника", нумера „Сына Отечества" или какого нибудь „Благонамѣреннаго", но изъ всего этого ничего не выносилось, кромѣ сентиментальныхъ слезъ надъ чувствительными романами, поползновенія составить тетрадочку изъ стихотвореній Жуковскаго и Пушкина, да напыщенной риторики казеннаго патріотизма.

Въ двадцатыхъ и тридцатыхъ годахъ въ средніе, а черезъ нихъ и въ бѣдные классы общества начался наплывъ журналовъ съ энциклопедическимъ характеромъ, съ стремленіемъ познакомить читателей съ результатами европейской науки и мысли. Тѣ самыя политическія и философскія идеи, которыя прежде были закупорены въ библіотекахъ знатныхъ людей, теперь сдѣлались доступными для бѣднѣйшихъ классовъ въ популярныхъ журнальныхъ изложеніяхъ, въ извлеченіяхъ и переводахъ. Бѣдный семинаристъ, гимназистъ, приходскій учитель получили возможность, не зная ни одного иностраннаго языка, не выѣзжая изъ своей глуши, знакомиться съ произведеніями Шекспира и Гете, съ идеями Шеллинга и Гегеля, наконецъ, съ политико-экономическими вопросами, волновавшими Западъ. То возбужденіе мысли, которое мы видѣли въ кружкахъ средняго дворянства въ сороковые годы, неминуемо должно было при такихъ условіяхъ сообщиться и въ слои грамотнаго пролетаріата.

Первоначально, когда процентъ мыслящаго пролетаріата былъ еще ничтоженъ въ средѣ умственнаго движенія и большинство передовыхъ людей принадлежало къ дворянскому кругу, въ литературѣ и жизни естественно преобладали идеалы, сообразные большинству. Въ это время ничтожная горсть мыслящаго пролетаріата, разсѣянная въ видѣ незамѣтныхъ единицъ въ образованной средѣ—увлекалась за большинствомъ и раздѣляла идеалы его, не соображая всей односторонности этихъ идеаловъ и несообразности ихъ съ условіями жизни всякой иной среды, кромѣ той, которая эти идеалы создала. Естественно, что преслѣдованіе идеаловъ, въ концѣ-концовъ исключительно сводящихся на эпикурейское наслажденіе всѣмъ изящнымъ, только и возможно, что при условіи полной обеспеченности, соединенной съ безграничнымъ досугомъ, чуждымъ какихъ-бы то ни было матеріальныхъ заботъ и дрязгъ. Для бѣдняка не было никакой возможности подойти хоть на одинъ куриный шагъ къ такимъ идеаламъ. Едва входилъ онъ въ общество избранниковъ, онъ тотчасъ-же долженъ былъ чувствовать всю несообразность своей особы въ виду идеально изящныхъ существъ, окружавшихъ его, начиная съ своей дурноскроенной и сшитой, часто и обветшалой одежды, со своихъ неловкихъ маперъ и кончая тѣмъ мучительнымъ сознаніемъ, что какъ ни старайся наслаждаться сонатой Бетховена или закатомъ солнца, а все-таки, впереди всего всплываетъ мысль о томъ, что-то завтра придется ѣсть и какъ-бы это устроить, чтобы палецъ не выглядывалъ изъ сапога. Бѣдному человѣку оставалось только чувствовать свое ничтожество и смиряться. Такъ обыкновенно онъ и дѣлалъ, и литература въ сороковыхъ и пятидесятыхъ годахъ была права, выставляя на сцену бѣдняка, не иначе какъ въ видѣ неуклюжаго медвѣдя, застѣнчиваго, робкаго, смиренно сидящаго на кончикѣ стула, говорящаго почти шопотомъ несообразныя вещи и внутренно терзающагося своимъ убожествомъ. Но, по мѣрѣ того, какъ литература сороковыхъ годовъ начала разъяснять, мало-по-малу, сколько ничтожной мишуры въ ложномъ блескѣ тѣхъ избранниковъ, передъ которыми смирялся прежде бѣднякъ, и чѣмъ обусловливается возможность вѣчно и исключительно помышлять объ одномъ изящномъ, бѣднякъ началъ подымать свою голову. Онъ вдругъ почувствовалъ, что онъ, оборванный, неуклюжій, неловкій, стоитъ на неизмѣримой степени выше многихъ изящныхъ существъ, передъ которыми онъ смирялся, выше тѣмъ, во-первыхъ, что совѣсть у него чище, а во-вторыхъ, тѣмъ, что въ то время, какъ они, при всей своей мнимой идеальности, постоянно жалуются на свою безхарактерность, онъ-же, закаленный въ борьбѣ со своею нищетой, чувствуетъ въ себѣ неистощимый родникъ силъ. Но литература сороковыхъ годовъ оказала одну только отрицательную услугу бѣдняку, разубѣдивши его, въ концѣ-концовъ, въ прежнихъ идеалахъ и поставивши его на ноги. Новые-же идеалы бѣднякъ создалъ самъ, сообразно реальнымъ условіямъ своего быта. Это созданіе новыхъ идеаловъ произошло именно въ то время, когда процентъ мыслящаго пролетаріата въ сферѣ умственнаго движенія сдѣлался на столько уже великъ, что самый центръ этой сферы перемѣстился въ среду умственнаго пролетаріата, и среда эта, въ свою очередь, явилась съ идеалами, сообразными условіямъ своего быта и своихъ основныхъ стремленій.

Сообразно новымъ идеаламъ, выступилъ на сцену и новый герой времени. Это былъ уже не прежній эпикуреецъ, эстетикъ и селадонъ; напротивъ того, въ немъ поражали наклонности спартанскаго свойства, доходившія порой до крайностей. Онъ началъ проповѣдывать простоту и безъискуственность въ одеждѣ, жилищѣ, пищѣ; врагъ изнѣженности и лѣни, онъ требовалъ, чтобы человѣкъ былъ закаленъ въ перенесеніи холода и голода, чтобы онъ непрестанно трудился, и энергія его не ослабѣвала ни на минуту въ дѣятельности и борьбѣ. Вмѣсто прежняго поклоненія красотѣ, онъ выше всего поставилъ пользу, общественное благо, требуя, чтобы и наука, и искусство, и литература служили не для личнаго безотчетнаго наслажденія диллетантовъ, а соединялись въ одномъ непреклонномъ стремленіи къ водворенію на землѣ всеобщаго счастія, справедливости и братства. На женщину онъ началъ смотрѣть не какъ на предметъ эпикурейскихъ наслажденій, а какъ на равноправное существо, и онъ проповѣдывалъ образованіе женщинъ не ради только того, чтобы женщина, вслѣдствіе развитія, сдѣлалась

лучшею самкой, а чтобы она могла занять мѣсто въ жизни во всѣхъ отношеніяхъ рядомъ съ мужчиной.

Было бы ошибочно появленіе такого идеала приписывать исключительно одному только новому міросозерцанію, проповѣданному въ сороковыхъ годахъ и возродившемуся въ концѣ пятидесятыхъ. Реальная философія, явившаяся на смѣну метафизикѣ, сама по себѣ не заключаетъ въ себѣ никакихъ нравственныхъ кодексовъ и ограничивается только тѣмъ, что тѣ самые факты, которые метафизика объясняла по своему, она объясняетъ иначе или совсѣмъ отказывается отъ всякихъ объясненій. Такъ, реальная философія показываетъ вамъ, при какихъ условіяхъ жизни являются тѣ или другіе нравственные идеалы, но въ то-же время она не только не предписываетъ вамъ слѣдовать непремѣнно тому идеалу или другому, а напротивъ того, внушаетъ вамъ, что какимъ бы идеаломъ вы ни увлекались отвлеченно, жизнь, все-таки, приведетъ васъ къ такому изъ нихъ, какой сообразенъ съ условіями вашего быта. Сообразно этому положенію реальной философіи, мы и должны искать причинъ появленія новаго нравственнаго кодекса не въ ней самой, а въ условіяхъ жизни той новой среды, которая выступила на сцену умственнаго движенія въ концѣ пятидесятыхъ годовъ. И дѣйствительно, стоитъ только принять въ соображеніе эти условія, мы сейчасъ-же увидимъ, какъ прямо и непосредственно вытекаетъ изъ нихъ новый идеалъ.

Человѣкъ ставитъ на первый планъ и возводитъ въ идеалъ обыкновенно такія свои стремленія, какія преобладаютъ въ его жизни и въ которыхъ онъ видитъ необходимое условіе для поддержанія своего существованія. Естественно, что человѣкъ, обезпеченный отъ всякихъ трудовъ и заботъ, въ разнообразіи и утонченности наслажденій видитъ единственное средство не помереть отъ скуки и онъ привыкаетъ во всемъ искать наслажденія, на все смотрѣть съ этой точки зрѣнія и въ развитіи все болѣе и болѣе утонченныхъ, болѣе и болѣе разнообразныхъ и обаятельныхъ наслажденій, полагать единственный, исключительный принципъ, идеалъ жизни. Столь-же естественно, что ничѣмъ необезпеченный бѣднякъ, принужденный ежеминутно трудиться, чтобы не помереть съ голоду и бороться за свое существованіе, привыкаетъ на первый планъ ставить въ жизни трудъ и борьбу. Стремленіе къ счастью, къ пользѣ, сначала личной, а потомъ подъ впечатлѣніемъ всеобщихъ страданій вокругъ, къ пользѣ общей—вотъ чѣмъ по необходимости бываютъ заняты всѣ его помышленія, и онъ, въ свою очередь, возводитъ это стремленіе въ идеалъ, во всемъ ищетъ прежде всего пользы, побѣды надъ гнетущею нуждой; и отъ науки, и отъ искусства, и отъ публицистики онъ требуетъ прежде всего помощи, помышленія объ улучшеніи его жалкой участи. Его выводитъ изъ себя эгоистъ, который, углубясь въ науку или созерцаніе искусства, ищетъ въ своихъ занятіяхъ однихъ наслажденій и не думаетъ о пользѣ и улучшеніи участи его, бѣдняка. Въ ожесточеніи онъ начинаетъ отрицать всѣ тѣ отрасли человѣческой дѣятельности, которыя не имѣютъ въ виду ничего, кромѣ однихъ наслажденій. Отвлеченно судя, онъ, конечно, не правъ въ подобныхъ отрицаніяхъ; въ сущности, и у него всѣ стремленія къ личной и общественной пользѣ клонятся ни къ чему иному, какъ къ тому, чтобы доставить и себѣ и другимъ возможно-большее количество наслажденій. Но не спѣшите винить его слишкомъ строго въ его часто дѣйствительно излишнихъ крайностяхъ и противорѣчіяхъ. Вы сами виноваты въ томъ, что путь къ той цѣли, къ которой онъ стремится, такъ долгъ и труденъ, что на этомъ безконечномъ пути онъ забываетъ часто о самой цѣли и возводитъ въ основной принципъ жизни средства, которыми онъ добивается своей цѣли.

Если, затѣмъ, мы обратимъ вниманіе на чисто внѣшнія черты типа новаго героя времени, то и въ нихъ мы не увидимъ ничего такого, что было бы навѣяно откуда-нибудь извнѣ и не лежало бы всецѣло въ нравахъ и бытѣ тѣхъ бѣдныхъ классовъ общества, изъ которыхъ вышелъ этотъ герой. Въ самомъ дѣлѣ, отрицаніе излишнихъ свѣтскихъ этикетовъ и предразсудковъ, изысканности въ одеждѣ, въ пищѣ, въ обстановкѣ—вѣдь это все могло показаться чѣмъ-то неслыханно новымъ, дерзкимъ и разрушительнымъ развѣ только для людей, никогда не видавшихъ иной тарелки на столѣ, кромѣ серебряной, никогда не ходившихъ пѣшкомъ и не имѣвшихъ ни малѣйшаго понятія объ обстановкѣ иныхъ квартиръ, кромѣ бель-этажныхъ. Между тѣмъ и въ прежніе годы, когда еще у подобныхъ господъ и въ помышленіи не было приходить въ ужасъ отъ появленія различныхъ Базаровыхъ или Рахметовыхъ, бѣдняки ходили въ тѣхъ-же поношенныхъ и дешевыхъ костюмахъ безъ перчатокъ и англійскихъ проборовъ, спали только-что не на гвоздяхъ и питались ситниками съ вечтиной. И прежде мало-мальски умненькія и разсудительныя дѣвушки изъ бѣдныхъ классовъ населенія не торчали по цѣлымъ часамъ у зеркала и не считали предосудительнымъ ходить въ ситцевыхъ или кисейныхъ нещеголеватыхъ платьицахъ, сшитыхъ собственными руками. Конечно, съ точки зрѣнія господъ, привыкшихъ, чтобы дамы или дѣвицы не иначе ходили по улицамъ, какъ съ ливрейнымъ лакеемъ сзади, могло казаться чѣмъ-то неслыханно-новымъ и неприличнымъ, чтобы молодая дѣвушка могла ходить по улицамъ одна и куда ей вздумается, но для дѣвушекъ изъ бѣдныхъ классовъ въ этомъ не было ровно ничего новаго, не представлялось ни малѣйшаго вопроса... Онѣ и прежде ходили по городу однѣ безъ провожатыхъ, и никто этому не удивлялся, никто даже не замѣчалъ этого, пока нравы бѣдныхъ классовъ общества не вошли въ моду и не пріобрѣли себѣ множества подражателей изъ другихъ слоевъ общества. Точно также и вопросъ о женскомъ трудѣ могъ быть вопросомъ только для людей, не видавшихъ или, лучше сказать, не замѣчавшихъ иныхъ женщинъ, кромѣ воздушныхъ созданій, фей, украшавшихъ бальныя залы и салоны, для которыхъ вопросъ о ненужномъ трудѣ могъ дѣйствительно казаться совершенно излишнимъ и, Богъ вѣсть какъ, навѣяннымъ откуда-то извнѣ. Но для массы женщинъ бѣднаго класса въ этомъ вопросѣ не было ровно ничего новаго: за много, много лѣтъ раньше поднятія его, эти женщины принуждены были заботиться о кускѣ хлѣба и трудиться, и никому не каза-

лось страннымъ или неестественнымъ существованіе женской прислуги, акушерокъ, гувернантокъ и проч.

Вы, можетъ быть, возразите мнѣ, что въ стремленіи найти строгое соотвѣтствіе нашихъ нравственныхъ идеаловъ шестидесятыхъ годовъ съ условіями быта бѣдныхъ классовъ общества, я забываю, что вѣдь многія стороны этихъ идеаловъ коренятся въ ученіяхъ, проповѣданныхъ уже въ сороковые годы людьми, вовсе не принадлежавшими къ бѣднымъ классамъ населенія. Такъ, напримѣръ, мы видѣли, что теорія чистаго искусства и чистой науки отвергалась уже въ сороковые годы, и въ то-же время начали уже проводиться принципы утилитаризма. Но на это мы замѣтимъ, что люди сороковыхъ годовъ не сами выдумали эти принципы, а пришли къ нимъ потому, что принципы эти господствовали въ то время на Западѣ. А на Западѣ принципы эти вышли, все-таки, изъ бѣдныхъ классовъ общества. Что-же касается людей сороковыхъ годовъ, то большинство ихъ принимало принципы эти отвлеченно, теоретически, въ видѣ безстрастныхъ, безжизненно холодныхъ формулъ и фразъ, которыя, пребывая въ головахъ ихъ безъ всякой связи и осмысленности, нисколько не мѣшали имъ въ своей практикѣ жизни, въ своихъ живыхъ симпатіяхъ и антипатіяхъ слѣдовать все тому-же своему эпикурейскому принципу наслажденія. По этой причинѣ принципы утилитаризма такъ легко и забылись, едва только въ концѣ сороковыхъ годовъ сошли со сцены люди, проповѣдывавшіе ихъ, и снова большинство людей сороковыхъ годовъ возвратилось къ теоріямъ чистаго искусства, чистой науки и проч. Но совершенно иначе принялись тѣ-же самые утилитарные принципы на новой почвѣ мыслящаго пролетаріата, выступавшаго на поприщѣ умственнаго движенія въ концѣ пятидесятыхъ годовъ. Здѣсь эти принципы нашли сродство съ условіями самого быта, они встали не въ разладъ съ основными стремленіями жизни, а напротивъ, узаконили и осмыслили эти стремленія и, въ свою очередь, стремленія эти оживили принципы; изъ отвлеченныхъ теоретическихъ формулъ, они обратились въ живыя слова страсти и того горячаго энтузіазма, съ какими выступили новые люди шестидесятыхъ годовъ на проповѣдь своихъ новыхъ нравственныхъ и общественныхъ идеаловъ.

Чтобы судить о томъ тѣсномъ соотвѣтствіи, какое существуетъ между новыми нравственными идеалами шестидесятыхъ годовъ и бытомъ той среды, изъ которой эти идеалы вышли, стоитъ только принять во вниманіе тѣ два совершенно различныя отношенія къ этимъ идеаламъ, какія мы видимъ въ различныхъ людяхъ шестидесятыхъ годовъ. Для однихъ идеалы эти являлись чѣмъ-то совершенно новымъ, стояли совершенно въ разрѣзъ со всѣми ихъ прежними понятіями, нравами, привычками и перевертывали всю ихъ жизнь. Для юнаго питомца какого-нибудь лицея или училища правовѣдѣнія было безспорно радикальнымъ переворотомъ въ жизни перестать франтить и, вслѣдствіе того, преградить себѣ доступъ въ сферы большаго свѣта, разстроить нѣсколько хорошихъ связей, потерять возможность выгодно и быстро составить карьеру, вооружить противъ себя родныхъ, замѣнить упорнымъ труженичествомъ привычку къ свѣтской разсѣянности и строгою воздержностью и бережливостью—наклонность къ мотовству и разнузданности страстей. Между тѣмъ, тѣ-же самые идеалы ровно ничего новаго не вносили въ жизнь бѣдняка: они только подчеркивали его привычки, осмысливали его стремленія, развивали до разумной сознательности зародыши различныхъ симпатій и антипатій его. Въ самомъ дѣлѣ, чѣмъ измѣняли филиппики противъ изнѣженности, праздности, роскоши, фатовства и прочаго жизнь бѣднаго честнаго труженика, гнѣздящагося гдѣ-нибудь на чердачкѣ и ходящаго въ подбитой воздухомъ шинелькѣ въ трескучіе морозы и что удивительнаго могло быть для дѣвушки, питающейся какимъ-нибудь ремесломъ, въ новой идеѣ о необходимости самостоятельнаго женскаго труда?

Вслѣдствіе этого, наиболѣе чистые, вѣрные, кровные, если можно такъ выразиться, представители новыхъ идеаловъ выходили, по преимуществу, изъ бѣдныхъ слоевъ общества. Что-же касается иныхъ слоевъ, то, вслѣдствіе трудности переворота, радикально измѣняющаго жизнь и нравы людей этихъ слоевъ, только весьма немногіе, наиболѣе сильные и богато одаренные люди могли глубоко проникаться новыми идеалами и послѣдовательно проводить ихъ въ жизни. Большинство послѣдователей новыхъ идеаловъ изъ привиллегированныхъ слоевъ явились только диллетантами этихъ идеаловъ, принимали одну внѣшность ихъ, доводили ее часто дѣйствительно до смѣшныхъ крайностей и нелѣпостей, и между тѣмъ, какъ языки ихъ болтали фразы въ новомъ духѣ, въ жизни ихъ сохранялись все тѣ-же старые нравы и привычки, унаслѣдованные отъ отцевъ и дѣдовъ.

Къ сожалѣнію, литература до сихъ поръ еще недостаточно разграничила эти два отношенія къ новымъ идеаламъ: съ одной стороны, простыя естественныя отношенія людей, приготовленныхъ самою жизнію къ ихъ осуществленію, съ другой — искусственное, натянутое, ходульное отношеніе къ нимъ людей, не имѣющихъ съ этими идеалами ничего общаго, какъ по складу своей жизни, такъ и по всѣмъ своимъ наслѣдственно-укоренившимся привычкамъ, симпатіямъ и антипатіямъ. Между тѣмъ, въ продолженіе всего движенія шестидесятыхъ годовъ и до нашего времени проходятъ въ жизни эти два отношенія, дѣлящія представителей новыхъ идеаловъ на два типа, рѣзко отличающіеся другъ отъ друга. Въ послѣдовавшую эпоху новой реакціи, реакціонная литература, въ своихъ пресловутыхъ нападкахъ на новыхъ людей, или представляла ихъ въ самомъ нелѣпомъ карикатурномъ видѣ, или-же брала черты втораго типа, выводя на сцену различныхъ диллетантовъ и фразеровъ. Что-же касается литературы, стоявшей на сторонѣ новыхъ идеаловъ, то она, въ оппозицію реакціонной литературѣ, начала представлять, въ свою очередь, не дѣйствительныхъ, реальныхъ новыхъ людей того или другаго типа, а какія-то невозможно-идеальныя совершенства, соединяющія въ себѣ букеты самыхъ возвышенныхъ добродѣтелей. Подобнаго рода свѣтозарные герои явились передъ публикой, конечно, не простыми естественными продуктами своей среды, а дѣйствительно чѣмъ-то новымъ, небывалымъ, словно свалившимся вдругъ съ неба.

Между тѣмъ, какъ литература сошла такимъ образомъ съ почвы безпристрастнаго анализа дѣйствительности, жизнь, вѣрная своимъ законамъ, своему пути, не замедлила выставить впереди умственнаго движенія эпохи нѣсколько представителей новаго идеала во всей ихъ безъискусственной простотѣ и естественности. Къ числу такихъ представителей принадлежитъ, между прочимъ, Николай Александровичъ Добролюбовъ. Личность Добролюбова должна играть одну изъ главныхъ ролей въ исторіи развитія нашего общества, не только какъ перваго вполнѣ реальнаго критика и публициста, не только какъ даровитаго проповѣдника новыхъ идей, наложившаго печать своего живаго слова на цѣлую эпоху: въ то-же время личность эта замѣчательна, какъ человѣкъ, какъ типъ, вполнѣ дѣльный, опредѣленный и могущій служить однимъ изъ самыхъ яркихъ представителей той новой среды, которая выступила на поприще умственнаго движенія. среда эта и прежде выпускала изъ себя порой талантливыхъ людей, становившихся во главѣ вѣка, каковы были: Ломоносовъ, Полевой, Бѣлинскій; но всѣ они, дѣйствуя среди чуждой имъ среды, невольно подчинялись давленію ея духа, увлекались болѣе или менѣе ея идеалами, ея принципами. Въ лицѣ-же Добролюбова среда эта впервые выступила сама собою и смѣло выставила свои собственные идеалы и принципы въ разрѣзъ со всѣми прежними идеалами и принципами, выставила ихъ не только въ словѣ, но и въ самой жизни. Слово и жизнь такъ нераздѣльны въ личности Добролюбова, что говорить о его словѣ, не говоря о его жизни — невозможно. Не опредѣливши его, какъ типъ своего времени и своей среды, вы не въ состояніи будете получить яснаго понятія о значеніи его сочиненій.

Еще болѣе поучительнымъ должно представиться намъ знакомство съ жизнью Добролюбова вслѣдствіе того, что, давая намъ понятіе о естественномъ и чистомъ представителѣ новыхъ идеаловъ, знакомство это должно разрушить множество иллюзій. Подъ впечатлѣніемъ, съ одной стороны, массы обезьянъ, диллетантовъ и фразеровъ прогреса, съ другой — подъ обаяніемъ реакціонной литературы, выставлявшей этихъ господъ въ видѣ дѣйствительныхъ представителей новыхъ людей, публика наша до такой степени получила ложныя, искаженныя понятія о новыхъ людяхъ, что когда появились въ печати „Отцы и дѣти" Тургенева, она готова была повѣрить нелѣпому слуху, ходившему въ то время, что будто Тургеневъ своего Базарова срисовалъ съ Добролюбова. Базаровъ и Добролюбовъ! Это совершенно все равно, что сказать будто Грибоѣдовъ срисовалъ Репетилова съ Чаадаева или Лермонтовъ въ Грушницкомъ изобразилъ Бѣлинскаго!

Николай Александровичъ Добролюбовъ родился въ Нижнемъ Новгородѣ, 24-го января 1836 году. Отецъ его, Александръ Ивановичъ, былъ священникъ нижегородской Никольской церкви.

Такимъ образомъ, родители его принадлежали, по своему положенію и состоянію, вполнѣ къ среднему кругу непривилегированной среды—т. е., были далеки, какъ отъ безпомощной нищеты мелкаго мѣщанства, такъ и отъ избытка купеческаго круга. Это именно такой центръ пролетаріата, который повсюду и во всѣ времена былъ самою плодотворною почвой для произведенія сознательныхъ друзей народа и борцовъ за его интересы, основателей религіозныхъ сектъ, проповѣдниковъ новыхъ общественныхъ идей, изобрѣтателей и проч. Человѣкъ, воспитанный этою средой, обыкновенно привыкаетъ съ младенчества къ простой и незатѣйливой обстановкѣ; жизнь не изнѣживаетъ его, но въ то-же время и не на столько бѣдна эта обстановка, чтобы въ немъ загрубѣли всѣ чувства и исчезли всякія потребности къ улучшенію своего быта. Съ самаго дѣтства человѣкъ этотъ чувствуетъ и на себѣ, и на родныхъ всю тяжесть борьбы за существованіе, всю унизительность печальной зависимости каждаго шага жизни отъ грубаго произвола; жизнь, такимъ образомъ, рано начинаетъ открываться ему съизнанки, и онъ привыкаетъ обращать все свое вниманіе на мрачныя стороны ея. Но въ то же время тяжесть всего этого гнета не на столько, все-таки сильна въ этой средѣ, чтобы окончательно обезличить и и убить человѣка, загородивши ему всякую дорогу къ исходу изъ его положенія; напротивъ того, какъ ни бѣдны средства этой среды и какъ ни тяжело они достаются, все таки, ихъ хватаетъ на столько, чтобы давать дѣтямъ образованіе. И такъ какъ въ образованіи представляется для этой среды единственный выходъ изъ гнетущихъ обстоятельствъ, то понятно, что мало-мальски талантливый человѣкъ всѣми силами души пристращается къ книгамъ. Въ книгахъ онъ ищетъ не одни только умственные и нравственные интересы, но и чисто практическіе, матеріальные: книга не только должна научить его, образовать, но освободить и даровать лишній кусокъ хлѣба. Наконецъ, нужно обратить вниманіе и на то, что центральное положеніе этой среды между богатствомъ и нищетой, привилегированными и низшими классами общества, представляетъ ту выгоду, что человѣкъ, находясь въ такомъ центрѣ, имѣетъ сношенія съ различными слоями общества, пріучается изучать эти слои, сравнивая ихъ другъ съ другомъ и усвоиваетъ, такимъ образомъ, вполнѣ опредѣленныя и реальныя понятія объ ихъ отношеніяхъ одинъ къ другому.

Дѣтство свое Добролюбовъ провелъ такъ-же монотонно и однообразно, какъ проводятъ его всѣ дѣти изъ его среды. Первою воспитательницей его была мать его, Зинаида Васильевна, женщина, по общимъ отзывамъ, умная и прекрасная, и Добролюбовъ тѣмъ болѣе былъ привязанъ къ ней, что дѣлилъ съ нею всѣ мелкія домашнія невзгоды, которыя столь часты въ семействахъ средняго круга, гдѣ глава дома, занятый съ утра до вечера различными трудами и заботами, приходитъ домой поздно, усталый, угрюмый и нерѣдко на своихъ домочадцахъ вымещаетъ тѣ непріятности, какія въ теченіе дня ему пришлось испытать при исполненіи своихъ обязанностей; гдѣ ежедневно и ежечасно всплываютъ всякія мелкія дрязги, заботы и черныя мысли о нерадостномъ настоящемъ и темномъ будущемъ; гдѣ на каждомъ шагу ждетъ то какое-нибудь униженіе, то какое-нибудь лишеніе. Чтобы вполнѣ очертить мрачный фонъ дѣтства Добролюбова, стоитъ только выписать изъ дневника его одинъ день, описанный съ весьма характеристическими подробностями, бросающими яркій свѣтъ на все дѣтство Доб-

ролюбова и всю обстановку его родительскаго крова, тѣмъ болѣе, что день этотъ новогодній, въ который домашняя обстановка въ каждомъ семействѣ принимаетъ наиболѣе парадный и праздничный видъ.

1-го января 1852 г.

«Вотъ и еще одинъ годъ «юркнулъ въ вѣчность!». И еще годъ прошелъ, и еще годомъ сократилась жизнь моя. Грустно встрѣтилъ я этотъ годъ, котораго ждалъ я, можно сказать, съ нетерпѣніемъ. Много я надѣялся на него и отъ него... Но вотъ пришелъ онъ, и при самомъ вступленіи его, надежды мои разсыпаются прахомъ. Грустно, невесело!.. Тяжелый день провелъ я нынѣ. Теперь (12-й часъ вечера) на дворѣ бушуетъ вѣтеръ, злится буря, свиститъ и воетъ, и бурлитъ, и это довольно близко къ состоянію души моей. Я не сдѣлалъ нынѣ ничего добраго и полезнаго. Встрѣчая новый годъ, не хотѣлъ я спать всю ночь, но въ два часа «легъ полежать»—не больше—и задремалъ и уснулъ... А свѣча осталась на столѣ не погашенная, а книга лежала раскрытая. Къ счастію, огарокъ былъ не великъ и, вѣроятно, скоро догорѣлъ и погасъ самъ собой. Впрочемъ, можетъ быть, погасила и няня. Я не говорилъ объ этомъ ни слова, но цѣлое утро былъ въ какомъ-то смущеніи. Надѣлалъ-было я дѣла—подумалъ я, проснувшись, и прямо бросился въ другую комнату къ столу, свѣчѣ и книгѣ, и нашедъ все въ цѣлости, не мало былъ удивленъ и еще болѣе обрадованъ... Потомъ я поздно пришелъ къ обѣднѣ, простоялъ у порога, сконфузился при исполненіи нелѣпой фантазіи, пришедшей мнѣ въ голову—поздравить въ церкви А. Н. Ник..., *которая мнѣ только кивнула на мое привѣтствіе*, и ушелъ, не достоявъ молебенъ. Потомъ вздумалось мнѣ идти поздравить мою крестную — Л. В. П.; я пошелъ, *встрѣтилъ сухой пріемъ*, проскучалъ лишніе полчаса въ жизни, *былъ раздосадованъ невниманіемъ къ себѣ*, получилъ порученіе, которое потомъ позабылъ исполнить, и не знаю еще, какъ отдѣлаюсь!.. Дома оскорбилъ маменьку, но вскорѣ помирился. Въ половинѣ шестаго пошелъ къ одному изъ товарищей, хорошему знакомому, В. В. Л..., просидѣлъ тамъ часа два ни скучно, ни весело, хотя смѣялся очень много... Оттуда мнѣ чрезвычайно хотѣлось, необыкновенно хотѣлось побывать у постояльцевъ нашихъ Щ... и поиграть тамъ съ ихъ прекрасными дѣтьми... особенно одна... Тамъ было бы такъ весело!.. Все это думалъ я дорогой; но дома ждало меня достойное заключеніе этого дня... Нужно было случиться, чтобы у насъ въ этотъ день сбѣжала со двора наша корова... Папенька и такъ нынѣ былъ довольно въ худомъ расположеніи духа по нѣкоторымъ обстоятельствамъ; но когда сказали ему объ этомъ, онъ окончательно растерялся, и пришедши домой, я засталъ его въ крайне мрачномъ расположеніи, особенно потому, что это случилось въ новый годъ, и слѣдовательно, предвѣщало несчастія въ будущемъ — предразсудокъ, оказавшій, однако, сильное вліяніе на папашу. Къ вящщему несчастію, мамаша съ старшею моею сестрой уѣхали къ А. И. Н. на вечеръ, папаша былъ одинъ, и я долженъ былъ подвергнуться непріятностямъ. Сначала папаша пожалѣлъ о коровѣ, побранилъ заочно работницу—за дѣло!—и принялся писать свои дѣла... Я думалъ, что ждать мнѣ больше нечего, взялъ свѣчу и пошелъ къ себѣ въ комнату. Но папаша позвалъ меня къ себѣ и сказалъ, что если бы я мало-мальски радѣлъ отцу, жалѣлъ его, если бы у меня хотя немного было мозгу въ головѣ, то я занялся бы этимъ дѣломъ, а не оставилъ его безъ вниманія, будто мнѣ все равно, хоть все гори, все распропади... Послѣ этого нечего было ждать ласковаго слова. Я таки испугался предстоящей сцены, и поскорѣе, по приказанію папаши, сошелъ въ кухню и разспросилъ кухарку объ успѣхахъ ея поисковъ, которые были совсѣмъ безуспѣшны. Узнавши это, я въ точности донесъ папашѣ. Онъ сталъ что-то говорить, и вдругъ, Богъ-вѣсть какъ, разговоръ перешелъ ко мнѣ, и тутъ-то я долженъ былъ выслушать множество вещей, которыхъ теперь и не припомню въ подробностяхъ. Но только главный смыслъ ихъ былъ таковъ: «Ты негодяй; ты не радѣешь отцу, не смотришь ни зачѣмъ; не любишь и не жалѣешь отца, мучишь меня и не понимаешь того, какъ я тружусь для васъ, не жалѣя ни силъ, ни здоровья. Ты дуракъ, изъ тебя толку немного выйдетъ; ты ученъ, хорошо сочиняешь, но все это вздоръ. Ты дуракъ и будешь всегда дуракомъ въ жизни, потому что ты ничего не умѣешь и не хочешь дѣлать. Вы меня не слушаете, вы меня мучите; когда-нибудь вспомните, что я говорилъ, да будетъ поздно. Можетъ, я не долго ужь проживу. Отъ такихъ безпокойствъ, тревогъ и непріятностей поневолѣ захочешь умереть; лучше прямо въ могилу, чѣмъ этакъ жить. Ничего въ свѣтѣ нѣтъ для меня радостнаго; нигдѣ я не найду отрады, весь свѣтъ—подлецъ; всѣ твои науки никуда не годятся, если не будешь умѣть жить. Умѣй беречь деньгу; безъ денегъ ничего не сдѣлаешь; деньги—охъ! трудно достаются; надо умѣть, да и умѣть пріобрѣтать ихъ; какъ меня не будетъ, вы съ голоду всѣ умрете; никакія твои сочиненія тебѣ не помогутъ!.. Изъ тебя ничего хорошаго не выйдетъ; хило-гнило, хило-гнило; немного въ тебѣ мозгу, а еще умнымъ считаешься». Все это, на разныя манеры повторяемое, я слушалъ отъ 8-ми до 11-ти часовъ— ровно три часа... Каково это вынести? *Не въ первый и не въ послѣдній разъ слышалъ я эти упреки*, но нынѣ они особенно были тяжелы для меня. Они продолжались три часа; произносились не съ сердцемъ, не въ гнѣвѣ, но очень спокойно, только въ необыкновенно мрачномъ и грустномъ тонѣ. Я не видѣлъ никакого повода къ такому обороту разговора, хотя бо́льшею частью и сознавалъ относительную справедливость высказываемыхъ замѣчаній. Но все это ничего бы: особенно поразили меня упреки въ нелюбви, нерадѣніи къ отцу, пророческія слова о томъ, что изъ меня ничего не выйдетъ; всего-же болѣе эти жалобы на свои труды и безпокойства, на то, что не долго ему остается жить. Чуть не плачу и теперь, припоминая это. Однако, мнѣ не хочется вѣрить, и я не смѣю вѣрить этимъ словамъ. Но когда папаша говорилъ, я не смѣлъ, я не могъ произнести ни одного слова, если онъ самъ не спрашивалъ меня: «такъ-ли?» на что я отвѣчалъ только: такъ-съ... Я бы нашелся, что сказать, но у меня недоставало духу говорить... Не понимаю, что это такое. А папашѣ это, видимо, непріятно... Но что-же дѣлать? Не такъ, не такъ надо со мною говорить и обращаться, чтобы достигнуть того, чего ему хочется. Нужно прежде разрушить эту робость, побѣдить это чувство приличія передъ роднымъ отцомъ, будто чужимъ, смирить эту недовѣрчивость, и тогда уже явится эта младенческая искренность и простота. Впрочемъ, что винить папашу?— я виноватъ, одинъ я причиной этого. Должно быть, я гордъ, и изъ этого источника происходитъ весь мой гадкій характеръ. Это, впрочемъ, кажется, у насъ наслѣдственное качество, хотя въ довольно благородномъ значеніи... Однако, чудный денекъ! Всѣ такъ встрѣчаютъ новый годъ? Не правда-ли?... Можно повеселиться!»...

Итакъ, вотъ вамъ вся грустная картина дѣтства Добролюбова: провинціальная скука внѣ дома, разсѣеваемая изрѣдка какимъ-нибудь часикомъ молодаго хохота съ товарищемъ, оскорбительное невниманіе и небрежность въ обращеніи со стороны губернскихъ шутихъ, едва удостоивавшихъ ничтожнаго и неловкаго семинариста величественнаго кивка головой или сухаго пріема, а дома—ежеминутныя ожиданія какой-нибудь бури, невыносимыхъ попрековъ и унизитель-

ныхъ порицаній... Робкое безмолвіе передъ гнѣвомъ отца и мучительное чувство отчужденности отъ него. Только однѣ ласки матери хоть сколько-нибудь скрашивали эту жизнь. Послѣ этого всего понятна становится та страстная привязанность Добролюбова къ матери своей, которая такъ естественна и понятна въ семействахъ съ такимъ строемъ жизни: это не та холодная, отвлеченная любовь къ матери, которую вы часто можете встрѣтить среди роскошной обстановки, такъ-называемое чувство сыновняго долга, внушаемое обыкновенно малюткѣ гувернанткой на французскомъ языкѣ; это привязанность къ другу и хранителю дѣтства, къ товарищу страданій и невзгодъ.

«Отъ нея—писалъ Добролюбовъ въ 1854 году послѣ ея смерти—получилъ я свои лучшія качества, съ ней сроднился я съ первыхъ дней моего дѣтства; къ ней летѣло мое сердце, гдѣ бы я ни былъ, для нея было все, все, что я ни дѣлалъ. Она понимала эту любовь; но я не успѣлъ показать ее на дѣлѣ, не успѣлъ осуществить то, чѣмъ хотѣлъ ее радовать... Мало радостныхъ минутъ доставилъ я ей. Я былъ слишкомъ гордъ, я не хотѣлъ прежде времени высказывать даже ей, моей дорогой, своихъ гордыхъ плановъ и надеждъ, думалъ, что будетъ время—на дѣлѣ увидитъ она, какого сына имѣетъ и сколько онъ любитъ ее... Не случилось такъ!.. И почему-же не вѣрить мнѣ, что она смотритъ на меня съ высоты небесъ, радуется... Нѣтъ, нѣтъ, нѣтъ—если это правда, если она видитъ меня, мою тоску, мои терзанья, мои сомнѣнья, она умолитъ Бога, чтобы онъ послалъ ее вразумить бѣднаго, жалкаго сына. Иначе ей будетъ рай не въ рай, если только она не разлюбила меня. Мать моя! Милая, дорогая моя! Я всего лишился въ тебѣ! Видишь, я плачу... Мнѣ тяжело, мнѣ горько! Помолись за меня, чтобы Богъ остановилъ меня на краю гибели!.. Вѣдь ты чистая праведница, и Богъ услышитъ тебя. Явись мнѣ, утѣшь меня... Дай мнѣ вѣру, надежду... Съ надеждой можно жить въ мірѣ... Неужели-же разстояніе между нами такъ непроходимо, что и материнское сердце не услышитъ мольбы страдающаго сына? Или я въ самомъ дѣлѣ долженъ думать, что ты не существуешь болѣе и что я тоже машина?.. Но зачѣмъ-же эта странная тоска, эта грусть, эти сомнѣнія? Мать моя! Вѣрю, что ты любишь меня... Вразуми и научи безпомощнаго! Заставь меня вѣрить и утѣшаться будущимъ!.. Мое положеніе такъ горько, такъ страшно, такъ отчаянно, что теперь ничто на землѣ не утѣшитъ меня. Самая сильная радость обратится у меня въ печаль, самая громкая слава, огромное богатство, всевозможные успѣхи только заставятъ содрогнуться мое сердце при одной мысли, что еслибы это знала мамаша, какъ-бы мы съ нею порадовались!.. И эта мысль тяжко, громаднымъ камнемъ падетъ мнѣ на сердце, и не будетъ мнѣ счастья въ счастьи одинокаго эгоизма...»

Не правда-ли, какъ напоминаетъ это страстное, нѣжное обращеніе Добролюбова къ умершей матери тѣ пресловутыя фразы въ родѣ: *умерла старина, откланялась*, или, еще лучше, *подохла*, которыми современные наши беллетристы характеризуютъ небрежное и циническое отношеніе людей молодаго поколѣнія къ своимъ престарѣлымъ родителямъ!... Какъ, въ самомъ дѣлѣ, похожъ Добролюбовъ на Базарова, снисходительно треплющаго своего отца по плечамъ...

Матери былъ обязанъ Добролюбовъ началомъ своего умственнаго развитія. Уже трехъ лѣтъ, со словъ матери своей, онъ заучилъ нѣсколько басенъ Крылова и прекрасно произносилъ ихъ передъ домашними и чужими... Мать-же выучила его и читать, да, кажется, и писать азбуку. Когда ему стало 8 лѣтъ, то приглашенъ былъ въ учители для него кончившій курсъ семинаріи—Садовскій; но этотъ послѣдній занимался не болѣе двухъ мѣсяцевъ, потому что поступилъ самъ въ священники. Тогда приглашенъ былъ къ нему Михаилъ Алексѣевичъ Костровъ, семинаристъ философскаго класса, впослѣдствіи зять его, мужъ старшей сестры, который приготовлялъ мальчика въ продолженіи 3-хъ лѣтъ!

«Поступивъ къ нему въ учителя—говоритъ Костровъ въ своихъ воспоминаніяхъ о Добролюбовѣ—я старался, во-первыхъ, заохотить его къ ученію, чтобы *«учиться»* обратилось для него въ главную и насущную потребность; а во-вторыхъ, доводить его до яснаго, по возможности полнаго и отчетливаго понятія о каждомъ предметѣ, не слишкомъ заботясь о буквальномъ заучиваніи имъ уроковъ (конечно, при обученіи латинскому и греческому языкамъ приходилось ограничиваться только, впрочемъ, совершенно достаточнымъ, знаніемъ всякихъ правилъ грамматическихъ и синтаксическихъ). Покойная мать его не разъ тутъ замѣчала, что изъ нашей классной комнаты почти только и слышно: «почему», «отчего», да «какъ» и т. д. Отецъ его, видя, что сынъ его, при своей отличной воспріимчивости, при усердіи и любознательности, оказывалъ отличные успѣхи, и что вообще наше ученіе идетъ въ порядкѣ, не мѣшалъ намъ и свободно предавался своимъ служебнымъ и хозяйственнымъ занятіямъ—только иногда навѣдывался о его успѣхахъ и давалъ ему тѣ или другіе вопросы по тому или другому предмету».

Одиннадцати лѣтъ Добролюбовъ былъ отданъ въ духовное училище, и черезъ годъ успѣлъ уже попасть въ четвертый, послѣдній классъ этого училища. Въ училищѣ онъ съ перваго-же года обратилъ на себя вниманіе какъ учителей, такъ и товарищей. Робкій, застѣнчивый мальчикъ нѣжной, барской наружности съ мягкими руками, въ то-же время, онъ поразилъ всѣхъ бойкостью и находчивостью отвѣтовъ и начитанностью, необыкновенною для 12-тилѣтняго ребенка.

«Пытались объяснить успѣхъ Добролюбова—говоритъ въ воспоминаніяхъ о немъ товарищъ его, М. Е. Лебедевъ—посторонней помощью, но скоро разубѣдились. Когда учитель заставлялъ въ классѣ учениковъ фразировать по латыни русскія предложенія и разсказывать по-латыни своими словами изъ «Корнелія Непота» и «Латинской христоматіи», то Добролюбовъ постоянно отличался при всѣхъ. Наконецъ, и собственные опыты подражателей его увѣрили, что это довольно возможно и безъ посторонней помощи. Съ такимъ-же успѣхомъ Добролюбовъ занимался священною исторіей, географіей, ариѳметикой и другими науками, занялъ повсюду 4-й № въ спискахъ, а въ 1848 году перешелъ во 2-е отдѣленіе словесности (низшее отдѣленіе семинаріи, по множеству воспитанниковъ дѣлившееся на два параллельныя отдѣленія). Въ семинаріи, съ теченіемъ времени, Добролюбовъ погружается въ ученыя занятія. Отъ товарищей держится такъ-же далеко, хотя принимаетъ къ себѣ всѣхъ, кому угодно его посѣтить. Но все свободное отъ посѣщеній время занятъ книгами. Онъ читалъ русскихъ авторовъ, ученыя сочиненія, журналы и дома, и въ классахъ. Въ его упражненіяхъ по классу реторики и піитики постоянно было видно знакомство съ лучшими русскими литераторами, что и выставлялось на видъ учителемъ словесности. Въ немногихъ упражненіяхъ, какія были по исторіи всеобщей, бы-

ла видна та-же начитанность. Его возраженія, напримѣръ, по математикѣ профессору-монаху, по исторіи противъ учебника Кайданова были выслушиваемы учениками съ участіемъ, которое возрастало, когда профессоръ не рѣшалъ возраженій, а заминалъ ихъ своимъ авторитетомъ, невозможностью распространяться по причинѣ недосуга и другими уловками. Въ среднемъ отдѣленіи семинаріи Добролюбовъ поражалъ громадными сочиненіями по философскимъ тэмамъ, особенно объ ученіи отцовъ церкви, отчасти изъ русской церковной исторіи...»

Сочиненія эти дѣйствительно были колоссальны по своему объему для ученика семинаріи—въ 30, 40, 100 листовъ (конечно, писчихъ), и недаромъ Добролюбовъ въ глазахъ отца былъ литераторомъ уже на семинарской скамейкѣ. Впрочемъ, кромѣ этихъ классныхъ сочиненій, въ Добролюбовѣ рано, еще на 14-мъ году, обнаружилась страсть къ авторству, конечно, въ видѣ писанія стиховъ, при чемъ онъ, между прочимъ, переводилъ Горація. Въ 1850 году онъ даже рѣшился послать въ „Москвитянинъ“ письмо, прося у редакціи 100 руб. и обѣщая за нихъ прислать 40 стихотвореній. А въ 1852 году онъ послалъ въ редакцію „Сына Отечества“ 12 стихотвореній подъ псевдонимомъ Владиміра Ленскаго.

Что касается до внутренняго развитія Добролюбова, то оно шло своимъ путемъ, переходя тѣ-же неизбѣжные періоды, какіе мы видимъ въ развитіи каждаго человѣка и общества—періодъ дѣтской непосредственности, періодъ романтизма и рефлексій и, наконецъ, періодъ реализма. Разница между Добролюбовымъ съ его сверстниками и людьми предшествовавшей эпохи заключалась только въ томъ, что тѣ-же самые періоды, которые люди сороковыхъ годовъ переживали въ продолженіи цѣлой своей жизни, останавливаясь часто на второмъ и даже на первомъ, люди молодаго поколѣнія успѣвали переживать въ продолженіи первой юности, такъ что въ 20 лѣтъ являлись часто вполнѣ уже на реальной почвѣ.

Выходъ изъ дѣтской непосредственности выразился у Добролюбова, какъ у многихъ натуръ глубокихъ, сильныхъ и сосредоточенныхъ въ себѣ, въ видѣ суроваго, самобичующаго аскетизма. Аскетизмъ, начиная съ среднихъ вѣковъ и до нашего времени, является нерѣдко первою формой мысли пробужденной и дошедшей до сознанія. Естественно, что идеи и вѣрованія, которыя безсознательно бродятъ въ головѣ нашей, внушаемыя съ самаго ранняго дѣтства, при первомъ возбужденіи мысли вдругъ пробуждаются, складываются въ стройную систему, представляются чѣмъ-то новымъ, какъ будто прежде ихъ не было у насъ въ головѣ. Тогда люди поверхностные, разсѣянная жизнь которыхъ разнообразна внѣшними впечатлѣніями, ограничиваются обыкновенно рѣдкими минутами благочестивыхъ размышленій, послѣ которыхъ съ спокойною совѣстью вступаютъ въ обыденную рутину жизни, не имѣющей ничего общаго съ этими размышленіями; люди съ пламеннымъ воображеніемъ бросаются въ туманный и таинственный мистицизмъ; люди-же, привыкшіе сосредоточиваться въ себѣ и слѣдить за каждымъ своимъ шагомъ и помышленіемъ, вслѣдствіе однообразія своей жизни, подавленности и ряда несчастій, или-же по особенному складу глубокой, строго-логической и послѣдовательной натуры, начинаютъ стремиться согласовать съ своими идеями каждый шагъ жизни, что и ведетъ ихъ, по характеру идей, къ аскетизму. Поэтому, аскетизмъ чаще всего встрѣчается въ жизни, какъ первая фаза развитія, съ одной стороны, у людей геніальныхъ, съ другой—у людей несчастныхъ и подавленныхъ, и вслѣдствіе послѣдней причины въ низшихъ слояхъ общества.

Во время самаго большого разгара своего аскетизма, Добролюбовъ, въ дневникѣ своемъ, ежедневно велъ списокъ всѣхъ своихъ прегрѣшеній съ благочестивыми укоризнами себя и оканчивалъ эти списки словами: „Господи! Спаси мя, не остави мене погибающа!“ Вотъ образчикъ подобнаго рода самобичеваній:

7-го марта 1853 года, 1-й часъ пополудни.

«Нынѣ сподобился я причащенія пречистыхъ таинъ Христовыхъ и принялъ намѣреніе съ этого времени строже наблюдать за собою. Не знаю, будетъ-ли у меня силъ давать себѣ каждый день отчетъ въ своихъ прегрѣшеніяхъ, но, по крайней мѣрѣ, прошу Бога моего, чтобы онъ далъ мнѣ положить хотя начало благое. Боже мой! Какъ мало еще прошло времени, и какъ уже много лежитъ на моей совѣсти! Вчера, во время исповѣди, я осудилъ духовника своего и потомъ скрылъ это, не покаялся; кромѣ того, я сказалъ не всѣ грѣхи, и это не потому, что позабылъ ихъ или не хотѣлъ, но потому, что не рѣшился сказать духовнику, что еще рано разрѣшать меня, что я еще не все сказалъ. Потомъ я сѣтовалъ на отца духовнаго, что онъ не о многомъ спрашивалъ меня; но развѣ я долженъ ожидать вопросовъ, а не самъ говорить о своихъ прегрѣшеніяхъ? Только вышелъ я изъ алтаря, и сдѣлался виновенъ въ страхѣ человѣческомъ, затѣмъ человѣкоугодіе и, хотя легкій, смѣхъ съ товарищами присоединились къ этому. Потомъ суетныя помышленія славолюбія и гордости, разсѣянность во время молитвы, лѣность къ богослуженію, осужденіе другихъ—увеличили число грѣховъ моихъ и т. д. и т. д.»

Но подобнаго рода аскетизмъ не былъ, впрочемъ, исключительнымъ и всеобъемлющимъ явленіемъ въ психической жизни юноши. Съ одной стороны, разнообразное чтеніе, съ другой—жизнь постоянно возбуждали въ немъ соотвѣтствующія впечатлѣнія и влеченія. Такъ, въ одно время съ вышеозначенными самобичеваніями, Добролюбовъ, по собственнымъ словамъ своимъ, „хотѣлъ походить на Печорина и Тамарина, хотѣлъ толковать, какъ Чацкій“. Въ то-же время, читая списки грѣховъ, вы видите въ числѣ ихъ первые проблески тревожныхъ сомнѣній, которыя все болѣе и болѣе начинаютъ овладѣвать юношей, и тщетно онъ гонитъ ихъ отъ себя... Это уже начало втораго періода—сомнѣній, рефлексій и романтическихъ порываній. Въ этотъ періодъ съ презрѣніемъ и ненавистью начинаетъ смотрѣть юноша на всю окружавшую его пошлость губернской жизни. „Все пошло, глупо, мелко—восклицаетъ онъ въ своемъ дневникѣ—ничто не удовлетворяетъ порывовъ высокаго ума, глубоко чувствующаго сердца...“

Въ то-же время онъ мечтаетъ объ университетѣ, о литературной славѣ, и питаетъ глубокую, страстную привязанность къ пріѣхавшему, въ 1851 году, изъ Петербурга учителю нѣмецкаго языка Ивану Максимовичу Сладкопѣвцеву. Привязанность эта, хотя и

основанная, повидимому, на реальныхъ основаніяхъ, то-есть, на благотворномъ вліяніи Сладкопѣвцева на развитіе юноши, тѣмъ не менѣе носила чисто романтическій характеръ, соединяясь съ тою безотчетною влюбчивостью, какую нерѣдко испытываютъ 17-тилѣтніе мальчики. Такъ, Добролюбовъ, еще не видя Сладкопѣвцева, успѣлъ уже влюбиться въ него заочно, по однимъ слухамъ, распространивши свое обожаніе даже на внѣшность предмета любви:

«Смутно я постигалъ что-то прекрасное—говоритъ онъ въ письмѣ къ Сладкопѣвцеву—въ этомъ соединеніи понятія: брюнетъ, изъ петербургской академіи, молодой, благородный и умный... Не говоря уже о умѣ и благородствѣ, надо замѣтить, что я особенно люблю брюнетовъ, чрезвычайно уважаю петербургскую академію и молодыхъ профессоровъ предпочитаю старымъ. Я съ нетерпѣніемъ ждалъ минуты, когда увижу васъ, и во все это время я чувствовалъ что-то особенное... Чего ищешь, то обыкновенно скоро находишь; на слѣдующій-же день я съ полчаса прогуливался по нижнему корридору и дождался-таки васъ. Правду сказать, при моей близорукости, я не могъ хорошо разсмотрѣть вашей физіономіи; но и одинъ бѣглый взглядъ на васъ достаточенъ былъ, чтобы произвести во мнѣ самое выгодное впечатлѣніе. Я люблю эти гордыя, энергическія физіономіи, въ которыхъ выражается столько отваги, ума и мужества. Признаюсь, я нѣсколько ошибся тогда, признавши васъ существомъ гордымъ и недоступнымъ; но это было тогда полезно мнѣ тѣмъ, что я сталъ съ того времени считать васъ чѣмъ-то высшимъ, неприступнымъ, передъ чѣмъ я долженъ только благоговѣть и смиренно посматривать на слѣдъ, жалѣя, что не могу взглянуть прямо въ глаза».

Это благоговѣйное смотрѣніе въ слѣдъ продолжалось не дни, не недѣли, а мѣсяцы и, повидимому, около года. Въ продолженіи всего этого времени юноша обожалъ своего учителя издали, не смѣя и думать о томъ, чтобы сблизиться съ нимъ, издали онъ радовался и печалился, боялся и стоялъ горой за предметъ своего обожанія. Когда случай, наконецъ, свелъ его съ Сладкопѣвцевымъ, онъ шелъ къ нему съ тѣмъ трепетомъ, съ какимъ только ходятъ на первое свиданіе. Познакомившись со своимъ учителемъ, Добролюбовъ еще болѣе привязался къ нему.

«Что-то особенно привлекало меня къ нему—пишетъ онъ въ дневникѣ—возбуждало во мнѣ болѣе, нежели просто привязанность—какое-то благоговѣніе къ нему. При всей короткости нашихъ отношеній, я уважалъ его, какъ не уважалъ ни одного профессора, ни самаго ректора или архіерея—словомъ, какъ не уважалъ ни одного начальника. Ни однимъ словомъ, ни однимъ движеніемъ не рѣшился бы я оскорбить его; просьбу его я считалъ для себя закономъ. Вздумалъ-бы онъ публично наказать меня, я послушался-бы, перенесъ наказаніе, и мое расположеніе къ нему нисколько-бы отъ того не уменьшилось... Какъ собака, я былъ привязанъ къ нему, и для него я готовъ былъ сдѣлать все, не разсуждая о послѣдствіяхъ, и пр...»

Но блаженный міръ золотыхъ мечтаній о славѣ, наукѣ, университетѣ и упоеніе безкорыстнаго дѣтскаго обожанія—все это вскорѣ было разрушено самымъ безжалостнымъ образомъ. Жизнь бѣдняка такъ ужь складывается, что не даетъ ему долго пребывать въ мірѣ романтическихъ иллюзій и скоро отрезвляетъ, возвращая его на землю и заставляя его почувствовать всю мизерность окружающей его дѣйствительности.

Первыя разсѣялись мечты объ университетѣ. Добролюбовъ долго не рѣшался заговорить съ отцомъ объ этомъ щекотливомъ предметѣ; наконецъ, изъ косвенныхъ распросовъ онъ узналъ, что родителямъ его очень трудно, почти невозможно содержать его во время университетскаго курса. Тогда ему пришлось отложить въ сторону свои мечты и утѣшать себя, въ замѣнъ ихъ, тѣмъ, чтобы выйти годомъ раньше изъ семинаріи и поступить въ петербургскую духовную академію. Мечты объ авторствѣ, въ свою очередь, начали колебаться.

«Главнымъ образомъ—пишетъ онъ въ дневникѣ—соблазняетъ меня авторство, и если мнѣ хочется въ Петербургъ, то не по желанію видѣть сѣверную Пальмиру, не по разсчетамъ на превосходство столичнаго образованія: это все на второмъ планѣ, это только средство. На первомъ-же планѣ стоитъ удобство сообщенія съ журналистами и литераторами. *Прежде я безотчетно увлекался этою мыслію, а теперь уже начинаю подумывать, что*

То кровь кипитъ, то силъ избытокъ...

Надежда на журналистовъ для меня очень плоха, потому что, не доучившись годъ въ семинаріи, я въ академіи долженъ буду заниматься очень сильно, и времени празднаго у меня не будетъ, и, притомъ, я не знаю новыхъ языковъ, слѣдовательно, переводное дѣло уже не по моей части, а иначе какъ начать?»

Вмѣстѣ со всѣмъ этимъ потерпѣла жестокое испытаніе и привязанность Добролюбова къ учителю. Сладкопѣвцева перевели въ Тамбовъ—и эта утрата, разомъ освѣтивши всю бѣдность, монотонность и безпомощность жизни юноши, довела его до крайней степени отчаянья и ожесточенія.

«Боже мой! — пишетъ онъ въ дневникѣ — люди пристращаются къ красотамъ природы, къ картинамъ, статуямъ, деньгамъ, и они не имѣютъ препятствій для наслажденія ими. Всѣ эти вещи могутъ принадлежать имъ, быть ихъ неотъемлемою собственностью, если только не принадлежатъ всѣмъ, что также не мѣшаетъ всякому наслаждаться ими... Чѣмъ-же виноватъ я, что привязываюсь къ человѣку, превосходнѣйшему творенію Божію? Чѣмъ я несчастливъ, что моя душа не любитъ ничего въ мірѣ, кромѣ такой-же души? Ужели преступленіе то, что я инстинктивно отгадываю умъ, благородство, доброту человѣка и отгадавши, всѣми силами души привязываюсь къ нему? И за что-же наказывать меня, за что отнимать у меня счастіе, когда оно такъ чисто, невинно и благородно? Сколько ни имѣй я привязанностей, всегда злая судьба умчитъ отъ меня далеко любимый предметъ, и въ душѣ — тоскливое воспоминаніе и горькое сознаніе своего отчаянія... Я рожденъ съ чрезвычайно симпатичнымъ сердцемъ: слезы сострадательности чаще всѣхъ, бывало, вытекали изъ глазъ моихъ. Я никогда не могъ жить безъ любви, безъ привязанности къ кому бы то ни было. Это было такъ, что я себя не запомню. Но эта постоянная насмѣшка судьбы, по которой всѣ мои надежды и мечты обыкновенно разлетались прахомъ, постоянно сушитъ и охлаждаетъ мое сердце, и нѣтъ ничего мудренаго, что скоро оно будетъ твердо и холодно, какъ камень. Вотъ хоть бы и теперь — что вдругъ понадобилось Ивану Максимовичу въ Тамбовѣ? Чѣмъ ему нехорошо здѣсь? Что за обстоятельства? А между тѣмъ, я страдаю, и еще какъ страдаю — тѣмъ болѣе, что мнѣ этого ни передъ кѣмъ нельзя высказать: всѣ станутъ смѣяться. Я бѣшусь только внутренно, и произношу тысячу проклятій. Но какія проклятія, какія слова выразятъ то, что я чувствую теперь въ глубинѣ души моей! Я пробовалъ всѣ энергическія

восклицанія русскаго народа, которыми онъ выражаетъ свои сильныя ощущенія, но все, что я знаю—слабо, не выражаетъ... и я по-прежнему взволнованъ, и по-прежнему въ душѣ моей кипитъ и бурлитъ страшное безпокойство. Я теперь надѣлалъ бы чортъ-знаетъ что, весь міръ перевернулъ бы вверхъ дномъ, выцарапалъ бы глаза, откусилъ бы пальцы тому... который подписалъ увольненіе Ивана Максимовича. Но, увы! это ни къ чему не поведетъ, и мнѣ остается только стараться смирить свои бѣшеные порывы»...

Всѣ эти разочарованія привели Добролюбова къ мучительному сознанію своего ничтожества передъ обстоятельствами, которыя, какъ будто нарочно, смѣялись надъ бѣднякомъ, разрушая въ прахъ его самыя завѣтныя мечты и вертя имъ по какому-то слѣпому произволу. Тяжелое уныніе и апатія были слѣдствіемъ этого сознанія.

«Я совершенно опустился—пишетъ Добролюбовъ объ этомъ своемъ состояніи—ничего не дѣлалъ, не писалъ, мало даже читалъ... Что-то такое тяготило меня и, указывая на всю суету мірскую, говорило: къ чему? Что тебя здѣсь ожидаетъ? Тебѣ суждено пройти незамѣченнымъ въ твоей жизни и при первой попыткѣ выдвинуться изъ толпы, обстоятельства, какъ ничтожнаго червя, раздавятъ тебя... И ничего ты не сдѣлаешь, ничего не можешь ты сдѣлать, несмотря на всю твою самонадѣянность, и припомнился мнѣ желчный стихъ Лермонтова:

Не вѣрь, не вѣрь себѣ, мечтатель молодой!..»

Это былъ кризисъ, послѣ котораго энергія воскресла съ новою силой и напряженностью, но это была уже не энергія романтическихъ мечтаній и безотчетныхъ порывовъ, а сознательной борьбы съ гнетущими обстоятельствами. Бѣднякъ впервые трезво взглянулъ на свое положеніе и сознаіъ, что даромъ ему ничего не дается, что достигнуть чего-нибудь онъ можетъ только усидчивымъ, кропотливымъ трудомъ, и въ немъ появились первые ростки новаго идеала — идеала положительнаго труженика, который энергически стремясь къ возвышеннымъ цѣлямъ, не пренебрегаетъ, въ то-же время, матеріальными условіями жизни, сознаетъ ихъ неотразимость и старается принимать ихъ въ соображеніе при каждомъ своемъ шагѣ:

«Тогда я все собирался ѣхать въ университетъ—пишетъ онъ объ этой перемѣнѣ въ началѣ 1853 года—и между тѣмъ, ничего не дѣлалъ; нынче мои предположенія опредѣленнѣе, и я готовлюсь ихъ выполнить. Тогда мнѣ представлялось, что въ университетѣ лучше учиться, чѣмъ въ академіи. Но я считалъ тогда совершенно излишнимъ думать о томъ, что будетъ по окончаніи курса; теперь я подумалъ объ этомъ и нашелъ, что разница между тѣмъ и другимъ самая малая, а между тѣмъ, сберегается въ четыре года около 1,000 р. сер.—вещь немаловажная. Кромѣ того, замѣтно даже мнѣ самому (впрочемъ, это не диво: я люблю наблюдать надъ собою), что я сдѣлался гораздо серьезнѣе, положительнѣе, чѣмъ прежде. Бывало, я хотѣлъ все исчислить, все понять и узнать; науки казались мнѣ лучше всего, и моей *страстью къ книгамъ* я хотѣлъ доказывать—для самого себя—безкорыстное служеніе и природное призваніе къ наукѣ. Нынѣ я въ своихъ мечтахъ не забываю и деньги и, разсчитывая на славу, разсчитываю вмѣстѣ на барыши, хотя еще не могу отказаться отъ плана—употребить ихъ, опять-таки, для пріобрѣтенія новой славы. Страсть мою къ книгамъ я не называю нынче влеченіемъ къ наукѣ, а настоящимъ ея именемъ, и вижу въ ней только признакъ того, что я большой библіофилъ, потому что я люблю книги, какого бы рода онѣ ни были, и сгораю желаніемъ, увидя книгу, не узнать то, что въ ней написано, но только узнать, что это за книга, какова и проч. Самому чтенію какой-бы то ни было книги я, большею частью, предаюсь только для удовольствія сказать себѣ: читалъ то и то; эта, и другая, третья, и десятая книга мнѣ извѣстны... Поэтому-то, я такъ люблю нынѣ читать журналы и преимущественно отдѣлъ библіографіи и журнальныя замѣтки. Недавно присоединилось сюда и другое побужденіе: я читаю иное для того, что это пригодится на пріемномъ экзаменѣ. Далѣе я пока не простираюсь. Литературныя цѣли мои достигаются пока только записываньемъ, списываньемъ и писаньемъ».

Рядомъ со всѣмъ этимъ повліяло на Добролюбова и чтеніе беллетристовъ сороковыхъ годовъ. Какъ ни узокъ былъ кругъ ихъ художественныхъ образовъ, какъ ни мелки и жалки были ихъ положительные идеалы, какъ, наконецъ, ни отстало было ихъ міросозерцаніе, но, тѣмъ не менѣе, различные отголоски идей сороковыхъ годовъ постоянно отзывались въ ихъ произведеніяхъ. Въ то-же время они не переставали выставлять во всемъ безобразіи героевъ растлѣннаго эпикуреизма праздной жизни своей среды. Отвращеніе, возбуждаемое этими героями, было тѣмъ сильнѣе, что изображеніе ихъ носило совершенно субъективный характеръ. Писатели любили своихъ героевъ, выставляли ихъ нерѣдко, какъ лучшихъ представителей своей среды и, тѣмъ не менѣе, обнаруживали всю ихъ несостоятельность, рефлектируя и плача вмѣстѣ съ ними надъ несостоятельностью всей своей среды. Такими самоизгрызеніями беллетристы сороковыхъ годовъ сами внушали въ молодомъ поколѣніи то отвращеніе отъ всѣхъ прежнихъ идеаловъ, за которое они впослѣдствіи напали на это молодое поколѣніе... Такому вліянію беллетристовъ сороковыхъ годовъ подвергся и Добролюбовъ.

«Въ началѣ прошлаго года — пишетъ онъ все о томъ-же своемъ возрожденіи — я какъ-то все сбивался: хотѣлъ походить на Печорина и Тамарина, хотѣлъ толковать, какъ Чацкій, а между тѣмъ, представлялся какимъ-то Вихляевымъ и особенно похожъ былъ на Шамилова. Изображеніе этого человѣка глубоко укололо мое самолюбіе, я устыдился, и если не тотчасъ принялся за дѣло, то, по крайней мѣрѣ, сознаіъ потребность труда, пересталъ заноситься въ высшія сферы, и мало-по-малу исправляюсь теперь. Конечно, много здѣсь подѣйствовало на меня и время, но не могу не сознать, что и чтеніе «Богатаго Жениха» также способствовало этому. Оно пробудило и опредѣлило для меня давно спавшую во мнѣ и смутно понимаемую мною мысль о необходимости труда, и показало все безобразіе, пустоту и несчастіе Шамиловыхъ. Я отъ души поблагодарилъ Писемскаго. Кто знаетъ, можетъ быть, онъ помогъ мнѣ, чтобъ я со временемъ лучше могъ поблагодарить его!?...».

Слѣдствіемъ подобнаго возрожденія энергіи и обращенія ея къ труду и положительнымъ цѣлямъ было то, что въ томъ-же году уже Добролюбовъ имѣлъ возможность выйти изъ семинаріи за два года до окончанія курса и, въ августѣ 1853 года, онъ отправился въ Петербургъ держать пріемный экзаменъ въ санктпетербургскую духовную академію. Но въ Петербургѣ онъ узналъ о возможности поступить въ педагогическій институтъ и поступилъ туда, такъ какъ институтъ, при всѣхъ своихъ недостаткахъ, все-таки, бли-

же подходилъ къ университету во всѣхъ отношеніяхъ, чѣмъ академія. Поступивши въ институтъ, на казенный, конечно, счетъ, Добролюбовъ избралъ, такъ сказать, средній путь: удовлетворилъ, на сколько возможно, своимъ мечтамъ объ университетѣ и, въ тоже время, избавилъ своихъ родителей отъ необходимости содержать его.

По пріѣздѣ въ Петербургъ и по поступленіи въ институтъ, развитіе Добролюбова пошло еще, конечно, бѣстрѣе. Онъ весь углубился въ книги.

«Онъ читалъ, читалъ всегда и вездѣ, по временамъ внося содержаніе прочитаннаго (хотя онъ и безъ того хорошо помнилъ) въ имѣвшуюся у него толстую въ алфавитномъ порядкѣ библіографическую тетрадь — говоритъ товарищъ Добролюбова, Радонежскій, въ своихъ воспоминаніяхъ объ институтскихъ годахъ Добролюбова — въ столѣ у него было столько разнаго рода замѣтокъ, рѣдкихъ рукописей, тетрадей, корректуръ, держа которыя въ первое время онъ заработывалъ себѣ копѣйку, въ шкапу столько книгъ, что и ящикъ въ столѣ, и полки въ шкапу ломились».

Это исключительное погруженіе въ міръ науки и идей отражалось, какъ въ письмахъ Добролюбова, такъ и во всѣхъ его отношеніяхъ къ людямъ.

«Въ его первыхъ письмахъ изъ Петербурга — говоритъ Лебедевъ въ своихъ воспоминаніяхъ — выражалось совершенное невниманіе къ красотамъ столицы, полное хладнокровіе къ нимъ, которое онъ замѣтно старался передать и тѣмъ, кто требовалъ отъ него подробныхъ описаній. А какъ у семинастовъ водится описывать всякій городъ, куда метнетъ ихъ судьба учиться, то молчаніе Добролюбова было очень непріятно для его товарищей. Нашлось довольно людей, которые, нисколько не сговариваясь между собой, прямо осудили его за то, что онъ корчитъ изъ себя ужь очень умнаго человѣка, на котораго, будто, не дѣйствуетъ никакая внѣшность. Упреки въ гордости, въ невнимательности къ товарищамъ и тому подобное посыпались отвсюду. За то безъ всякой просьбы съ ихъ стороны, Николай Александровичъ дѣлился съ знакомыми тѣми идеями, какія онъ встрѣтилъ или развилъ въ институтѣ; онъ высылалъ цѣлыя тетрадки записокъ, печатные листки по почтѣ, или съ вѣрными людьми къ нѣкоторымъ знакомымъ, къ профессорамъ; онъ звалъ ихъ на честную, благую дѣятельность, рисовалъ имъ идеалы обязанностей, преимущественно священническихъ; въ пріѣзды въ Нижній онъ довершалъ такія сношенія лично»...

Такимъ образомъ, вы видите, что уже въ семнадцать лѣтъ изъ Добролюбова выработался энтузіастъ, до самозабвенія преданный идеямъ, развитію себя и другихъ, стремленію осуществлять въ жизни высокіе идеалы и побуждать къ этому ближнихъ. Уже съ семнадцати лѣтъ онъ привыкаетъ къ серьезному отношенію къ жизни, ищетъ всюду пользы и содержанія, дѣлается врагомъ безцѣльныхъ созерцаній и чувствоизліяній, вслѣдствіе чего, находя излишнимъ пускаться въ описаніе красотъ столицы, спѣшитъ подѣлиться съ товарищами своими идеями. И во всемъ этомъ вы не видите ни капли чего-либо напускнаго, навѣяннаго извнѣ. Такъ выработала и направила молодаго человѣка сама жизнь со всѣми своими невзгодами, препятствіями, разочарованіями, лишеніями, униженіями и прочими прелестями положенія бѣднаго семинариста, самостоятельно пробивающаго себѣ дорогу безъ всякихъ протекцій и какихъ-либо посторонних поддержекъ.

А жизнь не переставала наносить ему ударъ за ударомъ, все болѣе и болѣе напрягая его энергію въ борьбѣ съ обстоятельствами, раскрывая ему глаза на всю безпомощность положенія массы такихъ бѣдняковъ, какъ онъ, ожесточая его и не давая ни минуты отдохнуть и забыться въ какихъ-нибудь успокоительныхъ мечтахъ и сладкихъ иллюзіяхъ. Не прошло и году по поступленіи его въ институтъ, какъ вдругъ умерла у него мать. Не успѣлъ онъ оправиться отъ страшнаго потрясенія, какое произвела на него утрата этого нѣжно любимаго имъ друга дѣтства, какъ вслѣдъ за матерью пошелъ въ могилу и отецъ, оставивши послѣ себя все семейство въ крайней нищетѣ, къ тому-же, обремененное тяжкими долгами, въ которыхъ старикъ запутался, вздумавши передъ своею смертію строить домъ, не имѣя на это надежнаго капитала. На рукахъ студента перваго курса осталось семейство изъ пяти сестеръ и двухъ братьевъ. Въ отчаяньи Добролюбовъ намѣревался уже бросить институтъ и искать мѣста уѣзднаго учителя въ своемъ городѣ, и едва только уговорили его родные, знакомые и товарищи отказаться отъ этого намѣренія, доказавъ ему, что скуднымъ жалованьемъ уѣзднаго учителя онъ не въ силахъ будетъ содержать свое семейство, для самыхъ выгодъ котораго необходимо, чтобы онъ кончилъ курсъ въ институтѣ. Ему представили также, что три года, оставшіеся ему до окончанія курса, сестры и братья его будутъ безбѣдно жить — одни у родственниковъ, другіе у нѣкоторыхъ изъ прихожанъ, уважавшихъ его отца. Такъ было и сдѣлано. Но Добролюбовъ былъ слишкомъ гордъ и независимъ, и не могъ допустить, чтобы его братья и сестры существовали исключительно милостью другихъ; къ тому-же, родные его были сами люди небогатые, и Добролюбовъ принужденъ былъ, не щадя себя, работать день и ночь; сверхъ своихъ институтскихъ занятій онъ началъ давать уроки, доставать переводы, и такимъ образомъ пріобрѣталъ деньги на содержаніе сестеръ и братьевъ.

Это семейное несчастіе повліяло какъ на здоровье Добролюбова, такъ и на всѣ его нравственныя и умственныя убѣжденія.

Начать съ того, что смерть матери такъ сильно подѣйствовала на основы его міросозерцанія, что послѣ этой катастрофы совершился окончательный переворотъ, разрушившій всѣ его дѣтскія убѣжденія.

— За что такъ строга судьба? говорилъ онъ однажды Радонежскому: — матушка моя была такъ религіозна... такъ набожна... и такъ необходима малолѣтней семьѣ нашей... Зачѣмъ было отнимать ее у насъ?.. Поневолѣ задумаешься...

— Неужели-же разстояніе между нами такъ непроходимо, что и материнское сердце не услышитъ мольбы страдающаго сына?—пишетъ онъ въ вышеприведенномъ обращеніи къ умершей матери — или я въ самомъ дѣлѣ долженъ думать, что ты не существуешь болѣе и что я тоже машина...

Вмѣстѣ съ переворотомъ основныхъ убѣжденій, переворотомъ, въ которомъ жизнь участвовала не менѣе, если не болѣе книги, совершился подъ вліяніемъ той-же катастрофы окончательный закалъ его нравственныхъ и общественныхъ стремленій.

Первый пылъ отчаянья, во время котораго Добро-

любовъ говорилъ своимъ роднымъ, что на что ему и жизнь-то теперь, развѣ только для братьевъ и сестеръ, для которыхъ онъ еще лѣтъ пять-шесть поживетъ, смѣнился сдержаннымъ, холоднымъ и тѣмъ болѣе мрачнымъ ожесточеніемъ.

— Въ концѣ августа — говоритъ Радонежскій — на обратномъ пути изъ дома въ Петербургъ, я встрѣтилъ Добролюбова на желѣзной дорогѣ, уже ѣхавшаго на этотъ разъ съ какимъ-то бариномъ-землякомъ во II классѣ.

— Что новаго у васъ, Николай, въ Нижнемъ?

— Отецъ умеръ, отвѣтилъ онъ.

Въ холодномъ тонѣ отвѣта, сказаннаго Добролюбовымъ съ язвительною улыбкой, мнѣ послышалось проклятіе, посланное судьбѣ... Да, онъ смѣялся, сообщая мнѣ эту грустную новость, но такъ смѣялся, что меня покоробило...

Эта холодная, язвительная улыбка, скрывающая за собою ѣдкую горечь, негодованіе и озлобленіе, сдѣлалась послѣ того основною чертой характера Добролюбова, отразившеюся впослѣдствіи во всѣхъ его сочиненіяхъ.

Другою, столь-же основною чертой характера Добролюбова сдѣлалась нетерпимость ко всякимъ безотчетнымъ восторгамъ и безцѣльнымъ радостямъ, нетерпимость, если хотите, нѣсколько аскетическая, но весьма понятная для человѣка, которому въ 18 лѣтъ жизнь успѣла насолить столько, сколько насолила она Добролюбову. Такова естественная логика бѣдняка: тяжела жизнь для большинства смертныхъ, все въ ней какъ будто нарочно, на зло, по какой-то безчеловѣчной насмѣшкѣ судьбы устроено такъ, чтобы существованіе тысячъ было подавлено, искажено, отравлено ради благополучія нѣсколькихъ избранниковъ. До смѣху-ли и веселыхъ пѣсенъ при взглядѣ на подобное зрѣлище? И такъ:

— Радонежскій! перестанешь-ли ты сердечные романсы распѣвать? вскричалъ однажды Добролюбовъ своему товарищу;—ужели ты не имѣешь въ запасѣ для пѣнія чего-нибудь получше? На, вотъ, пой... И Добролюбовъ сунулъ своему товарищу стихотворенія Некрасова: „Оставь, пожалуйста, любовь и цвѣты, пой „жизнь“ или плачь: это одно и то-же—ну, свисти!“ И при этомъ единственная пѣсня, которую Добролюбовъ любилъ и часто просилъ Радонежскаго спѣть ее— была: „Не слышно шуму городскаго“.

Но было-бы ложно думать, чтобы эта энергія ожесточенія, направившая всѣ силы Добролюбова на борьбу съ различными мрачными элементами жизни, не ослабѣвала ни на минуту, чтобы нервы его были постоянно одинаково напряжены и чтобы 18-ти-лѣтній юноша обратился въ какую-то безчувственную машину, направленную въ одну сторону. Жизнь постоянно представляла юношѣ свои различныя приманки и искушенія. Молодая, кипучая натура заявляла о своихъ требованіяхъ. Силы, направленныя къ одной цѣли, ослабѣвали порой: тогда являлась живая потребность покоя, отдыха, наслажденій. Но, вмѣстѣ съ тѣмъ, въ молодомъ человѣкѣ возникалъ страхъ опуститься, потерять энергію, упустить изъ виду главную цѣль жизни, утратить благородную злобу, помириться съ жизнію, и начиналась внутренняя борьба, подобная той, какую испытывалъ Гамлетъ между любовью къ Офеліи и сыновнимъ долгомъ мести.

«Странное дѣло—пишетъ Добролюбовъ въ своемъ дневникѣ въ одну изъ подобныхъ минутъ—нѣсколько дней тому назадъ я почувствовалъ въ себѣ возможность влюбиться; а вчера, ни съ того, ни съ сего, вдругъ мнѣ пришла охота учиться танцовать. Чортъ знаетъ, что это такое. Какъ-бы то ни было, а это означаетъ во мнѣ начало примиренія съ обществомъ. Но я надѣюсь, что не поддамся такому настроенію: чтобы сдѣлать что-нибудь, я долженъ не убаюкивать себя, не дѣлать уступки обществу, а напротивъ, держаться отъ него дальше, питать жолчь свою. При этомъ разумѣется, конечно, что я не буду дѣлать себѣ насилія, а стану ругаться только до тѣхъ поръ, пока это будетъ занимать меня и доставлять мнѣ удовольствіе. Дѣлать то, что мнѣ противно, я не люблю. Если даже разумъ убѣдитъ меня, что то, къ чему имѣю я отвращеніе, благородно и нужно, и тогда я сначала стараюсь пріучить себя къ мысли объ этомъ, придать болѣе интереса для себя этому дѣлу—словомъ, развить себя до того, чтобы поступки мои, будучи согласны съ абсолютною справедливостью, не были противны и моему личному чувству. Иначе, если я примусь за дѣло, для котораго я еще недовольно развитъ, и слѣдовательно, не гожусь, то, во-первыхъ, выйдетъ изъ него—«не дѣло, только мука», а во-вторыхъ, никогда не найдешь въ своемъ отвлеченномъ разумѣ столько силъ, чтобы до конца выдержать пожертвованіе собственною личностью отвлеченному понятію, за которое бьешься».

«Жизнь меня тянетъ къ себѣ, тянетъ неотразимо—пишетъ Добролюбовъ въ другомъ мѣстѣ—бѣда, если я встрѣчу теперь хорошенькую дѣвушку, съ которою близко сойдусь—влюблюсь непремѣнно и сойду съ ума на нѣкоторое время... И такъ вотъ она начинается, жизнь-то... Вотъ время для разгула и власти страстей... А я, дурачекъ, думалъ въ своей педагогической и метафизической отвлеченности, въ своей книжной сосредоточенности, что уже я «пережилъ свои желанья и разлюбилъ свои мечты». Я думалъ, что войду на поприще общественной дѣятельности чѣмъ-то въ родѣ Катона безстрастнаго или Зенона Стоика. Но вѣрно жизнь возьметъ свое...»

Одновременно съ этими бореніями и совершенно согласно съ ними окончательно выяснился и выработался въ умѣ Добролюбова тотъ новый идеалъ труженика, о которомъ мы говорили въ началѣ этой главы. Увлекшись этимъ идеаломъ, Добролюбовъ вознамѣрился выставить его въ романѣ, за писаніе котораго съ жаромъ принялся онъ въ 1855 году. Вотъ какія любопытныя свѣдѣнія сообщаетъ въ своихъ воспоминаніяхъ Радонежскій объ этомъ романѣ:

«Если не ошибаюсь, въ февралѣ 1855 года, я отправился въ лазаретъ. Въ лазаретѣ я нашелъ Добролюбова здоровымъ. Онъ по вечерамъ тамъ что-то писалъ и записывался иногда далеко за полночь. Я полюбопытствовалъ спросить: что ты пишешь, Николай?..»

«—А вотъ слушай. И онъ мнѣ прочелъ отрывокъ изъ предполагаемаго романа. Отрывокъ этотъ составлялъ первыя главы. Въ нихъ, помню, дѣло шло о воспитаніи двухъ мальчиковъ. Одинъ изъ нихъ былъ аристократенокъ—маменькинъ сынокъ, другой пріемышъ—соединенный братъ, служившій компаньономъ барченку... Мнѣ особенно памятны тѣ страницы, гдѣ авторъ говоритъ о деспотическихъ отношеніяхъ перваго къ послѣднему, и сцена, гдѣ мальчикъ пріемышъ-сирота однажды отдалъ встрѣченной имъ на улицѣ дѣвушкѣ-нищей, босой, съ окровавленными ногами, свои сапоги, за что барыня-мать больно высѣкла своего пріемнаго сына... Я долго

слушалъ этотъ разсказъ, полный горячаго сочувствія къ сиротѣ и читанный Добролюбовымъ съ большимъ одушевленіемъ... На глазахъ у меня навернулись слезы. Потомъ эти мальчики были отданы въ одно заведеніе учебное, вмѣстѣ учились, кончили курсъ удачно. Барченокъ жилъ и учился съ протекціей... Сирота—самъ собою, безъ помощи, всегда въ борьбѣ съ нуждой и людьми, подъ вліяніемъ чего характеръ послѣдняго выработался симпатичный, твердый, самостоятельный. Чтеніе, помню, кончено было (тутъ-же былъ и конецъ рукописи будущаго большаго романа) на томъ мѣстѣ, гдѣ эти два героя начинаютъ служебную карьеру, какъ и слѣдовало ожидать, различными путями. Маменькинъ сынокъ поступаетъ подъ крыло какого-то директора департамента, а сирота самъ гдѣ-то находитъ для себя мѣсто... Заглавія этого романа мнѣ тогда Добролюбовъ не сказалъ, вѣроятно, и самъ еще не зналъ, какъ его назвать; но замѣтилъ мнѣ, что пишется легко, что вовсе не такой трудъ, какъ онъ прежде думалъ, писать повѣсти... Кажется, этой повѣсти или романа покойный Добролюбовъ такъ и не кончилъ».

Надо-ли прибавлять, что въ этомъ сиротѣ, пробивающемъ самостоятельную дорогу, Добролюбовъ изобразилъ самого себя. Вмѣстѣ съ выработкой подобнаго идеала, онъ, естественно, сдѣлался ожесточеннымъ врагомъ всякой мишуры, рисовки, нарядныхъ мундировъ, ловкихъ поклоновъ и заискивающихъ улыбокъ, шикалъ въ театрѣ Максимову за его слишкомъ усердныя раскланиванья съ публикой, чуть не побилъ товарища, высказавшагося противъ освобожденія крестьянъ при первыхъ слухахъ объ эмансипаціи. Наконецъ, въ то-же время начали въ немъ бродить идеи въ родѣ той, какъ бы хорошо было уничтожить неравенство состояній, дѣлающее, по собственнымъ словамъ его, всѣхъ несчастными.

Но надо замѣтить, что и при преслѣдованіи этого новаго идеала бывали въ жизни Добролюбова свои реакціи, свои тревоги и сомнѣнія, въ которыя ему вдругъ начинало казаться, что внѣшность и свѣтская мишура составляютъ нѣчто такое необходимое въ жизни, безъ чего онъ погибнетъ. Въ такія минуты Добролюбовъ, забывая о своихъ новыхъ идеалахъ, становился въ положеніе тѣхъ бѣдняковъ сороковыхъ годовъ, которые, какъ мы говорили выше, терзались своимъ ничтожествомъ среди свѣтскаго общества.

«Мы остались вдвоемъ съ В. А. и я сталъ ей говорить совершенно беззастѣнчиво о своей застѣнчивости, неловкости, незнаніи свѣтскихъ приличій, неумѣньи держать себя въ обществѣ и т. п.—говоритъ Добролюбовъ въ одномъ мѣстѣ своего дневника: она согласилась, что я, дѣйствительно, не бoекъ, но утѣшала меня тѣмъ, что всѣ означенныя достоинства находятся во мнѣ не въ столь высокой степени, какъ я думаю. А въ самомъ дѣлѣ, какое-то ужасающее сходство нашелъ я въ себѣ съ Чулкатуринымъ. Я былъ внѣ себя, читая разсказъ; сердце мое билось сильнѣе, къ глазамъ подступали слезы, и мнѣ такъ и казалось, что со мной непремѣнно случится, рано или поздно, подобная исторія. Чувства-же, подобныя чувствамъ Чулкатурина на балѣ, мнѣ приходилось не разъ испытывать...»

Вотъ каковъ былъ Добролюбовъ передъ началомъ своей литературной дѣятельности. Таковъ былъ въ истинномъ смыслѣ этого слова типическій представитель молодаго человѣка той новой среды, которая выступила на поприще умственнаго движенія въ концѣ пятидесятыхъ годовъ. Безъ сомнѣнія, многіе молодые люди изъ этой среды, прочтя біографическія свѣдѣнія о Добролюбовѣ, найдутъ въ различныхъ чертахъ его характера, жизни, во многихъ его чувствахъ, думахъ и тревогахъ много знакомаго и общаго съ собою. Оттого-то Добролюбовъ и можетъ быть названъ вполнѣ типическимъ героемъ своего времени, и нельзя не послать упрека нашимъ беллетристамъ, что, измышляя различныхъ Базаровыхъ да Волоховыхъ, они упустили изъ виду заглянуть хотя бы въ „Современникъ" 1862 года № 1-й, гдѣ помѣщены „Матеріалы для біографіи Н. А. Добролюбова", изъ которыхъ мы заимствовали вышеизложенныя свѣдѣнія. Эти матеріалы показали бы имъ, что передумалъ и перечувствовалъ молодой человѣкъ новаго поколѣнія въ своемъ развитіи, и каковъ онъ на самомъ дѣлѣ, въ живой дѣйствительности, въ лицѣ своего наиболѣе типичнаго представителя.

XVI.

Начало литературной дѣятельности Добролюбова.—Добролюбовъ, какъ воскреситель идей сороковыхъ годовъ.—Реальныя основанія его міросозерцанія.—Эстетическія воззрѣнія.—Преобладаніе публицистики надъ критикой въ статьяхъ Добролюбова.—Характеръ публицистической дѣятельности Добролюбова.—Борьба противъ господства авторитета и вліяній крѣпостнаго права.—Обличеніе отсутствія народныхъ интересовъ, безсилія и мелочности въ литературѣ.—Положительные идеалы Добролюбова.—Выставленіе типа молодаго поколѣнія противъ типа людей сороковыхъ годовъ.—Исканіе цѣльныхъ характеровъ въ народѣ.—Вѣра въ живыя силы народа и противупоставленіе ихъ дряблости интеллигентной среды.—Заключеніе о Добролюбовѣ.—Общіе выводы и положенія изъ всего трактата.

Уже въ началѣ 1855 года Добролюбовъ познакомился и вошелъ въ сношенія съ однимъ изъ главныхъ сотрудниковъ „Современника". Радонежскій говоритъ въ своихъ воспоминаніяхъ, что Добролюбовъ отправился со своею неоконченною повѣстью, о которой была рѣчь въ предъидущей главѣ, къ этому сотруднику, и тотъ прямо и положительно сказалъ Добролюбову, чтобы онъ не совался въ беллетристику, что онъ пишетъ не повѣсть, а критику на сцены, имъ самимъ придуманныя. Надо полагать, что этотъ приговоръ сотрудника „Современника" окончательно направилъ Добролюбова на тотъ путь, на который онъ не замедлилъ вскорѣ послѣ того выступить.

Такъ, лѣтомъ 1856 года, за годъ до окончанія курса въ педагогическомъ институтѣ, Добролюбовъ отдалъ въ „Современникъ" историко-литературную статью о „Собесѣдникѣ любителей русскаго слова" и вскорѣ потомъ разборъ „Акта главнаго педагогическаго института". Въ обѣихъ этихъ статьяхъ Добролюбовъ выступилъ не такъ, какъ обыкновенно выступаютъ начинающіе писатели, то-есть, съ задатками будущаго таланта, но въ то-же время съ неопредѣленными, шаткими взглядами и подъ вліяніемъ предшественниковъ и учителей; напротивъ, онъ сразу явился передъ публикой во всей силѣ и зрѣлости таланта, вполнѣ сформировавшагося; будучи студентомъ 3-го курса, онъ уже стоялъ впереди своего вѣка и первыя статьи его являются передъ нами нисколько

не слабѣе послѣднихъ, писанныхъ передъ смертью. Такъ, въ статьѣ объ актѣ вы видите ту-же спокойную, сдержанную и тѣмъ болѣе безпощадную иронію, какую можете встрѣтить въ послѣднихъ статьяхъ „Свистка". Въ статьѣ о „Собесѣдникѣ" васъ поражаетъ громадная начитанность Добролюбова: вы видите, что онъ успѣлъ уже изучить всю русскую литературу съ Ломоносова и до новѣйшаго времени, и изучилъ ее не поверхностнымъ диллетантскимъ способомъ, а чисто ученымъ, до мельчайшихъ библіографическихъ подробностей. Такое изученіе по истинѣ поразительно въ 19-ти-лѣтнемъ юношѣ, особенно, если принять во вниманіе, что у него, сверхъ этихъ ученыхъ трудовъ, были на шеѣ казенныя институтскія занятія, да семья, для обезпеченія которой онъ долженъ былъ заработывать матеріальныя средства. Въ то-же время статья о „Собесѣдникѣ" показываетъ вамъ, что Добролюбовъ вполнѣ уже усвоилъ весь духъ и всѣ результаты движенія сороковыхъ годовъ, что и поставило его сразу впереди своего вѣка, стоявшаго, какъ мы уже говорили, сзади этихъ результатовъ. Такъ, въ самомъ началѣ статьи, онъ прямо нападаетъ на узкоспеціальное, библіографическое направленіе современной критики, сравнивая ее съ критикой сороковыхъ годовъ.

«За 15—20 лѣтъ передъ этимъ—говоритъ онъ—ко всему хотѣли прилагать эстетическія и философскія начала, во всемъ искали внутренняго смысла, всякій предметъ оцѣнивали по тому значенію, какое имѣетъ онъ въ общей системѣ знаній или между явленіями дѣйствительной жизни. Тогда господствовали высшіе взгляды, тогда старались уловить духъ, характеръ, направленіе, оставляя въ сторонѣ мелкія подробности, не выставляя на показъ всѣхъ данныхъ, а выбирая изъ нихъ только наиболѣе характерныя. Тогда критика обыкновенно рисовала намъ прежде всего фасадъ зданія, потомъ представляла намъ его планъ, говорила о матеріалахъ, изъ которыхъ оно построено, разсказывала о внутреннемъ устройствѣ и, затѣмъ, анализировала впечатлѣніе, которое производитъ это зданіе. Нынѣ это дѣлается не такъ. (Разумѣется, здѣсь—прибавляетъ при этомъ Добролюбовъ въ выноскѣ—большинство случаевъ, изъ которыхъ съ прошедшаго года начали появляться пріятныя исключенія). Прежде всего намъ показываютъ отдѣльно каждый кирпичъ, каждое бревно, каждый гвоздикъ, употребленный при постройкѣ дома, разсказывая подробно, гдѣ каждый изъ нихъ купленъ, откуда привезенъ, гдѣ лежалъ до того времени, какъ занялъ свое настоящее мѣсто. Затѣмъ, занимаются изслѣдованіемъ, на сколько, кѣмъ и какъ обрубленъ и обсѣченъ сырой матеріалъ, приготовленный для стройки. Наконецъ, представляютъ смѣту, сколько эти матеріалы стоили во время самой постройки и сколько они теперь стоютъ. Теперь дорожатъ каждымъ малѣйшимъ фактомъ біографіи и библіографіи. Можно надѣяться—говоритъ далѣе Добролюбовъ—далеко уйдетъ съ ними молодое поколѣніе. Много эта критика сообщитъ ему живыхъ воззрѣній, много породитъ отрадныхъ, прекрасныхъ явленій въ области умственной жизни, много подѣйствуетъ на развитіе общества... Пусть библіографы—заключаетъ Добролюбовъ эту характеристику современной ему критики—съ презрѣніемъ отвернутся отъ моего труда; пусть люди, ищущіе все только фактовъ, голыхъ, сырыхъ фактовъ, пусть они обвиняютъ меня въ недостаткѣ научнаго, моральнаго изслѣдованія, въ пристрастіи къ общимъ взглядамъ, пусть мой трудъ покажется имъ неосновательнымъ, пустымъ, легкимъ. Я не боюсь обвиненія и надѣюсь найти защиту передъ читателями именно въ легкости моего обозрѣнія. Я всѣми силами старался скрыть черную работу, которая положена въ основаніе зданія, снять всѣ лѣса, по которымъ лазилъ я во время стройки, потому что почитаю ихъ совершенно излишними украшеніями. Я старался представить выводы, результаты, итоги, а не частные счеты, не множители и дѣлители. Можетъ быть, отъ этого трудъ мой потеряетъ *научное* достоинство, но за то его можно будетъ читать, а я хочу лучше служить для чтенія, нежели для справокъ...» (см. С. Д., т. I, стр. 1—4 *).

Въ концѣ сороковыхъ годовъ, такія идеи, конечно, никого не удивили бы; напротивъ того, возбудили бы всеобщее сочувствіе. Но такова была отсталость общества въ пятидесятые годы, что въ этихъ самыхъ идеяхъ большинство общества, въ особенности-же солидные и строгіе адепты различныхъ спеціальностей, видѣли дерзкое глумленіе надъ наукой и легкомысленное отрицаніе ея. Даже самое невинное участіе въ журналѣ, помѣстившемъ эти двѣ первыя статьи Добролюбова, хотя и безъ подписи его имени, могло навлечь на Добролюбова всевозможныя непріятности въ институтѣ. Поэтому, Добролюбовъ долженъ былъ отложить свое сотрудничество въ „Современникѣ" до окончанія курса. Въ послѣдній годъ пребыванія своего въ институтѣ онъ ограничилъ свою литературную дѣятельность помѣщеніемъ нѣсколькихъ педагогическихъ статей въ журналѣ гг. Чумикова и Паульсона. И только по окончаніи курса въ половинѣ 1857 года началъ онъ свое постоянное сотрудничество въ „Современникѣ", а въ концѣ 1858 года онъ уже принялъ въ свое завѣдываніе отдѣлъ критики и библіографіи въ этомъ журналѣ.

Мы говорили уже, что исходъ пятидесятыхъ годовъ былъ эпохой возрожденія идей сороковыхъ годовъ въ массѣ молодаго поколѣнія и мыслящаго пролетаріата, причемъ тотъ самый процесъ умственнаго броженія, который обнималъ собою всю жизнь стараго поколѣнія, въ новомъ поколѣніи совершался въ самомъ юномъ возрастѣ, подъ вліяніемъ литературы сороковыхъ годовъ. Мы прослѣдили этотъ процесъ на Добролюбовѣ, видѣли, какъ юноша перешелъ черезъ мистицизмъ и романтизмъ, рефлексіи и сомнѣнія всякаго рода, и въ 19 лѣтъ онъ явился передъ нами усвоившимъ уже всѣ результаты движенія сороковыхъ годовъ. Читая статьи Добролюбова, вы не найдете уже тѣхъ колебаній и сомнѣній, той двойственности реальныхъ и метафизическихъ идей, какія мы встрѣчали въ сочиненіяхъ мыслителей предшествующей эпохи. Вы видите, что мысль Добролюбова рѣшительно и твердо стоитъ на реальной почвѣ. Поэтому, въ статьяхъ его вы не встрѣтите тѣхъ рѣзкихъ противорѣчій, переходовъ отъ одного строя мысли къ другому противуположному, тѣхъ, однимъ словомъ, періодовъ умственнаго процесса, которые мы видѣли въ сочиненіяхъ Бѣлинскаго или Герцена. Мысль Добролюбова одна и та-же въ послѣдней статьѣ, что и въ первой, примѣненная только къ различнымъ обстоятельствамъ и вопросамъ времени, и содержаніе этой мысли—полное, торжественное и безвозвратное отреченіе отъ

*) Всѣ ссылки на страницы мы дѣлаемъ по второму изданію сочиненій Добролюбова.

всѣхъ обветшалыхъ и отжившихъ взглядовъ. Мы не будемъ подробно излагать тѣхъ реальныхъ основаній, изъ которыхъ исходилъ Добролюбовъ въ своихъ статьяхъ, иначе намъ пришлось бы въ сотый разъ повторять идеи, о которыхъ мы неоднократно распространялись уже въ нашемъ обзорѣ. Отрицаніе заоблачныхъ и метафизическихъ фантазій, убѣжденіе, что явленія жизни частной и общественной подчиняются непреложнымъ, естественнымъ законамъ природы, сознаніе важности естественныхъ наукъ и опытнаго метода для изученія человѣка и общества, объясненіе побужденій и дѣйствій человѣка вліяніемъ обстоятельствъ, образующихъ характеръ его, отрицаніе отвлеченной теоріи нравственнаго долга и выводъ началъ нравственности изъ естественныхъ побужденій эгоизма на разныхъ ступеняхъ развитія, отрицаніе средневѣковой теоріи подавленія страстей и проповѣдь гармоническаго развитія ихъ—всѣ эти краеугольные камни реализма вы найдете въ каждой статьѣ Добролюбова. Желающіе болѣе подробно познакомиться съ этими основами міросозерцанія Добролюбова могутъ обратить особенное вниманіе на слѣдующія его статьи: „Буддизмъ, его догматы, исторія и литература", соч. В. Васильева (см. С. Добр., т. II, стр. 321), „Жизнь Магомета", соч. Вашингтона Ирвинга (см. С. Д., т. I, стр. 614); въ обѣихъ статьяхъ Добролюбовъ проводитъ свои вгляды на значеніе и характеръ вѣрованій въ исторіи; въ статьѣ „Органическое развитіе человѣка въ связи съ его умственною и нравственною дѣятельностью" (см. С. Д., т. II, стр. 25) вы найдете взгляды Добролюбова на единство человѣческой природы и на тѣсную зависимость духовной дѣятельности человѣка отъ его матеріальнаго организма. Въ статьѣ „Русская цивилизація, сочиненная г. Жеребцовымъ" (см. С. Д., т. II, стр. 275) теорія эгоизма развивается, какъ основа любви къ общему благу (см. стр. 308); въ статьѣ о Станкевичѣ (см. С. Д., т. II, стр. 1) та-же теорія эгоизма противуставляется теоріи нравственнаго долга и свободное влеченіе сердца представляется основой нравственности (см. стр. 10 и 11).

Мы тѣмъ болѣе имѣемъ права не распространяться объ основныхъ началахъ міросозерцанія Добролюбова, что роль Добролюбова въ нашей литературѣ была отнюдь не роль проповѣдника новой философской системы. Чисто-философскіе вопросы занимали Добролюбова гораздо въ меньшей степени, чѣмъ, напримѣръ, Бѣлинскаго въ концѣ тридцатыхъ годовъ или Герцена въ началѣ сороковыхъ, и весьма немного найдете вы въ собраніи его сочиненій такихъ статей, которыя были бы посвящены исключительно развитію тѣхъ или другихъ положеній реальной философіи. Послѣдняя служила для Добролюбова не предметомъ и цѣлью его пропаганды, а только исходною точкой, отъ которой онъ отправлялся, почвой, утвердясь на которой онъ дѣлалъ свое дѣло.

Въ такой-же степени, какъ нельзя Добролюбова назвать проповѣдникомъ реальной философіи, такъ было-бы ложно считать его исключительно критикомъ, то-есть, проповѣдникомъ какой-нибудь новой эстетической теоріи. Что касается эстетической теоріи, то Добролюбовъ весьма недалеко ушелъ въ ней отъ Бѣлинскаго и является въ этомъ отношеніи, въ свою очередь, воскресителемъ забытыхъ идей сороковыхъ годовъ. Онъ стоитъ впереди Бѣлинскаго въ своихъ эстетическихъ взглядахъ на столько лишь, на сколько онъ опережаетъ современниковъ Бѣлинскаго и во всѣхъ другихъ отношеніяхъ, то-есть: принявши новую теорію, утвердившись въ новыхъ взглядахъ, онъ уже безвозвратно покинулъ старые, основанные на метафизическихъ основаніяхъ. Такъ, мы видѣли, что и Бѣлинскій уже стоялъ за теорію искусства для жизни, требовалъ, чтобы произведеніе писателя удовлетворяло не однимъ эстетическимъ требованіямъ, но, въ то-же время, заключало въ себѣ какое-нибудь философское или общественное содержаніе. Но Бѣлинскій, какъ мы видѣли, очень часто въ практикѣ отступалъ отъ этихъ вглядовъ и въ оцѣнкахъ своихъ руководился началами чисто эстетической критики. Добролюбовъ-же рѣшительно отвергаетъ эстетическую критику. Такъ, напримѣръ, въ началѣ своей статьи о „Наканунѣ" онъ прямо говоритъ, что эстетическая критика сдѣлалась теперь принадлежностью чувствительныхъ барышень. „Малому знакомству съ чувствительными барышнями—говоритъ онъ—одолжены мы тѣмъ, что не умѣемъ писать такихъ пріятныхъ и безвредныхъ критикъ. Откровенно признаваясь въ томъ и отказываясь отъ роли „воспитателя эстетическаго вкуса публики", мы избираемъ другую задачу, болѣе скромную и болѣе соразмѣрную съ нашими силами". Это отрицаніе эстетической критики навлекло на Добролюбова болѣе всего гоненій со стороны чистыхъ эстетиковъ и обвиненій его въ томъ, что, отрицая эстетическую критику, онъ, будто бы, является приверженцемъ критики тенденціозной, требующей, чтобы поэты вдохновлялись различными гражданскими тенденціями и писали свои произведенія, искусственно задаваясь различными утилитарными тэмами.

Между тѣмъ, въ сущности, Добролюбовъ былъ такой-же врагъ искусственной тенденціозности, какъ и Бѣлинскій, и во всемъ томъ, что было реальнаго въ эстетическихъ воззрѣніяхъ Бѣлинскаго, Добролюбовъ совершенно сходится съ нимъ. Такъ, напримѣръ, въ началѣ статьи о „Грозѣ" Островскаго (см. т. 3-й, стр. 511) онъ прямо говоритъ:

«Мы нисколько не думаемъ, чтобы всякій авторъ долженъ былъ создавать свои произведенія подъ вліяніемъ извѣстной теоріи: онъ можетъ быть какихъ угодно мнѣній, лишь бы талантъ его былъ чутокъ къ жизненной правдѣ. Художественное произведеніе можетъ быть выраженіемъ извѣстной идеи не потому, что авторъ задался этою идеей при его созданіи, а потому, что автора его поразили такіе факты дѣйствительности, изъ которыхъ эта идея вытекаетъ сама собою. Такимъ образомъ, напримѣръ: философія Сократа и комедіи Аристофана, въ отношеніи къ религіозному ученію грековъ, служатъ выраженіемъ одной и той-же общей идеи—разрушенія древнихъ вѣрованій; но вовсе нѣтъ надобности думать, что Аристофанъ задавалъ себѣ именно эту цѣль для своихъ комедій: она достигается у него просто картиной нравовъ того времени. Изъ его комедій мы рѣшительно убѣждаемся, что въ то время, когда онъ писалъ, царство греческой миѳологіи уже прошло; то-есть, онъ практически приводитъ насъ къ тому, что Сократъ и Платонъ доказываютъ философскимъ образомъ. Такова и вообще бываетъ разница въ способѣ дѣйствія произведеній поэтическихъ и собственно теоретическихъ. Она соотвѣтствуетъ разницѣ въ самомъ

способѣ мышленія художника и мыслителя: одинъ мыслитъ конкретнымъ образомъ, никогда не теряя изъ виду частныхъ явленій и образовъ, а другой стремится все обобщать, слить частные признаки въ общей формулѣ; но существенной разницы между истиннымъ знаніемъ и истинною поэзіей быть не можетъ: талантъ есть принадлежность натуры человѣка и потому онъ несомнѣнно гарантируетъ намъ извѣстную силу и широту естественныхъ стремленій въ томъ, кого мы признаемъ талантливымъ. Слѣдовательно, и произведенія его должны создаваться подъ вліяніемъ этихъ естественныхъ, правильныхъ потребностей натуры; сознаніе нормальнаго порядка вещей должно быть въ немъ ясно и живо, идеалъ его простъ и разуменъ, и онъ не отдастъ себя на служеніе неправдѣ и безсмыслицѣ, не потому, чтобы не хотѣлъ, а просто потому, что не можетъ—не выйдетъ у него ничего хорошаго, если онъ вздумаетъ насиловать свой талантъ. Подобно Валааму, захочетъ онъ проклинать Израиля, и противъ его воли, въ торжественную минуту вдохновенія, въ его устахъ явятся благословенія вмѣсто проклятій. А если и удастся ему выговорить слово проклятія, то оно лишено будетъ внутренняго жара, будетъ слабо и неразумительно. Намъ нечего ходить далеко за примѣрами—наша литература изобилуетъ ими едва-ли не болѣе всякой другой. Возьмите хоть Пушкина и Гоголя: какъ бѣдны и трескучи заказныя стихотворенія Пушкина, какъ жалки аскетическія попытки Гоголя въ литературѣ! Доброй воли было у нихъ много, но воображеніе и чувство не давали достаточно матеріала для того, чтобы сдѣлать истинно поэтическую вещь на заказныя, искусственныя тэмы. Да и не мудрено: дѣйствительность, изъ которой почерпаетъ поэтъ свои матеріалы и свои вдохновенія, имѣетъ свой натуральный смыслъ, при нарушеніи котораго уничтожается самая жизнь предмета и остается только мертвый остовъ его. Съ этимъ остовомъ и принуждены были всегда оставаться писатели, хотѣвшіе, вмѣсто естественнаго смысла, придать явленіямъ другой, противный ихъ сущности».

Такимъ образомъ, основною эстетическою теоріей Добролюбова является, какъ и у Бѣлинскаго,—та-же теорія непроизвольнаго, естественнаго творчества, влекущаго поэта къ изображенію дѣйствительности, правды жизни. Различіе между Бѣлинскимъ и Добролюбовымъ съ одной стороны и чистыми эстетиками съ другой заключалось только въ томъ, что послѣдніе, проповѣдуя ту-же самую теорію, говорили, что превосходное изображеніе древеснаго листочка столь-же важно, какъ, напримѣръ, превосходное изображеніе характера человѣка. Добролюбовъ-же возражалъ на это, повторяя то, что неоднократно говорилъ и Бѣлинскій:

«Можетъ быть, субъективно это будетъ и справедливо: собственно сила таланта можетъ быть одинакова у двухъ художниковъ, и только сфера ихъ дѣятельности различна. Но мы никогда не согласимся, чтобы поэтъ, тратящій свой талантъ на образцовыя описанія листочковъ и ручейковъ, могъ имѣть одинаковое значеніе съ тѣмъ, кто съ равною силой таланта умѣетъ воспроизводить, напримѣръ, явленія общественной жизни. Намъ кажется, что для критики, для литературы, для самого общества гораздо важнѣе вопросъ о томъ, на что употребляется, въ чемъ выражается талантъ художника, нежели то, какіе размѣры и свойства имѣетъ онъ въ самомъ себѣ, въ отвлеченіи, въ возможности» (см. С. Д., т. 2-й, стр. 585).

Но еще разъ повторяемъ, высказывая подобные взгляды на искусство, Добролюбовъ, тѣмъ не менѣе, все-таки, не былъ критикомъ въ тѣсномъ смыслѣ этого слова, сообразно этимъ взглядамъ.

Взгляды эти, въ свою очередь, не составляли главной цѣли дѣятельности Добролюбова, а были только исходными точками, отъ которыхъ онъ отправлялся. Скромная роль оцѣнщика изящныхъ произведеній, ихъ относительныхъ достоинствъ и недостатковъ, хотя-бы и съ точекъ зрѣнія критики содержанія, была совершенно не по характеру какъ вѣка, въ который выразилась дѣятельность Добролюбова, такъ и самого дѣятеля. Это былъ слишкомъ бурный и тревожный вѣкъ, и слишкомъ много было поставлено въ немъ роковыхъ и существенныхъ вопросовъ жизни, чтобы мало-мальски живой человѣкъ могъ довольствоваться проведеніемъ новыхъ критическихъ взглядовъ на изящныя произведенія своего времени, а тѣмъ болѣе такой человѣкъ, какъ Добролюбовъ, котораго, какъ мы видѣли, сама жизнь привела, своими ударами и испытаніями, къ общественнымъ вопросамъ. Поэтому, мы и видимъ въ Добролюбовѣ не столько критика, сколько публициста. Произведенія искусства, которыя являлись въ его время, служили для него вовсе не предметами его разсмотрѣнія, а только предлогами для того, чтобы обсуждать тѣ факты жизни, которые въ этихъ произведеніяхъ отражались. Какъ критикъ, онъ, конечно, обязанъ былъ бы обращать вниманіе на каждое литературное явленіе, мало-мальски выдающееся изъ ряда посредственности, и разъяснять публикѣ значеніе этого явленія, опредѣлять ему мѣсто въ литературѣ. Такъ дѣлалъ въ свое время Бѣлинскій, который не упускалъ изъ виду ни одного выдающагося произведенія своего времени и каждое подвергалъ надлежащей оцѣнкѣ съ своей точки зрѣнія. Но публицистъ, преслѣдующій свои особенныя цѣли, очевидно, не имѣетъ надобности обращать вниманіе на каждое произведеніе, а беретъ изъ нихъ только такія, какія почему либо пригодны для его пропаганды; наконецъ, что касается тѣхъ произведеній, какія онъ выбираетъ для своего разсмотрѣнія, то для него важны они не сами по себѣ, какъ образцы литературныхъ успѣховъ, а по тѣмъ фактамъ, которые онъ въ нихъ находитъ. Такъ дѣлалъ и Добролюбовъ. Въ выборѣ произведеній для своего анализа онъ руководствовался чисто публицистическими цѣлями и обращалъ вниманіе только на такія изъ нихъ, которыя этимъ цѣлямъ такъ или иначе удовлетворяли. Такъ, напримѣръ, романъ Писемскаго „Тысяча душъ", надѣлавшій не мало шуму въ свое время, совершенно не подвергся критикѣ Добролюбова, хотя критикъ въ истинномъ значеніи этого слова, конечно, былъ обязанъ высказать о немъ свое сужденіе и тѣмъ болѣе обязанъ, чѣмъ важнѣе были недостатки этого романа. Между тѣмъ, Добролюбовъ умолчалъ объ этомъ романѣ, именно вслѣдствіе его недостатковъ, такъ какъ, представляя факты жизни невѣрно, романъ этотъ не даетъ возможности положиться на него. „О „Тысячѣ душъ"—говоритъ Добролюбовъ (см. т. 3, стр. 304)—мы вовсе не говорили, потому что, по нашему мнѣнію, вся общественная сторона этого романа сильно притянута къ заранѣе сочиненной идеѣ. Стало быть, тутъ не о чемъ толковать, кромѣ того, въ какой степени ловко составилъ авторъ свое сочиненіе. *Положиться на правду и живую дѣйствительность фактовъ, изложен-*

ныхъ авторомъ, невозможно, потому что отношенiе его къ этимъ фактамъ не просто и не правдиво". Въ этихъ словахъ отношенiе Добролюбова къ задачамъ критика совершенно такое-же, каково отношенiе историка-прагматика къ исторической критикѣ. Послѣдняя разсматриваетъ всѣ историческiе источники безъ исключенiя, имѣя въ виду опредѣленiе ихъ достовѣрности или нелѣпости; между тѣмъ, историкъ-прагматикъ выбираетъ для своего изслѣдованiя одни достовѣрные источники, на которые можно положиться при обсужденiи историческихъ фактовъ.

Такимъ образомъ, ни философскiя задачи, ни критическiя не были главными цѣлями дѣятельности Добролюбова. Онъ былъ публицистъ въ истинномъ значенiи этого слова—всѣ его статьи направлены были къ проповѣди новыхъ общественныхъ идеаловъ и къ анализу современной ему жизни на основанiи этихъ идеаловъ. Въ этомъ заключается вся цѣль его дѣятельности, и этою цѣлью опредѣляется все его литературное значенiе, сила и влiянiе на общество. Подъ перомъ Добролюбова съ русскою критикой сдѣлалось такое-же превращенiе, какое случается испытывать парижскимъ кафе или паркамъ въ моменты особенно сильнаго напряженiя общественной жизни: предназначенные для отдыха и мирныхъ наслажденiй, они вдругъ обращаются въ арены бурныхъ пренiй и политической борьбы. Такъ точно измѣнилась подъ влiянiемъ обстоятельствъ критика, имѣвшая во времена Бѣлинскаго скромное назначенiе заниматься чисто литературными вопросами. Внѣшняя форма осталась та-же самая: то-же, повидимому, обсужденiе того или другаго изящнаго произведенiя; между тѣмъ, содержанiе вдругъ раздвинулось и совершенно вышло изъ прежнихъ границъ. Литературная критика обратилась въ критику жизни, критику общества, и соцiальные вопросы отодвинули литературные на самый заднiй планъ.

На всѣхъ этихъ основанiяхъ, не распространяясь болѣе о философскихъ и эстетическихъ воззрѣнiяхъ Добролюбова и довольствуясь тѣмъ, что мы сказали объ этомъ предметѣ на предыдущихъ страницахъ, мы считаемъ необходимымъ обратить все наше вниманiе на общественные взгляды Добролюбова, на характеръ и цѣли его пропаганды въ качествѣ публициста, чѣмъ, еще разъ повторяю, и опредѣляется все значенiе его въ литературѣ.

Подъ общимъ и крайне широкимъ понятiемъ публициста разумѣются писатели самыхъ разнообразныхъ свойствъ и спецiальностей, не имѣющихъ часто ничего общаго между собою: сюда входитъ и газетный обличитель, не идущiй далѣе раскрытiя какихъ нибудь частныхъ злоупотребленiй или беззаконiй, и партизанъ, отстаивающiй принципы своей партiи, и составитель проекта объ устройствѣ какой нибудь новой отрасли правленiя, и смѣлый утопистъ, рисующiй передъ вами картину совершенно новой и небывалой на землѣ жизни. Совершенно иная роль представляется публицисту въ обществѣ, въ которомъ политическая жизнь вполнѣ развита со всѣми своими аттрибутами — свободой пренiй и борьбой партiей — и въ обществѣ патрiархальномъ, апатичномъ и равнодушномъ къ вопросамъ общаго блага. Въ послѣднемъ случаѣ публицисту приходится говорить о такихъ элементарныхъ предметахъ, о которыхъ въ развитыхъ обществахъ публицистъ, конечно, почелъ бы столь-же излишнимъ распространяться, какъ о какой нибудь табличкѣ умноженiя.

Наконецъ, если мы возьмемъ массу публицистовъ-прогрессистовъ, къ какимъ, конечно, принадлежалъ Добролюбовъ, то есть, такого рода публицистовъ, которые предлагаютъ обществу новые пути и цѣли, то мы увидимъ, что во всѣ времена и во всѣхъ странахъ публицисты этого рода представляютъ два рѣзкiе типа; иногда типы эти соединяются и въ одной личности, но чаще всего проявляются раздѣльно, сообразно наклонности публициста выразить дѣятельность въ томъ или другомъ типѣ. Эти два типа суть: 1) типъ возбудителя и 2) типъ указателя.

Въ самомъ дѣлѣ, предположите, что вы живете въ очень скверной, сырой и грязной квартирѣ, рискуя подвергаться съ семействомъ всевозможнымъ болѣзнямъ; въ то же время вы платите за квартиру крайне дорого и терпите, вдобавокъ, всевозможныя непрiятности отъ вашего хозяина. Между тѣмъ, вы продолжаете жить на вашей квартирѣ, терпѣливо сносите всѣ ея неудобства и непрiятности, и вамъ не приходитъ и въ голову мѣнять ее. Наконецъ, являются къ вамъ на выручку ваши прiятели съ цѣлью во чтобы то ни стало перетащить насъ на новоселье. Что-же нужно сдѣлать для этого вашимъ прiятелямъ? Очевидно, прежде всего имъ необходимо убѣдить васъ, что ваша квартира никуда не годится, представить въ самыхъ яркихъ краскахъ всѣ ея неудобства, всю недобросовѣстность вашего хозяина, всю неблаговидность вашей безпечности и терпѣливости, наконецъ, всѣ гибельныя послѣдствiя, которымъ вы рискуете подвергнуться со всѣмъ вашимъ семействомъ, если останетесь на прежней квартирѣ. Всѣ эти доводы необходимо представить вамъ, чтобы внушить рѣшимость и энергiю къ перемѣнѣ квартиры. Но этого всего еще недостаточно: при всемъ убѣжденiи въ необходимости переѣзда, вы можете остаться на прежней квартирѣ, полагая, что новыхъ квартиръ въ городѣ не имѣется, а если и есть нѣсколько пустыхъ, то, пожалуй, онѣ еще хуже той, которую вы занимаете; ко всему этому, васъ можетъ удержать и неимѣнiе лишнихъ средствъ къ переѣзду. Но могутъ найтись и такiе практическiе и услужливые друзья, которые возьмутся отыскать вамъ болѣе удобную и дешевую квартиру, убѣдятъ васъ во всѣхъ ея преимуществахъ относительно старой, наконецъ, предложатъ вамъ и нѣсколько весьма дѣльныхъ совѣтовъ къ отысканiю средствъ, необходимыхъ для вашего переѣзда. Ничто, конечно, не мѣшаетъ тѣмъ же самымъ прiятелямъ, которые возбудили въ васъ рѣшимость къ перемѣнѣ квартиры, приняться и за вторую половину дѣла, то есть, за прiисканiе для васъ новой квартиры. Но чаще всего въ жизни роли раздѣляются. Одни обладаютъ болѣе всего силой убѣжденiя, жаромъ страстнаго, энергическаго энтузiазма, способнаго увлекать всѣхъ за собою, въ другихъ же преобладаетъ спокойная и практическая разсудочность, дѣлающая ихъ наклонными къ обдумыванью различныхъ мѣръ и средствъ. Этимъ различiемъ темпераментовъ и складовъ ума и опредѣляются два вышеупомянутые типа публицистовъ—публицистъ проповѣдникъ-обличитель и публицистъ-мѣропрiятель.

Человѣкъ, глубоко, пламенно, до мозга костей проникнутый своими идеалами, въ самыхъ юныхъ лѣтахъ успѣвшій ожесточиться подъ ударами судьбы, энергическій, трудолюбивый и въ то же время впечатлительный и страстный до лирическихъ стихоизліяній, Добролюбовъ, по всему складу характера, ума и жизни, былъ именно созданъ для роли публициста-проповѣдника и обличителя. Такимъ и является онъ въ своихъ сочиненіяхъ. Что же касается содержанія его пропаганды, то оно вполнѣ опредѣляется степенью развитія и состояніемъ общества, среди котораго онъ жилъ и дѣйствовалъ.

Мы уже говорили, что это было общество средневѣковое, полудикое, въ которомъ впервые только что пробудились самыя элементарныя понятія о гуманности, справедливости, честности, общественномъ благѣ; но всѣ эти понятія бродили въ смутномъ хаосѣ неосмысленныхъ фразъ и безотчетныхъ, неопредѣленныхъ порывовъ. Общество было сильно возбуждено рядомъ реформъ, задуманныхъ частью вслѣдствіе сознанія невозможности существовать при прежнихъ порядкахъ, частью подъ вліяніемъ Запада; но всѣ эти реформы понимались въ видѣ частныхъ мѣръ и нисколько не мѣшали господствовать во всѣхъ отношеніяхъ жизни, съ одной стороны, все тому же средневѣковому принципу безусловнаго подчиненія авторитету, съ другой стороны, тѣмъ привычкамъ, нравамъ и идеаламъ, которые основывались на крѣпостномъ правѣ и готовы были пережить его.

Вотъ противъ этихъ-то обветшалыхъ и отжившихъ началъ жизни и направилъ Добролюбовъ, главнымъ образомъ, свою пропаганду. Что касается принципа безусловнаго авторитета, то съ неумолимою послѣдовательностью и безъ малѣйшихъ уступокъ преслѣдуетъ этотъ принципъ Добролюбовъ во всѣхъ его проявленіяхъ въ семьѣ, въ школѣ, въ обществѣ и смѣло отвергаетъ его не только въ отношеніи къ взрослымъ людямъ, но и къ дѣтямъ.

Статья „О значеніи авторитета въ воспитаніи" (См. С. Д., т. 1, стр. 237) посвящена именно анализу растлѣвающаго вліянія принципа безусловнаго послушанія на развитіе ребенка. Для изложенія взглядовъ на этотъ предметъ Добрюлюбовъ воспользовался „Вопросами жизни" Пирогова, по поводу которыхъ и написана статья. Но съ первыхъ-же страницъ вы видите, какая радикальная противоположность между взглядами Пирогова и Добролюбова. Добролюбовъ, правда, не оспариваетъ взглядовъ Пирогова; напротивъ того, отдаетъ полную справедливость главному положенію его, заключающемуся въ томъ, что воспитаніе должно быть не узко-спеціальное, а общее, съ цѣлью воспитанія человѣка. Но, соглашаясь съ этимъ положеніемъ Пирогова, Добролюбовъ тотчасъ-же идетъ въ совершенно противоположную сторону отъ автора „Вопросовъ жизни". Мы видѣли, что Пироговъ подъ общимъ воспитаніемъ разумѣлъ подчиненіе человѣка отвлеченнымъ, заоблачнымъ принципамъ, и притомъ принципамъ такого рода, изъ которыхъ прямо и непосредственно вытекаетъ подчиненіе авторитету. Добролюбовъ, совершенно наоборотъ, въ слѣпомъ подчиненіи авторитету и полагаетъ главную причину убійства въ дѣтяхъ внутренняго человѣка. По мнѣнію Добролюбова,

«отсутствіе самостоятельности въ сужденіяхъ и взглядахъ, вѣчное недовольство въ глубинѣ души, вялость и нерѣшительность въ дѣйствіяхъ, недостатокъ силы воли, чтобы противиться постороннимъ вліяніямъ, вообще обезличеніе, а вслѣдствіе этого легкомысліе и подлость, недостатокъ твердаго и яснаго сознанія своего долга и невозможность внести въ жизнь что-либо новое, болѣе совершенное, отличное отъ прежде установленныхъ порядковъ—вотъ дары, которыми *безусловное* повиновеніе при воспитаніи надѣляетъ человѣка, отпуская его на жизненную борьбу!.. И съ такими-то качествами—говоритъ Добролюбовъ—человѣкъ долженъ ратовать за свои убѣжденія противъ цѣлаго общества, и онъ, привыкшій жить чужимъ умомъ, дѣйствовать по чужой волѣ, онъ долженъ вдругъ поставить *себя* мѣркой для цѣлаго общества, долженъ сказать: вы ошибаетесь, я правъ; вы дѣлаете дурно, а вотъ какъ нужно дѣлать хорошо!.. Да гдѣ-же онъ возьметъ столько силы? Во имя чего онъ будетъ бороться? Неужели во имя авторитета своихъ наставниковъ, которые до сихъ поръ управляли его жизнью и понятіями? Да кто-же, наконецъ, далъ ему право на это? Собственно говоря, его отношенія и теперь нисколько не измѣнились: до сихъ поръ были подчиненныя отношенія въ воспитаніи и обученіи, теперь настали точно такія-же отношенія въ службѣ и общежитіи. Какая-же голова можетъ переварить такое умозаключеніе: вотъ черта—пятнадцать, двадцать лѣтъ—до которой ведутъ тебя, заставляя безпрекословно и *безусловно слушаться* другихъ; это дѣлается для того собственно, чтобы, перешедши черезъ эту черту, ты умѣлъ *бороться* съ другими. Гораздо естественнѣе заключить, что и въ послѣдующей жизни человѣкъ долженъ вести себя именно такъ, какъ до сихъ поръ заставляли его» (см. стр. 251).

Но было бы ошибочно думать, что, отвергая въ воспитаніи принципъ слѣпаго послушанія, Добролюбовъ проповѣдывалъ полный произволъ въ жизни дитяти и предоставленіе послѣдняго всѣмъ прихотямъ его рефлексій. Напротивъ того, вотъ какой идеалъ воспитанія предлагаетъ Добролюбовъ взамѣнъ прежняго средневѣковаго:

«Но чего-же вы хотите? спросятъ насъ:—неужели-же можно предоставить ребенку полную волю, ни въ чемъ не останавливая его, во всемъ уступая его капризамъ?

«Совсѣмъ нѣтъ. Мы говоримъ только, что не нужно дрессировать ребенка, какъ собаку, заставляя его выдѣлывать тѣ или другія штуки, по тому или другому знаку воспитателя. Мы хотимъ, чтобы въ воспитаніи господствовала разумность и чтобы разумность эта вѣдома была не только учителю, но представлялась ясно и самому ребенку. Мы утверждаемъ, что всѣ мѣры воспитателя должны быть предлагаемы въ такомъ видѣ, чтобы могли быть вполнѣ и ясно оправданы въ собственномъ сознаніи ребенка. Мы требуемъ, чтобы воспитатели выказывали болѣе уваженія къ человѣческой природѣ и старались о развитіи, а не о подавленіи *внутренняго человѣка* въ своихъ воспитанникахъ, и чтобы воспитаніе стремилось сдѣлать человѣка нравственнымъ не по привычкѣ, а по сознанію и убѣжденію».

Наиболѣе обстоятельное и полное розсмотрѣніе всѣхъ причинъ и слѣдствій слѣпаго подчиненія авторитету мы видимъ въ статьяхъ Добролюбова „Темное царство" (см. т. 3, стр. 1). Въ статьяхъ этихъ Добролюбовъ, воспользовавшись комедіями Островскаго, представилъ самый подробный анализъ того средневѣко-

вого порядка, въ которомъ главнымъ основаніемъ жизни и является именно безграничное царство авторитета. Шагъ за шагомъ прослѣдилъ онъ за всѣми мельчайшими оттѣнками того страшнаго паденія и нравственнаго растлѣнія, какое является прямымъ слѣдствіемъ царства авторитета, ведущее однихъ къ необузданному произволу самодурства, другихъ или къ полному обезличенію, или-же къ искаженію личности путемъ лицемѣрія, лжи, коварства и тому подобныхъ качествъ, развивающихся подъ гнетомъ самодурства. Не ограничиваясь одними дикими и звѣрскими проявленіями самодурства, Добролюбовъ въ лицѣ Русакова, одного изъ дѣйствующихъ лицъ комедіи Островскаго „Не въ свои сани не садись", анализируетъ самодурство въ самомъ гуманномъ, кроткомъ и идиллически-патріархальномъ видѣ его и находитъ, что и въ такомъ наилучшемъ видѣ самодурство ведетъ къ тѣмъже результатамъ.

Анализируя всѣ слѣдствія царства безусловнаго авторитета, Добролюбовъ не опускаетъ при этомъ и того существеннаго вопроса, который представляется главнымъ основаніемъ всего анализа и безъ разрѣшенія котораго статьи потеряли бы половину своего значенія: именно вопроса о томъ, что-же побуждаетъ людей терпѣть такихъ безобразныхъ самодуровъ, какіе являются передъ нами въ комедіяхъ Островскаго, и склоняться подъ ихъ игомъ?.. Добролюбовъ находитъ двѣ причины, удерживающія людей отъ противодѣйствія самодурству: *чувство законности* и *необходимость въ матеріальномъ обеспеченіи.*

По мнѣнію Добролюбова, понятіе о законности само по себѣ крайне относительное. Законы не вѣчны и не абсолютны. Вступая въ общественный союзъ, человѣкъ беретъ на себя обязанность не только повиноваться имъ, но и стараться о пріисканіи лучшихъ законовъ и объ уничтоженіи негодныхъ.

«Такимъ образомъ, въ силу самого чувства законности, устраняется застой и неподвижность въ общественной организаціи, мысли и волѣ дается просторъ и работа; нарушеніе формальнаго statu quo нерѣдко требуется тѣмъ-же чувствомъ законности. Такъ понимаютъ и объясняютъ — говоритъ далѣе Добролюбовъ—чувство законности люди просвѣщенные, люди, участвующіе, подобно намъ, въ благодѣяніяхъ цивилизаціи. Но не такъ понимаютъ его тѣ темные люди, которыхъ изображаетъ намъ Островскій. Въ его «темномъ царствѣ» вопросъ становится совершенно иначе. Тамъ господствуетъ вѣра въ однѣ, разъ навсегда опредѣленныя и закрѣпленныя формы. Знанія здѣсь ограничены очень тѣснымъ кругомъ, работы для мысли —почти никакой; все идетъ машинально, разъ навсегда заведеннымъ порядкомъ. Отъ этого совершенно понятно, что здѣсь дѣти никогда не выростаютъ, а остаются дѣтьми до тѣхъ поръ, пока механически не передвинутся на мѣсто отца. Понятно и то, почему средніе термины, посредствующіе между самодурами и угнетенными, вовсе не имѣютъ опредѣленной личности, а заимствуютъ свой характеръ отъ положенія, въ какомъ находятся: то ползаютъ передъ высшими, то, въ свою очередь, задираютъ носъ передъ низшими. Точно механическія куколки: поставятъ ихъ на одинъ конецъ—кланяются; передернуть на другой—вытягиваются и загибаютъ голову назадъ... И все это происходитъ отъ недостатка внутренней самостоятельности, отъ забитости природы. Человѣку съ малыхъ лѣтъ внушаютъ, что онъ самъ по себѣ—ничто, что онъ есть, нѣкоторымъ образомъ, только орудіе чьей-то чужой воли и что вслѣдствіе того онъ долженъ не разсуждать, а только слушаться, слушаться и покоряться. Единственный предметъ, на который можетъ еще быть направленъ его умъ, это—пріобрѣтеніе умѣнья принаравливаться къ обстоятельствамъ. Кто съумѣетъ такъ повернуть себя, тому и благо: онъ вынырнетъ... А кто не съумѣетъ, тому бѣда — задавятъ»... (см. стр. 113 и 114). «Но «чувство законности—говоритъ дальше Добролюбовъ (см. стр. 132) — сдѣлавшись пассивнымъ и окаменѣлымъ, превратившееся въ тупое благоговѣніе къ авторитету чужой воли, не моглобы такъ кротко и безмятежно сохраняться въ угнетенныхъ людяхъ, при видѣ всѣхъ нелѣпостей и гадостей самодурства, если-бы его не поддерживало что нибудь болѣе живое и существенное. И дѣйствительно, оно поддерживается постоянно тѣмъ, что въ людяхъ есть неизбѣжное стремленіе и потребность—обезпечить свой матеріальный бытъ. Эта потребность, въ соединеніи съ тупымъ и неразумнымъ чувствомъ законности, чрезвычайно благопріятствуетъ процвѣтанію самодурства... Матеріальныя блага (см. стр. 133) нужны всякому человѣку, но они уже захвачены самодурами, такъ что слабая, угнетенная сторона, находящаяся подъ ихъ вліяніемъ, должна и въ этомъ зависѣть отъ самодурной личности какого-нибудь Торцова и Уланбековой; можно-бы отъ нихъ потребовать того, чѣмъ они владѣютъ не по праву; но чувство законности запрещаетъ нарушать должное уваженіе къ нимъ... Что-же изъ этого выходитъ? Слѣдствіе, кажется, ясно: нужно «безъ роптанія просить» отъ самодуровъ, чтобы они, живя сами, дали жить и другимъ... Но чтобы они исполнили просьбу, нужно снискать ихъ милость; а для этого надо во всемъ съ ними согласиться, имъ покориться и «съ терпѣньемъ тяготу сносить», если придется... А тяготы придется довольно, судя по крутому характеру Гордѣя Карпыча или г-жи Уланбековой, да и по ихъ непроходимой глупости... Ко всему этому надо себя приготовить, воспитать себя для этого, а именно: *переломить* свой характеръ, *выбить* изъ головы дурь, то-есть, собственныя убѣжденія, *смирить* себя, то есть отложить всякую мысль о своихъ правахъ и о человѣческомъ достоинствѣ. Все это самими самодурами очень успѣшно и выполняется надъ всѣми людьми, родящимися въ предѣлахъ ихъ вліянія. Оттого-то у нихъ и есть всегда подъ руками такъ много безотвѣтныхъ Митей, Андрюшъ, раболѣпныхъ Потапычей и т. п. Если-же въ комъ и послѣ самодурной дрессировки еще останется какое нибудь чувство личной самостоятельности, и умъ сохранитъ еще способность къ составленію собственныхъ сужденій, то для этой личности и ума готовъ торный путь: самодурство, какъ мы убѣдились, по самому существу своему тупоумно и невѣжественно, слѣдовательно, ничего не можетъ быть легче, какъ надуть любого самодура. Человѣкъ, сохранившій остатки ума, непремѣнно на то и пускается въ этомъ самодурномъ кругѣ «темнаго царства», если только пускается въ практическую дѣятельность; отсюда и произошла пословица, что умный человѣкъ не можетъ быть не плутомъ. Такимъ образомъ, подъ самодурами два разряда ихъ воспитанниковъ и кліентовъ—живые и неживые. Неживые, задавленные, неподвижные, такъ ужъ и лежатъ, не обнаруживая никакихъ попытокъ: перетащатъ ихъ съ одного мѣста на другое—ладно, а не перетащатъ—такъ и сгніютъ... Живые, напротивъ, все стараются помѣститься получше и поближе около самодура, а если линія подойдетъ, то и ножку ему подставить, чтобы сѣсть на него верхомъ и самимъ задурить. И новый самодуръ ужь бываетъ хуже, опаснѣй и долговѣчнѣй, потому что онъ хитрѣе прежняго и наученъ его горькимъ опытомъ. Такъ оно все и идетъ: за однимъ самодуромъ другой, въ другихъ формахъ, болѣе цивилизованныхъ, какъ Уланбекова

цивилизована сравнительно, напримѣръ, съ Брусковымъ, но въ сущности съ тѣми-же требованіями и съ тѣмъ же характеромъ. Живыя натуры угнетаемой стороны пускаются въ плутни для своего обезпеченія, а неживыя стараются своею неподвижностью и покорностью заслужить себѣ милость самодура и капельку живой воды (которую онъ впрочемъ, даетъ имъ очень рѣдко, чтобы не слишкомъ оживали)».

Рядомъ съ необузданнымъ господствомъ авторитета, не менѣе существенною причиной растлѣнія общественныхъ нравовъ представлялось крѣпостное право, которое отразилось самыми ужасными послѣдствіями на цѣлой средѣ общества, стоявшей до эпохи Добролюбова во главѣ интеллигенціи. Добролюбовъ съ тоюже обстоятельностью анализируетъ искаженіе нравственныхъ и умственныхъ качествъ людей подъ вліяніемъ крѣпостного права, какую мы видимъ и при анализѣ вліянія господства авторитета. Вы не найдете статьи Добролюбова, въ которой, при томъ или другомъ случаѣ, въ той или другой формѣ, не было бы задѣто этой больной стороны нашего общественнаго организма. Но наиболѣе полному и подробному разсмотрѣнію этого вопроса посвящены двѣ статьи—„Деревенская жизнь помѣщика въ старые годы“ (см. С. Д. т. 1, стр. 344) и „Что такое обломовщина?“ (см. С. Д. т. 2, стр. 578). Послѣдняя статья представляется однимъ изъ самыхъ лучшихъ произведеній Добролюбова—рядомъ съ „Темнымъ царствомъ“, лучшимъ по важности и обширности обобщеній, къ которымъ приходитъ Добролюбовъ при своемъ анализѣ современной ему русской жизни. Тѣ умственныя и нравственныя качества, которыя Гончаровъ вложилъ въ типъ своего героя, Добролюбовъ распространяетъ на всю среду, къ которой принадлежитъ Обломовъ, на всѣ прошедшіе и настоящіе идеалы этой среды, и, дѣлая весьма остроумныя сближенія, находитъ, что и Онѣгинъ, и Печоринъ, и Бельтовъ, и Рудинъ—суть тѣ-же Обломовы, только въ разныхъ формахъ, сообразно времени ихъ появленія и различію въ темпераментахъ.

«Общее у всѣхъ этихъ людей то—говоритъ Добролюбовъ (см. стр. 611)—что въ жизни нѣтъ имъ дѣла, которое бы для нихъ было жизненною необходимостью, сердечною святыней, которое бы органически срослось съ ними, такъ что отнять его у нихъ значило бы лишить ихъ жизни. Все у нихъ внѣшнее, ничто не имѣетъ корня въ ихъ натурѣ. Они пожалуй, и дѣлаютъ что-то такое, когда принуждаетъ внѣшняя необходимость, такъ, какъ Обломовъ ѣздилъ въ гости, куда тащилъ его Штольцъ, покупалъ ноты и книги для Ольги, читалъ то, что она заставляла его читать. Но душа ихъ не лежитъ къ тому дѣлу, которое наложено на нихъ случаемъ. Еслибы каждому изъ нихъ даромъ предложили всѣ внѣшнія выгоды, какія имъ доставляются ихъ работой, они бы съ радостью отказались отъ своего дѣла...

«Даже наиболѣе образованные люди, притомъ люди съ живою натурой, съ теплымъ сердцемъ, чрезвычайно легко отступаются въ практической жизни отъ своихъ идей и плановъ, чрезвычайно легко мирятся съ окружающею дѣйствительностью, которую, однако, на словахъ не перестаютъ считать пошлою и гадкою. Это значитъ, что все, о чемъ они говорятъ и мечтаютъ—у нихъ чужое, наносное; въ глубинѣ же души ихъ коренится одна мечта, одинъ идеалъ—возможно-невозмутимый покой, квіэтизмъ, обломовщина...»

«Да, всѣ эти обломовцы никогда не перерабатывали въ плоть и кровь свою тѣхъ началъ, которыя имъ внушили, никогда не проводили ихъ до послѣднихъ выводовъ, не доходили до той грани, гдѣ слово дѣлается дѣломъ, гдѣ принципъ сливается съ внутреннею потребностью души, исчезаетъ въ ней и дѣлается единственною силой, двигающей человѣкомъ. Потому-то эти люди лгутъ безпрестанно, потому-то они и являются такъ несостоятельными въ частныхъ фактахъ своей дѣятельности. Потому-то и дороже для нихъ отвлеченныя воззрѣнія, чѣмъ живые факты, важнѣе общіе принципы, чѣмъ простая жизненная правда...

«Если я вижу теперь помѣщика, толкующаго о правахъ человѣчества и о необходимости развитія личности, я уже съ первыхъ словъ его знаю, что это—Обломовъ.

«Если встрѣчаю чиновника, жалующагося на запутанность и обременительность дѣлопроизводства, онъ—Обломовъ.

«Если слышу отъ офицера жалобы на утомительность походовъ и смѣлыя разсужденія о безполезности *тихаго шага* и т. п., я не сомнѣваюсь, что онъ—Обломовъ.

«Когда я читаю въ журналахъ либеральныя выходки противъ злоупотребленій и радость о томъ, что, наконецъ, сдѣлано то, чего мы давно надѣялись и желали, я думаю, что это все пишутъ изъ Обломовки.

«Когда я нахожусь въ кружкѣ образованныхъ людей, горячо сочувствующихъ нуждамъ человѣчества и въ теченіи многихъ лѣтъ съ неуменьшающимся жаромъ разсказывающихъ все тѣ-же самые (а иногда и новые) анекдоты о взяточникахъ, о притѣсненіяхъ, о беззаконіяхъ всякаго рода, я невольно чувствую что я перенесенъ въ старую Обломовку...

«Остановите этихъ людей въ ихъ смутномъ разглагольствованіи и скажите: вы говорите, что не хорошо то и то; что-же нужно дѣлать? Они не знаютъ... Предложите имъ самое простое средство, они скажутъ: «да какъ-же это такъ вдругъ?» Непремѣнно скажутъ, потому что Обломовы иначе отвѣчать не могутъ... Продолжайте разговоръ съ ними и спросите: что-же вы намѣрены дѣлать? Они вамъ отвѣтятъ тѣмъ, чѣмъ Рудинъ отвѣтилъ Натальѣ: «Что дѣлать? Разумѣется, покориться судьбѣ. Что-же дѣлать! Я слишкомъ хорошо знаю, какъ это горько, тяжело, невыносимо, но посудите сами...» и пр. Больше отъ нихъ вы ничего не дождетесь, потому что на всѣхъ ихъ лежитъ печать обломовщины»...

Тѣ-же самыя средневѣковыя начала, которыя Добролюбовъ караетъ въ обществѣ, онъ находитъ и въ литературѣ.

Литература въ его время имѣла гордую, кичливую и воинственную осанку. Наполнившись массой рѣзкихъ и тщедушныхъ обличеній по части мелочныхъ и частныхъ злоупотребленій, въ то-же время литература становилась на ходули, приписывала себѣ громадное значеніе въ дѣлѣ общественнаго развитія, гордо величала себя судомъ общественной совѣсти, благодѣтельною гласностью и хвалилась тѣмъ, что она борется съ общественнымъ зломъ и разсѣеваетъ мракъ прошедшей ночи...

Но, по мнѣнію Добролюбова, литература всегда была и будетъ только отраженіемъ общественнаго настроенія. „Никогда и нигдѣ—говоритъ онъ—литературные дѣятели не сходили съ ѳеирныхъ пространствъ и не приносили съ собою новыхъ началъ, независимыхъ отъ дѣйствительной жизни. Литература постоянно отражаетъ тѣ идеи, которыя бродятъ въ обществѣ, и большій или меньшій успѣхъ писателя мо-

жетъ служить мѣркой того, на сколько онъ умѣлъ въ себѣ выразить общественные интересы и стремленія" (см. С. Д. т. 2, стр. 439).

Но если это такъ, если литература служитъ отраженіемъ жизни, а не жизнь складывается по литературнымъ программамъ, то естественно, что если въ жизни преобладаютъ средневѣковыя начала господства авторитета и вліянія крѣпостнаго права, то и въ литературѣ должны преобладать тѣже начала и вліянія, таже апатія, отсутствіе всякой инициативы, узкость взглядовъ, приниженность и т. п.

Всѣ вышеприведенные недостатки общества Добролюбовъ дѣйствительно находитъ въ современной ему литературѣ.

Начать съ того, что эта литература партіальная, то-есть, существуетъ въ нѣдрахъ одной среды, небольшаго кружка, и чуждая всякихъ народныхъ интересовъ, недоступная народу, удовлетворяетъ интересамъ и потребностямъ той горсти, для которой она существуетъ.

«Напрасно также у насъ—говоритъ Добролюбовъ (см. т. 1, стр. 563)—и громкое названіе *народныхъ* писателей: народу, къ сожалѣнію, вовсе нѣтъ дѣла до художественности Пушкина, до плѣнительной сладости стиховъ Жуковскаго, до высокихъ пареній Державина и т. д. Скажемъ больше: даже юморъ Гоголя и лукавая простота Крылова вовсе не дошли до народа. Ему не до того, чтобы наши книжки разбирать, если даже онъ и грамотѣ выучится; онъ долженъ заботиться о томъ, какъ-бы дать средства полмилліону читающаго люда прокормить себя и еще тысячу людей, которые пишутъ для удовольствія читающихъ. Забота немалая! Она-то и служитъ причиной того, что литература доселѣ имѣетъ такой ограниченный кругъ дѣйствія. Не навязывай мы народу заботы о нашемъ прокормленіи и о всякомъ нашемъ удовольствіи, такъ, конечно, мы-же были-бы въ выигрышѣ; наши просвѣщенныя идеи быстро распространились-бы въ массахъ и мы стали-бы имѣть больше значенія, наши труды стали-бы цѣнить выше. Но, къ сожалѣнію, литература, т. е., ея восхвалители и многіе дѣятели находятся въ горькомъ самообольщеніи, изъ котораго трудно извлечь ихъ. Изобразивши художественнымъ образомъ красу природы, неба, цвѣтъ розо-желтый облаковъ, или совершивши глубокій анализъ какого-нибудь перегороженнаго сердца, или трогательно разсказавши исторію будочника, вынувшаго пятакъ изъ кармана пьянаго мужика, литераторъ воображаетъ, что онъ ужь невѣсть какой подвигъ совершилъ, и что отъ его созданія произойдутъ для народа послѣдствія неисчислимыя. Напрасно: созданіе это, во-первыхъ, и не дойдетъ до народа, а во-вторыхъ, если и дойдетъ, то ни мало не займетъ его и не принесетъ ему пользы. Массѣ народа чужды наши интересы, непонятны наши страданія, забавны наши восторги. Мы дѣйствуемъ и пишемъ, за немногими исключеніями, въ интересахъ кружка, болѣе или менѣе незначительнаго; оттого обыкновенно взглядъ нашъ узокъ, стремленія мелки, всѣ понятія и сочувствія носятъ характеръ партіальности. Если и трактуются предметы, прямо касающіеся народа и для него интересные, то трактуются опять не съ обще-справедливой, не съ человѣческой, не съ народной точки зрѣнія, а непремѣнно въ видахъ частныхъ интересовъ той или другой партіи, того или другаго класса».

Далѣе, затѣмъ, Добролюбовъ находитъ, что подобно тому, какъ общество наше подъ гнетомъ слѣпого поклоненія авторитетамъ, обращаетъ вниманіе на различныя несовершенства общественнаго строя только тогда лишь, когда на нихъ устремляютъ свои взоры разныя авторитетныя личности, такъ и литература поднимаетъ вопросы, обсуждаетъ и обличаетъ постоянно заднимъ числомъ. Въ статьѣ „Литературныя мелочи прошлаго года" (см. С. Д. т. 2, стр. 431) Добролюбовъ представляетъ цѣлый рядъ фактовъ изъ современной ему жизни, показывающихъ подобное отсутствіе всякой инициативы въ литературѣ. Въ статьяхъ-же „Русская сатира Екатерининскаго времени" (см. С. Д. т. 1, стр. 117) и „О степени участія народности въ развитіи русской литературы" (см. С. Д. т. 1, стр. 589) онъ проводитъ подобный-же взглядъ и на историческое прошлое нашей сатиры.

«Стоитъ всмотрѣться пристальнѣе въ нашу сатиру—говоритъ онъ (см. т. 1, стр. 605)—чтобы убѣдиться, что она проповѣдывала зады. Положеніе нашихъ сатириковъ было, въ самомъ дѣлѣ, отлично-выгодное; они видѣли передъ глазами, въ другихъ частяхъ Европы, лучшій порядокъ и могли смѣяться надъ нашимъ дурнымъ порядкомъ, зная, чего именно хотятъ они. Они могли выставлять на позоръ наши заблужденія, наше невѣжество, почерпнувъ изъ западной науки истины, еще неизвѣстныя и недоступныя нашему обществу. Но что-же дѣлала сатира? Она всегда шла позади жизни, тогда какъ, по своему исключительному положенію среди нашего общества, могла опережать ее; она видѣла порокъ только тогда, когда онъ былъ уже уличенъ, опубликованъ и всенародно наказанъ; ранѣе она не осмѣливалась дотронуться до него...».

Но этого мало, что сатира шла позади реформъ—опа постоянно отличалась мелочностью и узкостью взгляда.

«Когда человѣкъ говоритъ о дѣлѣ—говоритъ Добролюбовъ въ статьѣ «Русская сатира Екатерининскаго времени» (см. т. 1, стр. 119)—то прямая цѣль его словъ та, чтобы дѣло было сдѣлано; когда сатирикъ возстаетъ противъ недостатковъ, то у него непремѣнно есть стремленіе исправить недостатки. Но чтобы подобная цѣль могла достигаться, нужно говорить дѣльно и договаривать до конца; иначе никакого толку не выйдетъ. Если меня, напримѣръ, порицаютъ за то, что я живу въ дурной квартирѣ и ѣмъ плохую пищу, между тѣмъ, какъ у меня нѣтъ денегъ для лучшей квартиры и пищи, то очевидно, что всѣ порицанія не принесутъ мнѣ ровно никакой пользы. Человѣкъ, истинно желающій, чтобы я исправился отъ дурной привычки скудно ѣсть и жить въ бѣдности, непремѣнно обратитъ свои обличенія не на квартиру и столъ мой, а на то, зачѣмъ я самъ ничего не дѣлаю для своего обеспеченія, или на то, зачѣмъ другіе не вознаграждаютъ моего труда, какъ слѣдуетъ. Тоже самое и въ нравственной жизни общества. Большая часть общественныхъ явленій не можетъ быть измѣнена просто волей частныхъ лицъ: нужно измѣнить обстановку, дать другія начала для общей дѣятельности, и тогда уже обличать тѣхъ, которые не съумѣютъ воспользоваться выгодами новаго устройства. Наши сатирики отчасти не хотѣли понять этого, а отчасти и понимали, да не могли выразить. Они нападали на необразованность, взяточничество и ханжество, отсутствіе законности, спѣсь и жестокость въ обращеніи съ низшими, подлость передъ высшими и пр. Но весьма рѣдко въ этихъ обличеніяхъ проглядывала мысль, что всѣ эти частныя явленія суть не что иное, какъ неизбѣжныя слѣдствія ненормальности всего общественнаго устройства. Большею частью нападали на взяточника такъ, какъ будто-бы все зло взяточничества зависѣло единственно отъ личной наклонности такихъ-то къ обдиранію просителей. Никогда въ сатирахъ нашихъ вопросъ о взяткахъ не переходилъ въ разсмотрѣніе общаго

вреда бюрократіи и тѣхъ обстоятельствъ, которыми сама бюрократія порождена и развита. Тоже было и во всѣхъ другихъ вопросахъ. Большая часть сатириковъ нашихъ уподоблялась человѣку, обличающему бѣдняка за то, что тотъ не живетъ въ роскоши, и добросовѣстно убѣжденному, что отъ этихъ обличеній жизнь бѣдняка пойдетъ лучше. Нѣкоторые изъ обличителей задавались такою мыслью: «мы, дескать, будемъ обличать и ославлять бѣдняка за его скудость; когда это дойдетъ до хозяина, отъ котораго онъ получаетъ жалованье, такъ хозяинъ-то усовѣстится да и сдѣлаетъ ему прибавку». Разсужденіе это, замѣчательное по своей наивности, очевидно, руководило весьма многими изъ нашихъ сатириковъ, отъ Сумарокова до нашихъ дней, и, вслѣдствіе того, обличенія бѣдняка въ скудости обыкновенно заканчивались увѣщаніемъ исправиться, оставаясь на службѣ у того же хозяина...»

Такой-же характеръ, по мнѣнію Добролюбова, имѣла обличительная литература и въ его время.

«Уже нѣсколько лѣтъ—говоритъ онъ (см. т. I, стр. 443)—всѣ наши журналы и газеты трубятъ, что мгновенно, какъ бы по манію волшебства, Россія вскочила со сна и во всю мочь побѣжала по дорогѣ прогреса, такъ что ее теперь собаками не догонишь... Нѣсколько лѣтъ уже каждая статейка, претендующая на современное значеніе, непремѣнно начинается у насъ словами: *«въ настоящее время, когда поднято столько общественныхъ вопросовъ»* и т. д., слѣдуетъ изложеніе вопросовъ. Нѣсколько лѣтъ уже русская литература льстила обществу, увѣряя, что въ немъ теперь пробудилось самосознаніе, раскаяніе въ своихъ порокахъ, стремленіе къ совершенствованію; а русское общество похваливало литературу за то, что она такъ старается вызолотить горькія пилюли, которыя, наконецъ, заставила его принимать прошедшая его жизнь. Лесть и самообольщеніе—таковы были главныя качества *современности* въ литературныхъ явленіяхъ послѣдняго времени. Странно сказать это о литературѣ въ то время, когда она изъ кожи лѣзла, по собственному признанію, *преслѣдуя и обличая, карая и вырывая съ корнемъ* всякое зло и непотребство на землѣ русской. Но вглядитесь пристальнѣе въ характеръ этихъ обличеній, вы безъ особеннаго труда замѣтите въ нихъ нѣжность неслыханную, доходящую до приторности, равняющуюся развѣ только нѣжности, обнаруженной во взаимныхъ отношеніяхъ тѣхъ достойныхъ друзей, одинъ изъ которыхъ у Гоголя мечтаетъ о томъ, какъ «высшее начальство, узнавъ о ихъ дружбѣ, пожаловало ихъ генералами».

«Конечно, это плохо, это гадко, безумно, отвратительно», говорятъ всѣ обличители, не скупясь на сильные эпитеты, и вы думаете: вотъ молодцы-то, вотъ энергическіе-то дѣятели!... Погодите немножко: это въ нихъ говоритъ Собакевичъ; но Маниловъ не замедлитъ вступить въ свои права, и у нихъ тотчасъ явится мостикъ черезъ рѣчку и огромнѣйшій домъ съ такимъ высокимъ бельведеромъ, что оттуда можно видѣть даже Москву.

— Конечно, чиновники берутъ взятки, но вѣдь это единственно отъ недостаточности жалованья; прибавьте жалованья, и взятокъ не будетъ въ Россіи... Невозможно же допустить предположеніе, чтобы взятки брали и тѣ чиновники, которые, по своему чину и мѣсту служенія, получаютъ хорошіе оклады. Нѣтъ, какъ можно: вся язва взяточничества ограничивается чиновниками низшихъ судебныхъ инстанцій, получающими ничтожное жалованье.

— Просвѣщеніе плохо подвигается — правда. Но вѣдь вся бѣда въ томъ только, что въ гимназіяхъ учителя и учебники плохи. Но еслибы гимназіи приготовляли достойныхъ слушателей для нашихъ великихъ профессоровъ, да если бы профессора и академики удостоили заняться составленіемъ учебниковъ, о! тогда у насъ мгновенно водворилось-бы лучезарное просвѣщеніе. «Общества нѣтъ въ деревнѣ; надобно въ городъ ѣздить, чтобы увидаться съ образованными людьми—какъ говоритъ Маниловъ. Но, конечно, еслибы сосѣдство близкое, еслибы такой человѣкъ, съ которымъ бы въ нѣкоторомъ родѣ можно было поговорить о любезности, о хорошемъ обращеніи, слѣдить какую-нибудь этакую науку...» словомъ, еслибы такой образцовый человѣкъ, какъ вы, Павелъ Ивановичъ... о! тогда наша деревня и уединеніе имѣли бы много пріятностей...

— Ремесленный классъ у насъ въ дурномъ положеніи—жаль. Но это зависитъ, впрочемъ, отъ личности хозяевъ, и больше ни отчего; надо только запретить хозяевамъ бить и морить голодомъ мальчишекъ, и ремесленники наши будутъ блаженствовать.

— Промышленность у насъ развивается слабо, торговля не въ блестящемъ положеніи... Ахъ, это очень просто: конкурренція слаба, оттого, что тарифъ высокъ. Пониженный тарифъ—это универсальная и радикальная мѣра для развитія нашей промышленности.

— Мужики живутъ плохо. Что дѣлать? Мужики, во-первыхъ, грубы и необразованны; а вслѣдствіе того, во-вторыхъ, они мало имѣютъ потребностей и неспособны къ высшимъ, деликатнымъ наслажденіямъ. Они привыкли къ своей судьбѣ, и ею довольны; значитъ, объ этомъ и толковать нечего. Слѣдуетъ только позаботиться объ уничтоженіи *злоупотребленій* ихъ положенія.

— Пропивается сильно русскій человѣкъ... Это грустное явленіе... Но, вѣдь, тутъ вся бѣда оттого происходитъ, что система винныхъ сборовъ несовершенно устроена. Стоитъ завести акцизъ вмѣсто прежняго откупа (и даже съ небольшою надбавкой), и все пойдетъ отлично.

Въ такомъ видѣ представляются намъ почти всѣ русскіе обличители. Кричатъ, кричатъ противъ какихъ-то злоупотребленій, какихъ-то дурныхъ порядковъ... Подумаешь, у нихъ на умѣ и Богъ знаетъ какія обширныя соображенія. И вдругъ, смотришь, у нихъ самыя кроткія и милыя требованія; мало этого—оказывается, что они и кричать-то вовсе не изъ-за того, что составляетъ дѣйствительный, существенный недостатокъ, а изъ-за какихъ-нибудь частностей и мелочей...»

Но Добролюбовъ не ограничивался одними отрицаніями средневѣковыхъ и отжившихъ началъ въ жизни и литературѣ и ратованіями противъ печальныхъ результатовъ долгаго господства этихъ началъ. Рядомъ съ отрицательными взглядами, онъ постоянно проповѣдывалъ новые положительные идеалы, стоящіе въ разрѣзъ со всѣми старыми. Такъ, въ статьѣ „Литературныя мелочи прошлаго года" онъ впервые въ нашей литературѣ сдѣлалъ параллель между людьми сороковыхъ годовъ и молодымъ поколѣніемъ.

«Люди сороковыхъ годовъ, по его мнѣнію, проникнуты были высокими, но нѣсколько отвлеченными стремленіями. Они стремились къ истинѣ, желали добра, ихъ плѣняло прекрасное; но выше всего былъ для нихъ *принципъ. Принципомъ*-же называли общую философскую идею, которую признавали основаніемъ всей своей логики и морали. Страшной мукой сомнѣнья и отрицанья купили они свой принципъ и никогда не могли освободиться отъ его давящаго, мертвящаго вліянія. Что-то пантеистическое было у нихъ въ признаніи принципа: жизнь была для нихъ служеніемъ принципу, человѣкъ—рабомъ принципа; всякій поступокъ, не соображенный съ принципомъ, считался преступленіемъ. Отвлекшись такимъ образомъ отъ дѣйствительной жизни и обрекши себя на служеніе принципу, они не умѣли вѣрно разсчитать свои силы и

взяли на себя гораздо больше, чѣмъ сколько могли сдѣлать. Немногіе только умѣли, подобно Бѣлинскому, слить самихъ себя съ своимъ принципомъ и такимъ образомъ придать ему жизненность. У Бѣлинскаго внѣшній, отвлеченный принципъ превратился въ его внутреннюю, жизненную потребность: проповѣдывать свои идеи было для него столь-же необходимо, какъ ѣсть и пить. Но немногіе могли дойти до такого слiянія своей личности съ философскимъ принципомъ. Большая часть осталась только при разсудочномъ пониманіи принципа и потому вѣчно насиловали себя на такія вещи, которыя были имъ вовсе не по натурѣ и не по нраву. Отсюда вѣчно фальшивое положеніе, вѣчное недовольство собою, вѣчное ободреніе и расшевеливаніе себя громкими фразами, и вѣчныя неудачи въ практической дѣятельности». (См. т. 2-й, стр. 456).

Противъ сороковыхъ годовъ, людей отвлеченнаго принципа, Добролюбовъ ставитъ новыхъ людей—реальныхъ людей „съ крѣпкими нервами и здоровымъ воображеніемъ", какъ онъ называетъ ихъ.

«Благодаря трудамъ прошедшаго поколѣнія—говоритъ онъ—*принципъ* достался этимъ людямъ уже не съ такимъ трудомъ, какъ ихъ предшественникамъ, и потому они не столь исключительно привязали себя къ нему, имѣя возможность и силы повѣрять его и соразмѣрять съ жизнію. Осмотрѣвшись вокругъ себя, они, вмѣсто всѣхъ туманныхъ абстракцій и призраковъ прошедшихъ поколѣній, увидѣли въ мірѣ только *человѣка*, настоящаго человѣка, состоящаго изъ плоти и крови, съ его дѣйствительными, а не фантастическими отношеніями ко всему внѣшнему міру. Они въ самомъ дѣлѣ стали мельче, если хотите, и потеряли ту стремительную страстность, которою отличалось прошлое поколѣніе; но за то они гораздо тверже и жизненнѣе... они спустились изъ безграничныхъ сферъ абсолютной мысли и стали въ ближайшее соприкосновеніе къ дѣйствительной жизни. Отвлеченныя понятія замѣнились у нихъ живыми представленіями, подробности частныхъ фактовъ обрисовались ярче и отняли много силы у общихъ опредѣленій. Люди новаго времени не только поняли, но и почувствовали, что абсолютнаго въ мірѣ ничего нѣтъ, а все имѣетъ только относительное значеніе. Оттого для нихъ невозможно увлеченіе тенденціями, подобными, напримѣръ, слѣдующимъ: «pereat mundus et fiat justitia»; «лучше умереть, нежели солгать хоть разъ въ жизни»; «лучше убить свое сердце, чѣмъ измѣнить хоть однажды долгу супружескому, или сыновнему, или гражданскому» и т. д. Все это для нихъ слишкомъ абстрактно и слишкомъ мало имѣетъ значенія. На первомъ планѣ всегда стоитъ у нихъ человѣкъ и его прямое, существенное благо; эта точка зрѣнія отражается во всѣхъ ихъ поступкахъ и сужденіяхъ. Сознаніе своего кровнаго, живаго родства съ человѣчествомъ, полное разумѣніе солидарности всѣхъ человѣческихъ отношеній между собою—вотъ тѣ внутренніе возбудители, которые занимаютъ у нихъ мѣсто *принципа*. Ихъ послѣдняя цѣль—не совершенная, рабская вѣрность отвлеченнымъ высшимъ идеямъ, а принесеніе возможно большей пользы человѣчеству; въ ихъ сужденіяхъ люди возвышаются не по тому, сколько было въ нихъ сокрыто великихъ силъ и талантовъ, а по тому, сколько они желали и умѣли сдѣлать пользы человѣчеству; не тѣ событія обращаютъ на себя особое ихъ вниманіе, которыя имѣютъ характеръ грандіозный или патетическій, а тѣ, которыя сколько-нибудь подвинули благосостояніе массъ человѣчества...»

Впрочемъ, было бы ложно думать, что Добролюбовъ только и ограничивался, что этимъ идеаломъ молодаго поколѣнія, построеннымъ на чисто философскихъ основаніяхъ, и что въ замѣнѣ отвлеченныхъ принциповъ реальными взглядами онъ полагалъ все спасеніе русскаго общества. Взгляды его были въ этомъ отношеніи гораздо шире и глубже тѣхъ изъ позднѣйшихъ публицистовъ, которые ограничивались прославленіемъ молодаго поколѣнія и на одну только среду трезвыхъ реалистовъ „съ крѣпкими нервами и здоровымъ воображеніемъ" возлагали всѣ свои упованія. Преслѣдуя самодурство, дармоѣдство, праздность и апатію однихъ людей, приниженность, низкую угодливость и коварство другихъ—однимъ словомъ, всѣ пороки, громоздящіеся въ старомъ средневѣковомъ строѣ жизни—Добролюбовъ искалъ свѣжихъ, нерастлѣнныхъ силъ общества во всѣхъ его слояхъ. Типъ пламеннаго энтузіаста, преданнаго душой и тѣломъ дѣлу спасенія своей родины и слившійся съ этимъ дѣломъ, былъ его высшимъ идеаломъ, который онъ представилъ въ своей характеристикѣ Инсарова, но это не мѣшало ему сочувственно относиться ко всякому проявленію въ жизни простоты, искренности, гуманности, любви къ труду, сознанія чувства своего достоинства и готовности отстоять его, хотя бы цѣною жизни, противъ покушеній самодурства... Но гдѣ-же могъ находить Добролюбовъ всего болѣе такихъ качествъ? Очевидно, въ средѣ простыхъ и бѣдныхъ тружениковъ, не растлѣнныхъ высокомѣріемъ, дармоѣдствомъ и праздностью, средѣ, близко знакомой ему съ дѣтства, средѣ, къ которой онъ самъ принадлежалъ,—наконецъ, въ массѣ чернаго люда, интересы котораго онъ ставилъ на первый планъ во всѣхъ общественныхъ вопросахъ. Къ этой средѣ всего болѣе лежало его сердце, къ ней стремились всѣ его симпатіи, въ ней онъ искалъ болѣе всего свѣжихъ силъ, въ нее онъ вѣрилъ и полагался на нее гораздо въ большей степени, чѣмъ даже на массу интеллигенціи, на которую онъ, напротивъ того, постоянно смотрѣлъ скептически. Замѣчательно, что впродолженіи всей своей дѣятельности всего одинъ только разъ онъ, въ контрастъ всего стараго и отжившаго, выставилъ молодое поколѣніе. По большейже части, для своихъ контрастовъ онъ обращался къ средѣ простолюдиновъ. Такъ, мы видимъ, въ статьѣ „Черты для характеристики русскаго простонародья" (по поводу разсказовъ Марка Вовчка) вотъ какую паралель проводитъ Добролюбовъ между интеллигенціей и простыми классами народа:

«Общее разслабленіе, болѣзненность, неспособность къ глубокой, сосредоточенной страсти характеризуетъ если не всѣхъ, то *большинство* нашихъ «цивилизованныхъ» собратій. Оттого-то они и мечутся безпрестанно то туда, то сюда, сами не зная, чего имъ нужно и чего имъ жалко. Желаютъ они—такъ что жить безъ того не могутъ, и, все-таки, ничего не дѣлаютъ для осуществленія своихъ желаній; страдаютъ они—такъ что умереть лучше, а живутъ себѣ, ничего, только меланхолическій видъ принимаютъ. Не то у простого человѣка: онъ или неглижируетъ, вниманія не обращаетъ на предметъ и ужъ не толкуетъ о своихъ желаніяхъ, или ужъ если привяжется, если рѣшится, то привяжется и рѣшится энергически, сосредоточенно, неотступно. Страсть его глубока и упорна, и препятствія не страшатъ его, когда ихъ нужно одолѣть для достиженія страстно-желаннаго и глубоко-задуманнаго. Если же нельзя достигнуть, простой человѣкъ не останется, сложа руки: по малой мѣрѣ, онъ измѣнитъ все свое положеніе, весь образъ своей жизни, убѣ-

жить, въ солдаты наймется, въ монастырь пойдетъ; часто онъ просто, естественнымъ образомъ не переживетъ неудачи въ достиженіи цѣли, которая уже проникла въ существо его и сдѣлалась ему необходима для жизни; если-же физическое сложеніе его слишкомъ крѣпко и можетъ вынести больше, нежели сколько нужно для крайняго раздраженія нервовъ въ фантазіи, онъ не церемонится покончить съ собою насильственнымъ образомъ. И это тоже служитъ для насъ свидѣтельствомъ, какъ для простаго, здороваго человѣка, разъ почувствовавшаго свою личность и ея права, несносна жизнь безплодная, автоматическая, безъ принциповъ и стремленій, безъ смысла и правды, жизнь, подобная той, какую проводятъ, напримѣръ, Игрушечкины господа и многіе другіе въ томъ же родѣ» (см. С. Д. т. 3-й, стр. 454).

Этотъ нравственный закалъ въ простыхъ людяхъ Добролюбовъ прямо выводитъ изъ склада ихъ жизни, чуждой самодурскихъ основаній. Такъ, восхищаясь типомъ Дуни въ „Бѣдной невѣстѣ“ Островскаго, Добролюбовъ говоритъ:

«Да, эта дѣвушка сохранила въ себѣ чистоту сердца и все благородство, доступное человѣку. Но что-же она такое въ нашемъ обществѣ? Не отвержена-ли она имъ? *Да и не этому-ли отверженію, не отчужденію-ли отъ мрака самодурныхъ дѣлъ, кишащихъ въ нашей средѣ общественной, надобно приписать и то, что она такъ отрадно сіяетъ передъ нами благородствомъ и ясностью своего сердца?»* (см. т. 3-й, стр. 149).

То-же самое говоритъ онъ и о Любимѣ Торцовѣ:

«Онъ грязенъ, пьянъ, тяжелъ; онъ надорванъ жизнію и очень запустилъ самъ себя. *Но та-же самая жизнь, лишивъ его готовыхъ средствъ къ существованію, унизивъ и заставивъ терпѣть нужду, сдѣлала ему то благодѣяніе, что подломила въ немъ основу самодурства.* Онъ—родной братецъ Гордѣя Карпыча и, по его-же разсказамъ, былъ съ молоду самодуромъ не хуже его. Но какъ пришлось ему паясничать на морозѣ за пятачокъ, да просить милостыню, да у брата изъ милости жить, такъ тутъ пробудилось въ немъ и человѣческое чувство, и сознаніе правды, и любовь къ бѣднымъ братьямъ, и даже уваженіе къ труду...»

Но изъ всѣхъ простыхъ типовъ наиболѣе всего увлекся Добролюбовъ типомъ Катерины въ „Грозѣ“, посвятивъ характеристикѣ этого типа цѣлую статью подъ названіемъ „Лучъ свѣта въ темномъ царствѣ“. Типъ Катерины разочаровалъ его, не говоря о всѣхъ прочихъ сильныхъ типахъ, выставленныхъ въ нашей беллетристикѣ, даже въ Инсаровѣ, которымъ онъ восхищался въ статьѣ „Когда-же придетъ настоящій день“.

«Русская жизнь—говоритъ онъ въ своей статьѣ о «Грозѣ» Островскаго (см. т. 3-й, стр. 537)—дошла, наконецъ, до того, что добродѣтельныя и почтенныя, но слабыя и безличныя существа не удовлетворяютъ общественнаго сознанія и признаются никуда негодными. Почувствовалась неотлагаемая потребность въ людяхъ, хотя-бы и менѣе прекрасныхъ, но болѣе дѣятельныхъ и энергичныхъ. Иначе и невозможно: какъ скоро сознаніе правды и права, здравый смыслъ проснулись въ людяхъ, они непремѣнно требуютъ не только отвлеченнаго съ ними согласія (которымъ такъ блистали всегда добродѣтельные герои прежняго времени), но и внесенія ихъ въ жизнь, въ дѣятельность. Но чтобы внести ихъ въ жизнь, надо побороть много препятствій, подставляемыхъ Дикими, Кабановыми и т. п.; для преодолѣнія препятствій нужны характеры предпріимчивые, рѣшительные, настойчивые. Нужно, чтобы въ нихъ воплотилось, съ ними слилось то общее требованіе правды и права, которое, наконецъ, прорывается въ людяхъ сквозь всѣ преграды, поставленныя дикими самодурами. Теперь задача представлялась въ томъ, какъ-же долженъ образоваться и проявиться характеръ, требуемый у насъ новымъ поворотомъ общественной жизни. Задачу эту пытались разрѣшить наши писатели, но всегда болѣе или менѣе неудачно. Намъ кажется, что всѣ ихъ неудачи происходили оттого, что они просто логическимъ процессомъ доходили до убѣжденія, что такого характера ищетъ русская жизнь, и затѣмъ кроили его сообразно съ своими понятіями о требованіяхъ доблести вообще и русской въ особенности. Такимъ образомъ и явился, напримѣръ, Калиновичъ, чуть не таскающій купца за бороду, чтобы тотъ пожертвовалъ десять тысячъ на пользу общества, и истязающій въ тюрьмѣ стараго князя, на любовницѣ котораго женился, чтобы составить себѣ карьеру. Такъ явился и Штольцъ, отлично управляющій имѣніями и умѣющій живо уничтожать фальшивые векселя при помощи благодѣтельнаго начальства. Явился Инсаровъ, бросающій нѣмца въ воду, несоглашающійся жить даромъ, въ гостяхъ на дачѣ у пріятеля, и даже не рѣшающійся жениться на любимой дѣвушкѣ!! Явилась и княжна Зинаида, нѣчто среднее между Печоринымъ и Ноздревымъ въ юбкѣ... Не такъ понятъ и выраженъ русскій сильный характеръ въ «Грозѣ». Онъ прежде всего поражаетъ насъ своею противоположностью всякимъ самодурнымъ началамъ. Не съ инстинктомъ буйства и разрушенія, но и не съ практическою ловкостью улаживать для высокихъ цѣлей свои собственныя дѣлишки, не съ безсмысленнымъ трескучимъ пафосомъ, но и не съ дипломатическимъ, педантскимъ разсчетомъ является онъ передъ нами. Нѣтъ, онъ сосредоточенно-рѣшителенъ, неуклонно вѣренъ чутью естественной правды, исполненъ вѣры въ новые идеалы и самоотверженъ въ томъ смыслѣ, что ему лучше гибель, нежели жизнь при тѣхъ началахъ, которыя ему противны. Онъ водится не отвлеченными принципами, не практическими соображеніями, не мгновеннымъ паѳосомъ, а просто *натурой*, всѣмъ существомъ своимъ. Въ этой цѣльности и гармоніи характера заключается его сила и существенная необходимость его въ то время, когда старыя, дикія отношенія, потерявъ всякую внутреннюю силу, продолжаютъ держаться внѣшнею, механическою связью...»

Но не одни только отдѣльныя проявленія цѣльныхъ натуръ искалъ Добролюбовъ среди простыхъ классовъ. Вмѣстѣ съ тѣмъ, онъ питалъ живую и горячую вѣру въ массу народа во всей ея сложности и видѣлъ въ ней единственную мощную силу, на которую можетъ всегда положиться во всѣхъ своихъ разумныхъ и благихъ стремленіяхъ безсильная и ничтожная сама по себѣ интеллигенція. Онъ былъ чуждъ тѣхъ славянофильскихъ тенденцій, по которымъ „что ни мужикъ, то геній“, или „русскій мужикъ топоромъ больше сдѣлаетъ, чѣмъ англичане со всѣми машинами“ (см. т. 3-й, стр. 411), но еще въ большей степени чуждъ онъ былъ противоположной крайности, того завѣщаннаго крѣпостнымъ правомъ мнѣнія, что народъ есть не что иное, какъ стадо безсмысленныхъ барановъ, не имѣющихъ ни человѣческаго разума, ни человѣческихъ чувствъ, ни даже человѣческаго языка, и что весь вопросъ состоитъ въ томъ, какихъ пастуховъ поставить надъ этими стадами: знакомыхъ со всѣми послѣдними открытіями естествознанія или незнакомыхъ. Добролюбовъ далекъ былъ отъ того пресловутаго мнѣнія цивилизованныхъ баричей, что народъ самъ собою никогда не дойдетъ до сознанія малѣй-

щаго улучшенія своего быта, пока трезвые реалисты съ крѣпкими нервами не снизойдутъ до него и не просвѣтятъ его... Онъ зналъ, что такой путь прогресса очень долгій и пришлось бы ждать много столѣтій, пока трезвымъ реалистамъ удалось бы сдѣлать это. Вѣря, что въ народѣ таится живая сила жизни, хотя и подавленная временно, онъ полагалъ, что эта сила можетъ воспрянуть гораздо скорѣе, прежде чѣмъ народные благодѣтели примутся за дѣло просвѣщенія народа. Съ цѣлью внушить обществу это свое завѣтное вѣрованіе въ народъ, Добролюбовъ написалъ двѣ статьи „Непостижимая странность" (см. С. Д. т. 4-й, стр. 140) и „Народное дѣло. Распространеніе обществъ трезвости" (т. 4-й, стр. 71). Въ первой статьѣ онъ разсказываетъ о томъ, какъ внезапно воскресли къ новой жизни и дѣятельности итальянцы, повидимому, совершенно подавленные подъ гнетомъ средневѣковыхъ предразсудковъ, невѣжества, суевѣрія и считавшіеся народомъ, лишеннымъ всякой жизни и стремленій къ лучшему. Во второй статьѣ онъ имѣетъ дѣло съ нашимъ народомъ, который выразилъ въ концѣ пятидесятыхъ годовъ свой протестъ противъ винныхъ откуповъ заведеніемъ обществъ трезвости, и выразилъ его вполнѣ самостоятельно, безъ всякихъ вліяній литературныхъ или какихъ-нибудь другихъ. Въ статьѣ этой мы остановимся на одной страницѣ, которая, по нашему мнѣнію, выражаетъ всю суть убѣжденій Добролюбова и бросаетъ яркій свѣтъ на весь характеръ его литературной дѣятельности. Вотъ это мѣсто (см. стр. 75-ю):

«Нѣтъ такой вещи, которую бы можно было гнуть и тянуть безконечно: дойдя до извѣстнаго предѣла, она непремѣнно изломится или оборвется. Такъ точно нѣтъ на свѣтѣ человѣка и нѣтъ общества, котораго нельзя было-бы вывести изъ терпѣнія. Вѣчной апатіи нельзя предположить въ существѣ живущемъ; за летаргіей должна слѣдовать или смерть, или пробужденіе къ дѣятельной жизни. Слѣдовательно, ежели правда, что нашъ народъ совершенно равнодушенъ къ общественнымъ дѣламъ, то изъ этого вытекаетъ вопросъ: нужно-ли считать это признакомъ близкой смерти націи, или нужно ждать скораго пробужденія? Пессимисты готовы, пожалуй, осудить на медленную смерть цѣлое племя славянское; но, по нашему глубокому убѣжденію, они крайне несправедливы. Ихъ обманываетъ временная летаргія, и они не хотятъ видѣть признаковъ жизненности, по временамъ обнаруживающихся въ нашемъ народѣ. А между тѣмъ, существованіе этихъ признаковъ не только подтверждается внимательными наблюденіями, но даже оправдывается нѣкоторыми соображеніями a priori. Говоря о народѣ, у насъ сожалѣютъ, обыкновенно, о томъ, что къ нему почти не проникаютъ лучи просвѣщенія, и что онъ, поэтому, не имѣетъ средствъ возвысить себя нравственно, сознать права личности, приготовить себя къ гражданской дѣятельности и проч. Сожалѣнія эти очень благородны и даже основательны; но они вовсе не даютъ намъ права махнуть рукой на народныя массы и отчаяться въ ихъ дальнѣйшей участи. Не одно скромное ученье, подъ руководствомъ опытныхъ наставниковъ, не одна литература, всегда болѣе или менѣе фразистая, ведетъ народъ къ нравственному развитію и къ самостоятельнымъ улучшеніямъ матеріальнаго быта. Есть другой путь—путь жизненныхъ фактовъ, никогда не пропадающихъ безслѣдно, но всегда влекущихъ событіе за событіемъ, неизбѣжно, неотразимо. Факты жизни не пропускаютъ никого мимо; они дѣйствуютъ и на безграмотнаго крестьянскаго парня, и на отупѣвшаго отъ фухтелей кантониста, какъ дѣйствуютъ на студента университета. Холодъ и голодъ, отсутствіе законныхъ гарантій въ жизни, нарушеніе первыхъ началъ справедливости въ отношеніи къ личности человѣка — всегда дѣйствуютъ несравненно возбудительнѣе, нежели самыя громкія и высокія фразы о правдѣ и чести. Точно такъ и наоборотъ: матеріальное довольство и полное признаніе всѣхъ нравственныхъ правъ человѣка успокоиваетъ его несравненно болѣе, нежели всѣ глубокомысленныя внушенія о кротости и благодушномъ терпѣніи. Поэтому, если розовое настроеніе духа, развивающееся въ богатомъ лежебокѣ, мы не можемъ принять за доказательство того, что и для рабочаго бѣдняка очень весело жить на свѣтѣ; такъ отсюда вовсе не слѣдуетъ, чтобы, въ противномъ случаѣ, нельзя было сдѣлать заключенія обратно. Напротивъ, если богатый и свободный отъ дѣлъ человѣкъ жалуется на то, что тяжело жить на свѣтѣ, то изъ этого именно можно заключить, что бѣдному труженику еще тяжелѣе, хотя онъ, можетъ быть, и не умѣетъ такъ краснорѣчиво изобразить свои страданія, по недостатку образованности. Образованность именно ведетъ къ большей или меньшей степени ясности сознанія, и, затѣмъ, къ умѣнью формулировать то, что сознается... Но и неформулированное страданіе, все-таки, страданіе. Пусть оно таится, пусть не принимаетъ опредѣленнаго выраженія, это не должно обманывать насъ: есть предѣлъ, за которымъ оно можетъ ярко обозначиться, и тогда безъ всякихъ книгъ, безъ отвлеченныхъ соображеній, не говоря никакихъ фразъ, даже не принимая особаго имени для себя, оно проявится на самомъ дѣлѣ. *Дѣйствительный фактъ, отразившись въ практической жизни дѣятельнаго, рабочаго человѣка, породитъ тоже дѣйствительный фактъ, тогда какъ книжныя теоріи и предположенія образованныхъ людей, можетъ быть, такъ и останутся только теоретическими предположеніями*».

Въ этой тирадѣ, какъ въ фокусѣ, сосредоточиваются всѣ основанія пропаганды Добролюбова, слагавшейся изъ двухъ элементовъ: глубокой вѣры въ народъ, въ его живыя силы, готовыя перейти въ дѣятельность подъ вліяніемъ жизненныхъ фактовъ и рядомъ съ этимъ недовѣріе къ пассивной интеллигенціи, возросшей на гнилой почвѣ самодурства и обломовщины... Изъ этихъ двухъ элементовъ его пропаганды прямо проистекаетъ, какъ, съ одной стороны, наклонность его къ выставленію контрастовъ простой среды съ цивилизованною, далеко не въ пользу послѣдней, такъ, съ другой стороны, весь безчисленный рядъ сарказмовъ, которыми онъ, при каждомъ удобномъ случаѣ, осыпалъ интеллигенцію со всѣмъ ея мишурнымъ прогресомъ отвлеченныхъ теорій и громкихъ, риторическихъ фразъ, заносчивой кичливости на словахъ и дрябломъ безсиліи, безхарактерности и несостоятельности на дѣлѣ...

Не долго продолжалась дѣятельность Добролюбова; въ концѣ 1860 года его уже не было. Но столь плодовита и плодотворна была она, что вся послѣдующая эпоха прогресивной литературы можетъ быть названа эпохой Добролюбова, потому что литература въ эпоху эту разработывала и развивала то, что положилъ въ основаніе ея представитель, шла по его направленію. И до сихъ поръ еще вліяніе Добролюбова ощущается во всемъ, что только есть лучшаго въ современной нашей литературѣ. Если вы и встрѣтите какія-либо отступленія отъ того пути, на который поставилъ Добролюбовъ литературу, то отступленія

эти имѣютъ не прогрессивный, а регрессивный характеръ, такъ что вполнѣ выдерживаютъ буквальный смыслъ слова *отступленіе*.

Вліяніе Добролюбова на жизнь было еще благотворнѣе и ощутимѣе. Представитель среды мыслящаго труженичества, онъ выдвинулъ эту среду впередъ изъ мрака, загнанности и робости, онъ внушилъ ей сознаніе собственнаго достоинства, возбудилъ въ ней горячую энергію и направилъ ее на служеніе народнымъ интересамъ и на упорную борьбу со всѣми мрачными элементами невѣжества и самодурства. Послѣ него и въ литературѣ, и въ жизни все истинно прогресивное устремилось на путь реальныхъ стремленій о *существенномъ* улучшеніи благосостоянія народа. Всѣ мертвые, отвлеченные принципы, поверхностный дилетантизмъ, метафизика и эстетика, напыщенная риторика и эпикурейская созерцательность—все это удалилось пресмыкаться и отживать свой вѣкъ на задніе дворы литературы и жизни. Идеалъ энергическаго, честнаго труженика—простаго, искренняго, естественнаго и безъискусственнаго въ различныхъ проявленіяхъ своихъ чувствъ и стремленій, руководящагося во всѣхъ своихъ поступкахъ *натурой*, живою страстью, а не отвлеченными принципами—такой идеалъ смѣнилъ всѣ прежніе. Выше и естественнѣе этого идеала до сихъ поръ еще не создала жизнь и нужно-ли прибавлять, что, всматриваясь во всѣ факты жизни Добролюбова, его развитіе, его энергическую дѣятельность, наконецъ, доблестную кончину въ самоотверженіи упорнаго труда и борьбы—невольно приходишь къ заключенію, что, проповѣдуя вышеупомянутый идеалъ, Добролюбовъ проповѣдывалъ самого себя. Въ самомъ дѣлѣ, наиболѣе полное, безукоризненно-совершенное, доблестное сліяніе съ проповѣдываемымъ идеаломъ рѣдко вы встрѣтите въ исторіи. Понятно, что передъ этимъ чистымъ, свѣтлымъ, незапятнаннымъ ни одною пылинкой образомъ смолкаетъ всякая вражда и останавливаются въ безмолвіи желчные памфлетисты, злобные приверженцы мрака и обскурантизма, которые, конечно, не переставали бы вопить и глумиться надъ священною памятью неумолимаго карателя ихъ, еслибы они хоть одно пятнышко усматривали на этой памяти.

Очеркомъ дѣятельности Добролюбова мы можемъ считать свой трудъ поконченнымъ. Надѣемся, что цѣль, которую предположили мы въ вступленіи къ нашему обозрѣнію, хоть въ малой мѣрѣ достигнута—при всѣхъ недостаткахъ труда. Цѣль эта заключалась въ томъ, чтобы очертить процессъ развитія передовой мысли нашего общества отъ двадцатыхъ годовъ до шестидесятыхъ и показать этимъ очеркомъ, что движеніе шестидесятыхъ годовъ естественно и послѣдовательно вытекло изъ всего этого процеса, безъ всякихъ скачковъ куда-либо въ сторону или внезапнаго разрыва со всѣмъ прошлымъ ради идей и взглядовъ, произвольно вломившихся въ нашу литературу, словно внезапно свалившихся съ неба на нашу голову. И дѣйствительно, что мы видимъ изъ всего нашего обозрѣнія? Къ какимъ результатамъ оно привело насъ?

Результаты эти мы можемъ формулировать въ слѣдующихъ положеніяхъ:

1) Уже въ сороковые годы мысль наша направилась на почву положительности, и все движеніе сороковыхъ годовъ было ничѣмъ инымъ, какъ стремленіемъ передовой мысли сбросить съ себя оковы старыхъ преданій и путы метафизики.

2) Уже въ сороковые годы былъ проповѣданъ утилитаризмъ искусства и науки.

3) Уже въ концѣ сороковыхъ годовъ начали проповѣдываться новыя эстетическія, нравственныя и общественныя теоріи, основанныя на началахъ реализма. Было уже высказано много живыхъ и свѣтлыхъ мыслей о важности естествознанія въ антропологіи и соціологіи, о необходимости опытнаго метода въ этихъ наукахъ. Наконецъ, была проповѣдана позитивная философія Огюста Конта.

4) Движеніе шестидесятыхъ годовъ было, такимъ образомъ, главнымъ образомъ основано на возрожденіи идей сороковыхъ годовъ, не усвоенныхъ массой неразвитаго общества и подавленныхъ реакціей пятидесятыхъ годовъ.

5) Новаго въ движеніи шестидесятыхъ годовъ было только окончательное упроченіе передовой мысли на почвѣ реализма и болѣе плодотворное, широкое и всестороннее развитіе идей реализма съ одной стороны, а съ другой—перемѣщеніе центра умственнаго движенія въ среду мыслящаго пролетаріата, повлекшее за собою развитіе новыхъ нравственныхъ идеаловъ.

6) Но и въ этомъ послѣднемъ обстоятельствѣ мы видимъ тотъ-же естественный и неизбѣжный результатъ движенія сороковыхъ годовъ: распространяя идеи посредствомъ университетовъ и журналистики и расширяя кругъ мыслящаго общества, люди сороковыхъ годовъ неизбѣжно пришли къ возбужденію мысли въ массѣ бѣдныхъ слоевъ общества; послѣдніе и выступили, наконецъ, на поприще умственнаго движенія съ тѣми идеалами, какіе были присущи имъ по складу ихъ жизни и характеру ихъ реальныхъ стремленій.

7) Что-же касается антагонизма, который возникъ въ шестидесятые годы между старымъ и молодымъ поколѣніемъ, то, въ философскомъ отношеніи, противниками движенія шестидесятыхъ годовъ явились вовсе не люди сороковыхъ годовъ въ истинномъ смыслѣ этого слова, то-есть, не тѣ изъ поколѣнія сороковыхъ годовъ, которые вполнѣ усвоили всѣ передовыя идеи своего времени. Такіе люди и не думали идти противъ движенія шестидесятыхъ годовъ, хотя они, можетъ быть, и отставали отъ этого движенія въ нѣкоторыхъ второстепенныхъ положеніяхъ. Возстали-же противъ молодаго поколѣнія мыслители, практики, публицисты и беллетристы, усвоившіе изъ всего движенія сороковыхъ годовъ одни жалкіе обрывки, поверхностныя фразы и оставшіеся, по своему міросозерцанію, во многихъ отношеніяхъ, романтиками тридцатыхъ годовъ. Но подобные господа, еслибы только они могли глубоко вдумываться въ содержаніе различныхъ идей, а не скользить по поверхности ихъ, конечно, не стали бы выставлять имена передовыхъ дѣятелей сороковыхъ годовъ въ укоръ молодому по-

колѣнію, а должны были бы признать себя врагами и тѣхъ авторитетовъ, которымъ они покланяются и за которые укрываются въ своемъ жалкомъ невѣжествѣ.

Но есть другая и болѣе существенная причина антагонизма между людьми сороковыхъ и шестидесятыхъ годовъ, причина чисто соціально-физіологическая. Тотъ новый слой общества, который вошелъ въ русло умственнаго движенія въ шестидесятые годы и всталъ впереди, не могъ не встать въ оппозицію съ людьми сороковыхъ годовъ, даже лучшими изъ нихъ, даже при всемъ согласіи съ нѣкоторыми изъ нихъ въ основныхъ убѣжденіяхъ и стремленіяхъ. Здѣсь мы имѣемъ дѣло съ борьбой не міросозерцаній или поколѣній, а общественныхъ слоевъ, съ міровымъ, вѣчнымъ антагонизмомъ любимцевъ и пасынковъ судьбы...

ГЕРОИ ВѢЧНЫХЪ ОЖИДАНІЙ.

(«Разореніе», романъ Глѣба Успенскаго. Спб. 1871 г.).

I.

Всякая блаженная середина бываетъ пошла и всѣ ублюдки уродливы, но нѣтъ ничего безобразнѣе той помѣси эстетической критики съ тенденціозною, какая часто встрѣчается въ настоящее время въ нашей литературѣ то на столбцахъ газетъ, то на страницахъ журналовъ, а оттуда переходитъ въ салонную болтовню о литературныхъ новостяхъ. Пріемы этой критики весьма незамысловаты и изобрѣтены не ею, а достались ей по наслѣдству, потому что въ каждый вѣкъ существовала подобная междоумочная критика и употребляла одни и тѣ же неизмѣнныя правила: къ произведеніямъ общепризнанныхъ знаменитостей относись смѣло, восторгайся ихъ эстетическими красотами, силою художественнаго таланта, и, развѣ если они черезчуръ ужь плохи, то удивляйся, какъ такой высокій талантъ и т. д. Что же касается произведеній именъ новыхъ, непризнанныхъ и не попавшихъ еще въ литературную табель о рангахъ, то, чтобы не попасться въ просакъ, избѣгай всякихъ рѣшительныхъ приговоровъ: можешь замѣтить въ произведеніи съ серьезнымъ тономъ знатока кое-какія достоинства, кое-какіе недостатки, поощрительно заявить, что авторъ подаетъ нѣкоторыя надежды, войти въ небольшое разсужденьице по поводу той или другой современной идейки; но главное заключается въ томъ, чтобы оставить для себя два выхода изъ рецензіи, чтобы впослѣдствіи во всякомъ случаѣ можно было, опираясь на рецензію, сказать: мы говорили нѣкогда то и то, послѣдствія оправдали наши предположенія. Этому дорогому правилу, завѣщанному предками, держится и современная намъ междоумочная критика.

Что особенно подкупаетъ публику въ подобной критикѣ, такъ это то, что робко и уклончиво держась спасительной серединки, рецензенты всегда умѣютъ съ серьезнымъ тономъ знатоковъ выставить нѣсколько замѣчаній по поводу произведенія, повидимому, совершенно неопровержимыхъ. Откроетъ вамъ рецензентъ нѣсколько несомнѣнныхъ достоинствъ произведенія, и вамъ остается только удивляться его проницательности, такъ-какъ вы сами раньше рецензента обратили вниманіе на эти достоинства. Затѣмъ заявитъ онъ, что произведеніе выиграло бы, еслибы было менѣе растянуто, тотъ или другой характеръ былъ бы выдержанъ или выкинутъ изъ пьесы, какъ лишній, въ томъ или другомъ мѣстѣ не было бы напущено излишней темноты и проч.—и опять вамъ остается только соглашаться съ критикомъ и удивляться вѣрности и мѣткости его критическаго чутья. Въ заключеніе критикъ съ тономъ благороднаго либерала напускается на тѣ скверны жизни, какія изображены въ произведеніи, или, наконецъ, на самого автора за непохвальность его гражданскихъ чувствъ,—и вамъ остается только проникнуться глубокимъ уваженіемъ къ доблести вашего согражданина.

Но начните вглядываться въ цѣлый рядъ подобныхъ рецензій, вамъ представится странное зрѣлище: вы увидите, что произведенія самыхъ разнородныхъ писателей, если послѣдніе не имѣютъ еще счастія принадлежать къ общепризнаннымъ знаменитостямъ, ставятся рецензентомъ въ одинъ безразличный рядъ: Глѣбъ Успенскій, Николай Успенскій, Лейкинъ, Левитовъ, Омулевскій, Крестовскій (псевдонимъ), Кущевскій,—вы и не думайте ожидать, чтобы междоумочная критика установила вамъ какіе бы то ни было опредѣленные взгляды на всѣхъ этихъ писателей. Всѣ они поощряются по одной и той же мѣркѣ: во всѣхъ ихъ находятся свои несомнѣнныя достоинства, несомнѣнные недостатки и своя тенденція, которую слѣдуетъ одобрить или предать порицанію. Я убѣжденъ, что еслибы возсталъ изъ гроба самъ Шекспиръ и выпустилъ на свѣтъ комедію, конечно, въ духѣ нашего времени и подъ новымъ именемъ, междоумочная критика не замедлила бы отнестись къ нему съ тѣмъ же поощрительнымъ тономъ: замѣтила бы въ немъ нѣсколько несомнѣнныхъ достоинствъ,—и пошелъ бы гулять онъ по свѣту на одномъ ряду съ Лейкинымъ, Александровымъ, Аверкіевымъ и прочими драматургами Александринки.

Это полнѣйшее отсутствіе всякаго критеріума въ междоумочной критикѣ отъ того именно и зависитъ, что она и отъ эстетическихъ принциповъ отстала, но и къ реальнымъ принципамъ не пристала. Съ одной стороны отыскиваніе эстетическихъ достоинствъ и недостатковъ въ произведеніи по мѣркамъ отжившей

умозрительной эстетики прямо ведетъ къ тому, что не только произведенія новыхъ талантовъ, но и всѣ величайшіе памятники искусства, если не знать предварительно, что они величайшіе, можно поставить въ одинъ безразличный рядъ, потому что нѣтъ такого произведенія на свѣтѣ, въ которомъ, при мало-мальски тщательномъ анализѣ, вы не нашли бы рядомъ съ достоинствами своихъ недостатковъ. Эстетическая критика потому именно и пала, что она морочила людей на каждомъ шагу. Заблуждалась она и въ томъ отношеніи, будто образы искусства выше образовъ дѣйствительности, но еще болѣе заблуждалась она, воображая, что чѣмъ выше, геніальнѣе произведеніе, тѣмъ строже соблюдены въ немъ всѣ законы изящнаго, тѣмъ болѣе найдете вы въ немъ гармоническаго соотвѣтствія частей съ цѣлымъ, и что эти эстетическія совершенства могутъ служить вѣрнымъ мѣриломъ достоинства и высоты произведенія. Оказалось, что не только образы искусства не выше дѣйствительности, но что и съ формальной стороны искусство только стремится къ достиженію идеаловъ красоты и гармоніи, но такъ же рѣдко и случайно достигаетъ этихъ идеаловъ, какъ и все въ природѣ. Въ самомъ дѣлѣ, развѣ только въ небольшомъ, моментально вылившемся изъ души лирическомъ стихотвореніи поэтъ еще можетъ удовлетворить всѣмъ законамъ эстетики относительно симметріи, гармоніи частей съ цѣлымъ, единства, полноты и проч. Но чуть дѣло коснется маломальски крупнаго произведенія, для созданія котораго необходимъ годъ времени и болѣе, требованія эстетики становятся совершенно неисполнимыми. Поэтъ—существо живое, измѣняющееся; сегодня онъ уже не тотъ, чѣмъ былъ вчера; на него постоянно дѣйствуютъ всевозможныя внѣшнія обстоятельства и ежеминутно измѣняютъ его настроеніе, мысли, планы. Можно ли послѣ этого ожидать, чтобы произведеніе его, писанное въ теченіе нѣсколькихъ лѣтъ, или хотя бы и мѣсяцевъ, было гармоническимъ цѣлымъ? И дѣйствительно, мы видимъ, что почти всѣ крупныя произведенія поэзіи представляются не столько стройными, симметрическими храмами, сколько наслоеніями пластовъ внутренней жизни поэта, расположенными столь же неправильно со всевозможными покатостями, неровностями и кривизнами, какъ и геологическія формаціи. Нужно употребить неимовѣрное хитросплетеніе софистической діалектики, чтобы доказать, что та или другая драма Шекспира представляетъ единое цѣлое, въ которомъ будто бы нѣтъ ничего излишняго, ничего недосказаннаго, въ которомъ каждая часть служила бы для выраженія основной идеи произведенія, и что въ драмѣ Шекспира не можетъ быть измѣнена или выброшена ни одна строчка безъ нарушенія гармоніи цѣлаго. О „Фаустѣ“ Гете, поэмахъ Байрона, „Евгеніи Онѣгинѣ“ Пушкина и говорить нечего. Въ произведеніяхъ Гейне образы, чувства, идеи мелькаютъ передъ вами въ хаосѣ и съ прихотливостью сонныхъ грезъ, а „Мертвыя Души“ Гоголя слѣдовало бы совершенно исключить изъ ряда изящныхъ произведеній. Не говоря ужь о томъ, что это произведеніе неоконченное, не говоря о томъ, что вторая часть его писана совершенно подъ инымъ настроеніемъ поэта, чѣмъ первая, вы не видите въ немъ рѣшительно ничего, что напоминало бы вамъ о гармоническомъ, замкнутомъ въ себѣ цѣломъ. Это галлерея портретовъ, повѣшенныхъ рядомъ, при чемъ каждый портретъ самъ по себѣ и для себя. Въ эту галлерею можно было бы вносить новые портреты; можно и уносить оттуда каждый въ отдѣльности; оставшіеся ни мало не потеряютъ, если ихъ товарищъ будетъ унесенъ; съ своей стороны ни мало не потеряетъ и унесенный товарищъ: глава о Плюшкинѣ, помѣщенная въ какой-нибудь христоматіи, представляется вамъ не безсвязнымъ отрывкомъ, а совершенно отдѣльнымъ произведеніемъ. Однимъ словомъ, еслибы эстетическая критика не была слѣпа, уклончива, а смѣло и послѣдовательно договорилась до конца, то ей пришлось бы, въ pendant своимъ противникамъ, отрицателямъ искусства, которыхъ она нѣкогда обвиняла въ предпочтеніи сапоговъ Шекспиру, самой, въ свою очередь, предпочесть изящно сдѣланный подсвѣчникъ большинству великихъ произведеній поэзіи.

Но не въ состояніи будучи найти въ старой эстетикѣ никакого вѣрнаго критеріума для опредѣленія достоинства произведеній, междоумочная критика наша недалеко идетъ и по пути новыхъ, реальныхъ принциповъ полезнаго искусства. Она ограничивается только указаніемъ на тенденцію и признаніемъ произведенія полезнымъ или вреднымъ по вѣрности тенденціи. Но надо-ли много говорить о томъ, что и тенденціи не могутъ дать никакого вѣрнаго критеріума для оцѣнки относительнаго достоинства произведеній? Хорошо, если передъ вами два произведенія, изъ которыхъ въ одномъ проведена тенденція полезная, а въ другомъ, очевидно, ложная и вредная. Ну, а если вы натыкаетесь на два произведенія съ одинаково полезными тенденціями? Неужели оба одинаково полезны, потому что въ нихъ проведена одинаково полезная тенденція? Но почему-же иное произведеніе подымаетъ въ васъ столько чувствъ и думъ, что не исчерпать ихъ цѣлыми томами критическихъ трактатовъ; а объ иномъ, при всей похвальности тенденціи, трудно бываетъ сказать нѣсколько словъ? Отъ этихъ вопросовъ междоумочная критика отдѣлывается обыкновенно нѣсколькими рутинными, стараго покроя фразами въ родѣ: такова сила художественнаго таланта, тайна творчества, возведенія въ перлъ созданія и пр.

Всѣ эти мысли невольно пришли мнѣ въ голову, когда я читалъ „Разореніе“, Гл. Успенскаго. Вотъ ужъ нѣсколько лѣтъ подвизается Гл. Успенскій на литературномъ поприщѣ, но замѣтила-ли наша междоумочная критика этотъ молодой и свѣжій талантъ, отличила-ли отъ ряда другихъ талантовъ молодой школы, оцѣнила-ли его по достоинству? Положимъ, что первые очерки Гл. Успенскаго еще не могли обратить на него особеннаго вниманія критики, потому что это были нетвердые и неопредѣленные шаги начинающаго таланта, по которымъ трудно еще было судить, что изъ него выйдетъ, и пойдетъ-ли онъ дальше. Но вотъ передъ вами первое его крупное произведеніе, почти два года назадъ напечатанное на журнальныхъ страницахъ. Это произведеніе впервые обнаружило въ Гл. Успенскомъ сильный самостоятельный талантъ, рѣшительно выходящій изъ ряда обыкновенныхъ и пролагающій свою собственную дорогу. Про-

изведеніе Гл. Успенскаго не напоминаетъ вамъ ничего, появлявшагося въ литературѣ прежде и послѣ. Отъ первой страницы и до послѣдней все въ немъ ново, свѣжо, оригинально. Обратила-ли наша междоумочная критика ннимание на эту отрадную и свѣтлую надежду нашей юной литературы и разъяснила-ли, что именно заслуживаетъ особеннаго вниманія въ произведеніи Гл. Успенскаго и чѣмъ этотъ талантъ отличается отъ массы всякаго рода писателей романовъ, повѣстей и очерковъ?

Можно заранѣе предвидѣть, какъ отнеслась бы, если уже не отнеслась междоумочная критика къ произведенію Гл. Успенскаго. Прежде всего она замѣтила бы, что „Разореніе" представляетъ первую попытку Гл. Успенскаго отъ мелкихъ очерковъ провинціальной жизни перейти къ созданію романа, но что попытка эта, къ сожалѣнію, не удалась: вышелъ все-таки не романъ, а тотъ-же рядъ очерковъ, связанныхъ вмѣстѣ на живую нитку. Довольно сказать, что въ романѣ вы видите полное отсутствіе всякаго сюжета; только въ концѣ уже его завязывается что-то въ родѣ сюжета, вертящагося около вопроса объ эмансипаціи женщинъ отъ семейнаго деспотизма, но и этотъ сюжетъ прерывается въ самомъ началѣ развитія, оканчиваясь безобразною уличною сценою. Что-же дѣлаютъ дѣйствующія лица романа Гл. Успенскаго? А ничего не дѣлаютъ: спятъ, зѣваютъ и жалуются на томительную скуку, нагоняя еще болѣе томительную скуку на читателя. Но всего болѣе надоѣдаетъ вамъ въ романѣ главный его герой, Михаилъ Ивановичъ, этотъ протестантъ изъ народа, выгнанный отовсюду фабричный „за бунты", какъ онъ выражается. Этотъ господинъ впродолженіе всего романа ничего не дѣлаетъ, какъ только шатается изъ мелочной лавочки въ кабакъ, отъ однихъ знакомыхъ къ другимъ,—и все жалуется и злится на „прижимку". Онъ весь исчерпывается передъ вами на двухъ-трехъ первыхъ страницахъ романа, но авторъ заставляетъ его стонать и жаловаться до послѣдней страницы; наконецъ, эти безконечныя жалобы героя, повидимому, надоѣли самому автору, и онъ прервалъ свой разсказъ, предвидя, что еслибы продолжалъ его долѣе, то далѣе ему ничего не оставалось бы дѣлать, какъ приводить новыя тирады сѣтованій своего героя. Къ этому надо прибавить нѣкоторую искусственность, съ которою Гл. Успенскій мѣстами утрируетъ комизмъ своихъ героевъ, желая нагляднѣе выставить ихъ пошлость; мѣстами вы видите самого автора, говорящаго устами своихъ героевъ. Такъ, напримѣръ, въ длинной тирадѣ Черемухина въ концѣ романа такъ и видится вамъ въ каждомъ словѣ самъ авторъ, анализирущій этого Черемухина его же собственными устами. Эта тирада очень напоминаетъ вамъ тѣхъ дѣйствующихъ лицъ плохихъ комедій, которыя вдругъ, ни съ того, ни съ сего, обращаются къ зрителямъ, о существованіи которыхъ они должны были бы не подозрѣвать, и начинаютъ разсказывать имъ о прежнихъ обстоятельствахъ своей жизни, чтобы уяснить зрителямъ сюжетъ комедіи. Точно также и Михаилъ Ивановичъ былъ бы естественнѣе, еслибы симпатіи, антипатіи и сѣтованія его авторъ съумѣлъ представить хотя-бы и глубокими, мѣткими, но все-таки инстинктивными гаданіями человѣка темнаго, дошедшаго до всего путемъ личнаго опыта, непросвѣтленнаго знаніями. Михаилъ же Ивановичъ подчасъ такъ сознательно формулируетъ свое недовольство, будто онъ знакомъ со всѣми новѣйшими открытіями политической экономіи. Очевидно, что въ тирадѣ Михаила Ивановича на половину высказывается передъ вами самъ авторъ.

Но при всѣхъ этихъ недостаткахъ, замѣтила-бы далѣе междоумочная критика, вы видите мѣстами въ произведеніи Г. Успенскаго задатки сильнаго и недюжиннаго юмора. Вы найдете въ романѣ Гл. Успенскаго страницы, которыя могли бы быть украшеніемъ любого романа Диккенса. Въ самомъ дѣлѣ, стоитъ припомнить только въ романѣ Гл. Успенскаго картину гнѣзда взяточниковъ, разоренныхъ новѣйшими реформами и умирающихъ на развалинахъ прежней веселой жизни. Ужасенъ видъ этого опустѣлаго, заброшеннаго жилища, исполненнаго плесени, духоты и одуряющаго запаха ладона. Эта тупоумная старуха-бабка, все продолжающая шептать съ жадностію: „въ карманъ-то, въ карманъ-то норови"; этотъ параличный хозяинъ, надъ головою котораго сынъ разражается проклятіями; эта хозяйка, которая чуть не ежедневно соборуется въ теченіе нѣскольких лѣтъ, а послѣ отходной быстро вскакиваетъ съ постели и ругается на всю улицу съ водовозомъ или съ мужемъ; наконецъ, этотъ умирающій молодой музыкальный талантъ, забитый, запуганный домашнимъ гнетомъ, вообразившій, что онъ виновенъ въ непочтеніи къ родителямъ, къ самому Богу, за то, что игралъ подъ воскресенья и двунадесятые праздники, обвѣсившій стѣны своей коморки лубочными картинками, изображающими смерть съ косой, адъ, геенну, страшный судъ, лежащій, обернувшись къ стѣнѣ, не говорящій ни съ кѣмъ ни слова и ожидающій смерти и всякихъ ужасовъ,—все это вмѣстѣ во всѣхъ своихъ подробностяхъ представляетъ потрясающее дѣйствіе. Отъ подобной картины не отказался бы лучшій юмористъ въ Европѣ.

Только жалко, прибавила бы ко всему этому междоумочная критика, что Гл. Успенскій не всегда употребляетъ свой юморъ тамъ, гдѣ онъ нуженъ, что онъ расточаетъ его безъ мѣры и подвергаетъ ему такія вещи, передъ которыми каждый истинно-прогресивный писатель долженъ останавливаться съ уваженіемъ. Такъ, напримѣръ, наши земскія и мировыя учрежденія, составляющія высшую степень современнаго россійскаго прогресса и въ которыхъ таится драгоцѣнный залогъ всего нашего будущаго, очевидно должны возбуждать въ писателяхъ скорѣе чувство восторга, располагающаго къ одописанію, чѣмъ побужденіе къ смѣху и сатирѣ. Когда авторъ заставилъ свою героиню Наденьку познакомиться съ семействомъ Шапкина, мы надѣялись, что въ лицѣ Шапкина онъ изобразитъ намъ положительный типъ современной русской доблести въ лицѣ либеральнаго дѣятеля по мировымъ учрежденіямъ, высоко парящаго надъ всею окружающею его пошлостью и распространяющаго вокругъ себя свѣтъ, торжество правды, законности и уваженія къ порядку; но авторъ не замедлилъ пролить свой юморъ даже и на эту свѣтлую сторону нашей жизни, изобразивши засѣданіе мирового съѣзда съ тѣмъ же смѣхомъ сквозь слезы, какъ и какое-ни-

будь гнѣздо отжившихъ взяточниковъ. Это непочтительное отношеніе къ драгоцѣнному залогу показываетъ въ авторѣ наклонность къ отрицанію ради отрицанія, и авторъ, самъ не замѣчая того, подаетъ руку тѣмъ врагамъ прогреса, которые рады въ нашихъ земскихъ и мировыхъ учрежденіяхъ отыскивать всевозможные недостатки.

Вотъ и все, что можетъ сказать или уже сказала о произведеніи Гл. Успенскаго междоумочная критика. Все это можно было бы развить гораздо болѣе, на десяткахъ страницъ, привести множество цитатъ изъ романа для подтвержденія всѣхъ вышеизложенныхъ мнѣній, и я убѣжденъ, публика осталась бы вполнѣ довольна критикой, даже можетъ быть болѣе, чѣмъ она останется довольна тою критикою, какую встрѣтитъ на слѣдующихъ страницахъ. По прочтеніи подобной критики, какому нибудь салонному говоруну можно было бы вдосталь посмѣяться надъ тѣмъ, что наши юные литераторы до сихъ поръ не выучились составлять сюжетовъ, заставляютъ мужиковъ говорить чуть что не цитатами изъ Прудона, и что вотъ до чего дошло наше поколѣніе: отрицаетъ даже такія благодѣтельныя учрежденія нашего времени, какъ гласный судъ и земскія собранія. Болѣе благосклонные къ юному поколѣнію, можетъ быть, заинтересовались бы прочесть „Разореніе“, если еще не читали; прочитавши, замѣтили бы, что, да, дѣйствительно, молодой авторъ не безъ таланта; юморъ его мѣстами задоренъ, но все это еще такъ молодо и незрѣло, хотя и подаетъ кое-какія надежды. Вотъ и все, къ чему могла-бы привести подобная критика. А между тѣмъ, это все не даетъ и тѣни понятія объ истинномъ значеніи и достоинствѣ произведенія Гл. Успенскаго. Какъ бы ни были велики эстетическіе недостатки „Разоренія“, но въ немъ схвачены такіе существенные и общіе мотивы современной намъ жизни, которые наводятъ васъ на множество тяжелыхъ и грустныхъ размышленій. Чтобы оцѣнить по достоинству произведеніе Гл. Успенскаго, критика должна указать, въ чемъ заключается умѣнье автора схватывать общіе мотивы нашей современной жизни, какіе именно мотивы схвачены въ романѣ Гл. Успенскаго, и какое дѣйствіе производятъ они на читателя, на какія мысли наталкиваютъ его. Но для всего этого нужно установить особенный критеріумъ, такъ какъ вышеупомянутые критеріумы не могутъ дать обо всемъ этомъ и приблизительнаго понятія.

II.

Актъ творчества можетъ быть раздѣленъ на два совершенно различные и даже противоположные момента: моментъ образованія поэтическихъ образовъ, и моментъ, въ который готовые уже образы овладѣваютъ поэтомъ и возбуждаютъ его къ воспроизведенію ихъ въ формахъ искусства. Умозрительная эстетика имѣла постоянно дѣло только съ послѣднимъ моментомъ, которому придавала самое главное значеніе, который и считала собственно поэтическимъ творчествомъ. Что же касается до образованія поэтическихъ образовъ, то на этотъ моментъ она смотрѣла, какъ на непостижимую тайну поэтическаго творчества, предполагая, что поэтическіе образы создаются какъ-то вдругъ, моментально, во всей своей величинѣ, въ экстазѣ поэтическаго ясновидѣнія.

А между тѣмъ, въ сущности этотъ первый моментъ поэтическаго творчества длится неизмѣримо долѣе втораго; онъ представляетъ вовсе не взрывъ экстаза, а медленное и постепенное, продолжающееся день за день, годъ за годъ развитіе различныхъ умственныхъ комбинацій. Этотъ первый моментъ составляетъ самую главную и существенную часть поэтическаго творчества. Можно сказать даже, что отъ него зависитъ почти все. Между тѣмъ, новѣйшія психологическія изысканія пролили такой уже свѣтъ на всѣ наши мозговые процессы, что этотъ первый моментъ творчества уже не составляетъ болѣе непостижимой тайны.

Новѣйшая психологія учитъ насъ, что въ основѣ всѣхъ умственныхъ отправленій лежитъ индукція, то-есть сведеніе въ нашемъ умѣ отдѣльныхъ представленій къ общимъ образамъ, категоріямъ, идеямъ. Если таково существенное свойство нашего ума, то неужели одно поэтическое творчество изъято изъ этого закона нашей психической жизни и имѣетъ свои особенные законы? Нѣтъ, и тысячу разъ нѣтъ. Образованіе поэтическихъ образовъ совершается по тѣмъ же законамъ индукціи. Поэтъ приходитъ къ своимъ созданіямъ такимъ же медленнымъ путемъ изученія и обобщенія, какъ и ученый къ своимъ открытіямъ. Этимъ обусловливается и достоинство произведеній искусства. Въ области науки мы ставимъ низко компиляцію, пережевывающую добытыя уже и всѣмъ извѣстныя мысли, какъ бы хорошо ни была эта компиляція изложена; съ другой стороны, мы тѣмъ выше ставимъ ученый трактатъ, чѣмъ больше находимъ въ немъ новыхъ открытій и чѣмъ важнѣе тѣ обобщенія, къ которымъ приводитъ насъ ученый. Но не то-же ли самое наблюдается нами и въ мірѣ искусства? Что дѣлаетъ произведеніе особенно цѣннымъ въ глазахъ нашихъ, какъ не новыя открытія и обобщенія, къ которымъ приходитъ поэтъ путемъ изученія окружающей его жизни? Почему мы низко цѣнимъ подражательныя произведенія, сколько бы ни доставляли они намъ эстетическаго наслажденія? Потому что одно эстетическое наслажденіе никогда не удовлетворяетъ насъ; мы постоянно ищемъ въ произведеніи новыхъ итоговъ и обобщеній нашей жизни; подражательный же поэтъ—тотъ же компиляторъ, пересказывающій намъ то, что уже добыто и повѣдано намъ другими.

Нельзя сказать, чтобы старая эстетика и критика, основанная на ней, вполнѣ игнорировали бы этотъ законъ поэтическаго творчества. Онѣ часто говорили намъ о томъ, что одного таланта мало для созданія мало-мальски порядочныхъ произведеній, что творить изъ ничего нашъ умъ не можетъ, что поэтъ долженъ наблюдать и изучать окружающую его жизнь. Но старая эстетика ограничивалась этими общими фразами, не разъясняя ихъ, не доводя ихъ до сознательнаго и ясно формулированнаго критеріума, а напротивъ того, тотчасъ же переходила къ радикальнымъ противорѣчіямъ съ этими положеніями, начиная говорить о поэтическомъ чутьѣ, предвидѣніи, ясновидѣніи и проч. Этого мало сказать, что поэтъ дол-

женъ изучать жизнь. Нужно изслѣдовать различныя степени и способы изученія жизни—и затѣмъ опредѣлить, какъ отражаются они на поэтическихъ созданіяхъ, дѣлая ихъ выше или ниже.

Индукція вовсе не есть результатъ развитія, принадлежность однихъ умовъ, обогащенныхъ всевозможными знаніями. Это такое же существенное свойство человѣческаго ума, каково, напримѣръ, свойство желудка переваривать пищу. Желудку все равно, чтобы въ него ни положили: опустите въ него одну крошку хлѣба, онъ начнетъ уже свою работу, проглотите кусокъ камня, онъ будетъ стараться переработать и его, не заботясь о результатахъ. Точно такъ же дѣйствуетъ и нашъ мозгъ. Какъ только онъ получилъ два, три представленія, онъ тотчасъ пытается выжать изъ нихъ обобщенія, и ему все равно, каковы эти представленія и каковы выйдутъ изъ нихъ обобщенія. По мѣрѣ того, какъ количество представленій увеличивается, умъ доходитъ до сознанія несостоятельности прежнихъ обобщеній, являются на ихъ мѣстѣ новыя, болѣе широкія и основательныя. Этимъ обусловливаются всѣ фазы развитія человѣческаго ума, всѣ ошибки и заблужденія вѣковъ, отъ которыхъ человѣчество медленно освобождается съ расширеніемъ знаній. Такъ напримѣръ, даже такое, повидимому, дѣло чистой фантазіи, какъ миѳологія, есть не что иное, какъ одна изъ первыхъ ступеней индукціи. На этой ступени люди, наблюдая окружающій ихъ міръ, приравниваютъ къ себѣ, обобщаютъ съ собою все, имѣющее движеніе, производящее то или другое дѣйствіе, и приходятъ къ заключенію, что всѣ подобные предметы въ природѣ такія же живыя существа, какъ и человѣкъ. При большей же степени развитія люди убѣждаются, что предметы матеріальной природы не живыя существа; тогда они начинаютъ дедуктивно приписывать движеніе этихъ предметовъ человѣкообразнымъ существамъ, управляющимъ міромъ. Сравнивая дѣйствія силъ природы съ своими дѣйствіями, люди приходятъ къ тому выводу, что существа, управляющія міромъ, неизмѣримо колоссальнѣе, сильнѣе, могущественнѣе людей. Здѣсь начинаетъ уже работать фантазія; но мы видѣли, что толчкомъ къ ней все-таки послужила индукція, да и самая фантазія, создающая миѳологію, работаетъ чисто-индуктивнымъ путемъ: люди обобщаютъ характеры и качества своего племени въ типы и затѣмъ приравниваютъ эти типы къ различнымъ силамъ природы, смотря по тому, какое впечатлѣніе производитъ на нихъ то или другое явленіе; такимъ образомъ и выходитъ всегда, что въ богѣ грома олицетворяется типъ скоропреходящаго гнѣва, богъ солнца является красавцемъ, пребывающимъ въ вѣчно-свѣтломъ, сіяющемъ настроеніи духа и пр.

Теперь мы посмотримъ, какъ дѣйствуетъ индукція творчества въ развитіи отдѣльнаго человѣка, обладающаго поэтическимъ талантомъ. Человѣкъ этотъ живетъ въ своемъ дѣтствѣ обыкновенно въ весьма ограниченной для его кругозора средѣ—семьи и школы. Нѣсколько человѣкъ родныхъ, нѣсколько знакомыхъ, приходящихъ въ домъ отца, прислуга, да десятокъ, другой товарищей, изъ которыхъ болѣе близкихъ къ юношѣ—много пять, шесть человѣкъ. Однимъ словомъ, не наберется и 20 человѣкъ, которые служатъ матеріаломъ для первыхъ обобщеній юноши, да къ тому-же эти люди по большей части скрываютъ отъ него существеннѣйшія явленія своей жизни. Но за то ближе всего, въ полной откровенности стоитъ передъ юношею онъ самъ, и онъ можетъ наблюдать сколько угодно явленія своей молодой, бьющей ключомъ жизни.

Какъ только въ умѣ юноши сложатся нѣсколько образовъ и типовъ изъ этого маленькаго мірка, тотчасъ же въ немъ является потребность воспроизводить эти образы, творить; рядомъ съ этимъ дѣйствуетъ, конечно, возбудительно и заразительно чтеніе изящныхъ произведеній. Юноша обыкновенно подражаетъ любимымъ поэтамъ; но если у него есть хоть маленькій зародышъ самостоятельнаго творчества, онъ не ограничивается однимъ рабскимъ подражаніемъ, а пытается пустить въ дѣло и свой маленькій запасецъ первыхъ обобщеній. При этомъ онъ поступаетъ совершенно такъ же, какъ и дикари на степени антропоморфизма: онъ приравниваетъ весь міръ къ самому себѣ и тому маленькому мірку, который окружаетъ его; какъ бы онъ ни пытался отрѣшиться отъ этого міра въ сферу и обстановку иной жизни, иныхъ людей, онъ непремѣнно изобразитъ на первомъ планѣ самого себя, своихъ двухъ, трехъ товарищей; мать героя будетъ похожа на его собственную мать, дѣтство героя онъ наполнитъ впечатлѣніями своего собственнаго дѣтства; явится въ его разсказѣ слуга, онъ будетъ непремѣнно похожъ на того Ивана или Павла, который ему примелькался въ дѣтствѣ. Вотъ почему всѣ юныя произведенія писателей бываютъ особенно дороги для ихъ біографовъ, проливая много свѣту на дѣтство и юность писателей.

По мѣрѣ того, какъ юноша вступаетъ въ жизнь, раздвигается передъ нимъ кругозоръ его наблюденій, вмѣстѣ съ тѣмъ становятся разнообразнѣе и общѣе его поэтическіе образы. Онъ создаетъ типы различныхъ сословій и состояній, помѣщиковъ, крестьянъ, ученыхъ и пр. Вмѣстѣ съ тѣмъ, начинаетъ проникать въ тѣ общіе мотивы жизни, которые принадлежатъ множеству людей.

При этомъ слѣдуетъ обратить вниманіе на два совершенно различные склада жизни писателей. Писатель можетъ всю жизнь провести въ какой-нибудь тѣсной сословной средѣ, и даже въ этой средѣ въ небольшомъ кружкѣ знакомыхъ. Очевидно, такая жизнь не замедлитъ произвести свое вліяніе на его творчество. Обобщенія его будутъ частны, узки; самое большее, до чего онъ достигнетъ, будетъ развѣ то, что ему удастся схватить кое-какіе типы другихъ сословій и круговъ жизни съ чисто внѣшней стороны. Изъ общихъ же мотивовъ жизни онъ схватитъ только мотивы своей среды; обо всемъ, что выходитъ изъ этой среды, онъ будетъ судить гадательно, гипотетически и всюду онъ будетъ совать тѣ самые мотивы, какіе ему удалось подмѣтить въ своей средѣ.

Но поэтъ можетъ жить жизнью, исполненною самыхъ разнообразныхъ приключеній и столкновеній съ разнородными слоями общества; въ то же время передъ нимъ можетъ разыгрываться какая нибудь общественная драма, историческое движеніе, въ кото-

ромъ принимаютъ дѣятельное участіе массы всякаго народа, и прислушиваясь къ говору этихъ массъ, поэтъ знакомится съ мотивами жизни всевозможныхъ круговъ. Сначала типы и жизнь различныхъ слоевъ общества представляются ему только въ своихъ отличительныхъ чертахъ, неимѣющихъ повидимому ничего общаго между собою и часто совершенно противоположныхъ: тряпичники, роющіеся въ навозѣ и собирающіе разбитыя банки, и вельможи, рѣшающіе судьбы міра—кажутся ему словно существами различныхъ породъ животныхъ. Но мало-по-малу онъ начинаетъ находить общее въ жизни самыхъ противоположныхъ слоевъ общества, подмѣчать такіе существенные мотивы жизни, которые общи цѣлому народу, вѣку или даже всему человѣчеству. Степени подобныхъ обобщеній бываютъ различны, завися, какъ отъ круга наблюденій поэта, такъ и отъ способности обобщенія, и отъ этихъ степеней только однѣхъ и зависитъ достоинство произведенія писателя. Писателя, умѣвшаго схватить общенародные типы и мотивы, мы ставимъ и цѣнимъ всегда неизмѣримо выше писателей, не выходящихъ изъ сословной сферы; въ свою очередь еще выше ставимъ мы поэтовъ общечеловѣческихъ мотивовъ. Послѣднихъ очень немного, и только ихъ произведенія никогда не теряютъ своего интереса и пользы, и очень понятно почему: когда вы читаете произведеніе писателя, не выходящаго изъ круга частныхъ обобщеній, то, какъ бы глубоко ни проникались вы образами поэта, они все-таки остаются болѣе или менѣе чужды вамъ, если только вы сами не принадлежите къ кругу жизни, хорошо изученному поэтомъ; вы проникаетесь жалостью, негодованіемъ къ героямъ произведенія, завидуете имъ или чувствуете свое превосходство надъ ними,—но все-таки чувствуете вмѣстѣ съ тѣмъ, что смотрите на нихъ со стороны; когда же вы читаете произведеніе, схватывающее общечеловѣческіе мотивы жизни, то, хотя бы авторъ изображалъ передъ вами совершенно чуждую вамъ жизнь, онъ и въ этой жизни покажетъ вамъ нѣчто, принадлежащее вамъ самимъ, и глубоко взволнуетъ васъ, затронувши ваши личные интересы, мечты, желанія, стремленія и пр.

Всѣ эти теоретическія положенія вполнѣ подтверждаются историческими наблюденіями. Перечтите біографіи всевозможныхъ писателей, вы не найдете ни одного, который бы, живя въ тѣсномъ, замкнутомъ кругу, написалъ бы что либо истинно великое. Напротивъ того, мы видимъ, что всѣ общечеловѣческіе поэты,—начиная съ Эсхилла и кончая Байрономъ—жили весьма разнообразною жизнью; они были или тружениками, пробивающимися изъ нищеты и мрака, или скитальцами, изгнанниками, не говоря о томъ, что почти всѣ они являлись въ эпохи наиболѣе напряженнаго пульса общественной жизни, въ которой сами принимали непосредственное участіе и наблюдали ее ужъ никакъ не изъ своего кабинета, не по газетамъ и реляціямъ.

Понятно послѣ этого становится и то, почему у насъ не можетъ явиться ни одного писателя, котораго можно было бы поставить на одну высоту съ Шекспиромъ или Байрономъ. До сихъ поръ всю вину въ этомъ исключительно сваливали на необразованность нашихъ поэтовъ и утѣшали насъ обыкновенно тѣмъ, что погодите, молъ, вотъ мы сравняемся съ Европой и даже опередимъ ее, тогда и у насъ будутъ свои Гете и Сервантесы. Но при этомъ вы примите только то въ соображеніе, что хотя у насъ и мало писателей вполнѣ образованныхъ, тѣмъ не менѣе, если вы возьмете русскаго писателя даже самаго необразованнаго, и онъ окажется образованнѣе Софокла, просто уже потому, что живетъ въ XIX столѣтіи послѣ Р. X., тогда какъ Софоклъ жилъ въ V столѣтіи до Р. X., когда люди не имѣли еще никакихъ опредѣленныхъ понятій о томъ, какія страны лежатъ далѣе бассейна Средиземнаго моря, думали, что солнце ѣздитъ по небу на колесницѣ Аполлона и злая мойра управляетъ судьбою людей; а между тѣмъ въ тотъ вѣкъ всеобщаго невѣжества—могъ развиться Софоклъ, тогда какъ у насъ не можетъ произвести Софокла никакое общеевропейское блестящее образованіе. Очевидно, что причины этого нужно искать отнюдь не въ отсталости нашей отъ Европы, а въ чемъ-то другомъ. Въ чемъ же именно? Всѣ вышеприведенныя данныя могутъ дать прямой и ясный отвѣтъ.

Страна удивительныхъ противорѣчій—наше отечество отличается тѣмъ отъ многихъ странъ Европы, что нигдѣ сословныя перегородки не такъ слабы и не такъ шатки, какъ у насъ: мы можемъ похвастаться, что въ настоящее время у насъ почти нѣтъ сословій, которыя спорили бы между собою о правѣ существованія и боролись не на животъ, а на смерть. Но если мы не имѣемъ четырехъ западныхъ сословій, за то у насъ можно насчитать тысячи всевозможныхъ сословій, которыя дѣйствительно не борятся между собой, потому что не хотятъ и знать другъ друга. У насъ, что занятіе, что ремесло, то и свое собственное сословіе, и каждое сословіе отдѣлено другъ отъ друга китайскою стѣною. Да мало еще этого: у насъ люди, получающіе въ годъ 5,000 рублей доходу, только и знаютъ людей, получающихъ столько же; людей же съ 1,000 рублей они уже чуждаются, какъ плебеевъ, а на людей съ 10,000 рублей смотрятъ уже издали, зная, что тѣ не допустятъ ихъ въ свою компанію, какъ въ свою очередь плебеевъ. При подобныхъ условіяхъ мы всѣ живемъ въ тѣсныхъ замкнутыхъ кружкахъ, считая только свой кружокъ за людей, единственно полезныхъ въ мірѣ, только свою профессію достойною занятія порядочнаго человѣка; на всѣхъ же остальныхъ ближнихъ мы косимся и отстраняемся отъ нихъ въ ужасѣ, какъ бы боясь, чтобы одно прикосновеніе къ нимъ не лишило насъ нашей невинности. Каждый кружокъ у насъ имѣетъ свое особенное прозябаніе, питается своими иллюзіями, создаетъ даже свой особенный языкъ, понятный только для членовъ кружка. Оттого у насъ и случается зачастую, что иной кружокъ, живя въ тѣсной замкнутости и не зная о томъ, что дѣлается за его стѣнами, унесется въ своей иллюзіи въ такія эмпиреи и выкинетъ вдругъ такое колѣнце на удивленіе всему свѣту, что будучи не въ силахъ отдать себѣ отчета, что побудило людей дойти до подобнаго увлеченія, не зная тѣхъ путей, какими мысли этихъ людей додумались до чортиковъ, вы чувствуете себя словно въ какомъ-то бедламѣ и видите людей окончательно поврежденныхъ.

Теперь подумайте, гдѣ же нашимъ писателямъ доходить до такихъ общечеловѣческихъ обобщеній, которыя могли-бы поставить ихъ на одну высоту съ Шекспиромъ или Сервантесомъ? Гдѣ же у насъ такая общественная жизнь, такое всемірно - историческое движеніе, которое приводило бы въ столкновеніе и выдвигало бы наружу существенныя стороны людей различныхъ состояній и доставляло бы поэту обильный матеріалъ для наблюденій и обобщеній? Прозябая въ тѣсныхъ, замкнутыхъ кружкахъ, наши писатели только и могутъ доходить до тѣхъ частныхъ, узкихъ обобщеній, какія имъ доставляетъ ихъ кружокъ. Они только и могутъ выставлять рельефно типы своей среды; обо всѣхъ же прочихъ слояхъ общества они уже судятъ гадательно, гипотетично, изображая только внѣшнія черты; внутреннія же предполагая все тѣ же, какія имъ удалось подмѣтить въ своей средѣ. Такимъ образомъ, если писатель помѣщикъ, то и всѣ его герои будутъ смахивать на помѣщиковъ: у него и мужикъ будетъ выставленъ какимъ-то селадономъ, млѣющимъ въ порывѣ нѣжной страсти и дрожащимъ при видѣ обнаженной ручки или ножки деревенской красавицы; если онъ офицеръ, то у него и всѣ герои будутъ смахивать на офицеровъ, и мужикъ въ его повѣсти, при порывѣ ревности, выйдетъ съ дубиною въ рукахъ на дуэль съ оскорбителемъ своей чести. При этомъ нужно замѣтить, что немногихъ писателей, которымъ удалось обобщить типы и мотивы жизни цѣлаго класса помѣщичьяго, купеческаго или военнаго, мы по всей справедливости считаемъ нашими первоклассными корифеями, потому что обобщенія ихъ, какъ ни частны сами по себѣ, все-таки довольно широки сравнительно съ обобщеніями тѣхъ писателей, жизнь которыхъ сосредоточивается въ тѣсномъ кружкѣ пяти, шести человѣкъ. Послѣдніе на всю жизнь страны, о которой не имѣютъ ровно никакого понятія, смотрятъ обыкновенно съ точки зрѣнія иллюзій своего кружка и искажаютъ эту жизнь, елико возможно. Кромѣ двухъ, трехъ такъ-называемыхъ положительныхъ типовъ, являющихся ходячими олицетвореніями иллюзій кружка, всѣ остальные герои у нихъ представляются обыкновенно или блѣдными призраками, или стереотипными манекенами. Вотъ почему немногіе молодые таланты наши гибнутъ въ самомъ началѣ своего поприща, не идя далѣе многообѣщающихъ начинаній. Но и первоклассные таланты, при условіяхъ нашей жизни, бродятъ часто въ потемкахъ, рискуя ежедневно попадать въ просакъ. Такимъ блужданіемъ въ потемкахъ является, напримѣръ, отношеніе нашихъ первоклассныхъ беллетристовъ къ молодому поколѣнію. Критика напала на подобное отношеніе вовсе не потому, чтобы требовала отъ беллетристовъ нашихъ непремѣнно выставленія молодого поколѣнія въ идеальномъ свѣтѣ. Никто этого отъ беллетристовъ не требовалъ; никому и въ голову не приходило, чтобы въ молодомъ поколѣніи олицетворились всевозможныя добродѣтели и не было ни одного порока. Пусть бы беллетристы выставляли отрицательныя стороны молодаго поколѣнія, и критика, и молодое поколѣніе ничего не могли бы чувствовать къ правдивымъ беллетристамъ, кромѣ глубокой признательности; нечего и говорить о томъ, что выставленіе недостатковъ бываетъ всегда вдесятеро полезнѣе и богаче результатами превознесенія достоинствъ. Но для того, чтобы выставлять недостатки какой-либо среды, нужно прежде всего глубоко изучить эту среду; собрать какъ можно болѣе наблюденій изъ ея жизни, и тогда уже рѣшиться дѣлать какіе-либо выводы и обобщенія. Теперь подумайте, могутъ-ли, положа руку на сердце, по чистой совѣсти, беллетристы наши громко заявить, что да, они изучили молодое поколѣніе и создавали свои типы не гипотетически, не наобумъ, не по двумъ, тремъ, случайно встрѣчаемымъ экземплярамъ? Видѣли ли ихъ когда нибудь среди этого молодаго поколѣнія, наблюдающими его бытъ, нравы, интересы? Напротивъ того, можно сказать, что послѣднія произведенія нашихъ первоклассныхъ беллетристовъ какъ будто нарочно для того написаны, чтобы показать людямъ несостоятельность теоріи поэтическаго ясновидѣнія и всю важность опыта для поэтическаго творчества. Вся сила таланта не выручила ни Тургенева, ни Гончарова, едва они съ почвы изученной ими дѣйствительности сошли на почву жизни, о которой не позаботились составить себѣ никакого яснаго понятія. Писатель, написавшій „Записки охотника", писатель, создавшій типъ „Обломова"—начали вмѣсто истинныхъ представителей молодаго поколѣнія угощать насъ—совершенно подобно начинающимъ писать гимназистамъ 7-го класса—ходульными героями въ духѣ Марлинскаго! Въ наукѣ всякія самоувѣренныя сужденія, произвольныя заключенія о неизученныхъ фактахъ называются шарлатанствомъ. Въ искусствѣ подобное же отношеніе къ дѣйствительности считается поэтическимъ ясновидѣніемъ!

Вотъ на этомъ основаніи мы нѣсколько разъ уже говорили, и считаемъ нелишнимъ повторять каждый разъ, что единственную надежду нашей современной литературы составляетъ та реальная школа молодыхъ писателей, которые смѣло разрываютъ всякую связь со всѣми литературными традиціями, оставляютъ всякія попытки создавать по отвлеченнымъ теоріямъ положительные типы и вообще творить на основаніи поэтическаго ясновидѣнія, а начинаютъ прямо съ азбуки, наблюдаютъ и изучаютъ народъ въ разныхъ слояхъ его и рисуютъ намъ нашу жизнь такъ, какъ она представляется ихъ наблюденіямъ. Не надѣяться, что подобный способъ индуктивнаго изученія жизни въ результатѣ своемъ произведетъ писателя, если не общечеловѣческаго, то всенароднаго, значитъ не придавать никакого значенія индуктивному методу, отрицать самое свойство человѣческаго ума доходить до чего-либо путемъ опытовъ и наблюденій. Пусть подобнаго рода скептики сидятъ у моря и ждутъ появленія такого генія, который не выходя изъ своего кабинета, очаруетъ ихъ глубокимъ анализомъ ихъ жизни, а въ ожиданіи подобнаго чуда пусть тѣшатся эстетическими красотами поэтовъ, никуда не заглядывающихъ далѣе нѣсколькихъ будуаровъ съ запахомъ свѣжаго женскаго тѣла, итальянскихъ оперъ, клубовъ да баденской рулетки.

Мы же будемъ твердо убѣждены, что идя по тому пути, на который наша литература сороковыхъ годовъ только выступила, но тотчасъ же съ него и свороти-

ла, и на которомъ изъ пожилыхъ писателей удержались только Островскій, да гр. Л. Толстой,—по этому пути раньше или позже литература наша дойдетъ до созданій истинно великихъ произведеній. И мы тѣмъ болѣе имѣемъ право питать подобныя надежды, что рядомъ съ тѣмъ печальнымъ растлѣніемъ, какое представляютъ всѣ прочія отрасли нашей беллетристики, только одна эта отрасль, напротивъ того, имѣетъ постоянный и несомнѣнный прогрессъ. Первымъ замѣчательнымъ явленіемъ на этомъ пути, явленіемъ, обратившимъ на себя всеобщее вниманіе, были произведенія Рѣшетникова. Какъ ни преждевременно сошелъ съ литературнаго поприща этотъ талантъ, но онъ успѣлъ уже сдѣлать много замѣчательныхъ обобщеній изъ круга жизни низшихъ классовъ нашего общества. Но обобщенія Рѣшетникова были все-таки еще довольно частны; они не простирались далѣе быта нашихъ восточныхъ инородцевъ, рабочаго сословія и духовнаго; едва Рѣшетниковъ выходилъ изъ этихъ рамокъ, онъ уже становился на шаткую почву догадокъ, гипотетическихъ или черезчуръ конкретныхъ образовъ, словомъ, обнаруживалъ полное незнакомство со всѣми прочими слоями нашей жизни. Гл. Успенскій составляетъ шагъ впередъ послѣ Рѣшетникова. Онъ не ограничивается уже изученіемъ быта одного какого-либо слоя или среды общества, а изучаетъ бытъ общества въ его совокупности — въ разныхъ его слояхъ и въ столкновеніяхъ этихъ слоевъ между собою. И вмѣстѣ съ тѣмъ, вы встрѣчаете въ его произведеніи нѣсколько обобщеній, касающихся не одного только крестьянскаго, фабричнаго или помѣщичьяго класса, а всей русской жизни вообще. Да не подумаетъ читатель, чтобы мы вслѣдствіе этихъ обобщеній смотрѣли на произведенія Гл. Успенскаго, какъ на высшую точку, до которой можетъ только достигнуть эта школа беллетристики, чтобы мы считали Гл. Успенскаго писателемъ вполнѣ всенароднымъ. Нѣсколько обобщеній еще не составляютъ всего, что входитъ въ идеалъ всенароднаго поэта, къ тому же обобщенія обобщеніямъ рознь, но и тѣ обобщенія, до которыхъ достигъ Гл. Успенскій, ставятъ „Разореніе“ въ число замѣчательнѣйшихъ произведеній послѣдняго времени и заставляютъ ожидать отъ Гл. Успенскаго въ будущемъ многаго.

III.

Гл. Успенскій изображаетъ передъ вами нѣсколько типовъ изъ жизни неизвѣстнаго губернскаго города, и типы эти не принадлежатъ даже къ верхамъ интеллигенціи этого города. Что общаго между жителями столицъ, усвоившими себѣ высшую цивилизацію Европы, жадно слѣдящими по журналамъ и газетамъ за развитіемъ европейской жизни, принимающими живое участіе во всѣхъ современныхъ вопросахъ общественной жизни отечества, раздѣляющимися на партіи, спорящими, соглашающимися, опять спорящими, и нѣсколькими темными лицами, выведенными на сцену Гл. Успенскимъ въ своемъ романѣ? Они не только не принимаютъ участія въ дѣлахъ Европы, но многіе изъ нихъ имѣютъ самое неопредѣленное понятіе о томъ, что гдѣ-то за морями лежитъ нѣметчина, живутъ гишпанцы и англичане, за что-то въ высшей степени недоброжелательные къ намъ; ихъ общественные интересы не простираются далѣе круга ихъ околотка и мелкихъ сплетенъ губернскаго захолустья; они тоже спорятъ и мирятся между собою, но не по вопросу о реальномъ и классическомъ образованіи, о земскихъ и городскихъ повинностяхъ, а о какомъ-нибудь ухватѣ, разбитой мискѣ со щами, или же — это уже самый высшій общественный вопросъ — о подмазкѣ ревизора, или о томъ, изъ-за чего фабриканту вздумалось угостить чаемъ рабочихъ. Но посмотримъ, дѣйствительно ли такъ-таки и нѣтъ уже ничего общаго между Черемухиными, Птициными, Печкиными, Михаилами Ивановичами, Надями, Ванями и прочими захолустными личностями, являющимися передъ нами въ разсказѣ, и самыми передовыми изъ передовыхъ читателей нашихъ.

Первое, что васъ поражаетъ во всѣхъ этихъ людяхъ,—это полное отсутствіе всякой активности, малѣйшихъ попытокъ отстаивать свои принципы или вносить ихъ въ жизнь самостоятельно и неуклонно. Въ мірѣ очерченномъ Гл. Успенскимъ есть свои злыя начала и благія, отжившіе и свѣжіе элементы, тираны и угнетенные—но всѣ они являются безразлично жертвами какого-то внѣшняго рока, своего рода мойры, которая управляетъ ихъ судьбою и которой они безропотно покоряются. Жизнь тянется монотонно, безцвѣтно, скучно, вяло, день за день, завтра—какъ вчера. Царство Черемухиныхъ и Птициныхъ, это гнѣздо провинціальнаго хищничества, стоитъ, повидимому, незыблемо, и нѣтъ ему конца. Все гнѣздо объѣдается и опивается до потери сознанія, что могутъ существовать на свѣтѣ ревизоры, до потери счета нарожденному числу дѣтей, многое множество поглощается этою прорвою чужихъ денегъ, трудовъ и слезъ. Но въ то же время никто не отдаетъ себѣ отчета, откуда вышли всѣ эти Черемухины, Птицины и гдѣ конецъ ихъ объѣданію и опиванью. Всѣмъ кажется, что такъ всегда было и всегда будетъ, подобно тому, какъ пауки никогда не перестанутъ ѣсть мухъ, а куры вѣчно будутъ глотать червяковъ.

Но вдругъ является нежданно, негаданно толчокъ внѣшней, словно сверхъестественной силы, не имѣющей ничего общаго съ этимъ міромъ глухихъ губернскихъ улицъ. Черемухины, Птицины падаютъ, предаются суду, отставляются, подвергаются всеобщему презрѣнію. Старыя начала побѣждены: новые, свѣжіе элементы торжествуютъ, сказалъ бы иной публицистъ. Ничего не бывало. Можно ли тутъ и говорить о какой-либо побѣдѣ или пораженіи, когда самой борьбы никакой не было. Въ самомъ дѣлѣ, развѣ обо всѣхъ этихъ Черемухиныхъ, Птициныхъ можно сказать, что они поражены, когда имъ и въ голову не приходило отстаивать свое пированье? Черемухины и Птицины относятся къ своему паденію, какъ къ дѣйствію внѣшней, стихійной силы въ родѣ пожара или землетрясенія. Они воютъ и плачутъ при видѣ своего неожиданнаго бѣдствія, но въ то же время чувствуютъ фатальность его; имъ не на кого жаловаться, некого обвинять, не на кого ожесточаться — и они, какъ всегда это бываетъ въ бѣдствіяхъ, ниспосланныхъ свыше, напускаются другъ на друга, изыскивая причину сво-

его несчастія въ человѣкѣ наиболѣе согрѣшившемъ, разгнѣвавшемъ божество и не съумѣвшемъ умилостивить его.

«Въ семьѣ Птициныхъ шелъ вой и плачъ — говоритъ Успенскій.—Исчезновеніе кармана, изъ котораго можно было произвольно выхватывать, сколько душа желаетъ, подорвало даже идиллію семейной жизни.

— Въ карманъ-то, въ карманъ-то норови! едва дыша, лепетала бабка.

— Прикарманили, матушка! Нечего накарманивать-то, плакала ея дочь и съ нѣжностью гладила по головѣ сына, попавшагося въ двадцати уголовныхъ дѣлахъ. — Поцѣлуй меня, зайчикъ мой! говорила она ему.

— Отстаньте вы съ поцѣлуями... Нашли время! До чего вы меня довели? оскаливался сынъ на матушку, которую ему было не за что уважать. — Что я отъ васъ видѣлъ, пользу какую? Вамъ только подавай... ризу сдѣлать дали обѣщаніе... Ну, и хваталъ... Вы — мать, развѣ я могу ослушаться...

«Птицинъ лежалъ въ параличѣ, и надъ нимъ тотъ же рабски покорный сынъ срывалъ свой гнѣвъ.

— А называетесь генералъ! Не умѣли во-время подмазать ревизора. Вамъ жаль... А небось, какъ съ меня, такъ подавай... Какъ принесешь—«умникъ»... А-а... Богъ васъ наказываетъ... Какой вы отецъ? Удавлюсь вотъ возьму!..»

Неудивительно, что сынъ могъ говорить родителю такимъ образомъ: они были равны въ хищничествѣ.

Развѣ это пораженные люди, а не погорѣльцы, грызущіеся другъ съ другомъ на пожарищѣ и обвиняющіе одинъ другого въ неосторожномъ обращеніи съ огнемъ? Еслибы они чувствовали себя пораженными, то, конечно, они еще дружнѣе прижались-бы другъ къ другу послѣ своего пораженія; но вы видите, что всѣ они начинаютъ чуждаться другъ друга, совершенно подобно дикарямъ, которые, видя ближняго, пораженнаго ударомъ какой-нибудь мойры, боятся прикоснуться къ нему, чтобы и самимъ не подвергнуться гнѣву того же божества.

«Товарищи мужа—читаемъ мы въ романѣ—скомпрометированные тѣмъ же, чѣмъ и онъ, сторонились отъ нея, и, какъ пьянчужки отрезвленные въ кварталѣ, сердито смотрѣли другъ на друга и на нее; иные изъ нихъ, перебравшись въ новые суды, перестали нюхать табакъ, стали курить сигары, обрились, умылись и старались казаться людьми совершенно новыми, или отдѣланными заново. Всѣ знакомства, всѣ старинныя пріязни какъ-будто и не существовали, всѣ они держались на «дѣлежѣ» и кончились вмѣстѣ съ нимъ»!..

Совершенно такъ-же жители города, разрушеннаго землетрясеніемъ, безропотно покоряются своей участи и разъѣзжаются въ разныя стороны, забывая о существованіи другъ друга.

Такую-же пассивность вы видите въ противоположномъ лагерѣ свѣтлыхъ личностей и свѣжихъ силъ этого захолустья. Вѣяніе новой жизни радуетъ тѣхъ изъ нихъ, которые мало-мальски сознаютъ значеніе этого вѣянья. Паденіе Черемухиныхъ, Птициныхъ кружитъ имъ голову. Ихъ приводитъ въ восторгъ все, что ни видятъ они вокругъ себя: и то, что въ судахъ или вагонахъ желѣзной дороги обращаются вѣжливо съ народомъ, и то, что какой-нибудь прежній грабитель тащитъ въ залогъ къ закладчицѣ изъ крѣпостныхъ послѣдній свой галстухъ и даетъ ей волю накуражиться надъ нимъ такъ-же, какъ онъ прежде надъ ней куражился, и то страшное запустѣнье, какое представляютъ изъ себя жилища Птициныхъ и Черемухиныхъ. „Обмякла прижимка, теперь уже не то“... торжествуютъ свѣтлыя начала глухихъ губернскихъ улицъ, но во всей этой радости вы опять-таки не видите перваго и самаго главнаго: сознанія своей силы, успѣха своего предпріятія. Это не побѣдители, отдыхающіе въ сладкой усталости усилій борьбы, а какіе-то праздные зрители. Такъ дикари поютъ гимны солнцу, прорѣзавшему мрачныя тучи, или пляшутъ на трупахъ враговъ, пораженныхъ ударомъ грома.

О, конечно, только въ глухихъ улицахъ губернскаго города мы встрѣчаемъ такое поразительное отсутствіе всякой активности, борьбы, самостоятельной жизни, инціативы. Ну, а въ прогресивныхъ передовыхъ сферахъ развѣ не то же самое? Загляните въ русскую исторію, и что вы тамъ увидите: развѣ не тѣже толчки внѣшнихъ постороннихъ силъ, являющихся то въ видѣ неожиданныхъ реформъ Петра, то въ видѣ войны 12-го года, то въ видѣ крымской кампаніи? Послѣ каждаго подобнаго толчка—тѣже паденія какихъ-нибудь Черемухиныхъ, Птициныхъ, тѣже восторги о наступленіи новыхъ временъ, занимающихся зорь, тѣже восклицанія Михаила Ивановича о томъ, что „прижимка обмякла и что теперь уже не то!“ и тоже внутреннее, неотвязное сознаніе, что всѣ наступившія благоденствія пришли извнѣ, что мы тутъ не причемъ, ни въ чемъ не виноваты, и можемъ только чувствовать признательность, ликовать и благословлять судьбу, которая послала намъ счастіе, свалившееся на насъ съ неба, безъ всякихъ усилій съ нашей стороны выработать его своими собственными трудами.

Въ самомъ дѣлѣ, гдѣ они, какіе-бы то ни было труды? Что дѣлаютъ обыкновенно наши ликующіе герои прогреса до наступленія внѣшняго толчка, который исполняетъ ихъ невинныя души чувствомъ чисто-телячьяго изумленія? Они могутъ видѣть себя, какъ въ зеркалѣ, въ двухъ-трехъ положительныхъ типахъ разсказа Гл. Успенскаго, какъ-бы ни высоко стояли они по своему образованію сравнительно съ темными героями глухой улицы провинціальнаго захолустья.

Россійскій герой прогресса — это Ваня, отличающійся только тѣмъ отъ своихъ любостяжательныхъ родныхъ, что чувствуетъ въ себѣ страсть попискивать на скрипицѣ, и на удовлетвореніе этой страсти онъ готовъ промѣнять всѣ соблазнительныя приманки заднихъ крылецъ чиновничьяго гнѣзда. Ему надо очень немного: онъ былъ-бы доволенъ, еслибы его оставили въ покоѣ, и онъ могъ бы издавать свои звуки въ тишинѣ, никого не трогая и не задѣвая; но и этого-то малаго не можетъ онъ завоевать себѣ, бѣдняга. Вся жизнь его—рядъ колотушекъ со стороны отца, матери, всякаго рода униженій и оскорбленій со стороны начальства, товарищей. Безропотно, молча сноситъ онъ все это и дѣлаетъ уступки за уступками безсмысленнымъ усиліямъ приравнять его къ общей чиновничьей рутинѣ. Странная, потрясающая картина живого человѣка, который является въ глазахъ глупцовъ, пошляковъ и злодѣевъ словно какою-то бездушною куклою, надъ которою они могутъ потѣшаться, какъ имъ вздумается, и этотъ живой человѣкъ не

дѣлаетъ даже тѣхъ естественныхъ барахтаній самосохраненія, какія вы видите въ птицѣ или рыбѣ, попавшихся въ руки охотника... Но еще страшнѣе дѣлается у васъ на душѣ, когда вы видите, что этотъ живой человѣкъ доведенъ до такой степени заморенности, окончательнаго обезличенья, что, сходя, наконецъ, на смертный одръ, онъ не сохраняетъ даже чувства внутренней правоты, того сладкаго сознанія мученичества, которое одно только остается утѣшеніемъ невинно загубленной жертвѣ; напротивъ того, его начинаютъ терзать раздумья: „а что, какъ если люди правы, что если я самъ виноватъ во всемъ и терплю достойныя возмездія за свои собственныя вины“? О, россійскій герой прогресса, какъ часто ты доходишь до подобнаго самоизгрызенія и кончаешь тѣмъ, что теряешь всякое сознаніе, гдѣ правая сторона, гдѣ лѣвая, и начинаешь каяться, зачѣмъ ты нѣкогда считалъ своимъ правомъ лелѣять въ сердцѣ два-три естественныя, человѣческія стремленія!

Россійскій герой прогресса—это Надя, вся жизнь которой проходитъ въ томъ, что она ходитъ изъ одной комнаты въ другую, со двора, въ садъ и жалуется, что ей скучно.

— Да вотъ какъ же, отвѣчаютъ ей на это:—сейчасъ для васъ заиграютъ въ барабаны, въ трубы затрубятъ, чтобы вамъ веселѣе было... Оченно всѣ объ этомъ въ заботѣ, чтобы васъ увеселить... Сію минуту-съ...

На досугѣ начинаются раздумья, откуда эта скука? Рядъ размышленій, толкованій и наблюденій приводятъ Надю, или все равно, героя россійскаго прогресса, къ мысли, что скука происходитъ отъ ничегонедѣланія. У простого, молъ, человѣка дѣловъ много. Онъ скуки не знаетъ. Никто не видывалъ, чтобы, напримѣръ, мужикъ шатался, да валялся этакъ-то, да зѣвалъ: „мнѣ скучно!“ Отродясь и не было такого мужика... У простого человѣка — скуки нѣту, дѣла у него.

Плодомъ такихъ размышленій является отыскиванье дѣла и даже не столько отыскиванье дѣла, сколько размышленія объ отыскиваньи дѣла, размышленія, кончающіяся обыкновенно вопросомъ: неужели надо идти въ кухарки? О, герои россійскаго прогресса! кому неизвѣстны всѣ эти пресловутыя ваши раздумья о такъ-называемомъ *дѣлѣ*, начинающіяся различными опытами надъ собою, всѣмъ извѣстными попытками идти въ портные или сапожники, ѣхать въ Америку для заведенія тамъ земледѣльческихъ колоній! Но всѣ эти исканья оканчиваются обыкновенно сбиваньемъ на старыя рутинныя дорожки; въ результатѣ получается та же скука, сопровождаемая рядомъ горькихъ разочарованій—и только новый внѣшній толчокъ можетъ измѣнить это расположеніе духа; тогда хотя дѣла никакого, все-таки, не представляется, но и скуки уже не бываетъ, а начинается рядъ ликованій, изумленій и признательностей.

Но лучше всего герой россійскаго прогресса выражается въ Михаилѣ Ивановичѣ. Мы уже говорили выше устами междоумочной критики, что типъ Михаила Ивановича мѣстами слишкомъ субъективенъ, и авторъ высказывается самъ устами своего героя. Здѣсь же мы замѣтимъ, что въ лицѣ Михаила Ивановича изображенъ передъ нами на столько общій типъ россійскаго прогрессиста, къ какой-бы средѣ этотъ прогрессистъ ни принадлежалъ, что Гл. Успенскому нужно было имѣть невозможную силу объективности, чтобы не слиться самому всецѣло съ этимъ типомъ.

Въ самомъ дѣлѣ, Михаилъ Ивановичъ — это типъ россійскаго прогрессиста съ головы до ногъ, отъ своего происхожденія до своего исчезновенія, неизвѣстно куда и зачѣмъ. Подобно всѣмъ россійскимъ прогрессистамъ онъ не можетъ даже похвастаться, чтобы самое его прогрессивное настроеніе было неизбѣжнымъ явленіемъ въ его жизни, чтобы онъ это настроеніе принялъ въ себя наслѣдственно отъ отца и дѣда, всосалъ съ молокомъ матери, былъ воспитанъ въ немъ средою. Напротивъ того: то, что Михаилъ Ивановичъ называетъ своимъ „просіяніемъ“, является въ его жизни, въ свою очередь, дѣйствіемъ случайнаго, внѣшняго толчка, безъ котораго не было бы передъ вами и прогрессиста, а выработался бы такой же мелкій плутишка, какъ и всѣ его окружающіе. Онъ самъ разсказываетъ о своемъ дѣтствѣ слѣдующее:

— Сталъ я о себѣ думать... И дѣлаю такое замѣчаніе, что у всѣхъ народовъ идетъ грабежъ... Думаю: мужикъ мнѣ не дастъ, съ кого мнѣ? Думалъ, думалъ, затруднялся въ мысляхъ, глядь—бѣжитъ ко мнѣ на печку барчукъ маленькій, черемухинскій сынокъ: «скажи сказочку...» Изволь. Сказалъ. Онъ и повадился ко мнѣ на печку шататься сказки слушать. «Э, думаю, другъ-пріятель: надо быть, тебѣ въ хоромахъ хвостъ-отъ присѣкаютъ, что ты во мнѣ—въ мужикѣ — получаешь нужду...» Подумалъ такъ-то. Бѣжитъ барчукъ. «Скажи сказку...»—«Дай копейку!» Эдакъ-то рѣзанулъ. «Дашь—скажу, нѣтъ—не будетъ разсказу... Я и то, молъ, языкъ весь отколотилъ, разсказываючи тебѣ». Припугнулъ его такимъ манеромъ, и сталъ онъ мнѣ пятачки, да гроши таскать и сталъ я ихъ попрятывать. И такъ было ловко научился я поколупывать съ него, такъ-то ли пристально въ разбойники приготовлялся, анъ тутъ-то и подвернись ко мнѣ человѣкъ... Максимъ Петровичъ... семинаристикъ, племянникъ Черемухинскій. Часто онъ къ намъ въ кухню хаживалъ, дожидался, пока дяденька, самъ Черемухинъ-то, проснется, полтинничекъ у него попросить... Когда тверезъ — тихій такой... «На сапоги, говоритъ...» А Черемухинъ: «То-то, говоритъ, на сапоги!..» И сердито на него смотритъ, а тотъ боится. Это когда тверезъ. Ну, а коли ежели да пьянъ, такъ ужъ тутъ никакого страху для него нѣту... Тутъ ужъ онъ кричитъ, бунтуетъ... И дяденьку-то, такъ-то ли поливаетъ...: «Взяточники, разбойники:.. Докуда вы разбойничать будете... Провались вы и съ полтинниками...» Разъ зимой скинулъ съ себя полушубокъ и шваркнулъ его объ земь. «Подавитесь вы имъ!..» и ушелъ. Бывало такъ, что и стекла онъ выбивалъ въ дому, и ворота исписывалъ ругательными словами. Вотъ я на этого человѣка и наскочилъ. Отъ него я и получилъ вдохновеніе, напримѣръ. То-есть сначала-то меня за виски отворочалъ, а потомъ ужь объяснилъ мнѣ существо...»

Теперь пусть кто-либо изъ россійскихъ прогрессистовъ скажетъ по чистой совѣсти, чтобы и онъ всѣмъ своимъ „просіяніемъ“ не былъ обязанъ совершенно случайно подвернувшейся головомойкѣ, нравственной или физической со стороны Максима Петровича, который, въ свою очередь, по всей вѣроятности, обязанъ своимъ просіяніемъ дѣлу чистой случайности, безъ которой существовалъ бы членъ врачебной упра-

вы, помощникъ столоначальника, діаконъ, ревизоръ, но не было бы прогрессиста.

Но какъ бы то ни было, прогрессистъ созданъ и гуляетъ по бѣлому свѣту въ видѣ Михаила Ивановича съ его просіяніемъ. Что же онъ дѣлаетъ, что производитъ полезнаго его просіяніе, какое дѣйствіе оказываетъ на людей и на него самого?...

Произведеніе чистой случайности, Михаилъ Ивановичъ является совершенно лишнею спицею въ колесницѣ въ сонномъ прозябаніи нашей захолустной жизни. Внѣшній толчокъ, въ видѣ просіянія, оторвалъ его отъ общей массы, онъ свернулъ съ битой колеи мелкаго плутовства и очутился гдѣ-то въ воздухѣ, но остался въ тоже время съ тѣми же наслѣдственными свойствами своей среды, съ которыми родился. Просіяніе даровало ему только сознаніе того, что вокругъ многое гадко, но не даровало ни малѣйшой энергіи къ борьбѣ съ этимъ гадкимъ, ни малѣйшаго опредѣленнаго плана жизни, выдержки въ этомъ планѣ—однимъ словомъ, ничего того, чѣмъ такъ отличается западный человѣкъ, на какой бы ступени онъ ни стоялъ. Въ сущности, Михаилъ Ивановичъ со всѣмъ своимъ просіяніемъ остался все тѣмъ же безвольнымъ, пассивнымъ существомъ, какимъ былъ бы, еслибы этого просіянія и не случилось. Онъ весь ушелъ въ анализъ всевозможныхъ прижимокъ, которыя представлялись ему на каждомъ шагу, и началъ ежеминутно истощаться въ безплодной злобѣ на все его окружающее.

«Пить-бы надо—говорилъ онъ—слабъ, не могъ, а все больше злился, потому, которыя я получалъ отъ Максима Петровича мысли, то никакимъ родомъ онѣ у меня изъ головы не выходили. Злился, злился я; бѣсился, бѣсился, да одново подгулялъ и махнулъ въ арендателя камнемъ... Спасибо, скрось колесо камень прошелъ, а то бы въ каторгѣ быть. Да еще то облегчило, что ночью было, не могли вызнать кто такой, такъ что собственно по подозрѣнію шесть мѣсяцевъ высидѣлъ...»

Вотъ вамъ единственная активность, на которую является способенъ Михаилъ Ивановичъ, активность всѣхъ пассивныхъ натуръ: выйти изъ себя въ одну изъ мрачныхъ минутъ, кинуть, зажмуря глаза, чѣмъ попало и куда попало, не нанеся ни вреда, ни пользы, и затѣмъ радоваться, что дешево обошлось, что камень въ колесѣ застрялъ и что дѣло было ночью, такъ что легко было спрятать кукишъ въ карманъ. Вотъ гдѣ истинная художественность: въ нѣсколькихъ словахъ вы видите обобщеніе, дающее вамъ глубокую перспективу! Подумайте только, къ какой массѣ ежедневныхъ случаевъ нашей жизни можно примѣнить этотъ фактъ! Художникъ, менѣе глубокій, не съумѣлъ бы открыть передъ вами всю иронію поступка Михаила Ивановича. Иной поставилъ-бы, конечно, поступокъ этотъ на ходули, какъ взрывъ негодованія честнаго человѣка, у котораго до того накипѣло на сердцѣ, что онъ готовъ на все, и вышло-бы нѣчто даже героическое въ этомъ метаніи камнемъ подгулявшаго мастероваго. Другой нравописатель представилъ-бы тотъ-же самый фактъ съ обличительной точки зрѣнія, что вотъ, молъ, кинулъ пьяный человѣкъ камень; камень попалъ въ колесо, но сейчасъ-же поставили дѣло такъ, что какъ-будто онъ хотѣлъ убить арендатора—и совершенно невинный человѣкъ просидѣлъ ни за что, ни про что полгода въ острогѣ. Гл. Успенскій въ томъ-же фактѣ представилъ одно изъ существенныхъ свойствъ характера недовольнаго человѣка русскаго издѣлія, на какихъ-бы ступеняхъ развитія и положенія этотъ человѣкъ ни стоялъ.

И вотъ, въ заключеніе, россійскій прогрессистъ, въ лицѣ Михаила Ивановича, оборванный, худой, голодный, съ глухимъ кашлемъ въ груди — всюду изгнанный, никуда непринимаемый, безъ занятій, безъ денегъ ходитъ изъ угла въ уголъ изъ мелочной лавочки въ кабакъ, отъ Черемухиныхъ къ Птициньмъ, разражается тѣми же безплодными жалобами на всеобщую прижимку, и никто не слушаетъ его, вездѣ гонютъ его или смѣются надъ нимъ. Но это еще не верхъ трагичности положенія Михаила Ивановича: въ заключеніе онъ, гонитель всякой прижимки, самъ попадаетъ на хлѣбы къ той-же прижимкѣ и притомъ въ самой унизительной роли двороваго шута.

Однажды, когда онъ лежалъ пьяный въ канавѣ, бормоча свои проклятія, мимо шелъ барчукъ Уткинъ, проживающій праздно въ своей усадьбѣ и отъ скуки занимающійся стрѣляніемъ галокъ. Уткина заинтересовали нѣкоторыя слова Михаила Ивановича, долетѣвшія до его ушей.

— Вы кто такой? спросилъ барчукъ, когда Михаилъ Ивановичъ выскочилъ изъ канавы.

— Отставной рабочій... съ заводу-съ... Выгнанъ за бунты.

— За что?

— За бунтованія. Потому что я бунтовался, производилъ, напримѣръ, возмущенія... мятежи...

«Это было до того любопытно—читаемъ мы далѣе въ повѣсти — что Уткинъ тотчасъ-же нашелъ нужнымъ сдѣлать полезное дѣло, пріютивъ Михаила Ивановича, тѣмъ болѣе, что это дѣло не стоило ни копѣйки. Михаилъ Ивановичъ поселился въ кухнѣ и въ короткое время пошолъ у всѣхъ за большого чудака. Не одинъ барчукъ смѣялся всякій разъ, когда изъ устъ его выходили слова въ родѣ «прижимка», «къ осьмому часу», «увѣдомился» и проч.».

Итакъ, вотъ вамъ заключительная иронія жизни россійскаго прогрессиста: сдѣлаться шутомъ у какого-нибудь пугателя воронъ, который отъ скуки готовъ подъ часокъ позабавиться красивостью слога, рѣзкостью выраженій и отрицаній чудака. Кстати, отчего не пріютить бездомнаго бродягу!

И вотъ Михаилъ Ивановичъ живетъ насчетъ той-же прижимки, которую отрицаетъ, причемъ не въ силахъ выпутаться изъ своего положенія, старается смягчить иронію его тѣми палліативными средствами, къ какимъ всегда прибѣгаютъ пассивныя существа. Здѣсь вы опять встрѣчаетесь съ весьма характеристическою чертою нашей жизни. Вы видите сплошь и рядомъ, что пассивные люди, чувствуя унизительность своего положенія, вмѣсто того чтобы выйти изъ него прямо и смѣло куда-бы то ни было, хоть-бы на голодную смерть въ канаву, стараются обыкновенно замаскировать свое нравственное униженіе напускною грубостью и рѣзкостью съ тѣми, отъ кого зависитъ ихъ участь. Нагрубятъ, и какъ будто поднимутся въ своихъ глазахъ, покажутъ, что хоть мы отъ тебя и зависимъ, а все-таки, мы тебя въ грошъ не ставимъ, и сами не хуже тебя. Подобное самообольщеніе доходитъ часто до того, что тѣ-же люди, которые не въ силахъ сдѣлать шагу, чтобы выйти самимъ изъ своего униженія, въ тоже время искренно желаютъ, чтобы это произошло

само собою посредствомъ ихъ грубости, чтобы виновникъ ихъ униженія вышелъ, наконецъ, изъ терпѣнія и прогналъ ихъ отъ себя. И если имъ удастся достигнуть этого, они чувствуютъ себя въ барышахъ: если-бы они сами вышли изъ своего положенія, имъ пришлось-бы ограничиться простымъ сознаніемъ исполненія нравственнаго долга, теперь-же они начинаютъ считать себя не то героями, не то мучениками, съ самодовольствомъ припоминаютъ рѣзкость своихъ отвѣтовъ и рисуются жертвами своей правдивости и людскаго коварства.

Совершенно таковъ Михаилъ Ивановичъ въ своихъ бесѣдахъ съ Уткинымъ.

— Михаилъ Ивановичъ! говоритъ барчукъ, торопливо проходя мимо него по саду, чтобы ошарашить изъ ружья галку.—Такъ увѣдомились?

— Я довольно аккуратно въ жизни своей увѣдомился, какъ простому человѣку... начинаетъ Михаилъ Ивановичъ вслѣдъ барчуку; но въ этотъ моментъ раздается оглушительный выстрѣлъ, крикъ разлетающихся галокъ и лай собакъ...

— Эхъ, ума-то нагулялъ! иронически шепчетъ Михаилъ Ивановичъ, качая головою.—Сколько, чай, на эдакую-то тетерю пошло... Прокъ!..

— Были у Синицына? возвращаясь съ убитой галкой, спрашиваетъ барчукъ.

— Былъ-съ.

Михаилъ Ивановичъ говоритъ съ сердцемъ, но старается скрыть это.

— Аффишъ не было-съ, разобраны... продолжаетъ онъ.

— Что-жь въ городѣ?

— На столбу объявлено воздухоплаваніе слона... въ эрмитажѣ... Рубь за входъ.

— Чортъ знаетъ что такое.

— Во всѣхъ Европахъ одобряли, прибавляетъ Михаилъ Ивановичъ, не скрывая сердца, и какъ-бы говоря въ то-же время: «стоишь-ли ты слона-то смотрѣть».

По уходѣ барчука, на травѣ остается мертвая птица. Михаилъ Ивановичъ смотритъ на нее и говоритъ:

— Вотъ это господское дѣло!.. Хлопнулъ и пошелъ. А ружье кто ему выработалъ?

Теперь подумай, русскій прогрессистъ, какъ часто услужливые романисты, желая изобразить твои гражданскія доблести, только одну доблесть и находятъ въ тебѣ обыкновенно: это твое умѣнье героически нагрубить начальнику отдѣленія и быть изгнанну съ должности столоначальника... О, если-бы подумалъ ты, русскій прогрессистъ, какъ жестоко унижаютъ тебя этимъ наши романисты! Знай-же, что истинный прогрессистъ не грубитъ, потому что не ставитъ себя въ такое ложное положеніе, чтобы ему нужно было грубить, или же старается выйти поскорѣе изъ этого положенія, какъ-бы то ни было. Грубятъ-же рабы, грубятъ существа безвольныя, апатичныя, во всемъ полагающіяся на другихъ, грубятъ дѣти подъ властію родителей, грубятъ люди, живущіе на чужой счетъ.

IV.

Слѣдствіемъ пассивности, зависимости различныхъ перемѣнъ жизни не отъ собственныхъ усилій, а отъ случайныхъ внѣшнихъ толчковъ—бываетъ страшная, одуряющая скука, вялость и сонливость существованія, причемъ всѣ интересы, мечты и надежды человѣка сосредоточиваются въ ожиданіи, что вотъ, вотъ нагрянетъ такой факторъ, который сейчасъ-же все вокругъ перевернетъ, и въ заключеніе непремѣнно осыпетъ всевозможными благами угнетенную добродѣтель, сидящую въ ожиданіи этихъ благъ на заваленкѣ у воротъ и вертящую пальчикъ вокругъ пальчика. Такова вѣковая участь россійскаго прогрессиста, что онъ, вѣчно скучая и бездѣйствуя въ настоящую минуту, все ждетъ какихъ-нибудь благихъ и необыкновенныхъ перемѣнъ въ близкомъ будущемъ, перемѣнъ, которыя сразу осуществятъ всѣ его надежды и сдѣлаютъ его изъ празднаго лѣнтяя энергическимъ дѣятелемъ. Въ самомъ дѣлѣ, мы постоянно чего-нибудь ожидаемъ и ожидаемъ внѣшняго, отъ насъ нисколько не зависящаго—утѣшая себя, что вотъ, молъ, когда дождемся, тогда только и будемъ дѣлать дѣло... Если ожидать бываетъ подъ часъ нечего, то мы уносимся въ область фантазіи, и создаемъ себѣ такія мечты, что, какъ встрѣтишься съ инымъ такимъ надѣющимся и ожидающимъ человѣкомъ, только подивишься: казалось-бы, не глупый человѣкъ и не безъ здраваго смысла въ головѣ, а между тѣмъ такъ и смотритъ въ Бедламъ.

Совершенно точно такъ-же предаются всѣ ожиданіямъ и въ разсказѣ Г. Успенскаго. Наденьки, Сашеньки, скромныя, робкія, застѣнчивыя розы глухихъ губернскихъ улицъ, тихохонько ходящія изъ комнаты въ комнату, тихонько поливающія цвѣты, тихонько читающія „Юрія Милославскаго“ — ожидаютъ обыкновенно жениховъ. Эти ожиданія наиболѣе положительныя и осуществимыя. Дѣвушки, конечно, дождутся жениховъ. Безъ сомнѣнія, подвернется такой благорасположенный герой, что осчастливитъ угнетенную невинность,—въ родѣ Павла Ивановича Печкина, съ солиднымъ мѣстомъ, солиднымъ жалованьемъ, солиднымъ домомъ, запретъ птичку въ стѣны затхлыхъ комнатъ, припретъ наружную дверь коломъ, чтобы птичка не улетѣла, избавитъ ее, ради благополучія, отъ всѣхъ трудовъ, заботъ, думъ—и будетъ она расплываться въ сонномъ бездѣйствіи, разваливаясь съ утра до вечера на пуховикахъ.

Ну, а ты, читатель, не ожидаешь никакого жениха? Вотъ Михаилъ Ивановичъ, такъ тотъ ожидаетъ. Максимъ Петровичъ, внушившій ему просіяніе ума, уѣхалъ въ Петербургъ, обѣщавши выписать туда Михаила Ивановича, но не выписалъ. И вотъ всѣ мечты, надежды, ожиданія Михаила Ивановича сосредоточились на этомъ миѳическомъ Максимѣ Петровичѣ. Гдѣ онъ, что онъ, можетъ быть его вовсе уже нѣтъ, или онъ терпитъ такую-же участь, какъ и Михаилъ Ивановичъ, и ему вовсе не до своего пріятеля; можетъ быть, онъ и самъ возлагаетъ всѣ надежды на какого-нибудь Максима Петровича—всѣ подобныя соображенія не приходятъ и въ голову Михаилу Ивановичу. Максимъ Петровичъ представляется въ глазахъ его какимъ-то неземнымъ, всемогущимъ существомъ, держащимъ въ рукахъ рогъ изобилія, чтобы излить изъ него всевозможныя благополучія на горемычную голову Михаила Ивановича.

Но для того, чтобы достигнуть этого рога изобилія, Михаилъ Ивановичъ лелѣетъ другую надежду: онъ ждетъ не дождется, когда окончатъ постройку желѣзной дороги, которая повезетъ его въ Петербургъ къ Максиму Петровичу. Чуть не каждый день ходитъ онъ

къ строющемуся вокзалу освѣдомляться, не готова-ли чугунка. Но онъ не ограничивается надеждою на желѣзную дорогу, какъ на средство къ достиженію Максима Петровича. Какъ истый россійскій прогрессистъ, онъ тотчасъ-же возводитъ ожидаемый предметъ въ универсальное средство отъ всѣхъ человѣческихъ бѣдствій. Ему кажется, что когда обладятъ чугунную дорогу, которая скоро можетъ простого человѣка въ Петербургъ доставлять, тогда наступитъ конецъ всякой прижимкѣ, потому что стоитъ проѣхать на чугункѣ въ Петербургъ, да поразсказать тамъ—и дѣло будетъ въ шляпѣ...

Вамъ, конечно, смѣшны золотыя надежды Михаила Ивановича на чугунку, но одинъ-ли онъ, темный и нигдѣ не ученый человѣкъ, ожидалъ отъ нея возвращенія земнаго рая? Не слыхали-ли вы на каждомъ шагу и отъ людей, которые не чета Михаилу Ивановичу, подобныхъ же восклицаній, что погодите, молъ, вотъ выстроятъ желѣзныя дороги, увидите, что такое будетъ?

Описаніе пріѣзда перваго поѣзда и впечатлѣнія, какое произвелъ онъ на городъ — составляетъ чуть-ли не лучшее мѣсто въ романѣ Гл. Успенскаго, и безспорно лучшее, что только являлось въ нашей литературѣ въ послѣдніе годы. Пассивность, скука и вялость жизни губернскаго захолустья сразу всплываютъ наружу и оттѣняются въ виду прошумѣвшаго мимо поѣзда, словно бѣлыя зданія на черномъ фонѣ тучи. Я считаю нелишнимъ сдѣлать нѣсколько выдержекъ, чтобы припомнить читателю это лучшее мѣсто въ романѣ, въ которомъ художественный паѳосъ Гл. Успенскаго доходитъ до своей крайней высоты.

«Не для одного Михаила Ивановича и Черемухиныхъ этотъ день былъ чѣмъ-то особеннымъ, не будничнымъ, когда люди умираютъ отъ скуки, и не праздничнымъ, когда люди могутъ пить, спать до обморока и смотрѣть фейерверкъ въ присутствіи господина начальника губерніи. Въ этомъ днѣ чувствовалось что-то томительное и радостное. Въ нашу глушь, въ нашу скуку, беззащитную, брошенную жизнь, пришло что-то совсѣмъ новое, сулящее лучшее будущее, и еще не измѣнившее нашей тоски, нашего гореванья ни на волосъ. Не одинъ Михаилъ Ивановичъ ни свѣтъ ни заря суетился и торопился на машину—весь городъ былъ какъ-то наэлектризованъ этою новостью, такъ что когда часовъ въ шесть Михаилъ Ивановичъ, сопровождаемый Надей и Софьей Васильевной, пришелъ въ вокзалъ—здѣсь уже были толпы народа. Все это двигалось, было весело, собиралось уѣхать, улетѣть; ни одной заспанной щеки, ни однихъ глазъ, заплывшихъ отъ одури, нельзя было встрѣтить среди толпы, бродившей по широкимъ комнатамъ вокзала. Вся эта суета, пробужденіе, чѣмъ-то горькимъ отзывались въ сердцѣ Нади; а Михаилъ Ивановичъ, въ жизни котораго событія слѣдовали въ послѣднее время съ такой ошеломляющей быстротой, почувствовалъ нѣкоторый страхъ, вслѣдствіе чего, попросивъ барышенъ поглядѣть за узелкомъ, скрылся на время неизвѣстно куда, а возвратившись черезъ нѣсколько минутъ, имѣлъ лицо весьма радостное.

— То-есть, вотъ какъ обладимъ дѣла! — сказалъ онъ Надѣ, тряхнувъ кулакомъ.

— Вы водки напились?—вмѣсто отвѣта, сказала та.

— Да, голубчики! — снимая картузъ, залепеталъ Михаилъ Ивановичъ:—милыя!.. Да какъ мнѣ не выпить?.. Ангелочки вы мои.

И принялся цѣловать у барышенъ руки, что хотя и было не особенно замѣтно среди толпы, однако заставило Надю и Софью Васильевну уйти впередъ на платформу.

«Скоро Михаилъ Ивановичъ розыскалъ ихъ и здѣсь. Но отъ изліяній воздерживался, ибо всеобщее вниманіе было обращено на лѣсъ, изъ котораго съ минуты на минуту долженъ былъ выпорхнуть первый поѣздъ. Въ ожиданіи его шли разговоры. Благородные толкавали о томъ, что теперь представляется удобный случай ѣздить въ Москву, въ театръ. «Утромъ выѣхалъ, къ обѣду тамъ; умылся, одѣлся и—маршъ, а къ утру опять дома». «Великолѣпно!» Другіе, изъ числа тѣхъ же благородныхъ, смотрѣвшіе на это дѣло глубже, разсуждали о подвозѣ, о расширеніи. Простой народъ, не имѣвшій возможности понять, что оный подвозъ и оное расширеніе могутъ образоваться изъ ихъ дырявыхъ лаптей, трактовалъ чугунку съ точки зрѣнія величайшей умственной чуши.

— Потребовалъ ты чаю,—слышалось въ толпѣ.

— Ну?

— Ну, сейчасъ подаютъ тебѣ — га-ярячева... изъ первыхъ кипятковъ... Чуешь, чтобы бѣлымъ ключомъ кипѣлъ—ну, чтобы ты его выпилъ! Ужъ, чтобы, братъ, ты его въ три минуты выхватилъ... Ужь, братъ, тутъ ни-ни...

— А ежели не дохлебаю?

— А ежели ты его не дохлебаешь—штрафъ! Потому, ей некогда тебя дожидаться, пока ты расхлебывать будешь! Ты хлебнулъ, а ужь она, братъ, хвостомъ вильнула,—за тысячу верстъ... Тутъ, братъ, ужь ни Боже мой!..

— Хитра пружина!..

«Въ другой группѣ слышалось:

— А батюшка?

— А батюшка, — онъ почему? Потому что онъ съ кропиломъ. Какъ она подлетитъ, сейчасъ онъ ей кропиломъ въ эвто мѣсто... Напримѣръ, въ морду ей,—будемъ такъ говорить, для того, что намъ требуется, чтобы она насъ снабжала, напримѣръ, на пользу, но нежели, чтобы дозволить ей разводить бѣсину—прости Господи! Надо его выколотить оттэда. Вотъ почему отецъ Амвросій съ причтомъ, а нежели вы утверждаете, чтобы принимать ему благословеніе отъ петербургскаго генерала... фальшъ.

«Разговоры публики были прерваны необыкновенно-громкимъ крикомъ какого-то сильнѣйшаго горла, раздавшимся откуда-то сверху.

— Ана-а!.. Бра-атцы!..

«Все зашумѣло, шатнулось и замолкло.

«Изъ глубины начинавшаго темнѣть лѣса, выглянули два красные глаза, донесся жиденькій свистокъ—это былъ первый поѣздъ.

— Вотъ она, матушка! шепталъ захмѣлевшій Михаилъ Ивановичъ въ то время, когда среди всеобщаго молчанія, поѣздъ все ближе и ближе подходилъ къ платформѣ.

— Ахъ, голубчики!—слышалось робко то тамъ, то сямъ.

«Поѣздъ пришелъ и остановился. Молчаніе смѣнилось еще болѣе оживленнымъ движеніемъ. Говоръ. Шумъ. Смѣхъ. Михаилъ Ивановичъ чуть не плакалъ отъ радости и безпрепятственно цѣловалъ ручки своихъ спутницъ, которыя были совершенно подавлены всѣмъ, что видѣли.

— Дай Богъ вамъ! за вашу доброту!.. Надежда Андреевна! Софья Васильевна! — бормоталъ Михаилъ Ивановичъ.

— Отыщите брата! Пожалуйста! — просила его Надя.

— Подъ землей вырою-съ! На нихъ надежда! Для васъ, для маменьки вашей... Ту-ись...

«И снова начиналось хватаніе рукъ, цѣлованье концовъ кофты, въ которую была одѣта Надя... Долго на спинѣ Михаила Ивановича плясалъ узелъ съ пожитками отъ поклоновъ и намѣреній стать на колѣнки. Звонокъ прервалъ эти изліянія.

— Дай Богъ вамъ...—крикнулъ Михаилъ Ивановичъ, махнувъ картузомъ и скрылся въ толпѣ. Въ дверяхъ началась давка, уничтожившая сразу всю новизну минуты.

«Затертыя толпой, Надя и Софья Васильевна не видали, какъ Михаилъ Ивановичъ, высунувъ голову въ вагонное окно, искалъ ихъ глазами, чтобы еще разъ сказать: «дай Богъ вамъ!» Онѣ слышали, какъ застучали колеса поѣзда, раздались свистки, повисли надъ головой черные клубы дыма.

«Видѣли, какъ дымъ поблѣднѣлъ и исчезъ.

«Громъ колесъ сдѣлался тише и скоро замолкъ.

«Поѣздъ выглянулъ черной массой у новаго чугуннаго моста, прогремѣлъ надъ водой, окуталъ дымомъ старинную зарѣченскую колокольню, на которой жиденькіе колокола возвѣщали третій звонъ, и скрылся.

«Толпа долго стояла и смотрѣла вслѣдъ. Многіе почему-то вздохнули и пошли по домамъ.

. . . .

«На бульварѣ играла музыка и происходило обычное провинціальное гулянье. Между темнѣвшими въ вечернемъ сумракѣ сучьями деревъ, въ особенности же около небольшаго кафе, въ русскомъ вкусѣ, виднѣлись разноцвѣтные фонари, освѣщая то женскую шляпку, то столъ съ чайнымъ приборомъ и проч. Липовая аллея, тянувшаяся по низменному берегу рѣки, около старинной кремлевской стѣны, была наполнена народомъ, медленно двигавшимся и весьма скучавшимъ. Когда замолкла музыка, то въ саду наставала почти мертвая тишина; слышался только шумъ ногъ и шлейфовъ по песку, стукъ чайной ложечки о край стакана и возгласъ: «человѣкъ!» Скука, составляющая обычное достояніе провинціальнаго гулянья, такъ-какъ обществу должно же надоѣсть исключительное занятіе однимъ гуляньемъ,—эта скука въ нынѣшній день перваго поѣзда была какъ-то упорнѣе и молчаливѣе обыкновеннаго. И можно сказать, положительно, что «первый поѣздъ» игралъ въ этой всеобщей задумчивости не послѣднюю роль. То «что-то новое», сопряженное съ нимъ, та новая власть, какъ-бы понукающая заснувшій народъ впередъ, которая скрыта въ этомъ событіи, и другіе элементы его, неуловимые, но вломившіеся въ нашъ умъ и тронутые имъ съ новою силою,—все это какъ-то отягчало душу не одного изъ тосковавшихъ на бульварѣ, помимо тѣхъ, разумѣется, которые были озабочены перемѣною начальства, распеканіемъ, даннымъ губернаторомъ, и проч., и проч. Не одинъ семинаристъ, изъ числа тѣхъ, которые выступаютъ на гульбище позднимъ вечеромъ и скитаются по заднимъ аллеямъ, боясь испугать своимъ халатомъ публику, не одинъ изъ нихъ чертилъ въ эту минуту планы будущей жизни въ Петербургѣ, куда теперь такъ легко попасть, и въ ожиданіи котораго нелегко живется. Не одинъ подгулявшій мастеровой, раздумавшись на лавочкѣ около рѣки о своей судьбѣ, подумалъ о томъ, что «была не была—удеру отсэда! Пропадай!» Не одна Надя и Софья Васильевна завидовали участи улетѣвшихъ изъ этого мертваго царства».

Теперь поразмысли, читатель, надъ этой картиной: имѣетъ-ли она одно частное значеніе, т. е. ограничивается ли однимъ изображеніемъ пріѣзда перваго поѣзда въ губернскій городъ, или и въ этомъ фактѣ авторъ съумѣлъ схватить такой общій мотивъ нашей жизни, что, хотя бы ты никогда въ губернскомъ городѣ не былъ и не испытывалъ, какое впечатлѣніе производитъ на губернскаго жителя первый поѣздъ, между тѣмъ, ты чувствуешь во всемъ этомъ что-то какъ будто весьма близкое, испытанное тобою, пробуждающее въ тебѣ какія-то воспоминанія? Это потому, что хотя ты и не губернскій житель, но всетаки русскій человѣкъ, и твоя жизнь немногимъ разнообразнѣе и живѣе жизни глухой улицы въ губернскомъ городѣ; въ ней тоже много монотоннаго, вялаго, тоскливаго. Поэтому и въ твоей жизни бывали своего рода первые поѣзды, въ видѣ минутъ, въ которыя такъ или иначе вдругъ передъ тобою проносилась иная жизнь, полная тревоги, дѣятельности, страсти. Ты вдругъ просыпался отъ своего одуренія, но просыпался только для того, чтобы сознать во всей ясности всю пустоту твоего собственнаго прозябанія, и вздохнувши раза два, три отъ всей глубины души, снова погрузиться въ то же онѣмѣніе. Каждое чтеніе какой-либо живой, задирающей книги, каждая встрѣча съ маломальски дѣятельнымъ, полнымъ мысли и жизни человѣкомъ, заставляютъ васъ чувствовать тоже, что чувствовали до извѣстной степени жители города по возвращеніи со станціи на бульваръ. И дай Богъ, читатель, чтобы въ твоей жизни почаще случались подобныя минуты пробужденія.

V.

Но вялость и одуряющая скука монотонной жизни являются еще не послѣдними результатами пассивности. Есть результаты еще болѣе трагическіе и роковые. Люди пассивные, ничего не предпринимающіе для устройства своего счастія, во всемъ полагающіеся на другихъ, дѣлаются, въ концѣ-концовъ, игрушкою въ рукахъ перваго встрѣчнаго афериста или шарлатана, которому ничего не стоитъ обольстить ихъ блестящими обѣщаніями взяться устраивать за нихъ ихъ дѣла—и въ концѣ-концовъ обратить ихъ въ слѣпое орудіе замысловъ и цѣлей, иногда самыхъ постыдныхъ.

Въ романѣ Гл. Успенскаго мы видимъ два рода эксплуататоровъ пассивности, играющихъ не послѣднюю роль въ современной намъ жизни. Перваго рода эксплуататоры—это люди сами по себѣ не глупые и не злые. Они часто вполнѣ искренно желаютъ служить дѣлу прогресса, но вся ихъ несостоятельность заключается въ томъ, что рядомъ съ такъ называемымъ „развитіемъ“, побуждающимъ ихъ приносить пользу, въ нихъ глубоко сидитъ рядъ привычекъ, принятыхъ наслѣдственно и затѣмъ взлелѣянныхъ воспитаніемъ. Вслѣдствіе этого, за что бы они ни принялись, въ нихъ дѣйствуютъ разомъ по сту направленій, они подходятъ къ дѣлу, по выраженію Черемухина, по сорока семи дорогамъ, осѣняемые сорока-семью разнородными взглядами.

„Въ прежнее время,—говоритъ совершенно справедливо Гл. Успенскій—воспѣваніе безплодныхъ шатаній человѣка этой породы составляло единственный подвигъ литературы, которая такимъ образомъ сдѣлала его почти образцомъ истиннаго героя, никогда не упоминая о вліяніи оброковъ, взятокъ, откупныхъ доходовъ на развитіе нравственнаго капитала человѣка, выросшаго среди ихъ и на нихъ. И, благодаря сокрытію вышеупомянутыхъ, весьма некрасивыхъ вещей, типъ этотъ былъ весьма плѣнителенъ — и разнообразіе его оттѣнковъ было безконечно, хотя сущность оставалась одна и та же — недостатокъ нрав-

ственныхъ силъ, вслѣдствіе обезличивающаго вліянія семьи. Въ настоящее время, привлекательная сторона этого типа утратилась безвозвратно, но существованіе его и до сихъ поръ не подлежитъ никакому сомнѣнію, обнаруживается поминутно, только въ иной формѣ. Прежде онъ просто ничего не дѣлалъ и шатался по помѣщичьимъ паркамъ, опустошая сердца помѣщичьихъ дѣвицъ; теперь же онъ пытается дѣлать дѣло, выказываетъ желаніе радѣть народу, но срывается, и внезапно опустошивъ земскій сундукъ, исчезаетъ куда-нибудь подальше доживать свой вѣкъ. Такъ какъ нравственная пустота весьма удобно принимаетъ всякія направленія и выказываетъ готовность ко всякому сочувствію, подобно стакану, который одинаково способенъ принять и воду, и вслѣдъ за ней вино, то было множество случаевъ, когда шатающійся типъ принималъ участіе въ дѣлахъ совершенно новыхъ, и на первыхъ порахъ казался дѣйствительно дѣльнымъ человѣкомъ, какъ тотъ же стаканъ кажется краснымъ, когда въ немъ красное вино. Но, по обыкновенію, участіе это оканчивалось тѣмъ, что въ дѣло вмѣшивался будочникъ, а самое лучшее предпріятіе оскандаливалось на глазахъ массы и доставляло полную возможность врагамъ его опорочивать и его сущность".

Надо ли много распространяться о томъ, какими миріадами кружатся эти трутни вокругъ такъ называемаго нашего прогреса? При этомъ мы постоянно видимъ, что, чѣмъ бѣднѣе ихъ нравственное содержаніе, тѣмъ краснорѣчивѣе ихъ языкъ, тѣмъ смѣлѣе замыслы и блистательнѣе обѣщанія, которыми они морочатъ публику, и тѣмъ скорѣе попадаются на ихъ удочку наши простодушные и пассивные прогресисты.

Въ романѣ Гл. Успенскаго подобными трутнями представляются молодой Черемухинъ, барчукъ Уткинъ и блестящій герой новыхъ судебныхъ учрежденій Шапкинъ.

Молодой Черемухинъ, какъ только встрѣчается съ Михаиломъ Ивановичемъ въ Петербургѣ, тотчасъ же забираетъ его въ свой нумеръ, берется разыскать миѳическаго Максима Петровича и устроить всѣ его дѣла. Михаилъ Ивановичъ, какъ истый россійскій прогрессистъ нашего времени, вполнѣ возлагаетъ всѣ свои заботы на услужливаго пріятеля, а самъ складываетъ спокойно на груди свои руки и предается полнѣйшему бездѣйствію въ нумерѣ Черемухина.

И кончается все это тѣмъ, что Черемухинъ пропиваетъ всѣ деньги Михаила Ивановича и въ заключеніе кается ему въ своей несостоятельности.

Уткинъ, въ свою очередь, является такимъ же эксплуататоромъ Сонечки и Наденьки. Онъ начинаетъ свое знакомство съ ними съ поднятія женскаго вопроса, является передъ ними съ искреннимъ желаніемъ спасти Софью Васильевну отъ безсмысленнаго деспотизма мужа, читаетъ передъ ними чуть не цѣлыя лекціи о необходимости своей корки хлѣба, но рядомъ съ этими красивыми тирадами тотчасъ же и обнаруживаются тѣ сотни направленій, которыя тянутъ его въ разные концы.

Съ одной стороны, чтобы отъ словъ перейти къ дѣлу, оказалась необходимость идти въ первый дворъ и просить заказъ бѣлья. Еслибъ Уткинъ былъ простой мужикъ, умѣющій войти въ первыя ворота, остановить первую бабу, и назвавъ ее теткой или красавицей, прямо объявить ей въ чемъ дѣло, то онъ бы такъ и сдѣлалъ. Но у него были сотни разнородныхъ взглядовъ на предметъ, и поэтому, какъ только его дѣло обнаружилось вполнѣ, вся серьезность и значеніе его поблекли. Уткинъ представилъ себѣ, какъ онъ, барчукъ, стоитъ среди двора и проситъ бѣлья въ стирку, и какъ потомъ онъ идетъ съ узломъ. Въ головѣ его мелькнула мысль, что такъ не бываетъ, что это даже смѣшно. Онъ былъ совершенно согласенъ съ тѣмъ, что это нужно, что это дѣйствительно такъ, и въ то время находилъ, что это невозможная и смѣшная чушь. Таковы были свойства нравственной толкучки.

Но подобное препятствіе для оказанія истинной пользы своимъ новымъ знакомкамъ еще не вполнѣ опредѣляетъ Уткина. Вслѣдъ затѣмъ онъ встрѣчается съ шутливымъ офицеромъ, который наводитъ его на совершенно новыя соображенія, развитію которыхъ не мало помогаетъ картина бабъ съ обнаженными колѣнками, полощущихъ бѣлье на рѣкѣ. И вотъ вамъ весь Уткинъ на лицо, во всемъ своемъ нравственномъ безобразіи—открывающій за собою цѣлую толпу подобныхъ ему женскихъ эмансипаторовъ, начинающихъ съ вопроса о женской самостоятельности и корки хлѣба и оканчивающихъ мыслью о томъ, что нельзя ли при этомъ кстати и попользоваться...

Такимъ-же благодѣтелемъ рода человѣческаго является передъ вами и Шапкинъ. Посмотрите на него со стороны—что за красота, что за изящество въ движеніяхъ, въ манерахъ, во всей обстановкѣ его жизни. Его домъ—идеалъ семейнаго блаженства и семейныхъ добродѣтелей, его рѣчи дышутъ благородствомъ и гуманностью. Когда онъ идетъ, стоитъ или говоритъ, то, кажется вамъ, что даже вокругъ него распространяется не то сіяніе, не то благоуханіе. Повидимому, онъ такъ горячо сочувствуетъ благу народа, такъ искренно желаетъ оказать всякую пользу неимущему и невѣдующему собрату. Но вотъ онъ стоитъ передъ толпою этихъ собратій. Ему предстоитъ говорить судебную рѣчь. Казалось, что здѣсь-то бы и развернуться его доблести. Безъ сомнѣнія, онъ сообразилъ, что передъ нимъ народъ темный, что необходимо спуститься до его пониманія и заговорить съ нимъ самымъ простымъ и удобопонятнымъ языкомъ, чтобы онъ уразумѣлъ, чего отъ него требуютъ и чего онъ можетъ ожидать. Но тутъ и являются передъ нами тѣ же сотни направленій. Шапкинъ не можетъ забыть, что онъ какъ бы то ни было, кончилъ курсъ университета съ степенью кандидата, что онъ блестящій ораторъ, что передъ нимъ сидятъ двѣ, три губернскія львицы, наведены на него лорнеты—въ ожиданіи, какъ польется его красивая рѣчь... И вотъ онъ, забывая, къ кому обращена рѣчь, начинаетъ сыпать своими de capo, ab ovo, ex-abrupto, умственный уровень, декорумъ той среды, гдѣ подсудимый и пр., начинаетъ мотивировать, формулировать, обособлять—къ ужасу мужиковъ, недоумѣвающихъ, что таится подъ этими пугалами-словами: розга или штрафы. Изъ этого и выходятъ подъ часъ смѣшныя и грустныя комедіи въ родѣ той сцены съ бабой, которую Шапкинъ цѣлый часъ вразумлялъ, чтобы она держалась въ передѣлахъ кассаціи, а она, въ отвѣтъ на всѣ его краснорѣчивые

доводы, ползала передъ нимъ на колѣняхъ, умоляя среди горькихъ рыданій помиловать ея собаку.

— Развѣ ты не понимаешь, что она хочетъ? говорила Шапкину его жена по выходѣ изъ суда.

— Разумѣется, понимаю... Но видишь, въ чемъ дѣло...

— Такъ зачѣмъ же ты не слушаешь ее?.. Она говоритъ свое, а ты свое...

— Поэтому-то мы оба и правы: она говоритъ, что ей нужно, а я—что мнѣ нужно.

— Да она не понимаетъ тебя. Ты былъ въ университетѣ, а она...

— Чѣмъ же я виноватъ, что она не была тамъ? Шапкинъ улыбался. Жена молчала.

— Я самъ въ томъ же положеніи, какъ и она. Я не могу ей сдѣлать добра потому, что она тоже не можетъ доставить мнѣ удовольствія быть ей полезнымъ... Когда мы будемъ вмѣстѣ съ ней по одной книжкѣ читать, тогда все это и кончится.

Вотъ она, вѣчная логика Шапкиныхъ. Они рады оказать своимъ ближнимъ всевозможныя благодѣянія, но для этого необходимо, чтобы ближніе эти развились до счастія принимать благодѣянія изъ ихъ бархатныхъ ручекъ, возвысились до ихъ высокообразованнаго величія. Въ самомъ дѣлѣ, чѣмъ же они виноваты, что мужики не понимаютъ ихъ, зачѣмъ не воспитывались въ университетахъ!.. При этомъ замѣчательно, что въ тоже время Шапкину и въ голову не приходитъ спросить себя: ну, а пока мы не будемъ читать вмѣстѣ съ этими людьми по одной книжкѣ или говорить съ ними однимъ языкомъ, то въ чемъ же заключается приносимая мною польза на моемъ мѣстѣ и за что я получаю жалованье? За то, что я удивляю двухъ-трехъ барынь съ лорнетками своимъ краснорѣчіемъ? Что же я такое, общественный дѣятель или комедіантъ, потѣшающій публику?

Но всѣ эти простодушные эксплоататоры хороши тѣмъ, что они не долго обманываютъ людей, полагающихся на нихъ, быстро обнаруживая всю свою несостоятельность. Рядомъ же съ ними есть другаго рода артисты, дѣйствующіе уже не по сотнѣ направленій, а стремящіеся къ какой-нибудь одной опредѣленной своекорыстной цѣли, и пассивные люди являются слѣпыми орудіями въ ихъ рукахъ для исполненія ихъ замысловъ, совершенно не входящихъ въ разсчетъ этихъ пассивныхъ людей. Такимъ слѣпымъ орудіемъ является передъ вами Михаилъ Ивановичъ. Какъ истый россійскій прогрессистъ, онъ только умѣлъ возлагать надежды на чугунку, но въ то же время палецъ о палецъ не двинулъ для того, чтобы снискать средства и быть въ состояніи воспользоваться этою благодѣтельницею, которая должна доставить его къ Максиму Петровичу. Ему и въ голову не приходило, что чугунка даромъ его не повезетъ. Когда чугунка была облажена, онъ тогда только догадался, что у него въ карманѣ ни гроша и ѣхать ему не на что, и впалъ въ мрачное уныніе. Но тутъ подвернулся нѣкій купецъ, подслушавшій случайно его сѣтованіе на прижимку. Это былъ одинъ изъ мѣстныхъ кулаковъ, желавшій получить въ аренду казенный заводъ. И вотъ, чтобы предпріятіе это удалось, кулаки вознамѣрились воспользоваться Михаиломъ Ивановичемъ и отправить его въ Петербургъ, чтобъ онъ тамъ, жалуясь на прижимку, внушилъ мысль кому слѣдуетъ: эво, молъ, до чего народъ нѣмцемъ-арендателемъ прижатъ, что ровно бѣшеные, на послѣдніе въ Питеръ бѣгутъ жалиться... Сказано, сдѣлано... Михаилъ Ивановичъ и поѣхалъ въ Петербургъ на купеческія деньги слѣпымъ орудіемъ ихъ замысла, поѣхалъ жаловаться на прижимку, чтобы оказать этимъ пользу такой же прижимкѣ. Это верхъ ироніи. Этимъ по истинѣ Гл. Успенскій имѣлъ полное право закончить романъ. Подобный результатъ жизни Михаила Ивановича — хуже смерти и всякой другой катастрофы, къ какимъ прибѣгаютъ обыкновенно романисты, чтобы покончить романъ и отдѣлаться отъ героя! Если-бы Гл. Успенскій вздумалъ продолжать романъ далѣе, то ему оставалось бы только сообщить читателю рядъ подробностей, о которыхъ читатели и сами могутъ догадаться. Это было бы все равно, что доведя героя до трагической смерти, начать подробно описывать въ послѣдней главѣ, какъ разлагался его трупъ въ могилѣ!

VI.

Много можно бы еще чего сказать по поводу романа Гл. Успенскаго, потому что на каждой страницѣ его вы найдете сцены и очерки, открывающіе передъ вами глубокія перспективы и наводящіе васъ на цѣлый рядъ размышленій о тѣхъ или другихъ сторонахъ общей неурядицы нашей житейской суеты. Но предоставляемъ это сдѣлать самимъ читателямъ, иначе намъ долго пришлось бы еще бесѣдовать. Въ заключеніе мы скажемъ только, что произведенія Г. Успенскаго особенно полезны при нашей замкнутой жизни, при обыкновеніи смотрѣть на міръ въ узенькое окошечко какого-нибудь тѣснаго кружка нашего прозябанія и уноситься въ милыхъ сердцу иллюзіяхъ въ различныя эмпиреи. Произведенія Гл. Успенскаго однимъ ударомъ способны разрушать всѣ подобныя иллюзіи, открывая намъ жизнь не такою, какова она намъ кажется изъ нашего прекраснаго далека, а во всей ея неподкрашенной правдѣ. Г. Успенскій обладаетъ въ этомъ отношеніи удивительнымъ даромъ одною небольшою сценкою открыть передъ вами изнанку невыразимой пошлости даже тамъ, гдѣ иной романистъ, конечно, ничего не нашелъ бы, кромѣ однѣхъ свѣтлыхъ сторонъ, и заставилъ читателей отдыхать душою. Такъ напримѣръ, припомните только сцену изъ „Наблюденій лѣнтяя“. Вотъ передъ вами нѣсколько молодыхъ людей—такихъ образованныхъ, такихъ гуманныхъ, мыслящихъ—собрались и бесѣдуютъ о высокихъ предметахъ. Какой богатый сюжетъ для начала романа съ великолѣпными женскими типами, анализомъ любви, борющейся съ призваніемъ гражданскаго долга и пр. Романистъ стараго покроя не замедлилъ бы въ кругъ этихъ предающихся глубокомысленнымъ бесѣдамъ героевъ тотчасъ втереть дѣву съ задатками страстности и неразгаданныхъ думъ въ темныхъ очахъ, а Гл. Успенскій вмѣсто этого заставилъ появиться протопопа и вся компанія отъ вызывающихъ на размышленіе разговоровъ

ринулась—вслѣдъ за приглашеніемъ протопопа топить кобеля, богъ-вѣсть зачѣмъ и для чего, и кончилось дѣло всеобщею попойкою. О, русская жизнь, какъ видна ты вся, будто на ладони, въ одной этой сценкѣ!... Въ самомъ дѣлѣ, чтобы ты ни предпринималъ, о чемъ бы ни размышлялъ, мой читатель, въ концѣ концовъ ты все-таки придешь къ одному: пойдешь топить кобеля и при этомъ случаѣ напьешься.

ГРАФЪ ЛЕВЪ НИКОЛАЕВИЧЪ ТОЛСТОЙ—

КАКЪ ХУДОЖНИКЪ И МЫСЛИТЕЛЬ.

I.

Элементарный принципъ реальнаго искусства заключается, какъ всѣмъ извѣстно, въ томъ, чтобы изображать жизнь такъ, какъ она есть, во всей ея неподкрашенной правдѣ, не идеализируя и не искажая ея. Въ этомъ принципѣ выразилось первое сознаніе реальнаго искусства въ отличіе его отъ романтизма, и долгое время принципъ этотъ исключительно господствовалъ въ критикѣ, приверженной реальному искусству. Установленіе его составляло главную заслугу дѣятельности Бѣлинскаго, сущность такъ-называемой натуральной школы. Въ эпоху сороковыхъ годовъ принципа этого совершенно было достаточно, чтобы пошатнуть всѣ устарѣлые романтическіе взгляды на искусство и водворить господство новой реальной школы.

Но, когда этотъ принципъ восторжествовалъ къ концу сороковыхъ годовъ, оказалось, что онъ далеко не обнимаетъ собою всей сущности искусства и не опредѣляетъ его цѣлей. Прекрасно изображать жизнь въ ея неподкрашенной правдѣ; но, съ одной стороны, съ какою же цѣлью долженъ поэтъ быть какимъ-то рабскимъ эхомъ жизни, и притомъ эхомъ, далеко уступающимъ отражаемымъ звукамъ? А съ другой стороны—долженъ ли поэтъ, дѣйствительно, подобно эху, отражать безразлично все, что только ни вошло въ его кругозоръ, или онъ имѣетъ право выбора? Вышеупомянутый принципъ потому и оказался недостаточенъ, что онъ не отвѣчалъ на эти вопросы и допускалъ въ области искусства хаосъ и безцѣльность. Въ самомъ дѣлѣ, что бы поэту ни задумалось: явленія, выражающія собою духъ вѣка или журчанія ручейковъ, роковыя стремленія своихъ современниковъ, или же впечатлѣнія и мелкія подробности рыбныхъ ловлей—все безразлично входило въ область реальнаго искусства и допускалось вышеупомянутымъ принципомъ, лишь бы только изображеніе было вѣрно дѣйствительности. Изъ этого выходила распущенность и произволъ почти столь же необузданные, какіе господствовали и въ романтизмѣ съ его теоріею безусловной свободы поэтической фантазіи. Тогда-то и возникли двѣ партіи: одна осталась при прежнемъ принципѣ, т.-е. вполнѣ довольствовалась тѣмъ, чтобы искусство изображало художественно-вѣрно жизнь, не входя при этомъ въ разборъ, что и для чего изображается произведеніемъ. Люди этой партіи не отвергали того, что искусство должно быть полезно, но въ то же время они полагали, что польза его заключается въ самой его сферѣ, безотносительно къ содержанію изящныхъ произведеній, что искусство само по себѣ приноситъ свою специфическую пользу тѣмъ уже, что художественно изображаетъ жизнь, во всей ея правдѣ, и требовать отъ него другихъ какихъ-нибудь цѣлей, это значитъ выводить его изъ своей сферы, заставлять его переставать быть искусствомъ. Противъ этихъ приверженцевъ стараго принципа возникли новые люди, которые начали доказывать, что старый принципъ недостаточно опредѣляетъ значеніе и цѣль искусства, что для поэта недостаточно вѣрно изображать первое, что попалось ему на глаза и привлекло его вниманіе, что не всякое изображеніе дѣйствительности имѣетъ одинаковое значеніе и приноситъ одинаковую долю пользы, что неизмѣримая бездна лежитъ между безцѣльнымъ изображеніемъ соловьиныхъ трелей или любовныхъ томленій и такихъ явленій жизни, въ которыхъ лежатъ существенныя задачи вѣка. Болѣе десяти лѣтъ велись ожесточенные споры между защитниками искусства для искусства и искусства для жизни, и кончились въ свою очередь торжествомъ новаго принципа утилитарнаго искусства. Покрайней мѣрѣ въ настоящее время *) торжество это можно считать до такой степени полнымъ, что если въ литературѣ и раздаются еще порою отдѣльные голоса приверженцевъ искусства для искусства, то голоса эти слишкомъ и робки, и ничтожны, чтобы обращать на себя вниманіе, и противъ нихъ никто уже и не возражаетъ, считая это дѣло совершенно излишнимъ. Но торжество какой-либо идеи всегда бываетъ въ то же время обнаруженіемъ слабыхъ сторонъ ея. То же самое происходитъ нынѣ и съ утилитарнымъ принципомъ.

„Я пришелъ въ міръ не для того, чтобы уничтожить законъ, а чтобы поправить“. Это изрѣченіе пригодно для каждой новой идеи, являющейся на смѣну старой. Какъ бы ни казалась отжившею старая идея, но не надо забывать, что и она когда-то была новою, была какою нибудь ступенью въ развитіи человѣчества и какое нибудь новое сознаніе принесла людямъ своимъ появленіемъ. Неужели же это пріобрѣтеніе

*) Т.-е. въ 1872 году, когда была писана эта статья.

безвозвратно утрачивается для человѣчества съ появленіемъ новой идеи и новая до основанія разрушаетъ старую, не оставляя въ ней и слѣда? Иначе сказать, неужели все развитіе человѣчества заключается въ вѣчной безсмысленной смѣнѣ идей, въ результатѣ оказывающихся одинаково ложными? Ничуть ни бывало: старыя идеи не уничтожаются, а только теряютъ свое безусловное господство, ограничиваются новыми идеями и входятъ въ нихъ въ видѣ элементовъ. Это мы видимъ въ какой угодно области мысли, въ томъ числѣ и въ сферѣ эстетическихъ понятій. Основная формула всѣхъ нѣмецкихъ метафизиковъ заключалась въ томъ, что искусство должно быть свободнымъ, непроизвольнымъ актомъ творчества. Реальная эстетика, явившаяся на смѣну метафизической, не опровергнула этой формулы, а только ограничила ее: да, сказала она, конечно, это такъ, но при всей свободѣ и непроизвольности творчества, поэтъ не можетъ отрѣшиться отъ дѣйствительности; произвести что-нибудь свое, не находящееся въ сферѣ жизни, совершенно не въ его власти; всякая такая попытка есть болѣзнь творчества, ведетъ къ произведеніямъ безобразнымъ, уродливымъ, и только такое произведеніе можно назвать художественнымъ, въ которомъ, при всей свободѣ и непроизвольности творчества, воспроизводится жизнь во всей ея правдѣ.

Утилитаризмъ въ свою очередь не заключаетъ въ себѣ отрицанія ни непроизвольности творчества, ни тѣмъ менѣе вѣрности дѣйствительности поэтическихъ образовъ. Признавая и то, и другое, онъ опять-таки является только ограниченіемъ элементарнаго искусства, говоря, что только такое произведеніе искусства заслуживаетъ уваженія современниковъ и памяти потомства, которое, при условіи непроизвольности творчества и вѣрности дѣйствительности, проникнуто общественными интересами времени.

Въ такомъ видѣ и являлся утилитаризмъ искусства при своемъ появленіи въ статьяхъ Бѣлинскаго послѣдняго періода его дѣятельности и Добролюбова. Проводя утилитаризмъ, писатели эти не забывали и того, что было истиннаго въ прежнихъ принципахъ, и всячески заботились о приведеніи въ согласіе новаго принципа со старыми. Мы могли бы привести множество цитатъ изъ статей Добролюбова, въ которыхъ этотъ горячій приверженецъ принципа искусства для жизни преслѣдовалъ всякую преднамѣренность творчества, искусственность или же искаженіе дѣйствительности, фальшь, — не менѣе самыхъ рьяныхъ защитниковъ искусства для искусства.

Но по мѣрѣ того, какъ утилитаризмъ окончательно восторжествовалъ, онъ возъимѣлъ претензію быть единственнымъ и исключительнымъ принципомъ искусства, и началъ игнорировать всѣ прежніе принципы, не входя даже въ разсмотрѣніе ихъ, какъ будто ихъ вовсе никогда не существовало. Вмѣстѣ съ тѣмъ не замедлилъ обнаружиться и весь вредъ исключительнаго и односторонняго господства его въ критикѣ. Оказывается, что взятый отдѣльно, безъ содѣйствія предшествовавшихъ принциповъ, утилитаризмъ ведетъ искусство къ такому же хаотическому произволу, какъ и прежніе принципы, во время ихъ исключительнаго господства. Въ самомъ дѣлѣ, вы посмотрите, что только дѣлается въ современной беллетристикѣ: нынѣ не требуется отъ писателя ни знанія жизни въ ея неподкрашенной, правдѣ, ни возведенія дѣйствительности въ перлъ созданія, какъ выражались нѣкогда, или, сказать проще, обобщеній частныхъ явленій въ общіе образы; писатель можетъ остановиться на первыхъ конкретныхъ фактахъ, обратившихъ на себя вниманіе, взять своихъ двухъ-трехъ пріятелей, и, произвольно перемѣшавши ихъ качества, написать безъ дальнихъ околичностей романъ изъ нѣсколькихъ ихъ похожденій; можетъ и этого не дѣлать: имѣетъ полный произволъ искажать дѣйствительность, какъ ему вздумается, пригоняя ее къ задуманной идеѣ, даже совсѣмъ обойтись безъ дѣйствительности, выдумать небывалыхъ героевъ изъ своей собственной фантазіи, поставить ихъ въ самую фантастическую обстановку, гдѣ-то между небомъ и землей, и заставить продѣлывать подвиги или преступленія, подобныхъ которымъ вы не сыщете на всемъ земномъ шарѣ, и лишь бы романъ былъ написанъ бойко, не причинялъ зѣвоты, и, что прежде всего и главнѣе всего, въ немъ была бы проведена поучительная тенденція,—и будьте увѣрены, романъ найдетъ своихъ почитателей въ томъ лагерѣ, для котораго эта тенденція пріятна. Въ самомъ дѣлѣ, неужели есть хоть малѣйшій признакъ поэтическаго творчества или блѣдная тѣнь правды жизни въ тѣхъ многочисленныхъ романахъ, которые пишутся словно по заказу для „Русскаго Вѣстника“, въ которыхъ непремѣнно должны парадировать растрепанные нигилисты съ различными коварными интригами, съ поддѣлываньемъ векселей, обольщеніемъ дѣвъ и отравленіемъ старцевъ, а рядомъ съ ними благонамѣренные администраторы-патріоты должны разрушать всѣ эти злокозненныя интриги, жениться на обольщенныхъ нигилистами дѣвахъ и при встрѣчахъ съ благодушными крестьянами получать отъ нихъ хлѣбъ-соль на серебряныхъ блюдахъ. Что представляетъ изъ себя наприм. романъ Лѣскова, „На ножахъ“ какъ не какой-то горячечный бредъ разстроеннаго воображенія, потерявшаго всякое чутье дѣйствительности и дошедшаго до чудовищныхъ галлюцинацій! Не говоря уже о томъ, что въ этомъ романѣ, по прихоти фантазіи автора и по тону тенденціи, жизнь искажается елико возможно въ своихъ существенныхъ, общихъ явленіяхъ,—авторъ не позаботился, чтобы читатели, хотя бы въ мелкихъ аксессуарахъ и подробностяхъ, видѣли окружающую ихъ дѣйствительность; дѣйствующія лица говорятъ богъ-вѣсть какимъ страннымъ языкомъ, подобнаго которому нигдѣ не слышишь, представляются исключительными, нигдѣ невиданными уродами, и вся обстановка ихъ жизни освѣщена такимъ какимъ-то страннымъ, мистическимъ свѣтомъ, словно это жители не русской земли, а иной планеты, на которой солнце свѣтитъ не бѣлымъ, а синевато-зеленымъ цвѣтомъ. Но и беллетристы противоположнаго лагеря, тенденціозные романисты въ родѣ Бажина, Шеллера, Омулевскаго, въ одинаковой мѣрѣ не заботятся объ изображеніи дѣйствительности, правды жизни. Разница только въ томъ, что здѣсь вмѣсто необузданныхъ нигилистовъ творятъ всевозможныя пакости развращенные филистеры, а надъ ними парятъ въ

облакахъ молодые реалисты „съ крѣпкими нервами и здоровымъ воображеніемъ“. Я говорю „парятъ въ облакахъ“, потому что, когда вы читаете романъ или повѣсть этого рода, передъ вами стушевываются и земля, и небо, и вы видите передъ собою одно тріумфальное шествіе свѣтозарныхъ героевъ, совершенно въ такомъ же родѣ, какъ изображаются тріумфальныя шествія на барельефахъ: смотрите вы на барельефъ, и передъ вами не существуетъ древней жизни со всею ея обыденною обстановкою, никакого ландшафта, одно бѣлое поле да такое же бѣлое кудрявое деревцо въ сторонѣ, и подъ нимъ колесницы и побѣдители, величественно правящіе рьяными конями. Точно тоже самое представляютъ изъ себя и романы вышеупомянутыхъ беллетристовъ. Откуда берутъ они своихъ величавыхъ, мудрыхъ яко зміи героевъ, гдѣ они ихъ видятъ, не спрашивайте объ этомъ. Въ романахъ этихъ беллетристика совершенно сошла съ почвы реализма и ударилась въ шиллеровскій идеализмъ созданія русскихъ маркизовъ Позъ и Іоаннъ д'Аркъ. Здѣсь жизнь даже ужь и не искажается, а просто выдумывается сообразно проводимой тенденціи.

Въ концѣ-концовъ не уничтожается-ли и самый принципъ утилитаризма такимъ его исключительнымъ преслѣдованіемъ? Человѣческое слово можетъ быть полезно только тогда, когда оно заключаетъ въ себѣ истину. Всякая ложь, даже самая блестящая, высказываемая хотя бы даже съ самыми благородными, высокими цѣлями, непремѣнно въ концѣ концовъ, должна произвести не пользу, а величайшій вредъ. О вредѣ романовъ въ духѣ тенденцій „Русскаго Вѣстника“ нечего и говорить; но не трудно доказать, что и выставленіе новыхъ людей въ видѣ маркизовъ Позъ и Іоаннъ-д'Аркъ, можетъ принести не менѣе вреда для тѣхъ же самыхъ юношей, для поученія которыхъ эти романы пишутся. Вмѣсто того, чтобы представлять этимъ юношамъ жизнь въ ея настоящемъ свѣтѣ, вмѣсто того, чтобы заставлять ихъ узнавать себя въ произведеніяхъ со всѣми ихъ недостатками, авторы употребляютъ всѣ усилія, чтобы закрыть отъ нихъ настоящую дѣйствительность со всѣмъ ея жалкимъ убожествомъ, обольщая ихъ различными радужными призраками. Послѣдствія подобныхъ обольщеній очевидны: юноша прочтетъ нѣсколько подобныхъ романовъ и не замедлитъ вообразить самого себя однимъ изъ ихъ героевъ; вмѣстѣ съ тѣмъ начинаются поиски повсюду людей съ необъятными силами и непоколебимой энергіей, причемъ каждый встрѣченный, сказавшій двѣ, три фразы, согласныя съ воззрѣніями юноши, кажется ему человѣкомъ не отъ міра сего и находитъ подобіе себѣ въ томъ или другомъ романѣ Бажина, и кончается все это тѣмъ горькимъ и тяжелымъ разочарованіемъ идеализма, изъ котораго немногіе выходятъ, не утративъ молодыхъ силъ и завѣтныхъ убѣжденій. Что такое это все, какъ не тотъ же романтизмъ, только въ новой оболочкѣ, съ иными кличками?

Но неужели-же возвратиться ко временамъ чистаго искусства и снова воспѣвать что взбредетъ на умъ, слѣпо повинуясь всѣмъ прихотямъ художественнаго вдохновенія?... Никто объ этомъ не говоритъ; что пройдено, къ тому возвращаться было бы крайне постыдно, и не даромъ явился принципъ уталитаризма искусства; но только цѣль его не пренебрегать всѣми прежними принципами, а только ограничивать ихъ. Актъ поэтическаго творчества попрежнему обязанъ изображать жизнь такъ, какъ она есть. Что же касается тенденціозности произведеній, то она должна заключаться вовсе не въ томъ, чтобы во что бы ни стало приноравливать изображаемую дѣйствительность къ тенденціи. Тенденціозность должна предшествовать творчеству, руководя поэта не столько въ изображеніи жизни, сколько въ изученіи ея. Поэтъ, проникнутый серьезными и глубокими идеями, стоящими впереди вѣка, очевидно, не будетъ обращать исключительнаго вниманія на красоты природы, по цѣлымъ часамъ слѣдить за тѣмъ, какъ тучки плывутъ по небосклону; онъ станетъ изучать такія явленія жизни, которыя такъ или иначе относятся къ вопросамъ, занимающимъ его умъ. И если онъ обладаетъ дѣйствительнымъ талантомъ, явленія эти не замедлятъ сложиться въ поэтическіе образы; тогда пусть онъ садится къ столу и воспроизводитъ эти образы; пусть въ это время онъ ни о чемъ не думаетъ болѣе, какъ только о поэтическомъ воспроизведеніи и задастся исключительно художественными цѣлями и, повѣрьте, произведенія его въ гораздо большей степени проникнуты будутъ серьезными, глубокими тенденціями, чѣмъ еслибы онъ преднамѣренно задался ими. Не только помимо, но иногда и вопреки воли его поэтическіе образы станутъ сами по себѣ вопіять вамъ о вашихъ скорбяхъ и нуждахъ и будутъ производить на васъ тѣмъ сильнѣйшее впечатлѣніе, чѣмъ меньше преднамѣренности со стороны автора. Таковъ законъ иллюзіи, что всякое непреднамѣренное мѣткое замѣчаніе, нечаянная острота, случайно сорвавшіяся съ языка, дѣйствуютъ сильнѣе разсчитанныхъ и взвѣшанныхъ предварительно словъ. Въ этомъ отношеніи искусство должно идти совершенно по тому же пути, по какому идетъ наука. Когда ученый принимается за свои изслѣдованія, онъ ограничивается только общими, всѣмъ и каждому съ дѣтскихъ лѣтъ извѣстными соображеніями о томъ, что всѣ научныя изслѣдованія должны клониться къ пользѣ людямъ; но было бы нелѣпо, если бы ученый захотѣлъ заранѣе опредѣлить, какую долю пользы принесутъ его изслѣдованія и въ какомъ видѣ; вдругъ бы ему пришла въ голову мысль: дай, молъ, я открою такой газъ, который горѣлъ бы свѣтлѣе водорода и стоилъ бы вдесятеро дешевле. Вы, конечно, тотчасъ-же усомнились бы въ успѣхѣ подобнаго предпріятія, назвали бы ученаго химеристомъ и готовы были бы побиться объ закладъ, что подобныя преднамѣренныя изысканія ни къ чему не поведутъ; но мало того, что они ни къ чему не поведутъ — они могутъ помѣшать ученому сдѣлать десять полезнѣйшихъ непредвидимыхъ открытій въ теченіе того времени, которое онъ потратитъ на свой замыселъ. На этомъ основаніи, вы не требуете отъ ученаго ничего болѣе, какъ только того, чтобы онъ изслѣдовалъ свой предметъ, и затѣмъ повѣдалъ міру о тѣхъ открытіяхъ, къ которымъ естественно и непроизвольно привели его изысканія. Совершенно точно такъ-же долженъ поступать и поэтъ. Вся обязанность его заключается въ томъ, чтобы изучать окружающую его людскую жизнь въ самыхъ разнообраз-

ныхъ ея проявленіяхъ и затѣмъ повѣдать намъ въ поэтическихъ образахъ о результатѣ своихъ изслѣдованій. Польза же подобныхъ повѣданій будетъ прямо зависѣть отъ того, на сколько богаты результаты изученія поэтомъ жизни, т.-е. на сколько глубоко успѣлъ онъ проникнуть въ изучаемую имъ область и сдѣлать въ ней болѣе или менѣе существенныя открытія... Основной методъ такого изученія долженъ быть такой же индуктивный, какъ и во всѣхъ другихъ наукахъ, иначе сказать, изученіе должно основываться на возможно большемъ количествѣ фактовъ, чѣмъ только и можетъ обусловливаться вѣрность выводовъ. Таковъ основной, единственно - истинный принципъ искусства, который, къ сожалѣнію, пренебрегается нашими современными беллетристами: они считаютъ совершенно излишнимъ заниматься постояннымъ и пристальнымъ изученіемъ жизни въ самыхъ разнообразныхъ ея сферахъ и полагаютъ, что сдѣлали свое дѣло и совѣсть ихъ можетъ быть спокойна, если имъ удалось стереотипную тенденційку, принятую въ наслѣдство отъ бабушки или вычитанную изъ книжки, пришпилить кое-какъ, на живую нитку, къ двумъ, тремъ блѣднымъ образамъ, или совершенно конкретнымъ, или же составленнымъ изъ самаго ограниченнаго круга наблюденій. И они воображаютъ, что произведенія ихъ могутъ быть въ какой-нибудь степени полезны!

Для большей ясности и вразумительности считаю нелишнимъ въ заключеніе этой главы привести всѣ вышеозначенные принципы въ краткихъ формулахъ, въ ихъ послѣдовательности другъ за другомъ. И такъ:

1) Поэтическое творчество должно быть свободно и непроизвольно.

2) Оно должно воспроизводить жизнь во всей ея неподкрашенной правдѣ.

3) Оно должно стремиться къ воспроизведенію существенныхъ явленій жизни, въ которыхъ выражаются духъ вѣка и его интересы.

4) А этого поэтъ можетъ достигнуть только путемъ всесторонняго изученія жизни.

II.

Произведенія гр. Л. Толстого потому и дороги для насъ въ смыслѣ разъясненія всѣхъ этихъ принциповъ, особенно послѣдняго, что они наглядно показываютъ, до чего можетъ достигнуть художникъ путемъ изученія жизни и безхитростнаго воспроизведенія ея въ поэтическихъ образахъ, и какъ съ другой стороны тенденціи, которыми иногда старается тотъ же художникъ освѣщать образы свои, не только не освѣщаютъ ихъ, а напротивъ того—портятъ впечатлѣніе, которое образы производятъ сами по себѣ, заглушаютъ ихъ естественный голосъ.

Гр. Л. Толстой принадлежитъ къ школѣ беллетристовъ сороковыхъ годовъ. Школа эта имѣетъ свое историческое значеніе въ томъ отношеніи, что въ ней впервые возникло стремленіе къ серьезному анализу жизни на основаніи тѣхъ новыхъ, гуманныхъ идей, наплывъ которыхъ съ Запада составляетъ главную суть умственнаго движенія сороковыхъ годовъ. Въ защитѣ раба отъ помѣщичьяго произвола, женщины отъ домашняго гнета, въ отрицаніи праздности, лѣни и нравственной распущенности, этихъ результатовъ крѣпостнаго права, заключается несомнѣнная заслуга этой школы. Но вмѣстѣ съ тѣмъ она имѣетъ и свои недостатки, зависящіе отъ духа времени и условій жизни представителей ея. Школа эта—та самая, которая при своемъ возникновеніи, въ послѣдніе годы Бѣлинскаго, славилась подъ названіемъ натуральной. Она возникла такимъ образомъ въ то время, когда отъ писателей начинали уже требовать проникновенія общественными интересами, но требованіе это было еще вопросомъ спорнымъ, между тѣмъ безгранично царилъ принципъ, не требующій отъ искусства ничего болѣе, кромѣ вѣрнаго изображенія жизни. Въ силу этого, беллетристы сороковыхъ годовъ постоянно колебались между принципами искусства для искусства и уталитарнымъ: останавливая свое вниманіе на такихъ явленіяхъ жизни, въ которыхъ выражались существенные интересы ихъ времени, рядомъ съ этимъ они предавались той безцѣльной созерцательности, которая допускалась принципомъ натуральной школы и въ то же время была столь естественна при складѣ жизни большинства представителей этой школы. Это и было причиною такого обилія описательной поэзіи въ произведеніяхъ всѣхъ беллетристовъ сороковыхъ годовъ; произведенія эти переполнены описаніями красотъ природы, тончайшихъ мелочей быта и обыденныхъ сценъ жизни въ родѣ печенья пироговъ, проводовъ, встрѣчъ, ѣзды на долгихъ или перекладныхъ и пр. Вмѣстѣ съ тѣмъ принципъ натуральной школы не заключалъ въ себѣ требованія всесторонняго и сравнительнаго изученія жизни въ разныхъ слояхъ общества и совершенно довольствовался знаніемъ со стороны поэта одной маленькой частицы жизни, лишь бы онъ изображалъ ее вѣрно. Въ силу этого, беллетристы сороковыхъ годовъ позволяли себѣ имѣть весьма поверхностныя свѣдѣнія о всѣхъ прочихъ слояхъ общества, кромѣ того интеллигентнаго, къ которому сами принадлежали. Иногда они дѣлали вылазки и въ другіе слои, но если только бытъ этихъ слоевъ не искажался авторами, если въ него не вносились нравы, понятія и чувства той же интеллигентной среды (что случалось очень часто), то во всякомъ случаѣ выбирались факты чисто конкретные, случайно попавшіе въ кругозоръ художника, и выводились въ произведеніи для того, чтобы выставить какую-либо вредную сторону крѣпостнаго права или же внушить публикѣ, что и подъ сермягою бьется такое же человѣческое сердце. Существенныя же основы быта всѣхъ прочихъ слоевъ общества, кромѣ интеллигентнаго, ихъ основныя стремленія, симпатіи и антипатіи въ соприкосновеніи съ интеллигентнымъ слоемъ, оставались чужды беллетристикѣ сороковыхъ годовъ; по большей части она занималась изображеніемъ одного интеллигентнаго слоя въ различныхъ отношеніяхъ людей этого слоя другъ къ другу. Подобныя односторонность и замкнутость беллетристики въ одномъ слоѣ общества были не малою помѣхою для разрѣшенія тѣхъ существенныхъ задачъ, которыя были заданы этой школѣ вѣкомъ. Школа беллетристовъ сороковыхъ годовъ стремилась освѣтить ту страшную нравственную распущенность, дряблость, ту крайнюю искусственность

жизни, до какихъ дошла интеллигентная среда вслѣдствіе ненормальности своего общественнаго положенія. Простой, здравый смыслъ говоритъ вамъ, что всѣ вышеупомянутые недостатки интеллигентной среды только и могутъ быть освѣщены въ настоящемъ свѣтѣ въ сопоставленіи этой среды съ другими слоями общества, въ которыхъ этихъ недостатковъ нѣтъ, и въ то же время наибольшій вредъ этихъ недостатковъ обнаруживается очевидно опять-таки въ отношеніяхъ интеллигентной среды къ прочимъ слоямъ общества. Между тѣмъ этого-то именно и не могла сдѣлать беллетристика сороковыхъ годовъ, весьма мало знакомая съ прочими слоями общества и занимавшаяся почти исключительно однимъ интеллигентнымъ слоемъ. Она выводила на сцену постоянно безхарактернаго, нравственно-распущеннаго героя, но всѣ эти качества могла показывать только по отношенію героя къ матери, любимой дѣвушкѣ, другу. Въ то же время она, при всемъ отрицательномъ отношеніи къ подобному герою, все-таки питала къ нему величайшую нѣжность, какъ къ представителю интеллигенціи. Такимъ образомъ, герой оказывался несостоятельнымъ во всѣхъ отношеніяхъ, но при всемъ томъ рисовался выше всѣхъ головою; и читатель оставался въ полномъ недоумѣніи, кто сей герой и какъ объяснить дрянность его отношеній къ ближнимъ: ненормальностью его самого или этихъ ближнихъ? Представляетъ ли господинъ этотъ собою печальный результатъ неправильной обстановки жизни, или можетъ быть, такова участь всякаго, возвысившагося надъ своею средою и ставшаго вслѣдствіе этого съ нею въ разладъ? Впрочемъ, къ концу сороковыхъ годовъ беллетристы начали болѣе склоняться къ первому предположенію: безхарактерный герой пересталъ рисоваться выше всѣхъ головою, а началъ изображаться тѣмъ, чѣмъ онъ былъ на самомъ дѣлѣ: никуда негоднымъ продуктомъ растлѣнной среды; изъ Бельтова онъ былъ разжалованъ въ Обломова. Вмѣстѣ съ установленіемъ подобнаго взгляда на безхарактернаго героя, еще болѣе почувствовалась потребность оттѣненія послѣдняго героями съ противоположными качествами. Въ прежніе годы герой оттѣнялся средою, которая предполагалась стоящею ниже его, теперь же онъ оказался нисколько не выше своей среды, ея органическимъ продуктомъ. Казалось, что тутъ-то и должно было возникнуть сознаніе, что самое лучшее оттѣненіе безхарактерности героя, это поставленіе его въ соприкосновеніе съ другими слоями общества. Между тѣмъ большинство беллетристовъ сороковыхъ годовъ продолжали имѣть все такія же смутныя понятія о прочихъ слояхъ общества; поневолѣ они принуждены были, для оттѣненія безхарактерныхъ героевъ, *сочинять* героевъ характерныхъ силою своего воображенія и отвлеченнаго мышленія—сходя такимъ образомъ съ реальной почвы изображенія дѣйствительности. Нѣкоторые такъ и дѣлали. Другіе начали возводить въ идеалъ различныхъ кулаковъ, находящихся въ той же интеллигентной средѣ, лишь бы только эти кулаки проявляли хотя блѣдную тѣнь характерности и твердости нравственныхъ правилъ по отношенію къ матери, женѣ и другу, и читатель долженъ былъ вѣрить, что передъ нимъ если не идеальныя совершенства, то во всякомъ случаѣ столпы русской земли, черноземныя силы. И вѣрилъ простодушный читатель, благодаря тому, что писатели не заботились представить, какъ проявляетъ себя почтенный сынъ, вѣрный мужъ и неизмѣнный другъ къ людямъ, не стоящимъ столь близко къ нему... Читатель не менѣе простодушный задавалъ себѣ естественный вопросъ: какимъ чудодѣйственнымъ образомъ на почвѣ изображаемой среды могутъ возникать столь доблестные герои, если естественнымъ продуктомъ ея являются Обломовы въ различныхъ видахъ и формахъ? Въ такое безвыходное противорѣчіе поставила себя натуральная школа беллетристовъ сороковыхъ годовъ, сойдя съ почвы объективнаго изображенія жизни на почву идеализаціи дѣйствительности.

Принадлежа къ этой школѣ, гр. Л. Толстой представляетъ въ своихъ произведеніяхъ и многія такія свойства и особенности, которыя характеризуютъ ее. Такъ вы найдете въ нихъ такое же обиліе художественной созерцательности, результатомъ которой являются многочисленныя описанія природы, внѣшнихъ обыденныхъ чертъ жизни, рядомъ съ анализомъ всевозможныхъ психическихъ ощущеній до самыхъ мельчайшихъ и неуловимыхъ. Особенное богатство въ этомъ отношеніи представляютъ первыя повѣсти гр. Л. Толстого: „Дѣтство", „Отрочество" и „Юность". Но и въ послѣднемъ произведеніи гр. Толстаго „Война и миръ" вы найдете не менѣе описательной поэзіи на каждой страницѣ. Стоитъ только припомнить такія выдающіяся вещи въ этомъ родѣ, какъ описаніе бала у Ростовыхъ или святочнаго пикника. Мы указываемъ на эту особенность произведеній гр. Л. Толстого, которую раздѣляетъ онъ со всѣми беллетристами одной съ нимъ школы, не какъ на достоинство или недостатокъ этихъ произведеній, а какъ на характеристическую принадлежность ихъ, которая зависитъ отъ многихъ условій жизни, создавшей эту школу, и должна утратиться вмѣстѣ съ паденіемъ ея.—Не входя въ разбирательство частныхъ, индивидуальныхъ причинъ, зависящихъ отъ склада характера и темперамента того или другаго писателя, замѣтимъ только, что общая причина богатства описательной поэзіи въ нашей беллетристикѣ зависитъ, по нашему мнѣнію, отъ бѣдности содержанія нашей жизни и ея тоскливаго однообразія: вслѣдствіе недостатка такихъ сильныхъ впечатлѣній, которыя всецѣло овладѣвали бы фантазіею художника, наши писатели имѣютъ бездну досуга наблюдать различныя мелкія детали жизни и этими деталями иногда и ограничиваются.

Вмѣстѣ съ тѣмъ у гр. Л. Толстого, подобно какъ и у всѣхъ беллетристовъ сороковыхъ годовъ, на первомъ планѣ рисуются тѣ же безхарактерные герои интеллигентной среды, анализъ нравственной несостоятельности которыхъ и составляетъ главное содержаніе творчества гр. Л. Толстого. Но въ то же время гр. Л. Толстой не раздѣляетъ многихъ недостатковъ представителей своей школы, и этимъ онъ обязанъ, по нашему мнѣнію, тому, что сфера наблюденій жизни у гр. Толстаго гораздо шире, чѣмъ у прочихъ представителей его школы. Въ его произведеніяхъ вы найдете типы не одной только интеллигентной среды, но различныхъ слоевъ общества—мѣщанъ, крестьянъ, солдатъ, казаковъ, бѣдныхъ студентовъ и музыкан-

товъ и пр., и всѣ эти типы рисуются передъ вами въ надлежащемъ свѣтѣ и не въ однѣхъ только внѣшнихъ формахъ, но и въ существенныхъ свойствахъ, представляющихъ отличіе ихъ нравовъ, понятій и стремленій сравнительно съ привиллегированнымъ слоемъ общества. При такихъ условіяхъ и безхарактерный герой, составляющій главный предметъ творчества гр. Л. Толстого, рисуется передъ нами совершенно въ иной перспективѣ, чѣмъ у прочихъ беллетристовъ сороковыхъ годовъ. Гр. Л. Толстой не принадлежитъ ни къ тѣмъ беллетристамъ своей школы, которые безхарактернаго героя ставили на романтическій пьедесталъ выше всѣхъ головою, ни къ тѣмъ, которые, ради отрицательнаго отношенія къ безхарактерному герою, выдумывали изъ своей фантазіи характерныхъ героевъ или идеализировали кулаковъ.

Вмѣсто всего этого гр. Толстой, относясь къ своему безхарактерному герою совершенно объективно и безпристрастно, не преувеличивая и не умаляя его, анализируетъ его въ самыхъ разнообразныхъ положеніяхъ жизни, отъ колыбели и до могилы; не довольствуясь одними отношеніями его къ ближайшимъ родственникамъ, друзьямъ и любимымъ женщинамъ, приводитъ его въ соприкосновеніе съ личностями различныхъ слоевъ жизни;—отъ этого отрицаніе въ неизмѣримой степени выигрываетъ: безхарактерный герой рисуется передъ вами несостоятельнымъ не въ одной сферѣ семейныхъ и сердечныхъ вопросовъ, но во всѣхъ общественныхъ отношеніяхъ; онъ пасуетъ не передъ одними идеальными героями авторскихъ измышленій, но передъ простыми обыкновенными смертными, ежедневно встрѣчаемыми въ жизни. Въ этомъ отношеніи гр. Толстой представляетъ сравнительно съ прочими представителями своей школы шагъ впередъ на пути реализма, и во многихъ отношеніяхъ приближается къ той новой школѣ писателей, которые бросили прежній путь субъективно-психическаго анализа душевныхъ настроеній героевъ интеллигентной среды и принялись изучать жизнь объективно, какъ она проявляется въ отношеніяхъ различныхъ общественныхъ слоевъ между собою. Мы не говоримъ, чтобы онъ вполнѣ принадлежалъ къ этой новой школѣ, въ его произведеніяхъ анализъ душевныхъ настроеній интеллигентныхъ героевъ все-таки преобладаетъ, но самый этотъ анализъ значительно расширяется тѣмъ, что не ограничивается одною семейною или любовною сферою и касается часто такихъ сторонъ жизни, которыя или совсѣмъ не затрогивались беллетристикою сороковыхъ годовъ, или же затрогивались едва-едва, мелькомъ и поверхностно.

Самая внѣшняя форма произведеній гр. Толстого значительно отличается отъ формы произведеній прочихъ беллетристовъ сороковыхъ годовъ: вмѣсто повѣстей и романовъ съ законченными сюжетами, весь узелъ которыхъ основывается у беллетристовъ сороковыхъ годовъ обыкновенно на любви, произведенія гр. Толстого представляютъ рядъ очерковъ и частныхъ эпизодовъ изъ жизни героевъ, въ которыхъ очень часто любовь не играетъ ровно никакой роли; есть произведенія, обходящіяся и совсѣмъ безъ любви—каковы „Утро помѣщика“, „Маркеръ“. Даже произведеніе „Война и миръ“, хотя и названо романомъ, но это вовсе не романъ по своей внѣшней формѣ: вы не найдете въ немъ одного цѣльнаго сюжета, вокругъ котораго были бы сконцентрированы всѣ дѣйствующія лица, что вы встрѣтите во всѣхъ европейскихъ романахъ безъ исключенія: это галлерея всевозможныхъ картинъ изъ жизни нашего общества начала нынѣшняго столѣтія; здѣсь вы найдете цѣлые десятки сюжетовъ, неимѣющихъ никакихъ точекъ соприкосновенія, и изъ которыхъ каждый могъ бы послужить темою для особеннаго романа; авторъ руководился очевидно вовсе не тою задачею, чтобы написать романъ изъ жизни перваго десятилѣтія, а чтобы изобразить эту жизнь въ наибольшей полнотѣ, во всемъ ея разнообразіи. Единственное исключеніе въ этомъ отношеніи изъ всѣхъ произведеній гр. Л. Толстого составляетъ романъ: „Семейное счастье“. Здѣсь дѣйствительно мы видимъ цѣльный сюжетъ, основанный на любви. Но за то и по внутреннему содержанію романъ этотъ наиболѣе подходитъ къ школѣ беллетристовъ сороковыхъ годовъ: дѣйствіе романа сосредоточивается въ узкой сферѣ нѣсколькихъ личностей интеллигентной среды и все содержаніе его—анализъ всевозможныхъ ощущеній супружеской любви въ различныхъ ея періодахъ,—содержаніе, какъ видите, крайне частное.

III.

Произведенія гр. Толстого „Дѣтство“, „Отрочество“ и „Юность“ заключаютъ картину воспитанія безхарактернаго героя. Произведенія эти какъ нельзя болѣе наглядно показываютъ, какъ излишня какая-либо надуманная тенденціозность, если поэтическіе образы, изображаемые художникомъ передъ вами сами по себѣ внушаютъ вамъ рядъ идей, независимо отъ того, думалъ ли поэтъ провести эти идеи, или онъ ни о чемъ не помышлялъ, какъ только о художественномъ воспроизведеніи своихъ образовъ. Въ самомъ дѣлѣ, читаете вы произведенія эти, и вамъ постоянно кажется, что у автора не было въ виду ничего иного, кромѣ желанія рисовать,—и рисовать-то такими микроскопическими штрихами столь микроскопическія вещи, какъ дѣтскія игры, радости и печали. Сначала вы теряетесь въ массѣ безсодержательныхъ повидимому очерковъ: но мало-по-малу, по мѣрѣ того, какъ вы вчитываетесь, передъ вами возникаетъ стройная картина дѣтства и юности тысячъ людей, подобныхъ герою, и эта картина показываетъ вамъ ясно, откуда берутся и какъ складываются въ нашей жизни тѣ безхарактерные люди, которыми и теперь еще полны наши интеллигентные слои. Въ этомъ отношеніи мы нисколько не преувеличимъ, если скажемъ, что во всей нашей беллетристикѣ мы можемъ поставить рядомъ только двухъ писателей, которые съ такою полною обстоятельностью рисуютъ передъ нами дѣтскіе годы и воспитаніе героевъ нашей интеллигенціи—именно, Гончарова съ его „Сномъ Обломова“ и гр. Л. Толстого съ его „Дѣтствомъ“, „Отрочествомъ“ и „Юностью“.

Первое, что васъ поражаетъ, когда вы читаете „Дѣтство“ — это полная изолированность ребенка отъ жизни взрослыхъ, совершенная отчужденность его отъ интересовъ семьи. Не говоря уже о

томъ, что ребенокъ не участвуетъ ни въ какихъ трудахъ взрослыхъ и потому не пріучается считать себя полезнымъ членомъ семьи,—онъ не принимаетъ никакого участія и въ ихъ радостяхъ или печаляхъ. Гр. Толстой нигдѣ не говоритъ объ этомъ, но онъ даетъ вамъ это чувствовать. Вы видите, что передъ ребенкомъ совершается страшная семейная драма, одна изъ тѣхъ драмъ, которыя столь часты въ нашей интеллигентной средѣ: тщеславный мотъ, фразеръ и селадонъ губитъ жизнь молодой и порядочной женщины, сдѣлавшей роковую ошибку влюбиться въ него по неопытности и выйти за него замужъ. Она истаиваетъ въ слезахъ при видѣ его легкомыслія, губящаго семейство, и сходитъ въ могилу обманутая, униженная, оскорбленная, почти брошенная въ деревенскомъ захолустьѣ. И все это остается совершенно незамѣченнымъ ребенкомъ, безъ малѣйшаго протеста или простаго вопроса о томъ, что такое дѣлается вокругъ него. У насъ много толкуютъ о вредѣ посвященія дѣтей въ семейныя дрязги; стараются даже, ради сохраненія въ дѣтяхъ младенческой чистоты и невинности, а также и должнаго уваженія къ родителямъ, производить семейныя ссоры при закрытыхъ дверяхъ, удаляя дѣтей какъ можно подальше. Вы найдете не мало несчастныхъ матерей, которыя считаютъ обязанностью заглушать въ подушкѣ свои слезы и считали бы страшнымъ нравственнымъ преступленіемъ выразить передъ дѣтьми хоть одну жалобу на отца. Но какія бы вы педагогическія соображенія ни приводили въ пользу этого, а все-таки вы не докажете, чтобы въ этомъ скрываніи семейной грязи, въ этихъ улыбкахъ милымъ дѣтямъ, когда на сердцѣ у насъ скребутъ кошки, не было возмутительнѣйшаго лицемѣрія. Вы убѣждены, что воспитаніе должно быть основано на истинѣ, и между тѣмъ на первыхъ же порахъ вмѣсто истины представляете дѣтямъ ложь, притворство, лицемѣріе. Вы умышленно стараетесь казаться передъ дѣтьми въ лучшемъ свѣтѣ, не тѣмъ, что вы на самомъ дѣлѣ, умышленно стараетесь скрывать передъ ними жизнь въ ея неподкрашенной правдѣ. На сколько въ этомъ отношеніи и честнѣе, и правдивѣе васъ тѣ простые и безхитростные люди, у которыхъ не существуетъ для дѣтей никакой цензуры на семейные интересы, вопросы и дрязги, которые открыто высказываютъ передъ дѣтьми всѣ жалобы и протесты. Дѣтскій инстинктъ всегда подскажетъ ребенку, гдѣ правда, гдѣ ложь, и дѣтское сердце всегда встанетъ на сторону угнетеннаго противъ угнетателя. Правда, при такомъ воспитаніи вы не будете наслаждаться зрѣлищемъ дѣтской невинности, играющей въ куколки и лошадки, когда на столѣ лежитъ мать, убитая горемъ; за то ваше дитя смолоду пріучится видѣть жизнь не въ цвѣтахъ и благоуханіяхъ, а со всѣми ея заботами и дрязгами, пріучится любить и ненавидѣть то, что стоитъ любви и ненависти, а главное дѣло—привыкнетъ жить человѣческою жизнію мысли, труда и борьбы, а не животнымъ прозябаніемъ, заключающимся въ одномъ питаніи.

Жизнь героя повѣсти гр. Л. Толстого, изолированная отъ всѣхъ вопросовъ и интересовъ взрослыхъ, была именно такою животною жизнію отдѣльныхъ безсвязныхъ впечатлѣній: сегодня школьная скука, завтра охота, игры съ сверстниками, поѣздка въ Москву на долгихъ, бабушкины именины съ гостями, безотчетная влюбчивость въ товарищей и подругъ. А тамъ вдругъ внезапная смерть матери, произведшая, правда, тяжелое впечатлѣніе на мальчика, но все-таки вполнѣ безсознательное впечатлѣніе неожиданнаго и безсмысленнаго удара слѣпаго рока. Можно себѣ представить, какъ освѣтилась-бы вся дальнѣйшая жизнь ребенка, еслибы у него при этомъ событіи было хоть малѣйшее темное предчувствіе причины смерти матери, хоть бы какая-нибудь одна ея слеза или жалоба остались въ его памяти. Сколько сознанія было бы внесено тогда въ умъ ребенка видомъ лежащей въ гробу страдалицы, сколько думъ заронилось бы въ головѣ его, какъ ясно опредѣлились бы его симпатіи и антипатіи. Это былъ бы тяжелый, страшный, но великій нравственный урокъ на всю жизнь,—но этотъ урокъ миновалъ нашего героя. Безсмысленными глазами глядѣлъ онъ на трупъ, и какъ ни велико казалось отчаяніе ребенка, оно мигомъ разсѣялось, когда схоронили мать и увезли дѣтей въ Москву, и смѣнилось рядомъ новыхъ впечатлѣній, столь-же мимолетныхъ и безслѣдныхъ.

Изолированный такимъ образомъ отъ жизни, ребенокъ былъ совершенно предоставленъ той страшной умственной и нравственной праздности, которая составляетъ удѣлъ тысячи дѣтей въ нашей интеллигентной средѣ. У мальчика возникали весьма живые вопросы, которые онъ обращалъ къ внѣшнему міру за неимѣніемъ никакихъ вопросовъ и интересовъ въ своей семьѣ.

«Когда я глядѣлъ на деревни и города, которые мы проѣзжали—говоритъ герой гр. Л. Толстаго—въ которыхъ въ каждомъ домѣ жило по крайней мѣрѣ такое же семейство, какъ наше, на женщинъ, дѣтей, которыя съ минутнымъ любопытствомъ смотрѣли на экипажъ и навсегда исчезали изъ глазъ, на лавочниковъ, мужиковъ, которые не только не кланялись намъ, какъ я привыкъ видѣть это въ Петровскомъ, но не удостоивали насъ даже взглядомъ, мнѣ въ первый разъ пришелъ въ голову вопросъ: что же ихъ можетъ занимать, ежели они нисколько не заботятся о насъ? и изъ этого вопроса возникли другіе: какъ и чѣмъ они живутъ, какъ воспитываютъ своихъ дѣтей, учатъ-ли ихъ, пускаютъ-ли играть, какъ наказываютъ? и т. д.»

Но никто не позаботился дать никакихъ отвѣтовъ на такіе вопросы мальчика: вмѣсто этого, мальчика начали забивать рутинною школьною дрессировкою, ученіемъ французскихъ и нѣмецкихъ вокабулъ, рѣкъ, городовъ и историческихъ фактовъ съ докучною хронологіею.

Такая умственная и нравственная праздность не замедлила принести свои плоды.—Умъ юноши, не находя пищи и содержанія извнѣ, бросился пожирать самого себя, углубился въ рядъ отвлеченнѣйшихъ вопросовъ и началъ строить различныя гипотезы и теоріи въ родѣ стоицизма, эпикуреизма, или же бросался въ кругъ безъисходнаго скептицизма.

«Въ продолженіи года, во время котораго я велъ уединенную, сосредоточенную въ самомъ себѣ, моральную жизнь—говоритъ герой гр. Л. Толстаго—всѣ отвлеченные вопросы о назначеніи человѣка, о будущей жизни, о безсмертіи души уже представлялись мнѣ; и дѣтскій слабый умъ мой со всѣмъ

жаромъ неопытности старался уяснить тѣ вопросы, предложеніе которыхъ составляетъ высшую степень, до которой можетъ достигать умъ человѣка, но разрѣшеніе которыхъ не дано ему...

«Изъ всего этого тяжелаго моральнаго труда, я не вынесъ ничего, кромѣ изворотливости ума, ослабившей во мнѣ силу воли, и привычки къ постоянному моральному анализу, уничтожившей свѣжесть чувства и ясность разсудка.

«Отвлеченныя мысли образуются вслѣдствіе способности человѣка уловить сознаніемъ въ извѣстный моментъ состояніе души и перенести его въ воспоминаніе. Склонность моя къ отвлеченнымъ размышленіямъ до такой степени неестественно развила во мнѣ сознаніе, что часто, начиная думать о самой простой вещи, я впадалъ въ безвыходный кругъ анализа своихъ мыслей, я не думалъ уже о вопросѣ, занимавшемъ меня, а думалъ о томъ, о чемъ я думалъ. Спрашивая себя: о чемъ я думаю? я отвѣчалъ: я думаю, о чемъ я думаю. А теперь о чемъ я думаю? Я думаю, что я думаю, о чемъ я думаю, и такъ далѣе. Умъ за разумъ заходилъ»...

Въ нравственномъ мірѣ юноши происходило тоже стремленіе, за недостаткомъ истиннаго нравственнаго содержанія, создать содержаніе отвлеченное, фантастическое. Онъ не былъ пріученъ ни къ какому труду, успѣшное совершеніе котораго удовлетворяло бы его самолюбіе, не приносилъ никому никакого добра и пользы, которыя могли-бы доставить ему нравственное довольство. За неимѣніемъ никакого подобнаго реальнаго содержанія нравственности, онъ удовлетворялъ свое самолюбіе тѣмъ, что создавалъ себѣ всевозможные величественные идеалы, воображая себя олицетвореніемъ ихъ. Дѣйствительность часто разрушала подобныя мечты; вдругъ онъ начиналъ себя чувствовать такимъ ничтожнымъ и жалкимъ, пока не отвлекался отъ дѣйствительности и снова не уносился въ міръ своихъ фантазій.

«Я часто воображалъ себя великимъ человѣкомъ—говоритъ герой гр. Л. Толстого, — открывающимъ для блага всего человѣчества новыя истины, и съ гордымъ сознаніемъ своего достоинства смотрѣлъ на остальныхъ смертныхъ; но странно, приходя въ столкновеніе съ этими смертными, я робѣлъ передъ каждымъ, и чѣмъ выше ставилъ себя въ собственномъ мнѣніи, тѣмъ менѣе былъ способенъ съ другими не только высказывать сознаніе собственнаго достоинства, но не могъ даже привыкнуть не стыдиться за каждое свое самое простое слово и движеніе».

Иногда эти ничѣмъ неудовлетворяемые нравственные порывы принимали религіозный характеръ подъ вліяніемъ внѣшнихъ впечатлѣній въ родѣ говѣнья. Юноша ударялся въ аскетизмъ самобичеваній и самоугрызеній и составлялъ себѣ правила жизни, мечтая сразу измѣниться и начать совершенно новую жизнь:

«Нынче я исповѣдаюсь, очищаюсь отъ всѣхъ грѣховъ, думалъ онъ: и больше уже никогда не буду... (тутъ онъ припоминалъ всѣ грѣхи, которые больше всего мучили его). Буду каждое воскресенье ходить непремѣнно въ церковь и еще послѣ цѣлый часъ читать евангеліе, потомъ изъ бѣленькой, которую я буду получать каждый мѣсяцъ, когда поступлю въ университетъ, непремѣнно два съ полтиной (одну десятую) я буду отдавать бѣднымъ, и такъ, чтобы никто не зналъ; и не нищимъ, а стану отыскивать такихъ бѣдныхъ, сироту или старушку, про которыхъ никто не знаетъ. У меня будетъ особенная комната, и я буду самъ убирать ее и держать въ удивительной чистотѣ, человѣка-же ничего для себя не буду заставлять дѣлать. Вѣдь онъ такой-же, какъ и я. Потомъ буду ходить каждый день въ университетъ пѣшкомъ (а ежели мнѣ дадутъ дрожки, то продамъ ихъ и деньги эти отложу тоже на бѣдныхъ) и въ точности буду исполнять «все» (что было это «все», я никакъ бы не могъ сказать тогда, но я живо понималъ и чувствовалъ это «все» разумной, нравственной, безупречной жизни)».

Подъ впечатлѣніемъ такихъ мыслей юноша однажды дошелъ до такого религіознаго экстаза, что ему мало показалось одинъ разъ поисповѣдываться у монаха. Поздно ночью онъ всталъ и поѣхалъ въ монастырь исповѣдаться во второй разъ, воображая въ тоже время при этомъ, что такой прекрасной души молодаго человѣка никогда никто не встрѣчалъ въ жизни, да и не встрѣтитъ, даже и не бываетъ подобныхъ. Въ этомъ мѣстѣ гр. Толстой употребилъ драгоцѣнное сближеніе всей этой сферы искусственныхъ, натянутыхъ и подогрѣтыхъ экстазовъ съ міромъ здраваго смысла простого народа.

Юношѣ мало было внутренняго довольства самимъ собою. Ему захотѣлось подѣлиться съ кѣмъ нибудь своими ощущеніями.

«Мнѣ ужасно хотѣлось поговорить съ кѣмъ нибудь; но такъ-какъ никого подъ рукою не было, кромѣ извощика, я обратился къ нему.

— Что, долго я былъ? спросилъ я.

— Ничего-таки, долго, а лошадь давно кормить пора, вѣдь я ночной, отвѣчалъ старичокъ извощикъ, теперь, повидимому, съ солнышкомъ, повеселѣвшій сравнительно съ прежнимъ.

— А мнѣ показалось, что я былъ всего одну минуту, сказалъ я.—А знаешь, зачѣмъ я былъ въ монастырѣ? прибавилъ я, пересаживаясь изъ углубленія, которое было на дрожкахъ, ближе къ старичку извощику.

— Наше дѣло какое? Куда сѣдокъ скажетъ, туда и веземъ, отвѣчалъ онъ.

— Нѣтъ, все-таки, какъ ты думаешь? продолжалъ я допрашивать.

— Да, вѣрно, хоронить кого, ѣздили мѣсто покупать, сказалъ онъ.

— Нѣтъ, братецъ; а знаешь, зачѣмъ я ѣздилъ?

— Не могу знать, баринъ, повторилъ онъ.

Голосъ извощика показался мнѣ такимъ добрымъ, что я рѣшился въ назиданіе его разсказать ему причины моей поѣздки и даже чувство, которое я испытывалъ.

— Хочешь, я тебѣ разскажу? вотъ видишь-ли...

И я разсказалъ ему все и описалъ всѣ свои прекрасныя чувства. Я даже теперь краснѣю при этомъ воспоминаніи.

— Такъ-съ, сказалъ извощикъ недовѣрчиво.

И долго послѣ этого молчалъ и сидѣлъ неподвижно, только изрѣдка поправляя полу армяка, которая все выбивалась изъ подъ его полосатой ноги, прыгавшей въ большомъ сапогѣ на подножкѣ калибера. Я уже думалъ, что и онъ думаетъ про меня тоже, что духовникъ, то-есть, что такого прекраснаго молодого человѣка, какъ я, другого нѣтъ на свѣтѣ, но онъ вдругъ обратился ко мнѣ:

— А что, баринъ, ваше дѣло господское.

— Что? спросилъ я.

— Дѣло-то, дѣло господское, повторилъ онъ, шамкая беззубыми губами.

«Нѣтъ онъ меня не понялъ», подумалъ я, но уже больше не говорилъ съ нимъ до самаго дома».

Вотъ вамъ одинъ изъ образчиковъ тѣхъ сближеній, которыя часто дѣлаетъ гр. Л. Толстой между искусственною жизнью отвлеченныхъ умствованій и натянутыхъ экзальтацій праздной среды и естественною, наполненною трудомъ и реальными заботами жизнью простого человѣка. Сами по себѣ подобныя умствованія, экзальтаціи, рефлексіи могутъ показаться чѣмъ-то весьма почтеннымъ, какою-то высокою работою умственнаго и нравственнаго самосовершенствованія, возвышающаго человѣка надъ всѣмъ окружающимъ міромъ. Но всѣ эти иллюзіи разомъ разрушаются въ сопоставленіи съ логикой рабочаго человѣка, и тамъ, гдѣ вы видѣли рядъ возвышенныхъ идей или героическихъ стремленій къ идеальному совершенству, передъ вами открывается безобразная пошлость праздности, эгоизма и напыщеннаго высокомѣрія. Гр. Толстой въ этомъ отношеніи не щадитъ своихъ героевъ и относится къ нимъ съ самой безжалостной ироніей, которая представляется тѣмъ злѣе, что она скрыта подъ видомъ такого, повидимому, добродушнаго, объективно-безхитростнаго разсказа. Такъ, въ одномъ мѣстѣ, гр. Толстой заставляетъ друга своего героя, Неклюдова, среди самаго разгара разговора о различныхъ возвышенныхъ предметахъ — оттаскать кулакомъ по головѣ лакея Ваську въ внезапномъ порывѣ бѣшенства, послѣ чего Неклюдовъ спѣшитъ загладить свой поступокъ долгою и жаркою молитвою и вечеръ кончается слѣдующими восклицаніями друзей:

«— Отлично жить на свѣтѣ? сказалъ я.

— Отлично жить на свѣтѣ, отвѣчалъ онъ такимъ голосомъ, что я въ темнотѣ, казалось, видѣлъ выраженіе его веселыхъ, ласкающихся глазъ и дѣтской улыбки».

Религіозная экзальтація овладѣваетъ не одними людьми, подобными герою гр. Л. Толстого; ее могутъ испытывать люди различныхъ слоевъ общества. Но у людей, у которыхъ жизнь полна реальнаго содержанія, религіозная экзальтація тѣсно соединяется съ различными существенными вопросами жизни, принимаетъ дѣятельный характеръ и составляетъ одинъ изъ періодовъ ихъ развитія, оставляющій свои глубокіе слѣды на всю ихъ жизнь, какъ бы потомъ ни измѣнялись убѣжденія человѣка. Но мы говорили уже, что жизнь героя гр. Л. Толстого, лишенная всякаго содержанія, представляла одинъ безконечный рядъ мимолетныхъ впечатлѣній, случайно возникавшихъ и такъ же случайно исчезавшихъ. Однимъ изъ такихъ впечатлѣній, навѣяннымъ говѣніемъ, былъ и тотъ религіозный экстазъ, который съ такою же быстротою исчезъ послѣ говѣнья, съ какою возникъ и не оставилъ послѣ себя ни малѣйшаго слѣда въ молодомъ человѣкѣ. Прошло говѣнье — и разсѣялись всѣ аскетическія грезы, забыта рѣшимость продать дрожки и раздѣваться безъ помощи человѣка, тетрадь правилъ куда-то исчезла, — и что же осталось? Осталось только то, что безсознательно навѣвалось окружающею юношу жизнью: преждевременное развитіе чувственности, какъ прямой результатъ умственной и нравственной праздности: мальчикъ чуть что не 12 или 13 лѣтъ — по цѣлымъ часамъ заглядывался въ щолочку дѣвичьей, заигрывалъ съ горничными, а впослѣдствіи влюблялся въ каждую встрѣченную дѣвицу не живымъ и непосредственнымъ чувствомъ, а по программамъ читаемыхъ романовъ. Вмѣстѣ съ тѣмъ, всѣ прежніе умственные и нравственные идеалы смѣнились мало-помалу сознаніемъ превосходства своей среды, раздѣленіемъ людей на comme il faut и mauvais genre и стремленіемъ во что бы то ни стало возвыситься до идеала comme il faut.

«Мое любимое и главное подраздѣленіе людей — говоритъ герой гр. Л. Толстого — въ то время, о которомъ я пишу, было на людей comme il faut и на comme il ne faut pas! Второй родъ подраздѣлялся еще на людей собственно comme il ne faut pas и простой народъ. Людей comme il faut я уважалъ и считалъ достойными имѣть со мной равныя отношенія; вторыхъ — притворялся, что презираю, но въ сущности ненавидѣлъ ихъ, питая къ нимъ какое-то оскорбленное чувство личности; третьи для меня не существовали — я ихъ презиралъ совершенно. Мое comme il faut состояло, первое и главное, въ отличномъ французскомъ языкѣ и особенно въ выговорѣ. Человѣкъ, дурно выговаривавшій по французски, тотчасъ же возбуждалъ во мнѣ чувство ненависти. «Для чего ты хочешь говорить, какъ мы, когда не умѣешь?» съ ядовитой усмѣшкой спрашивалъ я его мысленно. Второе условіе comme il faut были ногти — длинные, отчищенные и чистые; третье было умѣнье кланяться, танцовать и разговаривать; четвертое, и очень важное, было равнодушіе ко всему и постоянное выраженіе нѣкоторой изящной, презрительной скуки. Кромѣ того, у меня были общіе признаки, по которымъ я, не говоря съ человѣкомъ, рѣшалъ, къ какому разряду онъ принадлежитъ. Главнымъ изъ этихъ признаковъ, кромѣ убранства комнаты, перчатокъ, почерка, экипажа, были ноги. Отношеніе сапогъ къ панталонамъ тотчасъ рѣшало въ моихъ глазахъ положеніе человѣка. Сапоги безъ каблука съ угловатымъ носкомъ, а концы панталонъ узкіе, безъ штрипокъ — это былъ *простой*; сапогъ съ узкимъ круглымъ носкомъ и каблукомъ и панталоны узкіе, внизу со штрипками, облегающіе ногу, или широкія со штрипками, какъ балдахинъ стоящіе подъ носкомъ — это былъ человѣкъ mauvais genre, и т. п.

Создавши такой внѣшній, условный идеалъ, юношѣ ничего уже не стоило пренебрегать всѣми нравственными правилами, лишь бы казаться ближе къ своему идеалу comme il faut'наго человѣка. Такъ за чаемъ у Неклюдова онъ не стыдится лгать самымъ нахальнымъ образомъ, тщеславно хвастаясь родственными богатствами ради того, чтобы возвыситься въ глазахъ знакомыхъ.

«Когда зашелъ разговоръ о дачахъ — говоритъ онъ, — я вдругъ разсказалъ, что у князя Ивана Ивановича есть такая дача около Москвы, что на нее пріѣзжали смотрѣть изъ Лондона и изъ Парижа, что тамъ есть рѣшетка, которая стоитъ триста восемьдесятъ тысячъ, и что князь Иванъ Ивановичъ мнѣ очень близкій родственникъ, и я нынче у него обѣдалъ, и онъ звалъ меня непремѣнно пріѣхать къ нему на дачу жить съ нимъ цѣлое лѣто, но что я отказался, потому что знаю хорошо эту дачу, нѣсколько разъ бывалъ на ней, и что всѣ эти рѣшотки и мосты для меня нисколько не занимательны, потому что я терпѣть не могу роскоши, особенно въ деревнѣ; я люблю, чтобы въ деревнѣ уже было совсѣмъ, какъ въ деревнѣ»...

Такъ изъ нашего героя создавался обыденный хлыщъ, какихъ много можно встрѣтить ежедневно въ три часа на Невскомъ проспектѣ; но вотъ пришлось этому хлыщу сѣсть по волѣ папеньки на университетскую скамейку, и онъ попалъ совершенно въ иную

сферу жизни, не имѣющую ничего общаго съ тою, которой былъ окруженъ до того времени...

Здѣсь гр. Толстой дѣлаетъ нѣсколько очерковъ бѣдныхъ студентовъ, въ средѣ которыхъ очутился нашъ герой. Очерки эти намѣчены самыми крупными чертами, безъ особенной художественной отдѣлки и деталей; между тѣмъ, мы не знаемъ въ нашей литературѣ другого, въ такой же степени характеристическаго изображенія бѣдняковъ-студентовъ, исполненнаго столь искренняго сочувствія къ трудящемуся юношеству, безъ малѣйшей въ то же время идеализаціи его.

Ничтожество и пошлость героя ярко рисуется передъ вами въ различныхъ столкновеніяхъ его съ учащейся молодежью. Сначала онъ пробуетъ относиться къ ней высокомѣрно, какъ подобаетъ человѣку comme il-faut относиться къ mauvais genre. Но огорошенный нѣсколько разъ людьми, въ которыхъ не встрѣчаетъ ни малѣйшаго желанія смотрѣть на него, какъ на высшее существо, онъ смиряется. Долгое время дичится товарищей, снося тоскливое одиночество. Наконецъ, мало-по-малу, сближается съ ними, втягивается въ ихъ кружокъ и начинаетъ открывать въ нихъ такія достоинства, которыхъ онъ и не подозрѣвалъ съ своей comme il faut'ной точки зрѣнія:

«Съ каждымъ днемъ я больше и больше извинялъ непорядочность этого кружка, втягиваясь въ ихъ бытъ и находя въ немъ много поэтическаго! Только одно честное слово, данное мною Дмитрію, не ѣздить никуда кутить съ ними, удержало меня отъ желанія раздѣлять ихъ удовольствія.

«Разъ я хотѣлъ похвастаться передъ ними своими знаніями въ литературѣ, въ особенности французской, и завелъ разговоръ на эту тему. Къ удивленію моему, оказалось, что, хотя они выговаривали иностранныя заглавія по русски, они читали гораздо больше меня, знали, цѣнили англійскихъ, даже испанскихъ писателей, Лесажа, про которыхъ я даже и не слыхивалъ. Пушкинъ и Жуковскій были для нихъ литература (а не такъ, какъ для меня, книжки въ желтомъ переплетѣ, которыя я читалъ и училъ ребенкомъ). Они презирали равно Дюма, Сю и Февaля и судили, въ особенности Зухинъ, гораздо лучше и яснѣе о литературѣ, чѣмъ я, въ чемъ я не могъ не сознаться.

«Въ знаніи музыки я тоже не имѣлъ передъ ними никакого преимущества. Еще къ большему удивленію моему, Оперовъ игралъ на скрипкѣ, другой изъ занимавшихся съ нами студентовъ игралъ на віолончели и фортепьяно, и оба играли въ университетскомъ оркестрѣ, порядочно знали музыку и цѣнили хорошую. Однимъ словомъ, все, чѣмъ я хотѣлъ похвастаться передъ ними, исключая выговора французскаго и нѣмецкаго языковъ, они знали лучше меня и нисколько не гордились этимъ. Могъ бы я похвастаться въ моемъ положеніи свѣтскостью, но я ея не имѣлъ, какъ Володя; — такъ чтоже такое была та высота, съ которой я смотрѣлъ на нихъ? Мое знакомство съ княземъ Иваномъ Ивановичемъ? выговоръ французскаго языка? дрожки? голландская рубашка? ногти? Да ужъ не вздоръ-ли все это? начинало мнѣ глухо приходить иногда въ голову, подъ вліяніемъ чувства зависти къ товариществу и добродушному молодому веселью, которое я видѣлъ передъ собою. Они всѣ были на ты. Простота ихъ обращенія доходила до грубости, но и подъ этой грубой внѣшностью былъ видимъ страхъ хоть чуть-чуть оскорбить другъ друга. *Подлецъ, свинья*, употребляемые ими въ ласкательномъ смыслѣ, только коробили меня и мнѣ подавали поводъ къ внутреннему подсмѣиванью, но эти слова не оскорбляли ихъ и не мѣшали имъ быть между собою на самой искренней дружеской ногѣ. Въ обращеніи между собою они были такъ осторожны и деликатны, какъ только бываютъ очень бѣдные и очень молодые люди. Главное-же, что-то широкое, разгульное чуялось мнѣ въ этомъ характерѣ Зухина и его похожденіяхъ въ Лиссабонѣ. Я предчувствовалъ, что эти кутежи должны были быть что-то совсѣмъ другое, чѣмъ то притворство съ зажженнымъ ромомъ и шампанскимъ, въ которомъ я участвовалъ у барона З.».

Такое сближеніе съ новымъ кругомъ людей должно было раньше или позже произвести переворотъ въ нашемъ героѣ.—Къ сожалѣнію, гр. Л. Толстой остановился въ своей повѣсти „Юность" на началѣ этого переворота, и оставилъ повѣсть неоконченною, ограничившись невыполненнымъ до сихъ поръ обѣщаніемъ разсказать дальнѣйшую исторію героя въ „слѣдующей, болѣе счастливой половинѣ его юности".

Впрочемъ, и не имѣя подъ руками такого разсказа, можно предвидѣть, что потомъ сталось съ героемъ. Университетъ оторвалъ его отъ родной почвы фатовства и comme il faut'ства; онъ внушилъ ему рядъ разумныхъ идей и стремленій, но не могъ влить въ его жилы новую кровь и пересоздать его нервы, не могъ замѣнить того здороваго воспитанія, котораго не доставало юношѣ въ дѣтствѣ. Не принимая до того времени никакого участія въ реальной жизни окружающихъ его людей труда и борьбы, не зная, что это за люди, онъ вошелъ въ эту жизнь и въ кругъ этихъ людей совершенно постороннимъ и даже ненавистнымъ человѣкомъ, съ рядомъ отвлеченныхъ мечтаній, не имѣющихъ съ этою жизнью ничего общаго—а что изъ этого вышло, это мы увидимъ на дѣйствующихъ лицахъ другихъ повѣстей гр. Л. Толстого, героевъ, совершенно подобныхъ тому, какого мы встрѣтили въ разобранномъ произведеніи.

IV.

За произведеніями „Дѣтство", „Отрочество" и „Юность" слѣдуетъ повѣсть „Утро помѣщика", представляющая первый шагъ въ жизни безхарактернаго героя. И въ этомъ уже первомъ шагѣ герой представляется передъ вами во всей своей несостоятельности, при чемъ вы видите, что эта несостоятельность зависитъ не отъ одной только нравственной распущенности, надломленности и апатіи героя, но отъ ненормальности всѣхъ условій его жизни и отношеній къ другимъ людямъ, такой страшной ненормальности, что даже самыя почтенныя и энергическія усилія приносить пользу людямъ, разливать вокругъ себя добро парализируются сами собою, — и это еще самое лучшее, когда они только парализируются; при настойчивости подобныхъ усилій, дѣятельность, основанная на началахъ гуманности и терпимости, превращается въ попраніе всѣхъ человѣческихъ правъ, и вмѣсто добра и пользы результатами выходятъ вредъ и зло. Когда вы созерцаете типы въ родѣ Тентетникова и Обломова, вы можете подумать, что все несчастіе этихъ людей зависитъ отъ ихъ изнѣженности и дряблости, плодовъ дурнаго воспитанія и избалованности жизнію, и что будь воспитаніе ихъ иное, проживи они хоть нѣсколько лѣтъ подъ вліяніемъ обстоятельствъ

жизни, закаляющихъ характеръ, они могли бы, еслибы захотѣли, что-нибудь сдѣлать на своемъ мѣстѣ и въ своемъ положеніи. Гр. Толстой окончательно разочаровываетъ васъ въ подобныхъ предположеніяхъ. Своимъ безпощаднымъ анализомъ онъ доказываетъ вамъ, что герои его безсильны сдѣлать что либо полезное ближнимъ вслѣдствіе не одной только своей безхарактерности, а самаго своего положенія.

Въ самомъ дѣлѣ, пора понять и признать, что истинныя и положительныя добро и польза заключаются единственно и исключительно въ результатахъ производительнаго труда. Всякое другое добро или случайно, минутно и обусловлено для своего проявленія существованіемъ зла въ родѣ, напримѣръ, спасенія утопающаго, или же мнимо и эфемерно и очень часто подъ личиною добра заключаетъ въ себѣ рядъ возмутительнѣйшихъ золъ и несправедливостей.

Точно также прогресъ для того, чтобы быть истиннымъ, естественнымъ и прочнымъ прогресомъ, долженъ исходить изъ труда и корениться въ немъ. Всякій иной прогресъ ложенъ, эфемеренъ и крайне ненадеженъ.

Представьте себѣ, что у меня есть маленькое хозяйство, которое составляетъ единственный источникъ моего существованія. Я тружусь, и земля такъ вознаграждаетъ мой трудъ, что я не только обезпеченъ въ необходимомъ, но у меня отъ каждаго года остается избытокъ. Этотъ избытокъ и есть залогъ какъ моего личнаго прогреса, такъ и прогреса всего человѣчества. Избыткомъ этимъ только и могутъ обусловливаться съ одной стороны пріобрѣтеніе средствъ для улучшенія хозяйства, съ другой—существованіе досуга для умственнаго развитія. — При такихъ условіяхъ прогресъ долженъ возростать въ геометрической прогрессіи, такъ какъ всѣ элементы его, дѣйствуя взаимно другъ на друга, составляютъ особенный прогресивный кругъ: избытокъ улучшаетъ хозяйство, улучшенное хозяйство даетъ еще большій избытокъ, умственное развитіе, пріобрѣтенное въ часы досуга—въ свою очередь дѣйствуетъ и на улучшеніе хозяйства, и на увеличеніе избытка, а послѣдній доставляетъ все большія и большія средства для умственнаго развитія. — При такомъ правильномъ теченіи прогреса, если по прошествіи X времени бѣдныя хижины замѣнятся дворцами, жалкія патріархальныя орудія—паровыми машинами, знахари—искусными медиками и пр., всѣ подобные плоды прогреса явятся зрѣлыми плодами, возрощенными на родной почвѣ; въ то же время люди, которые будутъ пользоваться всѣмъ этимъ, будутъ стоять въ уровнѣ такого прогреса: они сами его произвели и сами сознательно, какъ свое добро, будутъ сохранять его и заботиться объ его возростаніи. Въ этомъ и заключается естественность и прочность прогреса, свободно возростающаго изъ нѣдръ труда.

Но представьте себѣ, что у васъ есть другъ, который, предположимъ даже, изъ самыхъ честныхъ и безкорыстныхъ видовъ, станетъ отбирать отъ васъ ежегодно весь избытокъ вашего хозяйства и класть его въ банкъ, на томъ основаніи, что вы, въ его глазахъ, человѣкъ безпечный и расточительный, и что гораздо благоразумнѣе, если капиталъ будетъ накапливаться, лежа въ банкѣ, чѣмъ станетъ расточаться въ вашихъ рукахъ. — Принявши на себя такую заботливость о вашемъ благосостояніи, пріятель вашъ, въ вознагражденіе за свои труды, присвоиваетъ себѣ пользованіе процентами съ вашего капитала, накапливающагося въ банкѣ. Что произойдетъ вслѣдствіе этого? Естественно, что по прошествіи того же X времени ваше хозяйство, не улучшаемое избытками, должно остаться совершенно въ такомъ же положеніи, какъ и въ первый годъ вашего труда, и сами вы нисколько не подвинетесь въ умственномъ развитіи. Но этого мало, что хозяйство ваше нисколько не улучшится; оно навѣрное разстроится, потому что не только для улучшенія, но и для сохраненія хозяйства въ одномъ положеніи необходима извѣстная доля избытка. При такихъ условіяхъ вмѣсто прогресивнаго круга долженъ совершиться такой же кругъ регресивный. По мѣрѣ истощенія хозяйства, у васъ будетъ все меньше и меньше становиться досуга для умственнаго развитія; вы будете употреблять всѣ силы, все время, чтобы натянуть, во что бы ни стало, сумму, которую вы обязались доставлять другу для внесенія въ банкъ. Въ этихъ усиліяхъ, вмѣсто того, чтобы развиваться, вы будете тупѣть и грубѣть; а ваше отупѣніе въ свою очередь отзовется на еще большемъ разстройствѣ хозяйства; наконецъ, всеобщій упадокъ можетъ дойти до того, что вы не въ силахъ уже будете удѣлять вашему пріятелю никакого избытка отъ вашего хозяйства, и если вашъ другъ будетъ продолжать требовать уплаты такихъ же суммъ, вы будете принуждены платить ихъ съ самого имущества.

Но что-же въ этотъ самый X времени произойдетъ съ вашимъ пріятелемъ? Живя на проценты съ вашего капитала, онъ все время имѣлъ безграничный досугъ и слѣдовательно полнѣйшую возможность умственнаго развитія. Онъ и явится передъ вами по прошествіи X времени человѣкомъ въ высшей степени развитымъ, передовымъ свѣтиломъ своего времени. Въ головѣ его будутъ вмѣщаться всѣ современныя идеи, до которыхъ додумалось человѣчество, онъ будетъ говорить на нѣсколькихъ языкахъ, будетъ знать все, что дѣлается на земномъ шарѣ, въ нѣдрахъ его и въ небесныхъ сферахъ, будетъ судить о томъ, какое правленіе болѣе или менѣе способствуетъ прогресу, въ какомъ положеніи должна находиться женщина въ семействѣ и государствѣ, какое воспитаніе лучше—классическое или реальное и пр. и пр. Однимъ словомъ, это будетъ прогресистъ въ полномъ смыслѣ этого слова, но весь этотъ прогресъ будетъ сосредоточиваться исключительно въ головѣ вашего пріятеля, и вамъ отъ него не будетъ ни теплѣе, ни сытнѣе. Это не прогресъ дѣйствительный, осуществленный, а только одно отвлеченное представленіе его, радужныя гаданія о немъ. Въ самомъ дѣлѣ: что толку, что въ головѣ вашего пріятеля сидитъ великолѣпный отель на манеръ американскихъ, когда не только вы, но и этотъ блестящій прогресистъ должны довольствоваться въ дѣйствительности грязненькою харчевнею, и въ то-же время вы знаете, что если-бы вашъ пріятель взялся за построеніе американскаго отеля, онъ все-таки ничего не произвелъ-бы кромѣ той-же грязной харчевни, по-

тому что ни онъ, ни тѣмъ менѣе окружающіе его люди не имѣютъ ни малѣйшихъ приспособленій, навыка, сноровки, средствъ, для созданія такихъ отелей, которые устраиваютъ американцы.

Предположимъ теперь, что вашъ прогресивный пріятель, неожиданно, какъ снѣгъ на голову, является въ среду вашей безпомощной нищеты и, сострадая къ вашему бѣдственному положенію, рѣшается мало того, что помочь вамъ, а сразу возвысить васъ на высоту самаго блестящаго прогреса. Положимъ, что для этого онъ готовъ пожертвовать всѣмъ капиталомъ, накопившимся въ теченіе многихъ и многихъ лѣтъ отъ вашихъ избытковъ. Капиталъ этотъ такъ великъ, что, затративъ его, онъ можетъ разомъ завести въ вашемъ хозяйствѣ всѣ тѣ улучшенія, которыя возникли-бы сами собою въ теченіе того времени, въ которое вы отдавали ему свои избытки. Прекрасно: онъ можетъ возвратить вамъ все, что онъ взялъ у васъ, но какъ возвратитъ онъ вамъ потерянное время, въ которое вы могли-бы умственно развиться до возможности пользоваться всѣми предлагаемыми вамъ благами, а вы между тѣмъ не развились, потому что этого времени не имѣли? Какъ сразу поставитъ онъ васъ на ту высоту, чтобы вы могли не только пользоваться, но имѣть хоть малѣйшій толкъ въ томъ, чѣмъ предлагаютъ вамъ пользоваться? Что толку, что вашъ пріятель окружитъ васъ паровыми машинами, когда вы не имѣете ни малѣйшаго понятія о нихъ, ни навыка владѣть ими, да и самъ вашъ пріятель не лучше васъ знаетъ, какъ съ ними обращаться, имѣя одни отвлеченныя соображенія въ головѣ объ ихъ преимуществѣ. Мы говорили выше, что по прошествіи X времени, у васъ могъ быть выстроенъ дворецъ; положимъ, что и пріятель захочетъ выстроить вамъ тотъ-же дворецъ; но при этомъ надо взять въ соображеніе, что при естественномъ развитіи прогреса, этотъ дворецъ вамъ было-бы выстроить чрезвычайно легко, потому что вы, конечно, тогда только занялись-бы постройкою его, когда прогресъ успѣлъ-бы уже выработать въ вашемъ околоткѣ кирпичные заводы и каменьщиковъ. Но въ настоящемъ случаѣ ничего этого въ наличности не имѣется, а имѣетесь только вы съ развалившеюся избенкою и умѣньемъ сколотить кое-какъ изъ бревенъ патріархальный шалашикъ. Да наконецъ, чтобы стали дѣлать вы во вновь выстроенномъ дворцѣ, когда у васъ нѣтъ ни навыка, ни потребности жить въ десяти огромныхъ комнатахъ, ни мебели, необходимой для этого; понятно, что вамъ покажется неуютно, нехозяйственно, жутко въ пустыхъ огромныхъ сараяхъ, и вы предпочтете вашу развалившуюся избушку великолѣпному дворцу вашего пріятеля. Наконецъ, надо обратить вниманіе и на то обстоятельство, что какъ ни мизерна жизнь ваша, а въ ней успѣли уже образоваться свои привычки, примѣненія, склонности, залоги будущаго естественнаго прогреса, если-бы предоставили ему свободное развитіе. У васъ, напримѣръ, развита страсть къ пчеловодству, или условія мѣстности склоняютъ васъ къ воздѣлыванію льна, винокуренію, лѣснымъ промысламъ. На этихъ производствахъ было-бы всего естественнѣе вамъ прогресировать; между тѣмъ пріятель вашъ вдругъ устраиваетъ ни съ того, ни съ сего для васъ огромный свеклосахарный заводъ, или склоняетъ васъ вступить въ иное коммерческое предпріятіе широкихъ размѣровъ. Очень понятно, что вы откажетесь и отъ подобныхъ предложеній вашего пріятеля, такъ какъ они идутъ противъ вашихъ склонностей, отвлекаютъ васъ отъ привычнаго, любимаго труда къ чуждому и незнакомому вамъ, и къ которому вы вдобавокъ не имѣете ни малѣйшей подготовки. Что-же останется дѣлать вашему пріятелю? Или идти по пути Угрюмъ-Бурчеева, то-есть силою устроивать вашъ бытъ по своему усмотрѣнію, перевернуть все кверху дномъ въ вашей жизни и въ концѣ концовъ привести васъ къ окончательному разоренію и отвращенію отъ подобнаго насильственнаго прогреса, или начать устраивать прогресъ на европейскій ладъ посредствомъ выписываемыхъ для этого нѣмцевъ, махнувши на васъ рукою и заставивши васъ оплачивать эти затѣи, хотя вы и не принимали въ нихъ ни малѣйшаго участія.

Но есть еще третій путь, повидимому самый разумный и естественный: вашъ пріятель можетъ вмѣсто того, чтобы пытаться сразу поставить васъ на вершину европейскаго прогреса, дѣлать это исподволь и постепенно, приглядѣться къ вашей жизни, принять въ соображеніе условія вашего быта, ваши склонности и привычки, и начать дѣлать улучшенія въ вашей жизни съ мелочей, хоть съ того, напримѣръ, что покрыть тесомъ ваши избы, развалившіяся возобновить, увеличить количество вашего скота и пр. Но и этотъ путь не замедлитъ оказаться столь-же искусственнымъ, ложнымъ, а потому и ни къ чему не приводящимъ. Неизмѣримая разница существуетъ между тѣмъ, улучшаете-ли вы свой бытъ сами, самостоятельно, избытками вашего труда, или какой-нибудь близкій вамъ человѣкъ, считая васъ вѣчно несовершеннолѣтнимъ, принимаетъ на себя заботу объ улучшеніи вашей участи. Только при самостоятельномъ улучшеніи своего быта возможно развитіе той мужественной энергіи, которая составляетъ необходимое условіе всякаго прогреса. Между тѣмъ всякая посторонняя опека, привычка видѣть надъ собою щедрую руку, которая все для тебя сдѣлаетъ, что ни пожелаешь, все въ твоемъ хозяйствѣ сейчасъ-же исправитъ, приведетъ въ порядокъ и заштопаетъ каждую прорѣху — все это прямо ведетъ къ апатіи, застою и деморализаціи. При такихъ условіяхъ нечего и думать о прогресѣ. Это смерть и растлѣніе.

Но что-же тогда дѣлать вашему пріятелю? Отвѣтъ на этотъ вопросъ весьма простъ и незамысловатъ. Вы хотите, чтобы окружающіе васъ люди были счастливы: предоставьте-же ихъ самимъ себѣ, ничего имъ даромъ не давайте, но ничего отъ нихъ и не берите даромъ, и они сами съумѣютъ устроить свою судьбу, на томъ простомъ основаніи, что и рыба ищетъ гдѣ глубже. Вы хотите, чтобы люди развивались,—не торопитесь-же принимать на себя роли ихъ развивателей, развѣ они сами обратятся къ вамъ. Европа не думала о развитіи Россіи, русскіе сами пошли учиться у Европы,— въ то время какъ всѣ цивилизаторскія стремленія Австріи въ славянскихъ земляхъ возбуждаютъ въ славянахъ только оппозицію народныхъ инстинктовъ, препятствующихъ естественному теченію прогреса.

Вотъ до этой-то простой истины и не могутъ ни-

какъ додуматься герои гр. Толстого. Они постоянно мечтаютъ о томъ, какъ-бы разсѣять вокругъ себя всевозможный прогрессъ, не замѣчая того, что сами они продолжаютъ стоять на такой почвѣ, которая обусловливаетъ собою полную невозможность прогреса, допуская одинъ призракъ его, очень часто весьма ослѣпительный для глазъ, но все-таки пустой и холодный!

Такимъ героемъ является, между прочимъ, Нехлюдовъ въ повѣсти „Утро помѣщика". Здѣсь вы встрѣчаетесь не съ лѣнью, апатіей, изнѣженностью и прочими обломовскими качествами, присущими нашей интеллигенціи. Напротивъ того, передъ вами та молодая, пылкая энергія, какую только возможно бываетъ встрѣтить въ 19-лѣтнемъ юношѣ, къ тому еще студентѣ. Не кончивъ еще курса въ университетѣ, проведя лѣто въ деревнѣ, Нехлюдовъ до такой степени увлекся мыслью о устроеніи быта крестьянъ, что рѣшился тотчасъ-же оставить университетъ, столицу, прекратить всѣ прежнія связи, и всю жизнь посвятить благу принадлежащихъ ему мужиковъ.

«Онъ видѣлъ передъ собою,—читаемъ мы въ повѣсти,—огромное поприще для цѣлой жизни, которую онъ посвятитъ на добро и въ которой слѣдовательно будетъ счастливъ. Ему не надо искать сферы дѣятельности; она готова: у него есть прямая обязанность—у него есть крестьяне... И какой отрадный и благодарный трудъ представляется ему—«дѣйствовать на этотъ простой, воспріимчивый, неиспорченный классъ народа, избавить его отъ бѣдности, дать довольство, передать имъ образованіе, которымъ по счастью я пользуюсь, исправить ихъ пороки, порожденные невѣжествомъ и суевѣріемъ, развить ихъ нравственность, заставить полюбить добро... Какая блестящая, счастливая будущность! И за все это я, который буду дѣлать это для собственнаго счастія, я буду наслаждаться благодарностью ихъ, буду видѣть, какъ съ каждымъ днемъ я дальше и дальше иду къ предположенной цѣли. Чудная будущность! Какъ могъ я прежде не видѣть этого?»

«И кромѣ этого, въ то-же время думалъ онъ: кто мнѣ мѣшаетъ самому быть счастливымъ въ любви къ женщинѣ, въ счастьѣ семейной жизни? И юное воображеніе рисовало ему еще болѣе обворожительную будущность. «Я и жена, которую я люблю такъ, какъ никто, никогда, никого не любилъ на свѣтѣ, мы всегда живемъ среди этой спокойной, поэтической деревенской природы, съ дѣтьми, можетъ быть съ старухой теткой; у насъ есть наша взаимная любовь, любовь къ дѣтямъ, и мы оба знаемъ, что наше назначеніе—добро. Мы помогаемъ другъ другу идти къ этой цѣли. Я дѣлаю общія распоряженія, даю общія, справедливыя пособія, завожу фермы, сберегательныя кассы, мастерскія; а она, съ своей хорошенькой головкой, въ простомъ, бѣломъ платьѣ, поднимая его надъ стройной ножкой, идетъ по грязи въ крестьянскую школу, въ лазаретъ, къ несчастному мужику, по справедливости, незаслуживающему помощи, и вездѣ утѣшаетъ, помогаетъ... Дѣти, старики, бабы обожаютъ ее и смотрятъ на нее, какъ на какого-то ангела, на Провидѣніе. Потомъ она возвращается и скрываетъ отъ меня, что ходила къ несчастному мужику и дала ему денегъ, но я все знаю и крѣпко обнимаю ее, и крѣпко и нѣжно цѣлую ея прелестные глаза, стыдливо-краснѣющія щеки и улыбающіяся румяныя губы»...

Исполненный подобныхъ юныхъ грезъ, Нехлюдовъ, оставшись въ деревнѣ, энергически принялся за хозяйство, составилъ правила дѣйствій, всю жизнь и занятія свои распредѣливъ по часамъ, днямъ и мѣсяцамъ, причемъ воскресенья были у него назначены для пріема посѣтителей, дворовыхъ и мужиковъ, для обхода хозяйства бѣдныхъ крестьянъ и для подаяія имъ помощи съ согласія міра, который собирался вечеромъ каждое воскресенье и долженъ былъ рѣшать, кому и какую помощь нужно было оказывать. Въ такихъ занятіяхъ прошло болѣе года, и этого года было вполнѣ достаточно, чтобы разочаровать Нехлюдова во всей дѣятельности, во всѣхъ его замыслахъ и мечтахъ.

Въ своихъ отношеніяхъ къ мужикамъ онъ постоянно встрѣчалъ два рода явленій: исполненный недовѣрія отпоръ противъ всѣхъ его плановъ и предложеній относительно тѣхъ или другихъ мѣръ къ улучшенію быта мужиковъ. Это былъ отпоръ жизни, желавшей устроиться, худо-ли, хорошо-ли, но по своему и течь по тѣмъ русламъ, какія удалось уже ей самой проложить, а не по направленіямъ, измышленнымъ праздною фантазіею барина. А гдѣ онъ не встрѣчалъ такого отпора, тамъ онъ находилъ полную деморализацію, нагло въ глаза издѣвавшуюся надъ нимъ и дѣлавшуюся тѣмъ распущеннѣе и нахальнѣе, чѣмъ болѣе онъ прилагалъ заботъ объ ея исправленіи. Въ представленномъ въ повѣсти воскресномъ утрѣ Нехлюдова, мы встрѣчаемъ нѣсколько явленій того и другаго рода.

Такъ, между прочимъ, Нехлюдовъ на своей новой фермѣ построилъ нѣсколько герардовскихъ каменныхъ избъ, думая перевести туда лучшихъ своихъ крестьянъ. Вотъ онъ приходитъ на дворъ къ крестьянину Чурисенку съ предложеніемъ подобнаго переселенія. Печальное зрѣлище крайней нищеты встрѣчаетъ онъ во дворѣ Чурисенка. Изба, клѣти, амбары — представляютъ развалины, готовыя ежеминутно рухнуть. И между тѣмъ этотъ Чурисенокъ ни разу не обратился къ нему съ просьбою о помощи, тогда какъ Нехлюдовъ никогда не отказывалъ мужикамъ и только того добивался, чтобы всѣ прямо приходили къ нему за своими нуждами. Нехлюдовъ почувствовалъ досаду, боль и даже нѣкоторое озлобленіе на мужика за такое невниманіе со стороны послѣдняго къ его гуманности. Здѣсь подъ гуманностью выступаетъ порядочная доля безчеловѣчнаго высокомѣрія: Нехлюдовъ не могъ поставить себя на мѣстѣ мужика и не понималъ, что если онъ въ себѣ, въ своемъ родственникѣ или другѣ цѣнилъ гордость, не любящую обязываться, просить, кланяться, то тѣмъ болѣе онъ долженъ былъ-бы оцѣнить такія качества въ крестьянинѣ. Несмотря на всю гуманность, логика его продолжала въ этомъ отношеніи двоиться, и то самое, что уважалъ онъ въ лицахъ своей среды, не нравилось ему въ мужикахъ. Мы видѣли выше, что при мысли о мужикахъ онъ не иначе представлялъ ихъ себѣ, какъ умиляющимися при видѣ его благодѣяній и возсылающими къ нему горячія благодаренія. Понятно, не могъ онъ оцѣнить и слѣдующихъ простыхъ, но исполненныхъ глубокаго человѣческаго достоинства словъ Чурисенка:

— Не все-же на барскій дворъ ходить! Коли нашему брату повадку дать къ вашему сіятельству за всякимъ добромъ на барскій дворъ кланяться, какіе мы крестьяне будемъ?

Не обративши вниманія на эти слова и не желая понять, что передъ нимъ стоитъ человѣкъ, вовсе не желающій принимать отъ него какихъ-либо благодѣяній, Нехлюдовъ приступилъ таки къ Чурисенку съ

предложеніемъ переселиться въ герардовскую избу, и встрѣтилъ еще болѣе рѣшительный отпоръ.

«Нехлюдовъ сталъ-было доказывать мужику,—читаемъ мы въ повѣсти,—что переселеніе, напротивъ, очень выгодно для него, что плетни и сараи тамъ построятъ, что вода тамъ хорошая, и т. д., но глупое молчаніе Чуриса смущало его, и онъ почему-то чувствовалъ, что говоритъ не такъ, какъ бы слѣдовало. Чурисенокъ не возражалъ ему; но когда баринъ замолчалъ, онъ, слегка улыбнувшись, замѣтилъ, что лучше-бы всего было поселить на этомъ хуторѣ стариковъ дворовыхъ и Алешу-дурачка, чтобы они тамъ хлѣбъ караулили.

— Вотъ бы важно-то было! замѣтилъ онъ, и снова усмѣхнулся.—Пустое это дѣло, ваше сіятельство!

— Да что-жь что мѣсто нежилое? терпѣливо настаивалъ Нехлюдовъ:—вѣдь и здѣсь когда-то мѣсто было нежилое, а вотъ живутъ-же люди; и тамъ, вотъ: ты только первый поселись съ легкой руки... Ты непремѣнно поселись.

— И, батюшка, ваше сіятельство, какъ можно сличить! съ живостью отвѣчалъ Чурисъ, какъ будто испугавшись, чтобы баринъ не принялъ окончательнаго рѣшенія:—здѣсь на міру мѣсто, мѣсто веселое, обычное: и дорога, и прудъ тебѣ, бѣлье что-ли бабѣ стирать, скотину-ли поить—и все наше заведеніе мужицкое, тутъ искони-заводенное, и гумно, и огородники, и ветлы,—вотъ, что мои родители садили; и дѣдъ, и батюшка наши здѣсь Богу душу отдали, и мнѣ только-бы вѣкъ тутъ свой кончить, ваше сіятельство, больше ничего не прошу. Буде милость твоя избу поправить — много довольны вашей милостью останемся; а нѣтъ, такъ и въ старенькой свой вѣкъ какъ нибудь доживемъ. Заставь вѣкъ Бога молить, продолжалъ онъ, низко кланяясь: — не сгоняй ты насъ съ гнѣзда нашего, батюшка!..

Что было дѣлать Нехлюдову послѣ подобныхъ доводовъ, какъ не ретироваться въ крайнемъ смущеніи и не ограничиться послѣ всѣхъ своихъ широкихъ замысловъ создать счастіе Чурисенка—скромною и рутинною подачкою ему нѣсколькихъ десятковъ рублей на корову, — да и тѣ Чурисенокъ принялъ безъ всякой особенной благодарности и неохотно.

Еще большій отпоръ встрѣтилъ Нехлюдовъ и во дворѣ крестьянина Дутлова. Дутловъ былъ мужикъ, окруженный многочисленнымъ семействомъ, достаточный, у котораго не только все хозяйство находилось въ полной исправности, но были припрятаны и деньги въ кубышкѣ. Нехлюдовъ явился къ нему съ предложеніемъ, чтобы онъ нанялъ у него земли десятинъ 30 и кромѣ того купилъ вмѣстѣ съ нимъ лѣсъ.

Но и здѣсь жизнь стремилась устроиться по своему, а не по замысламъ Нехлюдова. Еще Нехлюдовъ не успѣлъ заикнуться о своемъ предложеніи, какъ старикъ Дутловъ обратился къ нему съ просьбою, чтобы онъ отпустилъ его сыновей по оброку въ извозъ.

— Мало-ли чѣмъ другимъ вы-бы могли заняться дома: и землей, и лугами... возражалъ Нехлюдовъ.

— Какъ можно, ваше сіятельство! подхватилъ Ильюшка съ одушевленіемъ:—ужь мы съ этимъ родились, всѣ эти порядки намъ извѣстные, способное для насъ дѣло, самое любезное дѣло, ваше сіятельство, какъ нашему брату съ рядой ѣздить.

Когда же наконецъ Нехлюдовъ заикнулся о своихъ намѣреніяхъ, онъ встрѣтилъ такое крайнее и, хотя и обидное, но справедливое недовѣріе со стороны старика, что ему осталось только проклинать ту минуту, въ которую ему вздумалось идти къ старику со своими предложеніями.

— Что жь, батюшка Митрій Миколаевичъ, какъ насчетъ ребятъ-то прикажете? сказалъ старикъ.

— Да я-бы тебѣ совѣтовалъ вовсе не отпускать ихъ, а найти здѣсь имъ работу, вдругъ, собравшись съ духомъ, выговорилъ Нехлюдовъ.—Я, знаешь, что тебѣ придумалъ: купи ты со мною пополамъ рощу въ казенномъ лѣсу, да еще землю...

— Какъ-же, ваше сіятельство, на какія-же деньги покупать будемъ? перебилъ онъ барина.

— Да вѣдь небольшую рощу, рублей въ двѣсти, замѣтилъ Нехлюдовъ.

Старикъ сердито усмѣхнулся.

— Хорошо, кабы были, отчего-бы не купить, сказалъ онъ.

— Развѣ у тебя этихъ денегъ нѣтъ? съ упрекомъ сказалъ баринъ.

— Охъ, батюшка ваше сіятельство! отвѣчалъ съ грустью въ голосѣ старикъ, оглядываясь въ двери: только-бы семью прокормить, а ужь намъ не рощи покупать.

— Да вѣдь есть у тебя деньги, что-жь имъ лежать? настаивалъ Нехлюдовъ.

Старикъ вдругъ пришелъ въ сильное волненіе; глаза его засверкали, плечи стало подергивать.

— Може злые люди про меня сказали, заговорилъ онъ дрожащимъ голосомъ:—такъ вѣрьте Богу, говорилъ онъ, одушевляясь все болѣе и болѣе и обращая глаза къ иконѣ:—что вотъ, лопни мои глаза, провались я на семъ мѣстѣ, коли у меня что есть окромѣ пятнадцати цѣлковыхъ, что Ильюшка привезъ, и то подушныя платить надо—вы сами изволите знать: избу поставили...

— Ну, хорошо, хорошо! сказалъ баринъ, вставая съ лавки.—Прощайте, хозяева.

Встрѣчая подобные отпоры во всемъ, что было лучшаго въ деревнѣ, рядомъ съ этимъ Нехлюдовъ находилъ и такихъ крестьянъ, которые обращались къ нему съ просьбами, кланялись, изъявляли благодарности, о чемъ баринъ мечталъ нѣкогда съ такимъ упоеніемъ, но за то въ этихъ крестьянахъ его поражали такая апатія, лѣнь, такое отсутствіе малѣйшаго чувства человѣческаго достоинства, такая полная деморализація, что онъ терялся и приходилъ къ сознанію, что ему только и остается, что или махнуть на все рукою, или принять крутыя, насильственныя мѣры. Все это въ концѣ концовъ совершенно обезкуражило его и разсѣяло, какъ дымъ, всѣ его грезы.

«Гдѣ-же мои мечты?» думалъ теперь юноша, послѣ своихъ посѣщеній подходя къ дому: «вотъ ужь больше года, что я ищу счастія на этой дорогѣ, и что-жъ я нашелъ? Правда, иногда я чувствую, что могу быть довольнымъ собой; но это какое-то сухое, разумное довольство. Да и нѣтъ, я просто недоволенъ собой! Я недоволенъ потому, что я здѣсь не знаю счастія, а желаю, страстно желаю счастія. Я, не испытавъ наслажденій, уже отрѣзалъ отъ себя все, что даетъ ихъ. Зачѣмъ? за что? Кому отъ этого стало легко? Правду писала тетка, что легче самому найти счастіе, чѣмъ дать его другимъ. Развѣ богаче стали мои мужики? образовались или развились нравственно? Нисколько. Имъ стало не лучше, а мнѣ съ каждымъ днемъ становится тяжеле. Еслибъ я видѣлъ успѣхъ въ своемъ предпріятіи, еслибъ я видѣлъ благодарность... но нѣтъ, я вижу ложную рутину, порокъ, недовѣріе, безпомощность! Я даромъ трачу лучшіе годы жизни», подумалъ онъ, и ему почему-то вспомнилось, что сосѣди, какъ онъ слышалъ отъ няни, называли его недорослемъ; что денегъ у него въ конторѣ ничего уже не оставалось, что выдуманная имъ новая молотильная машина, къ общему смѣху мужиковъ, только свистѣла и ничего не молотила, когда ее въ первый разъ, при многочисленной публикѣ, пу-

стили въ ходъ въ молотильномъ сараѣ; что со дня на день надо было ожидать пріѣзда земскаго суда для описи имѣнія, которое онъ просрочилъ, увлекшись различными новыми хозяйственными предпріятіями. И вдругъ такъ-же живо, какъ прежде, представилась ему деревенская прогулка по лѣсу и мечта о помѣщичьей жизни, такъ-же живо представилась ему его московская студенческая комнатка, въ которой онъ поздно ночью сидитъ при одной свѣчкѣ съ своимъ товарищемъ и обожаемымъ шестнадцатилѣтнимъ другомъ. Они часовъ пять сряду читали и повторяли какія-то скучныя записки гражданскаго права, и, окончивъ ихъ, послали за ужиномъ, сложились на бутылку шампанскаго и разговорились о будущности, которая ожидаетъ ихъ. Какъ совсѣмъ иначе представлялась будущность молодому студенту! Тогда будущность была полна наслажденій, разнообразной дѣятельности, блеска, успѣховъ и несомнѣнно вела ихъ обоихъ къ лучшему, какъ тогда казалось, благу въ мірѣ—къ славѣ.

«Онъ уже идетъ и быстро идетъ по этой дорогѣ», подумалъ Нехлюдовъ про своего друга: «а я»...

Но зачѣмъ-же такъ долго останавливаться, спроситъ меня иной читатель, на повѣсти, представляющей дѣла давно минувшихъ дней, преданья старины глубокой? Неудачная дѣятельность Нехлюдова принадлежитъ ко временамъ крѣпостнаго права, есть явленіе историческое, невозможное въ настоящее время при свободѣ крестьянъ, и подробное обсужденіе этой дѣятельности не имѣетъ никакихъ отношеній къ современнымъ вопросамъ.

Но въ томъ-то и состоитъ особенность поэтическихъ произведеній, отражающихъ въ себѣ характеристическія и существенныя явленія жизни, что значеніе ихъ не утрачивается съ нѣсколькими реформами, какъ бы ни были важны послѣднія, и они надолго сохраняютъ свою силу, служа маяками, освѣщающими иногда длинныя перспективы временъ. — Такъ, напримѣръ, „Горе отъ ума“, изображающая нравы московскаго общества 20-хъ годовъ, представляетъ въ себѣ многія черты жизни, встрѣчающіяся на каждомъ шагу и въ настоящее время, 60 лѣтъ спустя. Дѣятельность Чичикова и прочихъ героевъ „Мертвыхъ Душъ“ тоже сдѣлалась невозможною со времени эмансипаціи, но это не мѣшаетъ имъ существовать попрежнему въ русской жизни; они всѣ остались тѣ же самые, и измѣнились только формы проявленія ихъ качествъ. То же самое можно сказать и о Нехлюдовѣ. Эмансипація не уничтожила подобныхъ героевъ, а только отняла у нихъ возможность дѣйствовать силою тамъ, гдѣ нельзя было ничего сдѣлать добровольно. Такъ Нехлюдовъ могъ прежде, еслибы захотѣлъ, заставить Чурисенка переселиться въ герардовскую избу, а Дутлова — купить лѣсъ; нынѣ онъ этого не въ состояніи сдѣлать; но онъ остался тѣмъ-же Нехлюдовымъ, и подобныхъ ему Нехлюдовыхъ вы можете встрѣтить на каждомъ шагу. Каждый маменькинъ сынокъ, читающій на досугѣ хорошія книжки и подъ вліяніемъ ихъ мечтающій посвятить всю жизнь народу, котораго онъ не знаетъ и на котораго онъ въ то же время привыкъ смотрѣть съ гордымъ пренебреженіемъ, есть Нехлюдовъ съ головы до ногъ; каждый практическій дѣятель, видящій въ желѣзныхъ дорогахъ или сыровареніи панацею отъ всѣхъ народныхъ бѣдствій, каждый ревнитель народнаго просвѣщенія, воображающій, что стоитъ завести нѣсколько школокъ и выучить сотню сельскихъ дѣтей читать и писать, и образованіе широкою рѣкою польется въ массы народа; каждый газетный чиновникъ-публицистъ, измышляющій подъ сѣнію канцеляріи передовыя статьи о народныхъ нуждахъ и потребностяхъ; каждый судебный ораторъ въ родѣ выведеннаго Гл. Успенскимъ въ „Разореніи“ Шапкина, сожалѣющій, что половина слушателей не были въ университетѣ и потому не могутъ его понимать,—все это современныя воплощенія того же самаго Нехлюдова со всѣми его особенностями: полною неспособностью встать въ мало-мальски человѣческія отношенія съ народомъ и оказать ему хоть каплю истинной пользы, и въ то же время привычкою считать себя свѣтилами прогреса, воображать, что каждое слово, каждый жестъ ихъ долженъ осчастливить тысячи и возбудить со всѣхъ сторонъ чувства изумленія къ ихъ доблести и горячей благодарности. Повѣсть гр. Толстого говоритъ всѣмъ этимъ господамъ: Вы хотите быть полезными народу? Но для этого прежде всего перестаньте принимать на себя роль народныхъ опекуновъ и благодѣтелей, перестаньте смотрѣть на народъ, какъ на несовершеннолѣтнихъ дѣтей, которыя безъ вашихъ заботъ должны погибнуть. Знайте, что какъ ни жалка, ни бѣдна жизнь народа, а все-таки это жизнь, и какъ всякая естественная жизнь подлежитъ своему самостоятельному развитію, требуя только тепла, воздуха, свѣта и пищи для того, чтобы разцвѣсти во всемъ своемъ цвѣтѣ... Заботьтесь-же только объ одномъ: чтобы доставить всѣ эти необходимыя условія для жизни и дать ей полный просторъ для развитія. Иначе вы будете представлять изъ себя садовника, который, поставивъ растеніе въ темнотѣ и оборвавъ листья, будетъ въ то же время унавоживать его землю и тщательно поливать ее, воображая, что у него что-нибудь выростетъ изъ этого. Знайте, что въ такомъ случаѣ ваши дѣйствительно полезныя мѣропріятія или будутъ производить неожиданный вредъ, или-же будутъ отскакивать отъ народа, какъ отъ стѣны горохъ, чисто вслѣдствіе той естественной оппозиціи, по которой вамъ самимъ часто въ большей степени нравится худшее свое, до чего вы дошли самостоятельно, чѣмъ лучшее, навязываемое со стороны, и притомъ людьми, къ которымъ вы не имѣете особеннаго довѣрія.

V.

Въ повѣсти „Утро помѣщика“ представляется, какъ мы видѣли, первый шагъ въ жизни безхарактернаго героя. Здѣсь герой является передъ нами исполненный молодыхъ надеждъ и энергіи, не знающей удержа; онъ ищетъ опредѣленной цѣли жизни, и спѣшитъ испробовать свои силы въ какой-либо широкой и плодотворной дѣятельности. Такъ всегда начинаютъ подобные герои. Они не знаютъ мудраго пути начинать съ малаго и постепенно путемъ труда и борьбы доходить до великаго,—пути, по которому идутъ всѣ истинно-геніальные люди; нашимъ героямъ непремѣнно нужно или сразу все, или ничего. Примутся они за какое-нибудь дѣло, и тотчасъ-же вообразятъ себя благодѣтелями если не всего человѣчества, то цѣлаго

края—поэтому и дѣло свое спѣшатъ поставить на ходули, придать ему сразу грандіозные цѣли и размѣры. Но за то, какъ скоро возникаетъ ихъ очарованіе, такъ же скоро слѣдуетъ и разочарованіе. Жизнь не замедлитъ показать имъ всю искусственность, отвлеченность и эфемерность ихъ замысловъ. Такъ мы видѣли, что для Нехлюдова достаточно было года, чтобы убѣдиться въ несостоятельности своей дѣятельности. Но разъ сбитые съ своего пути, Нехлюдовы не ищутъ уже ни новаго пути, ни возвращенія на старый. Вся дальнѣйшая жизнь представляется рядомъ безцѣльныхъ скитаній и случайныхъ порывовъ, смотря по тому, куда дуетъ вѣтеръ. Начиная день, они не могутъ отдать себѣ хотя приблизительнаго отчета, что съ ними будетъ вечеромъ: можетъ быть женятся, можетъ быть очутятся на пути въ Америку, можемъ быть проиграютъ все свое состояніе и пустятъ въ лобъ пулю. Одно только неизмѣнно преслѣдуетъ ихъ всю жизнь, составляя существенное ихъ отличіе—это постоянный разладъ убѣжденій и дѣятельности. Убѣжденія ихъ попрежнему прекрасны, высоки, во всѣхъ отношеніяхъ безукоризненны и, попрежнему, едва только пытаются они осуществить которое нибудь, на дѣлѣ выходитъ какъ-то совершенно невольно, неотразимо, словно по какому-то фатуму, тяготѣющему надъ ними, нѣчто совершенно противоположное.

Повѣсти „Люцернъ", „Альбертъ", „Казаки", „Маркеръ" представляютъ передъ нами рядъ подобныхъ скитаній и порывовъ безхарактернаго героя послѣ своего неудачнаго перваго шага.

Въ повѣсти „Люцернъ" мы встрѣчаемъ Нехлюдова, скитающагося по Европѣ въ качествѣ туриста. Остановившись въ Люцернѣ, онъ пошелъ вечеромъ гулять по набережной озера и заслушался пѣнія уличнаго тирольца. Тиролецъ пѣлъ такъ хорошо, что вокругъ него собралась толпа, которая жадно внимала ему. Элегантные путешественники различныхъ націй стояли на улицѣ и на балконахъ, притаивъ дыханіе. И каково-же было удивленіе Нехлюдова, когда по окончаніи пѣнія не только никто ничего не далъ бѣдному пѣвцу, но толпа осмѣяла его, когда онъ обратился къ ней съ протянутою шляпою. Нехлюдова тяжело поразила эта сцена, ему сдѣлалось больно, горько, по собственнымъ его словамъ, стыдно за маленькаго человѣка, за толпу, за себя, какъ будто онъ самъ просилъ денегъ, ему ничего не дали и надъ нимъ смѣялись... За симъ послѣдовалъ цѣлый рядъ рефлексій о несообразности жизни вообще и въ особенности относительно настоящаго факта. Нехлюдовъ началъ задавать себѣ вопросы въ родѣ того, что отчего этотъ безчеловѣчный фактъ, невозможный ни въ какой деревнѣ нѣмецкой, французской или итальянской, возможенъ здѣсь, гдѣ цивилизація, свобода и равенство доведены до высшей степени, гдѣ собираются путешествующіе, самые цивилизованные люди самыхъ цивилизованныхъ націй? Отчего эти развитые, гуманные люди, способные въ общемъ на всякое честное, гуманное дѣло, не имѣютъ человѣческаго сердечнаго чувства на личное доброе дѣло? И какимъ образомъ въ Швейцаріи, въ свободной странѣ, республикѣ, могъ существовать законъ, вслѣдствіе котораго тиролецъ рисковалъ быть посаженъ въ тюрьму за свое невинное уличное пѣніе: неужели это свободное то, что люди называютъ даже *положительно* свободное государство, то, въ которомъ есть хоть одинъ гражданинъ, котораго сажаютъ въ тюрьму за то, что онъ, никому не вредя, никому не мѣшая, дѣлаетъ единственное, что можетъ, для того, чтобы не умереть съ голода?

Всѣ эти размышленія были прекрасны, пока оставались одними размышленіями, но когда Нехлюдову вздумалось осуществить ихъ на практикѣ, оказалось нѣчто совсѣмъ неподходящее.

Нехлюдову захотѣлось отличиться, показать, что онъ вовсе не такой безчувственный и черствый человѣкъ, какъ элегантные англичане и прочая толпа, осмѣявшая тирольца. Но какъ же онъ могъ выразить это отличіе? Простой здравый смыслъ скажетъ вамъ, что сдѣлать это было очень просто: никто ничего пѣвцу не далъ и его осмѣяли, а Нехлюдову оставалось, не принимая участія въ этомъ смѣхѣ, дать пѣвцу денегъ, что послѣднему только и надо было. Тѣмъ и ограничился бы всякій простой, безъискусственный человѣкъ съ душою. Но Нехлюдову этого было недостаточно: онъ привыкъ каждый ничтожный поступокъ становить на ходули и возводить на степень необыкновеннаго геройства. Такъ и въ настоящемъ случаѣ ему захотѣлось устроить посредствомъ пѣвца демонстрацію безчувственной толпѣ и въ особенности элегантнымъ англичанамъ, громко заявить передъ ними, что вотъ, молъ, какой передъ ними гуманный человѣкъ, какое у него рѣдкое сердце и какъ глубоко онъ усвоилъ идею равенства: стыдитесь, молъ, и поучайтесь, И вотъ онъ послѣдовалъ за пѣвцомъ, остановилъ его, пригласилъ выпить съ нимъ вина, повелъ его въ самую фешенебльную гостиницу, произвелъ тамъ скандалъ, разругалъ швейцара и лакеевъ, какъ они смѣли сидѣть въ присутствіи его по той причинѣ, что онъ пьетъ вино съ человѣкомъ бѣдно одѣтымъ, тогда какъ предъ богатыми англичанами они не смѣли садиться; затѣмъ потребовалъ, чтобы его ввели въ лучшую залу и тамъ присутствіемъ пѣвца разогналъ чопорныхъ англичанъ, собиравшихся ужинать. Бѣдный, робкій пѣвецъ игралъ во всемъ этомъ самую жалкую роль не то жертвы, не то пассивнаго орудія героизма Нехлюдова, глоталъ вмѣстѣ съ шампанскимъ, которымъ угощалъ его разгнѣванный баринъ, горечь презрительныхъ подсмѣиваній, которыми со всѣхъ сторонъ его осыпали, и до чрезвычайности былъ радъ, когда наконецъ удалось ему избавиться отъ непрошеннаго защитника его правъ и убраться поскорѣй по добру, по здорову...

Все это, если хотите, имѣетъ въ основаніи со стороны Нехлюдова рядъ побужденій, безукоризненно честныхъ и высокихъ. Но вдумайтесь поглубже въ его поступокъ, и вы найдете въ немъ безчеловѣчіе, превышающее бездушіе чопорныхъ англичанъ и толпы. Не дать денегъ уличному пѣвцу, это вовсе еще не значитъ оскорбить его, а напротивъ того—унизить себя передъ нимъ. Осмѣять его—въ этомъ, безспорно, видно желаніе унизить его человѣческое достоинство. Но заставить прострадать часъ, другой, употребивъ его жалкимъ, пассивнымъ орудіемъ для выказанія своего геройства и показанія бездушія ближнихъ,—въ этомъ уже не одно только униженіе человѣческаго

достоинства, а окончательное попраніе его, уничтоженіе личности. И послѣ этого Нехлюдовъ могъ кипятиться во имя идеи равенства на слугъ, которые сидѣли предъ пѣвцомъ, и на англичанъ, ушедшихъ изъ залы; какъ будто схватить съ улицы бѣднаго человѣка, робѣющаго передъ вами и несмѣющаго сопротивляться, привести его въ фешенебльную гостиницу на всеобщее посмѣяніе и великодушно напоить его лучшимъ шампанскимъ, такой поступокъ выше чѣмъ-нибудь отношенія слугъ и англичанъ къ пѣвцу и имѣетъ въ себѣ хотя блѣдную тѣнь равенства! И какой же вышелъ изъ всего этого толкъ? Были-ли хоть посрамлены лакеи и англичане и получили ли урокъ? Ничуть не бывало. Лакеи остались лакеями, при убѣжденіи, что гостиница, въ которой они служатъ, перестанетъ быть фешенебльною, если будутъ допускаемы въ нее уличные пѣвцы, а англичане, надо полагать, удалились изъ залы не столько потому, что ихъ оскорбилъ видъ бѣдно одѣтаго человѣка, сколько съ мыслію, что, по всей вѣроятности, русскій варваръ, привыкшій у себя дома забавляться съ шутами, вздумалъ и заграницей потѣшиться тѣмъ же, избравъ себѣ шута въ уличномъ пѣвцѣ, а потому лучше уйти отъ возмутительной сцены. И дѣйствительно, поступокъ Нехлюдова по отношенію къ пѣвцу напоминаетъ весьма потѣхи нашихъ прадѣдовъ, которые, не довольствуясь повседневными шутами, любили подъ веселый часъ посадить рядомъ съ собой за столъ оборваннѣйшаго бѣдняка изъ толпы и забавляться, при видѣ, какъ онъ смущается, пьетъ лучшее вино, не пивъ до сегодня ничего кромѣ водки, и какъ присутствіемъ его возлѣ хозяина скандализируются какія-нибудь чопорныя барыни.

Разсказъ „Альбертъ“ представляетъ подобный же эпизодъ изъ жизни безхарактернаго героя. Герой этого разсказа, Делесовъ, принимаетъ на себя роль покровителя искусства. Встрѣтивъ на петербургскомъ баликѣ полусумасшедшаго, спившагося музыканта Альберта и увлекшись его игрою, онъ рѣшается взять его въ свой домъ, устроить его карьеру и возвратить свѣту погибающій талантъ. При этомъ онъ, конечно, тотчасъ же становится въ позу благодѣтеля человѣческаго рода и начинаетъ гладить себя по головкѣ: „право, я не совсѣмъ дурной человѣкъ; даже совсѣмъ недурной человѣкъ. Даже очень хорошій человѣкъ, какъ сравню себя съ другими...“ Но, какъ всѣ подобные благодѣтели человѣческаго рода, онъ смотритъ постоянно только на одну сторону своего дѣла: на величіе своей личности въ виду такого благороднаго дѣла; на личность же покровительствуемаго онъ не обращаетъ ровно никакого вниманія и ему не приходитъ и въ голову, что его великодушіе нисколько не разрѣшаетъ ему забывать уваженія къ человѣческимъ правамъ ближняго, на какой бы крайней степени паденія ни находился этотъ ближній. Такъ онъ думаетъ вылечить Альберта отъ пьянства и остепенить тѣмъ, что запираетъ его въ своей квартирѣ, велитъ человѣку никуда его не выпускать и не давать ему ни капли вина. Такое крайнее насиліе доводитъ Альберта до бѣшенства и великодушный подвигъ Делесова кончается слѣдующею сценою:

«Ночью Делесова разбудилъ стукъ упавшаго стола въ передней и звукъ голосовъ и шопота. Онъ зажегъ свѣчу и съ удивленіемъ сталъ прислушиваться... Погодите, Дмитрію Ивановичу скажу, говорилъ Захаръ; голосъ Альберта бормоталъ что-то горячо и несвязно. Делесовъ вскочилъ и со свѣчею выбѣжалъ въ переднюю. Захаръ въ ночномъ костюмѣ стоялъ противъ двери, Альбертъ въ шляпѣ и альмавивѣ отталкивалъ его отъ двери и слезливымъ голосомъ кричалъ на него.

— Вы не можете не пустить меня. У меня паспортъ, я ничего не унесъ у васъ. Можете обыскать меня. Я къ полицiймейстеру пойду.

— Позвольте, Дмитрій Ивановичъ! обратился Захаръ къ барину, продолжая спиной защищать дверь. Они ночью встали, нашли ключъ въ моемъ пальто и выпили цѣлый графинъ сладкой водки. Это развѣ хорошо? А теперь уйти хотятъ. Вы не приказали, а потому я не могу пустить ихъ.

Альбертъ, увидавъ Делесова, еще горячѣе сталъ приступать къ Захару.

— Не можетъ меня никто держать! не имѣетъ права! кричалъ онъ, все больше и больше возвышая голосъ.

— Отойди, Захаръ, сказалъ Делесовъ:—я васъ держать не хочу и не могу, но я совѣтывалъ-бы вамъ остаться до завтра, обратился онъ къ Альберту.

— Никто меня держать не можетъ. Я къ полицiймейстеру пойду, все сильнѣе и сильнѣе кричалъ Альбертъ, обращаясь только къ Захару и не глядя на Делесова: — караулъ! вдругъ завопилъ онъ неистовымъ голосомъ.

— Да что-же вы кричите такъ-то? вѣдь васъ не держатъ, сказалъ Захаръ, отворяя дверь.

Альбертъ пересталъ кричать. «Не удалось? Хотѣли уморить меня, нѣтъ!»... бормоталъ онъ про себя, надѣвая галоши. Не простившись и продолжая говорить что-то непонятное, онъ вышелъ въ дверь. Захаръ посвѣтилъ ему до воротъ и вернулся.

— И слава Богу, Дмитрій Ивановичъ! а то долго-ли до грѣха, сказалъ онъ барину:—и теперь серебро повѣрить надо...».

Въ повѣсти „Казаки“ представляется одна изъ дальнѣйшихъ фазъ жизни безхарактерныхъ героевъ. Послѣ цѣлаго ряда всевозможныхъ несообразностей, въ родѣ вышеописанныхъ, расточивъ половину имущества, надѣлавъ долговъ, подобные герои въ одинъ прекрасный день вдругъ приходятъ къ убѣжденію, что вся окружающая ихъ жизнь и ихъ собственная искусствена, нелѣпа, исполнена призрачности и лжи, и что необходимо сразу разорвать съ нею и начать новую жизнь, простую, естественную на лонѣ природы, въ средѣ ея дѣтей непосредственно-наивныхъ, цѣльныхъ и нерастлѣнныхъ цивилизацiею. Подобныя идиллическія стремленія, родоначальникомъ которыхъ считается, какъ извѣстно, Руссо, присущи всѣмъ вѣкамъ, только въ каждый вѣкъ они находятъ различныя примѣненія. Такъ, въ 60-е годы, герои, ищущіе разрыва съ своею средою и новой жизни, удалялись въ кружки, такъ называемыхъ, новыхъ людей и мечтали вмѣстѣ съ ними о заведеніи земледѣльческихъ колоній на новыхъ основаніяхъ въ какихъ-нибудь дѣвственныхъ лѣсахъ, вдали отъ всякихъ человѣческихъ обществъ. Въ 30-е же и 40-е года безхарактерные герои стремились обыкновенно на Кавказъ, гдѣ имъ грезилась новая жизнь въ видѣ Амалатъ-бековъ, черкешенокъ, горъ, обрывовъ, страшныхъ потоковъ и опасностей...

Въ повѣсти „Казаки“ и представляется намъ одинъ изъ такихъ россійскихъ Жанъ-Жаковъ-Руссо въ видѣ Оленина, который въ сущности тотъ-же Нехлюдовъ и Делесовъ. Послѣ цѣлаго ряда безплодныхъ порывовъ—свѣтской жизни, службы, хозяйства, му-

зыки, которымъ, по словамъ гр. Толстого, онъ отдавался на столько лишь, на сколько они не связывали его, и отъ которыхъ спѣшилъ поскорѣе отдѣлываться, какъ только начиналъ чуять приближенiе труда и мелочной борьбы съ жизнію, — Оленинъ опредѣлился юнкеромъ въ кавказскую армію съ цѣлью начать новую жизнь.

«Уѣзжая изъ Москвы—читаемъ мы въ повѣсти—онъ находился въ самомъ счастливомъ настроенiи духа, когда, сознавъ прежнія ошибки, юноша вдругъ скажетъ себѣ, что все это было не то,—что все прежнее было случайно и незначительно,—что онъ прежде не хотѣлъ жить *хорошенько*, — но что теперь, съ выѣздомъ его изъ Москвы, начинается новая жизнь, въ которой уже не будетъ больше тѣхъ ошибокъ, не будетъ раскаянія, а навѣрное будетъ одно счастіе».

Сообразно этимъ мыслямъ,—

«Чѣмъ дальше уѣзжалъ Оленинъ отъ центра Россіи, тѣмъ дальше казались отъ него всѣ его воспоминанія, и чѣмъ больше подъѣзжалъ къ Кавказу, тѣмъ отраднѣе становилось ему на душѣ. Уѣхать совсѣмъ и никогда не пріѣзжать назадъ, не показываться въ общество, приходило ему иногда въ голову. «А эти люди, которыхъ я здѣсь вижу, — *не люди*; никто изъ нихъ меня не знаетъ, и никто, никогда не можетъ быть въ Москвѣ въ томъ обществѣ, гдѣ я былъ, и узнать о моемъ прошедшемъ». И совершенно новое для него чувство свободы отъ всего прошедшаго охватывала его между этими грубыми существами, которыхъ онъ встрѣчалъ по дорогѣ, и которыхъ не признавалъ людьми наравнѣ съ своими московскими знакомыми. Чѣмъ грубѣе былъ народъ, чѣмъ меньше было признаковъ цивилизаціи, тѣмъ свободнѣе онъ чувствовалъ себя».

Такъ мечталъ Оленинъ, и не подозрѣвалъ онъ, что все прошлое, отъ чего онъ такъ жадно желалъ отрѣшиться, онъ везетъ съ собою на Кавказъ, что оно сидитъ во всемъ его существѣ и, какъ фатумъ, будетъ преслѣдовать его до гробовой доски, что онъ носитъ на своемъ челѣ особенную печать проклятія, вслѣдствіе которой не знать ему мѣста на землѣ, гдѣ-бы онъ могъ пріютиться. Не зналъ онъ также и того, что въ средѣ людей простыхъ, безъискусственныхъ и цѣльныхъ, вся ложь его существа, вся его дрянность должны обозначиться съ особенною яркостью во всемъ ужасающемъ видѣ, какъ черныя пятна на бѣломъ фонѣ.

Такъ и случилось. Явившись въ полкъ, Оленинъ первымъ дѣломъ всталъ въ ложныя и неестественныя отношенія къ товарищамъ. Врагъ всякаго труда, онъ, конечно, постарался избѣгнуть служебной лямки, и это ему было очень легко сдѣлать, такъ-какъ его, какъ богатаго юнкера, не посылали ни на ученье, ни на работы; товарищи считали его аристократомъ и потому держали себя въ отношеніи къ нему съ достоинствомъ, а онъ чуждался ихъ общества; онъ, вотъ видите, имѣлъ безсознательное отвращеніе къ битымъ дорожкамъ и здѣсь также не пошелъ по избитой колеѣ жизни кавказскаго офицера.

Онъ началъ вести вполнѣ своеобразную жизнь въ казачьей станицѣ, въ которой поселился. Жители этой станицы были потомки раскольниковъ, въ отдаленныя времена бѣжавшихъ отъ преслѣдованій на берега Терека. Они сохранили вѣру и языкъ предковъ, но въ своихъ нравахъ, понятіяхъ и обычаяхъ слились съ абреками, съ которыми постоянно дрались, что не мѣшало имъ въ то-же время скрещиваться съ врагами браками.—Это было племя въ одно и то-же время земледѣльческое и дико-воинственное, и при всей грубости нравовъ и понятій, въ этихъ людяхъ проглядывала та мужественная отвага, тѣ глубокія нравственныя начала, которыя вы можете встрѣтить на какой угодно степени цивилизаціи въ каждой средѣ, жизнь которой основана на трудѣ и борьбѣ, какой-бы ни было борьбѣ: съ дикими племенами, съ стихіями природы или съ общественнымъ зломъ. Поселившись въ этой станицѣ, Оленинъ проводилъ всѣ дни въ охотѣ, въ бесѣдахъ съ старымъ казакомъ Ерошкой, котораго онъ щедро поилъ чихиремъ, и въ созерцаніи окружающаго его быта, простота и естественность котораго приводила его въ восторгъ. Въ этомъ и заключалась такъ-называемая новая жизнь, въ сущности, какъ видите, столь-же праздная и пустая, какъ и старая, отъ которой Оленинъ воображалъ себя отрѣшившимся. Оленинъ былъ въ восхищеніи отъ этой жизни и во время своихъ скитаній по лѣсамъ предавался слѣдующимъ размышленіямъ:

«Отчего я счастливъ, и зачѣмъ я жилъ прежде? раздумывалъ онъ: какъ я былъ требователенъ для себя, какъ придумывалъ и ничего не сдѣлалъ себѣ, кромѣ стыда и горя! А вотъ какъ мнѣ ничего не нужно для счастія!» И вдругъ ему какъ будто открылся новый свѣтъ. «Счастіе вотъ что, сказалъ онъ самъ себѣ: счастіе въ томъ, чтобы жить для другихъ. И это ясно. Въ человѣка вложена потребность счастія; стало-быть она законна. Удовлетворяя ее эгоистически, то-есть отыскивая для себя богатства, славу, удобства жизни, любви, можетъ случиться, что обстоятельства такъ сложатся, что невозможно будетъ удовлетворять этимъ желаніямъ. Слѣдовательно, эти желанія незаконны, а не потребность счастія незаконна. Какія-же желанія всегда могутъ быть удовлетворены, несмотря на внѣшнія условія? Какія? Любовь, самоотверженіе!..». Онъ такъ обрадовался и взволновался, открывъ эту, какъ ему казалось, новую истину, что вскочилъ, и въ нетерпѣніи сталъ искать, для кого-бы ему поскорѣе пожертвовать собой, кому-бы сдѣлать добро, кого-бы любить. Вѣдь ничего для себя не нужно, все думалъ онъ: отчего-же не жить для другихъ?».

Вы видите, въ какомъ заколдованномъ кругѣ вертится Оленинъ. Отъ какой-бы жизни онъ ни отрѣшился и къ какой бы жизни ни пришелъ, онъ не въ состояніи додуматься ни до какой другой нравственной теоріи, какъ только одной: отрѣшенія отъ своей личности въ пользу другихъ, но такого отрѣшенія, которое на практикѣ ведетъ всегда наоборотъ—къ уничтоженію личности ближняго ради возвышенія своей. Это своего рода нравственная лихорадка; подобно тому, какъ въ физической человѣкъ тѣмъ больше чувствуетъ холодъ, чѣмъ больше горитъ его тѣло, такъ и здѣсь: чѣмъ эгоистичнѣе человѣкъ, чѣмъ болѣе развиты въ немъ наклонность возвышаться, преобладать надъ личностями ближнихъ и жертвовать ими въ свою пользу, тѣмъ болѣе такой человѣкъ имѣетъ всегда пристрастіе къ теоріямъ нравственныхъ самоотреченій и самопожертвованій. „Жить для блага другихъ!" Сколько въ этомъ до сей поры мерещится нравственнаго величія и какъ эта фраза заставляетъ биться сердце юноши! Придетъ-ли время, когда вполнѣ додумаются люди до того, сколько безчеловѣчія въ этой красивой фразѣ? Убѣдятся-ли они когда-нибудь, что истинная нравствен-

ность заключается не въ томъ, чтобы жить для блага другихъ, унижая этихъ другихъ своими самопожертвованіями, а въ томъ, чтобы жить съ другими для общаго и взаимнаго блага?

Ложность такой теоріи не замедлила, конечно, обнаружиться, едва только Оленину удалось осуществить ее на практикѣ. Онъ нанималъ квартиру у хорунжаго, у котораго была красавица дочка Маріана. Въ эту дѣвушку былъ влюбленъ удалой казакъ Лукашка. Но хорунжій былъ богатъ, а Лукашка бѣденъ, у него не было еще и коня. Желая облагодѣтельствовать Лукашку и помочь ему жениться на Маріанѣ, Оленинъ вдругъ, ни съ того, ни съ сего, подарилъ ему одного изъ своихъ коней. Конечно, въ этомъ не было еще большаго самопожертвованія для человѣка, который имѣлъ у себя дóма, въ имѣніи, какъ онъ самъ хвастался Лукашкѣ, до 100 головъ лошадей по 300 и 400 рублей каждая; но во всякомъ случаѣ подобный поступокъ былъ до такой степени не въ правахъ простыхъ обытателей станицы, что поставилъ ихъ въ крайнее, весьма естественное недоумѣніе. И между тѣмъ, какъ Оленинъ, какъ ребенокъ, восхищался своею радостью съ лакеемъ Ванюшею, разсказавъ ему не только, что онъ подарилъ Лукашкѣ лошадь, но и зачѣмъ подарилъ, и всю свою новую теорію счастія; Лукашка, до подарка коня бывшій весьма расположенъ къ Оленину, проникся рядомъ соображеній, весьма неожиданныхъ для послѣдняго.

«Лукашка пошелъ одинъ на кардонъ и все раздумывалъ о поступкѣ Оленина. Хотя конь и нехорошъ былъ по его мнѣнію, однако стоилъ по крайней мѣрѣ сорокъ *монетовъ*, и Лукашка былъ очень, очень радъ подарку. Но зачѣмъ былъ сдѣланъ этотъ подарокъ, этого онъ не могъ понять, и потому не испытывалъ ни малѣйшаго чувства благодарности. Напротивъ, въ головѣ его бродили темныя подозрѣнія въ дурныхъ умыслахъ юнкера. Въ чемъ состояли эти умыслы, онъ не могъ дать себѣ отчета, но и допустить мысль, что такъ ни за что, по добротѣ, незнакомый человѣкъ подарилъ ему лошадь въ сорокъ *монетовъ*, ему казалось невозможно. Какъ бы пьяный былъ, тогда-бы еще понятно было, хотѣлъ покуражиться. Но юнкеръ былъ трезвъ, а потому хотѣлъ подкупить его на какое нибудь дурное дѣло. «Ну да врешь!» думалъ Лукашка. «Конь-то у меня, а тамъ видно будетъ. Я самъ малый не промахъ. Еще кто кого проведетъ! Посмотримъ!» думалъ онъ, испытывая потребность быть на сторожѣ противъ Оленина, и потому не разсказывалъ, какъ ему достался конь. Однимъ говорилъ, что купилъ; отъ другихъ отдѣлывался уклончивымъ отвѣтомъ. Однако въ станицѣ скоро узнали правду. Мать Лукашки, Маріана, Илья Васильевичъ и другіе казаки, узнавшіе о безпричинномъ подаркѣ Оленина, пришли въ недоумѣніе и стали опасаться юнкера. Несмотря на такія опасенія, поступокъ этотъ возбудилъ въ нихъ большое уваженіе къ *простотѣ* и богатству Оленина.

— Слышь, Лукашкѣ коня въ пятьдесятъ монетовъ бросилъ юнкирь-то, что у Ильи Васильича стоитъ, говорилъ одинъ.—Богачъ!

— Слыхалъ, отвѣчалъ другой глубокомысленно:—должно услужилъ ему. Поглядимъ, поглядимъ, что изъ него будетъ. Эко дьяволу счастье.

— Экой народъ продувной изъ юнкирей, бѣда! говорилъ третій—какъ разъ подожжетъ или что».

Такимъ образомъ, вмѣсто ожидаемаго поклоненія его геройской добротѣ, Оленинъ поступкомъ своимъ возбудилъ въ станицѣ недоброжелательство и подозрительность въ отношеніи къ себѣ и сразу всталъ въ ложныя и неестественныя отношенія къ окружающимъ его людямъ.

И что же! въ концѣ концовъ оказалось, что Лукашка былъ правъ въ своихъ предчувствіяхъ чего-то недобраго отъ Оленина: дальнѣйшее поведеніе послѣдняго оправдало недоброжелательство къ нему Лукашки.

Оленинъ подарилъ Лукашкѣ коня съ цѣлью способствовать ему этимъ въ женитьбѣ на Маріанѣ. Но мало-по-малу онъ самъ влюбился въ Маріану. Сначала онъ долго упорствовалъ въ своемъ самоотверженіи, стараясь подавить въ себѣ любовь къ Маріанѣ, въ пользу Лукашки, но когда случай позволилъ ему сблизиться съ Маріаною, страсть его дошла до такого разгара, что забыто было все, и Лукашка, и самоотверженіе,—и Оленинъ былъ готовъ приписаться въ казаки и жениться на Маріанѣ. Молодая дѣвушка въ сознаніи своей молодости и красоты кокетничала съ Оленинымъ. Весьма естественно, онъ возбудилъ ея женское любопытство своеобразностью своей жизни, вѣчною задумчивостью и отчужденностью отъ всѣхъ. Кромѣ того, безъ сомнѣнія, ее прельстили слухи о его несмѣтныхъ богатствахъ и щедрости—это былъ соблазнъ, показывающій, что герои, подобные Оленину, распространяютъ ядъ своего собственнаго растлѣнія и на другихъ людей, съ которыми они вступаютъ въ сношенія. Но недолго продолжалось это заблужденіе. Когда Лукашка былъ смертельно раненъ въ сшибкѣ съ абреками, ея любовь къ нему вдругъ воскресла въ ней съ прежнею силою; вмѣстѣ съ тѣмъ къ Оленину она почувствовала крайнее нравственное омерзеніе и его ухаживаніе за нею окончилось слѣдующею сценою:

— Маріана, сказалъ онъ:—а Маріана! можно войти къ тебѣ?

Вдругъ она обернулась. На глазахъ ея были чуть замѣтныя слезы. На лицѣ была красивая печаль. Она посмотрѣла молча и величаво.

— Оставь, сказала она. Лицо ея не измѣнилось, но слезы полились у ней изъ глазъ.

— О чемъ ты? Что ты?

— Что? повторила она грубымъ и жестокимъ голосомъ.—Казаковъ перебили, вотъ что.

— Лукашку? сказалъ Оленинъ.

— Уйди, чего тебѣ надо?

— Маріана! сказалъ Оленинъ, подходя къ ней.

— Никогда ничего тебѣ отъ меня не будетъ.

— Маріана, не говори, умолялъ Оленинъ.

— Уйди, постылый! крикнула дѣвка, топнула ногой и угрожающе подвинулась къ нему. И такое отвращеніе, и презрѣніе, и злоба выразились на лицѣ ея, что Оленинъ вдругъ понялъ, что ему нечего надѣяться; что онъ прежде думалъ о неприступности этой женщины, была несомнѣнная правда.

Оленинъ ничего не сказалъ ей и выбѣжалъ изъ хаты. Послѣ этого ему оставалось одно: идти своей натуральной дорогой, т.-е. опредѣлиться въ штабъ, что онъ и сдѣлалъ. «Не простившись ни съ кѣмъ и черезъ Ванюшку расплатившись съ хозяевами, онъ собрался ѣхать въ крѣпость, гдѣ стоялъ полкъ, читаемъ мы въ повѣсти. Одинъ дядя Ерошка провожалъ его. Они выпили, и еще выпили. Такъ же, какъ во время его проводовъ изъ Москвы, ямская тройка стояла у подъѣзда. Но Оленинъ уже не считался, какъ тогда, самъ съ собою и не говорилъ себѣ, что все что онъ думалъ и дѣлалъ здѣсь, было *не то*. Онъ уже не обѣщалъ себѣ новой жизни. Онъ любилъ Маріанку больше чѣмъ прежде, и зналъ теперь, что никогда не можетъ быть любимымъ ею».

„Записки Маркера“ представляютъ послѣдніе нравственныя судороги безхарактернаго человѣка послѣ цѣлаго ряда всевозможныхъ пертурбацій. Разочарованный во всѣхъ своихъ величавыхъ порывахъ, во всѣхъ своихъ надеждахъ на обновленіе жизни, на счастіе, потерявшій уваженіе и ко всей своей средѣ, и къ самому себѣ, убѣдившійся, что жизнь, окружающая его, и самъ онъ представляютъ рядъ лжи и несообразностей, и въ то же время съ презрѣніемъ отвергнутый всѣмъ, что не носитъ на себѣ печати этого страшнаго растлѣнія,—Нехлюдовъ дошелъ до той страшной сердечной пустоты, въ которой человѣкъ ничего уже не ищетъ въ жизни, какъ только минутныхъ наслажденій, чтобы уйти отъ себя, забыться. Въ такомъ состояніи онъ сходится съ весьма сомнительнаго вида завсегдатаями какого-то сомнительнаго трактирчика, втягивается въ игру, проигрываетъ послѣдніе остатки своего состоянія и наконецъ пускаетъ себѣ въ лобъ пулю, оставивъ послѣ себя письмо, въ которомъ читаемъ мы слѣдующаго рода ужасающія признанія:

«Богъ далъ мнѣ все, чего можетъ желать человѣкъ: богатство, имя, умъ, благородныя стремленія. Я хотѣлъ наслаждаться и затопталъ въ грязь все, что было во мнѣ хорошаго.

«Я не обезчещенъ, не несчастенъ, не сдѣлалъ никакого преступленія; но я сдѣлалъ хуже: я убилъ свои чувства, свой умъ, свою молодость.

«Я опутанъ грязной сѣтью, изъ которой не могу выпутаться и къ которой не могу привыкнуть. Я безпрерывно падаю, падаю, чувствую свое паденіе и не могу остановиться...

«И что погубило меня? Была-ли во мнѣ какая нибудь сильная страсть, которая бы извинила меня? Нѣтъ.

«Хороши мои воспоминанія!

«Одна ужасная минута забвенія, которой я никогда не забуду, заставила меня опомниться. Я ужаснулся, когда увидѣлъ, какая неизмѣримая пропасть отдѣляла меня отъ того, чѣмъ я хотѣлъ и могъ быть. Въ моемъ воображеніи возникли надежды, мечты и думы моей юности.

«Гдѣ тѣ свѣтлыя мысли о жизни, о вѣчности, о Богѣ, которыя съ такою ясностію и силой наполняли мою душу? Гдѣ безпредметная сила любви, отрадной теплотой согрѣвавшая мое сердце? Гдѣ надежда на развитіе, сочувствіе ко всему прекрасному, любовь къ роднымъ, къ ближнимъ, къ труду, къ славѣ? Гдѣ понятіе обязанности!

«— А какъ бы я могъ быть хорошъ и счастливъ, ежели бы я шелъ по той дорогѣ, которую, вступая въ жизнь, открылъ мой свѣжій умъ и дѣтское, истинное чувство! Не разъ пробовалъ я выйти изъ колеи, по которой шла моя жизнь, на эту свѣтлую дорогу. Я говорилъ себѣ: употреблю все, что есть у меня воли, и не могъ. Когда я оставался одинъ, мнѣ становилось неловко и страшно съ самимъ собою. Когда я былъ съ другими, я забывалъ *невольно* свои убѣжденія, не слыхалъ болѣе внутренняго голоса и снова падалъ.

«Наконецъ я дошелъ до страшнаго убѣжденія, что не могу подняться, пересталъ думать объ этомъ и хотѣлъ забыться, безнадежное раскаяніе еще сильнѣе тревожило меня. Тогда мнѣ въ первый разъ пришла мысль о самоубійствѣ...»

Какое страшное сознаніе, и сколько въ то же время правдивости и честности въ немъ! Увы! прошли тѣ наивныя времена, когда безхарактерные люди, колотя руками въ грудь, всенародно каялись въ своей дрянности и несостоятельности. Добролюбовъ въ своихъ статьяхъ не мало потѣшался надъ подобными самоуниженіями, не зная, конечно, что будетъ впереди. А впереди произошло то, что сарказмы его произвели свои дѣйствія, самоугрызенія вышли теперь изъ моды, унеся съ собою послѣдній остатокъ правды, который вы могли добиться у безхарактернаго человѣка нашей интеллигенціи. Нынѣ вы ни отъ кого ужь не услышите тѣхъ откровенныхъ сознаній, какія были весьма нерѣдки въ 40-ые и 50-ые годы; подобныя сознанія исчезли изъ самыхъ сокровенныхъ тайниковъ души современныхъ намъ безхарактерныхъ людей. Впрочемъ, надо признаться, что тутъ дѣйствуютъ не одни сарказмы Добролюбова: много здѣсь имѣютъ вліянія духъ и обстоятельства времени. Прежде всѣ общественныя отношенія интеллигентнаго героя были замкнуты въ такомъ тѣсномъ кругѣ и столь были нелѣпы и неестественны, что онъ не могъ, при всемъ своемъ желаніи, ни въ чемъ найти ни утѣшенія, ни оправданія, и естественно, что въ честномъ сознаніи своей несостоятельности видѣлъ единственную заслугу и право хоть на какое-нибудь уваженіе. Но нынѣ жизнь создала множество такого рода дѣятельностей, въ которыхъ тотъ же самый герой, принося не болѣе пользы, чѣмъ и прежде, можетъ съ достоинствомъ подвизаться на свободной, нейтральной почвѣ, не приходя въ особенно роковыя столкновенія съ людьми не своей среды и оставаясь поэтому совершенно довольнымъ и собою и окружающею его жизнью. Онъ можетъ сказать нѣсколько рѣчей, проникнутыхъ дѣловымъ, практическимъ тономъ, въ земскомъ собраніи или на какомъ нибудь съѣздѣ, засѣданіи того или другаго общества,—рѣчей, которыя, можно надѣяться, будутъ приняты въ соображеніе, хотя и останутся безъ послѣдствій. Онъ можетъ сдѣлаться адвокатомъ, концессіонеромъ желѣзной дороги, биржевымъ игрокомъ, разразиться цѣлымъ рядомъ передовыхъ статей въ той или другой газетѣ о пользѣ развитія свеклосахарной промышленности или излишнемъ распространеніи пьянства въ какой-нибудь Пошехонской губерніи, можетъ наконецъ заняться устройствомъ благородныхъ концертовъ съ благотворительною цѣлію или суетиться и бѣгать до упаду по случаю заведенія общества бережливости, въ тѣхъ видахъ, чтобы люди, которымъ ничего нѣ стоитъ проиграть въ вечеръ 100 рублей въ карты, могли покупать хлѣбъ по $2^1/_4$ копѣйки вмѣсто $2^1/_2$ и проч., проч. При такихъ условіяхъ безукоризненная слава нашего современнаго героя можетъ рости не по днямъ, а по часамъ, деньги сыпаться въ карманы горстями, а, что самое главное, время можетъ быть занято до такой степени, что не останется ни минуты свободной для того, чтобы отдать себѣ отчетъ во всей свой дѣятельности и предаться самоугрызеніямъ при сознаніи, что мы въ сущности тѣ же Нехлюдовы, если не похуже еще. По этому всему и такой страшный исходъ, къ какому пришелъ Нехлюдовъ, сдѣлался въ настоящее время почти невозможенъ.

Современные Нехлюдовы не вѣшаютъ болѣе головы, а напротивъ того, чѣмъ ниже падаютъ они нравственно, тѣмъ выше ее задираютъ. Они не оплакиваютъ уже своихъ юношескихъ мечтаній облагодѣтельствовать родъ человѣческій, слиться съ народомъ и пр.

и пр., и только посмѣиваются надъ ними съ практической точки зрѣнія, какъ надъ ребяческими мечтами. Предаваясь оргіямъ и разврату, они дѣлаютъ это не съ тѣмъ, чтобы забыться, уйти отъ своихъ разъѣдающихъ думъ; нѣтъ, они просто развлекаются въ часы досуга, и эти развлеченія въ свою очередь не могутъ привести ихъ къ исходу Нехлюдова, потому что послѣдній забывался, проживая свое наслѣдіе, а они развлекаются, срывая въ то же время новые и новые купи. Развѣ иной въ разгарѣ своихъ развлеченій зарвется до того, что залѣзетъ въ земскій или казенный сундукъ, да и то при этомъ несчастномъ случаѣ только развѣ одинъ изъ десяти окончитъ нехлюдовскою смертію, девять же предпочтутъ убраться за границу. Однимъ словомъ, вѣкъ лишнихъ людей прошелъ, лишніе люди смѣнились людьми нужными, какъ справедливо замѣтилъ недавно одинъ изъ нашихъ публицистовъ, но, прибавимъ мы къ этому справедливому замѣчанію, нужные люди остаются въ сущности попрежнему лишними, и нехлюдовщина продолжаетъ разъѣдать нашу жизнь.

Всѣ разобранныя нами произведенія гр. Толстого достаточно знакомятъ насъ съ характеромъ его поэтическаго творчества. Творчество это представляется намъ реальнымъ въ истинномъ и высшемъ смыслѣ этого слова. Главный, отличительный признакъ этой реальности—полное отсутствіе всякой идеализаціи, преувеличенія, вымысла.—Произведенія гр. Толстого отражаютъ, какъ чистое и вѣрное зеркало, людей въ ихъ натуральный ростъ, такими, каковы они представляются намъ въ дѣйствительности, со всѣми ихъ недостатками и слабостями.—Разобравши цѣлый рядъ повѣстей, мы не встрѣтили ни одного типа, который не былъ бы всецѣло взятъ изъ жизни, въ которомъ мы не видѣли бы обыкновенныхъ людей, ежедневно встрѣчающихся въ жизни; въ то же время мы не нашли ни одного такого характера, который представлялъ бы искусственное воплощеніе различныхъ идеальныхъ качествъ, и о которомъ можно было бы сказать, что хорошо было бы встрѣтить въ жизни такого господина или такую госпожу, но что навѣрное никогда ихъ не встрѣтишь, потому что художникъ ихъ выдумалъ, а не взялъ изъ дѣйствительности. Далѣе затѣмъ мы видимъ, что стоя на такой реальной почвѣ, гр. Л. Толстой обращаетъ вниманіе не на первое, что только бросается ему на глаза; его поражаетъ постоянно одно изъ самыхъ характеристическихъ явленій нашего общества,—именно крайняя искусственность, ходульность и призрачность жизни нашей интеллигентной среды; это явленіе и составляетъ главное содержаніе большинства его произведеній. — При этомъ мы должны замѣтить, что подобное содержаніе не искусственно придумывается и проводится писателемъ, а составляетъ вполнѣ естественный результатъ его изученія жизни и непроизвольно отражается во всѣхъ его твореніяхъ, отчего они и производятъ такое сильное, неотразимое впечатлѣніе. Впечатлѣніе это еще болѣе усиливается тѣмъ, что сопоставляя интеллигентную среду съ иными слоями общества, гр. Л. Толстой въ такой же мѣрѣ чуждъ идеализаціи этихъ слоевъ, какъ чуждъ онъ идеализаціи интеллигентнаго слоя; напротивъ того мы видѣли, что по большей части онъ сопоставляетъ своихъ безхарактерныхъ героевъ съ самыми повидимому невзрачными представителями иныхъ слоевъ общества, но въ тоже время какъ-то невольно, можетъ быть безъ вѣдома самого автора, эти невзрачные люди въ родѣ комическаго нѣмца, гувернера Карла Ивановича (въ повѣсти „Дѣтство"), убогаго Чуриса, бездомнаго уличнаго пѣвца-тирольца, воинственно-грубыхъ казаковъ и казачекъ—оставляютъ въ васъ болѣе теплое и отрадное впечатлѣніе, чѣмъ всѣ эти Нехлюдовы, Делесовы и Оленины со своими идеальными стремленіями и нравственнымъ убожествомъ. Ваше сердце какъ-то невольно отдыхаетъ на этихъ людяхъ; можетъ быть потому, что въ нихъ, при всемъ отсутствіи внѣшняго лоска образованности и свѣтскости, вы встрѣчаете неизмѣримо болѣе той простой, непосредственной и тѣмъ болѣе высокой человѣчности, той цѣльности и невыставляющейся на показъ и на ходули силы, которыя вы тщетно будете искать въ элегантныхъ герояхъ съ ихъ принятыми напрокатъ гуманными идеями и мишурными доблестями.

То же самое вы встрѣчаете и въ прочихъ повѣстяхъ гр. Толстаго, на которыхъ я не буду долго останавливаться, иначе статья моя вышла-бы безконечна. Такъ въ повѣсти „Три смерти" — рядомъ съ величественною смертью дерева, срубленнаго дровосѣками, и не менѣе величественною смертію ямщика, поражающаго васъ тѣмъ непритворно-прозаическимъ спокойствіемъ, съ которымъ встрѣчаетъ онъ свой конецъ, Толстой представляетъ смерть молодой барыни, окруженной попеченіями родственниковъ и докторовъ и при самомъ послѣднемъ издыханіи незабывающей капризничать, попрекать въ своей смерти мужа и рисоваться своимъ положеніемъ.

Подобныя-же параллели вы встрѣтите на каждой страницѣ въ очеркахъ севастопольской и кавказской войны. Здѣсь также, рядомъ съ напускною аффектаціею мишурнаго героизма, подъ внѣшнею оболочкою котораго скрывается часто самая не героическая трусость, рядомъ съ тщеславнымъ хвастовствомъ, съ какимъ мнимые герои разсказываютъ о своихъ небывалыхъ подвигахъ, искажая и преувеличивая дѣла, въ которыхъ они участвовали, васъ поражаетъ простое, непритворно-спокойное и въ то же время серьезное отношеніе къ своему дѣлу нижнихъ чиновъ. Не напрашиваясь на героизмъ и не помышляя о немъ, послѣдніе являются въ сущности передъ вами истинными героями: отъ нихъ зависитъ исходъ всякаго сраженія, они всегда находятся ближе къ смерти, ихъ болѣе падаетъ, и въ то же время они спокойнѣе самыхъ отчаянныхъ храбрецовъ встрѣчаютъ смерть, и вмѣстѣ съ тѣмъ имъ не приходитъ и въ голову хвастаться и тщеславиться своимъ мужествомъ.

Очерки Севастопольской войны имѣютъ и другое важное достоинство: именно, что они представляютъ первое вполнѣ реальное отношеніе искусства къ военнымъ дѣйствіямъ.—Въ очеркахъ этихъ военныя дѣйствія впервые представляются во всей своей прозаичности, такъ, какъ они совершаются на самомъ дѣлѣ, разоблаченныя отъ того ореола бранныхъ ужасовъ и героическихъ аффектацій, въ какомъ эти дѣйствія представляются въ разсказахъ хвастливыхъ очевид-

цевъ и въ произведеніяхъ художниковъ романтическаго періода нашей литературы. — Чтобы понять, какой громадный шагъ сдѣлало въ этомъ отношеніи искусство, слѣдуетъ рядомъ съ очерками гр. Л. Толстого припомнить хотя-бы описаніе Полтавской битвы Пушкина или „Бородино" Лермонтова. У гр. Толстого вы не найдете и слѣда такихъ ужасающихъ батальныхъ картинъ, чтобы рука бойцовъ колоть устала и ядрамъ пролетать мѣшала гора кровавыхъ тѣлъ. Читая очерки гр. Толстого или хотя-бы описаніе того-же Бородинскаго сраженія въ „Войнѣ и мирѣ", вы сразу чувствуете всю ходульность и риторичность вышеупомянутыхъ картинъ Пушкина и Лермонтова, которыя и теперь еще принимаются многими за чистую монету и во всѣхъ школахъ заучиваются и разбираются дѣтьми, какъ образцы истинно-художественнаго воспроизведенія сраженій.

Въ этомъ отношеніи гр. Толстой имѣлъ полное право сказать въ концѣ первыхъ своихъ очерковъ о севастопольской войнѣ:

«Гдѣ выраженіе зла, котораго должно избѣгать? гдѣ выраженіе добра, которому должно подражать въ этой повѣсти? Кто злодѣй, кто герой ея? Всѣ хороши и всѣ дурны...

«Герой-же моей повѣсти, котораго я люблю всѣми силами души, котораго старался воспроизвести во всей красотѣ его и который всегда былъ есть и будетъ прекрасенъ—правда».

VI.

Въ судьбѣ гр. Л. Толстого есть много общаго съ судьбою Гоголя. Дѣятельность Гоголя, какъ всѣмъ извѣстно, имѣетъ два періода: въ первый періодъ онъ писалъ свои произведенія, не задаваясь никакими особенными замыслами: повинуясь своему непосредственному творчеству, онъ воспроизводилъ жизнь такъ, какъ она представлялась его художественному наблюденію, и несмотря на такую, повидимому, безцѣльность творчества, каждое произведеніе его этого періода исполнено глубокаго и важнаго содержанія, что зависѣло ни отъ чего иного, какъ отъ громадной силы творческихъ способностей Гоголя, умѣвшаго быстро схватывать общія и существенныя явленія жизни. Въ концѣ этого періода онъ началъ писать „Мертвыя Души", имѣя первоначально въ виду опять-таки ничего болѣе, какъ нѣсколько картинъ изъ нравовъ русскаго захолустья.—Но вотъ наступилъ для Гоголя періодъ мистицизма; сообразно новому психическому настроенію, Гоголю недостаточно уже показалось прежняго непосредственнаго творчества.

Онъ началъ стремиться къ тому, чтобы каждый его шагъ въ жизни былъ исполненъ высшихъ цѣлей, стремился къ осуществленію тѣхъ мистическихъ идеаловъ, которые онъ себѣ поставилъ; сообразно этому онъ сталъ задавать себѣ вопросы: къ чему я пишу? какая цѣль всего этого осмѣянія пошлости? Вся его литературная дѣятельность показалась ему безцѣльною, и онъ началъ ее искусственно направлять къ своимъ идеаламъ.—Мы знаемъ, какъ это отразилось на „Мертвыхъ Душахъ". Въ первой части „Мертвыхъ Душъ" мы видимъ того-же Гоголя, какой извѣстенъ намъ по „Миргороду", „Арабескамъ", „Ревизору", но чѣмъ далѣе подвигаемся мы въ чтеніи второй части, тѣмъ болѣе Гоголь-художникъ превращается передъ нами въ Гоголя-мистика, являются божественные помѣщики и божественные откупщики, очевидно, взятые не изъ жизни, а отвлеченно задуманные въ высшихъ соображеніяхъ; начинаются мистическія разсужденія и, надо полагать, что еслибы Гоголю удалось кончить „Мертвыя Души", въ третьей части не было-бы уже и слѣда чего либо художественнаго, какихъ-либо характеровъ, сценъ, а былъ-бы рядъ поученій въ духѣ „Переписки съ друзьями".

Совершенно то же самое представляетъ гр. Л. Толстой въ своей литературной дѣятельности.—Всѣ произведенія его до „Войны и мира" являются передъ нами плодомъ непосредственнаго творчества и соотвѣтствуютъ вполнѣ первому періоду литературной дѣятельности Гоголя. Богатство ихъ содержанія въ свою очередь зависитъ отъ массы художественныхъ наблюденій гр. Толстого и силы его творческихъ способностей, при помощи которыхъ онъ усвоилъ эту массу и вывелъ изъ нея нѣсколько существенныхъ обобщеній жизни.

Далѣе слѣдуетъ произведеніе гр. Толстого „Война и миръ", которое по обширности замысла играетъ такую-же роль относительно предъидущихъ произведеній гр. Толстаго, какую играютъ „Мертвыя Души" въ ряду прочихъ произведеній Гоголя. Отъ мелкихъ очерковъ, частныхъ эпизодовъ жизни, гр. Толстой приступаетъ къ обширной эпопеѣ, имѣющей цѣлію представить цѣлую историческую эпоху во всемъ разнообразіи ея жизни.

И опять-таки подобно Гоголю, гр. Толстой въ первой половинѣ своего произведенія (въ первыхъ 3-хъ томахъ) является передъ нами тѣмъ-же гр. Толстымъ, какимъ мы его знали прежде.—Повидимому, онъ не имѣетъ въ виду ничего иного, какъ только представить галлерею картинъ изъ жизни великосвѣтскаго общества начала нынѣшняго столѣтія.—Съ этой стороны романъ не только представляется безукоризненнымъ, но его можно поистинѣ назвать явленіемъ, небывалымъ еще въ нашей литературѣ, однимъ изъ замѣчательнѣйшихъ памятниковъ ея. Въ самомъ дѣлѣ, въ литературѣ нашей вы найдете множество романовъ, повѣстей, драмъ и комедій и даже поэмъ изъ великосвѣтской жизни, — но вы не найдете такого полнаго, обстоятельнаго, рельефнаго изображенія этой жизни, какое представляется вамъ въ „Войнѣ и мирѣ". Здѣсь вы видите рядъ существенныхъ типовъ великосвѣтской среды, исчерпывающихъ все ея содержаніе. Поистинѣ такіе характеры, какъ семейство Болконскихъ, Курагиныхъ, Ростовыхъ, Пьеръ Безухій, Долоховъ, Билибинъ и пр., и пр. — представляютъ типы, нисколько не менѣе существенные, чѣмъ безсмертные типы „Мертвыхъ Душъ" и могутъ служить для той среды, представителями которой являются они, такими же родовыми названіями, кличками, какъ Чичиковъ, Маниловъ, Ноздревъ, Плюшкинъ и проч. Типы эти изслѣдованы во всѣхъ основныхъ пружинахъ своей жизни и въ самыхъ мельчайшихъ психическихъ движеніяхъ. Всѣ ихъ можно подраздѣлить на четыре разряда. Одни изъ нихъ, каковы Курагины, Долоховъ представляютъ послѣднюю степень

нравственнаго растлѣнія, доходящую до отсутствія въ нихъ всего человѣческаго не только по отношенію къ людямъ иныхъ слоевъ общества, но и къ стоящимъ на одной съ ними высотѣ; это римляне послѣдняго періода имперіи, люди, приближаться къ которымъ положительно опасно, потому что въ случаѣ надобности они не только готовы унизить ваше человѣческое достоинство, лишить васъ чести, пустить васъ по міру въ одной рубашкѣ, но даже и отправить васъ на тотъ свѣтъ. При этомъ нужно замѣтить, что самые страшные изъ этихъ плотоядныхъ звѣрей суть такіе, которые при всѣхъ своихъ чудовищныхъ свойствахъ сохраняютъ извѣстную долю сдержанности, такта, изворотливости, — которые постоянно себѣ на умѣ и умѣютъ надѣвать на себя личины различныхъ добродѣтелей, каковъ, напримѣръ, князь Курагинъ; не менѣе ужасенъ и Долоховъ съ своею отчаянною дерзостью, стальными нервами и обаяніемъ недюжинныхъ силъ, сидѣвшихъ въ этомъ человѣкѣ. Въ лицѣ Долохова гр. Толстой окончательно развѣнчиваетъ и ставитъ на свое мѣсто тотъ демоническій типъ, который въ 30-е и 40-е годы былъ столь любезенъ нашей художественной литературѣ, что она, и до сихъ поръ, не можетъ вспомнить о немъ безъ нѣкотораго томнаго вздоха. Долоховъ—это почти тотъ-же Печоринъ,—но вмѣсто удивленія возбуждающій подъ правдивымъ перомъ гр. Толстого одно омерзѣніе.— Большаго снисхожденія заслуживаютъ типы въ родѣ Анатолія Курагина и сестры его Елены Безуховой,—въ томъ отношеніи, что животные инстинкты до такой уже степени заглушаютъ въ нихъ и разсудокъ, и волю, что по большей части герои эти сами дѣлаются жертвами своего разврата.

Ко второй категоріи принадлежатъ карьеристы въ родѣ Бориса Друбецкаго, Берга—выслуживающіе и наживающіеся. Вѣчно приглаженные и припомаженные, умѣренные въ своихъ страстяхъ и привычкахъ, сдержанные и почтительные, они имѣютъ видъ порядочныхъ людей, но въ сущности въ нихъ не болѣе человѣчности, чѣмъ и въ людяхъ первой категоріи. Они не сдѣлаютъ вамъ безъ нужды зла,—и только, но не ждите отъ нихъ добра, помощи, участія: сухи и холодны они ко всему, въ чемъ не видятъ своего личнаго блага. Ихъ дружба и любовь—опредѣляются различными служебными видами, и какъ бы вы глубоко ни были привязаны къ одному изъ такихъ господъ, если только можно быть къ нимъ привязаннымъ, будьте увѣрены, что выжавши изъ васъ весь нужный для нихъ сокъ, они васъ бросятъ, какъ тряпку, едва только потеряютъ въ васъ надобность. Такъ Борисъ прекратилъ дружбу съ Ростовымъ, которымъ былъ облагодѣтельствованъ, какъ только всталъ на свои ноги. Въ своихъ служебныхъ и другихъ узкосвоекорыстныхъ разсчетахъ, они не любятъ бывать въ обществѣ людей, не только стоящихъ ниже ихъ, но и равныхъ, и предпочитаютъ забираться въ высшія сферы, гдѣ низкопоклонничая и услуживая, мало-по-малу втираются въ довѣріе, затѣмъ незамѣтно становятся на равную ногу и лѣзутъ еще выше.

Къ третьей категоріи относятся Ростовы. Это люди, у которыхъ вы найдете много человѣческаго: они способны безкорыстно любить и увлекаться, способны подъ-часъ на какой-нибудь высокій порывъ подъ вліяніемъ минуты, но вмѣстѣ съ тѣмъ, вы видите въ нихъ полное отсутствіе всякой цѣли въ жизни, какого-нибудь серьезнаго дѣла, малѣйшаго анализа жизни и людей. Это какія-то взрослыя дѣти съ безмятежными дѣтскими вѣрованіями и воззрѣніями на міръ, слѣпо отдающіяся настоящей минутѣ, вѣчно жаждущія широкаго и свѣтлаго веселья, счастія. Если жизнь иногда и угоститъ ихъ какою-нибудь горькою минутою, стоитъ погладить ихъ по головкѣ и поднесть имъ новую игрушку, и они мигомъ забываются, утѣшаются и опять довольны и веселы; если вдругъ подвернутся обстоятельства, которыя нарушаютъ неприкосновенность ихъ дѣтскихъ воззрѣній, они слѣпо гонятъ отъ себя прочь сомнѣнія и считаютъ какимъ-то преступленіемъ допускать въ себѣ малѣйшую самостоятельность мысли. Такъ, когда имѣніе ихъ отъ слишкомъ широкой жизни разстраивается, они спѣшатъ выписать изъ полка сына своего Николушку, воображая, что онъ какимъ-то небеснымъ чудомъ выручитъ изъ бѣды. Николушка пріѣзжаетъ; ничего не понимая въ счетахъ и разсчетахъ по имѣнію, набрасывается на управляющаго Митеньку, осыпавъ его градомъ ругательствъ, сбрасываетъ его съ лѣстницы, и все семейство сразу успокоивается послѣ такой сцены, какъ будто отъ одного этого имѣніе должно поправиться, и затѣмъ снова начинается рядъ веселыхъ праздниковъ и охотъ. Такъ впечатлительная Наташа, почитавшая своимъ долгомъ влюбляться въ каждаго встрѣчнаго новаго мужчину, вдругъ вздумала послѣ помолвки своей съ княземъ Андреемъ бѣжать съ Анатолемъ Курагинымъ. Послѣ скандала, какой вышелъ изъ этого, и отказа жениха, она впала въ отчаяніе, была близка къ смерти, но стоило Пьеру Безухову радушно улыбнуться ей и сказать нѣсколько словъ участія, и она снова разцвѣла, и всего прежняго какъ не бывало. Такъ Николай Ростовъ послѣ тильзитскаго мира, несправедливости, которой подвергся другъ его Денисовъ, ужасающаго зрѣлища госпиталей, раненыхъ, вдругъ исполнился неожиданныхъ сомнѣній, готовыхъ поколебать весь его экстазъ, которымъ онъ проникался на различныхъ смотрахъ и парадахъ; но онъ, ударивъ злобно по столу кулакомъ, вскричалъ товарищу, который выражалъ подобныя-же сомнѣнія:

— Наше дѣло исполнять свой долгъ, рубиться и не думать, вотъ и все. И сомнѣній его какъ не бывало.

Къ четвертой категоріи относятся люди, развившіе въ себѣ высшія умственныя и нравственныя стремленія путемъ чтенія и размышленій. Они постоянно спрашиваютъ себя: зачѣмъ мы живемъ, ищутъ цѣли жизни, стараются анализировать и опредѣлять различныя явленія, окружающія ихъ, отношенія свои къ другимъ людямъ. Таковы князья Болконскіе—отецъ, дочь Марія и сынъ Андрей, Пьеръ Безухій. Но такъ какъ они продолжаютъ стоять въ тѣхъ-же ненормальныхъ условіяхъ жизни, то цѣли, которыя они себѣ ставятъ, не выходятъ естественно изъ ихъ жизни и натуры, а искусственно придумываются, чтобы хоть чѣмъ нибудь наполнить пустоту жизни, и какъ такія цѣли ни прекрасны бываютъ въ теоріи,—осуществленныя онѣ или обращаются въ ничто, или вмѣсто

добра приносятъ неожиданное зло тѣмъ людямъ, къ которымъ относятся. Однимъ словомъ, здѣсь мы встрѣчаемся съ тою-же нехлюдовщиною.

Такъ старикъ Болконскій, отставной генералъ-аншефъ екатерининскихъ временъ, жившій безвыѣздно въ деревнѣ, твердившій, что есть только два источника людскихъ пороковъ: праздность и суевѣріе, и вслѣдствіе этого убѣжденія наполнявшій свою жизнь никому не нужною дѣятельностью въ родѣ точенія на токарномъ станкѣ, перестроекъ по имѣніямъ и выкладокъ изъ высшей математики, державшій весь домъ подъ гнетомъ суроваго деспотизма,—воображалъ, что существенная цѣль, оставшаяся ему въ жизни—воспитаніе дочери Маріи. Но все это воспитаніе заключалось въ томъ, что онъ до двадцати лѣтъ давалъ ей уроки алгебры и геометріи, глумился надъ ея некрасивостью и распредѣлялъ всю ея жизнь въ безпрерывныхъ занятіяхъ. Молодая дѣвушка до такой степени была подавлена его деспотизмомъ, что входя въ кабинетъ отца, молилась предварительно, чтобы свиданіе сошло благополучно. Подъ вліяніемъ такого страха, молодая дѣвушка, очевидно, не могла ничего понимать изъ геометрическихъ толкованій отца, что каждый разъ окончательно выводило изъ себя старика и происходили бурныя сцены. Подъ вліяніемъ такого деспотизма, Марія кинулась въ крайній мистицизмъ, читала мистическія книги, окружала себя странниками и калѣками, мечтала сама сдѣлаться странницею, и воображала, что главная цѣль ея жизни—самоотверженіе ради отца. Обезличеніе ея при этомъ доходило до такой степени, что она, столь терпѣвшая отъ отца, приходила въ ужасъ, когда братъ ея, князь Андрей, относился въ ея глазахъ къ отцу критически. Вмѣстѣ съ тѣмъ, живя постоянно въ отвлеченномъ мірѣ духовныхъ созерцаній, перемѣшанныхъ съ сухими алгебраическими выкладками—она не имѣла ни малѣйшаго понятія ни о людяхъ, ни о жизни, до крайней и самой комической наивности. Такъ, когда князь Курагинъ пріѣхалъ къ нимъ сватать сына, она тотчасъ-же плѣнилась молодымъ человѣкомъ. Онъ ей показался добръ, храбръ, рѣшителенъ, мужественъ и великодушенъ. Потомъ она застала весьма скандалезную сцену между Анатолемъ и гувернанткою-француженкою M-lle Bourienne; но и тутъ она не разочаровалась въ своемъ женихѣ; она поняла въ своей наивности сцену эту такъ, что Анатоль и M-lle Bourienne влюбились другъ въ друга; въ то-же время разсудила—что она не должна мѣшать ихъ счастію, такъ какъ цѣль ея жизни—самоотверженіе, и отказала жениху на этомъ основаніи. Но еще комичнѣе представляется сцена ея съ возмутившимися крестьянами при нашествіи французовъ.—Возбужденные ложными слухами, крестьяне ожидали отъ французовъ воли, и не только не хотѣли сами переселяться при ихъ нашествіи, но не соглашались отпустить и барышню, которая осталась въ имѣніи одна послѣ смерти отца. Между тѣмъ, Марія поняла ихъ волненіе такимъ образомъ, что они боятся, что она уѣдетъ и оставитъ ихъ въ жертву французамъ, и она обратилась къ собравшимся крестьянамъ съ такою рѣчью:

— Я очень рада, что вы пришли, начала княжна Марія, не поднимая глазъ и чувствуя, какъ быстро и сильно билось ея сердце.—Мнѣ Дронушка сказалъ, что васъ разорила война. Это наше общее горе, и я ничего не пожалѣю, чтобы помочь вамъ. Я сама ѣду, потому что опасно здѣсь... и непріятель близко... потому что... Я вамъ отдаю все, мои друзья, и прошу васъ взять все, весь хлѣбъ нашъ, чтобы у васъ не было нужды. А если вамъ сказали, что я отдаю вамъ хлѣбъ съ тѣмъ, чтобы вы остались здѣсь, то это неправда. Я, напротивъ, прошу васъ уѣзжать со всѣмъ вашимъ имуществомъ въ нашу подмосковную, и тамъ я беру на себя и обѣщаю вамъ, что вы не будете нуждаться. Вамъ дадутъ и домы, и хлѣба.—Княжна остановилась. Въ толпѣ только слышались вздохи.

— Я не отъ себя дѣлаю это, продолжала княжна, я это дѣлаю именемъ покойнаго отца, который былъ вамъ хорошимъ бариномъ, и за брата, и за его сына.

— Вишь научила ловко, за ней въ крѣпость поди! Дома разори, да въ кабалу и ступай. Какъ же? Я хлѣбъ, молъ, отдамъ! слышались голоса въ толпѣ. Княжна Марья, опустивъ голову, вышла изъ круга и пошла въ домъ.

«Долго эту ночь, читаемъ мы далѣе, княжна Марья сидѣла у открытаго окна въ своей комнатѣ, прислушиваясь къ звукамъ говора мужиковъ, доносившагося съ деревни, но она не думала о нихъ. Она чувствовала, что сколько бы она ни думала о нихъ, она не могла бы понять ихъ...»

Становится просто жалко и страшно за человѣка при видѣ такого крайняго идіотизма, до котораго была доведена дѣвушка, сама по себѣ неглупая и съ различными идеальными стремленіями.

Что касается до брата ея, князя Андрея, то на первый взглядъ онъ вамъ можетъ показаться человѣкомъ съ глубокимъ умомъ, твердымъ и энергическимъ характеромъ, солиднымъ, практическимъ, но вглядѣвшись пристальнѣе въ различныя пертурбаціи его жизни, вы открываете въ немъ тѣ же знакомыя вамъ черты Нехлюдова. Женившись, Богъ вѣсть какъ, на пустомъ и кокетливомъ свѣтскомъ ребенкѣ, онъ скучаетъ женою, скучаетъ свѣтскою жизнію. „Свяжи, говоритъ онъ, себя съ женщиной, и, какъ скованный колодникъ, теряешь всякую свободу. И все, что есть въ тебѣ надеждъ и силъ, все только тяготитъ и раскаяніемъ мучаетъ тебя. Гостиныя сплетни, балы, тщеславіе, ничтожество, — вотъ заколдованный кругъ, изъ котораго я не могу выйти. Я теперь отправляюсь на войну, на величайшую войну, какая только бывала, а я ничего не знаю и никуда не гожусь...“

Однакожъ онъ отправился-таки на войну, и здѣсь мы встрѣчаемся съ поразительною двойственностью логики въ подобныхъ людяхъ: съ одной стороны вы видите въ немъ сознаніе, что онъ ничего не знаетъ и никуда не годится, но это сознаніе не мѣшаетъ ему мечтать, что онъ совершитъ одинъ или нѣсколько такихъ подвиговъ, что сдѣлается спасителемъ отечества, и слава его вознесется наравнѣ съ Наполеономъ. Эти мечты особенно обуяли его, когда онъ узналъ о переходѣ французовъ чрезъ Таборскій мостъ и объ опасности, въ которую была этимъ переходомъ поставлена русская армія. „Извѣстіе это, читаемъ мы въ романѣ, было горестно и вмѣстѣ съ тѣмъ пріятно князю Андрею. Какъ только онъ узналъ, что русская армія находится въ такомъ безнадежномъ положеніи, ему пришло въ голову, что ему-то именно предназначено вывести русскую армію изъ этого положенія, что вотъ онъ тотъ Тулонъ, который выведетъ его изъ рядовъ неиз

вѣстныхъ офицеровъ и откроетъ ему первый путь къ славѣ! Слушая Билибина, онъ соображалъ уже, какъ, пріѣхавъ къ арміи, онъ на военномъ совѣтѣ подастъ мнѣніе, которое одно спасетъ армію, и какъ ему одному будетъ поручено исполненіе этого плана".

Не правда-ли, какъ напоминаютъ подобныя мечты весь сонмъ Нехлюдовыхъ?

Мы уже говорили выше, что сразу безъ труда, безъ борьбы сдѣлаться историческимъ героемъ, благодѣтелемъ и спасителемъ человѣческаго рода — объ этомъ только и мечтаютъ Нехлюдовы, въ этомъ только и полагаютъ они всю цѣль жизни; всѣ другія, болѣе скромныя цѣли, кажутся имъ жалкимъ удѣломъ толпы, недостойными ихъ милости.

Здѣсь мы опять встрѣчаемся съ однимъ изъ тѣхъ сопоставленій, которыя составляютъ отличительную черту таланта гр. Толстого и такъ рѣзко оттѣняютъ несостоятельность его героевъ. Между тѣмъ, какъ князь Андрей все ждалъ минуты, когда онъ со знаменемъ въ рукахъ спасетъ все россійское войско, онъ встрѣтилъ наканунѣ передъ дѣломъ при Шенграбенѣ въ палаткѣ маркитанта маленькаго, грязнаго, худого артиллерійскаго офицера Тушина, который былъ безъ сапогъ, отдавши ихъ сушить маркитанту. Въ немъ не было и тѣни чего-нибудь героическаго, и вѣроятно, ему и въ голову не приходило спасать Россію. Робкій и застѣнчивый передъ начальствомъ, онъ представлялъ въ своей фигурѣ что-то особенное, совершенно не военное, нѣсколько комическое, но чрезвычайно привлекательное. И каково-же было удивленіе князя Андрея, когда на другой день, между тѣмъ какъ онъ безъ пользы слонялся по полю сраженія, этотъ невзрачный офицерикъ оказался истиннымъ героемъ, и тѣмъ болѣе поразительнымъ, что геройство это было совершенно безсознательное. Будучи начальникомъ батареи, расположенной въ центрѣ, онъ одинъ съ небольшою ротою, безъ прикрытія, держался съ четырьмя пушками до самаго конца дѣла, отразилъ картечью двѣ аттаки и зажегъ деревню Шенграбенъ, между тѣмъ какъ непріятель выставилъ противъ этой назойливой батареи десять пушекъ, полагая, что тутъ сосредоточены главныя наши силы и никакъ не воображая дерзости стрѣльбы четырехъ никѣмъ не защищенныхъ пушекъ. Поразительнѣе всего при этомъ было то, что Тушинъ и не замѣчалъ своего отчаяннаго геройства. Онъ былъ на батареѣ, какъ дома, покуривалъ свою коротенькую трубочку, дружески разговаривалъ со своими пушками, называя ихъ различными прозвищами, иногда поморщивался, когда возлѣ него падалъ какой-нибудь солдатикъ, и только тогда окончилъ свое дѣло, когда получилъ черезъ Болконскаго приказаніе отступать. И, какъ часто встрѣчается съ истинными героями, вмѣсто удивленія и награды, онъ получилъ выговоръ отъ главнокомандующаго, зачѣмъ при отступленіи не успѣлъ захватить съ собою всѣхъ пушекъ.

«Въ то время на порогѣ показался Тушинъ, читаемъ мы въ романѣ:—робко пробиравшійся изъ-за спинъ генераловъ. Обходя генераловъ въ тѣсной избѣ, сконфуженный какъ и всегда при видѣ начальства, Тушинъ не разсмотрѣлъ древка знамени и споткнулся на него. Нѣсколько голосовъ засмѣялось.

— Какимъ образомъ орудіе оставлено? спросилъ Багратіонъ, нахмурившись не столько на капитана, сколько на смѣявшихся, въ числѣ которыхъ громче всѣхъ былъ Жерковъ. Тушину теперь только, при видѣ грознаго начальства, во всемъ ужасѣ представилась его вина и позоръ въ томъ, что онъ, оставшись живъ, потерялъ два орудія. Онъ такъ былъ взволнованъ, что до сей минуты не успѣлъ подумать объ этомъ. Смѣхъ офицеровъ еще больше сбилъ его съ толку. Онъ стоялъ передъ Багратіономъ съ дрожащею нижнею челюстью, и едва проговорилъ: Не знаю... ваше сіятельство... людей не было, ваше сіятельство.

— Вы бы могли изъ прикрытія взять!

Что прикрытія не было, этого не сказалъ Тушинъ, хотя это была сущая правда. Онъ боялся *подвести* этимъ другаго начальника и молча, остановившимися глазами, смотрѣлъ прямо въ лицо Багратіону, какъ смотритъ сбившійся ученикъ въ глаза экзаменатору.

Молчаніе было довольно продолжительно. Князь Багратіонъ, видимо, не желая быть строгимъ, не находилъ что сказать, остальные не смѣли вмѣшаться въ разговоръ. Князь Андрей изподлобья смотрѣлъ на Тушина, а пальцы его рукъ нервически двигались.

— Ваше сіятельство, прервалъ князь Андрей молчаніе своимъ рѣзкимъ голосомъ:—вы меня изволили послать къ батареѣ капитана Тушина. Я былъ тамъ и нашелъ двѣ трети людей и лошадей перебитыми, два орудія исковерканными и прикрытія никакого.

Князь Багратіонъ и Тушинъ одинаково упорно смотрѣли теперь на сдержанно и взволнованно говорившаго Болконскаго.

— И ежели, ваше сіятельство, позволите мнѣ высказать свое мнѣніе, продолжалъ онъ:—то успѣхомъ дня мы обязаны болѣе всего дѣйствію этой батареи и геройской стойкости капитана Тушина съ его ротой, сказалъ князь Андрей, и не ожидая отвѣта, тотчасъ же всталъ и отошелъ отъ стола.

Князь Багратіонъ посмотрѣлъ на Тушина, и, видимо не желая выказать недовѣрія къ рѣзкому сужденію Болконскаго и вмѣстѣ съ тѣмъ чувствуя себя не въ состояніи вполнѣ вѣрить ему, наклонилъ голову и сказалъ Тушину, что онъ можетъ идти. Князь Андрей вышелъ за нимъ.

— Вотъ спасибо, выручилъ, голубчикъ, сказалъ ему Тушинъ. Князь Андрей оглянулъ Тушина и, ничего не сказавъ, отошелъ отъ него. Князю Андрею было грустно и тяжело. Все это было такъ странно, такъ не похоже на то, чего онъ надѣялся".

Я не знаю, нужно-ли входить въ дальнѣйшія разъясненія всей глубины и мѣткости подобнаго сопоставленія мишурнаго, кичливаго стремленія къ геройству, изъ котораго никогда ничего не выходитъ, какъ изъ лопнувшаго мыльнаго пузыря, рядомъ съ истиннымъ геройствомъ, которое сплошь и рядомъ всплываетъ неожиданно въ жизни въ какомъ-нибудь маленькомъ, незамѣтномъ, смѣшномъ человѣкѣ, и сіяетъ кроткою, гуманною простотою, соединяясь иногда съ наивною робостью и застѣнчивостью передъ ложнымъ блескомъ различныхъ надутыхъ и пустыхъ величій. Вышеприведенная сцена говоритъ сама по себѣ ясно и вразумительно: ничтожному изъ малыхъ сихъ ничего не стоитъ затмить тебя, высокопарный герой высшаго полета. Выведеніе на сцену Тушина рядомъ съ Болконскимъ принадлежитъ, по моему мнѣнію, къ числу самыхъ свѣтлыхъ, можно сказать великихъ проблесковъ таланта гр. Толстого.

Послѣ того, какъ Болконскому не удалось спасти отъ гибели русскую армію, раненый онъ вышелъ въ отставку и захандрилъ. Отъ скуки онъ занялся раз-

личными либеральными идеями, бродившими въ то время въ обществѣ; такъ, занявшись устройствомъ имѣній, онъ перечислилъ 300 душъ крестьянъ въ вольные хлѣбопашцы (это былъ одинъ изъ первыхъ примѣровъ въ Россіи), въ другихъ барщину замѣнилъ оброкомъ. Это было поистинѣ единственное доброе дѣло, которое онъ сдѣлалъ впродолженіе всей своей жизни. Но вы подумаете, можетъ быть, что онъ это сдѣлалъ, проникнутый тою гуманною, христіанскою, теплою любовью къ низшимъ міра сего, которая одна могла бы смирить его гордыню, смягчить его черствое сердце, утолить его праздную тоску и наполнить пустоту его жизни?.. Нѣтъ, видно, то безпредѣльное небо, которое созерцалъ онъ съ такимъ умиленіемъ, раненый при Аустерлицѣ—внушало ему болѣе любви къ самому себѣ, чѣмъ къ ближнимъ. По крайней мѣрѣ, мы видимъ, что послѣ всѣхъ своихъ возвышенныхъ мыслей онъ не сдѣлался хоть на столько человѣчнѣе, чтобы постыдиться произносить подобныя циническія рѣчи:

— Ну, вотъ ты хочешь освободить крестьянъ, говорилъ онъ Пьеру:—это очень хорошо; но не для тебя (ты, я думаю, никого не засѣкалъ и не посылалъ въ Сибирь), и еще меньше для крестьянъ. Ежели ихъ бьютъ, сѣкутъ, посылаютъ въ Сибирь, то я думаю, что имъ отъ этого нисколько не хуже. Въ Сибири ведетъ онъ ту же свою скотскую жизнь, а рубцы на тѣлѣ заживутъ, и онъ также счастливъ, какъ и былъ прежде. А нужно это для тѣхъ людей, которые гибнутъ нравственно, наживаютъ себѣ раскаяніе, подавляютъ это раскаяніе и грубѣютъ отъ того, что у нихъ есть возможность казнить право и неправо. Вотъ кого мнѣ жалко и для кого бы я желалъ освободить крестьянъ. Ты можетъ быть не видалъ, а я видѣлъ, какъ хорошіе люди, воспитанные въ этихъ преданіяхъ неограниченной власти, съ годами, когда они дѣлаются раздражительнѣе, дѣлаются жестоки, грубы, знаютъ это, не могутъ удержаться и все дѣлаются несчастнѣе и несчастнѣе. Князь Андрей говорилъ это съ такимъ увлеченіемъ, что Пьеръ невольно подумалъ о томъ, что мысли эти наведены были Андрею его отцомъ. Онъ ничего не отвѣчалъ ему.

— Такъ вотъ кого мнѣ жалко—человѣческаго достоинства, спокойствія совѣсти, чистоты, а не ихъ спинъ и лбовъ, которыя, сколько ни сѣки, сколько ни брей, все остаются такими же спинами и лбами».

Подумаешь, до какого отсутствія всякой здравой логики можетъ довести человѣка безчеловѣчіе узкаго сословнаго эгоизма. Андрей не въ силахъ оказывается понять той простой истины, что грубость, жестокость потому только и могутъ считаться пороками, ведущими за собой угрызенія совѣсти, что онѣ причиняютъ страданія тѣмъ людямъ, на которыхъ обрушиваются. Если же князь Андрей полагалъ, что сколько ни сѣки спинъ, ни брей лбовъ, онѣ все останутся такими же спинами и лбами, и что мужикамъ нисколько не хуже, если ихъ бьютъ, сѣкутъ, посылаютъ въ Сибирь,—то спрашивается, что же послѣ этого находилъ онъ худого въ грубости и жестокости людей своей среды? На какомъ иномъ основаніи мы не раскаяваемся въ жестокости и не грубѣемъ, когда колемъ на щепы дерево или рвемъ на клочки бумагу, какъ не въ томъ убѣжденіи, что дерево и бумага не чувствуютъ при этомъ ни нравственной, ни физической боли?

Если во всякомъ случаѣ лучшій представитель своей среды является передъ нами въ такомъ печальномъ видѣ, то я не знаю, нужно ли послѣ того много распространяться о Пьерѣ Безуховѣ, объ этой жалкой игрушкѣ въ рукахъ всѣхъ окружавшихъ его людей, у котораго вся жизнь представляетъ рядъ непредвидимыхъ случайностей, бросающихъ его, какъ куклу, то въ ту, то въ другую сторону, безъ малѣйшей упругости сопротивленія съ его стороны. Отвлеченный теоретикъ, увлекавшійся французскою революціею и поклонявшійся Наполеону, онъ все ищетъ, какимъ бы заняться ему дѣломъ, и вдругъ неожиданно дѣлается первымъ богачемъ, наслѣдуя титулы и имѣнія графа Безухова; втягивается въ омутъ свѣтской жизни, опивается, объѣдается, женится на Еленѣ Курагиной, увлекшись бѣлизною ея плечъ, для того, чтобы разойтись съ нею при первой ей измѣнѣ и вызвать на дуэль перваго ея любовника. Столь-же неожиданно дѣлается потомъ изъ вольтеріанца массономъ, встрѣтясь во время пути на станціи съ старымъ массономъ временъ Екатерины, пишетъ мистическій дневникъ, разъѣзжаетъ по своимъ имѣніямъ съ цѣлію улучшить бытъ крестьянъ, заводитъ школы, больницы, аптеки и остается доволенъ своею дѣятельностью, особенно торжественными встрѣчами, какія устраиваютъ ему крестьяне по приказу управляющихъ, и не замѣчаетъ при этомъ, сколько новыхъ тягостей налагаютъ на крестьянъ эти управляющіе по причинѣ его благодѣтельныхъ распоряженій. Передъ войною 12-го года онъ, посредствомъ мистическихъ выкладокъ, преобразовавши при этомъ свою фамилію въ l'Russe Besuhof, опредѣлилъ, что судьба его связана таинственною связью съ судьбою Наполеона, и исполнился великой радости, мечтая, что „его любовь къ Ростовой, антихристъ, нашествіе Наполеона, комета, 666, l'empereur Napoléon и l'Russe Besuhof, все это вмѣстѣ должно было созрѣть, разразиться и вывести его изъ того заколдованнаго, ничтожнаго міра московскихъ привычекъ, въ которыхъ онъ чувствовалъ себя плѣненнымъ, и привести его къ великому подвигу и великому счастію". Въ такихъ мечтаніяхъ онъ полетѣлъ въ дѣйствующую армію, не опредѣляясь однакоже въ военную службу, безцѣльно толкался по батареямъ во время бородинскаго сраженія, остался въ Москвѣ во время вступленія въ нее французовъ; тутъ созрѣла у него мысль убить Наполеона; онъ одѣлся въ мужицкое платье, купилъ пистолетъ и ножъ, но вмѣсто исполненія своего трагическаго замысла, очень весело побесѣдовалъ о любви съ французскимъ капитаномъ за бутылкой бордо, и потомъ былъ захваченъ французами по подозрѣнію въ поджигательствѣ на пожарѣ, гдѣ онъ спасалъ изъ огня какого-то ребенка.

Однимъ словомъ, въ Пьерѣ Безуховѣ является передъ нами Нехлюдовъ начала нынѣшняго столѣтія въ полномъ своемъ блескѣ, со всѣми своими характеристическими особенностями, въ такой неподкрашенной правдѣ, въ какой одинъ только гр. Толстой умѣетъ воспроизводить подобные типы.

VII.

Тремя первыми частями исчерпывается, по нашему мнѣнію, романъ во всемъ, что только есть въ немъ лучшаго. Не отрицаю, что въ слѣдующихъ частяхъ есть въ немъ множество прекрасныхъ сценъ и кар-

тинъ, стоящихъ вполнѣ въ уровнѣ таланта гр. Толстого, но со второю половиною романа случилась исторія, во многомъ напоминающая собою исторію съ „Мертвыми Душами“ Гоголя. Чѣмъ далѣе читаете вы романъ, тѣмъ болѣе и болѣе непосредственно правдивое художественное творчество автора смѣняется передъ вами — странною неестественностью, надуманностію. Безпристрастное отношеніе къ изображаемымъ предметамъ смѣняется односторонними, пристрастными взглядами на нихъ съ точки зрѣнія мистическихъ теорій; художественныя сцены и картины все болѣе и болѣе смѣняются длинными отвлеченными разсужденіями, причемъ гр. Толстой не замѣчаетъ, какъ одну и ту же канитель, растягивая на десяткахъ страницъ, онъ повторяетъ десятки разъ; наконецъ, послѣдняя часть шестаго тома представляетъ изъ себя одни сплошныя разсужденія на различныя историко-философскія темы; художникъ исчезаетъ здѣсь совершенно, уступая мѣсто мыслителю.

Такое странное и печальное явленіе можно объяснить себѣ только однимъ способомъ. До созданія „Войны и Мира“ гр. Толстой ограничивался одними наблюденіями конкретныхъ фактовъ жизни, дѣлая изъ нихъ тѣ художественныя обобщенія, которыя онъ и представилъ намъ въ своихъ произведеніяхъ. При этомъ міросозерцаніе его, основныя философскія убѣжденія оставались, такъ сказать, нетронутыми, въ той степени развитія, въ какой гр. Толстой оставилъ нѣкогда школьную скамью. Такъ, напримѣръ, его историческіе взгляды не шли дальше учебниковъ, въ которыхъ всѣ историческіе факты объясняются доброю и злою волею стоящихъ впереди историческихъ дѣятелей и вожаковъ. Задумавши писать историческій романъ, изображающій жизнь цѣлой эпохи и притомъ эпохи, сильной важными историческими событіями, гр. Толстой необходимо приступилъ къ изученію ея по различнымъ памятникамъ, мемуарамъ, біографіямъ и сочиненіямъ европейскихъ и русскихъ историковъ. Такое изученіе раздвинуло умственный горизонтъ гр. Толстого, открывши ему новыя области жизни и мысли, о которыхъ до того времени онъ имѣлъ самыя элементарныя, смутныя понятія. Въ головѣ его зароились новыя мысли и начался умственный процессъ, поглотившій всѣ его силы. Путемъ этого процесса гр. Толстой дошелъ до того, что снова открылъ Америку и изобрѣлъ порохъ и книгопечатаніе, иначе сказать, онъ додумался до такихъ историко-философскихъ истинъ, которыя давно уже были открыты до него, но онъ ихъ снова открылъ для самаго себя, и вообразилъ при этомъ весьма естественно, и какъ это часто бываетъ, что истины эти должны быть новостію и для всего человѣчества. Такъ, напримѣръ, для какого мало-мальски серьезно образованнаго человѣка можетъ быть въ настоящее время новостію, что историческое событіе зависитъ не отъ одной воли того или другого лица, а имѣетъ за собою тысячи различныхъ причинъ, совокупность которыхъ и производитъ это событіе? Эта истина давно уже сдѣлалась банальною въ области исторіи, и никто, держа ее въ головѣ и принимая въ соображеніе, не станетъ распространяться о ней, подобно тому, какъ не почтетъ нужнымъ писать трактатъ о томъ, что воздухъ состоитъ изъ кислорода и азота или что $2 \times 2 = 4$. Между тѣмъ человѣкъ, впервые додумавшійся до такой идеи, весьма естественно можетъ проникнуться ею до такого крайняго увлеченія, что будетъ чувствовать потребность проповѣдывать эту идею на всѣхъ перекресткахъ, развивая ее на тысячи ладовъ и подкрѣпляя всевозможными доводами изъ областей философіи, психологіи, исторіи и проч. Увлеченіе всякою новою идеею имѣетъ такой характеръ маніи до тѣхъ поръ, пока человѣкъ не свыкается съ нею, и она не дѣлается заурядною идеею его.—Подобное увлеченіе новичка идеею исторической причинности мы видимъ въ гр. Толстомъ. Онъ забываетъ ради нея о своемъ романѣ и о его герояхъ. Мало того, что при каждомъ удобномъ случаѣ онъ возвращается къ ней и на тысячу ладовъ повторяетъ одно и то-же,—но, какъ я уже говорилъ, послѣднюю часть романа всецѣло посвящаетъ философскимъ разсужденіямъ все на ту-же тему, и все для того, чтобы убѣдить насъ, что походъ Наполеона въ Россію зависѣлъ не отъ одной его личной воли, честолюбивыхъ замысловъ, а отъ сцѣпленія цѣлаго ряда причинъ. Когда вы читаете всѣ подобныя разсужденія, вамъ становится съ одной стороны смѣшно за автора, съ такою наивною горячностью посвящающаго васъ въ свое давно открытое открытіе; съ другой стороны — неловко и стыдно за себя, какъ это и должно быть, если вашъ пріятель вдругъ заподозритъ васъ, что вы земной шаръ считаете плоскостью, и начнетъ съ жаромъ убѣждать васъ, что земля шарообразна.

Въ то-же время, какъ и каждый новичекъ идеи, графъ Толстой, какъ только опускается отъ своей излюбленной идеи къ фактамъ и пытается приложить ее къ нимъ, передъ вами обнаруживается вся неопытность его обращаться съ нею, все неумѣнье обсуждать историческіе факты на ея основаніи. Мы можемъ вѣрить въ разумную цѣлесообразность всей вселенной, но отнюдь не историческихъ событій, совершающихся на такомъ атомѣ, какъ нашъ земной шаръ. Съ одной стороны подъ совокупностью причинъ исторія разумѣетъ рядъ факторовъ естественныхъ, изъ которыхъ весьма многіе потому уже не могутъ вызывать событій ради какихъ-либо высшихъ цѣлей, что они лишены всякой сознательности. Съ другой стороны, самое понятіе объ отношеніи слѣдствія къ причинѣ не представляетъ ничего общаго съ понятіемъ объ отношеніи цѣли и намѣренія: слѣдствіе есть только явленіе, неизмѣнно вызывающееся другимъ явленіемъ, а отнюдь не цѣль своей причины. Далѣе затѣмъ разумная цѣлесообразность событій опровергается и тѣмъ, что въ исторіи мы видимъ на каждомъ шагу такую-же слѣпую инерцію движеній, какъ и въ физическихъ явленіяхъ. Совершается какой-нибудь историческій толчокъ, возбуждающій извѣстное движеніе народовъ, и движеніе это долго идетъ по своему направленію, послѣ того какъ всякій смыслъ его давно уже потерянъ. Такъ между двумя народами иногда возбуждается ненависть вслѣдствіе какихъ-либо основательныхъ причинъ, но ненависть эта долго переживаетъ эти причины и въ свою очередь возбуждаетъ рядъ событій, зависящихъ уже отъ нея самой. Наполеоновскія войны носили именно этотъ характеръ слѣпой и неосмысленной инерціи. Когда европейскія государства составили реакціонную

коалицію для подавленія революціи, тогда борьба Франціи съ этою коалиціею имѣла свое разумное основаніе: это была борьба двухъ противоположныхъ началъ. Но мало-по-малу, когда революція во Франціи была подавлена тѣмъ самымъ орудіемъ, которымъ она защищалась противъ враговъ, то-есть войскомъ, смыслъ борьбы Франціи съ европейскою коалиціею былъ потерянъ, между тѣмъ разъ возбужденное движеніе продолжалось все по одному направленію по слѣпой инерціи. Французы поклонялись Наполеону и шли за нимъ, попрежнему возбуждаемые революціоннымъ энтузіазмомъ и мечтая, что цѣль наполеоновскихъ войнъ — вводить во всѣ страны Европы новыя начала; европейскія государства въ свою очередь въ Наполеонѣ видѣли исчадіе революціи и боролись съ нимъ во имя охранительныхъ началъ; самъ Наполеонъ вѣрилъ въ революціонное значеніе своихъ войнъ, вслѣдствіе чего вводилъ въ завоеванныя имъ страны свои кодексы и конституціи. И до такой степени была сильна инерція въ этомъ отношеніи, что идея о революціонномъ значеніи семейства Наполеона продолжала существовать до нашего времени, до Седана. Къ ней пріурочивали и крымскую войну, и освобожденіе Италіи; не будь Седана, окажись Наполеонъ III побѣдителемъ въ войнѣ съ Пруссіею, очень можетъ быть, что и въ настоящее время весьма многіе видѣли-бы въ этой побѣдѣ торжество революціоннаго Наполеона надъ прусскимъ феодализмомъ.

Но совершенно иначе объясняетъ гр. Толстой значеніе Наполеоновскихъ войнъ. Для него не существуетъ въ исторіи ошибокъ, вѣковыхъ заблужденій, народныхъ сумасшествій, неосмысленныхъ движеній, не ведущихъ часто за собою ничего, кромѣ всеобщаго вреда, невознаградимыхъ потерь и гибели. Доказывая на десяткахъ страницъ идею исторической причинности, онъ въ то-же время ратуетъ за разумную цѣлесообразность событій. По его мнѣнію, всѣ причины, которыми историки объясняютъ наполеоновскія войны, суть причины мелкія, второстепенныя, не исключая даже и французской революціи. Все это даже не причины, а просто слѣдующія другъ за другомъ событія, изъ которыхъ мы совершенно произвольно и безосновательно предыдущее считаемъ причиною послѣдующаго. Настоящія-же причины недоступны для нашего ума; онѣ стоятъ гдѣ-то за кулисами исторической сцены, въ видѣ какого-то таинственнаго предопредѣленія, которое движетъ народами по своему благоусмотрѣнію и сталкиваетъ ихъ сообразно своимъ замысламъ. Такъ и въ настоящемъ случаѣ причина Наполеоновскихъ войнъ заключается не въ революціи, не въ европейской коалиціи, не въ честолюбіи Наполеона. Ничуть ни бывало: по неисповѣдимымъ историческимъ причинамъ, по недоступнымъ человѣческому уму предусмотрѣніямъ положено гдѣ-то, чтобы европейскіе народы двигались въ началѣ нынѣшняго столѣтія сначала съ запада на востокъ, потомъ съ востока на западъ,—они и давай двигаться, такъ что даже самая французская революція произошла не почему-нибудь другому, какъ потому, чтобы послужить сигналомъ этого движенія: надо же было съ чего-нибудь начать двигаться. Вотъ какъ курьезно понимаетъ гр. Толстой идею исторической причинности. Вы думаете, что безсиліе генія совершить что-либо по своему личному произволу, вопреки законамъ исторической жизни и народнымъ стремленіямъ, оправдалось по отношенію къ Наполеону въ томъ простомъ и очевидномъ фактѣ, что всѣ его завоеванія рушились прахомъ, основать общеевропейскую имперію ему не удалось, народы снова сложились въ тѣ-же группы, въ которыхъ существовали прежде, и даже многія безспорно полезныя преобразованія, которыя сдѣлалъ Наполеонъ въ завоеванныхъ имъ государствахъ, были отвергнуты, какъ навязанныя силою извнѣ. Нѣтъ, отсутствіе личной свободы со стороны Наполеона заключалось въ томъ, что все, что ни замышлялъ онъ, казалось-бы, повидимому, совершенно произвольно по своей иниціативѣ и въ личныхъ видахъ, все это клонилось къ тому, чтобы совершилась предусмотрѣнная прогулка народовъ съ запада на востокъ и обратно. Такимъ-же самымъ образомъ и русскіе отступали передъ Наполеономъ вовсе не потому, что военныя силы ихъ были значительно слабѣе наполеоновскихъ и полководцы робѣли въ виду военнаго генія Наполеона, а опять-таки вслѣдствіе того-же высшаго предусмотрѣнія: надо было, чтобы прогулка съ запада на востокъ дошла до своего надлежащаго пункта, Москвы, а потомъ, само собою, должно было начаться обратное шествіе. Неужели гр. Толстой, который рядомъ съ подобными курьезами высказываетъ столько свѣтлыхъ и реальныхъ взглядовъ на частности той-же самой войны, не понимаетъ, какой дикій, чисто-восточный фатализмъ проповѣдуетъ онъ въ то-же время? Замѣтьте при этомъ, что онъ считаетъ отжившимъ взглядъ древнихъ на историческія событія, основывающійся на произвольномъ управленіи народами и царями воли божествъ. А самъ между тѣмъ проводитъ тотъ-же самый взглядъ, замѣняя только личную волю человѣкообразныхъ божествъ древняго міра предопредѣленіями какихъ-то таинственныхъ, безусловныхъ силъ, безличныхъ и между тѣмъ сознательныхъ и разумныхъ. „На вопросъ о томъ, что составляетъ причину историческихъ событій, говоритъ онъ, представляется другой отвѣтъ, заключающійся въ томъ, что ходъ міровыхъ событій предопредѣленъ свыше, зависитъ отъ совпаденія всѣхъ произволовъ людей, участвующихъ въ этихъ событіяхъ, и что вліяніе Наполеонов на ходъ этихъ событій есть только внѣшнее, фиктивное".

Становится просто непонятно, какъ можетъ столь дико заблуждаться столь свѣтлый умъ, который во многихъ мѣстахъ романа такъ мѣтко судитъ объ отношеніи историческихъ личностей къ массамъ и высказываетъ неоднократно мысли, вполнѣ основательныя; такова, напримѣръ, мысль, что историческія событія совершаются всегда, даже въ самыхъ деспотическихъ государствахъ, не государственными людьми, а массами, отъ духа которыхъ, энергіи, готовности исполнить то или другое приказаніе зависитъ не только успѣхъ предпріятія, но и слава генія: полководецъ идетъ во главѣ арміи недеморализованной, энергической, исполненной по той или другой причинѣ жажды борьбы и побѣдъ — онъ побѣждаетъ, то-есть побѣждаетъ армія, и побѣда зависитъ отъ совокупныхъ дѣйствій всѣхъ солдатъ, но приписывается она полководцу и онъ попадаетъ въ геніи; въ противномъ случаѣ

историки не замедлятъ открыть вамъ бездну ошибокъ, зависящихъ, конечно, отъ неспособности полководца— и не обращаютъ при этомъ вниманія на то обстоятельство, что въ разгарѣ сраженія половина приказаній полководца остается неисполненными за невозможностью, часто просто потому, что адъютантъ, несущій приказаніе, падаетъ убитый и раненый на дорогѣ, въ то-же время дѣлается войсками множество удачныхъ и неудачныхъ движеній, помимо всякихъ приказаній начальства. Все это совершенно справедливо, — и, развивая далѣе подобныя свѣтлыя мысли гр. Толстого, мы можемъ замѣтить, что и во внутренней жизни народа наблюдается таже зависимость историческихъ дѣятелей отъ духа и настроенія массъ. Въ геніи попадаетъ обыкновенно не тотъ, который измышляетъ изъ своей головы что-либо непредвидѣнное, а кто улавляетъ духъ времени, настроеніе массъ, ихъ потребность или готовность принять рядъ полезныхъ реформъ; отъ всего этого прямо зависитъ успѣшность самыхъ реформъ, такъ какъ онѣ исполняются, конечно, не лично геніальнымъ преобразователемъ, онъ только ихъ предлагаетъ, утверждаетъ, а масса приводитъ ихъ въ исполненіе, и конечно можетъ, если не активнымъ сопротивленіемъ, то пассивнымъ бездѣйствіемъ, непониманіемъ, наконецъ, парализовать всѣ его дѣйствія. Все это несомнѣнно; только все-таки остается непонятнымъ, зачѣмъ-же для объясненія различныхъ настроеній массъ, не довольствуясь реальными и опредѣленными причинами, необходимо гр. Толстому прибѣгать къ какимъ-то сверхъестественнымъ и таинственнымъ? Что за причина такого страннаго заблужденія ума, такъ неожиданно повернувшаго къ мистицизму?

Не желая слѣдовать примѣру гр. Толстого и считать подобное заблужденіе слѣдствіемъ таинственныхъ и неразгаданныхъ причинъ, мы постараемся объяснить его причинами очевидными, и надѣемся, что объясненіе наше покажется читателямъ небезосновательнымъ. Дѣло въ томъ, что умственный процессъ, возбудившійся въ гр. Толстомъ изученіемъ событій начала нынѣшняго столѣтія, принялъ не обыкновенное, естественное теченіе, а осложнился особенными, посторонними вліяніями искусственныхъ теорій весьма сомнительнаго свойства. Здѣсь встрѣтились два противоположныхъ теченія: одно теченіе чистое и прозрачное, какъ хрусталь — это теченіе самостоятельной дѣятельности ума гр. Толстого, который перенесъ свой индуктивный методъ отъ изученія окружающей его жизни къ изученію жизни прошлой и приложилъ къ послѣдней тѣ же обобщенія, найдя въ ней факты иными только по своей внѣшности, но подобными по сущности: ту же искусственность, ходульность, нравственную распущенность и бездѣльность жизни интеллигентныхъ слоевъ общества, рядомъ съ полезной естественною жизнію безъискусственно-простыхъ, цѣльныхъ и сильныхъ людей труда. Отсюда онъ и пришелъ къ окончательному выводу, что исторію производитъ народъ, событія совершаются усиліями и трудами темныхъ массъ, отъ стремленій и настроеній которыхъ зависитъ все и вся. Но онъ не могъ остановиться на этомъ истинномъ и глубокомъ выводѣ. Здѣсь вмѣшалась другая струя мысли — и помутила чистоту ясныхъ и свѣтлыхъ воззрѣній гр. Толстого. Это—роковая струя, погубившая не одинъ талантъ на Руси! Мы имѣемъ здѣсь дѣло съ особеннаго рода мистицизмомъ, представляющимъ, если хотите, одну изъ неизбѣжныхъ стадій умственнаго развитія, но тѣмъ не менѣе это все-таки процессъ крайне-болѣзненный, показывающій намъ, что наша психическая природа подобно физической имѣетъ свои критическіе недуги, которые, какъ весеннія грозы, даютъ могучій толчекъ развертывающимся силамъ.

Но необходимо, чтобы весеннія грозы дѣйствительно были весенними; подъ осень же тѣже самыя грозы способны производить лишь неизгладимыя опустошенія, ускоряющія приходъ зимы. Такъ и въ человѣческой природѣ тѣже критическіе недуги, которые очень легко переносятся въ юности и обновляютъ молодыя силы, напротивъ того, въ старости принимаютъ весьма зловѣщій характеръ. Старческій организмъ не въ состояніи бываетъ осилить ихъ и приходитъ въ полное разстройство.

Это именно произошло съ Гоголемъ. Вся бѣда заключалась въ томъ, что мистическій періодъ развитія Гоголь началъ переживать слишкомъ поздно для своихъ лѣтъ, чтобы переварить его и выйти изъ него побѣдителемъ, и ни умственныя, ни физическія силы его не выдержали кризиса.

Мы боимся, чтобы и съ гр. Л. Толстымъ не случилось того-же. По крайней мѣрѣ, когда вы читаете „Войну и миръ", вамъ кажется, что съ каждой страницей на васъ словно надвигаются какія-то мрачныя тучи и затмѣваютъ яркіе лучи поэзіи гр. Л. Толстого. И если-бы вышеозначенныя теоретическія разсужденія встрѣчались въ романѣ отдѣльными клочками, были-бы сами по себѣ, не вмѣшиваясь въ актъ поэтическаго творчества художника. Но мы, напротивъ того, видимъ, что воззрѣнія эти стремятся покорить своей власти образы поэта, придать имъ свой особенный мистическій оттѣнокъ, совершенно исказивши ихъ жизненную правду. Возьмите вы напримѣръ эпизодъ вліянія на Пьера Каратаева.

Начало увлеченія Пьера простыми людьми послѣ бородинскаго сраженія стоитъ совершенно на реальной почвѣ. Весьма естественно, что запутавшійся въ омутѣ свѣтской пустоты, разочарованный и нравственно надломленный, Пьеръ могъ увлечься видомъ простыхъ и сильныхъ людей, съ невозмутимымъ спокойствіемъ, безъ всякаго хвастовства и напускнаго геройства смотрѣвшихъ въ глаза смерти; понятно, что онъ долженъ былъ ясно почувствовать, въ сравненіи съ правдой, простотой и силой этихъ людей, ощущеніе своей ничтожности и лживости, и проникнуться стремленіемъ *„войти въ эту общую жизнь всѣмъ существомъ, проникнуться тѣмъ, что дѣлаетъ ихъ такими..."* Такія мысли и чувства мы видѣли уже въ цѣломъ рядѣ героевъ гр. Толстого и можемъ встрѣтить ихъ зачастую въ жизни. Не менѣе естественно выведенъ типъ Каратаева.

Простой, гуманный, одаренный художественною натурою и теплымъ сердцемъ, много испытавшій въ жизни,—Каратаевъ самъ по себѣ являлся бы весьма живою и удачно-очерченною личностью въ романѣ, если-бы гр. Толстой не возвелъ его на пьедесталъ,

представивъ въ немъ какого-то вдохновеннаго глашатая народной мудрости, исполненной неизреченныхъ глубинъ, чуть что не живое олицетвореніе божественной правды и благости. Вліяніе его на Пьера было столь сильно, по словамъ гр. Толстого, что Пьеръ совершенно переродился: онъ самъ исполнился кроткой терпимости и благодушія, подъ обаяніемъ которыхъ во всемъ сталъ видѣть Бога, все ему показалось ведущимъ къ благу, всѣ люди сдѣлались его друзьями и, незамѣтно для самихъ себя, почувствовали потребность повѣрять ему всѣ сокровенныя свои тайны. Нѣтъ, говорилъ Пьеръ, вы не можете понять, чему я научился у этого безграмотнаго человѣка-дурачка.

Неужели гр. Толстой до такой степени потерялъ свое художественное чутье правды, что не понимаетъ, сколько надуманной неестественности и лжи во всемъ этомъ? Гдѣ въ жизни встрѣчалъ онъ подобныя чудодѣйственныя превращенія?.. Развѣ только въ письмахъ Гоголя, описывавшаго друзьямъ своимъ различныя свои просіянія и умиротворенія...

Вообще въ послѣднихъ частяхъ романа чаще и чаще вы встрѣчаетесь съ гоголевскою философіею различныхъ просіяній. Такъ длинное описаніе смерти князя Андрея преисполнено разсужденій на такія темы, что счастіе, находящееся внѣ матеріальныхъ силъ, внѣ матеріальныхъ внѣшнихъ вліяній на человѣка, счастье одной души, счастье любви — понять можетъ всякій человѣкъ, но сознать и предписать его могъ только одинъ Богъ, что любя человѣческою любовью можно отъ любви перейти къ ненависти, но божеская любовь не можетъ измѣниться; ничто, ни смерть, ничто не можетъ разрушить ее; она есть сущность души и пр.

Положимъ, что гр. Толстой не дошелъ еще до того, чтобы дарить насъ подобными изреченіями отъ своего лица; онъ очень ловко влагаетъ ихъ въ уста умирающаго человѣка, для котораго подобныя размышленія могутъ быть весьма естественны, но во всякомъ случаѣ допущеніе, чтобы цѣлыя страницы были заняты подобными разсужденіями, хотя бы и въ устахъ героя, да и вообще весь мистическій колоритъ кончины Андрея,—все это весьма зловѣщіе знаки.

Признаемся откровенно, намъ страшно за гр. Толстого. Мы боимся, что одинъ изъ самыхъ могучихъ, свѣтлыхъ и симпатичныхъ талантовъ настоящаго времени погибнетъ такъ же ужасно, какъ погибъ талантъ Гоголя. Очень можетъ быть, что такъ и будетъ. Не впервые намъ приходится оплакивать подобный печальный исходъ нашихъ талантовъ, причемъ замѣчательно, что къ нему приходятъ обыкновенно наиболѣе сильныя и свѣтлыя дарованія.

Вороны почувствовали уже имъ любимый запахъ и не замедлили слетѣться. Такъ въ „Зарѣ", вскорѣ послѣ появленія романа „Война и Миръ", гр. Толстой объявленъ геніемъ, а романъ его однимъ изъ величайшихъ произведеній настоящаго времени. О, еслибы могъ почувствовать гр. Толстой, сколько злой ироніи заключается для него въ похвалѣ „Зари"!.. Если бы только онъ понялъ, что не за то превознесла его „Заря", что въ его произведеніяхъ можно найти дѣйствительно великаго, а именно за то, что предвѣщаетъ начало печальнаго паденія его таланта, за тѣ затхлыя тенденціи, въ которыхъ онъ сошелся съ „Зарею"... Но гр. Толстой, который самъ проникся уже этими тенденціями, конечно принялъ за чистую монету похвалы „Зари", и ему остается только, подобно Гоголю, вообразить себя пророкомъ и начать провозглашать людямъ вѣщіе глаголы. Повидимому, онъ уже и начинаетъ: такъ, въ настоящее время онъ издаетъ букварь для народныхъ школъ, и въ началѣ нынѣшняго года въ дружественныхъ своихъ органахъ „Зарѣ" и „Бесѣдѣ" напечаталъ по повѣсти изъ предназначенныхъ для этого букваря... Повѣсть, помѣщенная въ № 2 „Зари", „Кавказскій плѣнникъ", напоминаетъ намъ прежняго гр. Толстаго; она столь же проста, безъискусственна, реальна и исполнена того же глубокаго содержанія, какъ и всѣ его предыдущія произведенія. Что же касается до повѣсти „Богъ правду любитъ, да не скоро скажетъ", помѣщенной въ № 3 „Бесѣды", то она представляетъ пересказъ каратаевской легенды о купцѣ, невинно сосланномъ въ каторгу и встрѣтившемся тамъ съ настоящимъ виновникомъ преступленія, за которое былъ сосланъ; легенда эта преисполнена дикаго фатализма и мистицизма, и довольно сказать, что въ ней-то именно Пьеръ наиболѣе прозрѣлъ глубину народной мудрости и пришедъ отъ нея въ окончательное умиленіе, чтобы понять, что это за прелесть такая!..

Все это очень печально!.. И все это происходитъ ни отъ чего другаго, какъ отъ того, что гр. Толстой покинулъ прежній путь творчества, зависящій отъ естественныхъ обобщеній въ поэтическіе образы частныхъ фактовъ жизни, и промѣнялъ его на идущій отъ предвзятыхъ теорій, произвольно подчиняющихъ себѣ поэтическіе образы, искажающихъ ихъ, иногда и побуждающихъ поэта просто выдумывать образы изъ своей фантазіи...

Только одно индуктивное творчество есть истинно свободное, реальное и полезное, потому что только оно одно можетъ вполнѣ вѣрно и безпристрастно изображать передъ вами правду жизни, а отъ одной правды только и можно ждать истинной пользы...

ВОЛНЫ РУССКАГО ПРОГРЕСА.

«Романы и повѣсти» Хвощинской, 8 томовъ. Спб. 1859 г.—«Большая Медвѣдица», романъ Хвощинской, 1 т. Спб. 1872 г.

I.

Неизвѣстно, вслѣдствіе какихъ причинъ, по какимъ законамъ, но можно положительно сказать, что развитіе всего человѣчества и каждаго общества совершается въ видѣ періодическихъ приливовъ и отпусканій, въ видѣ волнъ, среди которыхъ подымаются свои грозные, всесокрушающіе девятые валы, бываютъ и свои минутныя затишья.

Любопытно при этомъ наблюдать тѣ неизмѣнно повторяющіеся симптомы общественной мысли, какими сопровождаются эти акціи и реакціи. Подобныя наблюденія тѣмъ болѣе поучительны, что они ясно показываютъ намъ, какъ ничтоженъ въ жизни нашей такъ называемый историческій опытъ: мы постоянно видимъ, что люди, которые вчера еще смѣялись надъ своими предшественниками, сегодня повторяютъ ихъ глупости, слѣпо подчиняясь тому эпидемическому повѣтрію, которое, какъ холера, періодически возвращается, несмотря на всѣ предосторожности.

Одинаковость симптомовъ, сопровождающихъ акціи и реакціи, дѣйствительно поразительна. Такъ мы видимъ, что каждый приступъ какого-либо напряженнаго движенія общественной мысли и жизни неизмѣнно сопровождается сильнымъ развитіемъ скептицизма, который разъѣдаетъ своимъ безпощаднымъ анализомъ всѣ устарѣлые элементы мысли и жизни, смѣло рушитъ всѣ старые кумиры и не щадитъ никакихъ тайниковъ ума и сердца. Въ эти дивныя минуты кровь обращается въ жилахъ сильнѣе, самый воздухъ бываетъ насыщенъ какимъ-то электричествомъ безпокойной отваги, мысль стремится въ головахъ людей въ какомъ-то вихрѣ, и имъ не сидится на мѣстѣ. Все будничное, обыденное тяготитъ ихъ; всѣ прославленныя вѣками добродѣтели азбукъ и прописей кажутся имъ смѣшны и пошлы. Они не считаютъ безполезною тратою времени разрѣшеніе существенныхъ вопросовъ мысли и жизни, не смотрятъ на попытки вносить въ жизнь свои мечты, какъ на безумную борьбу съ историческими судьбами, ихъ же не прейдеши, и въ этой отважной борьбѣ со стихіями они представляются исторіи поистинѣ могучими титанами.

Литература въ такія эпохи бываетъ скептическая, отрицательная по преимуществу. Но она осмѣиваетъ и бичуетъ не однѣ только завѣдомо-мрачныя стороны жизни, а идетъ далѣе: открываетъ смѣшное и пошлое и тамъ, гдѣ уличная толпа привыкла находить одни свѣтлыя явленія. Въ своемъ отрицаніи она доходитъ иногда до скептическихъ сарказмовъ надъ всѣмъ человѣчествомъ, обращается въ горькій плачъ надъ несостоятельностью человѣческаго рода вообще. Въ такія именно эпохи и создаются произведенія въ родѣ „Похвалы глупости“ Эразма, первой части Фауста, „Записокъ доктора Крупова“ и пр. Понятно, что при такомъ размахѣ отрицанія, созданіе идеальныхъ типовъ въ духѣ отжившей морали бываетъ немыслимо. Понятія о добрѣ и злѣ, добродѣтеляхъ и порокахъ до такой степени перемѣшиваются подъ вліяніемъ скептицизма, все запретное по кодексу обыденной морали дѣлается столь привлекательнымъ, что добродѣтельные герои, если и выводятся въ литературѣ, то являются обыкновенно въ самой непроглядной пошлости, стушевываясь передъ демоническими героями отрицанія. Такъ добродѣтельный Круцисферскій стушевывается передъ Бельтовымъ.

Но вотъ опускается волна жизни, кровь начинаетъ обращаться въ жилахъ медленно, мысль работать вяло, наступаетъ эпоха всеобщей апатіи, усталости и словно какого-то изнеможенія... Съ одинаковымъ равнодушіемъ глядятъ люди на смѣхъ и слезы, на разгулъ пошлости, глупости и звѣрства. Мельчаютъ интересы, съуживаются понятія; прежніе титаны сходятъ съ поприща и появляется всякая мразь и нечисть обгладывать ихъ великіе трупы. Словомъ:

> То былъ вѣкъ богатырей;
> Но смѣшались шашки,
> И полѣзли изъ щелей
> Мошки да букашки.

Смѣшнѣе всего то, что эти мошки да букашки воображаютъ обыкновенно, что они далеко ушли впередъ отъ павшихъ титановъ, которые конечно не годятся имъ и въ подметки. Они смѣются обыкновенно надъ этими титанами, какъ надъ безумцами, утопистами, иделогами, теоретиками и воображаютъ, что только съ нихъ началась истинная положительность, практичность, настоящее дѣло. И дѣйствительно, что толку мучиться и умирать безплодно надъ рѣшеніемъ вѣковыхъ вопросовъ жизни? Развѣ можно рѣшить ихъ однимъ разрубленіемъ гордіева узла? Благоразумно ли бороться съ такими стихійными силами, какъ историческая необходимость, вѣковой строй быта? Однимъ словомъ, прежняя отвага, гордо говорившая—„или все или ничего“, смѣняется скромною, нищенскою логикою пришибленныхъ, приниженныхъ попрошаекъ, которые, робко протягивая руку жизни, просятъ у нея Христа-ради хоть чего-нибудь, хоть копѣечку, все лучше, чѣмъ ничего...

Это пресловутое *хоть что-нибудь* дѣлается господствующимъ принципомъ вѣка, знаменемъ прогреса; въ немъ именно и полагаютъ мошки да букашки всю свою практическую мудрость, всю суть истинной, современной положительности. О! сколько развращающаго и притупляющаго въ этомъ *хоть что-нибудь*, изъ-за котораго дѣлаются уступки за уступками, продаются за грошъ самыя дорогія убѣжденія, подавляются самыя святыя чувства, сквозь пальцы смо-

трится на многое, отъ чего должно было бы облиться кровью сердце каждаго мало-мальски порядочнаго человѣка, и кончается дѣло тупымъ, самодовольнымъ успокоеніемъ совѣсти, подачею пятака на общую пользу—все хоть что-нибудь.

Вмѣстѣ съ успокоеніемъ пытливаго духа анализа и отрицанія, снова возвращаются люди къ своимъ пенатамъ, къ своей будничной обстановкѣ, словно прокутившіеся блудные сынки подъ отеческій кровъ. Снова дѣлается мила сердцу прописная, уличная мораль съ ея умилительными добродѣтелями въ духѣ всѣмъ извѣстныхъ дѣтскихъ повѣстей съ благонравными Настеньками и послушными Коленьками. Люди перестаютъ быть героями, но за то, Боже мой, какими они дѣлаются патріотами! Они терпятъ, допускаютъ, глотаютъ, унижаются, но взамѣнъ этого спѣшатъ наэлектризовать себя различными патріотическими чувствами, чтобы забыть свою личную низость въ созерцаніи величія ихъ отечества.

Литература въ такія эпохи дѣлается безцѣльною, безцвѣтною, вялою, исполняется мелкими дрязгами, вспышками задорнаго самолюбія, инсинуаціями и клеветами всякаго рода. Вмѣсто принциповъ выступаютъ въ ней на первый планъ личности со всею своею грязью застоявшейся жизни. Художественныя произведенія, подчиняясь общему духу успокоенія, исполняются изящными картинками въ духѣ чистаго искусства, сказочными сюжетами, усладительными любовными сценками, нѣжащими и разслабляющими мотивами жизни утонченнаго и сытаго комфорта. Съ негодованіемъ и презрѣніемъ относится литература къ прежнимъ своимъ героямъ отрицанія и сомнѣнія, и взамѣнъ ихъ создаетъ положительные типы, какъ для успокоенія сердецъ читателей, такъ и для ихъ назиданія, при чемъ героями ея оказываются тѣ же современные рыцари принесенія пятаковъ на общую пользу, скромные представители мѣщанскихъ добродѣтелей, тихаго семейнаго счастія и отдохновенія на лонѣ улыбающейся сельской природы.

Подобную волну акціи и реакціи вы можете прослѣдить, сравнивая между собою сороковые и пятидесятые годы. Какъ ни стѣснена была мысль людей сороковыхъ годовъ, но это была могучая мысль, которая рвала всѣ преграды и увлекала за собою все. Въ самомъ воздухѣ въ это время было что-то отрицательное, скептическое. Люди ни на чемъ не могли остановиться и успокоиться. Всѣ старыя преданія, предразсудки подвергались въ это время разлагающей критикѣ; каждая попытка примиренія и успокоенія встрѣчалась злымъ, ѣдкимъ смѣхомъ и, снова начиналась ломка всесокрушающаго скептицизма. Въ литературѣ этого періода, эпохи сатанинскаго хохота доктора Крупова, вы не встрѣтите ни одного добродѣтельнаго типа. Она выводила очень часто героевъ своего времени, каковы были Печоринъ, Бельтовъ и пр., но эти герои являлись не идеалами для подражанія, а лишь собирательными типами, представителями своихъ современниковъ со всѣми ихъ достоинствами и недостатками. И мало сказать, что достоинства и недостатки ихъ не имѣли ничего общаго съ правилами уличной морали, напротивъ того были діаметрально противоположны имъ. Ихъ достоинства въ томъ именно и заключались, что они не имѣли ни одной добродѣтели, любимой пошлою толпою, какъ-то скопидомства, умѣнья ладить и привлекать, кротости, смиренія и пр. Ихъ недостатки въ свою очередь совершенно не входили въ списокъ пороковъ и слабостей, преслѣдуемыхъ моралистами: таковъ былъ недостатокъ духа единенія и активности.

До такой степени было заразительно повѣтріе времени, что даже Гоголь, человѣкъ вполнѣ стараго міросозерцанія, и тотъ увлекся вѣяніемъ всеобщаго скептицизма. Къ эпохѣ сороковыхъ годовъ относятся всѣ его комедіи съ Ревизоромъ во главѣ и первая часть Мертвыхъ душъ. Прочтите эти произведенія; и въ свою очередь вы найдете въ нихъ рядъ отрицаній безъ малѣйшаго поползновенія успокоить на чемъ-нибудь читателя и примирить его съ дѣйствительностью. Напротивъ того, вы видите, что въ Мертвыхъ душахъ Гоголь смѣется надъ добродѣтельными героями романовъ.

Но вотъ наступили пятидесятые годы, и куда дѣлось все это повѣтріе пытливаго анализа и отрицанія! Уже въ 48-мъ году круповскій хохотъ вдругъ смѣнился самодовольнымъ хихиканьемъ Петра Ивановича Адуева, этого отъѣвшагося представителя узкой практичности, составленія карьеры и наживанія капиталовъ. И вдругъ критика, та самая критика, которая стояла во главѣ эпохи отрицанія и сомнѣнія,—не поняла всей оскорбительности появленія этого хохота въ литературѣ, хотя бы онъ относился и къ вещамъ дѣйствительно смѣшнымъ. Она не предугадала, что этотъ высокомѣрный хохотъ съ потрясеніемъ брюшка не ограничится однимъ Александромъ Адуевымъ, а обратится ко всему, что только не подходитъ къ мудрости собиранія грошей. Критика привѣтствовала Петра Ивановича Адуева, какъ представителя современной практичности, положительности. Въ одномъ этомъ фактѣ видится начало конца. И этотъ конецъ не замедлилъ явиться.

Въ 1849 году большинства передовыхъ людей эпохи уже не было на поприщѣ литературы и жизни. Оставшіеся какъ-то съежились, сжались и сдѣлались тише воды, ниже травы. Такъ Грановскій, сказавши „стой“ сомнѣнію, положилъ ему границу, за которою оставилъ въ утѣшеніе своей старости любимые призраки дѣтства, и вмѣстѣ съ тѣмъ началъ дѣлать уступки за уступками, сдѣлки за сдѣлками, чтобы *хоть чѣмъ-нибудь* остаться полезнымъ московскому университету. Милютинъ, начавшій свою литературную дѣятельность рядомъ животрепещущихъ вопросовъ, разбился на мелкіе спеціальные вопросики. Въ журналистикѣ оказалось полное отсутствіе критики, публицистики. Въ ней продолжали повидимому господствовать прежнія симпатіи и антипатіи, прежнія идеи, направленія. Но все это крайне съузилось, опошлилось. Наступила эпоха усладительныхъ пѣснопѣній Фета, Тютчева и Ап. Майкова, эпоха воспѣваній рыбныхъ ловлей въ Парголовѣ, патріотическихъ чувствоизліяній и классическихъ Пропилей съ ихъ мелочными археологическими изысканіями. Даже Кукольникъ, всѣми давно забытый и уничтоженный критикою Бѣлинскаго, воскресъ и на сценѣ Александринскаго театра, и на страницахъ журналовъ съ своими воинственными драмами и безконечными романами, и о

немъ заговорили въ литературѣ съ нѣкоторымъ уваженіемъ.

Натуральная школа все еще существовала, но въ какомъ жалкомъ видѣ существовала она! При своемъ возникновеніи школа эта поставила широкую программу изображенія русской жизни во всей ея сложности и всесторонняго анализа этой жизни. Но программа эта оказалась вскорѣ неисполнима. Большинство беллетристовъ пятидесятыхъ годовъ изъ всей русской жизни хорошо знали одну только жизнь помѣщичьихъ усадьбъ, да и ее съ одной только стороны: какъ она проявляется разодѣтая, приглаженная, припомаженная въ парадныхъ комнатахъ и салонахъ... И вотъ изъ натуральной школы вышелъ особенный родъ поэзіи баловъ, семейныхъ праздниковъ, пикниковъ, обѣдовъ, — поэзіи идиллическихъ сельскихъ ландшафтовъ, нѣжныхъ свиданій при лунѣ подъ сѣнію густолиственныхъ, запущенныхъ садовъ, и утонченнаго анализа разныхъ моментовъ любви возникающей или гаснущей, непризнанной или обманутой и пр.

Вмѣстѣ съ этимъ съуженіемъ круга содержанія беллетристики измѣнился и духъ ея направленія. Разслабляющая нервы, изнѣживающая сценами любви, исполненными утонченной, художественной и тѣмъ болѣе возбудительной чувственности, беллетристика пятидесятыхъ годовъ вполнѣ утратила прежній духъ отрицанія и сомнѣнія и обратилась въ своихъ конечныхъ выводахъ къ кодексу обыденной, рутинной морали.

Желая дать отдохнуть сердцу читателя на положительныхъ сторонахъ нашей жизни, она начала выводить доблестныхъ героевъ принесенія пятаковъ — благонравныхъ, благовоспитанныхъ, великодушныхъ, практическихъ, постоянныхъ въ любви и дружбѣ — Волынцевыхъ, Штольцевъ и прочія такъ называемыя черноземныя натуры и силы — представителей непосредственной естественности, или, сказать проще, беззавѣтнаго невѣжества и міросозерцанія въ духѣ Домостроя...

Были и въ эту эпоху свои исключенія, пробивалась своя живая струйка сквозь груду всякаго мусора. Иногда появлялись произведенія безъ всякаго желанія успокоить и примирить читателя на какой-нибудь рутинной пошлости подъ видомъ непосредственной естественности. Но это были одни исключенія, служившія признакомъ, что общество не окончательно еще пало и что въ немъ таилась еще искра жизни.

Вотъ подъ вліяніемъ какихъ тяжкихъ, неблагопріятныхъ условій литературы и жизни начала свое поприще въ 1849 г. Надежда Дмитріевна Хвощинская, извѣстная подъ псевдонимомъ В. Крестовскій. При этомъ нужно замѣтить, что литературная судьба этой писательницы весьма оригинальна: 40 лѣтъ подвизалась на литературномъ поприщѣ Хвощинская и въ этотъ періодъ времени она, можно сказать, пережила двѣ славы. Въ 50-е годы, годы наиболѣе плодовитой дѣятельности Хвощинской, она обращала на себя постоянно общее вниманіе публики и была въ числѣ любимѣйшихъ писателей. Нумеръ Отечественныхъ Записокъ съ повѣстью или романомъ ея привѣтственно встрѣчался всѣми. Но вотъ настали гордые, заносчивые 60-е годы — и Хвощинская вдругъ словно стушевалась. Публика совершенно забыла свою прежнюю любимицу, не вспоминая о ней хотя бы даже и лихомъ. Довольно того, что когда въ 1859 году вышло полное изданіе романовъ Хвощинской, — критика Добролюбова совершенно игнорировала это явленіе, хотя Добролюбовъ имѣлъ нерѣдко надобность отзываться о писателяхъ въ неизмѣримой степени менѣе даровитыхъ и не имѣющихъ и десятой доли того значенія, какое имѣла въ свое время Хвощинская — такъ, напримѣръ, посвятилъ же Добролюбовъ статью произведеніямъ графини Ростопчиной. Но вотъ настали 70-е годы, Хвощинская словно воскресла изъ мертвыхъ. Снова публика вспомнила о своей прежней любимицѣ. Послѣдній романъ Хвощинской, „Большая Медвѣдица“, обратилъ на себя вниманіе публики, какъ одно изъ лучшихъ произведеній прошедшаго года. Газетные рецензенты не замедлили подробно расписать обо всѣхъ достоинствахъ и недостаткахъ этого романа; о „Большой Медвѣдицѣ“ говорили, спорили, рѣдко кто ея не читалъ... Какъ же вы теперь объясните молчаніе о Хвощинской 60-хъ годовъ и внезапное возвращеніе сочувствія къ нѣкогда любимой писательницѣ въ наше время? Или талантъ ея, неудовлетворявшій почему-либо 50-е годы, вдругъ развился и возросъ въ наше время до высшаго уровня современнаго искусства, или же наоборотъ не возвращается и наше общество, и литература къ эпохѣ 50-хъ годовъ? Анализъ произведеній Хвощинской въ связи съ измѣненіями духа общественнаго движенія въ различныя эпохи долженъ дать намъ отвѣтъ на этотъ вопросъ.

II.

Перечитывая произведенія Хвощинской 50-хъ годовъ, вы постоянно чувствуете невыразимую жалость, видя передъ собою могучій, свѣжій, оригинальный и весьма симпатичный талантъ и чувствуя, какъ онъ не можетъ такъ сказать расправить крыльевъ, сжатый съ одной стороны узкостью круга наблюденій, а съ другой, что еще того хуже—узкостью самого міросозерцанія писателя. Развившись на почвѣ 50-хъ годовъ, въ эпоху апатіи, застоя и полной разъединенности общества, талантъ этотъ поневолѣ вошелъ въ узкую колею тогдашней беллетристики. При этомъ нужно замѣтить, что, какъ писательница, Хвощинская принуждена была еще болѣе съуѣзить ту тѣсную сферу наблюденій, въ которую замкнута была беллетристика 50-хъ годовъ. Какъ ни жалокъ былъ кругъ наблюдательности писателя-мужчины въ 50-е годы, но онъ все-таки былъ значительно шире круга наблюдательности образованной женщины въ эту эпоху. Мужчина все-таки сталкивался хоть сколько нибудь съ различными слоями жизни внѣ своей среды. Для наблюдательности женщины открыта была исключительно одна только жизнь дѣвичьихъ, дѣтскихъ, будуаровъ и гостиныхъ, жизнь баловъ, парадныхъ пріемовъ, утонченныхъ разговоровъ о чувствахъ и нѣжныхъ интимныхъ бесѣдъ подъ звуки фортепьяно. Женщина могла только отвлеченно судить, что гдѣ-то совершаются какіе-то общественные подвиги и гадости, но самые герои этихъ гадостей

постоянно являлись передъ женщиною не иначе, какъ своею парадною стороною, во фракахъ, раздушенные физически и нравственно... Молодой администраторъ, покоритель сердецъ провинціальныхъ барышень, можетъ быть только и дѣлалъ на службѣ, что читалъ газеты, сплетничалъ, зѣвалъ да потягивался, но это ему не мѣшало являться въ салонъ такимъ утомленнымъ и ораторствовать передъ женщиною о тягости исполненія долга отечеству. Капитанъ-исправникъ, только-что съ пѣною у рта оравшій на оторопѣлыхъ крестьянъ, могъ очень легко представиться наблюдательницѣ добрымъ старичкомъ стараго закала, выше всего ставящимъ правду-матку... При такихъ условіяхъ женщина могла анализировать людей только въ той степени, какъ проявляются они въ семьѣ, въ свѣтскихъ развлеченіяхъ, и главное дѣло—по отношенію къ ней самой.

Этими причинами обусловливается тотъ узкій кругъ жизни, который обнимаютъ собою романы Хвощинской. Она ограничивается почти исключительно изображеніемъ свѣтской жизни провинціальныхъ круговъ, — это романы баловъ, пикниковъ и сельскихъ вдохновеній. Преобладающими типами этихъ романовъ являются на первомъ планѣ коварная интригантка-матушка, съ молоду кокетка, тщеславная любительница роскоши, блеску и свѣтскихъ развлеченій, а подъ старость суровая ханжа или нервная тиранка, которая держитъ весь домъ въ ежовыхъ рукавицахъ, производитъ ежедневно чувствительныя нервныя сцены съ истериками и выдаетъ своихъ дочерей за первыхъ попавшихся болвановъ ради поправленія финансовъ и положенія въ свѣтѣ, не принимая при этомъ въ разсчетъ слезъ и рыданій дѣвушекъ, — однимъ словомъ, это видоизмѣненный сообразно времени типъ Простаковой. На второмъ планѣ парадируетъ добрякъ-отецъ, ни во что не входящій, съ молоду украшавшійся рогами, приставляемыми нѣжной супругой, а подъ старость выдерживающій ежедневно ея истерики, покоряющійся безусловно ея непоколебимой волѣ и оплакивающій судьбу дочерей, выдаваемыхъ за негодяевъ. Далѣе идетъ типъ изнѣженнаго, избалованнаго селадона съ высокими фразами о чувствахъ, объ обязанностяхъ и вполнѣ несостоятельнаго на дѣлѣ, — оказывающагося и коварнымъ другомъ, и безхарактернымъ любовникомъ. Затѣмъ слѣдуетъ типъ сынка, обезличеннаго и доведеннаго до послѣдней степени идіотизма подъ гнетомъ материнскаго деспотизма, соединеннаго съ баловствомъ, типъ Митрофанушки нашего времени. Наконецъ, слѣдуетъ рядъ дѣвушекъ простыхъ, добрыхъ, способныхъ глубоко и сильно полюбить, но совершенно въ свою очередь обезличенныхъ и доведенныхъ до пассивнаго повиновенія. Вотъ кругъ любимыхъ типовъ Хвощинской, которые парадируютъ при небольшихъ видоизмѣненіяхъ въ большинствѣ ея романовъ. Едва только выходитъ изъ этого круга Хвощинская, какъ ужъ начинаетъ сочинять или выводитъ такіе блѣдные очерки, въ которыхъ и не узнаешь живой, осязательной дѣйствительности. Такъ напримѣръ въ повѣсти „Баритонъ" Хвощинская покусилась вывести передъ нами быть семинаристовъ. Но стоитъ прочесть рядомъ съ „Баритономъ" „Очерки Бурсы" Помяловскаго, которые кстати появились въ литературѣ въ одно почти время съ „Баритономъ", чтобы увидѣть, насколько Хвощинская знаетъ дѣйствительный бытъ семинаристовъ. Бурсаки въ повѣсти ея выглядятъ совершенно вербными херувимчиками передъ чудищами „Очерковъ Бурсы".

Но при этомъ надо замѣтить, что какъ ни тѣсна сфера наблюдательности Хвощинской, авторъ глубоко изучилъ жизнь своего уголка, во всей его ужасающей пустотѣ лжи и крайняго растлѣнія. Здѣсь мы по всей справедливости можемъ сказать, что хотя для умственнаго кругозора женщинъ были недоступны многія сферы жизни, какія могъ наблюдать мужчина, но за то тѣ сферы жизни, въ которыхъ вращалась женщина, она постигала не однимъ наблюденіемъ со стороны, но тяжелымъ опытомъ самой жизни, всѣмъ своимъ существомъ. Вся одуряющая пошлость, ложь, растлѣнность этой жизни тяжелымъ гнетомъ ложились на женщину, какъ на существо безправное, угнетенное и лишенное часто всякой возможности выбиться изъ своего положенія. Мужчина, которому тяжело жилось подъ домашнею кровлею и въ кругу провинціальнаго сплетничества, могъ уѣхать учиться, служить, путешествовать; издали гнетъ чувствовался менѣе сильно, и даже совсѣмъ не чувствовался. Та самая губернская сплетня, которая была весьма снисходительна къ мужчинѣ, или надъ которою онъ смѣялся, молодецки заломивъ на бекрень шапку, женщину уничтожала. По этимъ причинамъ вы не найдете въ произведеніяхъ Хвощинской того эпикурейско-художественнаго отношенія къ жизни, какое встрѣтите въ произведеніяхъ мужчинъ-писателей 50-хъ годовъ. Послѣдніе изображали передъ нами ту-же самую жизнь, но умѣли ее какъ-то смягчить, представить въ игриво-граціозномъ изящномъ видѣ, благосклонно отдать справедливость нѣсколькимъ добрымъ качествамъ какой-нибудь сельской мегеры—въ родѣ, напримѣръ, гостепріимства, здраваго смысла и простоты патріархальныхъ нравовъ. Однимъ словомъ, весьма естественно, что люди, которымъ жилось весело, привольно и легко, были расположены вездѣ находить свѣтлыя и поэтическія стороны. Они не чувствовали на самихъ себѣ всего ужасающаго гнета пошлости и зла, и эти стороны жизни вовсе не казались имъ такъ ужасны. Счастіе или несчастіе всей ихъ жизни зависѣли часто отъ единственнаго вопроса: полюбитъ или не полюбитъ? Этотъ вопросъ и развивали они преимущественно въ своихъ произведеніяхъ.

Произведенія Хвощинской пятидесятыхъ годовъ, напротивъ того, отличаются почти полнымъ отсутствіемъ чистой художественности и диллетантскаго отношенія къ жизни. Вы не найдете въ нихъ ни одной черточки, которая не служила-бы къ опредѣленной, серьезно задуманной цѣли. Если у Хвощинской и встрѣчаются различныя описанія природы, то всегда въ возможно сжатомъ видѣ на столько, на сколько это необходимо для декораціи описываемаго событія и приданія колорита разсказу, и никогда Хвощинская не увлекается ландшафтомъ до забвенія главной цѣли, къ которой ведетъ свой разсказъ. Сцены любви отличаются у Хвощинской, въ свою оче-

редь, цѣломудренною чистотою; вы не найдете въ нихъ и тѣни того сластолюбиваго упоенія, съ какимъ пишутся обыкновенно эти сцены нашими писателями-селадонами; по большей части это сцены слезъ и рыданій любви, попираемой различными неправдами и дрязгами жизни. Живо и глубоко чувствуя всѣми своими нервами, если можно такъ выразиться, всю одуряющую ложь пошлой жизни свѣтскаго досуга, постигши всю грязь провинціальныхъ сплетенъ, тщеславія, зависти и мелкой злости, весь давящій, обезличивающій и уничтожающій гнетъ семейнаго деспотизма, Хвощинская не смягчаетъ, не идеализируетъ всей этой печальной дѣйствительности, а изображаетъ ее во всей ея безобразной наготѣ, не жалѣя красокъ, не жалѣя анализа, крайне утонченнаго, подчасъ даже, если можно такъ выразиться, поистинѣ микроскопическаго. Каждый ея романъ—потрясающая драма, въ концѣ-концовъ которой у васъ непремѣнно разрывается сердце при видѣ какой-нибудь жертвы той среды, которую изображаетъ обыкновенно Хвощинская. Эта жертва—по большей части женщина: или молодая дѣвушка, судьбою которой родители распоряжаются, какъ имъ угодно, тщетно рыдающая у ногъ ихъ въ мольбахъ о своемъ счастіи; или старая дѣва, представляющаяся мишенью для плоскихъ насмѣшекъ высокомѣрныхъ благодѣтелей, пріютившихъ ее изъ жалости, и праздныхъ селадоновъ, приходящихъ къ нимъ въ гости; или молодая дама-вдова, которую какой-нибудь пошлый свѣтскій хлыщъ и волокита позволяетъ себѣ компрометтировать безнаказанно въ глазахъ свѣта, и она не знаетъ, куда дѣться ей подъ гнетомъ страшныхъ клеветъ и сплетень, обрушивающихся на нее со всѣхъ сторонъ въ праздномъ обществѣ, которое радо посплетничать отъ нечего дѣлать, ради забавы.

Но при всѣхъ этихъ несомнѣнныхъ достоинствахъ, отличающихъ романы Хвощинской, вы все-таки чувствуете, читая ихъ, что вы неудовлетворены, что чего-то вамъ не достаетъ. Точно какъ будто надъ вами виситъ низенькій потолокъ и мѣшаетъ вамъ вздохнуть полною грудью. Вы плачете надъ печальною судьбою героевъ Хвощинской, а между тѣмъ чувствуете въ то-же время, что въ васъ сидитъ какой-то неудержимый хохотъ, которымъ хочется вамъ осмѣять этихъ-же героевъ. Иногда-же вдругъ вы чувствуете, читая романъ, ту неловкость, съ которою выслушиваютъ обыкновенно нравственныя поученія. Что это за причина? Объ этомъ мы поговоримъ въ слѣдующей главѣ.

III.

Казалось-бы, что по всѣмъ своимъ симпатіямъ и антипатіямъ Хвощинская вполнѣ согласовалась съ духомъ шестидесятыхъ годовъ и должна была-бы быть цѣнима этою эпохою болѣе всѣхъ писателей пятидесятыхъ годовъ. Но это можетъ казаться только съ перваго взгляда.

Дѣло въ томъ, что тѣ-же пятидесятые годы, которые не дали Хвощинской широты наблюденія, не дали ей и широты міросозерцанія. Все несчастіе Хвощинской заключается въ томъ, что талантъ ея развился подъ вліяніемъ эпохи затишья, паденія волны, и это помѣшало Хвощинской глубоко усвоить, если можно такъ выразиться, всю суть злобы нашего XIX вѣка.

Злоба нашего вѣка заключается не въ одномъ только отрицаніи различныхъ личныхъ отступленій отъ правилъ рутинной морали, но въ отрицаніи самой этой морали, въ отрицаніи всѣхъ отжившихъ идеаловъ совершенства и счастія. Нашъ скептическій вѣкъ нашелъ бездну противорѣчій, какъ въ самомъ кодексѣ этой морали, такъ и въ приложеніи ея къ жизни. Такъ, напримѣръ, попробуйте согласить хотя-бы благонравное желаніе помочь ближнему съ тѣмъ нравственнымъ униженіемъ, въ какое вы ставите ближняго этою помощью, попробуйте отдѣлить чувство признательности—отъ низкопоклонства передъ благодѣтелемъ. Попробуйте согласовать ненасытность желаній, этотъ могучій и чуть-ли не единственный рычагъ всего прогреса человѣчества, съ мудрымъ правиломъ довольствоваться малымъ, скромною жизнію честнаго труда подъ соломенною кровлею и пр. Захотите вы помогать ближнимъ, желая быть идеальнымъ человѣкомъ, вы рискуете или застыть въ высомѣрной роли благодѣтеля, или-же ежедневно испытывать тяжелое чувство, нравственно унижая людей своими благодѣяніями. Не хотите вы принимать на себя роли благодѣтеля, вы рискуете сдѣлаться эгоистомъ, глухимъ къ страданіямъ ближнихъ. Вздумаете вы слѣдовать естественному побужденію расширять свои потребности до безконечности и искать имъ удовлетворенія, вы рискуете сдѣлаться эксплуататоромъ; начнете ограничивать ваши желанія,—рискуете со всѣмъ вашимъ честнымъ трудомъ и возвышенными чувствами обратиться въ ограниченную посредственность, въ вьючное животное, на которомъ будутъ возить воду люди, держащіеся противоположныхъ правилъ, и пр.

Вся эта путаница жизни періодически выдвигаетъ людей, которые, указывая на эти противорѣчія и изыскивая средства избавиться отъ нихъ, и составляютъ злобу вѣка. Надо-ли говорить, что сами по себѣ эти люди вовсе не представляются воплощеніемъ добродѣтелей? Вѣдь они созданы тою-же средою, какъ и всѣ прочіе ихъ ближніе, и въ своей практикѣ жизни принуждены также путаться въ неисходныхъ противорѣчіяхъ, какъ и всѣ смертные, потому что такъ устроена жизнь, и другой какой-нибудь жизни, кромѣ данной, въ наличности не имѣется. Если люди въ эпохи наиболѣе напряженнаго импульса общественной жизни выходящіе впередъ подъ именемъ новыхъ людей, героевъ вѣка, являются лучше другихъ, то лучше они единственно сознаніемъ несостоятельности даннаго строя жизни, непримиримою готовностью жертвовать всѣмъ ради стремленія измѣнить этотъ строй. Впрочемъ, и жертвовать-то, собственно говоря, бываетъ имъ нечего. Съ одной стороны скептицизмъ, съ другой—рядъ страданій, которыя выносятъ они изъ жизни, отнимаютъ у нихъ особенную любовь къ окружающей ихъ дѣйствительности. Они не вѣрятъ въ возможность достиженія личнаго счастія и совершенства въ нѣдрахъ той жизни, которою пресмыкается большинство. Они убѣждены, что это счастіе достижимо не иначе, какъ путемъ такихъ сдѣлокъ, въ

результатѣ которыхъ, при всемъ искреннемъ стремленіи къ идеальному совершенству, непремѣнно лежитъ отупѣніе и растлѣніе. Каждое новое движеніе создаетъ новыхъ людей въ такомъ родѣ и каждый разъ эти люди, при всѣхъ общихъ свойствахъ этой породы, имѣютъ свои особенныя качества, создаваемыя эпохой; но еще разъ повторяю, качества эти не имѣютъ ничего общаго съ прекрасными добродѣтелями азбукъ и прописей. Такъ, напримѣръ, были эпохи, въ которыя лучшіе и наиболѣе живые люди поневолѣ являлись праздными и безполезными скитальцами, тогда какъ на всякой прописи вы прочтете, что праздность есть мать всѣхъ пороковъ. Есть и теперь огромная среда, въ которой наиболѣе хорошіе люди являются въ видѣ горчайшихъ пьяницъ. Наконецъ, вы найдете въ исторіи нѣсколько такихъ мгновеній, когда единственную живую искупительную силу лучшихъ людей составляло ожесточеніе. Такимъ былъ, напримѣръ, Вильгельмъ-Телль со своими героями, а что-же хорошаго въ ожесточеніи съ точки зрѣнія обыденной морали?

Послѣ всего этого понятнымъ становится, что истинный художникъ, художникъ правды, никогда не будетъ дѣлать тщетныхъ и совершенно нехудожественныхъ попытокъ изображать передъ вами идеальныхъ людей въ духѣ обыденной морали. Если только онъ глубокомысленный, безпристрастный и и всесторонній наблюдатель, то наблюденія не замедлятъ привести его къ убѣжденію, что уличная мораль, мораль азбукъ и прописей представляется ни чѣмъ инымъ, какъ застывшею скорлупою, которую огненная лава жизни рветъ и мечетъ во всѣ стороны, а гдѣ скорлупа тверда или сила жизни немощна прорвать ее, тамъ неминуемо водаряются молчаніе и холодъ смерти и зловонный смрадъ гніенія. Поэтому не вѣрьте художнику, если онъ представитъ вамъ добродѣтельнаго, совершеннаго человѣка, добраго, гуманнаго, мягкаго, вседовольнаго, дѣятельнаго въ сферѣ скромной практики, не задающагося несбыточными мечтами и сіяющаго счастіемъ въ кругу семейнаго и общественнаго служенія. Подобный господинъ, если только не выдуманъ художникомъ, если только это не чудовищный Костанжогло, если онъ взятъ художникомъ изъ жизни, то значитъ художникъ недостаточно глубоко изучилъ его и выдаетъ вамъ мѣдный пятакъ за червонецъ. Въ такомъ случаѣ вамъ самимъ не мѣшаетъ присмотрѣться внимательнѣе къ идеалу художника, и навѣрно вы откроете подъ мнимыми добродѣтелями черты обыденнаго черстваго филистера, типъ золотой, близорукой посредственности, самодовольнаго, грубаго резонерства, плаксивой сентиментальности и пр. Истинные художники, жившіе въ эпохи сильныхъ умственныхъ возбужденій общества и глубоко постигшіе злобу вѣка, никогда и не дѣлали попытокъ созданія идеальныхъ людей среди жизни, неспособной по своему строю создавать нравственныя совершенства. Типы-же лучшихъ людей вѣка, выведенные ими, являются передъ вами отнюдь не идеальными и сіяющими въ сознаніи своихъ совершенствъ; напротивъ того, они отражаютъ въ себѣ всѣ муки, страданія и болѣзни вѣка. Они допускаютъ критическое отношеніе къ себѣ, и сходятъ съ поприща вмѣстѣ со своимъ вѣкомъ. Таковы были Чацкій, Онѣгинъ, Печоринъ, Бельтовъ, Рязановъ.

Величайшій недостатокъ романовъ Хвощинской въ томъ собственно и состоитъ, что, не въ силахъ будучи остановиться на одномъ отрицаніи, она спѣшитъ успокоить читателей, выводя рядъ свѣтлыхъ явленій, положительныхъ, идеальныхъ типовъ, но эти типы являются совершенно въ духѣ смиренномудрія пятидесятыхъ годовъ. Хвощинской въ голову какъ-будто не приходитъ, что нисколько не идеальные, мало-мальски живые люди не могли-бы и минуты остаться въ нѣдрахъ той затхлой среды, которую она изображаетъ. Они бѣжали-бы изъ этой среды, куда видно, и въ этомъ бѣгствѣ и заключалось-бы ихъ единственное право на званіе живыхъ людей. Большинство-же идеальныхъ героевъ Хвощинской, обыкновенно принадлежа къ той-же средѣ, занимаются тѣми-же пустяками, какъ и никуда негодные люди, которыхъ Хвощинская отрицаетъ. Живя такою жизнію, какою живетъ вся эта среда, эти герои остаются при всемъ этомъ идеальными, по крайней мѣрѣ мы должны вѣрить Хвощинской, что они идеальные, потому что Хвощинская надѣляетъ ихъ всевозможными добродѣтелями обыденной морали, въ родѣ постоянства въ любви и въ дружбѣ, гуманности къ низшимъ, честности въ денежныхъ разсчетахъ и пр., и пр. Но подъ всѣми этими качествами передъ вами, вопреки желанію самого автора, такъ и проглядываютъ или филистерство, или узкая ограниченность мѣщанской посредственности, или-же невообразимая тряпичность. Особенно любитъ часто Хвощинская оттѣнять свѣтскую среду людьми несвѣтскаго покроя, всевозможными бѣдняками и тружениками. Но всѣ бѣдные труженики въ свою очередь являются у нея очень жалкими существами подъ личиною идеальныхъ совершенствъ. Всѣ они терпятъ тысячу всевозможныхъ оскорбленій со стороны свѣтскихъ хлыщей, и не только хлыщамъ проходитъ все это безнаказанно, но въ то-же время вы видите, что бѣдняковъ какой-то магнитъ такъ и тянетъ непременно въ ту самую свѣтскую среду, гдѣ имъ нѣтъ мѣста. Да полно, знаетъ-ли Хвощинская не идеальныхъ, а имѣющихъ хоть каплю самолюбія людей изъ среды бѣдныхъ тружениковъ?

Нѣсколько подробный анализъ двухъ трехъ типовъ изъ романовъ Хвощинской нагляднѣе познакомитъ насъ съ идеалами этого писателя.

Прежде всего возьмемъ повѣсть Хвощинской „Приходскій учитель“

На первыхъ-же страницахъ этой повѣсти васъ поражаютъ феномены по-истинѣ удивительные. Вы видите бѣдняка, круглаго сироту, безъ родныхъ, безъ средствъ, но имѣющаго доблестнаго покровителя въ лицѣ нѣкоего Алексѣя Петровича, бывшаго начальникомъ отца героя. Доблестный покровитель опредѣляетъ героя приходскимъ учителемъ, и герой торжествуетъ, изливая въ своемъ дневникѣ цѣлые потоки своихъ чувствъ и восторговъ по поводу улыбающейся природы, сельской простоты и своей скромности... „Деревня, глушь—восклицаетъ онъ—этого мнѣ давно хотѣлось: душа моя давно сотворена для нихъ; молодая, она любитъ тѣнь и тишину, тѣсный пріютъ, скромный уголъ. Все это мечталось мнѣ еще въ классахъ. Не мнѣ шумѣть въ свѣтѣ, и охотно уступаю я другимъ

свое мѣсто въ его волненіяхъ, свою долю въ его славѣ, почестяхъ, даже довольствѣ. Мнѣ нужно очень немногое...".

Всѣ эти чувства скромный но съ возвышенною душою молодой человѣкъ излагаетъ въ почтительныхъ письмахъ къ своему благодѣтелю. Благодѣтель, въ свою очередь, присылаетъ ему длинныя письма, наполненныя наставительныхъ поученій, которыя приводятъ молодого человѣка въ умиленіе: „Письмо — восклицаетъ онъ—такъ-же благородно, полно доброты, веселости и милой насмѣшки, какъ тотъ, кто писалъ его!.." Читаете вы далѣе и видите, что молодой человѣкъ все болѣе и болѣе торжествуетъ на лонѣ улыбающейся природы... Онъ ходитъ со своими учениками, сельскими ребятами любоваться заходомъ солнца и дѣлится съ ними ощущеніями по этому поводу, заставляетъ ихъ долбить таблицу умноженія, читаетъ, пишетъ, умиляется при полученіи каждаго письма отъ благодѣтеля и аккуратно записываетъ въ дневникъ каждое свое ощущеньице. Дѣти души въ немъ не видятъ, начальство одобряетъ его и онъ этимъ очень доволенъ. Одобреніе начальства еще болѣе усиливаетъ въ немъ рвеніе къ дѣлу....

Но вдругъ поселяется по сосѣдству молодая помѣщица, и все довольство, все спокойствіе благонравнаго и благонадежнаго молодого человѣка рушится. Отъ скуки эта помѣщица приманиваетъ къ себѣ бѣднаго приходскаго учителя и начинаетъ съ нимъ кокетничать. У бѣднаго молодого человѣка голова пошла кругомъ. Забыты и улыбающаяся природа, и книги, и школа. „Бѣдная школа! — пишетъ въ своемъ дневникѣ нашъ герой — стоило не заняться ею мѣсяцъ—и все разстроено. Вмѣсто понятливыхъ дѣтей, начинавшихъ любить ученье, вокругъ меня школьники, которымъ лишь-бы кончить. Меня начали *не слушаться и не бояться*. Грустно; жаль; виноватъ—я, но я и не могу не быть виноватымъ. Утѣшаться своимъ дѣломъ я болѣе не умѣю..."

Цѣлые вечера началъ просиживать молодой человѣкъ въ салонѣ кокетливой сирены, не обращая вниманія на все свое жалкое и унизительное положеніе ничтожной игрушки въ рукахъ скучающей барыни и притомъ такой ничтожной, мелкой игрушки, съ которою не церемонились. „Со мной она мучительно-измѣнчива—пишетъ онъ въ своемъ дневникѣ — то внимательна и добра, встрѣчаетъ привѣтливо, говоритъ не умолкая, заставляетъ читать себѣ, приглашаетъ провожать въ прогулкахъ; то не замѣчаетъ, тутъ-ли я, или, еще хуже, преслѣдуетъ колкостями и насмѣшками. Прикажетъ придти, и тутъ-же призоветъ управляющаго и толкуетъ о несносномъ тяжебномъ дѣлѣ, которому конца нѣтъ. И такъ цѣлые часы..."

Читая все это, вы приходите къ невольному заключенію, что Хвощинская иронизируетъ, что она сознательно выводитъ передъ вами типъ безхарактерной размазни, благонамѣренной посредственности во всей ея тряпичности. Но вскорѣ вы жестоко разочаровываетесь въ своемъ предположеніи. Читая далѣе, вы видите, что сочувствіе автора къ своему герою ростетъ не по страницамъ, а по строкамъ; передъ вами не осмѣиваемая личность, а напротивъ, воспѣваемая за свои добродѣтели дѣйствительно необыкновеннаго свойства. Дѣло въ томъ, что коварная помѣщица продаетъ свое имѣніе и уѣзжаетъ, оставя, конечно, своего обожателя въ полномъ пренебреженіи. Новыми владѣльцами имѣнія дѣлаются Ардабьевы, состоящіе изъ великосвѣтской барыни, двухъ дочерей и пасынка. Пасынокъ Ардабьевъ представляется вамъ весьма ловко и удачно очерченнымъ типомъ безхарактернаго, избалованнаго селадона, который жалуется на свою праздность, отсутствіе всякой самостоятельности вслѣдствіе излишней заботливости мачихи, а самъ въ то-же время палецъ о палецъ не двинетъ, чтобы выйти изъ своего положенія. Подобный господинъ, сходясь съ приходскимъ учителемъ, дѣлается закадычнымъ другомъ его, и герой нашъ привязывается къ своему другу, что называется, по гробъ жизни. Между прочимъ, Ардабьевъ волочится за нѣкоею Софьею Николаевною, дочерью небогатаго помѣщика, которая гоститъ у Ардабьевыхъ. Особенной любви онъ къ ней не чувствуетъ, а такъ балуется отъ скуки и праздности. Приходскій учитель, въ свою очередь, влюбляется въ Софью Николаевну, но видя, что за нею ухаживаетъ Ардабьевъ и предполагая, что она влюблена, въ свою очередь, въ Ардабьева, рѣшается скромно пожертвовать своею любовью милому другу. Здѣсь вы видите самопожертвованіе въ пользу друга — добродѣтель № 1-й.

Затѣмъ Ардабьевъ проигрывается въ картишки. Достать денегъ ему неоткуда, а мачихи онъ боится. Тогда доблестный другъ рѣшается для него на новое самопожертвованіе: рискуя потерять уваженіе благодѣтеля, онъ пишетъ ему письмо, въ которомъ разсказываетъ ему придуманную исторію, что будто онъ, увлекшись игрою, проигрался и проситъ у него денегъ... Благодѣтель присылаетъ денегъ—и другъ выручёнъ изъ бѣды. Новое великодушіе, относящееся къ той-же добродѣтели № 1-й.

Далѣе, затѣмъ, герой нашъ *подслушиваетъ* разговоръ Ардабьева съ Софьей Николаевной, изъ котораго узнаетъ, что Софья Николаевна любитъ его, бѣднаго приходскаго учителя, а Ардабьева презираетъ. При этомъ приходскій учитель убѣждается, какъ люди коварны. Тотъ самый другъ, которому онъ пожертвовалъ уваженіемъ благодѣтеля, котораго выручилъ изъ бѣды,—этотъ самый другъ, выслушавъ признаніе Софьи Николаевны, начинаетъ третировать своего спасителя съ презрительными насмѣшками барича, который не можетъ переварить, что какая-то мелочь, мразь, въ видѣ приходскаго учителя, сдѣлалась вдругъ счастливымъ соперникомъ и передъ кѣмъ-же, передъ нимъ, Ардабьевымъ.

Бѣдный герой нашъ горестно оплакиваетъ измѣну и коварство друга, но стоитъ ему услышать одно его нѣжное слово, и онъ снова бросается въ его объятія. Здѣсь вы видите постоянство въ дружбѣ и забвеніе обидъ—добродѣтели № 2-й и 3-й.

Герой нашъ млѣетъ отъ восторга, узнавши, что онъ взаимно любимъ, и притомъ такимъ совершенствомъ, какъ Софья Николаевна, но онъ бѣденъ, онъ не можетъ составить счастія любимой дѣвушки, онъ не хочетъ заѣсть ея жизни, подвергая ее всѣмъ ужасамъ нищеты, и рѣшается разстаться съ нею. Добродѣтель безъ названія—№ 4.

Но за всѣ эти огорченія, испытанія и пожертвованія, герой нашъ вознаграждается подъ конецъ повѣсти сторицею: благодѣтель узнаетъ, что его протеже и не думалъ проигрываться и что заемъ денегъ у него былъ со стороны учителя подвигомъ самопожертвованія. Конечно, льются со всѣхъ сторонъ слезы умиленія и герой уѣзжаетъ изъ села на зовъ своего высокаго благодѣтеля въ его отеческія объятія...

Читатель, можетъ быть, возразитъ мнѣ, прочитавши всю эту сентиментальную размазню, что „Приходскій учитель"—одна изъ первыхъ повѣстей Хвощинской, написанная, безъ сомнѣнія, въ ранней юности, и что ее не слѣдуетъ вовсе брать во вниманіе при оцѣнкѣ таланта ея. Возьмемъ-же наиболѣе зрѣлое и самое удачное произведеніе Хвощинской „Въ ожиданіи лучшаго", напечатанное въ „Русскомъ Вѣстникѣ", въ 58-мъ или 59-мъ году.

Мы не будемъ говорить объ отрицательныхъ типахъ романа. Эти типы столь-же безукоризненны, какъ и въ прочихъ произведеніяхъ Хвощинской, и даже, если хотите, очерчены съ гораздо большею тщательностью, рельефностью и полнотою.

Лица всего княжескаго семейства—старуха княгиня Десятова, ея внуки—Вася и Жанъ, ея приживальщицы—Аделаида Григорьевна и Анна Ѳедоровна съ дочерью Полиною, словно живые рисуются передъ вами въ романѣ въ своей будничной обстановкѣ. Мы посмотримъ на положительные характеры романа, идеальные типы, которыми Хвощинская оттѣняетъ изображаемую ею среду. Здѣсь намъ представится совершенно особенный міръ идеальныхъ армейскихъ артиллеристовъ и еще болѣе идеальныхъ управляющихъ имѣніями...

Дѣло въ томъ, что у княгини Десятовой была крестница, которая вышла замужъ за армейскаго артиллериста Алексинскаго, человѣка, одареннаго красотою, состояніемъ и всѣми возможными добродѣтелями; но по уши втянувшаяся въ свѣтскую жизнь, безхарактерная и легкомысленная, Алексинская не могла оцѣнить всѣхъ достоинствъ своего идеальнаго мужа и у молодыхъ супруговъ начался естественный, въ такомъ случаѣ, разладъ. Съ характеромъ разлада насъ отлично познакомитъ сама Алексинская въ своемъ признаніи княгинѣ.

— Вы знаете, maman, продолжала Катерина Александровна:—что, когда, четыре года назадъ, я вышла за Nicolas, я не любила его de cet amour immense, этою безмѣрною любовью, которою мы бы должны любить того, кому отдаемъ всю жизнь. J'étais orpheline, on m'a mal conseillé. Nicolas молодъ, хорошъ собою, конечно; я ничего не могла сказать противъ этого; можетъ быть, было и увлеченіе съ моей стороны. Но у него были свои привычки, у меня—мои. Помните, maman, всѣ, и вы говорили, что тутъ между нами бездна?

— Я это всегда говорила, отвѣчала княгиня:—конечно, твой мужъ и хорошъ собой, и съ прекраснымъ состояніемъ, и не глупъ, но вы съ нимъ разнаго круга, а сколько тамъ ихъ ни воспитывай... что онъ? артиллерійскій офицеръ былъ, армейскій; что же онъ видѣлъ? Вышелъ въ отставку, заставили его; только ты ввела его куда-нибудь.

— Да, maman, и вы знаете, что это стоило труда. Я должна была выносить это. Вы знаете, какъ трудно сдѣлать что нибудь такъ, въ семействѣ, между мужемъ и женой, чтобы одна сторона не замѣчала вліянія другой. Мой мужъ сталъ недоволенъ, что я брала на себя этотъ трудъ.

— Le sot! прервала княгиня:—что же, лучше то общество, въ которомъ онъ таскался, se trainait là, въ провинціи?

— Не знаю, отвѣчала, покраснѣвъ, молодая женщина:—но онъ былъ недоволенъ, онъ даже выражалъ, что это ему непріятно. Я понимаю... я не эгоистка, я понимаю, что его самолюбіе было затронуто; но и онъ долженъ былъ понять, что это необходимо... Вы не повѣрите, maman, я выдерживала сцены!.. Онъ страстно любилъ меня, я это знаю, онъ это доказывалъ, но какое упрямство! Онъ сталъ умолять меня избавить его отъ этой «школы приличія». Вотъ я даже заучила фразу! Потомъ онъ сталъ умолять меня отдалиться отъ моего общества; то говорилъ, что оно слишкомъ часто насъ разлучаетъ, то оно ему въ тягость, наконецъ, что оно пусто.

«Княгиня покачала головою, улыбаясь.

— Что же мнѣ оставалось дѣлать? я сказала ему, въ минуту раздраженія, dans un moment d'irritation, что не могу же я для него бросить кругъ, гдѣ для меня все родное. Я стала выѣзжать одна. До этого времени я все думала, все вѣрила, что онъ меня любитъ. Онъ ничего не выговаривалъ мнѣ, ни въ чемъ не противорѣчилъ, но сдѣлался такъ несносно скученъ, что, право, раздражалъ мнѣ нервы. Молчитъ, читаетъ. Я стала просто убѣгать изъ дома. Онъ отыскалъ какихъ-то старыхъ друзей; они начали появляться у него. Это были не оргіи, о, нѣтъ! но сберутся, разговариваютъ, курятъ, все это иногда за полночь. Случалось, я возвращаюсь съ бала и нахожу это общество уже не въ его кабинетѣ, но въ залѣ; на одномъ столѣ ужинъ, на другомъ шахматы, мой рояль открытъ! Его пріятель какой-то пѣвалъ романсы. Онъ вздумалъ представить мнѣ этого пѣвца: страшный, съ длиннѣйшими усами; вы можете вообразить, какъ мало меня интересовалъ его теноръ!.. Я думаю, эти физіономіи сдѣлали тогда на меня такое впечатлѣніе, что... Тогда я была въ такомъ положеніи... Я должна отдать Nicolas эту справедливость; онъ, казалось, былъ самъ готовъ упасть въ обморокъ, если видѣлъ, что я блѣднѣла. Но что за манера беречь мое здоровье, удерживая меня дома? Я продолжала выѣзжать, coute que coute. Тогда родилась моя Лили... Мнѣ говорили, что мужъ мой сходилъ съ ума отъ радости, а потомъ съ горя, когда я едва не умерла. Онъ, говорили мнѣ, десять дней не пилъ, не ѣлъ, не спалъ, не отходя отъ моей постели. Я не могла этому вѣрить, когда онъ бралъ на руки Лили; не знаю, чего я всегда боялась, ея нѣжное личико и его лицо вмѣстѣ cela me faisait un effet terrible... Онъ не далъ мнѣ привязаться къ этому ребенку... впрочемъ, слава Богу, что не далъ: я потеряла сына такъ скоро, еще не оправясь сама! Тутъ его слезы... Не эгоизмъ ли былъ съ его стороны мучить меня слезами, жалобами? развѣ я не должна быть для него дороже ребенка, котораго и онъ, и я равно лишились? Тутъ я поняла, какъ, въ два года, мы стали далеки другъ отъ друга. Между нами все было кончено, въ глубинѣ сердца. Я это чувствовала... Мы поѣхали въ деревню. Онъ оставлялъ меня одну, по цѣлымъ днямъ хозяйничалъ. У меня было только чтеніе, работа. Онъ предлагалъ прогулки... но вѣдь это нестерпимо, когда люди уже не понимаютъ другъ друга! Я имѣла мужество и, право, могу сказать это не хвалясь, я имѣла достоинство не обманывать его, не притворяться, не скрывать чувства холода, скуки, которое онъ мнѣ внушалъ...

— Давно пора было дѣлать это, замѣтила княгиня, прилежно работавшая:—надо было начать съ этого. Эти господа способны какъ разъ возгордиться при малѣйшемъ вниманіи женъ. Что же, онъ дѣлалъ тебѣ сцены?

— О, нѣтъ, никогда. Онъ молчалъ.

— Какъ человѣкъ ничтожный.
— Но онъ отмстилъ мнѣ, maman!
— Отмстилъ? Какъ? развѣ онъ способенъ?
— Hélas, oui, maman! Едва мы воротились сюда, онъ возобновилъ свои старыя знакомства, надѣлалъ новыхъ, по своему вкусу, сталъ уѣзжать изъ дома такъ же часто, какъ прежде я уѣзжала отъ него, сталъ играть.., Это продолжается два года... En un mot, maman, il me néglige!
«Катерина Александровна прослезилась».

Прочитавши эту тираду, вотъ вы и пораздумайте, какъ смотрѣть вамъ на героя романа: какъ на идеальный, добродѣтельный типъ, или какъ на человѣка съ головою, положительно какою-то деревянною. Съ одной стороны, чѣмъ же онъ не идеалистъ: посмотрите, какъ нѣжно, глубоко, страстно, постоянно любитъ онъ свою жену, просиживаетъ ночи у ея изголовья, когда она больна, проливаетъ горькія слезы при видѣ умершей малютки. Какая возвышенная страсть, что за нѣжное сердце!.. Посмотрите, какъ тяготитъ его пустое свѣтское общество, со всею его чопорностью: онъ бѣжитъ отъ хладнаго свѣта въ кружокъ милыхъ друзей, такихъ же простыхъ, добрыхъ, гуманныхъ, какъ и онъ самъ, и въ этомъ кружкѣ длятся за полночь задушевныя бесѣды о добрѣ, истинѣ, благѣ... И этого ангела во плоти не понимаетъ его пустая, вѣтреная супруга! О, сколько горя причиняетъ она ему! А онъ, хоть бы слово упрека. Молчитъ и страждетъ, ища въ кружкѣ друзей развлеченія отъ домашняго горя.

Но рядомъ со всѣмъ этимъ, вы видите, что въ этомъ героѣ не хватало настолько здраваго смысла, чтобы, если не до свадьбы, то въ первые же мѣсяцы супружества понять всю суть своей супруги и всю пропасть, которая лежитъ между имъ и ею, пропасть, замѣтьте, которую видѣли всѣ, кромѣ него. Какъ не искажены всѣ понятія Алексинской, какъ ни легкомысленно судитъ она обо всемъ, но читая вышеприведенную тираду ея, вы невольно сознаетесь, что она гораздо умнѣе своего мужа и правѣе его.

Въ самомъ дѣлѣ, чѣмъ же она виновата, что расходится съ мужемъ и въ привычкахъ, и въ понятіяхъ, и въ симпатіяхъ? Чѣмъ виновата она, что она его не любитъ, что онъ даже отвратителенъ ей? Она вѣдь не скрываетъ своего охлажденія къ нему, не притворяется любящею, не обманываетъ его. Казалось бы, что, не имѣя никакихъ идеальныхъ совершенствъ, человѣкъ, одаренный хоть каплею простого, грошоваго самолюбія, могъ бы принять въ соображеніе, что разъ его не понимаютъ, не цѣнятъ, не любятъ, то нечего надоѣдать женщинѣ своею непрошенною любовью, а остается разорвать съ нею всякія сношенія или устроить жизнь такъ, чтобы не мѣшать другъ другу... Но ужь я не знаю, до какихъ только невозможныхъ, немыслимыхъ предѣловъ доходитъ, трудно и назвать что—тупоуміе, слѣпота или крайняя дряблость Алексинскаго, который продолжаетъ донимать супругу своею нѣжною страстью, упрашиваетъ ее не ѣхать въ деревню, куда она хочетъ скрыться хоть на время отъ надоѣдавшаго ей человѣка, пишетъ ей нѣжныя письма, въ родѣ того, что двадцать-четыре часа безъ нея были очень долги, мечется во всѣ стороны, чуть не умираетъ, узнавши объ ея измѣнѣ и, наконецъ, лишаетъ себя жизни, убѣдившись окончательно въ ея пошлости.

Я не хочу утверждать, чтобы такихъ людей, какъ Алексинскій, не было въ дѣйствительности; но въ жизни такіе люди представляются весьма жалки и дряблы. Они являются передъ вами вполнѣ произведеніями той же среды, которая выдвигаетъ передъ вами героевъ въ родѣ Катерины Александровны, Полины, Жана и прочихъ личностей романа, и нисколько они не лучше этихъ лицъ. Отчасти преслѣдуя узкіе идеальчики въ духѣ прописной морали, отчасти руководясь слѣпыми, безотчетными страстями, люди эти способны надѣлать болѣе зла, чѣмъ даже обыденные, пошлые люди той же среды, не беря въ разсчетъ, что жизнь ихъ въ основаніяхъ своихъ лежитъ на такихъ же ложныхъ началахъ, какъ и жизнь Десятовыхъ. Въ самомъ дѣлѣ, у такихъ людей, какъ Алексинскій и пріятель его Нерядкій, не достаетъ на столько здраваго смысла и простой деликатности, чтобы не навязываться женщинѣ со своими чувствами и понятіями, которыя она и не понимаетъ, и не раздѣляетъ, не тиранить ее своими нравоученіями, подсматриваніями, подслушиваніями (замѣчательно, что у Хвощинской идеальные типы усердно подслушиваютъ при всякомъ удобномъ случаѣ), великодушными прощеніями и проч. Въ этомъ отношеніи, какъ ни пошлы осмѣиваемые Хвощинскою свѣтскіе люди, но они являются гораздо здравомыслящѣе идеальныхъ героевъ, а старуха Десятова положительно умнѣе всѣхъ въ романѣ. Ее нисколько не удивляетъ разладъ съ мужемъ ея крестницы, она не прибѣгаетъ при этомъ ни къ какимъ нравоучительнымъ сентенціямъ о святости семейнаго долга и обязанностяхъ жены, а напротивъ того, когда крестница возражаетъ, что при всемъ разладѣ она не раздѣляетъ съ мужемъ денежныхъ счетовъ, княгиня хладнокровно отвѣчаетъ на это:

— Совсѣмъ напрасно; это бы первое слѣдовало раздѣлить...

Положимъ, она произноситъ эти слова изъ опасенія, чтобы Алексинскій не прокутилъ денегъ своей жены. Но изъ какихъ бы пошлыхъ побужденій ни сказала княгиня эти слова, во всякомъ случаѣ, не въ тысячу-ли разъ благоразумнѣе ея отношеніе къ дѣлу, чѣмъ всѣ эти нравственныя разглагольствованія, навязыванія и терзанія во имя идеальныхъ призраковъ семейнаго счастія со стороны Алексинскаго и Нерядкаго? Не заботясь ни о какихъ идеалахъ любви и семейнаго долга, княгиня въ то же время весьма послѣдовательно разсуждаетъ, что если существуетъ пропасть между мужемъ и женою, то эту пропасть ничѣмъ не наполнишь, и вмѣсто того, чтобы трудиться понапрасну о построеніи черезъ эту пропасть соломенныхъ мостиковъ, не честнѣе ли признать фактъ разлада, какъ онъ есть и идти до конца, безъ всякихъ остановокъ, колебаній и оглядываній: если нѣтъ любви и согласія, если все идетъ врозь—и привычки, и симпатіи, то естественно остается раздѣлиться и имуществами.

Въ неизмѣримой степени гуманнѣе и деликатнѣе оказывается княгиня и во взглядѣ на связь Алексинской съ Жаномъ... Она не спѣшитъ оглушить свою крестницу громами упрековъ за измѣну ея супруже-

скому долгу, не терзаетъ и безъ того несчастную женщину изъявленіями лицемѣрнаго негодованія и презрѣнія къ падшей преступницѣ. Она очень хорошо, повидимому, понимаетъ, что если женщина не любитъ одного, то никакими силами и законами не потушите въ ней любви къ другому, и было-бы въ высшей степени жестоко и безчеловѣчно клеймить позоромъ и оскорбленіями женщину за то, что ея сердце не повинуется нравственнымъ сентенціямъ. Вы посмотрите, какъ гуманно и деликатно встрѣчаетъ княгиня крестницу послѣ всего семейнаго погрома.

«Недѣли черезъ двѣ, Катерина Александровна пріѣхала въ Бубново. Вася бѣжалъ отъ нея, самъ не зная чего скунфузясь. Княгиня поднялась на этаблисманѣ и встрѣтила ее привѣтливо.

— Bonjour, mon enfant. Тебя давно не видно.

«Молодая женщина была сконфужена и дрожала. Она, въ родѣ Васи, сама не знала чего боялась; ласковый пріемъ княгини ее ободрилъ и разчувствовалъ; она обнялась со старухой и вскричала:

— Ah, chère maman, je suis une malheureuse!

— Что такое? спросила княгиня, наморщивъ брови:—мужъ твой боленъ? Это еще не большая печаль.

— Ему лучше, maman, merci... Я потому и не была у васъ... Ему лучше, мы даже скоро возвратимся въ Москву, какъ только будетъ можно. Этимъ временемъ... я столько вынесла, chère maman, что, право, надо, чтобы Богъ далъ силу отдохнуть отъ всего. Я даже думала ѣхать заграницу.

— Что-же?

— Нѣтъ, я потомъ разочла сама. Мнѣ лучше быть между своими, между обществомъ, которое мнѣ давно знакомо, нежели одной, въ чужой землѣ, съ *нимъ!*..

— Развѣ твой мужъ хотѣлъ тоже ѣхать? спросила съ усмѣшкой княгиня.

— Да. Онъ и предлагалъ мнѣ.

— Ему-то, заграницу! сказала княгиня, продолжая усмѣхаться.—Ну, что онъ?

— Ничего, все тоже... отвѣчала Катерина Александровна, потупляя голову.

— Franchement, il n'y avait rien entre vous? спросила княгиня.

— Oh, rien! отвѣчала поспѣшно Катерина Александровна.

— Въ самомъ дѣлѣ?

— Клянусь вамъ... И за что-же?

— И онъ все по прежнему влюбленъ? спросила княгиня, улыбаясь съ удовольствіемъ особы, которой эта сцена напоминаетъ ея собственное прошлое.

— О, по прежнему, отвѣчала Катерина Александровна.

— Il est bête, mais la perle des maris, произнесла княгиня:—только скучно съ нимъ очень; рессурсовъ ужь никакихъ. Впрочемъ, въ Москвѣ тебѣ будутъ развлеченія, будешь выѣзжать, принимать у себя.

— Онъ обѣщалъ мнѣ два бала.

— Назначь дни, кромѣ того. Я пріѣду къ тебѣ играть. Останься теперь у меня на весь день. Пехлецовъ пріѣдетъ, а то я безъ партіи.

«Катерина Александровна подумала, что это ея обязанность, и сняла шляпку. Она подумала еще, освѣжившись въ родномъ ей обществѣ, что вынесла слишкомъ много въ эти горькіе дни отъ грубыхъ людей, и можетъ позволить себѣ нѣсколько часовъ удовольствія. Она стала очень весела и поиграла въ саду въ воланъ съ Васей».

Теперь вы сравните эту сцену съ слѣдующими нравственными истязаніями, которымъ подвергаетъ Катерину Александровну въ качествѣ представителя идеальнаго совершенства Неряцкій.

— Отворите, Катерина Александровна, послышалось вдругъ за дверью балкона.

Она вскочила и машинально отворила; вошелъ Неряцкій.

— De quel droit, monsieur... начала она, теряясь, гнѣваясь, испугавшись.

— Я видѣлъ, что вы еще не ложились, отвѣчалъ онъ, запирая дверь спальни:— a de quel droit, это ужъ я знаю. Вы знаете, что вашъ мужъ боленъ? Я присылалъ вамъ сказать,—сказали вамъ? Почему вы не пришли къ нему въ ту же минуту?

— А по какому праву вы меня допрашиваете? возразила Катерина Александровна:—вы забываетесь; c'est une insolence, ça n'a pas de nom...

— А то, что вы сдѣлали,—какъ назвать? прервалъ онъ тихо.—То, что вы сдѣлали, Катерина Александровна, избавляетъ отъ учтивости съ вами. Понимаете вы это? Извольте сказать мнѣ, что вы,—а потомъ кричите, что я забываюсь.

— О, какая низость, какая низость! вскричала Катерина Александровна, рыдая и падая въ кресло.—Vous êtes un homme horrible, вы сдѣлали мое несчастіе, вы донесли на меня, вы осмѣлились за мной подсматривать, подслушивать.

— Не подслушивалъ, а только слышалъ! Не подсматривалъ, а только увидѣлъ ваше униженіе: вы сами выставляли его на показъ цѣлому свѣту! Вы обезумѣли! Если-бы, четыре дня тому назадъ, не прибѣжалъ я сюда, Пехлецовъ засталъ бы васъ съ вашимъ княземъ...

— Monsieur Неряцкій!

— Я не доносилъ,—я долженъ былъ призвать вашего мужа!

— И призвали! наслаждайтесь вашимъ дѣломъ! Онъ меня убьетъ!

— Нѣтъ, *вы* его убьете... Да думаете-ли вы когда нибудь о чемъ нибудь? Есть у васъ сердце, или нѣтъ? Онъ вамъ прощаетъ,—а вы ему чѣмъ платите? слезами и мольбами за любовника! Вы мнѣ скажите, васъ учили хоть катехизису? Толковали вамъ, что такое совѣсть? Вы поклоны земные кладете на умиленіе всей вашей дворни,—а есть ли въ вашей дворнѣ женщина, которая бы пала ниже васъ?

«Катерина Александровна вскочила, не имѣя силы вскрикнуть.

— Обидѣлись? продолжалъ Неряцкій:—да въ вечернихъ молитвахъ вашихъ вы, благочестивая, разбираете ли себя? Вотъ онъ, глубокій развратъ! Вы отдались отъ нечего дѣлать, отъ пустоты, отъ лѣни понять честнаго человѣка, который загубилъ себя, связавшись съ вами... вы отдались, а не полюбили. Любить вы не умѣете,—иначе, вы бы любили вашего мужа! Это даже не страсть, это у васъ такъ, препровожденіе времени, привычка... и даже въ ней никакого достоинства! Я видѣлъ, слышалъ: негодяй васъ больше знать не хочетъ, а вы вѣшаетесь ему на шею...

— Sortez, monsieur Неряцкій! вскричала Катерина Александровна.

— Я бы убилъ васъ, продолжалъ онъ:—безъ малѣйшаго права, я-бы убилъ васъ! Я бы не сталъ, какъ этотъ несчастный, совать себѣ пистолетъ въ ротъ... какъ удалось его выхватить! Не надо васъ на свѣтѣ,—не потому, что вы невѣрная жена, не потому, что вы *одного* оскорбили,—а потому что вы отвратительное порожденіе отвратительнаго общества, потому что вы мелки, развращены, потому что, погубивъ человѣка, вы пищите о томъ, что будетъ съ вами и какъ на васъ поглядятъ тамъ, въ свѣтѣ вашемъ... будь онъ проклятъ! Слушайте, что я говорю: вамъ этого не говорили и никто не скажетъ!.. Вотъ вы вся тутъ: *онъ* умираетъ, вы романы читаете!

«Неряцкій бросилъ книгу о полъ...

Но довольно, довольно! Силъ нѣтъ выносить болѣе возмутительности этой сцены, этихъ наглыхъ, безцѣльныхъ и безчеловѣчныхъ рѣчей грубаго пошляка,

принявшаго на себя добровольно и безъ всякихъ правъ фарисейскую роль нравственнаго палача!.. И хоть-бы вспомнила эта ходячая мораль, величественно напоминающая о катехизисѣ, притчу „о блудницѣ“ изъ того же катехизиса или всѣмъ извѣстное изреченіе „не судите, да не судимы будете!..“ Такъ вотъ они каковы эти идеальныя совершенства Хвощинской, вотъ она какова, по мнѣнію Хвощинской, та среда, въ которой она видитъ противоположность свѣтской пустоты. Признаться сказать, эта прославляемая среда представляется въ романѣ неизмѣримо нелѣпѣе и пошлѣе свѣтской среды и послѣдняя является передъ нами поистинѣ во сто разъ гуманнѣе и цивилизованнѣе. Послѣ этого понятно, что Катерину Александровну тянуло въ общество, гдѣ не тыкали въ нее пальцами, не позволяли себѣ дѣлать ей грубыхъ оскорбленій во имя того, что она пала и поэтому, молъ, лишается права учтивости съ нею; понятно, что она бѣжала отъ людей, которые не съ однихъ свѣтскихъ точекъ зрѣнія, а на самомъ дѣлѣ являются передъ нами грубыми дикарями и невоспитанными невѣждами. Что же это за дрянная среда, которую Хвощинская представила намъ, какъ вмѣстилище нравственныхъ совершенствъ? Откуда взяла она своихъ безобразныхъ героевъ? А это не что иное, какъ среда самодовольнаго, грубаго мѣщанства, равно ненавистная, какъ для людей большаго свѣта, такъ и для противоположныхъ имъ людей злобы нашего вѣка. Здѣсь мы должны кстати замѣтить, что какъ ни противоположны между собою люди большаго свѣта и люди злобы вѣка, но въ то же время они гораздо болѣе имѣютъ общаго во многихъ своихъ правилахъ, чѣмъ оба эти сорта людей съ мѣщанскою средою. Вы можете сколько угодно обвинять пустоту свѣтской жизни, но вмѣстѣ съ этимъ, съ точки зрѣнія самыхъ передовыхъ идей вѣка, вы должны отдать полную справедливость многимъ свѣтскимъ правиламъ, такъ напримѣръ, хотя бы мудрѣйшему правилу не соваться съ непрошеннымъ участіемъ въ чужія семейныя дѣла, не позволять себѣ давать совѣтовъ, когда у васъ ихъ не спрашиваютъ, и не пускаться въ моральныя сентенціи, если вы не носите на себѣ рясы, которая васъ къ этому обязываетъ. Въ силу этихъ правилъ, истинно свѣтскій человѣкъ никогда не позволитъ себѣ надѣлять нравственными оплеухами женщину, измѣнившую мужу; онъ способенъ даже и съ преступникомъ любезно заговорить о политикѣ или погодѣ, ни словомъ, ни движеніемъ не намекая, что онъ передъ этимъ преступникомъ нравственное совершенство. Крайности въ этомъ отношеніи сходятся. Но полно, крайности ли это? Тѣ привычки истинно-свѣтскаго воспитанія, которыя дѣлаютъ человѣка равно со всѣми привѣтливымъ, любезнымъ, деликатнымъ и сдержаннымъ, особенно въ щекотливыхъ семейныхъ вопросахъ, не являются ли закостенѣвшими и обратившимися въ безсознательныя привычки, отголосками той эпохи, когда среда, создавшая эти свѣтскія правила, стояла во главѣ умственнаго движенія вѣка, впервые додумалась до основныхъ началъ нравственной эмансипаціи и провозгласила первые уроки истинной гуманности. Впослѣдствіи умственное движеніе перешло въ другія сферы общества; свѣтская среда застыла въ томъ видѣ, въ какомъ остановилась ея жизнь; гуманныя идеи вывѣтрились изъ ея сознанія, но многія изъ правилъ, которыя нѣкогда возникли изъ этихъ идей, остались въ ней въ видѣ культурныхъ привычекъ, безсознательно передаваемыхъ отъ отцовъ дѣтямъ. Въ силу этого пребыванія гуманныхъ и прогресивныхъ идей за кулисами безсознательныхъ, повидимому, свѣтскихъ привычекъ, послѣднія и имѣютъ въ себѣ такую привлекательность и силу, что дѣлаются обязательными для каждаго мало-мальски образованнаго человѣка. Такъ, напримѣръ, возьмите хоть свѣтскій обычай, въ силу котораго мужъ и жена имѣютъ не только отдѣльныя спальни, но и отдѣльныя половины квартиръ, и не только чужой человѣкъ, но и мужъ не можетъ войти въ спальню женщины безъ ея позволенія. Развѣ въ этомъ законѣ вы не видите перваго шага эмансипаціи женщины и ея равноправности? Женщина, безотвѣтная раба, не смѣетъ не только помышлять о правѣ пускать или не пускать мужа въ спальню, не смѣетъ обыкновенно имѣть и свою спальню. Но до такой степени сильно еще варварство мѣщанскихъ нравовъ, что когда въ половинѣ шестидесятыхъ годовъ явился романъ, въ которомъ авторъ рекомендовалъ такое устройство семейной жизни, грубая мѣщанская среда вдругъ пришла въ ужасъ и забила тревогу о покушеніи на семейную нравственность, забывши, что подобный обычай давно существуетъ въ томъ самомъ свѣтскомъ обществѣ, съ котораго такъ постоянно и такъ пошло старается обезьяничать та же самая мѣщанская среда. Герои же Хвощинской находятся на такой еще низкой ступени цивилизаціи, что, какъ мы видѣли, позволяютъ себѣ насильно врываться въ спальню женщины, даже не будучи ихъ мужьями. Впрочемъ, что же значитъ врываніе въ спальню передъ нахальнымъ врываніемъ въ нравственный міръ человѣка! Это ужь, конечно, пустяки — такъ, ничтожные свѣтскіе обычаи, которыми нравственный герой всегда можетъ пренебречь. Развѣ можетъ быть вопросъ о схватываніи за волосы, когда вслѣдъ за этимъ готовится ударъ ножемъ въ сердце?

Но вы, можетъ быть, скажете, что Хвощинская и не думала выставлять такихъ господъ, какъ Алексинскій и Неряцкій, нравственными идеалами; что она нарисовала намъ нѣсколько типовъ въ тѣхъ ихъ столкновеніяхъ, въ какихъ они представлялись ей въ самой жизни, предоставляя читателю самому выводить какія угодно заключенія изъ анализа этихъ типовъ. Но Хвощинская вовсе не принадлежитъ къ числу писательницъ вполнѣ объективныхъ и относящихся къ своимъ типамъ съ полнымъ безразличіемъ; впрочемъ, такихъ писателей и не бываетъ. Хвощинская не упускаетъ ни одной отрицательной черточки своихъ героевъ, чтобы не указать на нее читателямъ. Къ Алексинскому же и Неряцкому она относится съ безусловной симпатіей, какъ къ типамъ вполнѣ положительнымъ, и въ особенности къ Неряцкому. Вотъ заключительныя слова ея романа:

«Неряцкій, впрочемъ, давно не управляющій въ Вознесенскомъ; онъ въ то же лѣто простился съ Алексинскимъ. Съ тѣхъ поръ онъ перебывалъ почти во всѣхъ концахъ Россіи, съѣздилъ въ Америку, и теперь занимается устройствомъ одного чугуннаго

завода. *Люди, какъ онъ, не затериваются, а когда человѣкъ занятъ, ему легко живется».*

Мы тоже скажемъ, въ свою очередь, что люди, подобные Неряцкому, не затериваются, и что легко живется на свѣтѣ подобнымъ устроителямъ чугунныхъ заводовъ съ ихъ чугунными лбами и нервами.

Но мы представили читателямъ, въ лицѣ приходскаго учителя, Алексинскаго и Неряцкаго—наиболѣе типичныхъ представителей идеальнаго міра Хвощинской. Далѣе слѣдуетъ рядъ личностей совершенно безцвѣтныхъ, различныхъ добродѣтельныхъ помѣщиковъ средней руки, идеальныхъ чиновниковъ гражданской палаты и пр., и пр. Характеры эти совершенно соотвѣтствуютъ стереотипнымъ героямъ заурядныхъ французскихъ романовъ. Таковы, напримѣръ, Бѣлягинъ въ романѣ „Кто-жь остался доволенъ?", Карзановъ въ романѣ „Испытаніе", Нестоевъ въ романѣ „Послѣднее дѣйствіе въ комедіи"—все это больше ничего, какъ—благородные jeune premiers, умѣющіе постоянно и пламенно любить и мужественно отстаивать свою честь передъ дуломъ пистолета...

Послѣ этого всего понятно, что шестидесятые годы не могли удовлетворяться романами Хвощинской. Съ одной стороны, шестидесятые годы не находили ничего новаго въ ея отрицаніи свѣтской пустоты, — конькѣ, достаточно изъѣзжанномъ нашею литературою со временъ сатирическихъ журналовъ Новикова. Но это-бы еще ничего, а главное то, что тотъ идеальный міръ, который противопоставляетъ Хвощинская своимъ отрицаніямъ, является передъ нами, именно, тѣмъ самымъ міромъ, надъ которымъ болѣе всего смѣялись шестидесятые годы. Герои узенькихъ идеальчиковъ мѣщанскаго счастья и мѣщанскихъ добродѣтелей, рыцари блаженной серединки, представители постепеннаго прогреса — это были тѣ самые господа, которые наиболѣе кричали: „въ наше время, когда", публично хвастались въ газетахъ, что они не берутъ взятокъ, были вѣчно вседовольны и всесовершенны, и впослѣдствіи первые встали въ ряды благоразумныхъ сѣятелей и піонеровъ, принявшихся расчищать поле россійскаго прогреса отъ вредныхъ плевелъ безразсуднаго отрицанія. Въ то же время, хотя шестидесятые годы симпатизировали людямъ честнаго труда, возставая на среду свѣтской праздности, но подъ людьми честнаго труда они разумѣли вовсе не сердобольныя посредственности, довольствующіяся скромною жизнью подъ соломенною крышей, и тѣмъ менѣе тѣхъ тружениковъ, которые толкутся въ переднихъ благодѣтелей и втираются, во что бы то ни стало, въ свѣтское общество, чтобы сидѣть тамъ, хоть на кончикѣ стола, глотая всякія униженія.

IV.

Да, шестидесятые годы были гордою эпохой, которая не умѣла и не хотѣла мириться на какихъ-нибудь узенькихъ и маленькихъ идеальчикахъ. Шестидесятые годы требовали отъ литературы, чтобы она лучше не выводила ничего положительнаго, идеальнаго, чѣмъ обманывала людей, утѣшая ихъ пряничными героями, изъ-подъ сусальнаго золота которыхъ выглядывало бы копѣечное тѣсто.

Но измѣнились времена и снова упала волна нашей жизни. И опять мельчаютъ интересы, мельчаютъ люди; опять жизнь начинаетъ тянуться день за день, безцвѣтно и вяло, и опять мы видимъ въ литературѣ тѣ же неизмѣнные симптомы. Снова героями ея сдѣлались рыцари пятаковъ, благолѣпные администраторы въ pince-nez и съ пушистыти бакенбардами, ревностные поборники мѣщанскихъ добродѣтелей и установители россійскаго прогреса въ благоприличные предѣлы. Эти рыцари величественно красуются въ современныхъ романахъ, пылая негодованіемъ и презрѣніемъ къ павшимъ и отошедшимъ въ вѣчность героямъ отрицанія и сомнѣнія шестидесятыхъ годовъ, которыхъ усердные романисты спѣшатъ въ запуски осмѣивать и освистывать. Снова подняла голову узкая, мѣщанская мораль, дѣлающая передовые вопросы литературы и жизни изъ карточки актрисы, снявшейся слишкомъ декольте, или излишняго поднятія ноги танцовщицею. И въ этомъ отношеніи стыдливая и скромно потупляющая взоры литература нашего времени вполнѣ уподобляется старой дѣвѣ, которая чѣмъ болѣе ахаетъ и возмущается о безнравственности, чѣмъ болѣе старается отогнать отъ себя всякія нечистыя мысли, тѣмъ болѣе преслѣдуютъ ея воображеніе самыя соблазнительныя картины. Совершенно точно такъ же и тѣ изъ нашихъ литераторовъ, которые наиболѣе бьютъ тревогу о паденіи нравовъ, въ то же время наиболѣе угощаютъ читателей клубничными сценами самаго вожделѣннаго свойства.

Вмѣстѣ со всѣмъ тѣмъ вы слышите въ литературѣ и грубые, нахальные голоса, напоминающіе вамъ вполнѣ поборниковъ нравственности въ родѣ Неряцкаго... Совершенно въ pendant Неряцкому, находившему, что Катерина Александровна, измѣнивши мужу, лишается этимъ права на учтивость, и эти голоса негодуютъ на судей, обращающихся вѣжливо съ подсудимыми. Вѣкъ Неряцкихъ, вѣкъ грядущаго господства грубаго мѣщанства требуетъ, чтобы преступникамъ читались такія же нотаціи, какія Неряцкій читалъ Катеринѣ Александровнѣ, и что всего смѣшнѣе, подобные голоса раздаются изъ той самой части литературы, которая болѣе всего претендуетъ на защиту свѣтскихъ интересовъ и свѣтскихъ нравовъ! Послѣ этого всего понятно, что при всеобщемъ измельчаніи литературныхъ интересовъ, при крайнемъ съуженіи литературной мысли—романъ Хвощинской „Большая Медвѣдица" приходится вполнѣ въ уровень нашему времени. Въ шестидесятыхъ годахъ романъ этотъ коекѣмъ прочелся бы, кое-кому понравился, но навѣрное остался бы безъ вниманія, какъ, напримѣръ, остался незамѣченнымъ въ свое время романъ „Въ ожиданіи лучшаго". Но въ наше время „Большая Медвѣдица" сдѣлалась вдругъ передовымъ явленіемъ литературы, несмотря на то, что романъ этотъ нетолько что ниже „Въ ожиданіи лучшаго", но не выдерживаетъ критики сравнительно съ многими произведеніями Хвощинской пятидесятыхъ годовъ.

Говорятъ, что въ романѣ вы встрѣтите множество прекрасныхъ отдѣльныхъ сценъ, отдѣланныхъ съ неподражаемымъ художествомъ, что многіе свѣтскіе и провинціальные типы очерчены съ рельефностью и выдержанностью недюжиннаго таланта, таковы Лидія Верховская, Волкаревы, Духановъ и пр., что общественныя симпатіи и антипатіи автора вполнѣ честны

и современны и проч. и проч. Но при этомъ забываютъ, что развѣ можно судить о достоинствѣ романа по нѣсколькимъ отдѣльнымъ сценамъ и мѣстамъ, по двумъ, тремъ удачнымъ типамъ, забывая, что сила романа въ тѣхъ обобщеніяхъ жизни и въ тѣхъ выводахъ, къ которымъ приходитъ читатель изъ чтенія всего романа отъ начала до конца. Отдѣльныя прекрасныя мѣста и удачно очерченные типы вы встрѣтите и въ „Отцахъ и дѣтяхъ" Тургенева, и въ „Взбаламученномъ морѣ" Писемскаго, а тѣмъ болѣе въ „Обрывѣ" Гончарова, но между тѣмъ люди, маломальски серьезно смотрящіе на литературу, остались почему-то недовольными этими произведеніями при всѣхъ ихъ эстетическихъ красотахъ. Что же касается до честности симпатій и антипатій автора, то что намъ до нихъ за дѣло, если мы видимъ, что авторъ питаетъ симпатіи къ тому, о чемъ онъ имѣетъ весьма смутныя и неопредѣленныя понятія; мы не знаемъ, можетъ быть, онъ и не симпатизировалъ бы этимъ самымъ явленіямъ жизни, еслибы изучилъ ихъ, какъ слѣдуетъ.

Прежде всего поражаетъ васъ въ романѣ крайняя неестественность главнаго героя романа Верховскаго; но что всего смѣшнѣе, вы видите такого рода неестественность, при условіи которой только и оказалась возможною фабула романа, то-есть поставь авторъ своего героя на вполнѣ естественную почву — и романъ далѣе первой части оказался бы невозможенъ.

Чтобы читатель могъ судить, какъ неестественъ Верховскій, мы сравнимъ его съ героемъ небольшой повѣсти Хвощинской „Искушеніе", написанной въ 1854 году.

Герой этой повѣсти — Озеринъ представляется вполнѣ прототипомъ Верховскаго. Въ повѣсти развивается передъ вами та же самая борьба честной бѣдности съ искушеніемъ разбогатѣть легкимъ, но постыднымъ образомъ. У Озерина богатый дядя, который обѣщаетъ сдѣлать его наслѣдникомъ всѣхъ своихъ богатствъ съ тѣмъ, чтобы онъ помогъ ему выиграть неправедный процессъ, грозящій разореніемъ цѣлому семейству. Но надо замѣтить, что та же самая идея развита въ повѣсти въ неизмѣримой степени естественнѣе и вѣрнѣе, чѣмъ въ „Большой Медвѣдицѣ".

Съ одной стороны, вы не понимаете, какъ такая идеальная женщина, какъ мать Верховскаго, могла воспитать такого дряннаго и слабохарактернаго сына. Вѣдь вы подумайте, что за обстановка окружала Верховскаго въ дѣтствѣ. Мать его по смерти отца бросила все прежнее—свѣтскую праздность, балы и наряды,—не захотѣла слышать ни о какихъ благодѣяніяхъ и протекціяхъ и начала самостоятельно зарабатывать честный хлѣбъ уроками. Сынъ въ промежуткахъ чтенія, занятій, переводовъ, англійскихъ уроковъ, носилъ воду, кололъ дрова, топилъ печи, подметалъ дворъ... „Онъ прежде любилъ ее, говоритъ Хвощинская: въ бѣдности сталъ обожать. Онъ видѣлъ, что она не старалась выказывать твердость, только для того, чтобы поддержать его: она не притворялась, она была тверда въ самомъ дѣлѣ, въ самомъ дѣлѣ товарищъ, съ которымъ легко жилось, при которомъ было стыдно сробѣть или залѣниться. *Она была его нравственной силой*, говоритъ далѣе Хвощинская, какъ будто прямо издѣваясь надъ читателемъ: ему хотѣлось быть чѣмъ-нибудь для нея. Онъ сталъ ея радостью. Бѣдность была велика, но велико было счастіе всякій день больше и больше любить другъ друга, встрѣчаться каждое утро съ восторгомъ, будто послѣ разлуки нѣсколькихъ годовъ, жить только вдвоемъ—и все не наговорится".

Какъ же это изъ такого воспитанія Верховскій не вынесъ никакого нравственнаго закала и поддался, очертя голову, первому искушенію, когда отъ него въ то же время никто не требовалъ, никто не ждалъ такой ужасной жертвы. Неужели мать, читая, бесѣдуя съ юношей, никогда не натыкалась на вопросъ о женитьбѣ, и ей въ голову не пришло внушить сыну, что такое значитъ—жениться на богатой, или съ другой стороны, неужели она никогда не говорила ему, чего она ожидаетъ отъ него въ жизни? Вотъ-тото и есть, что бѣда изображать слишкомъ идеальные типы, имѣя дѣло съ нашею жизнію! Другое дѣло, еслибы Хвощинская вмѣсто „ненаглядной" и „святой", какъ величаетъ постоянно Верховскій свою мать, вывела бы обыкновенную, обѣднѣвшую помѣщицу, которая поневолѣ принуждена давать уроки, иначе нечѣмъ было бы ей жить, и при этомъ съ утра до ночи только и дѣлаетъ, что стонетъ о своей бѣдности, о своемъ унизительномъ положеніи, разсыпается передъ сыномъ слезливыми рѣчами о своемъ самопожертвованіи для него и о томъ, что, конечно, онъ воздастъ ей за все это сторицею, когда выучится, сдѣлается генераломъ, женится на богатой, разбогатѣетъ и пр.—тогда понятенъ былъ бы пагубный шагъ Верховскаго, къ которому онъ былъ бы приготовленъ съ дѣтства.

Вотъ въ этомъ отношеніи „Искушеніе" и представляется перломъ сравнительно съ „Большою Медвѣдицею". Вы видите здѣсь наглядно побудительныя причины къ искушенію, и притомъ такого рода, которыя заурядны въ жизни. Бѣдные родители, отпуская дѣтей на послѣднія деньги въ университеты, о томъ только и мечтаютъ обыкновенно, что сыновья, выйдя кандидатами, начнутъ хватать звѣзды съ неба, что имъ будутъ открыты двери повсюду, что почести и богатства такъ и посыпятся на нихъ. А между тѣмъ, изъ университетовъ сыновья зачастую выносятъ рядъ убѣжденій, совершенно противоположныхъ ожиданіямъ родителей... Вотъ и образуются двѣ противоположныя тяги при первомъ столкновеніи молодаго человѣка съ жизнію. Убѣжденія, вынесенныя изъ университета, тянутъ въ одну сторону, а родные слезно умоляютъ и плачутъ, вопятъ о неблагодарности, о черствости сердца, гордости и проч. „Къ чему послужило, говорятъ они, все это образованіе, которое мы тебѣ дали, зачѣмъ тратили на тебя послѣднія деньги, когда ты не хочешь воспользоваться такимъ прекраснымъ случаемъ, чтобы, осчастливя себя, выручить и насъ изъ той нищеты, которую мы столько лѣтъ терпѣли и при томъ терпѣли отчасти и по твоей милости, удѣляя на твое воспитаніе послѣднія крохи?" Вотъ здѣсь есть о чемъ подумать, есть съ чѣмъ побороться... Вамъ становится жаль Озерина, когда вы видите, что его толкаютъ въ пропасть родные — мать и сестра, которые ежедневно жалуются передъ нимъ на свою нищету и съ жадностью ухватываются за предложеніе дяди, укоряя Озерина въ гордости и

безсердечій, если онъ откажется отъ этого предложенія. Положеніе Озерина поистинѣ трагическое: согласиться на предложеніе дяди,—значитъ ринуться прямо въ пропасть лжи и преступленія и сказать прости всѣмъ своимъ убѣжденіямъ; отказаться—но тогда онъ останется навсегда въ глазахъ матери неблагодарнымъ, безчувственнымъ сыномъ и долженъ будетъ вѣчно слушать попреки, не въ силахъ будучи доставить роднымъ такого матеріальнаго довольства, какое имъ представлялось, еслибы онъ послушался ихъ.

Подобное положеніе Озерина тѣмъ болѣе поражаетъ васъ, чѣмъ зауряднѣе и общѣе оно. Вы сознаете, читая повѣсть, что можетъ быть подъ каждою кровлею совершается подобная борьба, и кто въ своей жизни не вынесъ нѣсколько такихъ же мгновеній. Вотъ это и есть именно то, что называется въ искусствѣ широкимъ обобщеніемъ. Между тѣмъ, какъ женитьба Верховскаго представляется какимъ-то исключительнымъ, необъяснимымъ случаемъ, если взять въ разсчетъ идеальность матери и тотъ нравственный закалъ, который онъ долженъ былъ получить въ дѣтствѣ и который еще болѣе должно было укрѣпить университетское образованіе. Въ дѣйствительности людямъ съ подобнымъ воспитаніемъ и развитіемъ, какое получилъ Верховскій, не пришла бы и въ голову мысль о такой женитьбѣ... Не нашелъ-бы онъ мѣста, поѣхалъ-бы къ матери раздѣлять съ нею нищету и грошовые уроки и навѣрное въ два-три года что-нибудь и подвернулось-бы лучшее. Но тогда не было-бы и романа, не было-бы падшаго Верховскаго съ воспоминаніями о „святой“.

Но предположимъ, что такъ или иначе Верховскій палъ. Далѣе затѣмъ вы встрѣчаете новый рядъ несообразностей, опять-таки ставящихъ „Большую Медвѣдицу“ въ весьма невыгодное положеніе сравнительно съ „Искушеніемъ“.

Дѣло въ томъ, что та острая нравственная борьба, которая изображена въ обоихъ произведеніяхъ, не можетъ длиться долго, не уничтоживъ человѣка. Человѣкъ можетъ воротиться на прежнюю дорогу, но не иначе, какъ вскорѣ послѣ паденія, пока есть еще возможность возврата и еще не поздно. Если же человѣкъ безвозвратно оторванъ отъ старыхъ береговъ, то волна жизни не замедлитъ унести его. Конечно, случается иногда, что прежнее глубоко сидитъ въ сердцѣ человѣка, и ложность шага не перестаетъ мучить его, но при такихъ обстоятельствахъ нервы его не въ состояніи бываютъ выносить долго подобныхъ мученій, стыда, угрызеній и воспоминаній. Если нѣтъ возврата, человѣкъ начинаетъ искать какого-бы то ни было исхода, чтобы покончить сразу съ погубленною жизнію, онъ стрѣляется, а не то — ему грозитъ сумасшествіе, чахотка. Вообще, какъ-бы ни были сильны нервы—постоянное, упорное напряженіе ихъ такъ же невозможно, какъ и постоянная безсонница. Но случаи трагическихъ исходовъ изъ нравственной борьбы вообще рѣдки. По большей же части чувство самосохраненія беретъ верхъ, къ тому же новая обстановка, новая среда, въ которую человѣкъ вступаетъ—дѣлаютъ свое вліяніе на него, обтесываютъ, полируютъ его по своему. Сначала ему жалко прежняго, неловко, стыдно своего паденія — но мало по малу болото, въ которое онъ свалился, всасываетъ его; онъ свыкается со своимъ положеніемъ, обживается въ новой средѣ, а совѣсть — о, для нея какъ разъ возникаютъ цѣлыя утѣшительныя теоріи, которыми человѣкъ спѣшитъ не только оправдать свой поступокъ, но даже представить его въ идеальномъ свѣтѣ — и глядишь, часто не только въ два-три года, — въ нѣсколько мѣсяцевъ передъ вами совсѣмъ иной господинъ, не имѣющій ни малѣйшаго подобія съ прежнимъ.

Въ „Искушеніи“ нравственная борьба представлена тѣмъ естественнѣе, чѣмъ короче она длится — всего какихъ-нибудь два мѣсяца, въ исходѣ которыхъ Озеринъ не выдерживаетъ и круто разрываетъ съ дядею сношенія, чѣмъ и кончается повѣсть. Хотя и изъ этихъ двухъ мѣсяцевъ Озеринъ вынесъ столько униженія, столько гнетущихъ воспоминаній, что, конечно, всю жизнь будутъ ему помниться эти два мѣсяца, но все-таки его хоть сколько-нибудь будетъ поддерживать и утѣшать спасительный выходъ изъ искушенія. Верховскій же влѣзъ въ болото по уши, безъисходно, безутѣшно, и между тѣмъ впродолженіи 10 лѣтъ остался тѣмъ же Верховскимъ, какимъ былъ подъ вѣнцомъ или шелъ за гробомъ матери, т.-е. съ тѣмъ же гнетущимъ сознаніемъ своего паденія и съ тѣми же острыми муками совѣсти. Но вѣдь это невозможно прежде всего съ чисто-физіологической точки зрѣнія. Не аллегорически, а буквально это точно также нелѣпо, какъ представить человѣка, который 10 лѣтъ куска хлѣба въ ротъ не бралъ и остался все такимъ же полнымъ, румянымъ, сильнымъ. Или нервы у Верховскаго были изъ толстыхъ стальныхъ проволокъ? При нашихъ скудныхъ физіологическихъ свѣдѣніяхъ мы не въ состояніи ощутить всей колоссальности этой нелѣпости, но наши потомки навѣрно расхохочутся при представленіи Верховскаго, который 10 лѣтъ все нылъ, нылъ и не изнылъ... Для нихъ это будетъ такая же безобразная гипербола, какою представляется для насъ выпиваніе нашими богатырями чары вина въ полтора ведра. Верховскій могъ прожить 10 лѣтъ со своею супругою (и замѣтьте, какою еще ужасною супругою) только при одномъ условіи—окончательнаго всосанія его тѣмъ болотомъ, въ какое онъ попалъ. И нельзя сказать, чтобы Хвощинская не вѣдала о процессѣ подобнаго всасыванья. Такъ, вы видите въ концѣ уже романа, что Верховскій вдругъ какъ-то начинаетъ мириться и съ обстановкой, и съ обществомъ, и съ женою, начинаетъ жаждать покоя и веселья, роскошно убираетъ домъ къ восхищенію Лидіи Матвѣевны, восхищается помѣщикомъ Ильицинымъ, главнымъ соучастникомъ въ грабительствѣ, процессъ о которомъ ему поручено изслѣдовать, склоняется все болѣе и болѣе на сторону Волкарева — и все это въ то время, когда подъ бокомъ у него была уже Катерина со своими пламенными увѣщаніями... Какъ же это въ теченіи 10 лѣтъ раньше, при болѣе удобныхъ обстоятельствахъ, онъ не успѣлъ опошлѣть, а началъ пошлѣть только въ концѣ романа?... Но опять-таки въ такомъ случаѣ была бы жизненная правда, но не вышло бы романа, потому что настоящій Верховскій, каковы подобные люди бываютъ въ жизни, безъ сомнѣнія, явился бы передъ Катериною послѣ 10-ти-лѣт-

няго супружества съ Лидіей Матвѣевной въ такомъ уже безобразномъ видѣ, что, безъ сомнѣнія, вмѣсто любви могъ бы внушить героинѣ одно омерзѣніе...

Хвощинская могла-бы, правда, влюбить Верховскаго и вскорѣ послѣ его женитьбы и смерти матери, но тогда Верховскій былъ столь еще юнъ, что не могъ бы занимать того положенія въ губернскомъ обществѣ, какъ впослѣдствіи. Ему, пожалуй, и не поручили бы ни покупки имѣнія, ни слѣдствія — какъ молокососу. Однимъ словомъ, куда ни кинь, все выходитъ клинъ.

Далѣе затѣмъ отъ Верховскаго намъ приходится обратиться къ міру праведниковъ и святыхъ, выражаясь цвѣтистымъ языкомъ Хвощинской, или сказать проще, къ тѣмъ героямъ азбучной морали, которыми Хвощинская утѣшаетъ обыкновенно сердца читателей и въ которыхъ она ищетъ примиренія съ жизнію.

«А вѣдь есть люди, говоритъ Верховскій, оглядываясь на широкое пространство, открытое кругомъ. — Градъ, говорятъ, праведниками спасается. Должны быть люди, въ которыхъ живо сознаніе, которые въ настоящемъ видятъ не одну нужду да корысть... Далеко запрятались эти люди!»...

Далѣе оказывается, что градъ, въ который попалъ Верховскій, спасается двумя праведниками: идеальнымъ предсѣдателемъ палаты государственныхъ имуществъ Багрянскимъ и столь же идеальною дочерью его Катериною.

Но здѣсь мы имѣемъ дѣло даже не съ обыденною уличною моралью. Передъ нами предстаетъ утѣшительный типъ въ духѣ „Переписки съ друзьями“ Гоголя.

На первый разъ васъ поражаютъ черты характера Багрянскаго, повидимому и въ самомъ дѣлѣ идеальныя. Выйдя изъ семинаристовъ, почти изъ народа, Багрянскій оказался человѣкомъ крѣпкаго закала — честный, трудолюбивый, врагъ роскоши и свѣтской пустоты и ставящій на первый планъ благо ввѣренныхъ ему крестьянъ, о которыхъ онъ печется, какъ родной отецъ. Всѣ, выходящіе отъ него изъ кабинета или изъ палаты, выходятъ не иначе, какъ со слезами умиленія. Волкаревъ его ненавидитъ и дѣлаетъ ему всякія непріятности, но онъ смѣло борется со всѣми неправдами и остается непоколебимъ.

У него есть дочка, которая составляетъ его единственное утѣшеніе, гордость, которой онъ чуть не молится. У него есть сынъ, изъ котораго вышелъ негодяй, и онъ не хочетъ и слышать о немъ.

Ко всѣмъ этимъ достоинствамъ присоединяется еще то, что онъ до крайности религіозенъ. Впродолженіе всего романа онъ только и дѣлаетъ, что все молится, кладетъ земные поклоны, и Хвощинская съ большими подробностями излагаетъ намъ каждую его молитву.

Но вотъ пріѣзжаетъ сынъ, произведенный въ офицеры изъ рядовыхъ, въ которые онъ былъ разжалованъ за свои преступленія, и родительское сердце его разчувствовалось!

— Домъ твоего отца — твой домъ! произнесъ Багрянскій, твердо и торжественно осѣняя его крестомъ. — Боже, помилуй, прости меня грѣшнаго! Прощаю и разрѣшаю тебя, сынъ мой! да будетъ надъ тобою милость Господня и мое благословеніе, во имя Отца, и Сына, и Святаго Духа отнынѣ и до вѣка! Аминь!

Такъ, читатель, отецъ простилъ своего блуднаго сына. Простилъ негодяя, и вдругъ что-же: словно по мановенію волшебнаго жезла, самъ изъ идеальнаго человѣка сдѣлался негодяемъ. Его начало заѣдать самолюбіе, что онъ съ своей стороны недостойнаго простилъ, а Катерина не хочетъ прощать брату его преступленій и выказываетъ къ тому же неудовольствіе, зачѣмъ отецъ простилъ такого преступнаго сына. Видя подобную гордыню со стороны дочери, отецъ началъ еще болѣе класть земныхъ поклоновъ, чтобы Господь смирилъ сердце ея, но молясь о смиреніи дочери — въ то же время самъ онъ сдѣлался жестокъ и несправедливъ съ подчиненными и крестьянами. Но будемъ говорить словами самого автора.

«Онъ рыдалъ. Ему было ее какъ-то жаль, жаль, безмѣрно жаль. Почему? Онъ отворачивался отъ этого вопроса. Онъ освѣтился самъ для себя своимъ прощеніемъ сыну и считалъ обязанностью смирить *ее*, пробудить въ ней чувство раскаянія и милосердія. Эта была одна его мысль. Занятый только тѣмъ, что происходило и волновало его въ семьѣ, истомленный, растерянный, онъ переставалъ сознавать, что дѣлалъ. Его тяготилъ трудъ, служба... прежде было изъ-за чего трудиться! Теперь являлась усталость, вялость въ дѣлахъ, требующихъ энергіи, копотливость въ пустякахъ, трата времени, забывчивость, что-то вдругъ старчески мелкое и злое. Его презрительный тонъ съ подчиненными, придирчивость, подозрительность становились невыносимы. Прежде его строгости боялись только виноватые; теперь, повторяя Богу, что совершилъ подвигъ благости, онъ будто свыше принялъ благословеніе карать и казнить... или, страдая и стыдясь этого «подвига», вымещалъ его на другихъ, срывалъ сердце, наслаждался, находя людей виноватыми. Въ палатѣ удивлялись и трепетали. Дома, въ утренніе часы просителей, его грубая брань на крестьянъ терзала Катерину.

— Послушайте, — сказала она, захлопывая и запирая дверь въ прихожую, гдѣ толпились крестьяне: — оглянитесь на себя, что вы дѣлаете?

— Что ты, матушка?

— Что вы дѣлаете? — повторила она: — вы несправедливы, вы жестоки, вы шутите. Оглянитесь. Это несчастные, ихъ обидѣли, они просятъ заступиться; вся-то вина ихъ — нагрубили, а вы ихъ ведете въ ссылку! Опомнитесь, разберите!

— Не за свое берешься, Катерина Николаевна...

Вотъ вамъ и нравственный идеалъ, сила жизненнаго закала, праведникъ, спасающій градъ, старый мудрецъ, рѣчамъ котораго съ удивленіемъ внималъ Верховскій. Изъ-подъ всей цвѣтистой риторики, въ которую Хвощинская облекла своего героя — вдругъ передъ вами самъ собою предсталъ настоящій Багрянскій, какимъ созидаетъ подобныхъ людей жизнь, старая приказная ханжа, которую можетъ сломить первая семейная невзгода, да и невзгода-то самого какого-то допотопнаго свойства, вертящаяся на домостроевскомъ вопросѣ: прощать или не прощать, покарать преступнаго сына или помиловать. Видя подобнаго Багрянскаго въ послѣднихъ частяхъ романа, вы поневолѣ начинаете думать: да не таковъ-ли онъ былъ и прежде до своего превращенія? Не возвела-ли Хвощинская своего героя на пьедесталъ, чтобы непремѣнно найти спасающаго градъ праведника? Тѣмъ болѣе, что самый процессъ превращенія старика заставляетъ

васъ сомнѣваться въ своемъ правдоподобіи. Описанный какою-то надутою риторикою, полубиблейскимъ слогомъ, поставленный въ какія-то заоблачныя выси, припахивающій запахомъ постнаго маслица — этотъ процессъ превращенія живо напоминаетъ вамъ Гоголя въ его послѣдніе годы, и вамъ невольно думается, что послѣ „Большой Медвѣдицы" не издастъ-ли Хвощинская переписку съ друзьями въ такомъ же духѣ и тонѣ.

Но все это цвѣточки, ягодки впереди. Въ концѣ романа Багрянскій дѣлается положительнымъ чудовищемъ, послѣ внезапнаго открытія Верховскаго въ спальнѣ Катерины и постыднаго бѣгства героя. Казалось бы, что нисколько неидеальный человѣкъ, самый обыкновенный изъ обыкновенныхъ рутинеровъ— и тотъ, если-бы нѣжно любилъ дочь, то хоть бы выслушалъ ее, прежде нежели проклинать и карать. А этому мудрецу могучаго закала и опыта, и въ голову не пришло, что передъ нимъ дочь, которая столько лѣтъ дѣлила съ нимъ радость и горе, помогала ему во всемъ, составляла его единственную гордость и утѣшеніе... Не удостоивъ ее трехъ-четырехъ словъ объясненія, онъ сразу началъ третировать ее куда хуже, злѣе и безчеловѣчнѣе, чѣмъ третировалъ Нерядкій Катерину Александровну. Какъ вамъ понравится, напримѣръ, хотя-бы слѣдующій разговоръ:

— Какъ вы себя чувствуете?—спросилъ онъ, бѣгло оглянувъ ее всю, отъ гладко-убранныхъ волосъ до пышнаго платья.—Разрядилась!

— Батюшка,—вскричала она:—что вы съ собой дѣлаете?

Онъ отсторонился, оглянулся опять съ отвращеніемъ, съ ужасомъ, съ презрительной насмѣшкй восторженнаго торжества, и закинулъ голову, будто наступая на что-то поверженное.

— Надо вамъ объявить,—началъ онъ.—Кто сегодня оправлялъ лампадку?

Онъ указалъ на образъ.

— Не знаю,—отвѣчала Катерина.

— Не ты, слава Богу! Не смѣй прикасаться. И безъ того столько времени... Господи, прости мое прегрѣшеніе!

Въ страхѣ и умиленіи онъ зашепталъ молитву.

Не напоминаетъ-ли вамъ Багрянскій въ этой омерзительной сценѣ старую Кабаниху „Грозы"? Да, онъ таковъ и есть съ ногъ до головы, и если-бы Хвощинская не мудрствуя лукаво, безъ цвѣтистой риторики и идеальничанья представила намъ Багрянскаго, какъ онъ есть въ самой жизни, тогда навѣрное ей пришлось бы съ первой страницы отнестись къ этому господину отрицательно. Но тогда не было бы праведника, спасающаго градъ, не было-бы дивнаго уголка, обвѣяннаго благодатью, въ которомъ даже щи со снытью и манная каша кажутся вкуснѣе, чѣмъ въ другомъ мѣстѣ; не надъ чѣмъ было бы пролить цвѣтистой риторики.

Теперь намъ остается разсмотрѣть типъ главной героини романа—Катерины. Здѣсь мы опять видимъ то же печальное заблужденіе таланта, какое мы видѣли вездѣ. Вѣдь нельзя сказать, что Хвощинская сочиняла типы, выдумывала; она беретъ ихъ изъ дѣйствительности: и Нерядкихъ, и Багрянскихъ вы встрѣтите много въ жизни. Но бѣда вся въ томъ, что эти типы она ложно освѣщаетъ, возводитъ ихъ на идеальные пьедесталы и иногда страшно искажаетъ ихъ, желая утѣшить сердца читателей такими прекрасными явленіями жизни, въ которыхъ ничего нѣтъ въ сущности прекраснаго, или если и есть свои хорошія стороны, то далеко не столь безусловно идеальныя, какъ ихъ обыкновенно старается раздуть авторъ.

То же самое мы видимъ и въ типѣ Катерины. Задуманъ этотъ типъ весьма удачно. Но для того, чтобы уяснить намъ, что такое Катерина не въ романѣ, а въ самой жизни, для этого намъ слѣдуетъ поступить съ нею такъ-же, какъ мы поступали и съ другими героями романовъ Хвощинской, т. е. снять ее съ пьедестала и развѣнчать отъ всѣхъ риторическихъ украшеній, въ родѣ „черныя вьющіяся косы", „гордые взоры", „пламенныя рѣчи", „ненаглядная радость", „чище свѣтлостей солнечныхъ" и проч.

Въ сущности Катерина больше ничего, какъ смазливенькая провинціальная барышня съ нѣсколькими хорошими задатками и не безъ характера—энергическая, страстная, она жаждетъ широкаго круга жизни, дѣятельности, встрѣчи съ идеальными людьми, но въ то же время жизнь ея замкнута въ тѣсный кругъ провинціальнаго захолустья, ея горячая головка путается въ лабиринтѣ узкихъ, отжившихъ преданій, перемѣшанныхъ съ радужными мечтаніями самаго неопредѣленнаго свойства. Подобнаго рода барышни постоянно томятся и чего-то ждутъ, имъ хочется сдѣлать что-нибудь полезное и притомъ выходящее изъ ряда обыкновеннаго, и все онѣ не знаютъ, къ чему приложить свои молодыя силы, которыя бродятъ въ нихъ и ищутъ исхода; отсюда рядъ бросаній въ разныя стороны; то примется барышня за чтеніе и не выпускаетъ изъ рукъ книги по цѣлымъ днямъ, то набѣжитъ на нее волна веселья, и она порхаетъ по бальнымъ заламъ до упаду, то вздумаетъ помогать папенькѣ, начнетъ строчить разныя бюрократическія бумаги, то вдругъ страстно привяжется къ какому-нибудь котенку.

Если-бы Хвощинская въ такомъ простомъ и безхитростномъ видѣ, представила намъ Катерину, образъ ея былъ бы все-таки симпатиченъ, но отъ него вѣяло-бы простою, жизненною правдою, вы видѣли бы въ этомъ образѣ тысячи провинціальныхъ барышень самаго высшаго сорта, какой только можетъ производить наша убогая жизнь. И съ другой стороны вамъ понятна была бы любовь Катерины къ Верховскому. Не идеальная, а обыкновенная провинціальная барышня, мало видѣвшая людей, мало знакомая съ жизнью, могла легко не разглядѣть съ перваго взгляда дрянности Верховскаго, и въ то же время, среди пустыхъ провинціальныхъ фатовъ, ее легко могъ поразить человѣкъ, при первомъ же свиданіи заявившій себя отдачею сосѣднимъ крестьянамъ земли, неправильно отнятой у нихъ прежнимъ владѣльцемъ. Мы не будемъ входить въ соображенія на счетъ того, на сколько высокъ и великодушенъ подобный подвигъ, и подвигъ-ли это; но Катерина и въ такомъ мизерномъ родѣ ничего подобнаго не видала вокругъ себя—и Верховскій могъ легко показаться ей необыкновеннымъ героемъ, человѣкомъ, котораго она такъ долго ждала. Къ тому же человѣкъ этотъ такъ несчастенъ, такъ убитъ судьбою, и очень понятно, что увлекшаяся и влюбившаяся по уши провинціальная

барышня сейчасъ-же возомнила, что цѣль жизни ея найдена: быть его утѣшительницею, нравственною поддержкой, склонить его на разные подвиги и, помогая ему въ совершеніи этихъ подвиговъ, идти съ нимъ рука объ руку. Но какіе же особенные подвиги могла сочинить Катерина для своего героя при скудости и мертвенности жизни вокругъ нея, да къ тому же еще при полномъ невѣдѣніи этой жизни? Она была совершенно въ положеніи ребенка, воображеніе котораго вращается въ кругу того маленькаго мірка, среди котораго онъ живетъ, и онъ въ состояніи придумать только такія игры, которыя отражаютъ жизнь этого мірка. Такъ и Катерина могла измыслить для своего героя только такіе подвиги, какіе были въ сферѣ наблюдаемой ею жизни. Она видѣла вокругъ себя однихъ только помѣщиковъ да чиновниковъ, чиновниковъ да помѣщиковъ — и естественно, никакъ не могла представить себѣ своего героя иначе, какъ въ видѣ доблестнаго помѣщика или идеальнаго чиновника. И вотъ, не замѣчая, что жалкій герой ея находится совершенно подъ башмакомъ своей Лидіи Матвѣевны, Катерина начала торопить его ѣхать въ деревню устроивать благосостояніе крестьянъ, а потомъ, убѣдившись въ несостоятельности подобныхъ мечтаній, начала ожидать отъ Верховскаго высокихъ подвиговъ въ роли слѣдователя.

Вотъ вамъ настоящая, неподкрашенная Катерина, какою создала ее наша русская, провинціальная жизнь. Но Хвощинская тѣ же самыя черты возводитъ во что-то безусловно-идеальное, выше котораго она не можетъ себѣ ничего представить. Катерина является передъ вами въ романѣ въ какомъ-то гордомъ сіяніи вседовольнаго, всеблаженнаго, покоющагося въ самомъ себѣ совершенства. Это какая-то Іоанна д'Аркъ своего околодка. Она руководитъ всѣми занятіями отца, даетъ практическіе совѣты крестьянамъ; мудрая, какъ змій, насквозь видитъ людей со всѣми ихъ недостатками. Каждое слово ея дышетъ глубокою правдой и паѳосомъ героини.

Но какъ же такая необыкновенная комета на горизонтѣ нашей жизни могла полюбить Верховскаго, не понявши сразу всей его несостоятельности? Какъ согласить змѣиную мудрость глубокаго ума съ тѣми палліативными затычками, въ которыхъ Катерина видитъ всю суть полезной дѣятельности и для своего отца, и для своего героя, и для себя самой? Объяснить это можно только тѣмъ, что сама Хвощинская при узости своего міросозерцанія, дальше Катерины ничего не можетъ себѣ и представить, потому и спѣшитъ успокоить на ней сердце читателя, возводя ее въ безусловный идеалъ. Вставши разъ на ложную точку зрѣнія, Хвощинская зашла съ своею Катериною въ такія неисходныя дебри, что изъ героини сдѣлала въ концѣ концовъ посмѣшище.

Вы подумайте, чѣмъ могла кончить не идеальная, а та обыкновенная Катерина, образецъ которой мы выше представили. Разочарованной въ своей любви, униженной своимъ любовникомъ, который, не забудьте, предлагалъ ей уѣхать съ нимъ въ Петербургъ и сдѣлаться тамъ чѣмъ-то въ родѣ содержанки его, обруганной отцомъ, Катеринѣ оставалось два исхода: или наложить на себя руки, пойти въ монастырь, — чѣмъ кончаютъ многія провинціальныя барышни въ ея родѣ, — или же переродиться и сдѣлаться женщиною злобы нашего вѣка. Но подобное перерожденіе не ограничилось бы одними внѣшними обстоятельствами ея жизни, т. е. тѣмъ, что, покинувъ домъ отца, она начала бы самостоятельную, трудовую жизнь. Этого мало: драма, которую вынесла она, была такого потрясающаго свойства, что неминуемо должна была перевернуть весь ея и умственный, и нравственный міръ. Всѣ ея дѣтскія узкія понятія, заоблачныя мечты, всѣ ея симпатіи и антипатіи рушились бы разомъ — и она узрѣла бы ложность всей своей прежней жизни и несостоятельность всѣхъ людей, которыми была окружена, не исключая и своего папеньки. Воспоминаніе о своей любви къ Верховскому осталось бы въ ней не иначе, какъ въ видѣ стыда о прежней глупости, соединеннаго съ непримиримымъ презрѣніемъ и ненавистью къ пошляку, который при всѣхъ своихъ возвышенныхъ фразахъ, любилъ въ ней одно тѣло и жаждалъ только упиться ея объятіями. Очень можетъ быть, и даже можно сказать навѣрное, что изъ нея не вышло бы ничего особенно необыкновеннаго и идеальнаго на новомъ пути, вышла бы зауряднaя работница маленькаго труда—какая нибудь переводчица, акушерка или учительница; но и при всемъ томъ она была бы лучше многихъ, считающихъ себя полезнѣйшими дѣятелями на поприщѣ жизни: она была бы выше ихъ именно сознаніемъ невозможности примириться на томъ, на чемъ мирятся обыкновенно эти полезнѣйшіе дѣятели, и желаніемъ идти далѣе.

Но вы не должны забывать, что вѣдь Хвощинская въ лицѣ Катерины, представила намъ идеальный типъ; идеальные же люди, по самой своей сущности, одарены тѣмъ свойствомъ, что они могутъ измѣняться только во внѣшности, т. е. въ своей внѣшней судьбѣ; внутренній же міръ ихъ долженъ оставаться неизмѣненъ, потому что разъ вы допустили возможность измѣненія во внутреннемъ мірѣ человѣка, этимъ однимъ вы отрицаете идеальность его: что измѣняется къ лучшему или худшему, то не есть уже идеально, совершенно. Катерина, какъ идеальная личность, и остается въ романѣ Хвощинской неизмѣнной. Вся драма, которую она вынесла, измѣняетъ одну только ея внѣшнюю судьбу. Изъ помощницы предсѣдателя палаты она дѣлается сельскою учительницею. И вотъ передъ вами живая картина: представьте себѣ во мракѣ ночи толпу темныхъ, несвѣдущихъ крестьянъ и передъ ними сіяющаго красотою ангела, возвѣщающаго истину.

«Свѣтъ, дрожа, установился и озарялъ *ее* всю. *Она* показывала вверхъ, поднявъ голову. Ея черная коса длиннымъ кольцомъ перекинулась черезъ плечо. Толстыя складки рубашки высоко легли на грудь и падали до распущенной опояски; широкіе красивые концы шелестили по клѣтчатой поневѣ.

Она говорила. Слышались и слова, но лучше ихъ— *ея* голосъ, ободряющій, ласковый, веселый; отъ него должны были бѣжать и страхъ, и невѣдѣніе; въ немъ была свобода, радость, убѣжденіе... Еще слышались старческіе вздохи и оханье... Но ужь ихъ начали смѣнять вопросы, толковыя рѣчи, что-то увѣренное, надежное... Поднялся простой, молодой смѣхъ, потомъ говоръ, шутки... Милый голосъ раздавался среди всѣхъ, ясный, какъ счастье...»

Подумаешь, какая картина, совершенно въ современномъ духѣ, скажетъ иной читатель, который не читалъ „Тише воды и ниже травы" Гл. Успенскаго и не знаетъ, какая дѣйствительность и жалкая проза ожидаетъ каждую сельскую учительницу, какъ бы она ни была идеальна.

Но мы не будемъ разочаровывать читателя и напоминать ему о вышеупомянутомъ очеркѣ Гл. Успенскаго, мы примемъ живую картину Хвощинской за чистую монету. И такъ, повидимому, передъ нами нѣчто совершенно въ современномъ духѣ: женщина, поучающая народъ и объясняющая ему всѣ свѣтила небесныя. Но, о, ужасъ! такъ-какъ эта женщина представляется вамъ идеальнымъ и, слѣдовательно, неизмѣннымъ типомъ, то вы видите передъ собою въ то же время совершенно ту же самую Катерину, какую видѣли ее въ объятіяхъ Верховскаго, нисколько неизмѣнившеюся, со всѣми тѣми же симпатіями, антипатіями и допотопными понятіями. Мало этого, даже постыдную любовь свою къ Верховскому она чтитъ въ груди своей, какъ святыню. Постоянство въ любви во что бы то ни стало тоже вѣдь входитъ въ кодексъ идеальныхъ представленій Хвощинской.

И вотъ вамъ новая живая картина:

Кружокъ разошелся.

«*Она* осталась одна, стояла и смотрѣла на прелестныя семь созвѣздій въ высотѣ, подъ столбомъ огненной пыли. Задумавшись, забывшись, *она* сложила руки...»

Вотъ вы теперь и подумайте о всей чудовищной несообразности, которая таится подъ этою прекрасною картиною: вы представьте только себѣ современную женщину, поучающую народъ и въ то же время забывающуюся въ сладостномъ раздумьѣ, вспоминая, при созерцаніи семи созвѣздій въ высотѣ, о своемъ миломъ, который предлагалъ ей нѣкогда доблестный путь — сдѣлаться его содержанкою...

Но наша публика всѣмъ этимъ довольна, она удовлетворена романомъ Хвощинской!.. И дѣйствительно, чего же ей надо лучше? Глубокій, безпощадный анализъ жизни, представленіе правды во всей ея безобразной наготѣ — могли бы пожалуй испугать публику, напоминая ей о всемъ жалкомъ убожествѣ ея жизни... Публика же жаждетъ сна и успокоенія. И чѣмъ же можно лучше усыпить ее, какъ не подобными поэтическими картинками въ идеальномъ духѣ.—Не вдумываясь въ правдоподобіе этихъ картинъ, публика можетъ спать спокойно въ сладостной мысли, что если въ жизни ея возможны такія лучезарныя явленія, то чего же лучше: остается только почаще увѣщевать людей, чтобы они шли по пути Багрянскаго и Катерины и представлять имъ побольше подобныхъ образцовъ для подражанія...

И всего печальнѣе, что на такомъ ложномъ пути удовлетворенія мелкимъ и жалкимъ идеальчикамъ пошлой толпы стоитъ талантъ по истинѣ недюжинный. Можно положительно сказать, что изъ всѣхъ писательницъ-женщинъ Хвощинская по силѣ таланта способна была бы занять первое мѣсто... И что стоитъ ей, обладающей даромъ такого мѣткаго анализа пошлости жизни, такимъ подчасъ удивительнымъ чутьемъ дѣйствительности, отрѣшиться разъ навсегда отъ своего сентиментальнаго идеальничанья? Вѣдь это вовсе не трудно: стоитъ только дать себѣ слово никогда впредь не оттѣнять своихъ произведеній идеальными образами, а если въ дѣйствительности представится повидимому нѣчто идеальное, то не вѣрить съ перваго раза своимъ впечатлѣніемъ, а вглядѣться поглубже, осмотрѣть предметъ со всѣхъ сторонъ, изучить его — можетъ быть при тщательномъ анализѣ очарованіе пропадетъ, — и предметъ окажется далеко не столь идеальнымъ, какъ съ перваго раза... Зрѣлое разочарованіе всегда полезнѣе скороспѣлаго, поверхностнаго очарованія...

СТАРЫЙ ИДЕАЛИЗМЪ ВЪ СОВРЕМЕННОЙ ОБОЛОЧКѢ.

«Сказки Кота-Мурлыки», собранныя Николаемъ Вагнеромъ. Изданіе Стасовой и Трубниковой. Спб. 1872 г.

Сказки Вагнера были приняты публикою со всеобщимъ сочувствіемъ. По крайней мѣрѣ, сколько намъ ни приходилось встрѣчаться съ читателями ихъ, мы постоянно слышали одни лестные отзывы объ этой книгѣ. Журнальные и газетные рецензенты не замедлили, въ свою очередь, отозваться о книгѣ Вагнера, какъ о выдающемся явленіи нашего времени, и признали въ ней бездну высокихъ достоинствъ. Словомъ, книга пришлась совершенно по вкусу общества и пріобрѣла полный успѣхъ.

Но всѣ похвалы, расточаемыя книгѣ Вагнера, носятъ чисто внѣшній и крайне поверхностный характеръ. Книга понравилась публикѣ потому, что въ ней сочувствіе автора къ различнымъ гуманнымъ и передовымъ идеямъ нашего времени облечено въ художественную форму, при чемъ Вагнеръ выказалъ себя писателемъ съ богатымъ воображеніемъ. Но изъ всѣхъ почетныхъ о ней отзывовъ читатели едва-ли могутъ дать себѣ ясный отчетъ въ томъ, какова общая система міровоззрѣнія сказокъ; удовлетворяютъ ли онѣ всѣмъ требованіямъ современной педагогики, что онѣ даютъ и къ какимъ результатамъ приводятъ? Между тѣмъ разъясненіе этихъ вопросовъ одно только можетъ показать истинное значеніе книги Вагнера. На эти-то вопросы мы и постараемся отвѣтить нашей статьей.

Въ сказкахъ Вагнера, безспорно, задѣваются всевозможные моральные и социальные вопросы нашего времени. Но есть два рода отношенія къ вопросамъ жизни: идеалистически-рефлективное — нашихъ

отцовъ и дѣдовъ и отношеніе реальное—нашего времени. Естественно, что прежде всего слѣдуетъ опредѣлить, какое изъ этихъ двухъ отношеній преобладаетъ въ сказкахъ Вагнера; однимъ этимъ опредѣленіемъ могутъ быть окончательно рѣшены характеръ и достоинство сказокъ.

Съ реальной современной точки зрѣнія — жизнь есть естественный процессъ природы, неотразимо стремящійся отъ ряда причинъ къ неизбѣжнымъ слѣдствіямъ. Одно это опредѣленіе сразу уничтожаетъ реальность всѣхъ такъ-называемыхъ вѣковѣчныхъ идеаловъ, отъ которыхъ шла обыкновенно мысль идеалистовъ добраго стараго времени. Всѣ подобные идеалы становятся въ рядъ нашихъ субъективныхъ мечтаній и утопій; сама же по себѣ жизнь очевидно и не думаетъ объ осуществленіи ихъ, такъ-какъ въ ней въ настоящемъ нѣтъ ничего безотносительнаго, безусловнаго, а въ будущемъ ничего цѣлесообразнаго. На основаніи этихъ положеній истинный реалистъ въ жизни своей долженъ руководиться не предписаніями отвлеченныхъ теорій, а влеченіями и призывами самой жизни въ ея прогресивномъ процессѣ. Благо для него то, что способствуетъ этому процессу, а зло — что ему препятствуетъ. Но отнюдь не долженъ онъ это благо и зло—возводить въ какіе-либо безусловные принципы, имѣющіе одинаковое значеніе для всѣхъ обстоятельствъ и временъ; никогда не долженъ онъ забывать, что благо и зло суть такія же относительныя вещи въ жизни, какъ и все въ ней относительно: что сегодня благо, завтра можетъ быть зломъ, и наоборотъ, словомъ, благо только то, что въ данный моментъ способствуетъ прогресивному процессу жизни, хотя бы это благо и не казалось таковымъ съ безусловно-идеальной точки зрѣнія. Такъ, напримѣръ, предположите, что въ Россіи снова вторглись бы изъ Азіи несмѣтныя толпы варваровъ. Было бы безспорнымъ благомъ, обязанностью всѣхъ и каждаго вооружиться и идти защищать свою родину, несмотря на то, что съ точки зрѣнія безусловныхъ идеаловъ, требующихъ, чтобы мы любили и враговъ своихъ, проливать кровь нахлынувщихъ на насъ азіатовъ—есть зло, для избѣжанія котораго намъ слѣдовало бы смиренно сидѣть сложа руки и покоряться всему, что при такомъ воображаемомъ нашествіи ни стали бы съ нами дѣлать нахлынувшія орды. Подобный разладъ между благомъ съ точки зрѣнія безусловныхъ идеаловъ и жизненнаго процесса можно встрѣтить на каждомъ шагу, и только того можно назвать истиннымъ реалистомъ, кто, не обращая вниманія на этотъ разладъ, повинуется жизни, а не отвлеченнымъ теоріямъ.

Не такъ поступали передовые люди въ средѣ нашихъ отцовъ и дѣдовъ. Они постоянно носились съ своими вѣковѣчными идеалами, немедленнаго и полнаго осуществленія ихъ искали въ жизни и по ихъ мѣркѣ судили обо всѣхъ ея явленіяхъ. Но не находя нигдѣ, ни въ себѣ, ни внѣ себя ничего соотвѣтствующаго идеаламъ, они обыкновенно всю жизнь проводили въ мукахъ и терзаніяхъ при видѣ этого разлада. Какая бы живая страсть ни возникла въ ихъ душѣ и какъ бы ни была она естественна, законна и необходима, но такъ-какъ страсть эта именно по своей естественности носила всегда характеръ относительнаго, условнаго, а они искали во всемъ безусловнаго, то они въ каждой такой страсти, въ каждомъ поступкѣ отыскивали свои противорѣчія, односторонности, отступленія отъ безусловныхъ идеаловъ. Они не смѣли ни сильно любить, ни сильно ненавидѣть. Каждое сильное чувство парализовали они разъѣдающими рефлексіями. Результатомъ всего этого представлялось отсутствіе всякихъ живыхъ страстей, всякой энергіи и дѣятельности, мрачное разочарованіе и въ себѣ, и въ людяхъ, и вѣчный разъѣдающій анализъ всевозможныхъ противорѣчій жизни.

Сообразно всему этому и воспитаніе дѣтей носитъ совершенно иной характеръ съ идеалистической точки зрѣнія, иной—съ реальной. Воспитатель-реалистъ, не преслѣдуя въ жизни ничего безусловнаго, не мечтаетъ, конечно, и о томъ, чтобы изъ ребенка создать непремѣнно идеальнаго человѣка. Смотря на воспитанника, какъ на явленіе въ своемъ родѣ относительное, какъ на сумму физическихъ и умственныхъ силъ, которыя, какъ бы ни были велики, во всякомъ случаѣ ограничены, воспитатель-реалистъ помышляетъ только о томъ, какъ бы развить эти силы, на сколько это возможно, и дать имъ вѣрное направленіе, но направленіе не къ безусловнымъ опять-таки идеаламъ, а къ тому, чтобы своею дѣятельностью будущій членъ общества способствовалъ прогресивному процессу жизни, а не парализовалъ его. Не заботясь о несоотвѣтственности относительныхъ явленій жизни съ безусловными идеалами, воспитатель-реалистъ не станетъ спѣшить, чтобы ребенокъ какъ можно скорѣе усвоилъ себѣ эти безусловные идеалы и постигъ суетность и несостоятельность всего земнаго, сравнительно съ ними. Вся забота его будетъ состоять въ томъ, чтобы возбудить въ воспитанникѣ живыя страсти и такъ направить ихъ, чтобы при всей ихъ относительности, онѣ могли принести наиболѣе пользы самому воспитаннику и другимъ людямъ. Такимъ образомъ, если въ воспитанникѣ возбуждается страсть къ любознательности, воспитатель-реалистъ не станетъ толковать ребенку о ничтожествѣ человѣческихъ знаній передъ идеаломъ вѣчной и безусловной истины и о томъ, что человѣкъ, гоняясь за знаніями, вѣчно вертится на одномъ мѣстѣ, какъ бѣлка въ колесѣ, тщетно стараясь постигнуть непостижимое, а напротивъ того, онъ будетъ стараться еще болѣе усилить въ ребенкѣ страсть къ пріобрѣтенію знаній, указывая на всю благотворность этой страсти въ прогресѣ человѣчества. Если въ ребенкѣ развивается сильное чувство къ какому-нибудь человѣку, воспитатель-реалистъ не станетъ толковать о ничтожествѣ этого чувства передъ всеобъемлющей любовью, проникающею всю вселенную, или о томъ, что на время не стоитъ любить, а вѣчно любить — невозможно, и что раньше или позже недуги страстей угаснутъ при словѣ разсудка. Если ребенокъ хочетъ повеселиться, воспитатель-реалистъ не станетъ отравлять дѣтскаго веселья сентиментальными соображеніями въ такомъ родѣ, что вотъ, молъ, онъ смѣется и скачетъ, а другіе въ это время плачутъ, какъ будто эти другіе такъ сейчасъ и перестанутъ плакать оттого только, что ребенокъ перестенетъ веселиться. Наконецъ, если ребенокъ захочетъ помочь бѣдному,

голодному, страдающему, воспитатель-реалистъ не станетъ толковать ему о томъ, что ни частная, ни общая благотворительность ни къ чему не ведутъ, что хотя бы ему удалось устроить благосостояніе цѣлыхъ массъ, эти массы не замедлятъ снова сойти на прежній путь эксплуатаціи и нищеты, и вдобавокъ ему, благодѣтелю человѣческого рода, отплатятъ черною неблагодарностью и пр., пр.

Но не такъ дѣйствовали воспитатели-идеалисты добраго стараго времени. Отправляясь отъ своихъ возвышенныхъ идеаловъ, они все воспитаніе основывали на томъ, чтобы какъ можно скорѣе внушить дѣтямъ эти идеалы и возбуждать въ нихъ стремленіе къ немедленному осуществленію ихъ. Разочарованные и въ себѣ самихъ, и во всѣхъ своихъ сверстникахъ, они обыкновенно всю надежду возлагали на дѣтей, мечтая, что съ нихъ-то и начнется, конечно, тотъ золотой вѣкъ, который представлялся въ радужныхъ краскахъ ихъ воображенію. Они воображали даже, что раньше возбужденія въ дѣтяхъ безусловныхъ идеаловъ, дѣти сами по себѣ уже существа идеальныя. „Въ ихъ сердцахъ, говорили они, сама природа, простая, прямая, великая. Они старше васъ цѣлымъ поколѣніемъ; выше васъ цѣлой головой, потому что въ этой головѣ уже сложились тѣ пути, до которыхъ добивались ваши отцы и дѣды, и все-таки не добились!..“ И вотъ, на основаніи этихъ мечтательныхъ надеждъ, начинали они огуломъ валить въ младенческія головы всѣ свои растлѣнныя рефлексіи и сентиментальныя сѣтованія о тщетѣ всего земнаго. Они воображали, что эти головы, въ которыхъ сложились уже, по ихъ мнѣнію, всѣ пути, конечно, не замедлятъ распутать всѣ тѣ противорѣчія, въ лабиринтѣ которыхъ сами они бродили и путались, а младенческія головы между тѣмъ путались еще болѣе ихъ головъ, именно, потому, что были младенческія... Ребенокъ не вполнѣ еще постигалъ свои отношенія къ родителямъ и нянькѣ, а ему уже задавались вопросы о томъ, въ какой степени правы или неправы были Лиръ, Гамлетъ, и „отчего подъ ношей крестной весь въ крови влачится правый, отчего вездѣ безчестный встрѣченъ почестью и славой“. — Такимъ образомъ воспитанникъ, мысль котораго не успѣвала еще окрѣпнуть, пріучался уже мучиться надъ рѣшеніями различныхъ головоломныхъ вопросовъ отвлеченнѣйшаго свойства, анализировать малѣйшіе оттѣнки своихъ ощущеній, и даже такихъ ощущеній, которыхъ въ немъ и возникнуть еще не могло, сообразно его возрасту... Результатъ такого воспитанія былъ двоякій: или воспитанникъ, если у него были здоровыя силы и крѣпкіе нервы, дойдя до извѣстнаго возраста и освободясь отъ воспитателя, бросалъ всю эту канитель праздныхъ и растлевающихъ рефлексій, и начиналъ руководиться своей природою и страстями, возбуждаемыми жизнію, руководиться слѣпо и случайно, такъ-какъ воспитатели заботились только о рѣшеніи разныхъ, такъ-называемыхъ, роковыхъ вопросовъ жизни, а не о томъ, чтобы разумно направить страсти воспитанника, — или-же, если это былъ слабый, нервновоспріимчивый ребенокъ, то изъ него дѣлался безхарактерный, дряблый мечтатель, сентиментальный плакса съ разстроенными нервами или полусумасшедшій фантазеръ. Въ этомъ отношеніи всѣ недостатки послѣдняго романа Ѳ. Достоевскаго „Бѣсы“ мы готовы простить за одну истинную, чрезвычайно мѣтко схваченную черту воспитанія добраго стараго времени; это, именно, если читатель припомнитъ — воспитаніе знаменитымъ историкомъ и героемъ 40-хъ годовъ Верховенскимъ сына своей благодѣтельницы: все это воспитаніе заключалось въ томъ, что педагогъ постоянно терзалъ воспитанника патетическими рѣчами самого неопредѣленнаго свойства; воспитанникъ ничего не понималъ изъ этихъ рѣчей, но онѣ такъ постоянно возбуждали его нервы, что съ нимъ дѣлались истерики, и въ концѣ-концовъ воспитатель растлилъ своего ученика и нравственно, и физически, до такой степени, что довелъ до столбняка и до того, что ему начали мерещиться чортики. При всемъ преувеличеніи, эта метода воспитанія Верховенскаго можетъ служить, тѣмъ не менѣе, весьма характеристическимъ типомъ идеалистической системы воспитанія.

Что касается до книги Вагнера, то въ ней мы можемъ найдти два рода сказокъ: однѣ изъ нихъ, по нашему мнѣнію, совершенно соотвѣтствуютъ всѣмъ требованіямъ реальнаго воспитанія дѣтей. Таковы — „Курилка“, „Чудный мальчикъ“, „Папа-пряникъ“, „Береза“, „Дядя-Пудъ“. Всѣ эти сказки, при своей свѣжей, такъ и бьющей изъ каждой строки художественности, въ то же время чрезвычайно просты, естественны; нѣтъ въ нихъ ничего вычурно-фантастическаго, ничего мечтательнаго, сентиментальнаго или слишкомъ отвлеченнаго для дѣтскаго возраста. Въ каждой изъ этихъ сказокъ анализируется какое-нибудь дѣйствительное явленіе жизни, и притомъ разсматриваются такія явленія, которыя вполнѣ доступны для дѣтскаго анализа, могутъ быть даже заурядными въ тѣсномъ кругу дѣтской жизни. Такъ, напримѣръ, безъ сомнѣнія, каждый ребенокъ встрѣчалъ въ своей жизни, среди даже своихъ сверстниковъ, тщеславныхъ болтуновъ и хвастуновъ, въ родѣ Курилки; каждый ребенокъ могъ въ своей жизни быть поставленъ въ положеніе царевны Меллины, Луппа, Кики и Толля. Достоинство всѣхъ выпеупомянутыхъ нами сказокъ въ томъ, именно, и заключается, что имѣя дѣло съ конкретными фактами, онѣ анализируютъ и обобщаютъ ихъ, насколько это пригодно для дѣтскаго возраста; въ результатѣ своемъ, онѣ возбуждаютъ въ дѣтяхъ симпатію къ однимъ явленіямъ жизни и антипатію къ другимъ, — цѣль, по нашему мнѣнію, вполнѣ разумная, которую и должно имѣть постоянно въ виду истинное реальное воспитаніе. Скажемъ по справедливости, что еслибы вся книга была наполнена подобными сказками, ее можно было бы назвать лучшею педагогическою книгою для дѣтскаго чтенія и рекомендовать ее непремѣнно пріобрѣсти всѣмъ родителямъ.

Но, къ величайшему нашему сожалѣнію, Вагнеръ не могъ удержаться на реальной почвѣ анализа частныхъ и доступныхъ для дѣтскаго возраста явленій жизни. Въ нѣкоторыхъ сказкахъ онъ пустился въ отвлеченнѣйшій анализъ тонкихъ психическихъ ощущеній и самыхъ общихъ, сложныхъ явленій жизни, и притомъ анализъ вполнѣ рефлективнаго свойства, въ духѣ сентиментальнаго романтизма 20-хъ годовъ. — Всѣ подобнаго рода сказки, выставляющія различныя

неисходныя противорѣчія или тщету жизни, своимъ унылымъ тономъ мрачнаго разочарованія способны навести сплинъ даже на взрослаго человѣка; можно представить себѣ, какъ разъѣдающе должны онѣ дѣйствовать на дѣтей, тѣмъ болѣе, если принять во вниманіе, что сказки написаны такимъ философскимъ языкомъ и трактуютъ о такихъ отвлеченныхъ предметахъ, что дѣти настолько же поймутъ ихъ, насколько воспитанникъ Верховенскаго понималъ его патетическія рѣчи.

Самое предисловіе къ сказкамъ поражаетъ васъ своимъ страннымъ тономъ; вы словно переноситесь за 50 лѣтъ назадъ и видите передъ собой унылаго романтика въ родѣ Жанъ-Поль-Рихтера, словно развертываете „Русскія ночи“ кн. Одоевскаго. Только въ нихъ можно встрѣтить рядъ сарказмовъ въ такомъ родѣ:

»Бѣдный Котъ былъ немного помѣшанъ. У него была одна idée fixe, отъ которой не могли освободить его всѣ европейскіе и американскіе эскулапы.

— Я,—говорилъ онъ,—родился на свѣтъ внизъ головой, и съ тѣхъ поръ все на свѣтѣ мнѣ кажется вверхъ ногами.

— На верху стоятъ сильные и прекрасные золотые тельцы, передъ которыми многіе преклоняются, или по крайней мѣрѣ, скачутъ и пляшутъ на заднихъ лапкахъ, а мнѣ кажется, что на верху стоятъ тѣ самые маленькіе червячки, которые весь деньденьской роются въ землѣ, изъ-за насущнаго хлѣба, и стоятъ потому, что первые должны-же быть когда-нибудь послѣдними...

— На верху стоитъ человѣколюбивое братство и отдаетъ своему ближнему послѣднюю собственную рубашку, — а мнѣ кажется, что на верху стоитъ именно та самая собственная рубашка, которая ближе къ тѣлу, чѣмъ всякая другая.

— На верху стоитъ столбъ прогреса, съ рукой, указующей, куда идти людямъ,—а мнѣ кажется, что этотъ столбъ давно лежитъ на боку, а на немъ лежатъ люди, твердя въ умиленіи сердецъ: chi va piano va sano!

— На верху стоитъ свѣтильникъ міра, потому что никто не ставитъ его подъ столъ,—а мнѣ кажется, что онъ, именно, стоитъ подъ тѣмъ столомъ, за которымъ пируетъ добрая богиня Глупость и ворожитъ всѣмъ, кому хорошо живется на свѣтѣ.

— На верху стоитъ истина, вѣчно влекущая на свободу сознанный фактъ,—а мнѣ кажется, что на верху курятся тѣ самыя старыя курильницы, которыя стоятъ тамъ со временъ древнихъ авгуровъ, а внизу... Но внизу нельзя ничего разобрать за облаками одуряющаго дыма...

— Ахъ! скоро-ли же мнѣ представится, что люди ходятъ вверхъ головами и не болтаютъ ногами по воздуху?»

Многимъ любителямъ эффектныхъ противопоставленій понравилась эта романтическая риторика, но мы спросимъ, для кого и для чего она написана?.. Что поймутъ изъ всего этого дѣти, когда даже и для взрослыхъ все это имѣетъ смыслъ только при чтеніи между строкъ, да и то самый бѣдный и рутинный смыслъ общаго мѣста... Подъ конецъ-же авторъ заговорился до того, что не только для дѣтей, но и для взрослыхъ, одна фраза такъ и останется вѣчною загадкою: признаться, мы долго думали надъ тѣмъ, какъ это „истина влечетъ на свободу сознанный фактъ“, и не проникли философскаго тумана этого изреченія.

Для примѣра того, въ какія растлѣвающія сентиментально-чувствительныя рефлексіи пускается порою Вагнеръ, мы разскажемъ содержаніе нѣкоторыхъ самыхъ большихъ и видныхъ сказокъ, помѣщенныхъ въ книгѣ. Начнемъ съ сказки „Мила и Нолли“. Гдѣ-то на морѣ-океанѣ существовали Голубые острова, владѣнія феи Лазуры; обитатели этихъ островов не знали никакихъ трудовъ, заботъ, страстей и печалей, и наслаждались вѣчнымъ блаженствомъ подъ владычествомъ феи Лазуры. Между прочими счастливцами былъ одинъ юноша, любимецъ феи Лазуры, котораго эта жизнь вѣчнаго блаженства не могла удовлетворить, и онъ внезапно исполнился одною изъ самыхъ тлетворныхъ человѣческихъ страстей, именно, ревностью. Дѣло было такъ:

«— Разъ вечеромъ на веселомъ пиру,—разсказывалъ преступникъ,—я лежалъ подлѣ Лазуры, въ кругу нашей веселой и веселившейся толпы. Лазура ласкала, улыбаясь, мои волнистыя кудри, точно также, какъ она ласкала всѣхъ безъ разбора, и я смѣялся, ловилъ ея маленькія бѣлорозовыя ручки и цѣловалъ ихъ. Потомъ она быстро вскочила и понеслась въ пляскѣ съ другимъ юношей, а я, вмѣсто того, чтобы засмѣяться и точно также броситься вертѣться съ какою-нибудь изъ тѣхъ прекрасныхъ дѣвушекъ, которыя лежали возлѣ меня, я вдругъ почувствовалъ, что я одинокъ и что всѣ эти дѣвушки не замѣнятъ мнѣ одной Лазуры. Не знаю, почему мнѣ вдругъ показалось, что она должна принадлежать мнѣ и никому больше. Нашъ пиръ былъ на Лебяжьемъ островѣ, мы всѣ танцовали, сидѣли или лежали на берегу, а передъ нами плавали цѣлыя стада лебедей; они также рѣзвились, играли, брызгались и громко кричали. Когда Лазура вернулась на свое мѣсто, я хотѣлъ снова положить голову на ея плечо, хотѣлъ схватить ея хорошенькую ручку, и не могъ. Я чувствовалъ, что во мнѣ происходитъ что-то страшное, неиспытанное. Она быстро обернулась ко мнѣ, улыбаясь, посмотрѣла на меня и потомъ вдругъ захлопала въ ладоши, такъ что всѣ къ ней обернулись.

— Смотрите,—закричала она, указывая на меня,— вотъ чудо! между нами чужой! Онъ вѣрно выросъ изъ какихъ-нибудь сѣмянъ, которыя были принесены къ намъ водой или вѣтромъ изъ людскаго свѣта. Ну, мы сейчасъ будемъ охотиться за нимъ, а чтобы прохладить его, мы его выкупаемъ. Квинъ! ату его, чужой!—И она махнула рукой, и въ то-же время я, весь сконфуженный и перепуганный, полетѣлъ, въ видѣ лебедя, прямо въ море, а вслѣдъ за мной полетѣли орѣхи, яблоки, апельсины, камешки, каждый бросалъ чѣмъ попало мнѣ въ догонку, и всѣ кричали: ату его, ату, чужой! и всѣ хохотали до упаду».

Такъ былъ превращенъ въ лебедя нечестивецъ, выросшій изъ человѣческихъ сѣмянъ, занесенныхъ вѣтромъ на блаженные острова, и въ заключеніе былъ изгнанъ феею Лазурою изъ ея владѣній. „Прощай, сказала она, ступай въ тотъ старый міръ страстей и пороковъ, добра и зла, лжи и правды, которому ты принадлежишь по натурѣ. Ступай, и не возвращайся къ намъ до тѣхъ поръ, пока ты не узнаешь его и не почувствуешь къ нему полнаго и глубокаго отвращенія“.

Лебедь и полетѣлъ въ міръ страстей и пороковъ.— „Я не буду разсказывать вамъ, говорилъ онъ, что я видѣлъ и сколько страданій я пережилъ. Я видѣлъ смерть и подлость. Не разъ мое бѣдное сердце переставало биться, и мнѣ казалось, что я умираю. Не разъ я прилеталъ къ Голубымъ островамъ съ глубокимъ омерзеніемъ и ненавистью ко всему людскому, съ

желаніемъ остаться на нихъ. Но невѣдомая сила снова гнала меня прочь въ этотъ ненавистный и презираемый міръ, гдѣ я принужденъ былъ скитаться...“

Наконецъ, лебедь сдѣлался покровителемъ двухъ гонимыхъ существъ, — маленькой Милы, преслѣдуемой злой мачихой, и сиротки Нолли. Онъ поселилъ ихъ сначала на Зеленыхъ островахъ, потомъ на островахъ Попугаевъ, а впослѣдствіи, когда они выросли и полюбили другъ друга, перевезъ ихъ на Голубые острова, въ царство феи Лазуры.

Здѣсь, предварительно, прежде нежели они вступили въ область вѣчнаго блаженства, между ними произошелъ слѣдующій чувствительный разговоръ:

«— Вы оба,—сказалъ Лебедь,—любящія и дорогія другъ другу взрослыя дѣти. Въ вашихъ дѣтскихъ сердцахъ нѣтъ мѣста никакому тяжелому, враждебному для кого-бы то ни было чувству, но эти сердца только тогда будутъ покойны и защищены отъ всякаго горя, когда въ нихъ не будетъ той страсти, которая горитъ въ нихъ теперь такимъ чистымъ, но бурнымъ огнемъ. Эта страсть тотчасъ падаетъ и превращается въ тихое чувство довольства и веселья, когда она не принадлежитъ двумъ только сердцамъ, а разливается на всѣхъ, кто отвѣчаетъ нашимъ помысламъ. Если такихъ лицъ много, если они окружаютъ насъ цѣлой толпой, то между ними нѣтъ, не можетъ быть избранниковъ сердца, они всѣ для него равны и оно принадлежитъ имъ всѣмъ. И тогда въ немъ не можетъ быть этого тяжелаго, сосредоточеннаго чувства, которое мы называемъ любовью, оно постоянно ликуетъ, полное довольствомъ, весельемъ и вѣчнымъ, невозмутимымъ счастьемъ.

— Мила!—отвѣчай мнѣ: если вокругъ тебя будутъ такіе-же юноши, какъ твой Нолли, если они съ такой-же любящей, нѣжной лаской будутъ цѣловать твои руки и твои ясные глаза, будешь-ли ты отвѣчать имъ на ихъ ласки такъ-же, какъ ты отвѣчаешь Нолли?

Мила молчала; она вся покраснѣла, такъ что слезы выступили на ея глазкахъ. Она смотрѣла на Нолли и гладила его черные кудри, какъ будто ждала отъ него отвѣта и помощи.

— Нолли,—сказалъ Лебедь,—если Мила не отличитъ тебя въ толпѣ другихъ юношей, если ея сердце, до сихъ поръ постоянно страдавшее отъ наплыва тѣхъ глубокихъ чувствъ, въ которыхъ нельзя найти границы между наслажденіемъ и страданіемъ, если это сердце, наконецъ, успокоится въ тихихъ радостяхъ, если Мила будетъ постоянно весела, довольна и счастлива,—Нолли! отвѣчай, будетъ-ли довольно тѣмъ твое собственное сердце и не возмущается-ли оно теперь при одной мысли о томъ, что Мила не будетъ принадлежать тебѣ одному, что въ ея сердцѣ не будетъ даже завиднаго уголка для тебя?

— Нѣтъ!—вскричалъ Нолли,—поднявшись съ камня и откинувъ назадъ свои черные кудри. Нѣтъ! Я не знаю, найдетъ-ли мое сердце счастье и довольство въ любви ко мнѣ всѣхъ дѣвушекъ, такихъ-же прекрасныхъ, какъ Мила; но я знаю, что мое сердце будетъ вполнѣ довольно счастьемъ дорогой моей Милы, если она, моя родная, будетъ весела, довольна, счастлива. О, Лебедь! лучше, желаннѣе этого ничего не представляется, ничего не можетъ представиться моему любящему сердцу!

— Нолли! — воскликнула Мила и крѣпко обняла его,—дорогой мой! Я не хотѣла отвѣчать Лебедю, потому что боялась огорчить тебя. Ахъ! если вмѣсто одного тебя, вокругъ меня будетъ много такихъ-же точно какъ ты, добрыхъ и милыхъ Нолли, то я уже не буду любить ни тебя, ни ихъ такъ сильно, какъ я люблю теперь тебя одного. Вѣдь сердце дорожитъ только тѣмъ, что рѣдко и дорого! И если глубокая, сильная привязанность исчезнетъ изъ него, тогда чѣмъ-же оно будетъ жить, чѣмъ оно будетъ полно?

— Наслажденьемъ, весельемъ, довольствомъ собственнымъ и всѣхъ окружающихъ тебя! — отвѣтилъ Лебедь.—И еще не договорилъ онъ послѣдняго слова, какъ вдругъ въ воздухѣ, гдѣ-то вдали, раздалась чудная музыка...

Наши любящіе молодые люди вступили въ міръ блаженства. Но блаженство это не могло ихъ удовлетворить. Мила видѣла вокругъ себя множество Нолли, какъ двѣ капли воды, похожихъ на него, но все искала своего собственнаго Нолли, который въ свою очередь искалъ ее. Однимъ словомъ, оказалось, по словамъ Милы, что «сердце не можетъ забыть того, съ кѣмъ оно сроднилось; оно ищетъ не ласкъ, не веселья, а глубокой любви!..»

Поздно вечеромъ встрѣтились тоскующія и ищущія другъ друга существа, и едва успѣли они опомниться отъ восторга встрѣчи, какъ сердца ихъ снова исполнились горестью: околѣла ихъ любимая собачка Волчокъ, другъ и товарищъ ихъ дѣтства и неизмѣнный спутникъ ихъ, и напрасно фея Лазура старалась утѣшить ихъ, обративъ растущіе вокругъ цвѣты во множество Волчковъ: оказалось, что еслибы фея Лазура всѣ цвѣты, которые цвѣтутъ на Голубыхъ островахъ, обратила въ Волчковъ, они не замѣнили бы одного Волчка, потому что, по словамъ Милы, съ ними не будутъ связаны, крѣпкимъ узломъ взаимнаго чувства, дорогія для сердца воспоминанія...

Вслѣдъ затѣмъ начались со стороны Милы томныя рефлексіи, весьма напоминающія собою доброе старое время, золотую молодость нашихъ бабушекъ...

«—Нолли,—говоритъ Мила, закрывъ глаза,—мои мысли бѣгутъ, бѣгутъ, и я никакъ не могу остановить ихъ. Голова моя кружится. Скажи мнѣ, дорогой мой, что такое смерть? И неужели, какъ говорила Лазура, жизнь есть вѣчная перемѣна различныхъ образовъ? Для чего-же живемъ мы, волнуемся, страдаемъ, и неужели, дѣйствительно, нѣтъ ничего лучше, выше, блаженнѣе той жизни, которой живутъ эти веселыя дѣти, окружающія Лазуру?

— Мила моя,—говоритъ Нолли,—сердце привыкаетъ къ тѣмъ волненіямъ, съ которыми сжилось оно съ дѣтства, ему тяжело разстаться съ этими сильными, но сладкими страстями. Если-же оно не сроднилось съ ними, то для него нѣтъ ничего желаннѣе мирныхъ удовольствій, среди которыхъ такъ легко и свободно живется.»

Или еще того лучше:

«— Мила,—говоритъ Нолли, и голосъ его дрожитъ,—дорогая моя Мила, что съ тобою? Мнѣ страшно за тебя и за себя: мнѣ кажется, что ты не любишь меня больше.

— Нѣтъ, Нолли, нѣтъ, мой милый другъ,—и она крѣпко цѣлуетъ его,—я люблю тебя, но скажи мнѣ: развѣ любовь не тоже опьяненье? Развѣ рано или поздно не ослабнутъ ея натянутыя струны? Развѣ не улетятъ всѣ грезы ея и сладкія волненья, какъ милый, обманчивый сонъ, и чувства не завянутъ въ насъ, какъ цвѣты поздней, морозной осенью? И тогда... что-же останется въ жизни?.. Ахъ Нолли, Нолли! Скажи мнѣ, для чего мы живемъ?..

Почти вѣдь буквально, какъ у Лермонтова:

Что страсти?.. Вѣдь рано иль поздно ихъ сладкій недугъ
Замолкнетъ при словѣ разсудка.
И жизнь, какъ посмотришь съ холоднымъ вниманьемъ вокругъ,
Такая пустая и глупая шутка!..

Однимъ словомъ, закуражилась барышня такъ, что все не по ней — и любовь не по ней, и жизнь не по

ней, и смерть не по ней; ныла, ныла въ объятіяхъ Нолли, наконецъ, изныла и умерла...

«Фея Лазура унеслась въ какіе-то надзвѣздные міры со всѣмъ своимъ царствомъ счастливыхъ существъ», читаемъ мы въ заключеніи сказки. «Давно уже пропалъ и слѣдъ Голубыхъ острововъ. Уцѣлѣлъ только островъ Лебяжій на Тихомъ Океанѣ... Онъ весь окруженъ подводными камнями и неприступными скалами, нѣтъ къ нему ни подхода, ни подъѣзда. На немъ стоитъ Нолли и думаетъ свою глубокую думу о томъ: чего недоставало для полнаго счастья его дорогой, ненаглядной Милѣ?.. Да! чего недоставало?..»

Мы нарочно подробнѣе постарались познакомить читателей съ этою сказкою, но при всемъ томъ мы не могли привести и десятой доли тѣхъ сентиментальныхъ томленій и воздыханій, какими наполнена она. Для чего-же, спрашиваемъ мы, написана эта сказка? Что это за странный, болѣзненный бредъ разстроеннаго воображенья и разстроенныхъ нервовъ? Положимъ, что было когда-то давно, давно такое время, когда всѣ подобные, такъ называемые, роковые вопросы жизни — кого любить, къ чему стремиться? могли казаться верхомъ прогреса, но въ наше время подносить дѣтямъ чашу подобнаго рода прокислыхъ напитковъ сентиментализма, по нашему мнѣнію, верхъ безумія, просто непонятнаго.

Въ сказкѣ „Колесо счастія" затрогивается одинъ изъ дѣйствительно роковыхъ вопросовъ нашей жизни: именно, рабочій вопросъ; но ставится онъ въ свою очередь на почву романтическихъ рефлексій, неизбѣжно приводящихъ всѣ вопросы къ одному знаменателю: сознанію тщеты всего земного и унылому разочарованію.

Героемъ этой сказки является Гранжо. Внукъ стараго тряпичника, онъ остается круглымъ, обездоленнымъ сиротою послѣ смерти дѣда; попадаетъ на фабрику, тамъ, своимъ умомъ и смышленностью, пріобрѣтаетъ быстрые успѣхи, обращаетъ на себя всеобщее вниманіе и возвышается до того, что не только дѣлается главнымъ управляющимъ фабрики, но, уличивши фабриканта въ злоупотребленіи по части казенныхъ подрядовъ, отнимаетъ у него фабрику угрозою „донести на него правительству"; женится на его дочери, и вмѣстѣ съ тѣмъ, оказывается внезапно графомъ, вслѣдствіе открытія стараго документа, доставшагося ему отъ дѣда. Для чего автору нужно было сдѣлать своего героя непремѣнно графомъ, употребивши рутинный пріемъ французскихъ романовъ и трескучихъ мелодрамъ, объ этомъ нужно ужь у него спросить. По всей вѣроятности, Вагнеръ желалъ, чтобы герой его, идеальный во всѣхъ отношеніяхъ, былъ идеаленъ и по своему титулу... Но это мелочь и не въ этомъ заключается сущность сказки.

Сдѣлавшись графомъ и владѣльцемъ фабрики, Гранжо занялся устройствомъ благосостоянія рабочихъ и довелъ свою фабрику до верха совершенства: она достигла такихъ громадныхъ размѣровъ, что убила почти всѣ другія фабрики, уничтожила всякую конкуренцію. Вмѣстѣ съ тѣмъ, рабочіе начали вести жизнь почти роскошную. Но недолго продолжался этотъ земной рай. Какъ подобаетъ съ рефлективной точки зрѣнія, изъ самого нѣдра благополучія начали возростать ростки гибели этого благополучія. Съ одной стороны отсутствіе конкурренціи повело фабрику къ застою; счастливые рабочіе, довольные своею участью, не видѣли никакой нужды въ какомъ-либо улучшеніи: „я своимъ положеніемъ доволенъ, мнѣ больше ничего не надо, а общее дѣло — не мое дѣло", говорилъ каждый изъ нихъ. Съ другой стороны, избытокъ благосостоянія повелъ нѣкоторыя горячія натуры къ излишествамъ, мотовству: явились развратники, пьяницы, они разорялись и рядомъ съ ними возникли жадные къ деньгамъ ростовщики, которые ссужали промотавшихся деньгами за жидовскіе проценты. Равновѣсіе было такимъ образомъ нарушено. Гранжо боролся противъ всего этого, но тщетно: противъ него былъ составленъ цѣлый заговоръ, чтобы свергнуть его и утвердить свободу труда и капитала. Во главѣ заговора всталъ рабочій Вилень и такъ ловко повелъ дѣло, что Гранжо, дѣйствительно, долженъ былъ оставить фабрику. Съ участіемъ слѣдилъ онъ послѣ того за дѣлами общества.

«—Можетъ быть, думалъ онъ, прійдетъ оттуда что-нибудь неожиданное, новое, успокоительное, на чемъ-бы я могъ отдохнуть. Но ничего новаго и успокоительнаго не доходило до его слуха, а почти все шло такъ, какъ онъ предвидѣлъ. Страсти дѣлали свое дѣло. Общество падало, разрушалось медленно и неотразимо. Самымъ сильнымъ въ борьбѣ, которая теперь шла въ немъ, оказался Вилень. Недаромъ онъ и хлопоталъ о новомъ, или, правильнѣе говоря, старомъ принципѣ. Онъ быстро все подобралъ къ рукамъ. Онъ былъ главный распорядитель и руководитель. Ловко онъ эксплуатировалъ и средства, и страсти общества, игралъ на самолюбіи, завелъ поощренія, биржу. Начались разныя поддѣлки, удешевленія, кредитъ фабрики быстро падалъ; давно уже явилось раздвоеніе: явились хозяева и работники, и притомъ много хозяевъ, которые грызлись изъза каждой копейки, изъ-за грошоваго дивиденда, рыли другъ другу ямы и торопили гибель общества. Самые кроткіе и безобидные давно его оставили и унесли капиталы. Наконецъ, явились несомнѣнные зловѣщіе признаки мерзости запустѣнія: ремонтъ зданій былъ брошенъ, на многомъ явились какія-то случайныя заплаты. Положеніе рабочихъ ухудшалось, поднялся ропотъ. Вилень уже разсчитывалъ общую ликвидацію и свой барышъ; и за этими разсчетами, одинъ разъ, въ теплую, октябрскую ночь, засталъ его пожаръ фабрики. Зарево далеко разлилось. Два дня и двѣ ночи горѣли зданія общества, и сгорѣли до тла. Пострадали самые бѣдные и невинные. Земли, зданія и все, что можно было продать — было продано, и все исчезло, какъ дымъ, безъ слѣдовъ»..

Удивительно, въ этомъ отношеніи, какъ сходятся крайности. Спросите вы у любого идеалиста-романтика добраго стараго времени, какое мнѣніе имѣетъ онъ объ экономистахъ школы Сэ, съ ихъ оправданіемъ эксплуатаціи капитала и промышленнаго произвола; онъ, конечно, отзовется о нихъ съ отвращеніемъ, какъ о черствыхъ защитникахъ безчеловѣчнаго филистерства; но заставьте вы этого же самаго романтика обсуждать рабочій вопросъ со своей точки зрѣнія, и что же: такова уже эта рефлективная точка зрѣнія, стремящаяся во всемъ открывать противорѣчіе и созерцать въ жизни смерть и въ смерти жизнь, что романтикъ не замедлитъ съ своей стороны развить передъ вами тѣ же доводы, какіе развивали въ свое время безчувственные экономисты въ защиту своихъ теорій: точно также романтикъ будетъ увѣрять васъ, что отсутствіе конкурренціи должно привести къ застою, а благосостояніе поведетъ рабочихъ къ лѣности и раз-

врату; и такимъ образомъ, все зданіе промышленности разрушится.

Но развѣ не бывало въ исторіи попытокъ заводить такія благоденственныя фабрики, какъ фабрика Гранжо, и развѣ эти попытки не кончались такъ же неудачно и совершенно подобно тому, какъ это описано у Вагнера? спроситъ меня читатель. Да, отвѣтимъ мы, существовало много подобныхъ попытокъ и кончались онѣ столь же неудачно. Но вы подумайте только, когда на Западѣ было особенное повѣтріе на эти попытки? Тогда, когда рабочій вопросъ только-что возникъ и коренился на почвѣ романтизма, представлялся въ видѣ прекрасныхъ, но совершенно отвлеченныхъ теорій, осуществленіе которыхъ возлагалось на идеальныя личности; личности эти должны были явиться благодѣтелями человѣческаго рода и водворять повсюду благосостояніе и счастіе. Неудачи всѣхъ подобныхъ попытокъ и произошли отъ такой ложной постановки вопроса; онѣ показываютъ намъ только то, что всякое стремленіе осуществить отвлеченную теорію должно рушиться передъ напоромъ жизни, какъ бы ни казалась эта теорія прекрасна и логически совершенна; но эти неудачи нисколько не опровергаютъ возможности естественнаго возникновенія и свободнаго развитія ассоціацій путемъ самого жизненнаго процесса. Величайшая ошибка Вагнера въ томъ именно и заключается, что онъ снова вздумалъ поднять на ноги отжившую старину и поставилъ вопросъ на идеалистическую почву частнаго благотворительнаго предпріятія. Для чего же это? Для того, чтобы преждевременно запутать умъ молодого читателя безъисходною дилеммою и привести его къ сознанію, что вопросъ неразрѣшимъ и что лучше махнуть на него рукой, предоставивши жизни идти какъ ей угодно; однимъ словомъ, laisser faire, laisser passer... Конецъ сказки подтверждаетъ это наше предположеніе. Когда Гранжо умиралъ, ему постоянно мерещилась покойная жена его Али: свѣтлая, лучезарная, въ какомъ-то сіяющемъ, бѣломъ платьѣ изъ ажурной кисеи, и говорила ему:

«— Я прогрессъ; но ты не думай, мой дорогой другъ, чтобы я все вела къ лучшему: я дѣлаю только все сложнѣе, и дурное, и хорошее, и умъ, и глупость, и мнѣ дѣла нѣтъ до людей: я—дитя природы...

— Видишь ли, отъ борьбы я становлюсь свѣтлѣе; но утихнетъ борьба—и весь мой свѣтъ расплывается въ общей массѣ, и нѣтъ во мнѣ яркихъ, сверкающихъ искръ!..

— Другъ мой, дорогой мой другъ! ты напрасно думалъ, что я погибну—я не могу погибнуть. Я приняла въ себя всю темную массу и стала еще блестящѣе. Но вглядись въ этотъ блескъ: онъ только ослѣпляетъ, а внутри—тамъ много темнаго, гораздо больше, чѣмъ было. И Гранжо, дѣйствительно, видитъ это темное, страшное, отталкивающее: въ немъ кишатъ черные черви людскихъ страстей и прихотей. Онъ снова мечется, мучительно мечется и падаетъ безъ памяти».

Какъ вамъ нравится это мрачное разочарованіе въ прогрессѣ, въ смыслѣ улучшенія отношеній людей между собою; представленіе прогреса въ видѣ спенсеровскаго дифференцированья, въ образѣ холоднаго сіянія, вмѣщающаго въ себѣ всѣ человѣческія гадости!.. И это представляется результатомъ обсужденія одного изъ передовыхъ вопросовъ современной жизни и подносится дѣтямъ, для возбужденія въ нихъ вѣры въ прогрессъ и энтузіазма къ слѣдованію по его пути!.. До какой, въ самомъ дѣлѣ, нужно додуматься крайней мудрости, чтобы обратиться къ дѣтямъ съ такими словами: „Вотъ вамъ, дѣти, дорога; по ней должны вы шествовать въ вашей жизни; только будьте увѣрены, что никуда она васъ не приведетъ!..“

Совершенно согласно съ этимъ духомъ разъѣдающихъ рефлексій и тоскливаго разочарованья, у Вагнера мы видимъ страсть рисовать картины самаго мрачнаго характера, всеобщаго разлада, разрушенія, смерти. Иногда въ подобной маніи онъ доходитъ до крайняго иступленія фантазіи, какъ, напримѣръ, въ сказкахъ „Максъ и Волчокъ“ и „Али-Гафизъ“; иногда же, какъ въ сказкахъ „Пѣсенка земли“ и „Швея“, онъ разливается въ слезливой чувствительности... И то, и другое, по нашему мнѣнію, должно одинаково тлетворно дѣйствовать на дѣтей.

Много въ былое время толковали у насъ о вредѣ излишней фантастичности сказокъ, но всѣ эти толки были крайне односторонни и поверхностны, потому что подъ фантастичностью разумѣли обыкновенно, исключительно фантастичность миѳологическую: сказки о лѣшихъ, домовыхъ, мертвецахъ и пр., а вредъ подобной фантастичности видѣли исключительно въ развитіи суевѣрныхъ инстинктовъ въ ребенкѣ. Между тѣмъ, вредъ подобныхъ сказокъ заключается въ сущности не столько въ развитіи суевѣрія, сколько въ сильномъ возбужденіи воображенія и потрясеніи всей нервной системы, могущемъ довести ребенка до галлюцинацій, въ крайнемъ случаѣ, до сумашествія. Разувѣрить ребенка въ несуществованіи лѣшихъ и домовыхъ не стоитъ большой трудности; но случается нерѣдко, что дѣти, нисколько не вѣрящія ни въ домовыхъ, ни въ мертвецовъ, такъ сильно возбуждаются разсказами объ этихъ предметахъ и пріобрѣтаютъ къ нимъ такую страсть, что днемъ и ночью грезятъ прочитаннымъ, теряя способность заниматься и думать о чемъ-нибудь другомъ. Здѣсь все зависитъ не столько отъ самыхъ фактовъ, передаваемыхъ сказкою, сколько отъ той силы впечатлѣнія, съ какою они передаются. Въ этомъ отношеніи „Вій“ Гоголя можетъ гораздо сильнѣе подѣйствовать на ребенка, невѣрующаго въ содержаніе повѣсти, чѣмъ та-же самая легенда, разсказанная вяло и безцвѣтно, на вѣрующаго. Но, если вредъ фантастическихъ сказокъ заключается не столько въ содержаніи ихъ, сколько въ силѣ впечатлѣнія, дѣйствующей на нервы ребенка, то очевидно, что вредна сказка со всякимъ излишнимъ направленіемъ фантазіи, хотя-бы въ ней и не говорилось ни о какихъ сверхъестественныхъ вещахъ. Мало этого; въ послѣднемъ случаѣ сказка должна подѣйствовать еще вреднѣе: читая миѳологическую сказку, ребенокъ, потерявшій уже вѣру въ реальность миѳическихъ существъ, какъ-бы сильно ни напечатлѣвался прочитаннымъ, во всякомъ случаѣ, не можетъ напечатлѣться до такой степени сильно, какъ если-бы онъ слѣпо вѣрилъ всему, что читалъ; такимъ образомъ, иллюзія до нѣкоторой степени уменьшается. Между тѣмъ, фантастическая сказка, въ которой представлены въ преувеличенномъ видѣ различныя разди-

рательныя вещи, съ претензіею на ихъ реальность, дѣйствуетъ на воображеніе неудержимо, и иллюзія въ этомъ случаѣ не имѣетъ границъ. Трудно себѣ представить, до какого умоизступленія можно довести мало-мальски нервнаго ребенка, пичкая его такими апокалипсическими картинами, какъ сонъ „Али-Гафиза"... Излишняя чувствительность сказокъ, въ родѣ „Пѣсенка земли" или „Швея", въ свою очередь, должна дѣйствовать на дѣтей самымъ разлагающимъ образомъ. Въ „Швеѣ" такое вредное дѣйствіе, по крайней мѣрѣ, выкупается содержаніемъ сказки; „Пѣсенка же земли", не имѣя ровно никакого содержанія, какъ будто нарочно для того только и написана, чтобы пощекотать чувствительность дитяти и заставить его лишній разъ прослезиться. Въ самомъ дѣлѣ, все содержаніе сказки въ томъ только и заключается, какъ постепенно хворалъ и таялъ ребенокъ съ теченіемъ временъ года, начиная съ весны, и какъ онъ, наконецъ, умеръ зимою, къ огорченію своей матери... Если Вагнеръ воображаетъ подобными разсказами развивать въ дѣтяхъ чувствительность, то онъ весьма ошибается; ошибается въ такой-же степени, въ какой заблуждался-бы медикъ, если-бы мечталъ развить дѣятельность желудка дитяти, заставляя его глотать большими дозами различныя наркотическія, возбуждающія снадобья. Не чувствительность, а нервную экзальтацію разовьетъ онъ въ дѣтяхъ своими „Пѣсенками земли", ту нервную экзальтацію, при которой человѣкъ, воспитанный на подобныхъ разсказахъ, будетъ готовъ проливать обильныя слезы при видѣ мухи, утопающей въ стаканѣ, а въ то-же время будетъ глухъ и холоденъ къ дѣйствительному горю ближняго, если только это горе не проявляется въ раздирательномъ видѣ. Ребенку постоянно будетъ мерещиться швея, умирающая въ нетопленной комнатѣ съ голоду надъ работой, а тутъ-же, передъ нимъ, его же мамаша или сестрица станутъ распекать дѣйствительную, а не воображаемую швею, за то, что она не поспѣла во время, не угодила; ребенку же и въ голову не придетъ, какое страшное горе терпятъ отъ всевозможной житейской грязи швеи, не умирающія надъ работой. Напротивъ того, онъ, пожалуй, еще приметъ сторону мамаши и у него сложится такое понятіе, что, въ дѣйствительности, передъ нимъ, конечно, не та швея, какую онъ видѣлъ въ сказкѣ: то была швея идеальная, а эта распутная; та умерла надъ работой, чтобы во время поспѣть; эта же принесла шитье недѣлею позже, чѣмъ обѣщала, испортила талію, и еще отвѣчаетъ дерзкими словами на справедливые упреки мамаши. Впрочемъ, чтобы не тратить много словъ, мы можемъ привести и фактическія доказательства, какъ дѣйствуютъ нѣкоторыя сказки Вагнера. Намъ приходилось уже не разъ слышать, что одинъ ребенокъ зарыдалъ отъ „Пѣсенки земли"; другой — впалъ въ истерику, при чтеніи „Швеи". Замѣчательно, что подобныя вещи намъ приходилось слышать отъ почитателей книги Вагнера, которые приводили эти факты въ видѣ доказательства того, какое благотворное и сильное дѣйствіе производятъ эти сказки на дѣтей. Да, надо признаться, дѣйствительно, сильное, и по благотворности своей не уступающее дѣйствію рѣчей Верховенскаго: тѣ тоже доводили воспитанника до истерикъ...

Но Вагнеру мало сказокъ слезоточивыхъ и съ апокалипсическими картинами; вы найдете въ книгѣ сказку, въ которой представляется передъ вами не что иное, какъ сумасшедшій бредъ пьяницы, находящагося въ бѣлой горячкѣ! Такова сказка „Майоръ и сверчокъ". Самое начало этой сказки поражаетъ васъ своею курьезностью:

«— Эй, Иванъ! Тащи паровозъ! Мы поѣдемъ черезъ Китай, прямо въ Ямайку.

И тотчасъ же тащитъ деньщикъ Иванъ небольшой походный самоваръ красной мѣди и ставитъ его на столъ. Онъ очень хорошо знаетъ, чего требуетъ майоръ, потому что, каждый вечеръ аккуратно, майоръ ѣздитъ черезъ Китай прямо въ Ямайку. И несетъ Иванъ Китай, въ маленькомъ ящикѣ изъ карельской березы, который, по прежнему, называется чайницей. Несетъ онъ и чайникъ, и стаканъ, и самую чистѣйшую ямайку, въ высокой бутылкѣ съ раззолоченнымъ ярлыкомъ.

Пьетъ майоръ стаканъ, пьетъ другой. Въ самоварѣ красной мѣди видно его красное лицо съ вспотѣвшимъ лбомъ и длинными усами.

«Ну!» думаетъ майоръ: «теперь я въ самой Ямайкѣ!..»

Затѣмъ, маіору начинаетъ грезиться, что сверчокъ въ своей трескотнѣ разсказываетъ ему жизнь, какъ онъ сошелся съ подругой и эта подруга пренебрегла игрою на фортепьяно хозяйки дома, въ которомъ они жили, и пришла слушать пѣсню своего возлюбленнаго. Маіора привелъ этотъ разсказъ въ такое умиленіе, что, стукнувъ по столу кулакомъ, онъ вскричалъ:

«— Эхъ! вѣдь это, дѣйствительно, хорошо; но этого я никогда не испытывалъ, а тоже былъ молодъ. И помню я и панну Юзефу, и панну Фелицату,— и мазуречка панна, не кохайся дармо. Ахъ! вы всѣ, ясноокія панны! И скоро ли я доберусь до пани Ямайки?! И майоръ выпилъ еще стаканъ; но который, онъ уже и самъ не понималъ».

Далѣе за тѣмъ, сверчокъ началъ разсказывать о томъ, какъ между его собратьями произошелъ раздоръ съ тѣхъ поръ, какъ одни изъ нихъ поселились въ избахъ съ людьми, и началась у нихъ безконечная борьба съ полевыми сверчками. Разсказъ этотъ, а вмѣстѣ съ нимъ и вся сказка, кончается слѣдующимъ образомъ:

«И чуть не каждый день,—пѣлъ сверчокъ,—идутъ у насъ битвы цѣлые длинные годы. Это безконечная, старая сказка. И нѣтъ конца нашимъ усобицамъ и распрямъ. Старые, сѣдые сверчки говорятъ, что, наконецъ, настанетъ время, когда улягутся всѣ раздоры, и всѣ мы, сверчки, по-братски, соединимся въ одинъ народъ, въ одно стадо... Да, видно, это блаженное время тогда настанетъ, когда ни одного сверчка на свѣтѣ не будетъ! И сверчокъ пропѣлъ свое грустное, послѣднее: «Чильжиль!» и замолкъ.

А майоръ?.. Но майоръ уже давно ничего не говорилъ.

Свѣча догорѣла, самоваръ потухъ, трубка погасла, а самъ майоръ лежалъ истымъ богатыремъ, просто на полу, подлѣ кресла, и храпѣлъ богатырски...

Ахъ! навѣрно, теперь онъ былъ въ самой «Ямайкѣ».

Мы изложили содержаніе этой сказки, не столько потому, чтобы и подобную сказку считали вредною для дѣтей, сколько для того, чтобы показать, до какого непостижимаго сумбура договаривается порою Вагнеръ. Въ виду такой нелѣпицы, конечно, смѣшно и говорить о какомъ-либо дѣйствіи или вліяніи ея на дѣтей. Она любопытна только, какъ весьма характеристическій фактъ, до какого бреда додумываются со-

временные наши русскіе мыслители и, что всего замѣчательнѣе, возбуждаютъ этимъ бредомъ сочувствіе публики и похвалы газетныхъ рецензентовъ!..

Въ заключеніе намъ остается еще разъ выразить наше искреннее сожалѣніе, что Вагнеръ, въ которомъ мы не можемъ не признать и художественнаго таланта, и умѣнья говорить съ дѣтьми, не удержался на реальной почвѣ объективнаго анализа относительныхъ явленій жизни, а пустился въ область раздирательныхъ и туманныхъ рефлексій, не принявши въ соображеніе разумныхъ педагогическихъ требованій. Мы отъ души желали-бы, чтобы Вагнеръ не оставлялъ начатаго имъ дѣла, то-есть написалъ-бы еще томъ сказокъ, но при этомъ, чтобы поступалъ осмотрительнѣе, обдумывалъ тщательно, о чемъ можно говорить съ дѣтьми и о чемъ нельзя, и не воображалъ что въ дѣтскій умъ можно валить все, что только ни взбредетъ въ голову, надѣясь, что онъ все перемелетъ и обратитъ въ муку. Если-же у Вагнера такая уже субъективная натура, что онъ не можетъ воздержаться отъ чувствительныхъ сердцеизліяній всего, что у него только кипитъ на сердцѣ, тогда пусть онъ лучше ужь и не пишетъ дѣтскихъ сказокъ, а подвизается на поприщѣ какихъ-нибудь лирическихъ стихотвореній.

ТРИ ЧЕЛОВѢКА СОРОКОВЫХЪ ГОДОВЪ.

I.

Всякій умственный процессъ имѣетъ три необходимые періода въ своемъ развитіи. Во время перваго періода, хотя мысль является уже возбужденною и приведенною въ движеніе, но старыя убѣжденія до такой степени тяготѣютъ еще надъ умами, вслѣдствіе глубоко вкоренившейся привычки къ нимъ, что людямъ кажется, что съ поколебаніемъ ихъ все должно придти въ хаосъ и разрушеніе. Поэтому, человѣкъ ограничивается только созерцаніемъ своихъ нравственныхъ убѣжденій, анализируетъ ихъ, не имѣя въ въ виду ничего иного, какъ только проникнуть въ нихъ какъ можно глубже и довести себя до разумнаго сознанія ихъ. Но такой анализъ прямо ведетъ къ тому, что старое міровоззрѣніе оказывается исполненнымъ неразрѣшимыхъ противорѣчій и внутри себя, и въ своихъ приложеніяхъ въ жизни. Въ то-же время въ области мысли все болѣе и болѣе выясняются новыя идеи, идущія совершенно въ разрѣзъ господствующему міровоззрѣнію, и начинаютъ все назойливѣе и назойливѣе заявлять свое превосходство сравнительно съ отживающими идеями. Тогда начинается второй періодъ процесса—періодъ борьбы, раздвоенности и мучительнаго скептицизма въ области мысли и жизни. Какъ старое міровоззрѣніе, такъ и новое заявляютъ равныя права гражданства и въ то-же время взаимно другъ друга уничтожаютъ. Мозгъ человѣка дѣлается ареной борьбы противоположныхъ идей. Человѣкъ самъ сознаетъ въ это время, что въ немъ идетъ борьба свѣта и тьмы, жизни и смерти и тѣмъ тревожнѣе, мучительнѣе бываетъ его настроеніе, что онъ самъ не знаетъ, гдѣ жизнь, гдѣ смерть. Наконецъ, наступаетъ третій періодъ, но онъ заключается не въ примиреніи и не въ снятіи противорѣчій, какъ учила гегелевская философія, а въ рѣшительной побѣдѣ новаго міровоззрѣнія надъ старымъ. Въ этомъ періодѣ старое міровоззрѣніе окончательно рушится и производится та страшная ломка его, вслѣдствіе которой приверженцы старыхъ идей видятъ въ этомъ періодѣ одно безусловное отрицаніе, разрушеніе, нигилизмъ, не замѣчая въ своей близорукости, что рядомъ съ разрушеніемъ и отрицаніемъ стараго повсюду возникаетъ и развивается новое, красуется и ликуетъ, исполненное свѣжей, весенней жизни на развалинахъ отжившаго.

Въ тридцатые годы нынѣшняго столѣтія преобладали явленія перваго періода того умственнаго процесса, который мы переживали въ то время. Всѣ вопросы и сомнѣнія, волновавшіе людей тридцатыхъ годовъ, разрѣшались постоянно въ духѣ старыхъ міровоззрѣній. Отжившія преданія были такъ еще дороги, что малѣйшій разладъ съ ними болѣзненно отзывался въ сердцахъ, и мыслители изощрялись въ схоластической діалектикѣ, чтобы натянуть какое бы то ни было примиреніе съ тѣмъ, что безвозвратно отжило и испускало послѣднее дыханіе. Это были бальзамировщики, тщетно старавшіеся предохранить отъ тлѣнія разлагавшійся трупъ посредствомъ различныхъ втираній и умащиваній. Это были жены Лота, готовыя обратиться въ соляные столбы, лишь бы не выпускать изъ глазъ роднаго пепелища. Но на такомъ распутьи могли остаться только такія личности, которыя были или слишкомъ стары, чтобы мозгъ ихъ могъ энергически продолжать процессъ развитія, или были окончательно растлѣны условіями быта той размягчающей и притупляющей сферы усадебной жизни, которая во всѣ времена была особенно урожайна на всякаго рода философовъ-примирителей, поверхностныхъ созерцателей и артистовъ-эпикурейцевъ. Всѣ-же люди, одаренные хоть малѣйшею энергіей мысли, пошли впередъ и вступили во второй періодъ умственнаго процесса, въ періодъ скептицизма и раздвоенности. Сороковые годы и представляютъ собою этотъ второй періодъ.

Съ самаго начала сороковыхъ годовъ картина умственной жизни совершенно измѣняется. Дѣленіе лю-

дей прогреса и застоя на классиковъ и романтиковъ окончательно исчезаетъ къ этому времени. Вмѣсто этихъ узкихъ рамокъ, основанныхъ исключительно на художественныхъ интересахъ, принимаются болѣе широкія рамки вопросовъ о направленіи въ Россіи образованности вообще, выработанныя московскимъ философскимъ движеніемъ въ духѣ Шеллинга. Между тѣмъ, какъ люди, приверженные старымъ міровоззрѣніямъ, основаннымъ на преданіяхъ допетровской Руси, сосредоточиваются въ Москвѣ подъ знаменемъ славянофильства, люди движенія впередъ отъ средневѣковыхъ міровоззрѣній и формъ сосредоточиваются въ Петербургѣ подъ общимъ названіемъ западниковъ. Такимъ образомъ, умственный антагонизмъ между двумя столицами принимаетъ такой-же видъ, какъ это было при Петрѣ I и Екатеринѣ II. Едва только мысль двинулась съ новою энергіей и смѣлостью отъ допетровскихъ преданій, тотчасъ-же всѣ мало-мальски талантливые представители движенія покинули Москву, совершенно подобно тому, какъ нѣкогда покинулъ ее знаменитый основатель Петербурга, и Москва, съ оставленіемъ ее западниками, еще болѣе утвердилась въ своемъ консерватизмѣ всякаго рода. Замѣчательно, что въ сороковые годы, когда западники начали сосредоточиваться въ Петербургѣ, въ большую моду вошли въ литературѣ сравненія обѣихъ столицъ относительно различныхъ ихъ особенностей, достоинствъ и недостатковъ. Кто только не упражнялся въ то время въ этихъ сравненіяхъ, начиная съ Бѣлинскаго и Герцена и кончая К. Аксаковымъ; послѣдній довелъ это сопоставленіе Москвы съ Петербургомъ даже до сцены, написавши водевиль, въ которомъ москвичъ встрѣчается съ петербуржцемъ на станціи среди московскаго шоссе и оба начинаютъ пѣть куплеты о взаимныхъ преимуществахъ и недостаткахъ обѣихъ столицъ.

При всемъ томъ, что раздѣленіе мыслящихъ людей на славянофиловъ и западниковъ стояло на первомъ планѣ въ сороковые годы, и при всей ожесточенной борьбѣ этихъ партій, замѣчательно, что онѣ въ томъ видѣ, какъ существовали въ сороковые годы, имѣли гораздо болѣе точекъ соприкосновенія, чѣмъ раздѣленія. Это не была борьба двухъ философскихъ системъ, такъ-какъ славянофилы опирались на тѣ-же философскія ученія, какъ и западники; не была, съ другой стороны, борьба двухъ политическихъ партій, такъ-какъ славянофилы, со своимъ отрицаніемъ петровскаго періода, представляли такую-же оппозицію противъ господствовавшей въ то время реакціи, какъ и западники. Не менѣе западниковъ желали они освобожденія крестьянъ, улучшенія судовъ и администраціи; что-же касается общихъ идеаловъ общественной жизни, то западники представляли столь-же смутныя и неопредѣленныя идеи, какъ и славянофилы. Что касается до сословныхъ принциповъ, то на нихъ тѣмъ менѣе можно основывать раздѣленіе этихъ партій, такъ какъ славянофилы принадлежали къ той-же средѣ, какъ и западники, выработывавшей въ обоихъ лагеряхъ одинаковые типы диллетантовъ, фразеровъ, эстетиковъ, эпикурейцевъ и діалектиковъ, исполненныхъ мрачной, разъѣдающей рефлексіи. Но что-же могло раздѣлять славянофиловъ отъ западниковъ, если они сходились въ такихъ трехъ принципахъ, какъ философскій, политическій и сословный — принципахъ, на которыхъ съ испоконъ вѣковъ основывались всѣ партіи? Основой дѣленія было именно съ одной стороны стремленіе во что бы то ни стало удержаться на допетровскихъ средневѣковыхъ принципахъ мысли и жизни — въ то время, какъ съ другой стороны была постоянная тяга отрѣшаться отъ нихъ все болѣе и болѣе. Мы нарочно употребляемъ здѣсь такія неопредѣленныя слова, какъ стремленіе и тяга, потому что только такія слова и могутъ соотвѣтствовать столь неопредѣленнымъ отношеніямъ, какія существовали между славянофилами и западниками въ сороковые годы. Въ самомъ дѣлѣ: при всемъ томъ, что славянофилы основывали всѣ свои ученія на слѣпой и часто фанатической вѣрѣ, въ то время, какъ западники все болѣе и болѣе проникались скептицизмомъ, при всемъ этомъ, отрѣшеніе западниковъ отъ средневѣковыхъ преданій было дѣломъ не одной минуты, не какимъ-нибудь отважнымъ скачкомъ, послѣ котораго западники вдругъ начали отрицать все и вся, что ихъ связывало съ стариной. Это былъ весьма медленный, постепенный, трудный процесъ, который шелъ шагъ за шагомъ, все болѣе и болѣе отдаляя людей прогресса отъ средневѣковыхъ преданій. Сороковые годы, какъ мы уже сказали, представляютъ именно тотъ второй періодъ переходнаго процеса, въ который новыя начала мысли вступили въ рѣшительную борьбу со старыми, но старыя начала все еще заявляли свое существованіе на каждомъ шагу и не сразу уступали свое мѣсто. Поэтому, при всѣхъ насмѣшкахъ надъ юродствами славянофиловъ, у большинства западниковъ было такъ много еще непоколебленныхъ предразсудковъ, преданій и слѣпыхъ упованій, что сами они на половину были такіе-же славянофилы. Достаточно указать на беллетристовъ сороковыхъ годовъ — Тургенева, Писемскаго, Л. Тостого и пр. Подумайте, къ какой категоріи можно ихъ причислить — къ западникамъ или славянофиламъ? Всѣ они воспитались подъ вліяніемъ западническихъ кружковъ, всѣ они ставятъ во главѣ своей Бѣлинскаго, этого самаго рьянаго гонителя славянофиловъ. Но тотъ-же самый Тургеневъ, который въ „Дымѣ“ смѣется надъ славянофильствомъ, прославляя западную цивилизацію, въ „Рудинѣ“, напротивъ того, выставляетъ нѣсколько идей вполнѣ славянофильскихъ, въ родѣ того, что внѣ народности нѣтъ спасенія, что космополитизмъ — нуль и пр. А кто такой Л. Толстой — западникъ онъ или славянофилъ? То-же самое и Писемскій въ своемъ „Взбаламученномъ морѣ“. Замѣчателенъ въ этомъ отношеніи тотъ фактъ, что едва отрѣшеніе отъ средневѣковыхъ преданій приняло въ кружкахъ западниковъ болѣе широкіе размѣры, весьма многіе изъ западниковъ сороковыхъ годовъ увидѣли въ себѣ гораздо болѣе солидарности съ славянофилами, чѣмъ съ своими-же послѣдователями, и примкнули къ славянофиламъ.

По этому всему, одною борьбой славянофиловъ съ западниками далеко не исчерпывается характеръ и духъ движенія сороковыхъ годовъ; не въ ней одной заключалась сущность прогресса въ сороковые годы, а въ томъ движеніи, которое совершалось въ самыхъ

кружкахъ западниковъ, въ тѣхъ развѣтвленіяхъ, которыя повели къ тому, что къ концу сороковыхъ годовъ одинъ западникъ отличался отъ другого въ большей степени, чѣмъ иной западникъ отъ славянофила. Это движеніе, дробленіе людей на различные оттѣнки мыслей, постоянные переходы отъ однѣхъ системъ къ другимъ, смѣшеніе различныхъ взглядовъ и ученій, множество точекъ соприкосновенія между самыми, повидимому, противоположными воззрѣніями, наконецъ, взаимное вліяніе и полировка между людьми, отставшими въ одномъ и опередившими другъ друга въ другомъ—все это вмѣстѣ представляетъ такой пестрый хаосъ въ эпоху сороковыхъ годовъ, что изслѣдованіе этой эпохи дѣлается крайне затруднительнымъ. Если въ каждый вѣкъ люди переростаютъ другъ друга, какъ деревья въ лѣсу, то можно себѣ представить, до чего доходитъ такое переростаніе въ такія переходныя эпохи, къ какимъ принадлежатъ сороковые годы. Въ подобныя эпохи нѣтъ никакой возможности провести особенно рѣзкихъ граней между людьми отсталыми и передовыми, такъ-какъ въ каждомъ человѣкѣ вы найдете два враждующіе лагеря, изъ которыхъ одинъ тянетъ въ одну сторону, другой—въ другую. Вы можете встрѣтить во главѣ движенія людей, опередившихъ своихъ современниковъ въ одномъ отношеніи на цѣлое поколѣніе, за то въ другомъ отставшихъ отъ нихъ на нѣсколько поколѣній; люди, едва начинающіе умственное развитіе, ни къ чему не пришедшіе, ничего не рѣшившіе, становятся вдругъ во главѣ движенія и ведутъ за собою свое поколѣніе, въ то-же время сами идя за другими людьми, которые, въ свою очередь, учатся у третьихъ. Люди, вчера еще отстававшіе и заблуждавшіеся, сегодня становятся вдругъ впереди тѣхъ, которые вчера еще ихъ укоряли въ отсталости и заблужденіи; наконецъ, при постоянномъ теченіи развитія, вы встрѣчаете въ каждомъ пунктѣ его своихъ утопленниковъ, людей, которые вчера еще плыли впереди другихъ, а сегодня уже лежатъ на днѣ трупами и задніе пловцы переплываютъ ихъ.

Чтобы читатели могли наглядно судить, какое въ этомъ отношеніи вавилонское столпотвореніе представляли собою 40 годы, мы представимъ рядомъ характеристику трехъ дѣятелей этой эпохи, которые всѣ трое являются вождями своего вѣка и оказываютъ на свое поколѣніе громадное вліяніе, а между тѣмъ, одинъ отстаетъ отъ своихъ современниковъ на нѣсколько столѣтій; другой стоитъ въ общемъ уровнѣ эпохи, а третій во многихъ отношеніяхъ опереживаетъ своихъ современниковъ. Эти три человѣка суть: Н. В. Гоголь, Т. Н. Грановскій и А. И. Герценъ. Они могутъ служить намъ тремя путеводительными маяками, которые покажутъ намъ начало, средину и выходъ изъ хаоса сороковыхъ годовъ. Въ то-же время они могутъ служить масштабомъ для измѣренія различныхъ дѣятелей того времени.

II.

Итакъ, начнемъ съ Гоголя. Вліяніе его на развитіе художественной литературы признается столь сильнымъ, что весь періодъ литературы сороковыхъ годовъ называется гоголевскимъ. Переворотъ, который Гоголь совершилъ въ нашей литературѣ, заключается, какъ всѣмъ извѣстно, въ томъ, что онъ первый рѣшился радикально обратиться въ своемъ творчествѣ отъ разныхъ романтическихъ красотъ и эксцентричностей, къ простой и обыденной дѣйствительности и изображать ее во всей ея непривлекательной грязи, не идеализируя и не выбирая изъ нея одни художественные перлы. Были и до него художники, которые изображали грязь и пошлость дѣйствительности (фонъ-Визинъ, Капнистъ, Крыловъ, Грибоѣдовъ), но они не имѣли такой силы, чтобы всю литературу обратить на этотъ путь и создать цѣлую школу, идущую совершенно въ разрѣзъ со всѣми прежними художественными традиціями. Но въ то-же самое время тотъ-же Гоголь, опередившій, въ художественномъ отношеніи, многихъ, даже послѣдующихъ дѣятелей литературы, не только что не былъ человѣкомъ сороковыхъ годовъ—не принадлежалъ даже и къ XIX столѣтію, и можно даже сказать, что этимъ онъ и обязанъ былъ тою легкостью, съ которою онъ отрѣшился отъ всѣхъ художественныхъ традицій, въ духѣ которыхъ были воспитаны его современники. Онъ былъ выходецъ изъ страны, отдаленной отъ центровъ московско-петербургскаго умственнаго движенія, которая едва покончила свою самобытную жизнь, дико-воинственную, вполнѣ средневѣковую, и была еще преисполнена пѣсенъ, легендъ и преданій этой жизни, сохранявшихъ еще свѣжее обаяніе только-что минувшаго вчерашняго дня. Идеалы этой среды были еще вполнѣ средневѣковые. Съ одной стороны, это былъ рыцарскій идеалъ удалаго казака Запорожской сѣчи, съ другой—мрачнаго, набожнаго аскета-отшельника Кіево-печерской лавры. Степь или монастырь—таковы были два единственныя убѣжища въ средневѣковой Руси для людей, не ладящихъ съ дѣйствительностью; съ уничтоженіемъ казачества, остался одинъ монастырь.

Съ міросозерцаніемъ непосредственно средневѣковымъ, религіозно-набожнымъ, пріѣхалъ Гоголь въ Петербургъ въ такое время, когда послѣдній представлялъ полное запустѣніе и отсутствіе всякаго умственнаго движенія. Здѣсь онъ замкнулся въ тѣсный кружокъ своихъ товарищей-земляковъ, стоявшихъ на той-же степени развитія, какъ и онъ. Сѣренькое петербургское небо и такая-же сѣренькая жизнь, полная лишеній, нужды и заботъ о существованіи, тяжелымъ свинцомъ налегли на молодаго человѣка, и вся эта обстановка должна была показаться ему вдвое бѣднѣе, жальче и пошлѣе сравнительно съ яркими цвѣтами малороссійской природы и преданіями отжившей старины, исполненными обаятельной, свѣжей поэзіи. Малороссы, заѣхавшіе въ Петербургъ, обыкновенно долго носятся съ пѣснями и преданіями своей родины и приходятъ въ слезливое умиленіе отъ одного запаха малороссійскаго сала. Такъ точно и Гоголь, при своемъ пламенномъ воображеніи, весь унесся въ воспоминаніе о своей родинѣ, въ ея поэтическія преданія и плодомъ этого явились „Вечера на хуторѣ“ и „Тарасъ Бульба“. Если хотите, эти произведенія можно причислить къ романтическимъ—но это былъ вовсе не тотъ романтизмъ, который господствовалъ

въ Европѣ и у насъ въ началѣ нынѣшняго столѣтія, который проникался образами и мотивами среднихъ вѣковъ, искусственно, съ задними мыслями и по большей части одѣвалъ въ рыцарскія латы своихъ-же современниковъ, исполненныхъ внутренняго разлада, скептицизма или туманной мечтательности. Романтизмъ Гоголя въ „Вечерахъ на хуторѣ“ является передъ нами вполнѣ средневѣковымъ; отношеніе Гоголя къ природѣ, жизни и преданіямъ своей родины преисполнено той наивной непосредственности, той дѣтской простоты, вслѣдствіе которыхъ „Вечера на хуторѣ“ являются передъ нами словно какими то средневѣковыми новеллами. Самый юморъ, которымъ преисполнены „Вечера“—безхитростный, добродушный, вполнѣ народный, маллороссійскій юморъ.

Появленіе „Вечеровъ“ сблизило Гоголя съ литературнымъ міромъ—онъ познакомился съ Пушкинымъ, Жуковскимъ, Вяземскимъ, впослѣдствіи съ Шевыревымъ и Погодинымъ; все это были люди отжившіе или остановившіеся. Лучшій изъ нихъ былъ безспорно Пушкинъ, но это былъ Пушкинъ послѣдняго періода своей дѣятельности. Онъ могъ быть полезенъ Гоголю своими совѣтами по художественной части; что-же касается обще-развивательнаго вліянія, то въ этомъ отношеніи онъ могъ быть болѣе вреденъ, чѣмъ полезенъ.

Такимъ образомъ, Гоголь остался совершенно внѣ умственнаго движенія своего времени. Въ юности его занимали вопросы исключительно художественные, литературные, причемъ для него вовсе не существовало тѣхъ мучительныхъ вопросовъ о судьбѣ, духѣ и направленіи русской образованности, надъ разрѣшеніемъ которыхъ мучилось поколѣніе тридцатыхъ годовъ. Онъ не сдѣлался ни западникомъ, ни славянофиломъ. Западникомъ онъ не могъ сдѣлаться потому, что имѣлъ весьма смутныя понятія о духѣ и направленіи западной образованности и никакое ученіе Запада не увлекало его; что-же касается славянофильства, то Гоголь, хотя и стоялъ на почвѣ того-же до-петровскаго міросозерцанія, на которомъ славянофилы основывали все спасеніе міра, но онъ отличался, все-таки, отъ нихъ тѣмъ, что славянофилы были люди тронутые, раздвоенные, сами находились уже внѣ до-петровскаго міросозерцанія и только натягивали во что бы то ни стало возвращеніе къ нему и примиреніе съ нимъ посредствомъ различныхъ хитросплетеній гегелевской діалектики, заразившись ею отъ того-же растлѣннаго Запада, который такъ проклинали. Между тѣмъ, на Гоголѣ не было и слѣда никакой подобной западной проказы: допетровское міросозерцаніе было предметомъ такой-же непосредственной, наивной вѣры для него, какъ и для любаго простолюдина, и ему не для чего было стремиться къ возвращенію къ тому, въ сферѣ чего онъ и безъ того всецѣло находился.

Одно время, впрочемъ, и онъ подчинился нѣсколько духу своего времени. Послѣ наивной фантастичности народныхъ преданій, какую мы видимъ въ „Вечерахъ“, онъ обратился въ „Портретѣ“ къ искусственной фантастичности въ гофмановскомъ родѣ, съ другой стороны началъ выводить въ своихъ произведеніяхъ романтическихъ художниковъ совершенно въ духѣ прекраснодушныхъ идеаловъ того времени. Но это вѣяніе вѣка было мимолетнымъ; какъ у человѣка вполнѣ средневѣковаго,—у Гоголя преобладало то непосредственное, эмпирическое воззрѣніе на жизнь, которое ведетъ въ творчествѣ къ преобладанію внѣшняго пластицизма; фантастическіе образы его явились слишкомъ преисполненными плоти и крови, и гофмановская туманная, мистическая фантастичность была совершенно не по плечу Гоголя, чтобы онъ могъ проникнуться ею и остановиться на ней. Съ другой стороны, и прекраснодушный художникъ не могъ сдѣлаться его идеаломъ при томъ религіозномъ настроеніи, которымъ Гоголь былъ проникнутъ съ самой ранней юности и которое отзывается во всей его перепискѣ уже со скамьи Нѣжинскаго лицея. Такъ, уже въ „Портретѣ“ вы видите, что прекраснодушная, исключительная преданность искусству ведетъ, по мнѣнію Гоголя, къ тому, что художникъ творитъ чуть не антихриста; высшимъ-же идеаломъ человѣка уже въ этой повѣсти является передъ вами аскетъ, замаливающій въ монастырѣ грѣхъ своей молодости.

Съ точки зрѣнія этого средневѣковаго идеала, осмѣивалъ Гоголь и окружающую его типу мелочей и дрязгъ. Было бы совершенно ложно думать, что міръ Собакевичей, Сквозниковъ-Дмухановскихъ, Коробочекъ можетъ казаться пошлымъ и лишеннымъ всякаго образа и подобія человѣческаго только съ высоты чайльдъ-гарольдовскихъ или бельтовскихъ идеаловъ. Отъ него съ ужасомъ отшатнулся бы и любой средневѣковой аскетъ въ родѣ Савонароллы. Гоголь-же обладалъ именно тою сильною, нетерпимою натурой, которую обыкновенно глубоко возмущаетъ разладъ дѣйствительности съ идеаломъ, къ какому бы вѣку ни принадлежалъ этотъ идеалъ, и обладая геніальнымъ юморомъ, Гоголь принялся осмѣивать окружающую его жизнь изъ чистой потребности своего духа, внѣ всякихъ вѣяній какихъ-либо идей философскихъ или политическихъ, внѣ всякихъ художественныхъ традицій. Поэтому, вы не найдете и тѣни какихъ-либо сознательныхъ гражданскихъ тенденцій въ сатирѣ Гоголя. Гоголь и не воображалъ, что, смѣясь надъ пошлостью жизни, онъ смѣется и надъ тѣмъ общественнымъ строемъ, который порождаетъ эту пошлость, а когда этотъ выводъ былъ сдѣланъ изъ его произведеній другими, онъ съ ужасомъ отъ него отшатнулся. Онъ воображалъ въ своей среднѣковой наивности, что общественный бытъ въ томъ видѣ, въ какомъ существовалъ при немъ, есть нѣчто такое-же незыблемое, утвержденное съ испоконъ-вѣковъ, какъ перемѣны временъ года, и что допущеніе малѣйшаго серьезнаго измѣненія въ немъ—есть нѣчто въ родѣ святотатства; что-же касается Ноздревыхъ, Плюшкиныхъ, Хлестаковыхъ, то онъ объяснялъ ихъ пошлость тѣмъ, что они не просвѣщены свѣтомъ его аскетическихъ, средневѣковыхъ идеаловъ. Недаромъ онъ обѣщалъ, что въ третьей части изъ устъ Плюшкина польются иныя рѣчи. Изъ этого міровоззрѣнія прямо и естественно вышелъ переходъ къ послѣднему періоду дѣятельности Гоголя, ознаменовавшемуся „Перепискою съ друзьями“. На это произведеніе Гоголя многіе смотрятъ, какъ на паденіе его таланта, какъ на окончательное растлѣніе его подъ гнетомъ обстоятельствъ, болѣзни и пр., и пр. Кто не знакомъ съ тѣ-

ми ожесточенными нападками, которыя посыпались на Гоголя со всѣхъ сторонъ послѣ появленія „Переписки съ друзьями“? Кто изъ современниковъ не читалъ грозныхъ писемъ Бѣлинскаго къ Гоголю и писемъ Павлова, которыя были перепечатаны во многихъ газетахъ и журналахъ при своемъ появленіи? Но, въ сущности, по отношенію къ самому Гоголю послѣдній періодъ его дѣятельности не только не былъ паденіемъ и растлѣніемъ, а напротивъ, шагомъ впередъ... Весь этотъ переломъ произошелъ оттого, что Гоголь вовсе не принадлежалъ къ числу тѣхъ созерцательныхъ натуръ, которыя могутъ ограничиться однимъ художественнымъ творчествомъ; въ немъ была слишкомъ сильна жилка пропаганды, что ясно видно изъ всей переписки его съ самымъ юныхъ лѣтъ. Кого только онъ ни назидалъ, начиная съ матери и сестры и кончая Погодинымъ и Шевыревымъ? Что-же мудренаго, если ему показалось недостаточнымъ осмѣивать пошлыхъ людей, а захотѣлось, вмѣстѣ съ тѣмъ, и внушить имъ тѣ самые идеалы и принципы, на основаніи которыхъ онъ ихъ осмѣивалъ? Это побужденіе усиливалось въ немъ по мѣрѣ того, какъ и самъ онъ все глубже и глубже проникался этими принципами по мѣрѣ своей зрѣлости и, наконецъ, дошелъ до того изступленнаго экстаза, въ которомъ ему начали грезиться видѣнія, дѣйствительный и фактическій міръ перемѣшались въ его глазахъ и онъ вообразилъ себя чѣмъ-то въ родѣ пророка. Это было сумасшествіе, если хотите, но то самое, съ какимъ въ средніе вѣка совершали религіозные перевороты люди въ родѣ Магомета, Гусса, Лютера и прочихъ реформаторовъ. Гоголя обвиняли при этомъ въ страшномъ высокомѣріи, скрывающемся подъ напускнымъ смиреніемъ; но спрашивается, какой-же фанатикъ, увлекшійся до энтузіазма своею идеей, не воображаетъ, что онъ пришелъ обновить міръ и что міръ долженъ внимать ему и идти за нимъ, иначе всѣ погибнутъ? Да и возможно-ли увлеченіе пропагандой безъ того качества, которое обыкновенно, когда пропаганда намъ нравится, называютъ величіемъ, возвышеннымъ энтузіазмомъ и пр., а когда не нравится, то высокомѣріемъ? Единственнымъ промахомъ Гоголя было развѣ то, что пропаганда его явилась не во время. Явись она не только въ средніе вѣка, а лѣтъ сорокъ назадъ, и никого-бы она не удивила. Живи Гоголь во времена Новикова, онъ, конечно, сначала участвовалъ-бы въ новиковскихъ сатирическихъ журналахъ, а потомъ сдѣлался-бы ревностнымъ массономъ, и это казалось-бы столь-же естественнымъ, какъ это намъ представляется въ Новиковѣ; никто не находилъ-бы въ „Перепискѣ съ друзьями“ никакого высокомѣрія или помѣшательства, и тотъ-же Бѣлинскій или Павловъ съ уваженіемъ отзывались-бы о „Перепискѣ съ друзьями“, какъ о памятникѣ успѣховъ въ свое время русскаго просвѣщенія. Но и отъ того времени, въ которое появилась „Переписка съ друзьями“ была явленіемъ не слишкомъ уже отсталымъ. Подумайте только о томъ, многимъ-ли отличаются принципы самого Бѣлинскаго, московскаго періода его дѣятельности отъ принциповъ „Переписки съ друзьями“? Развѣ только тѣмъ, что первые были замаскированы гегелевскою діалектикой, привлекавшей своею замысловатостью и новизной, и потому казались передовымъ, новымъ словомъ, тогда какъ въ „Перепискѣ“ тѣ-же принципы были высказаны съ ничѣмъ неприкрытою наготой, съ наивнымъ энтузіазмомъ изувѣра. Но въ этомъ отношеніи „Переписка“ была полезнѣе „Менцеля“ или „Бородинской годовщины“. Появившись въ такое время (1847 г.), когда средневѣковое міросозерцаніе находилось въ самой упорной борьбѣ съ новыми идеями, „Переписка“ оказала своимъ принципамъ самую медвѣжью услугу, выразивши ихъ во всемъ ихъ умственномъ убожествѣ, со всѣми внутренними противорѣчіями. Этимъ Гоголь, какъ будто нарочно, напоказъ выставилъ всю ихъ несостоятельность и заставилъ людей мало-мальски свѣжихъ съ большею рѣшимостью отшатнуться отъ нихъ и поспѣшить отъ нихъ избавиться. Между тѣмъ, какъ тѣ-же самые принципы, выраженные въ статьяхъ Бѣлинскаго московскаго періода, подъ прикрытіемъ гегелевской діалектики, могли многихъ сбить съ толку и остановить навсегда на степени того двухсмысленнаго прогреса, который, оставаясь на одномъ и томъ-же мѣстѣ, воображаетъ, что онъ идетъ впередъ, перемалывая старое на новый ладъ.

Средневѣковой человѣкъ по своимъ міровоззрѣніямъ, такой-же былъ Гоголь и по всѣмъ своимъ привычкамъ. До него вовсе не коснулась господствовавшая въ то время идея независимости литературы, и онъ всецѣло принадлежалъ еще къ тѣмъ минувшимъ вѣкамъ, въ которые писатели взапуски добивались покровительства; ему и въ голову не приходило считать унизительными хлопоты о различныхъ вспомоществованіяхъ. Но рядомъ съ этимъ вы видите въ немъ полное отсутствіе особенной искательности, лести, желанія пробиться вверхъ или составить состояніе. Это былъ вѣчно скитающійся, безсемейный казакъ въ личинѣ писателя, перевозившій все свое добро въ небольшомъ чемоданѣ. Большія суммы денегъ, получаемыя имъ отъ продажи своихъ сочиненій, или-же въ видѣ вспомоществованій свыше, онъ употреблялъ на стипендіи въ пользу бѣдныхъ московскихъ студентовъ, или-же скупалъ дорогія картины, для того, чтобы выручить изъ нужды бѣдныхъ художниковъ, и въ то-же время терпѣлъ иногда нужду и не зналъ, какъ перебиться. Самое то чудное, прекрасное далеко, куда онъ такъ часто удалялся, чтобы оттуда созерцать Россію, вполнѣ соотвѣтствовало его міровоззрѣніямъ. Это былъ Римъ, въ которомъ средніе вѣка процвѣтали еще во всей своей красотѣ, и тамъ Гоголь бродилъ воплощеннымъ анахронизмомъ XIX столѣтія среди величавыхъ памятниковъ отжившей старины, мечтая о тѣхъ блаженныхъ временахъ, когда, подъ покровительствомъ владѣтельныхъ особъ, великіе художники, исполненные религіознаго энтузіазма, цѣлые годы проводили надъ какою-нибудь мадонной или расписываньемъ церковнаго плафона. Живымъ напоминаніемъ этого давно-минувшаго времени служилъ для Гоголя Ивановъ, проведшій полжизни надъ своею знаменитою картиной, такой-же средневѣковый аскетъ, какимъ былъ и Гоголь.

III.

Въ то время, какъ Гоголь можетъ служить для насъ представителемъ средневѣковыхъ принциповъ въ ихъ

чистомъ и непосредственномъ видѣ — современникъ его, Тимофей Николаевичъ Грановскій, является вполнѣ человѣкомъ сороковыхъ годовъ, живымъ, воплощеннымъ типомъ тѣхъ промежуточныхъ людей, въ которыхъ старыя идеи упорно боролись съ новыми и которые въ изнеможеніи останавливались на этой борьбѣ, будучи не въ силахъ найти никакого исхода изъ нея и не смѣя рѣшиться смѣло пойти въ одну какую-нибудь сторону.

Какъ по своему характеру, по своимъ убѣжденіямъ, такъ и по всему складу и ходу жизни, Грановскій является преисполненнымъ тѣхъ непримиримыхъ противорѣчій, которыми обыкновенно всегда отличаются люди промежуточные, стоящіе на рубежѣ двухъ противоположныхъ міровоззрѣній. Родясь въ богатомъ помѣщичьемъ семействѣ, онъ провелъ свое дѣтство подъ вліяніемъ такихъ размягчающихъ условій усадебной жизни, что изъ него обѣщалъ выйти или праздный, безмолвный эпикуреецъ, или отвлеченный эстетикъ-созерцатель, въ родѣ массы людей его поколѣнія, не пошедшихъ далѣе этого тепличнаго склада ума и характера. Довольно того, что родители только тогда вздумали отвезти мальчика въ Москву и помѣстить его въ частный пансіонъ Кистера, когда мальчику исполнилось уже 13 лѣтъ. Но и выборъ заведенія былъ сдѣланъ зря, чтобы только какъ-нибудь отдѣлаться, хотя для виду, отъ обязанности воспитанія сына. Грановскій учился въ пансіонѣ всего два года, оставаясь въ теченіи этого времени очень долго дома всякій разъ, какъ пріѣзжалъ въ семью свою на вакацію, и не научился въ пансіонѣ этомъ ничему — даже нѣмецкому языку, несмотря на то, что заведеніе содержалось нѣмцемъ. Отправившись домой на вакаціонные мѣсяцы послѣ двухлѣтняго ученія въ пансіонѣ, Грановскій уже не возвращался туда—и три года провелъ въ родительскомъ Погорѣльцѣ въ мучительной скукѣ праздности, бродя по цѣлымъ днямъ съ ружьемъ въ рукахъ по лѣсамъ и болотамъ. Единственное живое вліяніе, какое испыталъ на себѣ въ эти потерянные годы Грановскій, было вліяніе француза Жаньо, съ которымъ онъ познакомился въ Орлѣ. Замѣчательно, что рѣдкій изъ передовыхъ дѣятелей нашего стараго времени обошелся безъ благотворнаго вліянія тѣхъ выходцевъ изъ Франціи, которыхъ нѣкогда такъ преслѣдовала наша отечественная сатира. Безъ такого вліянія не обошелся и Грановскій. „Устами француза—говоритъ біографъ Грановскаго—произносились рѣчи и понятія цивилизованной націи, и мальчикъ, которому былъ уже шестнадцатый годъ, почувствовалъ различіе ихъ отъ того, что слышалось вокругъ него, среди полуобразованнаго общества, среди сосѣдей и помѣщиковъ, посѣщавшихъ Погорѣлецъ". До 18-ти почти лѣтъ Грановскій проживалъ недорослемъ въ родительской усадьбѣ, съ увлеченіемъ предаваясь танцамъ и безпечному веселью и рѣдко ложась спать ранѣе пяти часовъ утра. Наконецъ, отецъ Грановскаго, человѣкъ до крайности безпечный, праздный игрокъ и мотъ, приведшій свое семейство къ окончательному разоренію—рѣшился отправить сына въ Петербургъ на службу. Какъ истый питомецъ усадебной теплицы, сынъ, конечно, ни о чемъ болѣе не мечталъ, какъ объ эполетахъ, и только просьбы матери, которая одна изъ всѣхъ домашнихъ, оказывала на сына благотворное нравственное вліяніе, склонили его на гражданское поприще и весной 1831 года, съ помощью какого-то друга матери, Грановскій опредѣлился на службу въ департаментъ министерства внутреннихъ дѣлъ. „Впечатлѣніе столицы, чтеніе (къ которому Грановскій успѣлъ уже пристраститься еще во время своей усадебной праздности), новыя встрѣчи съ людьми не остались безъ вліянія на даровитаго юношу. Онъ скоро и мучительно началъ чувствовать недостаточность своего образованія и своихъ познаній — говоритъ біографъ Грановскаго — и слѣдствіемъ этого было то, что Грановскій, несмотря на неодобреніе отца, въ іюлѣ 1831 года вышелъ въ отставку и началъ готовиться къ вступительному университетскому экзамену. Надо было случиться, что въ это самое время умерла мать Грановскаго, и всѣ обстоятельства жизни его радикально измѣнились. Наслѣдникъ богатаго имущества вдругъ очутился въ положеніи бѣдняка, который принужденъ собственными усиліями пробивать дорогу среди нужды и лишеній. Онъ, конечно, тотчасъ-же понялъ, что со смертью матери нечего надѣяться на родовыя имѣнія, что если онъ не обезпечитъ себя самостоятельнымъ трудомъ, то и самого его, и сестеръ ждетъ неминуемая нищета, такъ-какъ отъ управленія имѣніями отцомъ ничего нельзя было ожидать, кромѣ неминуемаго разоренія. Поэтому, съ удвоеннымъ рвеніемъ принялся Грановскій за приготовленіе къ экзамену. Въ то-же время отецъ его, среди своихъ оргій, часто забывалъ о сынѣ и не высылалъ ему денегъ или-же высылалъ такія ничтожныя суммы, что избалованный питомецъ роскоши и нѣги долженъ былъ нерѣдко голодать по нѣскольку дней, питаясь чаемъ съ картофелемъ, впадать въ долги, пробиваться уроками, а впослѣдствіи переводными и компилятивными статейками въ „Библіотекѣ для Чтенія" Сенковскаго.

Такимъ образомъ, самими обстоятельствами жизни Грановскій былъ поставленъ такъ, что среда, къ которой онъ принадлежалъ, была обращена къ нему своею обратною стороной дикой, варварской грязи, соединенной съ печальнымъ нравственнымъ растлѣніемъ. Это заставило юношу на университетской скамьѣ уже обратить вниманіе на мрачныя стороны нашей жизни. Рядомъ съ этимъ Грановскій зачитывался „Телеграфомъ", и уже въ университетѣ, пристрастившись къ исторіи, познакомился съ сочиненіями Гизо, Баранта, Сисмонди, Тьера, Вильмена и пр. Все это вмѣстѣ внушило юношѣ то живое расположеніе къ общественнымъ вопросамъ, котораго были такъ чужды московскіе мыслители кружка Станкевича съ ихъ отвлеченно-эстетическими умозрѣніями.

Но рядомъ съ этою несомнѣнною энергіей, которую обнаружилъ Грановскій во время своего студенчества, васъ поражаютъ первые шаги его въ жизни за университетомъ, представляющіе радикальную противоположность съ тѣмъ отважнымъ скачкомъ, которымъ шагнулъ Грановскій изъ канцеляріи въ университетъ.

Пройдя въ какія-нибудь пять лѣтъ, среди нужды и всякаго рода лишеній, два курса, которые, при самыхъ благопріятныхъ условіяхъ, проходятся обыкновенно лѣтъ въ десять, Грановскій успѣлъ при этомъ

обратить на себя вниманіе профессоровъ, и его хотѣли послать заграницу для занятія впослѣдствіи каѳедры. Въ то-же самое время Грановскій любилъ дочь сосѣда по имѣніямъ отца, дѣвушку, по словамъ біографа Грановскаго, весьма пріятной наружности, сосредоточеннаго, сдержаннаго нрава и одаренную замѣтнымъ умомъ. Казалось бы, что для человѣка, закаленнаго въ трудѣ и борьбѣ съ жизнью, успѣвшаго пристраститься къ наукѣ и для котораго планъ жизни представлялся уже опредѣленнымъ, поѣздка заграницу не только-что не могла стоять поперегъ вопроса о любви, напротивъ того, должна была способствовать благополучному разрѣшенію его, хотя бы и отсрочивала на время это разрѣшеніе. Немного нужно было имѣть здраваго смысла и твердости характера, чтобы разсудить, что долгъ и призваніе должны стоять на первомъ планѣ, особенно-же, если раньше устройства положенія невозможно и думать о женитьбѣ. Но Грановскому вдругъ, ни съ того, ни съ сего, вздумалось разыграть роль Митрофанушки комедіи Фонвизина—не хочу, молъ, учиться, хочу жениться—и онъ отклонилъ отъ себя поѣздку заграницу на томъ основаніи, по словамъ біографа, что не желалъ на долгое время разставаться *съ нею*.

Но и въ любви Грановскій не нашелъ тѣхъ удовольствій, которыхъ, вѣроятно, ожидалъ, отказавшись ѣхать заграницу. Начались различныя ревности, упреки, рефлексіи и привели къ тому, что довѣріе къ Е. П. ослабѣло въ сердцѣ Грановскаго и порой онъ началъ подумывать уже о томъ, что бракъ съ иной женщиной, которую онъ менѣе бы любилъ, но болѣе довѣрялъ, обѣщалъ бы ему болѣе счастія. Казалось бы, чего еще дожидать отъ любви послѣ подобныхъ рефлексій? Но въ 1835 году снова было сдѣлано предложеніе Грановскому ѣхать заграницу для приготовленія къ профессурѣ—теперь уже отъ московскаго университета черезъ П. К. Ржевскаго, служившаго при московскомъ попечителѣ графѣ С. Г. Строгановѣ. И вдругъ, что-же: послѣ всѣхъ рефлексій, Грановскій снова спѣшитъ къ Е. П. рѣшить: ѣхать ему или остаться, готовый покориться ея рѣшенію, каково бы оно ни было. Дѣвушка, однакоже, оказалась съ характеромъ болѣе серьезнымъ и самоотверженнымъ, чѣмъ ея возлюбленный. При всемъ томъ, что, по словамъ біографа, она рисковала потерять, вслѣдствіе поѣздки Грановскаго, гораздо болѣе, чѣмъ онъ, она не замедлила выговорить свое разрѣшающее partez, и Грановскій уѣхалъ, съ умиленіемъ всю жизнь вспоминая потомъ объ этомъ великодушномъ отвѣтѣ. Послѣ такого умиленія чего, казалось, было ждать, какъ не большей еще привязанности къ дѣвушкѣ отъ истинно и горячо любящаго человѣка? И что-же вдругъ вышло: Грановскій уговорился съ своею возлюбленною не переписываться во время его отсутствія для избѣжанія толковъ, любопытства и опасеній, возбужденныхъ отношеніями молодыхъ людей въ кругу родныхъ и въ обществѣ, среди котораго осталась Е. П., а получать извѣстія черезъ общую пріятельницу М. А. С., которая часто видѣлась съ Е. П. и вела переписку съ Грановскимъ. Но эта пріятельница, одна изъ тѣхъ старыхъ, перезрѣлыхъ дѣвъ, которыя среди провинціальнаго бездѣлья отъ скуки бываютъ часто такія любительницы и искусницы сводить и разводить влюбленныхъ, оказалась коварнѣйшимъ другомъ. Она оклеветала передъ Грановскимъ его возлюбленную, а передъ послѣдней его; вслѣдствіе этого произошла ссора, и любовь Грановскаго, на карту которой онъ ставилъ всего себя, разсѣялась, какъ дымъ. Позже Грановскій убѣдился въ коварствѣ злой женщины; узналъ онъ также, что дѣвушка и тутъ оказалась выше его: она не разлюбила его при всѣхъ наущеніяхъ пріятельницы; пять лѣтъ послѣ того провела она въ нѣмой тоскѣ, въ полномъ уединеніи... Можно себѣ представить, сколько стыда, нравственнаго униженія и раскаянія оставила въ сердцѣ Грановскаго подобная развязка.

«Его мучила мысль—говоритъ біографъ—что эта третья сестра, какъ онъ началъ называть ее, можетъ презирать его, въ ея глазахъ онъ можетъ казаться пустымъ и бездушнымъ человѣкомъ. Онъ рѣшился объяснить ей въ короткомъ письмѣ все дѣло, какъ оно было, и сказать, какъ мучительна для него мысль о возможности презрѣнія съ ея стороны. Отъ нея онъ получилъ отвѣтъ, въ короткихъ и простыхъ словахъ: она благодарила его за письмо и признавалась, что *оно утѣшило ее во многомъ*. Такъ кончились навсегда личныя сношенія Грановскаго съ дѣвушкой, которую онъ любилъ въ первой юности. Они никогда не встрѣчались болѣе, но до кончины, постигшей ее за годъ до смерти Грановскаго, онъ сохранилъ горячее участіе къ третьей сестрѣ своей. Незамѣтно и тайно для нея онъ постоянно слѣдилъ за ея судьбой, освѣдомлялся обо всемъ, что имѣло отношеніе къ ней и ея семейству, доставлялъ ей книги руками другихъ лицъ, радовался, когда представился ему случай принять на свое попеченіе воспитаніе маленькой сестры ея. Съ глубокою грустью и вѣчнымъ упрекомъ самому себѣ вспоминалъ онъ ее въ лучшіе, счастливѣйшіе часы своей жизни. Когда для него настало время новой счастливой любви, онъ воспоминаетъ въ письмахъ сестрамъ свою прежнюю невѣсту: «Боже мой, Боже мой! Я жестоко наказанъ за ошибки моей юности. Покуда будетъ живо это воспоминаніе, я не могу быть вполнѣ счастливымъ, а воспоминаніе это не умретъ никогда». Онъ признается въ другомъ письмѣ: «Признаться-ли вамъ? Это воспоминаніе преслѣдуетъ меня даже когда сижу возлѣ Лизы. Чѣмъ могу я искупить мою вину?»

Когда вы читаете всю эту исторію въ біографіи Грановскаго, то вамъ постоянно чудится, что передъ вами одна изъ повѣстей Тургенева, нѣчто въ родѣ „Рудина“ или „Аси“, съ однимъ изъ тѣхъ Гамлетовъ сороковыхъ годовъ, которые, по своимъ идеямъ, стояли выше всей окружающей ихъ толпы, а по своимъ отношеніямъ къ жизни являлись несостоятельнѣе самыхъ посредственныхъ практиковъ, съ одной стороны выказывали удивительную силу характера, рѣшаясь въ одиночку и часто безъ всякой поддержки и сочувствія, бороться противъ тьмы темъ и освѣщать собою эту бездну, и въ то-же время у нихъ на столько не доставало энергіи, воли и здраваго смысла, чтобы рѣшить какой-нибудь маленькій вопросикъ въ ихъ частной жизни; они рефлектировали, путались въ безплодныхъ сомнѣніяхъ и сожалѣніяхъ тамъ, гдѣ дѣло было ясно, какъ день, и кончалось тѣмъ, что какая-нибудь старая дѣва могла помыкать ими, какъ тряпкой.

Что касается до своей второй привязанности, то хотя она и увѣнчалась законнымъ бракомъ, Грановвъ-

скій и тутъ успѣлъ разыграть еще болѣе близко и совершенно роль Рудина, и этотъ фактъ имѣетъ для насъ особенную важность, потому что здѣсь замѣшиваются въ дѣло уже и принципы, и фактъ этотъ можетъ служить для насъ переходомъ къ характеристикѣ убѣжденій и взглядовъ Грановскаго.

Мы уже говорили о томъ, что первымъ и самымъ главнымъ источникомъ всѣхъ золъ, всѣхъ лишеній, непріятностей и горестей въ жизни Грановскаго былъ его отецъ, который своею безпечностью чуть не погубилъ всю жизнь его въ дѣтствѣ, съ расточительностью котораго потомъ всю жизнь свою Грановскій боролся, спасая кое-какъ своихъ сестеръ отъ окончательнаго разоренія, платя за старика долги и проч. Мы уже говорили, что ненадежность этого человѣка была главною двигательною силой энергіи Грановскаго: она-то и побудила его стремиться встать на самостоятельную ногу. Но разъ человѣкъ выработалъ себѣ самостоятельность и вступилъ на свой собственный путь, казалось бы, какое дѣло кому бы то ни было до того, какое рѣшеніе приму я въ томъ или другомъ своемъ дѣлѣ, касающемся лично меня, особенно, если самому мнѣ лѣтъ уже подъ 30-ть. Тѣмъ болѣе, казалось-бы, что въ такомъ дѣлѣ, какъ женитьба, гдѣ идетъ вопросъ о судьбѣ не одного человѣка, а и той особы, съ которою онъ вступаетъ въ бракъ, мыслимое-ли дѣло, будучи уже въ зрѣлыхъ лѣтахъ, отказываться отъ иниціативы рѣшенія такого вопроса и возлагать его всецѣло на рѣшеніе папеньки? И вдругъ что-же мы видимъ: въ 1840 году Грановскій влюбился въ молодую дѣвушку Мюльгаузенъ, полюбила и она его. Въ то время Грановскій успѣлъ уже занять каѳедру, и имя его съ каждымъ днемъ пріобрѣтало болѣе и болѣе знаменитости. Родители невѣсты были рады этому браку. Передъ тѣмъ, какъ дѣлать имъ предложеніе, Грановскій, по обыкновенію, написалъ отцу, прося его родительскаго благословенія на женитьбу. Казалось, что это письмо не имѣло никакого иного значенія, кромѣ обычнаго соблюденія приличій и сыновьяго почтенія къ престарѣлому родителю. Но Грановскій сдѣлалъ изъ него тотчасъ-же драму и всталъ въ трагикомическую позу роли Кабанова въ „Грозѣ“. Почтенный профессоръ, герой дня, стоявшій уже во главѣ умственнаго движенія Россіи въ то время, надежда всѣхъ друзей прогреса—какъ молоденькая, только-что выпущенная, институточка, со страхомъ и трепетомъ началъ ожидать, что скажетъ папенька и какъ рѣшитъ его участь. „Я не женюсь безъ его согласія—писалъ онъ къ своей сестрѣ съ сентиментальностью 17-ти-лѣтней пансіонерки—браки безъ согласія родителей приносятъ несчастіе...“ Къ довершенію комизма, родитель и не думалъ спѣшить отвѣтомъ на просьбу сына. По всей вѣроятности, онъ увлекся какими-нибудь обѣдами, попойками, картежными турнирами и, забывши о письмѣ сына, откладывалъ день за день отвѣтъ, предполагая, что не къ спѣху... Прошла недѣля, другая, третья, и только черезъ шесть недѣль, родитель, наконецъ, собрался и прислалъ сыну свое благословеніе. Грановскій чуть не сходилъ съ ума въ это время. „Лѣнь-ли, равнодушіе или-же искренняя забота о моемъ будущемъ препятствуютъ ему писать мнѣ? Боже мой, какъ дорого-бы я далъ за то, чтобы быть неправымъ противъ него, чтобы послѣднее изъ трехъ предположеній было справедливо“, писалъ онъ къ своей сестрѣ. Въ другомъ письмѣ онъ писалъ, что не женится безъ согласія отца, но уже не пріѣдетъ въ его семью; что онъ не сталъ-бы упрекать отца ни въ чемъ, но ему было-бы трудно быть съ нимъ такимъ, какимъ сынъ долженъ быть для отца. Въ этихъ словахъ выразилась вся бездна противорѣчій, которая сидѣла въ Грановскомъ. Казалось-бы, что ужъ если стоять на кабановской точкѣ зрѣнія святости отеческаго veto, то проводить этотъ взглядъ послѣдовательно до конца, такъ-какъ онъ требуетъ не одного только повиновенія скрѣпя зубы, но почтительнаго, соединеннаго съ искреннею готовностью безропотно одобрять всякое родительское распоряженіе. Между тѣмъ, вы видите здѣсь, съ одной стороны—желаніе подчиниться отеческой власти, соединенное съ мистическимъ страхомъ, какъ-бы въ противномъ случаѣ бракъ не вышелъ несчастнымъ, съ другой-же стороны — протестъ и какой еще протестъ! сынъ объявляетъ отцу: я послушаюсь твоей воли, но за то потомъ ты мнѣ не отецъ и я тебя и знать не хочу! Или иначе: я сначала почту твою власть, а потомъ попру ее ногами. Въ результатѣ отъ такого абсурда вышло-бы, что всѣ остались-бы въ накладѣ: отецъ потерялъ-бы на всегда сына, сынъ потерялъ-бы и отца и невѣсту, но за какую-же вину пострадала-бы здѣсь дѣвушка изъ-за того, что въ ней возбудилъ чувство такой безвольный человѣкъ, который могъ рѣшиться бросить ее по приказанію папеньки послѣ всѣхъ нѣжныхъ чувствоизліяній? Къ довершенію всѣхъ противорѣчій, слѣдуетъ еще замѣтить, что Грановскій далеко не во всѣхъ случаяхъ жизни слѣдовалъ тому-же самому принципу, который вдругъ вздумалось ему примѣнить къ женитьбѣ своей на Мюльгаузенъ. Такъ, напримѣръ, неодобреніе отца нисколько не помѣшало ему поступить въ университетъ, и онъ не думалъ о томъ, что его ждетъ несчастіе на новомъ поприщѣ, на которое онъ выступилъ вопреки родительской воли. Въ то-же время, будучи еще студентомъ, онъ поспѣшилъ изъ Петербурга въ Погорѣлецъ, узнавши, что отецъ выдаетъ сестру его замужъ насильно за немилаго человѣка, и Грановскій разстроилъ этотъ бракъ, конечно, вопреки воли родителя, нисколько не помышляя, что власть родителя такъ-же священна въ положительныхъ отправленіяхъ, какъ и въ своихъ veto.

Подобныя нравственныя противорѣчія только и можно объяснить себѣ тѣмъ, что въ Грановскомъ сидѣли двѣ противоположныя системы міровоззрѣній: одна—до-петровская, архаическая, вся основанная на средневѣковыхъ преданіяхъ, другая—новая, система XIX столѣтія, основанная на идеяхъ свободы разума, чувства и воли личности отъ всѣхъ стѣсняющихъ оковъ обветшалаго родового быта.

IV.

Таковъ былъ Грановскій и во всѣхъ своихъ убѣжденіяхъ, во всѣхъ своихъ поступкахъ. Едва только уѣхалъ онъ за-границу, какъ тотчасъ-же предался горькимъ, мучительнымъ рефлексіямъ и сомнѣніямъ касательно того, правильно-ли избралъ онъ путь, рѣ-

шившись посвятить себя изученію исторіи. Съ одной стороны, на него нашли сомнѣнія въ собственной своей личности, онъ ужаснулся громадности труда при видѣ той колоссальной литературы, какая существовала въ то время уже въ Германіи по части разработки исторической науки, ему показалось, что онъ совсѣмъ не подготовленъ къ такому труду и взялся не за свое дѣло; съ другой стороны, онъ впалъ въ общій въ то время всѣмъ романтикамъ скептицизмъ относительно безсилія науки вообще достигнуть какихъ-нибудь основательныхъ знаній. Изъ этого состоянія его вывелъ Станкевичъ, указавши ему на гегелевскую философію, какъ на цѣлительный бальзамъ отъ всѣхъ его мукъ сомнѣнія.

«Мужество, твердость, Грановскій! — писалъ онъ ему—не бойся этихъ формулъ, этихъ костей, которыя облекутся плотію и возродятся духомъ по глаголу Божію, по глаголу души твоей. Твой предметъ—жизнь человѣчества: ищи-же въ этомъ человѣчествѣ образа Божія; но прежде приготовься трудными испытаніями—займись философіей. Занимайся тѣмъ и другимъ; эти переходы изъ отвлеченной къ конкретной жизни и снова углубленіе въ себя—наслажденіе! тысячу разъ бросишь ты книги, тысячу разъ отчаешься и снова исполнишься надежды; но вѣрь, вѣрь — и иди путемъ своимъ... Теперь ты занимаешься исторіей: люби-же ее, какъ поэзію, прежде нежели ты свяжешь ее съ идеей, какъ картину разнообразной и причудливой жизни человѣчества, какъ задачу, которой рѣшеніе не въ ней, а въ тебѣ, и которое вызовется строгимъ мышленіемъ, приведеннымъ въ науку. Поэзія и философія — вотъ душа сущаго. Это жизнь, любовь; внѣ ихъ все мертво. Ты скорбишь о томъ, что едва знаешь имена тѣхъ людей, которыхъ Миллеръ называлъ великими. Не говоря о томъ, что на счетъ величія людей можно имѣть разныя понятія съ Миллеромъ, я скажу одно: что за потребность узнать и того, и другаго, и третьяго? Ты узнаешь ихъ тогда, когда въ тебѣ будетъ вопросъ, котораго рѣшенію они могутъ способствовать. Всякое чтеніе полезно только тогда, когда къ нему приступаешь съ опредѣленною цѣлью, съ вопросомъ. Работай, усиливай свою дѣятельность, но не отчаявайся въ томъ, что ты не узнаешь тысячи фактовъ, которые зналъ другой. Конечно, твое будущее назначеніе обязываетъ тебя имѣть понятіе обо всемъ, что сдѣлано для твоей науки до тебя; но это пріобрѣтается легко, когда ты положишь главное основаніе своему знанію, а это основаніе скрѣпишь идеей...»

Плодомъ такихъ совѣтовъ было то, что Грановскій занялся философіей Гегеля, и въ ней онъ дѣйствительно нашелъ успокоеніе отъ многихъ сомнѣній, съ какими онъ приступилъ къ своимъ трудамъ. Въ это время послѣдователи гегелевской философіи успѣли уже раздѣлиться на два лагеря. Между тѣмъ, какъ строгіе послѣдователи Гегеля отстаивали въ своемъ журналѣ „Berliner Jahrbücher für wissenschaftliche Kritik" систему своего учителя противъ критики новыхъ гегеліанцевъ, послѣдніе сгруппировались вокругъ, основаннаго въ 1838 году, изданія „Hallische Jahrbücher für deutsche Wissenschaft und Kunst", и главнымъ стремленіемъ ихъ было приложеніе общихъ принциповъ гегелевской философіи къ различнымъ вопросамъ общественной жизни, религіи, политики и литературы. Къ числу этихъ новыхъ гегеліанцевъ принадлежалъ и философъ Ганцъ, лекціи котораго оказали большое вліяніе на Грановскаго и, по всей вѣроятности, имъ онъ былъ обязанъ не мало тому живому, страстному интересу, какой онъ принималъ во всѣхъ общественныхъ вопросахъ своего времени.

Такъ, бывши еще за-границей, Грановскій, на обѣдѣ у одного богатаго вѣнскаго банкира, Вальтера, явился горячимъ защитникомъ освобожденія крестьянъ противъ росказней какой-то русской дамы, утверждавшей, что крестьяне не желаютъ измѣненія своей участи. Въ то-же время въ историческихъ трудахъ его болѣе всего занимали вопросы общественные. Одно время онъ увлекся-было изученіемъ славянскихъ языковъ, но рвеніе его къ филологическимъ занятіямъ скоро охладѣло. „Они могутъ быть полезны для филологическихъ изслѣдованій — писалъ онъ о славянскихъ языкахъ—а слѣдовательно, и для исторіи, но я совсѣмъ другого ищу въ этой наукѣ. Меня почти исключительно занимаетъ развитіе политическихъ формъ и учрежденій. Это одностороннее направленіе, но я не могу изъ него вырваться". „Болѣе всего меня занимаетъ пока исторія Испаніи—писалъ онъ въ то-же время къ Фролову — я много перечиталъ и любопытство мое усилилось. У этого народа были въ XIV вѣкѣ конституціонныя формы и понятія о свободѣ, до какихъ дай Богъ нѣмцамъ дойти черезъ сто лѣтъ. Предметомъ для моей диссертаціи я выбралъ: объ образованіи и упадкѣ вольныхъ городскихъ общинъ въ среднихъ вѣкахъ. Надѣюсь, что мнѣ позволятъ".

Такимъ образомъ, Грановскій явился въ Москву изъ-за границы стоящимъ значительно впереди въ своемъ развитіи сравнительно съ московскими друзьями кружка Станкевича. Отвлеченно - примирительное направленіе ихъ тяжело поразило Грановскаго, и онъ горько жаловался на понятія Бѣлинскаго и близкихъ ему людей въ письмѣ къ Станкевичу.

Но тотъ-же самый Грановскій, который представлялъ высшую фазу развитія сравнительно съ кружкомъ Станкевича, остановился на этой фазѣ и не пошелъ далѣе, и тѣ-же самые дѣятели мысли (Бѣлинскій, Бакунинъ), которые стояли сзади него въ началѣ сороковыхъ годовъ, въ концѣ того-же десятилѣтія оказались значительно впереди его. Все это произошло оттого, что Грановскій остановился на полдорогѣ, сочувствуя новымъ идеямъ вполовину, и въ то-же время не въ силахъ будучи отдѣлаться отъ тѣхъ старыхъ преданій, въ духѣ которыхъ онъ былъ воспитанъ и привыкши къ нимъ до такой степени, что внѣ ихъ ему было страшно и жутко.

Такъ, напримѣръ, съ одной стороны, онъ съ живымъ и страстнымъ интересомъ слѣдилъ за событіями, разыгравшимися во Франціи въ 1848 году. Онъ былъ, повидимому, на сторонѣ народныхъ массъ, впервые громко заявившихъ свои естественныя, человѣческія требованія на улучшеніе своей участи, но, вмѣстѣ съ тѣмъ, Грановскій впадалъ въ раздумье: „торжество массъ не будетъ-ли гибелью лучшихъ плодовъ цивилизаціи, доступныхъ покуда меньшинству; побѣда пролетаріевъ не сгубитъ-ли современную цивилизацію, какъ вторженіе варваровъ сгубило древнюю", и хотя при этомъ біографъ Грановскаго замѣчаетъ, что просвѣщеніе было въ глазахъ послѣдняго не роскошью, не утонченнымъ наслажденіемъ аристократическаго меньшинства, но необходимою, высокою цѣлью жизни человѣчества, тѣмъ не менѣе вышеупомянутыя раз-

думья и сомнѣнія именно подтверждаютъ совершенно противное: вы видите, что въ головѣ человѣка сидитъ удивительный абсурдъ: онъ желаетъ, чтобы плоды цивилизаціи были доступны всему человѣчеству, а не одному привиллегированному меньшинству, и въ то-же время боится, чтобы отъ этого распространенія плодовъ цивилизаціи въ массахъ не произошло варварство, иначе говоря, онъ боится, чтобы не сгибла такая высокая цивилизація, при которой на одного грамотнаго приходится 1,000 неграмотныхъ, и не настало такого дикаго варварства, при которомъ, наоборотъ, на 1,000 грамотныхъ приходился-бы одинъ неграмотный! Но мнѣ возразятъ, что Грановскій боялся не того, что всѣ будутъ образованы; онъ этого искренно желалъ, онъ боялся только внезапнаго торжества массъ, еще не успѣвшихъ цивилизоваться, и отъ этого порядка вещей ожидалъ варварства. Но въ этомъ еще болѣе противорѣчій; вы подумайте только о томъ, подвинулась-ли-бы впередъ цивилизація человѣчества, если-бы древняя цивилизація сохранялась-бы до сего дня, и въ то-же время большая часть Европы была наполнена такими-же дикими варварами, какъ это было въ какомъ-нибудь III столѣтіи? Варвары восторжествовали, Римъ палъ, наступили, правда, вѣка мрака и невѣжества, но погибла-ли черезъ это цивилизація человѣчества? Нѣтъ, тѣ-же варвары воспользовались плодами древней образованности, просвѣтились ею и повели ее дальше къ такимъ результатамъ, о которыхъ въ древности и не мечтали. Такимъ образомъ, если мы даже согласимся съ Грановскимъ, что торжество необразованныхъ массъ должно повести къ новому варварству, то на какомъ-же основаніи предполагать, что новые варвары неспособны будутъ поступить такъ-же, какъ и прежніе, почему они не воспользуются плодами нынѣшней цивилизаціи и не поведутъ ее къ такому развитію, о которомъ въ наше время и не снится?.. Въ этомъ отношеніи плакать о гибели цивилизаціи можно только въ томъ случаѣ, если-бы вы предположили, что новые варвары неспособны вкушать плоды цивилизаціи. Въ такомъ случаѣ вы стояли-бы на твердой почвѣ, и ваши сѣтованія были-бы основательны. Но какое значеніе имѣетъ такое предположеніе? Это предположеніе Собакевича или Ноздрева, воображавшихъ, что только съ чиновниковъ 14-го класса начинаются люди, а ниже слѣдуютъ не люди, а звѣри, которыхъ ежеминутно нужно держать въ крѣпкой уздѣ и укрощать, иначе они тотчасъ-же все сожгутъ и истребятъ, а потомъ разлѣнятся и поѣдятъ сами себя. Грановскій, конечно, былъ далекъ отъ такого непосредственно-варварскаго взгляда на вещи, онъ былъ гуманистъ, онъ сознавалъ свою человѣческую солидарность съ низшимъ братомъ, въ силу чего становился на его сторону, но въ то-же время, незамѣтно для него самого, логика его продолжала работать въ духѣ Простаковой; этимъ только и можно объяснить себѣ, почему человѣкъ желалъ всеобщаго просвѣщенія и въ то-же время въ массахъ ему такъ и грезились все только одни варвары и варвары безъ конца.

Таковъ-же является передъ нами Грановскій и относительно женскаго вопроса.

«Грановскій всегда вѣрилъ—говоритъ біографъ—въ возможность высокаго умственнаго и нравственнаго развитія женщины, всегда радовался, когда встрѣчалъ его. Онъ не любилъ и не желалъ того, что многіе разумѣютъ подъ словомъ *эмансипація женщины*, уравненія во всемъ ея общественнаго положенія съ положеніемъ мужчины, уравненія ея съ послѣднимъ въ задачахъ жизни, въ практической дѣятельности, но онъ желалъ, чтобы женщина равнялась мужчинѣ въ участіи ума и сердца къ общечеловѣческимъ интересамъ. Женщина-дѣлецъ, женщина-торгашъ, женщина-юристъ, наводила на него смущеніе. «Не люблю женщинъ, знающихъ законы», говорилъ онъ по поводу дѣловыхъ способностей дамы, съ успѣхомъ занимавшейся своими процессами. За то съ уваженіемъ и живымъ участіемъ видѣлъ онъ женщину, воспитывающую и обучающую дѣтей, женщину, посвящающую себя попеченіямъ о больныхъ и страждущихъ. Съ уваженіемъ и благоговѣніемъ смотрѣлъ онъ и на ту, которая подъ гнетомъ исключительнаго положенія не падала духомъ, и изъ любви къ дорогимъ ей лицамъ принимала на себя даже такіе заботы и труды, которые обыкновенно долженъ нести мужчина. Въ такомъ исключительномъ явленіи онъ узнавалъ торжество сильной любви, и это глубоко трогало его».

Здѣсь вы видите, опять-таки, порядочный сумбуръ совершенно двухъ противоположныхъ міровоззрѣній. Съ одной стороны, подъ вліяніемъ новыхъ идей, Грановскій радовался, когда встрѣчалъ женщину развитую и равняющуюся мужчинѣ въ участіи ума и сердца къ общечеловѣческимъ интересамъ, но въ то-же время никакъ не могъ отдѣлаться отъ той старой традиціи, которая требуетъ, чтобы кругъ занятій женщины не выходилъ изъ кухни и дѣтской, и его коробило, когда онъ видѣлъ женщину за какимъ-нибудь непривычнымъ занятіемъ, подобно тому, какъ прадѣдушку его коробило, если онъ видѣлъ женщину за книжкой. Онъ допускалъ, чтобы женщина принимала иногда на себя заботы и труды, которые обыкновенно долженъ нести мужчина, но дѣлалъ такую уступку только ради любви къ дорогимъ ей лицамъ; при чемъ логика его до такой степени была забита еще старыми предразсудками, что онъ никакъ не могъ сдѣлать того простаго и естественнаго вывода, что если разъ будетъ допущено, чтобы женщина принималась за мужскія дѣла изъ-за высокой любви къ родителямъ, мужу, дѣтямъ, то на какомъ-же основаніи отвергать, что-бы она сдѣлала то-же самое изъ-за болѣе еще высокой любви къ отечеству и человѣчеству?

То-же самое мы видимъ и относительно общихъ міровоззрѣній Грановскаго. Когда, въ половинѣ сороковыхъ годовъ, начали все чаще и чаще появляться люди, перешедшіе по своему міросозерцанію въ третій періодъ умственнаго процесса, и особенно такихъ людей было много въ младшемъ поколѣніи въ то время еще университетской молодежи, Грановскій несочувственно встрѣтилъ это новое направленіе мысли.

«Въ 1845 году—говоритъ біографъ Грановскаго—авторъ «Писемъ объ изученіи природы» слушалъ въ Москвѣ лекціи сравнительной анатоміи и ему казалось, что онъ познакомился въ аудиторіи и анатомическомъ театрѣ съ новымъ, сильнымъ поколѣніемъ юношей съ направленіемъ реалистическимъ, т.-е. положительно-научнымъ. Эта молодёжь разглядѣла, въ чемъ онъ расходился съ Грановскимъ и хотѣла, чтобы онъ непремѣнно склонилъ его на сторону ихъ, будто бы, философскихъ мнѣній. Все это опять приводило къ спорамъ между друзьями. Философскія мнѣнія и примѣръ юношей не могли не увлекать Грановскаго. Положительно научное на-

правленіе понималъ онъ не менѣе и не хуже, чѣмъ они. Не положительное научное направленіе, не пріемы и способы естествовѣдѣнія осуждалъ Грановскій, а легкомысліе, въ началѣ изученія и труда уже смѣло провозглашающее послѣдніе результаты науки, возводящее въ догматы свои догадки, свои шаткія соображенія».

Здѣсь дѣло идетъ именно о тѣхъ средневѣковыхъ преданіяхъ, въ которыя Грановскій глубоко вѣрилъ, по словамъ біографа, и въ скептическомъ отношеніи къ нимъ видѣлъ легкомысліе, въ началѣ изученія и труда провозглашающее послѣдніе результаты науки... Но это показываетъ, что при всемъ своемъ уваженіи къ положительному направленію, онъ, съ одной стороны, не понималъ его истиннаго духа, съ другой стороны, проникался имъ, какъ и всѣмъ, только на половину. Основная формула, опредѣляющая все положительное направленіе, заключается въ томъ, чтобы ничего не принимать и не отрицать голословно на вѣру, не провѣренное опытомъ и анализомъ разума. Разъ вы утвердились въ этой формулѣ, вы можете, пожалуй, какъ большинство позитивистовъ, сказать: далѣе предѣловъ опытнаго знанія для меня мракъ и я не имѣю основанія ни утверждать, ни отрицать чего-либо за этими предѣлами. Но разъ вы перешли за эти предѣлы и сказали, что хотя тамъ и мракъ, но я вѣрю, что тамъ и то, и другое, и третье, и вѣрю не на какомъ иномъ основаніи, какъ на томъ, что мнѣ такъ кажется и, затѣмъ, никакихъ доказательствъ не захотите представлять съ своей стороны, никакихъ возраженій слушать отъ другихъ, однимъ словомъ, *кажется*, *вѣрю*—и все тутъ... то, конечно, при такомъ способѣ мышленія нечего будетъ и говорить о положительномъ методѣ; вы выходите изъ него и изъ контиста дѣлаетесь кантистомъ. Такимъ былъ Грановскій: онъ слѣдовалъ положительному методу только до извѣстныхъ предѣловъ, а за этими предѣлами для него начинался міръ завѣтныхъ преданій и милыхъ призраковъ, которые онъ лелѣялъ слѣпо, по привычкѣ, не допуская ни малѣйшей критики, ни малѣйшихъ возраженій, съ тѣмъ самымъ легкомысленнымъ догматизмомъ, который онъ подозрѣвалъ въ своихъ противникахъ. Нагляднымъ образцомъ слѣпаго, не терпящаго возраженій догматизма Грановскаго можетъ служить то знаменитое окончаніе споровъ его съ друзьями, которое повело за собою прямой разрывъ съ ними. Послѣ цѣлаго ряда діалектическихъ преній по поводу различныхъ вопросовъ, касающихся средневѣковыхъ преданій, Грановскій, измѣнившись въ лицѣ, объявилъ, что для него *лично* необходимы эти преданія на томъ основаніи, что онъ много схоронилъ, и, затѣмъ, блѣдный, придавая себѣ видъ посторонняго, онъ обратился къ друзьямъ съ просьбой—никогда не говорить съ нимъ объ этихъ предметахъ. Послѣ этого споръ былъ, конечно, прекращенъ, вмѣстѣ съ тѣмъ и отношенія Грановскаго къ друзьямъ сдѣлались крайне натянутыми, и эта натянутость дошла до того, что впослѣдствіи лучшаго друга своей юности Грановскій поставилъ на одну доску съ Погодинымъ. Далѣе затѣмъ должны были слѣдовать открытый разрывъ и вражда, и только смерть избавила Грановскаго отъ этихъ печальныхъ послѣдствій...

Враждебное отношеніе къ новому реальному направленію и къ естественнымъ наукамъ выразилось еще рельефнѣе въ запискѣ „Объ ослабленіи классическаго преподаванія въ гимназіяхъ“, которую Грановскій представилъ въ 1855 году министру народнаго просвѣщенія Норову.

Надо замѣтить, что въ то время вопросъ о классическомъ образованіи стоялъ совершенно въ обратномъ отношеніи, чѣмъ въ наше время. Реакціонеры того времени были преисполнены еще преданій временъ первой французской революціи и въ классицизмѣ подозрѣвали алгебру революцій, предполагая, что всѣ онѣ произошли не отъ чего инаго, какъ отъ увлеченія исторіей древняго міра съ его знаменитыми республиками. На этомъ основаніи, во время самаго сильнаго разгара реакціи, со вступленіемъ въ должность министра народнаго просвѣщенія Ширинскаго-Шихматова, обученіе классическимъ языкамъ было почти совсѣмъ прекращено, и былъ даже вопросъ объ исключеніи изъ исторіи всего періода греческой и римской исторіи до Августа.

Въ оппозицію такого направленія реакціи, начиная съ двадцатыхъ годовъ, было не мало приверженцевъ классическаго образованія. Такого приверженца мы видѣли уже въ Веневитиновѣ. Но Веневитиновъ проповѣдывалъ классицизмъ, вовсе не думая противопоставлять его какой-нибудь иной системѣ образованія: онъ видѣлъ вокругъ себя одно голое невѣжество при полномъ отсутствіи какой бы то ни было системы образованія и проповѣдывалъ классицизмъ потому, что онъ одинъ былъ передъ его глазами, отчасти и въ тѣхъ-же, можетъ быть, видахъ, въ какихъ другіе его такъ боялись. Что касается до реакціи 1849 года, то она, возведя гоненіе на классицизмъ, въ свою очередь, вовсе не думала противопоставлять ему реализма. Хотя насчетъ уменьшенія уроковъ греческаго и латинскаго языковъ и была введена такъ-называемая естественная исторія, но она была вставлена въ такія узенькія рамочки и преподавалась въ такомъ жалкомъ видѣ, что здѣсь, очевидно, дѣло шло вовсе не о реальномъ образованіи и не о преобладаніи естественныхъ наукъ, а просто о томъ, что, съ одной стороны, надо было чѣмъ-нибудь заштопать пробѣлъ, сдѣланный въ гимназическомъ преподаваніи уменьшеніемъ уроковъ древнихъ языковъ, а съ другой—принизить общій уровень преподаванія всѣхъ предметовъ, заглушая одинъ другимъ и не давая ни одному широкаго простора—и то и другое, какъ извѣстно, въ скоромъ времени было достигнуто болѣе практическимъ путемъ — введеніемъ въ рядъ предметовъ гимназическаго преподаванія маршировки...

Въ виду такихъ обстоятельствъ становится просто непонятнымъ, какимъ образомъ Грановскій могъ подозрѣвать въ тѣхъ жалкихъ курсахъ естественной исторіи, какіе существовали въ гимназіяхъ въ началѣ пятидесятыхъ годовъ, преобладаніе естественныхъ наукъ и реальнаго образованія и бить тревогу по этому поводу? Или естественныя науки даже въ такомъ жалкомъ видѣ казались Грановскому ненавистными и опасными? Въ этомъ отношеніи записку Грановскаго недостаточно объяснить одною оппозиціей либеральнаго приверженца классицизма противъ мѣръ

реакціи. Вмѣстѣ съ тѣмъ, вы видите въ запискѣ и крайнее ослѣпленіе со стороны Грановскаго враждой противъ новаго, реальнаго направленія, которое начинало господствовать среди молодежи. Реакція, жива старыми традиціями, и не подозрѣвала еще объ этомъ направленіи, но Грановскій оказался подозрительнѣе самой реакціи: онъ ее самое заподозрилъ въ стремленіяхъ къ реализму, и нашелъ необходимымъ предварить ее противъ такого опаснаго заблужденія. Съ одной стороны, въ запискѣ своей Грановскій выступаетъ въ защиту классицизма противъ обвиненій, къ которымъ подали поводъ революціонныя движенія въ Европѣ, и старается доказать, что такія движенія возникаютъ не изъ школъ, а изъ различныхъ историческихъ причинъ. Но когда онъ начинаетъ говорить о вредѣ естественныхъ наукъ, онъ оставляетъ въ сторонѣ историческія причины, какъ основные факторы нравственности общественной и частной, и приписываетъ недостатки современной эпохи прямо и непосредственно естественнымъ наукамъ и школамъ, въ которыхъ онѣ преподаются.

«Знакомя юношу только съ внѣшнею природой и съ ея механическими и химическими законами—говоритъ онъ—естествознаніе, отрѣшенное отъ ученій, имѣющихъ предметомъ духовныя стороны бытія, неминуемо приводитъ къ матеріализму... Оно много содѣйствовало къ развитію безотрадной и безсильной на великіе нравственные подвиги положительности, которая принадлежитъ къ числу самыхъ печальныхъ явленій нашей жизни».

Въ сущности, если хотите, и въ этихъ словахъ вы можете отыскать блѣдный призракъ истины. Грановскій былъ бы вполнѣ справедливъ, еслибы дѣло шло дѣйствительно объ устройствѣ такой системы образованія, при которой только и дѣлали бы, что учили однѣ естественныя науки. Такое образованіе было бы, конечно, крайне одностороннее; это было бы полуобразованіе, способное притуплять способности дѣтей, не менѣе исключительнаго долбленія греческихъ и латинскихъ вокабулъ. Но, вѣдь, никто въ то время и не думалъ о такой нелѣпости. Грановскій подавалъ свою записку такимъ людямъ, которые питали страхъ ко всѣмъ наукамъ, безъ исключенія. И этимъ людямъ онъ вздумалъ вдругъ, ни съ того, ни съ сего, нашептывать соображенія слѣдующаго рода: „вы, молъ, гоните классицизмъ, заподозривая въ немъ зародыши всѣхъ революціонныхъ тенденцій; но классицизмъ ни въ чемъ этомъ не виноватъ, онъ готовъ быть вашимъ другомъ и пріятелемъ; но вы и не подозрѣваете, что у васъ есть настоящій врагъ—это естествознаніе; въ своемъ невѣдѣніи вы, пожалуй, предадитесь ему въ руки, но его-то вамъ и слѣдуетъ болѣе всего бояться, потому что онъ прямо ведетъ къ матеріализму, къ печальной положительности, чуждой нравственныхъ подвиговъ и проч. и проч.“. Мнѣ возразятъ, что Грановскій подразумѣвалъ здѣсь подъ матеріализмомъ, конечно, ту узкую, эгоистическую практичность наполненія своего кармана, при полномъ отсутствіи всякаго чувства самоотверженія ради общественнаго блага, что въ то время было не въ рѣдкость встрѣтить въ людяхъ, получившихъ исключительно-техническое спеціальное воспитаніе и чуждыхъ вліянія гуманныхъ наукъ. Но мы не видимъ въ запискѣ Грановскаго разъясненія употребляемыхъ имъ выраженій въ эту сторону. Онъ въ самомъ общемъ и неопредѣленномъ смыслѣ употребляетъ выраженія „матеріализмъ, печальная положительность, ведущая къ отсутствію нравственныхъ подвиговъ“, давая возможность толковать ихъ, какъ кому угодно. А между тѣмъ, онъ имѣлъ въ виду именно такихъ людей, которые подъ матеріализмомъ готовы были понять опасный и дерзкій вольтеріанизмъ, а подъ отсутствіемъ нравственныхъ подвиговъ—покушеніе на всѣ нравственныя основы семейной и общественной жизни.

Что касается до того общаго представленія пути прогреса человѣчества, которое служило для Грановскаго точкой отправленія для всѣхъ его историческихъ разсмотрѣній, то нигдѣ это представленіе не выражается такъ ясно, какъ въ слѣдующихъ словахъ его, приводимыхъ въ біографіи:

«Разсматривая съ вершины настоящее погребальное шествіе народовъ къ великому кладбищу исторіи, нельзя не замѣтить на вождяхъ этого шествія двухъ особенно рѣзкихъ типовъ, которые встрѣчаются преимущественно на распутіяхъ народной жизни, въ такъ называемыя переходныя эпохи. Одни отмѣчены гордою, самонадѣянною силой. Эти люди идутъ смѣло впередъ, не спотыкаясь на развалины прошедшаго. Природа одаряетъ ихъ особенно чуткимъ слухомъ и зоркимъ глазомъ, но нерѣдко отказываетъ имъ въ любви и поэзіи. Сердце ихъ не отзывается на грустные звуки былого. За то за ними право побѣды, право историческаго успѣха. *Большее право на личное сочувствіе историка* имѣютъ другіе дѣятели, въ лицѣ которыхъ воплощается вся красота, все достоинство отходящаго времени. Они его лучшіе представители и доблестные защитники... Но ни тѣмъ, ни другимъ, ни поборникамъ старыхъ, ни водворителямъ новыхъ началъ, не дано совершить ихъ подвига во всей его чистотѣ и задуманной опредѣленности. Изъ ихъ совокупной дѣятельности Провидѣніе слагаетъ нежданный и невѣданный имъ выводъ».

Подобное построеніе въ основаніяхъ своихъ коренится всецѣло на гегелевской философіи. Поборники старины являются здѣсь тезомъ, поборники новизны—антитезомъ, нежданный же и невѣдомый выводъ Провидѣнія—это синтезъ. Но Грановскій не ограничился однимъ подведеніемъ историческаго процесса подъ формулы гегелевской философіи; въ такомъ случаѣ ему слѣдовало бы съ одинаковымъ безпристрастіемъ отнестись, какъ къ тезу, такъ и къ антитезу. Но, между тѣмъ, вы видите, что представители отжившаго, по его мнѣнію, почему-то болѣе заслуживаютъ право на личное сочувствіе историка. Эта точка зрѣнія чисто-субъективная, и подъ историкомъ нужно разумѣть здѣсь не историка вообще, а лично Грановскаго, который естественно долженъ былъ питать болѣе сочувствія къ представителямъ отжившаго, такъ-какъ онъ самъ былъ отчасти такимъ представителемъ, выдерживавшимъ напоръ новыхъ идей своего вѣка.

Этимъ стояніемъ между двумя міровоззрѣніями, отжившимъ и нарождавшимся, можно легко объяснить себѣ и то свойство его характера, на которое современники Грановскаго смотрѣли, какъ на особенное достоинство его: именно, что въ немъ была та мягкая елейность, вслѣдствіе которой онъ вносилъ миръ и гармонію въ среду людей, ни въ чемъ не сходящихся другъ съ другомъ, будучи посредникомъ между са-

мыми противными воззрѣніями. Подобное свойство характера Грановскаго зависѣло прямо изъ его положенія на распутьѣ міровоззрѣній: въ каждомъ онъ находилъ симпатичныя стороны, точки соприкосновенія съ своими воззрѣніями и старался всячески примирять противорѣчія, находя, что каждая спорящая сторона имѣетъ свою долю правды. Но, къ довершенію всѣхъ противорѣчій, рядомъ съ этимъ качествомъ мы видимъ въ Грановскомъ совершенно противоположное, исходящее изъ того же самаго источника. То же самое стояніе на распутьѣ, которое вело его къ посредничеству и примиренію между спорящими сторонами, въ то же время, съ другой стороны, располагало его враждебно ко всѣмъ направленіямъ, существовавшимъ въ его время. При этомъ елейность и враждебность постоянно боролись въ Грановскомъ, и изъ этого выходилъ порядочный сумбуръ. Такъ, напримѣръ, принимая въ соображеніе вышеприведенную тираду Грановскаго относительно большаго права на сочувствіе отходящаго времени, можно было бы предположить, что Грановскій долженъ былъ питать самое сильное сочувствіе изъ всѣхъ своихъ современниковъ именно къ славянофиламъ, потому что какихъ же вы найдете въ сороковые годы болѣе *лучшихъ и доблестныхъ защитниковъ отходящаго времени*, по выраженію Грановскаго, какъ не въ людяхъ этого ученія? Но, между тѣмъ, Грановскій вотъ какъ отзывается о славянофилахъ на смертномъ одрѣ за два дня до смерти: „Эти люди противны мнѣ, какъ гробы, отъ нихъ пахнетъ мертвечиной. Ни одной свѣтлой мысли, ни одного благороднаго взгляда. Оппозиція ихъ безплодна, потому что основана на одномъ отрицаніи того, что сдѣлано у насъ въ полтора столѣтія". И можно-ли повѣрить, что подобные отзывы о славянофилахъ, неоднократно срывавшіеся съ языка Грановскаго, нисколько не мѣшали ему брататься и цѣловаться съ ними послѣ застольныхъ рѣчей и тостовъ? Столь же неопредѣленны были и отношенія Грановскаго къ своимъ друзьямъ послѣ вышеописанной размолвки изъ-за убѣжденій.

«Полный, безвозвратный разрывъ съ друзьями былъ для Грановскаго невозможенъ—говоритъ біографъ,—онъ плакалъ и обвинялъ себя въ безсиліи разорвать дружескую связь, которая, повидимому, не могла продолжаться. Съ отчаяніемъ замѣчалъ онъ, что друзья прикрѣплены къ душѣ его такими нитями, которыхъ нельзя перерѣзать, не захвативъ живаго мяса. До конца своей жизни онъ не отказался отъ тѣхъ вѣрованій, которыя возбуждали его споры съ друзьями, но порой, подъ вліяніемъ тоски по нимъ, готовъ былъ обвинять себя въ романтизмѣ, лишь бы уменьшить ту пропасть, которая раздѣляла его отъ нихъ. Онъ понималъ ошибки и заблужденія Герцена, сожалѣлъ о безплодной тратѣ его таланта, нерѣдко негодовалъ на его мнѣнія, хотѣлъ печатно возражать имъ, но и на одрѣ смерти думалъ и болѣлъ душей о своемъ далекомъ, заблудившемся на чужбинѣ другѣ».

Это вѣчное присутствіе двухъ враговъ въ мозгу человѣка, эти противорѣчія, колебанія, желаніе отдаться прогресивному напору и, вмѣстѣ съ тѣмъ, устоять на одномъ мѣстѣ, были причиной безъисходнодурного настроенія духа, humeur noire, какъ называлъ его Грановскій, вѣчныхъ рефлексій и того безплоднаго, мучительнаго копанья внутри себя, которое составляетъ извѣстную всѣмъ характеристическую особенность людей сороковыхъ годовъ.

«Я думалъ, что счастіе отучитъ меня — писалъ Грановскій В. П. Б—ну—отъ глупой привычки сверлить себя (по выраженію Станкевича) и подсматривать, что тамъ внутри дѣлается. Но я остался вѣренъ этой привычкѣ. За то какъ, я высмотрѣлъ себя! Кажется, нѣтъ ни одного закоулка въ сердцѣ моемъ, въ которомъ-бы я не побывалъ и не посмотрѣлъ, какъ тамъ все обстоитъ. Разумѣется, что эта работа теперь стала пріятнѣе и виды лучше. Но сколько грусти примѣшивается къ моему счастію! Въ самыя лучшія мгновенія меня охватываетъ чувство странной тоски и невольно приходятъ въ голову стихи Гете, не помню изъ какой пьесы:

Besser durch Leiden
Will ich mich schlagen,
Als so viel Freuden
Des Lebens ertragen».

Это мрачное настроеніе духа еще болѣе усилилось въ Грановскомъ въ послѣдніе годы жизни, когда обострившаяся реакція тяжелымъ, свинцовымъ гнетомъ налегла на все, когда Грановскій, подозрѣваемый свыше за либерализмъ и ожидая ежеминутно кары, въ то-же время расходился съ лучшими своими друзьями въ основныхъ убѣжденіяхъ. Преслѣдуемый мучительною тоской, онъ маялся, стремясь заглушить ее то усиленнымъ трудомъ, то въ вихрѣ свѣтскихъ развлеченій. Наконецъ, онъ пристрастился къ игрѣ, ища въ ней забвенія; но игра, разстроивши его состояніе, впутавши въ неоплатные долги, вмѣсто забвенія, еще болѣе увеличила его хандру, прибавивши къ ней мучительнее чувство нравственнаго униженія. Много разъ въ жизни приходила Грановскому мысль о самоубійствѣ; въ послѣдніе-же годы мысль эта особенно часто посѣщала его. „Съ каждымъ днемъ чувствую болѣе и болѣе необходимость труда — писалъ онъ Фролову въ августѣ 1848 года.—Жизнь становится тяжела безъ него. Сердце блѣднѣетъ, вѣрованія и надежды уходятъ. Подчасъ глубоко завидую Бѣлинскому, во время ушедшему отсюда. Скучно жить, Фроловъ! Еслибъ не жена..."

V.

Говоря о недостаткахъ, слабостяхъ и всѣхъ противорѣчіяхъ Грановскаго, я дѣлалъ это вовсе не съ тѣмъ, чтобы унизить историческое значеніе этого, во всякомъ случаѣ, замѣчательнаго человѣка своего времени. У насъ такъ привыкли въ мало-мальски чтимой исторической знаменитости предполагать непремѣнно воплощеніе безусловныхъ нравственныхъ идеаловъ, что всякій недостатокъ, замѣчаемый въ этой личности, стараются подвести подъ нѣчто идеальное; въ малѣйшемъ-же выставленіи недостатковъ великаго человѣка такими, каковы они на самомъ дѣлѣ, сейчасъже готовы заподозрить злостное стремленіе снять съ пьедестала авторитетъ, развѣнчать знаменитость и показать, что она не заслуживаетъ никакого вниманія. Но читателей, которые были бы способны заподозрить меня въ подобныхъ ехидныхъ поползновеніяхъ, я спѣшу предупредить, что выставленіе на видъ всѣхъ вышеозначенныхъ недостатковъ Грановскаго нисколько не можетъ помѣшать цѣнить значеніе этого чело-

вѣка не меньше, чѣмъ его цѣнятъ истые поклонники Грановскаго, которые никакихъ недостатковъ за нимъ признать не согласны. Я уже говорилъ, что большинство недостатковъ Грановскаго происходило не отъ какихъ-либо органическихъ пороковъ, принадлежавшихъ лично Грановскому, а отъ характера того момента въ процессѣ развитія мысли, представителемъ котораго былъ Грановскій. Этотъ моментъ былъ столько-же необходимъ, какъ и всѣ другіе. Не переживя его, нельзя было идти далѣе, и чтобы понять значеніе Грановскаго въ свое время, нужно разсматривать его вліяніе на современниковъ, именно въ предѣлахъ этого момента, внѣ котораго онъ былъ слабъ и несостоятеленъ, но въ которомъ личность его выростаетъ во всей колоссальности. Мы не даромъ и не ради одного униженія сравнили Грановскаго съ Рудинымъ. Дѣйствительно, ни одинъ изъ дѣятелей сороковыхъ годовъ не подходилъ такъ близко къ типу Рудина, какъ Грановскій, и подходилъ не одними своими недостатками, но и достоинствами. Подобно, какъ у Рудина, у Грановскаго всѣ силы души вылились и сосредоточились въ живомъ, изустномъ словѣ. Онъ не былъ ни спеціалистомъ-изслѣдователемъ въ области своей науки, ни философомъ, глубоко и послѣдовательно проводившимъ какую-либо философскую теорію, ни общественнымъ дѣятелемъ, твердо державшимся какихъ-либо выработанныхъ принциповъ — онъ былъ ораторомъ-проповѣдникомъ; и только тогда, когда начиналъ говорить передъ толпой, онъ дѣлался тѣмъ Грановскимъ, слава котораго перешла въ потомство. По этому самому осязательно представить силу и вліяніе Грановскаго на своихъ современниковъ такъ-же трудно, какъ на основаніи однихъ воспоминаній современниковъ составить понятіе о талантѣ давно сошедшаго со сцены актера. Здѣсь мнѣ можетъ быть сдѣлано такое возраженіе, что предполагая въ Грановскомъ отсутствіе послѣдовательныхъ и систематическихъ убѣжденій, этимъ самымъ уже мы отвергаемъ и всякое вліяніе Грановскаго на современниковъ, какъ оратора, потому что вліяніе ораторской рѣчи зависитъ, конечно, не отъ одного искусства говорить, а прежде всего отъ самаго содержанія рѣчи. Но къ чему-же могъ привести Грановскій своихъ слушателей, когда самъ онъ колебался между непримиримыми противорѣчіями, не въ силахъ будучи привести свои взгляды въ какую-нибудь стройную систему?

Если мы будемъ брать во вниманіе только такихъ людей, которые сами находились въ томъ-же періодѣ развитія, какой переживалъ Грановскій, то, конечно, мы должны будемъ признать, что у Грановскаго не было никакихъ данныхъ вести этихъ людей дальше, тѣмъ болѣе, что и самъ онъ не пошелъ дальше этого періода. Но не забудьте, что передъ Грановскимъ стояла цѣлая толпа, которая не доросла еще и до развитія Грановскаго. Своими горячими, вдохновенными импровизаціями Грановскій производилъ на эту толпу именно то благотворное вліяніе, что будилъ въ ней умственные интересы и подымалъ ее до себя, предоставляя другимъ, послѣдующимъ дѣятелямъ мысли вести эту толпу далѣе. Вы не забудьте, что до появленія Грановскаго на каѳедрѣ, всѣ умственные интересы этой толпы сосредоточивались въ узкой сферѣ эстетическихъ вопросовъ и двухъ-трехъ романтическихъ идеальчиковъ. Грановскій сразу раздвинулъ передъ этою толпой умственную перспективу, начавши развивать передъ нею картины историческаго развитія человѣчества и вводя ее въ область вопросовъ общественныхъ и политическихъ. Если онъ въ этой области является не столько проводникомъ какихъ-нибудь глубокихъ истинъ или новыхъ идей, сколько художникомъ-созерцателемъ, стремящимся воскресить передъ слушателями историческія событія въ видѣ изящныхъ картинъ, исполненныхъ живыхъ красокъ, то для толпы его слушателей это еще увеличивало его популярность и вліяніе. Для людей, привыкшихъ до того времени вращаться почти исключительно въ области поэзіи и беллетристики, созерцательно-художественный способъ изложенія исторіи былъ какъ нельзя болѣе послѣдовательнымъ переходомъ изъ области эстетики въ область соціологіи. До какой степени сильно было вліяніе импровизацій Грановскаго, это мы видимъ изъ того, что едва онъ началъ свои лекціи — все общество обратило на него вниманіе; вскорѣ повсюду въ Москвѣ даже салонныя дамы заговорили объ исторіи и философіи съ цитатами. Всѣмъ, конечно, извѣстно, какими шумными оваціями ознаменовались публичныя лекціи Грановскаго въ Москвѣ. Послѣ заключительныхъ словъ Грановскаго на послѣдней лекціи, вся аудиторія поднялась съ восторженными рукоплесканіями, раздались крики: браво! прекрасно! трескъ, шумъ; дамы махали платками, другія бросились къ каѳедрѣ, жали руки преподавателя, требовали его портрета. Онъ хотѣлъ уйти изъ аудиторіи, но толпа преграждала ему путь. Онъ стоялъ блѣдный, сложа руки и склоня голову, хотѣлъ произнести нѣсколько словъ и не могъ. Шумъ одобренія поднялся съ новою силой, росъ и длился. Студенты толпой заняли лѣстницу, по которой, при тѣхъ-же выраженіяхъ восторга, Грановскій, изнемогавшій отъ волненія, едва могъ пробраться въ залы университета.

— Лекціи Грановскаго, сказалъ Чаадаевъ, выходя съ одной изъ нихъ: — имѣютъ историческое значеніе.

Дѣйствительно, лекціи Грановскаго имѣютъ свое историческое значеніе, независимо даже отъ личности профессора, просто потому уже, что въ нихъ впервые на Руси публично передъ толпой началъ проповѣдываться прогрессъ, не въ видѣ одного только частнаго процвѣтанія наукъ или искусствъ, но въ связи съ общимъ развитіемъ жизни общественной и политической. Не забудетъ исторія и тѣхъ овацій со стороны толпы, которыя мы только-что припомнили читателямъ. Историческое значеніе этихъ овацій, выдѣляющее ихъ изъ ряда тѣхъ заурядныхъ аплодисментовъ, которые толпа щедро разсыпаетъ ежедневно, заключается въ томъ, что здѣсь толпа апплодировала не одной виртуозности исполненія, не изъ-за одного удовлетворенія жажды минутнаго наслажденія: впервые она привѣтствовала здѣсь мысль, въ которой смутно чуяла что-то новое, рѣзко выдѣляющееся изъ мрака, окружающаго ее. Это были апплодисменты свѣту, разуму, прогресу въ оппозицію всему, что только было темнаго, безсмысленнаго, давящаго въ то время... Однимъ словомъ, это были первые апплодисменты на Руси, имѣвшіе чисто-демонстративный характеръ. Но не-

сомнѣнно еще болѣе сильное и благотворное вліяніе имѣлъ Грановскій на толпу своихъ юныхъ слушателей — учащейся молодежи. Въ этомъ отношеніи мы должны отдать справедливость Грановскому, что, несмотря на то, что лекціи его оказывали на студентовъ вліяніе, конечно, неизмѣримо болѣе благотворное, чѣмъ лекціи многихъ другихъ профессоровъ, читавшихъ въ то время въ московскомъ университетѣ, онъ не думалъ, что однимъ чтеніемъ казенныхъ лекцій всѣ обязанности его въ отношеніи къ студентамъ исполнены и всѣ счеты покончены. Онъ не принадлежалъ къ числу тѣхъ профессоровъ, которые смотрятъ на свою профессію съ чисто чиновничьей точки зрѣнія, какъ на казенную службу изъ-за куска хлѣба, отбылъ ее и съ колокольни долой, которые отдѣляютъ непроницаемою стѣной себя отъ студентовъ и до такой степени позволяютъ себѣ забываться въ своей профессорской важности, что начинаютъ смотрѣть на студентовъ, какъ въ старину важные баре смотрѣли на своихъ крестьянъ, то-есть, что студентовъ слѣдуетъ держать отъ себя въ почтительномъ отдаленіи и не спускаться до разговоровъ съ ними, иначе они могутъ забыться. Грановскій съ самаго поступленія своего въ университетъ поставилъ себя совершенно на иную ногу.

«Случалось—говоритъ біографъ—что утомленный посѣтителями, онъ спасался бѣгствомъ изъ дома, но студентовъ онъ принималъ ежедневно. Его совѣты, участіе, книги были къ ихъ услугамъ. «Мнѣ, по пріѣздѣ сюда, совѣтовали держать себя подалѣе отъ студентовъ, потому что они легко забываются—писалъ онъ къ Станкевичу еще вскорѣ по пріѣздѣ въ Москву (25-го ноября 1839 года).—Я не послушался и хорошо сдѣлалъ. Въ исполненіи моихъ обязанностей я не сдѣлаю никакой уступки, но внѣ этихъ обязанностей мнѣ нельзя запретить быть пріятелемъ со студентами. Примѣромъ мнѣ служитъ въ этомъ отношеніи Р., который давно ординарный, хорошо знаетъ нравы студентовъ и позволяетъ имъ обращаться съ собою, какъ съ товарищемъ: они говорятъ ему, когда онъ дурно читалъ и т. д. Это не мѣшаетъ ему на экзаменѣ ставить пріятелямъ своимъ нули и единицы, за что они вовсе не сердятся, потому что привыкли. Каждый знаетъ, чего онъ стоитъ, и не требуетъ болѣе... Разумѣется, что иногда случается ошибаться—приходитъ студентъ, показываетъ большое участіе къ наукѣ, проситъ совѣтовъ и книгъ, а оказывается, что это тонкая политика; но, вѣдь, безъ этого нигдѣ нельзя обойтись».

Но Грановскій не ограничивался одними совѣтами и рекомендаціями книгъ. Очень часто собиралъ онъ къ себѣ лучшихъ студентовъ и читалъ домашнія лекціи, которыя, будучи свободны отъ всякихъ цензурныхъ стѣсненій, по всей вѣроятности, еще благотворнѣе вліяли на молодыхъ людей, чѣмъ чтенія въ стѣнахъ университета. Подобныя отношенія къ студентамъ, которыхъ такъ опасались нѣкоторые профессора, не только-что не повели Грановскаго къ какимъ-нибудь непріятнымъ столкновеніямъ со своими слушателями, но, напротивъ того, при своемъ вліяніи на молодежь, онъ имѣлъ возможность одною силою убѣжденія и теплой, дружеской рѣчи сдерживать въ границахъ молодые, горячіе порывы, которые въ то время наказывались иногда на ряду съ самыми тяжкими уголовными преступленіями. Такъ, напримѣръ, защищеніе диссертаціи Грановскимъ 21-го февраля 1845 года сопровождалось такими-же шумными оваціями, какъ и окончаніе чтенія публичныхъ лекцій въ 1843 году, при чемъ студенты и слушатели не ограничились уже одними одобреніями любимому диспутанту, но присоединили къ нимъ шиканья и свистки нѣкоторымъ изъ его противниковъ. Друзья послѣднихъ не замедлили распустить по Москвѣ слухъ, что въ университетѣ былъ бунтъ. Такая молва въ то время могла привести Богъ-вѣсть къ какимъ послѣдствіямъ. Желая прекратить на будущее время повтореніе подобныхъ оваціи съ цѣлію избѣжанія излишнихъ непріятностей, которымъ могли-бы подвергнуться юноши, Грановскій, въ одной изъ первыхъ лекцій послѣ диспута, обратился къ своимъ слушателямъ съ замѣчательною рѣчью. Рѣчь эта можетъ служить образцомъ того, какъ можетъ и долженъ говорить профессоръ со студентами. Тутъ вы не видите и тѣни какого-либо надменнаго начальническаго тона, укоризнъ, распеканья, застращиванья; тутъ профессоръ не становится во враждебный лагерь относительно студента, не видитъ въ немъ непремѣнно крамольника, который готовъ низвергнуть всѣ существующіе порядки изъ одной любви къ разрушенію, и не считаетъ необходимымъ обѣщать какъ можно болѣе строгихъ мѣръ взысканій, чтобы остановить и обуздать этого крамольника. Мы нарочно приводимъ всю эту рѣчь цѣликомъ, потому что она представляетъ Грановскаго съ самой свѣтлой его стороны.

«Милостивые государи!

«Благодарю васъ за тотъ пріемъ, которымъ вы почтили меня 21-го февраля. Онъ меня еще болѣе привязалъ къ университету и къ вамъ, мм. гг.. Въ этотъ день я получилъ самую благородную и самую драгоцѣнную награду, какую только могъ ожидать преподаватель. Теперь отношенія наши уяснились; поэтому, я думаю, мм. гг., что впередъ внѣшнія изліянія вашихъ чувствъ будутъ излишни, точно такъ, какъ между двумя старинными, испытанными друзьями излишни новыя увѣренія въ дружбѣ. Теперь эти рукоплесканія могутъ только обратить на насъ вниманіе. Я прошу васъ, мм. гг., не перетолковывайте этихъ словъ въ дурную сторону. Я говорю не изъ страха за себя, даже не изъ страха за васъ, мм. гг.—я знаю, что страхомъ васъ нельзя остановить. Меня заставляютъ говорить причины болѣе разумныя, болѣе достойныя меня и васъ. Мы равно, и вы, и я, принадлежимъ къ молодому поколѣнію—тому поколѣнію, въ рукахъ котораго жизнь и будущность. И вамъ, и мнѣ предстоитъ благородное и, надѣюсь, долгое служеніе нашей великой Россіи, Россіи, преобразованной Петромъ, Россіи, идущей впередъ и съ равнымъ презрѣніемъ внимающей и клеветамъ иноземцевъ, которые видятъ въ насъ только легкомысленныхъ подражателей западнымъ формамъ, безъ всякаго собственнаго содержанія, и историческимъ жалобамъ людей, которые любятъ не живую Русь, а ветхій призракъ, вызванный ими изъ могилы, и нечестно преклоняются предъ кумиромъ, созданнымъ ихъ празднымъ воображеніемъ. Побережемъ-же себя на великое служеніе. Въ заключеніе скажу вамъ, мм. гг., что гдѣ-бы то ни было и когда-бы то ни было, если кто-нибудь изъ васъ придетъ ко мнѣ во имя 21-го февраля, тотъ найдетъ во мнѣ признательнаго и благодарнаго брата».

Замѣчательно, что какъ держалъ себя Грановскій по отношенію къ студентамъ, такъ-же относился онъ и ко всему обществу. Такъ-же двери его были открыты для всѣхъ.

«Онъ никогда не скупился—говоритъ біографъ—своимъ временемъ и участіемъ; онъ готовъ былъ дѣлиться со всѣми и каждымъ своими талантами, за-

натіями, способностями, всѣмъ и каждому онъ готовъ былъ дарить свои совѣты, указанія, помощь. Мать, незнающая, что дѣлать со своимъ сыномъ, какъ его воспитывать, гдѣ учить, обращалась къ Грановскому. Онъ принималъ ее у себя, ѣхалъ къ ней, говорилъ съ ней и сыномъ, давалъ совѣты и наставленія, и исполнялъ это будто по обязанности. Учитель, ищущій мѣста, педагогъ или гувернеръ-иностранецъ, литераторъ или молодой ученый, къ нему же обращались за совѣтомъ, рекомендаціей, нужною книгой, часто за однимъ сочувствіемъ или одобреніемъ своимъ намѣреніямъ и предпріятіямъ. Много расточалъ Грановскій на все это своихъ силъ и способностей; сколько добра было посѣяно такою щедростью—кто это знаетъ, кто скажетъ?».

Какъ относительно студентовъ Грановскій не ограничивался однѣми университетскими лекціями, такъ и для публики онъ не ограничивался одними публичными чтеніями. Онъ нерѣдко читалъ домашнія лекціи своимъ друзьямъ въ Москвѣ и въ провинціи. Такъ, лѣтомъ въ 1849 году, въ Порѣчьѣ, имѣніи бывшаго министра просвѣщенія графа С. С. Уварова, онъ читалъ „о переходныхъ эпохахъ въ исторіи человѣчества“. Все это ясно показываетъ, что живое слово передъ толпой было не одною только профессіей Грановскаго, но его насущною потребностью, его жизнью. Да и по всѣмъ своимъ привычкамъ—это былъ человѣкъ отнюдь не кабинетный, напротивъ того, вполнѣ общественный. Его постоянно влекли къ себѣ большія собранія, балы, клубы, обѣды; онъ всегда былъ тамъ, гдѣ много народу, шуму и свѣту. Ему-бы слѣдовало жить совсѣмъ не среди нашего общества, которое въ своей крайней пустотѣ и ничтожествѣ только и могло предоставить Грановскому, что ухаживаніе за пошлыми свѣтскими львицами, пикники, танцы да карты. Его могла-бы удовлетворить только жизнь, полная одушевленнаго, разумнаго общественнаго движенія. Только среди общества политически-зрѣлаго талантъ его могъ-бы вполнѣ развернуться; конечно, и убѣжденія его могли-бы выработаться и сдѣлаться болѣе твердыми и систематическими. Но и при данной обстановкѣ жизни, какъ человѣкъ общественный, Грановскій рѣзко отличался этимъ отъ весьма многихъ изъ своихъ друзей, которые, напротивъ того, въ презрительномъ взглядѣ на толпу, въ удаленіи отъ свѣта и замыканіи въ тѣсные кружки видѣли всю сущность своей оппозиціи и главное условіе осуществленія своихъ идеаловъ.

VI.

На личность Герцена у насъ привыкли смотрѣть, какъ на демона отрицанія и сомнѣнія, который чуть не съ колыбели отвергъ все святое, всю жизнь только и дѣлалъ, что отрицалъ и разрушалъ, заразилъ этимъ цѣлое поколѣніе и покончилъ тѣмъ, что оторвался отъ родной почвы, разрушилъ всякія связи съ своею родиной и былъ, въ свою очередь, забытъ ею. Такой стереотипно-мелодраматическій взглядъ дѣлаетъ личность Герцена совершенно какой-то загадкой, случайнымъ, безсвязнымъ явленіемъ, баснословнымъ минотавромъ, который Богъ-вѣсть изъ какихъ странъ и зачѣмъ приплылъ къ морскому берегу, поѣлъ всѣхъ дѣтей въ прибрежномъ городѣ и уплылъ обратно въ море. Не ищите здѣсь какой-либо органической связи личности Герцена съ эпохой, въ которую онъ жилъ, не ищите обоюднаго вліянія его на эпоху и эпохи на него. Людямъ подобнаго взгляда кажется, что не явись Герценъ—и весь ходъ нашего развитія былъ-бы иной. Но почему-же вдругъ, ни съ того, ни съ сего, явился онъ и развился въ такую экстраординарную форму? Да такъ, вдругъ, ни съ того, ни съ сего, пришла человѣку такая блажь въ голову, онъ и сдѣлался русскимъ Мефистофелемъ.

Между тѣмъ, на самомъ дѣлѣ, оставляя въ сторонѣ его политическія увлеченія и заграничную дѣятельность, такъ-какъ, безъ сомнѣнія, не настало еще время судить объ этомъ, беря въ разсчетъ только его литературную дѣятельность въ Россіи, періодъ, въ который онъ еще развивался вмѣстѣ и рука объ руку съ развитіемъ его вѣка, въ который слагалось его міросозерцаніе, устанавливались взгляды на жизнь и людей, мы не только не видимъ, чтобы Герценъ стоялъ особнякомъ и былъ исключительно выродкомъ изъ массы своихъ современниковъ; напротивъ того, мы можемъ назвать его вполнѣ произведеніемъ своего вѣка, потому что ни на одномъ изъ дѣятелей разбираемой нами эпохи не отразился вѣкъ такъ полно и всесторонне, во всѣхъ своихъ переходахъ, какъ на личности Герцена. Всѣ прочіе передовые дѣятели выражаютъ собою тотъ или другой моментъ переходнаго процесса, выражаютъ часто весьма рѣзко и опредѣленно, но, въ то-же время, вполнѣ исчерпываются этимъ моментомъ. Въ личности-же Герцена вы видите наслоеніе всѣхъ прогресивныхъ направленій, господствовавшихъ въ нашей литературѣ начиная съ двадцатыхъ годовъ и до 60-го. Такимъ образомъ, Полевой, Одоевскій, Чаадаевъ, Веневитиновъ, Баратынскій всецѣло принадлежатъ къ 20-мъ годамъ. Бѣлинскій, какъ ни видоизмѣнялись его взгляды, въ основѣ своей остался эстетикомъ надеждинской школы. Грановскій является вполнѣ произведеніемъ сороковыхъ годовъ. У всѣхъ этихъ дѣятелей преобладающій складъ мысли остался тотъ, который они пріобрѣли подъ вліяніемъ идей, господствовавшихъ въ наукѣ и литературѣ въ цвѣтущее время ихъ жизни, отъ 20-ти до 25-ти лѣтъ, много до 30-ти. Всѣ они кончаютъ 30-ми годами, очень смутно понимая дальнѣйшее движеніе, или, напротивъ того, начинаютъ ими, вынося изъ прежней эпохи весьма неопредѣленныя и блѣдныя традиціи. Между тѣмъ, Герцена вы можете отнести къ каждому изъ моментовъ развитія, пережитаго нашимъ обществомъ съ двадцатыхъ годовъ, и въ то-же время ни къ одному исключительно. Такъ, напримѣръ, онъ является передъ нами вполнѣ человѣкомъ двадцатыхъ годовъ, такъ-какъ духъ этой эпохи, дѣйствуя на него въ дѣтствѣ, опредѣлилъ характеръ всей его жизни; въ такой-же степени онъ и шеллингистъ тридцатыхъ годовъ, особенно въ своихъ послѣдующихъ сочиненіяхъ, основные взгляды которыхъ напоминаютъ вамъ кн. Одоевскаго. Не менѣе того онъ и гегеліанецъ-западникъ петербургскаго кружка Бѣлинскаго; затѣмъ, фейербахистъ пятидесятыхъ годовъ. Всѣ эти направленія съ одинаковою рѣзкостью отразились въ Герценѣ, и очень можетъ быть, въ этомъ характерѣ развитія заключается секретъ его вліянія на эпоху: почему онъ, не проповѣдуя никакого опредѣленнаго ученія фило-

софскаго, политическаго или литературнаго, въ то-же время вліялъ на людей самыхъ разнородныхъ взглядовъ, будучи способенъ въ каждомъ задѣть чувствительную струнку.

Этимъ своимъ эклектизмомъ Герценъ былъ обязанъ, какъ особенности своего общественнаго положенія, такъ и всему складу жизни. Онъ очень рано началъ развиваться и могъ, такимъ образомъ, напитаться духомъ эпохи, о которой большинство его современниковъ получило одни блѣдныя преданія. А въ юности онъ постоянно вращался среди самыхъ разнообразныхъ сферъ общества, не принадлежа всецѣло ни къ одной средѣ, и ни одинъ литературный кружокъ не завладѣлъ имъ вполнѣ, хотя въ то-же время ни одинъ не остался ему чуждымъ.

Отецъ его, И. Яковлевъ, былъ одинъ изъ крупныхъ московскихъ богачей, окруженный знатною родней. Если по своему положенію, характеру и складу жизни, Яковлевъ и не стоялъ въ средѣ передовой оппозиціи двадцатыхъ годовъ, то во всякомъ случаѣ онъ принадлежалъ еще къ числу тѣхъ гордыхъ и независимыхъ баръ, типъ которыхъ исчезъ впослѣдствіи. Воспитанный французскимъ гувернеромъ въ домѣ набожной тетки, онъ 16-ти лѣтъ поступилъ въ Измайловскій полкъ сержантомъ, послужилъ до павловскаго воцаренія и вышелъ въ отставку гвардіи капитаномъ; въ 1801 году онъ уѣхалъ за-границу и прожилъ, скитаясь изъ страны въ страну, до конца 1811 года. Въ это время онъ сошелся съ матерью Герцена, семнадцатилѣтнею нѣмкой, которая, увлекшись русскимъ бариномъ, оставила родительскій домъ, была спрятана въ русскомъ посольствѣ въ Касселѣ и, затѣмъ, въ мужскомъ платьѣ переѣхала русскую границу.

Отъ этой-то романической четы родился въ Москвѣ, въ 1812 году, Александръ Ивановичъ, прозванный по матери Герценъ. Если-бы изъ Герцена вышелъ знаменитый полководецъ, то біографы, конечно, не замедлили-бы найти много знаменательнаго какъ въ самомъ годѣ рожденія Герцена, такъ и въ первыхъ происшествіяхъ его жизни, тотчасъ-же послѣ рожденія. Отецъ Герцена, по своей барской безпечности, откладывалъ день за день отъѣздъ изъ Москвы во время нашествія французовъ и не успѣлъ позавтракать передъ отъѣздомъ, какъ Москва была уже занята непріятелемъ. Затѣмъ пожаръ выгналъ все семейство изъ дома. Они очутились безъ крова, окруженные горящими домами и французскими войсками. На нихъ напали пьяные солдаты, при чемъ дядя Герцена, Н. И. Голохвастовъ, былъ раненъ по лицу тесакомъ, а маленькаго Герцена, еще груднаго младенца, солдатъ вырвалъ у кормилицы, развернулъ пеленки, обыскалъ ихъ, надѣясь найти въ нихъ завернутыя драгоцѣнности, затѣмъ, разодралъ ихъ и бросилъ. Завернутый въ кусокъ равендука, схваченнаго кормилицей съ билліарда въ одномъ изъ сосѣднихъ домовъ, въ которыхъ бѣглецы тщетно думали пріютиться, младенецъ кричалъ благимъ матомъ, такъ какъ у кормилицы его пропало молоко, и какой-то французскій солдатъ сжалился надъ нимъ, давши малюткѣ кусокъ хлѣбнаго мякиша, размоченнаго водой. Вся эта исторія кончилась тѣмъ, что всѣхъ ихъ забрали въ плѣнъ и потомъ отца Герцена выпустили изъ Москвы съ семействомъ подъ тѣмъ условіемъ, чтобы онъ отвезъ къ императору Александру письмо отъ Наполеона.

Разсказы о пожарѣ Москвы, о Бородинскомъ сраженіи, о Березинѣ, о взятіи Парижа были колыбельною пѣснью Герцена. Мать его и прислуга, отецъ и Вѣра Артамоновна (няня Герцена) безпрестанно возвращались къ грозному времени, поразившему ихъ такъ недавно, такъ близко и круто. Потомъ возвратившіеся генералы и офицеры стали наѣзжать въ Москву. Старые сослуживцы отца Герцена по Измайловскому полку, теперь участники, покрытые славой, едва окончившейся кровавой борьбы, часто бывали у него. Они отдыхали отъ своихъ трудовъ и дѣлъ, разсказывая ихъ. Это было дѣйствительно самое блестящее время петербургскаго періода; сознаніе силы давало новую жизнь; дѣла и заботы, казалось, были отложены на завтра, теперь хотѣлось попировать на радостяхъ побѣды. Тутъ Герценъ еще больше наслушался о войнѣ, чѣмъ отъ Вѣры Артамоновны. Онъ очень любилъ разсказы графа Милорадовича, который говорилъ съ чрезвычайною живостью, съ громкимъ смѣхомъ, и Герценъ не разъ засыпалъ подъ нихъ на диванѣ за его спиной. Разумѣется, при такой обстановкѣ, Герценъ былъ отчаянный патріотъ и собирался въ полкъ...

Послѣ нашествія французовъ, отецъ Герцена снова поселился въ Москвѣ и зажилъ тамъ въ затворничествѣ, представляя изъ себя одного изъ тѣхъ недовольныхъ и презирающихъ всѣхъ и все, кромѣ себя, баръ, которые во множествѣ проживали въ Москвѣ въ то время, засѣдая въ своихъ домахъ, какъ медвѣди въ берлогахъ. Считая каждое чувство сентиментальностью, малѣйшую откровенность фамильярностью, старикъ вѣчно былъ сдержанъ и сосредоточенъ, не допуская къ себѣ ни одного человѣка далѣе предѣловъ холодной, свѣтской учтивости. Разумѣется, онъ не былъ счастливъ; всегда на сторожѣ, всѣмъ недовольный, онъ видѣлъ съ стѣсненнымъ сердцемъ непріязненныя чувства, вызванныя имъ у всѣхъ домашнихъ; онъ видѣлъ, какъ улыбка пропадала съ лица, какъ останавливалась рѣчь, когда онъ входилъ; онъ говорилъ объ этомъ съ насмѣшкой, съ досадой, но не дѣлалъ ни одной уступки и шелъ съ величайшею настойчивостью своею дорогой. Насмѣшка, иронія, холодная, язвительная и полная презрѣнія, было орудіе, которымъ онъ владѣлъ артистически, онъ его равно употреблялъ противъ всѣхъ. Въ первую юность многое можно скорѣе вынести, нежели *шпыняньe*, и Герценъ, въ самомъ дѣлѣ, удалялся отъ отца и велъ противъ него маленькую войну, соединяясь съ слугами и служанками.

Ко всему остальному отецъ увѣрилъ себя, что онъ опасно боленъ и безпрестанно лечился; сверхъ домоваго лекаря, къ нему ѣздили два или три доктора, и онъ дѣлалъ, по крайней мѣрѣ, три консиліума въ годъ. Гости, видя постоянно непріязненный видъ его и слушая однѣ жалобы на здоровье, которое далеко не было такъ дурно, рѣдѣли. Онъ сердился на это, но ни одного человѣка не упрекнулъ, не пригласилъ. Страшная скука царила въ домѣ, особенно въ безконечные

зимніе вечера. Двѣ лампы освѣщали цѣлую анфиладу комнатъ; сгорбившись и заложивъ руки на спину, въ суконныхъ или поярковыхъ сапогахъ (въ родѣ валенокъ), въ бархатной шапочкѣ и въ тулупѣ изъ бѣлыхъ мерлушекъ, ходилъ старикъ взадъ и впередъ, не говоря ни слова, въ сопровожденіи двухъ-трехъ коричневыхъ собакъ... Стѣны, мебель, слуги, все смотрѣло съ неудовольствіемъ, изподлобья; само собою разумѣется, всѣхъ недовольнѣе былъ самъ хозяинъ. Искусственная тишина, шопотъ, осторожные шаги прислуги выражали не вниманіе, а подавленность и страхъ. Въ комнатахъ все было неподвижно, пять-шесть лѣтъ однѣ и тѣ-же книги лежали на однихъ и тѣхъ-же мѣстахъ и въ нихъ тѣ-же замѣтки. Въ спальной и кабинетѣ годы цѣлые не передвигалась мебель, не отворялись окна. Уѣзжая въ деревню, онъ бралъ ключъ изъ своей комнаты въ карманъ, чтобъ безъ него не вздумали вымыть половъ или почистить стѣнъ.

Вотъ подъ гнетомъ какой суровой, давящей, однообразной обстановки провелъ Герценъ свое дѣтство. Не умиротворяющее и разсѣевающее вліяніе имѣла на нравъ ребенка роскошная обстановка богатаго дома, а напротивъ, сосредоточивающее въ себя и ожесточающее. Строптивая и ненужная заботливость о физическомъ здоровьѣ, рядомъ съ полнымъ равнодушіемъ къ нравственному, страшно надоѣла ему. Предостереженія отъ простуды, отъ вредной пищи, хлопоты при малѣйшемъ насморкѣ, кашлѣ. Зимой мальчикъ по недѣлямъ сидѣлъ дома, а когда позволялось проѣхаться, то въ теплыхъ сапогахъ, шарфахъ и пр. Дома былъ постоянно нестерпимый жаръ отъ печей; все это должно было сдѣлать изъ Герцена хилаго и изнѣженнаго ребенка, еслибъ онъ не наслѣдовалъ отъ матери непреодолимаго здоровья. Она, съ своей стороны, вовсе не дѣлила этихъ предразсудковъ и на своей половинѣ позволяла Герцену все то, что запрещалось на половинѣ отца. Ученье шло плохо, безъ соревнованія, безъ поощреній и одобреній, безъ системы и надзора; мальчикъ занимался спустя рукава и думалъ памятью и живымъ соображеніемъ замѣнить трудъ. Разумѣется, что и за учителями не было никакого присмотра; однажды условившись въ цѣнѣ—лишь-бы они приходили въ свое время и сидѣли свой часъ—они могли продолжать годы, не отдавая никакого отчета въ томъ, что дѣлали.

Десяти лѣтъ ребенокъ узналъ уже особенность своего положенія, семейнаго и общественнаго, въ качествѣ незаконнаго сына. Это еще болѣе отдалило его отъ отца и внушило ему въ то-же время мысль, что онъ гораздо менѣе зависитъ отъ отца, чѣмъ другія дѣти. Эта самобытность очень нравилась ребенку.

Такимъ образомъ, Герценъ, воспитанный въ богатомъ домѣ, не только-что не втянулся въ окружающую его жизнь, но, напротивъ того, съ 10-ти лѣтъ уже почувствовалъ полное отчужденіе свое отъ нея. Онъ весь углубился въ себя, сосредоточился, началъ вести жизнь исключительно воображенія. Вскорѣ онъ пристрастился къ чтенію. У отца его и дяди была довольно большая библіотека, составленная изъ французскихъ книгъ прошлаго столѣтія. Съ жадностью началъ онъ пожирать романы Лафонтена, комедіи Коцебу. Но болѣе всего произвели на мальчика впечатлѣніе Вертеръ, „Свадьба Фигаро“. Онъ былъ влюбленъ въ Херубима и Графиню, и сверхъ того, самъ себя воображалъ Херубимомъ; у него замирало сердце при чтеніи, и не давая себѣ никакого отчета, онъ *чувствовалъ* какое-то новое смущеніе. Особенно упоительна казалась ему сцена, гдѣ Пажа одѣваютъ въ женское платье; Герцену страшно хотѣлось спрятать на груди чью-нибудь ленту и тайкомъ поцѣловать ее. На дѣлѣ мальчикъ былъ далекъ отъ всякаго женскаго общества.

Но одна мечтательность въ карамзинскомъ духѣ не исчерпывала всего умственнаго кругозора дѣтскихъ лѣтъ Герцена. На впечатлительнаго и воспріимчиваго юношу не могли не произвести сильнаго впечатлѣнія масса слуховъ, которые ежедневно начали доноситься до его ушей въ половинѣ двадцатыхъ годовъ. Ему было тогда уже 13 лѣтъ. Какъ всѣ дѣти, воспитанные подъ какимъ-нибудь тяжелымъ гнетомъ, онъ естественно болѣе симпатизировалъ сторонѣ лѣвой, чѣмъ правой, и хотя и самъ ясно не понималъ, что такое дѣлается вокругъ него, тѣмъ не менѣе, воображалъ себя злоумышленникомъ.

Свои тринадцатилѣтнія злоумышленія онъ не замедлилъ сообщить учителю русской словесности И. Е. Протопопову, который былъ типомъ того благороднаго и неопредѣленнаго либерализма, который часто проходитъ съ первымъ сѣдымъ волосомъ, съ женитьбой и мѣстомъ, но, все-таки, облагораживаетъ человѣка. Протопоповъ былъ тронутъ и, уходя, обнялъ мальчика со словами: „дай Богъ, чтобы эти чувства созрѣли въ васъ и укрѣпились“. Послѣ этого онъ носилъ своему ученику мелко переписанныя и очень затертыя тетрадки стиховъ Пушкина, „Оду на свободу“, „Кинжалъ“, „Думы“ Рылѣева, и мальчикъ переписывалъ ихъ тайкомъ. Подъ вліяніемъ такого настроенія перемѣнился и кругъ чтенія Герцена. Въ подвальной библіотекѣ отца онъ открылъ какую-то исторію французской революціи, написанную роялистомъ, и съ жадностью принялся читать ее.

Здѣсь мы опять натыкаемся на вліяніе французскихъ выходцевъ на нашу молодежь стараго времени. Между тѣмъ, какъ гувернантка Герцена, m-me Прово, очень часто разсказывала ему эпизоды изъ французской революціи и особенно любила останавливаться на фактахъ эпохи Робеспьера, передъ глазами мальчика, въ лицѣ французскаго учителя Бушо, было живое олицетвореніе этой эпохи: Бушо находился въ Парижѣ во время революціи и былъ неисправимый якобинецъ. Человѣкъ суровый, угрюмый, съ огромнымъ носомъ и очками, онъ долгое время не пускался ни въ какіе разговоры, спрягалъ глаголы, диктовалъ примѣры, бранилъ своего ученика и уходилъ, опираясь на толстую сучковатую палку. Онъ смотрѣлъ, съ своей демократической точки зрѣнія, съ презрѣніемъ на барченка и часто говорилъ: „изъ васъ ничего не выйдетъ“.

Но вотъ, однажды этотъ барченокъ обратился къ нему съ вопросомъ объ одномъ изъ эпизодовъ французской революціи.

Послѣ этого Бушо измѣнилъ свой взглядъ на мальчика, смѣнилъ гнѣвъ на милость, прощалъ ошибки и

разсказывалъ эпизоды 93-го года, и какъ онъ уѣхалъ изъ Франціи, когда „развратные и плуты“ взяли верхъ. Онъ съ тою-же важностью, не улыбаясь, оканчивалъ урокъ, но уже снисходительно говорилъ: „я, право, думалъ, что изъ васъ ничего не выйдетъ, но ваши благородныя чувства спасутъ васъ“.

Между тѣмъ учитель русской словесности не ограничился однимъ поощреніемъ либеральныхъ чувствъ въ своемъ ученикѣ. Рьяный романтикъ двадцатыхъ годовъ, онъ не замедлилъ, конечно, внушить ученику своему страсть къ современной литературѣ, къ Жуковскому, Пушкину, Грибоѣдову и отрицаніе всей старой литературы до Жуковскаго. Подъ такимъ вліяніемъ кругъ чтенія мальчика совершенно измѣнился: Лафонтенъ, Коцебу и пр. были брошены; онъ началъ читать съ разборомъ. Прежде онъ читалъ съ одинаковымъ удовольствіемъ все, что попадалось: трагедіи Сумарокова, сквернѣйшіе переводы восьмидесятыхъ годовъ разныхъ комедій и романовъ; теперь сталъ выбирать, цѣнить; бравши книгу, справлялся тотчасъ, въ которомъ году печатана, и бросалъ ее, ежели она была печатана больше пяти лѣтъ тому назадъ, хотя бы имя Державина или Карамзина предохраняло ее отъ такой дерзости.

Подъ вліяніемъ такого воспитанія, въ 15 лѣтъ изъ Герцена образовался романтикъ двадцатыхъ годовъ, въ полномъ смыслѣ этого слова. Онъ увлекался порой вольтеріанизмомъ, любилъ иронію и насмѣшку—и рядомъ съ этимъ, съ глубокимъ благоговѣніемъ читалъ библію по славянски и въ Лютеровомъ переводѣ. Онъ увлекался до энтузіазма Пушкинымъ, два мѣсяца носилъ въ карманѣ первую главу „Онѣгина“, пока не вытвердилъ ее наизусть, но выше всего ставилъ Шиллера, унеся изъ первой юности въ болѣе зрѣлыя лѣта поклоненіе этому поэту. Чтеніе Шиллера рядомъ съ Плутархомъ настроили юношу на героическій ладъ и онъ постоянно предугадывалъ въ себѣ будущаго „Брута или Фабриція“. Въ то-же время онъ питалъ романтическую страсть къ одной своей кузинѣ (впослѣдствіи извѣстной русской писательницѣ Т. В. Пассекъ), которая была старше его годами, разыгрывала изъ себя роль сентиментальной героини въ карамзинскомъ духѣ, требовала, чтобы ее называли Темирой, при каждой встрѣчѣ съ блѣдною подругой земнаго шара дѣлала къ ней лирическое воззваніе и сравнивала свою жизнь съ цвѣтками, брошенными въ „буйныя волны“. Герценъ открывалъ своей возлюбленной всѣ тайны своего сердца, рисовался передъ нею будущимъ „Брутомъ или Фабриціемъ“, а она, какъ свойственно всѣмъ барышнямъ, въ которыхъ имѣютъ несчастіе влюбляться несовершеннолѣтніе юноши, вертѣла будущимъ „Брутомъ или Фабриціемъ“ по своему произволу. Былъ у Герцена, конечно, и романтическій другъ, мальчикъ почти одних съ нимъ лѣтъ (впослѣдствіи извѣстный русскій поэтъ и публицистъ Огаревъ), который въ глазахъ Герцена разыгрывалъ роль маркиза Позы; юноши дѣлили вмѣстѣ всѣ свои мечты и думы, проливали горькія слезы, когда находились въ разлукѣ другъ съ другомъ, и на Воробьевыхъ горахъ торжественно клялись въ виду всей Москвы пожертвовать жизнью на избранную борьбу.

VII.

Но воспитаніе Герцена не ограничилось одними романтическими и политическими вліяніями, о которыхъ мы сообщили на этихъ страницахъ. Судьба какъ будто нарочно хотѣла создать изъ Герцена человѣка съ самымъ разностороннимъ образованіемъ и подсунула ему родственника, котораго можно назвать по истинѣ небывалымъ, чудеснымъ явленіемъ среди общества двадцатыхъ годовъ. Это былъ реалистъ шестидесятыхъ годовъ, типъ вполнѣ въ базаровскомъ духѣ, преждевременно развившійся въ двадцатые годы. Въ жизни встрѣчаются иногда подобнаго рода застрѣльщики, забѣжавшіе слишкомъ впередъ и перешедшіе далеко за черту своего вѣка. Современники смотрятъ на нихъ обыкновенно, какъ на какихъ-то выродковъ и полуумныхъ чудаковъ, и никто не подозрѣваетъ въ нихъ предтечей грядущаго времени. Таковъ былъ родственникъ Герцена, котораго онъ выставляетъ подъ именемъ Химика. Это тотъ самый Химикъ, о которомъ въ комедіи Грибоѣдова сказано:

— Онъ химикъ, онъ ботаникъ,
Князь Ѳедоръ, нашъ племянникъ,
Отъ женщинъ бѣгаетъ и даже отъ меня.

Мы не можемъ удержаться и не познакомить читателей съ этимъ поразительнымъ типомъ, тѣмъ болѣе, что онъ имѣлъ на Герцена огромное вліяніе.

Отецъ Химика былъ старый деспотъ и развратникъ, окруженный гаремомъ изъ своихъ крѣпостныхъ. Онъ страшно тѣснилъ сына и даже ревновалъ его къ своей серали. Химикъ хотѣлъ разъ отдѣлаться отъ этой неблагородной жизни опіемъ; его спасъ случайно товарищъ, съ которымъ онъ занимался химіей. Отецъ перепугался и передъ смертію сталъ смирнѣе съ сыномъ. По смерти отца Химикъ далъ отпускную несчастнымъ одалискамъ, уменьшилъ на половину тяжелый оброкъ, наложенный отцомъ на крестьянъ, простилъ недоимки и даромъ отдалъ рекрутскія квитанціи, которыя продавалъ имъ старикъ, отдавая дворовыхъ въ солдаты.

Жилъ онъ чрезвычайно своеобычно; въ большомъ домѣ своемъ на Тверскомъ бульварѣ занималъ одну крошечную комнату для себя и одну для лабораторіи. Старуха, мать его, жила черезъ корридоръ въ другой комнаткѣ, остальное было запущено и оставалось въ томъ самомъ видѣ, въ какомъ было при отъѣздѣ его отца въ Петербургъ. Почернѣвшіе канделябры, необыкновенная мебель, всякія рѣдкости, стѣнные часы, *будто-бы* купленные Петромъ I въ Амстердамѣ, кресла, будто-бы изъ дома Станислава Лещинскаго, рамы безъ картинъ, картины, обороченныя къ стѣнѣ—все это, поставленное кое-какъ, наполняло три большія залы, нетопленныя и неосвѣщенныя. Въ передней люди играли обыкновенно на торбанѣ и курили (въ той самой, въ которой прежде едва смѣли дышать и молиться). Человѣкъ зажигалъ свѣчку и провожалъ гостя этою оружейною палатой, замѣчая всякій разъ, что плаща снимать не надобно, что въ залахъ очень холодно; густые слои пыли покрывали рогатыя и курьезныя вещи, отражавшіяся и двигавшіяся вмѣстѣ со свѣчой въ вычурныхъ зеркалахъ; солома, оставшаяся

отъ укладки, спокойно лежала тамъ и сямъ вмѣстѣ съ стриженной бумагой и бичевками. Рядомъ этихъ комнатъ достигалась, наконецъ, дверь, завѣшанная ковромъ, которая вела въ страшно натопленный кабинетъ. Въ немъ химикъ, въ замаранномъ халатѣ на бѣличьемъ мѣху, сидѣлъ безвыходно, обложенный книгами, обставленный стклянками, ретортами, тигелями, снарядами... Хозяйство химика было еще менѣе сложно, особенно когда мать его уѣзжала на лѣто въ подмосковную, а съ нею и поваръ. Камердинеръ его являлся часа въ четыре съ кофейникомъ, распускалъ въ него немного крѣпкаго бульону и, пользуясь химическимъ горномъ, ставилъ его къ огню вмѣстѣ съ всякими ядами. Потомъ онъ приносилъ изъ трактира полрябчика и хлѣбъ—въ этомъ состоялъ весь обѣдъ. По окончаніи его кадмердинеръ мылъ кофейникъ и онъ входилъ въ свои естественныя права. Вечеромъ снова являлся камердинеръ, снималъ съ дивана тигровую шкуру, доставшуюся по наслѣдству отъ отца, и груду книгъ, стлалъ простыню, приносилъ подушки и одѣяло, и кабинетъ такъ же легко превращался въ спальню, какъ въ кухню и столовую.

Поверхностный и со страхомъ пополамъ, вольтеріанизмъ нашихъ отцовъ нисколько не былъ похожъ на убѣжденія химика. Его взглядъ былъ спокойный, послѣдовательный, оконченный. Онъ считалъ Жофруа Сентъ-Илера мистикомъ и Окена просто поврежденнымъ. Онъ съ пренебреженіемъ закрылъ сочиненія натуръ-философовъ... Сами выдумали первыя причины, духовныя силы, да и удивляются потомъ, что ихъ ни найти, ни понять нельзя. Взглядъ его становился еще безотраднѣе во всѣхъ жизненныхъ вопросахъ. Онъ находилъ, что на человѣкѣ такъ же мало лежитъ отвѣтственности за добро и зло, какъ на звѣрѣ; что все—дѣло организаціи, обстоятельствъ и вообще устройства нервной системы, отъ которой *больше требуютъ, нежели она въ состояніи дать*. Семейную жизнь онъ не любилъ, говорилъ съ ужасомъ о бракѣ и наивно признавался, что онъ прожилъ тридцать лѣтъ, не любя ни одной женщины.

Впрочемъ, одна теплая струйка въ этомъ охлажденномъ человѣкѣ оставалась, она была видна въ его отношеніяхъ къ старушкѣ-матери; они много страдали вмѣстѣ отъ отца, бѣдствія сильно сплавили ихъ; онъ трогательно окружалъ одинокую и болѣзненную старость ея, насколько умѣлъ, покоемъ и вниманіемъ.

Совершенно въ pendant Базарову, Химикъ относился къ изящнымъ искусствамъ совершенно въ разрѣзъ со своимъ эстетическимъ вѣкомъ. Въ 1846 гогу, когда Герценъ началъ входить въ моду послѣ первой части „Кто виноватъ?“, Химикъ написалъ ему письмо, въ которомъ выразилъ, что онъ съ грустью видитъ, что Герценъ употребляетъ на пустыя занятія свой талантъ. „Я съ вами помирился за ваши письма объ изученіи природы; въ нихъ я понялъ (на сколько человѣческому уму можно понимать) нѣмецкую философію—зачѣмъ-же, вмѣсто продолженія серьезнаго труда, вы пишете сказки?“

Впрочемъ, теорій своихъ, кромѣ химическихъ, Химикъ никогда не проповѣдывалъ: онѣ высказывались случайно, вызывались споромъ. Онъ даже нехотя отвѣчалъ на романтическія и философскія возраженія Герцена. Но за то на своей почвѣ отъ камней до орангутанга его все занимало, здѣсь онъ былъ занимателенъ, чрезвычайно ученъ, остеръ и даже любезенъ... Съ самаго начала знакомства съ Герценомъ, онъ началъ убѣждать его бросить „пустыя“ занятія литературой и „опасныя безъ всякой пользы“ политикой—и приняться за естественныя науки. Онъ далъ мальчику рѣчь Кювье о геологическихъ переворотахъ и Декандолеву растительную органографію. Видя, что чтеніе идетъ на пользу, онъ предложилъ свои превосходные собранія, снаряды, гербаріи и даже свое руководство. И хотя Герценъ, по своему развитію, не могъ согласиться съ выводами Химика и горячо отстаивалъ свои романтическія мечтанія, но это не помѣшало ему пристраститься къ естественнымъ наукамъ и поступить въ университетъ на математическій факультетъ, чему онъ прямо былъ, по собственному сознанію, обязанъ Химику. Такая реальная струя, которая пахнула на Герцена въ первыхъ юношескихъ лѣтахъ, безъ сомнѣнія, не мало содѣйствовала, какъ ускоренію переходнаго умственнаго состоянія, которое переживалъ Герценъ вмѣстѣ со своими современниками, такъ и тому, что онъ гораздо ближе стоялъ къ поколѣнію пятидесятыхъ и шестидесятыхъ годовъ, чѣмъ всѣ его современники, воспитанные исключительно на гегелевской философіи и въ духѣ художественной созерцательности.

Въ университетѣ развитіе Герцена продолжалось въ духѣ все тѣхъ-же элементовъ: тотъ-же сентиментальный романтизмъ въ шиллеровскомъ духѣ, рядомъ съ нимъ дѣтское либеральничанье, состоящее въ чтеніи запрещенныхъ стишковъ и распѣваніи недозволенныхъ пѣсенокъ, и въ то-же время занятія естественными науками (Герценъ по окончаніи курса получилъ даже серебряную медаль за астрономическую диссертацію). Домашній гнетъ тоже мало измѣнился въ годы университетской жизни Герцена: молодого либерала, воображавшаго себя шиллеровскимъ героемъ, продолжали держать на помочахъ: за нимъ посылали въ университетъ слугу, который долженъ былъ провожать его домой, какъ 17-ти-лѣтнюю барышню, и до 21 года ему не позволялось возвращаться домой послѣ половины одиннадцатаго. Разница заключалась только въ томъ, что прежде Герценъ развивался одиноко, теперь-же вокругъ него составился кружокъ. Это былъ одинъ изъ очень немногочисленныхъ въ то время кружковъ, который среди молодежи, усиленно долбящей ради полученія чина коллежскаго регистратора или изнывающей въ томномъ сентиментализмѣ, интересовался, хотя и по-дѣтски, вопросами общественной жизни.

Послѣ 1830 года началась, какъ извѣстно, всеобщая реакція въ Европѣ, которая отразилась, какъ мы уже видѣли, и у насъ. Реакція, какъ чума, не разбираетъ никого, ни старыхъ, ни молодыхъ; но иначе дѣйствуетъ она на послѣднихъ, чѣмъ на первыхъ: въ то время, какъ людей зрѣлыхъ и пожилыхъ она обезкураживаетъ, разочаровываетъ или окончательно растлѣваетъ, молодежь она углубляетъ въ книги, сосредоточиваетъ въ заботы о собственномъ развитіи и побуждаетъ искать новыхъ путей мысли и жизни.

Такъ случилось и съ нашимъ университетскимъ кружкомъ послѣ 1830 года, послѣ французской революціи, польскаго погрома и холеры. Застольный беранжеровскій либерализмъ перестал удовлетворять молодыхъ людей, потерялъ для нихъ всю свою чарующую силу. Тогда одни изъ нихъ бросились на изученіе русской исторіи; другіе углубились въ нѣмецкую философію; третьи, успѣвшіе слишкомъ уже глубоко проникнуться общественными интересами, въ томъ числѣ Герценъ и Огаревъ, увлеклись сенъ-симонизмомъ. Подобное увлеченіе было совершенно въ духѣ того времени, не только потому, что сенъ-симонизмъ подвизался въ то время на сценѣ европейской жизни, и о немъ кричали во всѣхъ газетахъ, но и потому, что онъ вполнѣ соотвѣтствовалъ степени развитія молодыхъ людей. На половину соціальное ученіе, на половину религіозная секта, сенъ-симонизмъ одною ногой стоялъ на средневѣковой почвѣ, а другою на почвѣ XIX столѣтія; проповѣдуя равенство и братство, общность труда и достоянія, въ то-же время онъ увлекался іерархіей и централизаціей философовъ-правителей вполнѣ въ духѣ средневѣковаго католичества. Такое ученіе совершенно соотвѣтствовало настроенію нашихъ юныхъ романтиковъ, которые поклонялись всякому генію, всякой силѣ, выдающейся впередъ надъ пошлою рутиной жизни. Къ этому чисто-романтическому настроенію присоединялись и представленія религіозныя. Въ это время мысли о томъ, что Западъ не въ силахъ переварить прогресивное движеніе, что старыя условія жизни слишкомъ вкоренились въ его бытъ и онъ не можетъ избавиться отъ нихъ и перестроить жизнь на новыхъ началахъ, что въ немъ началось разложеніе, подобное послѣднимъ вѣкамъ древней цивилизаціи, уже развивались въ кружкахъ московскихъ шеллингистовъ и отражались въ литературѣ въ сочиненіяхъ кн. Одоевскаго, которыми молодежь зачитывалась именно въ это самое время. Подъ вліяніемъ этихъ идей, сенъ-симонизмъ представлялся молодымъ людямъ не простою соціальною мечтой въ родѣ республики Платона или утопіи Томаса-Мура, а новою религіей, которая явилась среди разлагающагося міра для того, чтобы обновить его, подобно тому, какъ нѣкогда христіанство явилось среди разлагавшихся древнихъ обществъ. Отъ подобной исторической аналогіи для молодыхъ умовъ, находившихся всецѣло на почвѣ дѣтскихъ преданій, достаточно было одного незначительнаго шага, чтобы перейти къ полному сближенію христіанства и сенъ-симонизма, и они начали смотрѣть на христіанство и сенъ-симонизмъ, какъ на первое и послѣднее слово одного и того-же ученія. Такимъ образомъ, сенъ-симонизмъ сдѣлался для нихъ откровеніемъ, религіей, которая была для нихъ безраздѣльна съ ихъ дѣтскими вѣрованіями.

Какъ всѣ неофиты, молодые люди съ восторгомъ и жаромъ начали проповѣдывать свое ученіе направо и налѣво, не разбирая долго, какое дѣйствіе можетъ произвести ихъ проповѣдь на того или другаго, и вскорѣ они вооружили противъ себя, какъ реакціонеровъ, такъ и либераловъ. Такъ, къ этому времени относится разрывъ Герцена съ Полевымъ, съ которымъ онъ познакомился въ концѣ университетскаго курса и бывалъ иногда у него и у брата его Ксенофонта. Это было время пущей славы Полеваго, предшествовавшее запрещенію „Телеграфа“.

Въ сущности, молодые люди, какими-бы они себя ни воображали прогресистами по отношенію къ прежнимъ дѣятелямъ литературы, стояли еще на весьма неопредѣленной и сомнительной почвѣ. Они находились еще всецѣло въ томъ первомъ періодѣ умственнаго движенія, въ которомъ старыя міровоззрѣнія остаются еще нетронутыми и только пріурочиваются къ двумъ-тремъ новымъ идейкамъ. Сенъ-симонистическая религія ихъ, безраздѣльно связанная съ дѣтскими вѣрованіями, была еще не Богъ-вѣсть какимъ шагомъ впередъ: она заключала въ себѣ обильные задатки мистицизма и молодые люди, оставленные на свободѣ въ Москвѣ, предоставленные самимъ себѣ, могли въ дальнѣмъ развитіи своемъ свернуть на путь Кирѣевскаго и Хомякова. Но реакція, изгнавши нашихъ сенъ-симонистовъ изъ Москвы, разославши ихъ по городамъ и весямъ (1834 г.), изъ безвредныхъ мечтателей сдѣлала мучениковъ идеи. Вслѣдствіе этого толчка сенъ-симонистическая религія ихъ перестала ограничиваться однѣми историческими гипотезами объ обновленіи міра; изъ фантазіи она перешла въ кровь и нервы, приняла характеръ ожесточенія и въ то-же время развилась въ пламенный мистицизмъ. У насъ такъ привыкли съ именемъ мистика соединять непремѣнно представленіе о человѣкѣ, въ высшей степени преданномъ чиноначалію, и съ другой стороны, представлять себѣ либерала, и особенно пострадавшаго, непремѣнно отчаяннымъ атеистомъ, матеріалистомъ, для котораго ничего нѣтъ святого, что многимъ покажется просто чѣмъ-то баснословнымъ, что Герценъ, находясь въ Вяткѣ, былъ набожнымъ и горячимъ мистикомъ. Но это было дѣйствительно такъ, и мы имѣемъ на это нѣсколько фактическихъ доказательствъ. Здѣсь мы видимъ еще одно ясное подтвержденіе того закона развитія, что политическія убѣжденія и увлеченія нисколько не зависятъ отъ степени умственнаго развитія, и каковы-бы они ни были, развитіе это, во всякомъ случаѣ, идетъ своимъ путемъ, переходя черезъ свои неизбѣжныя фазы.

Къ этому времени относится знакомство Герцена съ извѣстнымъ архитекторомъ Витбергомъ. Благочестивый художникъ, преисполненный религіознаго энтузіазма, Витбергъ былъ глубокимъ мистикомъ. Послѣ того, какъ постройка его знаменитаго храма на Воробьевыхъ горахъ не удалась, онъ былъ запутанъ строительною коммиссіей и сосланъ въ Вятку. Дѣля одну общую участь, Герценъ сошелся съ Витбергомъ, и послѣдній содѣйствовалъ окончательному развитію тѣхъ задатковъ мистицизма, которые, какъ мы сказали, находились уже въ Герценѣ.

Близость съ Витбергомъ была большимъ облегченіемъ въ Вяткѣ для Герцена. Серьезная ясность и нѣкоторая торжественность въ манерахъ придавали ему что-то духовное. Онъ былъ очень чистыхъ нравовъ и вообще скорѣе склонялся къ аскетизму, чѣмъ къ наслажденіямъ; но его строгость ничего не отнимала отъ роскоши и богатства его артистической натуры. Онъ умѣлъ своему мистицизму придавать такую пластичность и такой изящный колоритъ, что возраженіе замирало на губахъ, жаль было анализировать,

разлагать мерцающіе образы и туманныя картины его фантазіи. Мистицизм Витберга лежалъ долей въ его скандинавской крови; это та самая холодно обдуманная мечтательность, которую мы видимъ въ Сведенборгѣ, похожая, въ свою очередь, на огненное отраженіе солнечныхъ лучей, падающихъ на ледяныя горы и снѣга Норвегіи.

Вліяніе Витберга поколебало Герцена. Именно въ эту эпоху, когда Герценъ жилъ съ Витбергомъ, онъ болѣе чѣмъ когда-нибудь былъ расположенъ къ мистицизму. Разлука, ссылка, религіозная экзальтація писемъ, получаемыхъ имъ, любовь—все это помогало Витбергу. И еще года два послѣ Герценъ былъ подъ вліяніемъ идей мистически-соціальныхъ, взятыхъ изъ евангелія и Жанъ-Жака, на манеръ французскихъ мыслителей въ родѣ Пьера Леру. Въ этомъ духѣ, въ 1838 году, Герценъ написалъ историческія сцены, которыя тогда принималъ за драмы. Въ однѣхъ онъ представилъ борьбу древняго міра съ христіанскимъ; тутъ Павелъ, входя въ Римъ, воскрешалъ мертваго юношу къ новой жизни. Въ другихъ,—борьбу оффиціальной церкви съ квакерами и отъѣздъ Уильяма Пенна въ Америку, въ новый свѣтъ. Между прочимъ, отъ этого періода сохранился рядъ писемъ Герцена къ Витбергу, драгоцѣнныхъ въ томъ отношеніи, что представляютъ самое наглядное и непосредственное свидѣтельство о томъ настроеніи, въ которомъ находился Герценъ во время своей ссылки. Всѣ они преисполнены набожнаго благочестія: Герценъ смиренно предается въ нихъ волѣ Всеблагого Провидѣнія и описываетъ свои религіозныя чувства и думы, которыя онъ ощущалъ въ себѣ при слушаніи божественныхъ службъ во время страстной недѣли и пасхи. Замѣчательно, что въ то-же самое время Огаревъ, будучи брошенъ на Кавказъ и отдаленъ отъ своего друга нѣсколькими тысячами верстъ, переживалъ самостоятельно періодъ такого-же мистицизма. Онъ писалъ текстъ для Гебелевой ораторіи „Потерянный рай“, предполагая, что въ идеѣ потеряннаго рая заключается вся исторія человѣчества.

VIII.

Въ 1838 году, Герценъ былъ переведенъ изъ Вятки во Владиміръ и въ этомъ-же году онъ женился. Хотя, конечно, любовь и женитьба каждаго человѣка обусловливаются многими частными и случайными обстоятельствами, тѣмъ не менѣе, въ нихъ выражается часто весьма рельефно личность человѣка, весь складъ его характера. Такимъ образомъ, сравнивая между собою любовныя интриги нѣкоторыхъ передовыхъ личностей сороковыхъ годовъ, мы такъ и видимъ въ нихъ характеръ тѣхъ слоевъ нашей интеллигенціи, которые выработывала жизнь въ разбираемую нами эпоху. Гоголь въ первой своей любви выразилъ вполнѣ средневѣковаго художника въ родѣ Торквато-Тасса: подобно какому-нибудь бѣдному пажу Вальтеръ-Скотовскаго романа, онъ исполнился безмолвнаго и отдаленнаго обожанія къ какой-то столь-высокопоставленной особѣ, что онъ не рѣшился въ своихъ письмахъ даже назвать ее, ограничиваясь одними намеками; такъ и унесъ тайну своей любви въ могилу, предоставивши біографамъ строить какія-угодно догадки. Станкевичъ, болѣзненный, сентиментальный мечтатель, зафилософствовавшійся идеалистъ, подводившій все и вся въ жизни подъ свои книжныя формулы, таковъ-же оказался и въ своей любви: полюбивши дѣвушку, которую самъ-же расхваливалъ до небесъ, онъ вдругъ предался мучительнымъ рефлексіямъ насчетъ того, дѣйствительно-ли эта дѣвушка такова, какою онъ себѣ ее представлялъ, или, говоря философскимъ языкомъ, соотвѣтствуетъ-ли объектъ взгляду на него подъ угломъ зрѣнія субъективнаго настроенія, гемута созерцателя, и дѣйствительно-ли любитъ Станкевичъ ее или только воображаетъ, что любитъ, т.-е. есть-ли это чувство разумное, истинное осуществленіе идеи любви, или это явленіе призрачное. Подъ гнетомъ такихъ рефлексій, Станкевичъ замучилъ и себя, и дѣвушку, и свелъ ее, наконецъ, въ могилу; а когда она умерла, вмѣсто всякихъ сожалѣній объ умершей или угрызеній совѣсти, Станкевичъ, какъ истинный Донъ-Кихотъ своего философскаго увлеченія, нашелъ въ ея смерти утѣшеніе и разрѣшеніе своихъ рефлексій, гегелевское примиреніе противорѣчій въ лонѣ вѣчнаго бытія. Мы уже видѣли, какимъ Рудинымъ проявился Грановскій въ своихъ двухъ любовныхъ исторіяхъ. Что касается женитьбы Герцена, то въ ней такъ и видится передъ вами протестантъ, объявившій рѣшительную борьбу противъ узъ, которыя угнетали его съ самаго дѣтства. Вмѣсто всякихъ эстетическихъ созерцаній, рефлексій и сомнѣній, вы видите здѣсь протестъ и борьбу съ перваго шага и до послѣдняго. Самый предметъ любви былъ избранъ Герценомъ не столько вслѣдствіе того, чтобы въ немъ воплощались какіе-либо романтическіе или художественные идеалы, сколько изъ-за общихъ страданій, которыя сблизили молодыхъ людей. Герценъ полюбилъ одну свою дальнюю родственницу, съ которою былъ знакомъ съ дѣтства; вмѣстѣ они терпѣли семейный гнетъ почти отъ однихъ и тѣхъ-же родственниковъ. Любовь ихъ проявилась не вдругъ, а медленно развивалась годами, и они дошли до ея сознанія уже тогда, когда Герценъ былъ въ Вяткѣ. Между тѣмъ, какъ Герценъ былъ переведенъ во Владиміръ, гнетъ, который терпѣла дѣвушка, сдѣлался невыносимымъ. Родственники, у которыхъ она жила, знали о ея любви къ Герцену и нарочно въ ея присутствіи старались всячески чернить ея возлюбленнаго. Наконецъ, ей стали сватать жениховъ, намѣреваясь выдать ее замужъ насильно. Тогда Герценъ рѣшился на отчаянный поступокъ: онъ тайкомъ уѣхалъ изъ Владиміра, явился внезапно въ Москву, похитилъ свою невѣсту и, воротясь во Владиміръ, женился на ней, объявивши, конечно, въ городѣ, что къ нему невѣста пріѣхала сама.

Въ 1840 году Герценъ былъ освобожденъ отъ ссылки и, пріѣхавши въ Москву, впервые сошелся здѣсь съ кружкомъ Станкевича. Это было время самаго сильнаго увлеченія гегелевскою философіей въ этомъ кружкѣ и примирительнаго взгляда на вещи. Новые знакомые приняли Герцена такъ, какъ принимаютъ эмигрантовъ и старыхъ бойцовъ, людей, выходящихъ изъ тюремъ, возвращающихся изъ плѣна или ссылки, съ почетнымъ снисхожденіемъ,

съ готовностью принять въ свой союзъ, но, вмѣстѣ съ тѣмъ, не уступая ничего, а намекая на то, что они—сегодня, а Герценъ съ друзьями уже—вчера, и требуя безусловнаго принятія феноменологіи Гегеля и, притомъ, по ихъ толкованію.

Здѣсь мы встрѣчаемся съ весьма рѣзкимъ и бросающимся въ глаза фактомъ, свидѣтельствующимъ, до какой степени были перепутаны въ сороковые годы отношенія между передовыми людьми по ихъ развитію, и какъ трудно провести какую-либо черту въ эту эпоху между отсталостью и прогресивностью. Съ одной стороны, Герценъ стоялъ, конечно, впереди кружка Станкевича, смотря на многія вещи гораздо свѣтлѣе и реальнѣе, чѣмъ Бѣлинскій и друзья его съ ихъ схоластическими, книжными примиреніями. Но за то, съ другой стороны, и кружокъ Станкевича опереживалъ Герцена въ томъ отношеніи, что Герценъ дѣйствительно былъ еще вчера, т.-е. принадлежалъ еще къ эпохѣ двадцатыхъ годовъ, въ то время, какъ кружокъ Станкевича — былъ сегодня, исповѣдуя философскую систему, бывшую въ то время послѣднимъ словомъ человѣческаго разума. Вслѣдствіе такихъ взаимныхъ преимуществъ, обѣ стороны должны были повліять другъ на друга. Такъ и случилось. Несмотря на то, что послѣ спора о статьѣ Бѣлинскаго „Бородинская годовщина", Герценъ и Бѣлинскій разошлись озлобленными другъ на друга врагами—оба противника почувствовали себя пораженными въ самыхъ существенныхъ сторонахъ своихъ убѣжденій. Столкновеніе съ Герценомъ произвело сильный нравственный толчекъ въ Бѣлинскомъ; съ этого спора начался въ немъ быстрый, но рѣшительный переломъ. Что касается Герцена, то и для него началась новая эпоха. Среди этой междоусобицы, онъ увидѣлъ необходимость ex ipsa fonte bibere и серьезно занялся Гегелемъ. Въ то же время онъ, очевидно, изъ перваго періода своего развитія перешелъ во второй: онъ потерялъ прежнюю цѣльность дѣтской непосредственности, всѣ его юныя вѣрованія и радужныя мечты начали колебаться въ своихъ основаніяхъ; онъ исполнился тѣхъ внутреннихъ противорѣчій, которыя, какъ мы уже говорили, характеризуютъ собою второй періодъ переходнаго умственнаго процесса. Такимъ образомъ, и онъ не избѣжалъ общей участи своихъ современниковъ: и онъ предался мрачнымъ рефлексіямъ, копаньямъ въ своемъ сердцѣ и пр. Въ такой внутренней работѣ прошли два года въ жизни Герцена—1841 и 1842 года. Это былъ одинъ изъ самыхъ тяжелыхъ періодовъ его жизни. По крайней мѣрѣ, воспоминанія его о пребываніи въ Новгородѣ исполнены мрачной и давящей грусти. Видно, что нелегко давалась ему борьба и много мучительныхъ минутъ пережилъ онъ въ ней. Но та реальная подкладка, которая была подложена въ его университетскомъ образованіи, съ другой стороны и тотъ личный опытъ, который съ дѣтскихъ лѣтъ щупалъ его бока и не давалъ ему ни минуты забыться и потеряться въ книжныхъ, отвлеченныхъ формулахъ—все это помогало процессу, ускоряло его и Герценъ имѣлъ возможность не закиснуть на немъ, подобно многимъ своимъ современникамъ. Ускоренію выхода Герцена изъ этихъ сумерекъ много содѣйствовало, между прочимъ, столкновеніе его въ Новгородѣ съ одною престарѣлою генеральшей, Л. Д., повидимому, женщиной недюжиннаго ума. Женщина эта схоронила дѣтей, и такъ какъ жизнь ея послѣ этой утраты потеряла всякое содержаніе, въ отчаяньи она кинулась въ мрачный мистицизмъ. У Л. Д. все было кончено; тутъ не было сомнѣній, шаткости, теоретической слабости; врядъ-ли іезуиты или кальвинисты были такъ стройно послѣдовательны своему ученію, какъ она. Вмѣсто того, чтобы ненавидѣть смерть, она, лишившись своихъ малютокъ, возненавидѣла жизнь. Это-то и надобно для мистицизма, для этого апоѳеоза смерти; пренебреженіе земли, пренебреженіе тѣла не имѣетъ другого смысла. И такъ, гоненіе на все жизненное, реалистическое, гоненіе на наслажденіе, на здоровье, на веселость, на привольное чувство существованія. И Л. Д. дошла до того, что не любила ни Гете, ни Пушкина. Нападки ея на философію шли совсѣмъ съ другой стороны. Она иронически увѣряла, что всѣ діалектическія подмостки и тонкости—барабанный бой, шумъ, которымъ трусы заглушаютъ страхъ своей совѣсти. Вы никогда не дойдете, говорила она, до основъ міра никакою философіей, а храбрости отвергнуть эти основы у васъ у всѣхъ нѣтъ. Вы слишкомъ люди, чтобы не ужаснуться этихъ послѣдствій, внутреннее отвращеніе отталкиваетъ ихъ; вотъ вы и выдумываете ваши логическія чудеса, чтобы отвести глаза, чтобы дойти до того, что просто и дѣтски дано религіей. Герценъ возражалъ, спорилъ, но внутри чувствовалъ, что полныхъ доказательствъ у него нѣтъ, и что она тверже стоитъ на своей почвѣ, нежели онъ на своей. Надобно было, чтобы, къ тому-же, для довершенія бѣды, подвернулся тутъ инспекторъ врачебной управы, добрый человѣкъ, но одинъ изъ самыхъ смѣшныхъ нѣмцевъ, отчаянный поклонникъ Окэна и Каруса; онъ разсуждалъ цитатами, имѣлъ на все готовый отвѣтъ, никогда ни въ чемъ не сомнѣвался и воображалъ, что совершенно согласенъ съ Герценомъ. Докторъ выходилъ изъ себя, бѣсился, тѣмъ больше, что другими средствами не могъ взять, находилъ воззрѣнія Л. Д. женскими капризами, ссылался на шеллинговы чтенія объ академическомъ ученіи и читалъ самъ отрывки изъ Бурдаховой физіологіи для доказательства, что въ человѣкѣ есть начало вѣчное и духовное, а внутри природы спрятана какая-то личность. Л. Д., давно прошедшая этими „задами" пантеизма, сбивала его и, улыбаясь, показывала на него глазами. Споры эти занимали Герцена до того, что онъ съ новымъ ожесточеніемъ принялся за Гегеля. Мученіе неувѣренности недолго продолжалось, истина вдругъ мелькнула передъ глазами и стала становиться яснѣе и яснѣе; Герценъ склонился на сторону противницы, но не такъ, какъ она хотѣла.

Ее смутило это, но она скоро оправилась и сказала: „Жаль мнѣ васъ, а можетъ, оно и къ лучшему; вы въ этомъ направленіи долго не останетесь, въ немъ слишкомъ пусто и тяжело. А вотъ, прибавила она, улыбаясь, нашъ докторъ, тотъ неизлѣчимъ; ему не страшно, онъ въ такомъ туманѣ, что не видитъ ни на шагъ впередъ..." Однако, лицо ея было блѣднѣе обыкновеннаго.

Изъ этого всего мы видимъ, что споры и пренія о

началахъ міра, абсолютахъ и философскихъ тонкостяхъ не ограничивались Москвой, Петербургомъ и учено-литературными кружками, но повсемѣстно были распространены по всей Россіи, отъ Новгорода до Вятки и отъ Владиміра до Кавказа, по разнымъ захолустьямъ, уѣзднымъ городкамъ и помѣщичьимъ усадьбамъ; въ нихъ принимали участіе ученые и литераторы, студенты и семинаристы, инспектора врачебной управы и салонныя дамы. Въ наше время трудно себѣ представить, чтобы люди, даже весьма молодые, очень долго спорили о такихъ вопросахъ, какъ вопросъ о безсмертіи души или отношеніи безотносительнаго къ относительному. Но въ то время люди пожилые и много пережившіе до того увлекались подобными спорами, что забывали о питьѣ и ѣдѣ и цѣлые дни и ночи проводили въ жаркихъ преніяхъ. Закадычные друзья дѣлались заклятыми врагами, не согласясь въ какомъ-нибудь пунктѣ гегелевской философіи; мужья расходились съ женами и считали свой бракъ несчастнѣйшимъ, если жены, сами по себѣ прекраснѣйшія женщины и во всемъ другомъ гармонирующія съ мужьями, не соглашались мыслить по Гегелю и Фейербаху. Наконецъ, молодые люди съ того начинали свои ухаживанья за предметами любви, что посвящали ихъ въ таинства германской философіи, и Рудинъ, ораторствовавшій гдѣ-нибудь въ захолустьи на непонятномъ никому языкѣ, среди Ноздревыхъ и Коробочекъ, сдѣлался героемъ дня, новымъ свѣтиломъ, кумиромъ скучающихъ дамъ, барышенъ, ожидающихъ чего-то необыкновеннаго, и вытѣснилъ собою прежнихъ героевъ въ печоринскомъ духѣ. Такъ было сильно философское броженіе, овладѣвшее положительно всѣмъ образованнымъ обществомъ. Къ концу сороковыхъ годовъ оно шло все crescendo, захватывая собою новые и новые круги общества, спускаясь все ниже и ниже, и вмѣстѣ съ тѣмъ становясь съ каждымъ годомъ реальнѣе, переходя отъ отвлеченныхъ вопросовъ къ вопросамъ семейнымъ и общественнымъ. Но возвратимся къ Герцену.

Рядомъ съ этимъ внутреннимъ переворотомъ началось и его знакомство съ Фейербахомъ, который соотвѣтствовалъ этой новой фазѣ его развитія. Но мы говорили уже, что всякое новое направленіе не смывало безслѣдно все старое въ Герценѣ и не овладѣвало имъ безусловно. Такъ, напримѣръ, сдѣлавшись мистикомъ, онъ не закрылъ уши для всего инаго, не прервалъ всякой связи со всѣмъ прошлымъ и не сдѣлался фанатикомъ мистицизма, подобно Гоголю; увлекшись Гегелемъ, онъ не закопался, подобно друзьямъ Станкевича, въ отвлеченныя умствованія и, наконецъ, сдѣлавшись послѣдователемъ Фейербаха, онъ не увлекся исключительною пропагандой ученія этой школы. Романтизмъ двадцатыхъ годовъ оставилъ въ немъ свой глубокій слѣдъ въ томъ отношеніи, что онъ на всю жизнь остался ненавистникомъ всего пошлаго, посредственно-рутиннаго, пресмыкающагося, въ то время, какъ все выдающееся изъ общаго уровня обыденности, все дерзающее идти не по торнымъ тропинкамъ, постоянно возбуждало въ немъ симпатію. Въ свою очередь, и мистицизмъ въ той соціальной формѣ, въ какой развился онъ у Герцена, навсегда избавилъ его отъ того поверхностнаго и формальнаго либерализма, на которомъ остановились многіе изъ его современниковъ, и заставилъ его глубоко вникать въ основы общественныхъ отношеній. Точно также и гегелизмъ прошелъ не безслѣдно, развивши въ Герценѣ діалектическія способности. Въ тоже время, начиная съ первой фазы своего развитія и до послѣдней, мы видимъ постоянное преобладаніе въ Герценѣ одного — именно, глубокаго интереса къ вопросамъ общественной жизни: каждое направленіе, которое только онъ по очереди переживалъ, онъ постоянно пріурочивалъ къ этимъ вопросамъ. Наконецъ, подъ всѣми періодами его жизни и литературной дѣятельности вы видите подкладку того реальнаго образованія, которое онъ пріобрѣлъ на физико-математическомъ факультетѣ и впослѣдствіи опытами самой жизни. Романтикъ, мистикъ, гегеліанецъ, фейербахистъ въ общихъ идеяхъ, онъ становился на строго-реальную, положительную почву, едва только переходилъ къ анализу частныхъ фактовъ.

Но этими философскими элементами не ограничилось литературное воспитаніе Герцена. Обладая сильнымъ художественнымъ талантомъ и природнымъ остроуміемъ, онъ воспринялъ вмѣстѣ со своими современниками то эстетическое развитіе, которое въ сороковые годы стояло, какъ извѣстно, на первомъ планѣ и часто доходило даже до крайней односторонности. Не заглушивъ, однако, всѣхъ другихъ интересовъ, эстетическое развитіе даровало Герцену могущественное орудіе художественности, нелишнее для всякаго писателя. Впродолженіи всей своей жизни не покидалъ онъ великихъ европейскихъ поэтовъ—Шекспира, Байрона, Гете, Шиллера, Гейне, а изъ русскихъ—Пушкинъ и Гоголь были постоянными его любимцами. Но, повидимому, изъ всѣхъ европейскихъ писателей болѣе всего вліянія оказали на него два писателя: Жанъ-Поль-Рихтеръ и Берне, очень, можетъ быть, потому, что оба эти писателя всего ближе подходили по своему положенію среди своихъ современниковъ и вліянію къ тому, что былъ Герценъ среди нашего общества. Вліяніе Жанъ-Поль-Рихтера замѣтно не на одномъ Герценѣ, а на многихъ писателяхъ тридцатыхъ годовъ, въ особенности на Одоевскомъ. Разница только въ томъ, что жанъ-полевская философская иронія, витающая между мистицизмомъ и скептицизмомъ, у Одоевскаго склонялась болѣе къ мистицизму, у Герцена, напротивъ того, къ скептицизму. Берне напоминаетъ Герценъ во многихъ своихъ политическихъ фельетонахъ, блещущихъ столь-же убійственнымъ остроуміемъ и такою-же ѣдкою ироніей.

Со всѣми этими элементами литературнаго таланта Герцена мы наглядно познакомимся при разборѣ его сочиненій.

IX.

Мы не имѣемъ никакихъ свѣдѣній о томъ, когда и гдѣ началъ Герценъ печататься. Знаемъ только, что первая статья Герцена, появившаяся подъ псевдонимомъ Искандера, была напечатана въ послѣднемъ, 33-мъ томѣ „Телескопа" въ 1836 году, когда Герценъ былъ уже въ Вяткѣ. Статья эта, подъ заглавіемъ „Гофманъ", напечатана въ особенномъ отдѣлѣ „Те-

лескопа“, носившемъ названіе „Знаменитые современники“. Статья была отдана Полевому, а попала по ошибкѣ въ „Телескопъ“, при чемъ пріятель Герцена К., считая неосторожнымъ оставить подъ нею настоящую фамилію Герцена, впервые поставилъ Искандеръ, — подпись, которую Герценъ шутя употребилъ въ одной статьѣ, назначенной не для печати. Мы не знаемъ, когда Герценъ написалъ статью о Гофманѣ, но, по содержанію и характеру, она, повидимому, всецѣло принадлежитъ еще къ первому періоду его развитія—къ эпохѣ юнаго сентиментальнаго романтизма. Онъ вполнѣ заплатилъ въ этой статьѣ дань своему времени, явившись такимъ-же горячимъ поклонникомъ Гофмана, какими были всѣ юноши тридцатыхъ годовъ. Въ статьѣ вы встрѣчаете цѣлый рядъ восторженныхъ восклицаній.

Въ нѣкоторыхъ мѣстахъ Герценъ является крайне субъективенъ, какъ всѣ слишкомъ юные писатели. Онъ иногда совершенно сливаетъ личность Гофмана со своею, и вамъ кажется, что, говоря о Гофманѣ, подъ нимъ онъ разумѣетъ самого себя. Таково, напримѣръ, описаніе воспитанія Гофмана.

Но и въ этой юной статьѣ Герценъ не ограничивается одними романтическими пареніями и восклицаніями. Среди разныхъ превыспреннихъ сентиментальностей, вы натыкаетесь на мысли совершенно иного склада и видите въ нихъ задатки будущаго Герцена. Такъ, напримѣръ, на одной страницѣ онъ объясняетъ фантастичность Гофмана совершенно въ романтическомъ духѣ тѣмъ, что Гофманъ становится мраченъ, ибо начинаетъ разглядывать дѣйствительный міръ во всей его прозѣ, во всѣхъ его мелочахъ, что это простуда отъ міра реальнаго, холодъ и ужасъ, навѣваемый дыханіемъ людей на грудь чистаго юноши, что вслѣдствіе этого-то рождается въ Гофманѣ потребность сорваться съ пути битаго, обыкновеннаго, пыльнаго, которую мы равно видимъ во всѣхъ истинныхъ художникахъ и пр. Но переверните страницу, и вы увидите совершенно иное объясненіе той-же фантастичности и отрѣшенности отъ дѣйствительности Гофмана. Оказывается, что Гофманъ не потому отвернулся отъ дѣйствительнаго міра, что разглядѣлъ его во всѣхъ мелочахъ, во всей его прозѣ, а потому, что онъ вовсе его не зналъ; онъ былъ занятъ до того концертами, что не замѣтилъ приближенія Наполеона. Герценъ видитъ въ этомъ тѣнь прошедшаго, сверхземного направленія литературы германской, въ противоположность земному, общественному направленію французской литературы. По мнѣнію его, сочинители, жившіе до 1813 года, воображали, что все земное слишкомъ низко для нихъ, и жили въ облакахъ; но это имъ не прошло даромъ. Когда-же Германія проснулась при громѣ лейпцигской битвы, явилось новое поколѣніе, болѣе земное, болѣе національное. Гейне бичевалъ своимъ ядовитымъ перомъ направо и налѣво старое поколѣніе, которое разобщило себя съ родиной, прошлую эпоху, которая такъ колоссально, такъ величественно окончилась въ Веймарѣ 22-го марта 1832 года.

Подобныя мысли, сказанныя въ 1836 году, когда ничего не признавали выше германской философіи и романтической поэзіи, когда во Франціи видѣли только законодательницу модъ и свѣтскихъ приличій, когда литературу ея ставили ниже всѣхъ другихъ литературъ, могли казаться безумною ересью. Особенно, если взять во вниманіе, что Герценъ еще болѣе превознесъ французскую литературу въ другомъ мѣстѣ статьи, сказавши, что Франція столь-же мало могла симпатизировать съ Вальтеръ-Скоттомъ, сколько съ Веллингтономъ и со всѣмъ торизмомъ, что французы замѣнили это направленіе другимъ, болѣе глубокимъ, принялись за анатомическія разъятія души человѣческой, стали раскрывать всѣ раны тѣла общественнаго и пр. Рядомъ съ этимъ, васъ поражаетъ и самая постройка статьи: историческій методъ преобладаетъ въ ней надъ философскимъ, который начиналъ въ то время входить въ особенную моду. Тогда статьи начинались обыкновенно съ изложенія общихъ философскихъ основаній, послѣ чего писатель приступалъ уже къ частнымъ фактамъ, которые онъ и подводилъ подъ изложенныя основанія. Такой методъ господствуетъ во всѣхъ статьяхъ Бѣлинскаго. Между тѣмъ, Герценъ построилъ свою статью совершенно иначе: онъ началъ съ частныхъ фактовъ, съ біографіи Гофмана, желая объяснить направленіе Гофмана его жизнію. Затѣмъ, онъ приступилъ къ общимъ историческимъ даннымъ эпохи Гофмана, причемъ онъ постоянно указывалъ на тѣсную зависимость того или другого литературнаго направленія отъ обстоятельствъ жизни и исторіи того или другаго народа. Наконецъ, приступаетъ къ разбору сочиненій Гофмана, какъ общему выводу изъ всѣхъ данныхъ.

Періодъ мистицизма Герцена опредѣленно выражается только въ тѣхъ сценаріяхъ, о которыхъ мы выше упоминали. Къ этому-же времени (1838 г.) относятся „Записки одного молодаго человѣка“ и „Еще изъ записокъ молодаго человѣка“. Обѣ статьи написаны во Владимірѣ и напечатаны въ № 12-мъ 1840 г. и № 1-мъ 1841 г. „Отеч. Записокъ“. Посвященныя личнымъ воспоминаніямъ, статьи эти не отражаютъ въ себѣ и тѣни того мистическаго настроенія, которое переживалъ Герценъ. Мы уже говорили, что мистицизмъ, какъ необходимая фаза развитія, прошелъ черезъ Герцена, не завладѣвши имъ всецѣло, и вопросы общественной жизни, все таки, стояли на первомъ планѣ. Это мы видимъ въ обѣихъ вышеупомянутыхъ статьяхъ. При этомъ весьма замѣчательно то, что хотя обѣ статьи относятся къ одному году, но между ними находится такая разница въ тонѣ, духѣ и содержаніи, словно какъ будто между ними годы разстоянія и первую статью писалъ все тотъ-же юноша, который намъ знакомъ въ статьѣ о Гофманѣ, между тѣмъ вторая написана человѣкомъ зрѣлымъ, много испытавшимъ и на многое озлобленнымъ. Очень можетъ быть, что это рѣзко бросающееся въ глаза различіе зависитъ отъ различія предметовъ въ обѣихъ статьяхъ. Первая статья посвящена воспоминаніямъ дѣтства и юности. Сентиментально-романтическій періодъ этого времени хотя и миновалъ для Герцена, но былъ такъ еще близокъ и свѣжъ въ его памяти, что, увлекшись воспоминаніями о немъ, онъ весь ушелъ въ него, снова, такъ-сказать, пережилъ его и заговорилъ даже его языкомъ. По крайней мѣрѣ, вся статья исполнена свѣтлаго, радужнаго на-

строенія; это гимнъ юности, дружбѣ, любви, написанный столь-же высокопарнымъ слогомъ, съ обильными восклицательными знаками и многоточіями, какой мы видѣли въ статьѣ о Гофманѣ. Другая статья („Еще изъ зап. молод. чел.") посвящена воспоминаніямъ о Вяткѣ, т.-е. именно самому тяжелому времени въ жизни Герцена—времени, которое быстро и радикально восторженнаго мечтателя превратило въ человѣка холоднаго и горькаго опыта, чуть не доведя его до запоя подъ тяжелымъ, давящимъ гнетомъ тюфяевской канцеляріи. Понятно, что тонъ воспоминаній объ этомъ періодѣ совершенно иной. Здѣсь и тѣни вы не увидите прежней восторженности. Напротивъ того, здѣсь впервые встрѣчаетесь вы съ тою безпощадною, ѣдкою ироніей, которая составляла отличительную черту многихъ произведеній Герцена.

Вся первая половина статьи, представляющая описаніе нравовъ и жизни жителей Малинова, исполнена этой ѣдкой, чисто-берневской иронии. Во второй половинѣ статьи Герценъ какъ будто хочетъ отвести душу, остановившись, послѣ цѣлаго ряда свинообразныхъ личностей, на необыкновенномъ типѣ, рѣзко оттѣняющемъ собою всю окружающую его пошлость. Онъ изображаетъ передъ нами глубокомыслящаго, развитаго и много испытавшаго на своемъ вѣку Трензинскаго, случайно попавшаго въ окрестности Малинова устраивать имѣніе и улучшать бытъ крестьянъ, которыхъ онъ выигралъ у одного русскаго князя во время своего скитанія за границей. Да не подумаетъ читатель, чтобы личность эта была, дѣйствительно, встрѣчена Герценомъ въ окрестностяхъ Вятки. Типъ этотъ былъ внушенъ Герцену воспоминаніемъ о Чадаевѣ, какъ онъ самъ говоритъ объ этомъ въ одномъ изъ своихъ воспоминаній; онъ наклепалъ на Малиновъ Трензинскаго, и, не думая, не гадая, сдѣлалъ портретъ Чаадаева, даже наружность взята съ него: „нѣжное, бѣлое, какъ мраморъ, лицо, сѣроголубоватые глаза, холодная улыбка, чело, какъ черепъ голый". Личность Трензинскаго, дѣйствительно, вышла въ статьѣ Герцена полусочиненною, полуисторическою. Все присочиненное въ ней авторомъ крайне неестественно и ходульно. Вы видите передъ собою небывалаго героя, который, выигравши огромное имѣніе въ окрестностяхъ Вятки, сдѣлался однимъ изъ тѣхъ добродѣтельныхъ помѣщиковъ, въ родѣ Костанжогло, типъ которыхъ нерѣдко впослѣдствіи появлялся въ нашей литературѣ съ легкой руки Гоголя. Но изъ-подъ этого Костанжогло передъ вами мелькаетъ иная личность, болѣе напоминающая вамъ что-то живое, хотя и прошлое, вы видите передъ собою типъ мыслящаго человѣка тридцатыхъ годовъ, и этотъ типъ дѣйствительно, можетъ быть, напоминаетъ собою Чаадаева, хотя рѣчи, которыя говоритъ Трензинскій, очевидно, принадлежатъ не Чаадаеву, а самому Герцену. Въ этихъ рѣчахъ вы опять встрѣчаетесь съ тѣми мыслями объ отвлеченности и отсутствіи живыхъ интересовъ у германскихъ писателей, которыя мы видѣли въ статьѣ о Гофманѣ. Разница только въ томъ, что въ статьѣ о Гофманѣ мысли эти высказаны вскользь и мимоходомъ, здѣсь-же, напротивъ того, онѣ стоятъ на первомъ планѣ, выражаются въ живыхъ образахъ, съ дагеротипною рѣзкостью и обрушиваются безъ церемоніи на главнаго представителя германскаго парнаса — Гете.

Надо полагать, что недаромъ Герценъ такъ неожиданно обрушился въ концѣ статьи о Малиновѣ на германскихъ поэтовъ и на Гете въ особенности. Въ это время кружокъ Станкевича развилъ до послѣдней крайности свои идеи въ духѣ гармоническаго примиренія и объективнаго созерцанія. „Московскій Наблюдатель" именно съ 1838 года поступилъ въ руки кружка, и Бѣлинскій въ томъ-же году, въ цѣломъ рядѣ статей, разразился громами противъ французовъ, противъ Шиллера и возвеличеніями гетевской объективности и олимпійскаго безстрастія. Безъ сомнѣнія, нумера „Наблюдателя" попадали въ руки Герцена и, подъ впечатлѣніями статей Бѣлинскаго, онъ написалъ окончаніе своего разсказа. По крайней мѣрѣ, въ разговорахъ автора съ Трензинскимъ вы такъ и видите вліяніе духа, господствующаго въ статьяхъ Бѣлинскаго въ это время. Причемъ Герценъ сдѣлалъ здѣсь перемѣщеніе, самъ перескочивши въ Трензинскаго, а въ своемъ лицѣ, отъ котораго ведется весь разсказъ, изобразивши послѣдователя идей Бѣлинскаго.

Такимъ образомъ, когда авторъ замѣчаетъ Трензинскому, что вся задача жизни заключается въ томъ, чтобы стоять выше всѣхъ обстоятельствъ и ихъ покорить, чтобы внутренній міръ сдѣлать независимымъ отъ наружнаго, Трензинскій отвѣчаетъ ему на это, что это хорошо въ стихахъ и въ трактатахъ, а не на самомъ дѣлѣ и не для всѣхъ, что внутренняя полнота, особенно при экзальтаціи воображенія, можетъ сдѣлать человѣка совершенно независимымъ отъ всего внѣшняго, но это не для всѣхъ: для этого надобно имѣть, можетъ быть, слабонервныхъ родителей, вообще склонность къ сумасшествію, такъ-какъ и сумасшествіе есть независимость отъ внѣшняго міра.

Но Герцену мало показалось сравнить доктрину кружка Станкевича съ сумасшествіемъ. Онъ захотѣлъ поразить московскихъ философовъ въ самое сердце, показавши все безобразіе олимпійской объективности въ лицѣ кумира ихъ, Гете. Далѣе Трензинскій разсказываетъ свою встрѣчу съ Гете. Ему было 18 лѣтъ, когда онъ съ отцомъ путешествовалъ за-границей и имъ пришлось выѣхать изъ Парижа въ самый разгаръ первой революціи. Съ трудомъ добрались они до границы и здѣсь, среди войскъ коалиціи, гибнущихъ отъ голода и грязи, на вечерѣ у владѣтельнаго князя, они встрѣтили Гёте. Довольно поздно онъ явился во фракѣ, съ гордымъ, важнымъ видомъ. Всѣ привѣтствовали его съ величайшимъ почтеніемъ, но его взоръ не былъ привѣтливъ, не вызывалъ дружбы, а благосклонно принималъ привычную дань вассальства. Каждый могъ чувствовать, что онъ не товарищъ ему. Князь предложилъ кресло возлѣ себя; онъ сѣлъ, сохраняя ту особенную Steifheit, которая въ крови у нѣмецкихъ аристократовъ. Послѣ важнаго разсказа Гете о случайной встрѣчѣ съ королемъ, который принялъ его за герцога, потому что Гете былъ въ герцогской каретѣ, *какъ всегда*—прибавилъ къ тому Гете—заговорили о политикѣ, и изъ устъ поэта полились высокомѣрныя, хвастливыя рѣчи, причемъ Гете сравнивалъ революцію съ ордою гунновъ и высказалъ увѣренность, что нашъ Готфридъ образумитъ скоро

ихъ, да и сами французы ему помогутъ. Но противъ Гете выступилъ сѣдой полковникъ, который 10 лѣтъ провелъ на бивуакахъ и въ лагеряхъ и зналъ политическія дѣла, конечно, ближе и лучше величественнаго олимпійца. Онъ сдѣлалъ ему цѣлый рядъ возраженій въ томъ родѣ, что неужели поэтъ думаетъ, что французы примутъ австрійцевъ съ распростертыми объятіями, когда всякій день показываетъ, какой свирѣпо-народный характеръ принимаетъ эта война, когда поселяне жгутъ свой хлѣбъ и свои дома для того, чтобы затруднить непріятеля? Возраженія свои полковникъ заключилъ энергически, сказавши, что онъ женѣ, матери, сестрѣ, если-бы онѣ у него были, не сказалъ-бы ни слова объ этой кампаніи, изъ которой нѣмцы принесутъ грязь на ногахъ и раны на спинѣ.

Гете понялъ, что ему не совладать съ такимъ соперникомъ и почетно отступилъ, заявивши, что міръ политики ему совершенно чуждъ, что ему скучно, когда онъ слушаетъ о маршахъ и эволюціяхъ, о преніяхъ и мѣрахъ государственныхъ, что онъ не могъ никогда безъ скуки читать газетъ; все это что-то такое преходящее, временное, да и вовсе чуждое по самой сущности намъ, что есть другія области, въ которыхъ онъ себя понимаетъ царемъ: зачѣмъ-же онъ пойдетъ безъ призыва, дюжиннымъ резонеромъ, вмѣшиваться въ дѣла, возложенныя Провидѣніемъ на избранныхъ имъ нести бремя управленія? И что ему за дѣло до того, что дѣлается въ этой сферѣ?

Слово „дюжинный резонеръ" попало въ цѣль: полковникъ сжалъ сигару такъ, что дымъ у нея пошелъ изъ двадцати мѣстъ, а впрочемъ, довольно спокойно, но съ огненными глазами, сказалъ, что онъ простой человѣкъ, нигдѣ себя не чувствуетъ ни царемъ, ни геніемъ, а вездѣ остается человѣкомъ, съ дѣтства затвердя пословицу: „homo sum et nihil humanum a me alienum puto", что, наконецъ, двѣ пули, пролетѣвшія сквозь его тѣло, подтверждаютъ его право вмѣшиваться въ тѣ дѣла, за которыя онъ платитъ своею кровію.

Гете сдѣлалъ видъ, что не слышитъ словъ полковника, и, обращаясь къ сосѣдямъ, заявилъ, что и среди военнаго стана онъ такъ-же далекъ отъ политики, какъ въ веймарскомъ кабинетѣ, и что онъ занимается теоріей цвѣтовъ.

Но прошло нѣсколько лѣтъ. Трензинскій вмѣстѣ съ полковникомъ встрѣтили въ веймарскомъ театрѣ Гете, который присутствовалъ на дебютѣ своей пьесы, какого-то политическаго фарса, и выслушалъ недовольство публики своей пьесой. Оказалось, что Гете, толковавшій, что политика ниже его, самъ пустился въ памфлеты.

Этотъ разсказъ показываетъ намъ огромную начитанность Герцена и силу фантазіи, дававшую ему возможность, не бывши за-границей, не видавши жизни и нравовъ Европы своими собственными глазами, изображать съ такою живостью и дагеротипною полнотой сцены, подобныя вышеприведенной. Читая анекдотъ о Гете, вы точно будто слушаете разсказъ очевидца этой сцены.

Тирады Трензинскаго замѣчательны еще тѣмъ, что онѣ могутъ дать хотя блѣдное представленіе о характерѣ споровъ, которые велъ Герценъ съ Бѣлинскимъ въ 1840 году. И въ томъ видѣ, въ какомъ являются передъ читателями возраженія Герцена въ устахъ Трензинскаго, въ нихъ достаточно соли. Но если взять во вниманіе, что въ живой, устной бесѣдѣ, не стѣсняемой никакими условіями печати, возраженія Герцена были вдесятеро прямѣе, рѣзче и безпощаднѣе, то понятно становится, что Бѣлинскій могъ быть доведенъ до такого крайняго нервнаго потрясенія, ярости и изнеможенія, которыя онъ обнаружилъ въ своемъ разговорѣ съ Панаевымъ.

Статья „Еще изъ записокъ молодаго человѣка" была какъ-бы перчаткой, которую Герценъ намѣревался бросить друзьямъ Станкевича изъ своего далека. Напечатана эта статья была въ „Отечественныхъ Запискахъ", правда, тогда, когда Бѣлинскій самъ началъ уже колебаться въ своихъ московскихъ мнѣніяхъ, и, такимъ образомъ, она немного опоздала своимъ появленіемъ, явившись бомбою, упавшей на поле, очищенное непріятелемъ. Но, тѣмъ не менѣе, во всякомъ случаѣ, она замѣчательна, какъ противоположный полюсъ, противовѣсъ относительно статей Бѣлинскаго въ „Московскомъ Наблюдателѣ", какъ первое заявленіе въ печати о выходѣ изъ мрака среднихъ вѣковъ, отвлеченной схоластики и примирительнаго квіэтизма—на свѣжій воздухъ и свѣтъ.

X.

И такъ, мы видимъ, что 1841 и 42 годы были въ жизни Герцена періодомъ умственнаго переворота, въ который поколебались всѣ его философскія и моральныя убѣжденія. Можно себѣ представить, какая страшная ломка должна была произойти въ мозгу человѣка, который въ теченіи двухъ лѣтъ изъ мистика преобразовался въ фейербахиста, пройдя черезъ всѣ лабиринты гегелевской философіи. Понятно, что этотъ быстрый внутренній переворотъ, потрясши всѣ умственныя силы Герцена, послужилъ для нихъ освѣжительною грозой и произвелъ въ нихъ такое сильное возбужденіе, какого онѣ до того времени не имѣли. Это и было причиной, что послѣ 1842 года началось дѣятельное участіе Герцена въ литературѣ. Прежде онъ писалъ мало и появленіе его статей въ журналахъ было рѣдкою случайностью. Мы не знаемъ даже, писалъ-ли что-либо Герценъ съ 1839 года по 42-й. Если что-либо и писалъ, то, во всякомъ случаѣ, не нашелъ годнымъ къ печати. Между тѣмъ, послѣ 1842 года, Герценъ разражается цѣлымъ рядомъ статей, непрерывно печатавшихся въ „Отечественныхъ Запискахъ", а потомъ въ „Современникѣ" до 1847 года включительно. Кромѣ возбужденія, бывшаго слѣдствіемъ вышеписаннаго переворота, плодовитости литературной дѣятельности Герцена въ эти 5 лѣтъ много способствовали и внѣшнія обстоятельства. Это было самое безоблачное время въ жизни Герцена. Онъ былъ свободенъ и спокоенъ. Жизнь его, устроившаяся въ Москвѣ, въ концѣ 1842 года, и продолжавшаяся пять лѣтъ, была очень изящна и носила особый характеръ новаго, дѣятельнаго совершеннолѣтія, характеръ возмужалости и силы. Судорожно натянутые нервы въ Петербургѣ и Новгородѣ отдали, и Герценъ сно-

ва былъ на болѣе русской почвѣ и въ кругу совершенно сочувствующемъ.

Между тѣмъ, кружокъ Герцена вполнѣ слился съ кружкомъ Бѣлинскаго, который, какъ мы увидимъ ниже, успѣлъ уже избавиться отъ своихъ теоретическихъ увлеченій и вступилъ въ самый цвѣтущій и благотворный періодъ своей дѣятельности. Къ соединившимся кружкамъ примкнулъ Грановскій и многіе другіе, болѣе юные, тогда только-что начинавшіе литературные дѣятели. Такимъ образомъ, составился умственно-нравственный союзъ, который всталъ во главѣ нашей образованности того времени. Въ этомъ союзѣ вы не найдете особенно глубокой и строгой солидарности въ убѣжденіяхъ; одни опереживали другихъ въ этомъ отношеніи; у него не было никакой опредѣленной, реальной цѣли, которая связывала бы членовъ въ стремленіи къ осуществленію какого-нибудь задуманнаго предпріятія. Всѣхъ ихъ связывало одно: общая любовь къ наукѣ, къ эстетическимъ наслажденіямъ, общее стремленіе къ прогресу и гуманности. Но болѣе всего смыкала ихъ въ тѣсный кружокъ та противоположность, какую представлялъ каждый изъ нихъ сравнительно съ глубокимъ мракомъ невѣжества, пошлости и рабства, какой царствовалъ повсюду вокругъ ихъ.

Въ этомъ-то кружкѣ и въ эти пять лѣтъ было сосредоточіе той завидной жизни, полной эстетическихъ наслажденій, философскихъ преній и утонченнаго, изящнаго эпикуреизма, жизни, которую можно смѣло сравнить съ возлежаніями древнихъ эпикурейскихъ философовъ въ прохладѣ тѣнистыхъ садовъ и съ пиромъ во время чумы. Какъ Герценъ, такъ и Панаевъ, съ особенною любовью останавливаются на этомъ времени въ своихъ воспоминаніяхъ, подробно описывая разныя встрѣчи, проводы, дачные farniente въ роскошныхъ, живописныхъ подмосковныхъ, какъ, напримѣръ, въ Соколовѣ, гдѣ и произошелъ разрывъ Герцена съ Грановскимъ, во время лѣтняго обѣда въ саду, совершенно въ духѣ аттическихъ философовъ. Нѣтъ ничего мудренаго, что этотъ постоянный обмѣнъ мыслей, чувствъ и наслажденій не мало способствовалъ плодовитости литературной дѣятельности Герцена въ этотъ періодъ.

Всѣ сочиненія, написанныя Герценомъ съ 1842 до 1847 г., то-есть, до времени отъѣзда его за границу, можно раздѣлить на три разряда по своему содержанію. Одни посвящены разсмотрѣнію умственной дѣятельности человѣка, области знанія; таковы „Диллетантизмъ въ наукѣ“, „Диллетанты-романтики“, „Цехъ ученыхъ“, „Буддизмъ въ наукѣ“, „Письма объ изученіи природы“. Другія имѣютъ своимъ предметомъ область практической жизни, касаются вопросовъ морали, таковы: „По поводу одной драмы“, „По разнымъ поводамъ“, „Новыя варіаціи на старыя тэмы“ (всѣ три статьи извѣстны подъ общимъ названіемъ „Капризы и раздумье“), „Нѣсколько замѣчаній объ историческомъ развитіи чести“, „Изъ сочиненій доктора Крупова“. Наконецъ, въ третьихъ преобладаетъ элементъ нравоописательный, анализъ общественныхъ отношеній, таковы: „Кто виноватъ“, „Сорока-воровка“ „Москва и Петербургъ“, „Новгородъ и Владиміръ“, „Станція Едрово“, „Прерванные разсказы“. Обо всѣхъ трехъ разрядахъ мы скажемъ по нѣскольку словъ о каждомъ въ отдѣльности.

Сочиненія первыхъ двухъ категорій въ особенности отражаютъ въ себѣ переходный процессъ развитія, который Герценъ переживалъ со всѣми своими современниками. Они вполнѣ вызваны тѣми двумя годами, въ которые пережилъ Герценъ философскій переворотъ. Въ самомъ началѣ первой своей статьи, посвященной вопросу о знаніи, „Диллетантизмъ въ наукѣ“, Герценъ дѣлаетъ характеристику своей эпохи; характеристика эта тѣмъ болѣе имѣетъ цѣны, что въ ней въ каждой строкѣ слышится вамъ вопль человѣка, который самъ лично пережилъ то, о чемъ онъ говоритъ. По мнѣнію Герцена, эпоха его есть рубежъ двухъ міровъ, оттого особая тягость, затруднительность жизни для мыслящихъ людей. Старыя убѣжденія, все прошедшее міросозерцаніе потрясены, но они дороги сердцу. Новыя убѣжденія, многообъемлющія и великія, не успѣли еще принести плоды; первые листы, почки пророчатъ могучіе цвѣты, но этихъ цвѣтовъ нѣтъ, и они чужды сердцу. Множество людей осталось безъ прошедшихъ убѣжденій и безъ настоящихъ. Другіе механически спутали дѣло того и другого и погрузились въ печальные сумерки. Люди внѣшніе предаются, въ такомъ случаѣ, ежедневной суетѣ; люди созерцательные—страдаютъ и во что бы ни стало ищутъ примиренія, потому что съ внутреннимъ раздоромъ, безъ краеугольнаго камня нравственному бытію, человѣкъ не можетъ жить.

Сдѣлавши такое вступленіе, Герценъ приступаетъ къ своему философскому анализу, причемъ всѣ статьи первой категоріи представляются однимъ общимъ трактатомъ, въ которомъ онѣ играютъ роль отдѣльныхъ главъ, и хотя въ каждой говорится о какомъ-либо отдѣльномъ предметѣ, но всѣ онѣ имѣютъ тѣсную связь между собою и для лучшаго уразумѣнія, ихъ слѣдуетъ читать вмѣстѣ, одна за другою, въ томъ порядкѣ, въ какомъ онѣ появлялись въ печати. Общій вопросъ, который Герценъ разработываетъ въ этомъ философскомъ трактатѣ, заключается въ анализѣ отношеній современниковъ Герцена къ наукѣ. Герценъ держится въ своемъ анализѣ гегелевской діалектики, но въ то-же время онъ гегеліанецъ-фейербахистъ, то-есть, принадлежитъ къ тому моменту гегелевской философіи, когда она, почти отрѣшившись отъ дуализма, пришла ко многимъ выводамъ, хотя и гадательнымъ, гипотетическимъ, но, все-таки, стоящимъ почти на реальной уже почвѣ.

Гегеліанцы-дуалисты и мистики, мирившіе философію съ преданіями, представляли себѣ возможность существованія безусловной идеи въ себѣ, прежде обнаруженія ея во внѣшній міръ; затѣмъ—учили они—явился внѣшній міръ, вслѣдствіе стремленія безусловной идеи опредѣлиться внѣ себя. Такимъ образомъ, внѣшній міръ явился—антитезомъ безусловной идеи; онъ во всемъ противоположенъ ей: безусловная идея—безотносительна, безгранична, разумна; во внѣшнемъ мірѣ, наоборотъ, все случайно, относительно, ограничено, неразумно.

Слѣдуя философіи Фейербаха, Герценъ рѣшительно отвергъ возможность существованія идеи, внѣ ея проявленія, предположивши, что такое раздѣленіе,

невозможное въ дѣйствительности, имѣетъ мѣсто только въ человѣческомъ мышленіи. Диллетанты часто предлагаютъ въ различныхъ видахъ вопросъ: „какъ безвидное внутреннее превратилось въ видимое внѣшнее, а что оно было прежде существованія внѣшняго?“ Но, по мнѣнію Герцена, наука потому не обязана на это отвѣчать, что она и не говорила, что два момента, существующіе, какъ внутреннее и внѣшнее, можно разъять такъ, чтобы одинъ моментъ имѣлъ дѣйствительность безъ другого. Въ абстракціи, разумѣется, мы можемъ отдѣлить причину отъ дѣйствія, силу отъ проявленія, субстанцію отъ наружнаго. Но диллетантамъ не того хочется: имъ хочется *освободить* сущность, внутреннее такъ, чтобы можно было посмотрѣть на него; они хотятъ какого-то предметнаго существованія его, забывая, что предметное существованіе внутренняго есть именно внѣшнее; внутреннее, не имѣющее внѣшняго, просто—безразличное ничто. Жизнь жива, какъ все органическое живое, только какъ цѣлостность. При разъятіи на части, душа ея отлетаетъ и остаются мертвыя абстракціи съ запахомъ трупа. Если хотите, и здѣсь есть еще слѣды дуализма въ томъ отношеніи, что, все-таки, допускается внѣшнее и внутреннее не по отношенію только къ субъекту, наблюдающему міръ, но какъ нѣчто дѣйствительно существующее въ вещахъ, то-есть, какъ будто вещи сами по себѣ имѣютъ наружную форму и внутреннее содержаніе, которое выражается въ этой внѣшней формѣ, но, во всякомъ случаѣ, и въ томъ былъ большой уже шагъ впередъ, что внутреннее и внѣшнее представляются здѣсь связанными въ одно безраздѣльное цѣлое. Такое представленіе возвышаетъ внѣшній міръ въ глазахъ мыслителя, вопреки всѣмъ ученіямъ, основаннымъ на преданіи; внѣшній міръ съ этой точки зрѣнія представляется уже не рядомъ относительныхъ, преходящихъ, неразумныхъ случайностей, служащихъ только для противопоставленія безусловной идеѣ, въ которой будто кроется вся сущность бытія. Напротивъ того, связанный безраздѣльно съ своимъ внутреннимъ содержаніемъ, онъ самъ въ себѣ представляется исполненнымъ творческихъ силъ, обусловливающихъ бытіе, жизнь, прогрессъ. Прямой выводъ изъ такого представленія—апоѳеозъ природы и вѣнца ея творчества—человѣка.

По мнѣнію Герцена, человѣкъ не внѣ природы и только относительно противоположенъ ей, а не въ самомъ дѣлѣ; еслибы природа дѣйствительно противорѣчила разуму, все матеріальное было-бы нелѣпо, не цѣлесообразно. Мы привыкли человѣческій міръ отдѣлять каменною стѣной отъ міра природы—это несправедливо; въ дѣйствительности вообще нѣтъ никакихъ строго-проведенныхъ межей и граней, къ великой горести всѣхъ систематиковъ; но въ этомъ случаѣ, сверхъ того, упускаютъ изъ виду, что человѣкъ имѣетъ свое міровое призваніе въ той-же самой природѣ, доканчиваетъ ее возведеніемъ въ мысль; они противоположны такъ, какъ полюсы магнита, или, лучше, какъ цвѣтокъ противоположенъ стеблю, какъ солома колосу. Все то, что неразвито, чего недостаетъ природѣ, то есть, то развивается въ человѣкѣ: на чемъ-же можетъ основаться дѣйствительная противоположность ихъ? Это былъ-бы бой неравный и невозможный. Природа не имѣетъ силы надъ мыслію, а мысль есть сила человѣка; природа—какъ греческая статуя: вся внутренняя мощь ея, вся мысль ея—ея наружность; все, что она могла собою выразить, выразила, предоставляя человѣку обнаружить то, чего она не могла; она относится къ нему, какъ необходимое предшествующее, какъ предположеніе (Voraussetzung); человѣкъ относится къ ней, какъ необходимое, послѣдующее, какъ заключеніе (Schluss). Жизнь природы—безпрерывное развитіе, развитіе отвлеченнаго простого, неполнаго, стихійнаго—въ конкретное, полное, сложное, развитіе зародыша разчлененіемъ всего заключающагося въ его понятіи, и всегдашнее домогательство вести это развитіе до возможно-полнаго соотвѣтствія формы содержанію—это діалектика физическаго міра. Всѣ стремленія и усилія природы завершаются человѣкомъ; къ нему они стремятся, въ него впадаютъ они, какъ въ океанъ.

Съ этой точки зрѣнія, гегелевская діалектика служила Герцену вовсе не для того, чтобы мирить философію съ преданіемъ и не для того, чтобы, созерцая дисгармонію различныхъ противорѣчій въ жизни, находить ихъ примиреніе въ абстрактномъ мышленіи. Для него недостаточно было снятія этихъ противорѣчій въ умѣ философа; онъ вѣрилъ, что сама жизнь, независимо отъ мышленія, миритъ противорѣчія и снимаетъ ихъ въ своемъ прогресивномъ процессѣ; въ этомъ онъ видѣлъ всю ея сущность, все то, что онъ называлъ цѣлесообразностью природы. Это была его вѣра, тотъ рай, въ который онъ уповалъ, въ которомъ видѣлъ выходъ изъ того мрака безъисходныхъ противорѣчій и рефлексій, въ которыхъ путались всѣ его современники, и который именно онъ и называлъ сумерками, Grübeln.

На этой вѣрѣ въ снятіе противорѣчій процессомъ самой жизни и основывается весь философскій анализъ Герцена. Люди не понимаютъ науки, относятся къ ней ложно, не находятъ въ ней примиренія, какое она можетъ дать, потому что они раздвоились, по мнѣнію Герцена: съ одной стороны, ему представляется масса диллетантовъ и романтиковъ, съ другой—цехъ записныхъ спеціалистовъ и буддистовъ въ наукѣ. По этимъ четыремъ категоріямъ расположены и статьи Герцена, причемъ каждой категоріи посвящается особенная статья. Диллетанты и романтики не находятъ примиренія въ наукѣ, проклинаютъ ее; спеціалисты и буддисты, напротивъ того, находятъ ложное примиреніе въ ея буквѣ, не проникая въ ея сущность, не внося ея въ жизнь.

Диллетанты смотрятъ въ телескопъ: отъ того видятъ только тѣ предметы, которые, по меньшей мѣрѣ, далеки, какъ луна отъ земли, а земнаго и близкаго ничего не видятъ. Ученые смотрятъ въ микроскопъ и потому не могутъ видѣть ничего большого; для того, чтобы быть ими замѣченнымъ, надобно быть незамѣтнымъ человѣческому глазу; для нихъ существуетъ не кристальный ручей, а капля, наполненная гомеопатическими гадами. Диллетантъ занимается всѣмъ scibala, да еще, сверхъ того, тѣмъ, чего знать нельзя, т.-е. мистицизмомъ, магнитизмомъ, физіогномикой, гомеопатіей, гидропатіей и пр. Ученый, наоборотъ, посвя-

щаетъ себя одной главѣ, отдѣльной вѣтви какой-нибудь спеціальной науки и, кромѣ ея, ничего не знаетъ и знать не хочетъ. Расплываясь въ морѣ частностей и детальныхъ крупицъ знанія, цеховые ученые въ то-же время валомъ отдѣлены отъ жизни. Между тѣмъ, какъ массы дѣйствуютъ, проливаютъ кровь и потъ—ученые являются послѣ разсуждать о происшествіи.

Изливши цѣлый потокъ иронiи на диллетантовъ и цеховыхъ спеціалистовъ, Герценъ, вѣрный гегелевской методѣ, въ заключеніи приступаетъ къ вопросу о томъ, когда-же будетъ конецъ этому раздвоенію и въ чемъ онъ будетъ заключаться. Главное, что дѣлаетъ науку *ученыхъ* трудною и запутанною, это метафизическія бредни и тьма-тьмущая спеціальностей, на изученіе которыхъ посвящается цѣлая жизнь и схоластическій видъ которыхъ отталкиваетъ многихъ. Но въ истинной наукѣ необходимо улетучивается то и другое, и остается стройный организмъ, разумный и оттого *просто понятный.* Всегда и вѣчно будетъ техническая часть отдѣльныхъ отраслей науки, которая очень справедливо останется въ рукахъ спеціалистовъ, но не въ ней дѣло. Наука въ высшемъ смыслѣ своемъ сдѣлается доступна людямъ, и тогда только она можетъ потребовать голоса во всѣхъ дѣлахъ жизни. Нѣтъ мысли, которую нельзя было-бы высказать просто и ясно, особенно въ ея діалектическомъ развитіи.

Въ статьѣ „Буддизмъ въ наукѣ" Герценъ изливаетъ свою иронію на ученыхъ формалистовъ, въ родѣ того доктора, вмѣстѣ съ которымъ онъ велъ философскія пренія въ Новгородѣ съ мистическою генеральшею, какъ мы видѣли выше, съ другой стороны, на отвлеченныхъ философовъ - примирителей въ родѣ московскаго кружка Бѣлинскаго. Буддисты науки, по мнѣнію Герцена—это люди, которые, такъ или сякъ поднявшись въ сферу всеобщаго, изъ нея не выходятъ. Ихъ калачомъ не заманишь въ міръ дѣйствительности и жизни. Кто имъ велитъ промѣнять обширную храмину, въ которой дѣлать нечего, а почетно, на нашу жизнь съ ея бушующими страстями, гдѣ надобно работать, а иногда погибнуть. Вина буддистовъ состоитъ въ томъ, что они не чувствуютъ потребности этого выхода въ жизнь—дѣйствительнаго осуществленія идеи. Они примиреніе науки принимаютъ за *всяческое* примиреніе; не за поводъ къ дѣйствованію, а за совершенное, замкнутое удовлетвореніе. А тамъ хоть трава не рости за переплетомъ книги. Они все снесутъ за пустоту всеобщности... Имъ удивительно, о чемъ люди хлопочутъ, когда все объяснено, сознано и человѣчество достигло *абсолютной* формы бытія, что доказано ясно тѣмъ, что современная философія есть абсолютная философія, а наука всегда является тождественною эпохѣ, но какъ ея результатъ, то-есть, по совершеніи бытія. Для нихъ такое доказательство неопровержимо. Фактами ихъ не смутишь, они пренебрегаютъ ими. Спросите ихъ, отчего при этой абсолютной формѣ бытія въ Манчестерѣ и Бирмингамѣ работники мрутъ съ голоду и прокармливаются настолько, насколько нужно, чтобы они не потеряли силъ? Они скажутъ, это—случайность.

Такимъ образомъ, по мнѣнію Герцена, вся односторонность подобнаго рода буддистовъ науки заключается въ томъ, что они ограничиваются примиреніемъ въ отвлеченной сферѣ мышленія, не внося его въ жизнь, тогда какъ истинный процесъ идеи есть въ то-же время процесъ жизни, а не одной мысли. Изъ такого положенія самъ собою слѣдуетъ выходъ изъ односторонности буддистовъ—это выходъ въ жизнь, въ дѣятельность.

Въ то время, какъ всѣ разобранныя нами статьи разсматриваютъ различныя отношенія людей къ наукѣ, „Письма объ изученіи природы" имѣютъ дѣло съ самою наукой; здѣсь Герценъ предаетъ такому-же философскому анализу различные методы знанія. Онъ видитъ здѣсь такое-же раздвоеніе, ведущее къ односторонности и сбивающее ученыхъ и философовъ съ пути истиннаго знанія. Раздвоеніе это заключается, по мнѣнію Герцена, въ томъ непримиримомъ антагонизмѣ, который нѣсколько столѣтій уже продолжается между естествовѣдѣніемъ и философіей, эмпириками и идеалистами. Философія съ своей стороны и естествознаніе съ своей, обѣ заявляютъ странное притязаніе на обладаніе, если не всею истиной, то единственно истиннымъ путемъ къ ней. Одна прорицала тайны съ какой-то недосягаемой высоты, другое смиренно покорялось опыту и не шло далѣе; другъ къ другу онѣ питали ненависть, онѣ выросли на взаимномъ недовѣріи; много предразсудковъ укоренилось съ той и съ другой стороны; столько горькихъ словъ пало, что, при всемъ желаніи, онѣ не могутъ примириться до сихъ поръ. Философія и естествовѣдѣніе отстращиваютъ другъ друга тѣнями и привидѣніями, наводящими въ самомъ дѣлѣ страхъ и уныніе. Давно-ли философія перестала увѣрять, что она какими-то заклинаніями можетъ вызвать сущность, отрѣшенную отъ бытія? всеобщее, существующее безъ частнаго? безконечное, предшествующее конечному? и проч. Положительныя науки имѣютъ свои маленькія привидѣньица: это силы, отвлеченныя отъ дѣйствія, свойства, принятыя за самый предметъ, и вообще разные кумиры, сотворенные изъ всякаго понятія, которое еще не понято: exempli gratia—жизненная сила, эфиръ, теплотворъ, электрическая матерія и проч. Все было сдѣлано, чтобы не понять другъ друга, и они вполнѣ достигли этого. Выходъ изъ этой раздвоенности, по мнѣнію Герцена, представляется естественно самъ собою: такъ какъ эмпирія и спекуляція несостоятельны именно вслѣдствіе своей разъединенности, то въ соединеніи ихъ и заключается истинный методъ знанія. Безъ эмпиріи нѣтъ науки, такъ какъ нѣтъ ея и въ одностороннемъ эмпиризмѣ. Опытъ и умозрѣніе—двѣ необходимыя, истинныя, дѣйствительныя степени одного и того-же знанія; спекуляція—больше ничего, какъ высшее развитіе эмпиріи; взятыя въ противоположности исключительно и отвлеченно, онѣ также не приведутъ къ дѣлу, какъ анализъ безъ синтеза, или синтезъ безъ анализа. Правильно развиваясь, эмпирія непремѣнно должна перейти въ спекуляцію, и только то умозрѣніе не будетъ пустымъ идеализмомъ, которое основано на опытѣ. Опытъ есть хронологически первое въ дѣлѣ знанія, но онъ имѣетъ свои предѣлы, далѣе которыхъ онъ или сбивается съ дороги, или

переходитъ въ умозрѣніе. Это два магдебургскія полушарія, которыя ищутъ другъ друга и которыхъ, послѣ встрѣчи, лошадьми не разорвешь.

Вотъ идеи, которыя Герценъ положилъ въ основаніе своихъ „Писемъ", и для подтвержденія этихъ идей, онъ изложилъ цѣлую исторію философіи, начиная съ древней и кончая новѣйшей. Всѣ эти идеи, равно какъ и тѣ, которыя мы привели въ нашихъ извлеченіяхъ изъ другихъ философскихъ статей Герцена, конечно, покажутся читателямъ не новыми, давно уже вошедшими во всеобщее употребленіе и неподлежащими никакому спору. Но пусть вспомнятъ только читатели, какія душевныя муки испытывалъ Грановскій, приступая къ изученію исторіи и не зная, по какому пути ему идти: сдѣлаться-ли цеховымъ спеціалистомъ, потонуть въ морѣ мелочныхъ фактовъ, при страшномъ обиліи матеріаловъ, разработанныхъ нѣмецкою наукой, или, наоборотъ, расплыться въ облакахъ общихъ отвлеченныхъ умозрѣній и сдѣлаться диллетантомъ науки. Вспомните, съ другой стороны, въ какой печальный буддизмъ ударился Бѣлинскій, вспомните, наконецъ, о томъ, что уже въ пятидесятыхъ годахъ Грановскій продолжалъ лелѣять милые призраки и сѣтовалъ о печальной положительности XIX вѣка, въ которой ему мерещилось паденіе нравственности, прекращеніе великихъ подвиговъ самоотверженія и пр. Читатели поймутъ, что всѣ эти статьи Герцена въ свое время были откровеніями, которыя переворачивали все въ головѣ каждаго мало-мальски свѣжаго человѣка и освѣщали ему новый путь—путь положительнаго знанія. Для отвлеченныхъ философовъ-примирителей, формалистовъ и диллетантовъ, останавливавшихся на полдорогѣ со своими вопросами о началѣ началъ и сѣтованіями на науку, что она не можетъ отвѣчать на подобные вопросы, каждая статья Герцена была тѣмъ чувствительнѣйшимъ ударомъ, что онъ билъ ихъ на основаніи того же самаго Гегеля, изъ котораго всѣ эти люди выводили свои одностороннія доктрины. Можно даже сказать, что гегелевскую діалектику Герценъ нарочно примѣнилъ съ возможною строгостью въ видѣ оружія, чтобы бить отвлеченныхъ мыслителей, романтиковъ и диллетантовъ ихъ же любимою системой. Особенное же значеніе въ развитіи русской мысли, безспорно, занимаютъ „Письма объ изученіи природы". Съ появленіемъ этихъ писемъ и начало развиваться въ нашемъ обществѣ то стремленіе къ изученію естественныхъ наукъ, которое съ шестидесятыхъ годовъ сдѣлалось, какъ извѣстно, такою же всеобщею модой, какою было увлеченіе философіей въ сороковые годы.

XI.

Ко второй категоріи относятся сочиненія, имѣющія предметомъ область практической дѣятельности человѣка—мораль. Въ этихъ сочиненіяхъ еще болѣе отражаются тѣ муки сомнѣній и рефлексій, которыя пережилъ Герценъ во время своего переходнаго состоянія. Въ началѣ перваго сочиненія этой категоріи, Герценъ дѣлаетъ характеристику своей эпохи, подобную той, какую онъ сдѣлалъ въ началѣ своихъ сочиненій первой категоріи; только тамъ онъ говоритъ объ отношеніяхъ своихъ современниковъ къ наукѣ, здѣсь онъ имѣетъ дѣло съ отношеніемъ ихъ къ нравственности, практической дѣятельности. Отличительная черта эпохи, по мнѣнію Герцена, есть Grübeln. Мы не хотимъ шага сдѣлать, не выразумѣвъ его, мы безпрестанно останавливаемся, какъ Гамлетъ, и думаемъ, думаемъ. Некогда дѣйствовать; мы пережевываемъ безпрерывно прошедшее и настоящее, все случившееся съ нами и съ другими—ищемъ оправданій, объясненій, доискиваемся мысли, истины. Все окружающее насъ подверглось пытующему взгляду критики. Это болѣзнь промежуточныхъ эпохъ. Встарь было не такъ: всѣ отношенія, близкія и дальнія, семейныя и общественныя—были опредѣлены. Оттого много думать было нечего: стоило сообразоваться съ положительнымъ закономъ, и совѣсть удовлетворялась... На всѣхъ перепутьяхъ жизни стояли тогда разныя неподвижныя, грозныя привидѣнія для указанія дороги, и люди покорно шли по ихъ указанію... Ко всему привязывающійся, сварливый вѣкъ нашъ, шатая и раскачивая все, что попадалось подъ руку, добрался, наконецъ, и до этихъ призраковъ, подточилъ ихъ основаніе, сжегъ огнемъ критики, и они улетучились, исчезли. Стало просторно; но просторъ даромъ не достается; люди увидѣли, что вся отвѣтственность, падавшая *внѣ ихъ*, падаетъ *на нихъ*; имъ самимъ пришлось смотрѣть за всѣмъ и занять мѣста привидѣній; упреки стали злѣе грызть совѣсть. Сдѣлалось тоскливо и страшно, пришлось проводить сквозь горнило сознанія статью за статьей прежняго кодекса; а пока этого не сдѣлано—начались Grübeln. Ясное, какъ дважды два—четыре дѣтямъ, исполнилось мучительной трудности для современниковъ нашихъ. Въ событіяхъ жизни, въ наукѣ, въ искусствѣ насъ преслѣдуютъ неразрѣшимые вопросы, и, вмѣсто того, чтобъ наслаждаться жизнію—мы мучаемся.

Подобныя идеи показываютъ ясно предметъ анализа сочиненій этой категоріи. Здѣсь Герценъ имѣетъ дѣло съ несостоятельностью рутинной морали, основанной на преданіяхъ, предразсудкахъ, привычкахъ, укоренившихся вѣками, стоящей въ совершенномъ противорѣчіи съ практической жизнью. Въ практической дѣятельности людей Герценъ видитъ тотъ же неизмѣнный процессъ діалектическаго развитія идей, какой онъ замѣчаетъ повсюду. Люди дѣлаютъ ошибки, промахи, впадаютъ въ пороки и преступленія, или, напротивъ, совершаютъ подвиги добродѣтели и геройства, не вслѣдствіе какихъ-либо постороннихъ предписаній, которымъ они слѣдуютъ или не слѣдуютъ по своей волѣ, а по независящимъ отъ нихъ законамъ діалектическаго развитія жизни. Поэтому, вмѣсто того, чтобы приступать къ анализу дѣятельности людей съ судейскою мѣркой, т.-е. съ цѣлію обвинять или оправдывать, гораздо благоразумнѣе изслѣдовать причины паденій и несчастій людей, лежащія въ общихъ законахъ жизни.

Такъ Герценъ и дѣлаетъ въ своей статьѣ „По поводу одной драмы". Статья эта замѣчательна тѣмъ, что она служитъ основой, такъ сказать, тэмой извѣстнаго романа Герцена „Кто виноватъ?". Романъ представляетъ болѣе полное развитіе и художественное воспроизведеніе тѣхъ самыхъ идей, которыя мы

встрѣчаемъ въ этой статьѣ. Разница между статьей и романомъ заключается въ томъ, что въ романѣ на первомъ планѣ стоитъ женщина, Круциферская, которой пришлось выйти замужъ за одного, а потомъ полюбить другого, въ статьѣ такую роль играетъ мужчина, Эмиль.

Послѣ романа „Кто виноватъ?" наша литература неоднократно прибѣгала къ подобному сюжету. Не говоря уже о романахъ Авдѣева, которые всѣ построены на немъ, о Полинькѣ Саксъ Дружинина, во многихъ романахъ Тургенева, Гончарова, Писемскаго этотъ сюжетъ повторяется въ томъ или другомъ видѣ. При всемъ этомъ надо различать два рода отношеній къ подобному сюжету, не имѣющія между собою ничего общаго. Такъ, напримѣръ, въ одномъ изъ новѣйшихъ и наиболѣе выдающихся романовъ съ подобнымъ сюжетомъ, авторъ на первый планъ ставитъ эмансипацію женщины по отношенію къ свободѣ чувства; онъ заранѣе предполагаетъ, что брачныя оковы, если только это не оковы взаимнаго чувства, безсмыслены, что женщина имѣетъ такія же права на свободу чувства, какъ и мужчина, что, поэтому, заставлять женщину насильно исполнять супружескія обязанности, подавлять свои чувства, быть вѣрною изъ-подъ палки, ревновать ее, дико, негуманно и ни къ чему не ведетъ, а что лучше всего полюбовно разойтись и предоставить дѣло развитію обстоятельствъ и свободному проявленію чувствъ. Совершенно иного рода представляется отношеніе къ тому же вопросу въ романѣ „Кто виноватъ?", и смѣшивать его съ вышеприведеннымъ современнымъ романомъ съ такимъ же сюжетомъ отнюдь не слѣдуетъ. Самое заглавіе романа показываетъ, что это вовсе не пропаганда сознанныхъ убѣжденій, а вопросъ, рефлексія. Романъ вовсе не имѣетъ цѣлію показать вамъ, какъ нужно поступать въ случаѣ, если ваша жена полюбитъ другого или сами вы ей измѣните: цѣль его—изслѣдовать причины, вслѣдствіе которыхъ происходятъ подобныя явленія, и показать вамъ, что какъ бы мораль ни относилась къ этимъ измѣнамъ и сколько бы мученій они ни причиняли людямъ, они неизбѣжны въ томъ случаѣ, если нарушается правильный ходъ діалектическаго развитія жизни. Такая постановка вопроса прямо зависитъ отъ того рефлективнаго переходнаго періода, въ который написанъ романъ. Въ этотъ періодъ людей занималъ не столько вопросъ о томъ, какъ устроивать жизнь на какихъ-нибудь новыхъ основаніяхъ, сколько разочарованіе во всѣхъ старыхъ основахъ, убійственная, разлагающая критика всѣхъ противорѣчій, которыя впервые представлялись людямъ въ ихъ жизненныхъ отношеніяхъ.

Съ цѣлію этой критики, какъ въ статьѣ, такъ и въ романѣ Герценъ выставляетъ на сцену людей, изъ которыхъ ни къ одному вы не придеретесь: всѣ они одинаково добрые, гуманные, всѣ они любятъ другъ друга и искренно желаютъ осчастливить одинъ другаго. А между тѣмъ, въ концѣ-концовъ, всѣ они дѣлаютъ другъ друга несчастными. Кто-же изъ нихъ виноватъ въ этомъ? Пошлая мораль, конечно, не замедлитъ обвинить ихъ: зачѣмъ они отдались своимъ страстямъ, зачѣмъ они не вооружились сентенціей, что долгъ прежде всего и не подавили своихъ чувствъ! Но развѣ они не дѣлали этого? развѣ они напрашивались на чувства? Мы видимъ, что въ обоихъ случаяхъ они только тогда сознали свои взаимныя отношенія, когда зло совершилось и воротить прежняго уже было нельзя, чувства не вычеркнешь изъ сердца однимъ взмахомъ пера, а подавленіе его, когда оно уже развилось, не могло загладить несчастія: для Круциферскаго и для Генріэты счастіе жизни заключалось въ безраздѣльной любви къ нимъ дорогихъ существъ; но разъ они сознали возможность со стороны этихъ существъ посторонней любви, жизнь ихъ отравлена во всякомъ случаѣ, какъ бы дорогія имъ существа ни поступили. Такимъ образомъ, ни пошлая ходячая мораль, ни схоластическій формализмъ, видящій въ бракѣ мертвую форму, осуществленіе идеи брака ради самого брака, чтобы ни скрывалось подъ этою формой, не въ состояніи ничего подѣлать въ подобнаго рода происшествіяхъ и оказываются одинаково несостоятельны въ своихъ приговорахъ. А между тѣмъ, вина, произведшая катастрофу, существуетъ, только искать ее слѣдуетъ не въ личностяхъ, не въ ихъ произволѣ, а въ тѣхъ діалектическихъ противорѣчіяхъ жизни, въ снятіи и примиреніи которыхъ только и заключается разумное и прочное счастіе людей. Дѣло въ томъ, что человѣческая жизнь слагается изъ двухъ противоположныхъ элементовъ—частнаго и общественнаго. Общество и семья, по мнѣнію Герцена, это—тезъ и антитезъ и только при соединеніи этихъ элементовъ въ разумный синтезъ возможно счастіе, независимое ни отъ какихъ случайностей. Не отвергнуться влеченій сердца, не отречься отъ своей индивидуальности и всего частнаго, не предать семейство всеобщему, но раскрыть свою душу всему человѣческому, страдать и наслаждаться страданіями и наслажденіями современности, работать столько-же для рода, сколько для себя—словомъ, развить эгоистическое сердце во всѣхскорбящее, обобщить его разумомъ и, въ свою очередь, оживить имъ разумъ... Человѣкъ безъ сердца—какая-то безстрастная машина мышленія, не имѣющая ни семьи, ни друга, ни родства; сердце составляетъ прекрасную и неотъемлемую основу духовнаго развитія, изъ него пробѣгаетъ по жиламъ струя огня всесогрѣвающаго и живительнаго; имъ живое сотрясается въ наслажденіи, радо себѣ. Поднимаясь въ сферу всеобщаго, страстность не утрачивается, но преображается, теряя свою дикую, судорожную сторону; предметъ ея выше, святѣе; по мѣрѣ расширенія интересовъ, уменьшается сосредоточенность около своей личности, а съ нею и ядовитая жгучесть страстей. Въ самомъ колебаніи между двумя мірами—личности и всеобщаго, есть непреодолимая прелесть; человѣкъ чувствуетъ себя живою, сознательною связью этихъ міровъ, и теряясь, такъ сказать, въ свѣтломъ эѳирѣ одного, онъ хранитъ себя и слезами, и восторгами, и всею страстностью другого. Человѣческая жизнь—трудная статистическая задача; безчисленныя противоположности, множество борющихся элементовъ ринуты въ одну точку и сняты ею. Природа, развиваясь, безпрестанно усложняется; проще всего камень, за то и жизнь его состоитъ въ одномъ мертвомъ, косномъ покоѣ. Человѣкъ не можетъ отказаться безнаказанно отъ участія во всѣхъ обите-

ляхъ, въ которыя онъ призванъ своимъ временемъ. Человѣкъ развившійся равно не можетъ ни исключительно жить семейною жизнію, ни отказаться отъ нея въ пользу всеобщихъ интересовъ...

Если при подобномъ синтезѣ семейной и общественной жизни только и возможно истинное, разумное счастіе человѣка, то, съ другой стороны, отсутствіе этого совпаденія, исключительный перевѣсъ одного элемента, дѣлаетъ жизнь одностороннею, исполненною всевозможныхъ колебаній, случайностей, построенною на огнедышащей горѣ. Въ этомъ и надо искать главную причину катастрофы, случившейся съ героями драмы.

Закулисная вина несчастія этихъ людей, по мнѣнію Герцена—тѣснота и неестественная для человѣка жизнь праздности; преступное отчужденіе отъ интересовъ всеобщихъ, преступный холодъ ко всему человѣческому внѣ ихъ тѣснаго круга, исключительное занятіе собою, взаимное обоготвореніе. Другихъ винъ не ищите, вотъ больное мѣсто! Если-бы въ нихъ было развито *живое* религіозное чувство, если-бы *человѣчность* ихъ не ограничивалась первою ступенью, т.-е. семейною жизнью — катастрофы этой, конечно, не было-бы. Если-бы Эмиль, сверхъ своихъ личныхъ привязанностей, имѣлъ симпатію къ современности, любовь къ родинѣ, къ искусству, къ наукѣ, остался-ли бы онъ сложа руки, въ ничтожной праздности, истощая силы души на противодѣйствіе несчастной любви? Можетъ быть, эта любовь и посѣтила-бы его сердце, какъ мимолетная гостья, но она не стащила-бы его въ преисподнюю, не нарушила-бы мира съ женой, потому что онъ былъ-бы сильнѣе ея тою стороной бытія, которой онъ не развилъ. Еще разъ, ихъ жизнь была бѣдная жизнь въ сферѣ частной любви, выхода не имѣла и при неудачѣ лопнула.

Подобное поставленіе необходимости совпаденія семейнаго и общественнаго элемента для прочности счастія логически приводитъ Герцена къ женскому вопросу, только здѣсь вопросъ этотъ является вовсе не по отношенію къ свободѣ чувства отъ брачныхъ узъ, а въ болѣе общей, философской сферѣ. Герцену представляется здѣсь то противорѣчіе, что въ дѣйствительности міръ всеобщихъ интересовъ, жизнь общественная, художественная, сціентифическая существуетъ только для мужчины; а у бѣдной женщины ничего нѣтъ, кромѣ ея семейной жизни. Она должна жить исключительно сердцемъ; ея міръ ограниченъ спальней и кухней... Но, по мнѣнію Герцена, на женщинѣ лежатъ великія семейныя обязанности относительно мужа — тѣ-же самыя, которыя мужъ имѣетъ къ ней, а званіе матери поднимаетъ ее надъ мужемъ, и тутъ-то женщина во всемъ ея торжествѣ: женщина больше мать, чѣмъ мужчина отецъ; дѣло начальнаго воспитанія есть дѣло общественное, дѣло величайшей важности, а оно принадлежитъ матери. Можетъ-ли это воспитаніе быть полезно, если жизнь женщины ограничить спальней и кухней? Почему римляне такъ уважали Корнелію, мать Гракховъ?.. Во-вторыхъ, ея семейное призваніе никоимъ образомъ не мѣшаетъ ея общественному призванію. Міръ религіи, искусства, всеобщаго — точно также раскрытъ женщинѣ, какъ намъ, съ тою разницей, что она во все вноситъ свою грацію, непреодолимую прелесть кротости и любви. Вся исторія Италіи не совершилась-ли подъ безпрерывнымъ вліяніемъ женщинъ? Не доказали-ли онѣ мощь геніальности своей на престолѣ, какъ Екатерина II, и на плахѣ, какъ Роланъ? Нужны-ли доказательства людямъ, которые своими глазами видѣли Сталь, Рашель, Беттину и теперь еще видятъ исполинскій талантъ геніальной женщины?

Такая постановка женскаго вопроса значительно отличается отъ постановки того-же вопроса въ наше время. Здѣсь вы не найдете того анализа экономическаго, гражданскаго и политическаго положенія женщины, который стоитъ въ настоящее время на первомъ планѣ. Вопросъ ставится здѣсь на философскую почву и не идетъ далѣе теоретическихъ доказательствъ равенства женщины съ мужчиной. Это, такъ сказать, азбука женскаго вопроса. Но и подобная азбука была новизной для современниковъ Герцена, особенно если мы вспомнимъ, что говорили по поводу этого вопроса такіе передовые дѣятели, какъ Бѣлинскій и Грановскій.

Въ романѣ Герцена „Кто виноватъ“ основная идея, какъ я сказалъ уже выше, та-же, что и въ статьѣ „По поводу одной драмы“, но въ романѣ эта идея выражена гораздо полнѣе и всестороннѣе. Въ статьѣ всѣ дѣйствующія лица драмы развиты въ одну сторону—исключительно семейнаго элемента; въ романѣ Герценъ сдѣлалъ попытку представить рядомъ двѣ противоположности: Бельтовъ и Круциферскій—это тезъ и антитезъ. Въ то время, какъ Круциферскій весь ушелъ въ семейную жизнь, въ Бельтовѣ вы видите, напротивъ того, полнѣйшій выходъ изъ этой жизни въ сферу общественную, всеобщую. На типъ Бельтова многіе смотрѣли прежде, смотрятъ и теперь, какъ на типъ неудавшійся, невыдержанный. Бѣлинскій ставитъ на первый планъ эту невыдержанность. Въ первой части онъ видитъ въ Бельтовѣ лишеннаго всякой практичности, испорченнаго богатствомъ барича, богатая, многосторонняя натура котораго не имѣла никакого корня, который скользилъ по всему, не имѣя ни къ чему особеннаго призванія, не въ силахъ будучи ни въ чемъ сосредоточить своихъ силъ. „Но въ послѣдней части романа—говоритъ Бѣлинскій—Бельтовъ вдругъ является передъ нами какою-то высшею, геніальною натурой, для дѣятельности которой дѣйствительность не представляетъ достойнаго поприща. Это уже совсѣмъ не тотъ человѣкъ, съ которымъ мы такъ хорошо познакомились прежде; это уже совсѣмъ не Бельтовъ, а что-то въ родѣ Печорина. Разумѣется, прежній Бельтовъ былъ гораздо лучше, какъ всякій человѣкъ, играющій свою собственную роль. Сходство съ Печоринымъ для него крайне невыгодно. Не понимаемъ, зачѣмъ автору нужно было съ своей дороги сойти на чужую!..“

Если смотрѣть на романъ съ исключительно художественной стороны, то, дѣйствительно, типъ Бельтова является невыдержаннымъ: инымъ во второй части, чѣмъ въ первой, и въ первой естественнѣе, чѣмъ въ послѣдней. Но это зависитъ оттого, что самъ Герценъ во второй части является совсѣмъ инымъ, чѣмъ въ первой. Въ первой части онъ художникъ-нравоописатель, онъ рисуетъ вамъ жизнь, окружающую

его, въ такомъ видѣ, какъ она представлялась его глазамъ, и Бельтовъ является передъ вами однимъ изъ типовъ этой жизни, однимъ изъ тѣхъ Бельтовыхъ, которымъ не было числа въ сороковые года. Во второй-же части изъ простого разсказчика Герценъ дѣлается философомъ. Ко всѣмъ своимъ типамъ онъ подходитъ съ отвлеченной точки зрѣнія; изъ живыхъ людей онъ преображаетъ ихъ въ философскія категоріи. Поэтому, и Круциферскій, и Бельтовъ являются совершенно иными. Подобное превращеніе является искусственнымъ и условнымъ въ той-же степени, какъ условны выраженія различныхъ реальныхъ величинъ алгебраическими буквами X или Y. Реальный Круциферскій самъ по себѣ представляется вовсе не исключительнымъ самцомъ, для котораго ничего не существуетъ, кромѣ семьи: учительство вовсе не семейное, а чисто общественное дѣло; Круциферскій-же является передъ нами хорошимъ учителемъ, увлеченнымъ своимъ призваніемъ. Бельтовъ, въ свою очередь, вовсе не человѣкъ исключительно ушедшій въ сферу всеобщаго; онъ просто праздношатающійся хлыщъ, и ужь если сравнивать, кто живѣе, положительнѣе и съ болѣе полезными результатами увлекается общественнымъ дѣломъ, то преимущество вы отдадите скорѣе Круциферскому, чѣмъ Бельтову. Это была ошибка Герцена, что онъ для своихъ философскихъ категорій взялъ изъ дѣйствительности не вполнѣ соотвѣтствующіе типы. Но если вы оставите въ сторонѣ анализъ этихъ типовъ со стороны реальнаго соотвѣтствія ихъ выражаемымъ категоріямъ; если вы скажете: каковы бы ни были Бельтовъ и Круциферскій передъ нами, но, положимъ, что Бельтовъ служитъ намъ выраженіемъ человѣка безъ семейнаго элемента, а Круциферскій — олицетвореніемъ самца (вѣдь вы-же дѣлаете иногда подобныя превращенія, говоря, например, что, положимъ, книга эта будетъ означать французскую армію, другая книга — нѣмецкую, вотъ эта песочница будетъ Седаномъ, чернильница—Парижемъ и пр.), въ такомъ случаѣ, останется передъ вами философское развитіе сюжета, которое и составляетъ сущность романа, его силу, его главное достоинство. Имѣя въ виду эту философскую сторону романа, мы и замѣтили, что, совпадая со статьей „По поводу одной драмы", романъ гораздо шире развилъ ту-же философскую идею. Это философское развитіе идеи, такъ сказать, спасло романъ, выручило всѣ его художественные недостатки, заставило забыть о нихъ. Читающая публика была глубоко потрясена новою постановкой семейной морали въ этомъ романѣ. Можно сказать, что съ него начался тотъ анализъ семейныхъ отношеній, который мы видимъ во всѣхъ романахъ и повѣстяхъ, которые печатались въ пятидесятыхъ годахъ въ нашихъ журналахъ. Безъ сомнѣнія, не малое вліяніе оказывала здѣсь Жоржъ-Зандъ, которая была любимѣйшею писательницей людей 40-хъ годовъ.

За статьей „По поводу одной драмы", слѣдуетъ во второй категоріи цѣлый рядъ мелкихъ статей, связанныхъ двумя общими заглавіями: „По разнымъ поводамъ" и „Новыя варіаціи на старыя тэмы". Статьи эти не имѣютъ такого систематическаго философскаго развитія, какъ всѣ выше разобранныя; это рядъ отдѣльныхъ мыслей, замѣчаній, рефлексій, совершенно справедливо названныхъ: „Капризы и раздумье". Вся общепринятая, рутинная мораль представляется вамъ въ этихъ „Капризахъ" наизнанку, и Герценъ разбиваетъ положеніе за положеніемъ этой морали, показывая всю пропасть противорѣчій, которыми полна жизнь и понятія людей. Люди, напримѣръ, съ троянской войны толкуютъ о нравственной независимости, о стремленіи къ ней, о ея достоинствахъ и прелестяхъ, между тѣмъ, на дѣлѣ оказываются несравненно болѣе привязанными къ авторитетамъ, внѣшнимъ велѣніямъ, къ указаніямъ, нежели къ нравственной свободѣ. И очень понятно, почему это происходитъ: внѣшній авторитетъ несравненно удобнѣе: человѣкъ сдѣлалъ скверный поступокъ—его пожурили, наказали, и онъ какъ будто и не дѣлалъ своего поступка; онъ бросился на колѣни, попросилъ прощенія, его, можетъ, и простятъ. Совсѣмъ другое дѣло, когда человѣкъ оставленъ на самого себя: его мучитъ униженіе, что онъ отрекся отъ разума, что онъ сталъ ниже своего сознанія, ему предстоитъ трудъ примириться съ собою не слезливымъ раскаяніемъ, а мужественною побѣдой надъ слабостью... Моралисты часто умилительно говорятъ о гибельномъ порокѣ властолюбія; властолюбіе, какъ и всѣ прочія страсти, доведенное до крайности, можетъ быть смѣшнымъ, печальнымъ, вреднымъ, смотря по кругу дѣйствія; но властолюбіе само по себѣ вытекаетъ изъ хорошаго источника—изъ сознанія своего личнаго достоинства; основываясь на немъ, человѣкъ такъ бодро, такъ смѣло вступалъ вездѣ въ борьбу съ природой и развилъ въ себѣ ту гордую несгнетаемость, которая насъ поражаетъ въ англичанахъ. Къ тому-же, въ нѣсколько устроенномъ обществѣ властолюбіе, какъ дикая страсть, является такъ рѣдко, что едва-ли стоитъ о немъ говорить. Совсѣмъ иное дѣло умалчиваемая моралистами любовь въ подвластности, къ авторитетамъ, основанная на самопрезрѣніи, на уничтоженіи своего достоинства — она такъ обща, такъ эпидемически поражаетъ цѣлыя поколѣнія и цѣлые народы, что о ней стоило-бы поговорить; но они молчатъ!

Что такое эгоизмъ? сознаніе личности, ея замкнутости, ея права? Или что-нибудь другое? Гдѣ оканчивается эгоизмъ и начинается любовь? Да и дѣйствительно-ли эгоизмъ и любовь противоположны; могутъ-ли они быть другъ безъ друга? Могу-ли я любить кого-нибудь не для себя; могу-ли я любить, если это не доставляетъ *мнѣ*, именно *мнѣ* удовольствія? Не есть-ли эгоизмъ одно и то-же съ индивидуализацiей, съ этимъ сосредоточиваніемъ и обособленіемъ, къ которому стремится все сущее, какъ къ послѣдней цѣли? Всего меньше эгоизма въ камнѣ, у звѣря эгоизмъ сверкаетъ въ глазахъ; онъ дикъ и исключителенъ у дикаго человѣка; не сливается-ли онъ съ высшею гуманностью у образованнаго? Вы думаете, что моралисты разрѣшали эти вопросы,—нѣтъ! они отдѣлываются доблестнымъ негодованіемъ противъ всего эгоистическаго; они знаютъ, что эгоизмъ значительный порокъ; имъ этого довольно; ихъ безпорочная натура мечетъ громы на него и не унижается до его пониманія. Странные люди! вмѣсто того, чтобы именно на эгоизмѣ, на этомъ въ глаза бросающемся грунтѣ всего человѣчества, создать житейскую мудрость и

разумныя отношенія людей, они стараются всѣми силами уничтожить, замарать эгоизмъ, т.-е. срыть die feste Burg человѣческаго достоинства и сдѣлать изъ человѣка—слезливаго, сентиментальнаго, прѣснаго добряка, напрашивающагося на добровольное рабство... Что мы сказали объ эгоизмѣ, то-же должно сказать о своеволіи. Мининъ началъ своевольно великое дѣло возстанія противъ чужеземнаго порабощенія. Неужели его своеволіе похоже на своеволіе пьяницы, придирающагося къ прохожимъ? Я полагаю, что разумное признаніе своеволія есть высшее нравственное признаніе человѣческаго достоинства, что до него и домогаются всѣ... Точно въ такомъ-же отношеніи находится и пристрастіе къ справедливости. Здѣсь опять не можетъ быть и рѣчи о томъ, что всякое пристрастіе выше всякой справедливости—главное дѣло въ томъ, *во имя чего* человѣкъ пристрастенъ... Справедливость въ человѣкѣ, увлеченномъ страстью, ничего не значитъ, довольно безразличное свойство лица, подтверждающаго, что днемъ—день, а ночью—ночь. Въ основѣ всѣхъ отвлеченныхъ, безличныхъ сужденій нашихъ (математическихъ, химическихъ, физическихъ) лежитъ справедливость, но въ основѣ всего личнаго, любви, дружбы лежитъ пристрастіе. Бракъ основанъ на пристрастномъ предпочтеніи одной женщины всѣмъ остальнымъ, одного мужчины—всѣмъ прочимъ. Предпочтеніе, которое мать оказываетъ своему ребенку, вопіющее пристрастіе; мать, которая была-бы справедлива къ дѣтямъ, могла-бы служить образцомъ сухаго и бездушнаго существа. Семейная любовь—такое-же пристрастіе, невыдерживающее критики, какъ любовь къ отечеству. Строго справедливъ космополитъ. Справедливъ человѣкъ, ничего не любящій особенно. Такимъ образомъ, въ концѣ-концовъ и выходитъ, что добродѣтели моралистовъ оказываются часто въ жизни гнусными пороками, а пороки, казнимые ими—высокими добродѣтелями.

Анализъ всѣхъ подобныхъ противорѣчій, которыми преисполнена жизнь и умы людей, изъ-за которыхъ льются ежедневно, совершенно напрасно, горячая кровь и горькія слезы, привелъ Герцена послѣдовательно къ злому, ироническому парадоксу: да, полно, въ здравомъ-ли умѣ находится человѣческій родъ? Если возможны частные случаи умопомѣшательства, то почему-же невозможно гуртовое сумасшествіе? Не справедливѣе-ли поэтому, вмѣсто всякихъ моральныхъ, судейскихъ, оправдывающихъ, карающихъ взглядовъ, глядѣть на жизнь людей и на ихъ дѣла съ чисто-медицинской, патологической точки зрѣнія? Не есть-ли вся исторія человѣчества—болѣзненный процессъ сумасшествія и медленное выздоровленіе отъ этой болѣзни? Такимъ образомъ, вѣнцомъ всѣхъ этихъ рефлективныхъ статей, явились „Записки доктора Крупова". Здѣсь философская иронія Герцена разыгрывается до полнаго crescendo, встаетъ во всей своей высотѣ. Всеобъемлемость, смѣлость и глубина этой ироніи по истинѣ поразительна. „Записки доктора Крупова", по всей справедливости, можно поставить рядомъ съ похвалой глупости Эразма Роттердамскаго и съ сатирами Свифта. Здѣсь подъ одинъ ироническій парадоксъ подведены безсмысленная, пошлая, сонная жизнь уѣзднаго русскаго городка и вся исторія человѣчества. Замѣчательно при этомъ то, что при всей кажущейся безотрадности подобной ироніи, въ ней вы вовсе не слышите того мрачнаго, потерявшаго всякую надежду отчаянія, которое вы видите, напримѣръ, въ сатирѣ Ювенала; напротивъ того, отъ нея отзывается чѣмъ-то свѣжимъ, полнымъ силъ и жизни, вызывающимъ и возбуждающимъ. Это не стоны разочарованной старости, а отчаянный прыжокъ молодости, удалой размахъ смѣлаго ума. Таково и дѣйствіе ея: она нисколько не наводитъ на васъ того разлагающаго унынія, какое, казалось-бы было свойственно подобной сатирѣ: напротивъ того, она только рушитъ въ васъ всѣ тѣ общепринятые, рутинные предразсудки, узенькія понятьица, рубрики, параграфы, построенные наукой, и глубокомысленныя подведенія историками подъ высшія цѣли прогреса различныхъ историческихъ глупостей. Она подчеркиваетъ, такъ сказать, всѣ рефлективныя статьи Герцена, составляетъ ихъ заключительный залпъ. И дѣйствительно, усомнившись въ границахъ ума и безумія, предположивши, что оффиціальные, патентованные сумасшедшіе, въ сущности, и не глупѣе, и не поврежденнѣе всѣхъ остальныхъ, но только самобытнѣе, сосредоточеннѣе, независимѣе, оригинальнѣе, даже, можно сказать, геніальнѣе, далѣе этого въ рефлексіи пойти трудно, хотя, впрочемъ, впослѣдствіи Герценъ сдѣлалъ еще одинъ шагъ впередъ. Въ „Запискахъ доктора Крупова" проведена та мысль, что исторія есть процессъ выздоровленія человѣчества отъ его болѣзни; такимъ образомъ, вамъ остается надежда, что когда-нибудь человѣчество выйдетъ изъ своего сумасшествія. Впослѣдствіи, подъ гнетомъ иныхъ обстоятельствъ, иныхъ думъ, во многомъ разочарованный и обезкураженный, Герценъ написалъ дополненіе къ „Запискамъ доктора Крупова", или, лучше сказать, возраженіе противъ нихъ. Здѣсь онъ опровергаетъ надежду на выздоровленіе, какъ иллюзію, не имѣющую никакихъ реальныхъ основаній. Онъ смѣется здѣсь надъ самимъ докторомъ Круповымъ, подобно тому, какъ докторъ Круповъ прежде смѣялся надъ историками, видящими въ каждомъ историческомъ фактѣ разумную цѣлесообразность. Но это уже не прежняя иронія, полная молодыхъ силъ, жизни, надеждъ. Въ ней слышится уже вамъ горечь обманутыхъ упованій, безотрадное отчаянье. (См. П. Зв. Aphorismata, по поводу психической теоріи д-ра Крупова. Сочиненіе Тита Ливіафанскаго. Изд. 1858 г.).

Къ третьей категоріи относятся нравоописательныя сочиненія Герцена, въ которыхъ анализъ общественной жизни, общественныхъ отношеній стоитъ на первомъ планѣ.

Преобладающій характеръ этого рода сочиненій—простой, безъискусственный разсказъ, исполненный мѣстами злой ироніи, мѣстами неподражаемаго остроумія и художественной пластичности. Это цѣлый рядъ характеристикъ помѣщичьихъ гнѣздъ, типовъ, замѣчательныхъ современниковъ, отдѣльныхъ эпизодовъ современной и прошлой жизни, написанныхъ частію по личнымъ воспоминаніямъ, частію по разсказамъ очевидцевъ. Даже первая часть „Кто виноватъ", этого художественно - философскаго произведенія, представляетъ собою рядъ характеристикъ и біогра-

фій изъ помѣщичьей жизни, очевидно, не придуманныхъ, а взятыхъ цѣликомъ изъ жизни. Въ прерванномъ разсказѣ „Долгъ прежде всего“, Герценъ, безъ сомнѣнія, представляетъ въ лицѣ Анатоля своего современника Печерина, кончившаго, какъ извѣстно, переходомъ въ католичество и поступленіемъ въ іезуитскій орденъ. Повѣсть „Сорока-воровка“ написана по разсказу извѣстнаго московскаго актера М. С. Щепкина. Дальнѣйшимъ продолженіемъ подобнаго рода очерковъ современной жизни представляются „Былое и думы“, это въ одно и то-же время автобіографія и мемуары.

Главное содержаніе всѣхъ этихъ характеристикъ— анализъ семейной жизни помѣщиковъ въ связи съ отношеніями ихъ къ крестьянамъ. Здѣсь вы находите мрачную картину того нравственнаго разложенія, какое крѣпостное право оказывало на господъ и крѣпостныхъ. „Сорока воровка“ и „Поврежденный“ въ особенности посвящены этому анализу крѣпостнаго права. Всѣ эти характеристики, вмѣстѣ съ „Записками охотника“ Тургенева, положили начало новой школѣ литературы. Это былъ дальнѣйшій шагъ впередъ послѣ гоголевской натуральной школы. Послѣдняя процвѣтала всецѣло на почвѣ чистаго искусства. Она изображала обыденную жизнь съ чисто-художественными цѣлями, чтобы изобразить ее такъ, какъ она представляется въ дѣйствительности, безъ всякихъ покушеній къ анализу печальныхъ явленій русской жизни, предоставляя читателямъ выводить самимъ какія угодно соображенія. Совершенно иное отношеніе къ изображаемой пошлости мы видимъ въ очеркахъ Герцена и Тургенева. Здѣсь представляется намъ на первомъ планѣ анализъ общественныхъ отношеній. Мрачныя стороны жизни являются не одними произвольными отклоненіями отдѣльныхъ личностей отъ личныхъ моральныхъ идеаловъ, существующихъ съ испоконъ вѣковъ, а слѣдствіемъ ненормальныхъ общественныхъ отношеній. При этомъ у Тургенева, Григоровича, Писемскаго, Гончарова — подобный анализъ ограничивается крѣпостнымъ правомъ. У Герцена-же, кромѣ анализа крѣпостнаго права, мы повсюду встрѣчаемъ намеки на отсутствіе общественной дѣятельности, иниціативы, всеобщее безправіе, дикость произвола, тупость бюрократіи, въ особенности провинціальной... Такимъ образомъ, въ то время, какъ философскія и моральныя сочиненія Герцена содѣйствовали ускоренію умственнаго переходнаго процесса своей эпохи, разрушая старые предразсудки, установившіеся по преданію кумиры и призраки, заслонявшіе людямъ свѣтъ истины,—въ это время художественные характеристики и очерки Герцена будили общественное сознаніе, направляя его отъ различныхъ романтическихъ идеаловъ, заоблачныхъ пареній, къ анализу окружающей общественной жизни.

XII.

Въ 1846 году умеръ отецъ Герцена. Сдѣлавшись наслѣдникомъ богатаго имущества и человѣкомъ вполнѣ самостоятельнымъ, Герценъ тотчасъ-же началъ хлопотать о заграничномъ паспортѣ и въ 1847 году имѣлъ уже возможность уѣхать за границу. Онъ поѣхалъ безъ всякихъ опредѣленныхъ плановъ, не зная, сколько пробудетъ за границей и что тамъ будетъ дѣлать. По всей вѣроятности, когда онъ переѣзжалъ русскую границу, ему и въ голову не приходило, что онъ переѣзжаетъ ее не только въ первый, но и въ послѣдній разъ, и что ему не придется воротиться болѣе на родину. Мы отчасти познакомились съ міросозерцаніемъ Герцена, и можемъ себѣ представить, съ какими идеями оставилъ онъ Россію. Это былъ рьяный западникъ, для котораго въ европейской образованности представлялся не одинъ только рядъ роковыхъ, мучительныхъ вопросовъ, волновавшихъ его: онъ не сомнѣвался, что эта-же образованность и разрѣшитъ эти вопросы, и, быть можетъ, въ скоромъ будущемъ. Какъ гегеліанецъ, онъ вѣрилъ, что какъ-бы ни казались непримиримы противорѣчія, встрѣчаемыя повсюду, жизнь, и не что другое, какъ сама жизнь, въ своемъ неизбѣжномъ процессѣ, не замедлитъ помирить и снять ихъ. Масса впечатлѣній европейской жизни не замедлила подѣйствовать на живой, воспріимчивый умъ, а солидная подкладка образованности и развитія мысли помогли осилить эту массу впечатлѣній, уложить ее въ порядокъ, взвѣсить и предать надлежащему анализу. По крайней мѣрѣ, мы видимъ, что, по отъѣздѣ за границу, горизонтъ зрѣнія Герцена сразу расширился. Изъ философа-моралиста, рефлектировавшаго по Гегелю, изъ нравоописателя помѣщичьяго и чиновнаго быта своей родины, онъ сразу становится на высоту европейскаго публициста и пишетъ въ „Современникъ“ письма изъ Парижа (Письма изъ Avenue Marigny), подъ которыми, не задумавшись, подписался-бы любой изъ лучшихъ европейскихъ публицистовъ того времени.

Письма изъ Avenue Marigny, напечатанныя въ „Современникѣ“ 1847 года, составляютъ первыя четыре изъ четырнадцати политическихъ писемъ, изданныхъ впослѣдствіи (въ 1855 году), подъ общимъ заглавіемъ: „Письма изъ Франціи и Италіи“. Письма эти составляютъ какъ-бы дневникъ всего видѣннаго, слышаннаго, перечувствованнаго и пережитаго въ теченіи бурнаго періода европейской жизни отъ 1847 г. по 1852 годъ. Здѣсь вы найдете анализъ всего, что волновало въ то время Италію и Францію, разъясненіе многихъ внутреннихъ пружинъ событій, духа партій, ихъ недостатковъ и промаховъ.

Но, что для насъ всего дороже въ этихъ письмахъ, такъ это то, что они могутъ служить для насъ отличнымъ матеріаломъ для анализа самого ихъ автора. Они показываютъ почти день за день, какъ измѣнялись взгляды Герцена подъ вліяніемъ хода событій и какъ онъ пережилъ новый переломъ въ своей жизни, сдѣлавшій изъ юнаго мечтателя, полнаго надеждъ, мечтаній и энтузіазма, мрачнаго пессимиста, разочаровавшагося окончательно въ томъ самомъ европейскомъ прогресѣ, который при отъѣздѣ его за границу представлялся ему въ самомъ розовомъ цвѣтѣ.

Въ первыхъ письмахъ Герценъ излагаетъ свои впечатлѣнія и наблюденія, вынесенныя имъ изъ парижской жизни. Онъ раздѣляетъ Парижъ на два разряда: на Парижъ въ предѣлахъ ценза и Парижъ, стоящій за цензомъ. Къ послѣднему онъ относится съ глубокимъ сочувствіемъ. На балахъ блузниковъ онъ ви-

дитъ полное отсутствіе канкана; онъ удивляется уваженію къ женщинѣ, трогательному вниманію къ дѣтямъ въ низшихъ классахъ населенія. Въ то-же время онъ пораженъ развратомъ буржуазіи, господствовавшей во Франціи, и разложеніе нравовъ въ этомъ сословіи кажется ему тѣмъ болѣе безнадежнымъ, чѣмъ мельче, бездушнѣе и скареднѣе этотъ развратъ.

Герценъ является въ первыхъ письмахъ все еще во многомъ очарованнымъ Европой. Онъ не прочь иногда и поучить соотечественниковъ парижскими нравами: такъ, онъ подробно описываетъ, какъ парижане могутъ обходиться совсѣмъ почти безъ прислуги, въ противоположность нашимъ барамъ того времени, которые имѣли по слугѣ при каждомъ чубукѣ. Онъ все еще надѣется, что новыя экономическія начала побѣдятъ буржуазію въ пользу народныхъ массъ, и что для буржуазіи скоро наступитъ свой 1789 годъ, въ который царство ея падетъ, какъ нѣкогда пало во Франціи царство дворянства.

Но при всѣхъ этихъ надеждахъ, послѣ перваго-же обаянія парижской жизни, когда Герценъ приглядѣлся собственными глазами и близко къ положенію Франціи передъ 1848 годомъ, въ него тогда уже закрались первые зародыши разочарованія. Къ осени сдѣлалось ему невыносимо тяжело въ Парижѣ, онъ не могъ сладить съ безобразнымъ нравственнымъ паденіемъ, которое его окружало; онъ чувствовалъ, что въ душу его забирается то самоотверженіе, тотъ холодъ и то „все равно", которое вносится утраченными надеждами, разрывомъ съ дѣйствительностью, презрѣніемъ къ настоящему, и только иногда по негодованію чувствовалъ онъ молодость силъ и прежнее одушевленіе.

Онъ все еще вѣрилъ, что Франція выздоровѣетъ безъ радикальныхъ средствъ, небеснаго огня и морской воды; но ему не хотѣлось быть сидѣлкой у ея изголовья, пока она ломается въ припадкѣ безумія, сдерживаемая грязными и циническими руками цирюльниковъ и больничныхъ сидѣлокъ. Ему захотѣлось ѣхать въ Италію, отдохнуть, захотѣлось моря, теплаго воздуха, пышной зелени и людей — не такъ истасканныхъ, не такъ выжившихъ изъ сердца. И онъ рѣшился ѣхать въ половинѣ октября.

Кромѣ моря, теплаго воздуха и пышной зелени, тянули Герцена въ Италію и тѣ политическія движенія, которыя начались тамъ, какъ предвѣстіе наступавшей всеевропейской революціи. Вотъ онъ и въ Италіи, онъ ходитъ по римскимъ площадямъ, слѣдя за народными движеніями по поводу реформъ Пія IX и восхищается всѣмъ итальянскимъ, но болѣе всего самими итальянцами. Между тѣмъ, событія разыгрываются съ страшною быстротой; изъ Франціи долетаютъ вѣсть за вѣстью, одна другой поразительнѣе. Вихрь поднимающейся бури увлекаетъ нашего путника, и онъ не слышитъ земли подъ собою.

Герценъ, безъ сомнѣнія, въ развивающейся революціи видѣлъ начало воплощенія идеи въ жизнь, діалектическаго снятія противорѣчій, конецъ царства буржуазіи и начало новой эры исторіи человѣчества. Но съ какою скоростью очаровали его событія, съ такою-же не замедлили они его и разочаровать. Онъ поспѣшилъ изъ Италіи въ Парижъ, но не для того, чтобы ликовать на праздникѣ возрожденія человѣчества, а для того, чтобы съ каждымъ днемъ хоронить надежду за надеждой и мечту за мечтой. Какъ утопающій за соломенку, онъ все еще схватывался за надежду, что сколько-бы ни пришлось ждать парижскому народу, рано или поздно онъ отомститъ за іюльскіе дни, за апрѣльскую измѣну, за обманъ въ ратушѣ, за ложное воззваніе Кавеньяка, что войну, начатую іюльскими днями, остановить невозможно, что вся Европа вовлечена въ нее. Но рядомъ съ этими надеждами на французскій народъ, вы читаете горькія сѣтованія на него. Герцена поражала странная судьба Франціи быть великой въ болѣзни и пошлой въ здоровьѣ, быть великой одинъ день и ничтожной на другой день. Конечно, важно и то, что она обладаетъ этою силой стряхивать время отъ времени съ себя грязь, что она не можетъ долго оставаться въ покоѣ, что ей необходимо новое, перемѣна, движеніе; но, тѣмъ не меньше, ея невыдержка поразительна. Французскій народъ внезапно возстаетъ; неотразимый и грозный, вступаетъ въ отчаяный бой съ общественнымъ зломъ; противостоять ему въ эти минуты невозможно, онъ беретъ Бастилью, онъ беретъ Тюльери, онъ отражаетъ цѣлую армію—это надо переждать. По мѣрѣ того, какъ онъ одолѣваетъ врага, силы его слабѣютъ, умъ тускнѣетъ, энергія исчезаетъ, онъ дѣлается равнодушнымъ къ тому, за что проливалъ кровь... Народы, по мнѣнію Герцена, поднявшіе голову послѣ революціи 1830 года, уже громко негодовали на французскую реакцію; они отпрянули съ досадой отъ Франціи послѣ 24-го февраля, которое такъ много обѣщало и такъ ничего не сдѣлало. Еще подобный взрывъ и такое паденіе, и вы увидите, европейскіе народы отвернутся отъ Франціи и позволятъ ей безплодно рѣзаться сколько угодно, не удостоивая ея ни симпатіей, ни участіемъ. Это старая басня волка и мальчика, дѣлавшаго напрасную тревогу; возмужалое человѣчество не позволитъ себя безпрерывно надувать и станетъ равнодушно смотрѣть на страну, которая, какъ русскіе крестьяне до Годунова, имѣетъ одинъ день свободы въ году, а триста шестьдесятъ четыре дня рабства.

Но подобныя сомнѣнія были цвѣточками сравнительно съ тѣми мрачными, какъ ночь, мыслями, полными разочарованія и отчаянья, которыя проскальзываютъ въ послѣднихъ письмахъ и систематически развиваются въ трактатѣ, извѣстномъ подъ заглавіемъ „Съ того берега".

Сочиненіе это представляетъ результатъ послѣдняго умственнаго переворота, пережитаго Герценомъ въ эпоху отъ 1848 по 1851 годъ. Это заключительный выводъ изъ цѣлой жизни человѣка. До появленія этого сочиненія, Герценъ, въ различныя эпохи, представлялся намъ различно мыслящимъ человѣкомъ, но, съ появленіемъ „Съ того берега", міровоззрѣніе его установилось окончательно и всѣ дальнѣйшія его сочиненія суть только различныя варіаціи на одну тему, развитіе идей, которыя высказаны въ этой брошурѣ. Этотъ послѣдній переворотъ, опредѣлившій все дальнѣйшее міровоззрѣніе Герцена, не коснулся основныхъ философскихъ и моральныхъ взглядовъ его. Въ 35 лѣтъ такіе взгляды рѣдко мѣняются; развитіе, по-

лученное въ молодости, начинаетъ уже тяготѣть надъ человѣкомъ, и мозгъ не съ такою уже легкостью отдѣлывается отъ привычныхъ идей, какъ въ 20, въ 25 лѣтъ. Такъ было и съ Герценомъ. Онъ представляется намъ въ своемъ сочинени „Съ того берега" съ философской точки зрѣнія тѣмъ-же полуметафизикомъ, полуреалистомъ, какимъ онъ былъ и прежде. Онъ не держится, правда, съ такою послѣдовательностью гегелевской методы, какъ въ своихъ прежнихъ статьяхъ, и старается свои доказательства основывать на реальной почвѣ, на фактахъ, наблюденіяхъ, аналогіяхъ жизни человѣка съ жизнью растеній или животныхъ и пр.; но всѣ эти доказательства онъ употребляетъ для подтвержденія идей, въ сущности вполнѣ гипотетическихъ и не имѣющихъ никакихъ точныхъ, не подлежащихъ критикѣ основаній. Разница между Герценомъ 1847 и 1851 года заключается только въ томъ, что, оставаясь на той-же метафизической почвѣ, онъ перешелъ изъ одной крайности въ другую: подобно тому, какъ прежде онъ былъ метафизически и страстно очарованъ Европой, такъ теперь онъ впалъ въ столь-же метафизическое и страстное разочарованіе въ ней. Прежде онъ ожидалъ, что Европа не замедлитъ блистательно осуществить его любимыя идеи; теперь-же онъ началъ отвергать всякую возможность дальнѣйшаго прогреса въ Европѣ. Словомъ, онъ возвратился къ тридцатымъ годамъ, къ своей первой юности, когда онъ знакомился съ различными московскими шеллингистами, читалъ Одоевскаго, по всей вѣроятности, и лично съ нимъ бесѣдовалъ, увлекался сенсимонизмомъ, и въ головѣ его носились идеи о близкой кончинѣ западной цивилизаціи. Эти идеи всплыли теперь въ головѣ его съ новою силой, страстностью и аргументаціей.

Эта новая аргументація невольно подкупаетъ васъ. Формы европейской гражданственности, по мнѣнію Герцена, ея цивилизація, ея добро и зло разочтены по другой сущности, развились изъ иныхъ понятій, сложились по инымъ потребностямъ. До нѣкоторой степени формы эти, какъ все живое, были измѣняемы, но какъ все живое, измѣняемы до нѣкоторой степени; организмъ можетъ воспитываться, отклоняться отъ назначенія, прилаживаться къ вліяніямъ до тѣхъ поръ, пока отклоненія не отрицаютъ его особности, его индивидуальности, то, что составляетъ его личность; какъ скоро организмъ встрѣчаетъ такого рода вліянія, дѣлается борьба, и организмъ побѣждаетъ или гибнетъ. Явленіе смерти въ томъ и состоитъ, что составныя части организма получаютъ иную цѣль; онѣ не пропадаютъ; пропадаетъ личность, а онѣ вступаютъ въ рядъ совсѣмъ другихъ отношеній, явленій.

Подобнаго рода сравненія, на первый взглядъ, представляются остроумны и заманчивы. Но начните вдумываться въ нихъ, и вы увидите, что, съ одной стороны, здѣсь смѣшиваются понятія народнаго организма, формъ общественныхъ отношеній и цивилизаціи; съ другой стороны, въ основѣ лежитъ гипотеза весьма шаткая и до сихъ поръ недоказанная, именно та, что будто общественные организмы совершенно аналогичны съ животными и подчинены тѣмъ-же законамъ жизни и смерти. Еслибы даже подобная гипотеза и была доказана, то и въ такомъ случаѣ мы не имѣли-бы права судить о томъ, разлагается европейская цивилизація, или нѣтъ, имѣя въ рукахъ такое неопредѣленное мѣрило, какъ отношеніе сложившихся исторически формъ жизни къ пережитымъ идеямъ. Какъ ни худы эти формы, но люди къ нимъ привыкли, обжились въ нихъ; новыя-же идеи такъ недавно появились, что большинство даже и не знаетъ о ихъ существованіи; другіе такъ мало еще вникли въ нихъ, что скользятъ по нимъ поверхностно, весьма смутно сознавая ихъ. Мы не знаемъ поэтому, что будетъ, когда люди такъ-же глубоко сознаютъ новыя идеи и такъ-же привыкнутъ къ нимъ, какъ они знаютъ и привыкли къ своимъ старымъ идеямъ. Если и тогда отжившія формы окажутся непоколебимы, дѣло другое; тогда, дѣйствительно, можно будетъ предвидѣть, что европейская цивилизація дальше не пойдетъ. Но до тѣхъ поръ всякое сужденіе объ этомъ будетъ крайне опрометчиво и фантастично. Съ другой стороны, тутъ надо взять и то во вниманіе, что новыя идеи, можетъ быть, не потому не находятъ немедленнаго осуществленія, что общественные организмы Европы дряхлы, а потому, что сами онѣ, эти идеи, находятся еще въ хаотическомъ броженіи, въ смутныхъ, гипотетическихъ гаданіяхъ и требуютъ огромной выработки, развитости, зрѣлости для того, чтобы имѣть возможность хоть какого-нибудь практическаго примѣненія къ жизни. Истинный скептикъ, стоящій вполнѣ на реальной почвѣ, непремѣнно долженъ принять все это въ соображеніе и воздержаться отъ преждевременныхъ гадательныхъ силлогизмовъ. Но идеалисты сороковыхъ годовъ поступали не такъ: хотя многіе изъ нихъ, въ томъ числѣ и Герценъ, возвысились до такой уже степени реализма, что отвергали цѣлесообразность, смотрѣли на жизнь, какъ на процессъ развитія, опредѣляющагося не цѣлью, къ которой это развитіе идетъ, а даннымъ моментомъ его въ совокупности со всѣми предшествовавшими причинами, вызвавшими этотъ моментъ; но рядомъ съ этимъ они требовали немедленнаго осуществленія своихъ высокихъ идеаловъ: природа должна была сойти, въ угоду имъ, со своего историческаго пути причинъ и слѣдствій и сейчасъ-же сдѣлаться храмомъ для ихъ возвышенныхъ идеаловъ; если она этого не дѣлала, идеалистъ тотчасъ-же выходилъ изъ терпѣнія и разражался проклятіями или противъ природы, или противъ самихъ идеаловъ. Если въ головѣ идеалиста разыгрывались великолѣпныя симфоніи, а на скрипкѣ онъ могъ производить одни только нестройные звуки, ему и въ голову не приходило, что ему надо было научиться играть: виновата оказывалась скрипка и онъ разбивалъ ее въ дребезги.

Естественно, что вполнѣ на почву фантазіи становится Герценъ, когда онъ переходитъ къ предсказаніямъ будущаго. По его мнѣнію, одно утѣшеніе и остается, что будущія поколѣнія выродятся еще больше, еще больше обмелѣютъ, обнищаютъ умомъ и сердцемъ, имъ уже и наши дѣла будутъ недоступны и наши мысли будутъ непонятны. Народы передъ паденіемъ тупѣютъ, ихъ пониманіе помрачается, они выживаютъ изъ ума, какъ эти Меровинги, зачинавшіеся въ развратѣ и кровосмѣшеніяхъ и умиравшіе въ ка-

комъ-то чаду, ни разу не пришедшіе въ себя; какъ аристократія, выродившаяся до болѣзненныхъ кретиновъ, измельчавшая въ ростѣ, исказившаяся въ чертахъ... и мѣщанская Европа изживетъ свою бѣдную жизнь въ сумеркахъ тупоумія, въ вялыхъ чувствахъ, безъ убѣжденій, безъ изящныхъ искусствъ, безъ мощной поэзіи. Слабыя, хилыя, глупыя поколѣнія протянутся какъ-нибудь до взрыва, до той или другой лавы, которая ихъ покроетъ каменнымъ покрываломъ и предастъ забвенію лѣтописей. А тамъ? А тамъ настанетъ весна, молодая жизнь закипитъ на ихъ гробовой доскѣ; варварство младенчества, полное неустроенныхъ, но здоровыхъ силъ, замѣнитъ старческое варварство; дикая, свѣжая мощь распахнется въ молодой груди новыхъ народовъ и начнется новый кругъ событій и третій томъ всеобщей исторіи. Основной тонъ его мы можемъ понять теперь. Онъ будетъ принадлежать соціальнымъ идеямъ. Соціализмъ разовьется во всѣхъ фазахъ своихъ до крайнихъ послѣдствій, до нелѣпостей. Тогда снова вырвется изъ титанической груди революціоннаго меньшинства крикъ отрицанія, и снова начнется смертная борьба, въ которой соціализмъ займетъ мѣсто нынѣшняго консерватизма и будетъ побѣжденъ грядущею, неизвѣстною намъ революціей... Вѣчная игра жизни, безжалостная смерть, неотразимая, какъ рожденіе, corsi e ricorsi исторіи, perpetuum mobile жизни.

Подобнаго рода гипотезы тѣмъ обольстительнѣе, что опровергнуть ихъ такъ-же невозможно, какъ и доказать. Происхожденіе ихъ совершенно аналогично съ образованіемъ всякаго рода суевѣрій. Случится, напримѣръ, съ вами неудача въ пятницу; приходитъ опять пятница и, вслѣдствіе ассоціаціи идей, вы ждете опять неудачи. Какъ докажу я вамъ, что предположеніе ваше вздоръ, что никакой неудачи не случится: вѣдь, положа руку на сердце, я и самъ не знаю, удачно-ли выйдетъ ваше предпріятіе; я могу только сказать, что если оно не удастся, то, конечно, не пятница будетъ въ этомъ виновата, но отъ тѣхъ или другихъ причинъ неудача все-таки возможна. Такъ и въ этомъ случаѣ: пришлось человѣчеству испытать однажды колосальную неудачу: палъ Римъ, погибла цѣлая цивилизація и смѣнилась варварствомъ. Подходитъ новая пятница, въ видѣ возникновенія новой цивилизаціи: люди и начинаютъ думать, по чистой ассоціаціи идей, что и съ новою цивилизаціей случится то-же: и она должна пасть и смѣниться новымъ варварствомъ. Ставши на почву реальнаго скептицизма, вы можете только пожать плечами на такое предположеніе: законы соціальной жизни такъ мало еще изслѣдованы, что не только-что гадать о томъ, какой путь изберетъ жизнь въ будущемъ, невозможно, трудно предсказать, что будетъ завтра. Очень можетъ быть, что и новая цивилизація погибнетъ; погибнетъ не потому, чтобы таковъ былъ удѣлъ всякой цивилизаціи, а по какимъ-нибудь своимъ, непредвидимымъ причинамъ, совершенно инымъ, не имѣющимъ ничего общаго съ причинами паденія древней цивилизаціи, а можетъ быть, и не погибнетъ; можетъ быть, самое понятіе о цивилизаціи сдѣлается совершенно инымъ, и та цивилизація, о паденіи которой мы трепещемъ, покажется нашимъ предкамъ дикимъ варварствомъ; будетъ, можетъ быть, и такое время, когда не только древняя, наша, но и цивилизація многихъ будущихъ вѣковъ сольется въ глазахъ будущихъ потомковъ въ одно темное пятно доисторическихъ временъ. Все это одни пустыя гаданья, не имѣющія тѣни положительности и совершенно равносильныя вопросу о томъ, можетъ-ли стукнуться о землю комета или не можетъ и что произойдетъ въ такомъ случаѣ. И въ наше время подобныя гаданія возможны, но мы не придаемъ имъ никакого значенія и допускаемъ ихъ, какъ игру ума послѣ сытнаго обѣда для легкаго пищеваренія. Но люди сороковыхъ годовъ ставили подобные вопросы на первый планъ; они мучили ихъ и отравляли имъ жизнь. Герценъ серьезно спорилъ съ Грановскимъ о томъ, можетъ-ли идея, въ своемъ развитіи въ общечеловѣческой цивилизаціи, вдругъ быть отодвинута назадъ геологическимъ переворотомъ, хвостомъ кометы, и начать развитіе съ начала, съ плѣсени на камняхъ. Герценъ доказывалъ, что это возможно; Грановскій и слышать не хотѣлъ о такой возможности; по его мнѣнію, еслибы и случилось кометѣ смести родъ человѣческій съ лица земли или раздробить землю на кусочки, идея продолжала-бы развиваться на другихъ планетахъ. Подобныя гаданія, въ свое время, были, если хотите, не безъ пользы, имѣли свое значеніе: они составляли противовѣсъ инымъ гипотезамъ, еще болѣе нелѣпымъ. Мысль наша пріучалась, посредствомъ нихъ, къ самостоятельности, независимости отъ космическихъ представленій отцовъ и дѣдовъ. Но эта польза простиралась только до тѣхъ предѣловъ, до какихъ предположенія оставались предположеніями; но разъ они принимали догматическій характеръ утвержденія, они становились столь-же вредны, какъ и тѣ преданія, въ противовѣсъ которыхъ они шли. Герценъ могъ сколько угодно гадать о паденіи европейской цивилизаціи, оставаясь на степени парадоксальной ироніи, подобной той, какую мы видѣли въ „Запискахъ доктора Крупова“. Но онъ серьезно проникся этою гипотезой, увѣровалъ въ нее, какъ въ нѣчто положительное, началъ пріурочивать къ ней каждый фактъ европейской жизни — изъ публициста сдѣлался пророкомъ-фаталистомъ. Такое превращеніе, которое только и можно себѣ объяснить вліяніемъ реакціи, не только отодвинуло Герцена назадъ отъ автора „Писемъ о природѣ“ къ автору писемъ къ Витбергу и сценаріямъ, но еще дальше — къ квіэтизму кружка Станкевича. Въ самомъ дѣлѣ, послѣдовательный выводъ изъ гипотезы паденія цивилизаціи есть отрѣшеніе отъ всякихъ интересовъ жизни. Если вы разъ убѣждены, что міръ, окружающій васъ, гніетъ, рушится, мельчаютъ интересы, люди, а высокія стремленія, сохранившіяся отъ прежнихъ лѣтъ, остаются безплодными среди всеобщаго разложенія, то, конечно, вамъ только и остается, что или бѣжать изъ этого чада, или, сложивши руки, безстрастно наблюдать процесъ гніенія. Герценъ, по крайней мѣрѣ теоретически, къ такому результату и приходитъ. По его мнѣнію, слѣдуетъ выйти вонъ изъ душной комнаты, гдѣ оканчивается длинная, бурная жизнь, выйти на чистый воздухъ изъ тяжелой, заразительной атмосферы, на поле изъ больничной палаты. Много найдется мастеровъ бальзамировать покойника; еще больше червей, которые поживутъ на

счетъ гнили. Слѣдуетъ оставить имъ трупъ не потому, что они хуже или лучше насъ, а потому, что они этого хотятъ; а Герценъ не хочетъ, потому что они въ этомъ живутъ, а онъ страдаетъ.

Такъ и мудрѣйшіе изъ римлянъ сошли совсѣмъ со сцены, и превосходно сдѣлали. Они разсѣялись по берегамъ Средиземнаго моря, пропали для другихъ въ безмолвномъ величіи скорби, но не пропали для себя, и черезъ пятнадцать столѣтій мы должны сознаться, что собственно они были побѣдители—они, единственные, свободные и мощные представители независимой личности человѣка, его достоинства. Они были люди, ихъ нельзя было считать поголовно, они не принадлежали къ стаду и не хотѣли лгать, а не имѣя съ симъ ничего общаго, отошли и пр.

Подобнаго рода квіэтизмъ, въ сущности, ничѣмъ не отличается отъ квіэтизма тѣхъ московскихъ философовъ, противъ которыхъ Герценъ нѣкогда возсталъ съ такою энергіей. Въ самомъ дѣлѣ, не все-ли равно, во имя чего складывать на груди руки: во имя-ли примиренія противорѣчій жизни въ отвлеченномъ мышленіи, или во имя сознанія непримиримости ихъ вслѣдствіе гнилости окружающаго насъ міра?

XIII.

Впрочемъ, слѣдуетъ замѣтить, что подобнаго рода квіэтизмъ оставался у Герцена всегда только въ теоріи; это былъ слишкомъ живой, увлекающійся и энергическій человѣкъ, чтобы оставаться, сложа руки, въ безстрастномъ созерцаніи и холодныхъ резонерствахъ тамъ, гдѣ жизнь слишкомъ громко заявляла себя: онъ откладывалъ, въ такомъ случаѣ, въ сторону свои теоріи о мудрѣйшихъ римлянахъ съ ихъ безмолвнымъ величіемъ скорби и вмѣшивался въ толпу, проникаясь ея реальными, насущными интересами, хотя самъ онъ, высоко цѣня свои рефлексіи, смотрѣлъ, какъ на слабость характера, на такія жизненныя отступленія отъ своихъ теорій. Впрочемъ, и въ теоріи онъ не могъ долго оставаться въ торричеліевой пустотѣ мудрѣйшихъ римлянъ. Это былъ только первый ударъ реакціи, отъ котораго въ глазахъ его все потемнѣло. Но вскорѣ потомъ онъ очнулся отъ этого удара, горизонтъ его мысли освѣтился новыми вѣрованіями и упованіями. Не найдя осуществленія своихъ идеаловъ въ Европѣ, онъ началъ ожидать этого отъ Россіи. Въ Россіи онъ началъ видѣть тѣхъ варваровъ, которые идутъ на смѣну падающей цивилизаціи. Здѣсь опять, по всей вѣроятности, вспомнились ему тридцатые годы, Одоевскій, споры съ славянофилами... Но было-бы совершенно неосновательно въ подобныхъ теоріяхъ Герцена видѣть его полную солидарность съ славянофилами и думать, что Герценъ послѣ 1848 г. сдѣлался вполнѣ приверженцемъ этого ученія. Герценъ сходился съ славянофилами только въ томъ, что Европа гніетъ и будущее принадлежитъ Россіи, но за этими общими основаніями Герценъ и славянофилы расходились совершенно въ двѣ противоположныя стороны: славянофилы опирались, въ доказательствахъ своей теоріи, на сравненіи исторически выработанныхъ формъ общественнаго быта на Западѣ и у насъ. Они находили, что формы до-петровской Россіи гораздо лучше формъ западной жизни. Поэтому, они и убѣждали перестать пересаживать съ Запада на нашу почву вредныя формы, а обратиться къ началамъ до-петровской жизни. При этомъ они не ограничились отрицаніемъ формъ западной жизни; они шли далѣе: въ самыхъ философскихъ и соціальныхъ ученіяхъ Запада, во всѣхъ послѣднихъ выводахъ европейской мысли они не находили ничего творческаго, благотворнаго, ничего не видѣли, какъ только старческое отрицаніе всѣхъ старыхъ формъ и вѣрованій западной жизни, ведущее къ разочарованію, душевной пустотѣ и отсутствію всякой энергіи въ жизни. На этомъ основаніи они отвергали и всѣ результаты западной мысли; по ихъ мнѣнію, всякое увлеченіе какимъ-нибудь западнымъ ученіемъ есть уже зараза, такое-же растлѣніе, какъ принятіе въ здоровый организмъ матеріи гніющаго трупа. Такимъ образомъ, не только формы общественной жизни, но и самая мысль Россіи должна быть совершенно самостоятельна и, опять-таки, основана на началахъ чисто-народной стихіи до-петровской Руси. Такимъ образомъ, славянофилы проповѣдывали вовсе не преемственность цивилизаціи, а созданіе для Россіи новой цивилизаціи, нисколько не похожей на европейскую: та не удалась, растлѣвается, зачѣмъ что-нибудь перенимать—давайте строить снова, по своему, пользуясь европейскимъ опытомъ только отрицательно, т.-е. избѣгая ошибокъ, которыя привели Европу къ гибели. Герценъ-же стоялъ на точкѣ зрѣнія, именно, преемственности; славянофилы смотрѣли назадъ, а онъ впередъ; они требовали возвращенія къ старымъ формамъ русской жизни, Герценъ-же отрицалъ ихъ, и не только-что за ихъ негодностью, отрицалъ самое ихъ существованіе, такъ что, по его мнѣнію, возвращаться-то совершенно не къ чему. Россія, по его мнѣнію, является совсѣмъ особеннымъ міромъ, съ своимъ естественнымъ бытомъ, съ своимъ физіологическимъ характеромъ—не европейскимъ, не азіатскимъ, а славянскимъ. Она участвуетъ въ судьбахъ Европы, не имѣя ея историческихъ преданій, свободная отъ ея обязательствъ прошедшему. Какое счастіе, сказалъ Бентамъ Александру I-му, когда онъ былъ въ Лондонѣ послѣ наполеоновскихъ войнъ, что русскому законодателю не приходится бороться на каждомъ шагу съ римскимъ правомъ; къ этому слѣдуетъ прибавить: ни съ феодализмомъ, ни съ католицизмомъ, ни съ протестантизмомъ. Кормчая книга и уложеніе не захватываютъ всѣхъ проявленій жизни, не направляютъ всякимъ дѣйствіемъ, остальныя учрежденія введены насиліемъ и держатся насиліемъ. У насъ нигдѣ нѣтъ этихъ наглухо заколоченныхъ предразсудковъ, которые у западнаго человѣка какъ параличемъ отбиваютъ половину органовъ. Въ основѣ народной жизни лежитъ сельская община — съ раздѣленіемъ полей, съ коммунистическимъ владѣніемъ землей, съ выборнымъ управленіемъ, съ правомѣрностью каждаго работника (тягла). Все это находится въ состояніи подавленномъ, искаженномъ, но все это живо и пережило худшую эпоху. Въ то время, какъ славянофилы ничего не видѣли въ результатахъ европейской мысли, кромѣ признака растлѣнія западной цивилизаціи, Герценъ, наоборотъ, въ нихъ-то, именно, и видѣлъ все

будущее. По его мнѣнію, Европа не оттого гніетъ, что пришла къ подобнымъ результатамъ, а потому, что безсильна воплотить ихъ въ жизнь, что Россіи очень легко исполнить, несвязанной ничѣмъ съ прошедшимъ. Такимъ образомъ, съ точки зрѣнія Герцена, все несчастіе Европы заключается, именно, въ томъ самомъ упорномъ консерватизмѣ всѣхъ европейскихъ партій относительно сохраненія во что-бы то ни стало старыхъ формъ жизни, за который стоятъ славянофилы, который они желали-бы утвердить и въ Россіи.

Герценъ, впрочемъ, самъ нерѣдко входилъ въ опроверженія славянофильскихъ теорій. По его мнѣнію, ошибка славянъ состоитъ въ томъ, что имъ кажется, что Россія имѣла когда-то свойственное ей развитіе, затемненное разными событіями и, наконецъ, петербургскимъ періодомъ. Россія никогда не имѣла этого развитія и не могла имѣть. То, что приходитъ теперь къ сознанію у насъ, то, что начинаетъ мерцать въ мысли, въ предчувствіи, то, что существовало безсознательно въ крестьянской избѣ и на полѣ—то теперь только всходитъ на пажитяхъ исторіи, утучненныхъ кровью, слезами и потомъ двадцати поколѣній. Эти основы нашего народнаго быта — не воспоминанія, а живыя стихіи, существующія не въ лѣтописяхъ, а въ настоящемъ; но онѣ только уцѣлѣли подъ труднымъ историческимъ выработываніемъ государственнаго существа и подъ государственнымъ гнетомъ потомъ сохранились, но не развились. Сомнительно, нашлись-ли бы внутреннія силы для ихъ развитія безъ петровскаго періода, европейскаго образованія. Непосредственныхъ основъ было недостаточно. Въ Индіи до сихъ поръ и спокон вѣка существуетъ сельская община, очень сходная съ нашею и основанная на раздѣлѣ полей; однако, индусы съ нею недалеко ушли. Одна мощная мысль Запада, къ которой примыкаетъ вся длинная исторія его, въ состояніи оплодотворить зародыши, дремлющіе въ патріархальномъ быту славянскомъ. Артель и сельская община, раздѣлъ прибытка и раздѣлъ полей, мірская сходка и соединеніе селъ въ волости, управляющіяся сами собой — все это краеугольные камни, но все-же камни... и безъ западной мысли нашъ будущій соборъ остался-бы при одномъ фундаментѣ.

Большая часть сочиненій Герцена, слѣдующихъ за брошурой „Съ того берега", представляетъ развитіе этихъ основныхъ идей, на которыхъ Герценъ остановился, какъ мы сказали выше, послѣ 1848 года. Таковы „Старый міръ и Россія", „Le developpement des idées révolutionnaires en Russie", „Peuple Russe et le socialilsme", „Концы и начала" и пр. При этомъ надо отдать справедливость всѣмъ этимъ сочиненіямъ, что хотя-бы вы и были несогласны съ основными идеями ихъ, хотя-бы вы ихъ считали вполнѣ гадательными и метафизическими, тѣмъ не менѣе, сочиненія эти имѣютъ и свои неотъемлемыя достоинства. Анализъ европейской жизни который Герценъ дѣлаетъ для подтвержденія своихъ гадательныхъ выводовъ, самъ по себѣ, во всякомъ случаѣ, поражаетъ васъ своею мѣткостью, проницательностью и глубиной, хотя-бы вы и не соглашались съ выводами этого анализа. Это чисто прудоновскій анализъ, основанный на томъ-же самомъ методѣ раскрытія противорѣчій. Онъ имѣетъ и значеніе, совершенно аналогичное съ анализомъ Прудона: сила того и другого чисто отрицательная. Какъ Прудонъ, такъ и Герценъ до тѣхъ поръ только на своей почвѣ, пока они, раскрывая противорѣчія во всѣхъ существующихъ формахъ жизни, убѣждаютъ васъ въ ихъ несостоятельности. Положительная-же сторона анализа, выводы изъ него, у обоихъ одинаково слабы, метафизичны, гадательны. Вставши на такую точку зрѣнія на сочиненія Герцена, вы можете согласиться во многомъ съ Герценомъ, но, вмѣсто того, чтобы выводить изъ его анализа заключеніе о паденіи всей цивилизаціи, полномъ разложеніи европейскаго міра, вамъ слѣдуетъ остановиться на томъ предположеніи, что современная исторія Европы представляетъ такое-же разложеніе формъ старой жизни, какое было въ XV вѣкѣ въ той-же Европѣ, не предрекая преждевременно, что выйдетъ изъ этого разложенія. Впрочемъ, и въ этомъ отношеніи Герценъ предупреждаетъ васъ. Онъ не всегда въ своихъ гаданіяхъ о кончинѣ европейскаго міра держится того историческаго тона, какой преобладаетъ въ брошурѣ „Съ того берега". Иногда на него находили минуты просвѣтлѣнія и изъ утвердительнаго тона онъ переходилъ въ предположительный, допускалъ частицу *если*. Въ одномъ изъ своихъ писемъ, онъ самъ называетъ взглядъ брошуры „Съ того берега" болѣзненнымъ, страстнымъ, личнымъ.

Подобная болѣзненность объясняется вполнѣ печальнымъ положеніемъ, въ которомъ находился Герценъ, начиная съ 1848 года и до 1856 г. Это положеніе сдѣлалось еще печальнѣе, когда онъ, потерявши въ одинъ годъ мать, сына, наконецъ, жену—поселился, въ 1852 году, въ Лондонѣ на долгое житье.

Онъ былъ униженъ, по его собственнымъ словамъ. Самолюбіе его было оскорблено, онъ сердился на самого себя. Совѣсть угрызала за святотатственную порчу горести, за годъ суеты, и онъ чувствовалъ страшную, невыносимую усталь... Ему была нужна тогда грудь друга, которая приняла-бы безъ суда и осужденія его исповѣдь, была-бы несчастна его несчастіемъ; но кругомъ стлалась больше и больше пустыня, никого близкаго... ни одного человѣка... Онъ не думалъ прожить въ Лондонѣ дольше мѣсяца, но, мало-по-малу, сталъ разглядывать, что ему рѣшительно некуда ѣхать и незачѣмъ. Такого отшельничества онъ нигдѣ не могъ найти, какъ въ Лондонѣ...

Вотъ онъ и зажилъ въ Лондонѣ, въ печальномъ уединеніи, чужой и ненужный никому среди лондонской суеты, отрѣзанный непроходимою стѣной отъ родины. Съ ужасомъ глядѣлъ онъ на усиливавшуюся реакцію въ Европѣ, на дошедшую до геркулесовыхъ столбовъ реакцію въ Россіи. Началась крымская война. Повсюду кругомъ начали раздаваться воинственные крики. И между тѣмъ, какъ европейскіе публицисты наперерывъ другъ передъ другомъ проповѣдывали крестовый походъ противъ новыхъ варваровъ, грозящихъ завоевать Европу, Герценъ какъ будто нарочно, въ разрѣзъ господствующему настроенію европейской публицистики, въ это-то самое время началъ печатать въ „The English Republic" свои письма къ редактору этого обозрѣнія В. Линтону о преимуществахъ Россіи передъ Европой, о ея призваніи смѣ-

нить на пути цивилизаціи дряхлѣющій міръ („Старый міръ и Россія"). Брань и насмѣшки посыпались тогда со всѣхъ сторонъ на Герцена отъ нѣмецкихъ и англійскихъ публицистовъ. Одни говорили, что въ этихъ письмахъ Герценъ ставитъ въ образецъ и идеалъ—крѣпостное состояніе; другіе обвиняли Герцена въ предположеніи завоевать не только Константинополь, но и Вѣну; третьи считали ложью и выдумкой все сказанное Герценомъ о сельской общинѣ. „Онъ дошелъ до того—восклицаетъ одинъ изъ публицистовъ—что даже въ устройствѣ украинскихъ казаковъ старается показать начала демократическія, почти республиканскія".

Такъ тянулась жизнь Герцена до 1855 года, когда рядъ вѣстей, внезапно нахлынувшихъ изъ Россіи, одна другой свѣтлѣе и радостнѣе, возбудили въ Герценѣ новый энтузіазмъ, удесятерили, какъ онъ выражается, надежды и силы. Здѣсь начинается новый и послѣдній періодъ дѣятельности Герцена. Подробное разсмотрѣніе этого періода не входитъ въ наше обозрѣніе, имѣющее цѣлью лишь очертить предѣлы развитія мысли въ передовыхъ кружкахъ нашего общества 40-хъ годовъ и обозначить три грани этого развитія. Мы ограничимся только нѣсколькими замѣчаніями касательно общаго характера убѣжденій Герцена въ этотъ послѣдній періодъ его жизни.

Этотъ періодъ ознаменовался, какъ извѣстно, изданіемъ „Колокола". Изданіе „Колокола" навлекло на Герцена всего болѣе обвиненій въ безплодномъ агитаторствѣ, въ растлѣніи цѣлаго поколѣнія. О немъ составилось понятіе, какъ о революціонерѣ, который ни о чемъ болѣе не мечтаетъ, какъ о разрушеніи всякаго порядка, семьи, собственности, о пролитіи морей крови и пр...

Я не буду входить въ разбирательство причинъ составленія о Герценѣ подобнаго мнѣнія, предоставляя это дѣло исторіи. Я ограничиваюсь только указаніемъ читателямъ на то бьющее въ глаза противорѣчіе, что именно въ то время, когда о Герценѣ составлялось подобное мнѣніе, онъ высказывалъ самыя умѣренныя убѣжденія. Для примѣра достаточно представить отношеніе Герцена къ тремъ слѣдующимъ другъ за другомъ фазамъ броженія 60-хъ годовъ.

Въ первый періодъ броженія на главномъ планѣ стоялъ крестьянскій вопросъ. Общество было исполнено смутныхъ тревогъ. Люди самыхъ противоположныхъ партій ждали, что этотъ вопросъ разрѣшится потрясеніемъ всего общественнаго строя. Между тѣмъ, Герценъ въ это время съ свѣтлымъ энтузіазмомъ привѣтствовалъ въ своемъ „Колоколѣ" начинанія правительства. Онъ доказывалъ, что разрѣшеніе этого вопроса правильно, т.-е. съ надѣломъ землей, не только не можетъ повести къ революціи, а еще болѣе привяжетъ народъ къ правительству. Со всѣхъ сторонъ сыпались къ нему письма, обвинявшія его въ умѣренности. Отъ него ждали какой-нибудь революціонной программы. Но Герценъ отвѣчалъ на всѣ эти обвиненія и ожиданія, что увидѣвши, что на знамени новаго движенія въ Россіи стоитъ не конституція, не республика, не парламентъ, не муниципальная свобода, не война съ Австріей, не завоеваніе Турціи, а освобожденіе крестьянъ съ землей—онъ бросилъ все и прилѣпился къ этому жизненному вопросу для Россіи, что въ этомъ причина всего успѣха „Колокола". Если же среди распрей, споровъ и общественной борьбы изъ-за крестьянскаго вопроса, „Колоколъ" сталъ бы звонить всемірной республикѣ о солидарности народовъ, то читатели „Колокола" не замедлили бы сказать: что вы намъ толкуете о всемірной республикѣ, которой нигдѣ нѣтъ, о братствѣ народовъ, которые вездѣ рѣжутся; мы все это читали въ Руссо и Вольтерѣ, въ исторіи первой революціи и газетахъ 1848 года. У насъ теперь забота растолковать, что такое усадебная земля и сколько десятинъ пашни дать крестьянину—ну, гдѣ же читать ваши декламаціи?

Послѣ того началась эпоха прокламацій и красныхъ призраковъ. Герценъ не замедлилъ осмѣять составителей прокламацій. Онъ сравнилъ ихъ съ дѣтьми, которыхъ восхищаетъ терроръ революцій, какъ дѣтей—терроръ сказокъ съ своими чародѣями и чудовищами. При этомъ онъ категорически объявилъ, что онъ давно разлюбилъ обѣ чаши, полныя крови, статскую и военную, и равно не хочетъ пить изъ черепа боевыхъ враговъ, ни видѣть голову герцогини Ламбаль на пикѣ, что какая бы кровь ни текла, гдѣ-нибудь текутъ слезы, что французскій терроръ всего менѣе возможенъ у насъ, такъ-какъ у насъ нѣтъ ни новыхъ догматовъ, ни кровавыхъ катехизисовъ для оглашенія; нашъ переворотъ долженъ начаться съ сознательнаго возвращенія къ народному благу, къ началамъ, признаннымъ народнымъ смысломъ и вѣковымъ обычаемъ. Закрѣпляя право каждаго на землю, т.-е. объявляя землю тѣмъ, чѣмъ она есть—*неотъемлемою стихіей*, мы только подтверждаемъ и обобщаемъ народное понятіе объ отношеніи человѣка къ землѣ. Отрекаясь отъ формъ, чуждыхъ народу, втѣсненныхъ ему полтора вѣка назадъ, мы продолжаемъ прерванное и отклоненное развитіе, вводя въ него новую силу мысли, науки. Наконецъ, пока фактически земля подъ нимъ, народъ не подымется. Для народа подняться трудно; это не рискъ своимъ лицомъ, не каторга, не палачи, а полное разореніе семьи, невспаханное поле, голодныя дѣти, саранча постоя...

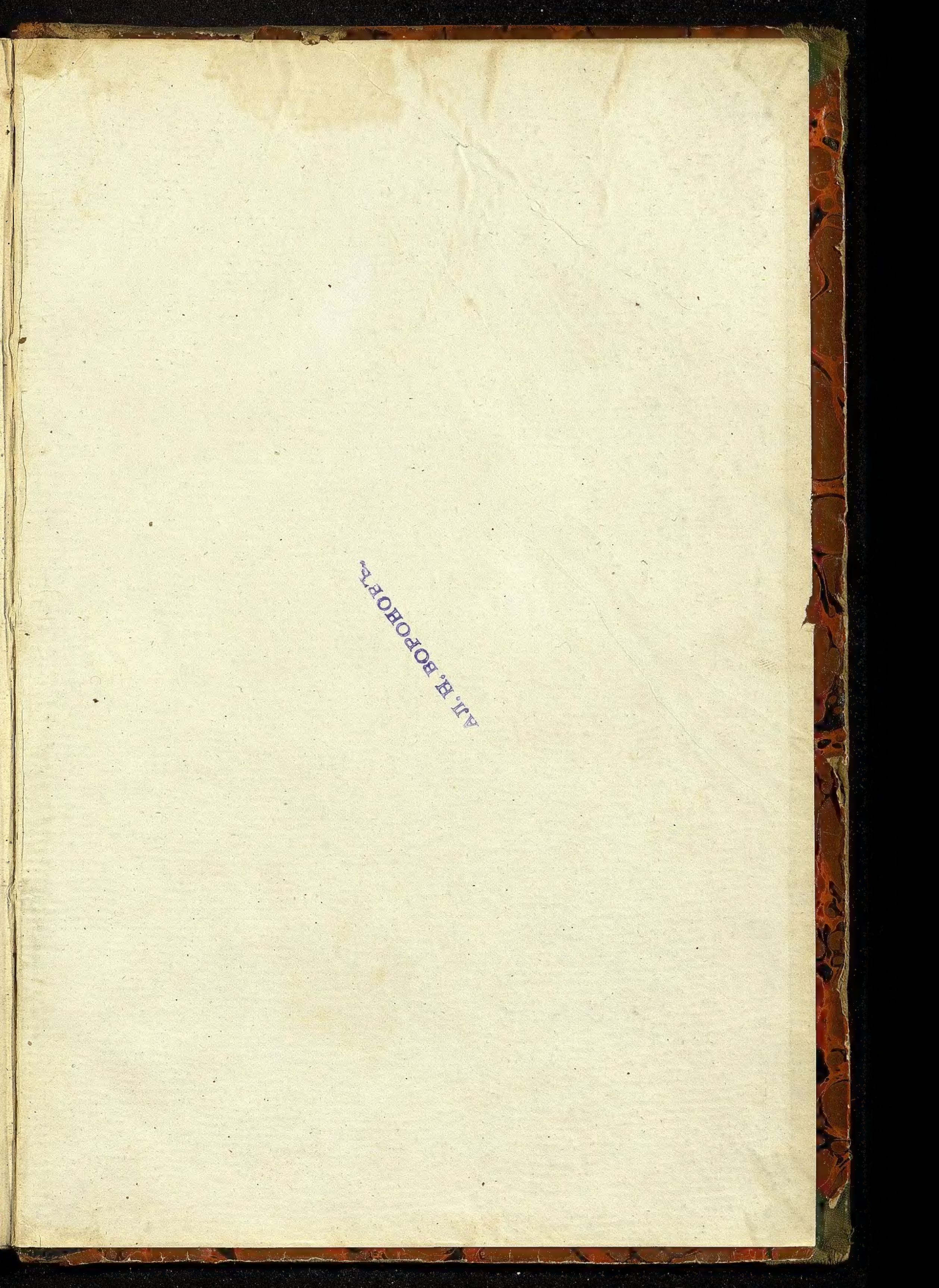
Совершенно на такихъ же основаніяхъ возсталъ впослѣдствіи Герценъ и противъ крайнихъ западныхъ коммунистовъ въ своихъ „Письмахъ къ старому товарищу", напечатанныхъ въ сборникѣ посмертныхъ статей А. И. Герцена. По мнѣнію Герцена, если понятія государства, суда, сильны и крѣпки, то еще крѣпче укоренены понятія о семьѣ, о собственности, о наслѣдствѣ. Отрицаніе собственности само по себѣ безсмыслица; видоизмѣненіе ея, въ родѣ перехода изъ личной въ коллективную, неясно и неопредѣленно. Крестьянину на Западѣ такъ же необходимо привилась его любовь къ своей землѣ, какъ въ Россіи легко понимается крестьянствомъ общинное владѣніе. Собственность, и особенно поземельная, для западнаго человѣка представлялась освобожденіемъ, его самобытностью, его достоинствомъ и величайшимъ гражданскимъ значеніемъ. Можетъ быть, онъ убѣдится въ невыгодѣ безпрестанно крошащихся и дробныхъ участковъ и въ выгодѣ свободнаго хозяйства, общинныхъ запашекъ полей; но какъ же его „безъ пристрастія" уломать, чтобъ онъ сперваначала отказался

отъ вѣками взлелѣянной мечты, которою онъ жилъ и тѣшился и которая дѣйствительно поставила его на ноги, прикрѣпила къ нему землю, къ которой онъ былъ прежде крѣпокъ. Вопросъ о наслѣдствѣ, по мнѣнію Герцена, еще труднѣе. Кромѣ холостыхъ фанатиковъ, въ родѣ монаховъ, раскольниковъ, икаріанъ и пр., никакая масса не согласится на безусловное отреченіе отъ права завѣщать какую-нибудь часть достоянія своимъ наслѣдникамъ. Въ худшемъ человѣческомъ положеніи, у дворовыхъ крѣпостныхъ людей, были кое-какія тряпки, которыя они оставляли своимъ и которыя почти никогда не отбирались помѣщиками. Отымите у самаго бѣднаго мужика право завѣщать—и онъ возьметъ колъ въ руки и пойдетъ защищать своихъ, свою семью и свою волю... Въ заключеніе Герценъ выражаетъ то мнѣніе, что дикіе призывы къ тому, чтобы закрыть книги, оставить науку и идти на какой-то безсмысленный бой разрушенія принадлежитъ къ самой неистовой демагогіи и къ самой вредной, что за ними прямо слѣдуетъ разнузданіе дикихъ страстей, le dechainement des mauvaises passions, что этими словами мы шутимъ, нисколько не считая, насколько они вредны для дѣла, для слушающихъ.

Всѣ подобныя мнѣнія какъ-то весьма трудно вяжутся съ понятіемъ о Герценѣ, какъ объ агитаторѣ-революціонерѣ, жаждущемъ взрывовъ и насильственныхъ переворотовъ. Намъ кажется, что Герценъ былъ чистѣйшій идеалистъ сороковыхъ годовъ, который половину жизни провелъ въ рефлексіяхъ, главная сила котораго заключалась въ разлагающей критикѣ, которою онъ перемалывалъ все, подвергавшееся его наблюденіямъ, не щадя ни друзей, ни враговъ, ни старыя, ни новыя явленія жизни.

Въ то же время и мысль, что онъ сдѣлался такимъ только подъ конецъ жизни, при чемъ, по мнѣнію однихъ, онъ отрезвѣлъ и исправился, а по мнѣнію другихъ, отсталъ подъ гнетомъ старости—такая мысль, въ свою очередь, лишена основанія. Онъ былъ почти однимъ и тѣмъ же, начиная съ 1848 года. Для примѣра, достаточно сравнить его характеристику русскихъ эмигрантовъ, писанную подъ конецъ жизни, съ тѣмъ, что онъ писалъ въ пятидесятыхъ еще годахъ объ эмигрантахъ сороковыхъ годовъ—французскихъ, нѣмецкихъ и русскихъ (Сазоновѣ, Энгельгардтѣ). Не мѣшаетъ также сравнить его полунасмѣшливую характеристику современныхъ развитыхъ женщинъ, помѣщенную имъ въ „Полярной Звѣздѣ“ за 1869 г., съ тѣмъ, что писалъ онъ о разныхъ женщинахъ сороковыхъ годовъ во 2-й части „Былое и Думы“. Герценъ самъ о себѣ сказалъ совершенно справедливо, что съ іюньскихъ дней (1848) началась послѣдняя часть его жизни.

КОНЕЦЪ ПЕРВАГО ТОМА.


АЛ. Н. ВОРОНОВЪ